

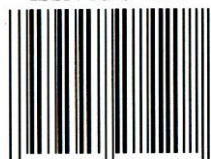
АГРАРНОЕ И ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

2025

№ 9

- *Боголюбов С.А.* Организация и осуществление благоустройства по муниципальному, градостроительному и экологическому законодательству
- *Самончик О.А.* Возмещение убытков при изъятии недвижимости для государственных или муниципальных нужд: некоторые проблемы правоприменения
- *Мисник Г.А.* О трансформации моделей права собственности на землю в современных условиях
- *Анисимов А.П.* Правовой режим строительных отходов
- *Баттахов П.П.* Государственное регулирование экономико-социального направления на территории Арктики
- *Елисеев В.С.* Направления развития особенной части аграрного права (на примере сельскохозяйственной микробиологии)
- *Ибрагимов К.Х., Ибрагимов А.К.* Некоторые вопросы правовой защиты земель сельскохозяйственного назначения в условиях цифровизации
- Другие материалы

ISSN 1815-1329

9 771815 132774

АГРАРНОЕ И ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО 2025. № 9 Федеральный научный юридический ежемесячный журнал	AGRARIAN AND LAND LAW 2025. № 9 Federal scientific juridical monthly journal
Учредитель: <u>А.И. Бобылев</u> Издатель: Издательство «Право и государство пресс» Главный редактор: <i>Н.А. Духно – доктор юридических наук, профессор (Москва)</i> Ответственный редактор: <i>С.В. Зубкова (Москва)</i> Редакционный совет: <i>А.П. Анисимов – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>Е.М. Ашмарина – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>Б.Б. Бидова – д.ю.н., доцент (Грозный),</i> <i>С.А. Боголюбов – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>О.В. Болтинова – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>В.А. Власов – к.ю.н., доцент (Красноярск),</i> <i>Г.А. Волков – д.ю.н., доцент (Москва),</i> <i>Н.А. Волкова – к.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>Б.А. Воронин – д.ю.н., профессор (Екатеринбург),</i> <i>Н.А. Духно – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>Н.Г. Жаворонкова – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>В.Н. Жуков – д.ю.н., д.ф.н., профессор (Москва),</i> <i>А.И. Землин – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>Н.М. Золотухина – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>В.И. Ивакин – к.ю.н., доцент (Москва),</i> <i>П.А. Калинин – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>В.В. Комарова – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>В.М. Корякин – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>М.А. Лапина – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>В.Е. Лукьяненко – д.ю.н., профессор (Ульяновск),</i> <i>А.В. Малько – д.ю.н., профессор (Саратов),</i> <i>И.М. Мацкевич – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>Г.А. Мисник – д.ю.н., доцент (Москва),</i> <i>Т.А. Полякова – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>Г.А. Прокопович – д.ю.н., доцент (Москва),</i> <i>В.М. Редкоус – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>Н.А. Соколова – д.ю.н., доцент (Москва),</i> <i>Р.Ф. Степаненко – д.ю.н., профессор (Казань),</i> <i>В.В. Устюкова – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>Г.Г. Файзуллин – к.ю.н., доцент (Уфа)</i> <i>Е.А. Фролова – д.ю.н. (Москва)</i> <i>О.А. Шевченко – д.ю.н., доцент (Москва)</i>	Constitutor: <u>A.I. Bobylev</u> Publisher: Publishing house «Law and state press» Chief editor: <i>N.A. Dukhno – Doctor of Law, Professor (Moscow)</i> The editor-in-chief: <i>S.V. Zubkova (Moscow)</i> Editorial council: <i>A.P. Anisimov – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>E.M. Ashmarina – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>B.B. Bidova – Doctor of Law, Associate Professor (Grozny),</i> <i>S.A. Bogolyubov – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>O.V. Boltinova – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>V.A. Vlasov – Candidate of Law Associate Professor (Krasnoyarsk)</i> <i>G.A. Volkov – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)</i> <i>N.A. Volkova – Candidate of Law, Professor (Moscow),</i> <i>B.A. Voronin – Doctor of Law, Professor (Yekaterinburg),</i> <i>N.A. Dukhno – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>N.G. Zhavoronkova – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>V.N. Zhukov – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>A.I. Zemlin – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>N.M. Zolotukhina – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>V.I. Ivakin – Candidate of Law Associate Professor (Moscow)</i> <i>P.A. Kalinichenko – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>V.V. Komarova – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>V.M. Koryakin – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>M.A. Lapina – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>V.E. Lukyanenko – Doctor of Law, Professor (Ulyanovsk),</i> <i>A.V. Malko – Doctor of Law, Professor (Saratov),</i> <i>I.M. Matskevich – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>G.A. Misnik – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)</i> <i>T.A. Polyakova – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>G.A. Prokopovich – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)</i> <i>V.M. Redkous – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>N.A. Sokolova – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow),</i> <i>R.F. Stepanenko – Doctor of Law, Professor (Kazan),</i> <i>V.V. Ustyukova – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>G.G. Fayzullin – Candidate of Law, Associate Professor (Ufa)</i> <i>E.A. Frolova – Doctor of Law (Moscow)</i> <i>O.A. Shevchenko – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)</i>
Зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № 77-17837 от 22 марта 2004 г. Адрес редакции и издателя: 141075, Россия, Московская область, г. Королев, Дворцовый проезд, д. 4, кв. 230 E-mail: prigos@mail.ru; www.prigospres.ucoz.ru. Тел./факс: 8-498-602-92-34; 8-926-653-70-20 Журнал включён Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки РФ в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), CrossRef (DOI). Награждён Знаком отличия «Золотой фонд прессы – 2008» При подписке данные о журнале можно найти в Каталоге «Периодических изданий. Газеты и журналы». Подписка 2025. Второе полугодие. Наш индекс 11194. За достоверность и точность данных, приведённых в статье, ответственность несут авторы статей и других материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. © Издательство «Право и государство пресс», 2025 (16+)	

СОДЕРЖАНИЕ 2025 № 9

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Ладенков Н.Е.</i> Цифровая подсистема права: зарождение и проявление.....	8
<i>Усманова Е.Ф., Коровина Д.А.</i> Презумпция согласия на трансплантацию органов и тканей: понятие и правовое регулирование.....	13
<i>Гацко М.Ф.</i> Ротация государственных служащих в Российской империи.....	17
<i>Капсаргина С.А., Гришина И.И., Цхай И.И.</i> Проблемы формирования иноязычной компетенции у студентов магистратуры в неязыковом вузе.....	20
<i>Литвинова В.С.</i> Организация профилактических мероприятий в системе высшего образования.....	24
<i>Рыжик А.В.</i> Юриспруденция как холистический синтез научных и ненаучных знаний.....	26
<i>Богатырев М.Р.</i> История становления научной мысли об экстраординарном правовом регулировании в России в дореволюционный период.....	30
<i>Тураева Д.С.</i> Правовое регулирование демографической функции советского государства (1955-1990 гг.).....	34
<i>Яковлев А.Ю.</i> Внутренние документы сельских и городских религиозных организаций как источники права: анализ исторически сложившейся практики.....	39
<i>Галда М.В.</i> Гражданская оборона в системе функций современного российского государства.....	43
<i>Овинников В.А.</i> Комплексные правовые образования в системе российского права.....	46
<i>Альханов Н.М., Исипова Л.Р.</i> Персональные данные и частная жизнь как объекты правовой защиты.....	52
<i>Дадаева М.С.</i> Концепция общего блага в современном правовом государстве.....	56
<i>Кузьменко В.И.</i> «Наказ» Екатерины II и попытка синтеза европейского просвещения с традиционными ценностями российской правовой системы.....	59
<i>Бидова Б.Б., Бондарь И.А., Урусов З.Х.</i> Правовые инструменты противодействия искажению и фальсификации истории: дискуссионные аспекты.....	62
<i>Овинников В.А.</i> Значение кодификации в развитии современной системы Российского законодательства.....	65
<i>Карданов Х.Б., Табухов Д.З.</i> Переселенческая политика российского самодержавия на Северном Кавказе в XIX - начале XIX века (по материалам полного собрания законов Российской Империи).....	71
<i>Пьянусов А.В.</i> Историко-правовой анализ деятельности государственной пожарной службы в России.....	75
<i>Галда М.В.</i> Генезис развития правовых основ обеспечения национальной безопасности России.....	78
<i>Назарова И.С.</i> К вопросу о сущности догосударственных регуляторов общественных отношений на Руси.....	82
<i>Шеншина Л.А.</i> Понятие и сущность социального сиротства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.....	85
<i>Пузилов Р.В., Пучнин В.М.</i> Роль правовых традиций в эволюции правосознания российского социума.....	89
ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ	
<i>Мирзаханян Д.В.</i> О новеллах законодательства в сфере концессионных соглашений: сравнительно-правовой аспект.....	94
<i>Землякова Г.Л.</i> Проблемы системности правового регулирования пространственного развития России. Часть 2.....	99
<i>Минбалиев А.В., Осипов Д.П.</i> Особенности регулирования наборов данных для искусственного интеллекта за рубежом.....	104

<i>Осипов Д.П.</i> Проблемы и недостатки Модельного закона МПА СНГ «О технологиях искусственного интеллекта».....	108
<i>Самончик О.А.</i> Возмещение убытков при изъятии недвижимости для государственных или муниципальных нужд: некоторые проблемы правоприменения.....	111
<i>Кузнецов В.И.</i> Рецензия на научно-практический комментарий к Водному кодексу Российской Федерации (постатейный).....	116
<i>Лосева Е.Н., Суворова А.Е.</i> Особенности процедуры регистрации недвижимости на основе договора долевого участия в строительстве.....	119
<i>Зубаль В.Д.</i> Особенности реализации принципа федерализма в законодательстве о недрах Российской Федерации.....	124
<i>Ибрагимова С.А.</i> Аренда: некоторые особенности оборота земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения.....	129
<i>Пронин Т.Т.</i> Общественная безопасность: проблемы определения понятийного аппарата.....	131
<i>Ибрагимов К.Х., Ибрагимов А.К.</i> Некоторые вопросы правовой защиты земель сельскохозяйственного назначения в условиях цифровизации.....	134
<i>Джавадова А.С.</i> Проблемы развития экологического законодательства Санкт-Петербурга и Ленинградской области.....	138
<i>Хазиева Р.Р., Сивочкин Е.В.</i> Проблема обеспечения прав человека и гражданина в России.....	141
<i>Гриценко Г.А.</i> О некоторых актуальных проблемах защиты персональных данных граждан в цифровом пространстве.....	143
<i>Мисник Г.А.</i> О трансформации моделей права собственности на землю в современных условиях.....	147
<i>Боголюбов С.А.</i> Организация и осуществление благоустройства по муниципальному, градостроительному и экологическому законодательству.....	151
<i>Анисимов А.П.</i> Правовой режим строительных отходов.....	155
<i>Азаматова Л.Л., Семенова Е.Ю.</i> Специфика оказания юридической помощи пенсионерам: опыт работы юридической клиники института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий».....	159
<i>Абанина Е.Н., Уркаев О.О.</i> Юридическая ответственность за нарушение законодательства в области семеноводства.....	162
<i>Бредихин А.Л., Коробов Н.В.</i> Государственное управление в области охраны и использования водных объектов.....	165
<i>Бунин Д.А.</i> Основные правовые институты, регулирующие взаимодействие судов и СМИ.....	168
<i>Азаматова Л.Л., Семенова Е.Ю.</i> К вопросу о сравнительном анализе особенностей юридических клиник в России и Африке.....	174
<i>Джунусова Д.Н.</i> Юридическая ответственность за нарушение законодательства об охоте.....	179
<i>Дойников П.И.</i> О правовой природе и содержании понятия зоологические коллекции.....	183
<i>Пьянусов А.В.</i> Специфика наступления гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный незаконными действиями должностных лиц органов дознания и предварительного следствия.....	186
<i>Коротовских А.А.</i> О некоторых результатах научного анкетирования о значении социальных прав человека и гражданина и об особенностях их правовой регламентации на уровне субъектов Российской Федерации.....	190
<i>Ковалев С.Д.</i> Создание национального мессенджера, шаг к цифровому суверенитету России.....	197
<i>Максуров А.А.</i> О понятии земель историко-культурного значения.....	200

<i>Шатская И.И., Козлова Д.А.</i> Правовое регулирование предпринимательских отношений между Россией и Китаем: комплексный анализ и перспективы развития.....	203
<i>Жияев А.В.</i> Сколько дней длится пять лет?.....	207
<i>Перцев В.В.</i> Правовые пробелы в дефиниции транспортной безопасности и пути их преодоления.....	211
<i>Полуянова Е.В., Хорошева А.В.</i> Реализация национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере в целях обеспечения ее информационной безопасности.....	214
<i>Степанян Г.С.</i> От репрессивного к превентивному: институциональная унификация и цифровая трансформация государственного строительного надзора в России.....	218
<i>Пьянусов А.В.</i> Правовые основы интеграции систем РСЧС и ГО.....	221
<i>Чупина И. П., Симачкова Н. Н., Зарубина Е. В., Журавлева Л. А., Егоров С. Г.</i> Анализ использования земель сельскохозяйственного назначения в Уральском федеральном округе (на примере Свердловской области).....	226
<i>Фасхутдинова А.В.</i> Право несовершеннолетних на труд в Российской Федерации.....	230
<i>Елисеев В.С.</i> Направления развития особенной части аграрного права (на примере сельскохозяйственной микробиологии).....	233
<i>Чимаров Н.С.</i> Конституционно-правовые особенности организации парламентаризма на территории Республики Перу.....	239
<i>Шатская И.И., Малешина Л.М.</i> Правовая организация конкурсной и аукционной продажи имущества.....	243
<i>Макаричев М.В., Фролов А.Н.</i> Пределы административного наказания.....	247
ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ	
<i>Баттахов П.П.</i> Государственное регулирование экономико-социального направления на территории Арктики.....	251
<i>Овчинникова Ю.С.</i> Правовая определенность страхового случая и ее значение при страховом обеспечении государственного оборонного заказа.....	255
<i>Потребич А.В.</i> Гражданское цифровое правоотношение.....	259
<i>Калинина О.Е.</i> Особенности правового регулирования общего имущества членов товариществ собственников недвижимости.....	266
<i>Асанов С.А.</i> Развитие правового института медиации: зарубежный и региональный опыт...	270
<i>Кыдыралиева С.Ч., Шейшекеева Г.С., Стамалиев С.Н.</i> Ответственность работодателя за нарушение прав несовершеннолетних работников.....	273
<i>Асанов С.А.</i> История правовые аспекты становления института судебного представительства.....	277
<i>Асанов С.А.</i> Проблемы аспектов становления института судебного представительства.....	281
<i>Галаева Л.А.</i> Изменение правового статуса помещения как объекта недвижимости: актуальные вопросы правоприменения.....	285
<i>Ананьев О.Г., Ешкелева Н.А.</i> Применение беспилотной съемочной техники как нарушение гражданских прав собственника физического или юридического лица.....	290
<i>Вицьева М.И.</i> Гражданская правосубъектность юридических лиц в сети.....	294
<i>Возкаев С.-У. С.-А.</i> Защита персональных данных после реформы 2025 года.....	297
<i>Габазов Т.С., Габазова Х.Т.</i> Высшее образование: элитарность или призвание?.....	301
<i>Бурдо Е.П., Волкова М.А., Жеребченко А.В., Иванова Н.В., Моторина И.С., Пшеничникова Н.А.</i> Региональный материнский капитал: задачи нормативного регулирования и влияние на повышение рождаемости в России.....	305
<i>Мякинина С.Б., Шеяфетдинова Н.А., Портная Е.Б., Гостев С.С.</i> Является ли брачный договор способом распоряжения имуществом на случай смерти супруга?.....	310

<i>Загалаева Ж.А.</i> Гражданско-правовая ответственность инфлюенсеров за рекламные обязательства.....	314
<i>Натаева З.А.</i> Гражданско-правовая природа интеллектуальных прав.....	317
<i>Рыбина С.Н., Ананьев О.Г.</i> Соблюдение гражданских прав физических лиц, в том числе сотрудников УИС, в сфере гостиничного бизнеса: комплексный анализ.....	320
<i>Уткин Г.Н.</i> Характеристика обязательств по оказанию услуг в России.....	324
<i>Ананьева Е.О.</i> Защита биометрических данных в условиях кибербуллинга и соблюдения личной безопасности.....	328
<i>Хабиева З.Д.</i> Значение судебной практики для развития гражданского права.....	333
<i>Вицьева М.И.</i> Добросовестность и злоупотребление правом в гражданских правоотношениях...	336
<i>Огнева К.О.</i> Основные модели защиты избирательных прав в зарубежных странах.....	339
<i>Рябова О.А., Рябов П.Р.</i> О некоторых проблемных аспектах участия лиц, осужденных к лишению свободы, в арбитражном процессе.....	342
<i>Джикаева Ф.З.</i> Гражданско-правовая квалификация энергии.....	346
<i>Серебрянный И.В., Шумов П.В.</i> Анализ судебной практики по защите социальных прав военнослужащих и приравненных к ним лиц в Российской Федерации.....	349
<i>Чупина И. П., Симачкова Н. Н., Зарубина Е. В., Егоров С. Г., Петрова Л. Н.</i> Сбалансированность рынка фруктов – ягодных культур в регионах России: производство, импорт и самообеспеченность.....	352
<i>Натаева З.А.</i> Ответственность за нарушение обязательств в онлайн-договоре.....	356
<i>Шухов Ф.Г.</i> Значение изучения зарубежной судебной практики в сфере претензий к искусственному интеллекту для Российской Федерации.....	359
<i>Власов В.А., Цариков А.С.</i> К вопросу гражданско-правового регулирования лизинговых отношений в аграрном секторе экономики России: анализ отдельных экономико-правовых проблем и перспектив развития.....	362
<i>Снятков А.А.</i> Свобода договора и типизация.....	366
<i>Смолина О.С.</i> Концептуальный подход к сущности доказательства по экономическим спорам в арбитражном процессе в рамках новых цифровых возможностей.....	370
<i>Ушакова Е.Н.</i> Перспективы цифрового правосудия в гражданском судопроизводстве.....	377
<i>Уткин Г.Н.</i> Обязательства из договора займа.....	381
ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ	
<i>Чупина И. П., Симачкова Н. Н., Зарубина Е. В., Егоров С. Г., Фатеева Н. Б.</i> Увеличение показателей молочной продукции в регионах страны как выполнение условий Доктрины продовольственной безопасности (на примере Уральского федерального округа).....	385
<i>Шевченко К.В.</i> Проведение личного досмотра сотрудниками органов принудительного исполнения Российской Федерации.....	389
<i>Попков Д.В., Фролова Л.В.</i> Обеспечение безопасности как правовая категория.....	393
<i>Кайнов В.И., Кшитаров В.Л.</i> К вопросу совершенствования административно-правового регулирования в социально-культурной сфере.....	396
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	
<i>Сысоева Т.В., Сысоев А.В.</i> Предупреждение экономических преступлений, как одно из средств обеспечения экономической безопасности.....	401
<i>Солодовник В.В.</i> О понятии, сущности и значении уголовно-процессуальной формы.....	403
<i>Иванов П.И.</i> Научный вклад профессора В.А. Лукашова в развитие теории оперативно-розыскной деятельности.....	408

<i>Моисеев Н.Д., Павлова Е.Д.</i> Роль оперативных подразделений следственных изоляторов в обеспечении правопорядка.....	413
<i>Айсханова Е.С., Ковраев Р.Х.</i> Анализ региональных практик и методик борьбы с информационным экстремизмом в молодежной среде.....	416
<i>Алхастова М.В.</i> Нейроизображения как источник биологических маркеров криминального поведения.....	419
<i>Гусев А.С.</i> Актуальные проблемы исполнения уголовного наказания в виде обязательных работ.....	423
<i>Звонова А.В., Моисеев Н.Д., Сибатян Е.А.</i> Оказание психологической помощи в рамках исполнительной пробации.....	425
<i>Цветкова Е.В.</i> Социально-экономическое положение семьи как обстоятельства становления личности несовершеннолетнего преступника.....	428
<i>Вознюк Е.П.</i> Некоторые аспекты совершенствования правового регулирования механизмов обеспечения достаточности доказательств при принятии процессуальных решений на стадии возбуждения уголовного дела.....	431
<i>Боровских Р.Н., Зыков Д.А., Савин А.А.</i> О необходимости вовлечения органов УИС в выявлении лиц с психическими отклонениями.....	434
<i>Шаназарова Е.В.</i> Соотношение принципов гуманизма и справедливости в уголовном и уголовно-исполнительном праве России.....	437
<i>Иванов П.И.</i> Кто они такие угрозоносители, стремящиеся дискредитировать систему МВД России? Как их определить? Авторское видение.....	440
<i>Ермолаева Л.Н., Пономарева А.В.</i> Современные методы исследования биологических следов в уголовном судопроизводстве.....	446
<i>Казак И.Б., Гусев А.С.</i> Лишение свободы в России: историко-правовой анализ истоков (становление системы исполнения наказаний в имперский период XVIII в. – нач. XX в.).....	450
<i>Мальцагов И.Д., Исипова Л.Р.</i> Освобождение от уголовной ответственности за преступления небольшой тяжести.....	454
<i>Алехин В.П.</i> Проблемы применения института соучастия в террористических преступлениях: доктринальные подходы и судебная практика.....	458
<i>Арсланова А.Р.</i> Заключение специалиста-психолога как средство доказывания факта манипуляции в уголовном процессе: теоретико-прикладные аспекты.....	461
<i>Алхастова М.В.</i> Правовые рамки использования уголовного профиля в суде.....	463
<i>Введенский А.Ю., Воронин В.В.</i> Понятие прокурорского надзора и особенности его реализации за предварительным расследованием в российском уголовном судопроизводстве.....	466
<i>Гарбуз Г.С.</i> Соотношение доказывания юридически значимых обстоятельств в рамках гражданского иска по делам об экологических преступлениях с установлением уголовно-правовых целей расследования.....	470
<i>Гусев А.С., Казак И.Б.</i> Проявления профессиональной деформации сотрудников УИС и ее предупреждение.....	474
<i>Бидова Б.Б., Алиев М.К., Абаев Н.Б.</i> Воздействие террористической активности на глобальную международную стабильность современности.....	478
<i>Улезько И.С.</i> Уголовно-правовые аспекты ответственности за нарушение правил безопасности труда в Российской Федерации и Китайской Народной Республике: сравнительно-правовой анализ.....	482
<i>Тхакумачев Б.Ю.</i> Организация применения специальных знаний специалиста при производстве следственного эксперимента.....	486
<i>Гачава М.Л., Егоровский К.В.</i> Нравственные основы при исполнении наказания.....	489
<i>Пейзак Р.И.</i> Показатели российской преступности, связанной с обманом.....	492
<i>Грачева О.А.</i> Криминалистические аспекты расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: проблемы квалификации, процессуальной фиксации и пути их решения.....	495
<i>Залесова О.В., Фиризанов В.А., Рыжкин А.М., Левина Ю.Н., Чураков А.А.</i> Особенности уголовно-процессуальной формы стадии подготовки дела к судебному разбирательству с участием несовершеннолетних.....	500
<i>Гринько С.Д.</i> Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних.....	504
<i>Айсханова Е.С., Дикаев И.В.</i> Статистические данные количественно-качественных показателей преступности обучающихся лиц.....	507
<i>Кранчатова И.Н., Цветков В.А.</i> Цифровая преступность как современный феномен: понятие, состояние и динамика.....	511
<i>Смирнова И.А., Айсанова Н.В., Маликов Ш.Э.</i> Современная проблематика новых видов средств передвижения, которые не подлежат регистрации, но могут передвигаться по дорогам общего пользования.....	517
<i>Мальцагов И.Д., Исипова Л.Р.</i> Принцип состязательности в российском уголовном судопроизводстве.....	523
<i>Сыч В.К.</i> Определение понятий наказания и иных мер уголовно-правового характера как уголовно-правовых институтов.....	526
<i>Иванов П.И.</i> Воспоминания о творческом пути и учителях-наставниках.....	529
<i>Руденко М.Б., Голодков Ю.Э.</i> Особенности нормативно-правового и организационного противодействия киберпреступлениям в Российской Федерации и некоторых странах Азиатско-Тихоокеанского региона.....	535
<i>Сечкова Л.М.</i> К вопросу о понятии и содержании института компенсации.....	538
<i>Сабадаш Ю.М.</i> Возраст привлечения к административной ответственности.....	541
<i>Шевченко К.В.</i> Объективные признаки превышения должностных полномочий.....	545
<i>Ермолаева Л.Н., Ананьян Е.Н.</i> Формирование этапов криминалистической науки о биологических объектах.....	549
<i>Тищенко Ю.Ю., Шерхов Р.Р.</i> О возможности совершенствования условий отбывания наказания для решения проблем ресоциализации осужденных к лишению свободы.....	552
<i>Пейзак Р.И.</i> Ситуационное предупреждение преступлений: ретроспектива зарубежного опыта.....	555
<i>Моисеев Н.Д., Гусев А.С.</i> Лишение свободы в России: историко-правовой анализ истоков (древнерусский и московский периоды).....	558
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	
<i>Дьяченко А.О., Сидорова А.В.</i> Цифровая уязвимость: правовые аспекты использования конфиденциальных сведений в таргетированной рекламе как нового вида правонарушения.....	561
<i>Суфьянова Е.З.</i> Международные антикоррупционные стандарты: новые вызовы и перспективы реализации в странах Европейского Союза и в Российской Федерации.....	564

CONTENTS 2025 № 9

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Ladenkov N.E.</i> The digital subsystem of law: origin and manifestation.....	8
<i>Usmanova E.F., Korovina D.A.</i> Presumption of consent for organ and tissue transplantation: concept and legal regulation.....	13
<i>Gatsko M.F.</i> The rotation of civil servants in the Russian Empire.....	17
<i>Kapsargina S.A., Grishina I.I., Tskhai I.I.</i> Problems of formation of foreign language competence among master's degree students in a non-linguistic university.....	20
<i>Litvinova V.S.</i> Organization of preventive measures in the higher education system.....	24
<i>Ryzhik A.V.</i> Jurisprudence as a holistic synthesis of scientific and non-scientific knowledge.....	26
<i>Bogatyrev M.R.</i> The history of the formation of scientific thought on extraordinary legal regulation in Russia in the pre-revolutionary period.....	30
<i>Turayeva D.S.</i> Legal regulation of the demographic function of the Soviet state (1955-1990).....	34
<i>Yakovlev A.Y.</i> Internal documents of rural and urban religious organizations as sources of law: an analysis of historically established practice.....	39
<i>Galda M.V.</i> Civil defense in the system of functions of the modern Russian state.....	43
<i>Ovinnikov V.A.</i> Comprehensive legal education in the Russian legal system.....	46
<i>Alkhanov N.M., Isipova L.R.</i> Personal data and private life as objects of legal protection.....	52
<i>Dadaeva M.S.</i> The concept of the common good in a modern state governed by the rule of law.....	56
<i>Kuzmenko V.I.</i> Catherine II's "Mandate" and an attempt to synthesize the European Enlightenment with the traditional values of the Russian legal system.....	59
<i>Bidova B.B., Bondar I.A., Urusov Z.Kh.</i> Legal instruments for countering the distortion and falsification of history: controversial aspects.....	62
<i>Ovinnikov V.A.</i> The meaning of codification in the development of the modern system of Russian legislation.....	65
<i>Kardanov H.B., Tabukhov D.Z.</i> The resettlement policy of the Russian autocracy in the North Caucasus in the 19th -early 19th century (based on the materials of the complete collection of laws of the Russian Empire).....	71
<i>Pyanusov A.V.</i> Historical and legal analysis of the activities of the state fire service in Russia.....	75
<i>Galda M.V.</i> The genesis of the development of the legal foundations for ensuring Russia's national security.....	78
<i>Nazarova I.S.</i> On the issue of the essence of pre-state regulators of public relations in Russia.....	82
<i>Shenshina L.A.</i> The concept and essence of social orphanhood of orphans and children, left without parental care.....	85
<i>Puzikov R.V., Puchnin V.M.</i> The role of legal traditions in the evolution of the legal consciousness of the Russian society	89
PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES	
<i>Mirzakhanyan D.V.</i> On new legislation in the field of concession agreements: comparative legal aspect.....	94
<i>Zemlyakova G.L.</i> Problems of systemic legal regulation of spatial development in Russia. Part of 2.....	99
<i>Minbaleev A.V., Osipov D.P.</i> Features of data sets regulation for artificial intelligence abroad.....	104
<i>Osipov D.P.</i> Problems and disadvantages of the IPA CIS Model Law "About artificial intelligence technologies".....	108

<i>Samonchik O.A.</i> Compensation for losses during the seizure of real estate for state or municipal needs: some problems of law enforcement.....	111
<i>Kuznetsov V.I.</i> Review of scientific and practical commentary to the Water Code of the Russian Federation (article-by-article).....	116
<i>Loseva E.N., Suvorina A.E.</i> Features of the real estate registration procedure on the basis of an equity participation agreement in construction.....	119
<i>Zubal V.D.</i> Features of the implementation of the principle of federalism in the legislation on the subsoil of the Russian Federation.....	124
<i>Ibragimova S.A.</i> Lease: some features of the turnover of land plots from agricultural lands.....	129
<i>Pronin T.T.</i> Public safety: problems of defining the conceptual framework	131
<i>Ibragimov K.Kh., Ibragimov A.K.</i> Some issues of legal protection of agricultural lands in the context of digitalization.....	134
<i>Javadova A.S.</i> Problems of environmental legislation development St. Petersburg and the Leningrad region.....	138
<i>Khazieva R.R., Sivochkin E.V.</i> The problem of ensuring human and civil rights in Russia.....	141
<i>Grishchenko G.A.</i> On some topical issues of protecting personal data of citizens in the digital space....	143
<i>Misnik G.A.</i> On the transformation of land ownership models in modern conditions.....	147
<i>Bogolyubov S.A.</i> Organization and implementation of landscaping according to municipal, urban planning and environmental legislation.....	151
<i>Anisimov A.P.</i> Legal regime of construction waste.....	155
<i>Azamatova L.L., Semenova E.Y.</i> Specifics of providing legal assistance to pensioners: work experience at the law clinic of the Institute of Law Ufa University of Science and Technology".....	159
<i>Abanina E.N., Urkaev O.O.</i> Legal liability for violation of legislation in the field of seed production.....	162
<i>Bredikhin A.L., Korobov N.V.</i> State management in the field of protection and use of water bodies.....	165
<i>Bunin D.A.</i> The main legal institutions regulating the interaction of courts and the media.....	168
<i>Azamatova L.L., Semenova E.Yu.</i> On the issue of comparative analysis of the features of legal clinics in Russia and Africa.....	174
<i>Dzhunusova D.N.</i> Legal responsibility for violation of hunting legislation.....	179
<i>Doynikov P.I.</i> On the legal nature and content of the concept of zoological collections.....	183
<i>Pyanusov A.V.</i> Specifics of the onset of civil liability for harm caused by illegal actions of officials of the bodies of inquiry and preliminary investigation.....	186
<i>Korotovskikh A.A.</i> On some results of a scientific survey on the importance of social human and civil rights and on the specifics of their legal regulation at the level of the subjects of the Russian Federation.....	190
<i>Kovalev S.D.</i> Creation of a national messenger, a step towards Russia's digital sovereignty.....	197
<i>Maksurov A.A.</i> On the concept of lands of historical and cultural significance.....	200
<i>Shatskaya I.I., Kozlova D.A.</i> Legal regulation of business relations between Russia and China: a comprehensive analysis and development prospects.....	203
<i>Zhilyaev A.V.</i> How many days do five years last?.....	207
<i>Pertsev V.V.</i> Legal gaps in the definition of transport security and ways to overcome them.....	211

<i>Poluyanova E.V., Khorosheva A.V.</i> Realization of the national interests of the Russian Federation in the information sphere in order to ensure its information security.....	214

<i>Stepanyan G.S.</i> From repressive to preventive: institutional unification and Digital transformation of State construction supervision in Russia.....	218

<i>Pyanusov A.V.</i> The legal basis for the integration of emergency management and civil defense systems.....	221

<i>Chupina I. P., Simachkova N. N., Zarubina E. V., Zhuravleva L. A., Egorov S. G.</i> Analysis of agricultural land use in the Ural Federal District (using the example of the Sverdlovsk region).....	226

<i>Faskhutdinova A.V.</i> The right of minors to work in the Russian Federation.....	230

<i>Eliseev V.S.</i> Directions of development of a special part of agrarian law (using the example of agricultural microbiology).....	233

<i>Chimarov N.S.</i> Constitutional and legal features of the organization of parliamentarism on the territory of the Republic of Peru.....	239

<i>Shatskaya I.I., Maleshina L.M.</i> Legal organization of competitive and auction sale of property.....	243

<i>Makarichev M.V., Frolov A.N.</i> Limits of administrative punishment.....	247

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

<i>Battakhov P.P.</i> State regulation of economic and social trends in the Arctic.....	251

<i>Ovchinnikova Yu.S.</i> Legal certainty of an insured event and its significance when providing insurance for the state defense order.....	255

<i>Consumer A.V.</i> Civil digital legal relationship.....	259

<i>Kalinina O.E.</i> Features of the legal regulation of the common property of members of real estate owners' associations.....	266

<i>Asanov S.A.</i> Development of the legal institute of mediation: foreign and regional experience.....	270

<i>Kydyralieva S.Ch., Sheyshekeeva G.S., Stamaliev S.N.</i> Responsibility of the employer for violation of the rights of underage workers.....	273

<i>Asanov S.A.</i> History and legal aspects of the establishment of the institute of judicial representation.....	277

<i>Asanov S.A.</i> The problems of formation of the Institute of legal representation.....	281

<i>Galaeva L.A.</i> Changing the legal status of premises as a real estate object: current issues of law enforcement.....	285

<i>Ananyev O.G., Eshkileva N.A.</i> The use of unmanned filming equipment as a violation civil rights of the owner of an individual or a legal entity.....	290

<i>Vitsieva M.I.</i> Civil legal personality of legal entities on the web.....	294

<i>Vozkaev S.-U. S.-A.</i> Personal data protection after the 2025 reform.....	297

<i>Gabazov T.S., Gabazova H.T.</i> Higher education: elitism or vocation?.....	301

<i>Burdo E.P., Volkova M.A., Zherebchenko A.V., Ivanova N.V., Motorina I.S., Pshenichnikova N.A.</i> Regional maternity capital: regulatory objectives and impact on fertility increase in Russia.....	305

<i>Myakinina S.B., Sheyafetdinova N.A., Portnaya E.B., Gostev S.S.</i> Is a prenuptial agreement a way of disposing of property in case of death of a spouse?.....	310

<i>Zagalaeva J.A.</i> Civil liability of influencers for advertising commitments.....	314

<i>Nataeva Z.A.</i> The civil nature of intellectual property rights.....	317

<i>Rybina S.N., Ananyev O.G.</i> Observance of the civil rights of individuals, including employees of the management system, in the field of hotel business: a comprehensive analysis.....	320

<i>Utkin G.N.</i> Characteristics of service obligations in Russia.....	324

<i>Ananyeva E.O.</i> Protection of biometric data in the context of cyberbullying and personal security...	328

<i>Khabieva Z.D.</i> The importance of judicial practice for the development of civil law.....	333

<i>Vitsieva M.I.</i> Good faith and abuse of law in civil law relations.....	336

<i>Ogneva K.O.</i> The main models of electoral rights protection in foreign countries.....	339

<i>Ryabova O.A., Ryabov P.R.</i> On some problematic aspects of the participation of persons sentenced to imprisonment in the arbitration process.....	342

<i>Dzhikaeva F.Z.</i> Civil law qualification of energy.....	346

<i>Serebryanny I.V., Shumov P.V.</i> Analysis of judicial practice on protection of social rights of military personnel and persons equated to them in the Russian Federation.....	349

<i>Chupina I. P., Simachkova N. N., Zarubina E. V., Egorov S. G., Petrova L. N.</i> The balanced market of fruit and berry crops in the regions of Russia: production, import, and self-sufficiency.....	352

<i>Nataeva Z.A.</i> Liability for breach of obligations in the online contract.....	356

<i>Shukhov F.G.</i> The importance of studying foreign judicial practice in the field of artificial intelligence claims for the Russian Federation.....	359

<i>Vlasov V.A., Tsarikov A.S.</i> On the issue of civil law regulation of leasing relations in the agricultural sector of the Russian economy: analysis of individual economic and legal problems and development prospects.....	362

<i>Snyatkov A.A.</i> Freedom of contract and typing.....	366

<i>Smolina O.S.</i> A conceptual approach to the essence of evidence in economic disputes in the arbitration process within the framework of new digital opportunities.....	370

<i>Ushakova E.N.</i> Prospects of digital justice in civil proceedings.....	377

<i>Utkin G.N.</i> Obligations from the loan agreement.....	381

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Chupina I. P., Simachkova N. N., Zarubina E. V., Egorov S. G., Fateeva N. B.</i> The increase in dairy production in the regions of the country how to fulfill the conditions of the Food Security Doctrine (using the example of the Ural Federal District).....	385

<i>Shevchenko K.V.</i> Conducting a personal search by employees of the enforcement authorities of the Russian Federation.....	389

<i>Popkov D.V., Frolova L.V.</i> Security as a legal category.....	393

<i>Kainov V.I., Ktitarov V.L.</i> On the issue of improving administrative and legal regulation in the socio-cultural sphere.....	396

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Sysoeva T.V., Sysoev A.V.</i> Prevention of economic crimes, as one of means of ensuring economic security....	401

<i>Solodovnik V.V.</i> On the concept, essence and meaning of the criminal procedure form.....	403

<i>Ivanov P.I.</i> Scientific contribution of Professor V.A. Lukashov to the development of the theory of operational investigative activities.....	408

<i>Moiseev N.D., Pavlova E.D.</i> The role of operational units of pre-trial detention facilities in ensuring law and order.....	413

<i>Ayshanova E.S., Kovraev R.H.</i> Analysis of regional practices and methods of combating information extremism among young people.....	416

<i>Alkhastova M.V.</i> Neuroimages as a source of biological markers criminal behavior.....	419

<i>Gusev A.S.</i> Actual problems of execution of criminal punishment in the form of compulsory labor.....	423

<i>Zvonova A.V., Moiseev N.D., Smbatyan E.A.</i> Provision of psychological assistance in the framework of executive probation	425

<i>Tsvetkova E.V.</i> Socio-economic status of the family as circumstances formation of the identity of a juvenile delinquent.....	428	<i>Peyzak R.I.</i> Indicators of Russian fraud-related crime.....	492
<i>Voznyuk E.P.</i> Some aspects of improving the legal regulation of mechanisms for ensuring the sufficiency of evidence in making procedural decisions at the stage of initiating a criminal case.....	431	<i>Gracheva O.A.</i> Criminalistic aspects of crime investigation in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances: problems of qualification, procedural fixation and ways to solve them.....	495
<i>Borovskikh R.N., Zykov D.A., Savin A.A.</i> On the need to involve the UIS authorities in the identification of persons with mental disabilities.....	434	<i>Zalesova O.V., Firizanov V.A., Ryzhkin A.M., Levina Yu.N., Churakov A.A.</i> Features of the criminal procedure form of the stage of preparation of the case for trial involving minors.....	500
<i>Shanazarova E.V.</i> Correlation of the principles of humanism and justice in the criminal and penal enforcement law of Russia.....	437	<i>Grinko S.D.</i> Peculiarities of criminal responsibility of minors.....	504
<i>Ivanov P.I.</i> Who are they, the threat carriers who seek to discredit the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia? How to identify them? The author's vision.....	440	<i>Ayshanova E.S., Dikaev I.V.</i> Statistical data on quantitative and qualitative indicators of criminality of students..	507
<i>Ermolaeva L.N., Ponomareva A.V.</i> Modern methods of biological trace research in criminal proceedings.....	446	<i>Krapchatova I.N., Tsvetkov V.A.</i> Digital crime as a modern phenomenon: concept, state and dynamics.....	511
<i>Kazak I.B., Gusev A.S.</i> Deprivation of liberty in Russia: a historical and legal analysis of the origins (formation of the system of execution of punishments in the imperial period of the XVIII century – the beginning). XX century.).....	450	<i>Smirnova I.A., Aisanova N.V., Malikov S.E.</i> The current problem of new types of vehicles that are not subject to registration, but can travel on public roads.....	517
<i>Maltsagov I.D., Isipova L.R.</i> Exemption from criminal liability for minor crimes.....	454	<i>Maltsagov I.D., Isipova L.R.</i> The principle of competition in Russian criminal proceedings.....	523
<i>Alekhine V.P.</i> Problems of applying the institution of complicity in terrorist crimes: doctrinal approaches and judicial practice.....	458	<i>Sych V.K.</i> Definition of the concepts of punishment and other criminal law measures as criminal law institutions.....	526
<i>Arslanova A.R.</i> The conclusion of a specialist psychologist as a means of proving the fact of manipulation in the criminal process: theoretical and applied aspects.....	461	<i>Ivanov P.I.</i> Memories of his creative career and mentoring teachers.....	529
<i>Alkhastova M.V.</i> The legal framework for using the criminal profile in court.....	463	<i>Rudenko M.B., Golodkov Yu.E.</i> Features of regulatory and organizational counteraction to cybercrime in the Russian Federation and some countries of the Asia-Pacific region.....	535
<i>Vvedenskiy A.Yu., Voronin V.V.</i> The concept of prosecutorial supervision and the specifics of its implementation of the preliminary investigation in Russian criminal proceedings.....	466	<i>Sechkova L.M.</i> On the issue of the concept and content of the institution of compensation.....	538
<i>Garbuz G.S.</i> The ratio of proving legally significant circumstances in the framework of a civil claim in cases of environmental crimes with the establishment of criminal-legal objectives of the investigation.....	470	<i>Sabadash Yu.M.</i> Age of administrative responsibility.....	541
<i>Gusev A.S., Kazak I.B.</i> Manifestations of professional deformation of UIS employees and its prevention.....	474	<i>Shevchenko K.V.</i> Objective signs of abuse of office.....	545
<i>Bidova B.B., Aliev M.K., Abaev N.B.</i> The impact of terrorist activity on the global international stability of our time.....	478	<i>Ermolaeva L.N., Ananyan E.N.</i> Formation of the stages of forensic science of biological objects	549
<i>Ulezko I.S.</i> Criminal and legal aspects of liability for violation of occupational safety regulations in the Russian Federation and the People's Republic of China: comparative legal analysis.....	482	<i>Tishchenko Yu.Y., Sherkhov R.R.</i> On the possibility of improving the conditions of serving a sentence to solve the problems of resocialization of those sentenced to imprisonment.....	552
<i>Tkhakumachev B.Y.</i> Organization of the application of specialist expertise in the production of an investigative experiment.....	486	<i>Peyzak R.I.</i> Situational crime prevention: a retrospective of foreign experience.....	555
<i>Gachava M.L., Egorovsky K.V.</i> Moral principles in the execution of punishment.....	489	<i>Moiseev N.D., Gusev A.S.</i> Deprivation of liberty in Russia: a historical and legal analysis of the origins (Ancient Russian and Muscovite periods).....	558
		INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES	
		<i>Dyachenko A.O., Sidorova A.V.</i> Digital vulnerability: legal aspects the use of confidential information in targeted advertising as a new type of offense.....	561
		<i>Sufyanova E.Z.</i> International anti-corruption standards: new challenges and prospects for implementation in the European Union and the Russian Federation.....	564

ЦИФРОВАЯ ПОДСИСТЕМА ПРАВА: ЗАРОЖДЕНИЕ И ПРОЯВЛЕНИЕ THE DIGITAL SUBSYSTEM OF LAW: ORIGIN AND MANIFESTATION

ЛАДЕНКОВ Никита Евгеньевич,

старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства
Юридического факультета, Северо-Западный институт управления РАНХиГС.

Россия, 199178, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., д. 57/43.

E-mail: sping92@mail.ru;

LADENKOV Nikita E.,

Senior Lecturer of the Department of Theory of State and Law of Faculty of Law,
North-West Institute of Management of RANEPA.

57/43 Sredniy prospect V. O. str., St. Petersburg 199178, Russia.

E-mail: sping92@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена анализу изменений правовой системы, происходящих под влиянием цифровизации. Наиболее значимыми в данном контексте для права выступают технологии блокчейн и искусственный интеллект на основе машинного обучения. Благодаря цифровизации наряду с традиционной реальностью формируется новая реальность. В рамках данной реальности преобразуются многие социальные институты, формы и способы взаимодействия. В работе рассматриваются технологии, появляющиеся в рамках цифровизации в их взаимосвязи с динамикой правовой системы и правовой культуры. Исследуются регулятивные возможности цифровой среды в контексте технического воздействия на правоотношения. Новизна статьи заключается в обосновании зарождения цифровой подсистемы права как относительно самостоятельного элемента правовой системы, обладающего следующими признаками: регулирование отношений, складывающихся исключительно в цифровой среде; воздействие на правоотношения средствами самой среды; автоматизированное правоприменение. Цифровые технологии создают отдельную среду взаимодействия, в которой классический механизм правового регулирования неэффективен. На основе данной среды зарождается цифровая подсистема права. Предложена концепция «смарт-законов» как механизма воздействия на правоотношения в цифровой среде. Правовая культура изменяется как от внедрения цифровых технологий в повседневную жизнь, так и от поправок к законодательству. Поправки, относящиеся к диспозитивным нормам, излишне осторожны. Для изменений императивных норм рекомендуется прибегать к правовому эксперименту, при проведении которого нужно учитывать локальность и масштабируемость.

Abstract: The article is devoted to the analysis of changes in the legal system that occur under the influence of digitalization. The most significant technologies for the digitalization of law are blockchain and artificial intelligence based on machine learning. Due to digitalization, along with the traditional reality, a new reality (virtual, digital) is being formed. Within the framework of the new reality, many social institutions, forms and ways of interaction are being transformed. The paper examines the technologies emerging within the framework of digitalization in their interrelation with the dynamics of the legal system and legal culture. The paper examines the regulatory possibilities of the digital environment in the context of the technical impact on legal relations. The novelty of the article lies in substantiating the emergence of the digital subsystem of law as a relatively independent element of the legal system, which has the following features: regulation of relations that develop exclusively in the digital environment; impact on legal relations by means of the environment itself; automated law enforcement. Digital technologies create a separate interaction environment in which the classical mechanism of legal regulation is ineffective. Based on this environment, the digital subsystem of law is emerging. The concept of "smart laws" as a mechanism for influencing legal relations in the digital environment is proposed. The legal culture is changing both from the introduction of digital technologies into everyday life and from amendments to legislation. Amendments related to dispositive norms are overly cautious. To change mandatory norms, it is recommended to resort to a legal experiment, which should take into account locality and scalability.

Ключевые слова: цифровизация, правовая культура, правовая система, динамика права, структура права, цифровая подсистема права, правовой эксперимент, смарт-закон, цифровая среда, цифровые коммуникации.

Keywords: digitalization, legal culture, legal system, dynamics of law, structure of law, digital subsystem of law, legal experiment, smart law, digital environment, digital communications.

Для цитирования: Ладенков Н.Е. Цифровая подсистема права: зарождение и проявление // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 8-12. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_8.

For citation: Ladenkov N.E. The digital subsystem of law: origin and manifestation // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 8-12. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_8.

Статья поступила в редакцию: 29.08.2025

Введение

В современном мире происходят множество новых процессов, влияющих на жизнедеятельность общества. Среди них можно выделить глобализацию, межгосударственную интеграцию и цифровизацию.

В рамках данного исследования рассматривается влияние цифровизации на правовую систему в контексте технического воздействия на правоотношения. Право, выступая основным социальным регулятором общественных отношений, своевременно откликается на требования цифровизации, что выражается как в неизбежных трансформациях формы права, структуры, субъектов, объектов и пр., так и в стремлении вырабатывать адекватное правовое регулирование цифровых технологий. Эти процессы имеют место в большинстве современных государств. Разносторонние исследования взаимовлияния права и цифровизации активно ведутся представителями различных юридических наук, включая теоретико-исторические правовые науки.

В той или иной степени большинство современных исследователей в области теории государства и права затрагивали отдельные вопросы, связанные с цифровизацией права. Общие вопросы цифровизации и трансформации системы права рассмотрены в работах В. Н. Синюкова [18], А. В. Корнева [7], Т. Я. Хабриевой [21], Н. Н. Черногора [20], Л. Р. Бухоновой [3], В. В. Миронова [12], М. В. Залоило [5], Д. А. Пашенцева [15] и других исследователей. Несмотря на достигнутые успехи и предложенные подходы, постоянное развитие и высокая динамика общественных отношений, в той или иной степени связанных с цифровизацией, обуславливают постоянный научный поиск и обновление моделей и концепций цифровых трансформаций права.

Развитие цифровых технологий стало одним из движущих факторов цифровизации права [6], затрагивающим и механизм правового регулирования. Соответствующие технологии зародились во второй половине XX века в рамках третьей промышленной революции, также извест-

ной как научно-техническая революция. На основании появившихся открытий и изобретений в последующие десятилетия появилась сеть Интернет и сопутствующие ей технологии, облегчающие коммуникации. Как отмечает Ю. П. Моисеенко, «...цифровизация также представляет собой довольно парадоксальное явление, поскольку, одновременно упрощая различное социальное взаимодействие (например, появление онлайн-банкинга, цифровых государственных сервисов по типу «Госуслуги», возможность электронного оформления различного рода документации и пр.), она также ставит перед государством и обществом ряд вызовов, значительно усложняя организацию различных процессов.» [14, с. 87]. Так как с каждым годом всё больше субъектов участвуют в общественных отношениях, происходящих в цифровой среде, эта проблема усугубляется. В связи с этим появилась позиция, согласно которой наступила четвёртая промышленная революция [19, с. 100].

Среди характеристик четвёртой промышленной революции выделяют: широкое распространение сети Интернет, миниатюрные вычислительные устройства с высокой производительностью и искусственный интеллект на основе машинного обучения [7, с. 6]. На наш взгляд, заявления о новой промышленной революции несколько преждевременны. Общепринято, что подобные технологические новшества существенно изменили как производство, так и быт людей. Однако они сами по себе не представляют ничего принципиально нового, а являются развитием технологий, зародившихся ещё в 1960-х гг. [2]. С того времени они получили широкомасштабное распространение во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Благодаря этому в значительной степени модернизировалось производство и появилась новая среда для взаимодействия субъектов правоотношений. Таким образом, цифровые технологии не только коренным образом преобразили процессы производства, но и создали новую среду для взаимодействия между субъектами.

Основная часть

В цифровой среде классические инструменты механизма правового регулирования показали низкую эффективность, что повлияло на правосознание как на бытовом, так и на профессиональном уровне [9, с. 48]. Наибольшее влияние на правосознание оказывают следующие отношения:

1. С участием нетипичных субъектов (искусственный интеллект, виртуальные и цифровые личности);
2. Складывающиеся по поводу нетипичных объектов (криптовалюты, имущество в компьютерных играх, бонусные баллы торговых сетей и т.п.), существующих исключительно или в значительной степени в цифровой среде;
3. Протекающие в цифровой среде, основанной на новейших цифровых технологиях.

Основой происходящих в правовой системе изменений выступили две группы технологий: искусственный интеллект и коммуникационные технологии.

Простейшие разновидности искусственного интеллекта уже интегрировались во многие общественные отношения, связанные с финансовыми операциями и учётом имущества. Однако появляются и более сложные юниты, способные самостоятельно вступать во взаимоотношения с человеком. Это актуализирует вопрос о соотношении субъекта и объекта правового регулирования [21]. Несмотря на актуальность и дискуссионность проблемы искусственного интеллекта, соответствующий вопрос выходит за пределы настоящего исследования. В контексте данной работы значительный интерес представляет вторая группа технологий — коммуникационные технологии.

Коммуникационные технологии позволяют изменять не просто способ коммуникации, но и создают новую (цифровую) среду взаимодействия. На сегодняшний день наиболее развитой технологией в данном плане выступает блокчейн. Это связано с её надёжностью и открытостью. Правила, заложенные в программный код соответствующей среды, фактически становятся основным источником регулирования.

Т. Я. Хабриева отмечает, что при отсутствии (или неадекватности) правового регулирования машинный код начинает оказывать мощное воздействие на содержание и характер соответствующих общественных отношений, становясь чуть ли не главным их регулятором [21, с. 13].

Для технологии блокчейн особую роль сыграло появление смарт-контрактов. Они представляют собой компьютерные программы, способные в цифровом пространстве совершать юридически значимые действия от имени субъекта права без вмешательства последнего по заранее заложенным алгоритмам. Данная технология имеет важное значение для цифровой среды при реализации концепции «смарт-законов». «Смарт-законы» — это разновидность смарт-контрактов, определяющих допустимость применения того или иного действия в рамках цифровой среды, и предусматривающих алгоритмы восстановления прав при нарушениях в программном коде [11]. Применение технологии «смарт-законов» в сочетании с машиночитаемым правом способны решить проблемы специфики цифровой среды. Соответствующие технологии основываются на возможности перевода норм права на язык программирования. Это вызывает опасения некоторых исследователей, что право, как один из важнейших институтов человеческой цивилизации, утратит свои традиции и фактически перестанет существовать [1, с. 12].

Однако не любые правоотношения возможно алгоритмизировать и не во всех случаях это целесообразно. В частности, такая алгоритмизация не затронет классические правоотношения, так как её полная реализация возможна лишь в цифровой среде.

«Смарт-законы» способны не допускать совершение неправомерных действий в рамках цифровой платформы. Вследствие этого появляется возможность оказывать воздействие на цифровые отношения и автоматизировать их правоприменение. Структурно-функциональный анализ показывает, что цифровые технологии создают новую правовую среду взаимодействия, и потенциально любые цифровые коммуникации способны стать правовыми.

Новая правовая среда взаимодействия позволяет включить в правовое регулирование отношения, на которые классический механизм правового регулирования не мог оказать существенного влияния. Например, по доступу к информации или по обмену цифровыми ценностями. Предшествующие цифровые технологии, такие как Интернет, не вводили ничего принципиально нового для механизма правового регулирования: они не обеспечивали достаточной надёжности в передаче информации. Кроме того, ранние цифровые технологии могли влиять только на способ взаимодействия между субъектами. Новейшие цифровые технологии создают среду взаимодействий, не обладающую определенными важными

свойствами материального мира (например, пространством в физическом понимании). Из-за появления новых явлений («смарт-законы», цифровые ценности и искусственный интеллект) для этой среды требуются иные подходы, не свойственные классическому праву.

Отражением этих процессов является появление в доктрине понятия «цифровое право». В. Н. Синюков предлагает сместить акцент не на формально-юридическую, а на объективно-правовую и ситуативную стороны правового воздействия. Согласно такому подходу, цифровое право — «это нормативный правовой механизм, охватывающий и пронизывающий важнейшие элементы российской правовой системы. Главный критерий выделения цифрового права — наличие цифровой виртуальной коммуникации субъектов, сеть которой в настоящее время неуклонно расширяется» [18, с. 13]. Данный подход концентрируется исключительно на динамическом компоненте права, полностью игнорируя статический. Однако субъективное и объективное право существуют неразрывно друг от друга, образуя право в целом, и было бы ошибкой игнорировать часть системы. Оснований для отрицания объективного права пока не наблюдается. Таким образом, корректность данного термина вызывает некоторые вопросы. Термин предполагает, что «цифровое право» должно существовать отдельно от классического права, то есть параллельно ему.

Конечно, у новейших цифровых технологий есть значительный регулятивный потенциал, да и сама среда взаимодействия в большей степени отличается от классической, ввиду иной природы. Из-за этого классические методы правового воздействия не вполне адекватны в цифровой среде, что меняет и природу механизма правового регулирования. Суть права в цифровой среде существенно не отличается. Право по-прежнему представляет собой нормы, затрагивающие наиболее важные общественные отношения путём предоставления взаимно корреспондирующих прав и обязанностей. Ввиду этого нельзя говорить о «раздвоении» права.

Обращая внимание на сохранение сущностных свойств правовой системы, Е. В. Михайлова предлагает использовать термин «модернизация» вместо «трансформация» [13, с. 86]. С этой позицией отчасти можно согласиться, так как часть правовой системы претерпевает лишь незначительные изменения. Однако структура права, без сомнения, меняется и становится сложней и многогранной. Системно-структурный анализ показывает, что происходящие процессы едва ли ведут к появлению нового «цифрового права». Они ведут к усложнению системы — к появлению новой цифровой подсистемы, включающей в себя цифровую среду взаимодействия. Соответствующая подсистема не укладывается в традиционное отраслевое деление, таким образом, расширяя систему права и создавая новый механизм правового регулирования.

В качестве основных признаков цифровой подсистемы можно выделить: регулирование отношений, складывающихся исключительно в цифровой среде; воздействие на правоотношения средствами самой среды; автоматизированное правоприменение.

Цифровая подсистема включает в себя нетрадиционные для права элементы, а именно — технико-информационные и естественно-технические элементы, например, «смарт-законы». Из-за данных элементов расширяется инструментальный механизм правового регулирования программными средствами. Правила, заложенные в программный код соответствующей среды, фактически становятся основным источником регулирования. В связи с этим появилась позиция, согласно которой отношения в цифровой среде не могут быть урегулированы классическими средствами [17]. В качестве одного из основных аргументов данной позиции выступает концепция «Code is law», подразумевающее самодостаточность компьютерного кода для регулирования технологических процессов [24]. Ввиду этого П. Де Филиппи и С. Хассан отмечают расхождение программного кода и законодательства, которое он призван отразить [23]. Можно согласиться с позицией А. И. Савельева: «Хотя компьютерный код может эффективно применять правила, он также имеет ряд ограничений, главным образом потому, что трудно перенести двусмысленность и гибкость правовых норм в формализованный язык, который может быть интерпретирован машиной» [25]. Также видится невозможным перенесение оценочных категорий, например, таких, как «разумность» и «добросовестность», в компьютерный код.

Классическое право, как и прежде, будет регулировать классические правоотношения и гибридные (протекающие на границе цифрового и материального мира) правоотношения и закреплять основные принципы для цифровой подсистемы, которая будет иметь более правореализационный характер. Однако цифровую подсистему невозможно подробно регламентировать в законодательстве, в отличие от классического права, для которого едва ли изменится система источников.

Для цифровой подсистемы более характерным станет использование обычая и новых, ещё не систематизированных источников права, основанных на программном коде и технических особенностях самой среды взаимодействия. Однако право не может функционировать без государственной основы. Принципы для построения правоотношения и, вероятно, механизмы защиты должны быть отражены в законодательстве.

Однако конкретное регулирование будет осуществляться посредством самоуправления или вытекать из технических норм, присущих соответствующей среде, что, без сомнения, приведёт к уменьшению объёма законодательного регулирования относительно общей доли правоотношений. За государством же останется только функция по охране правоотношений в цифровой среде без их прямой регламентации. Наиболее вероятным видится применение мер классического принуждения на материальных субъектах, участвующих в цифровых правоотношениях. Воздействие вместо принуждения в цифровой реальности будет оказываться самой средой. Таким образом, происходящие изменения влекут отдаление государства от права, создавая в определённом смысле разрыв между явлениями, которые веками считались неразрывными, что, возможно, приведёт и к пересмотру роли и сущности государства.

Отличия методологии регулирования вызывают конфликты новых и старых регуляторов. Зарождаются определенные противоречия. Трансформация права не может произойти мгновенно, что нормой для перехода к новой юридической эпохе. Некоторые государства уже пытаются адаптироваться под новые реалии, другие пытаются взять под тотальный контроль происходящие изменения. Уже сейчас в праве появились институты, не имеющие однозначной юридической квалификации; зачастую их не слишком успешно пытаются подвести под уже известные конструкции. Но зарождающаяся цифровая подсистема неуклонно расширяет инструментальный механизм правового регулирования, распространяя его на ранее не регулируемые или даже не существовавшие отношения.

От государства требуется задать вектор развития цифровой среды, прежде всего через меры стимулирования. В мире уже существует практика создания регулятивных песочниц, используемых отчасти для изучения способов построения общественных отношений и выбора оптимальных моделей регулирования. Часть выработанных решений находит своё отражение в законодательстве. Тем не менее подобные поправки, как правило, фрагментарны и излишне осторожны. По нашему мнению, большая часть законодателей стремится оказать влияние на правовую культуру для того, чтобы будущие, более значительные, поправки не вызвали общественный резонанс и отторжение со стороны пользователей цифровых платформ. Однако правовая культура преобразуется не только из-за деятельности законодателя, но и из-за увеличения числа субъектов, вовлечённых в цифровые коммуникации.

Как социальный институт правовая культура формирует у граждан политическое и правовое сознание, ценностно-нормативные установки, а опосредованно и правовое поведение [22]. При этом происходящие изменения в цифровой сфере общества уже постепенно начинают менять её как в части общественного сознания права, так и в рамках правовой традиции [10]. Последнее происходит как в академических кругах, так и в среде практикующих юристов, внедряющих цифровые технологии в свою деятельность и оказывающих услуги клиентам в соответствующих вопросах. Перспектива развития цифровой подсистемы заключается не просто в адаптации действующих источников права под новые цифровые реалии, а в появлении новых форм правовой коммуникации, более экономных и быстрых способов возникновения, изменения и прекращения правоотношений, что в конечном итоге должно привести к сдвигам в правовой культуре — как в массовой, так и профессиональной.

На данном этапе изменения законодательства видятся целесообразным стимулирование цифровизации при помощи рекомендательных норм. При включении цифровых технологий посредством диспозитивных норм нивелируются риски, связанные с избыточным или неточным регулированием, а значит, для реализации Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» требуется масштабное внедрение в правовое поле технологий с помощью дополнительных поправок к законодательству. Однако в случае осуществления регулирования посредством императивных норм такой подход оказывается менее эффективным. Требуется вносить поправки в действующее законодательство с опорой на правовое прогнозирование. Под правовым (юридическим) прогнозированием понимается «научно-практическая деятельность, направленная на выявление тенденций развития сферы правового регулирования и возможных вариантов правовых решений и действий» [4, с. 222]. При интеграции цифровых технологий в законодательное регулирование наиболее действенным способом видится правовой эксперимент.

А. Г. Репьев определяет правовой эксперимент следующим образом: «Правовой эксперимент — это специальная модель временного правового регулирования, реализуемая посредством экспериментальной правовой нормы, предусматривающей пробное установление изъятий и (или) дополнений к общему властному велению, и направленная на повышение эффективности воздействия на общественные отношения» [16, с. 47].

В России на данный момент правовой эксперимент чаще всего проводится в формате «экспериментального правового режима», выступающего в качестве локального эксперимента, проводящегося в рамках отдельно взятой или группы организаций [8]. Такая правотворческая политика видится разумной, так как позволяет избежать нарушения прав и законных интересов большого круга лиц. Тем не менее для каждой экспериментальной программы принимается отдельный комплект нормативно-правовых актов, не связанных единым источником. Это приводит к тому, что у ведомства, выступающего в качестве инициатора программы экспериментального правового режима, появляются фактические возможности для злоупотреблений и искажений собранных сведений. Следовательно, требуется принять единое федеральное законодательство, закрепляющее случаи допустимости и основные правила проведения правового эксперимента.

Применение метода правового моделирования показывает, что при проведении данных экспериментов необходимо учитывать масштабируемость и локальность. Локальность предполагает проведение эксперимента на ограниченной территории или в пределах организации, то есть в выделенном правовом поле. Масштабируемость подразумевает возможность использования результатов локального правового эксперимента для построения прогноза действия норм при внедрении их в централизованное регулирование. Отметим, что локальный правовой эксперимент частично позволяет избежать «правового хаоса» и других проблем регулирования при стихийном правотворчестве.

Заключение

Подводя итог, отметим, что благодаря развитию цифровых технологий появилась новая среда взаимодействия, оказывающая существенное влияние как на структуру правовой системы, так и на правовую культуру. Данную среду можно обозначить как цифровую подсистему права. При этом нельзя говорить о «раздвоении» права. Классическое право, как и прежде, будет регулировать классические и гибридные правоотношения и закреплять основные принципы для цифровой подсистемы, которая будет иметь более правореализационный характер.

Её средствами (с помощью смарт-законов) можно оказывать воздействие на правовые коммуникации. Воздействие, оказываемое на них, не позволяет выходить за рамки правомерного поведения и блокирует недопустимые действия при попытке их совершения.

Правовая культура изменяется как из-за преобразования повседневной жизни субъектов, так и благодаря воздействию на правосознание путём законодательных поправок.

Однако, по нашему мнению, законодатель излишне осторожен при изменении диспозитивных норм. Вносимые поправки отстают от преобразований в экономике и только фрагментарно затрагивают технические возможности новейших цифровых технологий. Подобная политика государства оправдана для императивного регулирования, что реализуется современным российским законодателем посредством правовых экспериментов. Тем не менее законодательство о правовых экспериментах является нерешённой проблемой действующей системы права. И требуется дальнейшее исследование законодательного регулирования правовых экспериментов.

Список литературы:

1. Абрамов, Р. А. Основные направления влияния современных технологий на развитие права / Р. А. Абрамов, Д. А. Пашенцев // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. — 2024. — № 1(53). — С. 7-13. — DOI 10.25688/2076-9113.2024.53.1.01. — EDN KPFHNI.

2. Азизов, Р. Ф. Правовое регулирование в сети интернет сравнительно- и историко-правовое исследование : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Азизов Рашад Фикрат оглы. – Санкт-Петербург, 2017. – 22 с.
3. Бухонова, Л. Р. Тенденции и перспективы развития конституционного права частной собственности в современном мире / Л. Р. Бухонова // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 1(62). – С. 50-57. – DOI 10.17803/1994-1471.2016.62.1.050-057. – EDN VUTNHP.
4. Зайцева, Е. С. Юридическое прогнозирование как средство установления пределов правового регулирования / Е. С. Зайцева // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2021. – Т. 27, № 3(82). – С. 221-225. – DOI 10.24412/1999-625X-2021-3-82-221-225.
5. Залоило, М. В. Национальный правовой порядок России в условиях цифровизации / М. В. Залоило, Д. А. Пашенцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10, № 2. – С. 196-209. – DOI 10.21638/spbu.2019.201. – EDN KNVVHZ.
6. Карцхия, А. Цифровое будущее классической цивилистики / А. Карцхия // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2018. – № 5. – С. 35-46.
7. Корнев А.В. Технологические революции и право / А.В. Корнев // История государства и права. – 2019. – № 5. – С. 3-10. – DOI 10.18572/1812-3805-2019-5-3-10.
8. Костюнина, О. В. «доверяй, но проверяй» - оценка экспериментального правового регулирования / О. В. Костюнина // Юристы-Правоведы. – 2024. – № 3(110). – С. 15-23.
9. Ладенков, Н. Е. Влияние технологических революций на право / Н. Е. Ладенков // Философия права. – 2022. – № 1(100). – С. 45-49.
10. Ладенков, Н. Е. Влияние цифровизации на правовую культуру / Н. Е. Ладенков // Цифровые технологии и право : сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции В 6 т., Казань, 22 сентября 2023 года. – Казань: Издательство "Познание", 2023. – С. 36-43.
11. Ладенков, Н. Е. "Смарт-закон" как технология правоприменения / Н. Е. Ладенков // Наступившее будущее: новые форматы, смыслы и сущности образования : Сборник материалов XIX Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21 октября 2021 года / МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАНКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ АНАТОЛИЯ СОБЧАКА. – Санкт-Петербург: Международный банковский институт имени Анатолия Собчака, 2021. – С. 63-72.
12. Миронов, В. В. От классической к электронной культуре: сложности перехода / В. В. Миронов // Лекции и доклады членов Российской академии наук в СПбГУП (2013-2023) : Сборник статей. К 300-летию Российской академии наук. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2023. – С. 605-610. – EDN EXZKAK.
13. Михайлова, Е. В. Цифровизация права в контексте его сущности и применения / Е. В. Михайлова // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 7(161). – С. 83-86. – DOI 10.24158/tipor.2021.7.11. – EDN OBWWXA.
14. Моисеенко, Ю. П. К вопросу о перспективной концепции государственно-правового регулирования правоотношений в сети Интернет / Ю. П. Моисеенко // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2023. – Т. 12, № 1. – С. 84-88. – DOI 10.24412/2225-8264-2023-1-84-88.
15. Пашенцев, Д. А. Основные направления влияния современных цифровых технологий на развитие права / Д. А. Пашенцев // Право и образование. – 2019. – № 7. – С. 4-9. – EDN ESKXUV.
16. Репьев, А. Г. Правовой эксперимент и правотворческий опыт как специальные модели правового регулирования: техника, практика, пределы / А. Г. Репьев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1(97). – С. 44-52. – DOI 10.35750/2071-8284-2023-1-44-52.
17. Сидоренко Э. Нужно ли регулировать биткойн? / Э. Сидоренко, А. Савельев, А. Пушков, Р. Янковский и др. // Закон. – 2017. – № 9. С. – 20 – 33.
18. Синоков, В. Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы / В. Н. Синоков // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 9(154). – С. 9-18. – DOI 10.17803/1729-5920.2019.154.9.009-018. – EDN UCNDTG.
19. Ткаченко, И. Ю. Возможности наднационального регулирования цифровой экономики в странах БРИКС / И. Ю. Ткаченко // Российский внешнеэкономический вестник. – 2018. – № 5. – С. 99-111.
20. Хабриева, Т. Я. Право в условиях цифровой реальности / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор // Журнал российского права. – 2018. – № 1(253). – С. 85-102. – DOI 10.12737/art_2018_1_7. – EDN YKWEZL.
21. Хабриева, Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2018. – № 9(261). – С. 5-16. – DOI 10.12737/art_2018_9_1.
22. Чернышенко А.Г. Правосознание: понятие, структура, сущность в контексте социокультурного анализа // Научная мысль Кавказа. Приложение. – 2002. – № 15. – С. 38.
23. De Filippi P. Blockchain technology as a regulatory technology: From code is law to law is code / P. De Filippi, S. Hassan // First Monday. 2016. Vol. 12. URL: <http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/7113/5657> (дата обращения: 17.08.2025).
24. Godefroy L. Le code algorithmique au service du droit / L. Godefroy // Recueil Dalloz. 2018. N 14/7771. P. 713 – 792.
25. Savelyev, A. Legal aspects of ownership in modified open source software and its impact on Russian software import substitution policy / A. Savelyev // Computer Law & Security Report. – 2017. – Vol. 33, No. 2. – P. 193-210. – DOI 10.1016/j.clsr.2016.11.014. – EDN YUWDXH.

References:

1. Abramov, R. A. Osnovny'e napravleniya vliyaniya sovremenny'x tekhnologiy na razvitie prava / R. A. Abramov, D. A. Pashencev // Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki. – 2024. – № 1(53). – С. 7-13. – DOI 10.25688/2076-9113.2024.53.1.01. – EDN KPFHHI.
2. Azizov, R. F. Pravovoe regulirovanie v seti internet sravnitel'no- i istoriko-pravovoe issledovanie : special'nost' 12.00.01 Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya uchenij o prave i gosudarstve : avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk / Azizov Rashad Fikrat ogly' . – Санкт-Петербург, 2017. – 22 s.
3. Buxonova, L. R. Tendencii i perspektivy razvitiya konstitucionnogo prava chastnoj sobstvennosti v sovremennom mire / L. R. Buxonova // Aktual'ny'e problemy' rossijskogo prava. – 2016. – № 1(62). – С. 50-57. – DOI 10.17803/1994-1471.2016.62.1.050-057. – EDN VUTNHP.
4. Zajceva, E. S. Yuridicheskoe prognozirovaniye kak sredstvo ustanovleniya predelov pravovogo regulirovaniya / E. S. Zajceva // Nauchny'j vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. – 2021. – Т. 27, № 3(82). – С. 221-225. – DOI 10.24412/1999-625X-2021-3-82-221-225.
5. Zaloilo, M. V. Nacional'ny'j pravoporyadok Rossii v usloviyax cifrovizacii / M. V. Zaloilo, D. A. Pashencev // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. – 2019. – Т. 10, № 2. – С. 196-209. – DOI 10.21638/spbu.2019.201. – EDN KNVVHZ.
6. Karczxiya, A. Cifrovoe budushhee klassicheskoj civilizitsii / A. Karczxiya // Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhny'e prava. – 2018. – № 5. – С. 35-46.
7. Kornev, A. V. Tekhnologicheskie revolyucii i pravo / A. V. Kornev // Istoriya gosudarstva i prava. – 2019. – № 5. – С. 3-10. – DOI 10.18572/1812-3805-2019-5-3-10.
8. Kostyunina, O. V. «doveryaj, no proveraj» - ocenka e'ksperimental'nogo pravovogo regulirovaniya / O. V. Kostyunina // Yurist' - Pravoved'. – 2024. – № 3(110). – С. 15-23.
9. Ladenkov, N. E. Vliyaniye tekhnologicheskix revolyucij na pravo / N. E. Ladenkov // Filosofiya prava. – 2022. – № 1(100). – С. 45-49.
10. Ladenkov, N. E. Vliyaniye cifrovizacii na pravovuyu kul'turu / N. E. Ladenkov // Cifrovye tekhnologii i pravo : sbornik nauchny'x trudov II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii V 6 t., Kazan', 22 sentyabrya 2023 goda. – Kazan' : Izdatel'stvo Poznanie, 2023. – С. 36-43.
11. Ladenkov, N. E. Smart-zakon kak tekhnologiya pravoprimeneniya / N. E. Ladenkov // Nastupivshhee budushhee: novye e'formaty', smy'sly i sushnosti obrazovaniya : Sbornik materialov XIX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Sankt-Peterburg, 21 oktyabrya 2021 goda / MEZHdUNARODN'YJ BANKOVSKIJ INSTITUT IMENI ANATOLIYA SOBCHAKA. – Sankt-Peterburg: Mezhdunarodny'j bankovskij institut imeni Anatoliya Sobchaka, 2021. – С. 63-72.
12. Mironov, V. V. Ot klassicheskoy k e'lektronnoj kul'ture: slozhnosti perexoda / V. V. Mironov // Lekcii i doklady chlenov Rossijskoj akademii nauk v SPbGUP (2013-2023) : Sbornik statej. K 300-letiyu Rossijskoj akademii nauk. – Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij Gumanitarny'j universitet profsoyuzov, 2023. – С. 605-610. – EDN EXZKAK.
13. Mixajlova, E. V. Cifrovizaciya prava v kontekste ego sushhnosti i primeneniya / E. V. Mixajlova // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. – 2021. – № 7(161). – С. 83-86. – DOI 10.24158/tipor.2021.7.11. – EDN OBWWXA.
14. Moiseenko, Yu. P. K voprosu o perspektivnoj koncepcii gosudarstvenno-pravovogo regulirovaniya pravootnoshenij v seti Internet / Yu. P. Moiseenko // Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informacionny'x tekhnologij. – 2023. – Т. 12, № 1. – С. 84-88. – DOI 10.24412/2225-8264-2023-1-84-88.
15. Pashencev, D. A. Osnovny'e napravleniya vliyaniya sovremenny'x cifrov'x tekhnologij na razvitie prava / D. A. Pashencev // Pravo i obrazovanie. – 2019. – № 7. – С. 4-9. – EDN ESKXUV.
16. Rep'ev, A. G. Pravovoy e'ksperiment i pravotvorcheskij opyt kak special'ny'e modeli pravovogo regulirovaniya: texnika, praktika, predely / A. G. Rep'ev // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2023. – № 1(97). – С. 44-52. – DOI 10.35750/2071-8284-2023-1-44-52.
17. Sidorenko E'. Nuzhno li regulirovat' bitkoin? / E'. Sidorenko, A. Savel'ev, A. Pushkov, R. Yankovskij i dr. // Zakon. – 2017. – № 9. С. – 20 – 33.
18. Sinyukov, V. N. Cifrovoe pravo i problemy' e'tapnoj transformacii rossijskoj pravovoj sistemy' / V. N. Sinyukov // Lex Russica (Russkij zakon). – 2019. – № 9(154). – С. 9-18. – DOI 10.17803/1729-5920.2019.154.9.009-018. – EDN UCNDTG.
19. Tkachenko, I. Yu. Vozmozhnosti nadnacional'nogo regulirovaniya cifrovoy e'konomiki v stranax BRIKS / I. Yu. Tkachenko // Rossijskij vneshnee'konomicheskij vestnik. – 2018. – № 5. – С. 99-111.
20. Xabrieva, T. Ya. Pravo v usloviyax cifrovoy real'nosti / T. Ya. Xabrieva, N. N. Chernogor // Zhurnal rossijskogo prava. – 2018. – № 1(253). – С. 85-102. – DOI 10.12737/art_2018_1_7. – EDN YKWEZL.
21. Xabrieva, T. Ya. Pravo pered vy'zovami cifrovoy real'nosti / T. Ya. Xabrieva // Zhurnal rossijskogo prava. – 2018. – № 9(261). – С. 5-16. – DOI 10.12737/art_2018_9_1.
22. Cherny'shenko A.G. Pravosoznanie: ponyatie, struktura, sushhnost' v kontekste sociokul'turnogo analiza // Nauchnaya my'sl' Kavkaza. Prilozhenie. – 2002. – № 15. – С. 38.
23. De Filippi P. Blockchain technology as a regulatory technology: From code is law to law is code / P. De Filippi, S. Hassan // First Monday. 2016. Vol. 12. URL: <http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/7113/5657> (data obrashcheniya: 17.08.2025).
24. Godefroy L. Le code algorithmique au service du droit / L. Godefroy // Recueil Dalloz. 2018. N 14/7771. P. 713 – 792.
25. Savelyev, A. Legal aspects of ownership in modified open source software and its impact on Russian software import substitution policy / A. Savelyev // Computer Law & Security Report. – 2017. – Vol. 33, No. 2. – P. 193-210. – DOI 10.1016/j.clsr.2016.11.014. – EDN YUWDXH.

ПРЕЗУМПЦИЯ СОГЛАСИЯ НА ТРАНСПЛАНТАЦИЮ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ: ПОНЯТИЕ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ PRESUMPTION OF CONSENT FOR ORGAN AND TISSUE TRANSPLANTATION: THE CONCEPT AND LEGAL REGULATION

УСМАНОВА Елена Фанильевна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и административного права
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева».

430000, Россия, Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68.

E-mail: usmanowa_ef@rambler.ru;

КОРОВИНА Дарья Алексеевна,

Студент юридического института

ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева».

430000, Россия, Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68.

E-mail: usmanowa_ef@rambler.ru;

USMANOVA Elena,

PhD in Law, Associate Professor National Research Ogarev Mordovia State University.

430000, Russia, Mordovia, Saransk, st. Bolshevistskaya, 68.

E-mail: usmanowa_ef@rambler.ru;

KOROVINA Darya,

law student National Research Ogarev Mordovia State University.

430000, Russia, Mordovia, Saransk, st. Bolshevistskaya, 68.

E-mail: usmanowa_ef@rambler.ru

Краткая аннотация: в статье рассматривается понятие презумпции согласия на трансплантацию органов и тканей. Авторы анализируют законодательные нормы, регулирующие процедуру получения согласия на трансплантацию, а также этические и правовые аспекты, связанные с презумпцией согласия. Авторами отмечается, что успешные операции по трансплантации сердца, легких и других органов свидетельствуют о том, что трансплантация перестает быть экспериментальной, переходит в стадию широкого клинического применения и активно внедряется в медицинскую практику на территории Российской Федерации. Особое внимание уделяется перспективным направлениям современной трансплантации: биопринтингу и созданию искусственных органов, а также подробно рассматривается одна из важных проблем: детская трансплантация.

Abstract: The article discusses the concept of presumption of consent to transplantation of organs and tissues. The authors analyze the legislative norms governing the procedure for obtaining consent to transplantation, as well as ethical and legal aspects related to the presumption of consent. The authors noted that successful transplantation operations, lungs and other bodies indicate that transplantation ceases to be experimental and goes into the stage of wide clinical use and is actively introduced into medical practice in the Russian Federation. Particular attention is paid to the promising areas of modern transplantation: bioprinting and the creation of artificial bodies, and one of the important problems is considered in detail: children's transplantation.

Ключевые слова: презумпция согласия; трансплантация; детское донорство; биопринтинг; искусственные органы.

Keywords: presumption of consent; transplantation; children's donation; bioprinting; Artificial organs.

Для цитирования: Усманова Е.Ф., Коровина Д.А. Презумпция согласия на трансплантацию органов и тканей: понятие и правовое регулирование // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 13-16. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_13.

For citation: Usmanova E.F., Korovina D.A. Presumption of consent for organ and tissue transplantation: the concept and legal regulation // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 13-16. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_13.

Статья поступила в редакцию: 24.08.2025

Трансплантология – это современная и быстро развивающаяся область медицины, специализирующаяся на пересадке органов и тканей. Успешные операции по трансплантации сердца, легких и других органов свидетельствуют о том, что эта практика перестала быть экспериментальной и становится все более распространенной в России. Так, согласно статистике НМИЦ трансплантологии и искусственных органов им. ак. В.И. Шумакова Министерства здравоохранения РФ, только за начало 2025 года было пересажено 367 – печени; 13 – легких; 165 – сердца; 717 – почек и 1 трансплантация комплекса сердце-легкие [1].

Такой стремительный подъем потребности в пересадке органов ставит перед обществом и государством новые сложные вызовы, требующие немедленного и рационального правового урегулирования. Отсутствие четкой правовой основы, регулирующей все стороны трансплантации, создает почву для злоупотреблений, этических дилемм и, как следствие, разрушает доверие к этой жизненно важной процедуре.

Развитие законодательства о трансплантации в России берёт свое начало с появлением в 1857 году Единого врачебного устава до принятия Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22.12.1992 №4180-1 [2]. Помимо этих норм данную деятельность регулирует: Федеральный закон «О погребении и похоронном деле» от 12.01.1996 № 8; Федеральный закон «О донорстве крови и её компонентов» от 20.07.2012 №125; Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63, устанавливающий ответственность за принуждение к изъятию органов или тканей человека.

Начиная с 1 сентября 2025 года вступает в силу обновлённый перечень состоящий из 25 объектов трансплантации, утверждённый совместным приказом Минздрава России и Российской академии наук (РАН) от 25 марта 2025 года №150н/1. Согласно ему, к данному перечню относят: кости свода черепа, нижнюю челюсть, трахею и др. Однозначно запрещено использовать для пересадки органы, имеющие отношение к

процессу воспроизводства человека, включающие в себя репродуктивные ткани, а также на кровь и ее компоненты.

При этом, можно отметить, что в правовом плане различают изъятие органов и тканей у живого человека и у трупа. В случае с живыми донорами, процедура относительно ясна: у них могут быть изъяты при наличии добровольного письменного согласия костный мозг, часть печени или одна почка при условии полного здоровья второго органа. Изъятие возможно у живого донора в случае, если его здоровью по заключению консилиума врачей-специалистов не будет причинен значительный вред. Изъятие не допускается у донора:

- не достигшего 18 лет (исключение: костный мозг) либо признанного в установленном порядке недееспособным;
- страдающего болезнью, представляющей опасность для жизни и здоровья реципиента (например, донор заражен ВИЧ-инфекцией, туберкулезом и т. д.);
- изъятие органов (тканей) невозможно у лиц, находящихся в служебной или иной зависимости от реципиента.

В области регулирования донорства органов после смерти выделяются два доминирующих подхода, которые нередко противопоставляются друг другу: презумпция активного согласия и презумпция пассивного согласия.

Согласно ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», совершеннолетний дееспособный гражданин может в устной форме в присутствии свидетелей или в письменной форме, заверенной руководителем медицинской организации либо нотариально, выразить свое волеизъявление о согласии или о несогласии на изъятие органов и тканей из своего тела после смерти для трансплантации. При отсутствии явно выраженного волеизъявления такого лица, право согласиться или не согласиться на трансплантацию с изъятием органов (тканей) умершего переходит супругу, либо в случае его отсутствия - одному из ближайших родственников (детям, родителям, братьям, сестрам, внукам, дедушкам, бабушкам). В ситуации, когда умерший является несовершеннолетним или недееспособным, то необходимо получить согласие одного из родителей.

Изъятие органов (тканей) у трупа для трансплантации не допускается, если: медицинская организация на момент такого изъятия поставлена в известность о том, что совершеннолетнее дееспособное лицо при жизни либо иные лица, указанные в части 7 статьи 47 ФЗ от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», заявили о своем несогласии на такое изъятие, либо медицинской организацией не получено согласие одного из родителей на такое изъятие в случае смерти несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном законом порядке недееспособным.

Таким образом, презумпция согласия на трансплантацию представляет собой правовой и этический концепт в области трансплантологии, который предполагает, что человек после смерти автоматически считается донором, при условии, что при жизни он не выразил явного и документально зафиксированного отказа от данного статуса.

Соответственно, в России как и в ряде европейских стран (Франция, Италия, Швеция, Бельгия, Финляндия, Дания и Норвегия) действует система «презумпции согласия» в отношении донорства органов. Это значит, что после смерти человека его органы могут быть использованы для трансплантации, если он при жизни не выразил несогласие на это, и, если его родственники не возражают против изъятия органов. Из этого следует, что любой россиянин по умолчанию становится донором после смерти. Это приводит к негативному восприятию донорства, особенно когда родственники внезапно узнают об использовании органов умершего близкого для трансплантации, не давая на это согласия.

Чтобы решить данную проблему необходимо повышать осведомленность населения через СМИ, Интернет-ресурсы и объяснять цель трансплантации: возможность спасти жизнь другому человеку.

Но когда человек признается умершим? В юридической литературе выделяют: клиническую и биологическую смерть. Клиническая смерть является обратимым процессом умирания, который продолжается в течение 8-10 минут после прекращения дыхания и кровообращения. Биологическая смерть – необратимые последствия в организме человека, при котором реанимационные действия не смогут вернуть больного к жизни [3]. Констатация смерти человека наступает при смерти мозга или биологической смерти человека (необратимой гибели человека). Данная смерть может быть констатирована на основании, к примеру, остановки сердца и дыхания, продолжающихся более 30 минут [5].

Несомненно, для подтверждения факта смерти мозга крайне важно, чтобы трансплантологи были независимы от медицинского персонала, занимавшегося лечением потенциального донора. Состав комиссии специалистов, утверждение протокола установления смерти мозга должно осуществляться заведующим реанимационным отделением, а в случае его отсутствия – дежурным врачом лечебного учреждения. Вся информация, полученная в ходе медицинского обследования пациента, а также заключения врачей, проводивших это обследование, в обязательном порядке фиксируются в медицинской документации [6].

Подходы к реализации презумпции согласия на трансплантацию могут различаться в зависимости от национального законодательства и культурных традиций. Например, выделяют:

- активное согласие, которое может быть выражено через подписание человеком при жизни специального документа или включение соответствующего пункта в завещание на использование его органов или тканей после смерти;
- пассивное согласие, согласно которому считается, что человек не возражает против трансплантации после смерти, если при жизни не выразил своего несогласия (как в России);
- сочетание презумпции согласия с возможностью отказа, когда презумпция согласия является основой, но при этом родственники умершего могут выразить несогласие с использованием органов для трансплантации. Это позволяет учитывать культурные и религиозные особенности, а также обеспечивает дополнительный уровень защиты прав семьи;
- наличие специальных органов и процедур для согласования трансплантации: в отдельных странах существуют специальные органы

или процедуры, которые рассматривают каждый случай трансплантации отдельно и принимают решение на основе законодательства, учитывая конкретные обстоятельства, а также консультации с родственниками, врачами и другими заинтересованными сторонами.

Концепция презумпции активного согласия (требующая «очевидного согласия») подразумевает, что изъятие органов для трансплантации допустимо лишь при наличии прямого и осознанного согласия донора, выраженного им при жизни. Такая система характерна для США (Закон об анатомическом дарении) которая предполагает, что тот, кто хочет быть донором, должен пройти процедуру регистрации в особом порядке, который ведется в его штате (через интернет или по почте). Согласие обычно закрепляется в водительских правах или в страховом свидетельстве, где для этого имеется специальная графа.

Трансплантология как отмечалось выше является жизненно важной процедурой, спасающей тысячи жизней ежегодно. Однако, несмотря на значительный прогресс, эта область медицины сталкивается с новыми вызовами и направлениями развития. Среди них:

– недостаточное регулирование процессов и результатов создания искусственных органов. В настоящее время делаются попытки способные заменить естественный орган на искусственный. Так, в Сеченовском университете с 2024 года был запущен проект «Орган на заказ» который рассчитан до 2030 года и нацелен на создание платформенных решений по созданию тканей из клеток человека. В том числе в космосе. Первым шагом будет разработка и вывод на уровень клинической практики к 2027 году технологии создания пародонтального комплекса. Новые открытия потребуют и правового регулирования, так как в настоящий момент нет законодательного понятия «искусственный орган». В литературе под подобными органами подразумеваются механизмы, созданные для частичного или полного замещения работы собственных органов пациента. Искусственные органы помогут в первую очередь предотвратить неминуемую смерть (например, искусственное сердце может поддерживать жизнь пациента в течение времени, необходимого для поиска донорского органа).

– отсутствие законодательного урегулирования 3D-биопринтинга, представляющего собой технологию создания трехмерной модели органов на клеточном уровне. Процесс включает в себя разработку цифрового дизайна органа, его последующую послойную печать с использованием специальных «биочернил», что позволяет получить полноценный аналог живого органа, который можно использовать для пересадки. В России активно поддерживаются и развиваются биологические исследования, направленные на достижение этой цели. К слову, в Сеченовском университете в 2025 году, посредством метода 3D-печати была создана барабанная перепонка и голосовые связки. В будущем биопринтинг позволит сотворить органы и ткани на заказ для каждого реципиента. Данная технология позволит решить вопрос о дефиците органов и сокращении списков, ожидающих пересадку. Но на сегодняшний день говорить о полноценном правовом регулировании биопринтинга преждевременно. Хотя делаются попытки закрепить в законодательстве нормативно-правовой акт «О трёхмерной биопечати органов и (или) тканей человека» который будет определять, как будут производиться, использоваться, распространяться и вживляться органы и ткани, напечатанные на 3D-биопринтере [9].

Однако в современных реалиях особенно актуально закрепление в законодательстве неурегулированных аспектов детского донорства. С 2012 года в России разрешили детскую трансплантацию. Поскольку дети не обладают полной дееспособностью, решение об изъятии их органов и тканей принимают родители или опекуны. Изъятие органов допускается только после подтверждения смерти ребенка, за исключением случаев донорства костного мозга. Посмертное изъятие органов у воспитанников детдомов запрещено, так как никто не может решить «судьбу» органа такого ребенка. До 2016 года в России не существовало регламента, определяющего критерии констатации смерти мозга у детей, что вынуждало семьи с тяжелобольными детьми, которым требовалась пересадка органов, обращаться за медицинской помощью за рубежом, преимущественно в Италию. Даже после утверждения инструкции, позволяющей диагностировать смерть мозга у детей в возрасте от одного года, ее применение в реальной практике оставалось крайне редким. Это объясняется философскими и этическими сложностями: врачи испытывали трудности в общении с родителями в столь трагический момент и не решались обсуждать возможность донорства. Фактически, врачи не были готовы брать на себя ответственность за проведение процедуры, связанной с изъятием органов у ребенка, даже после констатации смерти мозга.

Одной из причин, которая тормозит развитие детской трансплантологии является отсутствие в России единого регистра донорства детских органов.

Баумова Ж.С. отмечает, что нужно создать реестр с фотоизображениями больных детей. Тем самым если родители получают информацию и увидят фотографию ребенка, которому трансплантация органов может подарить шанс на жизнь. Вероятно, в таких обстоятельствах согласие на донорство будет получено быстрее [8].

На эту проблему обращают свое внимание не только теоретики, но и практики. Так, врач-трансплантолог Каабак М.М. подчеркивает, что ситуацию могло бы исправить создание общедетского регистра, в котором содержалась бы все сведения о детском посмертном донорстве, и соответственно информация о количестве нуждающихся в пересадке органов детей [7].

Мы же полагаем, что нужно создать не просто реестр, а еще и закон, который бы четко определял условия, при которых возможно изъятие органов у несовершеннолетних, порядок получения согласия родителей или законных представителей, а также гарантии соблюдения прав ребенка (в том числе пожизненное донорство детей).

Вопросы трансплантации вызывают ряд этических проблем и споров, поэтому важно учитывать уважение к жизни и личности умершего человека, особенно если родственники считают неприемлемым использование органов без явного согласия (особенно по религиозным причинам). Необходимо обеспечить прозрачность процесса и информирование родственников умершего человека о возможности использования его органов для трансплантации. Это важно для соблюдения прав родственников и предотвращения возможных конфликтов. Презумпция согласия также поднимает вопросы о справедливом распределении органов между реципиентами. Необходимо разработать четкие критерии и процедуры для обеспечения справедливости и эффективности трансплантации. А также важно обеспечить информированность общества и формирование

позитивного отношения к трансплантации.

Сводя всё воедино, становится очевидным, что бурное развитие биомедицинских технологий поставит перед законодательством новые, сложные вызовы. Своевременное и грамотное законодательное урегулирование 3D-печатных органов, детской трансплантации, искусственных органов является необходимым условием для безопасного и эффективного применения этих инновационных технологий в медицине. Это позволит защитить права пациентов, избежать этических конфликтов и обеспечить дальнейшее развитие этих перспективных направлений.

Список литературы:

1. Официальный сайт НМИЦ трансплантологии и искусственных органов им. ак. В.И. Шумакова. [Электронный ресурс]. URL: <https://transpl.ru/about/statistics/>.
2. О трансплантации органов и (или) тканей человека Федеральный закон №4180-1-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 01 мая 2022 г. – Текст : электронный // Гарант: [справ.-правов. система]. – URL: <https://base.garant.ru/136366/>.
3. Коломоец Г. П. Правовое регулирование трансплантации органов и тканей человека // Epomen. Global. 2021. № 18. С. 40-43.
4. Краткая медицинская энциклопедия / гл. ред. Б.В. Петровский. М. : Сов. энцикл., 1989 Т. 3. С. 92.
5. Преступления против жизни и здоровья : учеб. пособие. Ижевск : Удмуртский университет, 2024. 193 с.
6. Каримова Ю.В., Савицкая Д.В. Правовые проблемы трансплантологии // ТМЖ. 2015. №3 (61).
7. Героева А. Мертвая точка. Что мешает пересадке органов детям // Коммерсантъ. 03.06.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4825627>.
8. Баумова Ж.С. Некоторые проблемы правового регулирования трансплантации органов и тканей человека // Юридическая наука. 2017. № 4. С. 67-70.
9. Кушнарев А.С. К вопросу о необходимости принятия самостоятельного законодательного акта, регулирующего отношения в области биопечати // Law Afterknown: право за гранью обыденного : Материалы II Международного молодежного юридического форума. – Тюмень: ТюмГУ-Press, 2023. С. 422-426.

References:

1. Official website of the V.I. Shumakov National Medical Research Center of Transplantology and Artificial Organs – [Electronic resource] – URL: <https://transpl.ru/about/statistics/>.
2. On transplantation of human organs and (or) tissues Federal Law No. 4180-1-FZ: text with amendments and additions as of May 01, 2022 – Text: electronic // Garant: [reference-legal system]. – URL: <https://base.garant.ru/136366/>.
3. Kolomoets G. P. Legal regulation of transplantation of human organs and tissues // Epomen. Global. 2021. No. 18. Pp. 40-43.
4. Brief medical encyclopedia / ed.-in-chief B.V. Petrovsky. Moscow: Sov. encyclopedia, 1989 Vol. 3 P. 92.
5. Crimes against life and health: textbook. manual. Izhevsk: Udmurt University, 2024. 193 p.
6. Karimova Yu.V., Savitskaya D.V. Legal problems of transplantology // TMZh. 2015. No. 3 (61).
7. Geroeva A. Dead end. What prevents organ transplants from happening to children // Kommersant. 03.06.2021. [Electronic resource]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4825627>.
8. Baumova Zh.S. Some problems of legal regulation of transplantation of human organs and tissues // Legal science. 2017. No. 4. Pp. 67-70.
9. Kushnarev A.S. On the issue of the need to adopt an independent legislative act regulating relations in the field of bioprinting // Law Afterknown: law beyond the ordinary: Materials of the II International Youth Legal Forum. - Tyumen: Tyumen State University-Press, 2023. Pp. 422-426.

РОТАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ¹ ROTATION OF CIVIL SERVANTS IN THE RUSSIAN EMPIRE

ГАЦКО Михаил Федорович,

кандидат философских наук, доцент кафедры Международного и публичного права
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
старший научный сотрудник Центра исследований и экспертиз Юридического факультета.
125167, Россия, г. Москва, пр-кт Ленинградский, д. 49/2.

E-mail: MFGatsko@fa.ru;

GATSKO Mikhail Fedorovich,

PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of International and Public Law
of the Financial University under the Government of the Russian Federation,
Senior Researcher of the Center for Research and Expertise of the Faculty of Law.
125167, Russia, Moscow, Leningradsky Ave., 49/2.

E-mail: MFGatsko@fa.ru

Краткая аннотация: в статье рассматривается исторический опыт правового регулирования ротации государственных служащих в Российской империи. Автор анализирует практику отбора кадров на службу в имперские и губернские государственные учреждения, а также ротационные перемещения в бюрократическом аппарате управления Российской империи. Обосновывается вывод о том, что ротация управленческих кадров способствовала искоренению последствий местнического порядка замещения должностей и иных коррупционных проявлений в системе государственной службы.

Abstract: The article examines the historical experience of legal regulation of rotation of civil servants in the Russian Empire. The author analyzes the practice of selecting personnel for service in imperial and provincial government institutions, as well as rotational movements in the bureaucratic apparatus of governance of the Russian Empire. The conclusion is substantiated that the rotation of management personnel contributed to the eradication of the consequences of the parochial order of filling positions and other corruption manifestations in the civil service system.

Ключевые слова: ротация государственных служащих, правовое регулирование, Табель о рангах, гражданские чины, Российская империя.

Keywords: rotation of civil servants, legal regulation, Table of Ranks, civil ranks, Russian Empire.

Для цитирования: Гацко М.Ф. Ротация государственных служащих в Российской империи // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 17-19. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_17.

For citation: Gatsko M.F. Rotation of civil servants in the Russian empire // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 17-19. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_17.

Статья поступила в редакцию: 17.09.2025

Ротация кадров на государственной службе в России приобретает системный характер во времена правления Петра I (1682-1725). С учреждением вместо приказов новых органов исполнительной власти - коллегий встал вопрос о порядке их комплектования и принципах ротации новых государственных служащих.

Указом от 11 декабря 1717 года «О штате Коллегий и о времени открытия оных» было установлено, что каждая коллегия должна состоять из 11 членов, в том числе: президента, вице-президента, 4 советников и 4 ассессоров, а также одного иностранного специалиста (советника или ассессора). Также в каждой коллегии учреждалась канцелярия в составе: «1 секретарь, 1 нотариус, 1 актуарий, 1 регистратор, 1 переводчик; подьячие трёх статей, а также 2 иноземца» [2, с. 195].

Иноземцами (иностранцами) комплектовались должности - секретаря и шкрейвера (писаря). Таким образом, в коллегиях был 21 штатский (гражданский) служащий, из которых только 3 были иностранцами.

Должность президента коллегии нормативно закреплялась за русскими, иностранец мог претендовать только на должность вице-президента. Таким образом большинство должностей в коллегиях резервировались за отечественными кадрами, а количество иностранцев на государственной службе в коллегиях составляло порядка 20 процентов.

Именным императорским Указом от 11 декабря 1717 года «О выборе советников и ассессоров» был установлен порядок выборов в коллегиях советников и ассессоров [3, с. 195]. Чин коллежского советника относил чиновника к 6 классу по «Табели о рангах», что соответствовало армейскому полковнику. В свою очередь коллежский ассессор (заседатель) соответствовал 8 классу «Табели о рангах», а обладатели такого чина получали право на потомственное дворянство.

Президентам коллегий предписывалось строго следить за отбором кандидатов на замещение должностей советников и ассессоров. Так в императорском Указе от 11 декабря 1717 года был заложен механизм противодействия кумовству на государственной службе, в частности повелевалось отбирать кандидатуры так, «чтобы не были его сродники или собственные креатуры».

Замещение всех государственных должностей в коллегиях в эпоху Петра I осуществлялось на конкурсной основе путем отбора лучшего из двух или трёх кандидатов. При этом все кандидатуры необходимо было очно «представить в собрании всех Коллегий и выбирать баллотировом», то есть путём голосования, которому предшествовало рассмотрение и обсуждение претендентов на общем собрании ведомства. Таким же

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

порядком следовало отбирать кандидатов на должности советников и ассессоров в губернские учреждения: из «добрых людей» и «там чтобы выбрали таким же образом с присягой» [3, с. 195].

28 февраля 1720 года Петр I утвердил Генеральный регламент - основной документ, по которому управлялись все новые исполнительные органы государственной власти. Регламент определял не только порядок делопроизводства в ведомствах и бюрократические процедуры, но и статус государственных чиновников, а также некоторые аспекты их ротации.

Генеральный регламент устанавливал пятидневную рабочую неделю и продолжительность рабочего времени для государственных служащих не менее 5 часов в день, вводил штрафы за невыход на службу без уважительной причины в размере месячного жалования за прогул и недельного жалования за каждый час самовольного ухода со службы. Обязательный отпуск в летнее время составлял четыре недели. В отпуске могли одновременно находиться не более трети чиновников коллегии, канцелярии или конторы. Замещение «упалых мест» (высвободившихся должностей) в коллегиях предписывалось производить на конкурсной основе путём выборов из нескольких кандидатов. Запрещалось кумовство и протаскивание на государственную службу лиц, не отвечающих установленным регламентом требованиям. Генеральным регламентом предписывалось «а буде кто в дополнение упалых мест дерзнёт ради дружбы или подарков недостойного или неискусного человека в службу его величества определить, <...> такового, несмотря на лицо, яко неверного слугу, штрафовать лишением чести, или всего имения, или и ссылкой в галерную работу, по важности преступления» [1].

Генеральный регламент также предусматривал подготовку резерва кадров из лучших и способных молодых людей. В канцеляриях каждой коллегии под наставничеством секретарей следовало обучать и стажировать до 10 юнкеров - молодых людей, кандидатов на замещение высвобождаемых государственных должностей. После обучения и успешной сдачи экзаменов юнкера получали соответствующие патенты и могли поступать на государственную службу.

4 февраля (24 января) 1722 года Петр I ввёл «Табель о рангах», которая устанавливала виды государственной службы: воинскую, статскую и придворную, а всех чиновников ранжировала по 14 классам. Табель насчитывала 263 должности и устанавливала стимулы для вертикальной ротации кадров государственной службы.

«Табель о рангах» содержала механизм получения личного и потомственного дворянства. Военные чины имели преимущество перед гражданскими и придворными. Офицерский чин 14 класса давал право на потомственное дворянство. У гражданских и придворных чинов с получением чина 14 класса наступало только право на получение личного дворянства, для права на потомственное дворянство следовало дослужиться до чина 8 класса.

При императоре Николае I Манифестом от 23 июня 1845 года право на получение потомственного дворянства для военных устанавливалось при получении офицерского звания 8 класса (майор), а для гражданских лиц - с 5 класса (статский советник). В свою очередь император Александр II повысил требования к получению потомственного дворянства для военных чинов до 6 класса (полковник), а для гражданских чинов - до 4 класса (действительный статский советник).

«Табель о рангах», как отмечает А.Ф. Поташев, «упорядочивала ротацию кадров, переход с одного вида службы на другой, облегчала дворянам выбор рода службы, расширяла возможности верховной власти в подборе и расстановке кадров государственных служащих» [8, с. 156].

«Табель о рангах» поощряла переход гражданских лиц на военную службу, где быстрее можно было дослужиться до права на потомственное дворянство. В свою очередь офицеры с боевым опытом, заслужившие ратной службой потомственное дворянство после окончания военных кампаний, по выслуге лет, либо по ранению могли выходить в отставку с военной службы и занимать те руководящие гражданские должности, которые ранее могли замещаться исключительно дворянами.

А.В. Львов констатирует, что «с введением «Табели о рангах» ушёл местнический порядок замещения должностей. Знатность происхождения, безусловно, сохранила своё значение, но отныне путь в ряды высшего сословия был открыт и для лиц иного звания» [7, с. 44].

Расширению возможности ротации кадров государственной службы за счёт служащих не дворянского происхождения способствовал императорский Указ от 22 апреля 1726 года «О произвождении в секретари достойных из приказных людей...» [5], разрешивший комплектовать все секретарские должности не дворянами.

В XVIII веке государственная служба перестала быть привилегией одного лишь дворянского сословия. Так, Сенатским указом от 9 января 1779 года «О наполнении канцелярий в наместничествах приказными служителями» был открыт доступ на статскую (государственную гражданскую службу) не только дворянам, но и купцам, студентам, детям священников (при наличии семинарского образования) и даже крестьянам - вольноотпущенникам [6].

Во второй половине XIX - начале XX веков чтобы осуществлять управление окраинами гигантской Российской империи, в которую вошли Великое княжество Финляндское, Царство Польское, Прибалтика, Бессарабия, Закавказский край, Средняя Азия и другие территории требовались высокая мобильность бюрократической администрации и постоянная ротация управленческих кадров.

Как отмечает профессор Бамбергского университета Рольф Мальте, «принцип ротации бюрократии регулярно поставлял на места, зачастую с короткими промежутками, новых управленцев, представлявших имперскую власть. Так, генерал-губернаторы лишь в редких случаях оставались в той или иной провинции дольше, чем на три года» [9, с. 87].

Ротация губернаторов проводилась не только для улучшения управляемости окраинами Российской империи, но и для предупреждения установления коррупционных связей между приезжими чиновниками и местными элитами, заинтересованными в их благосклонности. Кро-

ме того, замеченных во мздоимстве и провинившихся губернаторов из столичного региона и ближних областей зачастую в качестве наказания отправляли на службу, например, в дальние Архангельскую или Олонецкую губернии, что рассматривалось как почётная ссылка.

Аппарат управления в губерниях Российской империи подвергался периодической ротации. Руководящие кадры многократно перемещались из одной губернии в другую. Своеобразный рекорд ротационных перемещений принадлежал члену Государственного совета Российской Империи В.В.Валу, который за 26 лет (1876-1902) сменил 9 руководящих должностей в разных губерниях: вице-губернатора ярославского, виленьского, витебского, волынского, гродненского, харьковского, курского, подольского губернаторов и Санкт-Петербургского градоначальника.

Принцип ротации чиновников на государственной службе был заложен известным государственным деятелем и кодификатором отечественного законодательства М.М. Сперанским при разработке «Плана государственного преобразования России». В соответствии с Манифестом от 1 января 1810 года «Об образовании Государственного совета» назначение председательствующего в этом законосовещательном органе осуществлялось ежегодно, а «распорядок членов по департаментам возобновляется каждые полгода по высочайшему усмотрению» [4].

Таким образом, исторический опыт Российской империи свидетельствует о том, что в эпоху масштабных государственных перемен механизм ротации государственных служащих позволял формировать эффективные управленческие кадры России. В XVIII веке государственная служба перестает быть привилегией одного дворянского сословия, на государственную службу открывается доступ для способных управленческих кадров из простых сословий. Глобальные вызовы, с которыми сталкивалась Российская империя, детерминировали мобилизацию всех ресурсов государства, в том числе и людских на решение задач государственного переустройства, модернизации экономики и обороны государства, что в свою очередь побуждало проводить вертикальные и горизонтальные ротации кадров в системе всего государственного управления.

Список литературы:

1. Генеральный регламент или Устав от 28 февраля 1720 г., по которому Государственные Коллегии, тамож и все оных принадлежащих к ним канцелярий и контор служители, не токмо во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина, подданнейше поступать имеют // Справочная правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/57566480/11/> (дата обращения: 15.09.2025).
2. Именной указ от 11 декабря 1717 г. «О штате Коллегий и о времени открытия оных» // Законодательство Петра I. 1696-1725 годы / МГУ им. М.В. Ломоносова, Юрид. фак. Каф. истории государства и права; Сост. В.А. Томсинов. — М.: Зерцало, 2014. — 528 с.
3. Именной указ от 11 декабря 1717 г. «О выборе советников и ассессоров» // Законодательство Петра I. 1696-1725 годы / МГУ им. М.В. Ломоносова, Юрид. фак. Каф. истории государства и права; Сост. В.А. Томсинов. — М.: Зерцало, 2014. — С 528 с.
4. Манифест от 1 января 1810 г. «Об образовании Государственного Совета» // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3070/> (дата обращения: 15.09.2025).
5. Сенатский указ от 22 апреля 1726 года «О произвождении в секретари достойных из приказных людей; о вычете из жалования за производство в секретари; об отдаче оброчных мельниц самим владельцам в вечное содержание без перекупки; о собирании доходов с Выборгской провинции и о производстве обоим полкам гвардии, вместо отпускаемого им ежегодно хлеба, денег» // Полное собрание законов Российской империи. - СПб.: Типография II отделения собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. (ПСЗРИ-1). Том VII. № 4873.
6. Сенатский указ от 9 января 1779 года «О напoлнении канцелярий в наместничествах приказными служителями» // Полное собрание законов Российской империи. - СПб.: Типография II отделения собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. (ПСЗРИ-1). Том XX. № 14831.
7. Львов А.В. Формирование чиновничьего аппарата Российской Империи в XVIII веке (статская служба) // Вестник Московского городского педагогического университета. - 2022. - № 4 (48). - С. 42-48.
8. Поташев А.Ф. «Табель о рангах» Петра I в истории России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - 2012. - №. 1 (15). Часть 2. - С.155 - 157.
9. Рольф Мальте. Чиновники в разъездах: к вопросу о структурах и действующих лицах имперской бюрократии на закате Российской империи // Исторический курьер. - 2018. - № 1. - С 85-102.

References:

1. The General Regulations or the Charter of February 28, 1720, according to which the State Collegiums, as well as all the clerks and offices belonging to them, not only in external and internal institutions, but also in the exercise of their rank, have the right to act // The reference legal system "Garant". URL: <https://base.garant.ru/57566480/11/> (date of access: 09/15/2025).
2. Personal decree of December 11, 1717 "On the staff of the Collegiums and on the time of their opening" // Legislation of Peter I. 1696-1725 / Lomonosov Moscow State University, Law. fac. Department of History of the State and Law; Comp. V.A. Tomsinov, Moscow: Zertsalo, 2014, 528 p.
3. Personal decree of December 11, 1717 "On the election of advisers and assessors" // Legislation of Peter I. 1696-1725 / Lomonosov Moscow State University, Law. fac. Department of History of the State and Law; Comp. V.A. Tomsinov. — M.: Zertsalo, 2014. — From 528 p.
4. Manifesto of January 1, 1810 "On the formation of the State Council" // Website of the Constitution of the Russian Federation. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3070/> (date of access: 09/15/2025).
5. The Senate decree of April 22, 1726 "On the promotion of worthy people from the ranks to secretaries; on the deduction from the salary for the appointment of secretaries; on the transfer of rent mills to the owners themselves for eternal maintenance without purchase; on the collection of income from the Vyborg province and on production to both regiments of the Guard, instead of the released annually bread, money" // The Complete Collection of laws of the Russian Empire. - St. Petersburg: Printing House of the II department of its own E.I.V. Chancellery, 1830. (PSZRI-1). Volume VII. № 4873.
6. The Senate decree of January 9, 1779 "On filling the offices in the governorates with clerks" // The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. - St. Petersburg: Printing house of the II department of its own E.I.V. Chancellery, 1830. (PSZRI-1). Volume XX. No. 14831.
7. Lvov A.V. Formation of the bureaucratic apparatus of the Russian Empire in the XVIII century (civil service) // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. - 2022. - № 4 (48). — Pp. 42-48.
8. Potashev A.F. Peter I's "Table of ranks" in the history of Russia // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. - 2012. - №. 1 (15). Part 2. pp.155 - 157.
9. Rolf Malte. Officials on the move: on the question of the Structures and actors of the Imperial bureaucracy at the End of the Russian Empire // Historical Courier, 2018, No. 1, pp. 85-102.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ МАГИСТРАТУРЫ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ PROBLEMS OF FOREIGN LANGUAGE COMPETENCE FORMATION MASTER'S DEGREE STUDENTS IN A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY

КАПСАРГИНА Светлана Анатольевна,

кандидат педагогических наук, доцент,
Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия.
660049, Россия, г. Красноярск, пр. Мира, 90.
E-mail: kpsv@bk.ru;

ГРИШИНА Ирина Ивановна,

кандидат филологических наук, доцент,
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, 79, корп. 5.
E-mail: igrishina@sfu-kras.ru;

ЦХАЙ Ирина Ивановна,

старший преподаватель, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия.
660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, 79, корп. 5.
E-mail: ITskhay@sfu-kras.ru;

KAPSARGINA Svetlana Anatolyevna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia.
90 Mira Ave., Krasnoyarsk, 660049, Russia.
E-mail: kpsv@bk.ru;

GRISHINA Irina Ivanovna,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
79 Svobodny ave., building 5, Krasnoyarsk, 660041, Russia.
E-mail: igrishina@sfu-kras.ru;

TSKHAI Irina Ivanovna,

Senior Lecturer, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.
79 Svobodny Ave., building 5, Krasnoyarsk, 660041, Russia.
E-mail: ITskhay@sfu-kras.ru;

Краткая аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме формирования иноязычной компетенции у магистрантов неязыковых вузов в контексте изучения английского для специальных целей (ESP). Авторы проводят системный анализ характерных трудностей, таких как неоднородный уровень подготовки студентов, низкая мотивация, дефицит профильных учебных материалов и ограниченное количество аудиторных часов. На основе анализа отечественного и зарубежного опыта, а также эмпирических данных из аграрных вузов, в статье доказываются эффективность практико-ориентированных и коммуникативных подходов. В качестве решения предлагается интеграция профессионального контента в учебный процесс, использование проектных методик, кейсов и цифровых технологий, что позволяет преодолеть коммуникативные барьеры и сформировать у магистрантов устойчивые навыки профессиональной коммуникации, необходимые для академической и карьерной траектории.

Abstract: The article addresses the relevant problem of developing foreign language competence among master's students in non-linguistic universities within the context of English for Specific Purposes (ESP). The authors provide a systematic analysis of characteristic challenges, such as students' heterogeneous proficiency levels, low motivation, a shortage of specialized teaching materials, and limited contact hours. Based on the analysis of domestic and international experience, as well as empirical data from agricultural universities, the article demonstrates the effectiveness of practice-oriented and communicative approaches. The solution proposed involves integrating professional content into the educational process, utilizing project-based methods, case studies, and digital technologies. This comprehensive approach helps to overcome communication barriers and equips master's students with the sustainable professional communication skills essential for their academic and career development.

Ключевые слова: иноязычная компетенция, магистратура, неязыковой вуз, английский для специальных целей (ESP), профессиональная коммуникация, методика преподавания, мотивация, агроинженерное образование, практико-ориентированный подход, коммуникативные барьеры.

Keywords: foreign language competence, master's degree, non-linguistic university, English for Specific Purposes (ESP), professional communication, teaching methodology, motivation, agricultural engineering education, practice-oriented approach, communication barriers.

Для цитирования: Капсаргина С.А., Гришина И.И., Цхай И.И. Проблемы формирования иноязычной компетенции у студентов магистратуры в неязыковом вузе // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 20-23. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_20.

For citation: Kapsargina S.A., Grishina I.I., Tskhai I.I. Problems of foreign language competence formation master's degree students in a non-linguistic university // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 20-23. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_20.

Статья поступила в редакцию: 15.09.2025

Формирование иноязычной компетенции магистрантов неязыкового вуза является актуальной задачей современной педагогики в связи с возрастающими требованиями к владению английским языком в профессиональной сфере. Иностранный язык закреплён в качестве обязательного компонента государственных образовательных стандартов, что предполагает развитие практических навыков профессионального общения для успешной карьеры и международного сотрудничества. Тем не менее, в практике высшей школы выявляются системные проблемы преподавания иностранного языка, связанные с несовершенством методик, не учитывающих интересы и индивидуальные особенности студентов. В отечественных и зарубежных исследованиях отмечается, что обучающиеся магистратуры в неязыковых университетах сталкиваются с

особым форматом изучения языка – английского для специальных целей (English for Specific Purposes, ESP), который отличается от общего курса английского повышенной сложностью и профессиональной направленностью. Это усиливает необходимость анализа трудностей и разработки эффективных методических подходов к развитию иноязычной компетенции у данной категории студентов.

Современные исследования показывают, что данная проблема является актуальной и широко обсуждается в научной педагогической литературе. Так, М.Н. Новоселов, С.Н. Новоселова исследуют проблему формирования иноязычной научно-исследовательской коммуникативной компетенции магистров неязыковых специальностей, Н.А. Гончарова, Г.В. Крестина рассматривают процесс формирования иноязычной коммуникативной компетенции с позиции значимости овладения студентами социокультурными особенностями изучаемого иностранного языка с помощью интернет-ресурсов. Д.А. Волкова в своей работе уделяет особое внимание использованию аутентичных видеоматериалов как средству формирования иноязычной коммуникативной компетенции [2]. Н.В. Ряполова предлагает инновационные технологии и интернет-ресурсы для формирования иноязычной коммуникативной компетенции, О.А. Гарифова проводит анализ и оценку практики развития иноязычной коммуникативной компетенции на уроках иностранного языка для будущих магистров технических специальностей в российских вузах, в связи с этим исследователь рассматривает существующие программы и учебные материалы, используемые на уроках, а также методы и приемы, применяемые преподавателями для развития коммуникативных навыков студентов [3]. П.В. Закотнова, А.Ю. Чудинова разработали комплекс заданий по дисциплине «Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации» для магистрантов экономических направлений [4]. Л. В. Сидорова, Е. К. Тимофеева представили систему заданий по развитию иноязычной коммуникативной компетенции магистрантов и показали ее эффективность в практике обучения [5]. Н.Н. Ширяева, Н.А. Каменева изучают специфику обучения иностранному языку магистров в неязыковом вузе, обращая внимание на принципы отбора и организацию иноязычного материала для повышения эффективности обучения.

Анализ исследований последних лет выявил ряд характерных трудностей, препятствующих эффективному формированию иноязычной компетенции у магистрантов неязыковых специальностей. Во-первых, у многих студентов наблюдается недостаточный уровень базовой языковой подготовки и неоднородность групп по владению английским, что приводит к коммуникативным барьерам: одни обучающиеся стесняются или не проявляют активности в речи, тогда как другие значительно опережают их по уровню. Такая разница требует от преподавателя тщательного планирования занятий, разнообразия видов работ и учета индивидуальных особенностей. Во-вторых, переход от общего курса к профессионально ориентированному английскому нередко сопровождается снижением мотивации студентов из-за большого количества новых терминов и сложной тематикой профильных текстов. Столкнувшись с обилием специальной лексики, магистранты могут испытывать трудности и потерю уверенности, если методика обучения не обеспечивает поддерживающую среду и связь с их профессиональными интересами [1, 6, 7]. В-третьих, отмечается дефицит учебных материалов, адаптированных под конкретные нефилологические направления, и отсутствие унифицированных программ по ESP, что вынуждает преподавателей разрабатывать курсы и материалы самостоятельно. Ограниченное количество часов, отведенных на иностранный язык, и укрупнение учебных групп по административным причинам тоже отрицательно сказываются на качестве усвоения материала [8-10]. Так, проведенный анализ учебных планов по направлениям подготовки 35.04.03 Агрохимия и агропочвоведение и 35.04.04 Агрономия представлен здесь: ФГБОУ ВО Алтайский ГАУ контактная работа по дисциплине профессиональный иностранный язык 48 часов контактная работа, 96 часов самостоятельная работа; ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ 28 часов контактная работа, 80 часов самостоятельная работа; ФГБОУ ВО Орловский ГАУ 28 часов контактная работа, 80 часов самостоятельная работа; ФГБОУ ВО Вавиловский ГАУ 26 часов контактная работа, 64 часа самостоятельная работа; ФГБОУ ВО Иркутский ГАУ 20 часов контактная работа, 88 часов самостоятельная работа; ФГБОУ ВО Омский ГАУ 48 часов контактная работа, 96 часов самостоятельная работа; ФГБОУ ВО Вятский ГАУ 34 часа контактная работа, 74 часов самостоятельная работа; ФГБОУ ВО Башкирский ГАУ 22 часа контактная работа, 50 часов самостоятельная работа; ФГБОУ ВО Тверская ГСХА 26 часов контактная работа, 82 часа самостоятельная работа; ФГБОУ ВО Ставропольский ГАУ 32 часа контактная работа, 76 часов самостоятельная работа; ФГБОУ ВО Красноярский ГАУ 42 часа контактная работа, 66 часов самостоятельная работа.

Эмпирические данные подтверждают, что в таких условиях преподаватели вынуждены уделять непропорционально больше внимания теоретическим аспектам (грамматике, переводу), нежели развитию прикладных коммуникативных навыков, что снижает эффективность обучения [11-13].

Несмотря на обозначенные проблемы, исследования показывают и позитивные тенденции, указывая пути повышения эффективности формирования иноязычной компетенции. Успешность во многом зависит от правильно выбранной методики преподавания, умения педагога поддерживать интерес обучающихся и мотивировать их с учётом индивидуальных потребностей. Применение современных подходов, таких как коммуникативно-ориентированное обучение и личностно-ориентированные технологии, а также включение элементов ситуационного обучения, даёт ощутимый результат. Так, погружение студентов в профессионально значимый языковой материал существенно повышает их мотивацию. Если магистранты изучают тематические тексты, связанные с их специальностью, на английском языке, это не только обогащает их профессиональный словарный запас, но и стимулирует интерес к новейшим достижениям своей отрасли. По сути, изучение иностранного языка превращается в средство освоения новой информации по специальности, за счёт чего формируется внутренняя потребность в языке как инструменте познания. Так как у студентов магистратуры темы исследований утверждены, преподаватель имеет возможность подобрать соответствующий материал для них на иностранном языке. Например, студенты-агрономы по направлению подготовки 35.04.04 Агрономия, которые специализируются по культивированию картофеля, были направлены на работу со статьями из базы Science Direct, что позволило студентам ознакомиться с зарубежным опытом. Данный вид работы расширяет кругозор студентов как будущих профессионалов своей отрасли.

Отечественные и зарубежные исследователи данной проблемы также подтверждают, что интеграция содержания профильной дисципли-

плины и языка способствует росту мотивации: в сравнении с общим курсом, профессионально-ориентированный английский более эффективно побуждает студентов к активности, поскольку непосредственно соотносится с их специальностью и будущей карьерой. Дополнительным ресурсом выступают цифровые технологии и интернет-среда: использование онлайн-платформ, мультимедийных материалов и коммуникации с носителями языка позволяет сделать процесс обучения более вариативным и приближенным к реальной практике, что уменьшает монотонность занятий и усиливает практическую направленность курса. В совокупности, результаты свидетельствуют о том, что при правильном методическом подходе магистранты нефилологических направлений способны достичь высокого уровня иноязычной коммуникативной компетенции, необходимого для их академического и профессионального роста.

Анализ источников показывает сходство в выводах отечественных и зарубежных исследований относительно путей решения обозначенных проблем. Одна из центральных идей – необходимость модернизации методики преподавания английского языка в неязыковом вузе с учётом специфики профессиональной коммуникации. Традиционные учебные практики (перевод, правило-ориентированное изучение грамматики и др.) целесообразно сочетать с современными формами обучения, ориентированными на активное участие студента и практику приближённую к реальным условиям будущей профессиональной деятельности. Такой подход соответствует коммуникативной парадигме обучения, в рамках которой язык рассматривается не как цель, а как средство решения профессиональных и научных задач. Важным условием успеха является учёт мотивационных факторов: преподаватель должен явно демонстрировать студентам прикладную ценность изучаемого материала, устанавливая связь между языковыми занятиями и их специализацией. Это подтверждает опыт организации учебных проектов и деловых игр, где магистранты используют английский для обсуждения профильных кейсов. Например, преподаватели кафедры иностранных языков и профессиональных коммуникаций Красноярский ГАУ работают со студентами магистратуры над кейсами по следующим темам: «Presentation of your research to the international academic community», «Study at Master's degree course», «My future career in science», т.д. Ежегодно преподаватели кафедры готовят студентов магистратуры к участию во внутривузовской олимпиаде по иностранному языку, участие принимает более 70 человек, первый этап проходит в дистанционном формате на платформе LMS Moodle, второй этап – проверка коммуникативных навыков. Такая форма работы и участие в конференциях значительно повышают уверенность обучающихся в своих силах и уровень владения языком [14-15].

Обсуждение результатов также подчёркивает необходимость поддержки самих преподавателей. Отсутствие системы подготовки педагогов по ESP требует решения на институциональном уровне. Ряд авторов указывает, что эффективной мерой может стать проведение специализированных курсов и семинаров, где преподаватели английского языка осваивают основы предметно-ориентированного обучения и обмениваются лучшими практиками со специалистами отраслевых кафедр. Формирование сообществ практикующих ESP-преподавателей, участие в профессиональных конференциях и совместная разработка учебно-методических материалов позволяют преодолевать разобщённость и дефицит ресурсов. Кроме того, события последних лет (в частности, вынужденный переход на дистанционное обучение в период пандемии COVID-19) высветили новые аспекты проблемы [16]. Возникла потребность в цифровой грамотности преподавателей и готовности применять онлайн-инструменты в обучении иностранному языку. Современные исследования показывают, что смешанные (blended learning) и дистанционные форматы могут быть успешно интегрированы в программу, расширяя возможности для индивидуализации обучения и доступа студентов к аутентичным англоязычным ресурсам.

В целом, структура выявленных проблем и предлагаемых решений свидетельствует о том, что для эффективного формирования иноязычной компетенции магистрантов нефилологических специальностей требуется системный подход. Он включает обновление учебных программ с упором на профессионально-коммуникативные умения, применение активных и интерактивных методов, стимуляцию познавательной мотивации через содержательно насыщенные задания, а также непрерывное развитие педагогического мастерства преподавателей. Современное состояние данной проблемы характеризуется переходом от монологического, формально-лингвистического обучения к практико-ориентированному и личностно-значимому образованию, что отражено и в отечественной, и в зарубежной литературе последних лет. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на оценку долгосрочных результатов внедрения новых методик, развитие инструментов диагностики коммуникативной компетенции, а также изучение влияния межкультурных факторов на успешность обучения иностранному языку в неязыковом вузе. Такой комплексный и актуальный взгляд позволит обеспечить соответствие методики преподавания английского языка потребностям современной магистратуры и повысить качество языковой подготовки будущих специалистов.

Список литературы:

1. Антонова, Н. В. Проблемы внедрения и перспективы развития Болонского процесса в вузе (на примере Красноярского агроуниверситета) / Н. В. Антонова, Ж. Н. Шмелева // Вестник КрасГАУ. – 2011. – № 12(63). – С. 308-313. – EDN ONHICP.
2. Волкова, Д. А. Применение аутентичных видеоматериалов как средства формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов технического вуза / Д. А. Волкова, А. В. Хамуда // Информационные технологии в науке, промышленности и образовании : сборник трудов Всероссийской научно-технической конференции, Ижевск, Россия, 29 мая 2020 года – Ижевск: Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова, 2020. – С. 338-342. – EDN GYDJJE.
3. Гарифова, О. А. (2023). Развитие иноязычной коммуникативной компетенции будущих магистров технических специальностей на уроках иностранного языка. *Управление образованием: теория и практика*, 13(8), 59–66. <https://doi.org/10.25726/14324-6236-4685-k>
4. Закотнова П. В., Чуудинова А. Ю. Развитие иноязычной коммуникативной компетенции студентов при обучении в неязыковой магистратуре // Современное педагогическое образование. 2025. №3.
5. Сидорова Л. В., Тимофеева Е. К., Жондоров П. Н. Развитие иноязычной коммуникативной компетенции у магистрантов неязыковых вузов // Перспективы науки и образования. 2021. № 6 (54). С. 242-256. doi: 10.32744/pse.2021.6.16
6. Скорикина, И. С. Формирование коммуникативного аспекта иноязычной профильной компетенции магистров ландшафтного дизайна / И. С. Скорикина // Общество, экономика и право: вызовы современности и тенденции развития: сборник статей Международной научно-практической конференции, Волжский, 20 декабря 2019 года. – Волжский: Муниципальное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волжский институт экономики, педагогики и права», 2019. – С. 314-318. – EDN LHLMAS.
7. Тарасова Л. Ю. Формирование коммуникативной компетенции на разных уровнях квалификации студентов экономических вузов // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kommunikativnoy-kompetentsii-na-raznyh-urovnyah-kvalifikatsii-studentov-ekonomicheskikh-vuzov> (дата обращения: 02.10.2025).

8. Хлыбова, М. А. Особенности развития иноязычной коммуникативной компетенции магистров сельскохозяйственных вузов / М. А. Хлыбова // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2021. – Т. 10, № 1(34). – С. 284-286. – DOI 10.26140/anip-2021-1001-0073. – EDN BCAMSS.
9. Яновская, Г. С. Развитие межкультурной коммуникативной компетенции на занятиях иностранным языком с магистрами / Г. С. Яновская // Обзор педагогических исследований. – 2021. – Т. 3, № 8. – С. 159-162. – EDN FKXXOD.
10. Kapsargina, S. A. Digitalization and internationalization of learning process as an important aspect of training future agricultural specialists / S. A. Kapsargina, Zh. N. Shmeleva // Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology. – 2021. – Vol. 10, No. 2(35). – P. 331-334. – DOI 10.26140/anip-2021-1002-0084. – EDN LBEOYV.
11. Kapsargina, S. A. Factors of actualization of polycultural education in non-linguistic universities / S. A. Kapsargina // Проблемы современной аграрной науки : Материалы международной научной конференции, Красноярск, 15 октября 2020 года. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2020. – P. 428-431. – EDN HNCCAT.
12. Kapsargina, S. A. The use of control and evaluation tools in teaching foreign language in non-linguistic university / S. A. Kapsargina // Высотехнологичное право: генезис и перспективы: мат-лы II Международной межвузовской научно-практической конференции, Москва, Красноярск, 26 февраля 2021.
13. Shmeleva, Zh. N. Digital and other educational technologies to increase students' motivation / Zh. N. Shmeleva // Высотехнологичное право: генезис и перспективы. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2022. – P. 328-33. – EDN ABHYZG.
14. Shmeleva, Zh. N. Socialization and adaptation of foreign students from China and Mongolia at Krasnoyarsk state agrarian university / Zh. N. Shmeleva // Baltic Humanitarian Journal. – 2021. – Vol. 10, No. 3(36). – P. 214-216. – DOI 10.26140/bg3-2021-1003-0053. – EDN EWYSOT.
15. Shmeleva, Zh. N. The use of the business game as a means of improving the quality in economic disciplines teaching / Zh. N. Shmeleva, N. S. Kozulina, R. V. Shmelev // Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology. – 2020. – Vol. 9, No. 4(33). – P. 279-283. – DOI 10.26140/anip-2020-0904-0064. – EDN CIDDAS.
16. Фастович Г.Г., Калсаргина С.А. Эффективность государственной политики в сфере подготовки кадров агропромышленного комплекса // Аграрное и земельное право. 2022. № 11 (215). С. 11-12.

References:

1. Antonova, N. V. Problems of implementation and prospects of development of the Bologna process in higher education institutions (on the example of the Krasnoyarsk Agricultural University) / N. V. Antonova, Zh. N. Shmeleva // KrasGAU Bulletin. – 2011. – № 12(63). – Pp. 308-313. – EDN ONHICP.
2. Volkova, D. A. The use of authentic video materials as a means of forming foreign-language communicative competence of students of a technical university / D. A. Volkova, A.V. Hamuda // Information technologies in science, industry and education : proceedings of the All-Russian Scientific and Technical Conference, Izhevsk, Russia, May 29, 2020 – Izhevsk State University M.T. Kalashnikov Technical University, 2020. pp. 338-342. – EDN GYDGJE.
3. Garifova, O. A. (2023). Development of the foreign language communicative competence of future Masters of Technical Sciences in foreign language lessons. Education Management: Theory and Practice, 13(8), 59-66. <https://doi.org/10.25726/14324-6236-4685-k>
4. Zakotnova P. V., Chudinova A. Yu. Development of foreign language communicative competence of students when studying in a non-linguistic master's degree // Modern pedagogical education. 2025. №3.
5. Sidorova L. V., Timofeeva E. K., Zhondorov P. N. The development of foreign language communicative competence among undergraduates of non-linguistic universities // Prospects of science and education. 2021. No. 6 (54). pp. 242-256. doi: 10.32744/pse.2021.6.16
6. Skorikova, I. S. Formation of the communicative aspect of the foreign-language profile competence of masters of landscape design / I. S. Skorikova // Society, economics and law: modern challenges and development trends: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Volzhsky, December 20, 2019. Volzhsky: Municipal Budgetary Educational Institution of Higher Education "Volzhsky Institute of Economics, Pedagogy and Law", 2019. pp. 314-318. – EDN LHLMAS.
7. Tarasova L. Y. Formation of communicative competence at different skill levels of students of economic universities // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2020. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kommunikativnoy-kompetentsii-na-raznyh-urovnyah-kvalifikatsii-studentov-ekonomicheskikh-vuzov> (date of request: 02.10.2025).
8. Khlybova, M. A. Features of the development of foreign language communicative competence of masters of agricultural universities / M. A. Khlybova // Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology. – 2021. – Vol. 10, No. 1(34). – pp. 284-286. – DOI 10.26140/anip-2021-1001-0073. – EDN BCAMSS.
9. Yanovskaya, G. S. The development of intercultural communicative competence in foreign language classes with masters / G. S. Yanovskaya // Review of pedagogical research. – 2021. – Vol. 3, No. 8. – pp. 159-162. – EDN FKXXOD.
10. Kapsargina, S. A. Digitalization and internationalization of learning process as an important aspect of training future agricultural specialists / S. A. Kapsargina, Zh. N. Shmeleva // Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology. – 2021. – Vol. 10, No. 2(35). – P. 331-334. – DOI 10.26140/anip-2021-1002-0084. – EDN LBEOYV.
11. Kapsargina, S. A. Factors of actualization of polycultural education in non-linguistic universities / S. A. Kapsargina // Problems of modern agricultural science : Proceedings of the international scientific conference, Krasnoyarsk, October 15, 2020. – Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University, 2020. – P. 428-431. – EDN HNCCAT.
12. Kapsargina, S. A. The use of control and evaluation tools in teaching foreign language in a non-linguistic university / S. A. Kapsargina // High-tech law: genesis and prospects: proceedings of the II International Interuniversity Scientific and Practical Conference, Moscow, Krasnoyarsk, February 26, 2021.
13. Shmeleva, Zh. N. Digital and other educational technologies to increase students' motivation / Zh. N. Shmeleva // High-tech law: genesis and prospects. – Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University, 2022. – P. 328-33. – EDN ABHYZG.
14. Shmeleva, Zh. N. Socialization and adaptation of foreign students from China and Mongolia at Krasnoyarsk state agrarian university / Zh. N. Shmeleva // Baltic Humanitarian Journal. – 2021. – Vol. 10, No. 3(36). – P. 214-216. – DOI 10.26140/bg3-2021-1003-0053. – EDN EWYSOT.
15. Shmeleva, Zh. N. The use of the business game as a means of improving the quality in economic disciplines teaching / Zh. N. Shmeleva, N. S. Kozulina, R. V. Shmelev // Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology. – 2020. – Vol. 9, No. 4(33). – P. 279-283. – DOI 10.26140/anip-2020-0904-0064. – EDN CIDDAS.
16. Fastovich G.G., Kapsargina S.A. Effectiveness of state policy in the field of personnel training in the agro-industrial complex // Agrarian and land law. 2022. No. 11 (215). pp. 11-12.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ORGANIZATION OF PREVENTIVE MEASURES IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM

ЛИТВИНОВА Валентина Сергеевна,

кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, Институт экономики и управления АПК
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет».

660049, Россия, г. Красноярск, пр. Мира, 90.

E-mail: fastovich-85@mail.ru;

LITVINOVA Valentina Sergeevna,

Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor,
Institute of Economics and Management of Agroindustrial Complex Krasnoyarsk State Agrarian University.

90 Mira Ave., Krasnoyarsk, 660049, Russia.

E-mail: fastovich-85@mail.ru

Краткая аннотация: В статье автор проводит исследование, посвященное вопросам организации профилактической работы по противодействию идеологии терроризма и экстремизма среди студентов высшего образования. В ходе исследования автор приходит к выводу, что повысить эффективность государственного механизма в целом невозможно осуществить без действенных функционирующих институтов по противодействию идеологии терроризма и экстремизма в молодежной среде.

Abstract: In the article, the author conducts research on the organization of preventive work to counter the ideology of terrorism and extremism among students of higher education. In the course of the research, the author comes to the conclusion that it is impossible to increase the effectiveness of the state mechanism as a whole without effective functioning institutions to counter the ideology of terrorism and extremism among young people.

Ключевые слова: профилактика, молодежная среда, система высшего образования, молодежь, эффективность, комплексные мероприятия.

Keywords: prevention, youth environment, higher education system, youth, effectiveness, comprehensive measures.

Для цитирования: Литвинова В.С. Организация профилактических мероприятий в системе высшего образования // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 24-25. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_24.

For citation: Litvinova V.S. Organization of preventive measures in the higher education system // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 24-25. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_24.

Статья поступила в редакцию: 10.09.2025

В целях развития у студенческой молодежи, активной гражданской позиции, направленной на неприятие идеологии терроризма, на базе образовательных учреждений были проведены мероприятия воспитательного, культурно-просветительского и спортивного направлений с привлечением федеральных и региональных политических деятелей, авторитетных представителей общественных и религиозных организаций, науки, культуры и спорта.

Отечественный опыт противодействия терроризму и экстремисткой деятельности свидетельствует о том, что силовые методы способны предупредить лишь конкретную угрозу совершения террористического акта. Для радикального снижения угрозы терроризма необходимо разрушить саму систему его воспроизводства [1], основу которой составляет идеология терроризма, её носители, а также каналы распространения. Решение данной задачи возможно лишь на основе профилактических мероприятий экстремистской деятельности и терроризма.

Работа по профилактической деятельности со студентами проводится на плановой основе, при реализации указанных мероприятий образовательные организации высшего образования обеспечивают максимальный охват участников из числа обучающихся, уделяя особое внимание студентам прибывших из стран Центрального-Азиатского региона [2].

На сегодняшний день в каждом образовательном учреждении, разработан план по проведению мероприятий, направленных на обеспечение мер антитеррористической безопасности:

- разработаны и утверждены паспорта безопасности (антитеррористической защищенности);
- разработаны инструкции и памятки по общим правилам безопасности и первоочередных действий при угрозе террористического акта или возникновения иных внештатных ситуаций;
- приказом ректора (руководителя образовательного учреждения) в каждой образовательной организации назначены ответственные лица за выполнение мероприятий по антитеррористической защите (охране);
- во всех образовательных организациях оформлены стенды по антитеррористической тематике;
- составлены планы воспитательной работы, в которые включен раздел «Профилактика идеологии терроризма и экстремизма в молодежной среде» [3].

Данная работа носит, как правило, профилактический характер и организована с применением современных профилактических методов и технологий: психолого-педагогические сессии, правовые консультации, информационные площадки, вебинары, практикумы, тренинги, социальное проектирование и многое другое.

Повысить эффективность государственного механизма невозможно осуществить без действенных, активно функционирующих институтов гражданского общества и механизмов противодействия идеологии терроризма и экстремизма в Российской Федерации [4]. Так, на наш взгляд, вопрос об эффективном государственном механизме правомерен только в связи с личностью, с её деятельностью и правовой позицией. Активная личность (студент ВУЗа) является важным субъектом государственного взаимодействия и участником гражданского общества. В рамках образовательного пространства, получения специальных знаний по выбранной профессии, на преподавательский состав возлагается боль-

шая ответственность за формирования у студента знаний, в области законодательства в сфере противодействия идеологии терроризма. Данное обстоятельство имеет основополагающее значение, поскольку от активности или пассивности личности зависит функционирование общества, государство, работа всех звеньев государственного механизма и общественной системы современной России.

В любой социальной системе субъект выступает главным элементом. Он не только «основное субстанциональное, структурное и функциональное, но и целевое звено» [5]. Граждане формируют политико-правовую систему и участвуют в реализации её возможностей. В то же время политико-правовая система, действующая в данном обществе, есть средство выявления или подавления интересов личности. Поэтому – то и имеет столь большое значение вопрос о взаимодействии государства (через государственные органы) и личности. Необходимо отметить, что «сильное государство немыслимо без уважения к правам и свободам человека. Но в тоже время, права и свободы одного человека, не должны нарушать и ущемлять права и свободы другого человека (на наш взгляд формирование у обучающихся знаний действующего законодательства: прав, свобод, мер привлечения к ответственности, в установленных законом является залогом успешного выпускника в будущем).

Некоторые вузы имеют отдельные планы работы в рамках данного направления, разработаны методики индивидуального патронирования студентов из стран с «повышенной террористической активностью». Цель: разработка Модели индивидуального патронирования иностранных граждан из стран с «повышенной террористической активностью» для управления процессом адаптации и социализации. Так, реализация подобных проектов позволит [6]: снизить уровень нервно-психического напряжения личности; повысить уровень социальной адаптации в поликультурной среде вуза; снизить риски вовлечения в деятельность экстремистского и террористического характера.

В профилактической работе многих вузов приоритетными выступают мероприятия, способствующие формированию практических навыков антитеррористического поведения обучающихся: инструктажи по темам «Гражданской оборона», «Организация и проведение мероприятий по защите сотрудников и обучающихся при угрозе взрыва и пожара на территории академии», проведение комплексных тренировок по эвакуации обучающихся при угрозе возникновения чрезвычайных ситуаций (ЧС) [7,10]. Большое внимание в воспитательной работе вузов уделено формированию законопослушного поведения в студенческой среде, развитию активной гражданской позиции и привитию традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

В целях совершенствования научного и методического сопровождения профилактической работы в области противодействия идеологии терроризма в образовательных организациях необходимо обеспечить качественное повышение квалификации работников [8], участвующих в рамках своих полномочий в данной деятельности.

В рамках эффективности проведенных мероприятий и определения результативности реализаций мероприятий [9], предусмотренных Комплексным планом специально уполномоченными органами государственной власти (Национальный антитеррористический комитет Российской Федерации, Федеральная служба безопасности, Министерство внутренних дел Российской Федерации, Министерство науки и высшего образования Российской Федерации) [10] проводится большая работа по анализу деятельности образовательных учреждений в системе высшего образования Российской Федерации.

Список литературы:

1. Тепляшин И.В., Фастович Г.Г. Вопросы эффективности российской судебной системы в выступлениях Президента Российской Федерации в 2008-2010 гг. // История государства и права. 2011. № 8. С. 44-47.
2. Профилактика идеологии терроризма в молодежной среде // Вестник НАК. 2022. № 2 (29).
3. <https://minobrnauki.gov.ru/action/effevaluation/> Официальный сайт Министерства науки и образования Российской Федерации (дата обращения 15.08.2023)
4. Фастович Г.Г. Эффективность правоохранительной деятельности как критерий и качество функционирования государственного механизма // Аграрное и земельное право. 2018. № 2 (158). С. 11-15.
4. Фастович Г.Г. К вопросу о формировании гражданского общества в Российской Федерации // Эпоха науки. 2018. № 16. С. 75-77.
5. Литвинова В.С., Фастович Г.Г., Фомина Л.В. К вопросу о формировании стратегии обеспечения трудовыми ресурсами в системе образовательных учреждений // Аграрное и земельное право. 2022. № 10 (214). С. 38-43.
6. Рябченко О.Н., Фастович Г.Г. Интернет и его воздействие на современное общество // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 3-1. С. 143-145.
7. Тепляшин И.В., Богатова Е.В. Снижение абсентизма молодежи в демократических выборах // В сборнике: Проблемы формирования правового социального государства в современной России. Материалы XV всероссийской национальной научно-практической конференции. 2019. С. 116-118.
8. Храбровская Ю.Р., Фастович Г.Г., Бузурная Н.Б. Информационно-правовое регулирование деятельности СМИ в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4-3. С. 206-210.
9. Фастович Г.Г. Социальная политика современной России (на примере принципа нуждемости граждан при предоставлении мер социальной поддержки) // Право и практика. 2020. № 3. С. 37-42.
10. Шutochkina A.S., Фастович Г.Г. Влияние психических аномалий на преступное поведение личности // В сборнике: Инновационные тенденции развития российской науки. Материалы XII Международной научно-практической конференции молодых ученых. 2019. С. 130-132.

References:

1. Teplyashin I.V., Fastovich G.G. Issues of the effectiveness of the Russian judicial system in the speeches of the President of the Russian Federation in 2008-2010 // History of the State and Law. 2011. No. 8. pp. 44-47.
2. Prevention of the ideology of terrorism among young people // Bulletin of the National Academy of Sciences. 2022. No. 2 (29).
3. <https://minobrnauki.gov.ru/action/effevaluation/> Official website of the Ministry of Science and Education of the Russian Federation (accessed 08/15/2023)
4. Fastovich G.G. Efficiency of law enforcement activity as a criterion and quality of functioning of the state mechanism // Agrarian and land law. 2018. No. 2 (158). pp. 11-15.
4. Fastovich G.G. On the formation of civil society in the Russian Federation // The age of science. 2018. No. 16. pp. 75-77.
5. Litvinova V.S., Fastovich G.G., Fomina L.V. On the formation of a strategy for providing labor resources in the system of educational institutions // Agrarian and land law. 2022. No. 10 (214). pp. 38-43.
6. Ryabchenok O.N., Fastovich G.G. The Internet and its impact on modern society // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. No. 3-1. pp. 143-145.
7. Teplyashin I.V., Bogatova E.V. Reduction of youth absenteeism in democratic elections // In the collection: Problems of the formation of a legal social state in modern Russia. Materials of the XV All-Russian National Scientific and Practical Conference. 2019. pp. 116-118.
8. Khrabrovskaya Yu.R., Fastovich G.G., Buzurnaya N.B. Information and legal regulation of media activities in Russia // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. 2019. No. 4-3. pp. 206-210.
9. Fastovich G.G. Social policy of modern Russia (on the example of the principle of citizens' need in providing social support measures) // Law and Practice. 2020. No. 3. pp. 37-42.
10. Shutochkina A.S., Fastovich G.G. The influence of mental anomalies on criminal behavior of a person // In the collection: Innovative trends in the development of Russian science. Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference of Young Scientists. 2019. pp. 130-132.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ КАК ХОЛИСТИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ НАУЧНЫХ И НЕНАУЧНЫХ ЗНАНИЙ JURISPRUDENCE AS A HOLISTIC SYNTHESIS OF SCIENTIFIC AND NON-SCIENTIFIC KNOWLEDGE

РЫЖИК Андрей Владимирович,

доктор юридических наук, профессор ГКОУ ВО «Российская таможенная академия».

ул. Знаменская, д.39, г. Москва, 107392, Россия.

E-mail: aspirant8381@mail.ru;

RYZHNIK Andrey Vladimirovich,

Doctor of Law, Professor State Treasury Educational Institution of Higher Education "Russian Customs Academy".

Znamenskaya street, 39, Moscow, 107392, Russia

E-mail: aspirant8381@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена синтетическому объединению научных и ненаучных знаний в рамках единой холистической юриспруденции. Для достижения цели данная отрасль знаний нуждается не только в научных, но и эстетических средствах: использовании государственной символики, торжественных ритуалов, ораторского искусства, юридической техники, ИИ, ИКТ, духовно-нравственной составляющей.

Abstract: The article deals with the synthetic unification of scientific and non-scientific knowledge within the framework of a single holistic jurisprudence. To achieve this goal, this branch of knowledge needs not only scientific, but also aesthetic means: the use of state symbols, solemn rituals, oratory, legal technology, AI, ICT, and a spiritual and moral component.

Ключевые слова: аподиктическое знание, юридическая наука, догматическое правоведение, сайентизация знаний, юридическая красота, холистическая юриспруденция.

Keywords: apodictic knowledge, legal science, dogmatic jurisprudence, scientization of knowledge, legal beauty, holistic jurisprudence.

Для цитирования: Рыжик А.В. Юриспруденция как холистический синтез научных и ненаучных знаний // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 26-29. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_26.

For citation: Ryzhik A.V. Jurisprudence as a holistic synthesis of scientific and non-scientific knowledge // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 26-29. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_26.

Статья поступила в редакцию: 15.09.2025

Основу юриспруденции составляет аподейктическое (аподиктическое) знание (от греч. apodeiktikos – достоверное, объективное, истинное, убедительное, необходимое, иногда «неопровержимое») о государстве и праве. Термин, введенный в философию и логику Аристотелем для обозначения строго научного знания, обладающего абсолютной истинностью. Достоверность аподиктических суждений, вытекает из доказательного обоснования, опирающегося на истинные положения, в отличие от вероятностных, «диалектических» суждений [1, с. 82; 31; 47].

Научный аспект характерен для всей системы правовых знаний: догматической, отраслевой, эмпирической, процессуальной, правоприменительной, доктринальной. Её ядро – рациональное, доказанное, объективированное, математизированное знание, догматическая и отраслевая юриспруденция (нормы, принципы, признаки, функции, механизм правового регулирования, институты, подотрасли, отрасли, нормативные, циклические правовые массивы, аналогия права, аналогия закона). К юридической науке относят также специальные дисциплины: криминологию, юридическую экспертизу, юридические технологии, судебную бухгалтерию, судебную медицину, судебную психиатрию, финансовую безопасность, маркетинговое право, фискальное право и др. Сколько в каждой из них науки, реального знания, открытых законов – точно не определено. Верим в аксиомы и живем надеждами в неуклонную силу науки.

Профессор В.М. Сырых в соответствии с предметом, системой действия закономерностей, делит юридические науки на общие и специальные. Общие: ОТП, ИППУ, история государства и права, методология правовых исследований и др. Специальные: отраслевые науки, науки об организации деятельности судов, правоохранительных органов и учреждений юстиции («Организация судебной деятельности», либо «Организация судебной власти», «Судоустройство», «Правоохранительные органы», «Организация прокуратуры», «Прокурорский надзор», «Адвокатура»); прикладные юридические науки; науки международного права [2, с. 108–124]. Число отраслевых наук растет в геометрической прогрессии, где количество квалификационных критериев может варьироваться от 13 до 33. Это приводит к искусственному раздуванию правовой системы и неразберихе [3, с. 49]. Прикладные (комплексные) возникают на стыке правовой науки и иных неюридических дисциплин (законодательная техника, правоприменительная техника, техника толкования норм права, техника систематизации и учета законодательства, правовая информатика, правовая психология, юридическая педагогика, судебная статистика, криминология). В отраслевых – выделяют науки частного и науки публичного права [2, с. 108–124].

Главное в юридической науке – мировоззренческо-гражданская направленность, прикладной характер практической отдачи, связанный с управлением и организацией масс, укреплением власти, законности и правопорядка. Государство, исходя из стратегии национальной безопасности, определяет развитие юридического образования и юридической науки, их финансирование, престиж, направленность учебного процесса, подготовку юридических кадров. Это зависит от стоящих задач, уровня социально-экономического развития страны, политической воли и государственных приоритетов. Как любая политика – это искусство возможного. Повышение эффективности управления государством требует усиления научной составляющей. Поэтому юриспруденция – это наука и искусство, знание и практика, разработанная фундаментальная теория и инновационная юридическая технология, направленные на решение гносеологических, онтологических, антропологических, культурологических, аксиологических и праксиологических задач. Однако она не сможет решить свои проблемы без веры, интуиции, иррациональных сведений, мифологем, использования эстетических

средств. Юриспруденция расширяет свои границы, сближается с другими социально-гуманитарными дисциплинами, являясь индикатором их юридизации и гуманизации. В свою очередь, она не может существовать без Интернета, ИКТ, ИИ, робототехники, виртуальной, дополненной реальности, электронного государства, электронного правительства, электронной демократии, цифровой коммуникации.

Фундаментальная юридическая наука осуществляет философское, социологическое, общетеоретическое и историческое изучение государства и права. Сюда можно отнести естественную школу права, историческую теорию права, социологическую, психологическую, антропологическую, культурологическую, аксиологическую, коммуникативную, комплексную теории права. Её основа – социальное право, природа которого кроется в естественно-правовой закономерности, рациональной разумности и коллективизме, стремлении к свободе, справедливости и солидарности общества и его членов. Главное – осязаемый эффект, практический результат законодательства и отраслевых дисциплин, количественные показатели, графики, схемы, таблицы, улучшение жизни населения, укрепление суверенитета и обороноспособности страны. Поэтому, разница в финансировании зависит от установленных приоритетов, близости к властным структурам. Уменьшение внимания к фундаментальным дисциплинам привело к ослаблению интеллектуально-психологической, философско-мировоззренческой, гражданско-патриотической, духовно-нравственной составляющих с вытекающими отсюда негативными последствиями. Поэтому нельзя согласиться с утверждением, что практическая значимость теоретико-правовой науки ничтожна, и она не в силах конкурировать с догматической юриспруденцией [4, с. 23]. Просто массовые негативные последствия проявляются не сразу, а носят отсроченный, долговременный характер. Если это официальная теоретическая наука, действующая на уровне государственной идеологии и правовой политики, то влияние её решающее, если неофициальная – косвенное, и зависит от числа сторонников и противников, возможностей развития. Считаем, что просчеты мировоззренческо-нравственной подготовки юристов преодолеть гораздо сложнее, чем профессиональные.

Необходимо отметить циклический, волнообразный характер активности правоведения, внимания государства к развитию, что связано с появлением новых революционных теорий и технологий, переломных моментов в истории страны. Прагматическая цель юридической науки – разработка юридической догматики; анализ юридических казусов, выработка рекомендаций для правотворческих и правоприменительных органов; подготовка научных и практических работников [4, с. 23].

С точными науками её роднит объективность, истинность, убедительность, непредвзятость, опора на факты и нормативные правовые акты, формализованность, процедурность, система расследования, доказательств, наказаний, с гуманитарными – содержание, духовно-нравственная наполненность, культурно-историческая антропологичность, софийность, логическая обоснованность, связанность принципами права как исходными положениями, руководящими идеями [5, с. 7]. Отсюда – противоречие формы и содержания, научных и ненаучных знаний, истины и системы доказательств, правды и фальсификации. Попытку найти «чистое, эйдетическое» бытие правового разума предпринимали Платон, И. Кант, Ф. Гегель, А.Ф. Лосев, П.А. Флоренский, П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, О. Шпенглер и др. Особенность юриспруденции в том, что она не только наука, но и больше, чем наука.

Неслучайно, еще британский философ Б. Рассел отказывал юриспруденции в научности и ставил ее в один ряд с теологией и средневековой схоластикой. Это же отмечал и немецкий философ Х.Г. Гадамер (1900–2002), отрицая научно-теоретический характер юридической герменевтики. Сомнение в научности юриспруденции выражал и Р. Иеринг. Он высмеивал абстрактные, схоластические, оторванные от жизни юридические понятия. Творцом права является цель, а не юридические понятия, считал автор [6, с. 15–16]. В 1848 году немецкий прокурор и ученый Юлиус фон Кирхман прочитал в Германии лекцию «Негодность (бесполезность) юриспруденции как науки». Он считал, что юриспруденция как наука не представляет никакой ценности. В этом виноваты юридические факультеты, как порождение властей, где по их заказу изучается позитивное право и юридические абстракции, а не истинные проблемы права, как адекватное выражение реальной жизни. «Методы юридической догматики, доведенные до абсурда, уничтожают саму профессию юриста, а вместе с ней и юридическую науку вообще» [6, с. 16]. Автор считает, что позитивное право можно определить как «голый произвол». «Юристы из-за позитивного права стали червями, которые живут за счет гнилой древесины, отворачиваясь от здоровой. Так как их наука имеет дело со случайностью, то они сами выбрали случайность предметом. Всего три росчерка пера законодателя, и вся юридическая библиотека становится макулатурой» [7]. Право не может существовать без народного понимания и чувствования. Если позитивное право примет это во внимание, то оно станет произведением искусства, а если нет, то будет мертвым, права в нем больше не будет, полагал ученый.

Автор сравнивает юридическую науку со служанкой-портнихой, ставящую заплатки в местах особенно сумасбродских прорех позитивного права.

Так как предмет юриспруденции как науки постоянно меняется, за чем не может успеть действующая норма, а собственных методов изучения она не имеет, то возникают сомнения в её познаваемости [7].

Немецкий ученый Л. Нельсон в своей книге «Наука о праве без права» ещё в 1917 году доказывал, что юридическая наука может исключительно превратиться в ремесло, служащее слепому повиновению закона, или искусную технику рассмотрения конкретных юридических случаев [6, с. 16]. Известный российский профессор, доктор римского права И.А. Покровский (1868–1920) в 1917 году сокрушался, что юристы-цивилисты, воспитанные на позитивистской боязни «метафизических естественно-правовых фантазий», оторвались от основных вопросов философии права. Будучи погруженными в повседневную и кропотливую догматическую работу, они «окончательно отвыкли от широкой теоретической трактовки наших проблем и потеряли всякую связь с глубокими идейными течениями нашего времени». По мнению ученого, стоит ли удивляться, что наука гражданского права стала казаться «отторженной от жизни, засохшей схоластикой, а цивилисты – какой-то замкнутой отжившей кастой?» [8, с. 4]. И.А. Покровский приводит слова М. Лютера: «Юрист, если он только юрист, жалкая вещь!». Поэтому, специалист по римскому праву, видит задачу юриста не в простом издании соответствующих норм для урегулирования конфликта, а для их оценки в рамках правовой политики с точки зрения разумного и справедливости. Поиски потерянной идеи права необходимы для того, чтобы не потерять самих себя [8, с. 48–49].

Философ и юрист Б.П. Вышеславцев видел трагедию, бессилие закона в том, что тот противостоит злу злом, не может преодолеть сопротивление плоти, сопротивление греха. «Закон борется с грехом посредством суждения и осуждения, но он не может сделать бывшее не бывшим, он не может жалеть, прощать, давать «оправдание даром». Такие понятия, как покаяние, искупление, прощение греха, – лежат за пределами закона, они метаюридичны [9, с. 38]. Закон наказывает, но он и губит, умерщвляет, хоть и справедливо. «...Гнев справедливости может лишь сказать: *percat mundus fiat justitia* (да свершится правосудие, хотя бы погиб мир (девиз императора «Священной Римской империи» Фердинанда I, 1503–1564) [9, с. 38, 328]. Бессилие закона в сопротивлении плоти. Императивная форма закона, несвязанная с подчинением, вызывает дух противления, противоречия, искушение преступить закон («запретный плод»). «Трагедия «закона» в том, что он хочет и *не может*, требует и *не выполняет*, обещает и *не дает* (das *perennierende Sollen* (многолетний, долгосрочный долг (нем.) [9, с. 40]. «Между велением закона и решением человека лежит таинственная под-сознательная сфера аффектов и не менее таинственная сознательная сфера свободы» [9, с. 42]. Закон как рациональное правило, обращается к уму, сознательной воле, но не к иррациональным, бессознательным и подсознательным инстинктам и влечениям. Глубинные источники греха иррациональны, подсознательны («плотские помышления»), которые не подчиняются сознательной воле и закону ума. Плоть «обнимает всю низшую *чувственно-пожелательную* природу человека, которая, конечно, связана с физическим телом и лежит, так сказать, между «телом» и «душой» [9, с. 43]. В этом сложность взаимодействия человека и юриспруденции, механизмов сознательного и бессознательного.

О. Эрлих критиковал традиционную науку права, как учение, направленное исключительно на правильное применение позитивного права. У Г. Кельзена есть высказывание о том, что наука о праве – это провинция, расположенная далеко от центра духовной жизни, куда научный прогресс приходит с большим опозданием [6, с. 16]. Неслучайно, в современных условиях именно юриспруденцию (не как науку, а как правовую манипуляцию «лакирующую» власть государственного аппарата и капитала) отождествляют со второй (а может быть первой, самой древней профессией). Н.Н. Алексеев выражал сомнение в её ценности как науки, которая является таковой лишь словесно, номинально в юридическом словоупотреблении [10, с. 23].

Говоря о советской науке гражданского права и её отношении к правовому регулированию хозяйственной деятельности в 1929–1955 годах в Советском Союзе, проф. О.С. Иоффе и О.А. Красавчиков подчеркивали, что научность может быть монополизированной, искусственно навязанной административным характером. Она может являться результатом приспособления новых условий к старым формам, наличия устаревших представлений, накопившихся бесплодных абстракций, фикций и надуманных конструкций [11, с. 742–743]. По мнению авторов, в действительности «в категориях и понятиях отражаются объективные закономерности исследуемых явлений, и наука не возникает, пока такие закономерности не остаются нераспознанными» [11, с. 756].

С точки зрения проф. А.И. Экимова, правовая наука «никогда не сможет взять в учет все факторы и обстоятельства, в рамках которых протекает жизнь права. Подлинная наука всегда имеет дело с непознанным». Право – это продукт исторически обусловленного человеческого установления и применения, поэтому оно изменчиво и относительно [12, с. 69]. Не стоит забывать, что юриспруденция – это еще и юридическая техника в широком смысле слова, практическая деятельность в сфере правотворчества, правореализации, судебной, административной практики, что имеет решающее значение для жизни конкретных людей. Это все, что связано с государством и правом и их антиподами, позволяющими вычленили сущности и их проявления, видимость и кажимость.

Среди различных видов антиправа выделяют следующие: криминальное, нейтральное, конформистское, злоупотреблений (шкана), нигилистическое, пограничных ситуаций, коллизийное и др. Негативное «право», как насилие, произвол, беспредел, замаскированное зло, властная несправедливость, коррупционная сделка, власть богатых за счет бедных, лицемерие и т.д., подрывают авторитет государственных, властных структур, законность и правопорядок, способствуют росту правового нигилизма, заставляют сомневаться в объективности и научности государственно-правовых институтов, их социальной направленности [5, с. 9–10].

Уровень общественного авторитета юриспруденции зависит от степени влияния и внедрения её в проводимую правовую политику государства, уровня легальности и легитимности государства и права, профессионализма, преданности служению народу государственного аппарата, успехов борьбы с преступностью, коррупцией, правовой культуры населения. Её идеал – *Dura Lex Sed Lex* (закон суров, но это закон), «Пусть правят законы, а не люди». Для того, чтобы юриспруденция стала главным правовым средством управления государством и общества, правовым критерием правильности, объективности, законности и социальной направленности, она должна соответствовать своему назначению по содержанию и форме [12, с. 63–72]. Должен быть строгий отбор кадров по нравственным и профессиональным качествам («гену справедливости» – М.И. Клеандров).

Исходя из современных тенденций развития юриспруденции во всем многообразии историко-доктринальных, догматических и отраслевых сфер, можно отметить рост, взаимопроникновение, синтетическое объединение научных и ненаучных знаний в рамках единой (холистической) системы.

Научный аспект юриспруденции характеризует процессы цифровизации, математизации, алгоритмизировании, жесткой формализации догматических причинно-следственных, закономерных связей, действие отраслевых наук, специальных дисциплин, смежных с правоведением. Включение электронных механизмов в процесс расследования, анализ Big Data, подготовка и вынесение судебных решений, наличие различных систем охраны, видеонаблюдения, распознавания лиц, контроля за осужденными и др. – доказательство научно-технической, инновационной революции в юриспруденции. Она превращается в современную, модернизированную отрасль научного знания (производительную силу, о которой так много говорили в советские времена) влиятельную, престижную и значимую, открытую для дальнейшего совершенствования. До тех пор, пока отсутствуют серьезные современные наработки микро- и макроконцепции права, как теоретической основы законодательства и правоприменения, говорить о сквозных инновациях в правоведении преждевременно.

Служебно-мировоззренческий аспект, не отрицая его научной направленности, руководствуется прежде всего реализацией прагмати-

ческой функции, связанной со стабильностью общества, устойчивостью власти. Он направлен на укрепление политической, идеологической, гражданской, патриотической, воспитательной значимости юридического образования, важности его нравственного, эстетического наполнения, объективного определения места и роли государства и права в обществе. Основным социальным заказом для юриспруденции – наполнение её цифровизацией, научностью, народностью, демократичностью проецируемых в правовых догмах, аксиомах, законах, доктринах. Существенно важно восстановление социального авторитета, престижа, преодоление противоречия между инновационной технологизацией (сайентизацией знаний) и их гуманно-нравственным содержанием.

Юриспруденция – это не только содержание, но и форма, которая может быть определяющей. Это искусство: форменная одежда, музыка, проникновенная, завораживающая речь адвоката, следователя, прокурора, судьи. Эйдос права включает справедливость, истину, красоту, гармонию, идеальную реальность, веру, юридическую святость, доверие к идее права. Красота в праве включает соразмерность прав и обязанностей, вины и наказания, правового государства и гражданского общества, нормы, института, подотрасли, отрасли, централизации и демократии, насилия и убеждения, сочетания коллективных и индивидуальных интересов. Красота проявляется в юридических мифах, юридической технике, механизме правоприменения. Это ярко проявляется в инаугурации президента, торжественном построении, смене почетного караула, параде, разводе, заступлении на пост, выносе знамени, принятии присяги. Вызывают чувства гордости исполнение государственного гимна, воодушевления – праздничного салюта, торжественное вручение знаков отличия, наград, почетного оружия. Юридический мир отождествляется с публичной сценой художественного театра, где разворачивается символическая картина справедливого воздаяния наказания и поощрения, взвешенная на весах правосудия и окрашенная в тона этики и эстетики. Его музыка направлена на пробуждение гражданских, патриотических, нравственных чувств, глубоких психологических переживаний. Правоведение – это не только рациональное, но и иррациональное постижение и оценка действительности в её линейных и нелинейных связях. Без юридически содержательно оформленной красоты мир не может обрести человеческую сущность.

Выводы

1. Баланс сил в мире, авторитет государств во все большей степени определяется не военной и экономической мощью, а уровнем развития науки, цифровых технологий и искусственного интеллекта (ИИ).
2. Основой юриспруденции является достоверное, объективное, строго научное знание как «строительный материал» государственно-правовой действительности.
3. ИИ, цифровизация общества требует автоматизированных аналогов во всех сферах юридической науки от обучения, толкования, судебных и административных процессов, электронного правосудия до машинописного и машиночитаемого права.
4. Происходит переход к «мягкой» юриспруденции, где происходит синтетическое объединение научных и ненаучных знаний в рамках единой (холистической) системы. Уровень её общественного авторитета зависит от степени влияния и внедрения в проводимую правовую политику государства, его легальности и легитимности.

Список литературы:

1. Философская энциклопедия в 5 т. / Гл. редактор Ф.В. Константинов Т. 1. М., «Сов. энциклопедия», 1960. – 504 с.; Философский энциклопедический словарь Гл. ред.-ция: Л.Ф. Ильичев и др. М., «Сов. энциклопедия» 1983. – 840 с.; Словарь иностранных слов. – 12-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1985. – 608 с.
2. Сырых В.М. Система юридической науки / В.М. Сырых История и методология юридической науки: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 108-124.
3. Гуршченков, П.В. Правовая система – стабильность и динамика, концептуально-методологические подходы / Актуальные проблемы государства и права: сравнительно-методологический аспект: монография / Э.Г. Анискина [и др.]; под науч. ред. В.С. Елисеева, А.А. Бочкова. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2024. – С.44–54.
4. Жуков, В.Н. Юриспруденция как наука: возвращение к забытым истинам. // Государство и право. 2017. № 9. – С. 5–4.
5. Бочков, А.А. Концептуально-методологические основы холистического понимания права в рамках единой юриспруденции / Актуальные проблемы государства и права: сравнительно-методологический аспект: монография / Э.Г. Анискина [и др.]; под науч. ред. В.С. Елисеева, А.А. Бочкова. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2024. – С. 7–20.
6. Кроткова, Н.В. История и методология юридической науки «Круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и журнала «Государство и право» // Государство и право 2016. № 4. – С. 5 – 31.
7. URL:https://zakon.ru/blog/2022/8/26/yuristy_stali_chervyami_a_ih_nauka_imeet_delo_so_sluchajnostyu_gumanitarno_skazano (Дата доступа 18.09.2024).
8. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права. Изд.-е Юридического книжного склада «Право». Петроград, Литейный просп., 28. 1917 г. – 327 с.
9. Вышеславцев, Б.П. Этика преображенного Эроса / Вступ. Ст., сост. И коммент. В.В. Сапова. – М.: Респ.-ка, 1994. – 368 с.
10. Алексеев, Н.Н. Основы философии права. СПб., 1999. – 256 с.
11. Иоффе, О.С., Красавчиков, О.А. О критике науки и научности критики / Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» М., Статут 2000. – 782 с.
12. Экимов, А.И. Доверие к юридической науке в России: методологические и прагматологические проблемы // Государство и право. 2021. № 6. С. 63-72.

References:

1. Philosophical Encyclopedia in 5 volumes / Chief editor F.V. Konstantinov T. 1. M., "Soviet Encyclopedia", 1960. – 504 p.; Philosophical Encyclopedic Dictionary, Chief editor: L.F. Ilyichev et al. M., "Soviet Encyclopedia" 1983. – 840 p.; Dictionary of foreign words. – 12th ed., stereotype. – M.: Rus. yaz., 1985. – 608 p.
2. Syrykh, V.M. System of legal science / V.M. Syrykh History and methodology of legal science: textbook. – M.: Norm: INFRA-M, 2017. – Pp. 108–124.
3. Gurschenkov, P.V. The legal system – stability and dynamics, conceptual and methodological approaches / Actual problems of state and law: comparative methodological aspect: monograph / E.G. Aniskina [et al.]; edited by V.S. Eliseev, A.A. Bochkov. Vitebsk: Masherov State University, 2024. – Pp.44–54.
4. Zhukov, V.N. Jurisprudence as a science: a return to forgotten truths. // State and law. 2017. No. 9. – Pp. 5–4.
5. Bochkov, A.A. Conceptual 7. and methodological foundations of a holistic understanding of law within the framework of unified jurisprudence / Actual problems of state and law: a comparative methodological aspect: monograph / E.G. Aniskina [et al.]; edited by V.S. Eliseev, A.A. Bochkov. Vitebsk: Masherov State University, 2024. – Pp. 7–20.
6. Krotkova, N.V. History and methodology of Legal Science ("Round table" of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University and the journal "State and Law" // State and Law 2016. No. 4. – Pp. 5–31.
7. URL:http://zakon.ru/blog/2022/8/26/yuristy_stali_chervyami_a_ih_nauka_imeet_delo_so_sluchajnostyu_gumanitarno_skazano (Access date 18.09.2024).
8. Pokrovsky, I.A. The main problems of civil law. Ed.-e of the Legal book warehouse "Pravo". Petrograd, Liteyny avenue., 28. 1917. – 327 p.
9. Vysheslavtsev, B.P. Ethics of the transformed Eros / Introduction, comp. And comment. V.V. Sapova. – M.: Rep.-ka, 1994. – 368 p.
10. Alekseev, N.N. Fundamentals of the philosophy of law. St. Petersburg, 1999. – 256 p.
11. Ioffe, O.S., Krasavchikov, O.A. On the criticism of science and the scientific nature of criticism / Ioffe O.S. Selected works on civil law. From the history of civilistic thought. A civil legal relationship. Criticism of the theory of "economic law" M., Statute 2000. – 782 p.
12. Ekimov, A.I. Trust in legal science in Russia: methodological and praxeological problems // State and Law. 2021. No. 6. – Pp. 63–72.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_30

УДК 340.1

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ НАУЧНОЙ МЫСЛИ ОБ ЭКСТРАОРДИНАРНОМ ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ В РОССИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE DOCTRINE OF EXTRAORDINARY LEGAL REGULATION IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

БОГАТЫРЕВ Магомед Резванович,

заведующий кафедрой «Юриспруденция» института цифровой экономики и технологического предпринимательства
ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М.Д. Миллионщикова»,
кандидат юридических наук.

364902, Россия, Чеченская республика, г. Грозный, проспект им. Х.А. Исаева, 100.

E-mail: m.boghatyriov@mail.ru;

BOGHATYRIOV Magomed Rezvanovich,

Head of the Department of Jurisprudence, Institute of Digital Economy and Technological Entrepreneurship,

Grozny State Oil Technical University, Candidate of Legal Sciences.

100 Isaev Avenue, Grozny, 364902, Russia, Chechen Republic.

E-mail: m.boghatyriov@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются историко-правовые предпосылки формирования научной теории экстраординарного правового регулирования в России в дореволюционный период. Особое внимание уделяется анализу идей российских правоведов конца XIX - начала XX века (Н.Х. Бунге, Н.М. Коркунов, В.М. Гессен, С.А. Котляревский и др.), а также концептуализации правовых основ и ограничений применения чрезвычайных мер. Автор обосновывает актуальность обращения к дореволюционному опыту в контексте современных вызовов национальной безопасности и кризисного управления. Исследование выявляет научные истоки, противоречия и направления развития доктрины исключительного (экстраординарного) положения, а также демонстрирует преемственность в правовой мысли по вопросам соотношения права, силы и государственности.

Abstract: The article explores the historical and legal prerequisites for the formation of the scientific theory of extraordinary legal regulation in pre-revolutionary Russia. Special attention is paid to the ideas of Russian legal scholars of the late 19th and early 20th centuries (N.Kh. Bunge, N.M. Korkunov, V.M. Hessen, S.A. Kotlyarevsky, etc.) and the conceptualization of legal foundations and limitations on the application of extraordinary measures. The author substantiates the relevance of studying pre-revolutionary experience in the context of modern challenges to national security and crisis governance. The research identifies the origins, contradictions, and development directions of the doctrine of extraordinary legal regimes and reveals the continuity of Russian legal thought in addressing the balance between law, force, and state power.

Ключевые слова: экстраординарное правовое регулирование, чрезвычайные меры, история права, правовая доктрина, исключительное положение, законность, охранительные режимы, чрезвычайное законодательство.

Keywords: extraordinary legal regulation, emergency measures, legal history, legal doctrine, state of exception, rule of law, protective regimes, emergency legislation.

Для цитирования: Богатырев М.Р. История становления научной мысли об экстраординарном правовом регулировании в России в дореволюционный период // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 30-33. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_30.

For citation: Boghatyriov M.R. The historical development of the doctrine of extraordinary legal regulation in pre-revolutionary Russia // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 30-33. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_30.

Статья поступила в редакцию: 14.09.2025

Изучение истории становления теории экстраординарного правового регулирования представляется не просто доктринально значимым, но и практически необходимым шагом. Современные вызовы (от угроз национальной безопасности до природных и техногенных катастроф) вновь актуализируют вопрос о правомерности и пределах использования чрезвычайных мер. Однако полноценное понимание природы экстраординарного правового регулирования невозможно без обращения к истокам формирования этой теории. Историко-правовой анализ позволяет выявить идейные основания, закономерности и противоречия, сопровождавшие развитие соответствующих институтов в различные эпохи. Именно в ретроспективном аспекте представляется реальным проследить, как со временем менялось соотношение между законностью и целесообразностью, правом и насилием, а также как вырабатывались (или, напротив, отвергались) противодействующие произволу гарантии. Исследование генезиса теории экстраординарного правового регулирования, тем самым, необходимо не только для систематизации накопленного знания, но и для совершенствования современной правовой доктрины, призванной обеспечить баланс между эффективным управлением в условиях кризиса и соблюдением прав и законных интересов граждан.

Зарождение идей об исключительных мерах (в контексте современной теории экстраординарного правового регулирования) связано с отечественной правовой мыслью конца XIX века. В прямой постановке данный вопрос не ставился, однако формировались предпосылки для будущей доктрины. В частности, проблема применения исключительных мер в контексте предупреждения революционных проявлений развивалась на стыке соотношения законности и целесообразности, а также необходимости правовых реформ в трудах Н.Х. Бунге и Н.М. Коркунова. Так, Н.Х. Бунге, ученый-экономист и государственный деятель в своих записках императору (позднее названных «загробными заметками») настаивал на потребности в правовых реформах для предотвращения революционных волнений и опасности применения крайних государственных мер в этом вопросе [1]. В свою очередь, Н.М. Коркунов, в процессе интерпретации «права силы» и «силы права», косвенно указал на опасность выхода государства за рамки закона даже в исключительных обстоятельствах [2]. Несмотря на эти идеи, вплоть до начала XX в. любая критика практики произвольного введения репрессивных режимов оставалась под запретом цензуры. Официальная идеология состояла в том, что чрезвычайные меры являются прерогативой монарха, необходимой для спасения государства, и потому не подлежат обсуждению.

В результате революционных событий 1905 гг. и временного ослабления цензуры тема чрезвычайного законодательства появилась в поле зрения юридической доктрины. Первопроходцем в данном вопросе можно считать В.М. Гессена, опубликовавшего в 1908 г. монографию «Исключительное положение», в которой представлена детальная характеристика правового режима, введенного Положением о мерах к охране государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. [3] Речь идет об особом охранительном режиме усиленной и чрезвычайной охраны. Исследование В.М. Гессена, хотя и ограничилось рамками интерпретации одного закона, тем не менее стало фундаментальным вкладом в юридическую науку, поскольку оно заложило основы новой научной доктрины – доктрины исключительного положения (как тогда называли особый правовой режим, при котором ординарные законы «исключаются» на определенной территории - авт.).

Помимо монографии Гессена, на страницах юридической печати обсуждались отдельные аспекты чрезвычайных мер. В газете «Право» в 1904-1908 гг. была опубликована серия статей видных юристов и общественных деятелей, посвященных практическим аспектам проявления охранительных режимов. В качестве примера можно привести статьи П. Калинина «По поводу усиленной охраны» (1904, № 48); известного адвоката и думского депутата В. А. Маклаков «Смертная казнь и законность» (1905, № 34), выступившего с критикой внесудебных расправ; А.В. Горбунова «Политика исключительных мероприятий», проанализировавшего политические последствия постоянного режима репрессивных исключений (1907, № 43); лидера кадетской партии В. Д. Набокова «Скорострельные суды и разъяснения Совета Министров» (1908, № 41) [4]. Данные и некоторые другие публикации, представляющие скорее публицистику, чем научные источники, тем не менее, свидетельствуют о том, что юридическое сообщество интересовалось вопросам соотношения чрезвычайных мер с принципами законности. Вместе с тем, ни одна из названных статей не представляла цельной картины всей системы экстраординарного правового регулирования того времени, поскольку авторы затрагивали, в основном, частные вопросы – введение усиленной охраны, смертную казнь, полевые суды и т.д., не прослеживая их взаимосвязь друг с другом, а также противоречия действующего законодательства и практики его реализации на местах).

В дальнейшем принятие Основных государственных законов Российской империи от 23 апреля 1906 г. [5] повлияло на терминологию формировавшейся теории экстраординарного правового регулирования: появилось новое понятие «чрезвычайный закон» - нормативный акт, изданный в особом порядке и отступающий от обычных законов. В частности, статья 87 Основных государственных законов уполномочивала императора издавать чрезвычайные указы с силой закона в период между сессиями Государственной Думы. Данное законодательное нововведение обусловило интерес научного сообщества к проблеме соотношения ординарного (текущего) законодательства и чрезвычайных указов, и в 1907–1913 гг. была опубликована серия работ по данной тематике.

Так, в 1907-1909 гг. Б.Э. Нольде были опубликованы «Очерки русского конституционного права», где применительно к анализу новой системы законодательства указывалось на отличие законов, принятых в установленном порядке, от актов, вводящих особые режимы на основании верховной прерогативы [6]. Упоминания заслуживают «Лекции по русскому государственному праву» профессора Н. И. Лазаревского 1908 года, в которых освещалось право правительства, наряду с обычными законами, на чрезвычайные меры [7].

В качестве специального исследования следует отметить труд Я.М. Магизинера «Чрезвычайно-указное право в России (ст. 87 Основных законов)» 1911 года, в котором подробно освещена процедура издания указов в обход Государственной Думы и условия их последующего утверждения парламентом [8].

В 1912 году профессор государственного права С.А. Котляревский рассмотрел юридические предпосылки русских Основных законов, в том числе ограничения верховной власти, и коснулся проблемы оправданности исключительных распоряжений императора [9].

Далее в 1913 году вышло в свет исследование А.С. Алексеева «Происхождение чрезвычайного права и его политическое значение» [10], посвященное истории возникновения и развития института чрезвычайного права в различных странах мира; в книге рассмотрены различные аспекты этого института, такие как его происхождение, эволюция, правовая основа, принципы применения и политическое значение.

Все эти труды объединяет общая идея поиска баланса между идеалом правового государства и реальностью сохранения в руках власти инструментов особого (чрезвычайного, экстраординарного и т.п.) правового регулирования.

Отдельно следует отметить вклад в теоретическое осмысление экстраординарного правового регулирования и соответствующих режимов посредством сравнительно-правовых исследований. В частности, еще в 1895 году В.Ф. Дерюжинский опубликовал монографию «Habeas Corpus Act и его приостановка по английскому праву» [11], в которой на примере британской правовой системы были изучены особенности ограничения свободы личности во время приостановления действия Habeas Corpus Act. Позднее, в фундаментальном труде «Полицейское право» 1908 года В.Ф. Дерюжинский уделил внимание и российским реалиям, отметив, что для предотвращения злоупотреблений необходим точный правовой регламент введения исключительного режима такими словами: «Для того, чтобы предупредить возможные злоупотребления, закон точно определяет случаи, в которых может быть временно установлен исключительный режим, и те последствия, которые... [он влечет]» [12].

При оценке наследия дореволюционной науки в области исследования «чрезвычайного права» и охранительных режимов нельзя не коснуться работ советского и современного периода, анализирующих труды дореволюционных авторов.

Следует согласиться, что исследования советского периода, как правило, были тесно связаны с конкретно-историческими событиями и носили выраженную политическую окраску. Вместе с тем, можно выделить несколько направлений советской историографии, посвященной дореволюционным чрезвычайным мерам:

- работы, посвященные изучению политической реакции конца XIX века. Здесь сошлёмся монографии известного советского историка П. А. Зайончковского «Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг.» и «Российское самодержавие в конце XIX столетия. Политическая реакция 80-х – начала 90-х гг.», в которых подробно изучена государственная политика после убийства Александра и показаны истоки установления

системы административного подавления, которые данный ученый охарактеризовал, как кризис самодержавия и усиление реакции [13]. Особая ценность данных исследований состоит в том, что их автор ввел в научный оборот богатый фактический материал о законодательных актах той эпохи;

- исследования политических процессов и репрессий. Здесь отметим труды Н.А. Троицкого, посвященные изучению контрреволюционной деятельности судебно-карательной системы царской России [14]. Данные исследования высвечивают репрессивные механизмы того периода: военно-полевые суды, чрезвычайные охранные грамоты и другие;

- исследования, содержащие историографический анализ законодательства и институтов конца XIX – начала XX вв., в частности, деятельности Верховной распорядительной комиссии и содержания Положения 1881 г. [15]; нормативных актов и переписки правительства о репрессивных мерах во время первой русской революции [16]; ключевых решений правительства, касающихся введения военного положения и временных правил [17].

Советская историография, безусловно, внесла неоценимый вклад в развитие теории экстраординарного правового регулирования, обогатив ее эмпирическую основу. Вместе с тем, нельзя не отметить излишне идеологизированный характер данных исследований, опирающийся не на богатый фактологический материал, а на идеологические установки.

Начало 90-х годов XX века связано с переоценкой и новым осмыслением дореволюционного опыта. В силу того, что в Российской Федерации принимается новое законодательство о чрезвычайном положении появляется потребность обращения к отечественному историческому опыту в данном вопросе. Предметом исследования явилось изучение содержания и эволюции дореволюционных чрезвычайных законов с опорой на архивные документы, законодательные тексты и материалы той эпохи. В частности, в этом ключе можно отметить диссертационные исследования О.Г. Александрова «Чрезвычайное законодательство в России во второй половине XIX – начале XX в.» [18], в котором систематизированы основные положения о чрезвычайных мерах, принятые царским правительством, и их применение на практике, а также Н.И. Биюшкиной «Политико-правовое развитие Российского государства в условиях развития охранительного внутриполитического курса в 1870-1890-е гг.» [19]. Другой пример – труды С.В. Кодана и его учеников, которыми заново прочитаны работы дореволюционных теоретиков, восстановлена преемственность между дореволюционной доктриной исключительного положения и современными концепциями [20-21]. Активно публикуются монографии и сборники документов, посвященные истории военно-полевых судов, генерал-губернаторской власти в период революций и т.д. [22-23]

Новейшие историко-правовые исследования дореволюционного периода становления экстраординарного правового регулирования основаны на стремлении ученых максимально точно и бережно интерпретировать исторические документы, избегать излишней оценочности (субъективизма), а также рассматривать чрезвычайное законодательство не изолированно, а на фоне общих закономерностей развития государства и права.

Важным достижением постсоветской науки, полагаем, следует считать плюрализм интерпретаций в оценке мотивов и результатов чрезвычайных мер царского правительства, законности Положений 1881 и 1892 гг. и деятельности военно-полевых судов в 1906 г., что свидетельствует о более взвешенном подходе, стремлении понять логику обеих сторон (власти и общества) и дать комплексную оценку режиму исключительных мер.

Характерной чертой новейших работ является также стремление извлечь уроки для настоящего. В частности, отмечается, что многие черты кризисов прошлых эпох воспроизводятся и в современном мире, а потому извлечение определенных уроков прошлого и использование предшествующего опыта важно для совершенствования современного законодательства.

Основываясь на вышесказанном, полагаем, что дореволюционная наука признавала главенствующую роль права и закона в ограничении чрезвычайных полномочий государства и органов власти. В целом к 1917 г. в российском правоведении был накоплен определенный массив знаний о чрезвычайном законодательстве, представленный, как частными обзорами в периодической печати, так и обобщающих научных монографий. И хотя, данная проблематика еще не успела выделиться в отдельную научную концепцию, были заложены основы для ее дальнейшего формирования и развития в будущем.

Список литературы:

1. Шепелев Л.Е. «Загробные заметки» Н. Х. Бунге. Б/м, 1971. С. 242-246. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_875273/ (дата обращения: 24.05.2025).
2. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов; [сост., автор вступ. ст., коммент. А. Н. Медушевский]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 520 с.
3. Гессен В.М. Исключительное положение. СПб.: Право, 1908. 410 с.
4. ПРАВО: еженедельная юридическая газета. - 1898, 8 нояб. - [?]. – Петроград, 1898 – 1917. URL: https://nlr.ru/res/inv/ukazat55/record_full.php?record_ID=122262 (дата обращения: 24.05.2025).
5. Свод законов Российской империи. 1906. Т. 1, ч. 1.
6. Нольде Б.Э. Очерки русского конституционного права. Санкт-Петербург: типо-лит. Шредера, 1907-1909. - 2 т.; 23. Статья 87 основных законов. 1907. 84 с.
7. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву: Т. 1. Санкт-Петербург, 1908-1910. Т. 1: Конституционное право. 1908. 509 с.
8. Магизинер Я.М. Чрезвычайно-указное право в России : Чрезвычайно-указное право в России : (Ст. 87 Осн. зак.) : Прил.: I. Практика чрезвычайного указного права в России. II. Нормы иностранного права, аналогичные ст. 87-й. Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1911. 172 с.
9. Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских основных законов. М.: тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1912. 217 с.
10. Алексеев А.С. Происхождение чрезвычайного права и его политическое значение. М., 1913. URL: <https://lumbu.com/proishozhdenie-book34537> (дата обращения: 24.05.2025).
11. Дерюжинский В.Ф. Habeas corpus акт и его приостановка по английскому праву: Очерк основ. гарантий личной свободы в Англии и их врем. ограничения. Юрьев (б. Дерпт): типо-лит. Г. Лакмана, 1895. 392 с.
12. Дерюжинский В.Ф. Полицийское право: Пособие для студентов. Санкт-Петербург: Сенат. тип., 1911. 550 с.
13. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х гг. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. 511 с.; Он же. Российское самодержавие в конце XIX в.: (Политическая реакция 80-х - нач. 90-х гг.). М.: Мысль, 1970. 442 с.

14. Троицкий Н.А. Царские суды против революционной России: Полит. процессы, 1871-1880 гг. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1976. 408 с.
15. Россия в революционной ситуации на рубеже 1870-1880-х годов: коллектив. моногр. / [Б. С. Итенберг, А. М. Анфимов, А. М. Соловьева и др.; Редкол.: Б. С. Итенберг (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1983. 557 с.
16. Второй период революции. 1906-1907 гг. / Под ред. Г. М. Деренковского (отв. ред.). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957-1965. 8 т. (Революция 1905-1907 гг. в России. Документы и материалы. 50 лет. 1905-1955/ Акад. наук СССР. Ин-т истории. Глав. архивное упр. Центр. гос. воен.-ист. архив. Глав. ред. акад. А. М. Панкратова (пред.) и др.).
17. Совет Министров Российской империи, 1905-1906 гг.: документы и материалы / АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленинградское отделение, Центральный государственный исторический архив СССР; сост.: С. С. Атапин, Б. Д. Гальперина. Л.: Наука: Ленинградское отделение, 1990. 473 с.
18. андров О.Г. Чрезвычайное законодательство в России во второй половине XIX - начале XX в.: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Нижегородский юридич. ин-т МВД РФ. Нижний Новгород, 2000. 23 с.
19. Биюшкина Н.И. Политико-правовое развитие Российского государства в условиях охранительного внутриполитического курса : 1870-1890-е гг. : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.01 / Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2012. 55 с.
20. Кодан С.В. Политическая ссылка в системе карательных мер самодержавия первой половины XIX в.: учеб. пособие. Иркутск: ИРГУ, 1980. 95 с.
21. Кодан С.В., Поляков И.Ю. Полицейское законодательство Российской империи: развитие, становление, систематизация : вторая половина XVII - первая треть XIX в.: очерки. Екатеринбург: Зерцало-Урал, 2000. 220 с.
22. Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы в системе власти дореволюционной России : автореферат дис. ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Моск. пед. гос. ун-т. М., 2001. 48 с.
23. Военно-полевые суды Российской империи в 1906-1907 гг.: (историко-правовой анализ): монография / А. А. Бакин и др. СПб.: Астерион, 2011. 136 с. и другие.

References:

1. Shepelev L.E. "Notes from beyond the Grave" by N. H. Bunge. B/m, 1971. pp. 242-246. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_875273 / (date of publication: 05/24/2025).
2. Korkunov N.M. Lectures on the general theory of law / N. M. Korkunov; [comp., author of the introductory article, comment. A. N. Medushevsky]. Moscow: Russian The Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2010. 520 p.
3. Gessen V.M. Exceptional situation. St. Petersburg: Pravo, 1908. 410 p.
4. LAW: a weekly legal newspaper. - 1898, November 8. - [?]. - Petrograd, 1898-1917. URL: https://nlr.ru/res/inv/ukazat55/record_full.php?record_ID=122262 (date of reference: 05/24/2025).
5. Code of Laws of the Russian Empire. 1906. Vol. 1, part 1.
6. Nolde B.E. Essays on Russian Constitutional Law. Saint Petersburg: tipo-lit. Schroeder, 1907-1909. - 2 vol.; 23. Article 87 of the basic laws. 1907. 84 p.
7. Lazarevsky N.I. Lectures on Russian State Law: Vol. 1. St. Petersburg, 1908-1910. Vol. 1: Constitutional Law. 1908. 509 p.
8. Magaziner Ya.M. Extremely-specified law in Russia : Extremely-specified law in Russia : (Art. 87 Main Law) : Appendix: I. The practice of extremely-specified law in Russia. II. The norms of foreign law, similar to art. 87. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich Publishing House, 1911. 172 p.
9. Kotlyarevsky S.A. Legal prerequisites of Russian basic laws. Moscow: type. by G. Lissner and D. Sobko, 1912. 217 p.
10. Alekseev A.S. The origin of emergency law and its political significance. Moscow, 1913. URL: <https://lumbu.com/proishozhdenie-book34537> (date of request: 05/24/2025).
11. Deryuzhinsky V.F. The Habeas corpus act and its suspension under English law: An outline of the basics. guarantees of personal freedom in England and their time. limitations. Yuriev (B. Dorpat): tipo-lit. by G. Lakman, 1895. 392 p.
12. Deryuzhinsky V.F. Police law: A manual for students. St. Petersburg: Senate. tip., 1911. 550 p.
13. Zayonchkovsky P.A. The crisis of autocracy at the turn of the 1870s-1880s. Moscow: Publishing House of Moscow. University, 1964. 511 p.; The same. The Russian autocracy at the end of the 19th century: (The political reaction of the 80s - the beginning. 90s). Moscow: Mysl, 1970. 442 p.
14. Troitsky N.A. Tsarist courts against revolutionary Russia: It's been watered. trials, 1871-1880. Saratov : Sarat Publishing House. University, 1976. 408 p.
15. Russia in the revolutionary situation at the turn of the 1870s and 1880s: the collective. monogr. / [B. S. Itenberg, A.M. Anfimov, A.M. Solovyova et al.; Editors: B. S. Itenberg (ed.) et al. Moscow: Nauka, 1983. 557 p.
16. The second period of the revolution. 1906-1907 / Edited by G. M. Derenkovsky (ed.). Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1957-1965. 8 vol. (Revolution of 1905-1907 in Russia. Documents and materials. 50 years. 1905-1955/ Academy of Sciences of the USSR. In-t of history. Chapters. archival management Center of the State Military-ist. archive. Chief editor. Academician A.M. Pankratov (prev.) and others).
17. Council of Ministers of the Russian Empire, 1905-1906: documents and materials / USSR Academy of Sciences, Institute of History of the USSR, Leningrad Branch, Central State Historical Archive of the USSR; comp.: S. S. Aтапин, B. D. Galperina. L.: Nauka: Leningrad Branch, 1990. 473 p.
18. androv O.G. Emergency legislation in Russia in the second half of the 19th - early 20th century: abstract of the dissertation of the Candidate of Law: 12.00.01 / Nizhny Novgorod Law School. Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Nizhny Novgorod, 2000. 23 p.
19. Biyushkina N.I. Political and legal development of the Russian state in the context of a protective domestic political course : 1870-1890s : abstract of the dissertation... Doctors of Law : 12.00.01 / Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky. Nizhny Novgorod, 2012. 55 p.
20. Kodan S.V. Political exile in the system of punitive measures of the autocracy of the first half of the 19th century. stipend. Irkutsk: IrGU, 1980. 95 p.
21. Kodan S.V., Polyakov I.Y. Police legislation of the Russian Empire: development, formation, systematization : the second half of the XVII - the first third of the XIX century: essays. Yekaterinburg: Zertsalo-Ural Publ., 2000. 220 p.
22. Lysenko L.M. Governors and governors-general in the system of power in pre-revolutionary Russia : abstract of the dissertation... Doctors of Historical Sciences : 07.00.02 / Moscow Pedagogical State University, Moscow, 2001. 48 p.
23. Military field courts of the Russian Empire in 1906-1907: (historical and legal analysis): monograph / A. A. Bakin et al. St. Petersburg: Asterion, 2011. 136 p. and others.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА (1955-1990 ГГ.) LEGAL REGULATION OF THE DEMOGRAPHIC FUNCTION OF THE SOVIET STATE (1955–1990)

ТУРАЕВА Дагмара Саламбековна,

ассистент кафедры «Юриспруденция» института цифровой экономики и технологического предпринимательства
ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М.Д. Миллионщикова».
364902, Россия, Чеченская республика, г. Грозный, проспект им. Х.А. Исаева, 100.

E-mail: mila_tur91@mail.ru;

TURAYEVA Dagmara S.,

Assistant Professor, Department of Jurisprudence, Institute of Digital Economics and Technological Entrepreneurship,
Grozny State Petroleum Technical University named after Academician M.D. Millionshchikov.
100 Isaev Avenue, Grozny, 364902, Russia, Chechen Republic.

E-mail: mila_tur91@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются этапы реализации демографической функции советского государства в период с 1955 по 1990 гг. Через призму нормативных актов, статистических данных и научных исследований раскрывается эволюция правовых средств, направленных на регулирование рождаемости, миграции, поддержки семьи, материнства и детства. Автор анализирует переход от жестких пронаталистских мер к комплексной социальной политике, акцентируя внимание на институционализации демографической функции как самостоятельного направления государственной деятельности. Сделан вывод о том, что к концу советского периода сложилась целостная система правового и организационного обеспечения демографической политики, что создало основу для формирования современной модели демографической функции в постсоветской России.

Abstract: The article examines the stages of implementation of the demographic function of the Soviet state from 1955 to 1990. Through the analysis of legal acts, statistical data, and scientific studies, the author explores the evolution of legal mechanisms aimed at regulating birth rates, migration, and state support for families, motherhood, and childhood. The study highlights the transition from rigid pro-natalist measures to a more balanced social policy, emphasizing the institutionalization of the demographic function as an independent sphere of public administration. It concludes that by the end of the Soviet period, a comprehensive system of legal and organizational tools had been developed, laying the groundwork for the modern model of demographic governance in post-Soviet Russia.

Ключевые слова: демографическая функция, правовое регулирование, советское государство, рождаемость, миграция, семейная политика, социальное законодательство.

Keywords: demographic function, legal regulation, Soviet state, birth rate, migration, family policy, social legislation.

Для цитирования: Тураева Д.С. Правовое регулирование демографической функции советского государства (1955-1990 гг.) // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 34-38. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_34.

For citation: Turayeva D.S. Legal regulation of the demographic function of the soviet state (1955–1990) // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 34-38. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_34.

Статья поступила в редакцию: 15.09.2025

Общая либерализация государственной политики советского государства в послевоенный период ознаменовала начало социально-ориентированного этапа в правовом регулировании демографической функции. Так, в 1955 году был отменён указ 1936 г. о запрете аборт. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г. официально разрешил женщинам прерывание беременности по желанию в государственных медицинских учреждениях [1]. Аборт вновь стал законной медицинской услугой (на ранних сроках – до 12 недель беременности). Этому предшествовали обсуждения в профессиональных медицинских и партийных кругах о том, что криминальные аборты приводят к гибели тысяч женщин. После легализации 1955 г. аборт снова стал личным решением женщины, хотя сохранялось его моральное неодобрение. Таким образом, советское законодательство вернулось, учитывая международный контекст (во многих странах аборты тогда были под запретом), к одной из самых либеральных позиций в отношении абортов.

Одновременно смягчались и другие аспекты брачно-семейного права. В 1953–1956 гг. была упрощена процедура развода, отменено обязательное объявление в печати и поэтапное рассмотрение, снижены пошлины. В 1954 г. были восстановлены права детей, родившихся вне брака, на установление отцовства. Отныне внебрачный отец мог добровольно записать ребенка на свое имя, или мать имела право взыскать с него алименты, хотя полное уравнивание внебрачных детей с брачными произошло позже.

Постановлением от 5 февраля 1955 г. было закреплено незначительное увеличение продолжительности послеродового отпуска по беременности и родам, был возвращен дореволюционный стандарт 112 дней (56 дней до родов и 56 после, при осложнениях – до 70 дней) [2].

В марте 1956 г. был принят указ о продлении оплачиваемого отпуска по беременности и родам, закрепивший социальные гарантии матерей [3].

Таким образом, в послевоенные десятилетия Советское государство постепенно перешло от экстренных пронаталистских мер к более сбалансированной социальной политике. Хотя рождаемость в РСФСР и «европейских» республиках начала снижаться, государство сделало ставку не столько на принуждение, сколько на социальную поддержку семьи. С середины 1950-х гг. произошло активное развитие инфраструктуры для воспитания детей (детские сады, ясли, школы). Государство провозглашало целью государственной демографической политики «раскрепощение женщины», то есть создание условий, при которых мать могла работать и одновременно воспитывать детей, что предполагало перенос части забот

(дошкольное воспитание, медицинское обслуживание) на государственные учреждения. Эта модель – «два кормильца при государственной поддержке детей» – стала характерной для советской социальной политики [4].

В 1950-е годы крестьяне, ранее не имевшие паспортов, постепенно начали их получать: в 1953–1958 гг. были упразднены ограничения на выдачу паспортов сельским жителям отдельных категорий, а к 1960 г. началась выдача паспортов колхозникам. Миллионы бывших сельских жителей получили юридическую возможность переезжать в города.

1950-е гг. также связаны с крупными организованными миграциями: освоением Целины (1954–1956); плановым распределением кадров (обязательным распределением выпускников вузов на работу).

Научное обоснование демографической политики в рассматриваемый период также пережило период трансформации. В 1959 году была проведена перепись населения, результаты которой были опубликованы в открытой печати [5]. Появляются научные оценки снижения рождаемости в РСФСР, особенно среди русского населения, тогда как в Средней Азии высокая рождаемость сохранялась [4]. Вместе с тем, официально демографическая проблема так и не была провозглашена.

В 1960 г. органы госстатистики провели крупное обследование 37 тыс. семей рабочих и служащих, ведущих регулярные бюджетные записи, с целью изучения факторов рождаемости. Опросный бланк содержал сведения о занятии и месте работы женщины или другом источнике средств существования, о стаже работы и о жилищных условиях. Больше о программе этого обследования фактически ничего не известно, так как научный отчет по его итогам не был опубликован [6].

В 1968 году Верховный Совет СССР утвердил Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье, которые заложили единые принципы для обновления республиканских кодексов о семье [7]. На их основе в 1969–1970 гг. были приняты новые Кодексы о браке и семье в союзных республиках (в РСФСР – в 1969 г.). Эти акты упростили порядок расторжения брака по обоюдному согласию через органы ЗАГС, минуя суд, если супруги не имели споров и (или) общих несовершеннолетних детей; уточняли обязанности родителей по воспитанию детей. Фактически семейное право установило баланс между государственной защитой семьи и предоставлением гражданам свободы расторжения брака при необходимости.

К концу 1960-х гг. Советское государство столкнулось с «латентной депопуляцией» (термин А.Г. Вишневского – авт.) в европейской части страны в то время, как население Средней Азии, Кавказа росло быстрыми темпами, что меняло этнодемографический баланс страны [8]. В академических кругах (например, в МГУ на кафедре народонаселения под руководством проф. Д.И. Валентя) разрабатывались теоретические основы политики народонаселения, увязывающей социально-экономические меры с демографическими целями [9]. В рамках демографической науки проводились исследования по стимулированию рождаемости, анализировался зарубежный опыт (в том числе политика в социалистических странах Восточной Европы) [10-11].

Хотя существование демографического кризиса руководство советского государства отвергало, определенные шаги в этом направлении предпринимались. В 1963 г. были введены ежемесячные пособия на детей военнослужащих срочной службы [12], продолжались мероприятия по развитию служб быта, строительства жилья для молодых семей. Возможно, набор этих мер пока не составлял единой концепции демографической политики, но создавал фон для будущих реформ в данном направлении.

Знаковым в создании единой программы демографической политики советского государства стал XXV съезд КПСС 1976 года, на котором впервые была поставлена задача разработки эффективной демографической политики [13]. К этому времени проявились две тревожные тенденции: естественное старение населения и снижение рождаемости в РСФСР, Украине, Прибалтике, в которых коэффициент рождаемости опустился ниже уровня простого воспроизводства, а также рост числа разводов и неполных семей [14]. Одновременно в целом по СССР продолжался естественный прирост за счет азиатских республик, что не соответствовало экономическим потребностям, поскольку промышленно развитые регионы испытывали дефицит трудовых ресурсов. Соответственно, необходимы были меры, стимулирующие рождаемость именно в европейской части СССР, и поддержка семьи, материнства и детства повсеместно.

В 1970-е гг. в советском государстве сформировалась сбалансированная система пособий и льгот для семей с детьми. К началу десятилетия уже существовали: 1) единовременные выплаты при рождении ребенка; 2) ежемесячные пособия матерям-одиночкам (введенные в 1944 и увеличенные впоследствии); 3) частично оплачиваемые отпуска по уходу за ребенком (в ограниченном объеме) [15].

В 1977 г. в обновленной Конституции СССР появилась ст. 53, провозгласившая поддержку семьи, охрану материнства и детства [16] и создавшая юридическую основу для дальнейшего развития и специализации демографической политики.

«Новая» демографическая политика начала 1980-х (1981–1983 гг.) была обусловлена инициативами XXVI съезда КПСС 1981 года [17]. В 1981–1982 гг. был принят пакет постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, значительно усиливших поддержку семей с детьми [18].

Эти меры стали, в сущности, первой официальной программой стимулирования рождаемости в СССР, к основным нововведениям которой можно отнести: а) продление отпуска по уходу за ребенком до 1 года, приблизившее советскую практику с мировыми стандартами поддержки материнства; б) ежемесячные пособия на детей во всех семьях с 1 января 1982 года; в) льготы многодетным семьям (первоочередная очередь на получение жилья, скидки по оплате коммунальных услуг, увеличенные пенсии матерям, пониженный пенсионный возраст для матерей более 5 и более детей); г) поддержка молодых и неполных семей (для молодых семей – право на льготное кредитование для строительства и покупки жилья в рамках кооперативов; для учащейся молодежи, имеющей детей, - стипендии или пособия независимо от успеваемости; для «одиноких» матерей – пособия); д) смягчение налога на бездетность (освобождение от уплаты в первый год после заключения брака, освобождение от уплаты с 1990 года для женщин); е) пропаганда семейных ценностей в соответствии с Постановлением ЦК КПСС № 235 от 22 января 1981 г., в котором

указывалось на необходимость усилить воспитание молодежи в духе ответственности за семью, проводить просветительскую работу в вопросах брака, материнства и отцовства [18].

Многие исследователи отмечают, что именно в эти годы в СССР сложилась система социальной поддержки семьи, сравнимая с аналогами в развитых странах [19]. Внедрение мер отличалось постепенностью и планомерностью, были выделены пилотные регионы, в которых они первоначально апробировались: с ноября 1981 г. они были введены в Сибири, на Дальнем Востоке, в Новгородской и Псковской областях; на остальную территорию России отпуска распространились в ноябре 1982 г. [20]

Предпринятые меры в 1983–1985 гг. вызвали небольшое повышение коэффициента рождаемости в РСФСР и других ранее депрессивных в демографическом отношении регионах, намечилось временное улучшение демографической ситуации, что связано отчасти с мерами поддержки семей, а также с тем, что в детородный возраст вступило относительно многочисленное поколение конца 1950-х гг. [21]

Отдельное внимание, ввиду ее сформированности и специфичности, необходимо уделить миграционному и трудовресурсному направлениям демографической политики советского государства 1960-1980-х гг. С одной стороны, в этот период несколько изменилась политика расселения, с другой стороны, продолжил действовать институт прописки, сдерживающий приток населения в крупнейшие города, имевшие строгие ограничения на регистрацию. Советское государство активно осваивало новые территории и перераспределяло население в новые города в Сибири, на Дальнем Востоке, северных районах, куда по комсомольским путевкам и оргнабору ехала молодежь.

Положение о паспортной системе 1974 года, распространившее выдачу паспортов на все население СССР с 16 лет, завершило формирование единой системы учета и контроля за гражданами. Формально была провозглашена свобода выбора места жительства, но механизм прописки удерживал граждан СССР от стихийной миграции [22]. Усилия государства, в своем большинстве, были направлены на выравнивание расселения, показатели которого входили в пятилетние планы. В восточных районах страны создавались новые рабочие места для привлечения специалистов. Например, БАМ (Байкало-Амурская магистраль) в 1970-е привлекла на свои стройки десятки тысяч молодых специалистов. Всего ленинский комсомол с 1974 по 1985 гг. направил в зону БАМ 45 тыс. своих посланников. Только в течение первого года молодыми добровольцами было написано 150 тыс. заявлений с просьбой направить их на БАМ вслед за бойцами отряда им. XVII съезда ВЛКСМ [23].

В результате, можно сделать вывод, что внутренняя миграция в анализируемый период в значительной мере имела плановый характер и была связана с регулируемым распределением выпускников вузов, набором на предприятия, лимитированием прописки. Такая система, хотя и ограничивала личные права и свободы, но обеспечивала промышленные предприятия рабочей силой, а удаленные районы – населением. Вместе с тем, к концу 1980-х гг. государство столкнулось с проблемами сверхконцентрации населения в центральных городах, вымиранием деревень, ростом численности трудоспособного населения в Средней Азии, которое стремилось переехать в более развитые регионы. Эти проблемы потребовали нового взгляда и решения в следующий период реализации демографической функции Советского государства – в период перестройки.

Отметим, что в исследуемый период реализация демографической функции государства была основана на прочной научной основе. В 1960 г. была создана Секция демографии Дома ученых АН СССР, в 1963 году в Научно-исследовательском институте ЦСУ СССР был образован Сектор демографии и трудовых ресурсов, который в 1965 году был преобразован в отдел демографии; в МГУ в сентябре 1967 года на экономическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова была создана кафедра народонаселения, которая в 1968 году, вместе с проблемной лабораторией по изучению народонаселения (создана в 1965 году), вошла в состав Центра по изучению проблем народонаселения. Такие ученые, как Д.И. Валентей, Ю.А. Корчак-Чепурковский, Б.С. Урланис, А.Г. Вишневский и другие, исследовали тенденции рождаемости, семейных структур, миграций [24-25].

В целом к началу 1980-х демографическая функция советского государства была институционально обеспечена наличием законодательных актов и подзаконных актов, а также функционированием специализированной системы органов союзного уровня (Минздрав, Минсоцобеспечения, Госкомтруд), ведающих разными аспектами, и местных исполкомов, реализующих политику на местах. Коммунистическая Партия СССР, посредством резолюций и контроля их исполнения, также играла направляющую роль в реализации демографической функции.

Либерально-гуманистический (середина 1980-х гг. – до 1991 г.) этап реализации демографической функции советского государства начался с приходом к власти М.С. Горбачева в 1985 г. и был связан с модернизацией методов ее осуществления. По-прежнему в повестке дня государства остаются вопросы стимулирования рождаемости, свободы миграции, экологии и здоровья нации, однако они выносятся на обсуждение широкой общественности. Радикального пересмотра пронаталистского курса не произошло, напротив, меры начала 1980-х продолжали действовать. Однако экономические трудности конца 80-х снизили реальную ценность денежных пособий из-за инфляции.

Одним из важных направлений помощи государства семьям в рамках решения демографической проблемы признавалось обеспечение каждой семьи отдельным жилищем. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза указывалось, что «обеспечить к 2000 году каждую семью отдельной квартирой или домом – задача сама по себе огромная, но посильная» [26].

Социально-демографические аспекты нашли отражение в Постановлении Правительства СССР «Об усилении работы по реализации активной социальной политики и повышении роли Госкомтруда СССР» от 17 июля 1987 г., которым на Госкомтруд возлагалась обязанность формирования политики народонаселения, а также организации «подготовки региональных программ по народонаселению с учетом демографических особенностей районов» [27].

Существенным аспектом рассматриваемого периода можно считать смягчение миграционной политики, а именно контроля над передвижением граждан. Граждане получили больше возможностей сменить место жительства, хотя формально институт прописки сохранялся до 1991 г. Началась подготовка к отмене паспортных ограничений: провозглашено право граждан СССР на выезд за границу. В 1991 г. вышел Закон СССР «О порядке выезда из СССР и въезда в СССР граждан СССР» [28], существенно упростивший миграционные процедуры. Таким образом, в 1991

г. советское законодательство вплотную подошло к признанию конституционного права на свободу передвижения и выбора места жительства, которое юридически было закреплено уже в правовых актах суверенных республик.

Одновременно шли процессы реабилитации ранее депортированных народов. Был принят Закон РСФСР от 26.04.1991 № 1107-1 (ред. от 01.07.1993) «О реабилитации репрессированных народов», который создал правовые условия для возвращения в места исконного проживания крымских татар, балкарцев, чеченцев, ингушей и др. [29]

Основы законодательства Союза ССР и республик о занятости населения, принятые ВС СССР 15.01.1991 № 1905-1 [30], отменили обязательное распределение выпускников и гарантировали гражданам право самостоятельно выбирать место работы. Впервые возник правовой институт безработицы с соответствующими пособиями, что кардинально меняло управление трудовыми ресурсами. Теперь государство переходило от прямого распределения работников к регулированию рынка труда через законодательство о занятости.

Научное обсуждение демографических проблем и государственных меры в данном направлении в позднесоветский период происходило в условиях гласности. В печати обсуждались острые проблемы: рост разводов и аборт, снижение рождаемости у русского населения, диспропорции в численности населения между республиками и т.д. В частности, А.Г. Вишневский в 1988 г. открыто назвал сложившуюся в стране ситуацию «демографическим кризисом» и призвал к продуманной политике стимулирования рождаемости и укрепления семьи [31].

Данный период также характеризуется разработкой многочисленных проектов концепций демографической политики СССР на долгосрочную перспективу, однако из-за политических потрясений они не были приняты. Тем не менее, был создан определенный задел и многие идеи того времени были позднее реализованы уже в Российской Федерации (например, материнский капитал, программы поддержки семей в сельской местности и т.п.) [32].

Таким образом, на практике к 1991 году в Советском государстве была сформирована система пособий и льгот, являвшихся, по причине инфляции, номинальными; количество разводов оставалось высоким (распадался каждый третий брак, особенно в городах); налог на бездетность утратил стимулирующее значение и практически воспринимался как анахронизм. Миграция приобрела новые черты: начались выезды граждан в ближнее и дальнее зарубежье, внутренние миграции усложнились межэтническими конфликтами (например, отток русского населения из некоторых национальных республик). Государственные институты, отвечающие за демографические процессы, находились в стадии реформирования: в союзных республиках создавались свои органы статистики, службы занятости, фонды социального страхования, что децентрализовало демографическую политику.

В результате, либерально-гуманистический (середина 1980-х гг. – до 1991 г.) этап осуществления демографической функции Советского государства завершился распадом последнего и стал переходным звеном к реализации современной демографической политики независимых государств, возникших на постсоветском пространстве.

Список литературы:

1. Указ Президиума ВС СССР от 23.11.1955 (ред. от 13.04.1959) «Об отмене запрещения абортов» // Ведомости ВС СССР. 1955. № 22. Ст. 425.
2. Положение о порядке назначения и выплаты пособий по государственному социальному страхованию (утв. Постановлением Президиума ВЦСПС от 05.02.1955) (ред. от 10.08.1971) // Бюллетень ВЦСПС. 1955. № 4.
3. Указ Президиума ВС СССР от 26.03.1956 «Об увеличении продолжительности отпусков по беременности и родам» // Ведомости ВС СССР. 1956. № 6. Ст. 154.
4. Елизаров В.В. Теория и практика демографической политики в СССР // Статистика и экономика. 2017. № 5.
5. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (Сводный том). URL: <https://www.statmuseum.ru/ru/> (дата обращения: 30.04.2025 г.)
6. РГАЗ. Ф.1562, оп.27. (отдел статистики населения и здравоохранения), ед.хр.1038 (Инструментарий выборочного обследования по изучению вопросов рождаемости в семьях рабочих, служащих и колхозников, ведущих бюджетные записи по состоянию на 31 декабря 1959 г. и докладные записки руководству ЦСУ СССР по проведению обследования и разработке материалов); 1039–1041 (Таблицы итогов разработки материалов выборочного обследования по изучению вопросов рождаемости в семьях рабочих, служащих и колхозников, ведущих бюджетные записи за 1959 и 1955–1959 гг. по СССР в целом, по РСФСР и Украинской ССР, по остальным союзным республикам) оп.337 (научно-методический совет), ед.хр. 3196 (Об обследовании рождаемости).
7. Закон СССР от 27.06.1968 № 2834-VII (ред. от 05.03.1991) «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье» // Ведомости ВС СССР. 1968. № 27. Ст. 241.
8. Валентей Д.И. Теория и политика народонаселения. М.: Высшая школа, 1967. С. 163–164.
9. Вопросы теории и политики народонаселения. Под ред. Д.И. Валентей, Э.Ю. Бурнашева. М.: Изд. МГУ, 1970.
10. Бурнашев Э.Ю. Актуальные вопросы роста населения и демографической политики в развивающихся странах. В кн.: Вопросы теории и политики народонаселения. Под ред. Д.И. Валентей, Э.Ю. Бурнашева. М.: Изд. МГУ, 1970
11. Гузеватый Я.Н. Демографическая политика в развивающихся странах. В кн.: Марксистско-ленинская теория народонаселения. Под ред. Валентей Д.И. М.: Мысль, 1971.
12. Постановление Совмина СССР от 25.10.1963 № 1108 «О выплате пособий на детей военнослужащих срочной службы» // СП СССР. 1963. № 20, ст. 198.
13. Материалы XXV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1976. 256 с.
14. Справочник статистических показателей. URL: www.demoscope.ru.
15. Постановлением Совета Министров СССР от 25 сентября 1974 г. № 752 // СП СССР. 1974. № 21, ст. 123.
16. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.
17. Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981. 223 с.
18. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 22.01.1981 № 235 (с изм. от 13.01.1989) «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» // СП СССР. 1981. № 13. Ст. 75.
19. Елизаров В.В. Социально-демографическая политика в условиях перехода к рыночной экономике. Доклады IV Всесоюзной школы-семинара «Демографическая политика и программа развития народонаселения в условиях суверенитета союзных республик». Ашхабад, 1991.
20. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 22.01.1981 № 235 (с изм. от 13.01.1989) «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» // СП СССР. 1981. № 13. Ст. 75.
21. Аралов Н. А. Репродуктивное здоровье российских мужчин и женщин в 1980-е гг. // В сб.: «Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам» / Ред. О. А. Козлова [и др.]. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2023. С. 17–26.
22. Постановление Совмина СССР от 28.08.1974 № 677 «Об утверждении Положения о паспортной системе в СССР» // СП СССР. 1974. № 19. Ст. 109.
23. Новости. События. Факты [перевод] // Строитель БАМа. 1989. 26 апр.
24. Система знаний о народонаселении: Учеб. пособие / под ред. Д.И. Валентей. М.: Высшая школа, 1991.
25. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986.

27. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР, ВЦСПС от 17.07.1987 № 825 «Об усилении работы по реализации активной социальной политики и повышении роли Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам». [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_14153.htm (дата обращения: 10.04.2025).
28. Закон СССР от 20.05.1991 N 2177-1 «О порядке выезда из Союза Советских Социалистических Республик и въезд в Союз Советских Социалистических Республик граждан СССР» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 1. Ст. 19.
29. Закон РСФСР от 26.04.1991 № 1107-1 (ред. от 01.07.1993) «О реабилитации репрессированных народов» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 18. Ст. 572.
30. Основы законодательства Союза ССР и республик о занятости населения (приняты ВС СССР 15.01.1991 N 1905-1 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 5. Ст. 111).
31. Вишневский А. Время демографических перемен: избранные статьи. М.: Издательский дом ВШЭ, 2015. С. 12.
32. Елизаров В.В. Теория и практика демографической политики в СССР // Статистика и экономика. 2017. Т. 14. № 5. С. 71-84.

References:

1. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated 11/23/1955 (as amended on 04/13/1959) "On the abolition of the prohibition of abortion" // Vedomosti VS USSR. 1955. № 22. St. 425.
2. Regulation on the procedure for the appointment and payment of benefits for state social insurance (approved by the Government of the USSR). By the Resolution of the Presidium of the All-Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs dated 02/05/1955 (as amended on 08/10/1971) // Bulletin of the All-Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs. 1955. № 4.
3. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated 03/26/1956 "On increasing the duration of maternity leave" // Vedomosti VS USSR. 1956. № 6. Art. 154.
4. Elizarov V.V. Theory and practice of demographic policy in the USSR // Statistics and Economics. 2017. No. 5.
5. Results of the All-Union Population Census of 1959. USSR (Consolidated volume). URL: <https://www.statmuseum.ru/ru/> (date of access: 30.04.2025)
6. RGAE. F.1562, op.27. (Department of Population and Health Statistics), unit ch.1038 (Sample survey tools for studying fertility issues in the families of workers, employees and collective farmers who keep budget records as of December 31, 1959 and memos to the leadership of the Central Council of the USSR on the survey and the development of materials); 1039-1041 (Tables of the results of the development of materials for a sample survey to study fertility issues in the families of workers, employees and collective farmers who keep budget records for 1959 and 1955-1959. for the USSR as a whole, for the RSFSR and the Ukrainian SSR, for the rest of the Union republics) op.337 (Scientific and Methodological Council), ed.ch. 3196 (On the birth rate survey).
7. USSR Law No. 2834-VII dated 06/27/1968 (as amended on 03/05/1991) "On Approval of the Fundamentals of Legislation of the USSR and the Union Republics on Marriage and Family" // Vedomosti VS USSR. 1968. № 27. St. 241.
8. Valenty D.I. Theory and policy of population. Moscow: Higher School, 1967. pp. 163-164.
9. Questions of theory and policy of population. Edited by D.I. Valenty, E.Y. Burnashev. Moscow: MSU Publishing House, 1970.
10. Burnashev E.Y. Topical issues of population growth and demographic policy in developing countries. In: Questions of theory and policy of population. Edited by D.I. Valenty, E.Y. Burnashev. Moscow: MSU Publishing House, 1970
11. Guzevaty Ya.N. Demographic policy in developing countries. In: Marxist-Leninist theory of Population. Edited by Valentya D.I. M.: Mysl; 1971.
12. Resolution of the Council of Ministers of the USSR dated 10/25/1963 No. 1108 "On the payment of allowances for children of conscripts" // SP USSR. 1963. No. 20, art. 198.
13. Materials of the XXV Congress of the CPSU. Moscow: Politizdat, 1976. 256 p.
14. Handbook of statistical indicators. URL: www.demoscope.ru
15. Resolution of the Council of Ministers of the USSR dated September 25, 1974 No. 752 // SP USSR. 1974. No. 21, art. 123.
16. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics
17. (adopted by the USSR Supreme Council on 07.10.1977) // Vedomosti VS USSR. 1977. No. 41. St. 617.
18. Materials of the XXVI Congress of the CPSU. Moscow: Politizdat, 1981. 223 p.
19. Resolution of the Central Committee of the CPSU, Council of Ministers of the USSR dated 01/22/1981 No. 235 (as amended. dated 01/13/1989) "On measures to strengthen state assistance to families with children" // SP USSR. 1981. № 13. St. 75.
20. Elizarov V.V. Socio-demographic policy in the context of transition to a market economy. Reports of the IV All-Union School-seminar "Demographic policy and population development program in conditions of sovereignty of the Union Republics". Ashgabat, 1991.
21. Resolution of the Central Committee of the CPSU, Council of Ministers of the USSR dated 01/22/1981 No. 235 (as amended. dated 01/13/1989) "On measures to strengthen state assistance to families with children" // SP USSR. 1981. № 13. St. 75.
22. Aralovets N. A. Reproductive health of Russian men and women in the 1980s // In collection: "Demographic factors of population adaptation to global socio-economic challenges" / Edited by O. A. Kozlov [et al.], Yekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2023. pp. 17-26.
23. Resolution of the Council of Ministers of the USSR dated 08/28/1974 No. 677 "On approval of the Regulations on the passport system in the USSR" // SP USSR. 1974. No. 19. Art. 109.
24. News. Events. Facts [editorial] // The builder of BAM. 1989. 26 Apr.
25. The system of knowledge about the population: Textbook / ed. by D.I. Valenty. Moscow: Higher School, 1991.
26. Materials of the XXVII Congress of the Communist Party of the Soviet Union. Moscow, 1986.
27. Resolution of the Central Committee of the CPSU, the Council of Ministers of the USSR, the All-Union Central Committee of 17.07.1987 No. 825 "On strengthening work on the implementation of an active social policy and enhancing the role of the USSR State Committee on Labor and Social Affairs." [electronic resource]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_14153.htm (date of request: 04/10/2025).
28. USSR Law No. 2177-1 of 05/20/1991 "On the procedure for exit from the Union of Soviet Socialist Republics and entry into the Union of Soviet Socialist Republics of USSR Citizens" // Vedomosti of the People's Commissariat of Internal Affairs and the Armed Forces of the Russian Federation. 1993. No. 1. Art. 19.
29. Law of the RSFSR of 04/26/1991 No. 1107-1 (as amended on 07/01/1993) "On the rehabilitation of repressed peoples" // Vedomosti of the People's Commissariat of Internal Affairs and the Supreme Soviet of the RSFSR. 1991. No. 18. Art. 572.
30. Fundamentals of legislation of the USSR and the Republics on employment (adopted by the Supreme Soviet of the USSR on 15.01.1991 N 1905-1 // Bulletin of the Council of People's Commissars of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR. 1991. № 5. St. 111.
31. Vishnevsky A. The time of demographic changes: selected articles. Moscow: HSE Publishing House, 2015. pp. 12.
32. Elizarov V.V. Theory and practice of demographic policy in the USSR // Statistics and Economics. 2017. Vol. 14. No. 5. pp. 71-84.

ВНУТРЕННИЕ ДОКУМЕНТЫ СЕЛЬСКИХ И ГОРОДСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ИСТОЧНИКИ ПРАВА: АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКИ СЛОЖИВШЕЙСЯ ПРАКТИКИ INTERNAL DOCUMENTS OF RURAL AND URBAN RELIGIOUS ORGANIZATIONS AS SOURCES OF LAW: ANALYSIS OF HISTORICALLY ESTABLISHED PRACTICE

ЯКОВЛЕВ Александр Юрьевич,

доктор политических наук, профессор кафедры теории и организации управления
Гжельского государственного университета.

140155, Россия, Московская область, Раменский муниципальный округ, пос. Электроизолятор, д. 67.

E-mail: office@corporateadvisor.pro;

YAKOVLEV Alexander Yu.,

Doctor of Political Sciences, professor of the Department of theory and organization of management of Gzhel State University.

67, Elektroizolyator settlement, Ramensky Municipal Okrug, Moscow Region, 140155.

E-mail: office@corporateadvisor.pro;

Краткая аннотация: работа посвящена анализу внутренних документов религиозных организаций. Рассматриваются конкретные примеры юридических лиц, зарегистрированных в разных субъектах Российской Федерации. Производится сопоставление содержания ключевых норм уставов организаций, объединяющих приверженцев различной веры.

Abstract: this scientific work is devoted to the analysis of internal documents of religious organizations. Specific examples of legal entities registered in different regions of the Russian Federation are considered. A comparison is made of the content of key norms of the charters of organizations uniting adherents of different faiths.

Ключевые слова: источник права, религиозная организация, внутренний документ религиозной организации, устав организации, устав религиозной организации, учредительный документ религиозной организации, правовое закрепление источника веры.

Key words: source of law, religious organization, internal document of a religious organization, charter of an organization, charter of a religious organization, constituent document of a religious organization, legal consolidation of the source of faith.

Для цитирования: Яковлев А.Ю. Внутренние документы сельских и городских религиозных организаций как источники права: анализ исторически сложившейся практики // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 39-42. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_39.

For citation: Yakovlev A.Yu. Internal documents of rural and urban religious organizations as sources of law: analysis of historically established practice // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 39-42. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_39.

Статья поступила в редакцию: 21.07.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Юридические лица по-разному подходят к регламентации оставленного неурегулированным государством пространству [2; 3]. Не являются исключением и организации религиозного толка.

Рассмотрим конкретные примеры и сравним представления конфессий относительно ключевых вопросов функционирования религиозных юридических лиц.

Начнем с наиболее известной структуры – Религиозной организации Русской Православной Церкви (РПЦ). Сразу заставляет обратить на себя внимание наименование. В нем у зарегистрированного в г. Москве в 1991 г. юридического лица отсутствует слово «централизованная», что отличает его от большинства иных централизованных религиозных организаций. Возможно это связано с давним сроком регистрации, когда еще не действовал закон о религиозных объединениях, или с тем, что в учредительном документе прописаны территориальные претензии российского юридического лица, выходящие за границы РФ. Свои интересы организация простирает на «лиц православного исповедания, проживающих на канонической территории Русской Православной Церкви» (п. 3 гл. I устава РПЦ [12]). К таковой отнесена не только Россия, но еще 15 государств. Часть из них составляют республики, входившие в состав СССР (Беларусь, Молдова, Азербайджан, Казахстан, Литва, Латвия, Эстония и др.), другую – несколько азиатских государств (Китай, Монголия, Япония). Но, используя терминологию устава, «юрисдикция» РПЦ распространяется «также на добровольно входящих в нее православных, проживающих в других странах». Подобные формулировки, видимо, по логике разработчиков устава юридического лица, зарегистрированного в РФ, должны наделить организацию экстерриториальной юрисдикцией и установить монополию на всех «православных» в мире.

РПЦ далеко не единственная православная организация в России. Со схожим наименованием с 1999 г. функционирует зарегистрированная в российской столице Религиозная организация Русская Православная старообрядческая Церковь (РПСЦ). Сферой ее территориальной деятельности определена РФ и наличествует возможность вхождения религиозных объединений, находящихся вне российской территории (пп. 1.9 устава РПСЦ) [11]. Есть (были) и иные юридического лица православного толка: Централизованная религиозная организация – Российская православная автономная церковь (РПАЦ), зарегистрированная в 1998 г. в г. Суздале Владимирской области; Российская истинно-православная церковь фигурировала в ЕГРЮЛ с московской регистрацией до ее исключения в 2008 г. из реестра как не действовавшей организации.

Представлены в стране и иные направления христианства.

Централизованная религиозная организация Российский объединенный Союз христиан веры евангельской (пятидесятников) (РОСХВЕ), являющаяся правопреемницей Российского Союза Христиан Веры Евангельской «Церковь Божия», учрежденной в 1995 г., была зарегистри-

рована в 1998 г. в г. Москве. Она призвана на добровольной основе сплотить функционирующие в России религиозные объединения различных направлений христиан веры евангельской (п. 1.1 устава РОСХВЕ [15]).

Централизованная религиозная организация «Евангелическо-лютеранская церковь России» (ЕЛЦР), ведущая свою историю в стране с XIX в., впервые прошла регистрационные действия в качестве российского юридического лица в 1993 г. Она представляет собой общероссийскую многонациональную церковь, находящуюся «в институциональном единстве и молитвенно - евхаристическом общении с региональными церквями, церковными округами (пропствами) и общинами в России, традиционно принадлежавшими к ЕЛЦР» (пп. 1.1 устава ЕЛЦР [13]). В отличие от многих других головных религиозных организаций, данная размещается не в г. Москве, а в г. Санкт-Петербурге.

Централизованная религиозная организация «Российский Союз Евангельских христиан-баптистов» (РСЕХБ) как юридическое лицо действует с 1998 г. Она объединяет «церкви и другие религиозные организации и группы евангельских христиан-баптистов» (пп. 1.1 устава РСЕХБ [14]). Базируется РСЕХБ в г. Москве. Сферой территориальной деятельности РСЕХБ, как и РОСХВЕ и ЕЛЦР, является территория России.

Организационно представлены в стране и иные конфессии. Следующей по численности и количеству организаций религиозного толка после христианской идет исламская. Ситуация с исламскими религиозными организациями в стране еще более запутанная, чем с христианскими. В государстве действует большое число юридических лиц с очень похожими наименованиями, часть из которых связана между собой, другие же представляют параллельные друг другу структуры.

Преимущественной узнаваемостью обладают Централизованная религиозная организация Духовное управление мусульман Российской Федерации (ДУМ РФ) и Центральное духовное управление мусульман России (ЦДУМ России). Штаб-квартира 1-й находится в Соборной мечети в г. Москве, 2-я базируется в г. Уфе. ДУМ РФ, до 2014 г. именовавшейся Духовным управлением мусульман Центрально-Европейского региона России, позже Духовным управлением мусульман Европейской части России, ведет историю с 1994 г. ЦДУМ России отсчитывает свое прошлое с XVIII в. Существует с 2016 г. в стране еще одна схожая по наименованию и претензиям на общероссийский масштаб структура - Централизованная религиозная организация Духовное собрание мусульман России (ДСМР), базирующаяся в столице. Ее учредителями выступают иные централизованные и местные религиозные организации.

В России также функционируют духовные управления, ограничивающие свои интересы субъектом федерации. На территориях с историческим преобладанием представителей ислама можно выделить Централизованную религиозную организацию - Духовное управление мусульман Республики Татарстан (ДУМ РТ) и Централизованную религиозную организацию «Духовное управление мусульман Кабардино-Балкарской Республики» (ДУМ КБР). ДУМ РТ, отсчитывающую историю с 1992 г., расположена в г. Казани, ДУМ КБР, зарегистрированная в 1991 г., соответственно в г. Нальчике.

Есть в стране и религиозные организации регионального масштаба, входящие в состав общероссийской структуры. Например, Централизованная религиозная организация «Региональное духовное управление мусульман Оренбургской области в составе Центрального духовного управления мусульман России» (РДУМ ОО).

Иудаизм еще одна мировая религия, присутствующая в России. Конфессия представлена различными юридическими лицами, расположенными в разных городах страны. Одним из таких является Религиозная организация ортодоксального иудаизма - Московская Марьиногорщинская Еврейская Община (ММЕО), функционирующая с 90-х гг. XX в. Она представляет собой местную религиозную организацию, входящую в состав Централизованной религиозной организации ортодоксального иудаизма «Федерация еврейских общин России» (ФЕОР) (пп. 1.2 и 1.5 устава ММЕО [10]).

Способны подобрать структуру под свои предпочтения и люди, придерживающиеся менее распространенных верований. В северной столице с 1999 г. действует Местная религиозная организация «Санкт-Петербургское общество сознания Кришны, ачарья-основатель А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада» (СПБОСК). У юридического лица устав не очень похож на учредительные документы иных религиозных организаций, он более напоминает устав ординарной некоммерческой организации [9].

Уставы в явной (фигурирует отдельный пункт) или несколько завуалированной форме содержат следующие указания на вероисповедания:

- РПЦ, РПСЦ - православие;
- РОСХВЕ - вероучение христиан веры евангельской (пятидесятников);
- ЕЛЦР - Евангелическо-Лютеранская Церковь;
- РСЕХБ - евангельские христиане-баптисты;
- ДУМ РФ, ЦДУМ России, ДСМР, ДУМ РТ, ДУМ КБР, РДУМ ОО - ислам суннитского толка;
- ФЕОР и ММЕО - ортодоксальный иудаизм;
- СПБОСК - вайшнавизм.

Основами вероучения в религиозных организациях в учредительных документах указаны такие источники:

- РПЦ - Священное Писание, Священное Предание;
- РПСЦ - Священное Писание (канонические книги Ветхого и Нового Заветов) и Священное Предание (учение Святых апостолов, Святых вселенских и поместных соборов, Святых отцов);
- РОСХВЕ - Библия и основы вероучения собственной церкви;

- ЕЛЦР - Святое Писание Ветхого и Нового Заветов, «Книга Соглашения»;
- РСЕХБ - Библия – канонические книги Священного Писания;
- ДУМ РФ, ЦДУМ России, ДСМР, ДУМ РТ, ДУМ КБР, РДУМ ОО - Коран, Сунны Пророка, нормы Шариата.

Христианские организации используют различные словосочетания и последовательность слов для описания источниковой основы вероучения, однако, можно констатировать, что все они базируются на Библии. Православные дополняют Священное Писание Священным Преданием.

Некоторые организации в основе деятельности к теологической литературе добавляют документы, принятые своими органами: постановления Поместных и Архиерейских Соборов, Священного Синода и указов Патриарха Московского и всея Руси (РПЦ), уставов самого юридического лица (РПЦ, РДУМ ОО) и вышестоящей организации (РДУМ ОО) и др.

Присутствуют организации, не раскрывающие в уставах источники веры. В частности, ММОО и СПБОСК.

Необходимо отметить, что существующие для организаций религиозной направленности нормы не предусматривают каких-либо особенностей для юридических лиц, зарегистрированных в сельской или городской местностях. Основная часть российских религиозных организаций имеет юридический адрес в городах.

Встречаются в учредительных документах и отсылки к основному закону, федеральным и региональным актам, но не у всех. В частности, подобное отсутствует у РПЦ. Но при этом в уставе указывается, что юридическое лицо осуществляет свою деятельность «при уважении и соблюдении существующих в каждом государстве законов» (п. 4 гл. I устава РПЦ).

Справедливости ради стоит отметить существование в России сотен некоммерческих и, что может показаться несколько странным, коммерческих организаций, использующих в своем наименовании слова «православие» и производные от него. Если обратиться к одним из базовых норм гражданского права относительно юридических лиц, то коммерческими признаются «организации, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности» (П. 1 ст. 50 ГК РФ). Организации религиозной направленности не должны разделять подобный подход. Но мы можем обнаружить такое хозяйственное общество, как ООО «Православная Крестовоздвиженская церковь», имеющей 42 вида деятельности, основной из которых «Строительство прочих инженерных сооружений, не включенных в другие группировки». Зарегистрировано общество с минимально допустимым уставным капиталом в 10 тыс. руб. в г. Ачинске Краснодарского края в 2016 г. До их исключения из ЕГРЮЛ в России также действовали иные хозяйственные общества с православно-конфессиональной окраской: ООО «Апостольская православная церковь Преображения Господня», акционерные общества «Русская православная церковь-Азкон» и «Православная медицинская страховая компания».

Как показал анализ внутренних документов религиозных организаций, их подходы к саморегулированию [5; 6] имеют определенную специфику, что отчасти обусловлено их представлениями о том, что из себя должно представлять юридическое лицо. Отличия существуют не только в организациях разных конфессий, но наличествуют и региональные особенности [1].

Однако имеются области, где религиозные организации предпочитают не нагружать себя дополнительными нормами. Одной из таких выступает сфера закупок (договорных отношений). Это существенно отличает данный тип некоммерческих организаций от государственных (в частности, бюджетных, казенных и автономных учреждений) с большим числом норм внешнего [5; 7] и внутреннего [8] регулирования.

Важно отметить, что далеко не все религиозные организации направлены на открытость. Многие представлены в сети «Интернет» весьма скромно. Не создают или не имеют сайта, аккаунтов в социальных сетях, видео-платформах и проч. В этой связи нередко представляется затруднительным ознакомиться не только с актуальной, но и вообще с какой-либо достоверной информацией о юридическом лице, включая действующую версию устава и иные внутренние документы регламентирующего характера. Подобное не только затрудняет проведение научных исследований религиозных организаций, но и снижает для них потенциальные возможности привлечения новых членов.

Список литературы:

1. Васильев С.А. Правовое регулирование религиозных отношений как фактор реинтеграции Крымского полуострова в состав России // Журнал российского права. - 2024. - № 1. - С. 95-107.
2. Вечернин Д.С. Эволюция института оценки регулирующего воздействия: проблемы и перспективы // Вестник Московского государственного университета. Серия: Юриспруденция. - 2014. - № 4. - С. 22-28.
3. Киселев С.Г. К вопросу о соотношении права и закона в государстве // Муниципальная академия. - 2016. - № 3. - С. 41-45.
4. Матвеева Н.С., Псарева Н.Ю. Государственные и муниципальные закупки // Муниципальная академия. - 2022. - № 3. - С. 105-111.
5. Петрик А.С. Правовое саморегулирование как вид правового регулирования // Вопросы экономики и права. 2021. - № 155. - С. 21-24.
6. Серова О.А. Саморегулирование в условиях цифровой трансформации общественных отношений // Гражданское право. - 2023. - № 3. - С. 16-18.
7. Смотрицкая И.И., Анчишкина О.В., Черных С.И. Проблемы и стратегические задачи развития института общественных закупок // Проблемы прогнозирования. - 2017. - № 5. - С. 70-78.
8. Современные институты государственного управления: вызовы, адаптация, развитие: Монография / Под общ. ред. И.И. Смотрицкой, С.И. Черных. - М.: ИЭ РАН, 2024.
9. Устав Местной религиозной организации «Санкт-Петербургское общество сознания Кришны, ачарья-основатель А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада». - Режим доступа: <https://gauga.center/wp-content/uploads/2019/06/%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B22015.pdf> (дата обращения: 15.07.2025).
10. Устав Религиозной организации ортодоксального иудаизма - Московской Марьино-рошинской Еврейской Общины. - Режим доступа: <https://m.mjcc.ru/docs/ustav.pdf> (дата обращения: 15.07.2025).
11. Устав Русской Православной старообрядческой Церкви. - Режим доступа: https://ruvera.ru/articles/ustav_rpsc (дата обращения: 15.07.2025).
12. Устав Русской Православной Церкви. - Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/document/133114/> (дата обращения: 15.07.2025).
13. Устав Централизованной религиозной организации «Евангелическо-лютеранская церковь России». - Режим доступа: <https://www.elkras.ru/elc/ustav/ustavcentralizovannoiireligioznoiorganizacievangelicheskoliuteranskayacerkovrossii.jdx> (дата обращения: 15.07.2025).
14. Устав Централизованной религиозной организации «Российский Союз Евангельских христиан-баптистов». - Режим доступа: <https://baptist.org.ru/read/article/98742> (дата обращения: 15.07.2025).
15. Устав Централизованной религиозной организации Российский объединенный Союз христиан веры евангельской (пятидесятников). - Режим доступа: <https://www.cef.ru/documents/docitem/article/1566454> (дата обращения: 15.07.2025).

References:

1. Vasiliev S.A. Legal regulation of religious relations as a factor in the reintegration of the Crimean Peninsula into Russia // Journal of Russian Law. - 2024. - № 1. - P. 95-107.
2. Vechernin D.S. Evolution of the Institute of Regulatory Impact Assessment: Problems and Prospects // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. - 2014. - № 4. - P. 22-28.
3. Kiselev S.G. On the issue of the relationship between law and law in the state // Municipal Academy. - 2016. - № 3. - P. 41-45.
4. Matveeva N.S., Psareva N.Y. State and municipal procurement // Municipal Academy. - 2022. - № 3. - P. 105-111. Chernykh S.I., Frolova N.D. Development institutions within the framework of partnership relations between the state and business // Society and Economics. - 2022. - № 5. - P. 16-29.
5. Petrik A.S. Legal self-regulation as a type of legal regulation // Issues of Economics and Law. 2021. - № 155. - P. 21-24.
6. Serova O.A. Self-regulation in the context of digital transformation of public relations // Civil Law. - 2023. - № 3. - P. 16-18.
7. Smotritskaya I.I., Anchishkina O.V., Chernykh S.I. Problems and strategic tasks of development of the public procurement institution // Forecasting Problems. - 2017. - № 5. - P. 70-78.
8. Modern public administration institutions: challenges, adaptation, development: Monograph / Under the general editorship of I.I. Smotritskaya, S.I. Chernykh. - M.: IE RAS, 2024.
9. Charter of the Local Religious Organization «St. Petersburg Society for Krishna Consciousness, Founder-Acharya A.C. Bhaktivedanta Swami Prabhupada». - Access mode: <https://gaura.center/wp-content/uploads/2019/06/%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B22015.pdf> (accessed: 15.07.2025).
10. Charter of the Religious Organization of Orthodox Judaism - Moscow Maryinoroshchinsky Jewish Community. - Access mode: <https://m.mjcc.ru/docs/ustav.pdf> (accessed: 15.07.2025).
11. Charter of the Russian Orthodox Old Believer Church. - Access mode: https://ruvera.ru/articles/ustav_rpsc (date of access: 15.07.2025).
12. Charter of the Russian Orthodox Church. - Access mode: <http://www.patriarchia.ru/db/document/133114/> (accessed: 15.07.2025).
13. Charter of the Centralized Religious Organization «Evangelical Lutheran Church of Russia». - Access mode: <https://www.elkras.ru/elc/ustav/ustavcentralizovannoireligioznoioorganizaciiievangelicheskoliuteranskayacerkovrossii.jdx> (accessed: 15.07.2025).
14. Charter of the Centralized Religious Organization «Russian Union of Evangelical Christians-Baptists». - Access mode: <https://baptist.org.ru/read/article/98742> (date of access: 15.07.2025).
15. Charter of the Centralized Religious Organization Russian United Union of Christians of the Evangelical Faith (Pentecostals). - Access mode: <https://www.cef.ru/documents/docitem/article/1566454> (accessed: 15.07.2025).

ГРАЖДАНСКАЯ ОБОРОНА В СИСТЕМЕ ФУНКЦИЙ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА CIVIL DEFENSE IN THE SYSTEM OF FUNCTIONS OF THE MODERN RUSSIAN STATE

ГАЛДА Михаил Владимирович,

Доцент кафедры физической подготовки
Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России.
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.
E-mail: mikhail.galda@mail.ru;

GALDA Mikhail Vladimirovich,

Associate Professor of the Department of Physical Training
St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia.
149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.
E-mail: mikhail.galda@mail.ru

Краткая аннотация: гражданская оборона, как функция государства, является собой значимый институт обеспечения защиты и безопасности граждан и государства, что определяет ее как одну из ведущих государственных функций. Исследуемый институт обладает превентивным характером, при том, как реагирует на изменения ситуации в настоящем, параллельно ориентируясь на будущее. Особой же характеристикой ГО выступает регулярное развитие, улучшение и привлечение новых технологий.

Abstract: Civil defense, as a function of the state, is a significant institution for ensuring the protection and security of citizens and the state, which defines it as one of the leading state functions. The institution under study has a preventive character, while reacting to changes in the situation in the present, while simultaneously focusing on the future. A special characteristic of GO is the regular development, improvement and attraction of new technologies.

Ключевые слова: государство, функции государства, гражданская оборона, национальная безопасность.

Keywords: state, State functions, civil defense, national security.

Для цитирования: Галда М.В. Гражданская оборона в системе функций современного российского государства // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 43-46. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_43.

For citation: Galda M.V. Civil defense in the system of functions of the modern Russian State // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 43-46. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_43.

Статья поступила в редакцию: 16.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Защита граждан и территории государства от чрезвычайных ситуаций (ЧС) и опасностей, которые возникают во время военных конфликтов и в результате данных конфликтов, а также во время ЧС природного и техногенного характера считается одной из наиболее значимых государственных функций¹.

Обеспечение безопасности и обороны государства, а также граждан, является предметом ведения Российской Федерации. В п. «м» ст. 71 Конституции РФ закреплено, что государство несет ответственность за оборону и безопасность. Рассматриваемая функция основана на принципе поддержания достаточного уровня обороноспособности общества, что соответствует требованиям безопасности государства².

Непосредственно при содействии данной функции гарантируется суверенитет государства на международной арене, а кроме того, защита его граждан и территорий. Оборона страны способствует реализации внешней политики, которая направлена на охрану мирового порядка и внутригосударственного порядка. В то же время, важно учитывать, что функция обороны многогранна, поэтому деятельность государства с целью реализации указанной функции делится на несколько направлений. Укажем их ниже:

усиление обороны государства³;

регулярное развитие вооруженных сил, улучшение их боеспособности и боеготовности;

охрана границ государства⁴;

организация ГО⁵;

специальное обучение запаса вооруженных сил⁶.

¹ Шеншин, В. М. Деятельность ОДКБ по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин, Ю. А. Иванов, Н. Ю. Старостин // *Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение*. – 2023. – № 12(317). – С. 98-103. – EDN WXEJOJF.

² Шеншин, В. М. Уголовная ответственность за преступления в сфере гражданской обороны / В. М. Шеншин, Я. М. Погадаева // *Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение*. – 2023. – № 11(316). – С. 83-88. – EDN SLRWPS.

³ Грешных, А. А. О некоторых тенденциях развития российского права, направленных на защиту суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // *Государственная власть и местное самоуправление*. – 2021. – № 5. – С. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.

⁴ Уткин, Н. И. Соблюдение законности и правопорядка как фактор поддержки граждан, участвующих на добровольных началах в защите Государственной границы Российской Федерации / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // *Вестник экономической безопасности*. – 2022. – № 2. – С. 179-183. – DOI 10.24412/2414-3995-2022-2-179-183. – EDN SNAKOE; Грешных, А. А. Механизм правового регулирования региональной общественной безопасности на Северо-западе России как фактор обеспечения национальной безопасности / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // *Вестник Московского университета МВД России*. – 2021. – № 2. – С. 14-19. – DOI 10.24412/2073-0454-2021-2-14-19. – EDN AOSFJA.

В рамках исследования больший интерес представляет такая функция государства, как гражданская оборона (далее – ГО), реализация которой регулируется не только Конституцией РФ, а также федеральным законом от 12.02.1998 г. № 28-ФЗ «О гражданской обороне».

Суть функции определяется в упомянутом выше федеральном законе, согласно которому под ГО подразумевается «система мероприятий по подготовке к защите и по защите населения, материальных и культурных ценностей на территории Российской Федерации от опасностей, возникающих при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера».

В.А. Зоков ГО называет систему правовых, экономических, организационных и технических мер, обеспечивающих защиту граждан и территорий от разных угроз³.

В то же время более полной является трактовка ГО, представленная О.Г. Морозовой, которая определяет, что ГО выступает одной из наиболее значимых государственных функций, так как представляет собой составляющую оборонного строительства, компонент безопасности государства⁴.

Согласно принципам политики государства в сфере улучшения и последующего развития ГО – это специфичная военная функция охраны граждан и государственных регионов от различных опасных обстоятельств при гарантии значимой преемственности охранных мероприятий мирного времени в военное время⁵.

Помимо защиты и обеспечения работы жизнеобеспечивающих предприятий, ГО направлена также на защиту в тылу мобилизационных ресурсов и производственных мощностей Вооруженных Сил. Без ресурсов последние не будут пополняться человеческими ресурсами, техникой и вооружением, потому что в тыловых регионах государства будут ликвидированы источники такого пополнения, другими словами, граждане, включая хозяйственный потенциал⁶.

Характеризуя сущность ГО, как функции государства, отметим, что значимой чертой в мероприятиях по поддержанию ГО выступает направленность на будущее.

В частности, рост рисков возникновения обширных ЧС, угрозы военной опасности как внутри государства, равно и за его границами, выступают основаниями для регулярного улучшения и наращивания сил и средств ГО, внедрения новых технологий⁷. Организация и ведение ГО можно представить не просто как государственную функцию, но и как значимый элемент оборонного строительства, обеспечения безопасности государства.

ГО выступает составляющей системы оборонных мероприятий государства, которые реализуются в мирное и военное время. Ее организация и ведение считаются значимой функцией государства, составляющими оборонного строительства, гарантии государственной безопасности.

Отметим, что реализация задач ГО может быть достигнута предварительным проектированием, своевременной и эффективной реализацией совокупности различных мероприятий ГО⁸.

Подготовка к ведению ГО на государственном уровне реализуется заранее, в мирное время, учитывая развитие техники и вооружения, средств защиты граждан от опасностей, которые возникают в процессе либо в результате военных действий. ГО, будучи направленной на обеспечение жизни и деятельности граждан и государства в непростых условиях военного времени, и по причине указанного, является одной из ведущих функций государства.

Соответственно, под ГО подразумевается система правовых, экономических, организационных и технических мер, обеспечивающих защиту граждан и государственных территорий в мирное и военное время от различных внешних и внутренних угроз.

ГО регулируется и Указом Президента от 20.12.2016 г. № 696 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области гражданской обороны на период до 2030 года». В Указе в виде системы определены векторы и пути разрешения задач ГО, которые направлены на долгосрочную перспективы. Непосредственно задачи закреплены в федеральном законе от 12.02.1998 г. № 28-ФЗ «О гражданской обороне».

Согласно ст. 2 федерального закона от 12.02.1998 г. № 28-ФЗ «О гражданской обороне» задачи по реализации рассматриваемой функции государства сводятся к следующим:

- подготовка граждан в рамках вопросов ГО;
- оповещение граждан об угрозах разного характера;
- предоставление гражданам СИЗ (средств индивидуальной защиты);
- эвакуация граждан, а также различных ценностей;

¹ Шеншин, В. М. К вопросу о правовом регулировании организации и ведения гражданской обороны в войсках национальной гвардии Российской Федерации / В. М. Шеншин, И. С. Назарова // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 6(222). – С. 89-92. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_6_89. – EDN KIFWYG.

² Пиголкин А.С., Головистикова А.Н., Дмитриев Ю.А. Теория государства и права: учебник. М.: Юрайт, 2016. С. 41-42

³ Зоков, В. А. Гражданская оборона как составная часть системы национальной безопасности страны / В. А. Зоков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2013. – № 2(19). – С. 45-51. – EDN YIWJLP.

⁴ Морозова О.Г., Маслов С.В., Кудрявцев М.Д. Безопасность жизнедеятельности: учеб. пособ. Красноярск: Сиб. Федер. ун-т, 2016. С. 29

⁵ Крючек Н.А., Латчук В.Н., Миронов С.К. Безопасность и защита населения в чрезвычайных ситуациях: учебник для населения. М.: НЦ ЭНАС, 2010. С. 21

⁶ Беляков Г.И. Гражданская оборона: учебник. М.: Юрайт, 2023. С. 88

⁷ Аветисян А.А. Гражданская оборона как институт обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2019. № 3. С. 65

⁸ Мартемьянов С.И., Лопухов А.А., Вострокнутов А.Л., Зыков В.В. Гражданская оборона в Российской Федерации, ее задачи // Гражданская оборона на страже мира и безопасности. М.: Академия МЧС РФ, 2021. С. 248

инструктирование и оповещение по существующим типам маскировки;
осуществление аварийно-спасательных и иных неотложных мероприятий в ситуации возникновения опасностей для граждан;
жизненное обеспечение раненых и жертв;
устранение пожаров (возникших вследствие боевых операций);
определение регионов, которые были подвергнуты заражению;
восстановление и поддержание порядка в регионах, которые пострадали из-за военных конфликтов либо ЧС;
обеспечение устойчивости работы предприятий, которые важны для выживания граждан во время либо после военных конфликтов либо ЧС;

санитарная обработка;
контроль за соблюдением готовности сил ГО;
возврат к работе в сжатые сроки наиболее значимых коммунальных служб в период и по окончании военных действий и пр.

На сегодняшний день цели и задачи ГО обусловлены проводимой Правительством РФ внешней и внутренней политики, осуществляемой с целью обеспечения национальной безопасности и сохранения обороноспособности государства.

Структура ГО соответствует утвержденной в российском государстве системе организации экономического и военного управления. Структура устанавливается по территориально-производственному принципу на всей территории государства, учитывая специфики субъектов РФ. Этот принцип состоит «в организации ГО на территориях республик, краев, областей, городов, районов, поселков» в соответствии с административным делением государства. Кроме того, в «организации ГО в каждом министерстве, ведомстве, учреждении, на объекте».

Ведущее значение в вопросах функционирования ГО принадлежит Президенту РФ. В частности, Президент РФ реализует полномочия, в соответствии с которыми он утверждает ведущие направления единой государственной политики в вопросах ГО, принимает План ГО и защиты населения, наконец, вводит в действие этот план. Кроме того, именно глава государства определяет Положение, структуру, состав и штат ГО.

Особенностью политики государства в области ГО можно также назвать и то, что рассматриваемая политика реализуется путем регулирования работы органов исполнительной власти на разных уровнях.

Руководство ГО в российском государстве реализует Правительство РФ. В свою очередь на других уровнях руководство реализуется главами различных государственных образований.

Федеральным органом исполнительной власти, которое ответственно за решение задач в сфере ГО, согласно Указу Президента о «Вопросах Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» является МЧС России. Это Министерство реализует функции по разработке и осуществлению политики государства по вопросам ГО, защиты граждан и территорий от ЧС природного и техногенного характера, обеспечения безопасности при пожарах, а также безопасности граждан на воде¹. МЧС России является одной из военизированных организаций, обладающих правом на покупку разного рода оружия².

Таким образом, ГО являет собой значимый институт обеспечения защиты и безопасности граждан и государства, что определяет ее как одну из ведущих государственных функций. ГО обладает превентивным характером, при том, как реагирует на изменения ситуации в настоящем, параллельно ориентируясь на будущее. Особой же характеристикой ГО выступает регулярное развитие, улучшение и привлечение новых технологий. Представленное способствует разработке эффективной системы по обеспечению безопасности российского государства. Исходя из анализа литературы, полагаем, что нельзя не согласиться с О.Г. Морозовой, Н.А. Крючек, В.Н. Латчук, С.К. Мироновым, Г.И. Беляковым и другими авторами в том, что на сегодняшний день одной из ведущих характеристик ГО, как функции государства, выступает направленность данной функции на будущее, так как цели и задачи ГО обусловлены государственной политикой, направленной на обеспечение национальной безопасности и сохранение обороноспособности страны.

Список литературы:

1. Аветисян А.А. Гражданская оборона как институт обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2019. № 3. С. 65
2. Беляков Г.И. Гражданская оборона: учебник. М.: Юрайт, 2023. С. 88
3. Грешных, А. А. Механизм правового регулирования региональной общественной безопасности на Северо-западе России как фактор обеспечения национальной безопасности / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 2. – С. 14-19. – DOI 10.24412/2073-0454-2021-2-14-19. – EDN AOSFJA.
4. Грешных, А. А. О некоторых тенденциях развития российского права, направленных на защиту суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 5. – С. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLNBFK.
5. Зокоев, В. А. Гражданская оборона как составная часть системы национальной безопасности страны / В. А. Зокоев // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2013. – № 2(19). – С. 45-51. – EDN YIWJLP.
6. Крючек Н.А., Латчук В.Н., Миронов С.К. Безопасность и защита населения в чрезвычайных ситуациях: учебник для населения. М.: НЦ ЭНАС, 2010. С. 21
7. Мартемьянов С.И., Лопухов А.А., Вострокнутов А.Л., Зыков В.В. Гражданская оборона в Российской Федерации, ее задачи // Гражданская оборона на страже мира и безопасности. М.: Академия МЧС РФ, 2021. С. 248
8. Морозова О.Г., Маслов С.В., Кудрявцев М.Д. Безопасность жизнедеятельности: учеб. пособ. Красноярск: Сиб. Федер. ун-т, 2016. С. 29
9. Одиноква Е.Ю., Глинская Н.И. Правовой статус Министерства по делам Гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий в современной России // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2016. № 2. С. 49.
10. Пиголкин А.С., Головистикова А.Н., Дмитриев Ю.А. Теория государства и права: учебник. М.: Юрайт, 2016. С. 41-42

¹ Одиноква Е.Ю., Глинская Н.И. Правовой статус Министерства по делам Гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий в современной России // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2016. № 2. С. 49.

² Беляков Г.И. Гражданская оборона: учебник. М.: Юрайт, 2023. С. 95

11. Уткин, Н. И. Соблюдение законности и правопорядка как фактор поддержки граждан, участвующих на добровольных началах в защите Государственной границы Российской Федерации / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 2. – С. 179-183. – DOI 10.24412/2414-3995-2022-2-179-183. – EDN CNAKOE.
12. Шеншин, В. М. Деятельность ОДКБ по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин, Ю. А. Иванов, Н. Ю. Старостин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 12(317). – С. 98-103. – EDN WXEJOF.
13. Шеншин, В. М. К вопросу о правовом регулировании организации и ведения гражданской обороны в войсках национальной гвардии Российской Федерации / В. М. Шеншин, И. С. Назарова // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 6(222). – С. 89-92. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_6_89. – EDN KIFWYG.
14. Шеншин, В. М. Уголовная ответственность за преступления в сфере гражданской обороны / В. М. Шеншин, Я. М. Погадаева // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 11(316). – С. 83-88. – EDN SLRWPS.

References:

1. Avetisyan A.A. Civil defense as an institution for ensuring national security of the Russian Federation // Civil service and personnel. 2019. No. 3. P. 65
2. Belyakov G.I. Civil defense: textbook. Moscow: Yurait, 2023. p. 88
3. Greshnykh, A. A. The mechanism of legal regulation of regional public security in the North-West of Russia as a factor of ensuring national security / A. A. Greshnykh, N. I. Utkin, V. M. Shenshin // Bulletin of the Moscow University The Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – No. 2. – pp. 14-19. – DOI 10.24412/2073-0454-2021-2-14-19. – EDN AOSFJA.
4. Greshnykh, A. A. On some trends in the development of Russian law aimed at protecting the sovereignty and territorial integrity of the Russian Federation / A. A. Greshnykh, N. I. Utkin, V. M. Shenshin // State power and local self-government. – 2021. – No. 5. – pp. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.
5. Zokoev, V. A. Civil defense as an integral part of the national security system of the country / V. A. Zokoev // Law. Safety. Emergency situations. – 2013. – № 2(19). – Pp. 45-51. – EDN YIWJLP.
6. Kryuchek N.A., Latchuk V.N., Mironov S.K. Safety and protection of the population in emergency situations: a textbook for the population. Moscow: NC ENAS, 2010. p. 21
7. Martemyanov S.I., Lopukhov A.A., Vostroknutov A.L., Zykov V.V. Civil defense in the Russian Federation, its tasks // Civil defense on guard of peace and security. Moscow: Academy of the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation, 2021. p. 248
8. Morozova O.G., Maslov S.V., Kudryavtsev M.D. Life safety: textbook. the manual. Krasnoyarsk: Sib. Feder. Univ., 2016. p. 29
9. Odinkova E.Yu., Glinskaya N.I. The legal status of the Ministry of Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters in modern Russia // Pravo. Safety. Emergency situations. 2016. No. 2. p. 49.
10. Pigolkin A.S., Golovistikova A.N., Dmitriev Yu.A. Theory of state and law: textbook. Moscow: Yurayt, 2016. pp. 41-42
11. Utkin, N. I. Observance of law and order as a factor of support for citizens participating on a voluntary basis in the protection of the State border of the Russian Federation / N. I. Utkin, V. M. Shenshin // Bulletin of Economic Security. – 2022. – No. 2. – pp. 179-183. – DOI 10.24412/2414-3995-2022-2-179-183. – EDN CNAKOE.
12. Shenshin, V. M. CSTO activities for the prevention and elimination of emergency situations / V. M. Shenshin, Yu. A. Ivanov, N. Yu. Starostin // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. – 2023. – № 12(317). – Pp. 98-103. – EDN WXEJOF.
13. Shenshin, V. M. On the issue of legal regulation of the organization and conduct of civil defense in the troops of the National Guard of the Russian Federation / V. M. Shenshin, I. S. Nazarova // Law and the State: theory and practice. – 2023. – № 6(222). – Pp. 89-92. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_6_89. – EDN KIFWYG.
14. Shenshin, V. M. Criminal liability for crimes in the field of civil defense / V. M. Shenshin, Ya. M. Pogadaeva // Law in the Armed Forces - Military-legal review. – 2023. – № 11(316). – Pp. 83-88. – EDN SLRWPS.

КОМПЛЕКСНЫЕ ПРАВОВЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА COMPREHENSIVE LEGAL FORMATIONS IN THE SYSTEM OF RUSSIAN LAW

ОВИННИКОВ Вадим Александрович,
аспирант кафедры теории и истории государства и права
Института государственного права и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет».
664003, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.
E-mail: ovinnikov@inbox.ru;

OVINNIKOV Vadim Alexandrovich,
postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law
of the Institute of State Law and National Security Baikal State University.
664003, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, Lenin str., 11.
E-mail: ovinnikov@inbox.ru

Краткая аннотация: В данной статье рассматриваются такое правовое явление, как комплексные образования в системе российского права, их виды, сущность и содержание, проблемы толкования данного явления в юридической науке. Понятие «комплексное правовое образование» не имеет своего полного теоретического научного обоснования, в связи с тем, что не определены четкие критерии разграничения этого понятия, роли и места в системе права. Проведен анализ терминологической составляющей понятия «комплексности» правовых образований, проанализированы и раскрыты по содержанию виды комплексных правовых образований: комплексные институты законодательства; комплексные отрасли законодательства; комплексные отрасли законодательства; комплексный массив законодательства. Целью исследования является формирование авторского представления о комплексных правовых образованиях и раскрытие сущности и содержания видов комплексных правовых образований в системе российского права и законодательства. Методологической основой исследования послужило использование формально – логического метода, формально - юридического метода, сравнительно - правового анализа. В результате проведенного исследования сформировано авторское представление о комплексных правовых образованиях и раскрытие сущности и содержания видов комплексных правовых образований в системе российского права и законодательства. Автор исследования пришел к выводу, что учеными-правоведами не исследована «комплексность» в нормах права, а именно феномен «комплексности» элементов структуры нормы права: гипотеза, диспозиция, санкция, в связи с чем дано определение понятию «комплексная норма права», как комплексному правовому образованию.

Abstract: This article examines such a legal phenomenon as complex entities in the Russian legal system, their types, essence and content, problems of interpretation of this phenomenon in legal science. The concept of "complex legal entity" does not have its full theoretical scientific justification, due to the fact that clear criteria for delimiting this concept, role and place in the legal system are not defined. The analysis of the terminological component of the concept of "complexity" of legal entities is carried out, the types of complex legal entities are analyzed and disclosed by content: complex legislative institutions; complex branches of legislation; complex branches of legislation; complex array of legislation. The purpose of the study is to form the author's understanding of complex legal entities and disclose the essence and content of types of complex legal formations in the system of Russian law and legislation. The methodological basis of the study was the use of the formal - logical method, formal - legal method, comparative - legal analysis. As a result of the conducted research, the author's idea of complex legal formations and disclosure of the essence and content of types of complex legal formations in the system of Russian law and legislation were formed. The author of the research came to the conclusion that legal scholars have not studied the "complexity" in legal norms, namely the phenomenon of "complexity" of the elements of the structure of the legal norm: hypothesis, disposition, sanction, in connection with which a definition of the concept of "complex legal norm" was given as a complex legal formation.

Ключевые слова: комплексные образования в праве, общественные отношения, нормы права, институты права, подотрасли права, отрасли права, комплексные отрасли права, комплексные отрасли законодательства, предмет и метод правового регулирования.

Keywords: complex formations in law, social relations, legal norms, legal institutions, sub-branches of law, branches of law, complex branches of law, complex branches of legislation, subject and method of legal regulation.

Для цитирования: Овинников В.А. Комплексные правовые образования в системе российского права // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 47-51. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_47.

For citation: Ovinnikov V.A. Comprehensive legal formations in the system of Russian law // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 47-51. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_47.

Статья поступила в редакцию: 20.06.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Актуальность. Постоянное развитие общественных отношений приводит к необходимости пересматривать нормы, институты, подотрасли и отрасли права, что не позволяет в полной мере осуществлять их эффективное правовое регулирование посредством установленных законодателем правовых предписаний, в связи, с чем появляется потребность комплексного регулирования изменяющихся в динамике общественных отношений, что свидетельствует об усложнении системы российского права и законодательства. Юридические предписания и нормы права существуют и действуют только в составе правовых институтов, подотраслей права и тем самым регулируют целую отрасль права, как целой сбалансированной системы регуляторов общественных отношений. В этой правовой реальности изменение и усложнение общественных отношений приводит к возникновению комплексных правовых образований, имеющих иную систему регулятивного воздействия, учитывающую разнообразие общественных отношений и подбор инструментов регулятивного воздействия на поведение субъектов, находящихся в той или иной жизненной ситуации, охватывающих множественные нерегламентированные связи и отношения. В этой ситуации возникает необходимость создания наряду с действующими предписаниями и нормами права других предписаний и норм права, балансирующих регуляторы общественных отношений и удовлетворяющих общественные потребности государства, общества и человека. Соответственно изменение и усложнение общественных отношений приводит к возникновению комплексных правовых образований в системе российского права, таких как комплексные

отрасли права и комплексные отрасли законодательства. Очевидно, что комплексные правовые образования на современном этапе развития общественных отношений отвечают общественным потребностям, но, однако, как правовые явления остаются недостаточно изученными, раскрывающих содержание и сущность комплексных правовых образований, в частности данной проблематикой занимались такие ученые-исследователи, как В.К. Райхер [13], С.С. Алексеев [1], М.И. Милушин [6], Е.В. Сидорова [5], А.М. Васильев [2] и др.

Целью исследования является формирование авторского представления о комплексных правовых образованиях и раскрытие сущности и содержания видов комплексных правовых образований в системе российского права и законодательства.

Методы исследования. Достоверность и обоснованность полученных результатов проведенного исследования обеспечивается теоретическим анализом научных публикаций и юридической литературы с использованием формально - логического метода, формально - юридического метода, сравнительно - правового анализа.

Результаты и обсуждение.

В юридической науке под системой права принято понимать правовую категорию, отражающую внутреннее строение действующего в государстве права и представляющую собой, с одной стороны, единство входящих в него норм, а с другой – разграничение их на взаимосвязанные составные части. По нашему мнению в систему российского права кроме норм, институтов, подотраслей и отраслей права, как элемент системы необходимо включить новые комплексные правовые образования, как комплексные отрасли права, так комплексные отрасли законодательства.

Впервые дискуссия о комплексных правовых образованиях началась с предложения В.К. Райхера [13] о существовании комплексных отраслей права в советском праве, в частности он считал, что страховое право - комплексная отрасль права, как новое комплексное правовое образование. Его концепция о комплексных правовых образованиях в научном сообществе вызвала широкий интерес и длительный спор среди ученых-исследователей, в результате чего теория о комплексных правовых образованиях получило свое развитие в юридической науке, в частности о появлении новых правовых образованиях связывают с изучением комплексных отраслей права: предпринимательского права (Е.П. Губин, П.Г. Лахно, В.С. Белых, В.В. Лаптев, В.К. Мамутов и др.), муниципального права (О.Е. Кутафин, В.И. Фадеев, Ю. Д. Казанчев, А.Н. Писарев, И.И. Овчинников и др.), таможенного права (А.Н. Козырин, В.Н. Сидоров, Е.В. Сидорова, Б.Н. Габричидзе, А.Ф. Ноздрачев), инновационного права (Т.В. Ефимцева, М.В. Волынкина, О.А. Городов и др.), инвестиционного права (А.В. Попова, С.П. Мороз, В.Н. Лисица, В.В. Гушин и др.), медицинского права (С.Г. Стеценко, П.И. Литовка, В.И. Акопов и др.) и др. Фактически те ученые, которые изучали и исследовали указанные отрасли права стали отстаивать концепцию о том, что предпринимательское право, муниципальное право, таможенное право, инновационное право, инвестиционное право, медицинское право и др. являются новыми комплексными правовыми образованиями, представляющие собой комплексные отрасли права, как самостоятельные отрасли права. Если конкретизировать количество комплексных отраслей права, то их в настоящее время насчитывается более шестидесяти, и в отношении каждой комплексной отрасли права имеются ученые, которые подробно изучали каждую из отраслей, и пришли к выводам о необходимости признания комплексных правовых образований, как одной из форм образования комплексных отраслей права и законодательства.

В понятии «комплексные правовые образования» основополагающим словосочетания сути и содержания является употребление термина «комплекс» в юридической науке, что конечно сказалось на различное толкования данного понятия, спор между исследователями продолжается о сущности и содержании понятия «комплексные правовые образования». Конечно, в дореволюционный период такие понятия, как «комплексная отрасль права, «комплексная отрасль законодательства», «комплексное правовое регулирование» учеными - юристами не использовались, но, однако, были предприняты попытки их формулирования в работах теоретиков права И.А. Покровского [11], Л.И. Петражицкого [9], Г.Ф. Шершеневича [18], В.Р. Идельсона [4] и др. в частности их исследования проводились о распределении существующих норм права по отраслям частного и публичного права, то есть, по сути шел дискуссионный спор о возникновении комплексности правовых образований в структуре системы права, связанных с делением публичного и частного права, выделением норм публичного и частного права, и возможности их комплексного регулирования.

В современный период времени в понятие «комплексность» правового образования («комплексное правовое образование») вкладывались следующие аргументированные термины: 1) «комплексные структурные объединения юридических норм» под редакцией В.Д. Перевалова; 2) «комплексные правовые формы» под редакцией М.Н. Марченко; 3) «профилизируемые отрасли» под редакцией Е.Э. Черенковой; «комплексное образование» под редакцией Ю.А. Тихомирова; 4) «комплексная отрасль права» под редакцией С.С. Алексеева, В.Н. Протасова, А.С. Пиголкина и др.; 5) «комплексная отрасль законодательства» под редакцией Ю.К. Толстого, Н.Н. Веденина, М.И. Козыря и др. Высшей ступенью формирования представления о понятии «комплексности» является позиция Е.В. Сидоровой о комплексных правовых образованиях, которая считает, что ряд норм, подотраслей и отраслей права одновременно могут принадлежать как одной отрасли права, так и комплексной отрасли права, что по сути можно назвать, как «комплекс комплексов», представляющей собой комплексное правовое образование.

Однако, такой терминологическое разнообразие не воспроизводит точный смысл понятия «комплексное правовое образование», но формирует представление о том, что юридической наукой формируется сущность и содержание данного понятия в реальностях современной жизни государства, общества и человека. С одной стороны можно сказать, что понятие «комплексное правовое образование» не имеет своего полного теоретического обоснования, в связи с тем, что не определены критерии разграничения этого понятия, роли и места в системе права, а с другой стороны благодаря понятию «комплекс» в юридической науке и практике появилось понятие «комплексные правовые образования», и его составляющие: 1) комплексные институты законодательства; 2) комплексные отрасли законодательства; 3) комплексные отрасли законода-

тельства; 4) комплексный массив законодательства.

Необходимо отметить, что комплексные правовые образования выполняют следующие основные функции: 1) регулирование отдельных групп общественных отношений; 2) упорядочивание системы законодательства; 3) комплексное регулирование в различных сферах общественных отношений; 4) обеспечение нормального функционирования обособленных сфер общественных отношений за счет сочетания различных методов и способов правового регулирования; 4) формирование (изменение) норм, институтов, подотраслей, отраслей права и отраслей законодательства; 5) преобразование социальных и экономических процессов через инструменты государственной политики

Ряд ученых, включая Д.Е. Петрова [10], Л.Н. Гончаровой [3] в своих фундаментальных работах определяли критерии классификации отраслей права и законодательства, как комплексных правовых образований (структуры права, его содержание; структура законодательства, его содержание) за счет проведенного анализа соотношения таких категорий как система права и система законодательства, и определения критериев вхождения в состав одной отрасли законодательства разных по отраслевой природе норм права по мере накопления нормотворческого материала. Стоит согласиться с позицией Ю.К. Толстого [17], что «чистых отраслей права не существует, т.к. одни и те же общественные отношения могут входить не в одну, а сразу в несколько отраслей права». При этом комплексные отрасли права представляют совокупность различных отраслей права и используются в комплексе методы правового регулирования, в отличие от основных отраслей права, в которую не входят нормы права других отраслей права, и для каждой отрасли применяется свой специфический метод правового регулирования.

В.М. Сырых [16] проведя исследование природы комплексных правовых образований, пришел к выводу о том, что к комплексным правовым образованиям необходимо относить комплексный институт, в котором нормы права одной отрасли права применяются в другой отрасли, закрепляются в источниках отрасли, проходят переработку (модификацию) и применяются только в пределах одной, заимствующей их отрасли права. Другой исследователь С.М. Скуднов [15] относил комплексные правовые институты, как разновидность комплексных правовых образований, он считает, что сочетание различных приемов и способов правового воздействия на сложные общественные отношения составляют специфику метода комплексной отрасли права, где устанавливается особый режим правового регулирования.

По мнению М.И. Милушина [6] к комплексным правовым образованиям в системе законодательства относят не только комплексные институты, но и комплексные подотрасли, комплексные отрасли законодательства, комплексные нормативные массивы и супермассивы. Е.В. Сидорова [14] выделяла три вида комплексных правовых образований, а именно комплексные правовые образования: 1) входящие в систему национального права, например, транспортное, информационное, экологическое право и т.д.; 2) относящиеся к системе национального права, например таможенное право; 3) входящие в систему международного права, например международное торговое право, международное транспортное право и т.д.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что изучение комплексных правовых образований в научном сообществе является масштабным предметом научного познания такого правового явления, как комплексные отрасли права и попытку рассмотреть их в качестве одного из элементов в структуре системы права. По нашему мнению более корректная формулировка понятия «комплексные правовые образования» дана М.И. Милушиным [6] в его диссертационном исследовании, он раскрывает сущность и содержание понятия «комплексные правовые образования», и его составляющим: 1) комплексные институты законодательства; 2) комплексные отрасли законодательства; 3) комплексные отрасли законодательства; 4) комплексный массив законодательства, разграничил их, и ввел в научный оборот, как составные элементы понятия «комплексные правовые образования».

По мнению А.С. Щерблякиной [7] формирование комплексных правовых образований является доказательством многообразия общественной жизни и потребностей в более эффективном способе регулирования, в связи с чем данное утверждение является верным, как и спорность природы дефиниции «комплексная отрасль права».

Как следует из анализа юридической литературы под комплексным правовым образованием принято понимать, во – первых, совокупность норм права различных отраслей права, регулирующих определенный вид общественных отношений; во - вторых образования, объединяющие нормативные акты нескольких отраслей законодательства по предметно- функциональному признаку, в результате чего появляются следующие виды комплексных правовых образований:

1) комплексная норма права - специфическое правило поведения, в котором три элемента структуры нормы права: гипотеза (условие применения права), диспозиция (установленное правило поведения), санкция (последствия за нарушения правил поведения, нормы права) закреплены в разных структурных частях (главах, разделах, статьях) нормативно - правового акта, посредством которых осуществляется регулирование взаимосвязанных общественных отношений, обладающих признаками общеобязательности, формальной определенности, регулятивности, государственного обеспечения, системности. Основное различие нормы права от комплексной нормы права заключается в том, что под нормой права нужно понимать наличие в одной статье нормативно - правового акта всех трех элементов структуры нормы права: гипотезы, диспозиции, санкции, то есть односоставной нормой права, а под комплексной нормой права понимается расположение гипотезы, диспозиции, санкции в разных статьях нормативно- правового акта, то есть комплексной нормой права.

2) комплексные институты законодательства - специфические правовые образования системы законодательства, в которых предписания разных отраслей права объединены в нормативно- правовом акте и его структурных частях (главах, разделах, статьях), регулирующих взаимосвязанные общественные отношения. В качестве примера можно привести «институт собственности», в котором содержатся нормы конституционного, административного, гражданского, семейного и др. отраслей права;

3) комплексные подотрасли законодательства - обособленные структурные подразделения системы законодательства, представля-

ющих совокупность предписаний законодательства, объединенных в нормативно- правовом акте или в структурных частях нормативно- правовых актах, либо в структурных частях крупного кодифицированного акта, регулирующих определенный род или отдельные разновидности общественных отношений. В качестве примера можно привести пенсионное законодательство, включающее в себя предписания гражданского, административного и трудового законодательства

4) комплексные отрасли законодательства - обособленное структурное подразделение, состоящее из норм различных отраслей права, формирующихся на стыке двух и более основных отраслей права, и обособляющих определенную часть сферы (области) общественных отношений системы законодательства, входящего в структуру одного центрального нормативного акта. В качестве примера можно привести предпринимательское право, коммерческое право, хозяйственное право, экологическое право и др.

5) комплексный массив законодательства – специфическое образование, основанное на совокупности нормативно- правовых актов и предписаний законодательства, объединяющих нормы, институты, подотрасли, отрасли законодательства по предметно- функциональному признаку с целью регулирования обособленной сферы общественной жизни. В комплексный массив законодательства входят две ее составляющих: 1) моноотраслевое законодательство, как совокупность обособленных отраслей права, выражающих процесс дифференциации правового регулирования; 2) комплексноотраслевое законодательство, как совокупность комплексных правовых массивов, отражающих процессы интеграции правового регулирования. В качестве примера можно привести экологическое законодательство, объединяющее, как моноотраслевое законодательство, так и комплексноотраслевое законодательство, в которое вошли такие отрасли законодательства, как земельное, лесное, водное, о недрах, а также иные отдельные нормативные правовые акты

Как отмечал В.Н. Протасов [8] основным отраслям присуще предметное единство, в отличие от комплексных отраслей права у которых предмет разнороден. В основе появления новых комплексных правовых образований всегда заложен свой специфический предмет и метод правового регулирования, в частности комплексные правовые образования, появляются посредством выделения новых отраслей права из существующих под влиянием новых общественных отношений, которые образуются или изменяются в условиях развития российской экономики, системы права, системы законодательства. Поэтому под предметом комплексных правовых образований понимаются специфические общественные отношения, образующихся на определенном этапе развития общественных отношений в различных сферах жизни, а под методом - применение специфических взаимосвязанных способов правового регулирования новых общественных отношений, составляющих обособленную сферу жизни.

Роль комплексных правовых образований в развитии системы российского права заключается: 1) в эффективном регулировании общественных отношений через регулятивный потенциал; 2) в возможности интегрироваться в систему законодательства, через его составляющие: комплексные институты законодательства, комплексные отрасли законодательства, комплексные отрасли законодательства, комплексный массив законодательства; 3) в оказании влияния на отрасли, которые являлись производными, модифицируя их; 4) в решении юридических задач в необходимом временном интервале в обособленной сфере общественных отношений; в систематизации нормативно- правовых актов в структуре законодательства; 5) в обеспечении дифференцированного, единого, согласованного и сбалансированного воздействия на общественные отношения; 6) в формировании новых норм, институтов, подотраслей и отраслей права, комплексных отраслей права и комплексных отраслей законодательства; 7) в решении задач государственного управления.

Но, однако, несмотря на то, комплексные правовые образования получили широкое распространение и признание в юридической науке и практике существуют ряд неразрешенных проблем, которые перед исследователями подлежат их разрешению: 1) отсутствие четкого критерия разграничения элементов комплексных правовых образований в структуре системы законодательства; 2) проблемы определения принадлежности и согласованности норм, институтов, подотраслей права и отраслей законодательства к основной отрасли или комплексной отрасли законодательства, чтобы избежать коллизий, пробелов в законодательстве и обеспечить единообразие практики и применение закона; 3) отсутствие единой концепции и методологии построения и структуры комплексного правового образования; 4) проблемы комплексного правового регулирования в связи с отсутствием критериев по определению предмета и методов правового регулирования общественных отношений комплексной отрасли права и комплексной отрасли законодательства, как комплексных правовых образований; 5) отсутствие систематизирующего нормативного акта, что затрудняет формирование комплексных отраслей права и законодательства, как комплексных правовых образований.

Заключение и выводы.

Подведя итоги исследования необходимо отразить следующие ключевые выводы:

В понятии «комплексные правовые образования» основополагающим словосочетанием сути и содержания является употребление термина «комплекс» в юридической науке и практике, что конечно сказалось на различное толкования данного понятия, спор между исследователями продолжается о сущности и содержании понятия «комплексные правовые образования».

Понятие «комплексное правовое образование» не имеет своего полного теоретического обоснования, в связи с тем, что не определены четкие критерии разграничения этого понятия, роли и места в системе права, а с другой стороны благодаря понятию «комплекс» в юридической науке и практике появилось понятие «комплексные правовые образования», и его составляющие: 1) комплексные институты законодательства; 2) комплексные отрасли законодательства; 3) комплексные отрасли законодательства; 4) комплексный массив законодательства.

В контексте развития сущности и содержания понятия «комплексные правовые образования» необходимо отметить, что учеными-правоведами не исследована «комплексность» в нормах права, а именно феномен «комплексности» элементов структуры нормы права: гипо-

теза, диспозиция, санкция, в связи с тем, что эти три элемента структуры нормы права не всегда расположены в одной статье нормативно-правового акта, в связи с чем норма права наряду с комплексными институтами законодательства; комплексными отраслями законодательства; комплексными отраслями законодательства; комплексными массивами законодательства содержат признаки «комплексности», а значит комплексную норму права необходимо относить к комплексным правовым образованиям.

В результате проведенного исследования сформировался пятый вид комплексных правовых образований, но самый первый в иерархии видов вид комплексных правовых образований. Кроме того комплексный массив законодательства, как комплексного правового образования входят две ее составляющих: 1) моноотраслевое законодательство, как совокупность обособленных отраслей права, выражающих процесс дифференциации правового регулирования; 2) комплексноотраслевое законодательство, как совокупность комплексных правовых массивов, отражающих процессы интеграции правового регулирования.

Комплексная норма права - специфическое правило поведения, в котором три элемента структуры нормы права: гипотеза, диспозиция, санкция закреплены в разных структурных частях (главах, разделах, статьях) нормативно - правового акта, посредством которых осуществляется регулирование взаимосвязанных общественных отношений, обладающих признаками общеобязательности, формальной определенности, регулятивности, государственного обеспечения, системности. Основное различие нормы права от комплексной нормы права заключается в том, что под нормой права нужно понимать наличие в одной статье нормативно - правового акта всех трех элементов структуры нормы права: гипотезы, диспозиции, санкции, то есть односоставной нормой права, а под комплексной нормой права понимается расположение гипотезы, диспозиции, санкции в разных статьях нормативно- правового акта, то есть комплексной нормой права.

Список литературы:

1. Алексеев С. С. Общие теоретические проблемы системы советского права / С. С. Алексеев. - Москва, 1961.
2. Васильев А. М. Правовые категории [Текст] : Методол. аспекты разработки системы категорий теории права. - Москва : Юрид. лит., 1976. - 264 с.
3. Гончарова Л. Н. Особенности отраслевой и комплексной кодификации в праве // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16. №5. С. 158-161.
4. Идельсон В. Р. Страхование право: курс лекций в Санкт-Петербургском политехническом институте в 1907 г. // Страхование право. - 2001. - № 1. - С. 72.
5. Комплексное правовое регулирование : монография / Е. В. Сидорова ; Гос. науч.-исслед. ин-т системного анализа Счетной палаты Российской Федерации. - Москва : Justitia, 2015. - 303 с. : 21 см.; ISBN 978-5-4365-0141-3..
6. Милушин М. И. Формирование комплексных образований в системе законодательства Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2003. - 191 с.
7. Щерблякина А. С. Комплексные правовые образования // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2017. № 2 (35). URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/4234> (дата обращения: 08.05.2025).
8. Протасов В. Н. Что и как регулирует право / учеб. пособие. - М.: Юрист, 1995. - С. 8-9.
9. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства. В 2 т. Т. II. - СПб, 1910. - С. 686-745.
10. Петров Д. Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. С. 283-284.
11. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. 4-е изд., испр. - М.: Статут, 2003. - С. 42-43.
12. Потапенко Е. Г. Комплексные образования в системе российского права // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2013. Т. 13, вып. 3, ч. 1. С. 357-362.
13. Райхер В. К. Общественно-исторические типы страхования. - Москва - Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1947. - 283 с.
14. Сидорова Е. В. Формирование комплексных правовых образований в системе права: дань моде или необходимость? // Журнал российского права. - 2016. - № 5 (233). - С. 28-34.
15. Скуднов С. М. Комплексные образования в праве: проблемы метода правового регулирования /// Вестник экономики, права и социологии. - 2016. № 4 (4) 1. - 195-197.
16. Сырых В. М. Комплексные институты как компоненты системы российского права // Журнал российского права. 2002. № 10. С. 22-27.
17. Толстой Ю. К. Гражданское право и гражданское законодательство // Правоведение. - 1998. - № 2. - С. 136.
18. Шершеневич, Г. Ф. Курс торгового права. - СПб., 1908. - Т. 1.

References:

1. Alekseev S. S. General theoretical problems of the system of Soviet law / S. S. Alekseev. - Moscow, 1961.
2. Vasiliev A. M. Legal categories [Text]: Methodological aspects of developing a system of categories of the theory of law. - Moscow: Legal lit., 1976. - 264 p.
3. Goncharova L. N. Features of industry and complex codification in law // Problems of Economics and Legal Practice. 2020. Vol. 16. No. 5. P. 158-161.
4. Idelson V. R. Insurance law: a course of lectures at the St. Petersburg Polytechnic Institute in 1907 // Insurance law. - 2001. - No. 1. - P. 72.
5. Complex legal regulation: monograph / E. V. Sidorova; State Research Institute of Systems Analysis of the Accounts Chamber of the Russian Federation. - Moscow: Justitia, 2015. - 303 p.; 21 cm; ISBN 978-5-4365-0141-3.
6. Milushin M. I. Formation of complex entities in the legislative system of the Russian Federation: diss. ... Cand. of Law. - Moscow, 2003. - 191 p.
7. Shcheblykina A. S. Complex legal entities // Universum: economics and jurisprudence: electronic. scientific journal. 2017. No. 2 (35). URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/4234> (date of access: 08.05.2025).
8. Protasov V. N. What and how regulates the law / textbook. manual. - M.: Jurist, 1995. - Pp. 8-9. 9. Petrazhitzky, L. I. Theory of Law and State. In 2 vols. T. II. - St. Petersburg, 1910. - Pp. 686-745. 10. Petrov D. E. Differentiation and integration of structural formations of the Russian legal system: dis. ... Doctor of Law. Saratov, 2015. Pp. 283-284.
11. Pokrovsky I. A. Basic problems of civil law. 4th ed., corrected. - M.: Statut, 2003. - P. 42-43. 12. Potapenko E. G. Complex formations in the system of Russian law // Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Economy. Management. Law. 2013. Vol. 13, issue 3, part 1. P. 357-362.
13. Reicher V. K. Social and historical types of insurance. - Moscow - Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1947. - 283 p.
14. Sidorova E. V. Formation of complex legal formations in the legal system: a tribute to fashion or a necessity? // Journal of Russian law. - 2016. - No. 5 (233). - P. 28-34.
15. Skudnov S. M. Complex formations in law: problems of the method of legal regulation /// Bulletin of Economics, Law and Sociology. - 2016. No. 4 (4) 1. - 195-197.
16. Syrykh V. M. Complex institutions as components of the Russian legal system // Journal of Russian Law. 2002. No. 10. P. 22-27.
17. Tolstoy Yu. K. Civil law and civil legislation // Jurisprudence. - 1998. - No. 2. - P. 136.
18. Shershenovich, G. F. Course of commercial law. - St. Petersburg, 1908. - T. 1.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_52

УДК 342.

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ КАК ОБЪЕКТЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ PERSONAL DATA AND PRIVATE LIFE AS OBJECTS OF LEGAL PROTECTION

АЛЬХАНОВ Насрудин Магомедович,

к.п.н, доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности,
и.о. заведующего кафедрой теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова».
364907, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Шерипова, 32.
E-mail: n.alkhanov@mail.ru;

ИСИПОВА Лалита Рукмановна,

старший преподаватель кафедры права
Чеченский государственный педагогический университет.
364051, Российская Федерация, г. Грозный, пр. Исаева, 62;
E-mail: Lalita.isipova.91@mail.ru;

ALKHANOV Nasrudin Magomedovich,

ph.d., associate professor of the department of criminal law, procedure, and national security,
acting head of the department of theory and history of state and law «Chechen state university named after A.A. Kadyrov».
32 Sheripova str., Grozny, Russia, 364907, Chechen Republic.
E-mail: n.alkhanov@mail.ru;

ISIPOVA Lalita Rukmanovna,

Senior Lecturer of the Department of Law Chechen State Pedagogical University,
364051, Russian Federation, Grozny, Isaeva Ave., 62.
E-mail: Lalita.isipova.91@mail.ru

Краткая аннотация. Статья предлагает теоретико-догматическую реконструкцию статуса персональных данных и частной жизни как объектов правовой защиты, опираясь на нормы международного и наднационального права (Международный пакт о гражданских и политических правах, Европейская конвенция, Конвенция № 108+, регламенты Союза) и сравнительно-правовой анализ национального регулирования. Раскрываются материальные и институциональные механизмы охраны (принципы законности, необходимости, соразмерности и подотчётности; права субъектов; надзор и ответственность) с учётом практики наднациональных судов. Выявлены ключевые риски цифровой среды: автоматизированное принятие решений, трансграничные потоки, массовая ретенция и перехват данных.

Abstract: The article offers a theoretical and dogmatic reconstruction of the status of personal data and privacy as objects of legal protection, based on the norms of international and supranational law (the International Covenant on Civil and Political Rights, the European Convention, Convention No. 108+, and the regulations of the Union), and a comparative legal analysis of national regulations. The article reveals the material and institutional mechanisms of protection (the principles of legality, necessity, proportionality, and accountability; the rights of subjects; supervision, and responsibility), taking into account the practice of supranational courts. Key risks of the digital environment have been identified: automated decision-making, cross-border flows, mass retention and data interception.

Ключевые слова: персональные данные, неприкосновенность частной жизни, информационное самоопределение, автоматизированное принятие решений.

Keywords: personal data, privacy, information self-determination, automated decision-making.

Для цитирования: Альханов Н.М., Исипова Л.Р. Персональные данные и частная жизнь как объекты правовой защиты // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 52-55. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_52.

For citation: Alkhanov N.M., Isipova L.R. Personal data and private life as objects of legal protection // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 52-55. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_52.

Статья поступила в редакцию: 22.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Введение. В условиях платформенной экономики и алгоритмического профилирования неприкосновенность частной жизни и персональные данные выступают самостоятельными юридическими благами, требующими многослойной защиты на стыке конституционного, гражданско-правового и международного регулирования. Доктринальные истоки современного подхода восходят к тезису С. Уоррена и Л. Брандейса о праве «быть оставленным в покое», обосновавшему необходимость правовой охраны частной сферы в ответ на технологические вызовы конца XIX века. На уровне концептуализации информационной сферы А. Уэстин сформулировал определение приватности как способности лица самостоятельно решать, когда, каким образом и в каком объёме сведения о нём могут быть раскрыты, тем самым заложив персоналистский критерий легитимности обработки данных.

В развитии этого подхода Д. Солове предложил таксономию вредов частной жизни (сбор и наблюдение, обработка и агрегация, распространение, вмешательство), обеспечивающую системное разграничение охраняемых интересов и типовых деликтов цифровой среды. Теория «контекстуальной целостности» Х. Ниссенбаум акцентирует нормативную обусловленность потоков данных и необходимость соразмерности режимов обработки ожиданиям субъекта в конкретных социальных контекстах, что задаёт стандарт оценки правомерности передачи и повторного использования сведений. Европейская конституционная традиция закрепила право на информационное самоопределение (решение Федерального конституционного суда ФРГ по делу о переписи населения от 15 декабря 1983 г.), сформулировав критерии допустимого вмешательства государства в частную сферу [2, с. 56].

Юриспруденция Европейского суда по правам человека конкретизировала пределы вмешательства при массовом хранении биометри-

ческих идентификаторов и видеонаблюдении (дело «С. и Марпер против Соединённого Королевства»), усилив стандарт необходимости и пропорциональности. В российском правовом порядке конституционные гарантии (статья 23 Конституции Российской Федерации) очерчивают содержание охраняемой частной сферы, а специальный закон устанавливает принципы обработки персональных данных (закон № 152-ФЗ: законность, минимизация, целевая обусловленность, ограничение сроков хранения и др.). На международном и наднациональном уровнях регулятивный каркас образуют Конвенция № 108 Совета Европы (с учётом модернизации «108+») и Общий регламент Европейского союза о защите данных (Регламент (ЕС) 2016/679), задающие унифицированные стандарты прав субъектов, обязанностей операторов и трансграничной передачи.

На универсальном уровне исходной нормой выступает статья 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, запрещающая произвольное или незаконное вмешательство в личную и семейную жизнь и посягательства на неприкосновенность корреспонденции, что задаёт государствам как негативные, так и позитивные обязанности по охране частной сферы.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод в статье 8 закрепляет право на уважение частной и семейной жизни, жилища и корреспонденции и допускает ограничения лишь при соблюдении «качества закона», легитимной цели и критерия «необходимости в демократическом обществе», тем самым конституируя тест соразмерности вмешательства. Специальную «отраслевую» рамку защиты персональных данных в европейском пространстве формирует Конвенция № 108 Совета Европы (в модернизированной редакции «108+»), закрепляющая принципы законности, целевой обусловленности, адекватности и безопасности обработки, а также гарантии трансграничной передачи данных. На уровне права Союза Хартия Европейского союза об основных правах разграничивает право на уважение частной жизни (статья 7) и право на защиту персональных данных (статья 8), что подчёркивает автономный характер «данных о лице» как объекта правовой охраны [5, с. 164].

Центральным кодификатором выступает Общий регламент Европейского союза о защите данных (Регламент (ЕС) 2016/679), который закрепляет принципы обработки (законность, справедливость, прозрачность; ограничение цели; минимизация; точность; ограничение сроков хранения; целостность и конфиденциальность; подотчётность), права субъектов (доступ, исправление, удаление, ограничение, переносимость, возражение) и обязанности контролёров и обработчиков (оценка воздействия на защиту данных, учёт-по-умолчанию, уведомление об инцидентах), а также комплекс правил трансграничной передачи. Дополняющим актом выступает директива о конфиденциальности и электронных коммуникациях, устанавливающая специальные требования к обработке данных и тайне сообщений в секторе электронных связей.

Юриспруденция наднациональных судов конкретизирует стандарты допустимого вмешательства и «качества закона» в условиях тотального цифрового слежения и массового хранения идентификаторов. Европейский суд по правам человека в деле «С. и Марпер против Соединённого Королевства» признал несоразмерным неограниченное по срокам хранение полицейских биометрических данных невиновных лиц, фактически задав пороговый стандарт необходимости и предсказуемости правового регулирования. В деле «Роман Захаров против России» Суд констатировал системные дефекты режима скрытого перехвата сообщений, подчеркнув необходимость эффективного судебного контроля, процессуальных гарантий и независимого надзора. Развивая эту линию, решения по делам «Big Brother Watch и другие против Соединённого Королевства» сформировали критерии правомерности режимов стратегического перехвата и обмена разведывательной информацией [1, с. 683].

В правовом порядке Союза Суд Европейского союза, отменив схему упрощённой передачи данных в третью страну (дело C-362/14) и установив повышенные требования к стандартным договорным положениям и оценке эквивалентности уровня защиты (дело C-311/18), закрепил материальные и процедурные гарантии при трансграничных потоках персональных данных. На доктринальном уровне европейскую модель усилило сформулированное Федеральным конституционным судом ФРГ «право на информационное самоопределение», выведенное из гарантии свободного развития личности и ставшее методологическим ориентиром для баланса между частной жизнью и публичными интересами. В качестве «мягкого права» значимое влияние сохранили Руководящие принципы ОЭСР по защите неприкосновенности частной жизни и трансграничным потокам данных (редакция 2013 г.), институционализировавшие подотчётность оператора и риск-ориентированный подход.

В российском правовом порядке конституционные основы закреплены в статьях 23–24 Конституции Российской Федерации (неприкосновенность частной жизни; тайна сообщений; запрет сбора и распространения сведений о частной жизни без согласия), а специальный закон о персональных данных формулирует понятие «персональные данные», статус «оператора», принципы обработки, права субъекта и механизмы трансграничной передачи, в том числе через институты согласия, локализации и надзорной компетенции уполномоченного органа. «Тем самым персональные данные и частная жизнь квалифицируются как взаимосвязанные, но самостоятельные объекты правовой защиты, охраняемые совокупностью конституционных, гражданско-правовых, административных и уголовно-правовых средств при соблюдении фундаментальных критериев законности, необходимости и соразмерности вмешательства» [7, с. 156].

Механизмы правовой защиты персональных данных и частной жизни представляют собой многоуровневую систему материально-правовых, институциональных и процессуальных гарантий, выстроенную на конституционно-правовой презумпции автономии личности и требовании соразмерности любого вмешательства. Универсальный контур задаёт статья 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, налагающая на государства обязанность предотвращать произвольное и незаконное вмешательство в частную сферу и обеспечивать эффективные средства правовой защиты; содержание позитивных обязанностей раскрыто в Общем комментарии № 16 Комитета по правам человека. Параллельно статья 8 Европейской конвенции о защите прав человека кодифицирует тест «качества закона», легитимной цели и необходимости в демократическом обществе, формируя стандарт пропорциональности для всех последующих отраслевых режимов.

Специальную наднациональную архитектуру составляет Конвенция № 108 Совета Европы в модернизированной редакции («108+»), закрепляющая принцип законности, целевой обусловленности, адекватности и безопасности обработки, а также режимы трансграничных потоков

и надзорный механизм Комитета Конвенции. В праве Союза ключевым актом выступает Общий регламент Европейского союза о защите данных, который возводит в ранг нормативных принципов законность, справедливость и прозрачность, ограничение целей, минимизацию, точность, ограничение сроков хранения, целостность и конфиденциальность, а также подотчётность; вводит права субъекта (доступ, исправление, удаление, ограничение, переносимость, возражение) и корреспондирующие обязанности оператора и обработчика (оценка воздействия, защита данных на этапе проектирования и по умолчанию, уведомления об инцидентах, ведение реестров). В секторе электронных коммуникаций действует директива о конфиденциальности и электронных коммуникациях, закрепляющая автономные гарантии тайны сообщений, обработки идентификаторов и мер против несанкционированного доступа.

Институциональный блок включает независимые надзорные органы, обладающие полномочиями расследования, запрета обработки и назначения оборотных штрафов, а также общеевропейский механизм согласованности и «единого окна» для трансграничных операций. Эффективность защиты обеспечивается совокупностью административных и судебных средств: право на обращение с жалобой в надзорный орган, на судебную защиту против решений органа и против оператора/обработчика, а также право на возмещение вреда при нарушении регламента. Процессуальные гарантии включают предварительную оценку воздействия на защиту данных при высоком риске, консультирование с надзорным органом, назначение уполномоченного по защите данных в случаях, предусмотренных правом, и внедрение организационно-технических мер: псевдонимизацию, шифрование, разграничение доступа, управление жизненным циклом данных.

«Контроль трансграничных передач реализуется через модель «адекватности» уровня защиты, а также через стандартные договорные условия и корпоративные правила при отсутствии решения об адекватности. Суд Союза в делах C-362/14 и C-311/18 установил повышенные требования к режимам третьих стран, признав недействительными последовательные рамки «безопасной гавани» и «щит приватности», одновременно подтвердив допустимость стандартных условий при проведении углублённой оценки рисков и внедрении дополнительных гарантий. Эти решения радикально повысили значение индивидуальных механизмов обеспечения эквивалентного уровня защиты при передаче» [6, с. 80].

Правозащитные стандарты Европейского суда по правам человека конкретизируют пределы допустимого вмешательства в условиях массовых технологий наблюдения и хранения идентификаторов. В деле «С. и Марпер против Соединённого Королевства» недопустимой признана бессрочная и недифференцированная ретенция биометрических данных невиновных лиц; в деле «Роман Захаров против России» констатированы системные дефекты режима скрытого перехвата вследствие недостаточности судебного контроля и уведомительных гарантий; в деле «Big Brother Watch и другие против Соединённого Королевства» сформулированы требования к стратегическому перехвату и обмену разведывательной информацией, включая критерии выбора селекторов, последующего контроля и средств правовой защиты.

В национальных правовых механизмах защиты дополняются конституционными запретами и специальными законами. В Российской Федерации статьи 23–24 Конституции закрепляют неприкосновенность частной жизни, тайну сообщений и запрет на сбор и распространение сведений о частной жизни без согласия; Федеральный закон № 152-ФЗ определяет статус субъекта и оператора, принципы обработки, права на доступ, уточнение, блокирование и уничтожение, режим трансграничной передачи и полномочия уполномоченного органа; поправки о локализации данных и уведомительном контроле трансграничных передач усиливают превентивные гарантии. Система ответственности включает административные правонарушения за нарушение требований обработки и защиты (статья 13.11 КоАП РФ) и уголовно-правовой запрет посягательства на частную жизнь (статья 137 УК РФ), обеспечивая сочетание превенции и репрессии.

Актуальные проблемы правовой охраны персональных данных и частной жизни обусловлены, во-первых, экспансией алгоритмического профилирования и автоматизированного принятия решений, а во-вторых, усложнением трансграничной циркуляции данных и публично-правовых режимов наблюдения. Современная нормативная архитектура, опирающаяся на общий регламент Европейского союза о защите данных (Регламент (ЕС) 2016/679), в части запретов безусловного подчинения решениям, основанным исключительно на автоматизированной обработке (статья 22), демонстрирует недостаточность процедурных гарантий против «чёрного ящика» высокорисковых систем. Усиление принципов «защиты по замыслу и по умолчанию» предстаёт необходимым направлением совершенствования, включая разработку проверяемых критериев проектирования и подотчётности для операторов [3, с. 34].

Отдельный пласт проблем – трансграничные потоки данных. Инвалидирование Судом Европейского союза решения об адекватности по «Щиту конфиденциальности» (дело C-311/18) породило устойчивую правовую неопределённость и повысило требования к оценке эквивалентности правовой защиты при использовании договорных инструментов передачи. Позднейшее принятие Европейской комиссией решения об адекватности для Рамочной программы конфиденциальности данных ЕС–США смягчило риски, но не сняло доктринальных вопросов о допустимости доступа органов третьего государства и эффективности средств правовой защиты для субъектов данных. В результате операторы вынуждены сочетать правовые основания передачи с материальными гарантиями (шифрование, разделение ключей, локализация критических сегментов), а надзор – выстраивать единообразную практику оценки импорта правовых рисков.

Параллельно формируется «новая связка» регулирования данных и алгоритмов. Регламент (ЕС) 2024/1689 о гармонизированных правилах в области искусственного интеллекта – первый кодифицированный акт риск-ориентированного типа, вводящий запреты для систем с недопустимым риском и специальные требования к высокорисковым системам, включая биометрическую идентификацию в публичных пространствах (жёстко ограниченную по целям, времени и территории и подлежащую предварительному разрешению). С учётом поэтапного вступления в силу положений что-то иное, кроме «простого» соблюдения, уже недостаточно: требуется согласование оценок воздействия на права человека, на защиту данных и на этическую допустимость алгоритмов внутри одной процедуры.

Ключевой вызов – массовое хранение и перехват коммуникационных данных. Суд Европейского союза в делах «Tele2 Sverige/Watson»

и «La Quadrature du Net» подтвердил недопустимость недифференцированных режимов длительной ретенции метаданных и потребовал «строго необходимого» и «целенаправленного» регулирования. Европейский суд по правам человека в делах «Big Brother Watch и другие против Соединённого Королевства», «С. и Марпер против Соединённого Королевства», «Роман Захаров против России» последовательно усилил стандарты предсказуемости закона, независимого контроля и эффективных средств правовой защиты, включая требования к выбору селекторов, срокам хранения и уведомлению затронутых лиц. Указанные решения задают вектор на законодательное закрепление «презумпции адресности» вместо общей превентивной ретенции.

В сфере экономики данных пересекаются интересы защиты частной жизни и доступа к промышленным и устройственным данным. Регламент (ЕС) 2023/2854 («Закон о данных») вводит обязанности по предоставлению доступа к данным пользователям и третьим лицам, а также правила смены поставщика облачных услуг; при этом он действует «без ущерба» для регламента о защите данных. С сентября 2025 года большая часть положений становится применимой, что требует выстраивания внутриорганизационных режимов разграничения: обеспечить передачу «неперсональной» части массивов и надлежащую анонимизацию – с учётом риска повторной идентификации и необходимости технических и организационных мер (псевдонимизация, минимизация атрибутов, управляемая совместимость). Это направление требует методических разъяснений надзорных органов о допустимых методах обезличивания и о границах «совместного контроля» при совместном доступе.

Правоприменение также демонстрирует усиление материальной ответственности. Показателен рекордный штраф в отношении крупной платформы за трансграничные передачи в отсутствие эквивалентных гарантий, вынесенный уполномоченным органом государства-члена при участии Европейского совета по защите данных в процедуре разрешения споров. Это подтверждает работоспособность механизма «единого окна», но одновременно выявляет проблему фрагментации национальных приоритетов и длительности процедур; необходимы унифицированные методы расчёта штрафов и ускоренные согласительные процедуры.

Вне союза заметна тенденция к ужесточению требований локализации и уведомительного контроля трансграничных передач. В российском правовом порядке с 1 марта 2023 года введено предварительное уведомление надзорного органа о намерении осуществлять трансграничную передачу; с 1 июля 2025 года обновлена норма о локализации первичной записи и изменения персональных данных на территории государства, а также усилена административная ответственность за нарушения. Эти новеллы усиливают превентивные фильтры для вывоза данных и требуют от операторов пересмотра архитектуры потоков и договорных связей с иностранными обработчиками.

Заключение. Таким образом, правовое государство и цифровая трансформация не противопоставлены: цифровые технологии выступают инструментом усиления законности, предсказуемости и подотчётности публичной власти, когда они встроены в нормативные контуры защиты частной жизни, информационной открытости, безопасности инфраструктур и процедурного правосудия. Материальные запреты на полностью автоматизированные решения с юридическими последствиями, процессуальные механизмы досудебного и судебного контроля, а также режимы открытых данных и межведомственного обмена образуют нормативный «контур доверия», в рамках которого алгоритмическая оптимизация управления служит праву, а не подменяет его. В противном случае цифровая конвергенция функций государства рискует эволюционировать в принудительную централизацию без надлежащей правовой коррекции, что противоречит конституционным гарантиям и подлежит пресечению средствами судебной и общественной контроли.

Список литературы:

1. Богданов Д. Е. Технодетерминизм в частном праве: влияние биопринтинга на развитие концепции защиты права на цифровой образ // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2020. – Вып. 50. – С. 678–704.
2. Васильева Я. В.; Шалегин С. П. Защита персональных данных в процессе использования таргетированной рекламы // Юридические исследования. – 2024. – № 1. – С. 53–68.
3. Гатиятуллина Э. М. Защита персональных данных в условиях цифровизации: эволюция и современное состояние // Закон и Власть. – 2023. – № 3. – С. 33–38.
4. Дейко С. В. Актуальные аспекты правового регулирования защиты персональных данных в условиях внедрения технологий машинного обучения // Право и цифровая экономика. – 2025. – № 2. – С. 45–55.
5. Желудков М. А.; Алексеева А. П. Обеспечение защищённости биометрических персональных данных от использования в криминальных целях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 2. – С. 159–169.
6. Зуев Д. И. Право на неприкосновенность частной жизни в современном уголовном процессе // Юридический вестник Самарского университета. – 2024. – Т. 10, № 4. – С. 75–83.
7. Иванова А. П. Большие данные и право на неприкосновенность частной жизни // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. – 2024. – № 4. – С. 149–163.
8. Иншакова А. О.; Тымчук Ю. А. Охрана персональных данных пациентов при оказании медицинской помощи с применением телемедицинских технологий // Lex Russica. – 2024. – № 7. – С. 19–29.

References:

1. Bogdanov D. E. Technodeterminism in Private Law: The Influence of Bio-Printing on the Development of the Concept of Protecting the Right to a Digital Image // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. – 2020. – Issue 50. – Pp. 678–704.
2. Vasilyeva Ya. V.; Shalegin S. P. Protection of Personal Data in the Process of Using Targeted Advertising // Legal Research. – 2024. – No. 1. – Pp. 53–68.
3. Gatiyatullina E. M. Protection of Personal Data in the Context of Digitalization: Evolution and Current State // Law and Power. – 2023. – No. 3. – Pp. 33–38.
4. Deiko S. V. Current Aspects of Legal Regulation of Personal Data Protection in the Context of the Introduction of Machine Learning Technologies // Law and Digital Economy. – 2025. – No. 2. – Pp. 45–55.
5. Zheludkov M. A.; Alekseeva A. P. Ensuring the security of biometric personal data from use for criminal purposes // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2025. – No. 2. – Pp. 159–169.
6. Zuev, D. I. The Right to Privacy in the Modern Criminal Procedure // Legal Bulletin of Samara University. – 2024. – Vol. 10, No. 4. – Pp. 75–83.
7. Ivanova, A. P. Big Data and the Right to Privacy // Social and Human Sciences. Ser. 4, State and Law: Abstract Journal. – 2024. – No. 4. – Pp. 149–163.
8. Inshakova, A. O.; Tymchuk, Yu. A. Protecting Patients' Personal Data in Telemedicine // Lex Russica. – 2024. – No. 7. – Pp. 19–29.

КОНЦЕПЦИЯ ОБЩЕГО БЛАГА В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ THE CONCEPT OF THE COMMON GOOD IN A MODERN STATE GOVERNED BY THE RULE OF LAW

ДАДАЕВА Макка Сапорбековна,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства права
Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова.
364024, Россия, Чеченская республика, г. Грозный, ул. А. Шерипова д. 32.
E-mail: dadayeva1969@bk.ru;

DADAIEVA Makka Saporbekovna,

Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law
Chechen State University named after A. A. Kadyrov.
32 A. Sheripova str., Grozny, 364024, Chechen Republic.
E-mail: dadayeva1969@bk.ru

Краткая аннотация. В статье исследуется концепт общего блага как правовая и конституционная категория современного правового государства. На теоретико-философском уровне анализируются телеологические, персоналистские и процедурные основания (Аристотель, Фома Аквинский, Ж. Маритен, Дж. Ролз, Ю. Хабермас, Дж. Финнис), а также модели соотношения прав и публичных интересов в доктрине прав как «козырей» и в принципиальной теории соразмерности (Р. Дворкин, Р. Алексин). В сравнительно-правовом разрезе показана материализация общего блага через конституционные механизмы: ограничительные оговорки и гарантия сущностного содержания прав, тест соразмерности, социальная функция собственности (Основной закон ФРГ, Конституции Испании и Италии), формула *res publica* (Конституция Польши), а также наднациональные стандарты Хартии и Конвенции.

Abstract: The article examines the concept of the common good as a legal and constitutional category of a modern rule-of-law state. At the theoretical and philosophical level, teleological, personalistic and procedural foundations are analyzed (Aristotle, Thomas Aquinas, J. Maritain, J. Rawls, J. Habermas, J. Finnis), as well as models of the relationship between rights and public interests in the doctrine of rights as "trump cards" and in the principled theory of proportionality (R. Dworkin, R. Alexij). In a comparative legal perspective, the materialization of the common good through constitutional mechanisms is shown: restrictive clauses and the guarantee of the essential content of rights, the proportionality test, the social function of property (the Basic Law of the Federal Republic of Germany, the Constitutions of Spain and Italy), the formula of *res publica* (the Constitution of Poland), as well as the supra-national standards of the Charter and the Convention.

Ключевые слова: общее благо, правовое государство, конституционная юриспруденция, публичный интерес, права человека, ограничительные оговорки.

Keywords: common good, rule of law, constitutional jurisprudence, public interest, human rights, restrictive clauses.

Для цитирования: Дадаева М.С. Концепция общего блага в современном правовом государстве // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 56-58. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_56.

For citation: Dadaeva M.S. The concept of the common good in a modern state governed by the rule of law // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 56-58. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_56.

Статья поступила в редакцию: 09.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Введение. В современном правовом государстве категория «общее благо» выступает ключевым аксиологическим и телеологическим ориентиром конституционного правопорядка, обеспечивающим нормативную интеграцию индивидуальных прав и публичных интересов через механизмы пропорциональности, легитимной цели и запрета чрезмерности. В доктринальном плане она укоренена в естественно-правовой традиции: Дж. Финнис, реконструируя аргументацию Фомы Аквинского, обосновал многообразие базовых благ и их соотносённость с правовой разумностью как основанием для унимания конфликтов между частным и общим интересами. Коммунитаристская критика либерального индивидуализма (М. Сэндел, М. Уолцер) подчёркивает приоритет общинных практик и ценностей, в рамках которых справедливость мыслится через участие и солидарность, а не через автономию как самоценность. В персоналистской линии Ж. Маритена «общее благо» трактуется как цель политического сообщества, отличная от интересов государства как аппарата, что задаёт критерии легитимации публичной власти и пределы её вторжений.

В либерально-конституционалистской парадигме (Д. Ролз) утверждается конгруэнтность справедливости и блага в «хорошо упорядоченном» обществе, что институционально поддерживается процедурами публичного разума и конституционного контроля. Позитивно-правовая проекция концепта проявляется в конституционной юриспруденции: ст. 55 (ч. 3) Конституции закрепляет допустимость ограничений прав исключительно ради охраняемых ценностей, а принцип соразмерности, развитый германской конституционной практикой, служит методологией балансирования в пользу общего блага без умаления сущности прав [5, с. 109].

Аристотель определял полис как «общение родов и селений» с целью достижения совершенного, самодовлеющего существования, то есть счастья, тем самым фиксируя нормативно-целевую природу политического сообщества. В средневековой схоластике Фома Аквинский придал концепту строгую юридико-нормативную форму, определив закон как установление разума, обнародованное тем, кто заботится о целом сообществе, и направленное на «общее благо», – что закрепило приоритет общественной цели при легитимации правовых предписаний. Персоналистская традиция Жака Маритена уточнила отличие «общего блага» политического сообщества от интересов государственного аппарата, подчеркивая его связь с достоинством личности и высшими целями человеческого соучастия.

Модерная контрактуалистская линия мыслит «общее благо» через механизм «общей воли»: у Руссо суверенитет народа реализуется как волеизъявление, по определению направленное на общее благо и противостоящее частным интересам, – отсюда нормативная формула политической легитимности через неделимую и непредставимую общую волю. Кантовская правовая философия переводит разговор в регистр публичного права: «правовое состояние» как система общезначимых законов, подчиняющих произвол норме свободы, задает рамку, в которой благо может быть оправдано лишь постольку, поскольку совместимо с равной свободой каждого; это задает строго процедурное – а не патерна-

листское – понимание целей политического сообщества. Делиберативная парадигма Юргена Хабермаса развивает это procedural-понимание: «общее благо» порождается институционализированным публичным обсуждением и формированием обязывающих решений в публичной сфере, где легитимность выводится из дискурсивных процедур, а не из апелляции к субстанциальной «наилучшей жизни» [8, с. 103].

В новейшей естественно-правовой юриспруденции Джон Финнис реконструирует традицию через теорию базовых благ и требований практической разумности: «требования общего блага» выступают самостоятельным критерием правовой правильности, направляющим соотношение частных прав и коллективных целей без утилитарного «суммирования» выгод. На этом фоне коммунитаристская критика либерального индивидуализма (Майкл Сэндел, Майкл Уолцер) настаивает на первичности общинной принадлежности и практик солидарности, в рамках которых «общее благо» задаёт нормативную идентичность и пределы допустимого перераспределения. Дополняя картину, философия права конца XX века предложила две влиятельные модели соотношения прав и общего блага: (а) «права как козыри» у Рональда Дворкина, ограничивающие политические проекты «ради большинства»; (б) пропорционалистская доктрина Роберта Алексии, трактующая основные права как принципы, подлежащие соразмерностному балансированию в горизонте общественно значимых целей.

«Общее благо» в конституционном измерении выступает не только аксиологическим ориентиром, но и структурным принципом правопорядка, задающим пределы дискреции законодателя и алгоритм юрисдикционного контроля. В социальном государстве этот ориентир проявляется как обязанность публичной власти организовывать правовые и институциональные механизмы достойной жизни и свободного развития личности, что вытекает из конституционной формулы социальности и непосредственного действия основных прав, определяющих смысл и применение законодательства [1, с. 40].

Нормативная операционализация общего блага осуществляется через так называемые ограничительные оговорки: основные права могут быть ограничены только законом, постольку и в той мере, поскольку это необходимо для защиты конституционно значимых ценностей – основ строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обороны и безопасности государства. Указанная модель прямым текстом закреплена в конституционном регулировании и образует исходную презумпцию для правоприменительного балансирования. Параллельно в европейском правопорядке действует единая логика пределов: Хартия Европейского союза об основных правах требует, чтобы всякое ограничение уважало сущностное содержание права, служило общему интересу Союза и отвечало критерию соразмерности; Европейская конвенция допускает вмешательство публичной власти лишь при условии законности, легитимной цели и необходимости в демократическом обществе.

Ключевым методологическим инструментом правообразного продвижения к общему благу является принцип соразмерности, восходящий к германской конституционной традиции и развёрнутый Федеральным конституционным судом Германии. Он выражается в трехступенчатом тесте пригодности, необходимости и соразмерности в узком смысле, направляющем уравнивание частной автономии и публичных целей без умаления сущности права. Внутри этой модели действует гарантия сущностного содержания основного права: даже при наличии легитимной цели границы допустимого ограничения не могут разрушать ядро соответствующей свободы. Российская конституционная юриспруденция имплементировала соразмерность как критерий регулирования прав и свобод и как тест конституционного нормоконтроля; соответствующие позиции системно воспроизводятся в актах Конституционного Суда [3, с. 91].

Категория общего блага проявляется и в институте собственности как многоуровневом праве с публично-правовыми пределами. В российском конституционном праве принудительное отчуждение имущества допускается лишь для государственных нужд при условии предварительного и равноценного возмещения, что выражает баланс индивидуальной имущественной сферы и публичного интереса. В Основном законе Германии прямо закреплено, что «собственность обязывает», её использование должно служить также благу общества, а экспроприация допустима только в целях общего блага с справедливым возмещением; тем самым «социальная связь» собственности институционально увязана с конституционной идеей общего блага. Сходные конструкции встречаются и в других правопорядках континентальной традиции: в Испании содержание права собственности ограничивается его социальной функцией, а в Италии частная хозяйственная инициатива недопустима, если противоречит общественной пользе – обе формулы репрезентируют прямое конституционное закрепление приоритета общезначимых целей.

В условиях усложнения регуляторной повестки реализация общего блага сталкивается с тремя группами рисков: концептуальной неопределённости цели (диффузность публичного интереса и опасность его инструментализации), коллизионности с основными правами, а также институционально-процедурных дефицитов (качество нормотворчества, участие граждан, судебный контроль). Европейский конституционный стандарт требует, чтобы любые ограничения прав осуществлялись «на основании закона», с уважением «существенного содержания» права и по критериям необходимости и соразмерности ради целей общего интереса, – это прямой императив статьи 52 Хартии основных прав Европейского союза и конвенционных тестов «необходимости в демократическом обществе».

Материализация общего блага в вещно-правовой сфере выражается в доктрине социальной функции собственности, согласно которой правомочия владения, пользования и распоряжения изначально миссионально соотносены с интересами сообщества и не признаются абсолютными. Основной закон ФРГ прямо связывает использование собственности с общественным благом («Eigentum verpflichtet»), подчёркивая её социальную обусловленность; при этом допускается отчуждение имущества ради публичного блага при обязательном справедливом возмещении, что отражает конституционно заданный баланс частной автономии и публичной цели. В параллельной логике статья 33 Конституции Испании прямо подчиняет пределы субъективного права собственности его социальной функции, фиксируя, что нормативное содержание этого права выводится из общественно значимых задач и не может реализовываться вопреки им. «Эти нормы, рассматриваемые в совокупности, задают чёткие нормативные «рамки усмотрения» законодателя и ориентиры для правоприменителя при неизбежном балансировании частных и публичных интересов. Позитивная формула общего блага как основы государственности зафиксирована и в статье 1 Конституции Польши («Республика

Польша является общим благом всех граждан»), что придаёт соответствующей категории самостоятельную конституционную валентность и институциональный вес в системе источников права» [4, с. 52].

Цифровая сфера выявляет новые пределы и механизмы обеспечения общего блага, переводя традиционные балансировочные подходы в плоскость данных и алгоритмических решений. Общий регламент по защите данных допускает обработку персональных данных «для выполнения задачи, осуществляемой в общественных интересах», однако только при наличии строгого правового основания, соблюдении принципа соразмерности и необходимого минимума вмешательства, что исключает любые чрезмерные посягательства на частную жизнь. Акт о цифровых услугах, опираясь на риск-ориентированную методологию, возлагает на очень крупные платформы обязанности по систематической оценке и смягчению системных рисков, включая угрозы устойчивости общественной дискуссии и обеспечению прав человека, требуя структурированного управления такими рисками и коррекции практик модерации. Регламент об искусственном интеллекте 2024 года закрепляет прямые запреты практик, несовместимых с достоинством и общим благом (социальный скоринг, манипулятивные техники, предиктивная полиция), а также вводит жёсткие ограждения вокруг биометрической идентификации в реальном времени, предусматривая повышенные условия допустимости и усиленные гарантии. В совокупности указанные механизмы институционализируют предварительную оценку воздействия на основные права как обязательную процедуру «экс анте»-баланса, направляя регулятора и оператора на профилактическое согласование технологических решений с требованиями общего блага ещё до их внедрения и массового применения.

Чрезвычайные режимы требуют тонкой «конституционной фильтрации» мер ради общего блага: статья 15 Конвенции допускает derogation при угрозе «жизни нации», но с негласным ядром прав; в национальном измерении это корреспондирует со статьями 55 (часть 3) и 56 Конституции Российской Федерации о допустимости и предельности ограничений, а также с установлением «социального государства» в статье 7. Здесь действует принцип правовой определённости, временной ограниченности и судебной проверяемости экстраординарных вмешательств.

«Экологическое измерение общего блага усиливается эволютивным толкованием судов и «климатической конституционализацией»: Регламент ЕС 2021/1119 задаёт траекторию климатической нейтральности, а решение Федерального конституционного суда Германии от 24.03.2021 выводит межпоколенческую пропорциональность из статьи 20a Основного закона, запрещая «перекладывание» несоразмерных бремен на будущие свободы. В 2024 году Большая палата Европейского суда по правам человека по делу KlimaSeniorinnen придала климатическим обязанностям статус требований по защите прав (в частности, частной жизни) перед лицом растущих рисков. Эти векторы подкрепляются договорным принципом предосторожности (статья 191 ДФЕС) и «процедурной экологией» Орхусской конвенции (информация, участие, правосудие)» [10, с. 139].

Социально-правовое содержание общего блага охватывает и «позитивные обязанности» государства: Европейская социальная хартия (статья 11) и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (статья 2 §1) предписывают прогрессивную реализацию прав «в пределах максимально доступных ресурсов» — это конституционализирует бюджетные приоритеты и требует прозрачной отчётности. Перспективно усиливается «внешнее измерение» общего блага через корпоративную должную осмотрительность: Директива (ЕС) 2024/1760 обязывает крупные компании предотвращать ущерб для прав человека и окружающей среды по всей цепочке создания стоимости, интегрируя цели устойчивого развития в частноправовые режимы.

Заключение. Таким образом, категория общего блага в правовом государстве выступает не риторическим лозунгом, а нормативно насыщенным регулятивом, который структурирует пределы публичной власти и ориентирует правоприменение на конституционно значимые цели. Теоретико-философская генеалогия — от телеологической традиции до процедурных концепций — показала, что устойчивость общего блага обеспечивается не субстанциальным монизмом, а институционализированным согласованием ценностей. В конституционно-правовом измерении эта категория материализуется через ограничительные оговорки, гарантию сущностного содержания прав, тест соразмерности и социальную функцию собственности, позволяя выстраивать контролепригодный баланс между автономией личности и публичными интересами.

Список литературы:

1. Андреев С.Н.; Полякова Т.В. Социальная функция собственности в российском праве: проблемы реализации // Журнал российского права. — 2023. — № 10. — С. 34–44.
2. Богомолов А. К. Принцип соразмерности в конституционном судопроизводстве: теоретические и практические аспекты // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2025. — № 2. — С. 21–30.
3. Варламов А. И.; Ковалёва Л. Ю. Публичный интерес и ограничения конституционных прав: сравнительно-правовой анализ // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2024. — Т. 17, № 1. — С. 77–92.
4. Гаврилов В.П.; Савельев А.А. Экологические права и межпоколенческая справедливость в конституционном праве // Экология и право. — 2025. — № 3. — С. 45–53.
5. Дьячков М. С. Баланс частных и публичных интересов при отчуждении имущества для государственных нужд // Закон. — 2022. — № 9. — С. 102–111.
6. Ефимова О. В.; Самойлова К. А. Цифровые платформы и принцип пропорциональности: опыт правового регулирования ЕС и РФ // Информационное право. — 2025. — № 1. — С. 5–14.
7. Жуков Р. Н. Конституционные основы чрезвычайных режимов: пределы derogation основных прав // Государство и право. — 2024. — № 6. — С. 59–68.
8. Зайцев Е.А.; Носова И. М. Институт предварительной оценки воздействия нормативных актов на права человека // Правоведение. — 2023. — № 4. — С. 98–110.
9. Иванов П.Д. Концепция res publica в польской конституционной модели: уроки для России // Сравнительное конституционное обозрение. — 2025. — № 2. — С. 120–129.
10. Кузнецов О. К. Общий интерес и собственность: германские уроки для российской модели собственности // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2024. — № 7. — С. 138–148.

References:

1. Andreev S. N.; Polyakova T. V. The Social Function of Property in Russian Law: Problems of Implementation // Journal of Russian Law. — 2023. — No. 10. — Pp. 34–44.
2. Bogomolov A. K. The Principle of Proportionality in Constitutional Proceedings: Theoretical and Practical Aspects // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. — 2025. — No. 2. — Pp. 21–30.
3. Varlamov A. I.; Kovaleva L. Y. Public interest and limitations of constitutional rights: a comparative legal analysis // Law. Journal of the Higher School of Economics. — 2024. — Vol. 17, No. 1. — pp. 77–92.
4. Gavrilov V. P.; Savelyev A. A. Environmental rights and intergenerational justice in constitutional law // Ecology and Law. — 2025. — No. 3. — Pp. 45–53.
5. Dyachkov M. S. The Balance of Private and Public Interests in the Expropriation of Property for State Needs // Law. — 2022. — No. 9. — Pp. 102–111.
6. Efimova O. V.; Samoilova K. A. Digital Platforms and the Principle of Proportionality: Experience of Legal Regulation in the EU and the Russian Federation // Information Law. — 2025. — No. 1. — Pp. 5–14.
7. Zhukov R. N. Constitutional Foundations of Extraordinary Regimes: Limits of Derogation of Fundamental Rights // State and Law. — 2024. — No. 6. — Pp. 59–68.
8. Zaitsev E. A.; Nosova I. M. The Institute of Pre-Assessment of the Impact of Normative Acts on Human Rights // Jurisprudence. — 2023. — No. 4. — Pp. 98–110.
9. Ivanov P. D. The Concept of Res Publica in the Polish Constitutional Model: Lessons for Russia // Comparative Constitutional Review. — 2025. — No. 2. — Pp. 120–129.
10. Kuznetsov O.K. Common Interest and Property: German Lessons for the Russian Model of Property // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2024. No. 7. P. 138–148.

«НАКАЗ» ЕКАТЕРИНЫ II И ПОПЫТКА СИНТЕЗА ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ С ТРАДИЦИОННЫМИ ЦЕННОСТЯМИ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ CATHERINE II'S «MANDATE» AND AN ATTEMPT TO SYNTHESIZE THE EUROPEAN ENLIGHTENMENT WITH THE TRADITIONAL VALUES OF THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

КУЗЬМЕНКО Валентина Игоревна,

кандидат юридических наук, доцент,
и.о. заведующего кафедрой теории, истории государства и права, социально-экономических дисциплин, доцент
Казанского института (филиала) Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России).
420126, Россия, Республика Татарстан, городской округ город Казань, г. Казань, ул. Фатыха Амирхана, зд. 14.
E-mail: kuzmenko_valya@mail.ru;

KUZ'MENKO Valentina Igorevna,

Kazan branch, All-Russian State University of Justice, candidate of law, associate professor,
acting head of the department of theory, history of state and law, and socio-economic disciplines, associate professor.
420126, Republic of Tatarstan, Kazan city district, Kazan, Fatykh Amirkhan str., zd. 14.
E-mail: kuzmenko_valya@mail.ru

Краткая аннотация. «Наказ» Екатерины II возник в контексте общеевропейского движения просвещенного абсолютизма XVIII века, когда монархи стремились соединить традиционные формы самодержавного правления с рациональными принципами государственного устройства, разработанными философами Просвещения. Научная новизна исследования состоит в комплексном анализе «Наказа» как попытки создания оригинальной теоретической модели правового государства, основанной на синтезе естественно-правовых принципов с традиционными формами российской государственности, через призму современных концепций правовой аккультурации и политической модернизации. Актуальность темы обусловлена тем, что екатерининский опыт предоставляет ценный исторический материал для понимания закономерностей процесса правовой модернизации в условиях цивилизационного и культурного разнообразия.

Abstract. Catherine II's «Mandate» arose in the context of the pan-European movement of enlightened absolutism of the 18th century, when monarchs sought to combine traditional forms of autocratic government with rational principles of government developed by Enlightenment philosophers. The scientific novelty of the research consists in a comprehensive analysis of the «Mandate» as an attempt to create an original theoretical model of a rule-of-law state based on the synthesis of natural law principles with traditional forms of Russian statehood, through the prism of modern concepts of legal acculturation and political modernization. The relevance of the topic is due to the fact that Catherine's experience provides valuable historical material for understanding the patterns of the process of legal modernization in the context of civilizational and cultural diversity.

Ключевые слова: «Наказ» Екатерины II, традиционные ценности, российская правовая система, политическая модернизация, аккультурация, рецепция права.

Key words: The «mandate» of Catherine II, traditional values, the Russian legal system, political modernization, acculturation, reception of law.

Для цитирования: Кузьменко В.И. «Наказ» Екатерины II и попытка синтеза европейского просвещения с традиционными ценностями российской правовой системы // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 59-61. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_59.

For citation: Kuz'Menko V.I. Catherine II's «mandate» and an attempt to synthesize the European enlightenment with the traditional values of the Russian legal system // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 59-61. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_59.

Статья поступила в редакцию: 17.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Проблема соотношения универсальных правовых принципов и национальных политико-правовых традиций остается одной из центральных в современной юридической науке, особенно в контексте процессов правовой модернизации и рецепции зарубежного права. Историческим прецедентом такого синтеза стал «Наказ» императрицы Екатерины II 1767 года, представляющий собой уникальную попытку органичного соединения идей европейского Просвещения с российскими государственно-правовыми традициями в рамках концепции просвещенного абсолютизма. Научная проблема данного исследования заключается в выявлении механизмов адаптации просветительских идей к российской политико-правовой реальности XVIII века и анализе причин неполной реализации этого синтеза в практике государственного строительства.

Императрица, получившая образование под влиянием идей французских и немецких просветителей, поставила перед собой амбициозную задачу создания теоретических основ для правовой системы, которая учитывала бы как универсальные принципы естественного права, так и специфические условия Российской империи. Как отмечает в своем фундаментальном исследовании «Екатерина II и ее время» историк А.Б. Каменский, императрица стремилась «создать такую систему законодательства, которая соответствовала бы духу времени, но не разрушала исторически сложившихся основ российской государственности»[1].

Центральной идеей «Наказа» стала концепция естественного равенства людей перед законом, заимствованная из трудов просветителей. В статье 34 документа императрица прямо заявляла: «Все люди равны, и равенство сие состоит в том, что все мы подвержены тем же законам естественным». Однако эта универсальная идея была существенно модифицирована применительно к российским условиям. Екатерина не отказывалась от сословного строя, но стремилась его рационализировать, четко определив права и обязанности каждого сословия в рамках общего правового порядка. Такой подход отражал влияние теории «естественной аристократии» Вольтера, с которым императрица активно перепиывалась.

Особенно значительным было влияние Шарля Луи Монтескье на формирование правовой концепции «Наказа». Из «Духа законов»

Екатерина заимствовала фундаментальную идею о том, что законы должны соответствовать климату, географическому положению, образу жизни и традициям народа. Согласно исследованию В.А. Томсинова [2], императрица буквально переписывала целые пассажи из Монтескье, но при этом существенно адаптировала их к российским реалиям. Это позволило ей теоретически обосновать сохранение самодержавия как формы правления, наиболее соответствующей «обширности российских земель» и характеру русского народа. В статье 9 «Наказа» утверждается: «Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть, не может действовать сходно с пространством толь великого государства».

Революционными для российской правовой традиции стали заимствованные у Чезаре Беккариа принципы гуманизации уголовного права. В «Наказе» содержались положения о том, что «никто не может быть назван виноватым прежде приговора судебного» и о недопустимости пыток как средства получения доказательств. Статья 194 прямо провозглашала: «Употребление пытки противно здравому естественному рассуждению». Эти принципы представляли радикальный разрыв с традиционной российской судебной практикой, основанной на Соборном уложении 1649 года и широком применении розыскного процесса. Как показывает анализ Н.П. Ерошкина [3] подобные идеи встретили серьезное сопротивление со стороны традиционно настроенной части русского дворянства и чиновничества.

Наиболее сложной теоретической задачей стало согласование просветительской концепции естественных прав человека с русской традицией служения государству как высшей ценности. Екатерина попыталась решить эту проблему через разработку оригинальной концепции «общего блага», которое становилось высшим критерием справедливости законов и действий государственной власти. В статье 13 «Наказа» утверждается: «Цель всякого правления - общее всех благополучие». При этом императрица подчеркивала, что достижение общего блага требует не уничтожения социальной иерархии, а справедливого распределения прав и обязанностей между различными группами населения в соответствии с их способностью служить государству и обществу.

Детальный анализ текста «Наказа» показывает, что Екатерина столкнулась с фундаментальным теоретическим противоречием между индивидуалистической философией Просвещения и коллективистскими ценностями русского общества. Просветители, начиная с Джона Локка, исходили из приоритета индивидуальных прав и свобод как основы легитимности государственной власти, в то время как русская политическая традиция основывалась на идее служения личности государству и обществу как высшему нравственному долгу. Попытка преодолеть это противоречие привела к созданию оригинальной концепции «просвещенного патернализма», при которой государство берет на себя ответственность за благосостояние и духовное развитие подданных, но при этом требует от них безусловного повиновения и готовности к самопожертвованию ради общего блага.

Согласно исследованию И.А. Исаева [4] «Наказ» представлял собой попытку создания правовой системы, основанной на принципе «разумного эгоизма» монарха, который, преследуя собственные долгосрочные интересы в укреплении и процветании государства, одновременно способствует общему благу всех подданных. Эта концепция отражала значительное влияние идей немецкой камералистики - науки государственного управления, развивавшейся в германских землях XVIII века и также оказавшей воздействие на формирование екатерининской модели просвещенного абсолютизма.

Практическая реализация теоретических принципов «Наказа» в работе Уложенной комиссии 1767-1768 годов выявила глубокие противоречия между просветительскими идеалами и социальной реальностью русского общества. Представители различных сословий в своих наказах выражали взгляды и требования, часто прямо противоречащие духу просветительских идей о естественном равенстве и общем благе. Дворянство настаивало на расширении своих привилегий и усилении контроля над крепостными крестьянами, купечество требовало исключительных торговых привилегий и ограничения конкуренции, а казачество отстаивало свои традиционные вольности и автономию. Эти социальные противоречия делали практически невозможной реализацию теоретической модели правового государства, основанного на принципах справедливости и равенства перед законом.

Особенно острой и неразрешимой оказалась проблема крепостного права, которая стала главным камнем преткновения для екатерининской попытки синтеза просветительских и русских традиционных ценностей. Идеи Просвещения о естественной свободе и неотчуждаемых правах человека вступали в непримиримое противоречие с институтом крепостничества, составлявшим основу русской аграрной экономики и социальной структуры. Екатерина попыталась найти теоретический компромисс, включив в «Наказ» туманные формулировки о том, что «рабское состояние» противоречит естественному праву, но при этом тщательно избегая прямых призывов к отмене крепостного права. В статье 250 документа осторожно утверждается: «Не может быть в мире ни одной вещи, которая бы могла оправдать введение рабства», однако конкретных механизмов преодоления этого социального зла не предлагается. Как показывает анализ М.М. Сафонова «Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII-XIX веков» [5], эта принципиальная половинчатость стала одной из главных причин неудачи работы Уложенной комиссии и невозможности создания нового свода законов.

Международный контекст также играл важную роль в формировании и эволюции концепции «Наказа». Екатерина рассматривала этот документ не только как внутрисполитический инструмент, но и как средство культурной дипломатии, призванное продемонстрировать европейским философам и политическим деятелям, что Россия способна стать полноправным участником просветительского движения, не отказываясь при этом от своих исторических и культурных традиций.

Переписка императрицы с Вольтером, Дени Дидро и другими просветителями, проанализированная в работе А.М. Скабичевского «Очерки истории русской цензуры» [6], показывает, что она стремилась получить одобрение своих теоретических построений от признанных авторитетов европейской философской мысли, что должно было повысить международный престиж России как европейской державы.

Теоретическое и историческое значение «Наказа» выходит далеко за рамки его непосредственного практического применения в XVIII веке. Документ представляет собой одну из первых в мировой политико-правовой мысли попыток создания синтетической правовой теории, которая органично объединила бы универсальные принципы естественного права с партикулярными условиями и традициями конкретного национального государства. В этом отношении екатерининский теоретический эксперимент предвосхитил многие идеи исторической школы права XIX века, представленной такими мыслителями, как Фридрих Карл фон Савиньи и Георг Фридрих Пухта, которые также подчеркивали первостепенную важность национальных традиций и «народного духа» в формировании правовых систем.

Анализ «Наказа» с позиций современной теории государства и права позволяет выявить его значительную роль в становлении концепции правового государства в российской политико-правовой традиции. Хотя сам термин «правовое государство» появился в немецкой юридической литературе лишь в начале XIX века, многие положения екатерининского документа содержали ключевые элементы правовой государственности: принцип верховенства закона над произволом должностных лиц, идею разделения властей в ограниченной форме, гарантии основных прав подданных, требование соответствия позитивного права принципам справедливости и естественного права. Однако эти прогрессивные элементы были встроены в рамки абсолютистской политической системы, что создавало глубокие внутренние противоречия, которые так и не были окончательно разрешены в рамках екатерининской модели просвещенного абсолютизма.

Проведенный анализ показывает, что попытка синтеза европейского Просвещения с российскими традиционными ценностями в «Наказе» Екатерины II представляла собой амбициозный, но в конечном счете неосуществимый исторический проект. Императрица стремилась создать оригинальную модель просвещенного абсолютизма, которая сочетала бы рациональные принципы правового государства с исторически сложившимися формами социально-политической организации российского общества. Основные противоречия этого синтеза проявились в нескольких ключевых областях: индивидуалистическая философия Просвещения плохо согласовывалась с коллективистскими ценностями российского общества, принципы естественного равенства вступали в конфликт с сословной структурой и институтом крепостного права, а идея народного суверенитета не могла быть органично интегрирована в систему самодержавного правления.

Тем не менее, «Наказ» сыграл важную роль в развитии российской правовой системы, впервые сформулировав на государственном уровне принципы гуманизации права и рационализации государственного управления, подготовив тем самым теоретическую почву для более радикальных правовых реформ XIX века. Опыт екатерининского синтеза остается актуальным для понимания закономерностей правовой модернизации в условиях культурного и цивилизационного разнообразия, показывая, что механический перенос правовых институтов из одной культурной среды в другую неизбежно ведет к их существенной трансформации и адаптации к местным условиям.

Список литературы:

1. Каменский А.Б. Екатерина II / А.Б. Каменский // Вопросы истории. – 1999. – № 3. – С. 51-68.
2. Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии: Учебное пособие. Издание второе, дополненное. М.: Зерцало-М, 2012. – С. 100.
3. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М.: Высшая школа, 1983. – С. 100.
4. Исаев И.А. История государства и права России. – М.: Юрист, 2004. – С. 344.
5. Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII - XIX веков, - Л : Наука. – 1988. – С. 45.
6. Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры. – СПб., 1892. – С. 67.

References:

1. Kamensky A.B. Catherine II / A.B. Kamensky // Questions of history. 1999. No. 3. pp. 51-68.
2. Tomsinov V.A. Legal education and jurisprudence in Russia in the XVIII century: A textbook. Second edition, expanded. Moscow: Zertsalo-M, 2012. – p. 100.
3. Eroshkin N.P. History of state institutions of pre-revolutionary Russia. – M.: Higher School, 1983. - P. 100.
4. Isaev I.A. History of the state and law of Russia. – M.: Lawyer, 2004. – P. 344.
5. Safonov M.M. The problem of reforms in the government policy of Russia at the turn of the XVIII - XIX centuries, - L : Nauka. - 1988. – p. 45.
6. Skabichevsky A.M. Essays on the history of Russian censorship. – St. Petersburg, 1892. – p. 67.

ПРАВОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИСКАЖЕНИЮ И ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ: ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ LEGAL INSTRUMENTS FOR COUNTERING DISTORTION AND FALSIFICATION OF HISTORY: CONTROVERSIAL ASPECTS

БИДОВА Бэла Бертовна,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права
ГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова»,
профессор кафедры истории, права и общественных дисциплин филиала
ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» в г. Ессентуки,
профессор кафедры правовых дисциплин филиала
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» в г. Пятигорске Ставропольского края.
357656, Россия, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Долина Роз, 7.
E-mail: bela_007@bk.ru;

БОНДАРЬ Ирина Алексеевна,

доктор исторических наук, профессор кафедры истории, права и общественных дисциплин филиала
ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» в г. Ессентуки.
357656, Россия, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Долина Роз, 7.
E-mail: liudm.sergiencko@yandex.ru;

УРУСОВ Замир Хасанович,

кандидат педагогических наук, подполковник полиции, доцент кафедры огневой подготовки
Северо-Кавказский Институт повышения квалификации филиал Краснодарского университета МВД России, (СКИ(Ф) КрУ МВД России).
360016, Россия, г. Нальчик ул. Мальбахова, 123.
E-mail: mail@law-books.ru;

BIDOVA Bela Bertovna,

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Professor of the Department of History, Law and Social Sciences of the Branch
Stavropol State Pedagogical Institute in Yessentuki, Professor of the Department of Legal Disciplines of the branch
Plekhanov Russian University of Economics in Pyatigorsk, Stavropol Territory.
7 Dolina Rozova str., Yessentuki, Stavropol Territory, 357656, Russia.
E-mail: bela_007@bk.ru;

BONDAR Irina Alekseevna,

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History, Law and Social Sciences of the Branch
Stavropol State Pedagogical Institute in Yessentuki.
7 Dolina Rozova str., Yessentuki, Stavropol Territory, 357656, Russia.
E-mail: liudm.sergiencko@yandex.ru ;

URUSOV Zamir Khasanovich,

Candidate of Pedagogical Sciences, Police Lieutenant Colonel, Associate Professor of the Department of Fire Training
North Caucasus Institute of Advanced Training branch
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, (SKI(f) KrU of the Ministry of Internal Affairs of Russia).
123 Malbakhova str., Nalchik, 360016, Russia.
E-mail: mail@law-books.ru

Краткая аннотация: законодательная база современной России отражает намерение защитить историческое наследие граждан. Однако введенные юридические ограничения потенциально способны привести к непредвиденным последствиям. Обе тенденции имеют шансы на реализацию. Исследование нацелено на юридический анализ государственных законодательных инициатив по борьбе с искажением истории. В качестве предмета изучения выступают взаимоотношения в области нормативно-правового противостояния искажению исторических данных. Объектом нашего анализа выступает соотношение защитных механизмов исторической памяти с конституционными правами и свободами граждан РФ. Исследование базируется на юридическом разборе российского законодательства, ориентированного на противодействие искажению исторических фактов. Методологическая база включает компаративный анализ правовых документов, а также применение исторического подхода и ретроспективной оценки при рассмотрении как прошлых, так и современных событий. В ходе анализа российских правовых стандартов применяются критическая методология и междисциплинарный подход. Исследование опирается на мнения специалистов гуманитарного профиля. Временной диапазон охватывает период от создания РФ до современности, с акцентом на тенденции последнего десятилетия.

Abstract: the legislative framework of modern Russia reflects the intention to protect the historical heritage of citizens. However, the legal restrictions imposed have the potential to lead to unforeseen consequences. Both trends have a chance to be implemented. The research is aimed at a legal analysis of state legislative initiatives to combat historical distortion. The subject of the study is the relationship in the field of regulatory and legal opposition to the distortion of historical data. The object of our analysis is the correlation of the protective mechanisms of historical memory with the constitutional rights and freedoms of citizens of the Russian Federation. The research is based on a legal analysis of Russian legislation aimed at countering the distortion of historical facts. The methodological framework includes a comparative analysis of legal documents, as well as the use of a historical approach and a retrospective assessment when considering both past and modern events. The analysis of Russian legal standards uses a critical methodology and an interdisciplinary approach. The research is based on the opinions of humanitarian specialists. The time range covers the period from the creation of the Russian Federation to the present, with an emphasis on the trends of the last decade.

Ключевые слова: искажение истории, фальсификация, нормативная база, правовые санкции, историческая память. традиции, преемственность.

Keywords: distortion of history, falsification, regulatory framework, legal sanctions, historical memory. traditions, continuity.

Для цитирования: Бидова Б.Б., Бондарь И.А., Урусов З.Х. Правовые инструменты противодействия искажению и фальсификации истории: дискуссионные аспекты // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 62-64. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_62.

For citation: Bidova B.B., Bondar I.A., Urusov Z.Kh.

Legal instruments for countering distortion and falsification of history: controversial aspects // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 62-64. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_62.

Статья поступила в редакцию: 23.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Вопрос противостояния историческим искажениям приобрел беспрецедентную значимость в наши дни. Усиление идеологического противостояния на международной арене и внутри страны сопровождается взаимными упреками в предвзятой интерпретации исторических событий и личностей, а порой и в умышленном искажении фактов. Борьба с искажением исторических событий рассматривается властными структурами и академическими кругами как важнейший элемент сохранения государственной независимости и культурной идентичности. Безусловно, необходимо противостоять явным попыткам деформации исторической действительности. Однако не менее существенно проявлять осмотрительность в применении административных и юридических механизмов воздействия на процесс формирования у российских граждан представлений о своём историческом наследии. Противодействие искажению исторических фактов не должно ограничивать свободу интерпретации минувших событий. Следовательно, анализируя актуальность новых административных и правовых инициатив, важно подчеркнуть их двойственный потенциал: они способны как укрепить, так и подорвать историческое самоопределение россиян.

История страны часто рассматривается как ключевой фактор её будущего развития, будь то в благоприятном или неблагоприятном направлении. Российские власти, воспринимая искажение исторических фактов как вызов национальному самосознанию, внедряют юридические санкции и административные ограничения, декларируемые как защита исторической правды. Однако возникает дилемма: жёсткость таких мер потенциально противоречит фундаментальному праву граждан на формирование и высказывание собственной точки зрения, включая профессиональную свободу историков интерпретировать события прошлого по-своему.

История представляет собой непрерывное созидание духовных и материальных ценностей выдающимися личностями. Наша роль заключается в обеспечении преемственности этого культурного наследия для будущих поколений. Профессионалы в данной области размышляют над тем, насколько эффективны государственные меры по охране культурных памятников, какова финансовая поддержка консервационных работ и какие методологические подходы применяются для их реализации [1, с. 93].

Интерпретирование исторических событий несомненно выступает мощным инструментом политического манипулирования, средством влияния на коллективное сознание и механизмом контроля социальных процессов. Таким образом, манипуляции с историческими фактами можно считать спланированной стратегией и составляющей информационной борьбы между разными общественными силами или национальными образованиями.

Как неоднократно наблюдалось, перспективы развития нации тесно увязываются с её историческим наследием. Воспринимая исторические искажения как вызов культурно-исторической самобытности, власти России применяют правовые санкции и регуляторные механизмы, которые позиционируются как защитные меры против исторических фальсификаций.

Существует противоречие между жесткими ограничительными мерами и фундаментальным правом личности на формирование и выражение собственного мнения, включая профессиональную свободу историков интерпретировать прошлое по-своему [2, с. 23].

История представляет собой непрерывный процесс создания духовных и материальных ценностей выдающимися деятелями. Наша ответственность заключается в обеспечении сохранности этих культурных достижений для будущих поколений. Эксперты анализируют эффективность государственной поддержки в сфере охраны исторического наследия, изучая финансирование и методологию консервационных работ.

Конституция РФ, обладающая верховным правовым статусом и действующая повсеместно в нашей стране, служит фундаментом для данной деятельности. Особого внимания заслуживают изменения, внесенные в Основной закон в 2020 году. В частности, пункты 2 и 3 статьи 67.1 устанавливают связь между сохранением памяти о предшественниках и религиозными ценностями, а также возлагают на государство обязанность охранять историческую достоверность и противодействовать принижению значимости народного героизма в защите Родины [3].

Понятны мотивы законодательной инициативы. В современный период мы неоднократно наблюдали явное неуважение к священным символам коллективной исторической памяти. Подобные действия, несомненно, наносят вред обществу. Вандализм в отношении мемориалов воинам Великой Отечественной, уклонение от воинской обязанности, желание эмигрировать из страны, распространение идей пацифизма и неонацизма среди молодого поколения - всё это негативные последствия опасных тенденций, поддерживаемых медиа и определёнными учебными материалами, направленными на умаление значения вклада народа в победу над нацизмом, искажение военной истории и дискредитацию её героев [4, с. 139].

Чтобы осмыслить юридическое новшество, представленное в Конституции термином "историческая правда", важно рассмотреть мнения экспертов. Профессор юриспруденции П. А. Астафичев считает обоснованным включение понятия "правда" в юридический лексикон. По его словам, "правда" эквивалентна "праву" (в объективном понимании) и "справедливости". К этим идеалам необходимо стремиться, и иногда возможно не только приблизиться к ним, но и временно достичь определенного уровня их воплощения" [5, с. 6].

Возникает вопрос: может ли защита "исторической истины", упомянутой в Конституции, стать инструментом подавления альтернативных взглядов на прошлое, не совпадающих с государственной интерпретацией? Такая ситуация вступает в конфликт со статьей 29 Конституции, обеспечивающей свободу выражения мыслей, информационную независимость и отсутствие цензуры. Учитывая это противоречие, ряд специалистов критически относится к самой концепции "исторической истины". Например, А.Л. Бредихин подчеркивает, что историческое исследование по своей природе подразумевает множественность интерпретаций и оценок. С его точки зрения, достижение полной исторической истины принципиально невозможно [6, с. 103].

К сожалению, отсутствуют эффективные механизмы, предотвращающие использование государством исторической политики в качестве инструмента самооправдания и подавления оппозиционных взглядов. Современные российские власти, влияя на историческое сознание, действуют схожим образом с советским руководством, которое стремилось подчинить историографию задачам построения конкретной политико-экономической системы [7, с. 112]. Российский историк-специалист по современной истории В. К. Криворученко сравнивает "Комиссию по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб России" (функционировавшую 2009-2012 гг. по указу президента Медведева) с подобными явлениями. Несмотря на это сравнение, исследователь подчеркивает важность данного органа и указывает на повсеместную тенденцию пе-

реценки исторических фактов в странах бывшего СССР [8, с.128].

В 2021 году была сформирована новая межведомственная структура – "Комиссия по историческому просвещению", чьи функции включают противодействие искажению исторических данных [9]. Таким образом, упомянутые обвинения в попытках контролировать трактовку истории могут быть применимы и к этому недавно созданному органу.

Усиление государственного контроля в данной области подтверждается недавними поправками в Кодекс об административных правонарушениях и Уголовный кодекс Российской Федерации. Эти изменения устанавливают санкции за публичное оскорбление памяти тех, кто защищал Родину, а также за умаление чести и достоинства участников Великой Отечественной войны. Хотя данные законодательные нововведения появились недавно, они дополняют уже существующий комплекс защитных мер, направленных на регулирование процессов формирования исторического сознания российских граждан. Анализируя эти меры в совокупности, можно заключить, что государство активизирует противодействие искажению исторических фактов. Но, несмотря на активную политику государства, направленную на сохранение исторической памяти народов РФ о событиях Великой Отечественной войны, некоторые вопросы не проработаны законодателем детально. К примеру, нормативно не закреплены наиболее важные дефиниции, такие как: «фальсификация истории», «нацизм», «историческая память» и др. Также дискуссионным является вопрос о необходимости включения в перечень деяний экстремистской направленности вышеуказанных норм [10, с.63].

Анализируя общее воздействие, заметно укрепление мер против искажения исторических фактов. Тем не менее, сегодня наблюдается тенденция, когда определенные круги захватывают исключительное право интерпретировать исторические события, что открывает путь к официальной фальсификации на уровне государства. Подобные прецеденты неоднократно случались в российской истории. Сохраняется риск того, что законы, призванные защищать историческую правду, могут быть использованы для подавления альтернативных мнений и искажения исторических реалий.

В современной реальности наблюдается монополизация определенными кругами права интерпретировать исторические события, что открывает путь для искажения прошлого на официальном уровне. Подобные прецеденты уже случались в российской истории [11, с.63]. Сохраняется риск того, что законы, призванные защищать историю, могут быть использованы для подавления альтернативных точек зрения и нарушения исторической правды. Однозначно можно говорить о том, что и государство, и научное сообщество сходятся во мнении, что борьба с искажением истории является критически важной для сохранения независимости страны и национального самосознания [12, с.109].

Необходимо признать важность противодействия явному искажению исторических данных. Однако не менее значимо, чтобы государство и общество проявляли осмотрительность в применении административно-правовых инструментов, влияющих на историческое образование россиян. Противодействие историческим подделкам не должно перерасти в преследование за свободную интерпретацию прошедших событий. Анализируя актуальность новых организационных и законодательных мер, важно подчеркнуть их двойственный потенциал – они способны как укрепить, так и подорвать историческое самосознание граждан России.

Список литературы:

1. Фёдоров В. В. Гарантия существования государства – сохранение исторической памяти (Интервью с генеральным директором Российской государственной библиотеки Виктором Васильевичем Фёдоровым. Интервью вел В. Перевалов) // Государственная служба. 2009. № 2 (58). С. 92-97.
2. Лушин А.Н. Фальсификация истории: теоретический подход к проблеме (на примере России) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. №23. С. 21-25.
3. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020]. Доступно по: www.pravo.gov.ru
4. Лещев Е.Н., Харитонов Н.Ф. Фальсификация истории как угроза национальной безопасности России: политический аспект // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. №6. С. 132-142.
5. Астафичев П. А. Обеспечение защиты исторической правды как новый принцип в конституционном праве современной России // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 4. С. 5-11.
6. Бредихин А. Л. Правовая регламентация борьбы с фальсификацией истории России // Экономика. Социология. Право. 2020. №4 (20). С. 101-105.
7. Ливцов В. А., Пожидаев А. С. Проблема фальсификации истории в контексте реализации государственной политики сохранения историко-культурного наследия // Вестник ПАГС. 2017. №5. С. 108-115.
8. Криворученко В. К. Борьба с фальсификацией истории на постсоветском пространстве: история или политика? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: история России. 2012. № 4. С. 121-130.
9. Указ Президента РФ от 30 июля 2021 г. № 442 «О Межведомственной комиссии по историческому просвещению» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2021 г. № 31. ст. 5896.
10. Шевелева К. В., Честнов Н. Е. О противодействии фальсификации истории Великой Отечественной войны: правовой аспект // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. №3 (34). С. 58-63.
11. Раттур М. В. О формировании правовых основ мемориальной политики в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. №2. С. 263-272.
12. Попов В. В. Защита демократического государства и противодействие фальсификации истории: некоторые проблемы // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2023. №. С. 104-110

References:

1. Fedorov V. V. The guarantee of the existence of the state is the preservation of historical memory (Interview with Viktor Vasilyevich Fedorov, Director General of the Russian State Library. The interview was conducted by V. Perevalov) // Civil Service. 2009. No. 2 (58). pp. 92-97.
2. Lushin A.N. Falsification of history: a theoretical approach to the problem (on the example of Russia) // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 23. pp. 21-25.
3. The Constitution of the Russian Federation [adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020]. Available by: www.pravo.gov.ru
4. Leshchev E.N., Kharitonov N.F. Falsification of history as a threat to Russia's national security: a political aspect // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2016. No. 6. pp. 132-142.
5. Astafichev P.A. Ensuring the protection of historical truth as a new principle in the constitutional law of modern Russia // Law-application. 2020. Vol. 4. No. 4. pp. 5-11.
6. Bredikhin A. L. Legal regulation of the fight against falsification of the history of Russia // Economy. Sociology. Right. 2020. No. 4 (20). pp. 101-105.
7. Livtsov V. A., Pozhidaev A. S. The problem of falsification of history in the context of the implementation of the state policy of preserving historical and cultural heritage // Bulletin of PAGS. 2017. No. 5. pp. 108-115.
8. Krivoruchenko V. K. The fight against the falsification of history in the post-Soviet space: history or politics? // Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Series: the history of Russia. 2012. No. 4. pp. 121-130.
9. Decree of the President of the Russian Federation dated July 30, 2021 No. 442 "On the Interdepartmental Commission for Historical Education" // Collection of Legislation of the Russian Federation dated 2021 No. 31, art. 5896.
10. Sheveleva K. V., Chestnov N. E. On Countering the falsification of the History of the Great Patriotic War: a legal aspect // Law enforcement: history, theory, practice. 2022. No. 3 (34). pp. 58-63.
11. Rattur M. V. On the formation of the legal foundations of memorial policy in the Russian Federation // Legal policy and legal life. 2025. No. 2. pp. 263-272.
12. Popov V. V. Protection of a democratic state and countering the falsification of history: some problems // Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan. 2023. no. pp. 104-110.

ЗНАЧЕНИЕ КОДИФИКАЦИИ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА THE IMPORTANCE OF CODIFICATION IN THE DEVELOPMENT OF THE MODERN SYSTEM OF RUSSIAN LEGISLATION

ОВИННИКОВ Вадим Александрович,

аспирант кафедры теории и истории государства и права
Института государственного права и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет».
664003, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.
E-mail: ovinnikov@inbox.ru;

OVINNIKOV Vadim Alexandrovich,

postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law
of the Institute of State Law and National Security Baikal State University.
664003, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, Lenin str., 11.
E-mail: ovinnikov@inbox.ru

Краткая аннотация: В данной статье рассматриваются проблемы кодификации российского законодательства, от которого зависит современное состояние системы российского законодательства, в связи с чем кодификация рассматривается как одно из основных направлений совершенствования законодательства по созданию, изменению и отмене нормативно-правовых актов. Целью исследования является формирование авторского представления о значении кодификации в развитии современной системы российского законодательства, отражающего основные проблемы и перспективные направления проведения кодификации на новом более качественном уровне. Методологической основой исследования послужило использование формально – логического метода, формально - юридического метода, сравнительно - правового анализа. В результате проведенного исследования сформировано авторское представление о проводимой кодификации российского законодательства, выявлены как негативные, так и положительные тенденции, так и наиболее перспективные направления совершенствования российского законодательства, показаны особенности кодификации российского законодательства, предложены пути повышения качества проводимой кодификации российского законодательства. Автор исследования пришел к выводу, что решение проблем кодификации возможно за счет регулярного обзора действующего законодательства и совершенствования юридической техники, т.к. появление новых правовых образований (комплексных институтов права, комплексных подотраслей права, комплексных отраслей права, комплексных отраслей законодательства) подчеркивает возрастающее значение комплексной (межотраслевой) кодификации в условиях наличия тенденции «комплексности» отраслей права и законодательства к интеграции правового регулирования общественных отношений.

Abstract: This article examines the problems of codification of Russian legislation, which affects the current state of the Russian legislative system, and therefore codification is considered one of the main areas for improving legislation on the creation, amendment, and repeal of regulatory legal acts. The purpose of the study is to form the author's understanding of the importance of codification in the development of the modern system of Russian legislation, reflecting the main problems and promising directions for conducting codification at a new, more qualitative level. The methodological basis of the study was the use of the formal-logical method, the formal-legal method, and comparative legal analysis. As a result of the study, the author's understanding of the ongoing codification of Russian legislation was formed, both negative and positive trends, as well as the most promising areas for improving Russian legislation, were identified, the features of the codification of Russian legislation were shown, and ways to improve the quality of the ongoing codification of Russian legislation were proposed. The author of the study came to the conclusion that the solution to codification problems is possible through a regular review of current legislation and improvement of legal technique, since The emergence of new legal entities (complex legal institutions, complex sub-branches of law, complex branches of law, complex branches of legislation) emphasizes the growing importance of complex (inter-branch) codification in the context of the presence of a tendency towards the "complexity" of branches of law and legislation towards the integration of legal regulation of social relations.

Ключевые слова: общественные отношения, отрасль права, отрасль законодательства, комплексная отрасль права, комплексная отрасль законодательства, комплексные правовые образования, кодификация законодательства, систематизация законодательства, кодекс.

Keywords: public relations, branch of law, branch of legislation, complex branch of law, complex branch of legislation, complex legal formations, codification of legislation, systematization of legislation, code.

Для цитирования: Овинников В.А. Значение кодификации в развитии современной системы Российского законодательства // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 65-70. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_65.

For citation: Ovinnikov V.A. The importance of codification in the development of the modern system of Russian legislation // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 65-70. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_65.

Статья поступила в редакцию: 26.06.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Актуальность. Вопросы современного состояния российского законодательства является предметом обсуждения среди ученых, по утверждению которых проведение кодификации систематизирует законодательство, совершенствует его структуру, решает вопросы выявления противоречия, коллизии и пробелов норм права в законодательстве, подразделяя кодификацию на следующие ее виды: 1) общеправовая кодификация; 2) отраслевая кодификация; 3) межотраслевая кодификация; 4) институциональная кодификация; 5) автономная кодификация. Но, однако, вопросы определения соответствующей классификации видов кодификации имеют серьезное значение для развития современной системы законодательства, и в том числе закрепление понятия «кодификация», и ее видов на законодательном уровне. Поэтому для юридической науки важным этапом является раскрытие сущности и содержания понятия «кодификация», закрепление понятия «кодификация» на законодательном уровне, определение видов классификации, ее элементов, порядка проведения и основные этапы ее проведения, понятийный аппарат, юридическая техника. Очевидно, что правовая система нашей страны нуждается в признании комплексной отрасли права на законодательном уровне, поскольку она на современном этапе развития общественных отношений отвечает общественным потребностям. Остается только один важный вопрос перед учеными - исследователями определить место кодификации и роль (значение) кодификации в развитии современной системы российского законодательства, ее сущности и содержания для юридической науки и правоприменительной практики, в частности такой проблемой научного направления занимались российские ученые-правоведы Г.Ф. Шершеневич [21], Е.Н. Трубецкой [19], С.С. Алексеев [2], А.А. Петров [16], Д. А. Керимов [10], С. В. Липень [11], А.В. Сидорова [17], Т.В. Власова [4], И.В. Малышева [12], Д.А. Мишин [13], А.А. Клейменова [9], Ю.М. Горячковская [7] и др.

Целью исследования формирование авторского представления о значении кодификации в развитии современной системы российского законодательства, отражающего основные проблемы и перспективные направления проведения кодификации на новом более качественном уровне.

Методы исследования. Достоверность и обоснованность полученных результатов проведенного исследования обеспечивается теоретическим анализом научных публикаций и юридической литературы с использованием формально - логического метода, формально - юридического метода, сравнительно - правового анализа.

Результаты и обсуждение.

Современное состояние системы российского законодательства необходимо оценивать по тем преобразованиям, которые происходят в различных областях государственной, политической, общественной и экономической жизни государства, общества и человека в нашей стране, нуждающиеся в четкой регламентации и регулированию общественных (социальных, экономических, культурных, политических, экологических, демографических и др.) отношений. Поэтому возрастающее значение имеет совершенствование действующего законодательства, где закон выступает в качестве основного регулятора сложившихся и меняющихся общественных отношений. В последние пять лет, если говорить о состоянии российского законодательства, то необходимо отметить расширение сферы законодательного регулирования в связи с увеличением количества новых правовых образований (комплексных институтов права, комплексных подотраслей права, комплексных отраслей права, комплексных отраслей законодательства), требующих правовой регламентации, регулярного обновления всех сфер законодательства, корректировке походов к регулированию общественных отношений через публичные субъекты кодификации (Государственную Думу, Верховный Суд РФ, Конституционный Суд РФ, обладающих официальными полномочиями, а также уполномоченные должностные лица) и частные субъекты кодификации (граждане, юридические лица, общественные организации и т.д., при отсутствии полномочий, но имеющих право на законодательную инициативу), поскольку в результате их прямой или косвенной деятельности создаются, изменяются и отменяются нормативно-правовые акты [14].

Законодателем неоднократно принимались попытки разработать проект Федерального закона Российской Федерации «О нормативно-правовых актах в Российской Федерации», последний раз в 2021 году [15], в частности в котором содержался понятийный аппарат, раскрывающий сущность и содержание понятия «кодификация» и были установлены нормы, регламентирующие порядок оформления, юридическую технику, и требования к структуре создаваемых нормативно-правовых актов, но в итоге не был принят с учетом имеющихся в нем недостатков, поэтому на законодательном уровне не нашло свое закрепление понятие – дефиниция «кодификация». Но, однако, в соответствии с толковыми словарями под кодификацией понимается – «деятельность правотворческих органов государства по созданию нового, систематизированного нормативно-правового акта» [3], «пересмотр и сведение в единое систематизированное целое законов страны по отдельным областям права» [18, с. 437], «форма систематизации, которая заключается в качественной переработке действующих юридических норм, устранении несогласованностей и противоречий правового регулирования, заполнении пробелов и в отмене устаревших норм [23, с.176].

В дореволюционный период России известные ученые: Г.Ф. Шершеневич под термином «кодификация» понимал «процесс наполнения законодательства новым содержанием путем устранения пробелов» [21, с.420], а Е.Н. Трубецкой «обработку действующего права, которая не ограничивается приведением его в порядок, но вносит в него внутреннюю связь и единство» [19, с.126].

Современные российские ученые: Алексеев С.С. и др. рассматривают кодификацию «наиболее простым и распространенным способом систематизации законодательства» [2, с. 117]; А.А. Петров рассматривает кодификацию «как один из важнейших механизмов обеспечения системности и комплексности правового регулирования, повышая эффективность правового регулирования, формируя условия для упорядочения правовых норм» [16, с. 5]; Д. А. Керимов относил «кодификацию к высшему виду систематизации, т.к. она упорядочивает значительную часть уже существующего и действующего законодательства, как правило, его изменяя, дополняя и преобразуя» [10, с. 5]; С. В. Липень предлагает рассматривать «кодификацию как основную, главную, принципиальную часть, основную разновидность правотворчества, а не только форму систематизации законодательства» [11, с. 139].

При этом по мнению Т.В. Шатковской в российской доктрине происходит смешивание кодификации и законотворчества, что встает на пути расширения границ процесса кодификации в сферах подзаконного регулирования, «замедляя развитие техники кодификации и иных способов упорядочения нормативного массива» [20, с.45], а Л.Н. Гончарова подчеркивает, что «правосистематизирующая практика собирает, упорядочивает и, как следует из названия, систематизирует, разнообразные правовые акты» [6, с.79]. При этом кодификация - это наиболее сложная и совершенная форма систематизации законодательства, представляющая собой правотворческую строго регламентируемую деятельность публичных и частных субъектов кодификации по созданию, изменению и отмене норм права, комплексных норм права, институтов права, комплексных институтов права; подотраслей права, комплексных подотраслей права, отраслей права, комплексных отраслей права, отраслей законодательства, комплексных отраслей законодательства в виде нормативного – правового акта (конституции, основ законодательства, кодекса, устава, положения и т.д.)

Несмотря на то, что российской юридической науке известна сфера юридической деятельности где применяются кодификация, но имеются проблемные вопросы применения кодификации в создании, изменении и утрате силы нормативно-правовых актов, и связано это с появлением новых правовых образований (комплексных институтов права, комплексных подотраслей права, комплексных отраслей права, комплексных отраслей законодательства) подчеркивает возрастающее значение комплексной (межотраслевой) кодификации в условиях наличия тенденции «комплексности» отраслей права и законодательства к интеграции правового регулирования общественных отношений.

Появление новых правовых образований (комплексных институтов права, комплексных подотраслей права, комплексных отраслей права, комплексных отраслей законодательства) создает угрозу возникновения коллизионных норм права, противоречий между ними, их конкуренции (противостоянии) может привести к несогласованности, хаотичности, бессистемности при проведении кодификации законодательства, а

также трудностям в правоприменительной практике. Дублирование норм права, содержащихся в различных нормативно-правовых актах приводит к осложнению в регулировании смежных или однородных общественных отношений. Соответственно перед юридической наукой и правоприменительной практикой стоят задачи по решению существующих проблем упорядочения системы законодательства; созданию нового правового механизма законодательной техники; повышению уровня регулятивных возможностей методов правового регулирования, которые разрешаются в результате выработки новой концепции систематизации законодательства, проводимой в форме кодификации и по ее видам.

Сущность и назначение кодификации состоит в объединении и коренной переработке нормативного материала и действующих источников права и законодательства в целях обновления системы российского законодательства в конкретной отрасли, подотрасли или института права, либо в более сложном комплексном правовом образовании (комплексной отрасли, комплексной подотрасли, комплексного института или комплексной нормы права). Кодификация по ее основному назначению направлена на обеспечение единообразного регулирования общественных отношений в соответствующей сфере, унифицируя правовой режим регламентации, упрощая поиск норм права, подлежащих применению, тем самым приводит в порядок законодательство, систематизирует нормативный материал и тем самым исключает коллизионность, задвоенность, пробельность норм права.

Основной задачей кодификации по нашему мнению на современном этапе ее проведения до 2030 года является укрепление законности и правопорядка в российском государстве, развитие сферы регулирования договорной отношений, усиление уровня защищенности субъектов права, решение вопросов национальной экономической безопасности на основании политических, социальных и экономических прогнозах развития нашей страны через согласованную систему правовых предписаний, направленных на урегулирование той сферы общественных отношений, в которых нуждается исходя из потребностей государство, общество и человек. Решение такой задачи невозможно осуществить без наличия кодифицированного акта в отношении каждой отрасли права, комплексной отрасли и постоянного процесса его кодификации, направленной на устранении пробелов, коллизий права, несогласованности норм права, в связи с чем в российском законодательстве признается кодекс, состоящий из двух частей: общей и специальной.

Ряд ученых, в частности Е.О. Чинарян [22, с. 139], Р.М. Ахмедов [1, с. 17] признают в качестве одного из первых кодифицированных актов в истории российского законодательства Судебник Ивана III, изданный в 1497 г., с данной позицией стоит согласиться, т.к. в нем содержатся признаки кодифицированного акта: 1) нормы судебного регулируют взаимосвязанные общественные отношения; 2) судебник включал в себя нормы различных нормативно-правовых актов; 3) судебник имеет структуру, но не четкую, в связи с разграничением по разделам, но не по главам и статьям. Соответственно Судебник Ивана III, изданный в 1497 г. можно отнести к основам законодательства, но, не к кодексу, т.к. структура кодекса обладает более сложной проработанной кодифицированной формой систематизации законодательства.

Кодифицированный акт (кодекс) стабилизирует систему законодательства в рамках одной отдельной отрасли, имея сложную многогранную структуру, внутреннюю согласованность, высокий уровень обобщения нормативного материала, разработанный на высоком уровне терминологический понятийный аппарат, поэтому законодатель считает оптимальной моделью кодификационного акта - кодексы, которые являются приоритетными по отношению к другим кодифицированным актам, в частности Гражданский кодекс РФ ставит нормы ГК РФ приоритетными над нормами федеральных законов, в связи с тем, что федеральные законы, регулирующие гражданские отношения должны соответствовать ГК РФ (ч.2 ст. 3 ГК РФ), аналогично Налоговый кодекс РФ (ст.1 ГК РФ), Трудовой кодекс РФ (ст.5 ТК РФ), Уголовный кодекс РФ (ч.1 ст.1 ТК РФ) содержат нормы, которые являются приоритетными по отношению к нормам федеральных законов. Ряд ученых считает, что не сами нормы кодекса имеют приоритет над нормами федеральных законов, а сам кодекс в системе иерархии источников права каждой конкретной отрасли имеет приоритет над федеральными законами, в связи с чем предлагают закрепить этот «приоритет» на законодательном уровне, не в самом кодексе, а в отдельном нормативном – правовом акте – Федеральном конституционном законе Российской Федерации «О нормативно-правовых актах в Российской Федерации» [5, с. 27]. Однако, вопросы соотношения юридической силы кодексов над федеральными законами до настоящего времени со стороны законодателя остается неразрешенным, в связи с чем, по нашему мнению, стоит на законодательном уровне установить приоритет положений кодексов над нормами иных федеральных законов с оговоркой, что кодекс предусматривает отсылку к иным федеральным законам с указанием на приоритет их норм в отдельных установленных законом случаях.

При этом каждый кодифицированный акт (кодекс) создан для определенной отрасли права, где структура кодекса определяет принципы (основные начала), понятийный аппарат, предмет и методы отраслевого правового регулирования, свою регламентацию, решая проблему обеспечения устойчивости системы права конкретной отрасли права. Кодифицированный акт (кодекс) рассчитан, как на регулирование широкого круга общественных отношений, так и узкого круга общественных отношений, в связи с чем он универсален, то соответственно кодекс будет являться оптимальной моделью кодификационного акта несмотря на то, что не вся сфера общественных отношений подпадает под необходимость регулирования в едином кодифицированном акте – кодексе, поэтому создание кодекса посредством проведения кодификации должно проводится не для всего массива нормативного материала, а соотносится путем распределения уже в существующие институты, подотрасли и отрасли права, регулирующих ту или иную определенную сферу однородных общественных отношений. Законодатель должен стремиться не количеству кодифицированных актов, а к их качеству, в связи с чем не все отрасли права могут облачены в кодекс, за исключением комплексных отраслей права и законодательства, где сложным является предмет правового регулирования.

По нашему мнению кодифицированный акт (кодекс) может быть федеральным, региональным и муниципальным, то есть разработан и принят в порядке федерального правотворчества (федеральной кодификации), регионального правотворчества (региональной кодификации), муниципального правотворчества (муниципальной кодификации), в качестве примера регионального кодекса можно рассмотреть Закон Иркутской области от 27.03.2025 № 18-ОЗ «Об административной ответственности за отдельные правонарушения в области эксплуатации и содержа-

ния объектов и элементов благоустройства (инфраструктуры) территорий муниципальных образований Иркутской области», аналогично такие кодексы приняты в Московской области, Красноярском крае и др. регионах Российской Федерации. В качестве примера муниципального кодекса необходимо отметить Закон г. Москвы от 21.11.2007 № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях».

В юридической науке и практике принято разделять кодифицированные кодексы на: 1) отраслевые, к ним относится Гражданский кодекс РФ, Уголовный кодекс РФ и др.; 2) комплексные, к ним относится Воздушный кодекс РФ, Земельный кодекс РФ и др., что свидетельствует о том, что основой системы российского законодательства являются кодексы – сложные системообразующие кодифицированные акты, через которые осуществляется регулирование общественных однородных отношений в конкретной сфере или области отрасли или комплексной отрасли права, в связи с чем значение кодификации в развитии современной системы права становится еще востребованной, в частности потребности в ближайшие десять лет – проводить кодификацию комплексных отраслей права (предпринимательского, инновационного, информационного, медицинского, социального права и др.) посредством создания и издания кодифицированных кодексов (предпринимательского кодекса, пенсионного кодекса, социального кодекс, медицинский кодекс и т.д.).

Кодифицированный акт (кодекс), как результат проведения кодификации обычно получается достаточно объемным, охватывающим и регулирующим со всех сторон общественные отношения, возникающие в связи с необходимостью их правового регулирования и всегда имеет специфическую структуру, состоящую из преамбулы, частей, глав, разделов, подразделов, заключения и т.д. Такая специфическая структура кодифицированного акта (кодекса) необходима для удобства использования кодифицированным актом, поскольку объемность нормативного материала без его структурирования не позволяет быстро получить искомую информацию. В качестве примера можно рассмотреть Гражданский кодекс РФ, который состоит: из четырех глав, состоящие из структурных единиц – разделов, подразделов, глав и 1541 статей, кодификация ГК РФ проходила поэтапно, в результате которой на основании федеральных законов: первая часть была введена в действие с 01.01.1995 года; вторая часть была введена в действие с 01.03.1996 года; третья часть была введена в действие с 01.03.2002 года; четвертая часть была введена в действие с 01.01.2008 года. Таким образом, Гражданский кодекс РФ является уникальным кодифицированным актом, который регулирует имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения, возникающие между разными юридическими и физическими лицами, а также между отдельными физическими лицами, в результате развития системы права из него были выделены трудовое право, семейное право, земельное право, которые стали самостоятельными отраслями в связи с чем необходимо признать что гражданское право состоит из комплексных отраслей права.

До того, как будет создан и издан кодифицированный нормативный акт (кодекс) процесс разработки кодифицированного нормативного акта предусматривает следующие этапы кодификации, которые сложились в правотворческой практике:

1) на первом этапе – определяется необходимость (потребность) в проведении кодификации (нормы права, института права, подотрасли права, отрасли права). На данном этапе выделяется определенный нормативный массив, который подлежит анализу фрагментарно, проверяется стабильность, оформленность и структурированность каждого фрагмента законодательства, как по отдельности, так и в совокупности. Это необходимо, чтобы определить существующие пробелы законодательства, и возможность восполнить эти пробелы новыми предписаниями. На данном этапе ключевую роль играют частные субъекты кодификации (граждане, юридические лица, общественные организации и т.д.) которые иницируют и формулируют вопросы о необходимости проведения кодификации, а публичные субъекты кодификации (уполномоченные должностные лица публичного органа государственной власти) только фиксируют, регистрируют такую инициативу и осуществляют первичный этап, подтверждающий делается выводы о необходимости (потребности) в проведении кодификации, и после этого приступают ко второму этапу кодификации;

2) на втором этапе – определяется система норм права, подлежащей кодификации, то есть происходит идентификация нормы права, института права, подотрасли права, отрасли права, которую необходимо кодифицировать, и определяется принадлежность системы правовых норм к публичному, частному или социальному праву, а также определяется предмет правового регулирования, его место в системе правоотношений, цели правового регулирования, основные принципы и критерии по которым будем проводится кодификация. На данном этапе значительную роль играет научный подход в проведении кодификации, при котором выявляются основания (критерии) кодификации (нормы права, института права, подотрасли права, отрасли права);

3) на третьем этапе – выделяются и учитываются нормативно- правовые акты, подлежащие кодификации, то есть проводится идентификация нормативно- правовых актов, которые подпадают под критерий кодификации и принадлежащие к кодифицируемой системе нормы права, на данном этапе выбираются из всего массива законодательства законы и подзаконные акты, подлежащие систематизации, при этом сначала проводится инкорпорация – выделение нормативно- правового материала, входящего в определенную подсистему законодательства, а затем консолидация - выделение из подсистемы законодательства акты, содержащие действующие нормы права. Фактически на третьем этапе закрепляется кодификационная работа, выполненная на втором этапе кодификации;

4) на четвертом этапе – осуществляется вычленение предписаний из систематизируемых нормативных актов, то есть выделяется логический смысл норм права и содержащееся в нем трех элементов норм права (гипотезу, диспозицию и санкцию), которые должны содержаться в едином кодифицированном нормативно – правовом акте, как гарантия завершенности создаваемого кодифицированного кодекса, в связи с чем данный этап является самым важным этапом кодификации при котором объединяются и размещаются в определенном порядке нормы права, института права, подотрасли права, отрасли права, т.к. именно на этом этапе реализуется основная задача кодификации- построение логической и структурированной системы будущего кодифицированного акта- кодифицированного кодекса;

5) на пятом этапе – осуществляется дополнение норм права, восполнение пробелов, на данном этапе происходит обновление и совершенствование системы законодательства, т.к. в ходе проведения кодификации устанавливаются, формулируются и закрепляются новые

нормы права, ранее отсутствующие в законодательстве;

6) на шестом этапе – создается структура кодифицированного нормативного акта (кодекса), то есть определяются принципы правового регулирования соответствующей сферы общественных отношений, формулируются основные термины и понятия, нормы-дефиниции, скелет кодифицированного нормативного акта, то есть на этом этапе формируется общая часть будущего кодифицированного кодекса – первая структурная часть кодекса, имеющиеся нормы классифицируются на разделы, подразделы, главы, что и составляет особенную часть этого кодифицированного кодекса – вторую структурную часть кодекса, которая предназначена для непосредственного комплексного регулирования. Фактически на этом этапе структурирована модель будущего кодекса, чтобы в последующем сформулировать статьи кодифицированного акта.

7) на седьмом (последнем) этапе – закрепляется в тексте кодекса нормы права, в общей части кодекса статьи формируются абстрактным способом, а в особенной части статьи казуистическим способом. При формулировании положений кодекса используется отсылочный метод изложения правовых предписаний, чтобы можно было ссылаться на другие положения этого же кодекса, что обеспечивает системность и единство кодифицированного кодекса, а также эффективность и взаимосвязанность норм права, институтов права, подотраслей права, отраслей права, или сложных комплексных правовых образований: комплексных норм права, комплексных институтов права, комплексных подотраслей права, комплексных отраслей права. Формулирование сути и содержания статей кодекса позволяет его закончить составление.

Таким образом, кодифицированный акт (кодекс) – это многоуровневый комплекс, состоящий из структурных элементов в иерархическом порядке: норм права, институтов права, подотраслей права, отраслей права, и сложных комплексных правовых образований: комплексных норм права, комплексных институтов права, комплексных подотраслей права, комплексных отраслей права, назначение которых регулировать общественные отношения конкретной отрасли права или комплексной отрасли права.

В современном мире значение кодификации в развитии системы российского законодательства возрастает, российское законодательство нуждается в постоянном совершенствовании, но, однако пока не будет разработан и принят Федеральный конституционный закон Российской Федерации «О нормативно-правовых актах в Российской Федерации», или иной закон закрепляющий основные принципы кодификации системы российского законодательства, раскрывающий сущность и содержание понятия «кодификации», а также нормы, регламентирующие порядок оформления, юридическую технику, и требования к структуре создаваемых нормативно-правовых актов, то соответственно говорить об ожидаемой со стороны законодателя эффективности кодификации и ее этапов проведения не приходится. По нашему мнению, перед законодателем стоят большие проблемы по приведению в порядок как действующего законодательства, так и нового массива законодательства, объем которого за последние годы значительно вырос, а без тотальной кодификации законодательства система права и система законодательства

Заключение и выводы.

Подведя итоги исследования необходимо отразить следующие ключевые выводы:

Под кодификацией понимается особый вид правотворческой деятельности, направленный на совершенствование, упорядочение и актуализацию действующего законодательства – глубокую переработку нормативного материала, устранение устаревших, неэффективных норм права, обеспечивая системность и комплексность правового регулирования, и повышая эффективность правового регулирования, формируя условия для упорядочения правовых норм. При этом природа кодификации двойственна, с одной стороны это вид (форма) правотворческой деятельности, направленный на создание кодифицированных актов для основной или комплексной отрасли права; с другой стороны – это способ упорядочения (систематизации) нормативного материала, то есть позволяет решить две основные взаимосвязанные задачи: совершенствование формы и содержания законодательства.

Проведенный анализ научных публикаций и юридической литературы позволяет сформулировать общие отличительные черты и признаки кодификации:

1) осуществляется только в определенной сфере правоотношений и области права, которые относятся к самостоятельным отраслям права: основной отрасли права либо комплексной отрасли права, имеющих свой предмет и методы правового регулирования;

2) является наиболее сложной и совершенной формой систематизации, направленной на коренную переработку действующих норм права, институтов права, подотраслей права, отраслей права, и сложных комплексных правовых образований: комплексных норм права, комплексных институтов права, комплексных подотраслей права, комплексных отраслей права, комплексных отраслей законодательства;

3) осуществляется с целью создания, изменения и отмены действующих норм права, институтов права, подотраслей права, отраслей права, а также сложных комплексных правовых образований: комплексных норм права, комплексных институтов права, комплексных подотраслей права, комплексных отраслей права, комплексных отраслей законодательства;

4) включает в себя все элементы иных форм систематизации (консолидации, инкорпорации, учета) и правотворческой деятельности, то есть под кодификацией понимается комплексный подход систематизации законодательства;

5) осуществляется через публичные субъекты кодификации (Государственную Думу, Верховный Суд РФ, Конституционный Суд РФ, обладающих официальными полномочиями) и частные субъекты кодификации (граждане, юридические лица, общественные организации и т.д., при отсутствии полномочий, но имеющих право на законодательную инициативу), поскольку в результате их прямой или косвенной деятельности создаются, изменяются и отменяются нормативно-правовые акты;

6) результатом процесса кодификации всегда является кодифицированный нормативный правовой акт, который в правотворческой деятельности принято делить на четыре вида: 1) конституции; 2) основы законодательства; 3) кодексы; 4) уставы, положения, правила;

7) в процессе кодификации создаются общие нормы, специальные нормы, нормы-принципы, нормы-регуляторы, в связи с чем коди-

фикационный акт состоит из двух частей: общей и особенной части;

8) кодифицированный нормативный акт всегда имеет специфическую структуру, состоящую из преамбулы, частей, глав, разделов, подразделов, заключения и т.д. и встает во главе какой-либо отрасли, либо подотрасли, либо крупного института;

9) кодификация представляет существенную глубокую, коренную и качественную переработку нормативного материала, в результате чего создаются, изменяются и отменяются нормы права, создаются новые правовые конструкции и инструменты правового регулирования;

10) в результате кодификации законодательства выделяются и обособляются новые отрасли права, например, (предпринимательское право, информационное право инновационное право, медицинское право, таможенное право и др.);

11) новые комплексные отрасли права в перспективе подлежат кодификации, как самостоятельные отрасли права, в связи с возможностью деления системы комплексной отрасли права на общую и особенную части, то есть на законодательном уровне имеется перспектива создания кодексов (предпринимательский кодекс, пенсионный кодекс, социальный кодекс, медицинский кодекс и т.д.)

Список литературы:

1. Ахмедов Р. М. Судебник 1497 г. – кодифицированный свод законов по формированию единых общерусских светских правовых установок при образовании Русского централизованного государства // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 2. – С. 12.
2. Алексеев С.С., Архипов С.И., Игнатенко Г.В., Корельский В.М. Теория государства и права. М., Изд-во НОРМА, 2018. 496 с.
3. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2003. 703 с.
4. Власова Т. В., Лесова Т. С. Кодификация права: отдельные проблемные вопросы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 17-27. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-17-27>.
5. Восканян Т. Г., Козлова О. Е., Самойлова А. В., Твердохлебова Э. В. Место кодифицированных актов в системе российского законодательства // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 1 (193). – С. 27.
6. Гончарова Л.Н. Кодификация как способ систематизации законодательства и форма правотворчества // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 11. С. 78-81. EDN: RNLHMS
7. Горячкова Ю. М., Исаенко В. А. Кодификация в системе форм систематизации законодательства // Право и государство: теория и практика. 2023. № 8 (224). С. 47-51. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_8_47.
8. Кольванцева М. А. Кодификация российского законодательства в условиях модернизации социально-экономической, политической и культурной деятельности // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 298-301.
9. Клейменова А.А. Систематизация законодательства: понятие, виды // Открытия в науке: исследования и применение. 2024. № 1. С. 50 - 53. EDN: XBUQDK.
10. Керимов Д. А. Законодательная техника : научно-методическое и учебное пособие. Репр. изд. Москва : Норма, 2023. С. 84.
11. Липень С. В. Трансформация теории систематизации законодательства в эпоху цифровизации права // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 2 (183). С. 132-147. <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.183.2.132-147>.
12. Малышева И. В. Единство правотворчества и систематизации законодательства : монография. Новокузнецк : Кузбасский институт ФСИН России, 2020. 96 с.
13. Мишин Д.А., Куровский С.В., Сижазев А.Х. Проблемы кодификации международного права // Закон и власть. 2024. № 1. С. 69-72. EDN: XZLSVP
14. Овинников В. А. Систематизация законодательства: понятие, значение, цели и задачи // Научные исследования молодых ученых – сборник статей XIV Международной научно-практической конференции – Пенза, 2021. – С. 98.
15. О нормативных правовых актах в Российской Федерации (проект федерального закона). 6-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. коллектива Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2021. 96 с.
16. Петров А.А. Тенденции декодификации в современном российском законодательстве // Юридическая наука и практика. 2024. № 1. С. 5-14. DOI: 10.25205/2542-0410-2024-20-1-5-14 EDN: XDZUWZ
17. Сидорова А.В., Бухарова Е.В. Доктринальные концепции процесса кодификации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 2. С. 68-70. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_2_68.
18. Современный толковый словарь русского языка [/гл. ред. С.А. Кузнецов]. Москва, Санкт-Петербург: Рипол-Норинт, 2008. - 959 с.
19. Трубецкой Е. Энциклопедия права. Москва : Товарищество «Типография А. И. Мамонтова», 1917. С. 126.
20. Шатковская Т. В., Клеветова Е. Ю. Исторические формы техники российской кодификации (на примере Свода законов Российской империи) // Вестник ПАГС. 2024. №3. С.44-55. DOI: 10.22394/1682-2358-2024-3-44-55 EDN: NVLSNA
21. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 2: Философия права. Т. 1, Часть теоретическая. М.: Изд. бр. Башмаковых, 1911. - 512 с.
22. Чинарян Е. О. Анализ некоторых правовых памятников России периода средневековья с точки зрения законодательной техники // Современное право. – 2015. – № 5. – С. 156.
23. Юридический энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1987. - 528 с.

References:

1. Akhmedov R. M. The Code of Laws of 1497 – a codified set of laws on the formation of uniform all-Russian secular legal regulations during the formation of the Russian centralized state // Bulletin of Economic Security. – 2020. – No. 2. – P. 12.
2. Alekseev S.S., Arkhipov S.I., Ignatenko G.V., Korelsky V.M. Theory of State and Law. Moscow, NORMA Publishing House, 2018. 496 p.
3. The Great Law Dictionary / Ed. by A.Ya. Sukharev, V.E. Krutskikh. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: INFRA-M, 2003. 703 p.
4. Vlasova T. V., Lesova T. S. Codification of Law: Certain Problematic Issues // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 1 (105). P. 17-27. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-17-27>.
5. Voskanyan T. G., Kozlova O. E., Samoilova A. V., Tverdokhlebova E. V. The Place of Codified Acts in the System of Russian Legislation // Law and State: Theory and Practice. - 2021. - No. 1 (193). - P. 27.
6. Goncharova L. N. Codification as a Method of Systematizing Legislation and a Form of Lawmaking // Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management. 2020. No. 11. Pp. 78-81. EDN: RNLHMS
7. Goryachkovskaya Yu. M., Isaenko V. A. Codification in the System of Forms of Legislation Systematization // Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 8 (224). Pp. 47-51. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_8_47.
8. Kolyvantseva M. A. Codification of Russian Legislation in the Context of the Modernization of Socio-Economic, Political and Cultural Activities // Legal Technology. 2023. No. 17. Pp. 298-301.
9. Kleymenova A. A. Systematization of Legislation: Concept, Types // Discoveries in Science: Research and Application. 2024. No. 1. Pp. 50-53. EDN: XBUQDK.
10. Kerimov D. A. Legislative Technique: A Scientific, Methodological, and Tutorial. Rep. ed. Moscow: Norma, 2023. Pp. 84.
11. Lipen S. V. Transformation of the Theory of Legislation Systematization in the Era of Law Digitalization // Lex Russica. 2022. Vol. 75, No. 2 (183). Pp. 132-147. <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.183.2.132-147>.
12. Malysheva I.V. Unity of Lawmaking and Legislation Systematization: A Monograph. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2020. 96 p.
13. Mishin, D. A., Kurovsky, S. V., Sizhazhev, A. Kh. Problems of Codification of International Law // Law and Power. 2024. No. 1. pp. 69-72. EDN: XZLSVP
14. Ovinnikov, V. A. Systematization of Legislation: Concept, Meaning, Goals, and Objectives // Scientific Research of Young Scientists – Collection of Articles from the XIV International Scientific and Practical Conference – Penza, 2021. – p. 98.
15. On Regulatory Legal Acts in the Russian Federation (Draft Federal Law). 6th ed., revised and enlarged / Head of the Authors' Team T. Ya. Khabrieva, Yu. A. Tikhomirov. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2021. 96 p.
16. Petrov A.A. Decodification trends in modern Russian legislation // Legal Science and Practice. 2024. No. 1. p. 5-14. DOI: 10.25205/2542-0410-2024-20-1-5-14 EDN: XDZUWZ
17. Sidorova A.V., Bukharova E.V. Doctrinal concepts of the codification process // Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 2. pp. 68-70. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_2_68.
18. Modern explanatory dictionary of the Russian language / [ed. in chief S.A. Kuznetsov]. Moscow, St. Petersburg: Ripol-Norint, 2008. - 959 p.
19. Trubetskoy E. Encyclopaedia of Law. Moscow: Partnership "Typographies of A. I. Mamontov", 1917. P. 126.
20. Shatkovskaya T. V., Klevetova E. Yu. Historical forms of Russian codification technology (using the Code of Laws of the Russian Empire as an example) // Vestnik PAGS. 2024. No. 3. Pp. 44-55. DOI: 10.22394/1682-2358-2024-3-44-55 EDN: NVLSNA
21. Shershenovich G. F. General Theory of Law. Issue 2: Philosophy of Law. Vol. 1, Theoretical Part. Moscow: Publishing House of the Bashmakov Brothers, 1911. - 512 p.
22. Chinaryan E.O. Analysis of Some Legal Monuments of Russia from the Medieval Period from the Point of View of Legislative Technique // Modern Law. 2015. No. 5. P. 156.
23. Legal Encyclopedic Dictionary. - Moscow: Soviet Encyclopedia, 1987. - 528 p.

**ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XIX -НАЧАЛЕ XIX ВЕКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ)
THE RESETTLEMENT POLICY OF THE RUSSIAN AUTOCRACY IN THE NORTH
CAUCASUS IN THE 19TH -EARLY 19TH CENTURY (BASED ON THE MATERIALS
OF THE COMPLETE COLLECTION OF LAWS OF THE RUSSIAN EMPIRE)**

КАРДАНОВ Хажисуф Батырович,

аспирант теории и истории государства и права

Кабардино-Балкарского Государственного Университета им. Х.М. Бербекова.

360004, Россия, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, Чернышевского, 173.

E-mail: magistratura.2014@bk.ru;

ТАБУХОВ Денис Заудинович,

аспирант теории и истории государства и права

Кабардино-Балкарского Государственного Университета им. Х.М. Бербекова.

360004, Россия, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, Чернышевского, 173.

E-mail: tabukhov1007@gmail.com;

KARDANOV Khazhisuf Batyrovich,

PhD Student in Theory and History of State and Law

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.

173 Chernyshevsky Str., Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, 360004, Russia.

E-mail: magistratura.2014@bk.ru ;

TABUKHOV Denis Zaudinovich,

PhD student in Theory and History of State and Law

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.

173 Chernyshevsky Str., Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, 360004, Russia.

E-mail: tabukhov1007@gmail.com

Краткая аннотация: В XIX и начале XX веков переселенческая стратегия, проводимая российским самодержавием на Северном Кавказе, отраженная в Полном собрании законов Российской империи, выступала важнейшим средством усиления контроля и включения этого стратегически важного региона в состав империи. Признавая военно-стратегическую значимость Кавказа, правительство активно привлекало население из внутренних губерний, стремясь сформировать надежную социальную основу для поддержания стабильности и экономического роста. Полное собрание законов Российской империи представляет собой важный источник для исследования законодательной базы переселенческой политики. В нем содержатся нормативные правовые акты, регулирующие процесс переселения, порядок распределения земель, предоставление льгот и определяющие юридический статус переселенцев. Изучение этих документов позволяет проследить развитие политики, изменение приоритетов и методов управления в регионе.

Abstract: In the 19th and early 20th centuries, the resettlement strategy pursued by the Russian autocracy in the North Caucasus, reflected in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire, was the most important means of strengthening control and incorporation of this strategically important region into the empire. Recognizing the military and strategic importance of the Caucasus, the Government actively attracted the population from the interior provinces, seeking to form a reliable social basis for maintaining stability and economic growth. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire is an important source for the study of the legislative framework of resettlement policy. It contains regulatory legal acts regulating the resettlement process, the order of land allocation, the provision of benefits and determining the legal status of migrants. The study of these documents makes it possible to trace the development of politics, changing priorities and management methods in the region.

Ключевые слова: Российское самодержавие, Северный Кавказ, Полное собрание законов Российской империи, переселение, крестьяне.

Keywords: Russian autocracy, the North Caucasus, the Complete Collection of Laws of the Russian Empire, resettlement, peasants.

Для цитирования: Карданов Х.Б., Табухов Д.З. Переселенческая политика российского самодержавия на Северном Кавказе в XIX - начале XIX века (по материалам полного собрания законов Российской Империи) // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 71-74. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_71.

For citation: Kardanov Kh.B., Tabukhov D.Z. The resettlement policy of the Russian autocracy in the North Caucasus in the 19th -early 19th century (based on the materials of the complete collection of laws of the Russian Empire) // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 71-74. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_71.

Статья поступила в редакцию: 05.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Вопросы, связанные с изучением процессов, происходящих на Северном Кавказе, продолжают вызывать интерес у исследователей, поскольку уникальность этого региона, обусловленная его многонациональным составом, культурным разнообразием и стратегически важным географическим положением, делает его идеальной площадкой для анализа социальных, экономических и политических преобразований. Однако: «приходится констатировать, что до сих пор не создана целостная, объективная, научная концепция событий, сыгравших важнейшую роль в судьбе этого многонационального региона» [1. С.3].

Переселенческая политика российского самодержавия на Северном Кавказе в XIX веке представляла собой комплекс мер по закреплению имперской власти, освоению земель, изменению демографической структуры и регулированию социально-экономических отношений, что нашло выражение в ряде нормативно-правовых актов, принятых в разные периоды освоения региона. Исследователи справедливо замечают,

что: «в результате переселенческой политики Российской империи на Кавказе в истории региона произошли социально-экономические и политические коллизии, которые и сегодня придают кавказскому региону особое значение в системе международных отношений» [2. С.27].

Исходным предпосылкам такой политики служили стремление к стратегическому контролю за горными и прибрежными районами, необходимость обеспечения продовольственной базы и коммуникаций для войск, а также имперская идеология «цивилизации» и реформирования местных сообществ, вследствие чего законодательство сочетало элементы принудительной депортации, поощрения добровольного переселения, регулирования земельных прав и установления особых административных режимов. Центральное место в нормативной базе занимали нормативные правовые акты первого лица государства (Е.И.В.), которые в совокупности создавали правовую систему, направленную на интеграцию региона в экономическую и административную структуру империи.

Важнейшие этапы формирования процесса переселения отражены в отдельных актах, начинавшихся с ограничительных мер в ходе Кавказской войны и продолжающихся законодательными инициативами 1860–1880-х годов. На раннем этапе акты командующих Кавказской армией и других российских чиновников, утвержденные Е.И.В., предусматривали принудительные перемещения горских поселений с целью создания «зон безопасности» вдоль стратегических направлений и укреплений, что оформлялось как временные правила, но фактически закрепляло долгосрочные изменения в заселении территорий.

Примером этого может служить высочайше утвержденное положение Кавказского Комитета «Об устройстве управления в Большой и Малой Чечне» [3. 1852г. Т. 27. №26740]. В принятии данного акта принял участие целый круг российских чиновников: Наместник Кавказа, Директор Канцелярии Военного Министерства, Управляющий делами Кавказского Комитета, которые предлагали свое видение устройства и в Большой и Малой Чечне. Среди прочих вопросов, которые по мнению законодателя носили временных характер, предлагалось особое внимание уделить назначению начальника Чеченского народа, в связи с чем Комитет предлагал сообщить Генерал-Адъютанту Князю Воронцову, что «в эту важную должность необходимо избрать лицо, которое своими беспристрастными и справедливыми действиями могло бы приобрести доверие и любовь Чеченского народа, и через то содействовать переселению к нам и других непокорных ещё жителей Чечни – (выделено нами – Х.К., Д.Т.)» [3. 1852г. Т. 27. №26740].

Необходимо отметить, что обозначение этого вопроса не родилось на ровном месте, и имело определенную историю, которую мы также можем проследить в именном указе Е.И.В. от 10 октября 1848 года объявленном Министру Финансов Председателем Кавказского Комитета «О учреждении особого Приставства над Карабулаками и Чеченцами» [3. 1848г. Т. 23. №22641].

Наместник Кавказа сообщал, что во время восстания в 1841-м году, часть Карабулаков в количестве 600 семейств, осталась покорной и переселилась на жительство к Назрановцам. В то же время, нахождение карабулаков среди назрановцев, по мнению Наместника, создавало для последних значительные неудобства, особенно в отношении землепользования. Также Наместник обращал внимание на важное обстоятельство, в соответствии с которым карабулаки, представляя собой совершенно отдельную общину, обладают собственными обычаями и правами, которые не совпадают с назрановскими, что зачастую приводит к серьезным сложностям при разрешении конфликтов между ними и в итоге сказывается на порядке в регионе.

Наместник предлагал: «выселить Карабулаков из Назрановского общества, назначить им для жительства окрестности укрепления: Нестеровского и Ачхоевского, равно поста Казак-Кичу, и все пространство на правом берегу Сунжи, от п. Эльдырхановского до Верхней Индырки, и определить к ним особого Пристава, под названием Пристава над Карабулаками и Чеченцами, так как в эти же места переселяется и часть выходящих к нам Чеченцев, с таким содержанием, какое положено прочим Приставам Владикавказского округа» [3. 1848г. Т. 23. №22641].

Согласившись с этим мнением, Государь Император, по всеподданнейшему докладу, утвердил сделанное Наместником Кавказским распоряжение.

Во второй половине XIX века законодательство претерпевало трансформацию, когда прерывание военных действий и переход к гражданскому управлению потребовали создания более структурированных правовых норм, которые сочетали бы административную интеграцию с экономическими мерами развития. Появлялись акты, направленные на стимулирование оседлости, развитие сельского хозяйства, инфраструктуры и торговли, что оформлялось в виде статистических приказов, положений о землепользовании и налоговых реформ. Правовая система становилась сложнее, включала элементы гражданского права, сельскохозяйственной политики и административного законодательства, что отражало постепенный переход от исключительно военных методов к более системному регулированию переселений. После завершения активной фазы военных действий правовая политика сместилась в сторону систематизации переселений, включая нормативы о выделении земель переселенцам, об учреждении государственных крестьян и изменениях правового статуса местного населения, что отражало стремление сочетать экономическое освоение с административным контролем.

Показательным в этом плане можно считать высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, объявленное Сенату Управляющим Министерством Внутренних Дел «О принятии на счет казны издержек по переселению порочных горцев из Терской области в другие места» [3. 1875г. Т. 50. №55012].

В Государственном Совете, в рамках Департамента Государственной Экономии, было изучено дело, переданное Кавказским Комитетом, касающееся представления Наместника Кавказского о финансировании из государственной казны расходов на переселение горцев, признанных неблагонадежными, из Терской области в иные регионы. Совет не увидел причин для отказа в покрытии этих расходов за счет казны, однако, отметил, что данная мера, влекущая за собой новые финансовые обязательства для государства, может быть реализована только начиная с 1876 года, после включения необходимой суммы в бюджет Министерства Внутренних Дел в установленном порядке.

На основании вышеизложенного, Государственный Совет счел необходимым:

1) Финансирование расходов на обеспечение горцев, переселяемых из Терской области по решению местных общин, одеждой и средствами на пропитание на период их переезда до места назначения, начиная с 1876 года, осуществлять за счет казны, с обязанностью городских общин по погашению всех имеющихся задолженностей у переселяемых лиц остается в силе;

2) Сумму, необходимую для покрытия указанных расходов, в размере трехсот двадцати пяти рублей в год, начиная с того же срока, следует включать в соответствующий раздел расходной сметы Министерства Внутренних Дел в установленном порядке.

Данные предложения Император «Высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить» [3. 1875г. Т. 50. №55012].

Нормативные акты о земельных правах стали ключевыми инструментами переселенческой политики: положения о распределении казенных, государственных и частных земель регламентировали порядок предоставления участков переселенцам, условия аренды и выкупа. Эти акты создавали правовую основу для расселения русских, украинских и других переселенцев в самых разных частях Северного Кавказа, при этом часто игнорировались или ограничивали традиционные землепользования коренных народов. Законодательные нормы о порядке регистрации земли и подтверждении прав собственности, сопровождаемые судебно-административными практиками, способствовали легализации новых владений.

Значительное место в системе переселенческой политики занимали акты, регулирующие социальный и хозяйственный статус переселенцев. Положения о «государевых» крестьянах и военных поселенцах устанавливали особые налоговые и повинностные режимы, систему землевладения. Военные поселения, учрежденные по специальным положениям, сочетали военную службу и сельское хозяйство, что отвечало имперским целям по закреплению населения в стратегически важных точках и формированию контролируемого, лояльного слоя.

Здесь мы можем выделить высочайше утвержденное положение Комитета Министров от 15 апреля 1903 «О разрешении переселений в местности Северного Кавказа и Закавказья» [3. 1903г. Т. 23. №16768а].

Здесь качестве временной меры, до законодательного урегулирования общих принципов заселения Кавказского региона, предписывалось, что Министру Внутренних Дел, согласовав предварительно с Министром Земледелия и Государственных Имуществ, предоставляется право санкционировать переселение крестьян, являющихся уроженцами коренной России и исповедующих Православие, в Ставропольскую губернию, а также в районы Северного Кавказа и Закавказья (за исключением Черноморской губернии).

По замыслу законодателя данное переселение должно было осуществляться в соответствии с нормами, закрепленными в законе от 13 июля 1889 года (№ 6198), регулирующем переселение на государственные земли в Европейской части России.

Не обошел вниманием законодатель и вопрос оплаты за переселение. Размер платы, взимаемой с переселенцев за пользование выделенными им земельными наделами, должен был быть установлен, однако он не должен превышать платежи, вносимые ко времени определения указанной платы крестьянами-старожилами, проживающими в аналогичных сельскохозяйственных условиях, за пользование землей в тех же местностях.

Главному начальнику гражданской части на Кавказе предоставлялось дискреционное право возлагать обязанности по обустройству переселенцев в Закавказских губерниях на Мировых Посредников, либо распределять указанные обязанности между Уездными Начальниками и Мировыми Посредниками. Интересен был механизм опубликования данного документа, который еще раз подчеркивал большую самостоятельность российских чиновников в этом вопросе. Документ необходимо было «обнародовать в срок, который имеет быть определен по взаимному соглашению Министров Внутренних Дел и Земледелия и Государственных Имуществ и Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе».

В этом же ракурсе можно отметить высочайше утвержденное положение Комитета Министров от 22 декабря 1903 года «О порядке переселения проживающих на Кавказе крестьян» [3. 1903. Т. 23. №19455а].

В соответствии с данным актом предписывалось наделить Главногоначальствующего, управляющего гражданскими делами на Кавказе, правом давать согласие на переселение крестьян исконно русского происхождения, исповедующих православие и постоянно проживающих в этом регионе, на государственные земли Северного Кавказа, Закавказья и Черноморской губернии, после предварительного, рассмотрения прошения данных крестьян Губернских или Областных Присутствиях по месту их текущего проживания.

Обозначение в актах, категории крестьян именно православной веры, не было случайным, поскольку законодатель «делал ставку на православие, основной задачей которого была конфессиональная ассимиляция и превращение региона в неотъемлемую часть империи» [4.].

Данное разрешение предоставлялось как временная мера для облегчения переселения указанных категорий крестьян на свободные государственные земли. Ходатайства о переселении подлежали обязательному обсуждению в местных административных органах для оценки целесообразности и соответствия установленным требованиям.

Можно с уверенностью утверждать, что эти акты положили основу нового этапа в переселении, поскольку, как отмечают исследователи: «если прежде русские поселения вкрапливались в среду местного крестьянства, то теперь Кавказская администрация приступила к созданию сплошных массивов русского населения на специально предназначенных для этого территориях. Если раньше упор делался, главным образом, на формальное размещение русских переселенцев, а участие их в хозяйственной жизни края имело подсобное значение, то теперь с переселением русского крестьянства связывались конкретные задачи освоения определенных районов» [5. С. 268].

Правовые нормы о переселении часто опирались на экономические стимулы и материальные поощрения, такие как: льготы при получении земли и освобождение от налогов на определенный срок. Государственная политика предоставления льготных условий для переселенцев

привлекала крестьян из центральных губерний империи и способствовала быстрому распространению новых поселенческих структур, однако реальные условия и сложности освоения нередко приводили к конфликтам и росту социальной напряжённости, что отражалось в последующих законодательных корректировках.

Важной правовой составляющей являлись акты, направленные на регулирование статуса администрации в зонах переселения и на новых территориях, где российское законодательство внедрялось на практике. Особые юрисдикции и порядки производства обеспечивали оперативное разрешение споров в интересах государственных проектов, способствовали подавлению сопротивления и фактически ускоряли легализацию новых владений переселенцев. При этом нормативы часто предусматривали административное принуждение и наказания за «беспорядки» или «неподчинение», что отражало приоритеты имперской безопасности над правами коренного населения. В этой связи можно выделить высочайшее утвержденное мнение Государственного Совета «О расходах на усиление отряда для образования переселенческих участков на Кавказе» [З. 1904. Т. 24. №23890].

В целом акты самодержавной власти, касающиеся переселения на Кавказе и на Северном Кавказе в частности в XIX – начале XX века, отражают сложный и многослойный процесс переселения, в котором переплетались интересы государства и этнические реалии.

С одной стороны, российское самодержавие преследовало цели укрепления своих позиций в регионе, расширения экономического влияния и освоения плодородных земель. Переселенцы, в свою очередь, надеялись на улучшение своего социально-экономического положения, получение земли и освобождение от тягот жизни в перенаселенных центральных губерниях. С другой стороны, в реальности переселенческая политика зачастую сталкивалась с этническими реалиями Кавказа, где веками складывались сложные отношения между различными народами. Переселение русских и других народов в регион приводило к земельным спорам, конфликтам с местным населением и нарушению традиционного уклада жизни.

Оценка этих событий требует взвешенного подхода, учитывающего, что история не терпит упрощений и что любой политический акт, нашедший воплощение в юридической форме, должен рассматриваться с точки зрения его влияния на жизнь людей и судьбу народов. Несомненно, что: «переселение всегда выступало одним из универсальных способов решения социальных, экономических, политических проблем, поэтому изучение различных его аспектов имеет практическую актуальность» [5. С. 262]. Надлежащее понимание этих процессов может послужить уроком для будущих поколений и помочь избежать повторения ошибок прошлого.

Список литературы:

1. Маремкулов А. Н. Политика Российского государства в Центральном Предкавказье во второй половине XVIII - первой четверти XIX вв.: диссертация ... кандидата исторических наук. Нальчик, 1999. С.3.
2. Исмаилова М. А. Переселенческая политика царского правительства на южном Кавказе в XIX – начале XX в. // Проблемы востоковедения. 2019 №3 (85). С. 27.
3. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ).
4. Вердиева Х. Переселенческая политика Российской империи на Кавказе //Кавказ и Глобализация <https://www.turkishnews.com/ru/content/2015/10/29/переселенческая-политика-российской/>
5. Варивода Н.В. Переселенческая политика Российской империи на Северном Кавказе в пореформенный период // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 3. – С. 268.

References:

1. Maremkulov A. N. The policy of the Russian state in the Central Ciscaucasia in the second half of the XVIII - first quarter of the XIX centuries: dissertation... Candidate of Historical Sciences. Nalchik, 1999. p.3.
2. Ismailova M. A. The resettlement policy of the tsarist government in the South Caucasus in the XIX – early XX century. // Problems of Oriental Studies. 2019 No. 3 (85). p. 27.3
3. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire.
4. Verdieva H. Resettlement policy of the Russian Empire in the Caucasus //The Caucasus and Globalization <https://www.turkishnews.com/ru/content/2015/10/29/переселенческая-политика-российской/>
5. Varivoda N.V. The resettlement policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the post-reform period // Socio-humanitarian knowledge. - 2017. – No. 3. – p. 268.

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЖАРНОЙ СЛУЖБЫ В РОССИИ HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE ACTIVITIES OF THE STATE FIRE SERVICE IN RUSSIA

ПЬЯНУСОВ Александр Викторович,

Кандидат военных наук, доцент, заведующий кафедрой экологии и обеспечения безопасности жизнедеятельности
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы
Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям
и ликвидации последствий стихийных бедствий им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева».
192102, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Фучика, 10.
E-mail: pyanusov.av@yandex.ru;

PYANUSOV Alexander Viktorovich,

Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Ecology and Life Safety
St. Petersburg State Fire Service University Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies
and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev."
Fuchika str., 10, Saint Petersburg, 192102, Russia.
E-mail: pyanusov.av@yandex.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена историко-правовому анализу деятельности государственной пожарной службы в России. Определено место и роль нормативно-правовым актам как соответствующим не только нормам международного права, но и уровню развития общества и отражающие реальное состояние дел.

Abstract: The historical-legal analysis of activity of the state fire service in Russia is carried out. The place and a role to regulatory legal acts as corresponding not only to norms of international law, but also a level of development of a society and reflecting a real situation is defined.

Ключевые слова: Пожар, противопожарная служба, нормативная база, Государственная противопожарная служба МЧС России, законодотворчество.

Keywords: the Fire, a fire service, standard base, the State fire service of the Ministry of Emergency Measures of Russia, lawmaking.

Для цитирования: Пьянусов А.В. Историко-правовой анализ деятельности государственной пожарной службы в России // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 75-77. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_75.

For citation: Pyanusov A.V. Historical and legal analysis of the activities of the state fire service in Russia // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 75-77. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_75.

Статья поступила в редакцию: 16.06.2025

Дата публикации: 03.10.2025

В современном мире невозможно представить эффективное государство без соответствующих противопожарных служб¹. Противопожарные службы наряду с полицией и медициной относятся к тем подразделениям, без которых существование государства стало невозможным.

С древнейших времен известно, что пожар — явление крайне опасное, жестокое, враждебное всему живому. В древних летописях содержатся описания грандиозных пожаров, уничтоживших целые города. Пожары ежегодно уносили тысячи людских жизней, причиняли неизмеримый материальный ущерб. С укрупнением городов, развитием и концентрацией средств производства увеличивались убытки от пожаров. Все острее становилась потребность в создании общегосударственной системы мер, направленных на предотвращение и тушение пожаров². Необходимо было изменить и отношение населения к выполнению правил обращения с огнем. Прошло немало времени, прежде чем люди, осознав всю бессмысленность действий по возмещению потерь, постоянно причиняемых пожарами, поначалу неумело и бессистемно взялись за организацию пожарного дела.

В продолжение многих веков борьба с огнем на Руси велась в форме ужесточения наказания виновников пожаров, привлечения населения к тушению пожаров, принятия мер предупредительного характера и даже использования воинских формирований для борьбы с пожарами. Наиболее важные преобразования в этой области произошли в годы правления царя Алексея Михайловича Романова³. В этот период на Руси были приняты "Соборное уложение" и "Наказ о градском благочинии". Ряд статей "Соборного уложения" регламентировали правила обращения с огнем, установив ответственность за поджоги и определив различие между неосторожным обращением с огнем и поджогом⁴.

"Наказ о градском благочинии", вышедший в апреле 1649 г., не только обобщил и развил все предшествующие законодательные акты, касающиеся вопросов организации наблюдения за противопожарным состоянием в городах и борьбы с огнем, но и заложил основы профессиональной пожарной охраны. Был создан оплачиваемый штатный состав, введено постоянное дежурство в виде объезда города, предусмотрено использование при тушении механизированных водоливных труб, предоставлены объездным жителям наказания за нарушение правил обращения с огнем. Этим наказом служба по борьбе с пожарами была введена не только в Москве, но и в других городах.

В период царствования императора Петра I особым вниманием пользовался флот. Царь собственноручно писал указы и распоряжения, по вопросам противопожарной защиты кораблей, все эти указы пополнялись, принимались новые распоряжения, благодаря чему пожарное

¹ Смирнова, А. А. Противоэпидемиологический кодекс Российской Федерации: от Устава о карантинах 1832 Г. До кодификации современного законодательства в сфере обеспечения эпидемиологической безопасности населения / А. А. Смирнова, Д. Д. Болотин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. — 2025. — № 1(66). — С. 37-46. — DOI 10.61260/2074-1626-2025-1-37-46. — EDN RZXYMT.

² Смирнова, А. А. История развития противопожарного законодательства дореволюционной России / А. А. Смирнова. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, 2024. — 208 с. — ISBN 978-5-907883-16-1. — EDN RSYPPC.

³ Смирнова, А. А. От «чинов при пожарных инструментах» до начальника противопожарной охраны района: историко-правовой очерк начала становления регулярных пожарных команд на Русском Севере / А. А. Смирнова, С. Б. Немченко, Е. Н. Корчагина // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. — 2024. — № 1(62). — С. 24-33. — DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-24-33. — EDN JVPFFJ.

⁴ Россия под скипетром Романовых. СПб., 1912.

дело в России продолжало развиваться. Так, 24 июня 1803 г. Указом императора Александра I в Санкт – Петербурге впервые была сформирована пожарная команда из солдат внутренней стражи при этом население столицы освобождалось от выделения ночных сторожей, были решены вопросы содержания пожарных работников а также освещения улиц. Пожарная команда насчитывала 11 пожарных частей, которые согласно «Устава пожарного» входили в состав полицейских управлений, 31 мая 1804 года профессиональная пожарная команда создается и в Москве. В других городах их организация осуществлялась на основе "Положения о составе пожарной охраны Петербурга и Москвы".

Очередным значительным шагом в развитии нормативной базы пожарной охраны было утверждение 17 марта 1853 г. "Нормальной таблицы состава пожарной части в городах". Согласно этому документу все города России, кроме столичных, были разделены на семь групп по числу жителей. Для каждой группы предусматривались штатный состав пожарных команд, количество пожарной техники и средства, отпускаемые для ее ремонта, штатный состав команд впервые стал определяться не по "высочайшему разрешению", а в зависимости от численности населения. Проекты штатов утверждались Министерством внутренних дел.

Вплоть до 1873 г. пожарные команды комплектовались людьми из военного ведомства, но с 1874 г. после введения в Российской империи всеобщей воинской повинности, в пожарные команды стали принимать гражданских лиц. Лица, принятые на службу в пожарную охрану, освобождались от призыва в армию. Пожарные команды стали содержаться за счет городской казны, но руководство их действиями по-прежнему находилось в ведении полиции¹. Первая попытка проведения единой государственной политики в области пожарной безопасности была принята в конце XIX века. Съездом пожарных деятелей России, который прошел в июне 1892 года в Санкт-Петербурге, было решено образовать добровольное пожарное общество, объединяющее пожарные организации России, которое начало свою работу на следующий год².

Важную роль в предупреждении пожаров и развитии пожарной техники сыграл организованный в 1895 г. из членов главного совета Общества технический комитет, в который входили видные инженеры и техники. Благодаря усилиям Общества в 1906 г. в Санкт-Петербурге были открыты курсы пожарных техников. Впервые за всю историю борьбы с огнем в России появились технически подготовленные пожарные работники³.

К концу 1927 года в Советском Союзе создается единая система государственного пожарного надзора, который вместе с профессиональными городскими и общественными пожарными частями, добровольными пожарными дружинами был призван осуществлять как предупредительные, так и оборонительные меры борьбы с огнем⁴.

Создание во всех союзных республиках СССР аппарата государственного пожарного надзора явилось закономерным этапом развития и реализации на практике основных положений ленинского декрета «Об организации государственных мер борьбы с огнем».

В последнее время когда в России происходит стремительный рост количества природных и техногенных катастроф возникает необходимость в создании мощной централизованной системы реагирования на аварии и чрезвычайные ситуации⁵. Таковым становится пожарная охрана на которую в соответствии с Федеральным законом «О пожарной безопасности» возлагаются задачи не только по профилактике и тушению пожаров, но и задачи по проведению аварийно-спасательных работ, спасению людей и имущества, оказание первой помощи. Причем если первоначально пожарная охрана привлекалась к аварийно-спасательным работам, связанным с пожарами, то в последнее время функции этой службы расширились и Государственная противопожарная служба сегодня привлекается к ликвидации последствий ДТП, иных аварии и катастроф.

1 января 2002 г. Государственная противопожарная служба Министерства внутренних дел Российской Федерации в соответствии с Указом Президента РФ преобразована в Государственную противопожарную службу Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, включив в ее состав входящие по состоянию на 1 октября 2001 г. в систему Государственной противопожарной службы Министерства внутренних дел Российской Федерации центральные и территориальные органы, подразделения, учреждения, предприятия, организации с состоящим на их балансе имуществом передана в ведение МЧС России⁶.

Данное событие и явилось началом формирования современной нормативной правовой базы по вопросам регулирования прохождения службы лицами рядового и начальствующего состава Государственной противопожарной службы⁷. На сегодняшний день правовую основу государственной службы по отношению к Государственной противопожарной службе составляют: Конституция РФ, Федеральный закон «О системе государственной службы РФ», Федеральный закон «О государственной гражданской службе РФ», Федеральный закон «О пожарной безопасности», Указ президента РФ «Вопросы министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий», Положение о службе в органах внутренних дел РФ, Положение о федеральной противопожарной службе, постановление Правительства РФ «О федеральном государственном пожарном надзоре», и др.

Сегодня Государственная противопожарная служба (ГПС) - это мощная оперативная служба в составе МЧС России, обладающая квалифицированными кадрами, современной техникой, имеющая развитые научную и учебную базы. Подразделения ГПС ежегодно совершают миллионы выездов, при которых спасают от гибели и травм на пожарах тысячи человек⁸.

¹ Чехов А.П. Исторический очерк пожарного дела в России. СПб., 1892.

² Щаблов Н.Н. Пылающая Русь / под ред. В.Н. Виноградова СПб., 1996.

³ Белецкий С., Руткевич П. Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. СПб., 1913.

⁴ Сборник постановлений и распоряжений по пожарной охране // Сост. И.Рыданов, К.Яичков. М.: Советское законодательство, 1931.

⁵ Попков, Д. В. Отдельные особенности организации объектов добровольных пожарных подразделений / Д. В. Попков, В. М. Шеншин, Н. В. Перегудова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2025. – № 1(330). – С. 122-128. – EDN TBTZAT.

⁶ Шеншин, В. М. О региональном нормативно-правовом регулировании порядка обучения населения мерам пожарной безопасности и информирования населения о мерах пожарной безопасности / В. М. Шеншин, Н. В. Перегудова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 11(328). – С. 124-128. – EDN KCLHSZ.

⁷ Семенова, У. С. Применение матричного кода (QR-кода) для исполнения административного наказания в виде административного штрафа за нарушение требований пожарной безопасности / У. С. Семенова, В. М. Шеншин // Административное право и процесс. – 2024. – № 5. – С. 47-49. – DOI 10.18572/2071-1166-2024-5-47-49. – EDN NVITBQ.

⁸ Шеншин, В. М. Технический регламент о требованиях пожарной безопасности претерпел изменения: краткий обзор некоторых нормативных правовых актов / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 10(315). – С. 106-113. – EDN XHUECF.

Государственная противопожарная служба является составной частью сил обеспечения безопасности личности, общества и государства и координирует деятельность других видов пожарной охраны, в нее входят:

1. Федеральная противопожарная служба;
2. Противопожарная служба субъектов Российской Федерации.

Которые в свою очередь состоят из структурных подразделений центрального аппарата и территориальных органов соответственно.

Основными задачами федеральной противопожарной службы являются:

- 1) организация и осуществление государственного пожарного надзора на территории Российской Федерации, за исключением объектов, государственный пожарный надзор на которых отнесен в соответствии с законодательством Российской Федерации к компетенции иных государственных органов;
- 2) организация и осуществление профилактики пожаров;
- 3) осуществление тушения пожаров в населенных пунктах, организация и осуществление тушения пожаров в закрытых административно-территориальных образованиях, особо важных и режимных организациях, в которых создаются специальные и воинские подразделения, в организациях, в которых создаются объектовые подразделения федеральной противопожарной службы, на объектах, охраняемых договорными подразделениями федеральной противопожарной службы, а также при проведении мероприятий федерального уровня с массовым сосредоточением людей, проведение аварийно-спасательных работ, спасение людей и имущества при пожарах;
- 4) координация деятельности других видов пожарной охраны в порядке, установленном законодательством Российской Федерации;
- 5) осуществление научно-технического обеспечения пожарной безопасности и координация научных исследований в области пожарной безопасности;
- 6) организация в пределах своей компетенции подготовки в образовательных учреждениях МЧС России, других образовательных учреждениях специалистов для пожарной охраны и организаций;
- 7) осуществление методического руководства и контроля деятельности по вопросам обучения населения в области обеспечения пожарной безопасности, а также организации подготовки в установленном порядке должностных лиц органов государственной власти в области пожарной безопасности.

Таким образом, проведя анализ становления нормативной базы ФПС МЧС России представляется возможным сделать вывод о том что, нормативная база пожарной охраны имеет богатую историю, но в то же время для эффективного решения вопросов пожарной безопасности необходимо продолжить работу по совершенствованию законодательства о службе в ФПС МЧС России на основе сформированной законодательной базы, для чего представляется важным повысить уровень законотворчества так, чтобы в системе МЧС России деятельность сотрудников регламентировалась современными нормами, а принимаемые нормативно-правовые акты соответствовали не только нормам международного права, но и соответствовали уровню развития общества и отражали реальное состояние дел.

Список литературы:

1. Чехов А.П. Исторический очерк пожарной дела в России. СПб., 1892.
2. Щаблов Н.Н. Пылающая Русь / под ред. В.Н. Виноградова СПб., 1996.
3. Белецкий С., Руткевич П. Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. СПб., 1913.
4. Сборник постановлений и распоряжений по пожарной охране // Сост. И.Рыданов, К.Яичков. М.: Советское законодательство, 1931.
5. Смирнова, А. А. Противозидемиологический кодекс Российской Федерации: от Устава о карантинных 1832 Г. До кодификации современного законодательства в сфере обеспечения эпидемиологической безопасности населения / А. А. Смирнова, Д. Д. Болотин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 1(66). – С. 37-46. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-1-37-46. – EDN RZXYMT.
6. Смирнова, А. А. История развития противопожарного законодательства дореволюционной России / А. А. Смирнова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, 2024. – 208 с. – ISBN 978-5-907883-16-1. – EDN RSYPPC.
7. Смирнова, А. А. От «чинов при пожарных инструментах» до начальника противопожарной охраны района: историко-правовой очерк начала становления регулярных пожарных команд на Русском Севере / А. А. Смирнова, С. Б. Немченко, Е. Н. Корчагина // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 1(62). – С. 24-33. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-24-33. – EDN JVPFFJ.
8. Попков, Д. В. Отдельные особенности организации объектовых добровольных пожарных подразделений / Д. В. Попков, В. М. Шеншин, Н. В. Перегудова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2025. – № 1(330). – С. 122-128. – EDN TBTZAT.
9. Шеншин, В. М. О региональном нормативно-правовом регулировании порядка обучения населения мерам пожарной безопасности и информирования населения о мерах пожарной безопасности / В. М. Шеншин, Н. В. Перегудова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 11(328). – С. 124-128. – EDN KCLHSZ.
10. Семенова, У. С. Применение матричного кода (QR-кода) для исполнения административного наказания в виде административного штрафа за нарушение требований пожарной безопасности / У. С. Семенова, В. М. Шеншин // Административное право и процесс. – 2024. – № 5. – С. 47-49. – DOI 10.18572/2071-1166-2024-5-47-49. – EDN NVITBQ.
11. Шеншин, В. М. Технический регламент о требованиях пожарной безопасности претерпел изменения: краткий обзор некоторых нормативных правовых актов / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 10(315). – С. 106-113. – EDN XHUECF.

References:

1. Chekhov A.P. Historical sketch of fire fighting in Russia. St. Petersburg, 1892.
2. Shchablov N.N. Flaming Russia / edited by V.N. Vinogradov, St. Petersburg, 1996.
3. Beletsky S., Rutkevich P. Historical sketch of the formation and development of police institutions in Russia. St. Petersburg, 1913.
4. Collection of resolutions and orders on fire protection // Comp. I.Rydanov, K.Yaichkov. M.: Soviet legislation, 1931.
5. Smirnova A.A. The Antiepidemiological Code of the Russian Federation: from the Quarantine Statute of 1832 to the codification of modern legislation in the field of epidemiological safety of the population / A.A. Smirnova, D.D. Bolotin // Pravo. Safety. Emergency situations. 2025. № 1(66). P. 37-46. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-1-37-46. – EDN RZXYMT.
6. Smirnova, A. A. The history of the development of fire protection legislation in pre-revolutionary Russia / A. A. Smirnova. – Saint Petersburg : Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Disaster Management named after Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev, 2024. – 208 p. – ISBN 978-5-907883-16-1. – EDN RSYPPC.
7. Smirnova A.A. From "ranks with fire tools" to the chief of fire protection of the district: a historical and legal sketch of the beginning of the formation of regular fire brigades in the Russian North / A.A. Smirnova, S.B. Nemchenko, E.N. Korzhagina // Law. Safety. Emergency situations. 2024. № 1(62). P. 24-33. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-24-33. – EDN JVPFFJ.
8. Popkov D. V., Shenshin V. M., Peregudova N. V. Individual features of the organization of object-based voluntary fire departments // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2025. – № 1(330). – Pp. 122-128. – EDN TBTZAT.
9. Shenshin, V. M. On the regional regulatory and legal regulation of the procedure for educating the population on fire safety measures and informing the population about fire safety measures / V. M. Shenshin, N. V. Peregudova // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2024. – № 11(328). – Pp. 124-128. – EDN KCLHSZ.
10. Semenova, U. S. The use of a matrix code (QR code) for the execution of an administrative penalty in the form of an administrative fine for violating fire safety requirements / U. S. Semenova, V. M. Shenshin // Administrative law and process. – 2024. – No. 5. – pp. 47-49. – DOI 10.18572/2071-1166-2024-5-47-49. – EDN NVITBQ.
11. Shenshin, V. M. The technical regulations on fire safety requirements have changed: a brief overview of some regulatory legal acts / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. – 2023. – № 10(315). – Pp. 106-113. – EDN XHUECF.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_78

УДК 930.24

ГЕНЕЗИС РАЗВИТИЯ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ THE GENESIS OF THE DEVELOPMENT OF THE LEGAL FOUNDATIONS FOR ENSURING RUSSIA'S NATIONAL SECURITY

ГАЛДА Михаил Владимирович,

Доцент кафедры физической подготовки Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России.

196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.

E-mail: mikhail.galda@mail.ru;

GALDA Mikhail Vladimirovich,

Associate Professor of the Department of Physical Training

at the Saint Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia.

149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.

E-mail: mikhail.galda@mail.ru

Краткая аннотация: в статье исследуются некоторые особенности развития правовых основ обеспечения национальной безопасности России. Раскрывается важный в современных реалиях вид безопасности – государственная безопасность.

Abstract: The article examines some features of the development of the legal framework for ensuring Russia's national security. It reveals an important type of security in modern realities – state security.

Ключевые слова: национальная безопасность, государственная безопасность, государство, обеспечение национальной безопасности, ensuring national security.

Keywords: national security, State security, state.

Для цитирования: Галда М.В. Генезис развития правовых основ обеспечения национальной безопасности России // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 78-81. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_78.

For citation: Galda M.V. The genesis of the development of the legal foundations for ensuring Russia's national security // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 78-81. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_78.

Статья поступила в редакцию: 13.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

В литературе отмечается, что «вопросы безопасности являлись ключевыми в политике Российского государства практически с момента его образования»¹. Связано это с тем, что безопасность «присуща всей социальной структуре общества от конкретной личности до любого объединения людей»², включая объединение в форме государства³.

И.Б. Кардашова отмечает, что впервые само понятие «безопасность» встречается еще в 1190 году в работах философа А. Роббера, который говорил, что это «спокойное состояние духа человека, считающего себя защищенным от любой опасности»⁴.

Сама идея о государственной безопасности возникла на историческом этапе Древней Руси. Такой вывод следует из того, что создаваемые правовые положения были нацелены на саморегуляцию общества того периода, а также на установление «правильных» правил общежития и поведения. Причем их нарушение расценивалось в качестве посягательства на безопасность общества. Условно можно сказать, что обеспечение безопасности в рассматриваемом периоде равнялось безопасности существующих институтов власти и безопасности государства от любого внешнего врага.

В литературе указывается, что термин «безопасность» появился в источниках России только в XVI веке⁵, но законодательство рассматриваемого периода не раскрывало этого понятия⁶. Тем не менее, понятие безопасности рассматривалось применительно к безопасности государства, что подразумевало установление специальной ответственности за преступления в отношении государства⁷.

Так, статья 9 Судебника 1497 года предписывала «государскому убийце и коромолнику, церковному татю, и головному, и подымщику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казнию»¹. Как видим, приведенные положения условно можно отнести к нормам, содержащим зачатки института обеспечения безопасности государства.

Тем не менее, уже в Соборном Уложении 1649 года сформулированы приоритеты государственной охраны разных институтов, среди

¹ Чапчиков С.Ю. Концептуальные основания национальной безопасности и механизм ее обеспечения: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. – Курск: Юго-Западный государственный ун-т, 2018. – С. 9.

² Бегеца В.В. Национальная безопасность: понятия, содержание, значение // Вестник Национального ин-та бизнеса. – 2019. – № 5. – С. 269; Военное право / А. В. Кудашкин, В. К. Аулов, В. В. Бараненков [и др.]. Том II. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Центр правовых коммуникаций", 2021. – 888 с. – ISBN 978-5-6042565-2-7. – EDN WODYTL.

³ Ирошников, Д. В. Безопасность как категория международного публичного права: теоретический аспект / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 1(54). – С. 11-22. – EDN WCAУМУ.

⁴ Кардашова И.Б. Основы теории национальной безопасности: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2019. – С. 12.

⁵ Гриняев С.Н., Мареев П.Л., Медведев Д.А. Национальная безопасность России: сущность, виды, понятийный аппарат. – М.: АНО ЦСОиП, 2021. – С. 12.

⁶ Шеншин, В. М. О правовом регулировании обеспечения безопасности / В. М. Шеншин // Конституционное и муниципальное право. – 2025. – № 7. – С. 32-36. – DOI 10.18572/1812-3767-2025-7-32-36. – EDN GDSZRT.

⁷ Шеншин, В. М. Совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества при обеспечении общественной безопасности / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 6. – С. 283-287. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_6_283. – EDN QMOKXN.

которых государственная защита стала основной. Такой вывод исследователи делают исходя из того, что рассматриваемый документ стал исторически первым законодательным актом, «в котором дана если не исчерпывающая, то все же относительно полная система государственных преступлений»².

Думается, что все-таки такое понимание не совсем верно, поскольку оно исходит из ограниченного взгляда на область государственной безопасности. Так, по Соборному Уложению 1649 года государственные преступления были подразделены отдельно на посягательства на самого государя, то есть, как на личность, а также на преступления, посягающие на государственную власть. В любом случае, для законодателя XVII века государство – это царь, а значит, включение в Соборное Уложение 1649 года ответственности за деяния, угрожающие ему и его власти, наглядно показывают значение и понимание необходимости защиты государства.

Нужно сказать, что именно XVII век стал периодом, когда были заложены основы обеспечения государственной безопасности, так как появилось учреждение, основной функцией которого являлось, в первую очередь, обеспечение государственной безопасности. Речь идет о Приказе тайных дел, осуществлявшем контроль иных учреждений, расследовавшим самые значимые политические преступления, то есть преступления, посягающие на госбезопасность³. Также ко второй половине XVII века относят появление государственной тайны в том ее понимании, в котором мы ее знаем сейчас. Кроме этого, были созданы сыскные и следственные учреждения.

Время правления Петра I, равно как и Екатерины II отличается тем, что теория государственной безопасности получила толчок в своем развитии с учетом существующих учений зарубежных просветителей. В качестве основной идеи стало положение, что государственной безопасностью, по сути, это безопасность всего общества, складывающаяся из необходимости обеспечения безопасности членов общества, закрепленной законодательно. В основе безопасности должно лежать сознательное ограничение гражданской свободы – «вольность есть право все то делать, что законы дозволяют»⁴ – отмечалось в Наказе Екатерины II, данным ей в адрес Комиссии о составлении проекта Уложения взамен Соборного Уложения 1649 года.

Петр I в процессе реформы системы государственного управления еще в 1718 году учредил профессиональный орган – полицию, основной задачей, как известно, стала борьба с преступностью. Полиция выполняла и иные обязанности, связанные с обеспечением безопасности в широком смысле, например, «контроль за пожарной безопасностью»⁵, за санитарией, за выполнением торговцами правил торговли и так далее.

Полномочиями, связанными с обеспечением государственной безопасности, были наделены разные государственные институты. Так, еще в 1695 году был создан Преображенский приказ, на который с 1702 года Петром I были возложены полномочия следствия, а также суда в отношении политических преступлений.

Отметим, что в качестве основополагающего правила обеспечения безопасности в период XVI-XVIII веков было определение, согласно которому «только власть государя, справедливая и законная, единственная способна обеспечить мир и безопасность в стране, экономическое процветание»⁶.

Отдельно нужно сказать о роли в обеспечении государственной безопасности регулярной армии – «армия так нужна, что без нее государству стоять невозможно»⁷. Ее формирование осуществлялось посредством рекрутских наборов, то есть служили в армии, фактически, пожизненно.

Кроме того, важную роль играли разные учреждения, чьей целью было выявление казнокрадства и взяточничества, которые также рассматривались на тот период как угроза государственной безопасности⁸. Например, были созданы специальные следственные комиссии, называемые майорскими канцеляриями, или такой орган, как Тайная канцелярия, которая имела особый статусом в существующей структуре органов государственной власти. Именно Тайная канцелярия являлась основным учреждением, чья деятельность была направлена на охрану государственной безопасности.

XVIII век характеризуется тем, что в этот период складывается понимание не только самой государственной безопасности, но и формирования ее обеспечения. Государственной безопасностью формируется на основе правопорядка национальной и общественной безопасности, которые обеспечивают безопасность любого гражданина государства.

Ф.П. Руденко при исследовании национальной безопасности в XVIII – начале XX веков указывает, что к началу указанного периода в Российской Империи насчитывалось примерно 150 народностей, этносов и наций. Кроме того, под протекторат Империи попали Бухарский эмират и Хивинское ханство. В Империи были признаны разные вероисповедания, но основным признавалось православие, и только православной церкви разрешалась «миссионерская деятельность, уход из нее воспрещался»⁹. Для совершенствования безопасности, как отмечает автор, было

¹ Стрельников С.В. К вопросу о применении законодательных норм в российской судебной практике начала XVI века // Ленинградский юридический журнал. – 2018. – С. 84.

² Цит. по: Уголовное право. В 2 т. Т. 2: Особенная часть: учебник для вузов / А.В. Наумов, и др.; отв. ред. А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. – М.: Юрайт, 2023. – С. 473.

³ Штейников С.Н. Использование структурного метода исследования при изучении политического сыска России в XVII-XIX вв. // Вестник ПГГПУ. – 2020. – № 1. – С. 29.

⁴ Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения. 1767-1768 годов // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина. – [Электронный ресурс]. URL: <http://музейреформ.рф/node/13646>, дата обращения (13.09.2025).

⁵ Санникова С.С. Развитие системы обеспечения национальной безопасности в России // Вопросы экономики и права. – 2013. – № 12. – С. 13.

⁶ Гриняев С.Н., Мареев П.Л., Медведев Д.А. Указ. соч. – С. 12.

⁷ Санникова С.С. Указ. соч. – С. 13.

⁸ Шеншин, В. М. О взаимодействии государства и гражданского общества в сфере обеспечения общественной безопасности / В. М. Шеншин // Вестник Поволжского института управления. – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 72-79. – EDN YWSDQZ.

⁹ Руденко Ф.Г. Обеспечение национальной безопасности в Российской Империи (XVIII – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – СПб.: Юридический ин-т. 2010. – С. 13; Кийко, А. Ю. Роль Русской Православной Церкви в духовно-нравственном воспитании личного состава войск национальной гвардии / А. Ю. Кийко, К. Г. Прокофьев, В. М. Шеншин // Теория государства и права. – 2024. – № 4(41). – С. 102-113. – DOI 10.25839/MATGIP_2024_4_41_102. – EDN MGYJFK.

нужно сформировать совершенно новую культуру, распространить ее во все слои общества для того, чтобы связать все нации и этносы в одно целое, что и «предопределяло формирование в стране прообраза национальной безопасности»¹.

Показателем развития обеспечения национальной безопасности в XVIII – начале XX веков стало то, что в указанный период сформировались элементы законности. Это значит, что государственные органы и их служащие начали строго следовать действующим правовым нормам.

Понятие «государственной безопасности» было использовано в России впервые в XIX веке в Распоряжении «О мерах к сохранению государственного порядка и общественного спокойствия и приведению определенных местностей в состояние усиленной охраны» (далее – Распоряжение от 1881 года), которое было издано в 1881 году². В понятие государственной безопасности были включены следующие компоненты – это защищенность не только государства и его порядка, но также общественного спокойствия. С учетом данного распоряжения политическая полиция была вправе на территории сразу 10 губерний³ в случае необходимости действовать по собственному усмотрению, то есть, не подчиняясь суду и администрации губернии. При этом политическая полиция была вправе в любой момент, например, закрыть предприятие, выслать нежелательное лицо, закрыть печатное издание и прочее. Причиной могло послужить любое подозрение в покушении на государственную безопасность в той или иной форме.

Думается, что изданию исследуемого документа способствовало бурное развитие революционного движения, поскольку в части охраны государственной безопасности остро встал вопрос о том, что нужно прекратить всякие попытки покушений на общественный порядок и, главное, на государственную власть.

С учетом существующих внутренних и внешних угроз, в XIX веке происходит разделение государственной безопасности, соответственно, на внутреннюю и внешнюю. Происходит дальнейшее развитие системы государственной безопасности. Империя ведет борьбу не только с заговорами и инакомыслием, но также с иностранным шпионажем и другими правонарушениями. Вопросами государственной безопасности занималось в этот период Третье отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, а также корпус жандармов, находящийся в его подчинении⁴. В основе государственной безопасности в это время была положена, в первую очередь, безопасность государства.

Именно в XIX веке безопасность начинает рассматриваться в качестве мирного сосуществования отдельных государств, которые обладают собственным суверенитетом, то есть каждое из них сохраняет свою систему власти и государственный строй, мнение на культурные традиции и религию, и прочее. В этот же период в источниках российских исследователей начинает употребляться понятие «государственная безопасность»; «сфера безопасности – это монополия государства»⁵. Понятия «государственный порядок» и «общественная безопасность» применяются в качестве единого целого.

Распоряжение от 1881 года, фактически, имело временный характер и просуществовало до 1917 года. Исторические события начала XX века показывают нам, что органы государственной безопасности Российской Империи оказались просто не готовы к эффективным мерам и действиям во время революционных событий. Именно начало XX века стало тем периодом, когда были созданы совершенно новые условия развития России как государства. Кроме того, итоги Первой мировой войны показали, что основные государства мира будут и далее бороться за реализацию исключительно собственных политических идей.

В литературе указывается на целый ряд произошедших в этот период событий, которые повлияли на формирование понимания обеспечения государственной безопасности в XX веке, в частности:

- а) изменение существующего баланса сил в международных отношениях⁶;
- б) научно-технический прогресс практически во всех отраслях науки и техники;
- в) появление разных видов оружия массового поражения;
- г) Октябрьская революция 1917 года⁷, и прочее.

Именно новой – советской власти удалось в максимально короткие сроки создать государственный механизм, совершенно новую систему обеспечения защиты государственной безопасности – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР, Государственное политическое управление, наркоматы и прочие органы, которые сыграли важную роль для мобилизации государственных ресурсов, как материальных, так и людских для подавления на корню любых политических противников.

Таким образом, изучение истории развития правового оформления обеспечения национальной безопасности позволяет сделать вывод, что в любой период существования нашего государства в том или ином виде политика обеспечения национальной безопасности была сферой интересов и реализации именно государства. Само понятие безопасности с рассматриваемой точки зрения на ранних стадиях развития российского государства сводилось к его защите и охране от разных негативных внешних и внутренних воздействий.

¹ Там же. – С. 13.

² Линдер И.Б., Чуркин С.А. Спецслужбы России за 1000 лет / под ред. А. Нестеровой. – М.: Рипол-Классик, 2020. – С. 292.

³ На 1881 год Российская Империя включала 77 губерний и 17 областей. См.: Административно-территориальное деление Российской империи // Российская Империя. История государства российского. – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rusempire.ru/rossijskaya-imperiya/administrativno-territorialnoe-delenie-rossijskoj-imperii.html?ysclid=lfhx027iz7207488423>, дата обращения (13.09.2025).

⁴ См.: Седунов А.В. Государственная безопасность России в XIX веке: концептуальные основы и правовое оформление // Вестник Новгородского государственного ун-та. – 2005. – № 33. – С. 42.

⁵ Гриняев С.Н., Мареев П.Л., Медведев Д.А. Национальная безопасность России: сущность, виды, понятийный аппарат. – М.: АНО ЦСОИП, 2021. – С. 15.

⁶ Ирошников, Д. В. Становление отрасли законодательства о безопасности в России / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 3(52). – С. 17-27. – EDN IENSKM.

⁷ Гриняев С.Н., Мареев П.Л., Медведев Д.А. Указ. соч. – С. 16.

Список литературы:

1. Чапчиков С.Ю. Концептуальные основания национальной безопасности и механизм ее обеспечения: теоретико-правовое исследование: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. – Курск: Юго-Западный государственный ун-т, 2018.
2. Бебеза В.В. Национальная безопасность: понятия, содержание, значение // Вестник Национального ин-та бизнеса. – 2019. – № 5. – С. 269.
3. Кардашова И.Б. Основы теории национальной безопасности: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2019. – С. 12.
4. Гриняев С.Н., Мареев П.Л., Медведев Д.А. Национальная безопасность России: сущность, виды, понятийный аппарат. – М.: АНО ЦСОиП, 2021. – С. 12.
5. Шеншин, В. М. О правовом регулировании обеспечения безопасности / В. М. Шеншин // Конституционное и муниципальное право. – 2025. – № 7. – С. 32-36. – DOI 10.18572/1812-3767-2025-7-32-36. – EDN GDSZRT.
6. Военное право / А. В. Кудашкин, В. К. Аулов, В. В. Бараненков [и др.]. Том II. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Центр правовых коммуникаций", 2021. – 888 с. – ISBN 978-5-6042565-2-7. – EDN WODYTL.
7. Шеншин, В. М. Совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества при обеспечении общественной безопасности / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 6. – С. 283-287. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_6_283. – EDN QMOKXN.
8. Стрельников С.В. К вопросу о применении законодательных норм в российской судебной практике начала XVI века // Ленинградский юридический журнал. – 2018. – С. 84.
9. Штейников С.Н. Использование структурного метода исследования при изучении политического сыска России в XVII-XIX вв. // Вестник ПГГПУ. – 2020. – № 1. – С. 29.
10. Санникова С.С. Развитие системы обеспечения национальной безопасности в России // Вопросы экономики и права. – 2013. – № 12. – С. 13.
11. Шеншин, В. М. О взаимодействии государства и гражданского общества в сфере обеспечения общественной безопасности / В. М. Шеншин // Вестник Поволжского института управления. – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 72-79. – EDN YWSDQZ.
12. Руденко Ф.Г. Обеспечение национальной безопасности в Российской Империи (XVIII – начало XX вв.): автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – СПб.: Юридический ин-т, 2010.
13. Кийко, А. Ю. Роль Русской Православной Церкви в духовно-нравственном воспитании личного состава войск национальной гвардии / А. Ю. Кийко, К. Г. Прокофьев, В. М. Шеншин // Теория государства и права. – 2024. – № 4(41). – С. 102-113. – DOI 10.25839/MATGIP_2024_4_41_102. – EDN MGYJFK.
14. Линдер И.Б., Чуркин С.А. Спецслужбы России за 1000 лет / под ред. А. Нестеровой. – М.: Рипол-Классик, 2020. – С. 292.
15. Ирошников, Д. В. Безопасность как категория международного публичного права: теоретический аспект / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 1(54). – С. 11-22. – EDN WCAYMY.
16. Ирошников, Д. В. Становление отрасли законодательства о безопасности в России / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 3(52). – С. 17-27. – EDN IENSKM.
17. Седунов А.В. Государственная безопасность России в XIX веке: концептуальные основы и правовое оформление // Вестник Новгородского государственного ун-та. – 2005. – № 33. – С. 42.
18. Гриняев С.Н., Мареев П.Л., Медведев Д.А. Национальная безопасность России: сущность, виды, понятийный аппарат. – М.: АНО ЦСОиП, 2021. – С. 15.

References:

1. Chapchikov S.Y. Conceptual foundations of national security and the mechanism of its provision: theoretical and legal research: abstract of the dissertation. ...Dr. Jurid. sciences: 12.00.01. – Kursk: Southwestern State University, 2018.
2. Begeza V.V. National security: concepts, content, meaning // Bulletin of the National Institute of Business. – 2019. – No. 5. – P. 269.
3. Kardashova I.B. Fundamentals of the theory of national security: a textbook for universities. – M.: Yurayt, 2019. – p. 12.
4. Grinyayev S.N., Mareev P.L., Medvedev D.A. National security of Russia: essence, types, conceptual framework. Moscow: ANO CSOIP, 2021. – p. 12.
5. Shenshin, V. M. On the legal regulation of security / V. M. Shenshin // Constitutional and municipal law. – 2025. – No. 7. – pp. 32-36. – DOI 10.18572/1812-3767-2025-7-32-36. – EDN GDSZRT.
6. Military law / A.V. Kudashkin, V. K. Aulov, V. V. Baranenkova [and others]. Volume II. – Moscow : Limited Liability Company "Center for Legal Communications", 2021. – 888 p. – ISBN 978-5-6042565-2-7. – EDN WODYTL.
7. Shenshin, V. M. Improving the mechanisms of interaction between the state and civil society in ensuring public safety / V. M. Shenshin // Law and the state: theory and practice. – 2025. – No. 6. – pp. 283-287. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_6_283. – EDN QMOKXN.
8. Strelnikov S.V. On the issue of the application of legislative norms in Russian judicial practice at the beginning of the 16th century // Leningrad Journal of Law, 2018, p. 84.
9. Shteynikov S.N. The use of the structural research method in the study of the political investigation of Russia in the XVII-XIX centuries // Bulletin of the Russian State Pedagogical University. – 2020. – No. 1. – P. 29.
10. Sannikova S.S. Development of the national security system in Russia // Issues of economics and law. – 2013. – No. 12. – S. 13.
11. Shenshin, V. M. On the interaction of the state and civil society in the field of public safety / V. M. Shenshin // Bulletin of the Volga Institute of Management. – 2025. – Vol. 25, No. 4. – pp. 72-79. – EDN YWSDQZ.
12. Rudenko F.G. Ensuring national security in the Russian Empire (XVIII – early XX centuries): abstract of the dissertation. ... kand. jurid. sciences: 12.00.01. – St. Petersburg: Law Institute, 2010.
13. Kiiko, A. Y. The role of the Russian Orthodox Church in the spiritual and moral education of the personnel of the National Guard troops / A. Y. Kiiko, K. G. Prokofiev, V. M. Shenshin // Theory of the state and law. – 2024. – No 4(41). – Pp. 102-113. – DOI 10.25839/MATGIP_2024_4_41_102. – EDN MGYJFK.
14. Linder I.B., Churkin S.A. Special services of Russia for 1000 years / edited by A. Nesterova. Moscow: Ripol-Classic, 2020. – p. 292.
15. Iroshnikov, D. V. Security as a category of international public law: a theoretical aspect / D. V. Iroshnikov // Law. Without is a danger. Emergency situations. – 2022. – No 1(54). – Pp. 11-22. – EDN WCAYMY.
16. Iroshnikov, D. V. The formation of the branch of security legislation in Russia / D. V. Iroshnikov // Law. Safety. Emergency situations. – 2021. – No 3(52). – Pp. 17-27. – EDN IENSKM.
17. Sedunov A.V. State security of Russia in the 19th century: conceptual foundations and legal formalization // Bulletin of the Novgorod State University. - 2005. – No. 33. – p. 42.
18. Grinyayev S.N., Mareev P.L., Medvedev D.A. National security of Russia: essence, types, conceptual framework. Moscow: ANO CSOIP, 2021. – p. 15.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_82

УДК 342

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ДОГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕГУЛЯТОРОВ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ НА РУСИ ON THE ESSENCE OF PRE-STATE REGULATORS OF SOCIAL RELATIONS IN RUSSIA

НАЗАРОВА Ирина Сергеевна,

Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

198206, Россия, г. Санкт-Петербург, улица Лётчика Пилютова, 1.

E-mail: irina-nazarova@inbox.ru;

NAZAROVA Irina Sergeevna,

Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Scientific Research Center

Military Order of Zhukov of the Academy of the National Guard of the Russian Federation,

Candidate of Law, Associate Professor.

198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Street Pilot, 1.

E-mail: irina-nazarova@inbox.ru

Краткая аннотация: материалы статьи посвящаются исследованию догосударственных регуляторов, выступающих сложной системой мононорм, синкретически сочетающих в себе правовые, моральные и религиозные начала; делается вывод о том, что обычное право было основным источником права в догосударственный период и оказало значительное влияние на последующее развитие правовой системы Древнерусского государства; отмечается, что в условиях Специальной военной операции обращение к историческим корням российского правосознания приобретает особую актуальность, способствуя укреплению духовно-нравственных основ российского государства и его вооруженных сил.

Abstract: The article focuses on the study of pre-state regulators, which are a complex system of mononorms that combine legal, moral, and religious principles in a syncretic way. The authors conclude that customary law was the primary source of law during the pre-state period and had a significant impact on the subsequent development of the legal system in the Old Russian state. In the context of the Special Military Operation, addressing the historical roots of Russian legal consciousness becomes particularly relevant, contributing to the strengthening of the spiritual and moral foundations of the Russian state and its armed forces.

Ключевые слова: обычай, обычное право, «Русская Правда», Древнерусское государство, религиозные нормы, нормы права, мононормы.

Keywords: custom, customary law, Russkaya Pravda, the Old Russian state, religious norms, legal norms, and mononorms.

Для цитирования: Назарова И.С. К вопросу о сущности догосударственных регуляторов общественных отношений на Руси // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 82-84. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_82.

For citation: Nazarova I.S. On the essence of pre-state regulators of social relations in Russia // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 82-84. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_82.

Статья поступила в редакцию: 16.09.2025**Дата публикации: 03.10.2025**

Изучение догосударственных регуляторов общественных отношений на Руси представляет значительный научный и практический интерес в современных условиях. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью понимания исторических корней правосознания российского общества, формирования национальной идентичности и сохранения традиционных ценностей. В контексте Специальной военной операции осознание глубинных основ общественной регуляции приобретает особое значение для укрепления духовно-нравственных основ российского государства и его вооруженных сил. Исторический опыт показывает, что устойчивость общества в переломные моменты во многом зависит от сохранения и адаптации традиционных механизмов социальной регуляции, что непосредственно касается совершенствования правового и морального статуса военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии¹.

В научной литературе существуют различные подходы к пониманию сущности догосударственных регуляторов. Н.М. Карамзин подчеркивал, что в догосударственный период гражданское правосудие основывалось преимущественно на «совести и древних обычаях каждого племени»². С.М. Соловьев акцентировал внимание на том, что именно древнее обычное право восточных славян легло в основу последующего законодательства, в том числе «Русской Правды»³. М.Ф. Владимирский-Буданов утверждал, что для древнейшего российского права характерно господство обычного права, где «государственное и частное слиты, как равносильные»⁴. Современные исследователи, в частности, И.Н. Фалалеева, рассматривают догосударственные регуляторы как сложную систему мононорм, синкретически сочетающих правовые, моральные и религиозные начала⁵.

В догосударственный период на Руси источниками права выступали различные социальные регуляторы. К основным из них относи-

¹ Кийко, А. Ю. Роль Русской Православной Церкви в духовно-нравственном воспитании личного состава войск национальной гвардии / А. Ю. Кийко, К. Г. Прокофьев, В. М. Шеншин // Теория государства и права. – 2024. – № 4(41). – С. 102-113. – DOI 10.25839/MATGIP_2024_4_41_102. – EDN MGYJFK.

² Карамзин Н.М. История государства российского. Т. 5. М.: Наука, 1993. – С. 320.

³ Соловьев С.М. История России. Том VII. – М.: Изд-во: Лань. ISBN: 978-5-507-10241-9. Электронное издательство.

⁴ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб: Изд-во Оглобина Н.Я., 1909. – С. 530-531.

⁵ Фалалеева И.Н. Политико-правовая система Древней Руси IX–XI вв. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. – С. 201.

лись: обычное право (совокупность правил поведения, сложившихся в результате длительного и повторяющегося применения), моральные нормы (представления о добре и зле, хорошем и плохом), религиозные нормы (правила поведения, основанные на языческих верованиях), а также межплеменные договоренности. Эти регуляторы существовали преимущественно в устной форме и передавались из поколения в поколение через традиции, обряды и фольклор¹.

Мораль в догосударственный период на Руси представляла собой систему представлений о должном поведении, основанную на понятиях добра и зла, справедливости и чести. Эти представления складывались стихийно в процессе общения людей и были тесно связаны с родовым укладом жизни. Моральные нормы отличались синкретизмом — они не отделялись четко от религиозных предписаний и обычаев. Важной особенностью морали этого периода была ее коллективистская направленность — интересы рода и племени ставились выше интересов отдельного человека. Соблюдение моральных норм обеспечивалось общественным мнением и внутренними убеждениями людей.

Нормы морали регулировали широкий спектр общественных отношений в догосударственный период:

- Семейно-брачные отношения — определяли правила выбора брачного партнера, поведения супругов, отношения между родителями и детьми².
- Межличностные отношения внутри рода и племени — предписывали правила взаимопомощи, уважения к старшим, гостеприимства.
- Отношения между родами и племенами — устанавливали нормы мирного сосуществования, разрешения конфликтов.
- Хозяйственные отношения — регламентировали справедливое распределение продуктов труда, взаимовыручку в сельскохозяйственных работах.
- Отношения в области воспитания — определяли моральные идеалы и образцы для подражания³.

Религиозные нормы в догосударственный период на Руси основывались на языческих верованиях восточных славян. Они представляли собой систему правил поведения, направленных на установление и поддержание связи человека с божествами и духами. Эти нормы отличались ритуализированностью — строго регламентировали порядок совершения обрядов и жертвоприношений. Религиозные нормы имели синкретический характер, тесно переплетаясь с моралью и обычаями. Их исполнение обеспечивалось страхом перед сверхъестественным наказанием и верой в возможность потустороннего воздаяния⁴.

Религиозные нормы регулировали следующие виды общественных отношений:

- Культовые отношения — порядок совершения жертвоприношений, молений и других религиозных обрядов.
- Календарные обряды — правила проведения праздников, связанных с временами года и сельскохозяйственным циклом.
- Отношения в области погребального культа — регламентация обрядов погребения и поминовения предков.
- Семейно-брачные отношения — освящение брака через религиозные обряды, защита святости семейных уз.
- Отношения в области правосудия — использование религиозных клятв и испытаний для разрешения споров.

Обычаи представляли собой правила поведения, сложившиеся в результате длительной практики и ставшие привычными для членов рода или племени. Они отличались устным характером передачи из поколения в поколение, традиционностью и устойчивостью. Обычаи были детализированы и содержали конкретные предписания на все случаи жизни. Они обеспечивались мерами общественного воздействия — от осуждения до изгнания из общины. Особенностью обычаев была их тесная связь с конкретной местностью и социальной группой, что обуславливало их разнообразие у разных племен¹.

Нормы обычаев регулировали практически все сферы жизни древнеславянского общества:

- Земельные отношения — порядок распределения и использования земель, угодий.
- Торговые отношения — правила осуществления торговых операций, меры весов и объемов.
- Наследственные отношения — порядок передачи имущества после смерти.
- Уголовно-правовые отношения — правила кровной мести, система выкупов за преступления.
- Военная организация — порядок формирования ополчения, правила ведения войны.
- Процессуальные отношения — способы разрешения споров, доказательства.

Обычное право в догосударственный период представляло собой совокупность правовых обычаев, санкционированных общественным мнением и постепенно приобретавших обязательный характер. Его содержание включало нормы, регулирующие имущественные отношения (способы приобретения права собственности, порядок осуществления сделок), обязательственные отношения (формы заключения договоров, ответственность за нарушение обязательств), наследственное право (правила наследования по закону), уголовное право (система преступлений и наказаний), процессуальное право (формы судебного разбирательства). Особенностью обычного права было преобладание символических действий и формальных ритуалов при совершении юридически значимых действий.

Сущность обычного права заключалась в том, что оно представляло собой первую форму правового регулирования, возникшую на ос-

¹ Законодательство Древней Руси // Российское законодательство X-XX вв.: В 9 т. — М.: Юрид. лит., 1984. — Т. 1. — С. 724.

² Шеншин, В. М. О необходимости правового регулирования заключения брака с несовершеннолетними / В. М. Шеншин, Д. А. Прокофьева // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. — 2021. — № 3(52). — С. 9-16. — EDN YSRRIT.

³ Виниченко, Л. А. Формирование социально-адаптированной личности воспитанника детского дома в процессе взаимодействия с учреждениями социума : специальность 13.00.01 "Общая педагогика, история педагогики и образования" : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Виниченко Людмила Александровна. — Белгород, 2009. — 231 с. — EDN QEIOBL.

⁴ История России с древнейших времен до наших дней: учебник / под ред. А.Н. Сахарова. — М.: Проспект, 2010. — С. 146.

нове трансформации социальных норм первобытного общества. Обычное право носило консервативный характер, отражая накопленный поколениями опыт регулирования общественных отношений. Его отличительными чертами были: коллективистская направленность (приоритет интересов рода над индивидуальными интересами), казуистичность (отсутствие общих правил, преобладание конкретных прецедентов), символизм (использование символических действий для выражения правового смысла), религиозная окрашенность (связь с языческими верованиями). Обычное право служило основой для последующего развития правовой системы Древнерусского государства².

Таким образом, догосударственные регуляторы представляли собой сложную систему мононом, синкретически сочетавших правовые, моральные и религиозные начала.

Обычное право было основным источником права в догосударственный период и оказало значительное влияние на последующее развитие правовой системы Древнерусского государства.

Моральные, религиозные нормы и обычаи регулировали все сферы жизни древнеславянского общества, обеспечивая его стабильность и преемственность поколений.

Понимание исторических традиций служения Отечеству способствует укреплению патриотического сознания и воинского духа.

Изучение механизмов регуляции поведения в экстремальных условиях древности может быть использовано для совершенствования системы морально-психологического обеспечения современных вооруженных сил.

Осознание глубинных основ правосознания российского общества важно для формирования правовой культуры военнослужащих и понимания ими социальной значимости своей службы.

Исторический опыт функционирования догосударственных регуляторов свидетельствует о необходимости сочетания правовых норм с морально-нравственными основами при регулировании служебной деятельности военнослужащих.

В условиях Специальной военной операции обращение к историческим корням российского правосознания приобретает особую актуальность, способствуя укреплению духовно-нравственных основ российского государства и его вооруженных сил.

Список литературы:

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб: Изд-во Оглобина Н.Я., 1909. - 699 с.
2. Законодательство Древней Руси // Российское законодательство X-XX вв.: В 9 т. - М.: Юрид. лит., 1984. - Т. 1. - 1024 с.
3. Исаев И.А. История государства и права России: учебник. - Москва: Норма: Инфра-М., 2025. - 800 с.
4. История России с древнейших времен до наших дней: учебник / под ред. А.Н. Сахарова. - М.: Проспект, 2010. - 980 с.
5. Карамзин Н.М. История государства российского. Т. 5. М.: Наука, 1993. - 554 с.
6. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. - М.: Мысль, 1993. - 840 с.
7. Лисицын Н.В. Обычаи русского права: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2010. - 190 с.
8. Памятники русского права / под ред. С.В. Юшкова. - М., 1952. Вып. I. - 728 с.
9. Петров И.В. Торговые правоотношения и формы расчетов Древней Руси (VIII-X вв.). - СПб.: Изд-во НУ «Центр стратегических исследований», 2011. - 308 с.
10. Русская Правда // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Русская_Правда.
11. Стратонов И.А. К вопросу о составе и происхождении Краткой редакции Русской Правды. - Казань, 1920. - 340 с.
12. Соловьев С.М. История России. Том VII. - М.: Изд-во: Лань. ISBN: 978-5-507-10241-9. Электронное издательство.
13. Фалалеева И.Н. Политико-правовая система Древней Руси IX-XI вв. - Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. - 297 с.
14. Янин В.Л. Законодательство Древней Руси. - М.: Наука, 1984. - 490 с.
15. Ярославцев В.Н. Догосударственные формы социальной регуляции. - СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. - 680 с.
16. Кийко, А. Ю. Роль Русской Православной Церкви в духовно-нравственном воспитании личного состава войск национальной гвардии / А. Ю. Кийко, К. Г. Прокофьев, В. М. Шеншин // Теория государства и права. - 2024. - № 4(41). - С. 102-113. - DOI 10.25839/MATGIP_2024_4_41_102. - EDN MGYJFK.
17. Виниченко, Л. А. Формирование социально-адаптированной личности воспитанника детского дома в процессе взаимодействия с учреждениями социума : специальность 13.00.01 "Общая педагогика, история педагогики и образования" : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Виниченко Людмила Александровна. - Белгород, 2009. - 231 с. - EDN QEIOBL.
18. Шеншин, В. М. О необходимости правового регулирования заключения брака с несовершеннолетними / В. М. Шеншин, Д. А. Прокофьева // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. - 2021. - № 3(52). - С. 9-16. - EDN YSRRT.

References:

1. Vladimirovsky-Budanov M.F. Review of the history of Russian law. St. Petersburg: Oglobin Publishing House, N.Ya., 1909. - 699 p.
2. The legislation of Ancient Russia // Russian legislation of the X-XX centuries: In 9 volumes, Moscow: Jurid. lit., 1984, vol. 1, 1024 p.
3. Isaev I.A. History of the state and law of Russia: textbook. - Moscow: Norma: Infra-M., 2025. - 800 p.
4. The history of Russia from ancient times to the present day: a textbook / edited by A.N. Sakharov. Moscow: Prospekt, 2010. - 980 p.
5. Karamzin N.M. The history of the Russian state. Vol. 5. Moscow: Nauka, 1993. 554 p.
6. Klyuchevsky V.O. Russian history. A complete course of lectures in three books. Book 1. Moscow: Mysl, 1993. 840 p.
7. Lisitsyn N.V. Customs of Russian law: dis. ... kand. jurid. Sciences. - M., 2010. - 190 p
8. Monuments of Russian law / edited by S.V. Yushkov. - M., 1952. Issue I. - 728 p
9. Petrov I.V. Trade relations and forms of settlements of Ancient Russia (VIII-X centuries). - St. Petersburg: Publishing House of NU "Center for Strategic Studies", 2011. - 308 p.
10. Russian Truth // Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Russian_Truth.
11. Stratonov I.A. On the composition and origin of the Short Edition of Russian Truth. - Kazan, 1920. 340 p.
12. Solovyov S.M. The History of Russia. Volume VII. - M.: Publishing house: Lan. ISBN: 978-5-507-10241-9. Electronic publishing house.
13. Falaleeva I.N. The political and legal system of Ancient Russia of the IX-XI centuries. - Volgograd: Publishing House of the Volga, 2003. - 297 p.
14. Yanin V.L. Legislation of Ancient Russia, Moscow: Nauka Publ., 1984, 490 p.
15. Yaroslavtsev V.N. Pre-state forms of social regulation. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2005. 680 p.
16. Kiiko, A. Y. The role of the Russian Orthodox Church in the spiritual and moral education of the personnel of the National Guard troops / A. Y. Kiiko, K. G. Prokofiev, V. M. Shenshin // Theory of the state and law. - 2024. - № 4(41). - Pp. 102-113. - DOI 10.25839/MATGIP_2024_4_41_102. - EDN MGYJFK.
17. Vinichenko, L. A. Formation of a socially adapted personality of an orphanage pupil in the process of interaction with social institutions : specialty 13.00.01 "General pedagogy, history of pedagogy and education" : dissertation for the degree of candidate of pedagogical Sciences / Vinichenko Lyudmila Aleksandrovna. - Belgorod, 2009. - 231 p. - EDN QEIOBL.
18. Shenshin, V. M. On the need for legal regulation of marriage with minors / V. M. Shenshin, D. A. Prokofieva // Right. Safety. Emergency situations. - 2021. - № 3(52). - Pp. 9-16. - EDN YSRRT.

¹ Лисицын Н.В. Обычаи русского права: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2010. - С. 131-132.

² Петров И.В. Торговые правоотношения и формы расчетов Древней Руси (VIII-X вв.). - СПб.: Изд-во НУ «Центр стратегических исследований», 2011. - С. 264.

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ THE CONCEPT AND ESSENCE OF SOCIAL ORPHANHOOD OF ORPHANED CHILDREN AND CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE

ШЕНШИНА Людмила Александровна,

доцент кафедры педагогики и психологии экстремальных ситуаций
Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы
МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, кандидат педагогических наук.
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.
E-mail: shenshinaludmilla@yandex.ru;

SHENSHINA Lyudmila Alexandrovna,

Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Extreme Situations
St. Petersburg University of the State Fire Service EMERCOM of Russia named after Hero of the Russian Federation,
General of the Army E.N. Zinichev, Candidate of Pedagogical Sciences.
149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.
E-mail: shenshinaludmilla@yandex.ru

Краткая аннотация: Социальное сиротство – это особое социальное явление, обусловленное наличием в обществе детей, которые по тем или иным причинам остались без попечения родителей. Обычно это случается из-за того, что родители теряют свои права, становятся недееспособными или пропадают без вести. В настоящем исследовании автором рассматриваются особенности социального сиротства.

Abstract: Social orphanhood is a special social phenomenon caused by the presence of children in society who, for one reason or another, were left without parental care. This usually happens because parents lose their rights, become incapacitated, or go missing. In this study, the author examines the features of social orphanhood.

Ключевые слова: социальное сиротство; дети-сироты; дети, оставшиеся без попечения родителей; лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Key words: social orphanhood; orphaned children; children left without parental care; persons from among orphaned children and children left without parental care.

Для цитирования: Шеншина Л.А. Понятие и сущность социального сиротства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 85-88. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_85.

For citation: Shenshina L.A. The concept and essence of social orphanhood of orphaned children and children left without parental care // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 85-88. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_85.

Статья поступила в редакцию: 16.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, относятся к социально незащищенным слоям населения. Биологические родители могут отказаться от своих прав по разным причинам: недееспособность, ненормальный образ жизни или невозможность обеспечить ребенка всем необходимым. В таких случаях дети попадают в социальные приюты¹.

Несмотря на распространение термина, все еще остается много скрытых социальных сирот, о проблемах которых общество не знает. Такие дети остаются без попечения родителей, но продолжают жить в семье. Это приводит к серьезным социальным проблемам, таким как беспризорность и девиантное поведение среди молодежи.

Отметим, что в России стали реже брать сирот из детдомов. Количество сирот, устроенных в семьи, падает третий год подряд. Так, в 2023 году новых мам и пап обрели 43 797 детей, в 2022 году – 47 179, а в 2021 году – 49 183. Это следует из данных Министерства просвещения Российской Федерации. В пресс-службе Минпросвещения России отметили, что в 2023 году в детдомах проживали 31,6 тысячи детей и подростков. Это меньше, чем 34,1 тысяча годом раньше. В России работают 932 детских дома, из них семь – частные. Год назад детдомов было на 160 больше. Государственные подчинены региональным департаментам:

605 – в сфере социальной защиты,

309 – в сфере образования,

11 – в сфере здравоохранения.

Также в министерстве отметили, что в 2023 году в России выявили 41 958 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Для сравнения, в 2022 году таких было 45 332 человека, а еще годом раньше – 46 831 человек.

При этом в 2023 году в семьи устроили 43 797 сирот. Это меньше, чем в 2022 году, когда новых мам и пап нашли 47 179 детей, и меньше, чем в 2021 году, когда этот показатель составил 49 183 человека.

¹ Евсеенков, Е. А. Государственные гарантии прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / Е. А. Евсеенков // *Национальный вестник Республики Крым*. 2022. – № 3. – С. 75.

В Минпросвещения указали, что если сравнивать количество устроенных детей с выявляемыми, то динамика будет все-таки положительной – плюс 4,4 процента. Поэтому детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые пока еще не нашли новых мам и пап, только за год стало меньше почти на 2,5 тысячи.

В детские дома сегодня попадают не только сироты по факту, то есть те, у кого нет родителей, но и так называемые социальные сироты – при живых мамах и папах, которые не лишены прав, но либо ограничены в них, либо не могут их исполнять.

Условия устройства таких детей в семьи разные. Например, в случае опеки, попечительства, приемной семьи или патроната родителями ребенка остаются кровные отец и мать. И только при усыновлении новые родители вступают в полные права, такие же, как с собственными детьми.

По закону оформить опеку можно на детей до 14 лет, а попечительство – на детей от 14 до 18 лет. Опекуны и попечители – это воспитатели и законные представители детей. Они совершают от имени детей и в их интересах все юридически значимые действия. Однако имуществом подопечных распоряжаться не могут.

Ежемесячно опекуну и попечителю выплачивают пособие. Его размер зависит от региона – как правило, это детский прожиточный минимум. Кроме того, опекунам положена разовая выплата из федерального бюджета.

Приемные родители получают те же выплаты плюс вознаграждение за свой труд, который тоже устанавливают в каждом регионе. Кроме того, они имеют льготы, например, на коммуналку. Более того, период, пока ребенок находится в семье, засчитывается в страховой стаж для назначения пенсии.

При этом передача в приемную семью ребенка, достигшего 10 лет, осуществляется только с его согласия.

Важно, что опекуны, попечители и приемные родители не могут препятствовать общению ребенка с его родными мамой и папой или другими родственниками, кроме случаев, «когда такое общение не отвечает интересам несовершеннолетнего».

Когда ребенка усыновляют или удочеряют, родители получают такой же спектр прав и обязанностей, как и кровные мама и папа. Они могут оформить на своего ребенка все выплаты, как и остальные родители, у которых рождается малыш: единовременное пособие, ежемесячные выплаты до 18 лет, материнский капитал.

Женщинам, усыновившим ребенка до трех месяцев, выплачивают пособие по беременности и родам со дня его усыновления и до истечения 70 календарных дней, а при одновременном усыновлении двух и более детей – 110 дней со дня его или их рождения.

Так, для лиц, подлежащих обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, максимальный размер пособия за 70 дней составит в 2024 году 282 780,82 рубля. А, например, для лиц, обучающихся по очной форме обучения, это пособие устанавливается в размере стипендии.

Один из усыновителей, также, как и опекун или попечитель, имеет право на федеральное единовременное пособие при передаче ребенка в семью. Его размер с 1 февраля 2024 года начинается от 24 604,30 рубля.

Усыновители могут поменять ребенку имя, отчество и фамилию, а детям до года даже дату рождения, но не более чем на три месяца от реальной. Это нужно, чтобы сохранить тайну усыновления¹.

Социальные сиротские приюты в России становятся все более распространенным явлением, охватывая почти 85 процентов детей, оставшихся без попечения родителей. Причины этого не ограничиваются биологическим сиротством, связанным со смертью родителей, но также включают моральное разложение общества, алкоголизм, наркоманию и недостаток государственной поддержки.

Игнорирование проблемы социальных сирот может привести к усугублению ситуации². Без должного внимания к этому вопросу количество социальных сирот в обществе будет расти, что повлечет за собой негативные последствия: увеличение преступности, снижение духовно-нравственного развития общества и изменение приоритетов в сторону противоправного поведения³.

Причины социального сиротства связаны со снижением роли семьи в воспитании детей. Это происходит из-за снижения внимания со стороны государства к институту семьи, низкого уровня материального благополучия многих российских семей, желания переложить воспитание ребенка на государственные учреждения или нянь, а также из-за насилия и жестокого обращения с детьми.

Жестокое обращение с детьми может проявляться в разных формах: физическом насилии, сексуальном насилии, эмоциональном насилии и моральной жестокости. Все эти формы негативно влияют на психику ребенка и могут привести к серьезным психологическим проблемам и разрыву в психическом состоянии во взрослом возрасте. Да, деформация взаимоотношений между семьями связана с изменением ценностей и приоритетов в современном обществе. Материальные ценности становятся важнее семейных¹, и чувства людей часто не принимаются всерьез.

Вторая группа причинно-следственных связей – это причинно-следственные связи, которые вызваны моральной безответственностью молодого населения по отношению к рождению и неонатальному воспитанию новых членов общества. Рождение ребенка и постепенный отказ от

¹ <https://www.pnp.ru/social/v-rossii-stali-rezhe-brat-sirot-iz-detdomov.html>

² Немова, Н. Ю. Роль конституционного суда Российской Федерации в развитии контрольно-надзорных функций в общественных отношениях: история и современность / Н. Ю. Немова, В. П. Григонис // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 2(55). – С. 63-70. – EDN RHSYIQ.

³ Николаева, К. С. Анализ нормативного обеспечения передачи государственных полномочий органам местного самоуправления по предоставлению жилья детям-сиротам. Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2022. -Т. 7. № 1.- С. 14.

него в больнице не являются чем-то предосудительным².

Причины деформации взаимоотношений между семьями связаны с изменением ценностей и приоритетов в современном обществе. Материальные ценности становятся важнее семейных, и чувства людей часто не принимаются всерьез. Алкогольная и наркотическая зависимость являются плохими примерами для любого человека, и в рамках такого семейного явления она может стать подрывной, если ребенок воспитан на том, чтобы поить ребенка, он все равно не получит должного внимания, тогда он будет искать его в другом месте, в плохой компании, где его будут учить только худшему.

Средства массовой информации могут оказывать негативное влияние на детей, приводя к социальному сиротству и росту преступности. Важно обсуждать с детьми то, что они видят и слышат, объяснять им разницу между хорошим и плохим, а также поддерживать их в трудных ситуациях.

Федеральный закон № 159-ФЗ от 21 декабря 1996 года «О дополнительных гарантиях социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» содержит следующие формулировки:

дети-сироты - лица в возрасте до 18 лет, у которых умерли оба или единственный родитель;

дети, оставшиеся без попечения родителей, - лица в возрасте до 18 лет, которые остались без попечения единственного родителя или обоих родителей в связи с лишением их родительских прав, ограничением их в родительских правах, признанием родителей безвестно отсутствующими, недееспособными (ограниченно дееспособными), объявлением их умершими, установлением судом факта утраты лицом попечения родителей, отбыванием родителями наказания в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, нахождением в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, уклонением родителей от воспитания своих детей или от защиты их прав и интересов, отказом родителей взять своих детей из образовательных организаций, медицинских организаций, организаций, оказывающих социальные услуги, а также в случае, если единственный родитель или оба родителя неизвестны, в иных случаях признания детей оставшимися без попечения родителей в установленном законом порядке;

лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, - лица в возрасте от 18 до 23 лет, у которых, когда они находились в возрасте до 18 лет, умерли оба или единственный родитель, а также которые остались без попечения единственного или обоих родителей и имеют в соответствии с настоящим Федеральным законом право на дополнительные гарантии по социальной поддержке;

Закон распространяется на лиц, достигших 18-летнего возраста, и до достижения 23-летнего возраста дает право на использование соответствующих мер социальной поддержки, обеспечивая тем самым единый порядок определения оснований для социальной защиты таких граждан. Такая правовая система была создана в интересах этих лиц с целью оказания им дополнительной социальной поддержки с учетом их прежнего статуса сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

В настоящее время существуют нормативные правовые акты различного уровня, определяющие общие принципы, акты материальной и социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Дети, оставшиеся без попечения родителей, регистрируются органом опеки и попечительства по месту их выявления. Единой базы данных о детях-сиротах и детях, оставшихся без попечения родителей, не существует.

При этом опекуны и попечители детей, оставшихся без попечения родителей, по достижении 18-летнего возраста выдают справки о том, что они являются сиротами и лицами из числа детей, оставшихся без попечения родителей³. В целях установления категории граждан при принятии решения об оказании бесплатной юридической помощи может быть использована вышеуказанная справка. Кроме того, может быть использован любой документ, из которого становится ясно, что к 18 годам ребенок был сиротой или находился без попечения родителей. Гражданин, подавший заявление, может получить указанную информацию в органах опеки и попечительства муниципального образования или образовательного учреждения, в котором он учится.

Постановление органа местного самоуправления об установлении опеки над несовершеннолетним или малолетним ребенком не является документом, дающим право гражданину, как сиротам, так и детям, оставшимся без попечения родителей, на оказание бесплатной юридической помощи⁴.

Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 14 апреля 2025 г. № 212н «Об утверждении порядка проведения диспансеризации пребывающих в стационарных учреждениях детей-сирот и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, учетной формы № 030/у-Д/с, порядка ее ведения, а также формы отраслевого статистического наблюдения № 030/о-Д/с, порядка ее заполнения» предписывает, что диспансеризацию сирот, пребывающих в стационарных учреждениях, будут проводить по обновленным правилам.

На период с 1 сентября 2025 г. до 1 сентября 2031 г. установлены новые правила диспансеризации пребывающих в стационарных

¹ Назарова, И. С. К вопросу об антитеррористической защищенности дошкольных образовательных организаций, общеобразовательных организаций, профессиональных образовательных организаций войсками национальной гвардии / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2025. – № 4(333). – С. 95-102. – EDN FEQSNR.

² Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE; Назарова, И. С. Нормативные аспекты социальной защиты военнослужащих - участников специальной военной операции / И. С. Назарова // Политработа: история, современность, перспективы (к 80-летию Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации) : Материалы Межведомственной научно-практической конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 26 сентября 2024 года. – Санкт-Петербург: Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, 2025. – С. 203-206. – EDN ZUQHGV.

³ Федеральный закон «Об опеке и попечительстве» от 24.04.2008 № 48-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 28.04.2008 г. № 17 ст. 1755.

⁴ Азарова, А. С. Проблема обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на примере Саратовской области. Вопросы российской юстиции. 2022. - № 18. - С. 145.

учреждениях детей-сирот и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Они заменяют правила 2013 г.

Диспансеризация проводится ежегодно и включает в себя профилактический медосмотр и дополнительные методы обследований (перечень приводится).

Для организации диспансеризации учреждения составляют поименные списки несовершеннолетних. На их основе медорганизации составляют календарные планы.

Также обновлены форма карты диспансеризации, статформа для подачи сведений о диспансеризации и правила их заполнения.

Таким образом, защита прав детей – одна из ключевых задач государства. Государственная политика направлена на обеспечение баланса прав и обязанностей, предотвращение нарушений и ущемления прав меньшинств, а также законных интересов граждан и органов власти. Государство создает условия для защиты прав каждого человека.

Социальное сиротство – это явление, при котором дети остаются без попечения родителей из-за лишения родительских прав, признания недееспособности или пропажи без вести.

Список литературы:

1. Евсеевков, Е. А. Государственные гарантии прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / Е. А. Евсеевков // Национальный вестник Республики Крым. 2022. – № 3. – С. 75.
2. <https://www.pnp.ru/social/v-rossii-stali-rezhe-brat-sirot-iz-detdomov.html>
3. Немова, Н. Ю. Роль конституционного суда Российской Федерации в развитии контрольно-надзорных функций в общественных отношениях: история и современность / Н. Ю. Немова, В. П. Григонис // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 2(55). – С. 63-70. – EDN RHSYIQ.
4. Николаева, К. С. Анализ нормативного обеспечения передачи государственных полномочий органам местного самоуправления по предоставлению жилья детям-сиротам. Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2022. -Т. 7. № 1.- С. 14.
5. Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.
6. Назарова, И. С. Нормативные аспекты социальной защиты военнослужащих - участников специальной военной операции / И. С. Назарова // Политработа: история, современность, перспективы (к 80-летию Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации) : Материалы Межведомственной научно-практической конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 26 сентября 2024 года. – Санкт-Петербург: Военная академия войск национальной гвардии Российской Федерации, 2025. – С. 203-206. – EDN ZUQHNV.
7. Азарова, А. С. Проблема обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на примере Саратовской области. Вопросы российской юстиции. 2022. -№ 18. - С. 145.
8. Назарова, И. С. К вопросу об антитеррористической защищенности дошкольных образовательных организаций, общеобразовательных организаций, профессиональных образовательных организаций войсками национальной гвардии / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2025. – № 4(333). – С. 95-102. – EDN FEQSNR.

References:

1. Evseenkov, E. A. State guarantees of the rights of orphaned children and children left without parental care / E. A. Evseenkov // National Bulletin of the Republic of Crimea. 2022. – No. 3. – p. 75.
2. <https://www.pnp.ru/social/v-rossii-stali-rezhe-brat-sirot-iz-detdomov.html>
3. Nemova, N. Y. The role of the Constitutional Court of the Russian Federation in the development of control and supervisory functions in public relations: history and modernity / N. Y. Nemova, V. P. Grigoris // Pravo. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 2(55). – Pp. 63-70. – EDN RHSYIQ.
4. Nikolaeva, K. S. Analysis of regulatory support for the transfer of state powers to local governments for the provision of housing to orphaned children. Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences. 2022. -Vol. 7. No. 1.- p. 14.
5. Grigoris, V. P. Constitutional amendments adopted in 2020 as a factor increasing the security of the state / V. P. Grigoris, N. Y. Nemova // Right. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 3(56). – Pp. 39-44. – EDN KEWNXE.
6. Nazarova, I. S. Normative aspects of social protection of military personnel participating in a special military operation / I. S. Nazarova // Political work: history, modernity, prospects (on the occasion of the 80th anniversary of the Military Order of Zhukov of the Academy of the National Guard of the Russian Federation) : Materials of the Interdepartmental Scientific and Practical Conference with international participation, St. Petersburg, September 26, 2024. – St. Petersburg: Military Order of Zhukov Academy of the National Guard of the Russian Federation, 2025. – pp. 203-206. – EDN ZUQHNV.
7. Azarova, A. S. The problem of providing housing for orphaned children and children left without parental care, using the example of the Saratov region. Issues of Russian justice. 2022. No. 18. p. 145.
8. Nazarova, I. S. On the issue of anti-terrorist protection of preschool educational organizations, general education organizations, and professional educational organizations by the National Guard troops / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2025. – № 4(333). – Pp. 95-102. – EDN FEQSNR.

РОЛЬ ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЙ В ЭВОЛЮЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА THE ROLE OF LEGAL TRADITIONS IN THE EVOLUTION OF THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN SOCIETY

ПУЗИКОВ Руслан Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права
Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».
Россия, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33.
E-mail: ruslanlaw@mail.ru;

ПУЧНИН Владимир Михайлович,

аспирант кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».
Россия, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33.
E-mail: vmpuchnin@yandex.ru;

PUZIKOV Ruslan Vladimirovich,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law
Institute of Law and National Security, Tambov State University named after G.R. Derzhavin.
33 Internatsionalnaya str., Tambov, Russia.
E-mail: ruslanlaw@mail.ru ;

PUCHNIN Vladimir Mikhailovich,

Postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law
Tambov State University named after G.R. Derzhavin.
33 Internatsionalnaya str., Tambov, Russia.
E-mail: vmpuchnin@yandex.ru

Краткая аннотация: настоящая работа посвящена одной из наиболее острых проблем современного общества, а именно проблеме формирования позитивного правосознания и детерминантах их закрепления. Авторы отстаивают позицию, согласно которой одним из главных элементов формирования выступают правовые традиции. В частности авторы отмечают, что, несмотря на то, что оно формируется под воздействием различных факторов, все таки ключевую роль играют именно правовые традиции – исторически сложившиеся устойчивые нормы, обычаи и практики, которые определяют специфику восприятия права и правового порядка в конкретном обществе. Кроме того, в российском социуме правовые традиции оказывают особое влияние на эволюцию правосознания, являясь не только культурным наслаждением, но и динамичным элементом, способным адаптироваться к меняющимся социальным, политическим и экономическим условиям.

Abstract: this work is devoted to one of the most acute problems of modern society, namely the problem of the formation of a positive legal consciousness and the determinants of their consolidation. The authors defend the position according to which legal traditions are one of the most important elements of education. In particular, the authors note that, despite the fact that it is formed under the influence of various factors, it is legal traditions that still play a key role - historically established stable norms, customs and practices that determine the specifics of the perception of law and the legal order in a particular society. In addition, in Russian society, legal traditions have a special impact on the evolution of legal awareness, being not only a cultural delight, but also a dynamic element capable of adapting to changing social, political and economic conditions.

Ключевые слова: правовые традиции, правовая культура, правосознание, правовая доктрина.

Keywords: legal traditions, legal culture, legal awareness, legal doctrine.

Для цитирования: Пузиков Р.В., Пучнин В.М. Роль правовых традиций в эволюции правосознания российского социума // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 89-93. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_89.

For citation: Puzikov R.V., Puchnin V.M. The role of legal traditions in the evolution of the legal consciousness of Russian society // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 89-93. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_89.

Статья поступила в редакцию: 25.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Правосознание как одна из фундаментальных категорий социального сознания отражает совокупность представлений, убеждений и оценок, связанных с правом, правовыми нормами и правовым поведением. Оно формируется под воздействием различных факторов, среди которых ключевую роль играют правовые традиции – исторически сложившиеся устойчивые нормы, обычаи и практики, которые определяют специфику восприятия права и правового порядка в конкретном обществе. В российском социуме правовые традиции оказывают особое влияние на эволюцию правосознания, являясь не только культурным наслаждением, но и динамичным элементом, способным адаптироваться к меняющимся социальным, политическим и экономическим условиям.

Изучение роли правовых традиций в развитии российского правосознания имеет важное теоретическое и практическое значение, поскольку позволяет выявить особенности формирования правовой культуры и объяснить специфику взаимодействия граждан с правовой системой. В условиях постсоветской трансформации правовая сфера России испытывает значительные вызовы, обусловленные процессами демократизации, глобализации и социальной модернизации. Эти процессы требуют переосмысления и обновления правовых традиций, чтобы они могли эффективно содействовать укреплению правового государства и развитию гражданского общества.

Правовые традиции в российском контексте формировались под влиянием сложного исторического пути, включающего периоды самодержавия, реформ и революций, советской эпохи и современной демократической трансформации. Каждый из этих этапов вносил свои коррективы в правовое сознание населения, формируя особое отношение к праву, государству и институтам власти. При этом традиции выступают не

просто как пассивное наследие, но как активный фактор, способствующий интеграции правовых норм в повседневную жизнь и формированию правовых установок.

Анализ эволюции правосознания через призму правовых традиций позволяет выявить закономерности изменения правовой культуры, а также определить основные направления и препятствия на пути правового развития российского общества. Важным аспектом является рассмотрение того, как современные социальные изменения влияют на трансформацию традиций и каким образом это отражается на уровне правовой грамотности, правомерности поведения и доверия к правовым институтам.

В развитии понятия правовой традиции особое место занимает дореволюционная российская правовая мысль, представители которой заложили теоретические основы понимания права как культурно-исторического феномена. Историко-правовая школа, оформившаяся в XIX веке под влиянием немецкой философии права и отечественного опыта государственно-правового развития, выступала с позиций критики универсализма и абстрактного нормативизма. Для её представителей характерно стремление рассматривать право не как некую вневременную конструкцию, а как результат исторической эволюции народа, его обычаев, нравственных представлений и социальных устоев.

Одним из основоположников этого подхода был Константин Дмитриевич Кавелин, который в своих работах неоднократно подчеркивал, что российское право не может развиваться в отрыве от национальной специфики. В частности, Кавелин К. Д. утверждал, что «Всякое право — это живой продукт народной жизни, продукт исторической почвы, на которой оно возникло и выросло»¹. Такое понимание означало отказ от механического заимствования чужих правовых норм и моделей, поскольку без учета традиционных форм общежития, ментальности и культурных кодов они неизбежно теряют свою эффективность и легитимность. Он настаивал на том, что развитие права должно идти в русле национальной правовой традиции, формирующейся в ходе органического исторического процесса.

Другой выдающийся мыслитель того времени — Борис Николаевич Чичерин — в «Философии права» предлагал глубоко системное понимание права как результата исторической закономерности. Он подчеркивал, что правовые институты не могут быть порождены лишь волей законодателя, они укореняются в традиции, которая обеспечивает устойчивость и преемственность. В противоположность утопическому рационализму и революционному правотворчеству, Чичерин выступал за постепенное реформирование правовой системы, основанное на традиционных ценностях и правовом сознании общества. Он писал: «Всякое право основывается на предшествующем развитии общества и может быть понято только в контексте исторического движения»². Традиция, по его мысли, служит своеобразным фильтром, через который проходят нововведения и который определяет меру их приемлемости.

Отметим вклад в развитие данной темы и Сергея Михайловича Соловьёва. Хотя Соловьёв С. М. прежде всего известен как историк, его вклад в понимание правовых традиций значителен. В его многотомной «Истории России с древнейших времён» он последовательно демонстрировал, как складывалась русская государственность и право, опираясь на народные устои, обычаи и особенности общинного устройства. Он рассматривал правовые институты как отражение народного духа и исторических условий, а не как результат абстрактного рационального конструирования³.

В отечественной юридической науке XX века интерес к правовым традициям сохранялся, хотя подходы несколько изменились в связи с доминированием марксистской парадигмы. Однако даже в этих условиях отдельные исследователи стремились учитывать историко-культурные аспекты развития права. Так, академик Аркадий Григорьевич Гойхбарг в своих трудах подчеркивал необходимость «учёта исторических предпосылок становления социалистического права»⁴, говоря о том, что новое советское законодательство должно опираться не только на классовую целесообразность, но и на правовую культуру, унаследованную от прошлого. В его исследованиях, несмотря на идеологический контекст, можно проследить идею правовой традиции как фактора, оказывающего влияние на восприятие и эффективность правовых норм в советском обществе.

В советский период осмысление правовых традиций оказалось в значительной степени подчинено марксистско-ленинской идеологии. Согласно официальной доктрине, право представляло собой надстройку, отражающую интересы господствующего класса. В этом контексте традиции рассматривались как реликты классового общества, подлежащие преобразованию или устранению. Тем не менее, даже в рамках данной парадигмы звучали мнения, признающие определенную устойчивость правовых форм.

Стучка П. И., один из теоретиков раннего советского права, в работе «Революция права» указывал, что буржуазное право «не может быть отброшено сразу»⁵, поскольку правовая система обладает внутренней инерцией. Это заявление фактически фиксировало наличие элементов правовой традиции, которые продолжают функционировать в новых условиях, несмотря на смену социального строя. Стучка тем самым косвенно признавал, что правовые формы не исчезают мгновенно, а сохраняются в виде привычек, понятий, процедур.

В более поздний период, в 1970–1980-х годах, С. С. Алексеев в своих трудах постепенно отходил от жесткого классового анализа и предлагал комплексное понимание права, включающее нормы, институты, правосознание и правовую культуру. Он прямо говорил о существовании правовой традиции как формы правовой преемственности. В «Общей теории права» он подчеркивал, что правовая традиция является механизмом передачи социального опыта, способствующим сохранению легитимности правопорядка. По мнению Алексеева, без устойчивой правовой

¹ Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории. // Наш умственный строй: статьи по философии и истории русской культуры. М., 1989. С. 171.

² Чичерин Б. Н. Философия права. Москва : типо-лит. И. Н. Кушнерев и К°, 1900. С. 156.

³ Указатель к истории России с древнейших времен Сергея Михайловича Соловьёва. Санкт-Петербург, 1911. С. 256.

⁴ Гойхбарг А. Г. Пролетариат и право : сборник статей. Москва : Нар. комиссариат юстиции, 1919. С. 56.

⁵ Стучка П. И. Революционная роль права и государства: общее учение о праве. Коммунистическая акад. Секция права и гос. — 3-е, пересмотренное и доп. изд. Москва : Изд-во Коммунистической акад., 1924. С. 47.

традиции невозможны ни стабильность, ни эффективная модернизация юридической системы¹.

Стоит отметить вклад Нерсесянца В.С., который в позднесоветский период рассматривал право, как форму культурного бытия и социального наследия. В его философско-правовых работах, таких как «Философия права», право осмысливается не только как совокупность норм, но и как система ценностей, идей и традиций. Нерсесянец утверждал, что правовая традиция — это неотъемлемый элемент правовой цивилизации, служащий связующим звеном между прошлым и настоящим, обеспечивающий историческую преемственность права². Он настаивал на том, что именно через правовые традиции формируется правовая идентичность народа, его отношение к государству и закону.

Понятие правовых традиций занимает важное место в современной юридической науке, поскольку оно позволяет раскрыть механизмы преемственности в праве и объяснить устойчивость определённых правовых форм в условиях социально-политических трансформаций. Несмотря на то что само слово «традиция» имеет широкий социокультурный контекст, в юридической науке оно приобретает более узкое значение, связанное с передачей правовых норм, принципов, обычаев и институтов от поколения к поколению в пределах одной правовой системы или правовой культуры.

Правовые традиции можно определить как исторически сложившиеся и устойчиво воспроизводимые в обществе формы правового регулирования, правосознания, юридических институтов и практик, отражающие ценности, нормы и правовые представления, характерные для данной цивилизации или культуры. В отличие от позитивного права, фиксируемого в нормативных правовых актах, правовые традиции нередко проявляются в неформальных установках, ментальных структурах и правовом поведении субъектов. Это делает их особенно важным объектом исследования в междисциплинарной области — на стыке права, истории, философии и социологии.

Как отмечает Дешина А. В.: «Правовые традиции упорядочивают новационные процессы в праве, которые часто сопровождаются непредвиденными последствиями, нарушениями функционального равновесия. Правовые традиции помогают избежать мнимых правовых нововведений, упорядочить процесс развития права. Правовые традиции необходимо использовать как основу законности, правовой культуры, правосознания, толкования права, что будет означать обогащение познавательного инструментария при творческой проработке соответствующих правовых проблем, приращение правового опыта»³.

Научный интерес к правовым традициям обусловлен не только необходимостью исторического осмысления права, но и стремлением понять причины различий между правовыми системами мира. Именно различие правовых традиций лежит в основе классификации правовых систем, предложенной Рене Давидом и другими правоведами. Согласно этой классификации, правовые системы мира делятся на романо-германскую, англосаксонскую, религиозную (мусульманскую, иудейскую) и традиционные правовые системы, каждая из которых основана на определённой правовой традиции, формировавшейся веками.

В своей работе Мун В. А.: «правовые традиции выступают как некие индикаторы, отражающие те ценности, которые укоренились в данном обществе за предыдущие периоды. Иными словами, сперва в обществе складываются определенные ценности, законодатель отражает их в законе, и тогда они становятся традицией в праве. Выражение же в целом правовых ценностей, которое достигло право в предыдущие периоды, будет являться правовыми традициями»⁴.

Правовая традиция, в отличие от текущих правовых норм, не всегда находит выражение в кодифицированных источниках права. Однако она оказывает значительное влияние на правотворчество, правоприменение и восприятие права обществом. В ней закрепляются устоявшиеся подходы к понятию справедливости, законности, допустимости принуждения и соотношению права и морали. Традиции определяют не только содержание норм, но и способы их интерпретации, критерии легитимности власти, принципы юридической аргументации.

Следует отметить, что правовые традиции не являются синонимом правовых обычаев. Хотя правовой обычай может быть важной составляющей традиции, понятие традиции шире, поскольку охватывает также идеологические, религиозные, этические и мировоззренческие элементы. Например, в российской правовой традиции важную роль играли идеи патернализма, приоритета государства над личностью, сакрализации власти. Эти установки, сформированные в историческом контексте, оказывали влияние на восприятие закона, судебную практику, отношение к правам личности.

Как отмечает Сулипов Р. С.: «Правовые традиции представляют собой единство исторически и логически сформировавшегося коллективного опыта правотворчества и правоприменения, основанного на господствующих в обществе представлениях о праве и справедливости, сохранение и воспроизведение которого обеспечивает устойчивость правовой системы и её последовательное развитие»⁵.

Правосознание представляет собой особую форму общественного сознания, исторически возникшую и неразрывно связанную с правом. Оно отражает не только знание и понимание юридических норм, но и ценностное отношение к ним, интерпретацию действующего законодательства сквозь призму социальной справедливости, моральных установок и представлений о должном. В отличие от права как формализованной системы норм, правосознание является эмпирическим, духовным явлением, существующим в сфере психического восприятия, но играющим ключевую роль в функционировании правовой системы.

¹ Алексеев С. С. Общая теория права : Курс в 2-х т.. Т. 2. Юрид. лит. Москва : Юрид. лит., 1982. С. 36.

² Нерсесянец В. С. Философия права учеб. для вузов. Ин-т государства и права Рос. акад. наук, Акад. правовой ун-т. Москва : ИНФА-М, Норма, 1997. С. 269.

³ Дешина А. В. Правовые традиции России // Юность и знания - гарантия успеха -2019 : сборник научных трудов 6-й Международной молодежной научной конференции, Курск, 18–19 сентября 2019 года. Том 2. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. С. 190.

⁴ Мун В. А. Соотношение понятий: «традиции в праве» и «правовые традиции» // Государство, общество, личность: история и современность : Сборник статей VI Международной научно-практической конференции, Пенза, 21–22 апреля 2023 года. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. С. 142.

⁵ Сулипов Р. С. Роль правовых традиций в механизме правового регулирования // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2011. № 2(27). С. 39.

Как отмечает Захария О.Г.: «Правовые традиции являются важным элементом правовой культуры. Они закрепляются через правовое воспитание, деятельность юридических институтов, практику правоприменения, а также через массовое правосознание. Осознание существующих правовых традиций позволяет не только правильно интерпретировать нормы и институты современного права, но и проводить более взвешенную и эффективную правовую политику, учитывающую культурные особенности и исторический опыт общества»¹.

Правосознание характеризуется способностью действовать на опережение, формируя правовые ожидания, предвосхищая законодательные изменения, а также моделируя поведение индивида и общества в условиях правовой неопределённости. Оно способно не только отражать действительность, но и активно влиять на развитие права, являясь внутренним фактором его эволюции. В правосознании нормативное воспринимается не как данность, а как объект оценки, переработки и адаптации к конкретным условиям социальной среды.

Современная юридическая наука выделяет три взаимосвязанных компонента правосознания: отражение правовой действительности, познание правовой действительности и эмоционально-ценностное отношение к правовой реальности.

Во-первых, отражение правовой действительности связано с восприятием и интерпретацией существующего правопорядка. Оно предполагает, что индивид, обладая определённым уровнем правовой культуры, способен осмысливать окружающие социальные процессы через призму правовых предписаний, закреплённых в нормативных актах. Это отражение может быть как точным, соответствующим действительности, так и искажённым, что особенно характерно для обыденного уровня правосознания, в рамках которого люди оперируют правовыми понятиями на бытовом, нередко ошибочном уровне. Тем не менее даже такой элементарный уровень правосознания указывает на его универсальность — каждый человек, вне зависимости от образования и профессиональной подготовки, с момента вхождения в социальные отношения начинает формировать определённое представление о праве и законе.

Во-вторых, познание правовой действительности связано с активной когнитивной деятельностью субъекта, направленной на осмысление сущности и содержания юридических норм, правовых институтов и принципов. Здесь правосознание проявляется как интеллектуальная структура, оперирующая абстрактными категориями и логическими формами. Познание, как высшая форма отражения, позволяет выстраивать сложные правовые конструкции, обосновывать юридические позиции и формировать профессиональное правовое мышление. На этом уровне правосознание становится основанием научного правопонимания, вбирающего в себя диалектические связи между правом и обществом, между формальной нормой и её реальным действием.

В-третьих, отношение к правовой действительности представляет собой эмоционально-ценностную сторону правосознания. Оно выражается в одобрении или неприятии действующих правовых норм, в чувствах справедливости, правды, законности. Именно через этот компонент правосознание напрямую связано с социальными настроениями и общественным климатом. Концепция интуитивного права Л.И. Петражицкого, оказавшая значительное влияние на социологическое направление в праве, подчёркивает, что правовое поведение индивида во многом определяется не рациональным расчетом, а внутренними эмоциональными импульсами — нравственным чувством, правовой интуицией, сочувствием или протестом.

Правосознание, будучи идеальной формой, может как опережать правовые изменения, так и отставать от них. Оно способно стать двигателем реформ, формируя общественный запрос на преобразование правовой системы, но может также проявлять консерватизм, препятствуя восприятию новых юридических реалий. Эта двойственность правосознания требует учёта в правотворческой и правоприменительной деятельности. Законодательство, игнорирующее уровень правовой культуры и особенности правосознания общества, рискует оказаться неэффективным и даже отвергнутым на практике.

Как отмечает Захария О. Г.: «Взаимодействие права и правосознания носит сложный характер. Сложившиеся правовые нормы, а также практика их применения влияют на формирование того или иного отношения к действующему праву. В свою очередь, тот или иной уровень правосознания сказывается на характере правотворческой и правоприменительной деятельности. Правовые идеи, взгляды, представления являются непосредственными источниками права и двигателями правотворческой деятельности в любом обществе. Принимая новый нормативный правовой акт, законодатель должен не только опираться на собственное правосознание, но и учитывать представления населения о должном, законе, справедливости»².

Правовые традиции являются фундаментальным элементом, формирующим правосознание российского общества и определяющим особенности его восприятия права и правового порядка. Они представляют собой совокупность устоявшихся правовых норм, обычаев, практик, а также определённых культурных и идеологических установок, которые передаются из поколения в поколение и оказывают устойчивое влияние на поведение и правовые установки населения. В контексте российского социума роль правовых традиций особенно заметна, поскольку они выступают своеобразным мостом между формальными нормами законодательства и практическим правоприменением, а также между государственными институтами и гражданским обществом.

Правовые традиции формируют не только содержание правовых норм, но и способ их восприятия обществом, что непосредственно влияет на правовую культуру в целом. В России традиции создавали особый контекст понимания права, в котором преобладали идеи авторитарной государственной власти, коллективизма и патернализма, что накладывает отпечаток на характер правового сознания. В этом контексте право воспринимается не столько как средство защиты индивидуальных прав, сколько как инструмент управления и поддержания социального по-

¹ Захария О. Г. Правосознание и его понятие, структура, виды, особенности // Молодой ученый. 2023. № 39 (486). С. 97.

² Захария О. Г. Правосознание и его понятие, структура, виды, особенности // Молодой ученый. 2023. № 39 (486). С. 97.

рядка, что отражается в низкой правовой активности населения и недостаточном доверии к судебной системе.

Влияние правовых традиций на правосознание проявляется в особенностях отношения к закону, его обязательности и справедливости. Традиционно для российского общества характерна высокая степень формализма — закон воспринимается как нечто внешнее, принудительное и порой оторванное от повседневных нужд граждан. Такая установка влияет на восприятие легитимности власти и способствует устойчивому правовому нигилизму — феномену, при котором формальные правовые нормы не соответствуют реальному поведению, а правоприменение воспринимается как непредсказуемое или несправедливое. Это подчеркивает, что формальное принятие закона не всегда ведёт к его признанию и уважению на уровне массового сознания. Правовые традиции также влияют на структуру правовой культуры, формируя её специфические компоненты — правовую психологию и правовое поведение. В российском обществе часто наблюдается склонность к пассивности в правовом взаимодействии, недостаточная гражданская активность и слабое развитие правовой инициативы. Вместе с тем, традиционные патерналистские установки формируют ожидание от государства функции защитника и гаранта порядка, а не партнёра по диалогу и носителя прав. Это создаёт определённое напряжение между растущими современными требованиями к правовому государству и консервативными установками общества.

Важным аспектом влияния правовых традиций на правосознание является их роль в обеспечении преемственности и стабильности правовой системы. Традиции обеспечивают механизм исторической памяти, благодаря которому сохраняются основные нормы и принципы правового регулирования, даже в условиях изменений. Однако в условиях трансформаций, вызванных социально-экономическими и политическими реформами, традиции могут выступать как фактор консервации, замедляя внедрение нововведений и ограничивая скорость правовых изменений. В российской правовой культуре это проявляется в сопротивлении некоторым демократическим и либеральным преобразованиям, что обусловлено глубоко укоренившимися представлениями о роли права и государства.

С другой стороны, правовые традиции обладают и позитивным потенциалом — они обеспечивают социальную интеграцию и легитимность правовых норм. За счёт того, что традиции укоренены в культурных и ментальных особенностях общества, они создают естественную основу для восприятия и принятия права. Это особенно важно в обществе с высокой степенью социальной неоднородности и историческими особенностями развития. При правильном учёте традиций в процессе реформирования правовой системы возможно достижение баланса между необходимостью модернизации и уважением к национальному культурному коду, что способствует укреплению правопорядка и развитию правового сознания.

Таким образом, роль правовых традиций в эволюции правосознания российского социума нельзя переоценить. Они выступают ключевым фактором, определяющим, каким образом право воспринимается, понимается и применяется населением. Традиции формируют особый тип правового сознания, характеризующийся сочетанием формального признания закона с пассивностью в его защите, патерналистскими ожиданиями и устойчивыми паттернами поведения, которые нередко расходятся с нормативными предписаниями.

Эффективное развитие правосознания в современной России требует глубокого понимания и учёта влияния правовых традиций. Необходимо работать над формированием правовой культуры, способной интегрировать исторические установки с принципами правового государства и прав человека, способствовать повышению гражданской активности и ответственности. Это возможно только через систематическое правовое просвещение, развитие институциональной среды и создание условий для активного правового участия граждан.

В заключение следует отметить, что правовые традиции в российском обществе не являются статичным или однородным явлением. Они находятся в постоянном процессе трансформации, что отражает динамику взаимоотношений между историческим наследием, культурой и современными социально-политическими реалиями. Понимание этой роли открывает возможности для выработки более адекватных моделей правового развития, способных не только сохранить устойчивость правовой системы, но и обеспечить её адаптацию к требованиям времени.

Список литературы:

1. Алексеев, С. С. Общая теория права : Курс в 2-х т. / С. С. Алексеев. Т. 2. — М. : Юрид. лит., 1982. — 359 с.
2. Гойхбарг, А. Г. Пролетариат и право: сборник статей / А. Г. Гойхбарг. — Москва : Нар. комиссариат юстиции, 1919. — 112 с.
3. Дешина, А. В. Правовые традиции России / А. В. Дешина, Е. М. Касаткина // Юность и знания - гарантия успеха — 2019 : сборник научных трудов 6-й Международной молодежной научной конференции, Курск, 18–19 сентября 2019 года. Т. 2. — Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. — С. 188–190.
4. Захария, О. Г. Правосознание и его понятие, структура, виды, особенности / О. Г. Захария // Молодой ученый. — 2023. — № 39 (486). — С. 95–97.
5. Кавелин, К. Д. Мысли и заметки о русской истории / К. Д. Кавелин // Наш умственный строй: статьи по философии и истории русской культуры. М., 1989. С. 171–255.
6. Мун, В. А. Соотношение понятий: «традиции в праве» и «правовые традиции» / В. А. Мун // Государство, общество, личность: история и современность : Сборник статей VI Международной научно-практической конференции, Пенза, 21–22 апреля 2023 года. — Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. — С. 138–142.
7. Нерсисянц В.С. Философия права учеб. для вузов / В.С. Нерсисянц; Ин-т государства и права Рос. акад. наук, Акад. правовой ун-т. М.: ИНФРА-М, Норма, 1997. 647 с.
8. Стучка, П. И. Революционная роль права и государства: общее учение о праве / П. И. Стучка // Коммунистическая акад., Секция права и гос.. — 3-е, пересмотренное и доп. изд. — Москва : Изд-во Коммунистической акад., 1924. — 140 с.
9. Сулипов Р.С. Роль правовых традиций в механизме правового регулирования / Р.С. Сулипов // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2011. № 2(27) С. 34–39.
10. Указатель к истории России с древнейших времен Сергея Михайловича Соловьева / М. С. Соловьев. — Санкт-Петербург, 1911. — 616 с.
11. Чичерин, Б. Н. Философия права / Б. Н. Чичерин. — Москва : типо-лит. И.Н. Кушнерев и К°, 1900. — 337 с.

References:

1. Alekseev, S. S. General theory of law : a course in 2 volumes / S. S. Alekseev. Vol. 2. — M.: Jurid. lit. — Moscow: Jurid. lit., 1982. — 359 p.
2. Goikhbarg, A. G. Proletariat and law: a collection of articles / A. G. Goikhbarg. Moscow: Nar. of the Commissariat of Justice, 1919. 112 p.
3. Deshina, A.V. Legal traditions of Russia / A.V. Deshina, E. M. Kasatkina // Youth and Knowledge - a guarantee of success — 2019 : proceedings of the 6th International Youth Scientific Conference, Kursk, September 18-19, 2019. Volume 2. Kursk: Southwestern State University, 2019. pp. 188-190.
4. Zakharia, O. G. legal consciousness and its concept, structure, types, features / O. G. Zakharia // young scientist. — 2023. — № 39 (486). - Pp. 95-97.
5. Kavelin, K.D. thoughts and notes on Russian history / K.D. Kavelin // our mental system: Articles on philosophy and history of Russian culture, Moscow, 1989, pp. 171-255.
6. Moon, V. A. correlation of concepts: "traditions in law" and "legal traditions" / V. A. Moon // state, society, personality: history and modernity: collection of articles of the VI International Scientific and Practical Conference, Penza, April 21-22, 2023. Penza: Penza State Agrarian University, 2023, pp. 138-142.
7. Nersesyan, V. S. Philosophy of Law for universities / V. S. Nersesyan; Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Academy of Law. Law University, Moscow : INFRA-M, Norma, 1997, 647 p.
8. Stuchka, P. I. The revolutionary role of law and the state: the general doctrine of law / P. I. Stuchka // Communist Academy. , Section of Law and State.. — 3rd, revised and additional ed. Moscow: Publishing House of the Communist Academy, 1924, 140 p.
9. Sulipov, R.S. the role of legal traditions in the mechanism of legal regulation / R.S. Sulipov // Bulletin of Omsk University. Series: Law. — 2011. — № 2(27). - Pp. 34-39.
10. Index to the history of Russia since ancient times by Sergei Mikhailovich Solovyov / M. S. Solovyov. -St. Petersburg, 1911. - 616 p.
11. Chicherin, B. N. Philosophy of law / B. N. Chicherin. Moscow: Printing House of I. N.Kushnerev and Co., 1900, 337 p.

О НОВЕЛЛАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ КОНЦЕССИОННЫХ СОГЛАШЕНИЙ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

LEGISLATIVE INNOVATIONS IN THE SPHERE OF CONCESSION AGREEMENTS: COMPARATIVE LEGAL ASPECT

МИРЗАХАНИЯН Давид Володяевич,

Аспирант кафедры горного, земельного и экологического права

РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина.

119991, Россия, г. Москва, проспект Ленинский, 65, корп. 1.

E-mail: david.mir.am@inbox.ru;

MIRZAKHANYAN David Volodyaevich,

Postgraduate student of the Department of Mining, Land and Environmental Law

Gubkin Russian State University of Oil and Gas (NRU).

65 Leninsky Prospekt, building 1, Moscow, 119991

E-mail: david.mir.am@inbox.ru

Краткая аннотация: Научное исследование посвящено анализу актуальных изменений в российском законодательстве о концессионных соглашениях, произошедших в 2024 году и определению целей их внесения. Автором выделены основные тенденции в развитии правового регулирования данной сферы, в частности, расширение перечня объектов концессионных соглашений, повышение уровня требований к сторонам концессионных соглашений, цифровизацию процесса заключения концессионных соглашений, а также ужесточение контроля над исполнением концессионных соглашений. В ходе работы анализируется эффективность изменений, внесенных в 2024/2025 году в законодательство о концессионных соглашениях.

Abstract: The paper is devoted to the analysis of current changes in the Russian legislation on concession agreements that took place in 2024, and the definition of the purposes of their introduction. The author highlights the main trends in the development of legal regulation in this area, in particular, the expansion of the list of objects of concession agreements, an increase in the level of requirements for the parties to concession agreements, digitalization of the process of concluding concession agreements, as well as tightening control over the implementation of concession agreements. In the course of the work, the effectiveness of the changes made in 2024 to the legislation on concession agreements is analyzed.

Ключевые слова: концессионные соглашения, концессионер, изменения в законодательстве, концессия, объект концессионного соглашения, земельный участок, сервитут, предоставление земельных участков

Keywords: Concession agreements, concessionaire, changes in legislation, concession, object of the concession agreement.

Для цитирования: Пузиков Р.В., Пучнин В.М. Роль правовых традиций в эволюции правосознания российского социума // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 94-98. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_94.

For citation: Puzikov R.V., Puchnin V.M. Legislative innovations in the sphere of concession agreements: comparative legal aspect // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 94-98. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_94.

Статья поступила в редакцию: 27.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Законодательство о концессионных соглашениях невозможно рассматривать дифференцированно, без учета анализа смежных отраслей законодательства¹, регулирующих указанные вопросы. Так, к примеру, необходимо исследовать взаимосвязь с земельным законодательством, поскольку концессия связана с землей следующим образом: в рамках концессионного соглашения земельный участок, на котором располагается объект соглашения и (или) который необходим для осуществления деятельности, предоставляется концессионеру в аренду без проведения торгов. Срок договора аренды не может превышать срок действия соглашения. Также земельный участок может быть предоставлен концессионеру на праве субаренды, на праве ограниченного пользования (сервитуте)² или на иных правах. Земельный участок может находиться в собственности иных публично-правовых образований, концессионера или даже третьих лиц, при этом ответственность за обеспечение предоставления участка сохраняется за концедентом. Кроме этого, законодательство о концессионных соглашениях неразрывно связано и с лесным правом, поскольку может быть заключен договор концессии лесного участка³, а также с водным и градостроительным правом⁴ и законодательством о недрах. Кроме того, отдельному правовому регулированию подлежат вопросы строительства, реконструкции и эксплуатации линейных объектов⁵ и иных сооружений, расположенных на земельных участках, передаваемых по договору концессии, что требует дополнительного анализа в указанной сфере.

Концессионное соглашение представляет собой договор, согласно условиям которого, одна сторона (концессионер) обязуется создать и (или) реконструировать определенное имущество, а вторая сторона (концедент), обладающая правами на это имущество в настоящий момент или способная приобрести их в будущем, предоставляет концессионеру право владеть и пользоваться этим имуществом на установленный срок

¹ Гаврилюк, М. Н. Основные направления совершенствования регистрационного законодательства: формирование реестрового права в России / М. Н. Гаврилюк // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2021. – № 8(239). – С. 99-110. – EDN GDPOQC.

² См. подробнее: Гаврилюк, М. Н. Государственная регистрация обременений и ограничений прав на землю и иную расположенную на ней недвижимость / М. Н. Гаврилюк // *Аграрное и земельное право*. – 2020. – № 7(187). – С. 4-9. – EDN KZFUJO.

³ Гаврилюк, М. Н. Упрощенный порядок оформления прав на земельные участки для строительства линейных объектов в лесном фонде / М. Н. Гаврилюк // *Аграрное и земельное право*. – 2020. – № 2(182). – С. 39-42. – EDN TPRXQJ.

⁴ См. подробнее: Боголюбов, С. А. Правовое регулирование градостроительства и планировки территорий : Учебник / С. А. Боголюбов, М. Н. Гаврилюк, Н. В. Кичигин. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "КноРус", 2024. – 208 с. – ISBN 978-5-406-13086-5. – EDN RJEKPB.

⁵ Гаврилюк, М. Н. Государственная регистрация прав на линейные объекты и расположенные под ними земельные участки / М. Н. Гаврилюк // *Аграрное и земельное право*. – 2020. – № 6(186). – С. 16-21. – EDN XQONKG.

для осуществления определенного вида деятельности¹. В статье 3 Федерального закона от 21 июля 2005 года № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» дано легальное определение термина «концессионное соглашение»².

Концессионные соглашения обычно характеризуются следующими признаками:

1. Консенсуальность. Обязательным условием для признания концессионного соглашения заключенным является согласование сторонами его существенных условий.
 2. Двусторонность. В соглашении участвуют две стороны (концессионер и концедент), каждая из которых приобретает свои права и обязанности.
 3. Взаимность. И на концессионера, и на концедента договором налагаются определенные права и обязанности, как правило, корреспондирующие правам и обязанностям другой стороны.
 4. Возмездность. Предполагается, что каждая сторона получает материальную выгоду от выполнения обязательств по концессионному соглашению.
 5. Срочность. У концессионного соглашения есть строго определенный срок действия³.
- Среди существенных условий концессионного договора выделяют следующие аспекты:
- Предмет соглашения;
 - Объект договора;
 - Цели и период эксплуатации объекта по соглашению;
 - Порядок передачи недвижимости, используемой для ведения соответствующей деятельности;
 - Обязательства сторон по выполнению работ;
 - Срок действия договора⁴.

Порядок регулирования концессионных соглашений определяется Федеральным законом от 21.07.2005 года №115-ФЗ «О концессионных соглашениях»⁵.

В 2024 году в российское законодательство о концессионных соглашениях было реформировано. Так, в июле 2024 года вступили в силу положения двух Федеральных законов – Федерального закона от 13.07.2024 № 177-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶ и Федерального закона от 22.07.2024 № 196-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁷.

Согласно Федеральному закону № 177-ФЗ, уполномоченный орган исполнительной власти теперь обязан вести реестр обязательств, связанных с исполнением концессионных соглашений. Этот реестр, формирующийся на основе информации о действующих и завершенных концессионных соглашениях на территории РФ, будет включать обязательства перед юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями⁸.

Федеральный закон №196-ФЗ, среди прочего, дополнил перечень объектов концессионного соглашения, добавив к ним объекты космической инфраструктуры, относящиеся к категории недвижимого имущества, а также связанные с этими объектами космические технологии⁹.

Принятие данной нормы было направлено на развитие частной космической деятельности в России, привлечение инвестиций и повышение конкурентоспособности российских компаний на мировом рынке. Основной целью было стимулирование поступления новых финансовых ресурсов для укрепления космического сектора России, в связи с чем механизмы государственно-частного партнерства (в том числе и механизмы концессионных соглашений) были распространены на космическую инфраструктуру. Ожидается, что данная инициатива позволит ускорить выполнение космических программ благодаря привлечению частных инвестиций¹⁰.

С 1 сентября 2024 года вступил в силу Федеральный закон от 04.08.2023 № 490-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О концессионных соглашениях». Этот нормативный акт привнес ряд нововведений в правовое регулирование данной сферы¹. Основная цель этих

¹ Бурлакова Ю. Г. Концессионные соглашения: частноправовые средства защиты государственных интересов // Традиции и новые горизонты в гражданском праве: Сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 17 мая 2023 года. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2023. С. 336.

² Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «О концессионных соглашениях» // «Собрание законодательства РФ». 25.07.2005. № 30 (ч. II). Ст. 3126.

³ Корнилов В. А. К вопросу о государственном регулировании концессионных соглашений в России // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 107-5. С. 89.

⁴ Там же.

⁵ Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «О концессионных соглашениях» // «Собрание законодательства РФ». 25.07.2005. № 30 (ч. II). Ст. 3126.

⁶ Федеральный закон от 13.07.2024 № 177-ФЗ (ред. от 29.10.2024) «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». 15.07.2024. № 29 (Часть III). Ст. 4106.

⁷ Федеральный закон от 22.07.2024 № 196-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». 29.07.2024. № 31. Ст. 4456.

⁸ Федеральный закон от 13.07.2024 № 177-ФЗ (ред. от 29.10.2024) «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». 15.07.2024. № 29 (Часть III). Ст. 4106.

⁹ Федеральный закон от 22.07.2024 № 196-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». 29.07.2024. № 31. Ст. 4456.

¹⁰ Пояснительная записка к законопроекту к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Законопроект № 578594-8) // Система обеспечения законодательной деятельности. [Электронный ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/b6981ed9-457e-4196-a837-0e4a535231b8> (дата обращения: 08.01.2025).

изменений заключалась в стремлении обеспечить безопасность объектов теплоснабжения и водоснабжения, признанных критически значимыми для работы инфраструктуры².

Так, в отношении концессионных соглашений, касающихся объектов теплоснабжения, централизованных систем горячего и холодного водоснабжения, а также водоотведения, были предусмотрены следующие изменения:

1. Установлены специальные требования к концессионеру, участвующему в таком соглашении. Был предусмотрен запрет на заключение подобных договоров с иностранными юридическими лицами и компаниями, зарегистрированными в офшорных зонах;
2. Расширены требования к содержанию заявки на участие в конкурсном отборе на право заключения концессионного соглашения.
3. Установлена обязанность участников конкурса либо юридических лиц, с которыми возможно заключение договора без проведения конкурса, документально подтвердить свое полное соответствие всем предъявляемым законодательством требованиям.

Также стоит отметить, что в июле 2023 года Федеральным законом от 10.07.2023 года № 296-ФЗ³ было установлено, что с 1 марта 2024 года разрешается проводить конкурсы на заключение концессионных соглашений в электронном формате, а с 1 января 2026 года эти конкурсы должны будут осуществляться исключительно в электронной форме⁴.

В ноябре 2024 года был издан Федеральный закон № 444-ФЗ, предусматривающий внесение поправок в отдельные законодательные акты Российской Федерации⁵. Согласно этому документу, в Федеральный закон от 21 декабря 2001 года № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» были добавлены положения, касающиеся особенностей приватизации объектов культурного наследия в тех случаях, когда они выступают объектами концессионных соглашений. Одновременно с этим был установлен приоритетный порядок выкупа концессионером объекта соглашения по окончании срока действия договора при соблюдении ряда условий, предусмотренных законодательством⁶.

Федеральный закон от 21 июля 2005 года № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» был дополнен положениями, уточняющими регулирование отношений, связанных с концессионными соглашениями, объектом которых является «неиспользуемый объект культурного наследия (памятник истории и культуры) народов Российской Федерации, включенный в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, находящийся в неудовлетворительном состоянии». Федеральный закон был дополнен отдельной главой (глава 4.2.), предусматривающей особенности регулирования таких отношений.

В связи с этим был расширен перечень объектов концессионного соглашения путем включения в него и «неиспользуемых объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, находящихся в неудовлетворительном состоянии».

Кроме того, отдельно было предусмотрено, что в случае, когда объект концессионного соглашения представляет собой памятник истории и культуры, находящийся в неудовлетворительном состоянии, то деятельность концессионера должна осуществляться с учетом норм законодательства, касающихся охраны таких объектов.

Целью введения этих изменений стало создание правовой основы для привлечения инвестиций в сохранение и реставрацию объектов культурного наследия народов России посредством механизма концессионных соглашений⁷.

С 1 сентября 2025 года в России планируют ввести запрет на участие государственных и муниципальных предприятий, а также бюджетных учреждений в концессиях.

Федеральный закон от 28.02.2025 № 22-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О концессионных соглашениях»⁸ предусматривает дополнение статьи 5 ФЗ «О концессионных соглашениях» частью 8 следующего содержания: «8. Концессионером не может являться государственное или муниципальное унитарное предприятие или бюджетное учреждение».

Более того, уточняется порядок заключения концессионного соглашения, объектом которого являются объекты теплоснабжения, централизованные системы горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, отдельные объекты таких систем, по инициативе потенциального инвестора. Так, новелла устанавливает, что инициатор концессионного соглашения должен предоставить в уполномоченный орган «предложение о заключении такого концессионного соглашения с приложением проекта концессионного соглашения, включающего в

¹ Федеральный закон от 04.08.2023 № 490-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О концессионных соглашениях» // «Собрание законодательства РФ». 07.08.2023. № 32 (Часть II). Ст. 6222.

² Пояснительная записка к законопроекту к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 40 Федерального закона «О концессионных соглашениях» (Законопроект № 216246-8) // Система обеспечения законодательной деятельности. [Электронный ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/c91d71ac-4339-492a-a58e-0a6bdf9ba3df> (дата обращения: 08.01.2025).

³ Федеральный закон от 10.07.2023 № 296-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». 17.07.2023. № 29. Ст. 5314.

⁴ Баженов А. Ю. Особенности правового регулирования концессионных соглашений // Правосудие на современном этапе новые вызовы времени : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Чита, 19–20 октября 2023 года. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2024. С. 23.

⁵ Федеральный закон от 30.11.2024 № 444-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». 02.12.2024. № 49 (часть IV). Ст. 7435.

⁶ Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «О приватизации государственного и муниципального имущества» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // «Собрание законодательства РФ». 28.01.2002. № 4. Ст. 251.

⁷ Пояснительная записка к законопроекту к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Законопроект № 589491-7) // Система обеспечения законодательной деятельности. [Электронный ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/098ddc2a-a264-4fc2-b36d-dc45474646e8> (дата обращения: 08.01.2025).

⁸ Федеральный закон от 28.02.2025 № 22-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О концессионных соглашениях» // «Собрание законодательства РФ». 03.03.2025. № 9. Ст. 851.

себя существенные условия» (п. 17 ст. 1 ФЗ № 22-ФЗ).

Также в аспекте предоставления заявок на участие в конкурсе на право заключения концессионного соглашения, объектом которого являются объекты теплоснабжения, централизованные системы горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, отдельные объекты таких систем уточняется, что концедент вправе вносить изменения в конкурсную документацию в течение пятнадцати дней со дня размещения конкурсной документации на официальном сайте для размещения информации о проведении торгов (п. 15 ст. 1 ФЗ № 22-ФЗ).

Среди прочего, определенные изменения затрагивают и порядок оформления прав на объекты недвижимости, возникающих в рамках концессионных соглашений, в том числе земельных участков. Так, уточняется порядок оформления кадастрового учёта и регистрации права собственности на объекты, созданные или реконструированные по концессионному соглашению. Так, концедент обязан обеспечить проведение кадастрового учета и регистрацию права собственности на незарегистрированное имущество, а также при необходимости выполнить кадастровые работы по запросу концессионера. Важно, что, если в течение трех лет с момента заключения соглашения права на незарегистрированное недвижимое имущество не были зарегистрированы в Едином государственном реестре недвижимости, имущество возвращается во владение и в пользование концедента, а с концессионером заключается договор аренды на срок действия соглашения без проведения конкурса (п. 12 ст. 1 ФЗ № 22-ФЗ).

Помимо вышеуказанного, пункт 10 ст. 1 ФЗ № 22-ФЗ закрепляет возможность возмещения концедентом части расходов концессионера на осуществление государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации права собственности концедента на незарегистрированное недвижимое имущество, выполнение кадастровых работ в отношении этого имущества, если это предусмотрено соглашением.

Анализируя изменения в законодательстве о концессионных соглашениях в 2024 году, можно сделать вывод о нескольких ключевых тенденциях в развитии данной сферы:

1. Расширение перечня объектов концессионных соглашений.

Законодательное регулирование последовательно распространяется на все большее количество видов имущества, которые могут выступать объектом концессионного соглашения. Так, в 2024 году перечень был дополнен объектами космической инфраструктуры и неиспользуемыми объектами культурного наследия, находящимися в неудовлетворительном состоянии, для последних была предусмотрена отдельная глава 4.2. в Федеральном законе от 21.07.2005 №115-ФЗ, регулирующая отношения в данной сфере.

2. Повышение уровня требований к сторонам концессионных соглашений.

Изменения законодательства в 2024 году предусматривали установление дополнительных ограничений и требований к концессионерам. Данные изменения главным образом затронули концессионные соглашения, объектами которых являются системы теплоснабжения, централизованные сети горячего и холодного водоснабжения, а также водоотведения, включая их составные части.

3. Цифровизация процесса заключения концессионных соглашений.

Еще в 2023 году вступили в силу поправки, предусматривающие, что с 2024 года конкурс на заключение концессионных соглашений может проводиться в электронной форме, а с 2026 года такая форма становится единственно возможной и обязательной.

4. Ужесточение контроля над исполнением концессионных соглашений.

Создание реестра обязательств, возникающих в ходе реализации таких соглашений, способствует повышению прозрачности и контролю со стороны государственных органов за выполнением сторонами своих обязанностей.

Изменения, внесенные в правовое регулирование данной сферы в 2025 году, в свою очередь, значительно усилили роль частного сектора. Так, исключение государственных и муниципальных предприятий из числа концессионеров направлено на развитие конкуренции и стимулирование деятельности частных инвесторов в данной сфере. Помимо этого, уточнение требований к содержанию соглашений, конкурсной документации и порядка оформления прав на объекты будет способствовать снижению административных барьеров и повышению доверия участников рынка, тем самым обеспечив рост прозрачности данной сферы. В то же время введение возможности компенсации расходов концессионеров и четкое регулирование имущественных вопросов делают участие в концессиях более привлекательным для бизнеса, значительно снижая инвестиционные риски.

Анализируя эффективность изменений, внесенных в законодательство о концессионных соглашениях, невозможно не упомянуть о следующем:

1. Расширение перечня возможных объектов концессионных соглашений, безусловно, позволяет привлечь дополнительные

инвестиции в стратегические сферы, однако сложность и специфика таких объектов, как космическая инфраструктура и памятники культуры, обуславливает сложность управления такими проектами. В связи с этим концессионные соглашения, касающиеся подобных объектов, требуют тщательного мониторинга и контроля со стороны государства.

2. Ограничение возможности иностранных компаний и компаний, зарегистрированных в офшорах, участия в качестве одной из

сторон в концессионных соглашениях повышает безопасность критически важной инфраструктуры, однако вместе с тем такие строгие меры могут ограничить круг потенциальных инвесторов, особенно международных, что потенциально снижает конкуренцию и возможности привлечения крупного иностранного капитала в данную сферу.

3. Создание реестра обязательств, возникающих при исполнении концессионных соглашений, позволит усовершенствовать

мониторинг и контроль со стороны государства, тем самым способствуя снижению количества возможных нарушений. С другой стороны, дополнительные административные процедуры могут существенно увеличить бюрократическую нагрузку на стороны соглашений и государственные органы, вследствие чего возможны задержки в принятии решений и усложнение взаимодействия между участниками процесса.

В заключение можно сделать вывод, что в 2024 и 2025 году российское законодательство о концессионных соглашениях было рефор-

мировано с целью расширения перечня объектов концессионных соглашений, установления более значительных требований к сторонам соглашений, цифровизации конкурсного процесса и усиления контроля за выполнением обязательств. Среди ключевых изменений можно выделить включение космической инфраструктуры и объектов культурного наследия в перечень концессионных объектов, а также создание государственного реестра обязательств, возникающих при исполнении концессионных соглашений. Эти меры направлены, в первую очередь, на привлечение инвестиций и защиту критически важной инфраструктуры.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «О приватизации государственного и муниципального имущества» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // «Собрание законодательства РФ». 28.01.2002. № 4. Ст. 251.
2. Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «О концессионных соглашениях» // «Собрание законодательства РФ». 25.07.2005. № 30 (ч. II). Ст. 3126.
3. Федеральный закон от 10.07.2023 № 296-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». 17.07.2023. № 29. Ст. 5314.
4. Федеральный закон от 04.08.2023 № 490-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О концессионных соглашениях» // «Собрание законодательства РФ». 07.08.2023. № 32 (Часть II). Ст. 6222.
5. Федеральный закон от 13.07.2024 № 177-ФЗ (ред. от 29.10.2024) «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». 15.07.2024. № 29 (Часть III). Ст. 4106.
6. Федеральный закон от 22.07.2024 № 196-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». 29.07.2024. № 31. Ст. 4456.
7. Федеральный закон от 30.11.2024 № 444-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». 02.12.2024. № 49 (часть IV). Ст. 7435.
8. Федеральный закон от 28.02.2025 № 22-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О концессионных соглашениях» // «Собрание законодательства РФ». 03.03.2025. № 9. Ст. 851.
9. Пояснительная записка к законопроекту к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Законопроект № 578594-8) // Система обеспечения законодательной деятельности. [Электронный ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/b6981ed9-457e-4196-a837-0e4a535231b8> (дата обращения: 08.01.2025).
10. Пояснительная записка к законопроекту к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 40 Федерального закона «О концессионных соглашениях» (Законопроект № 216246-8) // Система обеспечения законодательной деятельности. [Электронный ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/c91d71ac-4339-492a-a58e-0a6bdf9ba3df> (дата обращения: 08.01.2025).
11. Пояснительная записка к законопроекту к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Законопроект № 589491-7) // Система обеспечения законодательной деятельности. [Электронный ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/098ddc2a-a264-4fc2-b36d-dc45474646e8> (дата обращения: 08.01.2025).
12. Баженов А. Ю. Особенности правового регулирования концессионных соглашений // Правосудие на современном этапе новые вызовы времени : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Чита, 19–20 октября 2023 года. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2024. С. 20-24.
13. Боголюбов, С. А. Правовое регулирование градостроительства и планировки территорий : Учебник / С. А. Боголюбов, М. Н. Гаврилюк, Н. В. Кичигин. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «КноРус», 2024. – 208 с. – ISBN 978-5-406-13086-5. – EDN PJEKPB.
14. Бурлакова Ю. Г. Концессионные соглашения: частно-правовые средства защиты государственных интересов // Традиции и новые горизонты в гражданском праве: Сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 17 мая 2023 года. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2023. С. 336-343.
15. Гаврилюк, М.Н. Основные направления совершенствования регистрационного законодательства: формирование реестрового права в России / М.Н. Гаврилюк // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2021. – № 8(239). – С. 99-110. – EDN GDPOQC.
16. Гаврилюк, М.Н. Государственная регистрация обременений и ограничений прав на землю и иную расположенную на ней недвижимость / М. Н. Гаврилюк // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 7(187). – С. 4-9. – EDN KZFJUO.
17. Гаврилюк, М.Н. Государственная регистрация обременений и ограничений прав на землю и иную расположенную на ней недвижимость / М.Н. Гаврилюк // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 7(187). – С. 4-9. – EDN KZFJUO.
18. Гаврилюк, М. Н. Государственная регистрация прав на линейные объекты и расположенные под ними земельные участки / М. Н. Гаврилюк // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 6(186). – С. 16-21. – EDN XQONKG.
19. Корнилов В. А. К вопросу о государственном регулировании концессионных соглашений в России // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 107-5. С. 88-90.

References:

1. Federal Law No. 178-FZ dated December 21, 2001 (as amended on 11/30/2024) "On the Privatization of State and Municipal Property" (as amended and supplemented, intro. effective from 01.01.2025) // "Collection of legislation of the Russian Federation". 28.01.2002. № 4. Art. 251.
2. Federal Law No. 115-FZ of 21.07.2005 No. 115-FZ (as amended on 30.11.2024) "On concession agreements" // "Collection of legislation of the Russian Federation". 25.07.2005. № 30 (Part II). Article 3126.
3. Federal Law No. 296-FZ dated 07/10/2023 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // "Compilation of Legislation of the Russian Federation". 07/17/2023. No. 29. Art. 5314.
4. Federal Law No. 490-FZ dated 08/04/2023 "On Amendments to the Federal Law "On Concession Agreements" // "Collection of Legislation of the Russian Federation". 08/07/2023. No. 32 (Part II). Article 6222.
5. Federal Law No. 177-FZ of 07/13/2024 (as amended on 10/29/2024) "On Amendments to the Budget Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Sbornik zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii, 07/15/2024, No. 29 (Part III), art. 4106.
6. Federal Law No. 196 of 07/22/2024-Federal Law "On Amendments to certain Legislative Acts of the Russian Federation" // "Compilation of legislation of the Russian Federation". 07/29/2024. № 31. St. 4456.
7. Federal Law No. 444-FZ dated 11/30/2024 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // "Compilation of Legislation of the Russian Federation". 12/02/2024. No. 49 (Part IV).
- 7435.8. Federal Law No. 22-FZ dated 02/28/2025 "On Amendments to the Federal Law "On Concession Agreements" // "Collection of Legislation of the Russian Federation". 03.03.2025. No. 9. Art. 851.
9. Explanatory Note to the draft law on the draft Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (Draft Law No. 578594-8) // Legislative Support System. [Electronic resource] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/b6981ed9-457e-4196-a837-0e4a535231b8> (date of request: 08.01.2025).
10. Explanatory Note to the draft Law on the draft Federal Law "On Amendments to Article 40 of the Federal Law "On Concession Agreements" (Draft Law No. 216246-8) // Legislative Support System. [Electronic resource] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/c91d71ac-4339-492a-a58e-0a6bdf9ba3df> (date of request: 08.01.2025).
11. Explanatory Note to the draft law on the draft Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (Draft Law No. 589491-7) // Legislative Support System. [Electronic resource] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/098ddc2a-a264-4fc2-b36d-dc45474646e8> (date of request: 08.01.2025).
12. Bazhenov A. Y. Features of legal regulation of concession agreements // Justice at the present stage, new challenges of the time : Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Chita, October 19-20, 2023. Irkutsk: Baikal State University, 2024. pp. 20-24.
13. Bogolyubov, S. A. Legal regulation of urban planning and territorial planning : Textbook / S. A. Bogolyubov, M. N. Gavriluk, N. V. Kichigin. – Moscow : Limited Liability Company "KnoRus Publishing House", 2024. – 208 p. – ISBN 978-5-406-13086-5. – EDN PJEKPB.
14. Burlakova Yu. G. Concession agreements: private-law means of protecting state interests // Traditions and new horizons in civil law: Collection of scientific articles based on the results of the international scientific and practical conference, Yekaterinburg, May 17, 2023. Yekaterinburg: Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, 2023. pp. 336-343.
15. Gavriluk, M.N. The main directions of improving registration legislation: the formation of registry law in Russia / M.N. Gavriluk // Property relations in the Russian Federation. – 2021. – № 8(239). – Pp. 99-110. – EDN GDPOQC.
16. Gavriluk, M.N. State registration of encumbrances and restrictions of rights to land and other real estate located on it / M. N. Gavriluk // Agrarian and land law. – 2020. – № 7(187). – Pp. 4-9. – EDN KZFJUO.
17. Gavriluk, M.N. State registration of encumbrances and restrictions of rights to land and other real estate located on it / M.N. Gavriluk // Agrarian and land law. – 2020. – № 7(187). – Pp. 4-9. – EDN KZFJUO.
18. Gavriluk, M. N. State registration of rights to linear objects and land plots located under them / M. N. Gavriluk // Agrarian and land law. – 2020. – № 6(186). – Pp. 16-21. – EDN XQONKG.
19. Kornilov V. A. On the issue of state regulation of concession agreements in Russia // Trends in the development of science and education. 2024. No. 107-5. pp. 88-90.

ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ. ЧАСТЬ 2¹ PROBLEMS OF SYSTEMIC LEGAL REGULATION OF SPATIAL DEVELOPMENT IN RUSSIA. PART 2

ЗЕМЛЯКОВА Галина Леонидовна,

доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Институт государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

E-mail: ecolaw@igpran.ru;

ZEMLYAKOVA Galina L.,

leading researcher at the Institute of state and law
of the Russian academy of sciences, associate professor, doctor of law.
10 Znamenka str., Moscow, 119019, Russia.

E-mail: ecolaw@igpran.ru

Краткая аннотация: в статье анализируется соотношение терминов «административно-территориальная единица» и «муниципальное образование», отмечается смешение этих понятий, как в научной литературе, так и в законодательстве. На основе анализа действующего законодательства и стратегических документов делается вывод об отсутствии четкой последовательности проводимых реформ системы местного самоуправления. Вместе с тем имеется тенденция к развитию существующих агломераций, при отсутствии приоритета наращивания потенциала неосвоенных, малонаселенных, а также сельских территорий.

Abstract: the article analyzes the relationship between the terms "administrative-territorial unit" and "municipal formation", and notes the confusion between these concepts in both scientific literature and legislation. Based on an analysis of current legislation and strategic documents, the article concludes that there is a lack of clear consistency in the ongoing reforms of the local self-government system. However, there is a trend towards the development of existing agglomerations, with a lack of priority for building the potential of underdeveloped, sparsely populated, and rural areas.

Ключевые слова: административно-территориальная единица, муниципальное образование, организация местного самоуправления, опорный населенный пункт, агломерация, перераспределение полномочий.

Keywords: administrative-territorial unit, municipal entity, local self-government organization, core settlement, agglomeration, redistribution of powers.

Для цитирования: Землякова Г.Л. Проблемы системности правового регулирования пространственного развития России. Часть 2 // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 99-103. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_99.

For citation: Zemlyakova G.L. Problems of systemic legal regulation of spatial development in Russia. Part 2 // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 99-103. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_99.

Статья поступила в редакцию: 21.08.2025

Можно предположить, что определенность в отношении по поводу пространственного развития территории России должен был внести новый Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – Закон о местном самоуправлении), согласно которому теперь (по общему правилу) к муниципальным образованиям относятся городской и муниципальный округ, а также внутригородское муниципальное образование города федерального значения (ст. 9). Тем самым закон предусматривает одноуровневую организацию местного самоуправления, что, по мнению его разработчиков, позволит создать новую систему организации власти на местах, в основе устройства которой будет заложен не территориальный принцип (административно-территориальное деление), а принцип привязки к населению².

Обращает на себя внимание некоторая некорректность использования в Законе о местном самоуправлении термина «муниципальный округ» как (противопоставляемой) разновидности муниципальных образований наряду с термином «городской округ». Дело в том, что понятие муниципалитет (от лат. municipium – муниципия) означает общинный совет, городские власти³, орган городского или сельского самоуправления⁴. Соответственно, термины «муниципальный» и «городской», по сути, означают одно и то же, или последний может являться частью первого. Исходя из определения понятия «муниципальный округ», содержащегося в ч. 4 ст. 9 Закона о местном самоуправлении, корректнее было бы подразделить муниципальные образования на городские и сельские округа.

Возможно, предполагалось, что организация местного самоуправления, предусмотренная новым Законом, позволит образовать те самые опорные населенные пункты с прилегающей территорией. Однако на этот счет имеются большие сомнения, в частности из-за нестыковки норм данного Закона со Стратегией пространственного развития.

Как указывалось выше, в Стратегии под прилегающей к опорному населенному пункту территорией понимается территория одного или нескольких муниципальных образований. Закон же не делает каких-либо различий между населенными пунктами, составляющими городской или

¹ Статья подготовлена при информационной поддержке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Пояснительная записка к Проекту Федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 1910. // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwds/22566/МУНИЦИПАЛИТЕТ (дата обращения 01.08.2025 г.).

⁴ Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. 2006. // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwds/22566/МУНИЦИПАЛИТЕТ (дата обращения 01.08.2025 г.).

муниципальный округ, с точки зрения их отнесения к опорным, и, помимо этого, запрещает по общему правилу вхождение одного муниципально-го образования в состав территории другого муниципального образования (ч. 7 ст. 10).

Кроме того, муниципальные образования не являются административно-территориальными единицами (ч. 11 ст. 4 Закона о местном самоуправлении). При этом границы муниципального образования и административно-территориальной единицы могут совпадать.

Муниципальным образованием признается публично-правовое образование, созданное на территории с постоянно проживающим населением, в границах которой осуществляется местное самоуправление (ст. 9 Закона о местном самоуправлении)¹. Решение вопросов правового регулирования организации местного самоуправления в субъектах РФ, установления и изменения границ муниципальных образований, наделения муниципальных образований соответствующим статусом, преобразования муниципальных образований относится к полномочиям органов государственной власти субъекта РФ по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно (ч. 1 ст. 44 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее – Закон об организации публичной власти). Вид муниципального образования определяется законом субъекта РФ в соответствии с требованиями Закона о местном самоуправлении (ч. 6 ст. 9 Закона о местном самоуправлении).

Административно-территориальное устройство субъекта РФ и порядок его изменения также устанавливается законом субъекта РФ (ч. 2 ст. 8 Закона об организации публичной власти²). Между тем единого понимания, что такое административно-территориальная единица в законах субъектов РФ не наблюдается.

Например, административно-территориальная единица Ленинградской области – территория муниципального образования, иная часть территории области, на которых образуются органы местного самоуправления и (или) территориальные органы исполнительной власти области³.

Во Владимирской области под административно-территориальной единицей понимается часть территории области, включающая один населенный пункт (город, поселок, рабочий поселок, село, деревня и иные населенные пункты), или район в городе, имеющая установленные в соответствии с законодательством наименование и границы. А административно-территориальное образование – объединение различных категорий административно-территориальных единиц, в границах которого могут быть созданы территориальные органы государственной власти области и (или) органы местного самоуправления⁴.

В Мурманской области административно-территориальная единица – часть территории области, имеющая официальное наименование, установленные законом Мурманской области границы, в пределах которых создано муниципальное образование, наделенное статусом городского округа, муниципального округа или муниципального района⁵.

В Ставропольском крае административно-территориальная единица – часть территории края, обособленная для осуществления функций государственного и (или) муниципального управления (городское поселение, сельское поселение, муниципальный округ, городской округ, муниципальный район), в границах и с наименованием, установленными соответствующими законами края о наделении муниципальных образований края статусом городского, сельского поселения, муниципального округа, городского округа, муниципального района и об установлении их границ⁶.

Соответствующий закон Калининградской области не содержит определения рассматриваемого понятия⁷.

Примечательно, что во многих регионах, где законы содержат определение понятия административно-территориальная единица, таковые приравняются к муниципальным образованиям.

Также следует отметить, что, например, из ч. 2 ст. 10 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» можно сделать вывод о том, что единицами административно-территориального деления страны являются не только субъекты РФ и населенные пункты, но и муниципальные образования.

Иными словами, данный федеральный закон, по сути, не делает различия между муниципальным образованием и административно-территориальной единицей. Некоторые авторы, также нередко отождествляют понятия муниципального образования и его территории⁸. Как федеральное, так и региональное законодательство не устанавливает соотношения между административно-территориальными единицами и муниципальными образованиями.

Итак, новый Закон о местном самоуправлении по общему правилу упраздняет такие муниципальные образования, как поселения и му-

¹ В ст. 2 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (утратила силу в соответствии с Федеральным законом от 20.03.2025 № 33-ФЗ) понятие «муниципальное образование» определялось путем их перечисления. Но определение понятий каждого вида муниципального образования содержало указание на то, что в них местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления. Тем не менее, в ст. 11 данного закона содержались некоторые указания на необходимость учета количества населения при установлении и изменении границ муниципальных образований.

² Аналогичная норма содержалась в п. 2 ст. 5 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005 (утратил силу с 1 января 2023 года).

³ Областной закон Ленинградской области от 15.06.2010 № 32-оз «Об административно-территориальном устройстве Ленинградской области и порядке его изменения» // Вестник Правительства Ленинградской области. 2010. № 44.

⁴ Закон Владимирской области от 10.12.2001 № 130-ОЗ «Об административно-территориальном устройстве Владимирской области и порядке его изменения» // Владимирские ведомости. 2001. № 232.

⁵ Закон Мурманской области от 06.01.1998 № 96-01-ЗМО «Об административно-территориальном устройстве Мурманской области» // Мурманский Вестник. 1998. № 10.

⁶ Закон Ставропольского края от 01.03.2005 № 9-кз «Об административно-территориальном устройстве Ставропольского края» // Ставропольская правда. 2005. № 46.

⁷ Закон Калининградской области от 10.06.2010 № 463 «Об административно-территориальном устройстве Калининградской области» // Калининградская правда. (вкладыш «Ведомости Правительства Калининградской области»). 2010. № 112.

⁸ Астафичев П.А. Территориальные основы местного самоуправления как объект правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 4. С. 24-28.

муниципальные районы. По всей видимости, это приведет в среднем к укрупнению территорий муниципальных образований.

Это согласуется со Стратегией, в соответствии с которой одним из основных направлений и задач пространственного развития является переход к одноуровневой системе муниципального устройства на территориях с низкой плотностью населения.

Тем не менее, нельзя не отметить, что двухуровневая система организации местного самоуправления, в соответствии с Законом, также продолжит существовать. Закон о местном самоуправлении допускает сохранение существующей двухуровневой системы организации местного самоуправления в субъектах РФ, имеющих социально-экономические, исторические, национальные и иные особенности (будто какие-то субъекты РФ их не имеют¹). Регулированию такой системы посвящена ст. 89 Закона о местном самоуправлении.

Сопоставление указанных положений Стратегии и Закона не позволяет однозначно ответить на вопрос, какая же система муниципального устройства должна в итоге превалировать на территории России? Если одноуровневая система должна вводиться на территориях с низкой плотностью в субъектах РФ, не имеющих социально-экономических, исторических, национальных и иных особенностей, то, по всей видимости, двухуровневая система должна продолжит применяться в подавляющем количестве субъектов РФ. Но тогда возникает вопрос о целесообразности принятия целого нового Закона о местном самоуправлении. Очевидно, для того, чтобы сократить количество органов местного самоуправления на малонаселенных территориях нет смысла принимать новый Закон. Тем более, что «еще весной 2022 года территории 31 субъекта РФ уже стали полностью или частично одноуровневыми за счет появления муниципальных округов»².

Тем не менее, в ходе конституционной реформы 2020 г. среди Поправок, внесенных в Конституцию РФ, в частности, была сформулирована норма, подчеркивающая тесные функциональные и организационные связи органов государственной власти и местного самоуправления³. Согласно ч. 3 ст. 132 Конституции РФ органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие. Соответственно, с принятием нового Закона о местном самоуправлении «синхронизация законодательства о системе публичной власти»⁴ должна завершиться.

В связи со вступлением в силу норм нового Закона о местном самоуправлении, регулирующих полномочия органов местного самоуправления, с 1 января 2027 года произойдет перераспределение их полномочий в области земельных отношений и градостроительной деятельности.

Так, в соответствии с ч. 7 ст. 32 нового Закона о местном самоуправлении многие полномочия в указанных сферах (в частности, разработка и утверждение генеральных планов и местных нормативов градостроительного проектирования муниципальных образований, правил землепользования и застройки, документации по планировке территории, выдача градостроительного плана земельного участка и разрешений на строительство, принятие решений о резервировании земель и об изъятии земельных участков в границах муниципального образования для муниципальных нужд, решения об изъятии земельного участка, не используемого по целевому назначению или используемого с нарушением законодательства Российской Федерации, принятие решения о комплексном развитии территории и заключение соответствующего договора, принятие решений об изменении вида разрешенного использования земельного участка, о переводе земельных участков, находящихся в частной собственности, из одной категории в другую (ч. 3 ст. 32)) являются перераспределенными для осуществления органами государственной власти субъекта РФ в силу данного закона и осуществляются органами государственной власти субъектов РФ.

Перераспределение осуществляется законом субъекта РФ, вступающим в силу с начала очередного финансового года. Указанные законы субъекта РФ могут быть приняты в отношении всех либо отдельных муниципальных образований, расположенных на территории субъекта РФ, и устанавливать объем перераспределяемых полномочий. В случае передачи отдельных полномочий органам местного самоуправления соответствующий закон субъекта РФ должен также содержать положения о передаче необходимых для осуществления этих полномочий материальных ресурсов и финансовых средств (ч. 9 ст. 32 Закона о местном самоуправлении). При этом органы государственной власти субъекта РФ вправе осуществлять контроль за осуществлением органами местного самоуправления указанных полномочий (ч. 15 ст. 32).

Таким образом, очевидно, что в ближайшее время земельное и градостроительное законодательство ожидает некоторая перестройка. Органы местного самоуправления вскоре могут лишиться многих полномочий, которые были им присущи в последние десятилетия. В случае, если они продолжат их осуществлять, то уже не без контроля органов государственной власти субъектов РФ.

Среди проблем, которые могут возникнуть для лиц, участвующих в земельных отношениях и градостроительной деятельности, можно предположить трудности с определением органа власти, уполномоченного на принятие тех или иных решений в указанных сферах (как при необходимости получения соответствующих государственных или муниципальных услуг, так и в дальнейшем при разрешении судами споров, которые возникнут из указанных отношений).

Как было отмечено выше, в перечень опорных населенных пунктов, размещенный на сайте Минэкономразвития РФ, вошли преимущественно города, которые и так являются административными центрами районов и городов. При этом количество городов среди них как минимум в два раза превышает количество сел. Скорее всего, новая система местного самоуправления будет строиться вокруг этих населенных пунктов.

Если же при этом полномочия по подготовке градостроительной документации и заключению договоров комплексного развития терри-

¹ Корольков В.В. Муниципальная реформа в России в контексте мировых моделей организации местного самоуправления в федеративных системах // Сравнительное конституционное обозрение. 2025. № 1. С. 95 - 119.

² Екатерина Шугрина: «Новые тренды в местном самоуправлении как поиск баланса между развитием местного самоуправления и развитием территории» [Интервью с Е.С. Шугриной] // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 1. С. 3 - 7.

³ Скуратов Ю.И. Концепция разделения властей (новое прочтение) // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 9. С. 16 - 20.

⁴ Екатерина Шугрина: «Новые тренды в местном самоуправлении как поиск баланса между развитием местного самоуправления и развитием территории» [Интервью с Е.С. Шугриной] // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 1. С. 3 - 7.

торий будут сосредоточены на уровне органов государственной власти субъектов РФ, то, скорее всего, это приведет в лучшем случае к развитию уже существующих городских агломераций, но никак не к наращиванию потенциала сельских территорий. Можно согласиться с учеными, утверждающими, что новеллы законодательства о местном самоуправлении «в значительно большей степени отвечают региональным интересам, чем муниципальным»¹.

Возвращаясь к вопросу о том, в чем же суть внесения в стратегические документы понятия опорных населенных пунктов, можно констатировать, и это следует из различного рода подзаконных актов, в том числе программного характера, что заключается она в приоритетном порядке предоставления субсидий из федерального бюджета² и бюджетов субъектов РФ³ на реализацию практически любых проектов (жилищного, дорожного, коммунального и др. строительства) на этих территориях.

Однако четких критериев отбора таких населенных пунктов нет, а те, что предусмотрены в Методических рекомендациях, утвержденных Распоряжением Правительства РФ от 23.12.2022 № 4132-р, не соблюдаются. В Стратегии пространственного развития не проводится четкого отграничения между агломерациями и опорными населенными пунктами. Обеспечение транспортной связанности провозглашается в качестве задачи как применительно к опорным населенным пунктам, так и к агломерациям. Развитие коммунальной, транспортной и социальной инфраструктуры предполагается осуществлять и на территориях, прилегающих к опорным населенным пунктам, и к агломерациям. Государственная поддержка жилищного строительства является приоритетной и для городских агломераций и для опорных населенных пунктов.

Рассмотренное несколько витиеватое регулирование вопросов, связанных с отбором опорных населенных пунктов, в некотором роде созвучно с регламентацией порядка предоставления «арктического гектара» ч. 3.5 ст. 2 Федерального закона от 01.05.2016 № 119-ФЗ⁴, согласно которой земельные участки в Арктической зоне РФ могут предоставляться гражданам в безвозмездное пользование только на территориях, которые определены законами соответствующих субъектов РФ, указанных в п.п. 2, 3, 7, 11, 13, 16, 18 и 19 ст. 1 данного закона. По какому принципу должен производиться выбор территорий при принятии региональных законов в Федеральном законе не указано⁵. По крайней мере, формулировка с «учетом интересов жителей этих территорий, в том числе коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (п. 3.7 ст. 2), является весьма расплывчатой. Такой подход законодателя не вполне взаимосвязан с целями принятия данного закона, которые заключаются в решении вопросов вовлечения неиспользуемых земель в хозяйственный оборот, а также стимулирование освоения земельных участков на территории субъектов Российской Федерации, расположенных в Арктической зоне, предоставленных гражданам по программе «Дальневосточный гектар»⁶.

Таким образом, и положения Стратегии пространственного развития и Закона о местном самоуправлении свидетельствуют о том, что развитие неосвоенных, малозаселенных территорий России в настоящее время не вполне является государственным приоритетом. Хотя, очевидно, что неравномерное расселение по территории страны создает угрозу национальной безопасности⁷. Соответственно, такие принципы пространственного развития, провозглашенные в Стратегии, как реализация природного, культурно-исторического, оздоровительного и иного рекреационного потенциала территорий, обеспечение рационального и эффективного использования и воспроизводства природных ресурсов не могут быть реализованы в полной мере.

Список литературы:

- 1) Астафичев П.А. Территориальные основы местного самоуправления как объект правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 4. С. 24-28.
- 2) Басос Е.В. Государственная жилищная политика по развитию сельских территорий // Семейное и жилищное право. 2022. № 5. С. 24 - 27.
- 3) Екатерина Шугрина: «Новые тренды в местном самоуправлении как поиск баланса между развитием местного самоуправления и развитием территории» [Интервью с Е.С. Шугриной] // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 1. С. 3 - 7.
- 4) Закон Владимирской области от 10.12.2001 № 130-ОЗ «Об административно-территориальном устройстве Владимирской области и порядке его изменения» // Владимирские ведомости. 2001. № 232.
- 5) Закон Калининградской области от 10.06.2010 № 463 «Об административно-территориальном устройстве Калининградской области» // Калининградская правда. (вкладыш «Ведомости Правительства Калининградской области»). 2010. № 112.
- 6) Закон Мурманской области от 06.01.1998 № 96-01-ЗМО «Об административно-территориальном устройстве Мурманской области» // Мурманский Вестник. 1998. № 10.
- 7) Закон Ставропольского края от 01.03.2005 № 9-кз «Об административно-территориальном устройстве Ставропольского края» // Ставропольская правда. 2005. № 46.
- 8) Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. 2006. // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/22566/МУНИЦИПАЛИТЕТ (дата обращения 01.08.2025 г.).
- 9) Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
- 10) Корольков В.В. Муниципальная реформа в России в контексте мировых моделей организации местного самоуправления в федеративных системах // Сравнительное конституционное обозрение. 2025. № 1. С. 95 - 119.

¹ Там же.

² Постановление Правительства РФ от 31.05.2019 № 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 23. Ст. 2953.

³ Постановление Правительства РФ от 30.12.2017 № 1710 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 3. Ст. 546.

⁴ Федеральный закон от 01.05.2016 № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных в Арктической зоне Российской Федерации и на других территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 18. Ст. 2495.

⁵ Подробнее см.: Самончик О.А. Определение территорий для предоставления «арктических гектаров»: проблемы правового регулирования // Аграрное и земельное право. 2022. № 12 (216). С. 28-31.

⁶ Пояснительная записка к Федеральному закону от 28.06.2021 № 226-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См.: Басос Е.В. Государственная жилищная политика по развитию сельских территорий // Семейное и жилищное право. 2022. № 5. С. 24 - 27.

- 11) Областной закон Ленинградской области от 15.06.2010 № 32-оз «Об административно-территориальном устройстве Ленинградской области и порядке его изменения» // Вестник Правительства Ленинградской области. 2010. № 44.
 - 12) Постановление Правительства РФ от 30.12.2017 № 1710 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 3. Ст. 546.
 - 13) Постановление Правительства РФ от 31.05.2019 № 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 23. Ст. 2953.
 - 14) Пояснительная записка к Проекту Федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // СПС «КонсультантПлюс».
 - 15) Пояснительная записка к Федеральному закону от 28.06.2021 № 226-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
 - 16) Распоряжение Правительства РФ от 23.12.2022 № 4132-р «Об утверждении методических рекомендаций по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих территорий» // СЗ РФ. 2023. № 1 (часть III). Ст. 357.
 - 17) Самончик О.А. Определение территорий для предоставления «арктических гектаров»: проблемы правового регулирования // *Аграрное и земельное право*. 2022. № 12 (216). С. 28-31.
 - 18) Скуратов Ю.И. Концепция разделения властей (новое прочтение) // *Конституционное и муниципальное право*. 2024. № 9. С. 16 - 20.
 - 19) Федеральный закон от 01.05.2016 № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных в Арктической зоне Российской Федерации и на других территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 18. Ст. 2495.
 - 20) Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.
 - 21) Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
 - 22) Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // СЗ РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4344.
 - 23) Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.
 - 24) Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.
 - 25) Чудинов А.Н. *Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка*. 1910. // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/22566/МУНИЦИПАЛИТЕТ (дата обращения 01.08.2025 г.).
 - 26) URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_c_prognozom_do_2036_goda/edinyy_perechen_opornyy_naseleennykh_punktov_rf/?ysclid=mc9a409dlf321070293 (дата обращения 01.08.2025 г.).
- References:**
- 1) Astafichev P.A. Territorial foundations of local self-government as an object of legal regulation // *Constitutional and municipal law*. 2008. No. 4. pp. 24-28.
 - 2) Basos E.V. State housing policy for rural development // *Family and housing law*. 2022. No. 5. pp. 24-27.
 - 3) Ekaterina Shugrina: "New trends in local government as a search for a balance between the development of local government and the development of the territory" [Interview with E.S. Shugrina] // *State power and local self-government*. 2023. No. 1. pp. 3-7.
 - 4) The Law of the Vladimir Region dated 10.12.2001 No. 130-OZ "On the administrative-territorial structure of the Vladimir Region and the procedure for its amendment" // *Vladimirskie Vedomosti*. 2001. No. 232.
 - 5) The Law of the Kaliningrad region of 06/10/2010 No. 463 "On the administrative-territorial structure of the Kaliningrad region" // *Kaliningradskaya Pravda*. (insert "Bulletin of the Government of the Kaliningrad region"). 2010. No. 112.
 - 6) The Law of the Murmansk region dated 06.01.1998 No. 96-01-ZMO "On the administrative-territorial structure of the Murmansk region" // *Murmansk Bulletin*. 1998. No. 10.
 - 7) The Law of the Stavropol Territory dated 03/01/2005 No. 9-kz "On the administrative-territorial structure of the Stavropol Territory" // *The Stavropol truth*. 2005. № 46.
 - 8) Komlev N.G. Dictionary of foreign words. 2006. // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/22566/МУНИЦИПАЛИТЕТ (date of application 08/01/2025).
 - 9) The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // SPS "ConsultantPlus".
 - 10) Korolkov V.V. Municipal reform in Russia in the context of global models of local government organization in federal systems // *Comparative Constitutional Review*. 2025. No. 1. pp. 95-119.
 - 11) The Regional Law of the Leningrad Region dated 06/15/2010 No. 32-oz "On the Administrative-territorial structure of the Leningrad Region and the procedure for its amendment" // *Bulletin of the Government of the Leningrad region*. 2010. № 44.
 - 12) Decree of the Government of the Russian Federation dated December 30, 2017 No. 1710 "On Approval of the State program of the Russian Federation "Providing affordable and comfortable housing and communal services to citizens of the Russian Federation" // *NW RF*. 2018. No. 3. Art. 546.
 - 13) Decree of the Government of the Russian Federation dated 05/31/2019 No. 696 "On Approval of the State Program of the Russian Federation "Integrated Rural Development" and on Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation" // *SZ RF*. 2019. No. 23, article 2953.
 - 14) Explanatory note to the Draft Federal Law No. 40361-8 "On the general principles of the organization of local self-government in the unified system of public authority" // SPS "ConsultantPlus".
 - 15) Explanatory Note to Federal Law No. 226-FZ dated 06/28/2021 "On Amendments to the Federal Law "On the Specifics of Providing Citizens with Land Plots in State or Municipal Ownership and Located on the Territories of the Subjects of the Russian Federation that are Part of the Far Eastern Federal District, and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" and certain legislative acts of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus".
 - 16) Decree of the Government of the Russian Federation dated December 23, 2022 No. 4132-р "On approval of methodological recommendations on criteria for determining anchor settlements and adjacent territories" // *NW RF*. 2023. No. 1 (Part III). Art. 357.
 - 17) Samonchik O.A. Definition of territories for the provision of "Arctic hectares": problems of legal regulation // *Agrarian and land law*. 2022. No. 12 (216). pp. 28-31.
 - 18) Skuratov Yu.I. The concept of separation of powers (new interpretation) // *Constitutional and municipal law*. 2024. No. 9. pp. 16-20.
 - 19) Federal Law No. 119-FZ dated 05/01/2016 "On the Specifics of Providing Citizens with Land Plots Owned by the State or Municipal Authorities and Located in the Arctic Zone of the Russian Federation and Other Territories of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation, and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // *Federal Law of the Russian Federation*. 2016. No. 18. St. 2495.
 - 20) Federal Law No. 184-FZ dated 06.10.1999 "On the general principles of the organization of Legislative (representative) and Executive bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation" // *SZ RF*. 1999. No. 42. Art. 5005.
 - 21) Federal Law No. 131-FZ dated 06.10.2003 "On the general principles of the organization of local self-government in Of the Russian Federation" // *SZ RF*. 2003. № 40. St. 3822.
 - 22) Federal Law No. 218-FZ dated July 13, 2015 "On State Registration of Real Estate" // *Federal Law of the Russian Federation*. 2015. No. 29 (part I). Article 4344.
 - 23) Federal Law No. 33-FZ dated 03/20/2025 "On the general principles of the organization of local self-government in the Unified system of public Authority" // *SZ RF*. 2025. No. 12. Art. 1200.
 - 24) Federal Law No. 414-FZ dated 12/21/2021 "On the general principles of the organization of public Authority in the subjects of the Russian Federation" // *SZ RF*. 2021. No. 52 (part I). Article 8973.
 - 25) Chudinov A.N. Dictionary of foreign words included in the Russian language. 1910. // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/22566/МУНИЦИПАЛИТЕТ (accessed 08/01/2025).
 - 26) URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_c_prognozom_do_2036_goda/edinyy_perechen_opornyy_naseleennykh_punktov_rf/?ysclid=mc9a409dlf321070293 (accessed 08/01/2025).

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_104

УДК 34.096

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ НАБОРОВ ДАННЫХ ДЛЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ЗА РУБЕЖОМ¹

FEATURES OF REGULATING DATASETS FOR ARTIFICIAL INTELLIGENCE ABROAD

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович,
заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий,
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор.
ул. Садовая-Кудринская, д. 9, г. Москва, 125993, Российская Федерация.
E-mail: avminbaleev@msal.ru;

ОСИПОВ Даниил Павлович,
студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
ул. Садовая-Кудринская, д. 9, г. Москва, 125993, Российская Федерация.
E-mail: dpo.osipov@yandex.ru;

MINBALEEV Alexey Vladimirovich,
Head of the Department of information law and digital technologies
of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor.
9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 125993, Russian Federation.
E-mail: avminbaleev@msal.ru;

OSIPOV Daniil Pavlovich,
student Moscow State Law University (MSAL).
9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 125993, Russian Federation.
E-mail: dpo.osipov@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье произведен анализ зарубежного опыта нормативного правового регулирования создания и использования наборов данных для искусственного интеллекта. Авторами выделены несколько наиболее развитых практик в данной сфере. Проанализирован опыт США, Европейского Союза, Китая, Великобритании, Южной Кореи. Анализируются основные подходы и действующее законодательство, а также судебная практика иностранных государств. Установлено, что в современной мировой судебной практике преобладающее количество дел связаны с использованием объектов интеллектуальных прав (объектов интеллектуальной собственности), персональных данных физических лиц в процессе формирования наборов данных.

Abstract: The article analyzes the foreign experience of regulatory legal regulation of the creation and use of datasets for artificial intelligence. The authors have identified several of the most developed practices in this field. The experience of the USA, the European Union, China, Great Britain, and South Korea is analyzed. The main approaches and current legislation, as well as the judicial practice of foreign countries, are analyzed. It has been established that in modern world judicial practice, the predominant number of cases are related to the use of objects of intellectual rights (intellectual property objects), personal data of individuals in the process of forming datasets.

Ключевые слова: Великобритания, дата-сеты, Европейский Союз, искусственный интеллект, Китай, набор данных, правовое регулирование за рубежом, судебная практика, США, цифровые технологии, Южная Корея.

Keywords: UK, data sets, European Union, artificial intelligence, China, dataset, legal regulation abroad, judicial practice, USA, digital technologies, South Korea.

Для цитирования: Минбалеев А.В., Осипов Д.П. Особенности регулирования наборов данных для искусственного интеллекта за рубежом // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 104-107. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_104.

For citation: Minbaleev A.V., Osipov D.P. Features of regulating datasets for artificial intelligence abroad // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 104-107. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_104.

Статья поступила в редакцию: 17.08.2025

В современном мире в условиях активного развития регулирования цифровых технологий² особое место занимает область искусственного интеллекта. Практика регулирования формирования и использования дата-сетов для искусственного интеллекта находится на стадии формирования и во многом связана с общим развитием законодательства об искусственном интеллекте. При этом лишь небольшая доля принимаемых нормативных правовых актов направлена на выстраивание организационной модели функционирования технологий искусственного интеллекта в части использования наборов данных. Чаще всего пока законодатель регулирует общие вопросы в части понятийного аппарата³, устанавливает общие требования к наборам данных с позиции соблюдения законодательства при их наполнении и использовании. Анализ зарубежного опыта нормативного правового регулирования создания и использования наборов данных для искусственного интеллекта позволяет выделить несколько наиболее развитых практик.

Анализ законодательства США об искусственном интеллекте свидетельствует об отсутствии единого нормативного акта, регулирующего отношения в сфере искусственного интеллекта и непосредственно наборов данных. Деятельность в этом направлении ведется как на уровне федеральных органов власти, так и отдельных штатов. Следует отметить, что векторы регулирования отношений, связанных с искусственным интеллектом в США достаточно нестабильны и во многом зависят от политического руководства и влияния крупных технологических компаний. Так, в актах 2023 года, в частности в Указе от 30 октября 2023 г., ключевой акцент делался на риски и устранение недостатков искус-

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет - 2030».

² Механизмы и модели регулирования цифровых технологий: монография. М.: ООО «Проспект», 2023. 264 с.

³ Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach / V. V. Arkhipov, A. V. Gracheva, V. B. Naumov [et al.] // State and Law. 2022. No. 1. P. 168-178.

ственного интеллекта. Это свидетельствовало о ведущей роли государства в регулировании и вмешательстве в инновационный процесс посредством обмена данными, относящимся к сферам национальной безопасности, экономики, здравоохранения и т.д. В настоящее время данный акт отменен новой администрацией¹ и представлена стратегия, сконцентрированная на развитии инфраструктуры, лидерстве в области инноваций, а также глобальном влиянии американских технологий во всем мире. Данная структура нашла отражение в Плане США по искусственному интеллекту, принятому в июле 2025 г.² Основной акцент при этом делается по-прежнему на таких ключевых сферах использования искусственного интеллекта, как: образование, оборона, здравоохранение и т.д. При этом регулирование отношений, связанных с наборами данных разрозненно и представляет собой системы норм как из актов, посвященных искусственному интеллекту, так и норм специального регулирования. Так, для регулирования личной медицинской информации, установления требований к сбору медицинских данных, их защите, уведомлению о нарушении и другим вопросам применяются нормы Закона о мобильности и подотчетности медицинского страхования 1996 г. (Health Insurance Portability and Accountability Act)³. Вопросы защиты данных несовершеннолетних, обработки и ограничения обработки, включая цели обучения искусственного интеллекта, доступа родителей регулируются Законом о защите конфиденциальности детей в Интернете 1998 г. (Children's Online Privacy Protection Act)⁴. Обеспечение защиты финансовой информации основывается на Законе о модернизации финансовых услуг 1999 г. (Gramm-Leach-Bliley Act)⁵. Также устанавливаются и экспериментальные правовые режимы.

Активными темпами развивается законодательная работа на уровне штатов. Так, в Калифорнии, где сконцентрировано большое количество разработчиков, инновационных центров, рассматриваются законодательные инициативы, обязывающие разработчиков при формировании наборов данных документировать авторские материалы и указывать правообладателей⁶. В случае принятия данной инициативы разработка станет во многом нереалистичной ввиду обучения на миллиардах единиц контента, будет нанесен ущерб инвестиционной привлекательности и конкуренции. Аналогичные инициативы вносятся и на федеральном уровне и направлены на защиту прав при формировании наборов данных «без явного предварительного согласия» («express, prior consent») субъектов персональных данных, правообладателей и т.д.⁷

В Европейском Союзе в целях реализации AI Act разработан Кодекс практик для поставщиков ИИ-моделей общего назначения⁸, который включает типовые рекомендации по вопросам прозрачности (Transparency chapter), авторского права (Copyright chapter) и безопасности (Safety and Security chapter). В то время как одни технологические компании подписывают данный кодекс, которые после подписания становится обязательным для выполнения (на момент подготовки исследования кодекс подписали такие монополисты, как OpenAI, Anthropic, Mistral), другие компании собирают подписи под коллективными письмами с требованиями отсрочить вступление AI Act в силу ввиду его жестких требований⁹.

В первой главе Кодекса содержатся меры, направленные на обеспечение обязательств по регламенту и оценку соответствия систем в соответствии с типовой документацией (Model Documentation Form). Для этого предусматривается три меры: 1) разработка и актуализация документации модели, в соответствии с которой по форме типовой документации необходимо отражать всю информацию в течение 10 лет с момента выхода модели на рынок; 2) предоставление информации по запросу, как минимум, для понимания возможностей и ограничений модели; 3) обеспечение качества, целостности и безопасности информации предусматривает осуществление контроля, хранения доказательств соответствия AI Act и защиты от несанкционированных изменений¹⁰.

Во второй главе изложены пять мер, направленные на содействие реализации обязательств в части соблюдения законодательства об авторском праве и смежных правах. Первая мера, предусматривающая необходимость разработки и реализации политики авторского права, назначение ответственных лиц за реализацию политики и ее публикацию в актуальном состоянии и публичному доступу. Вторая мера предусматривает, что присоединившиеся к кодексу также обязуются соблюдать технические меры защиты, исключать сайты, нарушающие авторские права (web-crawling websites). Третья мера направлена на использование машиночитаемых стандартов и поддержание диалога с правообладателями. Четвертая мера направлена на предотвращение генерации контента, нарушающего авторские права, и запрещение нарушений при использовании. Пятая мера включает создание механизмов подачи жалоб и их эффективное рассмотрение¹¹. Между тем не сделан упор на выявление актуального круга проблем, возникающего у разработчиков. К таким проблемам, с нашей точки зрения, можно отнести организационно-технические. Так полученные для некоммерческого использования данные могут быть ошибочно классифицированы в качестве разрешенных для коммерческого использования, имеет место негативная практика распространения ИИ-моделей с открытыми лицензиями, показывают динамику конфликты «share-alike», возникающие при создании комбинированных дата-сетов.

В третьей главе изложен перечень принципов по управлению системными рисками в сфере искусственного интеллекта. К ним отнесены: управление жизненным циклом модели, контекстная оценка рисков, пропорциональность рисков, соответствие законодательству ЕС, сотруд-

¹ См.: Initial Rescissions Of Harmful Executive Orders And Actions. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/initial-rescissions-of-harmful-executive-orders-and-actions/> (дата обращения: 22.07.2025).

² См.: America's AI Action Plan. July 2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/07/Americas-AI-Action-Plan.pdf> (дата обращения: 01.08.2025).

³ См.: Health Insurance Portability and Accountability Act of 1996. URL: <https://www.congress.gov/bills/104th-congress/house-bill/3103/text> (дата обращения: 22.07.2025).

⁴ См.: Children's Online Privacy Protection Act of 1998. URL: <https://www.ecfr.gov/current/title-16/chapter-I/subchapter-C/part-312> (дата обращения: 22.07.2025).

⁵ См.: Gramm-Leach-Bliley Act of 1999. URL: <https://www.congress.gov/bills/106th-congress/senate-bill/900/text> (дата обращения: 22.07.2025).

⁶ См.: California Assembly Bill 412. URL: <https://legiscan.com/CA/text/AB412/id/3232078> (дата обращения: 22.07.2025).

⁷ См.: Senators Introduce Bill To Restrict AI Companies' Unauthorized Use Of Copyrighted Works For Training Models. URL: <https://deadline.com/2025/07/senate-bill-ai-copyright-1236463986/> (дата обращения: 22.07.2025).

⁸ См.: The General-Purpose AI Code of Practice. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/contents-code-gpai> (дата обращения: 22.07.2025).

⁹ См.: Siemens and SAP call for EU to revise its AI regulations – FAZ. URL: <https://www.reuters.com/technology/siemens-sap-call-eu-revise-its-ai-regulations-faz-2025-07-13/> (дата обращения: 22.07.2025).

¹⁰ См.: Transparency Chapter. Code of Practice for General-Purpose AI Models. URL: <https://ec.europa.eu/newsroom/dae/redirection/document/118120> (дата обращения: 22.07.2025).

¹¹ См.: Copyright Chapter. Code of Practice for General-Purpose AI Models. URL: <https://ec.europa.eu/newsroom/dae/redirection/document/118115> (дата обращения: 22.07.2025).

ничество, баланс инноваций и безопасности, предосторожности. Также отдельные положения посвящены реализации обязательств по регламенту малыми и средними технологическими компаниями и стартапами, толкованию в контексте минимизации системных рисков, отчетности о серьезных инцидентах¹.

Обработка персональных данных и формирование наборов данных регулируется правилами минимизации данных, ограничения цели обработки, прозрачности, подотчетности и т.д., установленные Общим регламентом по защите данных (General Data Protection Regulation)². На уровне государств-членов ЕС актуален комплекс вопросов, возникающих на этапах формирования наборов данных, обучения и использования ИИ-модели, а также риски извлечения данных. При этом проблемы требуют глубокого изучения специалистами из разных отраслей. Отдельными актами регулируется обработка данных применительно к конкретным сферам: Директива о защите данных в правоохранительных органах³, Директива об открытых данных (в контексте обработки и доступа к государственным данным)⁴. Европейское регулирование дополняется этическими рекомендациями и национальными актами.

В Великобритании обработка персональных данных, в том числе для машинного обучения регулируется Законом о защите данных 2018 г. (UK Data Protection Act)⁵. Его положения восприняли правила европейского регламента. В него введены отраслевые дополнения для сферы здравоохранения и финансов. При этом исключаются алгоритмические решения без возможности человеческого вмешательства, объяснения логики решения, возможности оспорить решения. Сфера искусственного интеллекта доступна для развития стартапов и внедрения инноваций благодаря проинновационному подходу.

Китай демонстрирует подход, основанный на централизованном доступе к данным, что существенно повышает уровень конкурентоспособности технологических компаний. Кроме того, социалистические ценности красной нитью проходят через вопросы развития сферы искусственного интеллекта, непосредственно формирования наборов данных. Единого нормативного правового акта, регулирующего отношения в сфере искусственного интеллекта, в Китае не разработано. В основном упор делается на регулирование обработки данных, административные меры и экспериментальные правовые режимы.

Так, Закон о защите персональных данных (中华人民共和国个人信息保护法)⁶ устанавливает принципы обработки данных: законность, прозрачность, запрет сбор избыточных данных. Анализ нормативного акта показывает, что в качестве особых требований к наборам данных можно выделить: качество данных, точность, актуальность, исправление и удаление возможно по запросу пользователя. На основе алгоритмов запрещается дискриминация, ИИ-решения должны быть объяснимыми. Данные, относящиеся к несовершеннолетним, требуют согласия родителей. Закон не применяется к обработке данных для личных и семейных нужд, а также государственной статистике и архивному делу.

В Законе о безопасности данных (中华人民共和国数据安全法)⁷, в качестве цели регулирования обозначено обеспечение упорядочивания обработки данных, безопасности данных, защита национального суверенитета и интересов развития, содействие развитию цифровой экономики. К основным национальным данным относятся данные, затрагивающие вопросы национальной безопасности, экономики, общественных интересов. Такие данные подлежат строгому контролю и запрету несанкционированной передачи за рубеж. Предусматриваются требования к качеству данных, их точности и актуальности, устанавливается запрет на сбор незаконными методами.

В Положении об управлении алгоритмическими операциями (互联网信息服务算法推荐管理规定)⁸ определено, что алгоритмические операции включают персонализацию, ранжирование, фильтрацию, решения и т.д. Вводится запрет на дискриминацию с использованием алгоритмов, манипулирование поведением пользователей платформ, а также устанавливается обязанность компаний по раскрытию принципов работы алгоритмов, внедрению систем безопасности алгоритмов, проведению аудитов алгоритмов. Устанавливается ответственность за непрозрачность алгоритмов и отказ от исправлений.

В Южной Корее разработан и принят Основной закон об искусственном интеллекте и о создании базы доверия (인공지능 발전과 신뢰 기반 조성 등에 관한 기본법)⁹. В нем определены принципы развития искусственного интеллекта: приоритет безопасности и надежности, право

¹ См.: Safety and Security Chapter. Code of Practice for General-Purpose AI Models. URL: <https://ec.europa.eu/newsroom/dae/redirection/document/118119> (дата обращения: 22.07.2025).

² См.: Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj> (дата обращения: 22.07.2025).

³ См.: Directive (EU) 2016/680 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data by competent authorities for the purposes of the prevention, investigation, detection or prosecution of criminal offences or the execution of criminal penalties, and on the free movement of such data, and repealing Council Framework Decision 2008/977/JHA. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/LSU/?uri=oj:JOL_2016_119_R_0002 (дата обращения: 22.07.2025).

⁴ См.: Directive (EU) 2019/1024 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on open data and the re-use of public sector information (recast). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32019L1024> (дата обращения: 22.07.2025).

⁵ См.: UK Data Protection Act of 2018. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/12/contents> (дата обращения: 22.07.2025).

⁶ См.: 中华人民共和国个人信息保护法 (2021年8月20日第十三届全国人民代表大会常务委员会第三十次会议通过). URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c2/c30834/202108/20210820_313088.html (дата обращения: 22.07.2025).

⁷ См.: 中华人民共和国数据安全法 (2021年6月10日第十三届全国人民代表大会常务委员会第二十九次会议通过). URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-06/11/content_5616919.htm (дата обращения: 22.07.2025).

⁸ См.: 互联网信息服务算法推荐管理规定. URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2022-01/04/content_5666429.htm (дата обращения: 22.07.2025).

⁹ См.: 인공지능 발전과 신뢰 기반 조성 등에 관한 기본법 [시행 2026.1.22.] [법률 제20676호, 2025.1.21., 제정]. URL: <https://likms.assembly.go.kr/law/lawsLawTnqyDetl1010.do?genActiontypeCd=2ACT1010&genDoctreattypeCd=DOCT2041&procWorkId=&workStepId=&repFlowId=&flowId=&workId=&workSno=&nextWinWd=%27&nextWinHg=%27%27&nextWinTypeAttr=%27&nextMappingId=&nextGenActiontypeCd=&viewGb=PROM&contSid=0001&contId=20250120000000>

пользователей на объяснение решений искусственного интеллекта и поддержка инноваций со стороны государства. Также устанавливаются государственные институты, ответственные за проведение политики в данной сфере. Развитие технологии индустрии осуществляется посредством поддержки НИОКР, создания государственных наборов данных и платформ для их распространения, а также льготирования стартапов и малых технологических компаний, создание индустриальных кластеров. При этом отмечается обязательность оценки рисков на всех этапах жизненного цикла искусственного интеллекта и обязательность сертификации для критически важных систем.

Модель защиты персональных данных Южной Кореи установлена в *Законе «О защите персональных данных» (Personal Information Protection Act)* и, с нашей точки зрения тяготеет к модели европейского регламента. Также защита данных предусмотрена в отраслевых актах.

Судебная практика традиционно отражает реальную картину и призвана исправлять изъяны нормативного материала. Следует отметить, что в силу развивающегося положения права искусственного интеллекта судебная практика не имеет границ, а правовые позиции имеют практическую основу и определенные ориентиры с учетом национальных особенностей. Например, в решении от 27.09.2024 г. по делу *Kneschke v. Laion* (Case No. 310 O 227/23) Окружной суд Гамбурга указал на три этапа разработки искусственного интеллекта: формирование набора данных, обучение модели искусственного интеллекта, использование обученного искусственного интеллекта для создания нового контента. При этом выполнение одного этапа не означает выполнение всех остальных, что является существенным при рассмотрении дел об использовании объектов интеллектуальной собственности в машинном обучении.

В настоящее время в мировой судебной практике преобладающее количество дел связаны с использованием объектов интеллектуальных прав объектов интеллектуальных прав (объектов интеллектуальной собственности), персональных данных физических лиц в процессе формирования наборов данных. Наряду с этим, суды рассматривают споры, связанные с заключением соглашений на разработку систем искусственного интеллекта и обжалованием решений административных органов в данной сфере.

Список литературы:

1. Механизмы и модели регулирования цифровых технологий: монография. М.: ООО "Прспект", 2023. 264 с.
2. Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach / V. V. Arkhipov, A. V. Gracheva, V. B. Naumov [et al.] // State and Law. 2022. № 1. P. 168-178.

References:

1. Mechanisms and models of digital technology regulation: a monograph. Moscow: Prospect LLC, 2023. 264 p. (In Russ.).
2. Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach / V. V. Arkhipov, A. V. Gracheva, V. B. Naumov [et al.] // State and Law. 2022. № 1. P. 168-178.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_108

УДК 34.096

ПРОБЛЕМЫ И НЕДОСТАТКИ МОДЕЛЬНОГО ЗАКОНА МПА СНГ «О ТЕХНОЛОГИЯХ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА»¹ PROBLEMS AND DISADVANTAGES OF THE IPA CIS MODEL LAW «ON ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES»

ОСИПОВ Даниил Павлович,

студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

ул. Садовая-Кудринская, д. 9, г. Москва, 125993, Российская Федерация.

E-mail: dpo.osipov@yandex.ru;

OSIPOV Daniil Pavlovich,

student Moscow State Law University (MSAL).

9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 125993, Russian Federation.

E-mail: dpo.osipov@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье произведен анализ принятого Межпарламентской ассамблеей Содружества Независимых Государств Модельного закона «О технологиях искусственного интеллекта». Выделены ключевые проблемы и недостатки данного акта. Выявлено отсутствие единой концепции развития нормативного регулирования отношений в сфере искусственного интеллекта в рамках СНГ. Отмечены неопределенность предмета правового регулирования. Критикуется сформированная система принципов регулирования искусственного интеллекта. Некоторые из закреплённых принципов, например, принцип контроля эффективности функционирования технологий, принцип страхования деятельности (по смыслу закона любой, связанной с искусственным интеллектом) создают чрезмерные барьеры для развития и трансформации отраслей экономики, социальной сферы и т.д.

Abstract: The article analyzes the foreign experience of regulatory legal regulation of the creation and use of datasets for artificial intelligence. The authors have identified several of the most developed practices in this field. The experience of the USA, the European Union, China, Great Britain, and South Korea is analyzed. The main approaches and current legislation, as well as the judicial practice of foreign countries, are analyzed. It has been established that in modern world judicial practice, the predominant number of cases are related to the use of objects of intellectual rights (intellectual property objects), personal data of individuals in the process of forming datasets.

Ключевые слова: искусственный интеллект, Межпарламентская ассамблея Содружества Независимых Государств, модельный закон, набор данных, правовое регулирование, технологии искусственного интеллекта.

Keywords: artificial intelligence, Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States, model law, dataset, legal regulation, artificial intelligence technologies.

Для цитирования: Осипов Д.П. Проблемы и недостатки Модельного закона МПА СНГ «О технологиях искусственного интеллекта» // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 108-110. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_108.

For citation: Osipov D.P. Problems and disadvantages of the IPA CIS model law «On artificial intelligence technologies» // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 108-110. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_108.

Статья поступила в редакцию: 17.08.2025

Выработка правовых моделей регулирования современных цифровых технологий² весьма актуальна сегодня на уровне региональных международных организаций и объединений. Особый интерес вызывает сфера искусственного интеллекта, развитие регулирования которого сегодня происходит весьма стремительно³. Так, в апреле 2025 г. Межпарламентской ассамблеей Содружества Независимых Государств принят Модельный закон «О технологиях искусственного интеллекта»⁴.

При анализе данного акта (далее – Модельный закон об ИИ), во-первых, следует указать на отсутствие единой концепции развития нормативного регулирования отношений в сфере искусственного интеллекта в рамках СНГ. Этот просчет повлиял на формирование базовых для любого нормативного правового акта аспектов, пусть и имеющих рекомендательный характер. Неопределенность содержится в предмете правового регулирования. Согласно ч. 1 ст. 1 Модельного закона об ИИ предмет правового регулирования составляют общественные отношения на всех этапах жизненного цикла технологий, а именно: исследования, проектирования, разработки, оценки и проверки, эксплуатации и обслуживания, мониторинга и контроля, утилизации и иных. Представляется, что данное перечисление является крайне избыточным, содержащим размытые границы регулирования без возможности уяснения нормативных, семантических характеристик, без коннотации с изложенными далее нормативными требованиями. Категории в предмете регулирования, безусловно, уникальны по своей природе, однако четко не выработались в практике и не полностью отражены на уровне нормативно-технического регулирования⁵. При этом уже в ч. 2 данной статьи целью правового регулирования является регламентация отношений по разработке и функционированию технологий искусственного интеллекта и систем с использованием технологий искусственного интеллекта.

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет -2030».

² Механизмы и модели регулирования цифровых технологий: монография. М.: ООО "Проспект", 2023. 264 с.

³ Полякова Т.А., Минбалиев А.В., Наумов В.Б. Современные приоритеты развития информационного права: правовое обеспечение государственного суверенитета и информационной безопасности в информационном пространстве России // Государство и право. 2025. № 1. С. 160-173; Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach / V. V. Arkhipov, A. V. Gracheva, V. B. Naumov [et al.] // State and Law. 2022. № 1. P. 168-178.

⁴ См.: Модельный закон «О технологиях искусственного интеллекта» (Принят Постановлением МПА СНГ от 18.04.2025 г. № 58-8). URL: https://iacis.ru/mod_file/p_file/1292 (дата обращения: 17.07.2025).

⁵ Так, приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 октября 2024 года № 1550-ст утвержден национальный стандарт РФ ГОСТ Р 71476-2024 «Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта», с 01.01.2025 г. действует международный стандарт ИСО/МЭК 22989:2022, разработаны Принципы в сфере ИИ, принятые ОЭСР, (OECD AI Principles), а также иные стандарты (Система управления рисками в сфере ИИ Национального института стандартов и технологий США (NIST AI Risk Management Framework), Регламент ЕС об ИИ (AI Act).

В тексте Модельного закона об ИИ говорится о регулировании отношений, возникающих при разработке, внедрении и использовании (а где-то применении) технологий, а также отношений, возникающих в процессе использования, обработки, хранения и защиты данных. Не совсем ясно, что имели в виду авторы закона, когда указали на то, что названные отношения должны иметь стимулирующий характер. Вероятно, имелась в виду направленность регулирования на создание механизмов, мер по содействию разработке, внедрению и использованию технологий в гражданском обороте. Полагаем, что главным достижением Модельного закона об ИИ является то, что он демонстрирует, насколько разнообразны и сложны отношения в этой сфере.

В качестве субъектов отношений в Модельном законе об ИИ определены следующие категории: исследователи, разработчики, производители, лица, осуществляющие финансирование исследований и разработок, собственники, владельцы, операторы, пользователи, а также иные лица, взаимодействующие в сфере технологий искусственного интеллекта (ст. 3). Достаточно сомнительным является отнесение уполномоченных государственных органов к категории «иных лиц, взаимодействующих в сфере технологий искусственного интеллекта». При том, что государственное регулирование вынесено в отдельную главу и с указанием на необходимость создания уполномоченного государственного органа (ч. 2 ст. 5), с определением его компетенции (ст. 6) и примерного перечня мер поддержки, оказываемых государством (ст. 7).

В главе 3 Модельного закона об ИИ сформулированы принципы правового регулирования, которые поделены на две категории: общие и специальные. К числу общих принципов отнесены: антропоцентричность (приоритет прав и свобод человека), технической надежности и безопасности, устойчивости, предосторожности (предусмотрительности), абсолютной и солидарной ответственности, страхования ответственности, прозрачности функционирования, контроля за функционированием, защиты персональных данных (ст. 10). Специальные же принципы не сформулированы лаконично, а представляют собой описание конкретных действий, которые необходимо совершить на стадиях жизненного цикла применительно к системам с различной степенью риска, и запрет. Проще говоря, к ним отнесены: оценка рисков, апробация и страхование на каждой стадии разработки сложных систем (ч. 1 ст. 20), технологии с неприемлемым риском являются абсолютной угрозой и запрещаются (ч. 2 ст. 20). Перечень специальных принципов может быть расширен национальным законодательством. Такой подход, полагаем, весьма правильный.

Перечисленные категории трудно назвать принципами в правовом смысле. Скорее всего, это некие «маркеры», обязательные условия, которые должны быть соблюдены, на минимальном уровне гарантирующие преимущественно безопасность. Мыслиться, что и понижать данный минимум нет разумных оснований. Однако принципы в правовом смысле являются началом, на основе которого конструируются нормативные требования. В идеальном понимании принципы служат ориентиром для дальнейшего регулирования, выработки оптимальных правовых решений и формируют тенденции развития права искусственного интеллекта¹.

Некоторые из названных принципов, например, принцип контроля эффективности функционирования технологий, принцип страхования деятельности (по смыслу закона любой, связанной с искусственным интеллектом) создают чрезмерные барьеры для развития и трансформации отраслей экономики, социальной сферы и т.д.

В главе 4 Модельного закона об ИИ («Управление рисками в сфере технологий искусственного интеллекта») содержится классификация технологий по категориям риска. В чистом виде они копируют форму и содержание категорий европейского Регламента об искусственном интеллекте и служат необоснованным законодательным барьером. При классификации технологий на запрещенные, с высоким риском, с ограниченным риском, с специальными требованиями к прозрачности и с малым или минимальным риском необходимо предусмотреть значимые пределы, служащие разграничением и имеющие практическую основу. Подобные запреты должны сопровождаться релевантными механизмами, корреспондирующими правами и обязанностями, гарантиями по отношению ко всем субъектам отношений, периодическими обязательными экспериментально-практическими мероприятиями и оценкой соответствия. Видится, что риск-ориентированный подход не оправдывает себя в полной мере, в связи с чем целесообразно выделить категории общих и специальных систем искусственного интеллекта. Определение специальных систем представляется задачей уполномоченных государственных органов и основано на предварительной оценке опасности, которая создается для охраняемых благ².

В главе 5 Модельного закона об ИИ («Права и обязанности субъектов отношений в сфере технологий искусственного интеллекта») перечислены права исследователей, разработчиков, производителей, лиц, осуществляющих финансирование исследований и разработок, к которым отнесены: право на доступ к наборам данных, право на обработку данных для целей машинного обучения, право на возмещение вреда, причиненного технологиями, и право на предоставление государственных мер поддержки.

Названный перечень прав является весьма неоднозначным и спорным. Возникает целый ряд вопросов. Например, каким образом будет осуществляться доступ к наборам данных? Какие категории наборов данных будут доступны? Относятся ли к этой категории государственные наборы данных? Будут ли обеспечены при машинном обучении права автора, владельца данных, государства и других субъектов? Каким образом будет осуществляться возмещение вреда, если в соответствии с предметом регулирования речь идет об использовании технологий искусственного интеллекта, а у разработчика появляется право на возмещение вреда, причиненного технологиями искусственного интеллекта? В

¹ См.: Минбалеев А.В. Формирование системы принципов правового регулирования отношений в сфере искусственного интеллекта // Формирование многополярного мира: вызовы и перспективы. Сборник докладов XI Московского юридического форума (XXIV Международной научно-практической конференции). В 3-х частях. Москва, 2024. С. 554-558; Перспективные направления правового регулирования искусственного интеллекта: монография. Саратов : Общество с ограниченной ответственностью "Амирит", 2023. 442 с.

² В то же время понять, какие блага охраняются законом, можно лишь косвенно. Полагаем, что к таковым следует относить: жизнь и здоровье людей, права и свободы человека и гражданина, общественную безопасность и общественный порядок, государственную власть, национальную безопасность государства, мир и безопасность человечества.

контексте же мер поддержки, видится, что речь должна идти о праве пользоваться государственными мерами поддержки при условии, что разработчик, его организация будут отвечать нормативно определенным требованиям.

Необоснованным, на наш взгляд, является включение в Модельный закон об ИИ более чем 19 обязанностей вышеназванных субъектов. Такие обязанности не только создают высокие требования к лицам, от которых, по сути, зависит успешное и эффективное функционирование технологий, но и нарушают межотраслевые связи с другим законодательством (гражданским, трудовым, административным). При этом усматривается тождественность некоторых обязанностей данных лиц с обязанностями собственников, владельцев, операторов, пользователей и иных лиц. Неоднозначной является и категория «иные лица, взаимодействующие с технологиями искусственного интеллекта» (согласно ст. 3 Модельного закона об ИИ это и уполномоченный государственный орган) создает противоречия с задачами правового регулирования, а также целями и задачами государственного регулирования в сфере искусственного интеллекта. В связи с этим возникают вопросы: относится ли к государственным органам обязанность обладать квалификацией? Кому государственный орган обязан предоставлять данные «черного ящика»? Что представляет из себя категория «черный ящик» как правовая категория?

В главе 6 Модельного закона об ИИ регулируются вопросы использования, обработки, хранения и защиты данных, несмотря на отсутствие данных отношений в предмете правового регулирования. Между тем в соответствии с данными положениями процессы формирования, подготовки, разметки использования наборов данных регламентируются на национальном уровне. В качестве признаков данных выделяются: достоверность, достаточность и целесообразность, соответствие принципам управления данными, процессы сбора, обеспечения полноты, репрезентативности, хранения, реализации политики доступа, этапы подготовки, оценки, аудита и т.д. должны соответствовать требованиям оператора. При этом предусмотрены в качестве обязательных предварительная обработка и подготовка данных для машинного обучения. Этапы такой подготовки включают: очистку данных, масштабирование и нормализацию, кодирование категориальных данных, разделение на тренировочный и тестовый наборы.

Предусматриваются требования для наборов данных: соответствие стандартам; принятие мер для недопущения дискриминации, обеспечение защиты конфиденциальности и персональных данных. Также согласно ст. 2 Модельного закона об ИИ, где изложены основные понятия, под наборами данных понимается «совокупность данных, прошедших предварительную подготовку (обработку) в соответствии с требованиями законодательства и необходимых для разработки и функционирования технологий искусственного интеллекта и (или) систем с использованием технологий искусственного интеллекта». Определение представляют собой переработку из первой редакции Национальной стратегии ИИ и технических стандартов Российской Федерации под тематику СНГ.

В Модельном законе об ИИ также предложены подходы к ответственности и международному сотрудничеству государств.

Конечно, проблематика искусственного интеллекта рассматривается через глобальную призму человеческой цивилизации и поднимает множество вопросов, которые следует учитывать при конструировании правовых моделей. Однако большинство категорий, представляющих из себя комплекс философских, экономических, политических, технических и каких-либо других условностей, не годятся для применения в сфере правового регулирования отношений, более того, они едва ли имеют отношение к правовым категориям. Следовательно, и попытки урегулировать далеко не изученную сферу не должны приводить к недоверию к праву, превращению его в способ достижения быстрого экономического эффекта.

Безусловно, потенциал интеграционных объединений велик для гармонизации подходов в регулировании, однако данная сфера вскрывает глубинные проблемы СНГ как международной организации. Полагаем, что здесь наиболее остро будут ощущаться: геополитическая конъюнктура, влияние западных государств, исторически формировавших международно-правовой ландшафт под свои интересы, независимость государств, а также серьезные организационные недостатки самой СНГ. В этой связи представляется необходимым продолжить развитие модельного регулирования как в СНГ, разработав комплексную систему мер и гарантий по развитию технологий искусственного интеллекта, так и в рамках других международных организаций, прежде всего стремящихся расширить экономическое сотрудничество (ЕвразЭС, ШОС и др.).

Список литературы:

1. Механизмы и модели регулирования цифровых технологий: монография. М.: ООО "Проспект", 2023. 264 с.
2. Минбалева А.В. Формирование системы принципов правового регулирования отношений в сфере искусственного интеллекта // Формирование многополярного мира: вызовы и перспективы. Сборник докладов XI Московского юридического форума (XXIV Международной научно-практической конференции). В 3-х частях. Москва, 2024. С. 554-558.
3. Перспективные направления правового регулирования искусственного интеллекта: монография. Саратов: ООО "Амрит", 2023. 442 с.
4. Полякова Т.А., Минбалева А.В., Наумов В.В. Современные приоритеты развития информационного права: правовое обеспечение государственного суверенитета и информационной безопасности в информационном пространстве России // Государство и право. 2025. № 1. С. 160-173.
5. Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach / V. V. Arkhipov, A. V. Gracheva, V. B. Naumov [et al.] // State and Law. 2022. № 1. P. 168-178.

References:

1. Mechanisms and models of digital technology regulation: a monograph. Moscow: Prospect LLC, 2023. 264 p.
2. Minbaleeva A.V. Formation of a system of principles of legal regulation of relations in the field of artificial intelligence // Formation of a multipolar world: challenges and prospects. Collection of reports of the XI Moscow Law Forum (XXIV International Scientific and Practical Conference). In 3 parts. Moscow, 2024. pp. 554-558.
3. Promising areas of legal regulation of artificial intelligence: monograph. Saratov : LLC "Amirit", 2023. 442 p.
4. Polyakova T.A., Minbaleeva A.V., Naumov V.B. Modern priorities for the development of information law: legal support for state sovereignty and information security in the information space of Russia // State and Law. 2025. № 1. pp. 160-173.
5. Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach / V. V. Arkhipov, A. V. Gracheva, V. B. Naumov [et al.] // State and Law. 2022. № 1. P. 168-178.

ВОЗМЕЩЕНИЕ УБЫТКОВ ПРИ ИЗЪЯТИИ НЕДВИЖИМОСТИ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ* COMPENSATION FOR LOSSES IN THE EVENT OF REAL ESTATE EXPROPRIATION FOR STATE OR MUNICIPAL NEEDS: SOME ENFORCEMENT ISSUES*

САМОНЧИК Ольга Анатольевна,

кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

E-mail: raps-07@mail.ru;

SAMONCHIK Olga Anatolyevna,

PhD in law, senior research associate of the ecological, land and agrarian law department
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow.
10 Znamenska str., Moscow, 119019, Russia.

E-mail: raps-07@mail.ru

**Статья подготовлена с использованием справочной правовой системы «КонсультантПлюс».*

Краткая аннотация: в статье проанализированы особенности регулирования возмещения убытков при изъятии недвижимости для государственных или муниципальных нужд, особое внимание при этом уделено проблемам, связанным с возмещением убытков третьим лицам, возникающих в результате досрочного расторжения правообладателем изымаемого недвижимого имущества заключенных с этими лицами договоров. На примере судебного дела о расторжении договора аренды помещения показаны пробелы в регулировании этих отношений, автором сформулирован ряд предложений по совершенствованию законодательства в данной области.

Abstract: The article analyzes the features of regulating compensation for damages in the case of real estate seizure for state or municipal needs, with a special focus on the problems related to compensation for damages to third parties resulting from the early termination of contracts with these parties by the owner of the seized real estate. Using the example of a court case on the termination of a lease agreement, the author shows the gaps in the regulation of these relations and formulates a number of proposals for improving the legislation in this area.

Ключевые слова: изъятие недвижимости, государственные и муниципальные нужды, убытки правообладателя недвижимости, убытки третьего лица, оценка размера возмещения, возмещение убытков.

Key words: seizure of real estate, state and municipal needs, losses of the real estate owner, losses of a third party, assessment of the amount of compensation, and compensation for losses.

Для цитирования: Самончик О.А. Возмещение убытков при изъятии недвижимости для государственных или муниципальных нужд: некоторые проблемы правоприменения // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 111-115. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_111.

For citation: Samonchik O.A. Compensation for losses in the event of real estate expropriation for state or municipal needs: some enforcement issues // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 111-115. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_111.

Статья поступила в редакцию: 21.08.2025

Законодательство предусматривает возможность принудительного изъятия у собственников и иных правообладателей земельных участков и находящихся на них объектов недвижимого имущества для государственных или муниципальных нужд (публичные нужды).

Под государственными или муниципальными нуждами при изъятии имущества у частных собственников понимаются потребности публично-правового образования в связи с необходимостью удовлетворения интересов общества (общественно полезных целей). При этом удовлетворить интересы общества невозможно без изъятия такого имущества. Соответственно, принудительное изъятие не может производиться для получения выгоды только или преимущественно другими частными субъектами, деятельность которых лишь опосредованно служит интересам общества [1].

В случае, если собственнику, иному правообладателю изымаемого земельного участка принадлежат расположенные на этом участке объекты недвижимого имущества, то их изъятие осуществляется одновременно (п. 2 ст. 239.2 ГК РФ). При этом отчуждение зданий, сооружений и расположенных в них помещений, объектов незавершенного строительства в связи с изъятием земельного участка осуществляется по правилам, предусмотренным для изъятия земельных участков (п. 3 ст. 239.2 ГК РФ).

Перечень оснований изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд установлен в ст. 49 ЗК РФ, однако он не является исчерпывающим, статьей предусмотрена возможность установления оснований изъятия иными федеральными законами. Общие положения о порядке изъятия недвижимого имущества содержатся в отдельных статьях ГК РФ, подробнее же отношения по изъятию земельных участков для государственных или муниципальных нужд регулируются нормами гл. VII.1 ЗК РФ (ст. 56.2-56.12).

В соответствии с ч. 3 ст. 35 Конституции РФ, п. 4 ст. 281 ГК РФ принудительное отчуждение недвижимого имущества для публичных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения.

Согласно ст. 56.10 ЗК РФ изъятие недвижимости может осуществляться двумя способами: во-первых, путем заключения соглашения об изъятии между правообладателем изымаемой недвижимости и уполномоченным органом исполнительной власти или органом местного само-

управления, которые принимают решения об изъятии, а в случае, если изъятие земельных участков осуществляется на основании ходатайства об изъятии, то организацией, подавшей такое ходатайство (п. 1, 8); во-вторых, принудительное изъятие по решению суда по иску уполномоченного органа или ходатайствующей об изъятии организации, если по истечении девяноста дней со дня получения правообладателем проекта соглашения об изъятии недвижимости им не представлено подписанное соглашение (п. 10).

Размер возмещения определяется соответственно либо в соглашении об изъятии, либо в судебном решении.

Возмещение за изымаемые земельные участки и (или) расположенные на них объекты недвижимого имущества осуществляется за счет средств соответствующего бюджета или средств организации, на основании ходатайства которой принято решение об изъятии (п. 13 ст. 56.10 ЗК РФ).

При определении размера возмещения в него включаются рыночная стоимость изымаемого земельного участка, находящегося в частной собственности, или рыночная стоимость иных прав на земельный участок, подлежащих прекращению, и убытки, причиненные изъятием участка, в том числе упущенная выгода (п. 2 ст. 281 ГК РФ, ст. 56.8 ЗК РФ). В случае одновременного изъятия расположенных на земельных участках и принадлежащих тем же правообладателям объектов недвижимого имущества в размер возмещения включается рыночная стоимость этих объектов (для собственников) или рыночная стоимость иных прав на эти объекты (п. 2 ст. 56.8 ЗК РФ).

Законом предусмотрено, что со дня прекращения прав на изъятый земельный участок прежнего правообладателя прекращаются сервитут, залог, установленные в отношении такого земельного участка, а также договоры, заключенные правообладателем в отношении земельного участка. В случае, если изъятие земельного участка для публичных нужд делает невозможным исполнение правообладателем участка обязательств перед третьими лицами, в том числе обязательств, основанных на заключенных правообладателем участка с такими лицами договоров, решение об изъятии земельного участка является основанием для прекращения этих обязательств (п. 4 ст. 279 ГК РФ, п. 7 ст. 56.11 ЗК РФ).

В размер возмещения при изъятии недвижимости включаются не только убытки, причиненные правообладателю изъятием земельных участков, иных объектов недвижимости, но и убытки, возникающие в связи с невозможностью исполнения правообладателем обязательств перед третьими лицами, в том числе основанных на заключенных с такими лицами договорах (п. 2 ст. 56.8 ЗК РФ).

Размер возмещения за изымаемые земельные участки определяется в соответствии с Федеральным законом от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» [2] с учетом особенностей, установленных ЗК РФ. Так, ст. 8 Закона предусмотрено обязательное проведение оценки при возникновении спора о стоимости объекта оценки при изъятии имущества для государственных или муниципальных нужд. Из этого следует, что если нет спора о стоимости объекта, то оценка изымаемого объекта может не проводиться.

Земельный кодекс РФ уточнил положение ст. 8 Закона № 135-ФЗ, установив фактически обязательную оценку изымаемой недвижимости независимо от наличия или отсутствия спора по определению ее стоимости. Так, в соответствии с п. 4 ст. 56.10 Кодекса одновременно с проектом соглашения об изъятии недвижимости правообладателю направляется отчет об оценке рыночной стоимости изымаемых земельных участков и расположенных на них объектов недвижимости, а также отчет об оценке размера убытков, причиняемых изъятием недвижимого имущества.

Далее остановимся подробнее на вопросе о возмещении убытков третьим лицам, возникающих в связи с досрочным расторжением правообладателем изымаемой недвижимости заключенных с этими лицами договоров.

Согласно абз. 1 п. 2 ст. 56.8 ЗК РФ при определении размера возмещения в него включаются рыночная стоимость земельных участков (для частного собственника) или рыночная стоимость иных прав на земельные участки, убытки, причиненные изъятием участков, включая убытки, возникающие в связи с невозможностью исполнения правообладателями участков обязательств перед третьими лицами, в том числе основанных на заключенных с такими лицами договорах, и упущенная выгода.

В абз. 2 п. 2 ст. 56.8 предусмотрено, что если одновременно с земельным участком осуществляется изъятие расположенных на нем объектов недвижимости, в размер возмещения включается рыночная стоимость этих объектов или рыночная стоимость иных прав на объекты недвижимого имущества.

В соответствии со ст. 15 ГК РФ лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков. При этом под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Пунктом 6 ст. 56.8 ЗК предусмотрено, что, если у правообладателя изымаемой недвижимости возникают убытки в связи с невозможностью исполнения обязательств перед третьими лицами, в том числе основанных на заключенных с такими лицами договорах, правообладатель представляет лицу, проводящему оценку изымаемой недвижимости, документы, подтверждающие возникновение у него убытков, связанных с невозможностью исполнения этих обязательств.

Возникает вопрос, что имеет в виду законодатель под убытками правообладателя в связи с невозможностью исполнения обязательств перед третьими лицами? Представляется, что к ним относятся как убытки самого правообладателя, так и убытки третьего лица, которые возникают в связи с неисполнением правообладателем изымаемой недвижимости обязательств перед этим лицом. Например, при досрочном расторжении правообладателем договора аренды земельного участка или расположенного на нем объекта недвижимого имущества.

В этом случае возникшие у третьего лица убытки должны возмещаться правообладателем, а понесенные им расходы включаются в общую сумму возмещения, выплачиваемого правообладателю за счет соответствующего бюджета или средств организации, иницирующей

изъятие. К сожалению, ни в Земельном, ни в Гражданском кодексах подобный механизм не прописан, что может создавать определенные проблемы в процессе правоприменения рассматриваемых норм.

В п. 8 ст. 56.11 ЗК РФ содержится лишь требование о том, что правообладатель изымаемой недвижимости осуществляет самостоятельно расчет с лицами, обременения на изымаемую недвижимость в пользу которых или договоры с которыми прекращены на основании соглашения об изъятии недвижимости либо вступившего в законную силу решения суда. Однако неконкретный характер этой нормы не способствует ее эффективному применению.

В контексте рассматриваемого вопроса несомненный интерес представляет следующий пример из судебной практики.

Между АО «Альфа-Банк» (далее – Банк, истец, арендатор) и ООО «Альтивия» (далее – ООО, ответчик, арендодатель) 09.10.2013 г. был заключен договор аренды нежилого помещения площадью 173,2 кв. м, расположенного по адресу: г. Москва, ул. Гарибальди, д. 25, корп. 1.

В соответствии с распоряжением Департамента городского имущества г. Москвы от 28.09.2021 г. № 42683 для целей, указанных в Адресной инвестиционной программе г. Москвы на 2020-2023 гг. (строительство объектов транспортной и инженерной инфраструктуры для Программы реновации) у ООО «Альтивия» подлежало изъятию для государственных нужд нежилое помещение площадью 1 021,3 кв. м (куда входит арендованное Банком помещение) и земельный участок площадью 1495 кв. м, расположенные по указанному адресу.

19.07.2023 г. Банк получил письмо ООО о том, что в соответствии с решением Арбитражного суда г. Москвы от 15.06.2023 г. по делу № А40-35631/22-135-284 об изъятии у ООО для государственных нужд указанных нежилого помещения и земельного участка договор аренды помещения с Банком подлежит расторжению.

Этим решением для арендодателя установлен размер компенсации за изымаемое имущество (включая помещение, арендованное Банком) в размере 519 млн. руб. (здесь и далее суммы округлены - О.С.)

В связи с этим Банк был вынужден заключить замещающий договор аренды с АО «Бизнес-центр НЭП» от 14.06.2024 г. нежилого помещения по адресу: г. Москва, пр. Ленинский, д. 99, помещение требует ремонта для использования его арендатором.

В связи с возникшими у Банка от прекращения договора аренды прежнего помещения убытками, которые арендодатель отказался возмещать, Банк обратился в Арбитражный суд г. Москвы с иском о взыскании с ООО «Альтивия» 31,4 млн. руб., из них: 29,7 млн. руб. - стоимость ремонтных работ в замещающем помещении; оплата риэлтерских услуг на поиск нового помещения; другие расходы [3].

Поскольку арендодателю в соответствии с п. 2 ст. 56.8 ЗК РФ выплачивается денежная компенсация, которая, по мнению истца, в том числе покрывает убытки, возникающие в связи с невозможностью исполнения арендодателем обязательств перед третьими лицами, в том числе основанных на заключенных с ними договорах, то у Банка возникло право на возмещение заявленных убытков.

Ответчик, отрицая какие-либо нарушения со своей стороны при досрочном расторжении договора аренды, утверждает, что согласно договору аренды от 20.02.2014 г. стороны освобождаются от ответственности за неисполнение обязательств, если это вызвано обстоятельствами непреодолимой силы. Признавая, что прекращение договора аренды связано с изъятием имущества для государственных нужд, рассматривает его как обстоятельство непреодолимой силы.

Согласно ГК РФ (п. 3 ст. 401) при наступлении форс-мажора должник освобождается от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства, в частности, он не обязан возмещать убытки. В то же время, как предусмотрено постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7 [4], должнику необходимо принять все разумные меры для уменьшения ущерба контрагенту. Так, надо уведомить контрагента о наступлении форс-мажорного обстоятельства. Если сторона договора этого не сделает, то будет обязана возместить другой стороне причиненные этим убытки (п. 10 постановления).

Однако в данном случае арендодатель уведомил арендатора уже после состоявшегося решения суда по изъятию недвижимости, что не дало возможности Банку участвовать в суде и заявить о своем праве на возмещение убытков от досрочного прекращения договора аренды.

Надо также отметить, что в п. 3 ст. 401 ГК РФ, на который ссылается ответчик, изъятие имущества для государственных нужд не упоминается, в ЗК РФ изъятие земельных участков и иных объектов недвижимого имущества для публичных нужд ни разу не названо обстоятельством непреодолимой силы.

Бремя доказывания наступления обстоятельств непреодолимой силы лежит на должнике. Суд первой инстанции делает правильный вывод, что ответчик не предоставил доказательств того, что имело место обстоятельство непреодолимой силы.

Обратим внимание на то, что арендодатель, доказывая правомерность досрочного прекращения договора аренды с Банком без возмещения убытков хаотично указывает различные основания, которые в определенной мере противоречат друг другу. Так, в письмах Банку от 19.07.2023 г. и 24.11.2023 г. речь идет о прекращении договора в связи с изъятием помещения для государственных нужд, в то время как в письме от 31.08.2023 г. указано о намерении расторгнуть договор аренды помещения на основании ст. 619 ГК РФ.

Напомним, что ст. 619 «Досрочное расторжение договора по требованию арендодателя» устанавливает случаи досрочного расторжения судом договора по требованию арендодателя в связи с неисполнением арендатором своих обязанностей, в частности, если арендатор более двух раз подряд по истечении срока платежа не вносит арендную плату. Однако, по мнению суда, материалами дела этот довод ответчика не подтверждается, указанное уведомление не повлекло юридических последствий, поскольку основания, предусмотренные ст. 619 ГК РФ, отсутствовали.

Судом установлено, что расторжение спорного договора аренды обусловлено именно изъятием земельного участка для государственных нужд на основании ч. 7 ст. 56.11 ЗК РФ, которая предусматривает право правообладателя изымаемой недвижимости расторгать договоры,

если их исполнение стало невозможным в связи с изъятием. Такое расторжение договора не связано с нарушением его условий арендатором или арендодателем, а является следствием объективных обстоятельств, вызванных решением государственных органов, в связи с чем ссылки ответчика на ст. 619 ГК РФ, а также на отсутствие в условиях договора положения о возмещении убытков истцу в связи с досрочным расторжением аренды подлежат отклонению.

В соответствии с п. 8 ст. 56.11 ЗК РФ правообладатель изымаемой недвижимости осуществляет самостоятельно расчет с лицами, обременения на изымаемую недвижимость в пользу которых или договоры с которыми прекращены на основании соглашения об изъятии недвижимости либо решения суда. Суд указывает, что, если изымаемая земля или здания и сооружения на ней заложены или сданы в аренду, ответчик должен был озаботиться, чтобы сумма возмещения включала и те денежные средства, которые надо выплатить контрагентам в связи с прекращением договоров.

В обязанности собственника помещения при рассмотрении дела А40-35631/22-135-284 об изъятии у него земельного участка и помещения для госнужд входило установление не только своих убытков, связанных с расторжением долгосрочного договора аренды с Банком, но и установление суммы компенсации Банку за понесенные убытки в связи с расторжением договора.

В обоснование досрочного расторжения договора аренды без выплаты арендатору убытков ответчик ссылается на заключение экспертизы от 12.04.2023 г., проведенной в рамках дела № А40-35631/22-135-284 для оценки возмещения ему компенсации за изъятие недвижимости. Как следует из заключения, эксперт не усмотрел убытков, возникших вследствие *исполнения обязательств* (вероятно, вследствие неисполнения обязательств - О.С.) перед третьими лицами.

Суд в решении указывает, что вывод экспертизы не отменяет обязанности ответчика, установленной законом. Ответчик не был лишен права как ходатайствовать о привлечении к участию в деле № А40-35631/22-135-284 в качестве третьего лица арендатора (учитывая зарегистрированное обременение), так и поставить перед экспертом дополнительные вопросы, не ограничиваясь исключительно своими материальными интересами и выгодой.

Убытки, понесенные арендатором в связи с необходимостью поиска и ремонта нового помещения, являются объективными и прямым следствием изъятия предмета аренды. Расходы на ремонт являются реальным ущербом и должны быть возмещены. Изъятие недвижимости влечет для арендатора дополнительные затраты, которые выходят за рамки обычного коммерческого риска, связанного с арендой.

Изъятие имущества для государственных нужд — это объективное обстоятельство, по причине которого арендатор оказался в неравном с арендодателем положении по вине ООО, которое фактически отказалось от установления суммы компенсации и ее возмещения.

Арендодатель проинформировал истца о досрочном прекращении договора аренды только после принятия решения Арбитражного суда города Москвы от 15.06.2023 по делу № А40-35631/22-135-284 об изъятии недвижимого имущества для госнужд, тем самым лишив Банк возможности заявить о возмещении своих будущих убытков в связи с прекращением договора аренды. Таким образом, арендодатель нарушил требование п. 1 ст. 401 ГК РФ, согласно которому лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства.

На основании изложенного Арбитражный суд г. Москвы решением от 27 декабря 2024 г. по делу № А40-187760/24-133-766 удовлетворил исковые требования Банка, обязав арендодателя возместить убытки, возникшие от досрочного расторжения договора аренды помещения.

Надо отметить, что, заняв позицию ответчика, арбитражный апелляционный суд отменил решение суда первой инстанции [5], что представляется достаточно спорным. Его поддержал суд кассационной инстанции [6].

В постановлении апелляционного суда говорится о том, что из договора аренды нежилого помещения от 20.02.2014 г. следует, что он в любой момент мог быть расторгнут по инициативе арендодателя при наличии просрочек в оплате арендных платежей при условии предупреждения арендатора за срок не менее трех месяцев.

31.08.2023 г. Банк получил письмо от арендодателя, в котором сообщалось о намерении в соответствии с договором аренды расторгнуть договор на основании ст. 619 ГК РФ, если общий срок задолженности по оплате арендных платежей составит более 60 дней. Указано, что суммарно период просрочек по оплате арендной платы составил 441 день за период с 20.06.2014 г. по 31.08.2023 г.

Однако в ст. 619 ГК содержится другая формулировка: по требованию арендодателя договор аренды может быть досрочно расторгнут судом в случаях, когда арендатор более двух раз подряд по истечении установленного договором срока платежа не вносит арендную плату. Однако из постановления апелляционного суда неясно, были ли просрочки платежей именно более двух раз подряд. Кроме того, договор был расторгнут арендодателем без обращения в суд.

Апелляционный суд указывает, что суд первой инстанции неверно применил п. 7-8 ст. 56.11 ЗК, поскольку договор аренды был расторгнут не вследствие изъятия объекта для государственных нужд, а согласно условий самого договора аренды. Поэтому норма права в части возложения обязанности возмещения убытков не подлежит применению.

Сделан вывод, что по смыслу норм п. 2, 6 ст. 56.8 и п. 7, 8 ст. 56.11 ЗК в их системной взаимосвязи расчет между истцом и ответчиком мог быть произведен только в случае, если бы полученная ООО по решению Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-35631/22-135-284 об изъятии недвижимого имущества компенсация включала бы в себя убытки, подлежащие выплате Банку в связи с расторжением договора аренды. Но назначенная судом компенсация не содержала в себе суммы, подлежащей выплате Банку. Следовательно, суд первой инстанции взыскал убытки в пользу последнего не за счет выплаченной ООО компенсации за изъятие имущества, а за счет других денежных средств ООО, что явно не соответствует положениям ЗК РФ, на которые сослался суд первой инстанции.

Однако убытки арендатора не были включены в сумму компенсации ООО, поскольку оно заранее не сообщило Банку о рассмотрении судом иска Департамента городского имущества г. Москвы об изъятии недвижимого имущества у ООО для госнужд (дело № А40-35631/22-135-284), поэтому Банк не смог заявить требования по возмещению убытков, не поставило перед экспертом-оценщиком вопрос об определении убытков арендатора от расторжения договора аренды помещения, а ограничилось исключительно своими материальными интересами и выгодой, то есть не действовало добросовестно в отношении арендатора, и поэтому должно выплатить самостоятельно понесенные Банком убытки.

Список литературы:

1. Пункт 2 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2016), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 11, 12.
2. СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3813.
3. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 27.12.2024 по делу № А40-187760/24-133-766 // СПС «Консультант Плюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.
5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.03.2025 № 09АП-4741/2025-ГК, 09АП-5429/2025-ГК по делу № А40-187760/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.07.2025 № Ф05-8175/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

References:

1. Paragraph 2 of the Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2016), approved by By the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 04/13/2016 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016. № 11, 12.
2. SZ RF. 1998. No. 31. Art. 3813.
3. Decision of the Moscow Arbitration Court dated December 27, 2024 in case No. A40-187760/24-133-766 // SPS Consultant Plus.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 24.03.2016 No. 7 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016. No. 5.
5. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 03/18/2025 No. 09AP-4741/2025-CC, 09AP-5429/2025-CC in case No. A40-187760/2024 //SPS "ConsultantPlus".
6. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 07/02/2025 No. F05-8175/2025 //SPS "ConsultantPlus".

РЕЦЕНЗИЯ НА НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К ВОДНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ПОСТАТЕЙНЫЙ) REVIEW OF SCIENTIFIC AND PRACTICAL COMMENTARY TO THE WATER CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION (ARTICLE-BY-ARTICLE)

КУЗНЕЦОВ Владимир Иванович,

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела административного законодательства и процесса
Института законодательства и сравнительно правоведения при Правительстве Российской Федерации.
117218, Россия, г. Москва, Б. Черемушkinsкая ул., д. 34.

E-mail: kuznetsov_v_i@mail.ru;

KUZNETSOV Vladimir Ivanovich,

PhD in Law, Senior Researcher at the Department of Administrative Legislation and Procedure
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.
34 B. Cheremushkinskaya St., Moscow, 117218, Russia.

E-mail: kuznetsov_v_i@mail.ru

Краткая аннотация: рецензия представляет собой анализ постатейного научно-практического комментария к Водному кодексу Российской Федерации подготовленного коллективом авторов – специалистов-исследователей в областях природоохранного, природоресурсного, аграрного, административного, гражданского законодательства. В рецензии отмечена проблематика организации публичного управления в области использования и охраны водных объектов. Отраженный в рецензируемом комментарии непрерывный процесс совершенствования указанного законодательства, состояние которого зафиксировано авторским коллективом в форме комплексного исследования актуального механизма действующих во взаимосвязи правовых предписаний, представляется необходимым инструментом для научных исследований и практического использования.

Abstract: The review is an analysis of an article-by-article scientific and practical commentary on the Water Code of the Russian Federation prepared by a team of authors who are research specialists in the fields of environmental protection, natural resources, agrarian, administrative, and civil legislation. The review highlights the problems of the organization of public administration in the field of use and protection of water bodies. The continuous process of improving the specified legislation reflected in the reviewed commentary, the state of which is recorded by the author's collection in the form of a comprehensive study of the actual mechanism of legal regulations operating in interrelationship, seems to be a necessary tool for scientific research and practical use.

Ключевые слова: водное право, постатейный комментарий, водное законодательство, водные ресурсы, использование вод, правовое регулирование, водные отношения, водные объекты, природоохрана, государственное регулирование, судебная практика.

Keywords: water law, article-by-article commentary, water legislation, water resources, water use, legal regulation, water relations, water bodies, environmental protection, state regulation, judicial practice.

Для цитирования: Кузнецов В.И. Рецензия на научно-практический комментарий к Водному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 116-118. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_116.

For citation: Kuznetsov V.I. Review of scientific and practical commentary to the Water Code of the Russian Federation (article-by-article) // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 116-118. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_116.

Статья поступила в редакцию: 05.03.2025

Представленный вниманию заинтересованных читателей научно-практический постатейный комментарий к Водному кодексу Российской Федерации (далее – Комментарий), подготовлен под руководством к.ю.н. Д.О. Сивакова коллективом авторов в составе: С.А. Боголюбова, О.А. Беляевой, Н.В. Кичигина, Е.А. Галиновской, Д.Б. Горохова, С.М. Зырянова, Е.Л. Мининой, Т.Е. Мельника, Ю.И. Шуплецов, Н.И. Хлуденевой, М.В. Пономарева, О.М. Сакович, О.А. Символокова, В.А. Селезнева, Р.В. Никонова, являющихся научными сотрудниками Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, а также приглашенного автора - А.В. Ульянова¹. Перечисленные авторы занимаются исследованиями проблем правового регулирования, в том числе и в сферах природоохранного, природоресурсного, аграрного, гражданского и иных отраслей законодательства.

Кандидат юридических наук и ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации Дмитрий Олегович Сиваков посвятил свою научную деятельность главным образом изучению водных отношений и их регулированию в России и иных странах права нашей страны. Отдельно следует отметить его деятельность по популяризации водного права и, особенно, работу по феномену водного права как самостоятельной отрасли российской правовой системы. Эти факты являются подтверждением роли Д.О. Сивакова как одного из ведущих ученых-исследователей в области водного права.

Проблема правового регулирования водопользования имеет в настоящее время особое значение. Человечество освоило практически все возможные источники воды. Население и промышленность сталкиваются с ростом уровня водопотребления и, как следствие, с возрастающим водным дефицитом. Тревогу вызывает рост загрязненности воды и водных источников, одним из последствий которого является проблема обеспечения выживаемости человечества. В этой связи организация рациональной эксплуатации водных ресурсов приобретает планетарное значение и ставит перед законодателем сложную задачу по формированию опирающейся на четкое представление о возникающих в сфере водопользования правоотношений системы государственного управления водопользованием.

Водное право это система правовых норм, регулирующих общественные отношения по использованию, охране и восстановлению водных объектов. Правовому регулированию подлежат различные виды использования вод (промышленное, питьевое и хозяйственно-бытовое

¹ Комментарий к Водному кодексу Российской Федерации (постатейный) /отв. ред. Д.О. Сиваков;ИЗиСП. – М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2025.

водоснабжение, орошение и т.д.) как естественных, так и искусственных водных объектов. Источниками регулирования водных отношений являются международные договоры, законы и подзаконные акты, судебные прецеденты, а также и обычаи, регламентированные гражданско-правовыми, административно-правовыми, уголовно-правовыми нормами, реализующими различные типы правового регулирования, придавая тем самым регламентации водных отношений характер, близкий экологическому праву.

Актуальность рассматриваемого научного труда, являющегося научно-практической работой, не вызывает сомнения. Вода – источник жизни и законодатель, безусловно, обязан и должен, таким образом, выстроить регулирование общественных отношений, возникающих в сфере водопользования, чтобы обеспечить потребности в воде и водных ресурсах и граждан России, и всех отраслей промышленности и сельского хозяйства, а также будущего развития государства.

Комментарий отражает структуру Кодекса и содержит квалифицированные актуализированные постатейные пояснения авторов по всем его 69 статьям, сгруппированным в 7 глав. Комментарий также включает, список сокращений, предисловие и приложения, содержащие предисловие, список сокращений, 2-х приложений, раскрывающих вопросы введения в действие Водного кодекса РФ и общий обзор водного законодательства зарубежных стран.

В предисловии к Комментарию ответственным редактором Д.О. Сиваковым подчеркнуто, что достижение экологического благополучия как одной из целей национального развития Российской Федерации, обусловлено хорошим состоянием водных объектов и в целом водного фонда страны. В этой связи водное право России есть метод обеспечения экологического (в том числе водного) благополучия².

Авторские комментарии построены с использованием результатов исследований, полученных в научных работах по проблемам регулирования «водных отношений», с учетом судебной практики и итогов научного анализа, проведенного авторами.

Правовая регламентация водопользования направлена на обеспечение сохранения существующих водных ресурсов, что особенно важно в условиях нарастания дефицита пресной воды, пригодной для использования не только людьми, но и остальной биосферой. Поэтому правильно организованное и обеспеченное правовой защитой водопользование представляет собой особую ценность, которую образуют нормы комментируемого кодекса.

Проведенная авторским коллективом научно-практическая работа направлена на достижение экологического благополучия, являющегося закрепленной в Указе Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», одной из целей национального развития России является достижение экологического благополучия.

Анализируя нормы комментируемого Кодекса, авторы обобщают нормативный материал и результаты практики применения нормативных предписаний, высказывают обоснованные суждения, по важнейшим вопросам правоприменительной практики.

Общим правилом для кодификационных актов является их принятие федеральными законами. Не стал исключением и Водный кодекс. Важным в данном случае является, что таким образом регулятор фиксирует то полезное, что, с одной стороны, прошло проверку временем а, с другой стороны, имеет надежную перспективу применения, обеспечивающую стабильность регулируемых отношений. С этой точки зрения отражение в комментируемом Кодексе актуальной концепции водного права следует рассматривать не как обычное рядовое желание зафиксировать состояние правового регулирования данной группы отношений, а как придание юридическим новеллам, встроенным за истекший период в систему регулирования в такой важной сфере, как водопользование. Авторы комментария тем самым полагают, что кодекс представляет собой продуманную стабильную юридическую конструкцию, актуальность которой подтверждается юридической наукой.

Важнейшим качеством этой конструкции являются ее стратегический характер, выраженный в том, что, составляющие ее правовые нормы Кодекса являются инструментами длительного действия, соединенная сила которых позволяет законодателю реализовать свою волю, обеспечивая правовыми средствами обязательность следования предписаниям закона.

Одним из главных факторов в регулировании водных отношений выступает организация публичного управления в области использования и охраны водных объектов.

В комментируемом Водном кодексе этой проблеме посвящена глава 4 «Управление в области использования и охраны водных объектов».

Управления в государственном организме отражает происходящие в обществе и государстве процессы, источником которых служат внутренние противоречия, проявляющиеся в числе прочего и в управлении. В этой связи происходящая трансформация публичного управления не является одномоментным актом, а представляет собой процесс, обладающий временными и пространственными характеристиками. Законодатель в силу инертности механизма нормотворчества не успевает вовремя

Вместе с тем относительным недостатком рецензируемого Комментария представляется недостаточная его насыщенность разбором правоприменительной практики. Сказанное отчасти компенсируется использованием авторами комментариев в своих суждениях ссылок на конкретные дела, разрешенные судебными органами.

В целом, рецензируемый Научно-практический комментарий к Водному кодексу Российской Федерации представляет собой, основанный на тщательном анализе совокупности действующих правовых норм, творческий характер и практическое значение которого не вызывают сомнений.

Следует также подчеркнуть и особые условия, учтенные авторским коллективом данного Комментария. Ими являются обстоятельства,

² См. Научные концепции развития российского законодательства: монография/ под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИЗИСП, Норма, 2024. С. 42-44.

возникшие в результате вхождения в состав Российской Федерации новых регионов: Донецкой Народной Республики, Луганской народной Республики, Запорожской области и Херсонской области. Это означало для органов управления указанных регионов и органов государственной власти Российской Федерации необходимость оперативного перехода на новые условия управления водным хозяйством, осложняемых проведением специальной военной операции. Включение в таких условиях данных субъектов в систему государственного управления Российской Федерации не является простым делом. Однако следует отметить, что российское законодательство не так давно уже сталкивалось с проблемой вхождения в состав Российской Федерации новых субъектов Российской Федерации – города федерального значения Севастополя и Республики Крым и учет приобретенного опыта в налаживании правового регулирования позволит получить позитивный результат. При таких обстоятельствах рассматриваемый Комментарий приобретает особое значение и для новых регионов, и для остальных субъектов Российской Федерации.

Список литературы:

1. Комментарий к Водному кодексу Российской Федерации (постатейный) /отв. ред. Д.О. Сиваков;ИЗиСП. – М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2025.
2. Научные концепции развития российского законодательства: монография/ под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИЗиСП, Норма, 2024. С. 42-44.

References:

1. Commentary to the Water Code of the Russian Federation (article-by-article) /ed. by D.O. Sivakov; Publisher: LLC LAW FIRM KONTRAKT, 2025.
2. Scientific concepts of the development of Russian legislation: monograph/ edited by T.Ya. Khabrieva, Yu.A. Tikhomirov. 3rd ed., revised and additional M.: IZISP, Norma, 2024. pp. 42-44.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕДУРЫ РЕГИСТРАЦИИ НЕДВИЖИМОСТИ НА ОСНОВЕ ДОГОВОРА ДОЛЕВОГО УЧАСТИЯ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ FEATURES OF THE PROCEDURE FOR REGISTERING REAL ESTATE BASED ON A CONSTRUCTION SHARE AGREEMENT

ЛОСЕВА Екатерина Николаевна,

кандидат технических наук

старший преподаватель кафедры экологической безопасности и управления природопользованием

Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ» (НГУЭУ).

Россия, 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, д. 56.

E-mail: loseva_katty@mail.ru;

СУВОРИНА Анна Евгеньевна,

специалист 1 разряда отдела государственной регистрации недвижимости №2

Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Новосибирской области;

студент направления «Землеустройство и кадастры»

Сибирский государственный университет геосистем и технологий, бакалавр направления.

Россия, 630108, г. Новосибирск, ул. Плеханова, д. 10.

E-mail: for.mylife@mail.ru;

LOSEVA Ekaterina Nikolaevna,

Candidate of Technical Sciences

Senior Lecturer at the Department of Environmental Safety and Natural Resource Management

Novosibirsk State University of Economics and Management.

Russia, 630099, Novosibirsk, Kamenskaya str., 56.

E-mail: loseva_katty@mail.ru;

SUVORINA Anna Evgenievna,

Specialist 1st Category of the Department of State Registration of Real Estate № 2 Department

of the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography in the Novosibirsk region;

student of Land Management and Cadastral Engineering

Siberian State University of Geosystems and Technologies.

Russia, 630108, Plahotnystr., 10.

E-mail: for.mylife@mail.ru

Краткая аннотация: в связи с тем, что экономика в стране претерпевает изменения и сложности, а законодательство в области государственной регистрации прав продолжает совершенствоваться вопрос регистрации договора долевого участия (ДДУ) является особо актуальным. Приобретение недвижимости на основании договора долевого участия является одним из наиболее доступных способов реализации прав граждан на жилье в настоящее время. Данная статья раскрывает понятие договора долевого участия при строительстве объектов недвижимости, а также его существенные условия. Авторами представлена схема процесса приобретения недвижимости с использованием договора долевого участия и движение средств участников договора. Проведен анализ количества заявлений на регистрацию таких договоров, а также заявлений на регистрацию ДДУ с использованием эскроу-счетов, что говорит о повышении к нему интереса граждан к приобретению жилья на основании ДДУ. В результате исследования выявлены особенности регистрации договора долевого участия.

Abstract: due to the fact that the economy in the country is undergoing changes and difficulties, and legislation in the field of state registration of rights continues to improve, the issue of registration of an equity participation agreement (DDA) is particularly relevant. The purchase of real estate on the basis of an equity participation agreement is one of the most affordable ways to realize the rights of citizens to housing at the present time. This article reveals the concept of an equity participation agreement in the construction of real estate, as well as its essential conditions. The authors present a scheme of the process of acquiring real estate using an equity participation agreement and the movement of funds of the parties to the agreement. The analysis of the number of applications for registration of such contracts, as well as applications for registration of DDU with the use of escrow accounts, which indicates an increase in the interest of citizens to purchase housing on the basis of DDU. As a result of the study, the features of registration of the contract of shared participation were identified.

Ключевые слова: договор долевого участия, государственная регистрация права, регистрация ДДУ, гарантийный срок, многоквартирный дом, застройщик.

Keywords: equity participation agreement, state registration of law, registration of DDU, warranty period, apartment building, developer.

Для цитирования: Лосева Е.Н., Суворина А.Е. Особенности процедуры регистрации недвижимости на основе договора долевого участия в строительстве // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 119-123. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_119.

For citation: Loseva E.N., Suvorina A.E. Features of the procedure for registering real estate based on a construction share agreement // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 119-123. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_119.

Статья поступила в редакцию: 22.07.2025

В последние годы развитие городских агломераций набирает обороты все более интенсивно. Все мы становимся свидетелями быстрой застройки, в считанные месяцы появляются многоквартирные жилые дома. Это вполне естественно, ведь у населения есть потребность в хорошей и комфортной жизни, а государство развивает экономику, в том числе в сфере строительства.

Вложение средств в строительство жилой недвижимости на территории населенных пунктов чаще всего осуществляется посредством долевого участия в строительстве, которое оформляется соответствующим договором.

Договор долевого участия (ДДУ) регламентирует отношения между застройщиком и участниками долевого строительства (дольщиками), инвестирующим собственные или кредитные средства в строительство. Такой договор порождает взаимные обязательства, влекущие за

собой возникновение имущественных прав у обеих сторон соглашения [1].

В соответствии со ст. 4 Федерального закона № 214 «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов...» по договору участия в долевом строительстве одна из сторон, которой является застройщик, обязуется в определенный срок, предусмотренный договором, построить (создать) многоквартирный дом или иной объект недвижимости, получить разрешение на ввод в эксплуатацию такого объекта и передать соответствующий объект участнику долевого строительства. Другая же сторона – участник долевого строительства – обязуется уплатить обусловленную оговором цену за счет личных или заемных средств и принять объект долевого строительства при наличии решения на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома или иного объекта недвижимости [2].

Ключевым аспектом в рассматриваемом вопросе выступает процесс государственной регистрации прав, в орган регистрации необходимо предоставить следующие документы:

- заявление о государственной регистрации права на недвижимое имущество;
- сам оригинал ДДУ минимум в двух экземплярах;
- акт приема-передачи построенного многоквартирного дома или иного объекта недвижимости.

Процедура приобретения объекта недвижимости на основании ДДУ представлена на рис.1 [3].

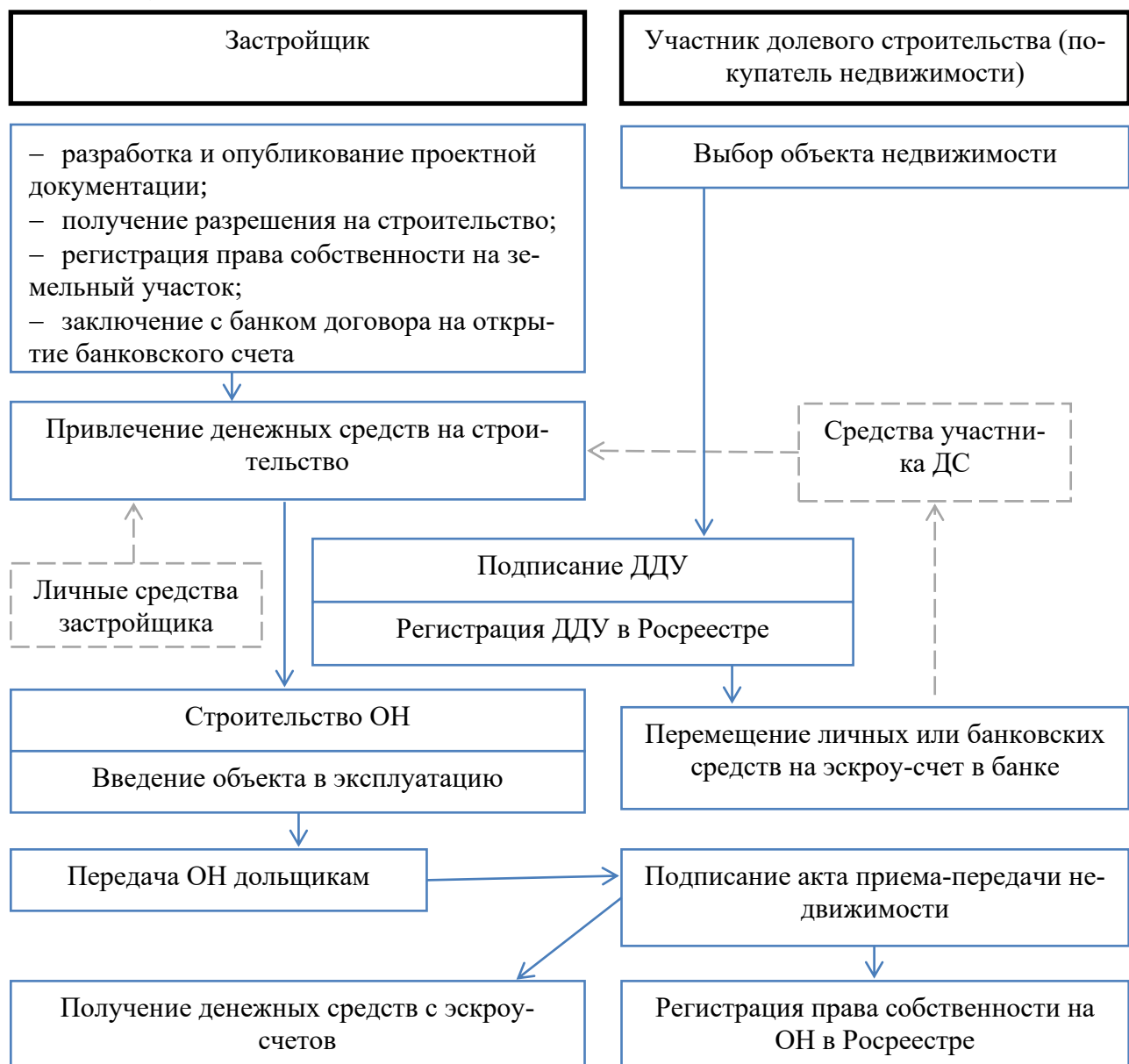

Рисунок 1 – Приобретение недвижимости на основании ДДУ

Анализ данных Росреестра о количестве предоставленных заявлений на регистрацию первого пакета документов (ППД) ДДУ свидетельствует о том, что количество заявлений увеличилось более чем на 10%, а доля решений о приостановке регистрации ДДУ в первом квартале 2024 года составила всего 1,7% от числа заявлений. В апреле 2024 года наибольшее количество заявлений поступило в отделы Росреестра по Ростовской области (27 шт.), Краснодарскому краю (24 шт.), Московской области (24 шт.), Челябинской области (22 шт.). В управление Росреестра по Новосибирской области в апреле 2024 года поступило 14 заявлений о регистрации ППД [4].

Результаты проведения регистрационных действий в отношении документов предоставленных для регистрации ДДУ, заключенного с первым участником представлены на рис.2.

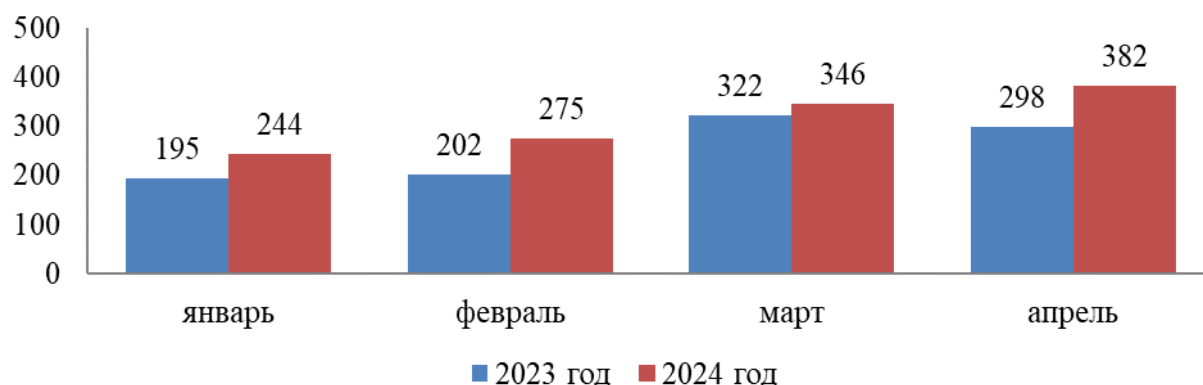

Рисунок 2 – Количество поступивших заявлений о государственной регистрации ДДУ по всем регионам

Из диаграммы видно, что количество ДДУ увеличивается из года в год, что свидетельствует о привлекательности данного способа приобретения недвижимости. При этом согласно данным Росреестра количество приостановок не превышало 3% в каждом периоде [4].

Анализ данных Росреестра о количестве зарегистрированных договоров участия в долевом строительстве, которыми предусмотрена обязанность участника долевого строительства внести денежные средства на счета эскроу за периоды январь-март и январь-декабрь свидетельствуют о том, что данный способ приобретения жилья является достаточно привлекательным и востребованным у покупателей недвижимости (рис. 3,4, табл. 5) [4].

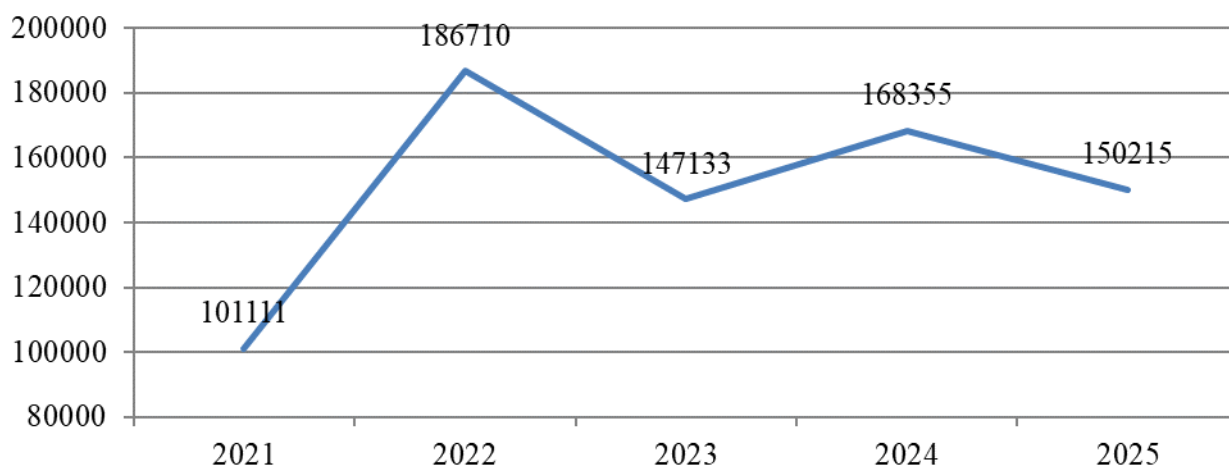

Рисунок 3 – Период январь-март по всей территории Российской Федерации

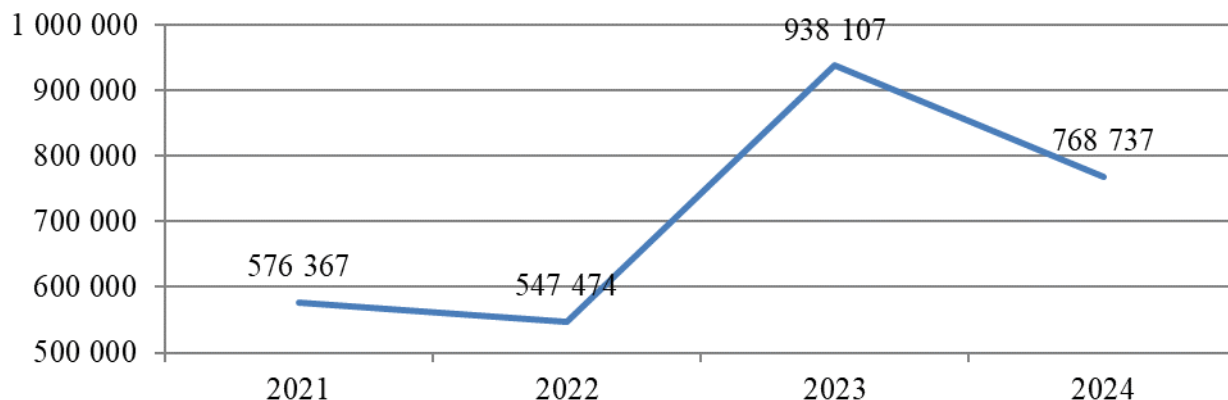

Рисунок 4 – Период январь-декабрь по всей территории Российской Федерации

Таблица 1 – Период январь-март в разрезе федеральных округов РФ

Год/ федеральный округ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
2021	33 820	10 541	11 302	1 856	20 125	8 454	11 040	3 973
2022	53 796	24 120	23 616	3 639	31 119	18 411	25 647	6 362
2023	46 794	18 335	19 610	3 630	22 706	15 823	14 402	5 833
2024	54 720	22 633	23 817	4 016	22 384	17 828	15 544	7 413
2025	56 673	18 601	18 590	3 836	20 076	14 041	10 092	8 306

Результаты анализа данных в разрезе федеральных округов Российской Федерации (табл. 1) показывают, что Центральный федеральный округ лидирует по количеству заявлений предоставленных на регистрацию ДДУ и имеет тенденцию к увеличению за последние годы. Сибирский федеральный округ отличается относительной стабильностью по исследуемому вопросу.

С учетом того, что на данных диаграммах и в таблице представлены данные только ДДУ с условием внесения денежных средств на эскроу-счета можно удостовериться в том, что данный способ приобретения жилья является достаточно привлекательным и востребованным у покупателей недвижимости.

В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации каждый договор должен содержать существенные условия, то есть те, которые обязательно должны быть согласованы сторонами [5]. Существенными условиями ДДУ являются следующие сведения: информация об объекте недвижимости, дата его передачи дольщику, стоимость соглашения, график и способ внесения платежей, гарантийный период, порядок привлечения средств дольщиков, а также другие важные условия, указанные в ч. 5 ст. 18.1 ФЗ-214 [1].

В настоящее время законодательно не установлены предельные сроки передачи объекта участнику долевого строительства, что приводит к невозможности определения минимального и максимального периода сдачи недвижимости. Однако в ФЗ-214 установлено, что срок передачи недвижимости определяется ДДУ.

Одной из особенностей является то, что согласно Федеральному закону №266-ФЗ от 08.08.2024 с 1 сентября 2024 года был изменен минимальный гарантийный срок на объекты долевого строительства в новостройках, а именно для жилых и нежилых помещений, машино-мест, кладовок [6].

Гарантийный срок – это период, в течение которого застройщик обязан исправить все недочеты в конструктивных элементах (стенах, крыше, окнах), обнаруженные после приобретения помещения. Гарантийный срок вступает в силу с момента подписания акта приема передачи объекта долевого строительства, и передачи объекта покупателю. Ранее он составлял 5 лет, а с сентября текущего года был уменьшен до 3 лет. Такие изменения призваны уменьшить факты злоупотребления в сфере долевого строительства многоквартирных домов со стороны участников правоотношений, а также создать благоприятные условия для соблюдения баланса их интересов.

Говоря про застройщиков, можно отметить тот факт, что еще до сентября 2024 года они начали регистрировать договора долевого участия сроком на 3 года, что не противоречило законодательству. Одновременно с тем объекты долевого строительства выступают как самостоятельные объекты гражданских правоотношений, на которые действуют различные внешние факторы и отличаются потребительские характеристики. Следовательно, стороны договора участия в долевом строительстве имеют право на самостоятельное установление гарантийного срока для объекта долевого строительства [1].

Еще одной особенностью регистрации ДДУ является обязательное условие договора – наличие эскроу-счета [5]. С 2019 года застройщики получают средства через специальные эскроу-счета, где замораживаются внесенные дольщиком денежные средства. Такой счет предна-

значен для размещения на нем денежных средств участника долевого строительства до тех пор, пока застройщик не введет объект недвижимости в эксплуатацию. Тогда дольщик сможет оформить право собственности на недвижимость, а застройщик получить средства за выполненную работу. Сохранность денежных средств гарантируется банком. Такое обязательное условие ДДУ призвано обезопасить покупателя при покупке помещения в случае банкротства застройщика.

Особенности и условия расторжения ДДУ прописаны в статье 9 ФЗ-214. Участник долевого строительства имеет право инициировать расторжение договора в одностороннем порядке, только если строительная компания не надлежаще исполняет свои обязательства [1].

Таким образом, обязательным условием регистрации ДДУ является открытие эскроу-счета, которые является гарантом сохранности средств дольщиков до сдачи недвижимости в эксплуатацию и перехода права собственности.

Снижение гарантийного срока с сентября 2024 года выгодно застройщикам, так как снижается время обязательств перед собственниками помещений. После окончания гарантийного срока бремя ответственности за имущество переходит к собственникам.

В момент регистрации ДДУ обязательно проверяется ряд критериев, которые должны быть в договоре: определение подлежащего передаче конкретного объекта долевого строительства в соответствии с проектной документацией застройщиком после получения им разрешения на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости; срок передачи застройщиком объекта долевого строительства участнику долевого строительства; цену договора, срок и порядок уплаты; гарантийный срок на объект долевого строительства. При отсутствии в договоре указанных условий договор считается не заключенным, а значит, не может быть зарегистрирован.

Список литературы:

1. Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ . – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51038/?ysclid=m35i7kn5ep946304838. – Текст : электронный.
2. Иконникова, К. А. Счет эскроу как способ обеспечения исполнения обязательств по договору участия в долевом строительстве / К. А. Иконникова // Право. Общество. Государство : Сборник научных трудов студентов и аспирантов / Редколлегия: Д.В. Рыбин (пред.), Е.В. Трофимов (отв. ред.) [и др.]. Том 10. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)", 2020. – С. 136-139.
3. Кегадуйев, М. З. Договор счета эскроу как дополнительный механизм гарантий в сфере долевого строительства / М. З. Кегадуйев, Г. А. Далакян // Правовой журнал Президент. – 2021. – № 2(6). – С. 24-33.
4. Федеральная служба государственной регистрации кадастра и картографии (Росреестр) : офиц. сайт. – URL: <https://rosreestr.gov.ru/>. – Текст : электронный.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 2 : федер. закон от 26.01.1996 №14-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/?ysclid=m35ig1sngp561179967. – Текст : электронный.
6. О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» : федер. закон от 08.08.2024 № 266-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482517/?ysclid=m35ikh6wlu193026807. – Текст : электронный.

References:

1. On participation in the shared-equity construction of Apartment buildings and other Real estate Objects and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation : feder. Law №. 214-FZ of 12.30.2004. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51038/?ysclid=m35i7kn5ep946304838. – Text : electronic.
2. Ikonnikova, K. A. Escrow Account as a Way to Ensure the Performance of Obligations under a Contract of Participation in Shared Construction / K. A. Ikonnikova // Law. Society. State: Collection of Scientific Papers by Students and Postgraduate Students / Editorial Board: D.V. Rybin (Chairman), E.V. Trofimov (Editor-in-Chief), [et al.]. Volume 10. – St. Petersburg: St. Petersburg Institute (Branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice (Russian Ministry of Justice), 2020. – pp. 136-139.
3. Kegaduev, M. Z. Escrow Account Agreement as an Additional Guarantee Mechanism in the Field of Shared Construction / M. Z. Kegaduev, G. A. Dalakyan // Legal Journal President. – 2021. – No. 2(6). – pp. 24-33.
4. Federal Service for State Registration of Cadastre and Cartography (Rosreestr) : official. website. – URL: <https://rosreestr.gov.ru/>. - Text : electronic.
5. The Civil Code of the Russian Federation. Part 2 : Feder. The law of January 26, 1996 No. 14-FZ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/?ysclid=m35ig1sngp561179967. – Text : electronic.
6. On Amendments to the Federal Law "On Participation in the Shared-Equity Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate Objects and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" : feder. the law of 08.08.2024 No. 266-FZ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482517/?ysclid=m35ikh6wlu193026807. – Text : electronic.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ФЕДЕРАЛИЗМА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О НЕДРАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ PROBLEMATIC ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF FEDERALISM IN MINING LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

ЗУБАЛЬ Валерий Денисович,

аспирант кафедры горного, земельного и экологического права юридического факультета
РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина.

119991, Россия, г. Москва, проспект Ленинский, 65, корп. 1.

E-mail: valeriidenisovich@mail.ru;

ZUBAL V.D.,

Zubal Valery D., postgraduate student of the Department of Mining, Land and Environmental Law, Faculty of Law,
Gubkin Russian State University of Oil and Gas.

65 Leninsky Prospekt, building 1, Moscow, 119991, Russia.

E-mail: valeriidenisovich@mail.ru

Краткая аннотация: Федеративное устройство России, а также географическое положение (протяженность территории) нашей страны оказывают значительное влияние на формирование правового регулирования в различных сферах, в том числе в сфере недропользования. Эффективность правового регулирования горных отношений требует понимания содержания принципов, на которых оно основано, в том числе и в целях дальнейшего развития и совершенствования законодательства, а также правоприменительной практики. Одним из наиболее значимых принципов горного права в контексте государственного устройства Российской Федерации является принцип федерализма. Его реализация в горном законодательстве прошла значительную эволюцию за последние 20 лет, в связи с чем представляется актуальным выявить наиболее важные тенденции и проблемы действующего регулирования. В основу работы положен анализ изменений горного законодательства Российской Федерации с начала 2000-х годов, рассмотрены и проанализированы основные вехи законодательных изменений, приведены обобщения и выводы с учетом тенденций развития российского законодательства.

Abstract: Specifics of Russia's geographical location and the extent of its territory have significant impact on the income structure of Russian economy, which determines special importance of legal regulation of subsurface use as a branch of legislation regulating use of subsurface resources. Creation of effective legislation within this industry requires understanding of the content of principles on which it is based, in particular to further develop and improve legislation and law enforcement practice. One of the most significant principles of mining law in the context of Russian Federation state structure is the principle of federalism. Its implementation in mining legislation has undergone a certain evolution over the past 20 years, and therefore it seems relevant to identify the most important trends and problems of current regulation. This paper provides an analysis of changes in mining legislation of the Russian Federation since early 2000s, the main milestones of legislative changes are considered and analyzed, generalizations and conclusions are given as a result of the analysis, taking into account the general trends in the development of Russian legislation.

Ключевые слова: принципы права, принцип федерализма, горное право, законодательство о недрах, правовое регулирование недропользования, компетенция органов местного самоуправления, компетенция органов власти субъектов Российской Федерации, компетенция органов государственной власти Российской Федерации (федеральных органов власти).

Keywords: principle of federalism, mining law, subsurface use, legal regulation of subsurface use, competence of local authorities, competence of authorities of subjects of the Russian Federation, competence of public authorities of the Russian Federation (federal authorities).

Для цитирования: Зубаль В.Д. Особенности реализации принципа федерализма в законодательстве о недрах Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 124-128. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_124.

For citation: Zubal V.D. Problematic aspects of the implementation of the principle of federalism in mining law of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 124-128. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_124.

Статья поступила в редакцию: 01.09.2025

Вопросы реализации принципа федерализма в Российской Федерации стали предметом пристального внимания исследователей после конституционной реформы 2020 года. Представляется, что реализация принципа федерализма в сфере недропользования также подлежит оценке, в том числе и с учетом неоднократно высказывавшихся критических позиций в отношении действующего законодательства в указанной сфере. Необходимость учета интересов как федерации, так и ее субъектов в сфере недропользования неоднократно подчеркивалась в исследованиях¹, в связи с чем актуальность данной темы не вызывает вопросов.

Принцип федерализма предполагает распределение предметов ведения органов публичной власти на три уровня: федеральный, региональный и муниципальный². В федеративных государствах могут применяться различные модели распределения компетенции между указанными уровнями власти – так, в первую очередь, следует учитывать модели централизации и децентрализации и определение уровня власти, компетенция которого формируется по остаточному принципу посредством незакрепления компетенции за иными уровнями власти. В отношении российской модели федерализма следует указать, что в отношении компетенции субъектов федерации применяется указанный метод остаточной компетенции³.

Вместе с тем распределение предметов ведения и соответствующей компетенции предполагает необходимость наличия определенной компетенции у каждого из уровней власти⁴. Эффективность федерализма во многом связана с «точной адекватностью» распределения ком-

¹ Ларочкина И.А. Полномочия субъектов Российской Федерации в сфере недропользования и охраны окружающей среды // Энергетическое право. 2006. № 2 // СПС «КонсультантПлюс».

² Югов А.А. Компетенция федеративного государства: анализ российского законодательства // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 6. С. 46 - 53.

³ Сыманюк Н.В. Порядок распределения компетенции в России и Германии: сравнительно-правовой аспект // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 2. С. 35 - 39.

⁴ Чаплинский А.В., Меркуленко А.А. Субконституционная модель распределения компетенции между Российской Федерацией и ее субъектами: централизация vs автономия регионов // Журнал российского права. 2022. № 1. С. 142 - 157.

петенции, в основу которой положена идея самоуправления составных частей федерации¹. Однако ключевой проблемой российского федерализма является сужение предметов ведения субъектов федерации, в том числе и посредством толкования положений действующей Конституции РФ, не содержащих в достаточной степени конкретизированных указаний относительно распределения предметов ведения между различными уровнями² и объемом компетенции, которая должна закрепляться за каждым из уровней власти. В литературе отмечается, что сама по себе централизация не противоречит принципу федерализма, однако должна применяться в необходимых в интересах государства пределах³.

Федерализм, как один из принципов горного права, неоднократно выделялся в научной литературе⁴. Необходимость выделения и признания принципа федерализма характеризует любую отрасль права, которая связана с совместными предметами ведения, вследствие этого рассмотрение особенностей реализации принципа федерализма в отношении отдельных отраслей и институтов является закономерным. Указанная выше общая проблематика реализации принципа федерализма характерна и для сферы недропользования.

Обратимся к нормативному регулированию рассматриваемого вопроса. Наиболее общие положения закрепляются в Конституции Российской Федерации (далее – Конституция) – в соответствии с пунктом «в» части 1 статьи 72 Конституции вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов, а в соответствии с пунктом «к» указанной части к предметам совместного ведения также отнесено законодательство о недрах. Исходя из указанных положений, регулирование недропользования и распределение компетенции между уровнями власти подчиняется общим правилам и проблемам, характерным для иных вопросов совместного ведения.

Основным источником правового регулирования в сфере недропользования является Закон Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах»⁵ (далее – Закон о недрах). Как было указано выше, федерализм предполагает наличие трех уровней публичной власти. Вместе с тем статья 5 указанного Закона, определявшая полномочия местных органов власти (муниципального уровня) в сфере недропользования утратила силу с 01.01.2022 в связи со вступлением в силу Федерального закона от 30.04.2021 № 123-ФЗ⁶. Каких-либо положений относительно компетенции муниципалитетов в сфере недропользования не содержится и в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления»⁷. Примечательно, что ранее полномочия муниципальных органов власти в сфере недропользования также подвергались сокращению – так, в соответствии с Федеральным законом от 22.08.2004 № 122-ФЗ⁸ утратила силу часть 6, согласно которой муниципалитет имел право на введение ограничений на пользование участками недр в случае риска создания угрозы жизни и здоровью людей, нанесения ущерба хозяйственным объектам или окружающей природной среде, в соответствии с Федеральным законом от 30.11.2011 № 364-ФЗ⁹ из компетенции муниципалитетов было исключено предоставление разрешений на разработку месторождений общераспространенных полезных ископаемых и строительство подземных сооружений местного значения (часть 3 рассматриваемой статьи), а в соответствии с Федеральным законом от 11.06.2021 № 170-ФЗ¹⁰ – утратила силу часть 5, уполномочивавшая муниципалитет на осуществление контроля за использованием и охраной недр при добыче общераспространенных полезных ископаемых и строительстве подземных сооружений. Указанное уменьшение компетенции муниципалитетов в сфере недропользования, как справедливо отмечается в литературе, приводит к риску неучета местных интересов¹¹.

Таким образом, законодатель последовательно сокращал компетенцию органов местного самоуправления в сфере недропользования, в итоге в целом ее ликвидировав. Вместе с тем сокращение полномочий муниципалитетов следует рассматривать как общую тенденцию политики законодателя и в иных сферах регулирования¹². Однако в сфере недропользования компетенция муниципального уровня отсутствует в принципе, что позволяет говорить об исключении из распределения компетенций низового уровня публичной власти. Указанное позволяет поставить под сомнение полноценную реализацию принципа федерализма в сфере недропользования.

¹ Ведяхин В.М. О форме Российского государства // Государственная власть и местное самоуправление, 2006, № 6 // СПС «КонсультантПлюс».

² Чаплинский А.В., Меркуленко А.А. Указ. соч.

³ Бурбина Ю.В. Перспективы российского федерализма // Юридический мир. 2009. № 7. С. 15 - 18.

⁴ См., например: Мельгунов В.Д. Принцип федерализма в сфере недропользования как один из основных принципов горного права // Черные дыры в российском законодательстве. 2014. № 3. С. 57 – 61; Мельгунов В.Д. Теоретические основы горного права России. М. 2015. С.118.

⁵ Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» // «Собрание законодательства РФ», 06.03.1995, № 10, ст. 823 (доступ к актуальной редакции через СПС «КонсультантПлюс»).

⁶ Федеральный закон от 30.04.2021 № 123-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О недрах», статью 1 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» и признании утратившими силу Постановления Верховного Совета Российской Федерации «О порядке введения в действие Положения о порядке лицензирования пользования недрами» и отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 03.05.2021, № 18, ст. 3067 (доступ к актуальной редакции через СПС «КонсультантПлюс»).

⁷ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 06.10.2003, № 40, ст. 3822 (доступ к актуальной редакции через СПС «КонсультантПлюс»).

⁸ Федеральный закон от 22.08.2004 № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 30.08.2004, № 35, ст. 3607 (доступ к актуальной редакции через СПС «КонсультантПлюс»).

⁹ Федеральный закон от 30.11.2011 № 364-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О недрах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 05.12.2011, № 49 (ч. 1), ст. 7042 (доступ к актуальной редакции через СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁰ Федеральный закон от 11.06.2021 № 170-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 14.06.2021, № 24 (Часть I), ст. 4188 (доступ к актуальной редакции через СПС «КонсультантПлюс»).

¹¹ Иванова Л.М., Балаян Э.Ю. Проблемы реализации муниципальной функции по управлению территорией при предоставлении недр в пользование // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 5. С. 17 - 20.

¹² См., например: Матулов Б.Н. Социальная компетенция местного самоуправления: формирование и содержание // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 3. С. 26 – 31; Сергеев А.А. О полномочиях органов местного самоуправления по регулированию благоустройства территории // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 53 – 59; Гудзь Т.В., Бабейкин Р.В., Самоловских Н.В. Тенденции в перераспределении муниципальных полномочий в области градостроительной деятельности // Закон. 2024. № 2. С. 184 - 195.

Далее рассмотрим компетенцию органов власти субъектов федерации. Указанная компетенция закреплена в статье 4 Закона о недрах. В рамках статьи представляется нецелесообразным исчерпывающее рассмотрение всех соответствующих полномочий, в связи с чем представляется допустимым обратить внимание на основные особенности. Первой такой особенностью является закрепление ряда полномочий через формулировки, не предполагающие наличие возможности принятия итогового решения непосредственно органами власти субъекта – так, органы власти субъекта федерации участвуют в разработке и реализации ряда государственных программ (пункт 2), ряда государственных экспертиз (пункт 5), в соглашениях о разделе продукции (пункт 12), в определении условий пользования месторождениями полезных ископаемых (пункт 13). Значительная часть компетенции органов власти субъектов реализуется совместно с федеральными органами власти – органы власти субъекта совместно с федеральными органами распоряжаются фондом недр на своих территориях (пункт 7), согласовывают с федеральным органом власти перечни участков недр местного значения (пункт 7.1), перечни полезных ископаемых, относимых к общераспространенным (пункт 7.2).

Самостоятельно органами власти субъектов реализуются полномочия, связанные с участками недр местного значения (за исключением подготовки и утверждения перечня таких участков, что указано выше), учет информации о недрах на территории субъекта, обладателем которой является субъект федерации, составление и ведение территориальных балансов запасов и кадастров. Отдельно следует указать, что органы власти субъекта федерации самостоятельно в пределах своей компетенции принимают и совершенствуют законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации о недрах. В силу того, что пункт 15 статьи 4 Закона о недрах указывает на полномочие органов власти субъекта федерации на регулирование «других вопросов в области использования и охраны недр, за исключением отнесенных к ведению Российской Федерации», остаточная компетенция субъектов федерации могла бы позволить создавать «опережающее федеральное законодательство регулирование или детализировать его»¹. Однако надзорная деятельность прокуратуры и федеральных судов свела законодательство субъектов РФ не к развитию и детализации положений федерального законодательства, а к их копированию. В настоящее время мы имеем дело с кризисной ситуацией в области реализации полномочий субъектов РФ в части опережающего правового регулирования в сфере недропользования – ситуацией резкого снижения роли горного законодательства субъектов РФ в правовом регулировании. Таким образом, сегодня законодательство субъектов Российской Федерации фактически сведено к двум формам: копированию положений федерального законодательства или урегулированию вопросов, отнесенных федеральным законодательством в соответствии со статьями 3-4 Закона РФ «О недрах» к полномочиям субъектов РФ (например в части участков недр местного значения)². Исследователями отмечаются и проблемные аспекты реализации субъектами РФ имеющихся у них полномочий на практике: так, например, в монографии, посвященной проблемам развития природоресурсного законодательства, отмечается, что «образованная Министерством природных ресурсов РФ система федеральных государственных учреждений территориальных фондов информации по субъектам РФ фактически исполняет полномочия субъектов РФ, в том числе по составлению и ведению территориальных балансов и кадастров месторождений и проявлений полезных ископаемых»³.

Ранее в литературе зарегулированность совместной компетенции на федеральном уровне также оценивалась критически. Так, в частности, указывалось, что более соответствующим принципу федерализма являлось бы принятие на федеральном уровне основ законодательства, а не детализированного регулирования, фактически сковывающего усмотрение субъектов федерации⁴.

Таким образом, компетенция органов власти субъекта федерации ограничена небольшим кругом вопросов, решение которых, как это было указано при рассмотрении изменений регулирования в отношении муниципального уровня, во многом могло бы быть передано на муниципальный уровень. Подчеркивается это также и тем, что к участкам недр местного значения относятся участки недр, используемые в питьевых и хозяйственно-бытовых целях (пункт 3 статьи 2.3 Закона о недрах). В связи с этим, следует согласиться с позицией В.И. Карасева: «... *регионы практически отстранены от принятия управленческих решений в области предоставления прав и согласования условий недропользования, контроля выполнения обязательств недропользователей, потеряна заинтересованность и местных органов власти в развитии нефтяного комплекса на своей территории*»⁵. Рассмотрев компетенцию муниципального и регионального уровней власти, необходимо далее обратиться к федеральному уровню. Само по себе количество структурных единиц, указывающих на полномочия федеральных органов власти, свидетельствует о централизации регулирования в сфере недропользования – так, в отношении полномочий органов власти федерального уровня в Законе о недрах в статье 3 содержится 26 пунктов, в то время как в отношении органов власти субъектов – всего 15.

В контексте рассмотрения принципа федерализма в сфере недропользования, как представляется, нецелесообразно рассматривать все полномочия органов федерального уровня власти, в связи с чем акцент следует сделать на отдельных аспектах, наиболее значимых именно в рамках федеративного устройства.

Первый аспект – это полномочия органов власти федерального уровня, которые можно охарактеризовать как направленные на установление единого регулирования и методологии в сфере недропользования. К ним можно отнести: разработку и утверждение классификаций запасов и прогнозных ресурсов полезных ископаемых по видам полезных ископаемых (пункт 3 статьи 3 Закона о недрах); установление порядка

¹ Мельгунов В.Д. Теоретические основы горного права России. М. 2015. С.26, 84, 118.

² Мельгунов В.Д. Принцип федерализма в сфере недропользования как один из основных принципов горного права // Черные дыры в российском законодательстве. 2014. № 3. С. 57 – 61.

³ Подробнее об указанной проблеме см. В.Б. Агафонов, В.К. Быковский, Г.В. Выпханова и др.; под ред. Н.Г. Жаворонковой. Природоресурсное законодательство в условиях модернизации экономики России: современные проблемы развития: монография // М., 2014. 160 с.

⁴ Морозова А.С. Конституционные принципы права государственной собственности на недра // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 2. С. 49 - 52.

⁵ Карасев В.И. Рациональное пользование недрами на основе выполнения лицензионных соглашений при освоении ресурсов нефти и газа в Ханты-Мансийском АО-Югре // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. № 6. 2007 // Цит. по Мельгунов В.Д. Указ. соч.

подготовки и утверждения региональных перечней общераспространенных полезных ископаемых (пункт 6.1 статьи 3 Закона о недрах); установление порядка подготовки, рассмотрения, согласования перечней участков недр местного значения, представляемых исполнительными органами субъектов Российской Федерации, или отказа в согласовании указанных перечней, а также внесения в них изменений (пункт 6.3 статьи 3 Закона о недрах); установление и согласование правил подготовки технических проектов разработки месторождений полезных ископаемых по видам полезных ископаемых, правил подготовки проектной документации на проведение геологического изучения недр и разведки месторождений полезных ископаемых по видам полезных ископаемых и правил разработки месторождений полезных ископаемых по видам полезных ископаемых (пункт 8.1 статьи 3 Закона о недрах); установление порядка подготовки и оформления документов, удостоверяющих уточненные границы горного отвода (пункт 19 статьи 3 Закона о недрах); установление порядка добычи полезных ископаемых и полезных компонентов из отходов недропользования, в том числе из вскрышных и вмещающих горных пород (пункт 25.2 статьи 3 Закона о недрах).

Представляется, что федеральное регулирование указанных вопросов является обоснованным, так как позволяет установить в масштабах всего государства единые правила, стандарты и процедуры работы органов власти, что позволяет избежать риска различного регулирования указанных отношений субъектами федерации, то есть, такое регулирование направлено на создание единого правового и документационного пространства на территории Российской Федерации.

Второй аспект – это наличие компетенции по вопросам, которые Законом о недрах преимущественно отнесены к ведению органов власти субъектов Российской Федерации. К этой группе можно отнести установление порядка определения суммы сбора за участие в аукционах на право пользования участками недр.

Примечательно, что в указанном порядке¹ сумма сбора определяется в том числе и в отношении участков недр местного значения, при том, что в отношении ряда полномочий органов власти федерального уровня прямо предусмотрено их нераспространение на участки недр местного значения. Действующее законодательство в этой части фактически не позволяет учесть региональную специфику ценообразования, что в значительной степени может сказаться на эффективности проведения аукционов в различных регионах государства. Вместе с тем установление суммы сбора на федеральном уровне позволяет снизить риски злоупотребления со стороны региональных органов власти. Как представляется, более сбалансированным регулированием могло бы стать введение в федеральном регулировании поправочных коэффициентов, позволяющих учитывать экономическую специфику отдельных регионов.

Третий аспект – согласование реализации полномочий субъектов федерации или совместная реализация компетенции в отношении недр, находящихся на территории субъекта. К этой категории возможно отнести указанное выше согласование перечней участков недр местного значения, совместное с субъектами федерации распоряжение государственным фондом недр, за исключением участков, находящихся в исключительном ведении Российской Федерации (пункт 10 статьи 3 Закона о недрах), утверждение соглашений о разделах продукции (пункт 11 статьи 3 Закона о недрах). В отношении указанной группы, как представляется, применима оценка, которая была дана выше в отношении компетенции субъектов федерации. Фактически подобная система снижает самостоятельность субъектов федерации. Возможным вариантом совершенствования регулирования видится более подробное регулирование необходимых условий и процедур на федеральном уровне, что снизит риски злоупотребления органов власти субъектов в рамках имеющейся у них дискреции.

Отдельно стоит обратить внимание, что Конституционным Судом Российской Федерации пункт 10 статьи 3 Закона о недрах рассматривался в контексте возможности защиты населением своих прав посредством участия в процедуре согласования². Несмотря на отсутствие указания в Законе о недрах на обязательность учета мнения населения, суд указал, что в системе действующего законодательства право на обращение населения субъекта федерации в органы власти сохраняется, что не исключает возможность обсуждения соответствующих вопросов населением.

Четвертый аспект – полномочия федеральных органов власти по введению ограничений на пользование недрами на отдельных участках для обеспечения обороны страны и безопасности государства, рационального использования и охраны недр, охраны окружающей среды (пункт 9 статьи 3 Закона о недрах). Отнесение указанного полномочия к компетенции органов федерального уровня власти видится логичным в системе действующего законодательства, так как оно направлено на обеспечение прав и интересов третьих лиц, обороны страны и безопасности государства.

Пятый аспект – это разрешение споров по вопросам пользования недрами между субъектами Российской Федерации (пункт 14 статьи 3 Закона о недрах). Представляется возможным согласиться с позицией авторов, указывающих, что данное полномочие следует из функций Президента Российской Федерации по разрешению разногласий между органами власти³, в связи с чем его закрепление за органами федерального уровня власти видится обоснованным.

Шестой аспект – это критерии отнесения участков недр к участкам недр федерального значения. Как представляется, хотя соответствующие участки недр могут быть расположены на территории субъектов федерации, их нахождение в федеральном ведении связано с обеспечением публичного интереса – суверенитета государства, в связи с чем единственным возможным решением, направленным на усиление феде-

¹ Приказ Минприроды России № 756, Роснедр № 12 от 15.10.2021 «Об утверждении Порядка определения суммы сбора за участие в аукционах на право пользования участками недр» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 10.12.2021.

² Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2013 № 1337-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Воронежской областной просветительской общественной организации «Русские люди» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 10 части первой статьи 3 Закона Российской Федерации «О недрах» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Борисов А.Н., Коблова Н.Н. Комментарий к Закону Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. // СПС КонсультантПлюс. 2015.

рации, видится установление процедуры учета мнения субъекта федерации при принятии решений в отношении таких участков недр.

Подводя итог настоящему исследованию, представляется возможным в качестве ключевых указать следующие выводы:

- 1) в сфере недропользования исключается распределение компетенции на уровень власти органов местного самоуправления, что позволяет говорить о неполной реализации принципа федерализма в его современном понимании и риске отсутствия учета интересов местного значения;
- 2) компетенция субъектов федерации в значительной степени ограничена – самостоятельная реализация полномочий установлена преимущественно в отношении участков недр местного значения, при этом осуществляется в значительной степени в соответствии с федеральным детализирующим регулированием и в условиях отсутствия инициативности уточнения на региональном уровне федерального регулирования;
- 3) компетенция органов власти федерального уровня в подавляющем большинстве случаев может быть обоснована наличием значимого публичного интереса или общими принципами распределения компетенции между уровнями власти, однако федеральное регулирование во многом за счет детализации и процедуры совместной реализации компетенции или согласования решений органов власти субъектов существенно минимизирует пределы усмотрения последних.

Список литературы:

- 1) Агафонов В.Б., Быковский В.К., Выпханова Г.В. и др.; под ред. Жаворонковой Н.Г. Природоресурсное законодательство в условиях модернизации экономики России: современные проблемы развития: монография // М.: Норма, Инфра-М, 2014. 160 с.
- 2) Борисов А.Н., Коблова Н.Н. Комментарий к Закону Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. // СПС КонсультантПлюс. 2015.
- 3) Бурбина Ю.В. Перспективы российского федерализма // Юридический мир. 2009. № 7. С. 15 - 18.
- 4) Ведяхин В.М. О форме Российского государства // Государственная власть и местное самоуправление, 2006, № 6 // СПС «КонсультантПлюс».
- 5) Гудзь Т.В., Бабейкин Р.В., Самоловских Н.В. Тенденции в перераспределении муниципальных полномочий в области градостроительной деятельности // Закон. 2024. № 2. С. 184 - 195.
- 6) Иванова Л.М., Балаян Э.Ю. Проблемы реализации муниципальной функции по управлению территорией при предоставлении недр в пользование // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 5. С. 17 - 20.
- 7) Карасев В.И. Рациональное пользование недрами на основе выполнения лицензионных соглашений при освоении ресурсов нефти и газа в Ханты-Мансийском АО-Югре // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. № 6. 2007.
- 8) Ларочкина И.А. Полномочия субъектов Российской Федерации в сфере недропользования и охраны окружающей среды // Энергетическое право 2006. № 2 // СПС «КонсультантПлюс».
- 9) Матулов Б.Н. Социальная компетенция местного самоуправления: формирование и содержание // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 3. С. 26 – 31.
- 10) Мельгунов В.Д. Принцип федерализма в сфере недропользования как один из основных принципов горного права // Черные дыры в российском законодательстве. 2014. № 3. С. 57 – 61.
- 11) Мельгунов В.Д. Теоретические основы горного права России. М. 2015.
- 12) Морозова А.С. Конституционные принципы права государственной собственности на недра // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 2. С. 49 - 52.
- 13) Сергеев А.А. О полномочиях органов местного самоуправления по регулированию благоустройства территории // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 53 – 59.
- 14) Сыманюк Н.В. Порядок распределения компетенции в России и Германии: сравнительно-правовой аспект // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 2. С. 35 - 39.
- 15) Чаплинский А.В., Меркуленко А.А. Субконституционная модель распределения компетенции между Российской Федерацией и ее субъектами: централизация vs автономия регионов // Журнал российского права. 2022. № 1. С. 142 - 157.
- 16) Югов А.А. Компетенция федеративного государства: анализ российского законодательства // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 6. С. 46 - 53.

References:

1. Agafonov V.B., Bykovsky V.K., Vypkhanova G.V. and others; ed. Zhavoronkova N.G. Natural resource legislation in the context of modernization of the Russian economy: modern problems of development: a monograph // Moscow: Norma, Infra-M, 2014. 160 p.
2. Borisov A.N., Koblova N.N. Commentary to the Law of the Russian Federation dated February 21, 1992 No. 2395-1 "On Subsoil" (article-by-article). 2nd ed., revised. and an addendum // SPS ConsultantPlus. 2015.
3. Burbina Yu.V. Prospects of Russian federalism // The Legal World. 2009. № 7. pp. 15-18.
4. Vedyakhin V.M. On the form of the Russian state // State power and local self-government, 2006, No. 6 // SPS "ConsultantPlus".
5. Gudzy T.V., Babeikin R.V., Samolovskikh N.V. Trends in the redistribution of municipal powers in the field of urban development // Law. 2024. № 2. pp. 184-195.
6. Ivanova L.M., Balayan E.Yu. Problems of the implementation of the municipal function of managing the territory when providing subsurface resources for use // State power and local self-government. 2021. No. 5. pp. 17-20.
7. Karasev V.I. Rational use of mineral resources based on the implementation of license agreements for the development of oil and gas resources in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra // Mineral Resources of Russia. Economics and Management. No. 6. 2007.
8. Larochkina I.A. Powers of the subjects of the Russian Federation in the field of subsoil use and environmental protection // Energy Law 2006. No. 2 // SPS "ConsultantPlus".
9. Matulov B.N. Social competence of local self-government: formation and content // State power and local self-government. 2020. No. 3. pp. 26-31.
10. Melgunov V.D. The principle of federalism in the sphere of subsoil use as one of the basic principles of mining law // Black holes in Russian legislation. 2014. No. 3. pp. 57-61.
11. Melgunov V.D. Theoretical foundations of mining law of Russia. M. 2015.
12. Morozova A.S. Constitutional principles of state ownership of mineral resources // Constitutional and municipal law. 2012. No. 2. pp. 49-52.
13. Sergeev A.A. On the powers of local self-government bodies to regulate the improvement of the territory // Constitutional and municipal law. 2023. No. 2. pp. 53-59.
14. Symanyuk N.V. The order of distribution of competence in Russia and Germany: a comparative legal aspect // Constitutional and municipal law. 2014. No. 2. pp. 35-39.
15. Chaplinsky A.V., Merkulenko A.A. Subconstitutional model of competence distribution between the Russian Federation and its subjects: centralization vs regional autonomy // Journal of Russian Law. 2022. No. 1. pp. 142-157.
16. Yugov A.A. Competence of the federal state: an analysis of Russian legislation // Constitutional and Municipal Law. 2020. No. 6. pp. 46-53.

АРЕНДА: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБОРОТА ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ИЗ ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ LEASE: SOME FEATURES OF THE TURNOVER OF LAND PLOTS FROM AGRICULTURAL LANDS

ИБРАГИМОВА Сайхат Абдуллаевна,
магистрант Дагестанского государственного института.
367000, Россия, г. Махачкала, ул. Советская, 8.
E-mail: saykhatibragimova005@mail.ru;
IBRAGIMOVA Saykhat Abdullaevna,
magistrant, Dagestan State University.
367000, Russia, Makhachkala, str. Sovetskaya, 8
E-mail: saykhatibragimova005@mail.ru;

Краткая аннотация: В статье рассматриваются некоторые особенности оборота земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения в рамках аренды.

Abstract. The article examines some features of the turnover of agricultural land plots within the framework of lease.

Ключевые слова: аренда, земля, земельный участок, земли сельскохозяйственного назначения, преимущественное право аренды.
Keywords: lease, land, land plot, agricultural land, preferential right of lease.

Для цитирования: Ибрагимова С.А. Аренда: некоторые особенности оборота земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 129-130. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_129.

For citation: Ibragimova S.A. Lease: some features of the turnover of land plots from agricultural lands // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 129-130. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_129.

Статья поступила в редакцию: 19.08.2025

Аренда земельных участков – один из основных видов временного пользования землей, при котором собственник земли сам непосредственно не использует ее, а передает арендатору по договору за определенную плату, который получает возможность использовать чужую собственность для получения прибыли [1, с. 252].

Как правило, особенности оборота земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения регулируются Гражданским кодексом РФ, Земельным кодексом РФ, Федеральным законом от 24.07.2002 N 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». Как верно отметили в своём научном исследовании А.А. Костюк и К.Э. Лисуненко, для государства, как собственника столь большого количества ресурса, передача земельного фонда в аренду может служить источником стабильного дохода. Кроме того, пополнение бюджета может стать базисом для проведения масштабных мероприятий по улучшению общего состояния почвенного плодородия [2, с. 135]. Так, порядок заключения договора аренды регламентируется Гражданским кодексом РФ. В случае аренды земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, процедура аренды предполагает проведение земельных торгов (аукционов или конкурсов), организуемых исполнительными органами государственной власти, в компетенцию которых входят вопросы распоряжения государственным или муниципальным имуществом [3, с. 108]. Согласно пп. 12 п. 2 ст. 39.6. ЗК РФ договор аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, заключается без проведения торгов в случае предоставления земельного участка крестьянскому (фермерскому) хозяйству или сельскохозяйственной организации в случаях, установленных ФЗ N 101. Т.о. аукцион необходимо проводить всегда, кроме случаев, когда участок можно сдать без аукциона (п. 1 ст. 39.6 Земельного кодекса РФ). Он проводится в том же порядке, что и аукцион по участкам других категорий. Договор аренды земельного участка, заключенный без аукциона, могут признать недействительным, о чем свидетельствует судебная практика [4, с. 161].

Арендаторами земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения могут быть граждане РФ, юридические лица, а также иностранные граждане, иностранные юридические лица, лица без гражданства (п. 1 ст. 22 ЗК РФ). Последние три субъекта, а также юридические лица, в уставном (складочном) капитале которых доля иностранных граждан, иностранных юридических лиц, лиц без гражданства составляет более чем 50 процентов могут обладать земельными участками из земель сельскохозяйственного назначения исключительно на праве аренды (ст. 3 ФЗ N 101) [5].

В силу п. 1 ст. 9 ФЗ N 101 в аренду могут быть переданы прошедшие государственный кадастровый учет земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения, в том числе земельные участки, находящиеся в долевой собственности. Т.о. государственная регистрация договора аренды земельного участка может быть осуществлена только при условии предоставления регистрирующему органу кадастрового плана земельного участка.

Договор аренды находящегося в долевой собственности земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения и соглашение об установлении сервитута в отношении такого земельного участка могут быть подписаны лицом, уполномоченным решением общего собрания участников долевой собственности совершать без доверенности сделки с таким земельным участком, если условия указанных договора и соглашения соответствуют условиям, определенным решением общего собрания участников долевой собственности. Т.е. даже если часть акционеров выступит против такого соглашения, такой договор аренды может быть заключен, если на это будет дано согласие общего собрания акционеров. По старому закону такие «миноритарные» совладельцы могли блокировать заключение такого договора аренды, что и стало основанием для рассмотрения данного вопроса Верховным Судом [6, с. 98]. Типичной особенностью арендных отношений долевых сельскохозяйственных земель также является то, что арендатор к основному объему выплачиваемой арендной платы может принять на себя и дополнительные обязательства, в числе которых встречаются: оказание услуг по осенней вспашке и весенней культивации огородов и приусадебных участков,

принадлежащих арендодателям, компенсация сумм уплаченного за земельную долю земельного налога, компенсация наследникам части затрат, связанных с погребением арендодателя – собственника земельной доли и пр. [7, с. 43].

Далее, в соответствии с актуальными положениями законодательства, минимальный срок договора аренды земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в государственной и муниципальной собственности, составляет 3 года, максимальный – 49 лет. Для сенокосения и выпаса скота договор аренды земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности, заключается на срок до пяти лет (абз. 2 п. 3 ст. 9 ФЗ N 101). В пп. 12 п. 8 ст. 39.8. ЗК РФ говорится, что договор аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, заключается не более чем пять лет в случае предоставления земельного участка гражданину для сенокосения, выпаса сельскохозяйственных животных, ведения огородничества [8]. Как правило, минимальный срок аренды земельного участка сельскохозяйственных угодий устанавливается законом субъекта РФ в зависимости от разрешенного использования сельскохозяйственных угодий, передаваемых в аренду. Так, например, в Республике Дагестан минимальный срок аренды земельного участка сельскохозяйственных угодий составляет пять лет (п. 7 ст. 12 Закона Республики Дагестан «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения в Республике Дагестан») [9].

Следующая особенность заключается в преимущественном праве арендатора на заключение договора аренды на новый срок. Итак, в силу п. 5. ст. 9 ФЗ N 101 в случае, если иное не предусмотрено законом или договором аренды, арендатор, надлежащим образом исполнявший свои обязанности, по истечении срока договора аренды имеет при прочих равных условиях преимущественное право на заключение договора аренды на новый срок. Как справедливо отметили Р.А. Балдаева указанная норма в точности дублирует норму статьи 621 ГК РФ [10, с. 107].

Также, в соответствии с п. 4 ст. 10 ФЗ N 101 гражданин или юридическое лицо, которым земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, предоставлен в аренду и в отношении которых у исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления, указанных в статье 39.2 ЗК РФ, отсутствует информация о выявленных в рамках государственного земельного надзора и неустраненных нарушениях законодательства Российской Федерации при использовании такого земельного участка, вправе приобрести такой земельный участок в собственность или заключить новый договор аренды такого земельного участка в случае и в порядке, которые предусмотрены Земельным кодексом Российской Федерации. Эту норму законодатель поддерживает и отражает ее в подпункте 9 пункта 2 статьи 39.3 ЗК РФ, но только предназначенных для ведения сельскохозяйственного производства и переданных в аренду гражданину или юридическому лицу по истечении трех лет с момента заключения договора аренды либо передачи прав и обязанностей по договору аренды земельного участка [10, с. 108].

Заключительной особенностью является то, что Законодательство не устанавливает лимита разрешенных объемов аренды. Можно сказать, что арендатор имеет право арендовать неограниченное количество земельных участков [11, с. 133]. В заключение стоит отметить, что земли сельскохозяйственного назначения являются важной отраслью экономики, они являются основой существования любого государства и общества. Передача в аренду земель сельскохозяйственного назначения способствует развитию сельских территорий, а также уменьшению числа неиспользуемых угодий, за счет вовлечения их в оборот, улучшению общего состояния почв и созданию новых рабочих мест. Именно поэтому земельный рынок Российской Федерации направлен на увеличение количества земель сельскохозяйственного назначения, переданных в аренду [2, с. 136].

Список литературы:

1. Бакуменко Н.С. К вопросу аренды земель сельскохозяйственного назначения / Н.С. Бакуменко, Н.В. Гагаринова // Аллея науки. 2019. Т. 1. № 2(29). С. 252-255.
2. Костюк, А. А. Аренда земель сельскохозяйственного назначения / А. А. Костюк, К. Э. Лисуненко // В сборнике: WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS. Сборник статей XVI Международной научно-практической конференции. В 3-х частях. - 2017. - С. 134-136.
3. Ершова, Н. В. Аренда земель сельскохозяйственного назначения / Н. В. Ершова, С. С. Викин, Ю. А. Рахманова // В сборнике: теория и практика инновационных технологий в землеустройстве и кадастрах. материалы V национальной научно-практической конференции. - Воронеж, 2022. - С. 105-113.
4. Семенов, М.М. Особенности заключения договора аренды земельного участка сельскохозяйственного назначения / М.М. Семенов // Власть Закона. - 2020. - № 1 (41). - С. 157-166.
5. Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24.07.2002 N 101-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37816/.
6. Горцевский А.В. Особенности договора аренды земель сельскохозяйственного назначения / А.В. Горцевский // Научные дискуссии. 2025. Т. 5. № 1. С. 96-99.
7. Буданов, С. В. О некоторых особенностях условий договоров аренды долевых земель сельскохозяйственного назначения, регулирующих порядок, размер и сроки внесения арендной платы / С. В. Буданов // В сборнике: Юриспруденция, закон и порядок: актуальные вопросы теории и практики. сборник статей VI Международной научно-практической конференции. - Пенза, 2024. - С. 41-43.
8. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/fb3b9f6c5786727ec9ea99d18258678dcbce363ef/#dst174.
9. Закон Республики Дагестан от 29 декабря 2003 года N 46 – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&fostr=xO7q8+zl7f1g7vLu4fDg5uDI8vH/IO3II0Ig7+7x6+Xk7eXpIPDI5ODq9Ujo&nd=133008628&page=1&rdk=5#10.
10. Балдаева, Р. А. О некоторых особенностях договора аренды земель сельскохозяйственного назначения / Р. А. Балдаева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2020. - №7. - С. 106-110.
11. Жикюлина, А. С. Особенности договора аренды земель сельскохозяйственного назначения / А. С. Жикюлина, Н. А. Рахвалова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2019. - № 5-2. - С. 132-135.

References:

1. Bakumenko, N. S. On the issue of agricultural land lease / N. S. Bakumenko, N. V. Gagarin // Alley of Science. 2019. - T. 1. - № 2 (29). - pp. 252-255.
2. Kostyuk, A. A. Lease of agricultural land / A. A. Kostyuk, K. E. Lisunenko // In the collection: WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS. Collection of articles of the XVI International scientific and practical conference. In 3 parts. - 2017. - pp. 134-136.
3. Ershova, N. V. Lease of agricultural land / N. V. Ershova, S. S. Vikin, Yu. A. Rakhmanova // In the collection: Theory and practice of effective technologies in land management and cadastres. materials of the national scientific and practical conference. - Voronezh, 2022. - pp. 105-113.
4. Semenov, M. M. Features of concluding a lease agreement for an agricultural land plot / M. M. Semenov // Power of Law. - 2020. - No. 1 (41). - pp. 157-166.
5. Federal Law "On the Circulation of Agricultural Land" dated July 24, 2002 N 101-FZ // SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37816/.
6. Gortsevsky, A.V. Features of the agricultural land lease agreement / A.V. Gortsevsky // Scientific discussions. - 2025. - Vol. 5. - No. 1. - pp. 96-99.
7. Budanov, S.V. On some features of the terms of agricultural land lease agreements regulating the procedure, amount and terms of payment of rent / S.V. Budanov // In the collection: Jurisprudence, legal order: current issues of theory and practice. collection of articles of the VI International scientific and practical conference. Penza, 2024. pp. 41-43.
8. Land Code of the Russian Federation of 25.10.2001 No. 136-FZ // SPS "ConsultantPlus" – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/fb3b9f6c5786727ec9ea99d18258678dcbce363ef/#dst174.
9. Law of the Republic of Dagestan of December 29, 2003 N 46 – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&fostr=xO7q8+zl7f1g7vLu4fDg5uDI8vH/IO3II0Ig7+7x6+Xk7eXpIPDI5ODq9Ujo&nd=133008628&page=1&rdk=5#10.
10. Baldaeva R.A. On some features of the lease agreement for agricultural land / R.A. Baldaeva // Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. No. 7. pp. 106-110.
11. Zhikulina, A. S. Features of the lease agreement for agricultural land / A. S. Zhikulina, N. A. Rakhvalova // International Journal of Humanities and Medical Sciences. - 2019. - No. 5-2. - pp. 132-135.

ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА¹ PUBLIC SAFETY: PROBLEMS OF DEFINING THE CONCEPTUAL FRAMEWORK

ПРОНИН Тимофей Тимурович,

научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук

117335, Россия, г. Москва, ул. Гарибальди, д. 21б.

E-mail: tpro.n@yandex.ru;

PRONIN Timofey Timurovich,

researcher at the Security Problems Studies Centre of the Russian Academy of Science.

21b Garibaldi St., 117335, Moscow.

E-mail: tpro.n@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается проблема формирования единого понятийно-категориального аппарата общественной безопасности. Наибольшее внимание уделено раскрытию содержания данного вида безопасности в законодательстве и документах стратегического планирования субъектов Российской Федерации в условиях отсутствия должного нормативного регулирования обеспечения общественной безопасности на федеральном уровне. Определены проблемы терминологического и юридико-технического порядка, возникшие вследствие недостаточности Концепции общественной безопасности в Российской Федерации. В качестве их решения предложена разработка отдельного федерального закона, посвященного обеспечению общественной безопасности, в положениях которого будет закреплена ее понятийный аппарат.

Abstract: The article discusses the problem of forming a unified conceptual and categorical apparatus of public security. The greatest attention is paid to the disclosure of the content of this type of security in the legislation and strategic planning documents of the constituent entities of the Russian Federation in the absence of proper regulatory regulation of public safety at the federal level. The problems of terminological and legal-technical order arising from the insufficiency of the Concept of public safety in the Russian Federation are identified. As a solution, it is proposed to develop a separate federal law on public safety, which will define its conceptual framework.

Ключевые слова: общественная безопасность, понятийно-категориальный аппарат, субъекты Российской Федерации, терминология, стратегическое планирование, нормативное регулирование.

Keywords: public safety, conceptual and categorical framework, subjects of the Russian Federation, terminology, strategic planning, regulatory regulation.

Для цитирования: Пронин Т.Т. Общественная безопасность: проблемы определения понятийного аппарата // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 131-133. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_131.

For citation: Pronin T.T. Public safety: problems of defining the conceptual framework // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 131-133. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_131.

Статья поступила в редакцию: 25.08.2025

Усиление международной напряженности обуславливает увеличение количества и разнообразия угроз национальной безопасности Российской Федерации, реализация которых затрагивает самые разные сферы жизни российского общества, что диктует необходимость поиска новых и совершенствования существующих подходов к обеспечению безопасности и ее отдельных видов. Постоянной актуализации требует правовое обеспечение соответствующей деятельности. Серьезной проблемой здесь остается недостаточная правовая регламентация обеспечения общественной безопасности. Исправление сложившейся ситуации, помимо прочего, предполагает формирование и закрепление ее понятийно-категориального аппарата.

Необходимо отметить, что во многом данная проблема была решена утвержденной в 2013 году Концепцией общественной безопасности в Российской Федерации [1] (далее также – Концепция), содержавшей дефиниции важнейших терминов, имеющих отношение к общественной безопасности. Вместе с тем, прекращение срока ее реализации привело к тому, что разработанный при активном участии научного сообщества понятийно-категориальный аппарат лишился даже концептуального закрепления, за исключением отдельных положений, воспроизведенных в документах стратегического планирования, разработанных на уровне муниципальных образований [2], и, как отметил С.И. Гирько, может быть вскоре утрачен [3, с. 37].

Рассуждая о правовом закреплении понятийно-категориального аппарата общественной безопасности, мы должны отметить еще одно обстоятельство, свидетельствующее о недостаточности лишь концептуальной разработки данного вида безопасности и необходимости его полноценного нормативного правового регулирования.

Как известно, обеспечение общественной безопасности отнесено к предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Опираясь на пункт «б» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации, субъекты РФ осуществляют собственное правовое регулирование отдельных общественных отношений в сфере общественной безопасности в пределах своей компетенции. Такая деятельность органов государственной власти субъектов Российской Федерации представляет собой наиболее востребованное направление обеспечения региональной безопасности как элемента национальной безопасности Российской Федерации [4, с. 33]. Более того, в некоторых субъектах Российской Федерации приняты отдельные законодательные акты об обеспечении общественной безопасности – в Республике Баш-

¹ Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания «Комплексное исследование проблем общественной безопасности, как стратегического приоритета национальной безопасности Российской Федерации (FFFZ-2025-0001)».

кортостан, Кабардино-Балкарской Республике и Омской области. Однако данная практика характерна лишь для трех регионов, тогда как в остальных такой подход не получил какого-либо распространения. Помимо этого, в субъектах РФ осуществляется стратегическое планирование в рассматриваемой нами сфере. В настоящее время, как правило, оно заключается в разработке государственных программ субъектов Российской Федерации, однако имелись примеры попыток концептуальной разработки общественной безопасности на региональном уровне [5], которые нельзя назвать удачными.

Более детального рассмотрения требуют нормативные правовые акты субъектов РФ, в положениях которых можно обнаружить дефиниции тех или иных терминов, имеющих непосредственное отношение к обеспечению общественной безопасности. К таковым относится ныне действующий Закон Республики Башкортостан от 25.03.2005 № 173-з «Об обеспечении общественной безопасности в Республике Башкортостан», в котором дается неудачное в силу наличия в нем логической ошибки «*idem per idem*» определение термина «обеспечение общественной безопасности», а также утративший силу в 2018 году Закон Удмуртской Республики от 20.04.2001 № 14-РЗ «О Совете общественной безопасности Удмуртской Республики». В последнем были закреплены определения понятий «общественная безопасность» (как «система общественных отношений»), «угроза общественной безопасности», отличное от дефиниции, приведенной в документах стратегического планирования федерального уровня, и «жизненно важные интересы». Стоит отметить фрагментарность такого подхода к закреплению определений упомянутых понятий, заключающегося в раскрытии содержания лишь некоторых из них. Несмотря на это, можно сказать, что к моменту, когда была утверждена Концепция, на региональном уровне уже существовал закрепленный в правовых актах понятийный аппарат общественной безопасности, однако дальнейшего распространения и развития он не получил.

Вышеизложенные обстоятельства позволяют констатировать, что законодатели отдельных субъектов РФ в каком-то смысле опережают федерального законодателя в части регулирования обеспечения общественной безопасности. Подобная практика, часто критикуемая в научном сообществе, по мнению Т.Я. Хабриевой, может свидетельствовать о том, что «...Федерация может не считать для себя актуальным регулирование определенных предметов совместной компетенции, оставляя решение этих вопросов на усмотрение субъектов Российской Федерации» [6, с. 24]. Данное суждение отчасти справедливо и для общественной безопасности, поскольку несмотря на отсутствие нормативного правового акта, комплексно регулирующего соответствующие общественные отношения, отдельные направления ее обеспечения давно урегулированы федеральным законодателем, как, например, борьба с терроризмом, правовой основой которой выступает Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Стоит обозначить, что существование ранее упомянутого Закона Республики Башкортостан, несколько отличающегося от подобных актов большей своей проработанностью, может быть обусловлено не стремлением организовать более полное нормативное регулирование обеспечения рассматриваемого вида безопасности, а скорее необходимостью замены Закона Республики Башкортостан от 13.10.1994 № ВС-25/26 «О безопасности в Республике Башкортостан» альтернативой, не содержащей положений, противоречащих Конституции Российской Федерации.

Здесь необходимо также отметить, что в отдельных случаях имеет место введение в оборот новых терминов в рассматриваемой сфере, не используемых в правовых актах Российской Федерации. В качестве яркого примера можно привести термин «региональная общественная безопасность», встречающийся в правовых актах Московской области [7]. В данном случае можно наблюдать смешение двух тесно связанных понятий «общественная безопасность» и «региональная безопасность», последнее из которых активно используется в правовых актах и наименованиях органов государственной власти многих субъектов Российской Федерации.

Утверждение Президентом Российской Федерации Концепции общественной безопасности не решило проблему единства понятийно-категориального аппарата общественной безопасности, в том числе в силу неопределенности ее правовой природы. Положения данного документа стратегического планирования не обязывали регионального законодателя изменить и привести в соответствие положения нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, содержащих дефиниции упомянутых выше терминов. То есть, на федеральном и региональном уровнях фактически существовали альтернативные подходы к определению основных понятий в сфере обеспечения общественной безопасности, закрепленные, с одной стороны, лишь в Концепции, а с другой стороны – законодательно.

Е.В. Пономарева и А.П. Герасимов перечислили требования юридической терминологии, выработанные Л.В. Савченко, в том числе единство терминологии, общепризнанность терминов, их стабильность и устойчивость [8, с. 50]. В настоящее время понятийно-категориальный аппарат общественной безопасности, разбалансированный вследствие несогласованной правотворческой деятельности в субъектах РФ с одной стороны, и прекращения срока реализации Концепции с другой, слабо соответствует перечисленным критериям, что свидетельствует о его текущем несовершенстве.

Еще одной проблемой юридико-технического характера, косвенно деформирующей восприятие общественной безопасности и ее понятийно-категориального аппарата, является некорректное использование ранее упомянутых понятий в положениях отдельных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации. Наиболее частым несовершенством, встречающимся в законодательных актах и документах стратегического планирования субъектов Российской Федерации, является нарушение логики при перечислении направлений обеспечения общественной безопасности. В качестве наглядного примера стоит привести положения ст. 52 Устава Свердловской области: «Органы государственной власти Свердловской области осуществляют в пределах своих полномочий меры по обеспечению законности, правопорядка, общественной безопасности, по противодействию терроризму и экстремизму, борьбе с преступностью» [9]. Данная норма фактически выводит за рамки обеспечения общественной безопасности последние два направления деятельности органов государственной власти, хотя они, согласно и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, и Концепции общественной безопасности, являются одними из наиболее важных

компонентов обеспечения общественной безопасности.

Описанные выше проблемы во многом являются следствием отсутствия должного правового регулирования обеспечения общественной безопасности на федеральном уровне, что приводит к разночтениям и неточностям на уровне законодательства субъектов РФ. Принятие новых документов стратегического планирования взамен устаревшей Концепции, видится малопродуктивной мерой, поскольку такой шаг не позволит устранить противоречия, порожденные отдельными правовыми актами субъектов РФ. Наиболее перспективным выходом из сложившейся ситуации видится разработка отдельного федерального закона «Об общественной безопасности», на целесообразности чего уже указывали некоторые исследователи [10, с. 23]. Принятие подобного нормативного правового акта позволит субъектам Российской Федерации усовершенствовать собственное законодательство, регулирующее общественные отношения, складывающиеся в связи с поддержанием необходимого уровня общественной безопасности, итогом чего должно стать общее повышение качества правового обеспечения как общественной безопасности, так и всей национальной безопасности Российской Федерации, в том числе за счет достижения большей степени единства правового пространства. Представляется, что данный шаг также позитивно скажется и на институционализации региональной безопасности в Российской Федерации, которая во многом зависит от качества правового регулирования обеспечения общественной безопасности. В свою очередь, нельзя отказываться и от принятия новых документов стратегического планирования, посвященных общественной безопасности.

Список литературы:

1. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/499059750?ysclid=meh2rzzsik420968230> (дата обращения: 07.08.2025).
2. Решение Красноярского городского Совета депутатов от 15.03.2022 № 16-228 «Об утверждении Концепции обеспечения комплексной общественной безопасности на территории города Красноярска до 2030 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/578154379> (дата обращения: 05.08.2025).
3. Гирько, С. И. Реальные шаги к институализации общественной безопасности Российской Федерации / С. И. Гирько // Научный портал МВД России. – 2025. – № 1(69). – С. 33-39. – EDN NORLRN.
4. Мельников, В. И. Роль и место региональной безопасности в общегосударственной системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / В. И. Мельников. – Москва: Издание Совета Федерации, 2010. – 64 с.
5. Постановление Правительства Ленинградской области от 22.12.2005 № 327 «О Концепции общественной безопасности Ленинградской области» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/8425260> (дата обращения: 05.08.2025).
6. Хабриева, Т. Я. Избранные труды : В 10-и томах / Т. Я. Хабриева. Том 8. – Москва : Российская академия наук, 2018. – 496 с. – ISBN 978-5-907036-12-3. – EDN HDHSYJ.
7. Постановление Правительства Московской области от 27.01.2015 № 23/3 «О создании в Московской области системы технологического обеспечения региональной общественной безопасности и оперативного управления «Безопасный регион» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/537971972> (дата обращения: 06.08.2025).
8. Пономарева, Е. В. Юридическая терминология как технико-юридическое средство юридической техники / Е. В. Пономарева, А. П. Герасимов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 4(42). – С. 48-51. – EDN RPPXUZ.
9. Устав Свердловской области от 23 декабря 2010 года № 105-ОЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/895280236?ysclid=mdzmmevlx0471113213> (дата обращения: 06.08.2025).
10. Воронов, А. М. Общественная безопасность современной России: проблемы теории и практики обеспечения / А. М. Воронов, В. А. Ананьев, М. В. Зубова // Научный портал МВД России. – 2023. – № 2(62). – С. 15-23. – EDN JXIDPR.

References:

1. The concept of public safety in the Russian Federation [Electronic resource]. Access mode: <https://docs.cntd.ru/document/499059750?ysclid=meh2rzzsik420968230> (date of reference: 08/07/2025).
2. Decision of the Krasnoyarsk City Council of Deputies dated 03/15/2022 No. 16-228 "On approval of the Concept of ensuring Integrated public safety in the city of Krasnoyarsk until 2030 [Electronic resource]. Access mode: <https://docs.cntd.ru/document/578154379> (date of request: 08/05/2025).
3. Girkko, S. I. Real steps towards the institutionalization of public security in the Russian Federation / S. I. Girkko // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2025. – № 1(69). – Pp. 33-39. – EDN NORLRN.
4. Melnikov, V. I. The role and place of regional security in the national system of ensuring national security of the Russian Federation / V. I. Melnikov. Moscow: Federation Council Publishing House, 2010. 64 p.
5. Resolution of the Government of the Leningrad Region dated 22.12.2005 No. 327 "On the Concept of Public Safety of the Leningrad region" [Electronic resource]. Access mode: <https://docs.cntd.ru/document/8425260> (date of reference: 08/05/2025).
6. Khabrieva, T. Ya. Selected works : In 10 volumes / T. Ya. Khabrieva. Volume 8. Moscow : Russian Academy of Sciences, 2018. 496 p. ISBN 978-5-907036-12-3. EDN HDHSYJ.
7. Resolution of the Government of the Moscow Region dated 01/27/2015 No. 23/3 "On the creation of a system of technological support for regional public safety and operational management "Safe Region" in the Moscow Region" [Electronic resource]. Access mode: <https://docs.cntd.ru/document/537971972> (date of reference: 08/06/2025).
8. Ponomareva, E. V. Legal terminology as a technical and legal means of legal technology / E. V. Ponomareva, A. P. Gerasimov // The rule of law: theory and practice. – 2015. – № 4(42). – Pp. 48-51. – EDN RPPXUZ.
9. Charter of the Sverdlovsk region dated December 23, 2010 No. 105-OZ [Electronic resource]. Access mode: <https://docs.cntd.ru/document/895280236?ysclid=mdzmmevlx0471113213> (accessed: 08/06/2025).
10. Voronov, A.M. Public safety in modern Russia: problems of theory and practice / A.M. Voronov, V. A. Ananyev, M. V. Zubova // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 2(62). – Pp. 15-23. – EDN JXIDPR.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ SOME ORGANIZATIONAL AND LEGAL SOLUTIONS FOR SOIL PROTECTION: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

ИБРАГИМОВ Кюри Хамзатович,

профессор кафедры гражданского права и процесса Юридического факультета
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»,
доктор сельскохозяйственных наук, кандидат юридических наук,
главный научный сотрудник Комплексного НИИ им. Х.И. Ибрагимова РАН,
академик Академии наук Чеченской Республики.
ул. Старопромысловское ш., 21 а, г. Грозный, Чеченская Республика, 366002, Россия.
E-mail: 7800467@mail.ru;

ИБРАГИМОВ Алхазур Кюриевич,

кандидат экономических наук, сельскохозяйственный предприниматель.
г. Грозный, Чеченская Республика, 366000, Россия
E-mail: ialhazur@yahoo.com;

IBRAGIMOV Kyuri Khamzatovich,

Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Faculty of Law Kadyrov Chechen State University,
Doctor of Agricultural Sciences, Candidate of Law, Chief Researcher
at the Laboratory of Socio-Political Research Comprehensive Research Institute named after H.I. Ibragimov
of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Academy of Sciences of the Chechen Republic.
Staropromyslovskoe sh., 21 a, Grozny, Chechen Republic, 366002, Russia.
E-mail: 7800467@mail.ru;

IBRAGIMOV Alkhazur Kyurievich,

PhD in Economics, agricultural entrepreneur.
Grozny, Chechen Republic, 366000, Russia.
E-mail: ialhazur@yahoo.com

Краткая аннотация. Авторы пришли к выводу: «Сегодня «земельные права настоящего поколения граждан России изолированы от аналогичных прав будущих поколений граждан страны, а также от права биологического разнообразия почвы на свое существование. ... Человек сегодня кормится только лишь за счет постоянного истощения запаса почвенного плодородия, накопленного Природой веками, т.е. за счет права на жизнь будущих поколений людей». В качестве эффективных правовых решений охраны почв России предложена рецепция некоторых перспективных для нашей страны правовых норм Закона ФРГ от 17 марта 1998 г. «О защите почв Германии» (ОЗПГ), а также парадигмы активно внедряемой сегодня в ФРГ процесс-ориентированной агротехнологии.

Abstract. The authors come to the following conclusions: "Today, "the land rights of the present generation of Russian citizens are isolated from similar rights of future generations of citizens of the country, as well as from the right of soil biological diversity to its existence. ... Today, man feeds only at the expense of the constant depletion of the soil fertility reserve accumulated by Nature over the centuries, i.e. at the expense of the right to life of future generations of people." As effective legal solutions for soil protection in Russia, the reception of some promising legal norms for our country of the Law of the Federal Republic of Germany of March 17, 1998 "On the Protection of German Soils" (ZPG), as well as the paradigm of process-oriented agricultural technology actively implemented today in Germany, is proposed.

Ключевые слова: почвы, земли сельскохозяйственного назначения, плодородие земель, законодательство, охрана почв, процесс-ориентированные агротехнологии.

Key words: soils, agricultural lands, soil fertility, legislation, soil protection, process-oriented agricultural technologies.

Для цитирования: Ибрагимов К.Х., Ибрагимов А.К. Некоторые вопросы правовой защиты земель сельскохозяйственного назначения в условиях цифровизации // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 134-137. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_134.

For citation: Ibragimov K.Kh., Ibragimov A.K. Some organizational and legal solutions for soil protection: a comparative legal analysis // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 134-137. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_134.

Статья поступила в редакцию: 28.08.2025

Сегодня вред, наносимый человеком плодородию почв сельскохозяйственного назначения огромен, и не поддается исчислению. Это её непрерывное на протяжении последнего полутора столетия истощение биологических, химических и физических свойств, отравление пестицидами, агрохимикатами и кислотными дождями, уплотнение сельхозтехниккой и загрязнение отходами производства и потребления, бессистемный отвод под разрастание городов и промышленных объектов, под размещение захоронений и т.д.

Ученым стало очевидным, что плодородие земель ежегодно прогрессирующе убывает, а то продовольствие, которое они дают, из года в год содержит всё меньше необходимых человеку питательных веществ. И логически это не вызывает никаких сомнений. Весь перечисленный выше вред почвам уничтожает веками сформировавшееся их биоразнообразие, наносит непоправимый ущерб их физической структуре и химическому составу. Создается устойчивое понимание того, что современное человечество преступно истощает то плодородие пахотных земель, которое Природой было предусмотрено на бесконечное число будущих поколений людей.

Как отмечает А.Е. Разумов: «Ценности являются способом ориентации в социальных и иных мирах. ... То, что в одно время считается ценным, в другое может быть признано заблуждением»¹. Трудно спорить с этой истиной. Например, прозвучавший в начале прошлого века лозунг И.В. Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у неё – наша задача», сегодня выглядит весьма кощунственно. Или другая аксиома, выдвинутая учеными в тот же период: «Земля, которая не возделывается, - отдыхает», т.е. набирается плодородных сил. Наши

¹Разумов А.Е. Общечеловеческие ценности и личность // Ценностные основания научного познания. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 260.

исследования однозначно опровергли эту истину. Урожайность кукурузы на неиспользуемой в течение 30 лет соседнем участке был почти в 2 раза ниже, чем на беспрерывно обрабатываемом земельном участке. В нашу сильно загрязненную эпоху с вредными эмиссиями в воздухе от самолетов, спутников, заводов и транспорта, с кислотными дождями наблюдается сильное уплотнение почвы, приводящее к тому, что в уплотненную почву мало поступает воздуха и влаги, аэробные почвообразующие организмы не получают кислорода и воды, соответственно, процесс почвообразования ингибируется, и плодородие земель снижается. Отсюда вывод: в ст. 40-42 ЗК РФ должна быть введена норма, обязывающая земледельцев ежегодно осенью вспахивать свои земельные участки. Кто его знает: потратившись на вспашку своего участка, земледелец в стремлении возместить убытки, окультурит его, посеет выгодные сельскохозяйственные культуры.

Земля для человека в течение тысячелетий выступала и будет выступать в будущем одним из самых ценных объектов Природы, выполняющим множество функций. Поэтому как представляется, большинство правовых норм в Земельном кодексе РФ (ЗК РФ) должно иметь соответствующее нормативно-ценностное измерение. Эффективность земельно-правовых норм, их исполнение во многом будет обусловлено тем, насколько они соответствуют всем параметрам разнообразных ценностей земли, насколько эти параметры будут соответствовать ценностям интересов человека. Учет последних в земельном законодательстве должен выступить важнейшей предпосылкой совершенствования земельно-правового порядка в стране.

В п.п. 1 п. 1. ст. 1 Земельного кодекса Российской Федерации (далее - ЗК РФ) установлены почти все, кроме воспитательной, ценности земли, а именно: политическая, экологическая, имущественная и хозяйственная. Хотя среди этих идеалов ценностей земли однозначный приоритет согласно п.п. 2 п. 1 ст. 1 отдается проблеме «охраны земли как важнейшего компонента окружающей среды и средства производства в сельском хозяйстве и лесном хозяйстве перед использованием земли в качестве недвижимого имущества...», тем не менее, фактически основное предпочтение в ЗК РФ предоставлено использованию земли в качестве недвижимого имущества. За исключением ст. 12-13, 40-42 ЗК РФ, практически все остальные статьи посвящены регулированию имущественных отношений собственности по поводу земли.

Таким образом, из отмеченного выше вытекает, что земельно-правовые ценности, приведенные в ЗК РФ, неравнозначны и имеют явное тяготение к регулированию земельно-имущественных отношений, что сильно нарушает баланс интересов государства, общества, личности. Поскольку в «здоровой земле», в экологически чистом сельскохозяйственном продовольствии заинтересованы все перечисленные стороны, на наш взгляд, экологическая ценность земли в будущем Земельном кодексе РФ должна выступать в качестве основного критерия сбалансированности различных земельно-правовых целей и интересов.

Представляется рациональным применение следующего варианта использования земель сельскохозяйственного назначения. Поскольку проведенные нами исследования, вопреки веками устоявшемуся лозунгу ученых, что «невозделываемая земля отдыхает» позволили прийти к однозначному выводу, что при современном выпадении кислотных дождей и изменении климата не вспахивать землю нельзя – в этом случае она твердеет и резко теряет свои плодородные качества¹.

В сельскохозяйственной практике бывают примеры, когда отрицательные типы поведения участников земельных отношений трансформируются в положительные. Например, считалось, что самой лучшей системой содержания почвы в саду является дерново-перегнойная, т.е. когда междурядье сада засеивается многолетними травами. Многократно за сезон скашиваемая трава остается на месте, перегнивает, и тем самым, по замыслу ученых агрономов должна повышать плодородие почвы. На самом же деле, данная трава является экраном, на котором при 40-кратном за сезон опрыскивании интенсивного сада пестицидами оседают тонны применяемых опасных ядохимикатов. При гниении скошенной травы данные яды попадают в почву, а через нее в корни и плоды фруктовых деревьев. С одной стороны уничтожается почвенное агробиоразнообразие, а с другой, отравляется здоровье людей, потребляющих захламленные плоды. Поэтому в законодательстве необходимо предусмотреть норму, обязывающую садоводов выносить скошенную траву с территории сада и сжигать с соблюдением противопожарных, санитарно-эпидемиологических, экологических и иных требований. Об этом вреде скошенной травы садов нам стало известно сравнительно давно². Поэтому в ст. 42 ЗК должны быть внесены дополнения, устанавливающие для садоводов обязанность содержать почву сада не под многолетними травами, а под сезонными сидератами. Таким образом, считавшаяся отрицательной для плодородия садовых земель сидерация междурядий садов по сравнению с дерново-перегнойной системой, сегодня не имеет лучшей альтернативы для воспроизводства почвенного плодородия.

Приведенные выше результаты наших наблюдений почти 30-летней давности сегодня подтверждаются учеными МГУ. Как отмечает Иван Семенов: «Когда сельхозугодья забрасывают и они снова зарастают лесом, это воспринимается как благо для природы. Но новое исследование показало: в почве при этом происходят тревожные изменения, способные нанести вред не только растениям, но и всей экосистеме»³.

Теперь вместо ручной прополки повсюду применяется химическая прополка. Имеются гербициды, по пшенице, кукурузе, томатам, огурцам, картофелю, малине, клубнике, чесноку, луку, садам и виноградникам и другим культурам.

Вдобавок к гербицидам поля щедро опрыскиваются и опыливаются широким арсеналом опаснейших инсектицидов, фунгицидов, акарицидов и других «...цидов». По нашим самым оптимистичным расчетам при 45 опрыскиваниях интенсивного яблоневого сада в каждый сезон в один квадратный метр его почвы попадает в среднем по 10 л самых токсичных ядов. А поскольку корневая система этих интенсивных садов располагается почти на поверхности земли, - почему их и привязывают к провололочной шпалере, - вся эта смертоносная гамма отравляющих веществ попадает в яблоки, а затем, и в организмы людей. Вот почему от таких яблок и отдает резкой складской смертоносной химией.

¹ Ибрагимов К.Х. Комплексный подход в правовом регулировании рационального использования земель сельскохозяйственного назначения // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2018. № 5. С. 11.

² Ибрагимов К.Х., Ибрагимов В.Х. Интенсификация плодоводства в предгорьях Северного Кавказа. - М.: Изд-во МСХА, 1996. - С. 114.

³ Лес возвращается, а земля мстит: восстановление природы обернулось кислотной ловушкой. 23.08.2025 // <https://www.pravda.ru/news/science/2265182-soil-acidity-changes>

К сожалению, вся эта химия, которая абсолютно не проверена на последствие в длительной перспективе, надолго закрепляется в почвах, имеет продолжительный период последствия. Опасны они человеку не только сами по себе, но и в их возможности в почвенной среде вступать во взаимодействие и создавать химические составы куда более злобных по своей вредности синтетических соединений.

Ситуация, как видно, катастрофическая! В этой связи весьма актуальны слова Т. Джексона, высказанные им в 2013 г.: «Прцветание сегодня ничего не значит, если оно подрывает условия, от которых зависит процветание завтра. И самое большое откровение финансового кризиса 2008 г. заключается в том, что завтра уже наступило»¹. Сегодня «земельные права настоящего поколения граждан России изолированы от аналогичных прав будущих поколений граждан страны, а также от права биологического разнообразия почв на свое существование»².

В этой связи перед наукой земельного права стоят далеко не тривиальные задачи. Традиционно ориентированная на время, когда у почв было относительно «естественное» благополучие, сегодня она не просто не отражает сложившуюся реальную жизненную ситуацию, а является ни больше, ни меньше – пренебрежительной по отношению к жизненно важным интересам настоящего и будущего поколений людей. Земельный кодекс РФ, принятый почти четверть века назад, в силу огромного его засилья гражданско-правовыми нормами, превратился не в государственный акт защиты почв, а наоборот – их разбазаривания на несельскохозяйственные нужды и истощения их плодородия.

К сожалению, отечественной науке земельного права не пошло на пользу и принятие в ФРГ «Федеративного Закона о защите почв Германии» от 17 марта 1998 г. Российский законодатель, весьма терпимый к рецепции полезных для России некоторых принципов и норм германского права, в данном случае проявил безразличие, несмотря на то, что российские ученые – юристы неоднократно обращали внимание на этот закон.

Основными целями данного немецкого закона явились: охрана функций почвы, предотвращение вредных изменений в почвах, санация загрязнённых участков, устойчивое рациональное использование земель. Основными принципами закона установлены: предосторожность, «загрязнитель платит», риск-ориентированный подход и соразмерность. В обязанности собственников земельных участков и землепользователей входят: предотвращать ухудшения почв и поступления в них загрязнителей; при наличии вредных изменений — обязанность обследовать, предотвращать прогрессирование вреда и проводить санацию; солидарная (долевая) ответственность причинителя, владельца/пользователя и иных причастных, с правом регресса.

Рассматриваемый Закон ФРГ также предусматривает, чтобы субъектами земельных отношений осуществлялась «хорошая агротехническая практика», соблюдающая требования к ведению сельского хозяйства для предотвращения эрозии и уплотнения, поддержания гумуса/структуры, минимизации внесения загрязняющих веществ, учёта почвенно-климатических условий и т.д.

Весьма актуальный для своего времени (1998 г.) данный закон Германии сегодня страдает серьезными недостатками. Например, трудно представить, как землеохранные органы ФРГ собираются проконтролировать требования «хорошей агротехнической практики», т.е. эти нормы декларативны, трудно проверяемы и фактически не могут влиять на предотвращение такого вреда почвам, как эрозия, уплотнение, потеря гумуса. Тот факт, что правовое регулирование защиты почв от таких диффузных «трансграничных» загрязнителей, являющихся основными и наиболее опасными для почв как пестициды, нитраты и микрополлютанты из агросектора, разнесено по другим нормативно-правовым актам (например: «Закон о средствах защиты растений»), говорит о пробелах и фрагментации в земельном праве ФРГ.

Кроме того, данный закон недостаточно интегрирован с лесным, градостроительным и водным правом, государственные реестры загрязнённых участков неполны и часто частично закрыты для общественности; доступ к данным ограничен. Однако, на наш взгляд, самым серьезным недостатком закона является отсутствие системного подхода к учету показателей биологического состояния почв и их экосистемных связей с другими природными объектами. Вместе с тем, несмотря на недостатки «Закон ФРГ о защите почв» ценен тем, что в нем впервые отражен переход законодателя с позиции приоритета «максимизации урожайности сельскохозяйств» к обеспечению функционирования почвы на протяжении бесконечного числа поколений, т.е. их солидарности сквозь века, на основе сочетания научно обоснованных пороговых значений загрязнения почв с практическими подходами для фермеров.

Многие недостатки Закона о защите почв ФРГ устранил принятый Европейским союзом первый в истории ЕС «Закон о защите почв ради продовольствия и климата» от 05 июля 2023 г. Новый закон предусматривает, что государства Евросоюза будут следить за состоянием земли, использованием удобрений и эрозией почвы³. Конечная цель закона — оздоровить европейские почвы к 2050 году. Сегодня более 60% земель ЕС находятся в нездоровом состоянии. Однако, и данный закон недостаточно совершенен, поскольку не устанавливает для фермеров целевых показателей по улучшению качества почв на национальном уровне, что вызвало критику со стороны европейских аграриев. Сама по себе «добровольная сертификация здоровья почвы» фермерами, предусмотренная в данном законе, очень много значит. Однако, спрашивается, где это было видно, чтобы сильно занятый производством фермер, даже при условии мотивации этой сертификации почв государством, добровольно согласился исполнять эту процедуру. Более того, такая задача только под силу специально обученному в вузе почвоведу.

Одна и та же агротехническая мера может быть эффективной на одних участках почвы и вредной или бессмысленной - на других. Кстати, это и не учитывается во многих агротехнических руководствах по возделыванию той или иной сельскохозяйственной культуры. Поэтому как раз и ценна современная цифровая сельхозтехника: установленные спереди датчики, нередко агрегированные со спутниками, дают полную онлайн-информацию о состоянии плодородия почвы на каждом метре участка, и в соответствии с последней, происходит автоматическое регулирование норм высева семян при посевах, или доз удобрений при минеральных подкормках. При этом, с одной стороны – значительная эконо-

¹ Джексон Т. Процветание без роста. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. С. 35, 199.

² Ибрагимов К.Х. Правовое регулирование рационального использования и охраны земель сельскохозяйственного назначения. – Монография. – Грозный, 2021. – С. 711.

³ В Евросоюзе предложили первый закон о защите почв ради продовольствия и климата https://news.rambler.ru/scitech/51052877/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source

мия семян и удобрений, с другой – охрана окружающей среды, более того, - повышение урожайности сельскохозяйственных культур¹.

В связи с отмеченным выше, применительно к России, учитывая огромную важность сертификации почв и, отрицая всякую возможность ее добровольного проведения фермерами, предлагаем необходимым в законодательном порядке эту функцию закрепить за государством. Идея такова: российское государство, перед предоставлением землепользователю земельного участка, проводит базовую инвентаризацию: гумус/органическое вещество, pH, доступные N–P–K и микроэлементы, грансостав/структура, плотность сложения, глубина, каменистость, уклоны, гидрологический режим, засоленность/солидность, загрязнение и другие почвенные анализы. И затем, через каждые три года в тех же самых «реперных точках» берутся образцы почвы и в динамике прослеживается эволюция значений перечисленных почвенных показателей. Если динамика позитивная, т.е. показатели остались на том же уровне, то землепользователь получает минимальную премию, если выше – максимальную. Однако, если их значения снизились, то на первые три года землепользователю делается предупреждение и предоставляется план агротехнических мер, которые он будет обязан выполнить для нивелирования с базовыми значениями этих показателей. Если через три года, а это минимум для позитивного последствия агротехнических мер, земельный участок у землепользователя изымается и передается более добро-совестному сельскохозяйственному товаропроизводителю. Однако, если он не только не улучшил, а, наоборот, еще более усугубил ситуацию, то в судебном порядке обязывается компенсировать нанесенный почвам вред.

В контексте отмеченного выше, весьма актуальным для сельского хозяйства России является внедрение вместо традиционного машинно-ориентированного подхода процесс-ориентированной агротехники (ПОА) — это подход к управлению сельхозпроизводством, при котором хозяйство организует работу не по «отдельным работам» и подразделениям, а по сквозным процессам с четкими входами/выходами, владельцами, стандартами (SOP), метриками и постоянным улучшением. Это подход в сельскохозяйственной инженерии, при котором производство рассматривается как совокупность управляемых процессов (посев, внесение удобрений, орошение, культивация, сбор и хранение урожая и т. д.), а не как набор отдельных машин и операций. Цель ПОА — измерять, моделировать и оптимизировать эти процессы по качеству, затратам, времени, экологии и безопасности.

Вот что пишет о своем видении перспектив будущего у ПОА немецкий ученый Томас Херцелиус: «Фермер будет частью системы, но не у каждой машины он будет. Фермер — это лидер «роя», который контролирует, организует и настраивает систему. Это подход, основанный на сотрудничестве, при котором операторы постоянно взаимодействуют с системой и могут брать на себя задачи, которые сложно или нерентабельно автоматизировать. ...Появится новый мир более компактных интеллектуальных машин, способных сотрудничать и взаимодействовать со старым миром»².

Таким образом, на основании изложенного выше, можно сделать следующие выводы:

- состояние почв земель сельскохозяйственного назначения России, как и в других аграрно развитых странах мира, катастрофическое. Создается устойчивое понимание того, что современное человечество преступно истощает то плодородие пахотных земель, которое Природой было предусмотрено на бесконечное число будущих поколений людей.

- перед наукой земельного права стоят далеко не тривиальные задачи. Традиционно ориентированная на время, когда у почв было относительно «естественное сносное благополучие», сегодня она не просто не отражает сложившуюся реальную жизненную ситуацию, а является ни больше, ни меньше – пренебрежительной по отношению к жизненно важным интересам настоящего и будущего поколений российских граждан. Земельный кодекс РФ, принятый почти четверть века назад, в силу огромного его засилья гражданско-правовыми нормами, превратился не в государственный акт защиты почв, а наоборот – их разбазаривания на несельскохозяйственные нужды и истощения их плодородия.

- почвозащитное законодательство ФРГ, несмотря на свои недостатки, в целом, является серьезным подспорьем для совершенствования аналогичного законодательства России.

Список литературы:

1. Джексон Т. Процветание без роста. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. С. 35, 199.
2. Ибрагимов К.Х. Комплексный подход в правовом регулировании рационального использования земель сельскохозяйственного назначения //Черные дыры» в Российском законодательстве. 2018. № 5. С. 11.
3. Ибрагимов К.Х., Ибрагимов В.Х. Интенсификация плодородия в предгорьях Северного Кавказа. - М.: Изд-во МСХА, 1996. - С. 114.
4. Ибрагимов К.Х. Правовое регулирование рационального использования и охраны земель сельскохозяйственного назначения. Монография. Грозный, 2021. С. 711.
5. В Евросоюзе предложили первый закон о защите почв ради продовольствия и климата //https://news.rambler.ru/scitech/51052877/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source
6. Разумов А.Е. Общечеловеческие ценности и личность // Ценностные основания научного познания. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 260.
7. Лес возвращается, а земля мстит: восстановление природы обернулось кислотной ловушкой. 23.08.2025 // https://www.pravda.ru/news/science/2265182-soil-acidity-changes Ibragimov K.Kh., Ibragimov A.K. Umarova M.A. и др.
8. Организационно-правовые вопросы трансформации АПК в условиях цифровой экономики. Монография / Ибрагимов К.Х., Ибрагимов А.К. Umarova M.A. и др. – Грозный, 2023. – С. 29.
9. Herlitzius T. Autonomous Mobile Machines in Agricultural Engineering - What's Next?20.03.2020 // https://link.springer.com/article/10.1007/s41321-020-0073-z
10. Wikipedia. Digital agriculture // https://en.wikipedia.org/wiki/Digital_agriculture?ysclid=mevf1pq2an12991418

References:

1. Jackson T. Prosperity without growth. Moscow: AST-PRESS BOOK, 2013. pp. 35, 199.
2. Ibragimov K.H. An integrated approach to the legal regulation of the rational use of agricultural land //Black holes in Russian legislation. 2018. No. 5. P. 11.
3. Ibragimov K.H., Ibragimov V.H. Intensification of fruit growing in the foothills of the North Caucasus. - M.: Publishing House of the Ministry of Agriculture, 1996. - p. 114.
4. Ibragimov K.H. Legal regulation of rational use and protection of agricultural land. – Monography. – Grozny, 2021. – p. 711.
5. The European Union has proposed the first law on the protection of soils for food and climate //https://news.rambler.ru/scitech/51052877/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source
6. Razumov A.E. Universal human values and personality // Value foundations of scientific knowledge. Moscow: LENAND, 2017. p. 260.
7. The forest returns, and the earth takes revenge: the restoration of nature turned into an acid trap. 08/23/2025 // https://www.pravda.ru/news/science/2265182-soil-acidity-changes Ibragimov K.Kh., Ibragimov A.K. Umarova M.A. and others.
8. Organizational and legal issues of agro-industrial complex transformation in the digital economy. Monograph / Ibragimov K.Kh., Ibragimov A.K. Umarova M.A. et al. Grozny, 2023. p. 29.
9. Herlitzius T. Autonomous Mobile Machines in Agricultural Engineering - What's Next?20.03.2020 // https://link.springer.com/article/10.1007/s41321-020-0073-z
10. Wikipedia. Digital agriculture // https://en.wikipedia.org/wiki/Digital_agriculture?ysclid=mevf1pq2an12991418

¹ Wikipedia. Digital agriculture // https://en.wikipedia.org/wiki/Digital_agriculture?ysclid=mevf1pq2an12991418

² Herlitzius T. Autonomous Mobile Machines in Agricultural Engineering - What's Next?20.03.2020 // https://link.springer.com/article/10.1007/s41321-020-0073-z

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT OF ENVIRONMENTAL LEGISLATION IN ST. PETERSBURG AND THE LENINGRAD REGION

ДЖАВАДОВА Алиса Сираджеддиновна,

кандидат юридических наук, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины (СПбГУВМ).

196084, Россия, г. Санкт-Петербург, Черниговская ул., 5.

E-mail: midials@yandex.ru;

JAVADOVA Alisa Siradzheiddinovna,

Candidate of Law, SPBGAVM.

196084, Russia, St. Petersburg, Chernigov St., 5.

E-mail: midials@yandex.ru

Краткая аннотация: Санкт-Петербург и Ленинградская область, являются важными экономическими и культурными центрами России, однако их экологическое состояние вызывает серьезные опасения. Несмотря на наличие региональных нормативно-правовых актов, направленных на охрану окружающей среды, существует ряд системных проблем, препятствующих эффективному регулированию экологической сферы. В данной работе проводится анализ законодательных актов Российской Федерации, регулирующих экологическую ситуацию в городе Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Рассмотрен ряд проблем экологического законодательства, а также особенности ведения экологической деятельности в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Особенности экологического законодательства в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

Abstract: Saint Petersburg and the Leningrad Region are important economic and cultural centers of Russia, but their ecological condition raises serious concerns. Despite the existence of regional regulatory legal acts aimed at environmental protection, there are a number of systemic problems that hinder effective regulation of the environmental sphere. This paper analyzes the legislative acts of the Russian Federation regulating the environmental situation in the city of St. Petersburg and the Leningrad region. A number of problems of environmental legislation are considered, as well as the specifics of conducting environmental activities in St. Petersburg and the Leningrad region. Features of environmental legislation in St. Petersburg and the Leningrad region.

Ключевые слова: экологическое законодательство, региональное регулирование, правоприменение, загрязнение окружающей среды, отходы и утилизация, водные ресурсы, ответственность, экология, таможенные органы, налоговые органы, экспертиза.

Keywords: environmental legislation, regional regulation, law enforcement, environmental pollution, waste and disposal, water resources, responsibility, ecology, customs authorities, tax authorities, expertise.

Для цитирования: Джавадова А.С. Проблемы развития экологического законодательства Санкт-Петербурга и Ленинградской области // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 138-140. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_138.

For citation: Javadova A.S. Problems of the development of environmental legislation in St. Petersburg and the Leningrad region // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 138-140. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_138.

Статья поступила в редакцию: 17.05.2025

Охрана окружающей среды — это глобальная проблема, которая в последние годы привлекает все большее внимание в связи с растущим признанием экологических проблем, стоящих перед нашей планетой. Поскольку страны борются с последствиями ухудшения состояния окружающей среды, правовая база, регулирующая экологические правонарушения, играет ключевую роль в решении и смягчении этих проблем [6]. На сегодняшний день, экологическое законодательство Санкт-Петербурга и Ленинградской области, играет ключевую роль в обеспечении устойчивого развития региона, сохранении природных ресурсов и улучшении качества жизни населения. В федеративном государстве, где суверенитет и полномочия распределены между федеральным центром и региональными субъектами, выполнение государственных функций осуществляется на двух уровнях: федеральном и региональном. Данное распределение обусловлено конституционно-правовыми нормами и представляет собой ключевой аспект функционирования федеративной системы.

Правовое регулирование экологических отношений в рамках федеративного устройства характеризуется специфическими особенностями, которые определяются распределением компетенций между федеральным центром и субъектами федерации. В данном контексте следует отметить, что экологическое законодательство представляет собой сложную систему правовых норм, включающую как федеральные акты, так и региональные нормативные акты, которые могут дополнять или конкретизировать федеральное законодательство в соответствии с региональными особенностями и экологическими условиями.

В недавнем прошлом, регулирование вопросов охраны окружающей среды на уровне регионов в Российской Федерации было преимущественно теоретическим. Региональные правовые акты, если и существовали, то часто представляли собой лишь формальные копии федеральных нормативных документов. Их количество было ограничено, а особенности регионов учитывались в основном в подзаконных актах, которые издавали главы администраций и другие должностные лица. Законодательные инициативы по разработке региональных экологических норм, которые могли бы восполнить пробелы в федеральном законодательстве, практически не предпринимались.

Однако сейчас ситуация меняется. Региональное законодательство в сфере охраны природы активно развивается и становится всё более значимым.

В законодательных актах субъектов Российской Федерации, как правило, объектами правового регулирования выступают [2]:

- зелёные насаждения;
- особо охраняемые природные территории;

- охотничья деятельность;
- организация и проведение экологического мониторинга, а также экологической экспертизы и т. д.

Анализ данных законодательных актов показывает, что, несмотря на кажущуюся оригинальность правотворческих решений субъектов Российской Федерации, они в значительной степени основываются на отдельных положениях федеральных законов или поднимают на уровень закона вопросы, которые ранее регулировались подзаконными нормативными актами.

В контексте государственного регулирования экологической сферы, нормативно-правовая база эволюционирует в рамках двух ключевых векторов, которые отражают специфику федеративного территориального устройства. Это утверждение справедливо как для административного центра — Санкт-Петербурга, так и для Ленинградской области.

Во-первых, необходимо подчеркнуть тенденцию к унификации и гармонизации региональных законодательных актов в строгом соответствии с федеральным экологическим законодательством. Следует акцентировать внимание на источниках, которые не только уточняют, но и, в ряде случаев, дублируют положения федеральных нормативных актов, что обеспечивает их более глубокое и всестороннее понимание на региональном уровне.

В эту категорию нормативных правовых актов, в частности, входят: постановление Правительства Санкт-Петербурга «О мерах по выполнению Закона Российской Федерации «О недрах» на территории Санкт-Петербурга»; постановление Правительства Санкт-Петербурга «О Комитете по природопользованию, охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности» и другие.

Во-вторых, следует отметить тенденцию конкретизации, индивидуализации региональных правовых основ государственного регулирования в экологической сфере. Урбанизированный характер региона, большая численность населения и наличие производственных мощностей предопределяют необходимость взаимодействия областной и городской администрации, строгой нормативной регламентации обращения с отходами производства и потребления на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

В настоящее время, существуют экологические агенты, которые занимаются охраной окружающей среды. Функции таких агентов выполняли также таможенные и налоговые органы [4]. Таможенные и налоговые органы, играли и сейчас играют существенную роль, в охране окружающей среды, взаимодействуют с экологическим законодательством, обеспечивая контроль, за соблюдением природоохранных норм, взимают экологические платежи и регулируют перемещения экологически значимых товаров.

Также, таможенные и налоговые органы могут играть значительную роль в вопросах, связанных с загрязнением почв. Таможенные органы осуществляют контроль, за ввозом и вывозом опасных отходов; осуществляют борьбу с незаконным оборотом загрязняющих веществ; осуществляют контроль, за ввозом техники удобрений и т.д. Налоговые органы в свою очередь, взимают экологические налоги и сборы; предоставляют налоговые льготы для предприятий; осуществляют контроль, за сельскохозяйственными субсидиями. Если говорить, сегодня про загрязнения почв, то с целью предупреждения и устранения существующего загрязнения почв города, которое может привести, к общему ухудшению экологической ситуации и увеличению заболеваемости населения, было принято распоряжение мера Санкт-Петербурга «О введении регионального норматива по охране почв в Санкт-Петербурге».

В контексте анализа эколого-правовой ситуации в Санкт-Петербурге можно выделить ряд ключевых факторов, оказывающих негативное воздействие на экологическую обстановку в регионе. Эти факторы включают в себя следующие аспекты [7]:

1. Пробелы в нормативно-правовой базе как на уровне Санкт-Петербурга, так и Российской Федерации в целом. Эти пробелы проявляются в декларативном характере законодательства, его несогласованности и наличии других недостатков в нормативно-правовых актах.
2. Финансовые ограничения, с которыми сталкиваются предприятия различных отраслей экономики. Эти ограничения существенно ограничивают их возможности по реализации природоохранных мероприятий, что негативно сказывается на экологической ситуации в регионе.
3. Частые реформирования государственных органов, уполномоченных в области охраны окружающей среды. Такие реформы не позволяют в полной мере раскрыть административный и кадровый потенциал этих органов, что затрудняет эффективное противодействие экологическим правонарушениям.
4. Недостаточное финансирование, техническая оснащенность, кадровое и ресурсное обеспечение правоохранительных и природоохранных органов. Это несоответствие между уровнем ресурсного обеспечения и сложностью решаемых задач существенно снижает их способность эффективно выполнять свои функции.
5. Низкий уровень эколого-правовой культуры населения. Недостаточная осведомленность и понимание населением важности экологических проблем и необходимости соблюдения экологических норм и правил также являются значимым фактором, негативно влияющим на общую эколого-правовую обстановку.

В контексте формирования эколого-правовой среды существует ряд проблем, препятствующих ее гармоничному развитию. Дефекты в федеральном и региональном экологическом законодательстве, а также несовершенство нормативно-правовой базы, регулирующей разграничение полномочий и ответственности органов государственной власти и управления, как по вертикали, так и по горизонтали, приводят к несогласованности в принятии решений, касающихся рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей среды. Это вызывает фрагментацию нормативно-правового регулирования и снижает эффективность эколого-правовых механизмов, что, в свою очередь, негативно сказывается на экологической безопасности и устойчивом развитии [8].

В последние несколько десятилетий, наблюдается значительный рост интереса к инновационным проектам, ориентированным на устойчивое развитие. За последнее время был принят ряд концептуальных документов Организации Объединенных Наций (ООН), среди которых «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (2015), Парижское климатическое соглашение (2015). Последний, определяет приоритеты борьбы с климатической угрозой в мире и во всех странах до 2030–2050 годов [3].

Основной целью инновационной экономики в контексте устойчивого развития является комплексное рассмотрение инноваций, учитывающее не только экономические аспекты, но и социальные и экологические измерения. Это предполагает интеграцию принципов устойчивого развития в инновационную деятельность, что способствует гармонизации экономических интересов с социальными и экологическими целями. Такой подход позволяет создать сбалансированную модель экономического роста, которая минимизирует негативные воздействия на окружающую среду и способствует улучшению качества жизни населения.

Санкт-Петербург – один из наиболее инновационно - развитых городов, второй крупнейший научно-технический центр России после Москвы. Доля организаций, осуществляющих инновации в Санкт-Петербурге, составляет чуть менее 20% [1].

Среди инновационных проектов, проводимых в Санкт-Петербурге и направленных на обеспечение устойчивого развития, можно выделить несколько ключевых:

1. С 2010 года действует система регулярного сбора опасных отходов, которые образуются в быту, с помощью мобильных пунктов приёма — «Экомобилей» ГУП «Экострой». Эти пункты представляют собой автомобили, оснащённые специальными контейнерами для сбора и транспортировки опасных отходов.
2. С 2011 года активно развивается проект «Раздельный Сбор», который реализуется Ассоциацией в сфере экологии и защиты окружающей среды. Это движение зародилось в Санкт-Петербурге и уже получило широкое распространение. На данный момент в городе установлено 1278 пунктов раздельного сбора.
3. С 2012 года в городе функционируют стационарные пункты сбора опасных отходов «Экопосты», «Экотерминалы» и терминалы эко-боксов ГУП «Экострой», предназначенные для сбора ртутных ламп и батарей.

В данной работе были рассмотрены особенности экологического законодательства в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, а также обозначены проблемы его развития. Для решения этих проблем требуется комплексный подход, включающий улучшение координации между органами власти, регулярное обновление законодательства, усиление контроля, за его соблюдением, активное вовлечение общественности и поиск дополнительных источников финансирования. На сегодняшний день, кардинальное решение экологических проблем на современном этапе развития, возможно при проведении ответственной экологической политики, которая имеет множество аспектов и направлений и охватывает все компоненты природной среды. Необходимо уменьшение выбросов, вторичная переработка отходов, инновационные проекты, увеличить внимание к вопросам охраны природы и обеспечения целесообразного использования природных ресурсов, установить регулярный контроль, за использованием предприятиями и организациями земель, вод, лесов, недр и других природных богатств. Рациональное использование природных ресурсов ставится во главу угла экологической политики государства [5].

Список литературы:

1. Кальченко О.А., Тихомиров А.Ф., Евсеева С.А. Инновационные проекты, ориентированные на устойчивое развитие (опыт России и Санкт-Петербурга) // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2017. № 4. С. 279.
2. Оль Екатерина Михайловна, Тарасевич Ксения Александровна Специфика государственного-правового регулирования экологических отношений на региональном уровне (на примере Санкт-Петербурга) // Ленинградский юридический журнал. 2014. №1 (35).
3. Печенева, М. А. Основные проблемы институтов гражданского общества в системе экологической безопасности Санкт-Петербурга / М. А. Печенева // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения–2019 : Сборник научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции, Гатчина, 17–18 мая 2019 года. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2019. – С. 599-602.
4. Джавадова, А. С. Деятельность федеральной таможенной службы России при осуществлении функций валютного контроля / А. С. Джавадова // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2017. – № 1(61). – С. 40-43. – EDN ZDPGIR.
5. Джавадова, А. С. государственный экологический надзор на федеральном и региональном уровне / А. С. Джавадова // Материалы Афанасьевских чтений. – 2024. – № 1(48). – С. 90-94. – EDN PSGFNT.
6. Джавадова, А. С. Особенности юридической ответственности за экологические правонарушения / А. С. Джавадова // Журнал юридических исследований. – 2023. – Т. 8, № 4. – С. 79-82. – EDN HILMNF.
7. Уханов, И. С. Об экологическом правопорядке и состоянии экологической преступности в Санкт-Петербурге / И. С. Уханов // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2024. – № 1(62). – С. 39-44.
8. Соболев И.А. Эколого-правовой комплекс: вопросы теории, методологии и практики: монография. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2013. 224 с.

References:

1. Kalchenko O.A., Tikhomirov A.F., Evseeva S.A. Innovative projects focused on sustainable development (the experience of Russia and St. Petersburg) // Bulletin of the Voronezh State University of Engineering Technologies. 2017. No. 4. p. 279.
2. Ol' Ekaterina Mikhailovna, Tarasovich Kseniya Aleksandrovna Specifics of state-legal regulation of environmental relations at the regional level (on the example of St. Petersburg) // Leningrad Law Journal. 2014. №1 (35).
3. Pechenevskaya, M. A. The main problems of civil society institutions in the environmental safety system of St. Petersburg / M. A. Pechenevskaya // Actual problems of science and practice: Gatchina Readings–2019 : Collection of scientific papers based on the materials of the VI International Scientific and Practical Conference, Gatchina, May 17-18, 2019. Gatchina: State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, 2019, pp. 599-602.
4. Javadova, A. S. The activities of the Federal Customs Service of Russia in the implementation of currency control functions / A. S. Javadova // Scientific notes of the St. Petersburg named after V.B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy. – 2017. – № 1(61). – Pp. 40-43. – EDN ZDPGIR.
5. Javadova, A. S. State environmental supervision at the federal and regional levels / A. S. Javadova // Materials of the Afanasiev readings. – 2024. – № 1(48). – Pp. 90-94. – EDN PSGFNT.
6. Javadova, A. S. Features of legal responsibility for environmental offenses / A. S. Javadova // Journal of Legal Research. – 2023. – Vol. 8, No. 4. – pp. 79-82. – EDN HILMNF.
7. Ukhanov, I. S. On environmental law and order and the state of environmental crime in St. Petersburg / I. S. Ukhanov // Bulletin of the St. Petersburg Law Academy. – 2024. – № 1(62). – Pp. 39-44.
8. Sobol I.A. Ecological and legal complex: issues of theory, methodology and practice: monograph. St. Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. 224 p.

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИИ THE PROBLEM OF ENSURING HUMAN AND CIVIL RIGHTS IN RUSSIA

ХАЗИЕВА Регина Рафисовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».
450091, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.
E-mail: semmi-5@yandex.ru;

СИВОЧКИН Егор Валерьевич,

старший преподаватель кафедры огневой подготовки Омской академии МВД России.
644092, Россия, г. Омск, проспект Комарова, 7.
E-mail: eatmeat@maol.ru;

KHAZIEVA Regina Rafisovna,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines
at the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
2 Muksinova str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450091, Russia.
E-mail: semmi-5@yandex.ru;

SAVOCHKIN Egor Valeryevich,

senior lecturer at the Department of Fire Training of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
7 Komarova Avenue, Omsk, 644092, Russia.
E-mail: eatmeat@maol.ru

Краткая аннотация: в статье проводится анализ проблем обеспечения прав человека и гражданина, и отмечается особенность российского подхода, которая заключается в сочетании провозглашённой универсальности прав человека с национальными традициями и особенностями правовой системы.

Abstract: the article analyzes the problems of ensuring human and civil rights, and also notes the specific features of the Russian approach, which consists in combining the declared universality of human rights with national traditions and peculiarities of the legal system..

Ключевые слова: права и свободы, человек, гражданин, государство, демократия.

Keywords: rights and freedoms, individual, citizen, state, democracy.

Для цитирования: Хазиева Р.Р., Сивочкин Е.В. Проблема обеспечения прав человека и гражданина в России // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 141-142. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_141.

For citation: Khazieva R.R., Savochkin E.V. The problem of ensuring human and civil rights in Russia // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 141-142. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_141.

Статья поступила в редакцию: 09.09.2025

Проблема обеспечения и защиты прав человека занимает центральное место в системе современного правового государства. В Российской Федерации данная категория закреплена на уровне Конституции РФ, которая провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью. Однако практическая реализация этих положений сопряжена с целым рядом противоречий: от сложности институциональных механизмов до недостаточной правовой культуры населения. Изучение данной темы позволяет выявить не только юридические, но и социально-политические аспекты формирования правового пространства в России.

В науке конституционного права права человека рассматриваются как неотъемлемые и принадлежащие каждому от рождения. Конституция Российской Федерации (статья 2) закрепляет принцип приоритета прав и свобод, а также их непосредственного действия. Вместе с тем в условиях российского федерализма возникает проблема согласования общегосударственных гарантий и региональной специфики.

Особенностью российского подхода является сочетание провозглашённой универсальности прав человека с национальными традициями и особенностями правовой системы. Это приводит к двойственности: с одной стороны, Россия признаёт международные стандарты, с другой — часто использует оговорки о «соответствии национальному законодательству».

Система органов, призванных обеспечивать и защищать права человека в России, включает суды, прокуратуру, уполномоченных по правам человека, а также разнообразные институты гражданского общества.

Наиболее значимым инструментом признан Конституционный Суд Российской Федерации, решения которого не только разрешают конкретные споры, но и формируют правовые позиции, обязывающие законодателя и исполнительную власть учитывать конституционные стандарты. Наряду с этим важную роль играет система судов общей юрисдикции, однако проблема их независимости остаётся одной из наиболее острых.

Институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации служит дополнительным звеном в защите прав граждан. Несмотря на отсутствие прямых властных полномочий, институт омбудсмена выполняет значимую функцию посредничества между обществом и государством, позволяя гражданам обращаться с жалобами в обход бюрократических барьеров.

Таким образом в российской практике можно выделить несколько ключевых проблем в области обеспечения прав человека:

1. Недостаточная эффективность судебной защиты. Формальная доступность судов не всегда сопровождается реальной возможностью добиться справедливого решения. Суды часто демонстрируют зависимость от исполнительной власти.

2. Ограничение политических и гражданских прав. Свобода собраний, слова и ассоциаций часто ограничивается под предлогом обеспечения безопасности или сохранения общественного порядка.

3. Проблемы правоприменения. Даже при наличии качественной нормативной базы отсутствует единообразная практика её реализации на региональном уровне.

4. Низкий уровень правовой культуры. Население часто не осведомлено о собственных правах, что делает их защиту затруднительной.

Россия является участницей ключевых международных договоров в сфере прав человека, включая Международный пакт о гражданских и политических правах и Европейскую конвенцию по правам человека. Однако в последние годы наблюдается тенденция к ограничению влияния международных институтов. Выход России из юрисдикции Европейского суда по правам человека в 2022 году стал знаковым событием, которое существенно сократило возможности граждан защищать свои права на наднациональном уровне.

Это обстоятельство усиливает ответственность внутренних институтов, которые должны компенсировать отсутствие международного контроля. В то же время практика показывает, что подобный процесс требует времени и глубоких институциональных преобразований.

Для повышения эффективности системы обеспечения прав человека в России необходимо:

- укрепление независимости судебной власти;
- развитие механизмов общественного контроля;
- повышение уровня правовой культуры населения через систему образования и просвещения;
- совершенствование региональной политики в части защиты прав уязвимых групп;
- создание условий для диалога государства и институтов гражданского общества.

Перспективным направлением также является цифровизация правовой системы: внедрение электронных сервисов для обращений граждан, повышение прозрачности деятельности государственных органов, использование технологий искусственного интеллекта для анализа правоприменительной практики.

Таким образом, проблема обеспечения прав человека и гражданина в России остаётся многоплановой и во многом нерешённой. Существование развитой нормативной базы не всегда гарантирует её реальную эффективность, поскольку ключевым фактором является не столько юридическое закрепление, сколько правоприменительная практика и уровень доверия общества к государственным институтам.

Перспективы развития данной сферы напрямую зависят от способности государства гармонизировать интересы личности и общества, а также от готовности к модернизации существующих институтов. В условиях глобальных вызовов особое значение приобретает формирование устойчивой системы защиты прав, способной адаптироваться к изменениям

Список литературы:

1. Грудцына, Л. Ю., Чернявский, А. Г. Права человека в России : учебник / Л. Ю. Грудцына, А. Г. Чернявский. – М. : Юрайт, 2021. – 432 с.
2. Гулин, Е. В. Права человека : учебное пособие для студентов вузов по направлению «Юриспруденция» / Е. В. Гулин. – СПб. : Питер, 2022. – 368 с.
3. Права человека и современные международные отношения : сборник статей / под ред. В. А. Карташкина. – М. : Норма, 2024. – 412 с.
4. Обеспечение прав человека и осуществление публичной власти в современных условиях : проблемы и решения : монография / С. А. Авакян [и др.] ; Институт государства и права РАН. – М. : ИНФРА-М, 2023. – 520 с.

References:

1. Grudtsyna, L. Yu., Chernyavsky, A. G. Human rights in Russia : textbook / L. Yu. Grudtsyna, A. G. Chernyavsky. Moscow : Yurait, 2021. 432 p.
2. Gulín, E. V. Human rights: a textbook for university students in the field of "Jurisprudence" / E. V. Gulín. – St. Petersburg : Peter, 2022. – 368 p.
3. Human rights and modern international relations : a collection of articles / edited by V. A. Kartashkin, Moscow : Norma, 2024, 412 p.
4. Ensuring human rights and exercising public authority in modern conditions : problems and solutions : a monograph / S. A. Avakian [et al.] ; Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow : INFRA-M, 2023, 520 p.

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ГРАЖДАН В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ¹ ABOUT SOME ACTUAL PROBLEMS OF PROTECTING CITIZENS' PERSONAL DATA IN THE DIGITAL SPACE

ГРИЩЕНКО Галина Андреевна,

доцент кафедры информационного права и цифровых технологий,
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук.
ул. Садовая-Кудринская, д. 9, г. Москва, 125993, Российская Федерация.
E-mail: gagrischenko@msal.ru;

GRISHCHENKO Galina Andreevna,

Associate Professor of the Department of information law and digital technologies
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Legal Sciences.
9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 125993, Russian Federation.
E-mail: gagrischenko@msal.ru

Краткая аннотация. В статье приводится основанный на действующем российском законодательстве и правоприменительной практике анализ основных проблем, связанных с защитой персональных данных в цифровом пространстве. Среди таких актуальных вопросов выделяются особенности обработки персональных данных в сети Интернет в части порядка подписания пользовательских соглашений, дачи согласий на обработку персональных данных, сбора уведомлений о сборе метаданных (файлах куки, геолокации), регламентации утечек личной информации. По результатам анализа автор приходит к выводу о необходимости совершенствования законодательства Российской Федерации в части определения ключевых категорий (например, пользовательское соглашение, утечка персональных данных) и формирования понятного и доступного гражданам механизма обработки персональных данных, исключающего объемные документы со сложными юридическими формулировками. Усилия законодателя должны быть направлены на исключение (минимизацию) неоднозначной трактовки положений нормативных правовых актов по вопросам обработки персональных данных в цифровом пространстве. Отдельное внимание уделяется необходимости формирования культуры обработки персональных данных, причем как у операторов персональных данных, так и у самих субъектов персональных данных. Продвижение культуры ответственного обращения с личной информацией требует участия государства, образовательных учреждений и организаций, что должно содействовать устойчивому и безопасному развитию общества в цифровую эпоху.

Abstract. The article provides an analysis of the main problems associated with the protection of personal data in the digital space, based on current Russian legislation and law enforcement practice. Among such pressing issues, the specifics of processing personal data on the Internet are highlighted in terms of the procedure for signing user agreements, giving consent to the processing of personal data, collecting notifications about the collection of metadata (cookies, geolocation files), and regulating leaks of personal information. Based on the results of the analysis, the author comes to the conclusion that it is necessary to improve the legislation of the Russian Federation in terms of defining key categories (for example, user agreement, leakage of personal data) and creating a mechanism for processing personal data that is understandable and accessible to citizens, excluding voluminous documents with complex legal formulations. The legislator's efforts should be aimed at eliminating (minimizing) ambiguous interpretation of the provisions of regulatory legal acts on the processing of personal data in the digital space. Special attention is paid to the need to create a culture of processing personal data, both among personal data operators and among the subjects of personal data themselves. Promoting a culture of responsible handling of personal information requires the participation of the state, educational institutions and organizations, which should contribute to the sustainable and safe development of society in the digital era.

Ключевые слова: персональные данные, конфиденциальность, информационная безопасность, защита персональных данных, пользовательское соглашение, метаданные, утечки персональных данных, культура обработки персональных данных.

Key words: personal data, confidentiality, information security, personal data protection, user agreement, metadata, personal data leaks, personal data processing culture.

Для цитирования: Грищенко Г.А. О некоторых актуальных проблемах защиты персональных данных граждан в цифровом пространстве // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 143-146. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_143.

For citation: Grishchenko G.A. About some actual problems of protecting citizens' personal data in the digital space // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 143-146. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_143.

Статья поступила в редакцию: 27.08.2025

В последнее время тема защиты персональных данных граждан находится в фокусе общественного и политического внимания не только в России, но и во всем мире. С развитием информационных (цифровых) технологий идентификация физических лиц активно внедряется во многие сферы общественной жизни: телемедицина, социальные сервисы, торговля, образование, государственные и муниципальные услуги. Поскольку большинство функций коммуникации государства и граждан реализуется в сети Интернет, это требует необходимости выработки эффективных механизмов по обеспечению безопасности личной информации, обрабатываемой в цифровой среде.

Основные проблемы, которые можно обозначить в рамках особенностей обработки персональных данных в сети Интернет, можно свести к порядку оформления и подписания пользовательских соглашений, согласий на обработку персональных данных, уведомлений о сборе метаданных, регламентации утечек личной информации.

Следует отметить, что в действующем российском законодательстве определение пользовательского соглашения отсутствует. Лишь в некоторых нормативных правовых актах упоминается о возможности заключения таких соглашений, при этом не раскрываются их существенные условия, особенности, порядок заключения, изменения и прекращения их действия.

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет -2030».

Например, в Законе Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» (п. 2.2 ст. 12), в Концепции развития технологий машиночитаемого права, утвержденной протоколом от 15 сентября 2021 г. № 31 Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (п. 2 Раздела 3), о пользовательском соглашении упоминается лишь единожды. Тогда как в профильном информационном законодательстве о подобного рода соглашениях вообще ничего не говорится.

Несмотря на отсутствие легального определения пользовательского соглашения в российском законодательстве, под таким соглашением понимается договор между субъектом персональных данных и оператором персональных данных об определении пределов прав, обязанностей и ответственности сторон, в соответствии с которым осуществляется использование субъектом персональных данных информационных ресурсов сети Интернет (сайт и (или) страница сайта в Интернете, информационная система, программа для ЭВМ), владельцем которых является оператор.

В настоящее время распространены ситуации, когда граждане, имея намерение однократного получения конкретной услуги или товара, вынуждены принимать пользовательское соглашение с обязательным условием о том, что персональные данные будут обрабатываться не только в целях исполнения договора, но и передаваться третьим лицам (например, в целях рекламы). И даже если гражданин потом удалит свою учетную запись на сайте, его данные останутся на сторонних ресурсах. Данные факты подтверждаются и судебной практикой (например, Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18.02.2021 № Ф06-904/2021 по делу № А65-16592/2020).

При этом надо отметить, что пользовательские соглашения, по сути, являются договорами присоединения [1], и соответственно, подписывая их, гражданин берет на себя обязательства по соблюдению условий и требований, предъявляемых к порядку использования соответствующих информационных ресурсов. Многие граждане считают подписание таких соглашений формальностью, без которой дальнейшее нахождение на сайте становится невозможным или бессмысленным (сайт не позволит зарегистрироваться, оформить онлайн-покупку или ознакомиться с какой-либо информацией), что является явным заблуждением.

Пользовательские соглашения, а также «браузер-соглашения» (когда пользователь автоматически вынужден соглашаться с условиями обработки его персональных данных с момента перехода на сайт или продолжения пользования сайтом) зачастую приводят к сбору избыточной личной информации и могут служить основанием для доступа к персональным данным пользователей не только владельцев сайтов, но и третьих лиц.

Некоторые пользовательские соглашения могут достигать объема 20-50 страниц печатного текста формата А4, что зачастую приводит к их формальному подписанию. Объемные соглашения со сложными юридическими формулировками, как показывает статистика [2], практически никто не читает, что, конечно, не освобождает от ответственности в части соблюдения его положений.

Сбор избыточных персональных данных многократно увеличивает риски утечки личной информации и последующего ее противоправного использования, нередко сопряженного с совершением преступных посягательств.

Таким образом, следует обратить внимание на неопределенность правовой природы пользовательских соглашений и политик конфиденциальности, которые зачастую также предлагают «подписать» пользователям (путем совершения соответствующих конклюдентных действий, например, проставлением «галочки») на Интернет-ресурсах [3].

Данные выводы подтверждаются также судебной практикой (например, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 11.11.2022 № Ф07-16181/2022 по делу № А56-29989/2020, Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.01.2022 № 11АП-19848/2021 по делу № А72-1287/2021, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25.10.2021 № Ф07-13488/2021 по делу № А56-37312/2020).

Представляется, что обеспечение защиты персональных данных граждан в части подписания пользовательских соглашений должно выстраиваться в направлении унификации требований к таким документам, сокращения их объема и составления доступным понятным языком, визуализации конкретных условий его исполнения и возможности отказаться от подписания таких соглашений, если гражданин имеет намерение только ознакомиться с какой-либо информацией, размещенной в сети Интернет, без совершения юридически значимых действий (например, совершение покупки в онлайн-магазине).

Пользовательское соглашение не является согласием субъекта персональных данных на обработку персональных данных¹, а равно согласием на обработку персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения.

Оператор, работающий в сети Интернет, обязан разместить в доступном и понятном виде форму согласия на обработку персональных данных, а также кнопку с надписью «Я согласен» или «Я подтверждаю», нажав на которую, пользователь, по сути, проявляет свою волю на подписание согласия. При этом законом не установлено, как должен выглядеть текст такого подтверждения. Оператор может выбрать любой вариант, главное, чтобы согласие было конкретным, предметным, информированным, сознательным и однозначным (ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Федеральный закон «О персональных данных»)).

При этом в данном Федеральном законе не раскрывается содержание обозначенных требований к такому согласию, что на практике приводит к неоднозначному толкованию нормативных предписаний.

¹ С 1 сентября 2025 г. вводится еще одно требование к согласию на обработку персональных данных. Оно должно быть оформлено отдельно от иных информации и (или) документов, которые подтверждает и (или) подписывает субъект. Соответствующие изменения внесены в часть 1 статьи 9 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных».

В согласии на обработку персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения, могут устанавливаться различные запреты и ограничения, которые порой сложны для понимания и лицами, обладающими юридическими знаниями. Например, в таком согласии физическое лицо вправе установить:

- запрет передачи (кроме предоставления доступа) сведений оператором неограниченному кругу лиц;
- запрет обработки (кроме получения доступа) сведений неограниченным кругом лиц;
- условия обработки (кроме получения доступа) сведений неограниченным кругом лиц.

Представляется, что подобные нормы следует привести в более понятную гражданам форму изложения, что позволит говорить о проявлении действительной формы волеизъявления в отношении дачи согласия на распространение в сети Интернет своих персональных данных.

При использовании Интернета собираются также различные метаданные (IP-адрес, геолокация, файлы cookie (куки)). Такое уведомление должно содержать возможность выбора варианта действий – предоставлять согласие на сбор данных или отказаться от него. При отказе от отработки куки посещение некоторых сайтов становится невозможным. Метаданные сами по себе не позволяют идентифицировать лицо, но в совокупности с другими уникальными данными могут служить для установления личности.

Большинство людей не думают об этом, но по умолчанию их веб-браузеры содержат тысячи файлов куки. Такие цифровые следы, которые в сочетании с иной уникальной информацией, могут быть использованы для создания профилей и идентификации пользователей, что неразрывно связывает куки с институтом персональных данных [4].

Данные в файлах куки могут быть признаны персональными данными, если они прямо или косвенно относятся к определенному или определяемому физическому лицу. Например, к персональным данным в файлах куки можно отнести псевдоним (никнейм) пользователя, телефон или адрес электронной почты. И такого подхода достаточно долго придерживались государственные органы (например, письмо Минкомсвязи России от 7 июля 2017 г. № П11-15054-ОГ, постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 1 июля 2016 г. № 13АП-10775/2016). Однако в определении Верховного Суда Российской Федерации от 21 июля 2023 г. № 305-ЭС23-12160 установлено, что даже связанные данные «электронная почта и номер телефона» не являются неизменными и уникальной информацией, позволяющей идентифицировать человека. И действительно, у одного человека может быть несколько электронных почт для разных целей.

На практике, как правило, для получения согласия пользователя при входе на сайт его уведомляют, что, если он останется на сайте, он автоматически соглашается на сбор и последующую обработку файлов куки.

В отношении IP-адреса суды также не отличаются единством мнений. Некоторые суды IP-адрес к персональным данным не относят (Постановление 13-го ААС по делу № А56-75017/2014 от 01.06.2015), а другие, наоборот, признают (Решение АС Челябинской обл. по делу № А76-29008/2015 от 11.02.2016). Представляется, что статичный IP-адрес относится к персональным данным, так как по нему идентифицировать человека можно [5].

Некоторые злоумышленники стремятся завладеть файлами куки, например, с целью получения данных банковских карт или таргетинговой рекламы.

Таким образом, в настоящее время весьма сложной видится проблема составления перечня метаданных и определения их в качестве персональных данных. Отсутствие легального определения идентификаторов зачастую приводит к противоречивой правоприменительной практике.

Пожалуй, самой значимой и актуальной проблемой обеспечения защиты персональных данных в сети Интернет является их утечка. С каждым годом число атак растет, и они усложняются.

Звонки из якобы службы безопасности банка, сообщения о выигрыше, СМС о блокировке карты – это типичные показатели утечки информации, причем часто люди сами «отдают» свои персональные данные в Интернет, оформляя Интернет-заказы и регистрируясь в личном кабинете.

Одним из ключевых направлений по реализации государственной политики в сфере обеспечения информационной безопасности как раз называется снижение до минимально возможного уровня количества утечек персональных данных (пп. 6 п. 57 Указа Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»).

Следует отметить, что в российском законодательстве определение «утечки персональных данных» отсутствует, но на практике под ней понимают неправомерную или случайную передачу (предоставление, распространение, доступ) персональных данных, повлекшую нарушение прав субъектов персональных данных. При этом в Федеральном законе «О персональных данных» отсутствует даже упоминание об утечке личной информации, что можно признать некоторым упущением, исходя из тех существенных негативных последствий, к которым может привести неправомерный доступ и использование персональных данных.

В связи с увеличением числа утечек персональных данных Роскомнадзор подготовил Рекомендации для операторов от 8 августа 2023 года, обрабатывающих такие данные¹. По мнению ведомства, нужно отказываться от практики сбора личной информации «на всякий случай» и уничтожать их, как только достигается цель сбора. А бизнесу Роскомнадзор посоветовал отказаться от зарубежных VPN-сервисов и переводить информационные системы на инфраструктуру в России.

Также рекомендовано минимизировать перечень собираемых персональных данных и обрабатывать лишь те, которые действительно

¹ Рекомендации Роскомнадзора операторам персональных данных. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74733.htm> (дата обращения: 20.08.2025).

необходимы для оказания услуг, продажи товаров и иной деятельности организации.

Масштаб и объем утечек персональных данных в сети Интернет указывают на несовершенство законодательной базы и технических средств, а также на большую роль человеческого фактора. Ужесточение юридической ответственности не всегда, на наш взгляд, способно снизить утечки персональных данных, а может вызвать обратный эффект, связанный с максимальным сокрытием факта утечки личной информации. Так, например, осенью 2024 г. были приняты два закона: об ужесточении уголовной и административной ответственности за нарушения в области персональных данных. В УК РФ была введена новая статья 272.1, предусматривающая ответственность за незаконные действия с компьютерной информацией (незаконное использование и (или) передача, сбор и (или) хранение), содержащей персональные данные, а также за создание и обеспечение функционирования информационных ресурсов для их незаконного хранения и распространения (данная статья вступила в силу с 11 декабря 2024 г.). В КоАП РФ в статью 13.11 добавлены девять новых составов правонарушений и значительно увеличены штрафы за действия (бездействие), приведшие к незаконной передаче (утечке) персональных данных. Также ужесточены меры наказания за непредставление уведомлений в Роскомнадзор (данные изменения вступили в силу с 30 мая 2025 г.).

Представляется, что российское законодательство нуждается в совершенствовании механизма по обеспечению защиты персональных данных граждан в цифровом пространстве в части реализации вышеуказанных предложений, а также в целом в части формирования культуры обработки персональных данных [6-8].

Важной частью формирования культуры использования персональных данных является образование и повышение общественной осведомленности. Продвижение культуры ответственного обращения с личной информацией требует участия государства, образовательных учреждений и общественных организаций. Обучение людей навыкам цифровой грамотности и принципам кибербезопасности способствует развитию здоровой цифровой культуры, которая включает в себя правильное отношение к личным данным.

Параллельно развитию культуры использования персональных данных важно развивать технологические решения и законодательные нормы, которые обеспечивают защиту данных и соблюдают права на приватность. Это включает в себя разработку технологий шифрования, методов анонимизации данных и прозрачных систем управления доступом к информации.

В конечном итоге, важно отметить, что формирование культуры использования персональных данных требует усилий общества в целом. Она становится ключевым аспектом развития экономики данных и содействует устойчивому и безопасному развитию общества в цифровую эпоху.

Список литературы:

1. Подузова Е.Б. Пользовательское соглашение, соглашение о конфиденциальности: особенности содержания в контексте использования технологий искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 2. С. 71 - 78. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.147.2.071-078.
2. Дмитриева Е.Г. Проблемы защиты персональных данных в цифровом мире и пути их решения // Право и бизнес. 2021. № 3. С. 18 - 23.
3. Гушин В.В., Добровинская А.В. Пользовательское соглашение в сети Интернет // Журнал «Копирайт (Вестник Академии интеллектуальной собственности)». 2021. № 3, июль-сентябрь.
4. Терещенко Л.К. Правовой режим персональных данных и безопасность личности // Закон. 2013. № 6. С. 36-43.
5. Балдынова А. Персональные данные // Трудовое право. 2020. № 7. С. 27 - 34; Административное право. 2020. № 4. С. 23 - 27.
6. Минбалеев А.В., Сторожакова Е.Э. Проблемы правовой охраны персональных данных в процессе использования нейронных сетей // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2 (102). С. 71-79.
7. Правовое регулирование оборота персональных данных в условиях современных вызовов и угроз: монография. Саратов : ООО "Амрит", 2023. 138 с.
8. Минбалеев А. В. Проблемные вопросы понятия и сущности персональных данных // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2012. № 2(4). С. 4-9.

References:

1. Poduzova E.B. User agreement, confidentiality agreement: content features in the context of using artificial intelligence technologies // Actual problems of Russian law. 2023. № 2. pp. 71-78. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.147.2.071-078. (In Russ).
2. Dmitrieva E.G. Problems of personal data protection in the digital world and ways to solve them // Law and business. 2021. № 3. pp. 18-23. (In Russ).
3. Gushchin V.V., Dobrovinskaya A.V. User agreement on the Internet // Journal "Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property)". 2021. № 3, July-September. (In Russ).
4. Tereshchenko L.K. The legal regime of personal data and personal security // Law. 2013. № 6. pp. 36-43. (In Russ).
5. Baldynova A. Personal data // Labor law. 2020. № 7. pp. 27-34; Administrative law. 2020. No. 4. pp. 23-27. (In Russ).
6. Minbaleev A.V., Storozhakova E.E. Problems of legal protection of personal data in the process of using neural networks. Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2023. № 2 (102). 2023. № 2 (102). Pp. 71-79. (In Russ).
7. Legal Regulation of Personal Data Circulation in the Context of Modern Challenges and Threats: Monograph. Saratov : ООО "Amirit", 2023. 138 p. (In Russ).
8. Minbaleev A.V. Problematic issues of the concept and essence of personal data // Bulletin of the Ural Federal District. Information security. 2012. № 2(4). pp. 4-9. (In Russ).

О ТРАНСФОРМАЦИИ МОДЕЛЕЙ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ON THE TRANSFORMATION OF LAND OWNERSHIP MODELS IN MODERN CONDITIONS

МИСНИК Галина Анатольевна,

Доктор юридических наук, Профессор кафедры земельного и экологического права

Российского государственного университета правосудия.

117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69.

E-mail: galmisnik@yandex.ru;

MISNIK Galina Anatolyevna,

Doctor of Law Professor of the Department of Land and Environmental Law Russian State University of Justice.

69 Novocheremushkinskaya str., Moscow, 117418, Russia.

E-mail: galmisnik@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются вопросы совершенствования правовой модели права собственности на землю в сфере современных вызовов развития градостроительного законодательства. Задача правового обеспечения динамичного осуществления градостроительных решений на основе упрощения процедур использования земель диктует необходимость определения правовых средств достижения баланса публичных и частных интересов в рассматриваемой сфере. В судебной практике широко распространены споры о защите прав, нарушенных при реализации приоритетных проектов развития территорий. Существенное значение имеют вопросы определения оснований установления ограничений прав на землю, принудительного прекращения прав и защиты прав собственников земельных участков при осуществлении проектов, направленных на обеспечение государственных и муниципальных нужд. В статье обосновывается мнение о необходимости изменения подхода законодателя к определению правовой модели права собственности на землю. Предлагается применение правовой конструкции расщепленной собственности в сфере земельного оборота, характеризующегося разнонаправленностью интересов, реализуемых различными участниками земельных правоотношений. Автор ссылается на позиции ученых, которые доказывают юридическую возможность применения модели расщепленной собственности в рамках континентальной правовой системы.

Abstract: The article discusses the issues of improving the legal model of land ownership in the context of modern challenges in the development of urban planning legislation. The task of legal support for the dynamic implementation of urban planning decisions based on simplifying the procedures for land use necessitates the identification of legal means to achieve a balance between public and private interests in this area. In judicial practice, disputes related to the protection of rights that have been violated during the implementation of priority development projects are widespread. The issues of determining the grounds for imposing restrictions on land rights, the forced termination of rights, and the protection of the rights of landowners during the implementation of projects aimed at meeting public and municipal needs are of significant importance. The article substantiates the need for a change in the legislator's approach to defining the legal model of land ownership. The article proposes the use of the split ownership model in the regulation of land relations characterized by the diversity of legal interests pursued by various participants in land relations. The author refers to the positions of scholars who prove the legal possibility of applying the split ownership model in countries with a continental legal system.

Ключевые слова: право собственности, расщепленная собственность, права на землю, разделение правомочий собственника, позиции судов, ограниченные вещные права, защита прав на землю, ограничение прав, принудительное прекращение прав.

Keywords: ownership, split ownership, land rights, division of ownership rights, court positions, limited property rights, protection of land rights, restriction of rights, forced termination of rights.

Для цитирования: Мисник Г.А. О трансформации моделей права собственности на землю в современных условиях // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 147-150. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_147.

For citation: Misnik G.A. On the transformation of land ownership models in modern conditions // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 147-150. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_147.

Статья поступила в редакцию: 20.07.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Развитие градостроительного законодательства в Российской Федерации характеризуется направленностью на приоритетное обеспечение создания новых объектов инфраструктуры с учетом оценки их социально-экономического значения. Для обеспечения динамичной застройки территорий в законодательстве предусмотрен упрощенный порядок использования земель и земельных участков, при котором изменение их разрешенного использования осуществляется независимо от воли собственника земельного участка, с ограничением или полным исключением возможности дальнейшего использования земельного участка в соответствии с его первоначальным назначением. Конкуренция публичных и частных интересов при этом в большинстве случаев разрешается с позиций приоритета публичных интересов, поскольку предоставляемая собственнику компенсация утраченной стоимости земельного участка, как правило, является несоразмерной реальным убыткам собственника. Неоднозначность судебной практики разрешения споров о защите прав на землю при изменении правового режима земельного участка в значительной степени вызвана правовой неопределенностью в вопросе о содержании права собственности на землю.

Так, из разъяснений Конституционного Суда РФ следует, что при утрате одного из правомочий собственника право собственности не прекращается. Данный подход отражен в Постановлениях Конституционного Суда РФ от 05.03.2020 № 11-П «По делу о проверке конституционности подпунктов 4 и 5 пункта 1 и пункта 5 статьи 57 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.С. Бутримовой»¹ (далее – Постановление Конституционного Суда РФ №11) и от 28.01.2025 № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 12, 209 и 304 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 5 статьи 1 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» в связи с жалобами граждан Н.И. Гришиной, Н.З. Гулордавы и других»¹.

В постановлении Конституционного Суда РФ №11 предметом рассмотрения явилась норма статьи 57 Земельного кодекса РФ, предусматривающая основания защиты права на земельный участок. Поводом к рассмотрению жалобы явился правовой спор о защите права на зем-

¹¹ СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1639

лю, нарушенного в связи с изменением правового режима земельного участка. По материалам дела, участок, приобретенный в собственность с целью строительства, был решением органов местного самоуправления включен в состав земель общего пользования, вследствие чего утрачена возможность использования спорного участка для строительства. Конституционный Суд РФ признал недействующей статью 57 ЗК РФ в части, содержащей неопределенность в вопросе об основаниях защиты права. При этом пришел к выводу о существовании права на земельный участок в измененном виде после изменения его правового режима. Итогом данного заключения явилось формирование позиции об обязательности выплаты собственнику участка возмещения в размере утраченной стоимости участка при сохранении права собственности на участок. Постановлением Правительства РФ от 27 января 2022 года №59 «Об утверждении Положения о возмещении убытков при ухудшении качества земель, ограничении прав собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков, а также правообладателей расположенных на земельных участках объектов недвижимости и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» предусмотрена возможность заключения соглашения о выкупе земельного участка по требованию собственника участка в случаях, когда невозможность использования участка обусловлена установлением ограничения права в виде зон с особыми условиями использования территорий². Следует отметить, что данное постановление не подлежит применению к ситуациям, когда невозможность использования участка вызвана изменением правового режима без установления названных зон. Для ситуации изменения правового режима вне связи с установлением зон вопрос о защите прав собственников остался нерешенным.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 28.01.2025 № 3-П Конституционный Суд РФ противопоставил такие виды владения, как владение публично-правового образования и владение частного лица. Как указал Конституционный Суд РФ, владение публично-правового образования отличается по своей форме от владения частного лица (абз.9 п.5.2 постановления №3)³. В тех случаях, когда владение частного лица конкурирует с владением публично-правового образования и одновременно установлены признаки неиспользования участка частным владельцем, право публично-правового образования подлежит защите по правилам негаторного иска (ст.304 ГК РФ).

Приведенные позиции Конституционного Суда РФ отражают подход о дифференцированном регулировании содержания права частной и публичной собственности. Обоснован этот подход ссылкой к части 1 статьи 9 Конституции РФ, предусматривающей приоритет публичных интересов в сфере земельных правоотношений. Согласно данной норме земля и другие природные ресурсы используются и охраняются как основа жизнедеятельности народов, проживающих на соответствующей территории.

В правовой литературе отмечается необходимость «конструктивного диалога по нахождению оптимального соотношения норм частного и публичного права в регулировании отношений по использованию земель и других природных ресурсов»⁴.

Вопрос о правовом значении публичного интереса в сфере земельных правоотношений имеет принципиальное значение для определения правовой модели собственности на землю. Для континентальной правовой системы характерно использование конструкции ограниченных вещных прав, исключающей модель расщепленной собственности. В правовой литературе отмечается, что конструкции ограниченных вещных прав, воспринятой континентальной правовой системой, присущи некоторые черты, свойственные расщепленной собственности, однако есть и существенное отличие, которое, по мнению авторов, исключает рецепцию расщепленной собственности в странах континентальной правовой системы. Таким существенным отличием является направленность реализации ограниченного вещного права и обязательственного права на обеспечение интереса правообладателя данного права только в той мере, в которой этот допускает закон и собственник объекта. Это следует из содержания пункта 2 статьи 264 ГК РФ, согласно которой лицо, не являющееся собственником земельного участка, осуществляет принадлежащие ему права владения и пользования участком на условиях и в пределах, установленных законом или договором с собственником. Например, интерес собственника состоит в получении арендной платы от использования земельного участка арендатором. При этом арендатор использует участок для целей, установленных законом и/или договором.

Для расщепленной собственности характерна реализация каждым из собственников своего собственного интереса. В то время, как модель унитарной (элементарной) собственности предполагает абсолютную защиту собственника по отношению ко все иным правообладателям⁵.

Обращаясь к вопросу о правовой модели права собственности на землю, следует признать, что законодатель устанавливает правило о реализации права собственности на землю как в интересах частного собственника, так и для обеспечения публичных интересов. При этом правовым средством обеспечения публичных интересов выступают меры в виде ограничения права или принудительного прекращения права. Ни к одной из названных мер нельзя отнести принудительное изменение правового режима земельного участка, приводящее к невозможности осуществления права частной собственности на землю.

Характерным признаком разделенной собственности принято также рассматривать наличие распорядительных правомочий правообладателя имущества. Такая правовая конструкция предусмотрена для отдельных организационных форм юридических лиц. В частности, в литературе отмечается, что наличие распорядительных правомочий у частных, автономных и бюджетных учреждений есть не что иное, как элемент права собственности⁶.

В сфере земельных правоотношений проявлением энтропии права собственности на землю является наличие распорядительных правомочий у субъектов отдельных видов ограниченных вещных и обязательственных прав. Так, правомочие распоряжения в ограниченных преде-

¹¹ Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 29.01.2025,

² Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 29.01.2022

³ Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 29.01.2025

⁴ Голиченков А.К., Волков Г.А. Земля, другие природные ресурсы и развитие законодательства о вещном праве // Экологическое право. 2009. № 5/6

⁵ Михеева Л.Ю. Доверительное управление имуществом. М.: Юрист. 1999. 56-57

⁶ Семякин М.Н. Основные тенденции современного реформирования гражданского законодательства РФ. М.: Юрлитинформ. С.135

лах предусмотрено для права постоянного (бессрочного) пользования и правомочий арендатора.

Закрепление в законодательстве распорядительных правомочий для различных категорий правообладателей земельных участков обусловлено задачей развития оборота прав на земельные участки как фактора совершенствования рыночных отношений и обеспечения многообразного использования земель. Однако отсутствие целостной правовой модели распределения прав и обязанностей различных категорий правообладателей земельных участков порождает противоречивое толкование правовых норм, регулирующих реализацию прав на землю.

Законные интересы в сфере использования и охраны земель имеют разнонаправленный характер. Они связаны с обеспечением как публичных, так и частных интересов. По своему содержанию эти интересы могут иметь экономический, социальный и экологический характер. Задачей правового регулирования земельных отношений является обеспечение многообразных интересов участников земельных отношений. В сфере градостроительных отношений расширение правовых форм использования земель характеризует устойчивое развитие территории. Для имущественных отношений устойчивость развития определяется правовым критерием сохранения баланса интересов различных категорий правообладателей земельных участков (арендаторов, землевладельцев и землепользователей). В законодательстве содержится неопределенность в вопросе соотношения прав различных участников земельных правоотношений. Так, правомочие владения входит в содержание не только права собственности, но и иных вещных прав. При этом преимущества защиты права владения какого-либо определенного правообладателя закон не устанавливает. Так, при аренде и субаренде земельного участка владельцами являются все правообладатели. При неиспользовании ответственность возлагается на собственника в том числе. В судебной практике для обоснования этой позиции использована правовая конструкция аффилированности лиц (Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 12.09.2018 № Ф08-6768/2018 по делу № А32-29126/2017)¹.

Существующая в российском законодательстве модель унитарной (абсолютной) собственности не выдерживает вызовов времени, связанных с необходимостью реализации социального назначения института собственности на землю. Объективно отношения собственности на землю уже сегодня имеют сложно-структурный характер. Оборот земельных участков в ряде случаев отделен от оборота иной недвижимости. Так, здания, сооружения и земельные участки могут находиться в собственности разных лиц. Правомочие владения земельным участком законодательно не разграничено между собственником и иными правообладателями, что порождает судебные споры о разграничении прав и обязанностей различных правообладателей недвижимости. Примером служат споры о сносе самовольной постройки, созданной арендатором земельного участка в соответствии с требованиями градостроительного регламента, но с отступлением от договора аренды земельного участка (Определение Верховного Суда РФ от 29 ноября 2018 года №305-КГ18-19214²). Неоднозначное решение получают также споры об изъятии земельного участка, который не используется арендатором. Суды, удовлетворяя требование об изъятии, исходят из того, что передача участка в аренду не освобождает собственника от обязанности обеспечивать использование земельного участка, переданного в аренду (Определение ВС РФ от 28 августа 2017 г. № 301-КГ17-10784³).

В практике Конституционного Суда РФ признается законность такого административно-правового воздействия на отношения собственности, при котором прекращается возможность использования земельного участка (Постановление Конституционного Суда РФ 2020г. №11).

Фактически здесь имеет место расщепление собственности, т.к. собственник утрачивает возможность владения земельным участком, но формально собственник обладает данным имуществом на праве собственности, что порождает неоднозначное судебное толкование положений о праве собственности на землю. Реформа градостроительного законодательства, направленная на обеспечение приоритета пространственного развития, диктует необходимость изменения модели права собственности с разделением комплекса правомочий между различными собственниками с сохранением юридического господства (владения) за одним из собственников.

Расщепление возможно по горизонтали – например, право застройки, и по вертикали – права разделяются между частным собственником и публичной властью (право управления у субъекта публичной власти). Соотношение прав определяется исходя из градации ценностей. Э. Бем-Баверк обосновал целесообразность расщепления собственности на ряд правомочий, находящихся в обороте как самостоятельные права собственности на один и тот же объект, на основании теории субъективной природы ценностей. Блага делятся на полезные и ценные. Уровень ценности зависит от характера потребностей – есть те, от которых зависит наше существование, и те, которые полезны, но не критично⁴.

По мнению специалистов, явление энтропии в правовом регулировании оборота нарастает, что обусловлено задачей максимального использования многообразных полезных свойств объекта⁵. В правовой науке доказана целесообразность энтропии (расщепление) собственности целесообразна применительно к объектам с множественным функциональным значением⁶. Таким объектом является и земля. При этом конструкция эффективна, если не ущемляет права и интересы какого-либо одного или некоторых собственников. Задачей законодательства и является установление границ расщепления собственности, соответствующих принципам гражданского законодательства.

Применение этой модели в советский период нашло обоснование в трудах А.В. Венедиктова, который доказывал существование расщепленной собственности по вертикали. В современный период Ю.К. Толстой высказывает точку зрения о существовании разделенной собственности в правовом режиме имущества государственных корпораций⁷. Эта модель позволяет персонализировать ответственность различных правообладателей на основе установления конкретного объема правомочий. При расщепленной собственности правомочия вторичных собственников производны от воли основного собственника, наделенного правомочием владения.

¹ СПС Консультант Плюс

² СПС Консультант Плюс

³ СПС Консультант Плюс

⁴ Бем-Баверк Э. Основы теории ценности хозяйственных благ. Перевод с немецкого А. Санина. М.-Л.: Прибой. 1929г. С. 15-17

⁵ Семьякин М.Н., Губарева А.В., Степкин С.П. Энтропия собственности в западной и российской правовой доктрине и практике// Правоприменение. 2021. №5. С. 157

⁶ Там же

⁷ Толстой Ю.К. К разработке теории юридического лица на современном этапе// Проблемы современного гражданского права. Сб. статей. М.2000г. С.87

Объективная реальность диктует необходимость применения такой модели права собственности на землю, которая отражает интересы использования земельных участков для разнообразных целей при сохранении устойчивости права собственности на земельный участок. В наибольшей степени этим задачам отвечает модель сложно-структурно (расщепленной) собственности. Конструкция расщепленной собственности, признающая правомочие владения только за одним из собственников имущества, актуальна для современной правовой действительности.

Названная концепция имеет обоснование и с позиций реализации социального назначения института собственности на землю. Исторически право собственности на землю сформировано на основе функциональной модели (отличается от пространственной и абсолютной), которая предполагает возможность ограниченного функционального пользования одних и тех же земельных участками разными лицами (например, один участок предоставлялся одновременно для скотоводства, сенокосения и т.д.). В последующем функциональный подход сменился пространственным разделением участков между лицами. Появилась абсолютная собственность, при которой вся полнота правомочий по распоряжению участком принадлежит единственному собственнику.

Современные вызовы пространственного развития диктуют необходимость перехода к модели расщепленной собственности, сформированной на основе функционального определения социального назначения права собственности на землю. Для данной модели характерно деление правомочий собственника между разными лицами для различной функциональной цели (строительство, растениеводство и т.д.). При такой модели право собственности определяется как набор правомочий («пучек» правомочий), применение которых обеспечивает реализацию интереса собственника. Содержание права собственности при этом дифференцировано в соответствии с целевым назначением объекта. Такой подход отражен в современных кодификациях европейского права и в России¹. Данный подход позволяет разграничить пределы ответственности различных субъектов земельных правоотношений в части соблюдения требований рационального использования земель и надлежащей эксплуатации объектов строительства.

Критика модели разделенной собственности представлена в трудах Е.А. Суханова. Как отмечает Е.А. Суханов, модель разделенной собственности характеризуется внутренним противоречием в силу «невозможности установления двух одинаковых прав на одно и то же имущество»². Данный аргумент опровергается отсылкой к основным постулатам разделенной собственности, состоящим в разделении между собственниками правомочий различного содержания³. Ситуация разделенной собственности фактически возникает в случаях, когда «власть и интерес в отношении одного объекта так делятся между субъектами права, что ни одного из них нельзя признать «единственным субъектом присвоения»⁴. Второй аргумент против данной модели состоит в том, что расщепленная собственность как правовое явление не может быть встроена в правовую систему романо-германского типа⁵.

Представляется обоснованной высказанная в литературе позиция о том, что в российском законодательстве, хотя и не употребляется правовой термин «расщепленная собственность», а также понятие «доверительная собственность», однако закрепленная в гражданском законодательстве правовая конструкция права собственности и специальные нормы, регулирующие отношения собственности на землю, допускают такую модель правоотношений, при которой относительно определенного имущества могут существовать «относительно самостоятельные правомочия в том числе распорядительного характера»⁶.

В сфере земельных правоотношений фактическое разделение собственности усматривается применительно к случаям изменения правовых характеристик объекта права собственности. Так, земельное законодательство Российской Федерации не только допускает, но прямо предусматривает возможность одностороннего изменения правоотношений собственности по воле публичного субъекта без прекращения права собственности на земельный участок. В частности, такая ситуация возникает в случае изменения правового режима земельного участка независимо от согласия его собственника. Конституционный Суд РФ признает допустимым такое изменение режима в целях обеспечения публичных интересов в порядке «административно-регулятивного воздействия» (п.2 постановления КС РФ №11⁷). Правовая реальность в современных условиях развития оборота земель диктует необходимость рецепции рассматриваемой правовой конструкции расщепленной собственности.

Список литературы:

1. Бем-Баверк Э. Основы теории ценности хозяйственных благ. Перевод с немецкого А. Санина. М.-Л.: Прибой. 1929г. С. 15-17
2. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.-Л., 1948.
3. Гражданское право / Под ред. Е.А. Суханова. Т. 1. М., 2000. С. 491
4. Михеева Л.Ю. Доверительное управление имуществом. М.: Юрист. 1999. 56-57
5. Семякин М.Н. Основные тенденции современного реформирования гражданского законодательства РФ. М.: Юрлитинформ. 2021
6. Толстой Ю.К. К разработке теории юридического лица на современном этапе// Проблемы современного гражданского права. Сб. статей. М. 2000. С.87

References:

1. Boehm-Bawerk E. Fundamentals of the theory of the value of economic goods. Translated from the German by A. Sanin. M.-L.: Surf. 1929 p. 15-17
2. Venediktov A.V. State socialist property. Moscow, 1948.
3. Civil law / Edited by E.A. Sukhanov. Vol. 1. Moscow, 2000. p. 491
4. Mikheeva L.Y. Trust management of property. Moscow: Jurist. 1999. 56-57
5. Semyakin M.N. The main trends of modern reform of the civil legislation of the Russian Federation. Moscow: Yurilitinform. 2021
6. Tolstoy Yu.K. Towards the development of the theory of a legal entity at the present stage// Problems of modern civil law. Collection of articles. M.2000. p.87

¹ Семякин М.Н., Губарева А.В., Степкин С.П. Энтропия собственности в западной и российской правовой доктрине и практике// Правоприменение. 2021. №5. С.156-172

² Гражданское право / Под ред. Е.А. Суханова. Т. 1. М., 2000. С. 491

³ Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.-Л., 1948. С. 66.

⁴ Там же

⁵ Семякин М.Н. Основные тенденции современного реформирования гражданского законодательства РФ. М.: Юрлитинформ. С.134

⁶ Семякин М.Н. Указ соч. С.135

⁷ СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1639

ОРГАНИЗАЦИЯ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ БЛАГОУСТРОЙСТВА ПО МУНИЦИПАЛЬНОМУ, ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОМУ И ЭКОЛОГИЧЕСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ORGANIZATION AND IMPLEMENTATION OF MUNICIPAL, URBAN PLANNING, AND ENVIRONMENTAL LEGISLATION

БОГОЛЮБОВ Сергей Александрович,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ,
научный руководитель Отдела экологического и аграрного законодательства,
Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.
Россия. Москва. Б. Черемушкинская ул. 34.
E-mail: bogolyubovsa@mail.ru;

BOGOLYUBOV Sergey Alexandrovich,

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation,
Scientific Head of the Department of Environmental and Agrarian Legislation,
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.
Russia. Moscow. 34 B. Cheremushkinskaya Street.
E-mail: bogolyubovsa@mail.ru

Краткая аннотация. Многочисленные правовые требования к благоустройству распределяются по нескольким отраслям законодательства. Для упорядочения реализации предписаний, унификации терминологии необходимо уяснение и понимание их принадлежности, нахождение их места в регулировании общественных отношений, в российской правовой системе.

Abstract. Numerous legal requirements for landscaping are distributed across several branches of legislation. In order to streamline the implementation of regulations and unify terminology, it is necessary to clarify and understand their affiliation and their place in regulating social relations in the Russian legal system.

Ключевые слова: элементы благоустройства; функции муниципальных образований; принципы градостроительной деятельности; охрана окружающей среды; природные ресурсы.

Keywords: elements of urban planning; functions of municipal entities; principles of urban planning; environmental protection; natural resources.

Для цитирования: Боголюбов С.А. Организация и осуществление благоустройства по муниципальному, градостроительному и экологическому законодательству // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 151-154. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_151.

For citation: Bogolyubov S.A. Organization and implementation of municipal, urban planning, and environmental legislation // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 151-154. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_151.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Понятие «благоустройство» имеет несколько значений, отражающих комплекс мероприятий по созданию неотъемлемого ключевого элемента комфортной, безопасной и эстетически привлекательной среды для жизни, работы и отдыха людей, предусмотренной в Указе Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [1, с. 305—309]. Благоустройство является производным от земель, служащих основой жизни и деятельности, являющихся частью природы, и одновременно объектом права собственности. В литературе нередко отмечаются фрагментарность, коллизийность, некорректность, пробельность, а порой и противоречивость, размытость понятия «благоустройство», игнорирование его при регулировании хозяйственной, муниципальной, градостроительной, других видов хозяйственной и иной деятельности [2, с. 145-155; 3, с. 174 -177; 4, с. 5-13].

Его регулирование осуществляется многочисленными нормами и несколькими отраслями законодательства РФ. Основные предписания о благоустройстве содержатся в муниципальном, градостроительном, экологическом законодательстве. Прежде всего, задачи осуществления благоустройства отнесены к ведению муниципальных образований. Аморфность понятия «благоустройство» позволяет отнести к ведению муниципалитетов ряд функций, относимых разными правовыми актами, к задачам обеспечения благоустройства.

Согласно Федерального закона от 6.10.2003 № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» к вопросам местного значения ряда муниципальных образований в их границах (с различными вариациями в зависимости от вида муниципального образования и органа местного самоуправления), близким к понятию «благоустройство», можно отнести: создание условий для массового отдыха жителей и организация обустройства мест массового отдыха населения, включая обеспечение свободного доступа граждан к водным объектам общего пользования и их береговым полосам; участие в организации деятельности по сбору (в том числе раздельному) и транспортировке, обработке, утилизации, обезвреживанию, захоронению твердых коммунальных отходов; утверждение правил благоустройства территории, осуществление контроля за их соблюдением, организация благоустройства территории в соответствии с указанными правилами, а также организацию использования, охраны, защиты, воспроизводства городских лесов, лесов ООПТ, расположенных в границах муниципального образования; содержание мест захоронения; осуществление в пределах, установленных водным законодательством РФ, полномочий собственников водных объектов, информирование населения об ограничениях их использования (в муниципальных районах – утверждение правил использования водных объектов общего пользования для личных и бытовых нужд); осуществление мероприятий по отлову и содержанию безнадзорных животных, обитающих на территории муниципального образования; организацию мероприятий, в том числе межпоселенческого характера, по охране окружающей среды.

Более конкретно компетенция муниципалитетов по благоустройству определена в ст. 45.1 ФЗ № 131: содержание территорий общего пользования и порядка пользования такими территориями; внешний вид фасадов и ограждающих конструкций зданий, строений, сооружений; проектирование, размещение, содержание и восстановление элементов благоустройства; размещение и содержание детских и спортивных площадок, площадок для выгула животных, парковок (парковочных мест), малых архитектурных форм и др. [5, с. 53–59.; 6, с. 42–46].

Аналогичную концепцию преобладания муниципальных начал в организации и осуществлении благоустройства продолжил Федеральный закон от 20.03.2025 N 33-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти" (постепенно заменяющий ФЗ № 131), согласно ст. 32 которого к полномочиям органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения отнесено (п.12) утверждение правил благоустройства территории муниципального образования, организация благоустройства территории муниципального образования в соответствии с указанными правилами.

Не меньше предписаний об организации и осуществлении благоустройства содержится в ГрК РФ. Уже в п. 1 его ст.1 «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе», предусматривается, что градостроительная деятельность включает комплексное развитие территорий и их благоустройство. Согласно пункта 36) ст. 1 ГрК РФ благоустройство территории – это деятельность по реализации комплекса мероприятий, установленного правилами благоустройства территории муниципального образования, направленная на обеспечение и повышение комфортности условий проживания граждан, по поддержанию и улучшению санитарного и эстетического состояния территории муниципального образования, по содержанию территорий населенных пунктов и расположенных на таких территориях объектов, в том числе территорий общего пользования, земельных участков, зданий, строений, сооружений, прилегающих территорий; по п. 38) той же статьи ГрК РФ элементы благоустройства – это декоративные, технические, планировочные, конструктивные устройства, элементы озеленения, различные виды оборудования и оформления, в том числе фасадов зданий, строений, сооружений, малые архитектурные формы, некапитальные нестационарные строения и сооружения, информационные щиты и указатели, применяемые как составные части благоустройства территории; в соответствии с п. 37) прилегающей территорией считается территория общего пользования, которая прилегает к зданию, строению, сооружению, земельному участку в случае, если такой земельный участок образован, и границы которой определены правилами благоустройства территории муниципального образования в соответствии с порядком, установленным законом субъекта РФ (п. п. 36 - 38 введены федеральным законом от 29.12.2017 N 463-ФЗ).

В дальнейших нормах ГрК РФ организация и осуществление благоустройства регулярно увязываются с территориальным планированием, правилами землепользования и застройки, другими документами градостроительного зонирования и вопросами местного значения. Представление о благоустройстве дается в подзаконных актах. Постановлением Правительства РФ от 16 февраля 2008 года № 87 «О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию» в состав проектной документации включены решения по планировке, благоустройству, озеленению и освещению территории. Постановлением Правительства Москвы от 08.08.2017 № 515-ПП утверждены Базовые требования к благоустройству территории жилой застройки при реализации Программы реновации жилищного фонда в городе Москве [7, с. 76-84; 8, с.145-155].

Рассматривает благоустройство территории как отдельную область градостроительного нормирования с «озеленением и созданием общественных пространств» Приказ Минэкономразвития России от 15.02.2021 № 71 «Об утверждении Методических рекомендаций по подготовке нормативов градостроительного проектирования». Показательной выглядит также попытка Минэкономразвития России в части рекомендаций по определению параметров благоустройства территории при подготовке генплана, а также по включению благоустройства территории в состав большинства функциональных зон в качестве вида разрешенного использования земельного участка, что предусматривается в Приказе Минэкономразвития России от 06.05.2024 № 273 «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке проектов схем территориального планирования муниципальных районов, генеральных планов городских округов, муниципальных округов, городских и сельских поселений (проектов внесения изменений в такие документы)». Предлагается рассматривать благоустройство территории как отдельную область градостроительного нормирования, включающую также «озеленение и создание общественных пространств», куда наряду с площадками для выгула собак входят местного значения парки, бульвары, городские леса, набережные, пляжи, общественные туалеты в соответствии с Приказом Минэкономразвития России от 15.02.2021 № 71 «Об утверждении Методических рекомендаций по подготовке нормативов градостроительного проектирования».

По приказу Минфина России от 06.06.2019 N 85н (ред. от 21.03.2022) «О Порядке формирования и применения кодов бюджетной классификации Российской Федерации, их структуре и принципах назначения» (зарегистрировано в Минюсте России 08.07.2019 N 55171) с Приложением «О Порядке формирования и применения кодов бюджетной классификации Российской Федерации» по подразделу 0503 "Благоустройство" классификации расходов бюджетов подлежат отражению расходы на проведение мероприятий по содержанию территории муниципального образования, а также по проектированию, созданию, реконструкции, капитальному ремонту, ремонту и содержанию объектов благоустройства, направленных на обеспечение и повышение комфортности условий проживания граждан, поддержание и улучшение санитарного и эстетического состояния территории (включая расходы на озеленение территорий,. Кроме того, по данному подразделу классификации расходов бюджетов подлежат отражению расходы по организации и содержанию мест захоронения (кладбищ), мест захоронения бытовых отходов, а также другие расходы по благоустройству в границах муниципальных образований.

В результате на федеральном уровне, прежде всего в ГрК РФ, определены понятие «благоустройство территории» и другие термины, связанные с ним («элементы благоустройства», «прилегающая территория»), регламентировано проведение публичных слушаний и общественных обсуждений по проектам правил благоустройства территории. При этом понятие и содержание правил благоустройства как муниципального правового акта определяется в Законе о местном самоуправлении.

Меньше уделяется в литературе внимания природоохранной функции и цели благоустройства как элемента благоприятной комфортной среды, хотя благоприятная среда, согласно ст. 41 Конституции РФ, увязана, прежде всего, с окружающей природной средой, вследствие чего регулирование благоустройства относится не только к муниципальному, градостроительному, но и экологическому праву, чему можно привести ряд оснований, которые могут ориентировать комплекс мер по организации и осуществлению благоустройства в достаточно обширной совокупности законодательных положений [9; 10; 11, С. 31—36].

Во-первых, приведенные выше нормы муниципального законодательства о благоустройстве постоянно пересекаются, взаимодействуют с общими нормами об охране окружающей среды, экологической безопасности, рациональном использовании земли и других природных ресурсов. Во-вторых, большинство принципов законодательства о градостроительной деятельности, предусмотренных в ст. 1 и др. ГрК РФ, содержат в себе цели либо признаки охраны окружающей природной среды и составляющих ее природных ресурсов. В-третьих, в соответствии с актами и позициями КС РФ, мнением судьи КС РФ Г.А. Гаджиева, текст и содержание ГрК РФ направляются в основном на поддержание комфортной, окружающей человека среды, сердцевинной которой является природа. Как отмечается в преамбуле ФЗ об охране окружающей среды от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ, он регулирует отношения в сфере взаимодействия общества и природы, возникающие при осуществлении экономической (хозяйственной) и иной деятельности, связанной с воздействием на природную среду как важнейшую составляющую окружающей среды, являющуюся основой жизни на Земле.

В самом ГрК РФ – основном акте, предусматривающем благоустройство территории, предусматривается, что «программы комплексного развития систем коммунальной инфраструктуры поселения, муниципального округа, городского округа» должны обеспечивать сбалансированное, перспективное развитие систем коммунальной инфраструктуры, снижение негативного воздействия на окружающую среду и здоровье человека и повышение качества оказываемых услуг в сферах газо-, тепло-, водоснабжения и водоотведения, а также услуг по обработке, утилизации, обезвреживанию и захоронению твердых коммунальных отходов, а комплексное развитие территорий – это совокупность мероприятий, направленных на создание благоприятных условий проживания граждан, обновление среды жизнедеятельности и территорий общего пользования поселений, муниципальных округов, городских округов ((п. п. 23 и 34 ст. 1 ГрК).

Согласно ст. 44 «Требования в области охраны окружающей среды при размещении новых населенных пунктов и их развитии» ФЗ от 10 января 2002 г. они осуществляются в соответствии с требованиями в области охраны окружающей среды, в том числе проводятся мероприятия по сохранению и восстановлению природной среды, рациональному использованию природных ресурсов, обеспечению благоприятного состояния окружающей среды для жизнедеятельности человека, обитания растений, животных и других организмов; принимаются меры по обеспечению безопасного обращения с отходами производства и потребления; создаются лесопарковые зеленые пояса, проводятся озеленение территорий и иные мероприятия в области охраны окружающей среды.

Благоустройство подразумевает и на особо охраняемых природных территориях (см. ФЗ от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»): элементы благоустройства включены в Перечень объектов капитального строительства, возведение, эксплуатация и демонтаж которых допускаются при осуществлении рекреационной деятельности в национальных парках, утвержденный Распоряжением Правительства РФ от 26.08.2023 № 2294-р.

В итоге охрана природы зачастую превалирует в регулировании благоустройства, в том числе при относимых к благоустройству организации озеленения территории муниципального образования, включая порядок создания, содержания, восстановления и охраны расположенных в границах населенных пунктов газонов, цветников, иных территорий, занятых травянистыми растениями; размещении и содержании площадок для выгула животных; организации стоков ливневых вод; проведении земляных работ. Законом субъекта РФ могут быть предусмотрены иные вопросы, регулируемые правилами благоустройства территории муниципального образования, исходя из природно-климатических, географических и иных особенностей отдельных муниципальных образований.

Ряд нормативов организации благоустройства можно относить и к муниципальной, и к градостроительной, и к экологической отраслям права. Так, ГОСТ Р 70386—2022. Национальный стандарт Российской Федерации. Комплексное благоустройство и эксплуатация городских территорий. Определения, основные требования и процессы, ГОСТ Р 70387—2022. Национальный стандарт Российской Федерации. Комплексное благоустройство и эксплуатация городских территорий. Правила благоустройства муниципальных образований. Основные требования, процессы разработки и актуализации, ГОСТ Р 70390—2022. Национальный стандарт Российской Федерации. Комплексное благоустройство и эксплуатация городских территорий. Социокультурное программирование. Основные требования и процессы: их трудно вписать в какое-либо одно законодательное направление – техническое регулирование обычно причисляется к административному законодательству, но гости могут регулировать предметы самых различных отраслей, что может предполагать их причисление к управлению тех общественных отношений, регулирование которых они осуществляют [12].

Список литературы:

1. Мищенко В. В., Королева Е. Н. К вопросу об определении термина «благоустройство» в современных условиях // Известия Алтайского государственного университета. — 2012. — № 2-1 (74).
2. Кичигин Н.В. Благоустройство территории в системе градостроительной деятельности // Закон. 2025. № 3.
3. Сулейманова Т. Р. Развитие комплексного благоустройства территории // Научно-исследовательский центр "Technical Innovations". — 2021. — № 1.
4. Чистякова С. Б. Вопросы преемственности подходов к благоустройству и озеленению городов // Ландшафтная архитектура в эпоху глобализации. — 2021. № 1.
5. Сергеев А.А. О полномочиях органов местного самоуправления по регулированию благоустройства территории // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2.

6. Гриб В.В., Акинина Н.Ю., Белан Н.А. Участие граждан в подготовке и реализации проектов по благоустройству территории: анализ муниципальных нормативных актов муниципальных образований Ханты-Мансийского автономного округа — Югры // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 8.
7. Беляев В. Л. Благоустройство территории при градостроительном проектировании: аспект регулирования // Градостроительство, планировка сельских населенных пунктов. 2024. № 3.
8. Кичигин Н.В. Благоустройство территории при градостроительном проектировании: аспект регулирования // Закон. 2025. № 3.
9. Боголюбов С.А., Галиновская Е.А., Кичигин Н.В., Минина Е.Л. и др. Комментарий к Градостроительному кодексу РФ (постатейный). М. Проспект. 2020.
10. Болтанова Е.С. Романова О.А., Бандорин Л.Е. Градостроительное право. Учебник. М. Проспект. 2022. 312 с.
11. Журавлев П. А., Марукян А. М., Сборщиков С. Б. Критерии и этапы принятия организационных решений по благоустройству территорий // Строительство и техногенная безопасность. — 2022. — № 25 (77).
12. Belyaev V. Standardization of urban landscaping at the planning level: Russian practice // E3S Web of Conferences: Ural Environmental Science Forum "Sustainable Development of Industrial Region". — Chelyabinsk: EDP Sciences, 2023.

References:

1. Mishchenko V. V., Koroleva E. N. On the Definition of the Term "Amelioration" in Modern Conditions // Izvestiya of the Altai State University. — 2012. — No. 2-1 (74).
2. Kichigin N.V. Amelioration of the Territory in the System of Urban Planning Activities // Law. 2025. No. 3.
3. Suleymanova T. R. Development of Comprehensive Amelioration of the Territory // Research Center "Technical Innovations". — 2021. — No. 1.
4. Chistyakova S. B. Issues of Continuity of Approaches to Improvement and Greening of Cities // Landscape Architecture in the Era of Globalization. — 2021. No. 1.
5. Sergeev A.A. On the Powers of Local Self-Government Bodies to Regulate the Improvement of the Territory // Constitutional and Municipal Law. 2023. No. 2.
6. Grib V.V., Akinina N.Yu., Belan N.A. Participation of Citizens in the Preparation and Implementation of Projects for the Improvement of the Territory: Analysis of Municipal Regulations of Municipalities of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Ugra // State Power and Local Self-Government. 2020. No. 8.
7. Belyaev V. L. Territorial Improvement in Urban Planning: Regulatory Aspects // Urban Planning and Rural Settlement Planning. 2024. No. 3.
8. Kichigin N.V. Territorial Improvement in Urban Planning: Regulatory Aspects // Law. 2025. No. 3.
9. Bogolyubov S.A., Galinovskaya E.A., Kichigin N.V., Minina E.L., et al. Commentary on the Town Planning Code of the Russian Federation (by article). М. Проспект. 2020.
10. Boltanova E.S. Romanova O.A., Bendorin L.E. Urban Planning Law. Textbook. М. Проспект. 2022. 312 p.
11. Zhuravlev P. A., Marukyan A. M., Sborshchikov S. B. Criteria and Stages of Making Organizational Decisions on Territorial Improvement // Construction and Technogenic Safety. — 2022. — No. 25 (77).
12. Belyaev V. Standardization of urban landscaping at the planning level: Russian practice // E3S Web of Conferences: Ural Environmental Science Forum "Sustainable Development of Industrial Region". — Chelyabinsk: EDP Sciences, 2023.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОТХОДОВ LEGAL REGIME OF CONSTRUCTION WASTE

АНИСИМОВ Алексей Павлович,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин
Донского государственного технического университета
344000, Россия, город Ростов-на-Дону, площадь Гагарина, 1
E-mail: anisimovap@mail.ru

ANISIMOV Aleksey Pavlovich,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines
Don State Technical University.
1 Gagarin Square, Rostov-on-Don, Russia, 344000.
E-mail: anisimovap@mail.ru

Краткая аннотация: Обращение со строительными отходами является сложной межотраслевой задачей, требующей сочетания правовых, экономических, организационных мер. Учитывая масштаб строительства и объемы отходов, Россия объективно нуждается в переходе от существующего управления к новой системе, основанной на лучших международных практиках. Опыт ряда стран мира показывает, что при наличии политической воли можно существенно увеличить долю переработки отходов строительства, сократить нагрузку на полигоны, ликвидировать незаконные свалки. Внедрение в законодательство ряда эффективных мер позволит смягчить экологические проблемы и перейти к циркулярной экономике

Abstract: Construction waste management is a complex cross-industry task that requires a combination of legal, economic, and organizational measures. Given the scale of construction and the volume of waste, Russia objectively needs to move from the existing management to a new system based on the best international practices. The experience of a number of countries around the world shows that if there is political will, it is possible to significantly increase the share of construction waste recycling, reduce the burden on landfills, and eliminate illegal landfills. The introduction of effective measures into the legislation will help mitigate environmental problems and move towards a circular economy

Ключевые слова: Строительные отходы; утилизация; закон; окружающая среда; полигон; раздельный сбор; лицензирование; плата; зарубежный опыт; ущерб.

Keywords: Construction waste; disposal; law; environment; landfill; separate collection; licensing; fee; foreign experience; damage.

Для цитирования: Анисимов А.П. Правовой режим строительных отходов // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 155-158.
http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_155.

For citation: Anisimov A.P. Legal regime of construction waste // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 155-158.
http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_155.

Статья поступила в редакцию: 04.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Проблема обращения со строительными отходами приобретает все большую остроту в связи с ростом объемов строительства и сноса аварийных домов и иных объектов недвижимости. Такие отходы (бетон, кирпич, металлы, грунт, древесина и другие) составляют значительную долю общего объема отходов – например, в странах Европейского союза на них приходится более трети всех отходов.¹ Многие компоненты таких отходов потенциально пригодны для повторного использования или переработки, что соответствует целям «циклической экономики» (circular economy). Однако в российском законодательстве обращение с такими отходами урегулировано слабо. В Федеральном законе «Об отходах производства и потребления» от 24.06.1998 № 89-ФЗ установлены общие принципы государственной политики по обращению с отходами, определены базовые понятия и требования. При этом в тексте закона прямо не упоминаются отходы строительства как отдельная категория, хотя в статье 10 мы видим «требования в области обращения с отходами при архитектурно-строительном проектировании, строительстве, реконструкции, капитальном ремонте зданий, сооружений и иных объектов». Фрагментарные упоминания о строительных отходах есть и в других нормативных правовых актах. Так, согласно ст. 37 Федерального закона «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» от 30.12.2009 № 384-ФЗ, при прекращении эксплуатации здания (сооружения), его собственник обязан принять меры, предупреждающие причинение вреда людям и окружающей среде, а также осуществить мероприятия по утилизации строительного мусора. Разновидностью порчи земель признается их захламление, то есть размещение в неустановленных местах предметов хозяйственной деятельности, твердых производственных и бытовых отходов (металлолома, стеклобоя, древесных остатков, *строительного мусора* и т.д.).² В ряде субъектов РФ³ предусмотрена административная ответственность за нарушение порядка обращения с отходами *строительства и сноса*, но отсутствие системного регулирования продолжает создавать следующие проблемы:

- отсутствие раздельного сбора. На практике подавляющая часть строительного мусора выбрасывается населением на площадки для ТКО. Отсутствие обязательного раздельного сбора и системы пунктов приема приводит к тому, что ценные вторичные материалы (кирпич, стекло) не используются. При этом в содержании строительного мусора битый кирпич составляет 60%, железобетонные изделия 27%, отходы дерева и пластмасс 4%, отходы металлов 1%, керамические изделия (сантехническая керамика, стекло) 6%.⁴ По некоторым экспертным оценкам, более

¹ Баталов С.В. Утилизация строительных отходов при новом строительстве, сносе и рекультивации земель // *Перспективы науки*. 2021. № 5. С. 136.

² Письмо Федеральной службы по надзору в сфере природопользования от 23 мая 2012 г. № ВК-03-03-36/6231 «Об актуализации Методических рекомендаций, направленных письмом Росприроднадзора от 14.11.2011 № ВК-03-03-36/14757» // СПС «Консультант плюс», дата обращения 04.08.2025.

³ См., например, ст. 8.17 Кодекса города Москвы об административных правонарушениях от 21.11.2007 № 45.

⁴ Акри Е.П., Пташинский Д.Г. Эффективность переработки строительных отходов методом рециклинга // *Тенденции развития науки и образования*. 2021. № 72-1. С. 120.

58% видов отходов строительства и коммунального хозяйства могут быть использованы повторно в качестве вторичного сырья для производства работ и продукции, а 40% не утилизируемых горючих отходов – для получения тепловой энергии в различных отраслях экономики.¹

- нелегальный оборот отходов. Из-за недостатка контроля появилась целая сфера нелегальных услуг по вывозу строительного мусора.² Частные перевозчики за плату вывозят отходы, часто избавляясь от них противозаконным способом – выгружая ночью на чужие контейнерные площадки (в результате происходит их смешивание с ТКО) или в лесопосадках (оврагах). Особенно эта практика характерна для крупногабаритных отходов в крупных городах.

- неопределенность режима строительных отходов на стройплощадке. Отдельная проблема – момент, когда строительные материалы превращаются в отходы. В настоящее время Росприроднадзор может признать временно складированные на стройплощадке остатки материалов как отходы и потребовать от собственника платы за негативное воздействие (НВОС). Однако при длительных строительных работах невозможно немедленно вывезти все отходы.

- пробелы в регулировании лицензирования. В России отходы классифицируются по классу опасности (I – наиболее опасные, V – практически неопасные). Строительные отходы обычно являются малоопасными (IV-V класс), но формально при обращении с отходами I-IV классов требуется лицензия. Однако не ясно, к каким именно категориям относить различные смеси строительных отходов – например, остатки кирпича и бетона, грунта и строительного мусора. Размытость терминологии затрудняет и статистический учет отходов.

- отсутствие стимулов к переработке. В настоящий момент нет экономических стимулов для переработки строительных отходов.³ Плата за размещение таких отходов невысока, а риск штрафов за нелегальный выброс незначителен. Поэтому утилизация (переработка бетона в щебень, древесины в щепу) развивается медленно – инвесторы не уверены в стабильности поставок сырья и сбыта продукции. Механизмы экономического стимулирования не работают.

Перечисленные проблемы взаимосвязаны и усугубляют друг друга, что создает опасность как для окружающей среды, так и здоровья человека. В частности, даже обрезки обоев могут быть токсичны, т.к. помимо бумаги содержат краску и остатки клея, а при их горении могут выделяться диоксины и углекислый газ, причиняя вред здоровью человека. Вред окружающей среде от отходов древесины, которую используют в строительстве, в том, что она пропитана красителями, а газы, образующиеся при ее сжигании, содержат вредные примеси. Немалая опасность возникает для грунтовых вод – токсины попадают туда с мусорных свалок. При возгорании строительных отходов образовавшиеся токсичные вещества будут накапливаться в атмосфере и со временем выпадут в виде осадков, тем самым отравляя растительность.⁴ Главная правовая проблема состоит в том, что строительные отходы не отнесены к ТКО, и выпадают из системы регулирования, созданной для твердых коммунальных отходов.⁵ По закону, ответственность за утилизацию таких отходов несет их собственник (застройщик, подрядчик и т.д.), а региональные операторы по обращению с ТКО не обязаны заниматься их вывозом и переработкой. В отсутствие специальных правил, строительный мусор находился вне сферы деятельности коммунальных служб, и его вывоз остается «на совести» лиц, деятельность которых как раз и привела к возникновению строительных отходов.

Осознавая возникший правовой пробел, законодатель предпринял ряд шагов по его устранению. Так, в мае 2025 г. Государственная Дума РФ приняла в первом чтении Законопроект № 784334-8, направленный на совершенствование регулирования в сфере обращения с отходами строительства, реконструкции, капитального ремонта, сноса объектов капитального строительства, благоустройства территорий.⁶ В данном законопроекте есть ряд норм, которые будут способствовать решению обсуждаемой проблемы. В их числе – появление новой терминологии («отходы строительства и сноса» и ряд смежных терминов), что позволит устранить существующий пробел в праве – что считать строительными отходами. Это позволит определить момент, когда строительные материалы превращаются в отходы (например, при демонтаже), что важно для взимания платы за негативное воздействие на окружающую среду. Будут расширены полномочия субъектов РФ – им предлагается предоставить право утверждать собственные правила обращения с отходами строительства с учетом региональной специфики (требования к раздельному накоплению строительных отходов, к их транспортировке, объектам утилизации и захоронения, введение нормативов переработки и т.д.). Законопроектом определяются операторы, которые смогут официально заниматься вывозом и обработкой строительных отходов (в дополнение к существующим операторам ТКО). Предлагается внедрить систему электронных сопроводительных документов и мониторинга транспорта, перевозящего строительные отходы, по аналогии с системой ГЛОНАСС⁷ для ТКО. Интересной новацией является разрешение использовать отходы строительства без лицензии в целях самого строительства или благоустройства, если это прямо предусмотрено проектной документацией (строительным организациям разрешат повторно применять образованные отходы (например, дробленый бетон для укрепления площадки) без получения отдельной лицензии на обращение с такими отходами, что уменьшит бюрократическую нагрузку на бизнес). Законопроектом определяются статус и место в информационном обеспечении обращения с отходами региональных информационных систем, которые будут созда-

¹ Цховребов Э.С., Ниязгулов У.Д. Комплексное исследование отходов строительного и коммунального комплекса городского хозяйства как фактора экологической опасности // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2020. Том 10. № 3. С.436.

² Нелегальный вывоз мусора, или бизнес «серых возчиков» // <https://tvr24.ru/nelegalnyj-vyvoz-musora-ili-biznes-serykh-vozchikov/> (дата обращения 04.08.2025).

³ Дроздова И.В., Алиевская Н.В. Проблемы переработки строительных отходов при строительстве и реконструкции жилых зданий // Вестник гражданских инженеров. 2022. № 3. С. 174.

⁴ Булаев В.Г., Гушина Н.В., Кувшинов Д.Ю. Утилизация строительных отходов // Управление техносферой. 2020. Том 3. № 2. С.260.

⁵ Администрация муниципального образования Тбилисский район Краснодарского края. Официальный сайт. // <https://www.adm-tbilisskaya.ru/about/info/messages/46794/> (дата обращения 04.08.2025).

⁶ Законопроект № 784334-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» и Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/784334-8> (дата обращения 04.08.2025).

⁷ Глобальная навигационная спутниковая система, обеспечивает позиционирование объекта в пространстве.

ваться по решению высших исполнительных органов субъекта РФ, а также общие требования к указанным системам. Прямо перечислены и существенные условия двух договоров в сфере обращения с отходами. Ожидается, что принятие этих изменений заложит основы новой системы обращения со строительными отходами, которая должна навести порядок в сфере обращения со строительными отходами и снизить число не-санкционированных свалок. Все это означает, что российское законодательство находится в процессе реформирования, перенимая отдельные элементы, уже зарекомендовавшие себя за рубежом (цифровой контроль, нормативы утилизации, расширенная ответственность участников рынка и др.). Однако, как применительно к строительным отходам, так и всем остальным их видам, пока не удалось создать условия и стимулы для раздельного сбора и переработки отходов. В этом смысле представляет интерес опыт других стран мира, которые сталкиваются с теми же проблемами и активно ищут способы их решения.

Так, в ЕС управление строительными отходами регулируется преимущественно Директивой 2008/98/ЕС об отходах¹ и связанными с ней актами. Директива впервые обозначила строительные отходы в качестве приоритетного объекта регулирования, установив целевой показатель переработки: не менее 70% (по массе) неопасных строительных отходов должно направляться на подготовку к повторному использованию, рециклинг и другое практическое применение. Достижение этого показателя обязательно для всех стран-членов ЕС, что побудило их внедрять соответствующие национальные программы.

Кроме цели сокращения количества, европейские правовые акты акцентируются и на качественном обращении с отходами строительства: рекомендуется практика селективного сноса (раздельный демонтаж), позволяющая удалять опасные вещества (асбест, ртутные компоненты и т.п.) и сортировать материалы для высококачественной переработки. Также провозглашен приоритет предотвращения образования отходов – оптимизация проектирования зданий, чтобы минимизировать отходы при строительстве и в конце жизненного цикла. Практическая реализация этих принципов в разных странах ЕС пока неравномерна. Есть государства-лидеры, достигшие 90% уровня утилизации строительных отходов, и есть отстающие, утилизирующие 10%.² Средний показатель по ЕС приблизился к заданным 70%, причем значительная часть материалов идет на вторичное использование в вспомогательных целях – например, дробленый бетон и кирпич служат заполнителем при строительстве дорог.

Продолжается совершенствование законодательства ЕС: например, внедряются строгие ограничения на захоронение непереработанных отходов и разрабатываются стандарты на использование переработанных строительных материалов, чтобы обеспечить спрос на них. Таким образом, европейский подход сочетает директивные цели (квоты переработки, запреты вывоза по полигоны) и экономические инструменты (налоги на захоронение, ответственность производителей), стимулируя переход от размещения строительного мусора на полигонах к его максимально полному вовлечению в хозяйственный оборот.

В США обращение со строительными отходами регулируется преимущественно на уровне штатов и местных органов власти, при общей рамочной роли федерального закона о сохранении и восстановлении ресурсов (RCRA). Единого федерального стандарта, обязывающего перерабатывать строительные отходы, не существует – они относятся к категории твердых неопасных отходов и управление ими делегировано штатам. В результате существуют значительные различия между ними. Во многих штатах, особенно прогрессивных в экологическом плане (Калифорния, Массачусетс, Коннектикут и др.), введены собственные нормативы. Например, правовые акты Калифорнии требуют от застройщиков обеспечить минимум 65% переработки или повторного использования отходов, образующихся при строительстве и сносе. Практически это реализуется через обязанность представить план управления отходами строительства при получении разрешения на строительство. План должен перечислять все отходы по категориям и указывать лицензированные перерабатывающие компании или полигоны, куда они будут направлены. По завершении работ застройщик отчитывается перед городскими властями: предъявляет квитанции и акты приема отходов, подтверждающие соблюдение квоты переработки. Несоблюдение этих требований опасно для компаний штрафами или невозвратом залога (во многих муниципалитетах строительные компании вносят депозит, который возвращается при выполнении целей по утилизации).

Помимо прямых требований, в США широко используются и косвенные стимулы. Система добровольной экологической сертификации зданий LEED присуждает баллы за переработку значительной части строительных отходов, что побуждает многие строительные фирмы стремиться к 75-90% утилизации для получения высокого рейтинга. Некоторые штаты (например, Массачусетс) ввели запреты на захоронение определенных легко перерабатываемых материалов, включая бетон, древесину, металл – эти компоненты должны вывозиться на переработку. В последние годы в США ежегодно образуется около 600 млн тонн строительных отходов, из них порядка 76% направляются на повторное использование или переработку (большая часть они переработаны в виде кладочного материала при дорожных работах). Однако эти цифры очень неоднородны по стране: в отсутствии общенациональных требований ряд штатов слабо вовлечены в переработку, и значительная доля отходов строительства все еще отправляется на специальные полигоны или даже на обычные свалки (в некоторых штатах это разрешено). В контексте расширенной ответственности, в США прямого аналога европейских программ для строительных отходов нет. Однако принцип «загрязнитель платит» реализуется через требования к самим строительным проектам: тот, кто генерирует отходы, обязан оплатить их надлежащее удаление. Интересен локальный опыт некоторых городов – например, муниципалитеты вводят обязательную перепланировку вместо сноса для годных построек, что позволяет спасти ценные строительные компоненты.

В свою очередь, в Японии также есть интересный опыт законодательного стимулирования переработки строительных отходов. Он

¹ Directive 2008/98/EC of the European Parliament and of the Council of 19 November 2008 on waste and repealing certain Directives // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/LSU/?uri=CELEX%3A32008L0098>

² Попов В.Г., Бондаренко В.А., Добросоцких М.П. Анализ российского и европейского законодательства в области управления строительными отходами // Цифровая и отраслевая экономика. 2021. № 3. С. 59.

возник после того, как она столкнулась с критической нехваткой полигонных мощностей и волной незаконного размещения отходов. В 2000 г. был принят специальный Закон о переработке строительных материалов, который обязывает подрядчиков сортировать и перерабатывать отходы, образующиеся при сносе или строительстве крупных объектов. Требование применяется к строительству и сносу зданий выше определенных показателей (например, снос здания площадью более 80 м², строительство зданий более 500 м², крупные ремонты выше ¥100 млн и т.д.).¹ При таких работах застройщик обязан заранее подать план разборки и сортировки отходов в местные органы власти и обеспечить раздельный демонтаж материалов (бетон, асфальт, древесина и др.). Закон также требует, чтобы еще на стадии заключения договора подряда отдельно прописывались расходы на разборку и переработку – таким образом, стоимость утилизации заложена в проект изначально и не может быть «сэкономлена» незаконным способом.

Для выполнения работ по сносу введена система регистрации (лицензирования) подрядчиков: фирмы, занимающиеся демонтажем зданий, должны быть аккредитованы префектурой. Это препятствует появлению на рынке недобросовестных разборщиков, устраняющих отходы нелегально. Контроль за исполнением закона достаточно строгий: за несоблюдение требований по сортировке предусмотрены штрафы, а выявленные случаи незаконного захоронения приводят к уголовным санкциям. Благодаря данному закону и сопутствующим мерам (финансовая поддержка индустрии рециклинга, развитие технологий переработки) Японии удалось достигнуть впечатляющих результатов.

Наконец, в Республике Казахстан действует Экологический кодекс от 2 января 2021 г. № 400-VI ЗРК. Примечательно, что в ст. 351 ЭК РК предусмотрен перечень отходов, которые запрещено принимать на полигонах для захоронения. В их число входят и строительные отходы, под которыми понимаются отходы, образующиеся в процессе сноса, разборки, реконструкции, ремонта (в том числе капитального) или строительства зданий, сооружений, промышленных объектов, дорог, инженерных и других коммуникаций (ст. 376 ЭК РК).

Строительные отходы подлежат обязательному отделению от других видов отходов непосредственно на строительной площадке или в специальном месте. Смешивание строительных отходов с другими видами отходов запрещается, кроме случаев восстановления строительных отходов в соответствии с утвержденными проектными решениями. В Казахстане также запрещается накопление строительных отходов вне специально установленных мест.

Подводя итоги, следует заметить, что обращение со строительными отходами является сложной межотраслевой задачей, требующей сочетания правовых, экономических и организационных мер. Россия, учитывая масштаб строительства и значительные объемы отходов, объективно нуждается в переходе от существующей модели управления к новой системе, основанной на лучших международных практиках. Изученный опыт ЕС и других стран мира показывает, что при наличии политической воли возможно существенно увеличить долю переработки отходов строительства, сократить нагрузку на полигоны и ликвидировать незаконные свалки. Внедрение в российское законодательство об отходах производства и потребления новых эффективных мер (квот переработки, раздельного сбора, жесткого контроля и ответственности, стимулирования рынка вторсырья) позволит не только решить экологические проблемы, но и вовлечь строительные отходы в хозяйственный оборот как ценное вторичное сырье. Это соответствует стратегической линии на переход к стандартам экономики замкнутого цикла и устойчивому развитию, провозглашенных во многих государственных документах. Переход к новой модели обращения со строительными отходами обеспечит сохранение природных ресурсов, улучшение экологической обстановки и создание новых отраслей переработки, что в итоге принесет долгосрочную пользу российскому обществу и экономике.

Список литературы:

1. Акри Е.П., Пташинский Д.Г. Эффективность переработки строительных отходов методом рециклинга // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 72-1. С. 119-121.
2. Баталов С.В. Утилизация строительных отходов при новом строительстве, сносе и рекультивации земель // Перспективы науки. 2021. № 5. С. 135-140.
3. Булаев В.Г., Гушина Н.В., Кувшинов Д.Ю. Утилизация строительных отходов // Управление техносферой. 2020. Том 3. № 2. С. 259-270.
4. Дроздова И.В., Алиевская Н.В. Проблемы переработки строительных отходов при строительстве и реконструкции жилых зданий // Вестник гражданских инженеров. 2022. № 3. С. 171-177.
5. Попов В.Г., Бондаренко В.А., Добросотских М.П. Анализ российского и европейского законодательства в области управления строительными отходами // Цифровая и отраслевая экономика. 2021. № 3. С. 57-61.
6. Цховребов Э.С., Ниязгулов У.Д. Комплексное исследование отходов строительного и коммунального комплекса городского хозяйства как фактора экологической опасности // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2020. Том 10. № 3. С. 428-441.
7. Hibiki A. Recycling Laws and Their Evaluation in Japan // Introduction to Environmental Economics and Policy in Japan. Textbook (Ed. T.H. Arimura, A. Hibiki). Springer Nature Link, 2024. P. 91-106.

References:

1. Akri E.P., Ptashinsky D.G. Efficiency of recycling of construction waste by the recycling method // Trends in the development of science and education. 2021. No. 72-1. pp.119-121.
2. Batalov S.V. Utilization of construction waste during new construction, demolition and land reclamation // Prospects of Science. 2021. No. 5. pp.135-140.
3. Bulaev V.G., Guschina N.V., Kuvshinov D.Yu. Utilization of construction waste // Technosphere management. 2020. Volume 3. No. 2. pp. 259-270.
4. Drozdova I.V., Alievskaya N.V. Problems of processing construction waste in the construction and reconstruction of residential buildings // Bulletin of Civil Engineers. 2022. No. 3. pp. 171-177.
5. Popov V.G., Bondarenko V.A., Dobrosotских M.P. Analysis of Russian and European legislation in the field of construction waste management // Digital and industry economics. 2021. No. 3. pp. 57-61.
6. Tskhovrebov E.S., Niyazgulov U.D. Comprehensive study of waste from the construction and municipal complex of urban economy as an environmental hazard factor // Izvestiya vuzov. Investment. Construction. Realty. 2020. Volume 10. No. 3. pp. 428-441.
7. Hibiki A. Recycling Laws and Their Evaluation in Japan // Introduction to Environmental Economics and Policy in Japan. Textbook (Ed. T.H. Arimura, A. Hibiki). Springer Nature Link, 2024. P. 91-106.

¹ Hibiki A. Recycling Laws and Their Evaluation in Japan // Introduction to Environmental Economics and Policy in Japan. Textbook (Ed. T.H. Arimura, A. Hibiki). Springer Nature Link, 2024. P. 91-106.

**СПЕЦИФИКА ОКАЗАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ПЕНСИОНЕРАМ:
ОПЫТ РАБОТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ ИНСТИТУТА ПРАВА
ФГБОУ ВО «УФИМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ»
SPECIFICITY OF PROVIDING LEGAL ASSISTANCE TO PENSIONERS:
EXPERIENCE OF THE LEGAL CLINIC OF THE INSTITUTE OF LAW
AT UFA UNIVERSITY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY**

АЗАМАНОВА Лена Ленисовна,

старший преподаватель кафедры гражданского процесса Института права
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Уфимский университет науки и технологий».
450076, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.
E-mail: azamatova-lenara@mail.ru;

СЕМЕНОВА Елена Юрьевна,

старший преподаватель кафедры гражданского процесса Института права
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Уфимский университет науки и технологий».
450076, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.
E-mail: elena-127@mail.ru;

AZAMATOVA Lenara Lenisovna,

Senior Lecturer of the Department of Civil Procedure of the Institute
of Law Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ufa University of Science and Technology».
32 Zaki Validi str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450076, Russia.
E-mail: azamatova-lenara@mail.ru;

SEMENOVA Elena Yurievna,

Senior Lecturer of the Department of Civil Procedure of the Institute
of Law Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ufa University of Science and Technology».
32 Zaki Validi str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450076, Russia.
E-mail: elena-127@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена исследованию особенностей оказания бесплатной юридической помощи пенсионерам в рамках деятельности российских юридических клиник. Автор анализирует правовой статус пенсионеров. На основе эмпирических данных, статистика обращений в Юридическую клинику Института права ФГБОУ ВО «Уфимского университета науки и технологий» (2021–2024 гг.), выявлено, что пенсионеры составляют значительную долю среди клиентов (от 47% до 63% от общего числа обращений). Особое внимание уделяется социально-психологическим аспектам работы с данной категорией граждан. Приводятся примеры из практики юридических клиник. Автор выделяет ключевые проблемы, с которыми сталкиваются пенсионеры, а также трудности, возникающие у студентов-консультантов. В заключение предлагаются рекомендации по оптимизации взаимодействия, включая адаптацию коммуникативных стратегий.

Abstract: The article examines the specific aspects of providing free legal assistance to retirees within the framework of Russian legal clinics' activities. The author analyzes the legal status of retirees in Russia. Based on empirical data, including statistics on requests to the Legal Clinic of the Institute of Law at Ufa University of Science and Technology (2021–2024), it was revealed that retirees constitute a significant proportion of clients (ranging from 47% to 63% of total requests). Special attention is paid to the socio-psychological aspects of working with this demographic group. Case studies from legal clinic practices are presented. The author identifies key challenges faced by retirees, as well as difficulties encountered by student consultants. In conclusion, recommendations for optimizing interactions are proposed, including the adaptation of communication strategies to better address the needs of elderly clients. This study contributes to the improvement of legal aid practices for vulnerable populations and highlights the importance of specialized training for legal clinic participants.

Ключевые слова: пенсионеры, юридические клиники, бесплатная юридическая помощь, правовое консультирование, социально-психологические особенности.

Keywords: retirees, legal clinics, free legal aid, legal counseling, socio-psychological characteristics.

Для цитирования: Азаманова Л.Л., Семенова Е.Ю. Специфика оказания юридической помощи пенсионерам: опыт работы юридической клиники института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 159–161. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_159.

For citation: Azamatova L.L., Semenova E.Yu. Specificity of providing legal assistance to pensioners: experience of the legal clinic of the institute of law at Ufa University of Science and Technology // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 159–161. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_159.

Статья поступила в редакцию: 15.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Понятие «пенсионер» в российском законодательстве прямо не закреплено в едином нормативном акте, но его правовой статус определяется через условия назначения пенсии и связанные с этими правами. В соответствии со статьей 20 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [1], пенсионеры имеют права на бесплатную юридическую помощь. Соответственно, данная категория граждан обращается, в том числе, в юридические клиники, как в субъекты негосударственной системы бесплатной юридической помощи. Юридическая клиника является социально-правовым институтом повышения уровня юридической грамотности населения [3] и активно оказывает юридические консультации в разных форматах, в соответствии с законодательством.

Среди людей, обращающихся за юридической помощью в Юридическую клинику при Институте права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» (далее – Юридическая клиника Института права) значительную часть составляют пенсионеры [Семенова] (таб. 1).

Таблица 1. Количество людей, обратившихся за бесплатной юридической помощью в Юридическую клинику при Институте права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», в том числе пенсионеры

Год	Общее количество	Пенсионеры	Соотношение, %
2021	131	62	47
2022	110	89	63
2023	124	70	56
2024	164	89	54

В ходе приема граждан в Юридической клинике Института права студенты-консультанты не требуют обязательного предоставления пенсионного удостоверения, а фиксируют статус пенсионера на основании устного заявления обратившегося, отмечая соответствующий пункт в регистрационном листе. Однако в практике некоторых клиник, например, в юридической клинике РГЭУ (РИНХ) существует иной подход, который предполагает обязательную проверку документального подтверждения пенсионного статуса – пенсионное удостоверение [5].

Анализ различных подходов к верификации статуса пенсионеров позволяет перейти к рассмотрению более существенного аспекта – особенностям работы с данной группой населения. Многолетний опыт работы Юридической клиники Института права (с 1998 года) свидетельствует, что пенсионеры составляют категорию повышенной сложности для студентов-консультантов, что диктует необходимость разработки особых методов взаимодействия и учета большого количества факторов.

В первую очередь, надо учесть, что граждане пожилого возраста – это «люди с различным уровнем здоровья, образования, квалификацией, из разных социальных слоёв и самыми разнообразными интересами; характеризуются своими психологическими особенностями и наличием определённых проблем» [8]. Во-вторых, это «морально-нравственное состояние людей старшего возраста, у которых с выходом на пенсию меняется социальный статус, реальное положение в обществе, и по этой причине человек ищет объяснение своему новому состоянию, оценивает свой вклад в развитие общества и ищет для себя новые лифты социального развития» [6]. В-третьих, это социально-психологические особенности, такие как преданность обычаям и традициям, определёнными морально-нравственными качествами, собственной сформировавшейся системой мировоззрения [4]. Данная система убеждений влияет на поведение в рамках консультаций, так как они, чаще всего, убеждены в своей правоте, в том, что они «все знают», но при этом, не имеют представления о том, что предусмотрено законом [2]. Соответственно, возникают ситуации, когда пенсионеры становятся постоянными посетителями юридических клиник. В этой связи стоит отметить опыт юридической клиники при ВЮИ ФСИН России, где выделены «рекордсмены» по обращениям:

«Гражданин М. (пенсионер) - за 7 лет работы юридической клиники зафиксировано 77 обращений, что составляет примерно 17 % от общего количества. М., не имея никаких документов о присуждении ему статуса ветерана Великой Отечественной Войны, на протяжении последних 7 лет уклоняется от уплаты коммунальных платежей за принадлежащую ему на праве собственности квартиру.

Гражданка Р. (пенсионер) - 19 обращений (4 % от общего числа). Является потерпевшей по уголовному делу, имеет на руках решение суда о присуждении ей компенсации за причиненный вред здоровью, моральный ущерб. С решением суда категорически не согласна, получила ответ о пересмотре данного решения по всем жалобам, однако ответами не удовлетворена, ввиду чего регулярно посещает юридическую клинику и обращается с просьбами помочь ей составить очередную жалобу в вышестоящую инстанцию» [7]. Опыт юридической клиники при ВЮИ ФСИН России демонстрирует возможность формирования у пенсионеров устойчивой склонности к систематическому обращению в юрисдикционные органы без объективных правовых оснований.

Опыт работы Юридической клиники Института права показывает правовые проблемы, с которыми чаще всего сталкиваются пенсионеры: пенсионное обеспечение (начисление, перерасчет, индексация); ЖКХ (льготы, индексации); вопросы наследования; защита от мошенничества; социальные льготы и пособия и пр. Для улучшения качества юридической помощи для студентов-консультантов проводятся лекции, интерактивные мероприятия, встречи с практикующими специалистами, дополнительные консультации от разных преподавателей. Типичные сложности, которые возникают у студентов-консультантов: эмоциональная нагрузка в связи с учебной и новой работой в юридической клинике; ограничения полномочий клиники (невозможность представлять интересы в судебных структурах). Поэтому в работе с пенсионерами, учитывая вышеперечисленную специфику, дополнительно студентам следует разъяснить следующие аспекты:

- как выстраивать доверительный контакт с пожилыми людьми;
- особенности восприятия юридической информации (упрощение терминологии, темп речи);
- проявление терпения.

Таким образом, подобная информационная работа со студентами-консультантами юридических клиник позволит повысить эффективность оказания правовой помощи пенсионерам как особой социально уязвимой категории населения.

Список литературы:

1. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон, 21 нояб. 2011 г., № 324-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Асауляк Т. В. Особенности оказания бесплатной юридической помощи пенсионерам: на практике юридической клиники ШГПУ / Т. В. Асауляк; науч. рук. Н. В. Соколова // Юридическая клиника – школа обретения практических навыков юриста : тезисы докладов VII Межвузовской научно-практической конферен-

ции с международным участием студентов, преподавателей и выпускников юридических клиник, Минск, 4 мая 2017 г. / Белорусский государственный экономический университет, факультет права ; [редакционная коллегия: Н. И. Ивуть, Н. В. Насонов]. Минск : БГЭУ, 2017. С. 37-39.

3. Атагимова Э. И. Роль юридических клиник в системе оказания бесплатной юридической помощи Российской Федерации: история и современность / Э. И. Атагимова // Мониторинг правоприменения. 2021. № 3(40). С. 11-17. DOI 10.21681/2226-0692-2021-3-11-17. EDN WDZIQF.

4. Булатова Н. М. Психологические аспекты социально-правового консультирования пожилых граждан // Форум молодых ученых. 2018. № 12-1 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-aspekty-sotsialno-pravovogo-konsultirovaniya-pozhilyh-grazhdan> (дата обращения: 16.07.2025).

5. Габович А. А. Роль юридической клиники в системе оказания бесплатной юридической помощи / А. А. Габович, В. Маркович, Е. Медяник // Научные исследования студентов и учащихся: сборник статей XVII Международной научно-практической конференции: в 2 ч., Пенза, 30 апреля 2025 года. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. С. 100-103. – EDN KYNTVK.

6. Дроздова А. М. Правовые принципы и их реализация в сфере жизни пожилых людей в мире и в России // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-principy-i-ih-realizatsiya-v-sfere-zhizni-pozhilyh-lyudey-v-mire-i-v-rossii> (дата обращения: 16.07.2025).

7. Миронова Ю. В., Лавров В. А. Отдельные аспекты работы юридической клиники при Владимирском юридическом институте ФСИН России // Вестник УИС. 2016. № 8 (171). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-aspekty-raboty-yuridicheskoy-kliniki-pri-vladimirskom-yuridicheskom-institute-fsin-rossii> (дата обращения: 15.07.2025).

8. Садыков Р. М. Социальное обслуживание лиц пожилого возраста: правовые основы и технологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 4-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-obsluzhivanie-lits-pozhilogo-vozrasta-pravovye-osnovy-i-tehnologii> (дата обращения: 15.07.2025).

9. Семенова Е. Ю. Особенности оказания бесплатной правовой помощи юридическими клиниками / Е. Ю. Семенова // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2022. № 4(16). С. 133-138. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.16. EDN GJXAWM.

References:

1. On Free Legal Aid in the Russian Federation [Electronic resource]: Federal Law No. 324-FZ of November 21, 2011. Retrieved from the legal reference system "ConsultantPlus". (In Russian)

2. Asauliyak, T.V. (2017). Features of providing free legal assistance to pensioners: The practice of ShSPU Legal Clinic [Conference paper]. In N.I. Ivut & N.V. Nasonov (Eds.), "Legal Clinic - A School for Acquiring Practical Lawyer Skills: Proceedings of the 7th Interuniversity Scientific-Practical Conference with International Participation" (pp. 37-39). Belarus State Economic University. (In Russian)

3. Atagimova, E.I. (2021). The role of legal clinics in the system of free legal aid in the Russian Federation: History and modernity. Monitoring of Law Enforcement, 3(40), 11-17. <https://doi.org/10.21681/2226-0692-2021-3-11-17> (In Russian)

4. Bulatova, N.M. (2018). Psychological aspects of socio-legal counseling for elderly citizens. *Forum of Young Scientists, 12-1*(28). <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-aspekty-sotsialno-pravovogo-konsultirovaniya-pozhilyh-grazhdan> (Accessed: 16.07.2025) (In Russian)

5. Gabovich, A.A., Markovich, V., & Medyanik, E. (2025). The role of legal clinics in the system of free legal aid. *Scientific Research of Students and Pupils: Proceedings of the 17th International Scientific-Practical Conference* (Vol. 2, pp. 100-103). Nauka i Prosveshcheniye. (In Russian)

6. Drozdova, A.M. (2019). Legal principles and their implementation in the sphere of life of elderly people worldwide and in Russia. Legal Bulletin of Dagestan State University, 2. <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-principy-i-ih-realizatsiya-v-sfere-zhizni-pozhilyh-lyudey-v-mire-i-v-rossii> (Accessed: 16.07.2025) (In Russian)

7. Mironova, Yu.V., & Lavrov, V.A. (2016). Certain aspects of the legal clinic work at Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Vedomosti UIS, 8(171). <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-aspekty-raboty-yuridicheskoy-kliniki-pri-vladimirskom-yuridicheskim-institute-fsin-rossii> (Accessed: 15.07.2025) (In Russian)

8. Sadykov, R.M. (2022). Social services for the elderly: Legal framework and technologies. *International Journal of Humanities and Natural Sciences, 4-2*. <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-obsluzhivanie-lits-pozhilogo-vozrasta-pravovye-osnovy-i-tehnologii> (Accessed: 15.07.2025) (In Russian)

9. Semenova, E.Yu. (2022). Features of free legal aid provision by legal clinics. Bulletin of the Institute of Law of Bashkir State University, 4(16), 133-138. <https://doi.org/10.33184/vest-law-bsu-2022.16.16> (In Russian)

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_162

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ СЕМЕНОВОДСТВА LEGAL LIABILITY FOR VIOLATION OF LEGISLATION IN THE FIELD OF SEED PRODUCTION

АБАНИНА Елена Николаевна,

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного и экологического права
Саратовской государственной юридической академии.
410056, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, зд. 104, стр. 1.
E-mail: elena-abanina@yandex.ru;

УРКАЕВ Олег Олегович,

Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры земельного и экологического права
Саратовской государственной юридической академии.
410056, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, зд. 104, стр. 1.
E-mail: urkai4@bk.ru;

ABANINA Elena Nikolaevna,

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Land and Environmental Law,
Saratov State Law Academy.
104 Chernyshevsky st., Saratov, 410056, Russia.
E-mail: elena-abanina@yandex.ru

URKAEV Oleg Olegovich,

Candidate of Law, Senior Lecturer of the Department of Land and Environmental Law, Saratov State Law Academy.
104 Chernyshevsky st., Saratov, 410056, Russia.
E-mail: urkai4@bk.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с применением юридической ответственности за нарушение законодательства в области семеноводства. Устанавливается соответствие содержания деятельности по семеноводству, установленное в Федеральном законе «О семеноводстве» и ст. 10.12 КоАП РФ «Нарушение правил производства, заготовки, обработки, хранения, реализации, транспортировки и использования семян сельскохозяйственных растений». Сравнивается правовое регулирование сельскохозяйственного и лесного семеноводства, отмечается, что семена лесных растений имеют собственное специфическое правовое регулирование. Критически анализируется законопроект, предлагающий изменить состав объективной стороны ст. 10.12 КоАП РФ.

Abstract: The article examines issues related to the application of legal liability for violation of legislation in the field of seed production. The article establishes the compliance of the content of seed production activities established in the Federal Law "On Seed Production" and Art. 10.12 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation "Violation of the rules for the production, procurement, processing, storage, sale, transportation and use of seeds of agricultural plants". The legal regulation of agricultural and forest seed production is compared, it is noted that seeds of forest plants have their own specific legal regulation. A critical analysis of the draft law proposing to change the composition of the objective side of Art. 10.12 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation is provided.

Ключевые слова: сельское хозяйство, семеноводство, семена сельскохозяйственных растений.

Keywords: agriculture, seed production, seeds of agricultural plants.

Для цитирования: Абакина Е.Н., Уркаев О.О. Юридическая ответственность за нарушение законодательства в области семеноводства // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 162-164. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_162.

For citation: Abanina E.N., Urkaev O.O. Legal liability for violation of legislation in the field of seed production // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 162-164. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_162.

Статья поступила в редакцию: 24.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

За нарушение законодательства в области семеноводства сельскохозяйственных растений в соответствии со ст. 29 Федерального закона «О семеноводстве» [1] устанавливается ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации. Указанная норма имеет отсылочный характер к иному законодательству, не упоминая, какое конкретно законодательство имеется в виду. Исходя из общих положений о семеноводстве сельскохозяйственных растений, можно утверждать, что речь идет об административной ответственности, гражданско-правовой ответственности и возмещении причиненного вреда.

Классическим видом ответственности является административная, которая наступает за правонарушения, сконцентрированные в специальной 10 главе КоАП РФ «Административные правонарушения в сельском хозяйстве, ветеринарии и мелиорации земель». А именно за:

нарушение правил производства, заготовки, обработки, хранения, реализации, транспортировки и использования семян сельскохозяйственных растений (статья 10.12),

нарушение правил ведения документации на семена сельскохозяйственных растений (статья 10.13),

нарушение порядка ввоза на территорию Российской Федерации семян сельскохозяйственных растений (статья 10.14).

Большая часть нарушений в области семеноводства заключается в нарушении правил производства, заготовки, обработки, хранения, реализации, транспортировки и использования семян сельскохозяйственных растений. Выражается это в нарушении правил, которые установлены в главе второй Федерального закона «О семеноводстве» «Общие требования к производству (выращиванию), транспортировке и реализации семян сельскохозяйственных растений». При этом виды работ, входящие в перечень действий объективной стороны статьи 10.12 несколько отличаются от видов деятельности, к которым устанавливаются требования в законе «О семеноводстве». В законе перечисляются виды дея-

тельности, по содержанию составляющие семеноводство, а именно, производство (выращивание), хранение, транспортировка, реализация семян сельскохозяйственных растений. Можно обратить внимание, что в законе не перечисляются виды работ, составляющее производство, они упоминаются в статье 1 закона, содержащей основные понятия (производство включает в себя подготовку к посеву (посадке), посев (посадку), уход, уборку, обработку семян сельскохозяйственных растений, выращивание сеянцев, саженцев и выкапывание сельскохозяйственных растений).

Заслуживает внимания санкции статей 10.12-10.14 КоАП РФ. Несмотря на поддерживаемую государством политику по обеспечению продовольственной безопасности, основу которой составляет собственное обеспечение качественными семенами, например, за нарушения правил производства, заготовки, обработки, хранения, реализации, транспортировки и использования семян сельскохозяйственных растений предусмотрена санкция в виде предупреждения или наложения административного штрафа на граждан в размере от трехсот до пятисот рублей; на должностных лиц – от пятисот до одной тысячи рублей; на юридических лиц – от пяти тысяч до десяти тысяч рублей. На наш взгляд, очевидно, что размер наказания не соответствует той общественной опасности, которую несут такие правонарушения. Например, «по экспертным оценкам, потери урожая от использования сортов, не прошедших испытания в конкретных зонах возделывания, в стоимостном выражении составляют свыше 105,3 млрд. рублей в год» [2].

Россельхознадзор также неоднократно обращался с предложением повысить уровень ответственности хозяйствующих субъектов путем увеличения размера административного наказания [3]. В прошлом году Самарской Губернской Думой был также подготовлен законопроект о внесении изменений в ст. 10.12 КоАП РФ, включающий в себя предложения по ужесточению наказания. В частности, предлагается увеличить «размер штрафов для граждан до одной тысячи пятисот рублей, на должностных лиц – до трех тысяч рублей, на юридических лиц – до тридцати тысяч рублей» [4]. Кроме того в разработанном законопроекте инициаторами предлагаются терминологические изменения, приводящие текст диспозиции статьи в соответствие с Федеральным законом «О семеноводстве» в части определения семеноводства. Вместо словосочетания «правил производства, заготовки, обработки, хранения, реализации, транспортировки и использования» предлагаются термины «требований к производству (выращиванию), транспортировке и реализации». Такое изменение соответствует терминологии закона, однако, представляется, что недостаточно обоснованным является исключение из действий объективной стороны действия по использованию семян сельскохозяйственных растений.

До 4 августа 2023 года использование семян входило в содержание семеноводства [5]. Кроме того, указанный вид деятельности включался в состав семеноводства и в соответствии с предыдущим законом «О семеноводстве» от 17 декабря 1997 года [6], устанавливавшим правовые основы семеноводства до 2021 года.

В отношении использования семян устанавливались дополнительно требования, например, «запрет использования семян сельскохозяйственных растений, содержащих генно-инженерно-модифицированные организмы, за исключением посева (посадки) таких семян для проведения экспертиз и научных исследований; запрет использования семян сельскохозяйственных растений, роды и виды которых входят в перечень родов и видов сельскохозяйственных растений, производство и выращивание которых направлено на обеспечение продовольственной безопасности Российской Федерации; требование о проведении протравливания семян перед использованием на основании результатов экспертизы и др» [7].

Если бы статья 10.12 КоАП РФ именовалась как «Нарушение правил семеноводства», то исключение из объективной стороны использования семян подчинялось бы логике законодательства о семеноводстве, но ответственность установлена именно за набор определенных действий, совершаемых с семенами, и использование семян входит в перечень таких действий. В связи с этим, поддерживая предложение об ужесточении наказания, полагаем, что изменение терминологии, составляющей объективную сторону правонарушения излишне.

Также интерес представляет предмет правонарушения, а именно, семена сельскохозяйственных растений. До принятия нового федерального закона «О семеноводстве», эти отношения регулировались, как было отмечено ранее, Федеральным законом «О семеноводстве» 1997 года. В названном законе уточнялось, что он устанавливает правовую основу деятельности по семеноводству в отношении «семян сельскохозяйственных и лесных растений». И исследователи, комментировавшие статью 10.12 КоАП РФ, основываясь на понимании семеноводства исходя из его законодательного определения, делали вывод, что предметом преступления являются как непосредственно семена сельскохозяйственных растений, так и лесных растений (А.Б. Агапов [8], М.В. Пресняков [9], О.Л. Дубовик [10]).

В современном законодательстве, в том числе в связи с исключением семян лесных растений из предмета регулирования закона «О семеноводстве» семена лесных растений (или лесные семена) не относятся к семенам сельскохозяйственных растений, «они являются самостоятельным видом семян с самостоятельным правовым регулированием, поэтому за нарушение требований по обращению с лесными семенами виновные лица несут ответственность в соответствии со ст. 8.27 КоАП РФ (Нарушение требований лесного законодательства по воспроизводству лесов и лесоразведению)» [11]. Правила по обращению лесных семян урегулированы более детально, чем такие же правила в отношении семян сельскохозяйственных растений. Например, Порядком заготовки, обработки, хранения и использования семян лесных растений установлены требования, направленные как на сохранение самих семян, так и окружающей среды, которые не должен наноситься ущерб при сборе семян. Так, «при заготовке лесных семян запрещается обрубка плодоносящих ветвей на лесосеменных плантациях; сбор шишек сосны с применением очесывающих съемных приспособлений; применение приемов заготовки, вызывающих повреждения деревьев» [12]. Кроме того, как видим в отличие от семян сельскохозяйственных растений, в работы по лесному семеноводству включены действия по использованию семян. И это важный этап семеноводческого процесса, так как включает требования, например, по предпосевной подготовке для обеспечения массового прорас-

тания и повышения грунтовой всхожести проводится семя; способы и сроки использования семян и другие требования к их использованию.

С учетом степени важности семеноводства в условиях обеспечения продовольственной безопасности, представляется, что административная ответственность за нарушение правил производства, заготовки, обработки, хранения, реализации, транспортировки и использования семян сельскохозяйственных растений не должна претерпевать серьезных изменений в части сокращения перечня действий объективной стороны (использования), что позволит привлечь нарушителей к ответственности за использование семян сельскохозяйственных растений с нарушением требований законодательства.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 454-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О семеноводстве» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 1 (Часть I), ст. 23.
2. Проект Федерального закона № 319193-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О семеноводстве» и Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 21.03.2023). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> по состоянию на 21.03.2023
3. Доклад Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору с обзором практики осуществления видов государственного контроля (надзора) с указанием проблем их осуществления, наиболее часто встречающихся нарушений обязательных требований за 1 полугодие 2021 года. URL: <https://fsvps.gov.ru> по состоянию на 12.08.2021.
4. Проект Федерального закона № 377747-8 «О внесении изменений в статью 10.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (ред., подготовленная ГД ФС РФ ко II чтению, текст по состоянию на 21.02.2024). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> по состоянию на 21.02.2024
5. Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 485-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О семеноводстве» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 32 (Часть II), ст. 6217.
6. Федеральный закон от 17 декабря 1997 г. № 149-ФЗ «О семеноводстве» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 51, ст. 5715. Утратил силу.
7. Проект Приказа Минсельхоза России «Об утверждении Порядка хранения, производства и использования семян сельскохозяйственных растений» (подготовлен Минсельхозом России, ID проекта 02/08/09-22/00131149)
8. Агапов А.Б. Постатейный комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. Расширенный, с использованием материалов судебной практики: В 2 кн. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2004.
9. Постатейный комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях / Д.С. Велиева, А.С. Ермакова, Ю.В. Капитанец и др.; под ред. Э.Г. Липатова, С.Е. Чаннова. М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2008. 912 с.
10. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (постатейный) / А.Г. Авдейко, С.Н. Антонов, И.Л. Бачило и др.; под ред. Н.Г. Салищевой. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009.
11. Устинова А.Н. Правовое регулирование защиты и воспроизводства лесов: дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2024.
12. Приказ Минприроды России от 30 июля 2020 г. № 535 «Об утверждении Порядка заготовки, обработки, хранения и использования семян лесных растений». Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 08.12.2020 (дата обращения: 01.07.2025).

References:

1. Federal Law of December 30, 2021 No. 454-FZ (as amended on December 26, 2024) "On Seed Production" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 1 (Part I), Art. 23.
2. Draft Federal Law No. 319193-8 "On Amendments to the Federal Law "On Seed Production" and the Federal Law "On the Development of Agriculture" (as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of March 21, 2023). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> as of 21.03.2023
3. Report of the Federal Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance with an overview of the practice of implementing types of state control (supervision), indicating the problems of their implementation, the most common violations of mandatory requirements for the 1st half of 2021. URL: <https://fsvps.gov.ru> as of 12.08.2021.
4. Draft Federal Law No. 377747-8 "On Amendments to Article 10.12 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" (as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation for the 2nd reading, text as of 21.02.2024). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> as of 21.02.2024
5. Federal Law of August 4, 2023 No. 485-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Seed Production" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 32 (Part II), Art. 6217.
6. Federal Law of December 17, 1997 No. 149-FZ "On Seed Production" // Collected Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 51, Art. 5715. No longer in effect.
7. Draft Order of the Ministry of Agriculture of Russia "On Approval of the Procedure for Storage, Production and Use of Seeds of Agricultural Plants" (prepared by the Ministry of Agriculture of Russia, Project ID 02/08/09-22/00131149)
8. Agapov A.B. Article-by-article commentary to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses. Expanded, using materials of judicial practice: In 2 books. 2nd ed., corr. and add. Moscow: Statut, 2004.
9. Article-by-article commentary to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses / D.S. Velieva, A.S. Ermakova, Yu.V. Kapitanets et al.; edited by E.G. Lipatov, S.E. Channov. Moscow: GrossMedia, ROSBUKH, 2008. 912 p.
10. Commentary on the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses (article by article) / A.G. Avdeyko, S.N. Antonov, I.L. Bachilo et al.; edited by N.G. Salishcheva. 6th ed., revised and enlarged. Moscow: Prospect, 2009.
11. Ustinova A.N. Legal regulation of forest protection and reproduction: diss. ... Cand. of Law. Saratov, 2024.
12. Order of the Ministry of Natural Resources of Russia dated July 30, 2020 No. 535 "On approval of the Procedure for the procurement, processing, storage and use of forest plant seeds." Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>, 12/08/2020 (accessed: 07/01/2025).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ PUBLIC ADMINISTRATION IN THE FIELD OF PROTECTION AND USE OF WATER BODIES

БРЕДИХИН Алексей Леонидович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел России.

198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1.

E-mail: axel_b@mail.ru;

КОРОБОВ Николай Васильевич,

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры математики и информатики
Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел России.

198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1.

E-mail: nv-korobov@yandex.ru;

BREDIKHIN Aleksey Leonidovich,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.

E-mail: axel_b@mail.ru;

KOROBOV Nikolay Vasilyevich,

PhD in Engineering, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Mathematics and Computer Science
of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.

E-mail: nv-korobov@yandex.ru

Краткая аннотация: В настоящей статье авторы исследуют содержание управленческой деятельности государства в области охраны и использования водных объектов, ее видов, формы и инструменты. Среди важнейших направлений управленческой деятельности называют: государственный учет водного фонда; контроль в области использования и охраны вод; бассейновые соглашения и советы, другие бассейновые методы управления; федеральные и региональные полномочия, а также некоторые другие. В заключение отмечается наличие довольно развитой и современной системы государственного управления в области охраны и использования водных объектов, что дает уверенность в сохранении благоприятного состояния водных ресурсов.

Abstract: In this article, the authors examine the content of the state management activities in the field of protection and use of water bodies, its types, forms and tools. Among the most important areas of management activities are: state accounting of the water fund; control in the field of use and protection of water; basin agreements and councils, other basin management methods; federal and regional powers, as well as some others. In conclusion, it is noted that there is a fairly developed and modern system of public administration in the field of protection and use of water bodies, which gives confidence in maintaining a favorable state of water resources.

Ключевые слова: бассейн, бассейновые советы, водопользование, охрана водных объектов, водные объекты.

Key words: basin, basin councils, water use, protection of water bodies, water bodies.

Для цитирования: Бредихин А.Л., Коробов Н.В. Государственное управление в области охраны и использования водных объектов // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 165-167. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_165.

For citation: Bredikhin A.L., Korobov N.V. Public Administration in the Field of Protection and Use of Water Bodies // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 165-167. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_165.

Статья поступила в редакцию: 17.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Водные ресурсы - это часть природы и они находятся под охраной государства как основа жизни народов, населяющих нашу страну. Нормы об охране и бережном использовании природных (в том числе водных) ресурсов включены в Конституцию РФ, поэтому законы и подзаконные акты обязаны раскрывать соответствующие механизмы защиты и охраны водных объектов.

Между тем охрана и защита водных объектов не должна ограничивать естественное право граждан и коллективных субъектов на пользование соответствующими природными объектами, а также противоречить социальным и экономическим интересам общества и государства. Таким образом, действующее законодательство раскрывает компромиссный вариант учета публичных и частных интересов в использовании водных объектов. С одной стороны государство становится главным участником в деле охраны водных объектов, а с другой — организатором и контролером процессов использования водных объектов в гражданском обороте и хозяйственной деятельности.

Вопросу управления в области охраны и использования водных объектов посвящена глава 4 Водного кодекса РФ. Данная государственная деятельность осуществляется в разных формах и процедурах.

Известный специалист в области водного права Д.О. Сиваков выделяет несколько аспектов такой деятельности: государственный учет водного фонда; контроль в области использования и охраны вод; бассейновые соглашения и советы, другие бассейновые методы управления; федеральные и региональные полномочия [1, С. 168]. Такая классификация выглядит справедливой исходя из содержания названной главы ВК РФ, где указанные направления раскрываются в общем виде с учетом внесенных изменений и дополнений [2, С. 122-211].

Прежде всего ВК РФ устанавливает полномочия различных уровней власти в области водных отношений. Собственные полномочия

имеются соответственно на федеральном уровне (наибольший объем прав и обязанностей), уровне субъектов федерации, а также на местном уровне.

Специализированным органом управления водными объектами на федеральном уровне является Федеральное агентство водных ресурсов (Росводресурсы) в составе Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации.

Для каждого уровня власти важнейшим полномочием является владение, пользование и распоряжение водными объектами. Из положений статьи 8 ВК РФ следует, что только такие виды водных объектов как пруд и обводненный карьер могут быть в собственности субъекта РФ или органов местного самоуправления, а все остальные объекты по умолчанию являются федеральной собственностью. Отсюда очевидно, что объем полномочий федерального центра несоизмеримо больше, чем у органов региональной или местной власти. Однако, органы власти всех уровней наделены достаточной компетенцией для эффективного управления находящимися в их ведении водных объектов.

Обращает на себя внимание, что статья 26 ВК РФ содержит указание на право передачи отдельных полномочий в области водных отношений от Российской Федерации органам государственной власти субъектов РФ. Расходы на осуществление деятельности в рамках переданных полномочий осуществляются за счет федерального бюджета, поэтому формально региональные органы выполняют прямое поручение федерального центра. Передаваться могут полномочия по предоставлению в водопользование водных объектов, которые расположены в границах данных субъектов, а также по осуществлению водоохраных мероприятий. Федеральный центр тем самым использует управленческий потенциал региональных властей, которые смогут более эффективно с учетом особенностей конкретного субъекта реализовать государственные интересы в сфере водных отношений. Также в 2022 г. в ст. 26 внесено дополнение, согласно которому органы государственной власти субъектов Российской Федерации в свою очередь вправе наделять полномочиями Российской Федерации в сфере водных отношений муниципальные органы управления.

Несмотря на обозначенный территориальный подход в управлении водными ресурсами, такая структура регулирования не в полной мере подходит ввиду специфики связей водных ресурсов. В связи с чем был принят т. н. «бассейновый метод» [3, С. 23-36]. Так, согласно ст. 28 ВК РФ «бассейновые округа являются основной единицей управления в области использования и охраны водных объектов и состоят из речных бассейнов и связанных с ними подземных водных объектов и морей».

На текущий момент в России установлен 21 бассейновый округ, границы которых утверждены приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации¹. В каждом бассейновом округе создается территориальный орган федерального агентства водных ресурсов - Бассейновое водное управление, которое имеет свои территориальные отделы в субъектах федерации.

В целях обеспечения рационального использования и охраны водных объектов создаются бассейновые советы, осуществляющие разработку рекомендаций в области использования и охраны водных объектов в границах бассейнового округа. Их рекомендации учитываются при разработке схем комплексного использования и охраны водных объектов².

Статьей 30 ВК РФ предусмотрен государственный мониторинг водных объектов – система наблюдений, оценки и прогноза изменений состояния водных объектов, находящихся во всех формах собственности. Такой мониторинг является частью государственного экологического мониторинга (государственного мониторинга окружающей среды) и включает в себя ряд мероприятий и параметров, по которым можно судить о состоянии водных объектов.

В контексте учета водных объектов предусмотрено функционирование государственного водного реестра- систематизированный свод документированных сведений о водных объектах, находящихся в федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации, собственности муниципальных образований, собственности физических лиц, юридических лиц, об их использовании, о речных бассейнах, о бассейновых округах. Туда же вносятся сведения о договорах водопользования и решениях о передаче в пользование водных объектов. Государственный водный реестр создается в целях информационного обеспечения комплексного использования водных объектов, целевого использования водных объектов, их охраны, а также в целях планирования и разработки мероприятий по предотвращению негативного воздействия вод и ликвидации его последствий. Реестр носит открытый характер и любое заинтересованное лицо может получить нужную информацию и документы. Создание такого реестра позволяет аккумулировать актуальную информацию о водных объектах и осуществлять управление водными ресурсами, поддерживать их благоприятное состояние, а также реагировать на возможные риски.

Кроме того, осуществляется гидрографическое и водохозяйственное районирование территории Российской Федерации, на основании чего составляются схемы комплексного использования и охраны водных объектов.

Важным инструментом государственного управления является резервирование источников питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения на случай чрезвычайной ситуации. Поддержание поверхностных и подземных вод в состоянии, соответствующем требованиям законодательства, обеспечивается путем установления и соблюдения нормативов допустимого воздействия на водные объекты.

Довольно новым инструментом стало создание реестра недобросовестных водопользователей и участников аукциона на право заключения договора водопользования (установлено статьей 36.1, включенной в ВК РФ в 2019 г.). Тем самым, водопользователи, права пользования водными объектами которых были принудительно прекращены, либо победители аукционов на право заключения договора водопользования,

¹Приказ Минприроды России от 26.02.2024 N 137 "Об утверждении границ бассейновых округов" (Зарегистрировано в Минюсте России 29.03.2024 № 77697)/Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 29.03.2025

²Постановление Правительства РФ от 30.11.2006 N 727 (ред. от 10.03.2009) "О порядке создания и деятельности бассейновых советов"/ Российская газета", 06.декабря 2006.

уклонившиеся от заключения договора водопользования, устраняются от участия в соответствующих процедурах на право получения в пользование водного объекта на 2 года.

На основании изложенного следует отметить, что государственная власть в интересах населения осуществляет эффективное управление водными объектами, постоянно совершенствуя инструментарий такой деятельности. Уникальный и богатый водохозяйственный комплекс России выступает предметом особого внимания, что дает надежду на сохранение его для будущих поколений.

Список литературы:

1. Сиваков Д. О. Водное право. Учебно-практическое пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. — (Серия «Образование») / Д.О. Сиваков. - Москва : Юстицинформ, 2009.
2. Научно-практический комментарий к Водному кодексу Российской Федерации (постатейный) / О.А. Беляева, С.А. Боголюбов, Е.А. Галиновская и др.; отв. ред. Д.О. Сиваков; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2025.
3. Рыбкина И.Д., Седова Е.Ю. Управление водными ресурсами в регионах России и Франции: бассейновый принцип и участие заинтересованных лиц// Известия Алтайского отделения Русского географического общества. 2021. № 4. С. 23-36

References:

1. Sivakov D. O. Water law. Educational and practical guide. — 2nd ed., revised and additional — (Series "Education") / D.O. Sivakov. Moscow : Justi-tsinform, 2009.
2. Scientific and practical commentary on the Water Code of the Russian Federation (article-by-article) / O.A. Belyaeva, S.A. Bogolyubov, E.A. Galinovskaya et al.; ed. by D.O. Sivakov; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow: OOOKONTRAKT LAW FIRM, 2025.
3. Rybkina I.D., Sedova E.Y. Water resources management in the regions of Russia and France: basin principle and stakeholder participation// Proceedings of the Altai branch of the Russian Geographical Society. 2021. No. 4. pp. 23-36

ОСНОВНЫЕ ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ, РЕГУЛИРУЮЩИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУДОВ И СМИ THE MAIN LEGAL INSTITUTIONS REGULATING THE INTERACTION BETWEEN COURTS AND THE MEDIA

БУНИН Данила Александрович,

аспирант, Кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности, Факультета подготовки кадров высшей квалификации, заместитель начальника отдела творческого, креативного развития и медиа коммуникаций Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева. 117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69.
E-mail: bunin_danila@bk.ru;

BUNIN Danila Aleksandrovich,

2nd year postgraduate student, Department of Judicial and Law Enforcement Activities, Faculty of Advanced Training, Deputy Head of the Department of Creative, Innovative Development and Media Communications, Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev. 69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russia.
E-mail: bunin_danila@bk.ru

Краткая аннотация: настоящая работа посвящено вопросам изучения и выявления основных правовых институтов, которые осуществляют регулирующее взаимодействие между такими институтами общественной жизни как суд и СМИ. Выявляется место и роль каждого из этих институтов и основные точки их соприкосновения. Анализируются перспективы дальнейшего развития института взаимодействия судов и СМИ связанные с цифровизацией, совершенствованием законодательной базы, развитием профессиональных стандартов журналистики и интеграцией международных практик в национальное правовое регулирование.

Abstract: This work is devoted to the study and identification of the main legal institutions that regulate the interaction between such institutions of public life as the court and the media. The place and role of each of these institutions and the main points of their interaction are identified. The prospects for the further development of the institution of interaction between courts and the media are analyzed in relation to digitalization, improvement of the legislative framework, development of professional standards for journalism, and integration of international practices into national legal regulation.

Ключевые слова: правосудие, судебная власть, судебная система, средства массовой информации.

Keywords: justice, judiciary, judicial system, mass media.

Для цитирования: Бунин Д.А. Основные правовые институты, регулирующие взаимодействие судов и СМИ // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 168-173. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_168.

For citation: Bunin D.A. The main legal institutions regulating the interaction between courts and the media // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 168-173. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_168.

Статья поступила в редакцию: 16.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Современное общество невозможно представить без постоянного взаимодействия судебной власти и средств массовой информации. Эти сферы, каждая из которых имеет собственную природу и задачи, всё чаще пересекаются в процессе реализации правовых и социальных функций. Судебная система призвана обеспечивать справедливость, защиту прав и законных интересов граждан, а также поддержание правопорядка, тогда как средства массовой информации выполняют роль посредника между государственными институтами и обществом, формируя общественное мнение и обеспечивая прозрачность деятельности власти. Взаимодействие судов и СМИ неизбежно приобретает особое значение, поскольку оно напрямую влияет как на восприятие правосудия населением, так и на доверие к институтам государства в целом.

С начала XXI века влияние информационного пространства на судебные процессы стало предметом пристального внимания не только юристов, но и политологов, социологов, специалистов в области медиа. Появление цифровых технологий и социальных сетей привело к тому, что сведения о судебных разбирательствах распространяются практически мгновенно, формируя общественную реакцию ещё до вынесения судебного решения. В этой связи возникает вопрос о границах допустимого вмешательства журналистики в сферу правосудия, о том, каким образом можно сочетать принцип гласности судопроизводства и необходимость обеспечения независимости суда. Эти проблемы требуют правового осмысления и закрепления в нормах публичного права, чтобы взаимодействие между судебной властью и средствами массовой информации не превращалось в фактор давления, а способствовало укреплению демократических институтов.

Правовое регулирование данного взаимодействия опирается на целый комплекс институтов, которые отражают ключевые направления государственной политики. С одной стороны, это нормы, закрепляющие право граждан на получение достоверной информации о деятельности государственных органов и гарантирующие свободу слова. С другой стороны, это правовые механизмы, ограничивающие распространение сведений, способных нанести ущерб тайне следствия, неприкосновенности частной жизни, чести и достоинству личности. Таким образом, задача законодателя заключается в создании такой системы норм, которая одновременно обеспечивала бы открытость судебной власти и соблюдение процессуальных гарантий.

История развития российского законодательства показывает, что идея гласности судопроизводства всегда рассматривалась как важнейший демократический принцип. Однако его реализация на практике сталкивается с трудностями, связанными с необходимостью соблюдения баланса между интересами общества и правами участников процесса. Например, освещение уголовных дел в СМИ нередко сопровождается риском предвзятого восприятия фигурантов дела общественностью, что может поставить под сомнение беспристрастность суда. В то же время отсутствие информации о деятельности судов способно породить недоверие к судебной системе и укрепить представления о её закрытости.

В современных условиях институты, регулирующие взаимодействие судебной власти и средств массовой информации, становятся особенно востребованными. Они позволяют упорядочить процесс распространения информации о ходе судебных разбирательств, определить допустимые границы участия журналистов в процессе, а также установить ответственность за нарушение правил освещения судебных дел. При этом следует учитывать, что развитие правового регулирования данной сферы невозможно без учёта международных стандартов, прежде всего тех, что закреплены в актах Совета Европы и практике Европейского суда по правам человека.

Вторая половина XIX – начало XX века в России ознаменовалась масштабными судебными реформами, которые привели к утверждению принципа гласности правосудия. Эта новация имела не только процессуальное, но и социально-политическое значение, поскольку открытость суда предполагала активное вовлечение общества в наблюдение за деятельностью судебных органов. Одним из важнейших каналов, обеспечивавших реализацию гласности, стала печать. Вопрос о пределах свободы слова и допустимости освещения судебных процессов в газетах занимал центральное место в юридических дискуссиях конца XIX века.

Как отмечает: «Возникновение гласности в отечественном уголовном судопроизводстве связано с судебной реформой 1864 г. Данная по истине великая реформа явилась новой вехой в развитии не только отечественного права, но и самого государства, системы государственных органов. Подписанные императором Александром II законодательные акты содержали принципиально иные условия отправления правосудия. Претерпели существенные изменения и основополагающие идеи, на которых строится организация уголовно-процессуальной деятельности – система принципов уголовного судопроизводства. Естественная жизнеспособность, правовая и нравственная ценность этих установлений подтверждены временем, поскольку многие из включенных в Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС) принципов сохранились в уголовном процессе и поныне»¹.

Понятие гласности суда, как отмечал Фойницкий И. Я., включало возможность присутствия публики на заседаниях и публикацию отчетов в печати: «Публичное отправление правосудия – с присутствием в зале судебных заседаний публики, с допущением о них газетных отчетов – содействует ознакомлению общества с деятельностью судебных органов и воспитанию правосознания народа»². Таким образом, пресса рассматривалась не просто как посредник между судом и обществом, но и как фактор формирования доверия к правосудию.

Существенную роль в правовом регулировании данного института сыграли Временные правила о печати 1865 года. Они, с одной стороны, закрепили возможность публиковать судебные отчеты, а с другой — установили систему ограничений. Так, статья 2 Правил предусматривала право цензурных органов приостанавливать выпуск изданий, нарушающих установленные требования. В дальнейшем, по мере развития политической ситуации, надзор за печатью усиливался: в 1882 году были введены меры, позволявшие без судебного решения закрывать газеты за публикации, признанные опасными для государственной власти. Эти положения демонстрируют противоречивость подхода государства: признавая значение печати для освещения судебных процессов, оно одновременно стремилось ограничить ее влияние на общественное мнение.

Особое внимание в дореволюционной юридической литературе уделялось вопросу о соотношении свободы печати и интересов правосудия. Кони А. Ф., рассуждая о гласности суда, отмечал, что «правда судебная должна быть открыта для народа, ибо только под взглядом общества судья обретает полную ответственность за свои решения»³. Он подчеркивал также и опасность чрезмерного влияния газетных публикаций на ход процесса, особенно в делах, привлекавших широкий общественный резонанс. Таким образом, дореволюционная наука исходила из необходимости поиска равновесия между интересами гласности и принципами объективного судопроизводства.

Важным аспектом дореволюционного понимания взаимодействия суда и печати стало воспитательное значение судебных отчетов. Публикации в газетах способствовали распространению правовых знаний среди населения, формированию уважения к закону и судебной системе. Фойницкий отмечал, что именно печать способна донести до широких слоев общества смысл судебных решений, тогда как непосредственное участие в заседаниях доступно ограниченному кругу лиц⁴. Это объясняет, почему правоведы той эпохи столь настойчиво подчеркивали необходимость сохранения свободы печати в рамках освещения судебной деятельности, хотя и признавали неизбежность определенных ограничений.

Проблематика взаимодействия судебной системы и средств массовой информации приобрела особое значение в советский период, когда институты гласности и открытости правосудия рассматривались как важнейшие механизмы укрепления социалистической законности. В условиях советской государственности суд не мыслился исключительно как орган разрешения конфликтов: он должен был выполнять и воспитательную функцию, оказывая воздействие на общественное сознание. В этом контексте средства массовой информации становились не только каналом распространения сведений о судебной деятельности, но и инструментом идеологического влияния.

Одним из ключевых правовых институтов, определяющих данное взаимодействие, выступал принцип гласности судебного разбирательства. Он рассматривался как гарантия социалистической законности и как элемент воспитания масс. По словам Вышинского А. Я., «судебная гласность является одной из самых надежных гарантий правильного применения советских законов, она есть школа права и дисциплины»⁵ (Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. — М., 1941. — С. 52). Таким образом, открытый характер процесса был не только юридической нормой, но и средством формирования общественного доверия к судебной системе.

Средства массовой информации, в свою очередь, получали правовую возможность и обязанность освещать ход судебных процессов,

¹ Стародубова Г. В. Гласность в уголовном судопроизводстве России // Публично-правовое обозрение. 2023. № 2. С. 142.

² Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Том I. Изд. 4-е. - С-Пб.: Типография т-ва «Общественная Польза», 1912. С. 145.

³ Кони А. Ф. На жизненном пути : из воспоминаний : публичные чтения : в верхней палате. Т. 2. Санкт-Петербург : Тип. СПб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1912. С. 231.

⁴ Люблинский П. И. Памяти трех русских криминалистов И. Я. Фойницкого, Д. А. Дриля, Н. Д. Сергеевского. СПб. : Сенат. тип., 1914. С. 45.

⁵ Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. — 3-е изд., доп. Москва : Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1950. С. 78.

что закреплялось как на нормативном, так и на идеологическом уровне. В трудах советских юристов неоднократно подчеркивалось, что печать является важным элементом контроля за правосудием.

Взаимодействие суда и прессы регулировалось не только процессуальными нормами, но и общими принципами социалистического права. Одним из таких принципов была идея воспитательной функции судопроизводства. Например, В. Ф. Дерюжинский, в разделе «Полиция печати» рассматривает роль цензуры, судебной ответственности прессы, нормы, регулирующие публикацию, и связь печати с правом¹.

Интересно отметить, что сама категория «общественное мнение» в советской юриспруденции трактовалась в контексте социалистической идеологии. Суд и СМИ в этом смысле рассматривались как институты, формирующие единое социалистическое мировоззрение. Ещё в 1920-е годы Е.Б. Пашуканис подчеркивал: «Судебный процесс должен быть открытым и доступным для масс, ибо именно здесь пролетариат учится видеть право в действии, а не в отвлечённых формулах» (Пашуканис Е.Б. Очерки по общей теории права и марксизма. — М., 1924. — С. 136). Эта позиция отражала марксистский подход к суду как к инструменту классовой борьбы и социалистического воспитания.

Важным институтом, обеспечивающим взаимодействие суда и средств массовой информации, было регулирование допустимости публикаций и комментариев. В советском праве особое внимание уделялось тому, чтобы освещение судебных процессов в печати соответствовало задачам государства. Как отмечал А.С. Шляпочников: «Газета, публикуя материалы судебного заседания, должна не только информировать, но и формировать у читателя правильное отношение к социалистической законности, подчеркивать её преимущества перед буржуазным правосудием»².

В практическом плане это означало, что средства массовой информации становились продолжением судебной системы в её воспитательной и пропагандистской функции. Репортажи о судебных заседаниях, публикации приговоров, аналитические статьи о деятельности судов — всё это представляло собой правовой и идеологический механизм воздействия на общество. В то же время институт судебной тайны ограничивал возможности СМИ в освещении отдельных категорий дел, связанных с защитой государственной безопасности, семейной или личной тайны.

Особое внимание уделялось и правовой ответственности журналистов за искажение содержания судебных процессов. Неправильное освещение судебной деятельности в печати наносит ущерб социалистической законности, и поэтому органы печати обязаны строго следовать фактам, установленным судом, отмечалось в научной литературе того времени. Здесь прослеживается характерная для советского права идея подчинённости свободы печати задачам социалистического государства.

В современном обществе взаимодействие судебной власти и средств массовой информации представляет собой сложный, многоуровневый процесс, который требует точного правового регулирования и соблюдения баланса между открытостью судебного процесса и защитой прав участников разбирательств. В условиях развития демократических институтов и внедрения цифровых технологий публичность деятельности судебной системы стала важным элементом формирования доверия общества к правосудию, обеспечения прозрачности и соблюдения принципов верховенства закона. Свобода слова и свобода распространения информации закреплены в Конституции Российской Федерации, что позволяет СМИ получать доступ к сведениям о деятельности государственных органов, включая суды. Одновременно закреплённые конституционные права участников процесса требуют обеспечения презумпции невиновности, защиты личной жизни, коммерческой и государственной тайны, что накладывает определённые ограничения на работу СМИ при освещении судебных дел.

В современном законодательстве закреплён целый ряд правовых институтов, регулирующих взаимодействие судов и СМИ. Конституция РФ в статьях 29 и 46 устанавливает свободу мысли, слова и право на судебную защиту. Статья 123 Конституции закрепляет принцип гласности судопроизводства, одновременно предоставляя возможность ограничивать доступ к информации в случаях, предусмотренных законом. Таким образом, конституционные нормы определяют базовый принцип, на котором строится взаимодействие судебной системы и средств массовой информации: сочетание публичности деятельности судов и защиты законных интересов участников процесса. Современное правовое регулирование включает также федеральные законы и процессуальные кодексы, которые детализируют порядок доступа СМИ к судебной информации, порядок публикации судебных актов и ограничения на распространение сведений, представляющих государственную или коммерческую тайну, сведения о частной жизни граждан и предварительное расследование.

Одним из ключевых институтов регулирования является принцип гласности, который обеспечивает открытость судебных процессов для общественности и СМИ. В российских условиях этот принцип реализуется через присутствие журналистов на открытых заседаниях, возможность проведения видеотрансляций, публикацию судебных актов на официальных сайтах судов и предоставление материалов дела представителям СМИ при соблюдении процессуальных ограничений.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 года № 35 «О применении судами норм законодательства об открытости и гласности судебного разбирательства» предписывает судам обеспечивать доступ журналистов к судебным заседаниям и информации, если процессуальные ограничения не препятствуют этому. Также в Постановлении отмечается: «Открытость и гласность судопроизводства, своевременное, квалифицированное, объективное информирование общества о деятельности судов общей юрисдикции (далее - суды) способствуют повышению уровня правовой осведомленности о судостроительстве и судопроизводстве, являются гарантией справедливого судебного разбирательства, а также обеспечивают общественный контроль за функционированием судебной власти. Открытое судебное разбирательство

¹Дерюжинский В. Ф. Лекции по полицейскому праву // Москва : 1888. С. 103.

²Шляпочников А. С. Толкование советского уголовного закона = Толкование уголовного закона. - Москва : Госюриздат, 1960. С.24

является одним из средств поддержания доверия общества к суду»¹.

Презумпция невиновности также является ключевым институтом, влияющим на деятельность СМИ в судебной сфере. Журналисты и редакции обязаны воздерживаться от публикаций, которые представляют обвиняемого как виновного до вступления приговора в законную силу. Международная практика, включая решения Европейского суда по правам человека, подчеркивает необходимость соблюдения баланса между свободой слова и правом на справедливое судебное разбирательство. Например, в деле *Allen против Великобритании* суд указал на необходимость избегать публикаций, способных подорвать презумпцию невиновности. Российская практика предусматривает возможность привлечения к ответственности за нарушение этих норм, включая гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность, что подчеркивает серьезность регулирования взаимодействия судов и СМИ.

Одной из особенностей современного регулирования является четкое разграничение публичной и конфиденциальной информации. Публичной считается информация, открытая для общества и освещаемая СМИ в рамках закона, включая судебные решения, резюме процессов и статистические сведения о работе судов. Конфиденциальной информацией являются сведения о личной жизни граждан, коммерческие тайны, государственная тайна и материалы предварительного расследования.

В своей работе Семенова Т. Ю. отмечает: «Официальными представителями судов, осуществляющими взаимодействие с редакциями средств массовой информации, относятся председатели судов. Пресссекретарь и иное должностное лицо, осуществляющее взаимодействие со СМИ, являются официальными представителями судов только в случае, если они уполномочены на это председателями судов. Пресс-служба судов постоянно работает над налаживанием конструктивного взаимодействия со СМИ как важным инструментом развития правового общества, с целью формирования открытого образа правосудия, благодаря чему общество будет получать объективную, правдивую информацию о деятельности судебной системы в целом. Вместе с тем, важно постоянно совершенствовать процессы реализации взаимодействия между собой судов и СМИ»².

Федеральный закон от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»³ закрепляет порядок предоставления доступа к информации и определяет условия, при которых суд может ограничить распространение сведений. Закон обеспечивает возможность журналистам получать достоверные данные о работе судов, одновременно защищая права участников процессов.

Развитие цифровых технологий создало новые вызовы для регулирования взаимодействия судов и СМИ. Интернет, социальные сети и платформы блогеров позволяют распространять информацию мгновенно и без традиционных редакторских проверок. Это создает риск распространения недостоверных сведений, способных повлиять на общественное мнение и репутацию участников процесса. Законодательство постепенно реагирует на эти вызовы, вводя меры по регулированию онлайн-контента, включая возможность удаления незаконной информации и блокировки недостоверных публикаций. Важным аспектом является разработка единых стандартов освещения судебных процессов, которые будут учитывать специфику цифровых медиа и обеспечивать баланс между открытостью правосудия и защитой прав участников разбирательств.

Одним из значимых правовых институтов является ответственность СМИ и журналистов за нарушение норм при освещении судопроизводства. Гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность может наступать за распространение клеветнической информации (статья 128.1 УК РФ), разглашение сведений предварительного расследования (статья 310 УК РФ), нарушение законодательства о персональных данных (статья 13.11 КоАП РФ). Суды имеют право ограничить распространение информации, если она нарушает тайну следствия, личную жизнь или коммерческие интересы участников процесса. Таким образом, институт ответственности является неотъемлемой частью системы правового регулирования, обеспечивающей соблюдение принципов законности и защиты прав граждан.

В своей работе Гвоздева И. С. отмечает: «В ряде случаев именно участие представителей СМИ позволяет добиться справедливых судебных решений, поскольку многих должностных лиц дисциплинирует осознание того факта, что их поступки и решения станут известны широкой аудитории. Так, в ходе анкетирования мировых судей, проводившегося нами в 2014 г., в числе позитивных последствий освещения в СМИ судопроизводства по делу было указано более этичное поведение участников судопроизводства (45 % респондентов), а также повышение качества составляемых процессуальных документов (36 % респондентов). Однако нельзя отрицать и появление ситуаций негативного влияния СМИ на весь процесс судопроизводства по уголовным делам и на отдельных его участников»⁴.

Современное регулирование взаимодействия судов и СМИ предполагает не только контроль над информацией, но и развитие механизмов открытости через цифровые платформы. Разработка единой системы публикации судебных актов, видеотрансляции заседаний, доступ к материалам дела через интернет – все это повышает прозрачность судопроизводства. В то же время сохраняются проблемы: недостаточная техническая оснащенность судов для проведения онлайн-трансляций, правовая неопределенность в отношении блогеров и «гражданских журналистов», давление общественного мнения на судей и сложности в разграничении ответственности за распространение информации.

¹Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 3.

²Семенова Т. Ю. Реализация процесса взаимодействия судов и СМИ // Оригинальные исследования. 2022. Т. 12, № 1. С. 168.

³Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.

⁴Гвоздева И. С. Проблема воздействия средств массовой информации на расследование и судебное разбирательство по уголовному делу // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2016. № 2(8). С. 53.

В условиях информационного общества именно медиа становятся ключевым посредником между судебной властью и гражданами, формируя определённое представление о судопроизводстве, уровне его эффективности, справедливости и независимости. Таким образом, средства массовой информации играют значимую роль в процессе конструирования имиджа судебной системы, который в конечном итоге влияет на уровень доверия к государственным институтам в целом.

Имидж судебной системы представляет собой не только результат деятельности судов, выраженный в их решениях, но и социальное восприятие этих решений. Здесь особое значение имеет информационное сопровождение судебных процессов. Публикации в прессе, телевизионные сюжеты, интернет-обзоры и материалы на новостных порталах нередко становятся основным источником знаний для общества о том, как устроена судебная власть и каким образом она реализует свои функции. При этом восприятие зависит не столько от юридической корректности и мотивированности судебного акта, сколько от того, каким образом он был интерпретирован журналистами и преподнесён в медиaprостранстве.

СМИ обладают способностью трансформировать отдельные факты, подчеркивая одни аспекты судебного разбирательства и замалчивая другие. Такая селективность в освещении неизбежно формирует у аудитории определённое, иногда стереотипизированное, отношение к правосудию. В одном случае акцент делается на объективности и последовательности судебных решений, что способствует укреплению авторитета суда, в другом — внимание обращается на спорные или неоднозначные моменты, создавая представление о предвзятости и недостаточной независимости судебной власти.

С развитием цифровых технологий роль массмедиа в формировании общественного мнения о судебной системе только усилилась. Традиционные печатные и телевизионные форматы уступили место интернет-СМИ и социальным сетям, где информация распространяется мгновенно и зачастую без предварительной проверки. Это создает риски искажённого восприятия правосудия, поскольку материалы могут носить эмоциональный, а не аналитический характер, а также формировать массовые оценки до вынесения окончательного судебного решения. Одновременно такая динамика свидетельствует о том, что имидж судебной системы всё чаще оказывается результатом не профессионального анализа, а общественной дискуссии, где доминирует эмоциональное восприятие.

Как отмечает Третьякова О. В.: «Формирование имиджа судебной власти зависит от конструктивного взаимодействия судов с журналистами. Отказ в предоставлении журналистам информации, недостатки в деятельности PR-служб судебной системы приводят к искаженной медийной репрезентации деятельности судов. Основную часть произведений судебной журналистики в интернете составляют тексты информационных жанров. Коммуникативная стратегия текстов судебной журналистики в интернете не направлена на формирование общественного мнения о правосудии: судебная тематика раскрывается недостаточно полно, проблемы судебной системы не обсуждаются, авторы текстов используют стереотипные суждения и клишированные образы судей»¹.

Проблема соблюдения журналистской этики в освещении судебных процессов сегодня приобретает особую актуальность. Несмотря на то что в профессиональной среде существуют специальные кодексы и стандарты, в реальной практике они далеко не всегда выполняются. В России основу таких норм составляет Кодекс профессиональной этики российского журналиста, который прямо запрещает искажение фактов и возлагает на представителей СМИ обязанность уважать честь и достоинство личности. Подобные правила должны служить гарантией объективного изложения судебных материалов и предотвращать злоупотребления свободой слова. Однако реальность показывает, что нередко в погоне за вниманием публики и быстрым эффектом журналисты отходят от этих принципов.

Наибольшие трудности вызывает стремление средств массовой информации к сенсационности. Громкие уголовные процессы или дела, связанные с известными фигурами, неизменно вызывают повышенный интерес аудитории. В таких ситуациях репортажи часто строятся не вокруг юридической сути дела, а вокруг эмоционально окрашенных деталей, которые способны привлечь читателя или зрителя. Такая подача формирует у общества восприятие суда не как института справедливости, а как своеобразного зрелища. При этом теряется главный смысл правосудия — беспристрастное рассмотрение фактов и вынесение решения на основе закона.

Существенную опасность представляет и однобокое представление информации. Нередко материалы СМИ освещают только позицию обвинения или, напротив, защиты, умалчивая о доводах противоположной стороны. В результате у общественности формируется предвзятое представление о деле ещё до того, как суд вынесет приговор. Подобная ситуация вступает в противоречие с принципом презумпции невиновности, закреплённым как в российском, так и в международном праве.

Не менее серьёзной является и проблема косвенного давления на суд со стороны средств массовой информации. Когда публикации приобретают явно тенденциозный характер, они способны формировать общественное мнение таким образом, что даже независимый судья оказывается в ситуации давления со стороны ожиданий общества. Это может подрывать доверие к судебной системе и ставить под сомнение объективность принимаемых решений. Вместе с тем чрезмерная закрытость судов также негативно сказывается на ситуации: недостаток официальной информации порождает слухи и домыслы, которые быстро подхватываются и распространяются медиа. Таким образом, открытость судебной власти и добросовестность журналистов должны восприниматься как взаимно дополняющие элементы.

Особый интерес вызывает вопрос об ответственности за нарушение норм профессиональной этики. Теоретически Кодекс предполагает возможность применения мер общественного воздействия со стороны журналистского сообщества, однако такие инструменты в России пока не приобрели реальной силы. Более действенным остаётся правовое регулирование: распространение клеветнических сведений или разглашение тайны следствия может повлечь за собой гражданско-правовую, административную или уголовную ответственность. Однако и здесь суще-

ствуется ограничение — правовые меры реагируют на уже свершившееся нарушение, в то время как важнее предотвращение таких ситуаций. Поэтому ключевым направлением остаётся саморегулирование и развитие профессиональной культуры в журналистской среде.

Качество освещения судебных процессов во многом зависит от уровня подготовки репортёров. Отсутствие юридических знаний, поверхностное понимание процессуальных норм часто приводят к неверной интерпретации событий. Даже незначительная ошибка в формулировке способна кардинально изменить восприятие материала широкой публикой. Поэтому особую значимость приобретают специализированные образовательные программы для журналистов, освещающих судебную сферу, а также сотрудничество редакций с юристами-экспертами.

Таким образом, современный этап развития публичности судопроизводства демонстрирует, что взаимодействие судов и СМИ является сложным процессом, требующим балансирования интересов государства, участников процесса и общества в целом. Современное законодательство сочетает конституционные принципы, федеральные законы, процессуальные нормы и международные стандарты. Оно направлено на обеспечение открытости, справедливости и эффективности судопроизводства, при этом учитываются технологические изменения и глобальные вызовы медиаиндустрии. Перспективы дальнейшего развития института взаимодействия судов и СМИ связаны с цифровизацией, совершенствованием законодательной базы, развитием профессиональных стандартов журналистики и интеграцией международных практик в национальное правовое регулирование. В итоге формируется система, позволяющая обеспечивать доверие общества к судебной власти, защиту прав участников процесса и прозрачность правосудия в условиях современного информационного общества.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2008. — № 52 (ч. 1). — ст. 6217.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2013. — № 3.
3. Вышинский, А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве / А. Я. Вышинский. — 3-е изд., доп. — Москва : Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1950. — 308 с.
4. Гвоздева, И. С. Проблема воздействия средств массовой информации на расследование и судебное разбирательство по уголовному делу / И. С. Гвоздева // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. — 2016. — № 2(8). — С. 49-53.
5. Дерюжинский, В. Ф. Лекции по полицейскому праву // В. Ф. Дерюжинский в 1887 г. — Москва : 1888. — 208 с.
6. Кони, А. Ф. На жизненном пути : из воспоминаний : публичные чтения : в верхней палате / А. Ф. Кони. Т. 2. — Санкт-Петербург : Тип. Спб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1912, 1912. — 806 с.
7. Люблинский, П. И. Памяти трех русских криминалистов И. Я. Фойницкого, Д. А. Дриля, Н. Д. Сергеевского / П. И. Люблинский. — СПб. : Сенат. тип., 1914. — 151 с.
8. Семенова, Т. Ю. Реализация процесса взаимодействия судов и СМИ / Т. Ю. Семенова // Оригинальные исследования. — 2022. — Т. 12, № 1. — С. 160-168.
9. Стародубова, Г. В. Гласность в уголовном судопроизводстве России / Г. В. Стародубова // Публично-правовое обозрение. — 2023. — № 2. — С. 139-142.
10. Третьякова, О. В. Массмедиа в формировании имиджа судебной системы / О. В. Третьякова // Вопросы теории и практики журналистики. — 2022. — Т. 11, № 3. — С. 617-635.
11. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Том I. Изд. 4-е. / И. Я. Фойницкий. — С-Пб.: Типография т-ва «Общественная Польза», 1912. — 301 с.
12. Шляпочников, А. С. Толкование советского уголовного закона = Толкование уголовного закона / А. С. Шляпочников. - Москва : Госюриздат, 1960. - 240 с.

References:

1. Federal Law No. 262-FZ of 22.12.2008 (as amended on 14.07.2022) "On Ensuring Access to Information on the Activities of Courts in the Russian Federation" (as amended and Supplemented, intro. effective from 01.01.2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. — 2008. — No. 52 (part 1). — art. 6217.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 13, 2012 No. 35 "On openness and transparency of judicial proceedings and on access to information on the activities of courts" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2013. — No. 3.
3. Vyshinsky, A. Ya. Theory of judicial evidence in Soviet law / A. Ya. Vyshinsky. — 3rd ed., supplement. — Moscow : State Publishing House of Law. lit., 1950. — 308 p.
4. Gvozdeva, I. S. The problem of the impact of mass media on the investigation and trial of a criminal case / I. S. Gvozdeva // Problems of criminal procedure, criminalistics and forensic examination. — 2016. — No. 2(8). — Pp. 49-53.
5. Deryuzhinsky, V. F. Lectures on police law // V. F. Deryuzhinsky in 1887 — Moscow : 1888. — 208 p.
6. Koni, A. F. On the path of life : from memoirs : public readings : in the upper chamber / A. F. Koni. Vol. 2. — St. Petersburg : Tip. Spb. t-va pech. and publishing house of the case "Trud", 1912, 1912. — 806 p.
7. Lyublinisky, P. I. In memory of three Russian criminologists I. Ya. Foinitsky, D. A. Dril, N. D. Sergeevsky / P. I. Lyublinisky. St. Petersburg : Se-nat. tip., 1914. 151 p.
8. Semenova, T. Y. Implementation of the process of interaction between courts and the media / T. Y. Semenova // Original research. — 2022. — Vol. 12, No. 1. — pp. 160-168.
9. Starodubova, G. V. Glasnost in criminal proceedings in Russia / G. V. Starodubova // Public Law Review. — 2023. — No. 2. — pp. 139-142.
10. Tretyakova, O. V. Mass media in shaping the image of the judicial system / O. V. Tretyakova // Questions of the theory and practice of journalism. — 2022. — Vol. 11, No. 3. — pp. 617-635.
11. Foinitsky, I. Ya. Course of criminal proceedings. Volume I. Ed. 4-E. / I. Ya. Foinitsky. — St. Petersburg: Printing house of the t-va "Public Benefit", 1912. 301 p.
12. Shlyapochnikov, A. S. Interpretation of the Soviet criminal law = Interpretation of the criminal law / A. S. Shlyapochnikov. Moscow : Gosyurizdat Publ., 1960. 240 p.

¹Третьякова О. В. Массмедиа в формировании имиджа судебной системы // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11, № 3. С. 635.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_174

УДК 347.9

К ВОПРОСУ О СРАВНИТЕЛЬНОМ АНАЛИЗЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЮРИДИЧЕСКИХ КЛИНИК В РОССИИ И АФРИКЕ ON THE COMPARATIVE ANALYSIS OF LEGAL CLINIC FEATURES IN RUSSIA AND AFRICA

АЗАМАТОВА Ленара Ленисовна,старший преподаватель кафедры гражданского процесса Института права
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Уфимский университет науки и технологий».

450076, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

E-mail: azamatova-lenara@mail.ru;

СЕМЕНОВА Елена Юрьевна,старший преподаватель кафедры гражданского процесса Института права
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Уфимский университет науки и технологий».

450076, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

E-mail: elena-127@mail.ru;

Azamatova Lenara Lenisovna,Senior Lecturer of the Department of Civil Procedure of the Institute
of Law Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ufa University of Science and Technology».
32 Zaki Validi str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450076, Russia.

E-mail: azamatova-lenara@mail.ru;

SEMENTOVA Elena Yurievna,Senior Lecturer of the Department of Civil Procedure of the Institute
of Law Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ufa University of Science and Technology».
32 Zaki Validi str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450076, Russia.

E-mail: elena-127@mail.ru

Краткая аннотация: В статье проводится сравнительный анализ деятельности юридических клиник в России и в странах Африки. Теоретическое исследование выявляет различия и сходство в организационных моделях, функциональных приоритетах и социальной роли клиник, обусловленные историческими факторами. Основное внимание в работе уделяется: институциональным различиям (возможность студенческого самоуправления в африканских юридических клиниках/вузовская интеграция в России); различиям в категориях дел; современным вызовам (финансирование, мотивация студентов, цифровизация услуг). Особую актуальность исследованию придает политический контекст российско-африканского сотрудничества в рамках саммита 2023 года. Автор приходит к выводу о наличии значительного потенциала для взаимного обучения, несмотря на существенные различия в правовых культурах и подчеркивает наличие общих черт в сути клинического образования.

Abstract: The article presents a comparative analysis of legal clinic activities in Russia and African countries. The theoretical study reveals differences and similarities in organizational models, functional priorities, and the social role of clinics, shaped by historical factors. The research focuses on: institutional differences (student self-governance in African legal clinics vs. university integration in Russia); variations in case categories; and contemporary challenges (funding, student motivation, digitalization of services). The political context of Russia-Africa cooperation following the 2023 summit adds particular relevance to the study. The author concludes that despite significant differences in legal cultures, there is considerable potential for mutual learning and emphasizes shared features in the essence of clinical legal education.

Ключевые слова: юридические клиники, доступ к правосудию, клиническое образование, Россия-Африка, категория дел.

Keywords: legal clinics, access to justice, clinical education, Russia-Africa, case category.

Для цитирования: Азаматова Л.Л., Семенова Е.Ю. К вопросу о сравнительном анализе особенностей юридических клиник в России и Африке // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 174-178. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_174.

For citation: Azamatova L.L., Semenova E.Yu. On the comparative analysis of legal clinic features in Russia and Africa // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 174-178. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_174.

Статья поступила в редакцию: 01.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

В современных условиях глобализации права сравнительный анализ деятельности юридических клиник в различных странах приобретает особую значимость. Данный анализ является важным инструментом для выявления универсальных и локальных тенденций в юриспруденции. Однако существующие исследования часто фокусируются на сопоставлении западных моделей и России [11, 27], тогда как опыт стран Африки остается недостаточно изученным.

Современное право африканских государств является результатом соединения двух историй: африканской и европейской [12]. Этот синтез создал уникальные условия для развития системы бесплатной юридической помощи. Как отмечают теоретические исследования, с 1970-х гг. имеется тенденция к значительному повышению внимания Организации Африканского единства к сфере прав человека [8].

Сопоставление развития юридических клиник в Африке и России приобретает особую актуальность в свете: 1) политического диалога: саммит Россия - Африка в 2023 году, где принят план партнерства до 2026 года. И одна из целей данного плана - наращивать сотрудничество России и Африки в сфере образовательных обменов, включая науку [25]. 2) контраста правовых моделей; 3) выявления лучших практик.

Необходимо обратить внимание на историю создания юридических клиник. Современная форма юридической клиники сложилась в 1970-х годах в Южной Африке, Зимбабве, Эфиопии, Танзании и Уганде, в 1980-х годах в Ботсване и Нигерии, в 1990-х годах в Кении и в начале

нового тысячелетия в Лесото, Замбии, Мозамбике, Руанде, Сомалиленде и Сьерра-Леоне. [5]. Развитие юридических клиник в России началось с 1850-х годов, и история создания связана с именем профессора Казанского университета Д. Мейером. Он обосновал важность практики в подготовке юристов, инициировал введение клинической формы подготовки юристов [7].

В России юридические клиники создавались преподавателями при высших учебных заведениях, а в африканских странах во многих случаях клиники создавались практикующими юристами при вузах, они возглавляли клиники и одновременно участвовали в более широких клинических программах [19]. В современности некоторые юридические клиники африканских стран находятся в ведении студентов, другие управляются университетами на добровольной основе, а в последнее время многие из них стали частью официальных юридических факультетов или учебных программ юридических школ [5]. Например, продолжительное время юридическая клиника в Кейптаунском университете (Южная Африка) полностью управлялась студентами, была необязательной и занималась исключительно обеспечением доступа к правосудию, а не обучением студентов [1].

Юридическая клиника обеспечивает, с одной стороны, закрепление студентами теоретических знаний в рамках практической деятельности, с другой стороны, получение юридической помощи теми категориями граждан, для которых оплата юридических услуг обременительна [14]. Также деятельность юридической клиники направлена на повышение уровня социальной защищенности и обеспечения их доступа к правосудию (статья 23 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»). Анализ научных работ [4] показывает, что проблема доступа к правосудию является общей задачей как для юридических клиник африканских стран, так и России.

Принципы деятельности юридических клиник университетов из стран севера, востока, юга и запада Африки не однородный. Он отличается в зависимости от части континента [2]. В России принципы деятельности юридических клиник также могут отличаться, но не существенно. Может быть разный формат (онлайн, офлайн), различный круг лиц, которым оказывается помощь и пр.

Большинство африканских юридических клиник предоставляют консультации по общим вопросам, некоторые занимаются специализированной работой или защитой общественных интересов, и лишь немногие участвуют в судебных разбирательствах [5]. Подобную неоднородную ситуацию можно увидеть и в российской практике клинического образования, например, в Юридической клинике юридического факультета МГУ им. Ломоносова бесплатные консультации оказываются помимо физических лиц, некоммерческим организациям, малому бизнесу и стартапам [22], а в Юридической клинике Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» [21] и юридической клинике Санкт-Петербургского государственного университета преимущественно малоимущим слоям населения [20].

Судебное представительство в российских юридических клиниках нераспространенная история. Из части 4 статьи 23 Закона о бесплатной юридической помощи следует, что клиницисты не имеют права оказывать правовую помощь в виде представительства интересов в суде [17]. Однако, юридическая клиника Университета Зимбабве, которая была основана еще в 1974 году, занимается судебным представительством. Клиника также используется в качестве основного компонента обучения в области права. Работа в юридической клинике обязательна для студентов третьего и четвертого курсов юридического факультета. К четвертому курсу лучшие студенты-юристы могут вести дела в Высоком суде с разрешения Генерального прокурора [5]. Но надо учесть, что опыт предоставления возможности представлять интересы людей студентам университета Зимбабве не повсеместная.

Клиники в африканских странах требуют, чтобы студенты-юристы были готовы решать широкий спектр проблем: незаконное увольнение, страхование от безработицы и компенсация рабочим за травмы; проблемы, связанные с законодательством о защите прав потребителей, такие как кредитные договоры (покупка в рассрочку), бракованные товары, ростовщичество и недобросовестные методы взыскания долгов; жилищные проблемы, такие как мошеннические договоры, неисполнение обязательств и низкое качество работ; вопросы, связанные с эмансипацией женщин и права наследования; алименты; а также уголовные дела [5]. Получается, что акцент данных дел на стремлении к социальной справедливости и борьбе с неравенством.

Опыт работы юридической клиники Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» (с 1998 года) показывает, что в основном люди обращаются со следующими запросами: жилищные вопросы, семейные проблемы, возмещение ущерба, установления юридического факта, вопросы наследования, реализация прав потребителей, трудовые споры и прочее [21]. Соответственно, получается категория дел очень схожи.

Нужно отметить, что в африканской практике есть юридические клиники, специализирующиеся на вопросах, представляющих общественный интерес. Соответственно, студенты занимаются проблемами, которые влияют на жизнь большого количества людей. Такой подход взяли на вооружение некоторые южноафриканские клиники. Но прежде, чем работать с такой категорией дел, студенты должны пройти обучение в конкретной области права, в которой возникают вопросы, представляющие общественный интерес. Это включают в себя такие вопросы, как конституционные проблемы, отправление правосудия, права заключенных, права беженцев, законодательство о защите прав потребителей, экологическое право, жилищные и земельные права, права женщин и детей, правовые аспекты ВИЧ/СПИДа, административное правосудие и т. д. [5]

D McQuoid-Mason подчеркивает, что самая большая проблема для клиник общей практики – необходимость ограничить количество клиентов, чтобы не перегружать клинику. Если количество клиентов превышает возможности клиники, клиенты страдают, потому что не получают должного обслуживания и консультаций [5]. В российских теоретических работах, где выделяются проблемы клиник, подобная проблема не освещается. Скорее акцент на том, что многие граждане, обращаясь за юридической помощью, выражают недоверие как в связи с безвозмездностью оказываемых услуг, так и в связи с тем, что юридическая помощь оказывается студентами [28].

Юридические клиники в африканских странах могут располагаться как на территории высшего учебного заведения, так и за его пределами. Они также могут быть мобильными или представлять собой клиники, в которых студенты-юристы работают по договору с другими организациями [5]. В России юридические клиники преимущественно находятся при образовательных организациях высшего образования или научных организациях. Также стоит отметить, что проект по мобильным юридическим клиникам тоже реализуется, например, в Санкт-Петербургском институте (филиале) ВГУЮ (РПА Минюста России) [24].

Существует ряд общих институциональных проблем, характерных для юридических клиник как в африканских, так и в российских университетах. Наиболее существенными из них являются: нехватка финансовых ресурсов, отсутствие мотивации у студентов-клиницистов [3, 15, 23].

В последние годы в российской академической среде наблюдается рост научных публикаций, которые посвящены цифровизации юридической деятельности в двух аспектах: онлайн-консультации [16, 29, 31, 32] и применение искусственного интеллекта [10, 30].

Проведенный нами анализ англоязычной научной литературы демонстрирует заметный контраст с российской исследовательской тенденцией. В зарубежных публикациях, которые посвящены африканским юридическим клиникам, практически отсутствуют работы, рассматривающие указанные технологические аспекты с аналогичной систематичностью. Данный дисбаланс может быть объяснен различиями в приоритетах развития юридического образования и разной остротой проблем доступа к правосудию.

Как отмечалось выше, юридические клиники и в России, и в африканских странах занимаются правовым просвещением. Правовое просвещение может осуществляться в таких формах, как например: публикации, выступления с докладами, проведение лекций, проведение уроков, подготовка буклетов, проведение круглых столов и т. п. [13, с. 51 - 52].

Примечательно, что среди всего многообразия форм просветительской деятельности особое место занимает работа с образовательными учреждениями и пенитенциарными системами.

Студенты-юристы обычно проводят определённое количество уроков в старших классах школ или в тюрьмах, используя методы обучения, ориентированные на учащихся [6]. Во время уроков студентам часто приходится отвечать на вопросы о праве [5]. Аналогичные практики получили распространение и в российских вузах, где правовое просвещение в большинстве случаев ориентировано на школьников, обучающихся колледжей и вузов. При этом региональные особенности организации такой работы заслуживают отдельного рассмотрения.

Ценным представляется опыт Саратовской области. Так, 12 сентября 2023 года кураторами Юридической клиники ФГБОУ ВО «СГЮА» были проведены лекции в лицее на тему: «Цифровой рубль – новый вид денег в Российской Федерации» [26], из которых обучающиеся узнали о создании цифрового рубля, его преимуществах и отличиях от криптовалюты [18].

Не менее интересны и психолого-педагогические аспекты правового просвещения, реализуемые в других регионах России. Например, в практике Юридической клиники Шадринского государственного педагогического университета имеются проекты, которые направлены на формирование жизнестойкости подростков. Уже не первый год практикуется проведение различных интерактивных мероприятий по праву: круглые столы, квесты, правовые игры, викторины, встречи с интересными людьми, модельные процессы. Именно в рамках таких интерактивных мероприятий формируются навыки интеллектуальной деятельности, позитивного анализа трудных жизненных ситуаций, что способствует развитию уверенности в себе, укрепляет психологическое благополучие и блокирует восприятие негативных жизненных ситуаций как безвыходных, которые можно разрешить исключительно уходом из жизни [9].

Таким образом, российские и африканские юридические клиники имеют общие черты, такие как образовательная функция и социальная миссия, но их работа во многом определяется историческим и социальным контекстом. В африканских странах клиники больше ориентированы на борьбу с социальным неравенством и защиту прав человека, в то время как в России акцент делается на обучении студентов и оказании помощи малоимущим гражданам.

Специфика работы с пенсионерами в юридической клинике

Среди людей, обращающихся за юридической помощью в Юридическую клинику при Институте права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» значительную часть составляют пожилые люди (таблица 1).

Таблица 1. Количество людей, обратившихся за бесплатной юридической помощью в Юридическую клинику при Институте права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», в том числе пенсионеры

Год	Общее количество	Пенсионеры	Соотношение, %
2021	131	62	47
2022	110	89	63
2023	124	70	56
2024	164	89	54

Список литературы:

1. Donald James Nicolson. «Our roots began in (South) Africa»: Modelling law clinics to maximise social justice ends. July 2016. International Journal of Clinical Legal Education 23(3):88 DOI:10.19164/ijcle.v23i3.532.
2. Kotonya A. Law, clinics, and social innovation in Africa. In book: Social Justice Innovation in Africa (pp.203-218) June 2024& DOI:10.4324/9781003452423-17 URL: https://www.researchgate.net/publication/381144723_Law_clinics_and_social_innovation_in_Africa
3. Matilda Adedoyin Chukwuemeka. Role of University Law Clinics in Providing Pro Bono Services as Bridging the Justice Gap in Nigeria. April 2025. In book: Pursuit of Legal Education (Eds), Essays Marking the 20th Anniversary of Lead City University, Ibadan (pp.65-80). URL: https://www.researchgate.net/publication/392966930_Role_of_University_Law_Clinics_in_Providing_Pro_Bono_Services_as_Bridging_the_Justice_Gap_in_Nigeria (accessed: 10.03.2025).

4. McQuoid-Mason D. Access to justice and the need for a holistic approach to the delivery of legal aid services in developing countries: Lessons from South Africa. *Jindal Global Law Review* 11, 309–337 (2020). <https://doi.org/10.1007/s41020-020-00126-1>
5. McQuoid-Mason D. Law clinics at African universities: An overview of the service delivery component with passing references to experiences in South and South-East Asia. November 2024. *Journal for Juridical Science* 33:1-24. DOI: 10.38140/jjs.v33i.8779 URL: https://www.researchgate.net/publication/387051889_Law_clinics_at_African_universities_An_overview_of_the_service_delivery_component_with_passing_references_to_experiences_in_South_and_South-East_Asia
6. Арутюнян М.С., Хисматуллин О.Ю. Некоторые аспекты модернизации образовательного процесса // Современное состояние и перспективы развития юридического образования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию юридического образования в Республике Башкортостан. Ответственный редактор И.А. Макаренко. Уфа, 2019. С. 3-9.
7. Атагимова Э.И. Роль юридических клиник в системе оказания бесплатной юридической помощи Российской Федерации: история и современность // Мониторинг правоприменения. 2021. № 3 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-yuridicheskikh-klinik-v-sisteme-okazaniya-besplatnoy-yuridicheskoy-pomoschi-rossiyskoy-federatsii-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 14.07.2025).
8. Африканская система защиты прав человека и народов : учебник для вузов / А. Х. Абашидзе [и др.] ; под редакцией А. Х. Абашидзе. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2025. 138 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-18688-8. Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/562609> (дата обращения: 06.02.2025).
9. Бекреева Н.А. Профилактика суицидального поведения обучающихся посредством правового просвещения: на практике «Юридической клиники» ШГПУ / Н. А. Бекреева, М. В. Старовойтова // Юридические клиники в системе оказания бесплатной юридической помощи Российской Федерации: история, реальность, стратегия развития, взаимодействие с социально ориентированными некоммерческими организациями : Материалы Всероссийской конференции с международным участием, Курган, 12 февраля 2020 года / Под редакцией Н.В. Соколовой. Курган: Курганский государственный университет, 2020. С. 157-161. EDN AEAMTS.
10. Березина Е.А. Использование искусственного интеллекта в юридической деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12 (145). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-yuridicheskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 14.07.2025).
11. Вильданова Д.А. Система подготовки юридических кадров в США и Великобритании // SAF. 2024. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-podgotovki-yuridicheskikh-kadrov-v-ssha-i-velikobritanii> (дата обращения: 14.07.2025).
12. Гавристова Т. М. Африка: «постколониальная библиотека» // Азия и Африка сегодня. 2020. № 3 С. 80-85. URL: <https://asaf-today.ru/s032150750008720-4-1/>. DOI: 10.31857/S032150750008720-4.
13. Галкин А.Ю. Правовое просвещение юридических клиниками // Человек, экономика, общество: грани взаимодействия: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 28 декабря 2019 г. / Под общ. ред. Е.П. Ткачевой. Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2019. С. 50-52.
14. Едреев Т.Ш.М. Юридическая клиника: сочетание теории и практики в образовательном учреждении / Т.Ш.М. Едреев // Вопросы устойчивого развития общества. 2021. № 12. С. 734-736. DOI 10.34755/IROK.2021.92.76.006. EDN LQXAQO.
15. Каменева П.В., Косяченко М.С. Роль и значение юридической клиники как формы защиты и восстановления нарушенных прав граждан (на примере юридической клиники таганрогского института управления и экономики) // Вестник ТИУиЭ. 2023. № 4 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-znachenie-yuridicheskoy-kliniki-kak-formy-zashchity-i-vosstanovleniya-narusshennykh-prav-grazhdan-na-primere-yuridicheskoy> (дата обращения: 14.07.2025).
16. Корнеева Н.А. Виртуальные юридические консультации: быть или не быть в деятельности юридических клиник / Н. А. Корнеева // Юридическая клиника: тенденции и перспективы оказания бесплатной юридической помощи в Российской Федерации : Сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 27 ноября 2020 года / Российская таможенная академия ; отв. за вып. И.И. Шарапов. – Москва: РИО Российской таможенной академии, 2021. С. 49-52. EDN YLXEKY.
17. Максимчук М.В. Юридическая клиника в контексте юридической безопасности страны // Вестник Прикамского социального института. 2025. № 1 (100). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-klinika-v-kontekste-yuridicheskoy-bezopasnosti-strany> (дата обращения: 15.07.2025).
18. Островская Н.Б. Правовое просвещение школьников-потребителей финансовых услуг как одно из направлений работы юридических клиник / Н. Б. Островская, М. В. Гудкова // Роль юридической клиники в системе оказания бесплатной юридической помощи : Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 ноября 2024 года. Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2025. С. 123-126. EDN FDQVTO.
19. Отчет о поездке (Йоханесбург, Кейптаун, Дурбан, декабрь 2001 года). 5-ый ежегодный коллоквиум по клиническому юридическому образованию, 15-16 ноября 2002 года, Варшава, Польша. URL: https://codolc.com/library/clinicheskoe_yuridich_obrazovanie/yuridich_klinika_afrika (дата обращения: 10.06.2025)
20. Официальный сайт Санкт-Петербургского государственного университета. URL: <https://law.spbu.ru/education/law-clinic/about-clinic/> (дата обращения: 14.07.2025).
21. Официальный сайт Юридической клиники Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий». URL: <https://lawclinic-ufa.ru/> (дата обращения: 11.07.2025).
22. Официальный сайт юридической клиники юридического факультета МГУ им. Ломоносова. URL: <https://lawclinic-msu.tilda.ws/#about> (дата обращения: 15.06.2025).
23. Панга Е.В., Конокин Д.В. Организация работы студентов в юридической клинике и их мотивация: особенности оказания бесплатной правовой помощи населению // Право и управление. 2023. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-raboty-studentov-v-yuridicheskoy-klinike-i-ih-motivatsiya-osobennosti-okazaniya-besplatnoy-pravovoy-pomoschi> (дата обращения: 14.07.2025).
24. Передвижной юридический центр – мобильный пункт оказания бесплатной юридической помощи Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в новом учебном году начал свою работу. URL: <https://spb.rpa-mu.ru/novosti/peredvizhnoy-yuridicheskij-centr-mobilnyj-punkt-okazaniya-besplatnoy-yuridicheskoy-pomoschi-sankt-peterburgskogo-instituta-filiala-vguyu-rpa-minyusta-rossii-v-novom-uchebnom-godu-nachal-svoyu-rabotu> (дата обращения: 15.06.2025).
25. План действий Форума партнерства Россия - Африка на 2023-2026 годы. Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5971> (дата обращения: 10.03.2025).
26. Сайт Юридической клиники СГЮА. URL: <http://lc.ssla.ru/meropriyatiya?start=21> (дата обращения: 20.01.2025).
27. Соломатина Е.А., Степанникова Я.Н. К вопросу о сравнительном анализе развития юридических клиник в России и США // Вестник УМЦ. 2017. №14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sravnitelnom-analize-razvitiya-yuridicheskikh-klinik-v-rossii-i-ssha> (дата обращения: 14.07.2025).
28. Тишков К.С. Феномен доверия как фактор эффективности правовой помощи в практике юридических клиник // Прикладная юридическая психология. 2023. №1 (62). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-doveriya-kak-faktor-effektivnosti-pravovoy-pomoschi-v-praktike-yuridicheskikh-klinik> (дата обращения: 15.07.2025).
29. Ттян Л.Л. Дистанционная работа юридических клиник: проблемы и перспективы развития // Вопросы российской юстиции. 2022. № 17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/distsionnaya-rabota-yuridicheskikh-klinik-problemy-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 14.07.2025).
30. Туркова И.М. Правовой искусственный интеллект // Вестник магистратуры. 2023. № 4-1 (139). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-iskusstvennyy-intellekt> (дата обращения: 14.07.2025).
31. Хвалыгина Н.Л. Проведение занятий в юридической клинике с применением дистанционных технологий / Н. Л. Хвалыгина // Актуальные технологии преподавания в высшей школе : материалы научно-методической конференции, Кострома, 17 мая – 21 2021 года / Костромской государственный университет. Кострома: Костромской государственный университет, 2021. С. 167-172. EDN DYRDSF.
32. Этков А.В. «Дистанционная» юридическая клиника как форма практико-ориентированного обучения в вузе / А. В. Этков // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 3. С. 148-155. EDN UTBZND.

References:

1. Donald James Nicolson. «Our roots began in (South) Africa»: Modelling law clinics to maximise social justice ends. July 2016. *International Journal of Clinical Legal Education* 23(3):88 DOI:10.19164/ijcle.v23i3.532
2. Kotonya A. Law, clinics, and social innovation in Africa. In book: *Social Justice Innovation in Africa* (pp.203-218) June 2024& DOI:10.4324/9781003452423-17 URL: https://www.researchgate.net/publication/381144723_Law_clinics_and_social_innovation_in_Africa
3. Matilda Adedoyin Chukwuemeka. Role of University Law Clinics in Providing Pro Bono Services as Bridging the Justice Gap in Nigeria. April 2025. In book: *Pursuit of Legal Education* (Eds), Essays Marking the 20th Anniversary of Lead City University, Ibadan (pp.65-80). URL: https://www.researchgate.net/publication/392966930_Role_of_University_Law_Clinics_in_Providing_Pro_Bono_Services_as_Bridging_the_Justice_Gap_in_Nigeria (accessed: 10.03.2025).
4. McQuoid-Mason D. Access to justice and the need for a holistic approach to the delivery of legal aid services in developing countries: Lessons from South Africa. *Jindal Global Law Review* 11, 309–337 (2020). <https://doi.org/10.1007/s41020-020-00126-1>
5. McQuoid-Mason D. Law clinics at African universities: An overview of the service delivery component with passing references to experiences in South and South-East Asia. November 2024. *Journal for Juridical Science* 33:1-24. DOI: 10.38140/jjs.v33i.8779 URL: https://www.researchgate.net/publication/387051889_Law_clinics_at_African_universities_An_overview_of_the_service_delivery_component_with_passing_references_to_experiences_in_South_and_South-East_Asia

6. Arutyunyan M.S., Khismatullin O.Yu. Some Aspects of Modernizing the Educational Process // Current State and Prospects for the Development of Legal Education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 70th Anniversary of Legal Education in the Republic of Bashkortostan. Edited by I.A. Makarenko. Ufa, 2019. Pp. 3-9.
7. Atagimova E.I. The Role of Legal Clinics in the System of Free Legal Aid in the Russian Federation: History and Modernity. Monitoring of Law Enforcement. 2021, no. 3 (40). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-yuridicheskikh-klinik-v-sisteme-okazaniya-besplatnoy-yuridicheskoy-pomoschi-rossiyskoy-federatsii-istoriya-i-sovremennost> (accessed: 14.07.2025).
8. The African System of Human and Peoples' Rights: A Textbook for Universities / A.Kh. Abashidze [et al.]; ed. by A.Kh. Abashidze. 3rd ed., rev. and exp. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 138 p. (Higher Education). ISBN 978-5-534-18688-8. Electronic text. Yurait Educational Platform. Available at: <https://urait.ru/bcode/562609> (accessed: 06.02.2025).
9. Bekreeva N.A., Starovoytova M.V. Prevention of Suicidal Behavior Among Students Through Legal Education: The Practice of the "Legal Clinic" of ShGPU. In: *Legal Clinics in the System of Free Legal Aid in the Russian Federation: History, Reality, Development Strategy, and Cooperation with Socially Oriented Non-Profit Organizations: Proceedings of the All-Russian Conference with International Participation, Kurgan, February 12, 2020* / ed. by N.V. Sokolova. Kurgan: Kurgan State University, 2020. Pp. 157–161. EDN AEAMTS.
10. Berezina E.A. The Use of Artificial Intelligence in Legal Practice. Actual Problems of Russian Law. 2022, no. 12 (145). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-yuridicheskoy-deyatelnosti> (accessed: 14.07.2025).
11. Vildanova D.A. The System of Legal Training in the USA and the UK. SAF. 2024, no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-podgotovki-yuridicheskikh-kadrov-v-ssha-i-velikobritanii> (accessed: 14.07.2025).
12. Gavristova T.M. Africa: The "Postcolonial Library". Asia and Africa Today. 2020, no. 3, pp. 80–85. Available at: <https://asaf-today.ru/s032150750008720-4-1/>. DOI: 10.31857/S032150750008720-4.
13. Galkin A.Yu. Legal Education by Legal Clinics. In: *Human, Economy, Society: Facets of Interaction: Collection of Scientific Papers Based on the Proceedings of the International Scientific-Practical Conference, December 28, 2019* / ed. by E.P. Tkacheva. Belgorod: Agency for Advanced Scientific Research (APNI), 2019. Pp. 50–52.
14. Edreev T.Sh.M. Legal Clinic: Combining Theory and Practice in an Educational Institution. Issues of Sustainable Development of Society. 2021, no. 12, pp. 734–736. DOI: 10.34755/ROK.2021.92.76.006. EDN LOXAQO.
15. Kameneva P.V., Kosiachenko M.S. The Role and Significance of Legal Clinics as a Form of Protection and Restoration of Violated Rights of Citizens (Based on the Example of the Legal Clinic of the Taganrog Institute of Management and Economics). Bulletin of TIUE. 2023, no. 4 (40). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-znachenie-yuridicheskoy-kliniki-kak-formy-zaschity-i-vosstanovleniya-narusennykh-prav-grazhdan-na-primere-yuridicheskoy> (accessed: 14.07.2025).
16. Korneeva N.A. Virtual Legal Consultations: To Be or Not to Be in the Activities of Legal Clinics. In: *Legal Clinic: Trends and Prospects of Free Legal Aid in the Russian Federation: Proceedings of the 1st All-Russian Scientific-Practical Conference, Moscow, November 27, 2020* / Russian Customs Academy; ed. by I.I. Sharapov. Moscow: RIO of the Russian Customs Academy, 2021. Pp. 49–52. EDN YLXEKY.
17. Maksimchuk M.V. Legal Clinic in the Context of National Legal Security. Bulletin of the Prikamsky Social Institute. 2025, no. 1 (100). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-klinika-v-kontekste-yuridicheskoy-bezopasnosti-strany> (accessed: 15.07.2025).
18. Ostrovskaya N.B., Gudkova M.V. Legal Education of Schoolchildren as Consumers of Financial Services as One of the Areas of Work of Legal Clinics. In: *The Role of Legal Clinics in the System of Free Legal Aid: Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference, St. Petersburg, November 22, 2024*. St. Petersburg: Asterion Center for Scientific and Information Technologies, 2025. Pp. 123–126. EDN FDQVTO.
19. Report on the Trip (Johannesburg, Cape Town, Durban, December 2001). 5th Annual Colloquium on Clinical Legal Education, November 15–16, 2002, Warsaw, Poland. Available at: https://codolc.com/library/clinicheskoe_yuridich_obrazovanie/yuridich_klinika_afrika (accessed: 10.06.2025).
20. Official Website of St. Petersburg State University. Available at: <https://law.spbu.ru/education/law-clinic/about-clinic/> (accessed: 14.07.2025).
21. Official Website of the Legal Clinic of the Institute of Law, Ufa University of Science and Technology. Available at: <https://lawclinic-ufa.ru/> (accessed: 11.07.2025).
22. Official Website of the Legal Clinic of the Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University. Available at: <https://lawclinic-msu.tilda.ws/#about> (accessed: 15.06.2025).
23. Panga E.V., Konokin D.V. Organization of Student Work in Legal Clinics and Their Motivation: Features of Providing Free Legal Aid to the Population. Law and Governance. 2023, no. 9. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-raboty-studentov-v-yuridicheskoy-klinike-i-ih-motivatsiya-osobennosti-okazanii-besplatnoy-pravovoy-pomoschi> (accessed: 14.07.2025).
24. Mobile Legal Center – A Free Legal Aid Unit of the St. Petersburg Institute (Branch) of the Russian State University of Justice Has Started Its Work in the New Academic Year. Available at: <https://spb.rpa-mu.ru/novosti/peredvizhnoj-yuridicheskij-centr-mobilnyj-punkt-okazaniya-besplatnoy-yuridicheskoy-pomoschi-sankt-peterburgskogo-instituta-filiala-vguyu-rpa-minyusta-rossii-v-novom-uchebnom-godu-nachal-svoyu-rabotu> (accessed: 15.06.2025).
25. Russia-Africa Partnership Forum Action Plan for 2023–2026. Official Website of the President of Russia. Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/5971> (accessed: 10.03.2025).
26. Website of the Legal Clinic of Saratov State Law Academy. Available at: <http://lc.ssla.ru/meropriyatiya?start=21> (accessed: 20.01.2025).
27. Solomatina E.A., Stepannikova Ya.N. On the Comparative Analysis of the Development of Legal Clinics in Russia and the USA. Bulletin of UMC. 2017, no. 14. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sravnitelnom-analize-razvitiya-yuridicheskikh-klinik-v-rossii-i-ssha> (accessed: 14.07.2025).
28. Tishkovich K.S. The Phenomenon of Trust as a Factor in the Effectiveness of Legal Aid in the Practice of Legal Clinics. Applied Legal Psychology. 2023, no. 1 (62). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-doveriya-kak-faktor-effektivnosti-pravovoy-pomoschi-v-praktike-yuridicheskikh-klinik> (accessed: 15.07.2025).
29. Tityan L.L. Remote Work of Legal Clinics: Problems and Development Prospects. Issues of Russian Justice. 2022, no. 17. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/distsionnaya-rabota-yuridicheskikh-klinik-problemy-i-perspektivy-razvitiya> (accessed: 14.07.2025).
30. Turkova I.M. Legal Artificial Intelligence. Magistracy Bulletin. 2023, no. 4-1 (139). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-iskusstvennyy-intellekt> (accessed: 14.07.2025).
31. Khvalyagina N.L. Conducting Classes in a Legal Clinic Using Distance Learning Technologies. In: *Modern Teaching Technologies in Higher Education: Proceedings of the Scientific-Methodological Conference, Kostroma, May 17–21, 2021*. Kostroma: Kostroma State University, 2021. Pp. 167–172. EDN DYRDSF.
32. Ektov A.V. "Remote" Legal Clinic as a Form of Practice-Oriented Education at a University. Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2018, no. 3, pp. 148–155. EDN UTBZND.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОХОТЕ LEGAL LIABILITY FOR VIOLATIONS OF HUNTING LAWS

ДЖУНУСОВА Джамила Нурашевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правоведения
Института экономики и права Астраханского государственного технического университета.
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, корп. 16/10.
E-mail: ddn_555@mail.ru;

DZHUNUSOVA Dzhamilya Nurashvna,

Candidate of law, associate Professor, the Department of law (Astrakhan State Technical University).
16/10 Tatishcheva str., building, Astrakhan, 414056, Russia.
E-mail: ddn_555@mail.ru

Краткая аннотация: Охотничьи ресурсы и продукция охоты имеют важное значение с точки зрения развития охотничьего хозяйства и обеспечения продовольственной безопасности России, самозанятости сельских жителей, занятия охотой как основы существования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Возобновление охотничьих ресурсов возможно лишь в условиях рационального природопользования, что требует бережного к ним отношения. В статье указаны основные нарушения в области охоты, допускаемые гражданами, выявлены причины и последствия их совершения. Анализируется действующее законодательство в рассматриваемой сфере, исследуются вопросы применения мер юридической ответственности за нарушения законодательства об охоте.

Abstract: Hunting resources and hunting products are important from the point of view of developing the hunting industry and ensuring food security in Russia, self-employment of rural residents, and hunting as the basis for the existence of indigenous peoples of the North, Siberia, and the Far East. The renewal of hunting resources is possible only in conditions of rational use of natural resources, which requires careful treatment. The article identifies the main hunting violations committed by citizens, identifies the causes and consequences of their commission. The current legislation in the field under consideration is analyzed, and the issues of applying legal liability measures for violations of hunting legislation are investigated.

Ключевые слова: Юридическая ответственность, законодательство об охоте, незаконная охота, приравнение к охоте, административная ответственность, уголовная ответственность, гражданско-правовая ответственность.

Keywords: Legal responsibility, hunting legislation, illegal hunting, equating to hunting, administrative responsibility, criminal liability, civil liability.

Для цитирования: Джунусова Д.Н. Юридическая ответственность за нарушение законодательства об охоте // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 179-182. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_179.

For citation: Dzhunusova D.N. Legal liability for violations of hunting laws // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 179-182. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_179.

Статья поступила в редакцию: 18.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

В нашей стране охота традиционно является одним из наиболее распространенных видов пользования животным миром. Ее популярность объясняется в разных источниках наличием множества факторов, включая связь с природой¹, физическую активность, традиции и культуру, пищевую ценность [1, с. 115], психологическую разгрузку² и т.д. Эти аспекты делают охоту привлекательным занятием для определенной части населения России. Основное регулирование использования, охраны и воспроизводства охотничьих ресурсов осуществляется нормативными предписаниями двух федеральных законов: от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире»³ (далее – Закон о животном мире) и от 20 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴ (далее – Закон об охоте). Приказом Минприроды России от 24.07.2020 № 477 утверждены Правила охоты.⁵ Кроме того, региональные органы власти в рамках своих полномочий могут издавать законодательные и иные нормативные правовые акты, регулирующие правила охотничьей деятельности в пределах своей территории⁶.

Таким образом, соблюдение требований при осуществлении охоты и других видов деятельности в сфере охотничьего хозяйства обеспечивается системой законодательных актов как федерального, так и регионального уровня.

К сожалению, не все граждане соблюдают установленные требования, при этом внутри всего комплекса экологических правонарушений наиболее часто совершаемыми являются нарушения правил охоты и незаконная охота. Так, согласно данным, представленным МВД России, в 2023 г. по ст. 258 УК РФ «Незаконная охота» было зарегистрировано 1273 преступлений, по ст. 8.37 КоАП РФ «Нарушение правил охоты, правил, регламентирующих рыболовство и другие виды пользования объектами животного мира» – 8966 дел об административных правонарушениях [2, с. 591-592].

Основными причинами совершения таких нарушений являются:

- низкий уровень жизни населения удаленных регионов, в которых фиксируется высокий уровень безработицы, а охота для большинства жителей является существенным или даже главным источником пропитания;
- коррупционные проявления (если охотничий билет получен незаконно, например, за взятку, без сдачи экзамена на охотминимум);

¹ Лобов И. Тихая охота: знакомство с миром природы. URL: <https://ynpress.com/archives/119614> (дата обращения: 09.08.2025).

² Что толкает горожан в прекрасный мир охоты? URL: <https://www.ohotniki.ru/hunting/societys/societys/article/2018/08/17/651942-что-толкает-горожан-в-прекрасный-мир-охоты.html> (дата обращения: 09.08.2025).

³ Собрание законодательства РФ. 1995. № 17. Ст. 1462.

⁴ Собрание законодательства РФ. 2009. № 30. Ст. 3735.

⁵ Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 31.08.2020.

⁶ См., напр.: Закон Брянской области от 19.04.2007 № 54-З «Об охоте и охотничьем хозяйстве в Брянской области», Закон Камчатского края от 31.05.2011 № 609 «Об охотничьих ресурсах, в отношении которых осуществляется промысловая охота на территории Камчатского края», Закон Республики Коми от 04.07.2018 № 50-ПЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов в Республике Коми», Закон Пензенской обл. от 24.04.2024 № 4246-ЗПО «Об утверждении порядка распределения разрешений на добычу охотничьих ресурсов между физическими лицами, осуществляющими охоту в общедоступных охотничьих угодьях Пензенской области», Указ Губернатора Ульяновской области от 03.03.2021 № 19 «Об определении видов разрешенной охоты и ограничений охоты в охотничьих угодьях на территории Ульяновской области, за исключением особо охраняемых природных территорий федерального значения».

- корысть (достаточно часто незаконная охота совершается с целью наживы, получаемой в результате реализации продукции охоты);
- отсутствие «охотничьей этики» у охотников;
- недостаточное финансирование госинспекции, нехватка кадров¹;
- правовой нигилизм и низкая правовая культура.

Нарушения лицами законодательства в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов приводят к различным негативным последствиям, которые выражаются в следующем:

- 1) экологический вред (сокращение численности популяции диких животных, ухудшение состояния естественного баланса экосистем);
- 2) экономические потери (утрата объектов животного мира, нанесение косвенного вреда экономике) [3, с. 9];
- 3) возникновение социальных конфликтов, в которые могут быть вовлечены различные группы населения (местные жители², зоозащитники³, сами охотники⁴), а также органы государственной власти, нефтегазовые корпорации [4] и т.д.

Действующее законодательство предусматривает административную, уголовную и гражданско-правовую ответственность за нарушение законодательства в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов.

Одно из нарушений в области охоты, за которое КоАП РФ установлена административная ответственность – добыча копытных животных и медведей, относящихся к охотничьим ресурсам, без разрешения, если разрешение обязательно, либо с нарушением условий, предусмотренных разрешением (ч. 2 ст. 7.11). За совершение данного деяния виновным грозит лишение права охоты на срок от одного года до трех лет.

Примеры правонарушений, за которые предусмотрена административная ответственность по ч. 2 ст. 11 КоАП РФ:

- гражданин О. в ходе коллективной охоты с применением автомобиля и светового устройства осуществил без разрешения добычу самца благородного оленя (изюбря). Указанные обстоятельства при возбуждении дела об административном правонарушении О. не оспаривал, факт его участия в добыче копытного животного подтвержден в числе иных доказательств объяснениями, изложенными им в протоколе об административном правонарушении: «15 декабря 2022 г. принимал участие в охоте. Добывать изюбря не хотели, путевки были на других лесных жителей. В содеянном раскаиваюсь»⁵;
- выявление факта добычи копытного животного (лося возрастом до года) при проведении коллективной охоты, ответственным лицом за осуществление которой являлся гражданин С., с нарушением условий, предусмотренных разрешением на добычу копытных животных № 180168. Данным документом предусматривалась возможность добычи взрослого лося⁶.

Административная ответственность по статье 8.37 КоАП РФ установлена как за общие нарушения правил охоты (ч. 1), в том числе совершенной повторно в течении года (ч. 1.1), так и за нарушения отдельных требований, таких как нарушение сроков охоты (исключение – если допускается осуществление охоты вне установленных сроков) либо осуществление охоты недопустимыми для использования орудиями охоты или способами охоты (ч. 1.2), непредъявление по требованию ответственных должностных лиц охотничьего билета, разрешения на добычу охотничьих ресурсов, путевки либо разрешения на хранение и ношение охотничьего оружия в случае осуществления охоты с охотничьим огнестрельным и (или) пневматическим оружием (ч. 1.3).

Санкции по ч.ч. 1-1.3 ст. 8.37 КоАП РФ предусмотрены как для граждан, так и для должностных лиц в виде административного штрафа с конфискацией орудий охоты или без таковой. Размер штрафа зависит от состава и субъекта совершенного правонарушения и установлен в диапазоне от пятисот руб. до пятидесяти тысяч руб. Дополнительным наказанием для граждан может служить лишение права охоты: по ч. 1 – на срок до двух лет, по ч. 1.2 и ч. 1.3 – в пределах от одного года до двух лет, а по ч. 1.1 – от одного года до трех лет.

Еще одно нарушение в области охоты, за которое КоАП РФ установлена административная ответственность, – причинение вреда редким и находящимся под угрозой исчезновения видам животных, занесенных в Красную книгу РФ и (или) охраняемых международными договорами РФ, в т.ч. их уничтожение (ст. 8.35 КоАП РФ). К субъектам такого деяния (граждане, должностные лица, юридические лица) применяется наказание в виде административного штрафа, размер которого может достигать одного миллиона рублей, а в качестве дополнительного наказания предусматривается конфискация орудий добычи животных, а также самих животных, их продуктов, частей либо дериватов.

Действующий в настоящее время Перечень объектов животного мира, занесенных в Красную книгу РФ⁷, включает 443 объекта животного мира. Ведение Красной книги осуществляется также на уровне субъектов РФ, в нее включаются виды диких животных, редкие в пределах конкретного региона (республики, края, области и т.д.). За уничтожение видов животных, занесенных в региональные Красные книги, административная ответственность предусмотрена законами соответствующих субъектов РФ¹.

При этом, по мнению С.В. Рыбина, возможны противоречия, обусловленные наличием нормативных коллизий между федеральным

¹ Лесные войны: как в России борются с незаконной охотой. URL: <https://iz.ru/1050602/marta-litvinova/lesnye-voyny-kak-v-rossii-boriutsia-s-nezakonnoi-okhotoi> (дата обращения: 09.08.2025).

² Частные пашни и государственные волки: начались первые конфликты между охотниками и фермерами. URL: <https://agrobook.ru/blog/user/aleksandra-koreneva/chastnye-pashni-i-gosudarstvennye-volki-nachalis-pervye-konflikty>; На Кубани проверяют данные о конфликте между садоводами и охотниками. URL: <https://ria.ru/20191118/1561075969.html> (дата обращения: 10.08.2025).

³ Противостояние охотников и зоозащитников: анализ конфликта и последствия. URL: <https://mediastore-kazan.ru/d/protivostoyanie-ohotnikov-i-zoozashchitnikov-analiz-konflikta-i-posledstviya> (дата обращения: 10.08.2025).

⁴ Егошин И. Военные уголья под прицелом Минюста. URL: https://vidsboku.com/articles/voennye-ugodya-pod-pricelom-minyusta?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https://dzen.ru/news/search?text= (дата обращения: 10.08.2025).

⁵ Постановление Верховного Суда РФ от 10.12.2024 № 59-АД24-6-К9 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

⁶ Постановление Верховного Суда РФ от 29.06.2020 № 35-АД20-1 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

⁷ Приказ Минприроды России от 24.03.2020 № 162 «Об утверждении Перечня объектов животного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 02.04.2020.

законодательством и законодательством субъектов РФ, имея в виду ситуации с включением в списки объектов животного мира некоторых видов, которые занесены как в Красную книгу РФ, так и в Красную книгу субъекта РФ [5, с. 161].

В этой связи приведем следующий пример. На 1178 километре перегона между станцией Эльтон и разъездом Ингеловский в Палласовском районе Волгоградской области произошел инцидент – под колеса тепловоза попал сайгак. По данному факту Нижне-Волжским межрегиональным управлением Росприроднадзора было возбуждено административное дело по ст. 8.35 КоАП РФ. В ходе административного расследования машинист тепловоза признал свою вину. Суд признал его виновным и назначил административное наказание в виде штрафа в размере 2500 рублей. Одновременно Управлением Росприроднадзора направлено требование о добровольной оплате ущерба в адрес виновного лица в размере 60 000 руб.²

Следует отметить, что в Перечне объектов животного мира, занесенных в Красную книгу РФ, сайгак (лат. *Saiga tatarica*) имеет высшую категорию статуса редкости, статуса угрозы – «уязвимый». Сайгак также занесен в красные книги всех регионов в ареале проживания животного (Саратовская область, Волгоградская область, Астраханская область, Республика Калмыкия).

Однако в июне 2025 г. Минприроды России приняло решение исключить популяцию волго-уральских сайгаков, от миграции которых с территории соседнего Казахстана пострадали фермеры Саратовской области, из Красной книги РФ. Планируется уточнить в ней статус сайгака посредством указания популяции Северо-Западного Прикаспия³. С учетом этого аналогичное решение об исключении популяции волго-уральских сайгаков из региональной Красной книги было принято на заседании межведомственной комиссии по ведению Красной книги Саратовской области⁴.

Как видно из приведенного выше примера, вопрос о том, какую норму, региональную или федеральную, будет применять конкретное должностное лицо в случае выявления факта правонарушения, объектом посягательства которого станет животное, занесенное одновременно в региональную красную книгу и Красную книгу РФ [5, с. 161], решается в пользу федерального законодательства.

Незаконную охоту как преступное деяние, за которое ст. 258 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность, образует нарушение правил охоты при наличии в действиях виновного лица хотя бы одного из следующих признаков:

- причинение крупного ущерба (таковым признается ущерб, исчисленный по утвержденным Постановлением Правительства РФ от 10 июня 2019 г. № 750⁵ таксам и методике, превышающий сорок тысяч рублей, особо крупным – сто двадцать тысяч рублей);
- применение механического транспортного средства (автомобили, мотоциклы, мотонарты, снегоходы и др.) или воздушного судна (самолеты, вертолеты, квадрокоптеры и др.), взрывчатых веществ, газов или иных способов массового уничтожения птиц и зверей (например, выжигание растительности в местах обитания животных)⁶;
- совершения деяния в отношении птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена;
- осуществление охоты на особо охраняемой природной территории либо в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации.

За перечисленные деяния уголовный закон предусматривает наказание в виде штрафа в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо исправительные работы на срок до двух лет, либо лишение свободы на срок до двух лет.

Если же незаконная охота осуществляется лицом с использованием своего служебного положения либо совершается группой лиц по предварительному сговору или организованной группой или повлекла причинение особо крупного ущерба, то виновным лицам может быть назначено в виде штрафа в размере от пятисот тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от трех до пяти лет либо лишение свободы на срок от трех до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

Статьей 258.1 УК РФ предусмотрена ответственность за незаконную добычу особо ценных диких животных, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ. В настоящее время в Перечень таких видов, утвержденный Правительством РФ, входят семь видов млекопитающих и четыре вида птиц⁷. Максимальное наказание за данное деяние – до четырех лет лишения свободы со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет или без такового и с ограничением свободы на срок до одного года или без такового. При наличии квалифицирующих признаков (например, совершение преступления с использованием служебного положения или группой лиц по предварительному сговору) к виновным применяется еще более строгое наказание.

Привлечение нарушителя к административной или уголовной ответственности не освобождает его от необходимости возмещения

¹ См., например: Кодекс Республики Саха (Якутия) об административных правонарушениях от 14.10.2009 726-3 № 337-IV (ст. 4.5), Закон Свердловской области от 14.06.2005 № 52-ОЗ «Об административных правонарушениях на территории Свердловской области» (ст. 11), Закон Астраханской области от 22.06.2016 № 41/2016-ОЗ «Об административных правонарушениях» (ст. 24), Закон Новосибирской области от 14.02.2003 № 99-ОЗ «Об административных правонарушениях в Новосибирской области» (ст. 7.4).

² В Волгоградской области машинист тепловоза заплатит 62 тыс. рублей за гибель сайгака. URL: <https://v102.ru/news/135316.html> (дата обращения: 09.08.2025).

³ Проект Приказа Минприроды России «О внесении изменения в Перечень объектов животного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации, утвержденный приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 24 марта 2020 г. № 162». URL: <https://regulation.gov.ru/projects?type=Grid> (дата обращения: 10.08.2025).

⁴ Волго-уральских сайгаков исключат из Красной книги. URL: <https://ria.ru/20250715/saygaki-2029286564.html> (дата обращения: 10.08.2025).

⁵ Постановление Правительства РФ от 10.06.2019 № 750 «Об утверждении такс и методики исчисления крупного и особо крупного ущерба для целей статьи 258 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 24. Ст. 3102.

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (в ред. от 15.12.2022) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

⁷ Постановление Правительства РФ от 31.10.2013 № 978 «Об утверждении перечня особо ценных диких животных, водных биологических ресурсов, растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1, 258.1 и 260.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» (в ред. от 05.10.2023) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

вреда, причиненного охотничьим ресурсам.

Исходя из содержания ст. 1064 ГК РФ, ст. 77 Федерального закона «Об охране окружающей среды», лицо обязано возместить причиненный им вред в полном объеме. Возмещение вреда, причиненного охотничьим ресурсам, осуществляется лицом добровольно либо по решению суда, при этом размер ущерба рассчитывается на основе такс и методик исчисления ущерба животному миру, а при их отсутствии – по фактическим затратам на воспроизводство охотничьих ресурсов (ст. 56 Закона о животном мире, ст. 58 Закона об охоте).

В настоящее время размер вреда, причиненного охотничьим ресурсам, при незаконной охоте и (или) нарушении Правил охоты исчисляется в соответствии с таксами и Методикой, утвержденными Приказом Минприроды России от 08.12.2011 № 948¹. В соответствии с п. 4 данного Приказа размер вреда вследствие прямого уничтожения конкретного вида охотничьих ресурсов, их незаконной добычи (отлова, отстрела), уничтожения по неосторожности исчисляется по формуле № 1 ($Y = T \times K \times N$), где:

Y – размер вреда, причиненного вследствие прямого уничтожения конкретного вида охотничьих ресурсов, их незаконной добычи (отлова, отстрела), уничтожения по неосторожности, руб.;

T – такса для исчисления размера вреда, причиненного охотничьим ресурсам, руб.;

K – пересчетный коэффициент;

N – количество особей уничтоженных охотничьих ресурсов.

В отношении значения пересчетного коэффициента следует пояснить, что он учитывает обстоятельства, которые повлекли причинение вреда охотничьим ресурсам (незаконная охота или нарушение правил охоты на особо охраняемой природной территории, непредумышленное причинение вреда, «перестрел» сверх установленной нормы и т.д.). При пересчете учитывается также пол животного. К примеру, в одном из дел, рассмотренных несколькими судебными инстанциями, ущерб от незаконной добычи одной особи дикой косули (самки) был оценен в 120 000 руб.² В другом случае ущерб от незаконной добычи одной особи лося (самца) составил 400 000 руб.³

Для исчисления размера вреда, причиненного объектам животного мира, занесенным в Красную книгу РФ, а также иным объектам животного мира, не относящимся к объектам охоты, применяется Методика, утвержденная Приказом Минприроды России от 28.04.2008 № 107.

Уполномоченными органами государственной власти субъектов РФ также принимаются нормативные акты по вопросам установления такс для исчисления размера взыскания за ущерб, причиненный незаконным добыванием или уничтожением объектов животного мира, занесенным в Красные книги соответствующих регионов⁴.

Разъяснения по отдельным вопросам применения норм об ответственности за вред, причиненный охотничьим ресурсам, содержатся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде».

В заключение следует отметить, что действующее законодательство в области охоты позволяет привлекать виновных лиц к различным видам юридической ответственности – административной, уголовной, гражданско-правовой. Несмотря на это, нарушения правил охоты и незаконная охота продолжают оставаться в числе наиболее часто совершаемых в структуре противоправных посягательств на объекты охраны окружающей среды даже с учетом их высокой латентности и степени общественной опасности. Исходя из этого, необходимо также более эффективно использовать другие методы и средства (организационные, финансово-экономические, технические, информационные, профилактические и т.д.), с помощью которых возможно противодействовать этим опасным явлениям.

Список литературы:

1. Кожаев А.А., Тарбаева В.М. Анализ современного состояния охотоведения и природоохранное значение охоты // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2022. № 1(9). С. 113-120.
2. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2023 году. Проект Государственного доклада. М.: Минприроды России; ООО «Интеллектуальная аналитика»; ФГБУ «Дирекция НТП»; Фонд экологического мониторинга и международного технологического сотрудничества, 2024. 707 с.
3. Забавко Р.А. Уголовная ответственность за незаконную охоту: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2017. 23 с.
4. Новикова Н.И. Охотники и нефтяники: исследование по юридической антропологии / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2014. 407 с.
5. Рыбин С.В. Вопросы правоприменительной практики в сфере охраны редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных и растений // Философия права. 2022. № 4(103). С. 159-163.

References:

1. Kozhaev A.A., Tarbaeva V.M. Analysis of the current state of hunting and the environmental significance of hunting // Arctic 2035: current issues, problems, solutions. 2022. No. 1(9). pp. 113-120.
2. On the state and protection of the environment of the Russian Federation in 2023. Draft State Report. Moscow: Ministry of Natural Resources of the Russian Federation; Intellectual Analytics LLC; Federal State Budgetary Institution NTP Directorate; Fund for Environmental Monitoring and International Technological Cooperation, 2024. 707 p.
3. Zabavko R.A. Criminal liability for illegal hunting: abstract of dissertation of the cand. jurid. sciences: 12.00.08. Omsk, 2017. 23 p.
4. Novikova N.I. Hunters and oilmen: a study in Legal anthropology / N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow: Nauka, 2014. 407 p.
5. Rybin S.V. Issues of law enforcement practice in the field of protection of rare and endangered species of animals and plants // Philosophy of Law. 2022. No. 4(103). pp. 159-163.

¹ Приказ Минприроды России от 08.12.2011 № 948 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного охотничьим ресурсам» // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

² Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26.06.2024 № 88-19917/2024 (УИД 50RS0017-01-2023-001216-38) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

³ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29.05.2025 по делу № 88-7119/2025 (УИД 72RS0026-01-2024-000398-26) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

⁴ См., например: Приказ Минприроды РК от 27.03.2019 № 499 «Об утверждении такс для исчисления размера вреда, причиненного объектам животного мира, занесенным в Красную книгу Республики Коми, ...», Приказ Комитета охраны животного мира Республики Алтай от 13.08.2019 № 89 «Об утверждении такс для исчисления размера вреда, причиненного объектам животного мира, занесенным в Красную книгу Республики Алтай».

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ И СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ ЗООЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ ON THE LEGAL NATURE AND CONTENT OF THE TERM ZOOLOGICAL COLLECTIONS

ДОЙНИКОВ Павел Игоревич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Экологического и природоресурсного права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

123242, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

E-mail: pidoinikov@msal.ru;

DOYNIKOV P.I.,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Environmental and Natural Resource Law O.E. Kutafin University (MSAL).

9 Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, 123242, Russia.

E-mail: pidoinikov@msal.ru

Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»

Краткая аннотация: зоологическими коллекциями являются имеющие научное, культурное, иное особо ценное значение систематизированные собрания животных, чучел, тушек, скелетов, шкур животных, других объектов животного происхождения. Порядок создания, хранения, использования зоологических коллекций определяет уполномоченный Правительством Российской Федерации федеральный орган исполнительной власти. Определение научного, культурного, иного особо ценного значения зоологической коллекции и возможности отнесения ее к зоологическим коллекциям, подлежащим государственному учету, а также возможности включения живых зоологических коллекций зоопарков, зоосадов, цирков, зоотеатров, дельфинариев, океанариумов в реестр зоологических коллекций осуществляется экспертной группой по зоологическим коллекциям. Зоологические коллекции независимо от формы собственности подлежат государственному учету. Зоологические коллекции, включенные в состав Музейного фонда Российской Федерации, независимо от формы собственности и ведомственной принадлежности подлежат государственному учету в соответствии с законодательством Российской Федерации о Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации. Зоологические коллекции, включенные в состав Фонда биологических (биоресурсных) коллекций Российской Федерации, подлежат государственному учету в соответствии с законодательством Российской Федерации о биоресурсных центрах и биологических (биоресурсных) коллекциях.

Abstract: zoological collections are systematized collections of animals, stuffed animals, carcasses, skeletons, animal skins, and other objects of animal origin that have scientific, cultural, or other particularly valuable significance. The procedure for creating, storing, and using zoological collections is determined by the federal executive body authorized by the Government of the Russian Federation. The determination of the scientific, cultural, or other particularly valuable significance of a zoological collection and the possibility of classifying it as a zoological collection subject to state registration, as well as the possibility of including live zoological collections of zoos, zoological gardens, circuses, zoo theaters, dolphinariums, and oceanariums in the register of zoological collections is carried out by an expert group on zoological collections. Zoological collections, regardless of their form of ownership, are subject to state registration. Zoological collections included in the Museum Fund of the Russian Federation, regardless of their form of ownership and departmental affiliation, are subject to state registration in accordance with the legislation of the Russian Federation on the Museum Fund of the Russian Federation and museums in the Russian Federation. Zoological collections included in the Fund of Biological (Bioresource) Collections of the Russian Federation are subject to state registration in accordance with the legislation of the Russian Federation on bioresource centers and biological (bioresource) collections.

Ключевые слова: зоологические коллекции; животный мир; дикие животные в неволе; биоресурсные центры; биологические коллекции; биоресурсные коллекции; биологический объект; биологическое разнообразие; генетические ресурсы; генетическое разнообразие.

Keywords: zoological collections; wildlife; captive wild animals; bioresource centers; biological collections; bioresource collections; biological object; biological diversity; genetic resources; genetic diversity.

Для цитирования: Дойников П.И. О правовой природе и содержании понятия зоологические коллекции // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 183-185. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_183.

For citation: Doinikov P.I. On the legal nature and content of the term zoological collections // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 183-185. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_183.

Статья поступила в редакцию: 20.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

В ФЗ «О животном мире»¹, в статье 29, закреплён странный, антинаучный, конвергенционный, эклектичный, противоречивый термин - зоологические коллекции¹. Он представляет собой, имеющие научное, культурное, иное особо ценное значение систематизированные собрания животных, чучел, тушек, скелетов, шкур животных, других объектов животного происхождения. Из содержания термина зоологические коллекции видно, что он объединяет в себе живых животных, с частями тел, шкур, чучел и т.д., что некорректно.

Из текста ФЗ «О животном мире» следует, что хранятся зоологические коллекции, могут в зоопарках, цирках, музеях, зоотеатрах, дельфинариях и иных местах содержания в неволе животных, как государственных, так и частных. При этом сфера действия, названного ФЗ распространяется только на диких животных обитающих в состоянии естественной свободы, так как под животным миром, в нем, легально понимается совокупность живых организмов всех видов диких животных, постоянно или временно населяющих территорию Российской Федерации и

¹ СЗ РФ, 24.04.1995, N 17, ст. 1462.

находящихся в состоянии естественной свободы. В то же время, согласно параграфу 3 статьи 3 ФЗ «О животном мире», отношения в области охраны и использования сельскохозяйственных и других одомашненных животных, а также диких животных, содержащихся в неволе, регулируются другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, в частности ФЗ «Об ответственном обращении с животными»², ФЗ «О всероссийской сельскохозяйственной переписи»³ и другими Федеральными законами⁴. Противоречие, содержания термина зоологические коллекции, со сферой действия ФЗ «О животном мире» очевидно.

В 2018 году, был принят долгожданный, среди зоозащитников, Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными». Как уже многократно отмечалось, несмотря на пафосное, многозначительное название, термин ответственное обращение с животными, в данном ФЗ не как не раскрыт⁵. Среди различных животных, к ответственному обращению с которыми призывает законодатель, находятся так называемые дикие животные, содержащиеся или используемые в условиях неволи, то есть дикие животные в неволе, а именно дикие животные, изъятые из среды их обитания, в том числе ввезенные на территорию Российской Федерации из других государств, потомство таких животных, в том числе их гибриды⁶. Отмечу, что в ФЗ «Об ответственном обращении с животными», есть термин домашние животные, раскрытый как животные, за исключением животных, включенных в перечень животных, запрещенных к содержанию⁷, которые находятся на содержании владельца, а именно физического лица, под его временным или постоянным надзором и местом содержания которых не являются зоопарки, зоосады, цирки, зоотеатры, дельфинарии, океанариумы. Очевидно, что несмотря на то, что легально домашние животные, не могут содержаться в зоопарках, цирках и т.д., они там фактически содержатся и активно используются⁸, а это означает, что по факту домашние животные являются частью зоологических коллекций. Напомню, положения ФЗ «Об ответственном обращении с животными» не применяются к отношениям в области охраны и использования диких животных находящихся в состоянии естественной свободы⁹, легально именуемые животным миром, отношениям в области рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов, отношениям в области аквакультуры (рыбоводства), отношениям в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов¹⁰, отношениям в области содержания и использования сельскохозяйственных животных и отношениям в области содержания и использования лабораторных животных. То есть, сферы правового регулирования, связанные с дикими животными в состоянии естественной свободы и ответственного обращения с животными, легально разведены и не пересекаются.

Тем не менее, очевидно, что термины дикие животные в неволе и фактически домашние животные, из ФЗ «Об ответственном обращении с животными», пересекается по своему содержанию, с термином зоологические коллекции, из ФЗ «О животном мире», в том случае, когда частью живой коллекции, или всей коллекцией зоопарка, музея, дельфинария и т.д. являются дикие животные в неволе и домашние животные. Получается, что, если зоологической коллекцией, или ее живой частью, являются дикие животные в неволе, либо фактически домашние животные, сфера правого регулирования, должна быть извлечена из сферы ФЗ «О животном мире», и в отношениях, связанных с обращением с дикими животными в неволе и домашними животными, должны применяться требования, закрепленные в ФЗ «Об ответственном обращении с животными». В частности, должны применяться принципы обращения с животными: отношение к животным как к существам, способным испытывать эмоции и физические страдания; ответственность человека за судьбу животного; воспитание у населения нравственного и гуманного отношения к животным; научно обоснованное сочетание нравственных, экономических и социальных интересов человека, общества и государства¹¹. Так как, две названные сферы правового регулирования принципиально различны и легально не распространяются друг на друга.

Напомню, что ФЗ «О животном мире» был принят в 1995 году, и закрепление в нем нормы, о необходимости учета животных, изъятых из естественной среды обитания, объясняется отсутствием норм регулирующих названную сферу, так как ФЗ «Об ответственном обращении с животными», был принят только 2018 году. На сегодняшний момент, статья 29 ФЗ «О животном мире», вызывает массу вопросов о конкуренции норм, и породила многочисленные коллизии в фаунистическом законодательстве Российской Федерации¹².

Примечательно, что в осень 2024 года, был принят Федеральный закон «О биоресурсных центрах и биологических (биоресурсных) коллекциях и о внесении изменений в статью 29 Федерального закона «О животном мире»¹³, внесший еще большую путаницу и неразбериху в правовое регулирование режима зоологических коллекций.

В нем введен в правовую реальность, термин биологический объект, как живой организм, представитель животных, растений, грибов или бактерий, либо его фрагмент или вирус¹⁴. Очевидно, что та часть зоологических коллекций, которая является живыми животными, из ФЗ «О

¹ Дойников П.И. О фаунистическом законодательстве Российской Федерации // Современное право. – 2024. – № 3. – С. 41-49.

² Российская газета, N 295, 29.12.2018.

³ СЗ РФ, 25.07.2005, N 30 (ч. 1), ст. 3119.

⁴ Дойников П.И. Правовые изыскания объектов животного мира // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 3. – С. 307-310.

⁵ Дойников П.И. Теоретические и практические проблемы правового регулирования охраны животных : учебное пособие / П. И. Дойников. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2023. С.56-89.

⁶ Дойников П.И. О классификации объектов животного мира в законодательстве Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 3(231). – С. 220-223.

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2025 N 1163-р «Об утверждении перечня животных, запрещенных к содержанию» // СЗ РФ 19.05.2026, № 20, ст.2489.

⁸ https://moscowzoo.ru/visitors/expositions/detskiy_zoopark(дата обращения: 18.08.2025).

⁹ Экологическое право : учебник / В. Б. Агафонов, С. А. Амашукели, В. К. Быковский, П.И. Дойников [и др.]. – Москва : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С.353-365.

¹⁰ Правовое сопровождение природопользования / В. Б. Агафонов, С. А. Амашукели, Я. А. Блажеев, П.И. Дойников [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2025. С.204-212.

¹¹ Дойников П.И. Об ответственном обращении с животными в Российской Федерации / П. И. Дойников // Аграрное и земельное право. – 2021. – № 10(202). – С. 97-101.

¹² Дойников П.И. Правовое обеспечение государственного управления в сфере охраны и использования объектов животного мира. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2024. С.7-28.

¹³ СЗ РФ, 02.12.2024, №49(часть IV), ст.7419.

¹⁴ Дойников П.И. О правовой природе, содержании и видах права грибопользования (микологического права) // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 193-196.

животном мире», а равно дикие животные в неволе и фактически домашние животные из ФЗ «Об ответственном обращении с животными», являются биологическими объектами, то есть живыми животными, частью коллекций из ФЗ «О биоресурсных центрах и биологических (биоресурсных) коллекциях».

В данной ситуации, необходимо констатировать, пересечение сфер правового регулирования трех Федеральных законодательных актов, а именно: ФЗ «О животном мире», ФЗ «Об ответственном обращении с животными», ФЗ «О биоресурсных центрах и биологических (биоресурсных) коллекциях», применительно, к терминам зоологические коллекции из ФЗ «О животном мире», дикие животные в неволе, фактически домашние животные из ФЗ «Об ответственном обращении с животными», биологический объект из ФЗ «О биоресурсных центрах и биологических (биоресурсных) коллекциях», если представителями названных терминов являются живые животные.

В сложившейся коллизии норм, логично рекомендовать законодателю, признать утратившей силу статью 29 ФЗ «О животном мире», в связи с полным расхождением сферы правового регулирования, данного Закона, распространяющейся только на диких животных обитающих в состоянии естественной свободы, с содержанием статьи 29, посвященной зоологическим коллекциям, то есть правому режиму диких животных в неволе, урегулированному ФЗ «Об ответственном обращении с животными». Затем, необходимо дополнить главу 3 Требования к содержанию и использованию животных из ФЗ «Об ответственном обращении с животными», статьей 17 Зоологические коллекции, наполнив ее содержанием утратившей силу статьи 29 ФЗ «О животном мире».

Далее, необходимо из названия Федерального закона «О биоресурсных центрах и биологических (биоресурсных) коллекциях и о внесении изменений в статью 29 Федерального закона «О животном мире», убрать «и о внесении изменений в статью 29 Федерального закона «О животном мире», обозначив новое название Федеральный закон «О биоресурсных центрах и биологических (биоресурсных) коллекциях». После чего, название «Главы 10 О внесении изменений в ФЗ «О животном мире» Федеральный закон «О биоресурсных центрах и биологических (биоресурсных) коллекциях», изложить так Глава 10 О внесении изменений в Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными» и адресовать содержание Статьи 30. О внесении изменений в Федеральный закон «О животном мире», изменив ее название на Статья 30. О внесении изменений в Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными», названному последним ФЗ «Об ответственном обращении с животными».

Список литературы:

1. Дойников П.И. Об ответственном обращении с животными в Российской Федерации / П. И. Дойников // Аграрное и земельное право. – 2021. – № 10(202).
2. Дойников П.И. Теоретические и практические проблемы правового регулирования охраны животных: учебное пособие / П. И. Дойников. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2023.
3. Дойников П.И. О классификации объектов животного мира в законодательстве Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 3(231).
4. Дойников П.И. О фаунистическом законодательстве Российской Федерации // Современное право. – 2024. – № 3.
5. Дойников П.И. Правовое обеспечение государственного управления в сфере охраны и использования объектов животного мира. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2024.
6. Дойников П.И. О правовой природе, содержании и видах права грибопользования (микологического права) // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 2.
7. Дойников П.И. Правовые изыскания объектов животного мира // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 3.
8. Правовое сопровождение природопользования / В. Б. Агафонов, С. А. Амашукели, Я. А. Блажеев, П.И. Дойников [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2025.
9. Экологическое право : учебник / В. Б. Агафонов, С. А. Амашукели, В. К. Быковский, П.И. Дойников [и др.]. – Москва : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023.

References:

1. Doynikov P.I. On responsible treatment of animals in the Russian Federation / P.I. Doynikov // Agrarian and land law. - 2021. - No. 10 (202).
2. Doynikov P.I. Theoretical and practical problems of legal regulation of animal protection: a tutorial / P.I. Doynikov. - Moscow: Limited Liability Company "Prospect", 2023.
3. Doynikov P.I. On the classification of wildlife in the legislation of the Russian Federation // Law and State: Theory and Practice. - 2024. - No. 3 (231).
4. Doynikov P.I. On the faunistic legislation of the Russian Federation // Modern law. - 2024. - No. 3.
5. Doynikov P.I. Legal support of public administration in the field of protection and use of wildlife. – Moscow: Limited Liability Company "Prospect", 2024.
6. Doynikov P.I. On the legal nature, content and types of the right to use mushrooms (mycological law) // Law and state: theory and practice. – 2025. – No. 2.
7. Doynikov P.I. Legal research of wildlife // Law and state: theory and practice. – 2025. – No. 3.
8. Legal support for nature management / V.B. Agafonov, S.A. Amashukeli, Ya.A. Blazheev, P.I. Doynikov [et al.]. – Moscow: Limited Liability Company "Prospect", 2025.
9. Environmental law: textbook / V.B. Agafonov, S.A. Amashukeli, V.K. Bykovsky, P.I. Doynikov [et al.]. – Moscow: Publishing Center of the O.E. Kutafin University (MSAL), 2023.

СПЕЦИФИКА НАСТУПЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ НЕЗАКОННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

THE SPECIFICS OF THE ONSET OF CIVIL LIABILITY FOR DAMAGE CAUSED BY ILLEGAL ACTIONS OF OFFICIALS OF THE BODIES OF INQUIRY AND PRELIMINARY INVESTIGATION

ПЬЯНУСОВ Александр Викторович,

Кандидат военных наук, доцент, заведующий кафедрой экологии и обеспечения безопасности жизнедеятельности
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы
Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям
и ликвидации последствий стихийных бедствий им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева».
192102, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Фучика, 10.

E-mail: pyanusov.av@yandex.ru;

PYANUSOV Alexander Viktorovich,

Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Ecology and Life Safety
St. Petersburg State Fire Service University Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies
and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev."
Fuchika str., 10, Saint Petersburg, 192102, Russia.

E-mail: pyanusov.av@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается специфика правового регулирования наступления гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания и предварительного следствия, определяются субъекты, имеющие право на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями должностных лиц органов дознания и предварительного следствия.

Abstract: The article examines the specifics of legal regulation of the occurrence of civil liability for damage caused by illegal actions of inquiry and preliminary investigation bodies, and determines the subjects who have the right to compensation for damage caused by illegal actions of officials of inquiry and preliminary investigation bodies.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, незаконные действия, органы дознания, органы предварительного следствия.

Keywords: civil liability, illegal actions, inquiry bodies, preliminary investigation bodies.

Для цитирования: Пьянусов А.В. Специфика наступления гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный незаконными действиями должностных лиц органов дознания и предварительного следствия // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 186-189. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_186.

For citation: Pyanusov A.V. The specifics of the onset of civil liability for damage caused by illegal actions of officials of the bodies of inquiry and preliminary investigation // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 186-189. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_186.

Статья поступила в редакцию: 24.06.2025

Дата публикации: 03.10.2025

На протяжении многих лет актуальной остаётся проблема гражданско-правовой ответственности органов дознания и предварительного следствия¹. Государственные органы и их должностные лица, непосредственно отвечающие за соблюдение законности, нередко сами выступают правонарушителями. Лица, представляющие интересы разных участников уголовного судопроизводства, сталкиваются с возможными ситуациями, когда должностные лица умышленно совершают действия, ограничивающие права и свободы личности и явно выходящие за рамки закона, в целях достижения определенных результатов при расследовании преступлений². Вместе с тем единого концептуального подхода к вопросам ответственности за ущерб, причиненный гражданину органами дознания, предварительного следствия пока не выработано.

Вопрос о возмещении вреда, причиненного незаконными актами власти, обрел в России смысл и форму конституционного принципа лишь в 1992–1993 гг. Впервые обязательства вследствие причинения вреда были закреплены в Гражданском кодексе РСФСР 1922 г. Однако законодательство СССР, регулирующее порядок компенсации реабилитируемым гражданам, долгое время являлось несовершенным. До 1977 г. в конституционных актах СССР не было положений, регулирующих ответственность органов государственной власти за неправомерные решения должностных лиц. Конституция Российской Федерации гарантирует возможность возмещения вреда в случае совершения незаконных действий или бездействий органов государственной власти и их должностных лиц, в том числе должностных лиц органов дознания и предварительного следствия.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами норм гл. 18 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» играет важную роль в формировании единого правового пространства в исследуемой области. Оно стало основой для судебной практики, а также разъясняет судам, как правильно применять нормы гражданского, уголовного и процессуального права.

В действующем законодательстве Российской Федерации содержатся специальные условия возмещения вреда различным субъектам правоотношений, а именно: гражданам – незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, а также прокуратуры и суда; гражданам или юридическим лицам – незаконными действиями или бездействием государственных органов, органов местного самоуправления, их должностными лицами, не повлекшими последствий, предусмотренных п. 1 ст. 1 070 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ).

Как справедливо отмечает К. Антонова, обязательство по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания,

¹ Уголовное право. Общая часть : учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – 424 с. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBVJC.

² Шеншин, В. М. Актуальные проблемы проведения проверки сообщения о событии с признаками преступления / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2019. – № 12(269). – С. 51-57. – EDN GDKBDX.

предварительного следствия возникает при условии, если гражданину нанесены вред, убытки¹. При этом возмещению подлежит не только ущерб, причиненный потерей заработка и других трудовых доходов в связи с незаконным привлечением к уголовной ответственности, но и ущерб, причиненный за время, в течение которого гражданин принимал меры к восстановлению его нарушенных трудовых прав. Примером, иллюстрирующим нарушение трудовых прав, является решение Забайкальского краевого суда². При этом вместе с правом на полное возмещение имущественного ущерба лицо, которому был причинен вред, вправе требовать компенсацию морального вреда³. Таким образом, условием возникновения обязательств по возмещению вреда, причиненного должностными лицами органов дознания, предварительного следствия является наличие вреда.

В соответствии со ст. 1 070 ГК РФ, ответственность за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия наступает независимо от вины вышеназванных должностных лиц, что объясняется, по мнению С.Г. Долгова, Ю.Ю. Калусова⁴, следующими особенностями. Во-первых, вред, причиненный органами дознания, предварительного следствия причиняется при осуществлении процессуальной деятельности. Во-вторых, в некоторых случаях виновными могут быть признаны действия нескольких должностных лиц. Например, в случае применения меры пресечения в виде заключения под стражу, когда необходимо получить согласие прокурора.

Решетина Е.Н. отмечает, что вред, возникший вследствие умысла потерпевшего, возмещению не подлежит, то есть если гражданин в процессе дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства путем самооговора препятствовал установлению истины и тем самым способствовал своему незаконному осуждению, незаконному привлечению к уголовной ответственности, незаконному применению в качестве меры пресечения заключения под стражу, незаконному наложению административного взыскания в виде ареста или исправительных работ⁵.

При этом под самооговором следует понимать заведомо ложные показания подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, данные с целью убедить органы предварительного расследования и суд в том, что именно им совершено преступление, которое он в действительности не совершал.

Следует отметить, что самооговор не является обстоятельством, исключающим право лица на возмещение ущерба, если он явился следствием применения к нему насилия, угроз и иных незаконных мер. При добровольном самооговоре, не связанном с применением незаконных мер, также необходимо предоставить право на возмещение ущерба. Положения о компенсации в случае судебной ошибки и о самооговоре содержатся в п. 6 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации данная международная норма является составной частью российской правовой системы⁶. Кроме того, считаем, что ст. 7 ГК РФ «Гражданское законодательство и нормы международного права» должна непосредственно применяться к отношениям, связанным с возмещением ущерба, причиненного должностными лицами органов дознания и предварительного следствия. Далее отметим, что причинно-следственная связь, будучи условием наступления гражданско-правовой ответственности, является обязательным условием возмещения реабилитированному гражданину вреда.

Противоправный характер является не менее важным условием наступления ответственности за вред, причиненный в результате незаконных действий должностных лиц органов дознания и предварительного следствия. Законодательство устанавливает конкретные случаи незаконных действий органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, установленные ст. 1070 ГК РФ. К данным незаконным действиям относят: незаконное осуждение; незаконное привлечение к уголовной ответственности; незаконное применение в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде; незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного ареста; вред, причиненный юридическому лицу в результате незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности⁷.

Можно согласиться с мнением А.И. Рябко и О.О. Маленко о том, что перечисление законодателем всех случаев противоправности, незаконности действий должностных лиц является основанием для прекращения административного и уголовного преследования и влекущих гражданско-правовую ответственность за вред¹. В качестве примера, обуславливающего данную мысль, рассмотрим решение Верховного Суда Республики Мордовия, в соответствии с которым гражданин обратился в суд с иском к Министерству финансов Российской Федерации о компенсации морального вреда, причиненного вследствие незаконного уголовного преследования. В обоснование требований указал, что в 2015 г. дознавателем группы дознания МВД России в отношении него возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 Уголовного кодекса Российской Федерации за незаконное приобретение, хранение огнестрельного оружия. В отношении него была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. В 2016 г. уголовное дело в отношении него было прекращено в связи с непричастностью к совершению преступления. Таким образом, в отношении него незаконно было возбуждено уголовное дело и избрана мера пресечения.

Рассматривая подобные случаи, отметим, что не все основания прекращения уголовных и административных дел влекут за собой право гражд-

¹ Антонова К. Специальные условия гражданско-правовой ответственности органов внутренних дел // Перспективы развития науки и практики на современном этапе: Межрегион. студ. конф. 2014. С. 13–16.

² Решение Забайкальского краевого суда от 6 дек. 2016 г. по делу № 33-5465-2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Решение Ленинского районного суда г. Владимира по делу № 2-3411/2016 от 28 дек. 2016 г. Доступ из «КонсультантПлюс».

⁴ Долгов С.Г., Калусов Ю.Ю. Виды противоправных действий должностных лиц ОВД, влекущих наступление гражданско-правовой ответственности // Вестник Моск. ун-в. МВД России. 2010. № 6. С. 97–99.

⁵ Решетина Е.Н. Проблемы гражданско-правовой ответственности // Российская юстиция. 2012. № 4. С. 64–66.

⁶ Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39–44. – EDN KEWNXE.

⁷ Арбитражный процесс : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / В. И. Кайнов, Н. Д. Эриашвили, А. Е. Даньшина [и др.]. – М.: ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА», 2024. – 376 с. – ISBN 978-5-238-03839-1. – EDN DOKCAF; Шеншин, В. М. Малозначительность как основание освобождения от административной ответственности, применяемое должностными лицами Росгвардии при осуществлении ими административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2020. – № 5(274). – С. 86–90. – EDN KBLDVB; Шеншин, В. М. Установление формы вины юридического лица, как субъекта гражданского права / В. М. Шеншин // Актуальные проблемы юридической науки и практики : VII Ежегодные научные чтения, посвященные памяти Почетного президента Санкт-Петербургской юридической академии профессора Зыбина Станислава Фёдоровича. В 2-х томах. Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 25 ноября 2020 года. Том 1. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская юридическая академия, 2020. – С. 229–231. – EDN YTVBAH.

данина на возмещение вреда. Так, если дело прекращено, например, по амнистии или в связи с принятием закона, устраняющего ответственность за совершенное деяние, то в этом случае не возникает права на возмещение ущерба. То есть, как отмечает А.Т. Исираилова, лишь полная реабилитация гражданина дает ему право на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями должностных лиц правоохранительных органов².

Органы дознания и предварительного следствия осуществляют деятельность, носящую публичный характер. Поэтому в ГК РФ содержатся специальные условия их ответственности. Во-первых, необходимо, чтобы вред явился результатом: незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного ареста, а также вред, причиненный юридическому лицу в результате незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности. Во-вторых, вред должен быть причинен должностным лицом органа дознания либо предварительного следствия³.

Указанные выше положения вызвали обоснованную критику в юридической литературе. В частности, в указанный перечень не вошли, например, такие действия, как незаконное проведение обысков, незаконное задержание подозреваемого, незаконное применение принудительных мер медицинского характера и некоторые другие. Целесообразно вообще отказаться от перечисления в законе незаконных актов должностных лиц правоохранительных органов. В этом случае предполагается, что ответственность по ст. 1 070 ГК РФ наступала бы за любые неправомерные действия.

При этом по мнению А.Х. Галимова, важной является проблема определения незаконности действий, поскольку в норме права нельзя перечислить все возможные варианты незаконных действий должностных лиц⁴. Интересным представляется мнение И.В. Бурлака о том, что специфика деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда состоит в том, что в процессе раскрытия и расследования правонарушений нередко совершаются ошибки. При этом вовлеченными оказываются невиновные граждане. Их невинность устанавливается часто позже, уже в ходе расследования, а иногда и после вынесения приговора, но до этого к ним могут применяться меры процессуального принуждения, что является неблагоприятным последствием, негативно сказывающимся на их физическом и психическом состоянии⁵. Примером, указывающим на негативность последствий в случае совершения органом дознания и предварительного следствия ошибок, является любое решение суда по данному вопросу. На взгляд авторов, любые действия должностных лиц, которые привели к имущественному или моральному вреду невиновного лица, при наличии доказательств, являются незаконными. При этом под незаконными действиями должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда следует понимать их действия при осуществлении правосудия, нарушающие нормы любой отрасли права.

Еще одним специальным условием наступления гражданско-правовой ответственности, исходя из анализа положений ст. 1 070 ГК РФ, следует считать специальный субъект, то есть субъектом причиненного вреда должно быть должностное лицо органа дознания или предварительного следствия. В соответствии с п. 1 ст. 1 070 ГК РФ порядок возмещения вреда, причиненного органами дознания и предварительного следствия в результате незаконного уголовного преследования лица, должен быть установлен законом. При этом право на возмещение вреда возникает только у полностью реабилитированного лица. Вместе с тем возможен переход указанного права к другим лицам, который допускается лишь в случае смерти лица, которому был причинен вред. Право возмещения ущерба может перейти и к наследникам.

Следует отметить, что согласно п. 4 Положения «О порядке возмещения ущерба, причиненного незаконными действиями должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда» наследникам подлежит возмещение: – заработок и другие трудовые доходы, являющиеся основным источником средств к существованию гражданина, которых он лишился в результате незаконных действий; – имущество, конфискованное или обращенное в доход государства судом либо изъятое органами дознания или предварительного следствия, а также имущество, на которое наложен арест; – штрафы, взысканные во исполнение приговора суда; судебные издержки и иные суммы, выплаченные гражданином в связи с незаконными действиями; – суммы, выплаченные гражданином юридической консультации за оказание юридической помощи.

Анализ особенностей наступления гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный незаконными действиями должностных лиц органов дознания и предварительного следствия, обусловил следующие выводы:

1. В целях возмещения вреда, причиненного органами дознания и предварительного следствия, наряду с общими условиями наступления гражданско-правовой ответственности, предусмотрены специальные условия ответственности. По правилам ст. 1 070 ГК РФ необходимо, чтобы вред явился результатом незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного ареста, а также вред, причиненный юридическому лицу в результате незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности. Как следует из указанной нормы, в ней определяется исчерпывающий перечень незаконных действий должностных лиц органов дознания и предварительного следствия. Не следует ограничивать рассматриваемый деликт указанными рамками. Оптимальным и эффективным решением является отказ законодателя от перечисления перечня незаконных действий правоохранительных органов и суда, а ч. 1 ст. 1 070 ГК РФ изложить в новой редакции: «Вред, причиненный гражданину в результате незаконных действий органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, возмещается за счет средств бюджета Российской Феде-

¹ Рябко А.И., Маленко О.О. Ответственность и ее формы в российском гражданском праве. Ростов н/Д., 2013. С. 45.

² Исираилова А.Т. Органы внутренних дел как специальный субъект гражданскоправовой ответственности // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2016. № 1. С. 131–134.

³ Османов М.Х. Обязательства вследствие причинения вреда // Власть Закона. 2014. № 2 (6). С. 53–58.

⁴ Галимова А.Х. Проблемы применения института ответственности за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания и предварительного следствия // Наука, техника и обр. 2014. № 6. С. 70–72.

⁵ Бурлак И.В. К вопросу о возмещении ущерба, причиненного органами государственной исполнительной службы // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2013. № 11 (89). С. 101–103.

рации, а в случаях, предусмотренных законом, за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации или бюджета муниципального образования в полном объеме независимо от вины должностных лиц указанных выше органов».

2. Под незаконными действиями должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, на взгляд авторов, следует понимать их действия, нарушающие права любой отрасли права.

3. Специфика деятельности органов дознания и предварительного следствия заключается в том, что в некоторых случаях совершаются так называемые следственные ошибки, когда в процессе привлекаются невиновные граждане. К ним могут применяться меры процессуального принуждения, что является неблагоприятным последствием, негативно сказывающимся на их физическом и психическом состоянии. Их невиновность может устанавливаться позже в ходе расследования, а иногда и после вынесения приговора. Дознаватели органов Государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы также могут допускать как неправомерный отказ в возбуждении уголовных дел и повышению латентности преступлений, связанных с пожарами, так и совершать следственные ошибки¹.

4. Субъектами, имеющими право на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями должностных лиц органов дознания, предварительного следствия являются подозреваемый, обвиняемый, подсудимый и осужденный, если они были необоснованно привлечены к уголовной ответственности, и если дело в отношении них было прекращено по реабилитирующим основаниям либо был вынесен оправдательный приговор. Вместе с тем законом установлены случаи, когда возможен переход данного права к другим лицам.

Список литературы:

1. Уголовное право. Общая часть : учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – 424 с. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBVJC.
2. Шеншин, В. М. Актуальные проблемы проведения проверки сообщения о событии с признаками преступления / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2019. – № 12(269). – С. 51-57. – EDN GDKBDX.
3. Антонова К. Специальные условия гражданско-правовой ответственности органов внутренних дел // Перспективы развития науки и практики на современном этапе: Межрегион. студ. конф. 2014. С. 13-16.
4. Долгов С.Г., Калусов Ю.Ю. Виды противоправных действий должностных лиц ОВД, влекущих наступление гражданско-правовой ответственности // Вестник Моск. ун-в. МВД России. 2010. № 6. С. 97-99.
5. Решетина Е.Н. Проблемы гражданско-правовой ответственности // Российская юстиция. 2012. № 4. С. 64-66.
6. Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.
7. Арбитражный процесс : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / В. И. Кайнов, Н. Д. Эриашвили, А. Е. Даньшина [и др.]. – Москва : ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА», 2024. – 376 с. – ISBN 978-5-238-03839-1. – EDN DOKCAF.
8. Шеншин, В. М. Малозначительность как основание освобождения от административной ответственности, применяемое должностными лицами Росгвардии при осуществлении ими административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2020. – № 5(274). – С. 86-90. – EDN KBLDVB.
9. Шеншин, В. М. Установление формы вины юридического лица, как субъекта гражданского права / В. М. Шеншин // Актуальные проблемы юридической науки и практики : VII Ежегодные научные чтения, посвященные памяти Почетного президента Санкт-Петербургской юридической академии профессора Зыбина Станислава Федоровича. В 2-х томах. Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 25 ноября 2020 года. Том 1. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская юридическая академия, 2020. – С. 229-231. – EDN YTVBAH.
10. Рыбко А.И., Маленко О.О. Ответственность и ее формы в российском гражданском праве. Ростов н/Д., 2013. С. 45.
11. Исраилова А.Т. Органы внутренних дел как специальный субъект гражданско-правовой ответственности // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2016. № 1. С. 131-134.
12. Османов М.Х. Обязательства вследствие причинения вреда // Власть Закона. 2014. № 2 (6). С. 53-58.
13. Галимова А.Х. Проблемы применения института ответственности за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания и предварительного следствия // Наука, техника и обр. 2014. № 6. С. 70-72.
14. Бурлака И.В. К вопросу о возмещении ущерба, причиненного органами государственной исполнительной службы // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2013. № 11 (89). С. 101-103.
15. Малько А.В., Немченко С.Б., Смирнова А.А. Правовая политика в сфере обеспечения пожарной безопасности, гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий // Государство и право. 2015. № 5. С. 119; Бабушкин М.Ю. Латентность преступлений, связанных с пожарами. Состояние, перспективы изучения (на примере изучения состояния преступности во Владимирской области) // Проблемы современной науки и образования. 2015. № 3 (33). С. 58-64.

References:

1. Criminal law. General part : textbook / A.V. Nikulenکو, S. A. Denisov, M. V. Baranchikova [and others]. – 2nd edition, revised and expanded. – Saint Petersburg : Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. – 424 p. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBVJC.
2. Shenshin, V. M. Actual problems of checking the notification of an event with signs of a crime / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military legal Review. – 2019. – № 12(269). – Pp. 51-57. – EDN GDKBDX.
3. Antonova K. Special conditions of civil liability of internal affairs bodies // Prospects for the development of science and practice at the present stage: Interregion. student. conf. 2014. pp. 13-16.
4. Dolgov S.G., Kalusov Yu.Y. Types of illegal actions of officials of the Department of Internal Affairs, entailing the onset of civil liability // Moscow Bulletin. univ. The Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 6. pp. 97-99.
5. Reshetina E.N. Problems of civil liability // Russian justice. 2012. No. 4. pp. 64-66.
6. Grigonis, V. P. Constitutional amendments adopted in 2020 as a factor increasing the security of the state / V. P. Grigonis, N. Y. Nemova // Right. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 3(56). – Pp. 39-44. – EDN KEWNXE.
7. Arbitration process : a textbook for university students studying in the field of Law / V. I. Kainov, N. D. Eriashvili, A. E. Danshina [et al.]. – Moscow : UNITY-DANA PUBLISHING HOUSE, 2024. – 376 p. – ISBN 978-5-238-03839-1. – EDN DOKCAF.
8. Shenshin, V. M. Insignificance as a basis for exemption from administrative responsibility applied by Rosgvardiya officials in carrying out their administrative and jurisdictional activities / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. – 2020. – № 5(274). – Pp. 86-90. – EDN KBLDVB.
9. Shenshin, V. M. Establishing the form of guilt of a legal entity as a subject of civil law / V. M. Shenshin // Actual problems of legal science and practice : VII Annual scientific readings dedicated to the memory of Professor Stanislav Fedorovich Zybin, Honorary President of the St. Petersburg Law Academy. In 2 volumes. Collection of scientific articles based on the materials of the international scientific and practical conference, St. Petersburg, November 25, 2020. Volume 1. – St. Petersburg: St. Petersburg Law Academy, 2020. – pp. 229-231. – EDN YTVBAH.
10. Ryabko A.I., Malenko O.O. Responsibility and its forms in Russian civil law. Rostov N.D., 2013. p. 45.
11. Israilova A.T. Internal affairs bodies as a special subject of civil law responsibility // News of universities of Kyrgyzstan. 2016. No. 1. pp. 131-134.
12. Osmanov M.H. Obligations due to harm // The Rule of Law. 2014. No. 2 (6). pp. 53-58.
13. Galimova A.H. Problems of applying the institute of responsibility for harm caused by illegal actions of bodies of inquiry and preliminary investigation // Science, Technology and model 2014. № 6. pp. 70-72.
14. Burlaka I.V. On the issue of compensation for damage caused by state executive service bodies // Journal of scientific publications of graduate students and doctoral students. 2013. No. 11 (89). pp. 101-103.
15. Malko A.V., Nemchenko S.B., Smirnova A.A. Legal policy in the field of fire safety, civil defense, emergency situations and elimination of consequences of natural disasters // State and law. 2015. No. 5. P. 119; Babushkin M.Y. The latency of crimes related to fires. The state and prospects of studying (on the example of studying the state of crime in the Vladimir region) // Problems of modern science and education. 2015. No. 3 (33). pp. 58-64.

¹ Малько А.В., Немченко С.Б., Смирнова А.А. Правовая политика в сфере обеспечения пожарной безопасности, гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий // Государство и право. 2015. № 5. С. 119; Бабушкин М.Ю. Латентность преступлений, связанных с пожарами. Состояние, перспективы изучения (на примере изучения состояния преступности во Владимирской области) // Проблемы современной науки и образования. 2015. № 3 (33). С. 58-64.

О НЕКОТОРЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ НАУЧНОГО АНКЕТИРОВАНИЯ О ЗНАЧЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА И ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИХ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ НА УРОВНЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ON SOME RESULTS OF A SCIENTIFIC SURVEY ON THE IMPORTANCE OF SOCIAL HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND ON THE PECULIARITIES OF THEIR LEGAL REGULATION AT THE LEVEL OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

КОРОТОВСКИХ Арсений Андреевич,

Аспирант Пермского государственного Национального исследовательского университета.

Букирева ул, 15. Пермский край, г. Пермь, Россия, 614990.

E-mail: korotovskikh_aa@mail.ru;

KOROTOVSKIKH Arseniy Andreevich,

graduate student Perm State University.

Bukireva St., 15. Perm Krai, Perm, Russia, 614990.

E-mail: korotovskikh_aa@mail.ru

Краткая аннотация: В статье при помощи метода научного анкетирования анализируется ряд общетеоретических вопросов, связанных с определением понятия, сущности и значения социальных прав человека и гражданина, а также проблемных практических вопросов, связанных с их правовой регламентацией на уровне субъектов Российской Федерации. Посредством постановки вопросов при анкетировании проверяется достоверность и релевантность собственной позиции автора по основным проблемам правовой регламентации социальных прав человека и гражданина, оцениваются существующие в профессиональном юридическом сообществе мнения по указанным вопросам, что позволяет рассмотреть анализируемые проблемы с различных точек зрения.

Abstract: Using the method of scientific questioning, the article analyzes a number of general theoretical issues related to the definition of the concept, essence and meaning of social human and civil rights, as well as problematic practical issues related to their legal regulation at the level of the subjects of the Russian Federation. By asking questions during the survey, the reliability and relevance of the author's own position on the main issues of legal regulation of social human and civil rights is checked, opinions existing in the professional legal community on these issues are evaluated, which allows us to consider the analyzed problems from various points of view.

Ключевые слова: научное анкетирование, конституционные права, социальные права, социальная защита, социальное обеспечение, право на достойную жизнь, субъекты Российской Федерации.

Keywords: scientific survey, constitutional rights, social rights, social protection, social security, the right to a decent life, subjects of the Russian Federation.

Для цитирования: Коротовских А.А. О некоторых результатах научного анкетирования о значении социальных прав человека и гражданина и об особенностях их правовой регламентации на уровне субъектов Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 190-196. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_190.

For citation: Korotovskikh A.A. On some results of a scientific survey on the importance of social human and civil rights and on the peculiarities of their legal regulation at the level of the subjects of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 190-196. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_190.

Статья поступила в редакцию: 01.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

В рамках проводимого конституционно-правового исследования правовой регламентации социальных прав человека и гражданина нами в 2025 г. был проведен опрос депутатов Законодательного Собрания Пермского края, студентов и аспирантов юридических факультетов, на основе самостоятельно разработанного опросного листа, призванного апробировать сформулированные автором теоретические положения и практические рекомендации по совершенствованию правовой регламентации социальных прав человека и гражданина на уровне субъектов Российской Федерации, соотнести их со взглядами на анализируемые проблемы, преобладающими в профессиональном юридическом сообществе. Анкета распространялась по электронной почте.

В настоящей статье изложены и обобщены основные результаты, полученные в ходе проведенного опроса.

Вопрос 1

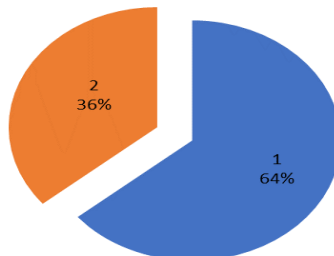
Какое из приведенных ниже суждений, по вашему мнению, является верным? Было предложено выбрать одну из приведенных ниже позиций:

1) социальные права принадлежат только представителям определенных в законе социально незащищенных групп населения;

2) социальные права, как и другие права, обладают свойством всеобщности, при этом их реализация становится возможной при определенных условиях, заключающихся в наступлении установленных законом социальных рисков.

Примерное распределение ответов показано на диаграмме ниже.

Распределение ответов по номерам вариантов (ответы на вопрос 1)

Из устных обсуждений данного вопроса с отдельными респондентами можно сделать вывод, что выбор в пользу варианта 1 обусловлен, как правило, не отрицанием всеобщности социальных прав, а устоявшимся представлением о социальных правах как о неких гарантиях, предоставляемых по категориальному принципу (учитывая, что именно по этому принципу структурировано большинство региональных нормативных правовых актов, посвященных социальным правам человека и гражданина).

Вопрос 2

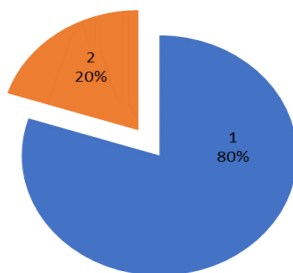
Являются ли, по вашему мнению, закрепленные в Конституции Российской Федерации¹ социальные права и свободы человека и гражданина непосредственно действующими? Было предложено выбрать одну из приведенных ниже позиций:

1) Да, поскольку в соответствии со ст. 18 Конституции Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, без каких-либо исключений. Сущность непосредственного действия социальных прав заключается в определении ими смысла, содержания и применения законодательства Российской Федерации.

2) Нет, поскольку для реализации социальных прав необходимо законодательное закрепление конкретного нормативного правового механизма для их осуществления, а также наличие соответствующей экономической базы.

Примерное распределение ответов показано на диаграмме ниже.

Распределение ответов по номерам вариантов (ответы на вопрос 2)

Заслуживает внимания комментарий одного из респондентов, который выбрал вариант 1, при этом отметив, что формально в соответствии с Конституцией Российской Федерации социальные права признаются непосредственно действующими, но фактически их реализация в любом случае возможна только при условии закрепления нормативно закрепленных механизмов реализации соответствующих прав и наличия у государства ресурсов для их финансового обеспечения. В данном ответе, объединяющем в себе оба варианта, как представляется, выражена та позиция, которой придерживается значительная часть специалистов в области конституционного права, признавая социальные права непосредственно действующими и одновременно с этим подразумевая необходимость создания конкретных правовых и экономических механизмов для их реализации на практике. Такой подход в целом соответствует выработанному автором пониманию значения социальных прав человека и гражданина¹.

Вопрос 3

С каким из приведенных ниже суждений вы бы согласились? Респондентам было предложено выбрать одну из приведенных ниже позиций:

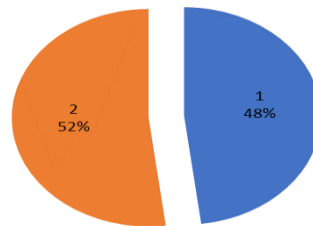
¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 01.07.2020. – № 31. – Ст. 4398.

1) Право на достойную жизнь является самостоятельным социальным правом человека и гражданина.

2) Право на достойную жизнь – это комплекс всех конституционных социальных прав человека, поскольку именно благодаря их реализации в комплексе обеспечивается достойный уровень жизни человека.

Примерное распределение ответов показано на диаграмме ниже.

Распределение ответов по номерам вариантов (ответы на вопрос 3)

Исходя из проведенных устных обсуждений с некоторыми респондентами, представляется возможным сделать вывод, что примерно равное распределение ответов обусловлено затруднениями респондентов в выборе между ними ввиду отсутствия четкого понимания различий между приведенными двумя позициями. Примечательно, что при уточнении у респондентов, выбравших первый вариант ответа, их мнения по вопросу о том, каким образом реализуется право на достойную жизнь, они указывали на получение пенсий, пособий, бесплатного медицинского обслуживания. Такой подход фактически соответствует второму варианту ответа, поскольку, давая определение праву на достойную жизнь, респонденты перечисляют социальные права, обеспечивающие человеку достойный уровень жизни, что подтверждает обоснованность авторского понимания данного права как комплекса всех социальных прав человека и гражданина.

Вопрос 4

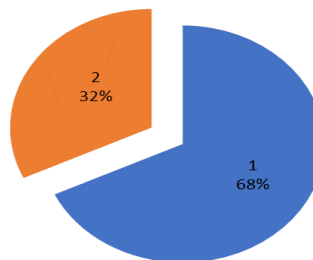
Являются ли достаточными, по вашему мнению, содержащиеся в Конституции Российской Федерации формулировки, посвященные социальным правам человека и гражданина? Было предложено выбрать одну из приведенных ниже позиций:

1) Да, они являются достаточными, поскольку Конституция Российской Федерации закрепляет только основы регулирования в данной сфере, которое конкретизируется на уровне федерального и регионального законодательства.

2) Нет, содержащиеся в Конституции Российской Федерации формулировки, относящиеся к социальным правам человека и гражданина, чрезмерно абстрактны, что может порождать проблемы как при принятии федерального и регионального законодательства в данной сфере, так и при практической реализации указанных прав.

Примерное распределение ответов показано на диаграмме ниже.

Распределение ответов по номерам вариантов (ответы на вопрос 4)

Один из респондентов дал следующий ответ на данный вопрос: «Эти права являются достаточными, но они должны иметь возможность уточняться и модифицироваться в связи с их главным назначением – обеспечивать удовлетворение базовых потребностей человека». Признавая в высокой степени дискуссионный характер данного вопроса и в целом соглашаясь с представленным ответом, обратим внимание на то, что уточнение социальных прав и свобод человека как раз и происходит на уровне федерального и регионального законодательства (первый вариант ответа, соответствующий авторской позиции по данному вопросу).

¹ Коротковских А.А. К вопросу о непосредственном действии социальных прав и свобод человека и гражданина // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 6 (234). – С. 173–175.

Вопрос 5

По вашему мнению, социальная защита, включая социальное обеспечение, должна относиться (было предложено выбрать один из приведенных ниже вариантов ответа):

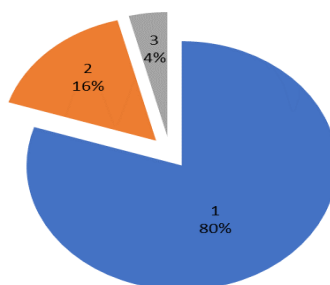
1) к сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, как это закреплено в п. «ж» ст. 72 Конституции Российской Федерации;

2) к сфере исключительного ведения Российской Федерации;

3) к сфере исключительного ведения субъектов Российской Федерации.

Примерное распределение ответов показано на диаграмме ниже.

Распределение ответов по номерам вариантов (ответы на вопрос 5)

Приведенное распределение ответов свидетельствует о том, что подавляющее большинство респондентов поддерживает установленное п. «ж» ст. 72 Конституции Российской Федерации распределение предметов ведения в данной сфере. Наименее популярным оказался третий вариант ответа, что, вероятно, обусловлено отсутствием у респондентов уверенности в том, что все субъекты Российской Федерации будут способны полностью самостоятельно обеспечить своему населению достойный уровень жизни (если решение указанных вопросов будет передано в их исключительную компетенцию), учитывая существующие достаточно значительные региональные различия в социально-экономическом развитии.

Вопрос 6

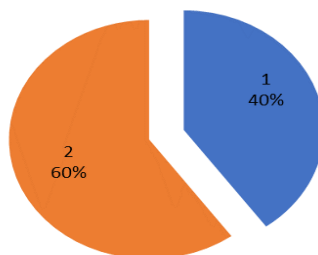
Является ли достаточной, по вашему мнению, компетенция органов государственной власти субъектов Российской Федерации по вопросам правовой регламентации гарантий социальных прав граждан? Было предложено выбрать один из приведенных ниже вариантов ответа:

1) да;

2) нет.

Примерное распределение ответов показано на диаграмме ниже.

Распределение ответов по номерам вариантов (ответы на вопрос 6)

Вопрос 7

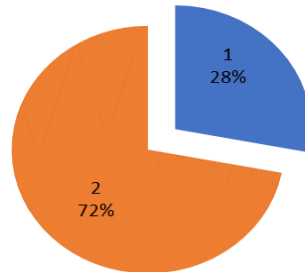
Должны ли, по вашему мнению, субъекты Российской Федерации иметь возможность при осуществлении делегированных полномочий устанавливать дополнительные по сравнению с федеральным законодательством условия реализации права на социальное обеспечение, ограничивать объем указанного права и категории получателей социального обеспечения? Было предложено выбрать один из приведенных ниже вариантов ответа:

1) да;

2) нет.

Примерное распределение ответов показано на диаграмме ниже.

Распределение ответов по номерам вариантов (ответы на вопрос 7)

Как показали результаты опроса, преобладающее большинство (72%) разделяет позицию автора о том, что субъекты Российской Федерации при осуществлении делегированных полномочий не должны иметь возможность ограничивать объем, категории получателей социального обеспечения, устанавливать дополнительные условия реализации социальных прав.

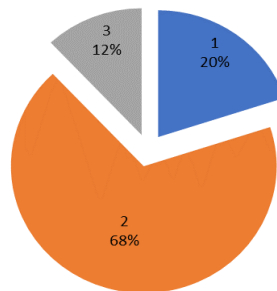
Вопрос 8

В чем, по вашему мнению, состоит главная причина недостаточной обеспеченности социальных прав граждан в ряде субъектов Российской Федерации? Было предложено выбрать один из приведенных ниже вариантов ответа:

- 1) В низком качестве регионального законодательства, в котором имеется множество пробелов и противоречий.
- 2) В недостаточной экономической обеспеченности ряда субъектов Российской Федерации, что объективно ограничивает их возможности по осуществлению тех или иных социальных выплат.
- 3) В том, что обеспечение социальных прав граждан не рассматривается как один из главных приоритетов региональной политики ввиду отсутствия соответствующей политической воли.

Примерное распределение ответов показано на диаграмме ниже.

Распределение ответов по номерам вариантов (ответы на вопрос 8)

Можно заметить, что подавляющее большинство респондентов, как и автор настоящей статьи, рассматривает объективные экономические факторы как ключевую причину низкой обеспеченности социальных прав граждан в ряде субъектов Российской Федерации. Думается, что понимание указанных причин крайне значимо, так как это, в частности, позволяет сделать вывод о потенциально низкой эффективности совершенствования регионального законодательства, если внесение изменений в законодательство будет производиться в отрыве от мер, направленных на улучшение экономического состояния соответствующих субъектов Российской Федерации.

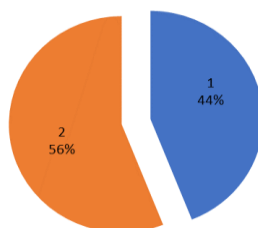
Вопрос 9

Допустима ли, по вашему мнению, ситуация, когда в одних субъектах Российской Федерации социальные права граждан обеспечены в значительно большей степени, нежели в других? Было предложено выбрать один из приведенных ниже вариантов ответа:

- 1) Да, поскольку субъекты Российской Федерации вправе устанавливать дополнительные гарантии социальных прав граждан, проживающих на их территории, в том объеме, в котором они посчитают нужным.
- 2) Нет, поскольку это противоречит принципу равенства прав граждан, ставя жителей одних регионов в более выгодное положение по сравнению с жителями других регионов.

Примерное распределение ответов показано на диаграмме ниже.

Распределение ответов по номерам вариантов (ответы на вопрос 9)

Примерно равное распределение ответов, как представляется, может быть обусловлено дискуссионным характером поставленного вопроса: с одной стороны, если субъект Российской Федерации обладает соответствующими финансовыми возможностями, осуществлять социальное обеспечение своего населения в повышенном объеме совершенно логично; с другой стороны, подобная ситуация нередко воспринимается как нарушение принципов равенства и социальной справедливости, и именно второй подход, как показывают результаты опроса, на данный момент является преобладающим, хотя и в незначительной степени (56%).

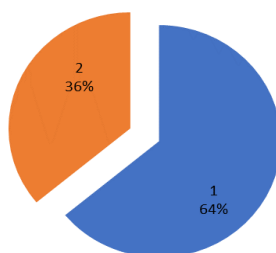
Вопрос 10

Являются ли достаточными, по вашему мнению, гарантии социальных прав, установленные в вашем субъекте Российской Федерации? Было предложено выбрать один из приведенных ниже вариантов ответа:

- 1) да;
- 2) нет.

Примерное распределение ответов показано на диаграмме ниже.

Распределение ответов по номерам вариантов (ответы на вопрос 10)

Распределение ответов на данный вопрос не в полной мере соответствовало предполагаемым результатам: выяснилось, что достаточно значительная часть респондентов, пусть и составляющих меньшинство (36%), считает достаточными гарантии социальных прав, установленные в их субъекте Российской Федерации (большинство опрошенных были из Пермского края).

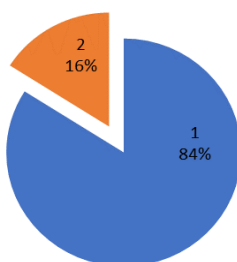
Вопрос 11

Имеется ли, по вашему мнению, необходимость в кодификации законодательства в сфере социальной защиты на уровне субъектов Российской Федерации? Было предложено выбрать один из приведенных ниже вариантов ответа:

- 1) да;
- 2) нет.

Примерное распределение ответов показано на диаграмме ниже.

Распределение ответов по номерам вариантов (ответы на вопрос 11)

Как видно из результатов опроса, подавляющее большинство респондентов считает необходимой кодификацию законодательства в сфере социальной защиты на уровне субъектов Российской Федерации, что подтверждает позицию автора¹.

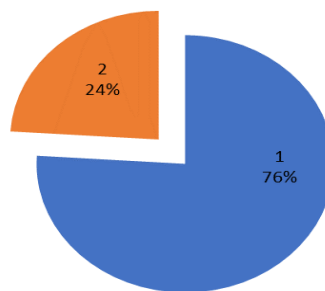
Вопрос 12

Считаете ли вы необходимым принятие модельного Социального кодекса субъекта Российской Федерации на федеральном уровне? Было предложено выбрать один из приведенных ниже вариантов ответа:

- 1) да;
- 2) нет.

Примерное распределение ответов показано на диаграмме ниже.

Распределение ответов по номерам вариантов (ответы на вопрос 12)

Распределение ответов на данный вопрос свидетельствует о том, что идея принятия модельного Социального кодекса субъекта Российской Федерации на федеральном уровне находит значительную поддержку среди представителей профессионального юридического сообщества.

Таким образом, результаты проведенного анкетирования подтвердили достоверность и релевантность основных положений, сформулированных в рамках проводимого автором научного исследования, наличие их поддержки со стороны других специалистов в данной области, а также позволили рассмотреть изучаемые проблемы с различных точек зрения, уточнить позицию автора по некоторым вопросам, относящимся к теме исследования.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 01.07.2020. – № 31. – Ст. 4398.
2. Коротовских А.А. К вопросу о непосредственном действии социальных прав и свобод человека и гражданина // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 6 (234). – С. 173–175.
3. Коротовских А.А. Перспективы кодификации законодательства субъектов РФ о социальных правах граждан // Конституционализм: итоги и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов. – Пермь, 2024. – С. 123–129.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 07/01/2020. – No. 31. – Article 4398.
2. Korotovskikh A.A. On the issue of the direct effect of social rights and freedoms of man and citizen // Law and the state: theory and practice. – 2024. – No. 6 (234). – Pp. 173-175.
3. Korotovskikh A.A. Prospects of codification of legislation of subjects of the Russian Federation on social rights of citizens // Constitutionalism: results and prospects: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation of teachers, graduate students, undergraduates, students. – Perm, 2024. – pp. 123-129.

¹ Коротовских А.А. Перспективы кодификации законодательства субъектов РФ о социальных правах граждан // Конституционализм: итоги и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов. – Пермь, 2024. – С. 123–129.

СОЗДАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕССЕНДЖЕРА, ШАГ К ЦИФРОВОМУ СУВЕРЕНИТЕТУ РОССИИ CREATION OF A NATIONAL MESSENGER, A STEP TOWARDS RUSSIA'S DIGITAL SOVEREIGNTY

КОВАЛЕВ Сергей Дмитриевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры специальной техники и информационных технологий юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России.

Россия, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67Е.

E-mail: sdk-exce@rambler.ru;

KOVALEV Sergey Dmitrievich,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Special Equipment and Information Technologies at the Faculty of Law of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

67E Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, 600020, Russia

E-mail: sdk-exce@rambler.ru

Краткая аннотация: С развитием цифровых и информационных технологий, Россия, как и другие страны столкнулась с ростом интернет-мошенничества с использованием иностранных мессенджеров. На этом фоне особую актуальность приобретает проблема защиты граждан на основе цифрового суверенитета России. В представленной научной статье приводятся основные новации, в области правовых мер регулирующих использование мессенджеров на территории России. Автором делается вывод о том, что только комплексный подход, сочетающий в себе развитие собственных технологий, совершенствование правовой базы и повышение цифровой грамотности населения, позволит эффективно использовать потенциал мессенджеров для развития страны и защиты ее интересов.

Abstract: With the development of digital and information technologies, Russia, like other countries, has faced an increase in online fraud using foreign messengers. Against this background, the issue of protecting citizens based on Russia's digital sovereignty is becoming particularly relevant. The presented scientific article presents the main innovations in the field of legal measures regulating the use of messengers in Russia. The author concludes that only an integrated approach combining the development of its own technologies, improving the legal framework and increasing the digital literacy of the population will make it possible to effectively use the potential of messengers for the development of the country and the protection of its interests.

Ключевые слова: Интернет мошенничество, мессенджеры, законодательство, правовые меры, ФСИН России, национальный мессенджер.

Keywords: Internet fraud, messengers, legislation, legal measures, Federal Penitentiary Service of Russia, national messenger.

Для цитирования: Ковалев С.Д. Создание национального мессенджера, шаг к цифровому суверенитету России // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 197-199. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_197.

For citation: Kovalev S.D. Creation of a national messenger, a step towards Russia's digital sovereignty // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 197-199. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_197.

Статья поступила в редакцию: 01.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

В целях противодействия новым рискам и угрозам в современном мире, укрепления позиции России в глобальной политике и усиления ее роли в формировании мировой повестки, Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 была принята Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (далее - Стратегия) [5]. Она определяет национальные интересы и стратегические национальные приоритеты России, цели и задачи государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу. В главе III Стратегии "Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты" сказано, что информационная безопасность является стратегическим национальным приоритетом. Кроме этого, в Стратегии раскрывается суть информационной безопасности "Целью информационной безопасности является укрепление суверенитета РФ в информационном пространстве" (п.56 Стратегии).

В современном мире, где информационные потоки играют ключевую роль, мессенджеры перестали быть просто средством общения. Они стали мощным инструментом, формирующим общественное мнение, влияющим на политические процессы и, как следствие, оказывающим непосредственное воздействие на национальную безопасность любого государства, в том числе и России.

Криптовалютные транзакции, координация протестных движений, распространение дезинформации – вот лишь некоторые примеры использования мессенджеров в деструктивных целях. Анонимность и зашифрованное общение, традиционно предоставляемые многими платформами, затрудняют отслеживание и пресечение противоправной деятельности. Потому, контроль за информационным пространством в мессенджерах становится важной задачей для обеспечения стабильности и суверенитета страны.

Разоблачения, сделанные Эдвардом Сноуденом в 2013 году, показали, что независимых мессенджеров нет. Стало ясно, что крупнейшие цифровые платформы сотрудничают со спецслужбами США, предоставляя доступ к персональным данным миллионов людей. А после того, как в 2021 году WhatsApp обновил политику конфиденциальности и разрешил передавать пользовательские данные в Meta (признана в России экстремистской организацией и запрещена), многие государства задумались о разработке национальных мессенджеров с хранением данных в пределах границ своих государств.

Первой страной, которая встала на путь цифрового суверенитета был Китай. В 2010 году правительство Китая заблокировало доступ к западным сервисам, таким как, Facebook, WhatsApp, Google и затем приступило к созданию суверенной цифровой инфраструктуры. Её основой стал WeChat, приложение универсального характера, сочетающее функции соцсети, мессенджера, госуслуг, платёжной платформы, ленты новостей (см.: Национальные мессенджеры: как государства разделяют мир по линиям связи. URL: <https://www.rusvesna.su/news/1757108645>).

Аналогичным курсом на цифровой суверенитет пошла Индия. Правительство Индии в 2020 году заблокировало китайский TikTok, а также другие китайские приложения. В стране были разработаны собственные мессенджеры – Bharat Chat, Troop Messenger, Sandes и Namaste

Bharat. Свои мессенджеры также разработали Южная Корея (KakaoTalk), ОАЭ (Botim), Япония (LINE).

Следует отметить, что даже на родине мессенджера WhatsApp встал серьезный вопрос конфиденциальности. Так, в июне 2025 года сотрудникам палаты представителей конгресса США запретили пользоваться WhatsApp на их служебных устройствах.

И нельзя не согласиться с мнением В. В. Молокова о том, что конфиденциальность переписки пользователей интернет-мессенджеров, обеспечиваемая встроенными средствами криптографии, достаточно условна [8, с. 89].

В рамках вопросов кибербезопасности следует отметить, что мошенники всё чаще совершают противоправные действия именно через онлайн-платформы. Они широко используют мессенджеры при подготовке и совершении различных видов преступлений экстремистской и террористической направленности, для руководства действиями членов преступной группы при подготовке и совершении преступлений, бесконтактного сбыта наркотических средств и психотропных веществ, дистанционных мошенничеств и иных высокоорганизованных преступлений [7, с. 69].

По информации МВД России и Центробанка, большая часть мошенничеств с персональными данными и банковскими картами происходила через Telegram, WhatsApp и другие иностранные мессенджеры. Поскольку эти мессенджеры не контролируются на российской территории, то борьба с этими видами преступлений была практически невозможной (см.: Доля мошенничества через мессенджеры в 2023 году выросла до 22,5%. <https://www.interfax.ru/russia/944941>).

Таким образом зарубежные онлайн-платформы стали той питательной средой, которая дала преступникам новые криминальные возможности и создание национального мессенджера является актуальной задачей для России.

В рамках данной статьи мы ставим цель провести анализ тех шагов, в области правовых и организационных мер, сделанных за последнее время в сторону цифрового суверенитета и независимости России.

Принципиально важно, что на сегодняшний день Россия способна обеспечить себе независимость в цифровой сфере, поскольку имеет широкий спектр собственных IT-разработок, покрывающих абсолютное большинство запросов общества.

Следует отметить, что 16 июля 2025 года в Москве состоялся круглый стол, организованный Комиссией Общественной палаты Российской Федерации по развитию информационного сообщества, СМИ и массовых коммуникаций на тему: «Переписка частная – проблемы общи. Безопасный мессенджер – каким он должен быть?». Участники круглого стола обсудили актуальные вопросы кибербезопасности в мессенджерах, аспекты их нормативного регулирования, а также вопрос разработки национального мессенджера (см.: Общественная палата обсудила необходимость российского безопасного мессенджера. URL: <https://ruposters.ru/news/16-07-2025/obschestvennaya-palata-obsudila>).

Директор департамента цифровых технологий Торгово-промышленной палаты РФ Владимир Маслов указал на то, что иностранные компании не отвечают на запросы ФСБ, Следственного комитета, прокуратуры и крайне редко идут на контакт с российскими силовыми структурами.

Начальник отдела по предупреждению распространения и выявлению деструктивной и запрещенной информации в сети интернет Управления по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России Антон Расташенков привел официальную статистику МВД о масштабах преступной активности в зарубежных мессенджерах. Ежемесячно с использованием иностранных мессенджеров совершается порядка 25 тысяч преступлений (см.: В Общественной палате обсудили, почему России нужен свой безопасный мессенджер. URL: <https://fedpress.ru/news/77/policy/3390137>).

Еще одним фактором, говорящим о необходимости собственного мессенджера, стали заявления российских военных корреспондентов, работающих в зоне СВО. Они не раз указывали, что голосовые сообщения, геолокация, фото и другие данные, переданные через WhatsApp, становились доступными украинской стороне (см.: Национальные мессенджеры: как государства разделяют мир по линиям связи. URL: <https://rusvesna.su/news/1757108645>).

В целях борьбы с телефонным и интернет мошенничеством глава государства В. В. Путин подписал Федеральный закон от 01.04.2025 N 41-ФЗ "О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"[2]. Закона № 41-ФЗ вносит значительные изменения в действующие нормативно-правовые акты. Так с 1 сентября вводится обязательная маркировка телефонных звонков, а с 1 июня 2025 года вводится запрет на использование иностранных мессенджеров. Важно отметить, что в тексте закона № 41-ФЗ не указано, какими именно мессенджерами нельзя пользоваться. В этом вопросе можно опираться на перечень Роскомнадзора 2023 года в котором перечислены сервисы, которые принадлежат зарубежным компаниям или частным лицам: Discord, Snapchat, Microsoft Teams, Threema, Viber, WhatsApp, WeChat, Telegra (см.: Информация Роскомнадзора от 01.03.2023. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=443369>). Запрет распространяется на федеральные органы власти, региональные и муниципальные органы, федеральные службы и агентства. Важно отметить, что запрет на использование в служебных целях вышеназванных мессенджеров распространяется и на ФСИН России. В современных условиях уголовно-исполнительная система и входящие в нее исправительные учреждения в процессе решения служебных задач сталкиваются с рядом проблем, оказывающих влияние на внутреннюю безопасность исправительных учреждениях. Часть из них обусловлена самой пенитенциарной системой (специфика контингента осужденных, особая роль криминальной и тюремной субкультуры, объективные трудности осуществления эффективного контроля за соблюдением режимных требований). Вторая часть проблем связана с явлениями и процессами социально-экономического, политико-правового характера в обществе и государстве, в том числе и в цифровом пространстве. Сотрудникам ФСИН России важно осознать, что ограничительные меры, введенные Федеральным законом от 01.04.2025 N 41-ФЗ приняты в целях обеспечения, как их личной безопасности, так и безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы.

Важно отметить, что в тексте закона № 41-ФЗ не указаны отдельные санкции за использование иностранных мессенджеров в России.

Однако, вступил в силу Федеральный закон от 24.06.2023 № 277-ФЗ "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях"[4], которым введена ст. 13.11.2 КоАП РФ [1], устанавливающая административную ответственность за незаконное использование иностранных мессенджеров. Статья 13.11.2 КоАП РФ предусматривает штрафы:

- должностному лицу — от 30 000 до 100 000 рублей;
- юридическому лицу — от 100 000 до 700 000 рублей.

Важным шагом по разработке правовой базы, регулирующей деятельность мессенджеров на территории России стало Постановление Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации от 18.06.2025 № 191-СФ по одобрению Федерального закона «О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6].

Далее, 24.06.2025 Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал Федеральный закон № 156-ФЗ "О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"[1]. В свою очередь, в марте 2025 года крупнейшая по числу пользователей российская технологическая компания VK вывела на рынок полностью российский мессенджер Мах.

Однако официального решения правительства о том, какая платформа будет выбрана в качестве базовой для национального мессенджера, еще не принято. «Точного ответа на вопрос, какой мессенджер станет национальным, сейчас нет — окончательное решение позже примет правительство. Но уже очевидно, что мессенджер Мах – сильный кандидат», – отметил 9 июня в своем Telegram-канале председатель комитета Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации по информационной политике Сергей Боярский (см.: Приложение к государству: как в России создадут национальный мессенджер. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/539497-prilozhenie-k-gosudarstvu-kak-v-rossii-sozdaut-nacional-nyj-messenger>).

Эксперты считают, что платформа Мах может стать основным претендентом на статус национального мессенджера, поскольку обеспечивает обмен сообщениями с конструктором чат-ботов, мини-приложением и платежной системой. Все данные граждан будут храниться внутри страны и будет обеспечена их сохранность. В перспективе там появится доступ к portalу «Госуслуги», о чем в мае говорил глава Минцифры Максуд Шадаев.

В контексте национальной безопасности России, мессенджеры требуют комплексного подхода, сочетающего в себе технологические, правовые и образовательные меры.

Важным аспектом является разработка правовой базы, регулирующей деятельность мессенджеров на территории России. Эта база должна учитывать необходимость защиты прав граждан на свободу слова и неприкосновенность частной переписки, но при этом обеспечивать возможность пресечения противоправной деятельности, такой как распространение экстремистских материалов, наркоторговля и террористическая деятельность. При этом, важно избегать излишней зарегулированности, которая может задушить инновации и привести к оттоку пользователей на зарубежные платформы.

Помимо технологических и правовых мер, необходимо уделять внимание повышению цифровой грамотности населения. Люди должны быть осведомлены о рисках, связанных с использованием незащищенных мессенджеров, о методах социальной инженерии и фишинга, а также о способах защиты своей личной информации. Это поможет снизить уязвимость к дезинформации и манипуляциям, распространяемым через мессенджеры.

В заключение, мессенджеры – это мощный инструмент, который может быть использован как во благо, так и во вред национальной безопасности России. Только комплексный подход, сочетающий в себе развитие собственных технологий, совершенствование правовой базы и повышение цифровой грамотности населения, позволит эффективно использовать потенциал мессенджеров для развития страны и защиты ее интересов.

Список литературы:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12. 2001 № 195 - ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
2. Федеральный закон от 01.04.2025 N 41-ФЗ "О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // СПС «Консультант Плюс».
3. Федеральный закон от 24.06.2025 №156-ФЗ «О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты российской федерации» // СПС «Консультант Плюс».
4. Федеральный закон от 24.06.2023 № 277-ФЗ "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" // СПС «Консультант Плюс».
5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // СПС «Консультант Плюс».
6. Постановление СФ ФС РФ от 18.06.2025 N 191-СФ "О Федеральном законе "О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // СПС «Консультант Плюс».
7. Батоев В.Б. Использование мессенджеров и криптомессенджеров в преступной деятельности: новая угроза? // Вестник Краснодарского университета МВД России. № 4 (58). 2022. С. 67-75.
8. Молоков В. В. К вопросу о безопасном шифровании в интернет-мессенджерах // Научные дискуссии. № 2 (6). 2020. С. 85–89.

References:

1. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195 - FZ dated 30.12. 2001 // SPS Consultant Plus.
2. Federal Law No. 41-FZ dated 04.01.2025 "On the Creation of a State Information System for Countering Offenses Committed using Information and Communication Technologies and on Amendments to Certain Legislative Acts Of the Russian Federation" // SPS Consultant Plus.
3. Federal Law No. 156-FZ dated 06.24.2025 "On the Creation of a Multifunctional Information Exchange Service and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // SPS Consultant Plus.
4. Federal Law No. 277-FZ dated 06.24.2023 "On Amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation" // SPS Consultant Plus.
5. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 No. 400 // SPS Consultant Plus.
6. Resolution Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation No. 191-SF dated 06.18.2025 "On the Federal Law "On the Creation of a Multifunctional Information Exchange Service and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // SPS Consultant Plus.
7. Batoev V. B. The use of messengers and cryptomessengers in criminal activity: a new threat? // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 4 (58). 2022. pp. 67-75.
8. Molokov V. V. On the issue of secure encryption in Internet messengers // Scientific discussions. No. 2 (6). 2020. pp. 85-89.

О ПОНЯТИИ ЗЕМЕЛЬ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ЗНАЧЕНИЯ ABOUT THE CONCEPT OF LAND OF HISTORICAL AND CULTURAL SIGNIFICANCE

МАКСУРОВ Алексей Анатольевич,

кандидат юридических наук, ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова».

150000, Россия, Ярославская обл., г. Ярославль, ул. Советская, 14.

E-mail: alex.maks.yarosl@gmail.com;

MAKSUROV Alexey Anatolievich,

Candidate of Legal Sciences,

FSBEI HPE "Yaroslavl State University named after. P.G. Demidov."

150000, Russia, Yaroslavl region, Yaroslavl, st. Sovetskaya, 14.

E-mail: alex.maks.yarosl@gmail.com

Краткая аннотация: В данном исследовании рассматриваются вопросы определения правового статуса земель историко-культурного значения. Рассматриваются сущностные характеристики таких земель как объектов правовой охраны. Сделан вывод о влиянии статуса данных земель на возможности их использования, которые ограничены в силу закона. В результате предложено выделять земли историко-культурного значения в качестве особой категории земель, что позволит учесть особенности их статуса при построении механизма правового регулирования их охраны и использования.

Abstract: This study examines the issues of determining the legal status of lands of historical and cultural significance. The essential characteristics of such lands as objects of legal protection are considered. A conclusion is drawn about the influence of the status of these lands on the possibilities of their use, which are limited by law. As a result, it was proposed to allocate lands of historical and cultural significance as a special category of lands, which will make it possible to take into account the peculiarities of their status when building a mechanism for legal regulation of their protection and use.

Ключевые слова: земли историко-культурного значения, охрана земель, использование земель, категории земель, памятники истории, памятники культуры, особо ценные земли.

Keywords: lands of historical and cultural significance, land protection, land use, categories of land, historical monuments, cultural monuments, especially valuable lands.

Для цитирования: Максуров А.А. О понятии земель историко-культурного значения // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 200-202. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_200.

For citation: Maksurov A.A. About the concept of land of historical and cultural significance // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 200-202. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_200.

Статья поступила в редакцию: 01.01.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Использование и правовая охрана земель историко-культурного назначения являются современными и актуальными вопросами отечественной, да и мировой, юриспруденции. По большому счету, именно возможность экстраполировать прошлые достижения и неудачи человечества на настоящее и будущее отличает человека от других созданий природы. История и культура сегодня являются наиболее значимыми факторами перенесения достижений человечества из прошлого в настоящее и будущее. Только таким путем поддерживается связь поколений и достигается стабильность в народе и государстве.

Правовая охрана земель, на которых расположены объекты истории и культуры, не только задача конкретного общества и его институтов, но еще и государственная обязанность перед мировым сообществом.

В науке до настоящего времени не выработалась единой концепции использования и охраны земель историко-культурного назначения, имеющей значительную специфику. До настоящего времени отсутствует разделяемая большинством авторов дефиниция земель такого рода и их видов, различным образом понимается сущность этой категории земель, нет единства мнений относительно разновидностей правоотношений в сфере использования и охраны земель историко-культурного назначения. Не определены алгоритмы осуществления и защиты прав государства и общества в исследуемой области.

Кроме того, все указанное выше приводит к неэффективному и бессистемному применению норм, регулирующих отношения в сфере использования и охраны земель историко-культурного назначения. Негативный отпечаток налагает также несовершенство земельного и гражданского законодательства, уделивших вопросам правового земель историко-культурного назначения неоправданно мало внимания. Интерес в данном случае вызывает специфика правовых отношений и институтов в области оборота и правовой охраны земель историко-культурного назначения путей и способов повышения оптимальности такого рода регулирования с помощью правовых средств.

Предусмотренные правом особенности правового регулирования вопросов охраны и использования земель историко-культурного назначения обусловлены спецификой деятельности государства по формированию правовой политики в указанной сфере. Такого рода политика исходит из понимания особого места земель историко-культурного наследия вследствие расположения на них объектов особого рода, значимых в культурном, историческом или ином социальном, идеологическом, духовном смысле. Формирование правовой политики в этой области – это построение единой правовой конструкции использования объектов, имеющих как минимум двойное – экономическое (земля как природный ресурс) и иное, обычно, духовно-культурное (на земле расположены объекты, имеющие культурную ценность и представляющие исторический интерес) значение.

С данной позицией можно, в целом, согласиться, однако с учетом отдельных уточнений.

Во-первых, в экономически развитых странах функциональность тех или иных земельных ресурсов определяет все-таки рынок, а не государство; последнее вправе лишь требовать рационального использования этого ресурса ввиду его относительно сложной возобновляемости. Во-вторых, скорее всего, речь идет только о единственном полезном свойстве земли – производительном; все остальные положительные

характеристики земли являются уже не ее свойствами, а следствием нахождения рядом с данным земельным участком или непосредственно на нем (под ним) некоторых полезных для человека объектов. В-третьих, земля как таковая вряд ли может содействовать экономическому росту; с точки зрения законов экономики даже бесплатная раздача земли, находящейся в государственной или муниципальной собственности всем желающим не будет как-то значительно способствовать росту экономики, а может даже привести к ее сужению. Другое дело, что установление законодателем разумных правил использования земли вполне может снять правовую неопределенность в этом вопросе, повысить защищенность собственности и деятельности субъектов предпринимательства, вследствие чего минимизировать риски и затраты на их диверсификацию, а, в конечном итоге, будет помогать экономическому росту. В-четвертых, сохранение ресурсов для будущих поколений вряд ли можно считать задачей именно правового регулирования, тогда как сохранение объектов, расположенных на земле, сохранение ее полезного производственно-го свойства – это уже может быть и задачей правоохраны.

Исходя из указанного обстоятельства, земли историко-культурного назначения приобретают свои особенности вследствие двух факторов: непосредственных свойств и характеристик земли как природного ресурса и расположении на конкретном земельном участке тех или иных историко-культурных объектов, в результате чего такая земля приобретает особые свойства.

В рамках реализации государственно-правовой политики в отношении земельных ресурсов законодатель использует понятие «категория земель», которая предполагает использование земельных участков исключительно по целевому назначению, то есть в соответствии с той категорией земли, к которой данный участок отнесен. В п.п.4 п.1 ст.7 7 Земельного кодекса Российской Федерации [1] указывается как на отдельную категорию земель на земли особо охраняемых территорий и объектов.

Разделение земель на категории в целях их дальнейшего наиболее оптимального использования определено в качестве принципа еще подп. 8 п. 1 ст. 1 ЗК РФ, что, в целом, соответствует и законодательству и других стран. Одновременно можно говорить и об учете законодателем иного приоритета – принципа сохранения особо ценных земель и земель особо охраняемых территорий (подп. 6 п. 1 ст. 1 ЗК РФ).

По мере государственного кадастрового учета такого рода земель и вследствие иных факторов общая площадь земель особо охраняемых территорий и объектов постепенно увеличивается: например, по состоянию на 1 января 2009 г. она составила 34,4 млн. га [2], на 1 января 2016 г. - 47,0 млн. га, причем более 46 млн.га – это земли особо охраняемых природных территорий [9].

Статьей 94 Земельного Кодекса РФ дано понятие и определен состав земель особо охраняемых территорий. В частности, в п.1 ст.94 ЗК РФ выделено три признака, которые в совокупности позволяют относить земли именно к землям особо охраняемых территорий. Строго говоря, такой подход нельзя назвать дефинитивным: даже совокупность предложенных законодателем свойств такого рода земель не позволяет выделить имманентные признаки такой категории земель, позволяющие относить конкретный земельный участок именно к землям данной категории без формальных к тому причин: соответствующего решения органа власти и (или) на основе данных кадастрового учета. В приведенном определении, скорее, объясняется, почему именно для таких земель должен быть установлен особый режим и каким именно образом это происходит.

Данная категория (земли особо охраняемых территорий и объектов) – это родовое понятие, поскольку в нем нашли отражение критерии отнесения к таким землям любых разновидностей земель особо охраняемых природных территорий.

Так, во-первых, указывается, что к таким землям относятся земли, имеющие ценное значение (корректнее было бы сказать «особое значение» или ценность), а именно 1) особое природоохранное, 2) научное, 3) историко-культурное, 4) эстетическое, 5) рекреационное, 6) оздоровительное и 7) иное ценное значение, то есть, данный перечень остается открытым.

Во-вторых, в отношении этих земель совершены государственно-властные действия: они изъяты в соответствии с постановлениями федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации или решениями органов местного самоуправления полностью или частично из хозяйственного использования и оборота. Пункты 3 и 4 статьи 94 ЗК РФ предусматривают, что порядок отнесения земель к землям особо охраняемых территорий федерального, регионального и местного значения, а также порядок их использования и охраны устанавливаются, соответственно, Правительством Российской Федерации на основании федеральных законов, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления - в соответствии с федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации и нормативными правовыми актами органов местного самоуправления.

Земли историко-культурного значения – разновидность земель особо охраняемых территорий Их площадь относительно невелика (по отдельным данным – порядка 13,1 тыс.га) и имеет тенденцию к уменьшению [3], что, однако, не умаляет значимости и ценности этих земель в составе земельного фонда.

Установление смысла выделения такой разновидности земель следует основывать на буквальном понимании их свойств, в том числе, отражающихся в самом наименовании данной правовой конструкции [6, с. 95-97].

Этимологически «исторический» – существовавший в истории, бывший в действительности [8, с. 210], важный для истории, знаменательный [5, с. 271], а значение – содержание, смысл какого-либо явления [4, с. 320]. Соответственно, можно говорить об историческом значении как о содержательной значимости какого-либо объекта в силу его важности, знаменательности для развития человечества. Объект исторического значения по своим гносеологическим характеристикам, таким образом, «обращен» в прошлое, а по своим аксиологическим (ценностным) свойствам – в будущее.

Под «культурой» обычно понимают совокупность человеческих достижений в самых разнообразных сферах (производственных, общественных и духовных) [11, с. 389], человеческую деятельность в её самых разных проявлениях, включая все формы и способы человеческого самовыражения и самопознания, накопление человеком и социумом в целом навыков и умений [10, с. 370].

Следовательно, историко-культурное значение какого-либо объекта – это его содержательная значимость для общества в силу отра-

жения в нем важных (знаменательных) событий для народа, нации, человечества в целом, либо человеческих достижений в любых сферах жизни общества. Эти объекты по своему культурному, научному, идеологическому, воспитательному и иному значению важны для ныне проживающего на территории данного государства населения и потенциально интересны и значимы для будущих поколений. Такие объекты позволяют проследить связь прошлого, настоящего и будущего, служат одной из духовных основ единства нации.

Земли же историко-культурного значения – это место существования конкретного объекта, чем и объясняется их значимость. Соответствующие земли охраняются, для них предусматривается особый режим использования не столько из-за особых свойств самих земель, а лишь постольку, поскольку на них расположены подлежащие правовой охране объекты.

Таким образом, здесь судьба земельного участка, его статус и пределы использования (возможности и ограничения) определяются значением расположенного на нем объекта, а не самой земли. Соответственно, по своей сущности земли историко-культурного значения отличаются от иных земель особо охраняемых территорий (земель особо охраняемых природных территорий, земель природоохранного и рекреационного назначения), что не исключает, в отдельных случаях, возможности их государственного использования для хозяйственных целей, включая добычу полезных ископаемых [7, с. 34].

В результате мы считаем, что возможно выделение земель, в настоящее время относимых к землям историко-культурного назначения, в отдельную категорию земель, так как рассмотрение их только как вида земель особо охраняемых территорий не соответствует содержательным характеристикам таких земель и их назначению. Полагаем, что такая категория земель может быть названа «земли с расположенными на них особо охраняемыми объектами». В связи с указанным предлагаем дополнить пункт 1 статьи 7 Земельного Кодекса Российской Федерации подпунктом 8 с указанием на земли с расположенными на них особо охраняемыми объектами как на отдельную категорию земель.

Таким образом, в результате исследования установлено, что особенности земель историко-культурного значения основаны на обязательной совокупности двух факторов: непосредственных свойств и характеристик земли как природного ресурса и расположения на конкретном земельном участке тех или иных историко-культурных объектов. Именно по этим причинам такая земля приобретает особые свойства, полностью вытекающие из историко-культурного значения какого-либо расположенного на них объекта. Эти свойства будут иметь необходимую общественную значимость ввиду отражения в объекте 1) важных (знаменательных) событий для народа, нации, человечества в целом, либо 2) человеческих достижений в любых сферах жизни общества.

Представляется, что установление особого режима использования таких земель вызвано не особыми свойствами самой земли, а лишь постольку, поскольку на них расположены подлежащие правовой охране объекты. Следовательно, по своей правовой природе земли историко-культурного значения отличаются от иных земель особо охраняемых территорий (земель особо охраняемых природных территорий, земель природоохранного и рекреационного назначения).

По этим причинам такие земли с расположенными на них особо охраняемыми объектами должны быть выделены в земельном законодательстве в отдельную категорию земель, которую можно «земли с расположенными на них особо охраняемыми объектами истории и культуры».

Список литературы:

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. N 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. N 44. Ст. 4147.
2. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель // Материалы официального сайта Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии. // <http://tvermedra.ru/Zemuchastki.pdf>. Дата обращения: 31.01.2024
3. Данные Федеральной службы государственной статистики // <https://www.fedstat.ru/indicator/38146> Дата обращения: 31.01.2024
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 2019. – 868 с.
5. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь русского языка. – М., 2020. – 816 с.
6. Максуров А.А. Некоторые возможности языкового подхода в исследовании правовых явлений (на примере координационной технологии) / Сб. науч. тр. по материалам Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы в научной работе и образовательной деятельности» (30 апреля 2014 г., г. Тамбов). Тамбов, 2014. С. 95-97.
7. Максуров А.А. Правовое регулирование добычи драгоценных металлов и камней в Российской Федерации. Научно-практическое пособие. М.: Русайнс. 2022. – 122 с.
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М., 2018. – 1092 с.
9. «Правовые проблемы использования и охраны земель особо охраняемых территорий и объектов». Материалы «Круглого стола» Комитета Совета Федерации Федерального Собрания РФ по аграрно-продовольственной политике и природопользованию от 31.10.2016 // http://agrarian.council.gov.ru/activity/activities/round_tables/72872/ Дата обращения: 31.01.2024
10. Ушаков Д.Н. Толковый словарь. – М., 2020. – 930 с.
11. Энциклопедический словарь. – М., 2018. – 1220 с.

References:

1. Zemel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 25 oktyabrya 2001 g. N 136-FZ // Sbornie zakonodatel'stva RF. 2001. N 44. St. 4147.
2. Gosudarstvennyj (nacional'nyj) doklad o sostojanii i ispol'zovanii zemel' // Materialy oficial'nogo sajta Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj registracii, kadastra i kartografii. // <http://tvermedra.ru/Zemuchastki.pdf>. Data obrashcheniya: 31.01.2024
3. Dannye Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki // <https://www.fedstat.ru/indicator/38146> Data obrashcheniya: 31.01.2024
4. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. – M., 2019. – 868 s.
5. Efremova T.F. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. – M., 2020. – 816 s.
6. Maksurov A.A. Nekotorye vozmozhnosti yazykovogo podhoda v issledovanii pravovyh yavlenij (na primere koordinacionnoj tekhnologii) / Sb.nauch.tr. po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Aktual'nye voprosy v nauchnoj rabote i obrazovatel'noj deyatel'nosti» (30 aprelya 2014 g., g. Tambov). Tambov, 2014. S. 95-97.
7. Maksurov A.A. Pravovoe regulirovanie dobychi dragocennyh metallov i kamnej v Rossijskoj Federacii. Nauchno-prakticheskoe posobie. M.: Rusajns. 2022. – 122 s.
8. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. – M., 2018. – 1092 s.
9. «Pravovye problemy ispol'zovaniya i ohrany zemel' osobo ohranyaemyh territorij i ob'ektov». Materialy «Kruglogo stola» Komiteta Soveta Federacii Federal'nogo Sobraniya RF po agrarno-prodovol'svennoj politike i prirodoopol'zovaniyu ot 31.10.2016 // http://agrarian.council.gov.ru/activity/activities/round_tables/72872/ Data obrashcheniya: 31.01.2024
10. Ushakov D.N. Tolkovyj slovar'. – M., 2020. – 930 s.
11. Enciklopedicheskij slovar'. – M., 2018. – 1220 s.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И КИТАЕМ: КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ LEGAL REGULATION OF BUSINESS RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND CHINA: COMPREHENSIVE ANALYSIS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

ШАТСКАЯ Ирина Ивановна,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Правовое обеспечение государственного управления и экономики»,
Российский университет транспорта (МИИТ).

127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9.

E-mail: irina_shatskaya@mail.ru;

КОЗЛОВА Дарья Александровна,

магистрант Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ).

127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9.

E-mail: dariaalexkozlova@mail.ru;

SHATSKAYA Irina Ivanovna,

PhD of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the
Department «Legal Support of Public Administration and Economics», Russian University of transport.
127994, Moscow, Obrastsova str., 9, bld. 9, Russia.

E-mail: irina_shatskaya@mail.ru;

KOZLOVA Daria Alexandrovna,

Master's student at the Law Institute Russian University of Transport (MIIT).

127994, Russia, Moscow, st. Obrastsova, 9, building 9.

E-mail: dariaalexkozlova@mail.ru

Краткая аннотация. Статья анализирует правовое регулирование предпринимательских отношений в России и Китае, не затрагивая двусторонние международные соглашения. Исследование охватывает конституционно-правовые основы, формы бизнеса, правила регистрации и лицензирования, налоговые режимы, защиту инвестиций, право собственности и разрешение коммерческих споров. Сравнение выявляет ключевые различия: в Китае акцент на институциональном контроле и «отрицательном списке», в России — на правовой защите частной собственности и судебном разрешении конфликтов. В заключение даны рекомендации по улучшению национального регулирования для упрощения двустороннего бизнеса.

Abstract. The article analyzes the legal regulation of business relations in Russia and China, without touching upon bilateral international agreements. The study covers constitutional and legal foundations, forms of business, registration and licensing rules, tax regimes, investment protection, property rights and resolution of commercial disputes. The comparison reveals key differences: in China, the emphasis is on institutional control and the "negative list", while in Russia, it is on the legal protection of private property and judicial resolution of conflicts. In conclusion, recommendations are given for improving national regulation to simplify bilateral business.

Ключевые слова: предпринимательское право; сравнительно-правовой анализ; Россия; Китай; регистрация предприятий; защита инвестиций; разрешение споров.

Keywords: business law; comparative legal analysis; Russia; China; business registration; investment protection; dispute resolution.

Для цитирования: Шатская И.И., Козлова Д.А. Правовое регулирование предпринимательских отношений между Россией и Китаем: комплексный анализ и перспективы развития // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 203-206. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_203.

For citation: Shatskaya I.I., Kozlova D.A. Legal regulation of business relations between Russia and China: comprehensive analysis and development prospects // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 203-206. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_203.

Статья поступила в редакцию: 16.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Введение. В условиях глобализации и развития международных экономических отношений торговля между Россией и Китаем играет важную роль. В 2024 году товарооборот вырос на 1,9% до 244,819 млрд. долларов, с увеличением китайского экспорта на 4,1% до 115,499 млрд. долларов и сохранением российского импорта на уровне 2023 года — 129,32 млрд. долларов. Китай остается ключевым торговым партнером России, что подтверждается инвестициями и стратегическим сотрудничеством.

Для успешного развития деловых отношений необходимо понимание правовых условий предпринимательской деятельности в обеих странах. Исследование анализирует правовые механизмы, включая конституционные основы, формы собственности, роль государства, регистрацию и лицензирование, налогообложение, защиту инвестиций, права собственности и разрешение споров.

Объект исследования — предпринимательская деятельность в России и Китае, предмет — правовые нормы и их применение. Актуальность обусловлена ростом совместных проектов и необходимостью учета специфики законодательства для эффективного ведения бизнеса в условиях глобализации и конкуренции на мировых рынках.

Результаты и обсуждение. В Конституции Российской Федерации закреплены ключевые принципы, регулирующие экономическую деятельность и защиту прав собственности. В частности, статья 35 гарантирует поддержку конкуренции и свободу экономической деятельности, а статья 8 провозглашает равную защиту частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности. В Налоговом кодексе РФ (ст. 284) также подтверждается государственная охрана прав на частную собственность, что подчеркивает ее правовую неприкосновенность.

Китайская экономическая система характеризуется как социалистическая рыночная, что предполагает интеграцию государственных и рыночных механизмов регулирования. Согласно статье 11 Конституции КНР, «необщественный сектор экономики, включающий индивидуальные и частные хозяйства, является важной составной частью социалистической рыночной экономики». Несмотря на конституционное признание права на частную собственность, в Китае оно сочетается с доминированием государственной и коллективной форм собственности, особенно на земельные ресурсы. Это подтверждается положениями Закона КНР «О налоге на прибыль предприятий» 2018 года.

Различия в подходах к собственности и экономической регуляции проявляются в налоговом законодательстве. В России Конституция и Налоговый кодекс (ст. 284) обеспечивают охрану частной собственности, подчеркивая права на владение и использование имущества. В Китае, несмотря на конституционные гарантии, налоговое законодательство акцентирует превалирование государственной и коллективной собственности на землю.

В России предпринимательское право ориентировано на смешанную экономическую модель, допускающую широкий спектр организационно-правовых форм, включая общества с ограниченной ответственностью (ООО), акционерные общества (АО), товарищества и кооперативы (п. 2 ст. 50 ГК РФ). В российской деловой практике преобладают ООО и АО.

Китайское законодательство, аналогично российскому, регулирует деятельность компаний с ограниченной ответственностью (ООО) и акционерных обществ (АО) в рамках Гражданского кодекса и Закона «О компаниях». Дополнительно в Китае допускаются юридические лица, представляющие народную коллективную собственность, что расширяет спектр организационно-правовых форм в экономике страны.

Историческое развитие китайского предпринимательства отличается от российского. После реформ Дэн Сяопина частные и коллективные предприятия активно интегрировались в экономику, получая поддержку государства [2]. Сегодня частный бизнес составляет значительную долю ВВП и обеспечивает занятость большинства горожан. Однако ключевые отрасли, такие как энергетика, информационные технологии и оборона, остаются под контролем государства.

В Российской Федерации процесс создания юридического лица или индивидуального предпринимателя регламентируется Федеральным законом №129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Учредительные документы, такие как устав, заявление и протокол, подаются в налоговые органы, после чего иницируется процедура государственной регистрации, завершающаяся выдачей свидетельства о государственной регистрации юридического лица (ОГРН) и идентификационного номера налогоплательщика (ИНН). Этот порядок унифицирован на всей территории страны, обеспечивая единообразие и прозрачность процедуры.

В КНР процесс регистрации компаний носит централизованный характер. Любая компания может быть зарегистрирована только после получения разрешения от соответствующих уполномоченных органов и включения в реестр. В соответствии с Гражданским кодексом КНР, предприятия и другие юридические лица приобретают правовой статус после прохождения этих процедур.

На практике оба государства требуют официального разрешения или лицензии для осуществления деятельности в ряде специализированных сфер. В РФ этот процесс регулируется Федеральным законом № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности». В Китае применяется система «отрицательного списка», которая запрещает или ограничивает деятельность иностранных компаний в определенных отраслях, таких как телекоммуникации, образование и финансовые услуги [1].

Как отмечают эксперты в отраслевой прессе, деятельность иностранных фирм в Китае строго регламентирована и контролируется. В частности, предъявляются жесткие требования к регистрации, лицензированию и ведению бизнеса, что свидетельствует о высоком уровне государственного контроля со стороны китайских властей.

В РФ перечень лицензируемых видов деятельности охватывает широкий спектр отраслей, включая образование, медицину, строительство, транспорт и производство оружия. Для каждой из этих сфер установлен специальный порядок получения разрешений, регламентируемый соответствующими нормативно-правовыми актами.

В Китае также существует обширный перечень отраслей, требующих лицензирования иностранных инвесторов, на основании так называемого «отрицательного списка». С принятием Закона «Об инвестициях» в 2020 году процедура регистрации иностранных инвестиций была упрощена, однако ключевые сектора экономики остаются под строгим регулированием.

Анализ тенденций показывает расширение свободы предпринимательства в обеих странах. В России с 2008 по 2023 годы сокращался список лицензируемых видов деятельности, что свидетельствует о либерализации регуляторной среды. В Китае регулярно обновляется «отрицательный список», сокращая запрещенные для иностранных инвесторов сферы. В свободных экономических зонах права иностранцев расширены, что привлекает инвестиции и стимулирует экономический рост [3].

Налоговые системы России и Китая различаются. В России налог на прибыль составляет 25%, из которых 8% поступает в федеральный бюджет, а 17% — в бюджеты субъектов. Стандартная ставка НДС — 20%, с пониженными ставками для отдельных категорий товаров и услуг. В Китае налог на прибыль также 25%, но для малых предприятий ставка — 20%, а для технологических компаний — 15%. В КНР действуют налоговые преференции для высокотехнологичных предприятий и инвесторов, стимулируя инновации и экономический рост. С 2018 года в Китае унифицирован НДС до 13%. Оба государства используют специальные налоговые режимы для стимулирования экономической деятельности: регионы России могут снижать ставку налога на прибыль, а китайские предприятия-резиденты — выбирать выгодные юрисдикции в рамках международных соглашений.

В общем и целом, налоговое бремя в Китае традиционно выше для обычных компаний, однако многочисленные льготы и преференции делают налоговую систему более гибкой и адаптивной к различным экономическим условиям. Это позволяет государству эффективно уп-

рывать налоговыми поступлениями и поддерживать развитие приоритетных секторов экономики.

В России и Китае созданы благоприятные условия для иностранных инвестиций. В обеих странах Конституция гарантирует право собственности и свободу перевода прибыли, а законодательство регулирует капитальные вложения и инвестиционные проекты. Китай в 2020 году принял закон, расширяющий открытость и запрещающий произвольную национализацию. Однако в Китае существует «отрицательный список» отраслей с ограниченным доступом для иностранных инвесторов.

В России компенсация за вмешательство государства часто предполагает судебную защиту и международные нормы, тогда как в Китае предусмотрена обязательная компенсация при конфискации имущества. Китайские законы детально регулируют защиту инвестиций, учитывая государственные интересы.

Обе страны обеспечивают защиту прав инвесторов, но подходы различаются: Россия акцентирует свободу предпринимательства и судебную защиту, а Китай — детализированное регулирование и защиту государственных интересов.

Российское законодательство гарантирует право собственности на землю и имущество в различных формах, включая частную собственность и наследование. В КНР земля в городах принадлежит государству, а в сельской местности распределяется между коллективами. Частным лицам предоставляются участки на ограниченный срок, но государство защищает права на построенные дома. В Китае действует понятие «право землепользования», отличающееся от российского права собственности, но оба подхода направлены на эффективное использование земель и защиту прав собственников.

В Российской Федерации коммерческие споры разрешаются посредством двух основных правовых механизмов: арбитражного судопроизводства, регламентированного Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации (АПК РФ), и судопроизводства общей юрисдикции. Эти процедуры регулируются национальным законодательством и международными договорами, обеспечивая комплексную правовую защиту интересов участников коммерческих отношений. В рамках обеих юрисдикций предусмотрены процедуры досудебного урегулирования конфликтов и медиации, которые способствуют минимизации судебных разбирательств и достижению компромиссных решений. Кроме того, возможна интеграция в международный арбитраж, например, через Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (МКАС при ТПП РФ) [5].

В Китайской Народной Республике основным институциональным механизмом разрешения коммерческих споров являются народные суды, куда стороны подают иски. Однако китайская правовая система акцентирует внимание на мирном урегулировании конфликтов, что отражается в преференциальном отношении к досудебным процедурам. Важную роль играют местные арбитражные учреждения, такие как Китайская международная экономическая и торговая арбитражная комиссия (CIETAC) [6]. Недавние законодательные реформы, направленные на повышение прозрачности и эффективности арбитражных процедур, укрепили доверие к арбитражным институтам и улучшили качество принимаемых решений.

Исполнение судебных решений и арбитражных постановлений в обеих странах регулируется национальным законодательством и международными договорами. Для российских предпринимателей особенно значимы вопросы защиты прав в судах и арбитражах по ранее заключённым контрактам, что подчёркивает важность правовой определённости и предсказуемости в коммерческих отношениях.

Таким образом, механизмы разрешения коммерческих споров в России и Китае представляют собой сложные и многоаспектные правовые конструкции, направленные на обеспечение справедливого и эффективного урегулирования конфликтов. Интеграция международного арбитража и акцент на досудебные процедуры свидетельствуют о стремлении обеих стран к гармонизации национальных правовых систем с международными стандартами.

В контексте трансграничной торговли между Россией и Китаем российские компании сталкиваются с проблемами валютных операций и таможенного оформления, в то время как китайские компании должны соблюдать российское законодательство, что приводит к возникновению юридических споров. Российские суды часто рассматривают дела о невыплате контрактной цены или навязывании невыгодных условий. Различия в правовых системах и недостаточная проработка контрактов усугубляют данную ситуацию.

Китайские инвесторы имеют возможность обращаться в местные суды или использовать механизмы нового инвестиционного закона. С 2024 года в Китае ужесточены требования к уставному капиталу и финансовой отчетности, что окажет влияние на условия для иностранных инвесторов [4].

Для российских предпринимателей ключевым аспектом является защита прав в судах и арбитражных инстанциях по заключённым контрактам. Эффективное правовое регулирование и защита интересов бизнеса остаются основополагающими факторами для успешной трансграничной торговли.

Сопоставление двух систем показывает, что российская экономика ориентирована на модель свободного рынка с защитой частной собственности и конкурентным законодательством. Китайская модель представляет собой социалистический рынок с государственным регулированием ключевых отраслей и защитой иностранных инвестиций через специальный Закон КНР «Об иностранных инвестициях», принятый в 2019 году.

В контексте анализа эволюции законодательных систем России и Китая можно констатировать наличие существенных различий в подходах к регулированию предпринимательской деятельности. Российская правовая модель акцентирует внимание на повышении прозрачности и стимулировании деловой активности посредством предоставления налоговых преференций. В свою очередь, китайская система демонстрирует устойчивую тенденцию к либерализации экономической среды при сохранении жесткого государственного контроля над ключевыми аспектами

хозяйственной жизни.

С целью оптимизации национального законодательства и повышения его эффективности представляется целесообразным рассмотреть ряд стратегических инициатив:

- Введение дополнительных мер по защите субъектов малого и среднего предпринимательства, включая упрощение процедур регистрации и отчетности, что позволит снизить административные барьеры и стимулировать развитие малого бизнеса.
- Адаптация китайского опыта в области предоставления налоговых льгот для инновационных компаний, что может способствовать активизации научно-технической деятельности и повышению конкурентоспособности российской экономики.
- Внедрение стандартов корпоративной социальной ответственности, что позволит интегрировать принципы устойчивого развития в деятельность компаний и повысить их социальную значимость.
- Расширение спектра инструментов альтернативного разрешения споров, что будет способствовать снижению нагрузки на судебную систему и повышению эффективности правоприменительной практики.

Заключение. Взаимное изучение и интеграция передовых законодательных решений, применяемых в обеих странах, могут стать важным фактором в преодолении существующих барьеров для развития двустороннего бизнеса и повышения эффективности взаимодействия между компаниями России и Китая.

Список литературы:

1. Российский бизнес в Китае: кто и зачем идет на Восток // Право.ru (новости). 2025. [Электронный ресурс]. — URL: <https://pravo.ru/story/257812/>.
2. Был ли прав Маркс? Что дает принятие в Китае закона о поддержке частного бизнеса // ТАСС (мнения). 2024. [Электронный ресурс]. — URL: <https://tass.ru/opinions/23995403>.
3. Китай сокращает негативный список для зарубежных инвестиций // PRC.Today (аналитика). [Электронный ресурс]. — URL: <https://prc.today/kitaj-sokrashhaet-negativnyj-spisok-dlya-zarubezhnyh-investicij-htoby-otkryt-eshhe-bolshe-zst/>.
4. Ключевые изменения к Закону КНР «О компаниях» с 01.07.2024 // Mansors (публикация юридической практики). [Электронный ресурс]. — URL: <https://mansors.com/ru/media/blog/klyuchevye-izmeneniya-k-zakonu-knr-o-kompaniyah>.
5. Как китайской компании судиться в МКАС при ТПП РФ? // Delo4 (практический материал). 2025. [Электронный ресурс]. — URL: <https://delo4.ru/2025/03/29/litigating-in-the-icac-as-a-chinese-company/>.
6. China Window. «Enterprise Income Tax / Chinese taxation» (обзор налогового регулирования КНР). [Электронный ресурс]. — URL: <https://chinawindow.ru/china/legal-information-china/chinese-taxation/enterprise-tax/>.

References:

1. Russian business in China: who and why is going East // Pravo.ru (news). 2025. [Electronic resource]. — URL: <https://pravo.ru/story/257812/>.
2. Was Marx right? What does the adoption of the law on support for private business in China give // TASS (opinions). 2024. [Electronic resource]. — URL: <https://tass.ru/opinions/23995403>.
3. China is shortening the negative list for foreign investment // PRC.Today (analytics). [Electronic resource]. — URL: <https://prc.today/kitaj-sokrashhaet-negativnyj-spisok-dlya-zarubezhnyh-investicij-htoby-otkryt-eshhe-bolshe-zst/>.
4. Key Amendments to the PRC Company Law Effective July 1, 2024 // Mansors (legal practice publication). [Electronic resource]. — URL: <https://mansors.com/ru/media/blog/klyuchevye-izmeneniya-k-zakonu-knr-o-kompaniyah>.
5. How Can a Chinese Company File a Litigation in the ICAC at the RF CCI? // Delo4 (practical material). 2025. [Electronic resource]. — URL: <https://delo4.ru/2025/03/29/litigating-in-the-icac-as-a-chinese-company/>.
6. China Window. "Enterprise Income Tax / Chinese taxation" (review of tax regulation in China). [Electronic resource]. — URL: <https://chinawindow.ru/china/legal-information-china/chinese-taxation/enterprise-tax/>.

СКОЛЬКО ДНЕЙ ДЛЯТСЯ ПЯТЬ ЛЕТ? HOW MANY DAYS DO FIVE YEARS LAST?

ЖИЛЯЕВ Артур Валерьевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права,
ФГКОУ ВО «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации».

644092, Россия, Омская область, г. Омск, Проспект Комарова, д. 7.

E-mail: avzhilyaev@yandex.ru;

ZHILYAEV Artur Valerievich,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law,
Federal State Public Institution of Higher Education «Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation».

644092, Russia, Omsk region, Omsk, Komarova Avenue, 7.

E-mail: avzhilyaev@yandex.ru

Краткая аннотация: На основе результатов анализа положений Конституции РФ и действующего российского законодательства, практики их реализации при проведении федеральных парламентских выборов и в период деятельности всех созывов Государственной Думы делается вывод о том, что категории «срок полномочий Государственной Думы» и «срок, на который избирается Государственная Дума» (т.е. реальный срок ее деятельности) не являются тождественными. Проблема заключается в том, что взятый за основу способ исчисления периода, в течение которого должна функционировать палата, основывается не на необходимости выдерживать соответствующие пятилетние (ранее – четырехлетние) циклы, а на периодичности проведения выборов. В этой связи автором выявляются причины, послужившие основанием для возникновения такой ситуации, и предлагаются пути решения указанной проблемы.

Abstract: Based on the results of an analysis of the provisions of the Constitution of the Russian Federation and current Russian legislation, and the practice of their implementation during federal parliamentary elections and during the period of activity of all convocations of the State Duma, it is concluded that the categories "term of office of the State Duma" and "term for which the State Duma is elected" (i.e., its actual term activities) are not identical. The problem lies in the fact that the method of calculating the period during which the Chamber should function is based not on the need to maintain the corresponding five-year (previously four-year) cycles, but on the frequency of elections. In this regard, the author identifies the reasons that gave rise to such a situation, and suggests ways to solve this problem.

Ключевые слова: Государственная Дума, легислатура, срок полномочий, выборы Государственной Думы.

Keywords: State Duma, legislature, term of office, elections of the State Duma.

Для цитирования: Жилыев А.В. Сколько дней длится пять лет? // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 207-210. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_207.

For citation: Zhilyaev A.V. How many days do five years last? // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 207-210. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_207.

Статья поступила в редакцию: 28.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

С приближением очередных федеральных парламентских выборов уместно порассуждать об одном из ключевых аспектов, характеризующих конституционно-правовой статус Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (далее – Государственная Дума), – сроке, в течение которого она осуществляет свою деятельность. С учетом общего позитивного развития отечественного парламентаризма, проявляющегося в том числе в стабильной и эффективной работе нижней палаты российского парламента, следует признать, что на протяжении новейшей истории нашей страны он так и не получил своего переосмысления и окончательного разрешения.

Согласно ч. 1, ст. 96 Конституции РФ [1] Государственная Дума избирается сроком на пять лет. Исходя из позиции Конституционного Суда РФ, выраженной им в постановлении от 11 ноября 1999 г. [2] (когда формулировка нормы была такой же, но Государственная Дума избиралась на четыре года), данным положением предусмотрен *срок полномочий* нижней палаты Федерального Собрания. С учетом общего смысла указанной нормы Основного закона, можно сделать заключение, что этот срок должен совпадать со *сроком, на который она избирается* (т.е. реальным сроком ее деятельности). Вместе с тем, анализ других положений Конституции РФ и действующего российского законодательства в совокупности с практикой их применения как в период проведения различных избирательных кампаний, так и в период деятельности всех созывов Государственной Думы говорит об обратном. Эти категории не рассматриваются как тождественные. Проблема заключается в том, что взятый за основу способ исчисления срока, в течение которого должна функционировать палата, основывается не на необходимости выдерживать соответствующие пятилетние (ранее – четырехлетние) циклы, а на периодичности проведения выборов, хотя логично было бы предположить обратное. В итоге ни при одном из возможных вариантов развития событий Государственная Дума не работала ровно четыре года ранее и не работала, работает и будет работать ровно пять лет после принятия решения об увеличении срока полномочий. Причиной этого является своеобразная мина замедленного действия, заложенная авторами конституции и впоследствии федеральным законодателем еще на заре зарождения современного отечественного конституционализма.

Для раскрытия содержания названной причины обратимся сначала к теории конституционного права, в которой используется такое понятие, как «легислатура». Так, например, С.А. Авакьян подразумевает под ней срок (период) полномочий парламента государства, установленный конституцией или иным актом [3]. В словаре русского языка, изданного под редакцией А.П. Евгеньевой, можно прочитать, что легислатура – это период деятельности законодательного органа одного созыва, срок его законных полномочий [4]. В толковом словаре иноязычных слов Л.П. Крысина содержится аналогичное определение этого термина. В частности, по мнению автора, легислатура – это срок полномочий, а также период деятельности избранного представительного органа (легислатура парламента) [5]. Основной вывод, который вытекает из анализа приведенных высказываний заключается в том, что все авторы единообразно решают вопрос о соотношении двух категорий – «срок полномочий парламента государства» и «срок, в течении которого парламента государства осуществляет свою деятельность». Данные сроки должны быть одинаковыми. Однако, как уже отмечалось выше, практика проведения выборов депутатов Государственной Думы и деятельности всех избранных составов палаты в новейшей истории России свидетельствует об обратном.

Одними из базовых принципов отечественного избирательного права являются принципы обязательности и периодичности проведения выборов. В общих чертах они означают, что все выборные органы осуществляют свои полномочия в рамках законодательно закреплённого срока и в связи с приближением его окончания уполномоченные на то субъекты обязаны назначить и провести очередные выборы указанных органов [6; 7]. В отношении Государственной Думы такой срок установлен в пять лет, т.е. 1826 дней (либо 1827 дней, если на избирательный цикл приходится два високосных года). Прежняя редакция ч. 1, ст. 96 Конституции РФ предусматривала четырехлетний срок полномочий, равнявшийся 1461 дню. Однако иные нормы Основного закона не дают однозначного ответа на вопрос, с каких моментов должен начинаться и заканчиваться упомянутый срок. В его ч. 2, 4, ст. 99 говорится лишь о том, что палата собирается на первое заседание на тридцатый день после избрания, и что с момента начала работы Государственной Думы нового созыва полномочия Государственной Думы прежнего созыва прекращаются.

Определённую конкретику в картину вносят положения ч. 2, ст. 5 Федерального закона от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [8] (далее - ФЗ О выборах депутатов), согласно которым конституционный срок, на который избирается Государственная Дума, исчисляется со дня ее избрания. Днём избрания Государственной Думы является день голосования, в результате которого она была избрана в правомочном составе. Днём голосования является третье воскресенье месяца, в котором истекает конституционный срок, на который была избрана Государственная Дума предыдущего созыва. При этом обратим внимание, что в указанных нормах говорится не о сроке полномочий палаты, а о сроке, на который она избирается, что в контексте рассматриваемой нами проблематики имеет значение. В свою очередь другая формулировка содержится в положении ч. 2, ст. 3 Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [9], где закрепляется, что срок полномочий депутата Государственной Думы начинается со дня избрания его депутатом Государственной Думы и прекращается со дня начала работы Государственной Думы нового созыва. В данном случае законодатель связывает с одним и тем же днём (голосование на выборах) уже начало исчисления срока полномочий палаты. В результате, если оценивать картину в целом, недосказанность и разночтения, имеющиеся во всех приведенных выше нормах, создают целый ряд проблем юридического и практического характера. Более конкретно их содержание можно свести к двум главным аспектам.

Во-первых, законодатель создал ситуацию, при которой при пятилетнем сроке полномочий день голосования на очередных выборах (если за основу начала его исчисления брать указанный день) может быть назначен либо на пять дней раньше, либо на два дня позже относительно дня окончания пяти лет (за исключением случаев, когда на избирательные циклы приходится по два високосных года и в этой связи день голосования назначается на один день позже). На конкретных датах это можно проиллюстрировать следующим образом. В 2021 г. голосование на выборах проводилось с 17 по 19 сентября, из которых главным был последний день. Соответственно полномочия депутатов должны прекратиться 18 сентября 2026 г. Для того чтобы выдержать необходимый пятилетний срок очередные выборы должны быть проведены также 19 сентября. Однако в упомянутом году третье воскресенье выпадет на 20 сентября. Это означает, что нынешний состав Государственной Думы будет работать пять лет и один день. Такая же картина повторится и в 2031 г., когда день голосования придется на 21 сентября. Единственным исключением будут являться только выборы в 2036 г., когда день голосования также выпадет на 21 сентября, поскольку в этом электоральном цикле будет два високосных года. В свою очередь в 2041 г. избиратели должны будут прийти на избирательные участки 15 сентября, что, соответственно, уже должно сократить срок работы будущей Государственной Думы на шесть дней, хотя ее полномочия должны прекратиться только 20 сентября. И так будет продолжаться постоянно.

Во-вторых, до сих пор нет однозначного ответа на вопрос, с каким юридическим фактом должно связываться начало работы Государственной Думы нового созыва – с моментом ее избрания или с моментом проведения ею первого заседания. Соответственно не совсем понятно, когда именно должна складываться с себя полномочия Государственная Дума действующего созыва. Логично предположить, что это все же должен быть второй день, т.к. палата может принимать все свои решения только коллегиально. Косвенно это подтверждается также тем, что положения Конституции РФ о первом заседании нового состава Государственной Думы и прекращении полномочий ее прежнего созыва закреплены в одной статье, что полагает их толкование в увязке друг с другом. Однако, такое утверждение нельзя считать категоричным, поскольку у отдельно взятых депутатов имеются другие права, которые они могут реализовывать самостоятельно уже после выборов. С учетом сказанного «цена» вопроса будет составлять еще тридцать дней (или меньшее количество дней, если Президент РФ созывает заседание ранее), на которые необходимо будет увеличивать все указанные выше сроки. В результате остается неясным, на сколько же россияне избирают себе нижнюю палату федерального парламента, – на 1826 (1827) дней как того требует Конституция РФ (пять лет) или в зависимости от календаря выборов на срок от 1820 до 1827 дней (приблизительно пять лет), как в большинстве случаев происходит на практике? И это если за основу начала исчисления срока полномочий брать день голосования на выборах. Если же отправной точкой считать проведение Государственной Думой первого заседания, то как уже отмечалось выше к приведенным цифрам необходимо добавлять еще до тридцати дней.

Также проблемным аспектом является то, что в результате складывающейся практики до сих пор существует противоречие норм ФЗ О выборах депутатов нормам Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [10]. В частности, в ст. 8, 9 последнего говорится, что выборы федеральных органов государственной власти являются обязательными, периодическими и проводятся в сроки, обеспечивающие соблюдение сроков полномочий этих органов. Изменение (продление или сокращение) срока полномочий действующих федеральных органов государственной власти не допускается.

Кроме того, неопределенность присутствует и в ряде вопросов, которые характеризуют правоотношения в переходный между днём голосования на выборах и днём, когда должно быть проведено первое заседание Государственной Думы, период, а также в процессе дальнейшей деятельности палаты. В отношении первого аспекта можно утверждать, что, по сути, в России постоянно складывалась и будет складываться парадоксальная ситуация, когда одновременно всей полнотой власти обладали (будут обладать) два состава Государственной Думы. Это

происходило потому, что «новые» депутаты приобретали полномочия с момента их избрания, а «старые» утрачивали их только с момента начала работы нового состава палаты. Тот факт, что значительное количество парламентариев сохраняли свои места никак не изменяло ситуацию в принципе. В итоге, даже если считать началом работы Государственной Думы день голосования, все равно каждый выборный год, когда упомянутый день смещается по календарю вниз, какой-то промежуток времени палаты будут действовать параллельно.

Во втором случае в свете затронутой нами проблематики по-иному следует взглянуть, например, на положение из ч. 3 ст. 109 Конституции РФ, где говорится, что Государственная Дума не может быть распущена по основаниям, предусмотренным ст. 117 Конституции РФ, в течение года после ее избрания. Если этот год исчислять со дня голосования на выборах, а не со дня, когда она соберется на свое первое заседание (т.е. с начала ее работы), то, по сути, получается искажение смысла данного императива. Из двенадцати месяцев она и так не будет функционировать до тридцати дней.

С учетом изложенного попробуем выявить причину, по которой российская практика развивается таким образом. Полагаем, что корень проблемы заключается не в недоработке законодателя, а в «браке», допущенном в 1993 году авторами текста Конституции РФ, которые включили в нее норму о том, что *Государственная Дума собирается на первое заседание на тридцатый день после избрания*. Именно это положение перевернуло все с ног на голову и создало ситуацию, противоречащую не только здравому смыслу, но и другому требованию Основного закона о фиксированном сроке полномочий нижней палаты Федерального Собрания (т.е. еще в проекте конституции было заложено противоречие между требованиями статей 96 и 99). В результате законотворцам не оставалось ничего иного, как подстраивать периоды деятельности всех будущих составов палаты под избирательные циклы, а не под срок их легислатуры. Если бы они закрепили указанный день (который всегда должен был бы приходиться на одну и ту же дату) в качестве постоянного дня, с которого начиналось бы исчисление срока полномочий Государственной Думы, то дни голосования на выборах крайне редко выпадали бы на воскресенье, что противоречило бы действующему избирательному законодательству. При этом в подобных ситуациях оказались не только они, но даже Конституционный Суд РФ. В упоминавшемся выше его постановлении он был вынужден противоречить сам себе. В частности, говоря о том, что в ч. 1, ст. 96 Конституции РФ установлен срок полномочий Государственной Думы, он также заключил, что согласно ее ч. 4, ст. 99 эти полномочия не прекращаются вплоть до начала работы Государственной Думы нового созыва. С учетом приведенных нами аргументов это означает, что суд констатировал факт различия между категориями «срок полномочий Государственной Думы» и «срок, на который избирается Государственная Дума» и увязал окончание деятельности действующей палаты не с истечением пяти лет, а с началом работы новой.

Какой же выход видится из создавшегося положения.

На наш взгляд при решении проблемы следует исходить из ключевых императивов Конституции РФ, составляющих фундамент построения нашего государства. В частности, одной из основ конституционного строя является признание народа носителем суверенитета и единственным источником власти. Воля народа, выраженная в юридически релевантных формах, является подлинным и единственным базисом государства, от нее исходит мандат на устройство и любые изменения формы государственной власти. Никто произвольно не может присваивать себе данную власть [11]. В этой связи, поскольку принятый за основу несправедливый способ исчисления срока, в течение которого должна функционировать Государственная Дума, нарушает принципы демократизма, приоритета прав и свобод человека и гражданина, республиканской формы правления, правового государства, что в итоге приводит к ограничению суверенитета народа, а равно, потому, что согласно ч. 2, ст. 16 Конституции РФ никакие другие положения конституции не могут противоречить основам конституционного строя Российской Федерации считаем, что «проблемные» нормы из Основного закона и действующего законодательства о статусе нижней палаты Федерального Собрания необходимо привести в соответствие с нормами его первой главы. При этом рассмотрение вопроса должно пройти ряд последовательных стадий.

Первой задачей принципиального характера, от решения которой будут зависеть все последующие действия, является определение фиксированного дня, с которым должно быть связано как начало деятельности Государственной Думы нового созыва, так и исчисление срока ее полномочий. Полагаем, что с учетом ближайших выборов в 2026 году и перспективы применения указанного дня во всех дальнейших электро-ральных циклах это может быть 19 октября. Выбор названной даты позволит обеспечить максимально возможное сохранение действующего правила (которое впоследствии будет исключено из Конституции РФ) о том, что палата должна собираться на первое заседание на тридцатый день после избрания, т.к. в зависимости от календаря выборов промежуток между днем голосования (который останется «плавающим») и днем начала ее работы (который станет фиксированным) будет варьироваться от 28 до 34 дней. Единственным относительно негативным моментом в этом случае будет только то, что предлагаемая дата (впрочем, как и любая другая при переходе на такой способ) иногда будет выпадать на субботу или воскресенье. Также данное действие гарантирует проведение в будущем полноценных осенних сессий палаты, как это делается сейчас. При этом с учетом уникальности ситуации придется допустить в последний раз значительное продление срока деятельности действующего состава палаты. Однако в дальнейшем практика будет полностью соответствовать и букве, и духу конституции.

Следующим шагом должно стать определение особенностей переходного периода, который бывает каждый выборный год. Поскольку с введением новых требований после дня голосования депутаты будут считаться только избранными, но не наделенными полномочиями (которые появятся у них только с указанного нами дня в октябре), необходимо будет конкретизировать условия деятельности действующего и нового составов Государственной Думы.

Складывающаяся практика свидетельствует о том, что в каждый год проведения выборов с наступлением летних парламентских каникул все депутаты активно включаются в предвыборную кампанию. Затем после дня голосования при фактическом наличии двух полноправных составов палаты не работает ни один. Новый не может принимать решения, т.к. первое заседание должно проводиться только через тридцать дней, старый – т.к. для него не начинается осенняя сессия. Сейчас данный «вакуум» не компенсируется ничем, кроме возможности досрочного созыва Государственной Думы на первое заседание Президентом РФ по его усмотрению. Вместе с тем, с учетом того, что новые правила будут

предусматривать изъятие у главы государства такого правомочия (т.к. это будет считаться незаконным искусственным увеличением срока полномочий новой палаты), вопрос должен получить свое юридическое разрешение. Хотя бы потому, что в соответствии с ч. 1, ст. 99 Конституции РФ Федеральное Собрание является постоянно действующим органом, а на практике могут возникнуть чрезвычайные обстоятельства, требующие незамедлительного реагирования депутатского корпуса.

Представляется, что в упомянутый переходный период властные полномочия должны быть сохранены за действующим составом палаты. В этой связи решение вопроса видится в двух вариантах – предусмотреть в качестве исключения, либо продление весенней сессии до середины октября (с сохранением парламентских каникул), либо начало осенней сессии приблизительно в установленные сроки одним составом, а продолжение другим. При этом мы отдаем себе отчет в том, что оба варианта будут полагать наличие многих негативных аспектов. Например, степень активности не переизбранных в новую Государственную Думу депутатов будет стремиться к нулю. Однако других способов решения проблемы нет. Даже, если палата не проведет ни одного заседания (на что сохранит право), это все равно не будет противоречить действующему законодательству и станет определенной страховкой от непредвиденных обстоятельств.

Говоря о юридическом закреплении предложенных нами новелл, отметим, что, к сожалению, без внесения поправок в Конституцию РФ обойтись не получится. При этом в худшем случае можно ограничиться только минимально необходимыми изменениями. В первую очередь они должны касаться исключения из нее нормы из ч. 2, ст. 99 о том, что Государственная Дума собирается на первое заседание на тридцатый день после избрания и корректировки иных взаимосвязанных положений, о которых речь шла выше. В Основном законе даже не обязательно будет указывать обозначенную нами октябрьскую дату. Этот вопрос можно урегулировать в ФЗ О выборах депутатов, включив в него норму о том, что Государственная Дума приступает к исполнению своих полномочий по истечении пяти лет со дня начала исполнения полномочий Государственной Думой, избранной на предыдущих выборах. Вместе с тем, считаем, что идеальным вариантом было бы дополнение Конституции РФ до сих пор отсутствующей в нем главой об избирательной системе, в которой можно было бы в полном объеме отразить соответствующие нюансы правового статуса всех выборных органов публичной власти, включая нижнюю палату российского парламента. Однако это уже отдельная тема для разговора. В дальнейшем с учетом всех преобразований Основного закона привести в соответствие с ними положения избирательного законодательства и законодательства о статусе Государственной Думы.

Подводя итог сказанному, еще раз подчеркнем, что на четвертом десятке лет действия Конституции РФ в России по-прежнему остается неразрешенным вопрос об установлении справедливого способа определения периода, в течении которого должна работать Государственная Дума. Практика складывается таким образом, что начало исчисления ее пятилетнего срока полномочий не совпадает с началом ее деятельности, т.к. эти юридические факты происходят в разные календарные даты. В результате в связи с противоречием действующего законодательства в данной части основам конституционного строя происходит постоянное нарушение прав граждан. При этом в текущих реалиях уместно говорить даже не о том, почему затрагиваемая проблема не дискутировалась такое продолжительное время, а о том, почему ошибка не была исправлена в 2020 году, когда в Основной закон вносились значительные изменения и для этого был самый благоприятный момент. Теперь же полагаем, что указанный вопрос может быть решен только тогда, когда наше общество преодолит психологический барьер и будет готово воспринять очередную корректировку главного закона страны. На текущем же этапе речь можно вести лишь о том, на сколько быстро мы будем способны подойти к этому рубежу.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля. № 144.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 ноября 1999 г. № 15-П «По делу о толковании статей 84 (пункт «б»), 99 (части 1, 2 и 4) и 109 (часть 1) Конституции Российской Федерации» // Российская газета. 1999. 18 ноября. № 229.
3. Авакян С. А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь / С. А. Авакян. – М.: Юстицинформ, 2015. С. 419.
4. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований: Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. С. 168.
5. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. С. 430.
6. Жилияев А. В. Избирательное право: курс лекций. – Омск: Омская академия МВД России, 2011. С. 21-23.
7. Зиновьев А. В., Поляшова И. С. Избирательная система России: теория, практика и перспективы. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. С. 103-107.
8. Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 26 февраля. № 45.
9. Федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Российская газета. 1994. 12 мая. № 88.
10. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета. 2002. 15 июня. № 106.
11. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для юрид. вузов и фак. / М. В. Баглай. – М.: ИНФРА-М: НОРМА, 1998. С. 106.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // Rossiyskaya Gazeta. 2020. July 4. № 144.
2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 11, 1999 No. 15-P "On the case concerning the Interpretation of Articles 84 (paragraph "b"), 99 (Parts 1, 2 and 4) and 109 (Part 1) of the Constitution of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. 1999. November 18. № 229.
3. Avakian S. A. Constitutional lexicon: A state-legal terminological dictionary / S. A. Avakian. Moscow: Justicinform, 2015. p. 419.
4. Dictionary of the Russian language: In 4 vol. / RAS, Institute of Linguistic Research: Ed. by A.P. Evgenieva. 4th ed., ster. M.: Rus. yaz., Polygraph Resources, 1999. p. 168.
5. Krysin L. P. Explanatory dictionary of foreign words. Moscow: Eksmo Publishing House, 2006. p. 430.
6. Zhilyaev A.V. Electoral law: a course of lectures. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011. pp. 21-23.
7. Zinoviev A.V., Polyashova I.S. The electoral system of Russia: theory, practice and prospects. St. Petersburg: Publishing house "Law Center Press", 2003. pp. 103-107.
8. Federal Law No. 20-FZ of February 22, 2014 "On Elections of Deputies to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. 2014. February 26. № 45.
9. Federal Law No. 3-FZ of May 8, 1994 "On the Status of a Senator of the Russian Federation and the Status of a Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. 1994. May 12. № 88.
10. Federal Law No. 67-FZ of June 12, 2002 "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right of Citizens of the Russian Federation to Participate in a Referendum" // Rossiyskaya Gazeta. 2002. June 15. № 106.
11. Baglay M. V. Constitutional law of the Russian Federation: textbook for jurists. universities and faculty / M. V. Baglay. Moscow: INFRA-M: NORMA, 1998. p. 106.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЕЛЫ В ДЕФИНИЦИИ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ LEGAL GAPS IN THE DEFINITION OF TRANSPORT SECURITY AND WAYS TO OVERCOME THEM

ПЕРЦЕВ Валерий Владиславович,

Преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел
Барнаульского юридического института МВД России, адъюнкт Омской академии МВД России.
656038, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Чкалова, д. 49.

E-mail: rfmvd@bk.ru;

PERTSEV Valery Vladislavovich,

Lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies
of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Adjunct of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
656038, Russia, Altai Krai, Barnaul, Chkalova St., 49.

E-mail: rfmvd@bk.ru.

Краткая аннотация: В статье проводится анализ законодательного определения понятия «транспортная безопасность» в Российской Федерации. Особое внимание уделяется угрозам транспортной безопасности, которые не нашли свое отражение в указанном определении. Отмечается, что чрезвычайные ситуации также наносят ущерб жизни, здоровью, экономике и экологии, парализуя работу транспортного комплекса. На основе проведенного анализа вносится конкретное предложение по расширению дефиниции за счет включения угроз природного, техногенного характера и иных обстоятельств. Констатируется, что указанные изменения положительным образом отразятся на деятельности субъектов, целью которых является обеспечение транспортной безопасности, таких как служба авиационной безопасности, МВД России, Минтранс России, МЧС России, ФСБ России и другие субъекты.

Abstract: The article analyzes the legislative definition of the concept of "transport safety" in the Russian Federation. Special attention is paid to threats to transport security that are not reflected in the specified definition. It is noted that emergencies also cause damage to life, health, economy and ecology, paralyzing the operation of the transport complex. Based on the analysis, a specific proposal is being made to expand the definition to include threats of a natural, man-made nature and other circumstances. It is stated that these changes will have a positive impact on the activities of entities whose purpose is to ensure transport security, such as the Aviation Security Service, the Ministry of Internal Affairs of Russia, the Ministry of Transport of Russia, the Ministry of Emergency Situations of Russia, the FSB of Russia and other entities.

Ключевые слова: транспортная безопасность, акты незаконного вмешательства, транспортная инфраструктура, объекты транспортной инфраструктуры, угрозы техногенного и природного характера.

Key words: transport security, acts of illegal interference, transport infrastructure, transport infrastructure facilities, man-made and natural threats.

Для цитирования: Перцев В.В. Правовые пробелы в дефиниции транспортной безопасности и пути их преодоления // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 211-213. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_211.

For citation: Pertsev V.V. Legal gaps in the definition of transport security and ways to overcome them // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 211-213. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_211.

Статья поступила в редакцию: 16.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Транспортный комплекс, являясь критическим компонентом инфраструктуры экономики Российской Федерации, формирует фундаментальные условия функционирования общества и выступает стратегическим инструментом реализации социально-экономических и внешнеполитических задач. Современная транспортная система России представляет собой разветвленную сеть высоконагруженных магистралей, обеспечивающих масштабные пассажирские и грузовые перевозки в национальном масштабе.

В контексте актуальных социальных и экономических трансформаций, обеспечение безопасности транспортной инфраструктуры утверждается в качестве ключевого элемента стратегического курса Российской Федерации, интегрированного в структуру национальной безопасности. Данное направление приобретает статус приоритетной задачи государственной политики, обусловленной необходимостью минимизации рисков в условиях возрастающих угроз, а также обеспечения устойчивого функционирования критически важной инфраструктуры в рамках глобальных и региональных вызовов.

Обеспечение правопорядка и безопасности граждан на объектах транспортной инфраструктуры, находится под особым контролем у Президента Российской Федерации, и выделяется в качестве одной из приоритетных задач Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Подразделения транспортной полиции, входящие в структуру Министерства внутренних дел Российской Федерации, занимают ключевую позицию в системе субъектов, ответственных за обеспечение правопорядка и общественной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры. Так, сотрудниками различных подразделений полиции на транспорте в 2023 г. пресечено 571 036 правонарушений, за январь – сентябрь 2024 г. 419 615 правонарушений.

Транспортная безопасность – это междисциплинарная проблема, требующая интеграции новых технологий и разработки соответствующего законодательства. Её обеспечение не только сохраняет жизни, но и поддерживает экономику, экологию и социальную стабильность страны. Игнорирование указанных аспектов ведёт к катастрофическим последствиям, что подтверждается историческими примерами и научными исследованиями.

Проблематика обеспечения транспортной безопасности занимает центральное место в современных научных исследованиях, что

обусловлено цифровой трансформацией объектов транспортной инфраструктуры и глобализации рисков. Указанное утверждение подтверждается мнениями различных ученых, занимающихся решением проблем обеспечения безопасности на объектах транспортной инфраструктуры [2, 3].

Легальная дефиниция «транспортная безопасность», закрепленная в п. 10 ст. 1 Федерального закона «О транспортной безопасности» от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ (далее – Закон о транспортной безопасности) [1], трактует его как состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры от актов незаконного вмешательства. Однако представляется, что данный нормативный подход носит ограничительный характер и не отражает всей комплексности и многогранности современной системы обеспечения транспортной безопасности.

В п. 1, ст. 1 Закона о транспортной безопасности под актом незаконного вмешательства, упоминание о котором содержится в понятии транспортной безопасности, понимается «противоправное действие (бездействие), в том числе террористический акт, угрожающее безопасной деятельности транспортного комплекса, повлекшее за собой причинение вреда жизни и здоровью людей, материальный ущерб либо создавшее угрозу наступления таких последствий».

Анализ приведенной дефиниции позволяет выделить два ключевых компонента противоправного деяния: во-первых, само противоправное действие или бездействие (включая акт терроризма), направленное против безопасного функционирования транспортного комплекса, и, во-вторых, наступившие последствия в виде причинения вреда жизни и здоровью людей, материального ущерба либо возникновения реальной угрозы наступления таких последствий.

По нашему мнению, законодатель, указав такое определение, не охватил всех угроз, которым может быть подвергнут транспортный комплекс. Безусловно, в современном обществе одним из ключевых факторов угроз являются акты незаконного вмешательства, которые подразумевают собой наличие субъекта, который создает данную угрозу. Однако существуют и другие угрозы, которые негативным образом влияют на состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры.

Стоит отметить, что понятие «транспортной безопасности» не раз становилось предметом обсуждения различных ученых [4, 5]. Однако мнения ученых, которые посвятили свои труды понятию «транспортная безопасность» до настоящего времени не нашли свое отражения в Законе о транспортной безопасности.

Проводя анализ угроз, которым подвергается транспортная безопасность в целом, можно сделать вывод, что помимо угроз связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, актами незаконного вмешательства, которые набрали особую популярность в связи с геополитической ситуацией, существует угроза чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и иных обстоятельств.

Рассматривая понятие «актов незаконного вмешательства», которые угрожают транспортной безопасности исходя из определения, закрепленного в п. 1, ст. 1 Закона о транспортной безопасности, можно выделить следующие цели, который преследует субъект:

- причинение вреда жизни и здоровью людей;
- материальный ущерб;
- создание угрозы наступления указанных последствий.

Стоит отметить, что указанные цели (последствия) имеют место быть и в других случаях, где не отмечается наличие субъекта совершения противоправных деяний. Так, при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера, не исключено наступление последствий, которые причиняют вред жизни и здоровью людей, материальный ущерб либо создают угрозу наступления указанных последствий.

Так, в связи с прохождением циклона, на территории Камчатского края произошло затопление инфраструктурных объектов аэропорта в селе Тилички. Данное событие привело к временной приостановке авиационного сообщения [6]. Так же, аэропорт Южно-Сахалинска закрыли на сутки из-за усиления метели. В городе действует режим чрезвычайной ситуации, в связи с этим работу аэропорта приостановили [7]. В приведенных примерах, последствием приостановки авиационного сообщения и приостановки работы аэропорта является материальный ущерб, который понесут как авиакомпании в связи с задержкой или отменой рейса, так и люди, которые вследствие указанных факторов могут потерпеть убытки. Однако указанные убытки могут и потерпеть участники дорожного движения. Примером является случай произошедший в Цунтинском районе Дагестана, где на участок дороги сошел сель. После этого часть дороги в этом месте временно закрыли для движения транспортных средств [8].

Следует подчеркнуть, что вред может причиняться и экологическому миру. Так 15 декабря 2024 г. из-за шторма, произошел разлом корпусов двух российских нефтяных танкеров [9]. Последствием разлома является утечка мазута в Керченском проливе, что до настоящего времени наносит огромный вред окружающей среде. Наибольший ущерб нанесен популяциям птиц, морских млекопитающих и донных организмов, служащих кормовой базой для рыб.

Указанные инциденты демонстрируют уязвимость критически важных объектов транспортной инфраструктуры к различным ситуациям природного и техногенного характера, усиливающимся в условиях глобальной экологической дестабилизации.

По нашему мнению, закрепленное в п. 10 ст. 1 Закона о транспортной безопасности понятие «транспортной безопасности» требует внесения изменений, так как не охватывает весь спектр угроз, которым подвержены объекты транспортной инфраструктуры.

Предлагаем внести изменения в п. 10, ст. 1 Закона о транспортной безопасности и изложить его в следующей редакции: «транспортная безопасность – состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов несанкционированного вмешательства, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также иных обстоятельств, повлекших за собой причинение вреда жизни и здоровью граждан, материальный ущерб либо создавших угрозу наступления таких последствий».

Полагаем, что указанные изменения положительным образом отразятся на деятельности субъектов, целью которых является обеспе-

чение транспортной безопасности, как в предупреждении указанных деяний, так и в пресечении.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О транспортной безопасности» от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Зайкова С.Н. Транспортная безопасность в Российской Федерации: понятие и система // Вестник СГЮА. 2021. № 3 (140). С. 81 – 92.
3. Занина Т.М., Федотова О.А., Анисимова Н.А. Обеспечение транспортной безопасности в Российской Федерации: современные проблемы и пути решения // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 46 – 52.
4. Дудышкин Б.Н. О понятии «транспортной безопасности» // Проблемы повышения эффективности деятельности транспортных прокуратур. М., 2010. С. 115.
5. Зырянов С.М., Кузнецов В.И. Транспортная безопасность и система субъектов ее обеспечения // Журнал российского права. 2012. № 12. С. 5.
6. Электронный ресурс: <https://lenta.ru/news/2023/11/27/v-primorskom-regione-rossii-aeroport-ushel-pod-vodu-iz-za-nepogody> (дата обращения 09.09.2025).
7. Электронный ресурс: <https://lenta.ru/news/2024/01/25/aeroport-odnogo-rossiyskogo-goroda-zakryli-iz-za-rezhima-chs> (дата обращения 09.09.2025).
8. Электронный ресурс: <https://vestikavkaza.ru/news/sel-paralizoval-dvizhenie-na-uchastke-dorogi-v-gorah-dagestana.html> (дата обращения 09.09.2025).
9. Электронный ресурс: <https://rg.ru/2024/12/16/shtorm-ne-utihaet.html> (дата обращения 09.09.2025).

References:

1. Federal Law «On Transport Security» of February 9, 2007 No. 16-FZ // SPS «ConsultantPlus».
2. Zaykova S.N. Transport security in the Russian Federation: concept and system // Bulletin of the SSLA. 2021. No. 3 (140). P. 81 - 92.
3. Zanina T.M., Fedotova O.A., Anisimova N.A. Ensuring transport security in the Russian Federation: modern problems and solutions // Law and order: history, theory, practice. 2022. No. 4 (35). P. 46 - 52.
4. Dudyskin B.N. On the concept of «transport security» // Problems of increasing the efficiency of transport prosecutor's offices. M., 2010. P. 115.
5. Zyryanov S.M., Kuznetsov V.I. Transport security and the system of entities ensuring it // Journal of Russian Law. 2012. No. 12. P. 5.
6. Electronic resource: <https://lenta.ru/news/2023/11/27/v-primorskom-regione-rossii-aeroport-ushel-pod-vodu-iz-za-nepogody> (date accessed 09.09.2025).
7. Electronic resource: <https://lenta.ru/news/2024/01/25/aeroport-odnogo-rossiyskogo-goroda-zakryli-iz-za-rezhima-chs> (date accessed 09.09.2025).
8. Electronic resource: <https://vestikavkaza.ru/news/sel-paralizoval-dvizhenie-na-uchastke-dorogi-v-gorah-dagestana.html> (date of access 09.09.2025).
9. Electronic resource: <https://rg.ru/2024/12/16/shtorm-ne-utihaet.html> (date of access 09.09.2025).

РЕАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL INTERESTS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE INFORMATION SPHERE IN ORDER TO ENSURE ITS INFORMATION SECURITY

ПОЛУЯНОВА Елена Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры специальной техники и информационных технологий юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России.
Россия, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67Е.
E-mail: elenapolujanova66@gmail.com;

ХОРОШЕВА Анна Владимировна,

кандидат физико-математических наук, доцент, начальник кафедры специальной техники и информационных технологий юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России.
Россия, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67Е.
E-mail: d_anya@list.ru;

POLUYANOVA Elena Vladimirovna,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Special Equipment and Information Technologies at the Faculty of Law of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
67E Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, 600020, Russia.
E-mail: elenapolujanova66@gmail.com;

KHOROSHEVA Anna Vladimirovna,

Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Special Equipment and Information Technologies of the Faculty of Law of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67E.
E-mail: d_anya@list.ru

Краткая аннотация: в статье проанализированы положения нормативных правовых актов, касающихся информационной безопасности Российской Федерации. Рассмотрен вопрос о правовом регулировании реализации национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере в целях обеспечения ее информационной безопасности, в том числе разобраны вопросы обеспечения информационной безопасности в деятельности Федеральной службы исполнения наказаний России.

Abstract: The article analyzes the provisions of regulatory legal acts concerning the information security of the Russian Federation. It considers the legal regulation of the implementation of the national interests of the Russian Federation in the information sphere in order to ensure its information security, including the issues of ensuring information security in the activities of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Ключевые слова: национальная безопасность, информационная безопасность, национальные интересы, информационная сфера, информационные угрозы, информационная инфраструктура, цифровое пространство уголовно-исполнительной системы, Федеральная служба исполнения наказаний России.

Keywords: national security, information security, national interests, information sphere, information threats, information infrastructure, digital space of the penal system, Federal Penitentiary Service of Russia.

Для цитирования: Полуянова Е.В., Хорошева А.В. Реализация национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере в целях обеспечения ее информационной безопасности // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 214-217. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_214.

For citation: Poluyanova E.V., Khorosheva A.V. Implementation of the national interests of the Russian Federation in the information sphere in order to ensure its information security // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 214-217. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_214.

Статья поступила в редакцию: 06.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Российской Федерации, как и другим странам мирового сообщества, в целях защиты государства необходимо на постоянной основе обеспечивать свою национальную безопасность. Основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности Российской Федерации закреплены в Федеральном законе от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» (далее - Закон № 390-ФЗ) [6]. Государственная политика в данной области является частью внутренней и внешней политики Российской Федерации и представляет собой совокупность скоординированных и объединенных единым замыслом политических, организационных, социально-экономических, военных, правовых, специальных и информационных мер (ст. 4 Закона № 390-ФЗ). В целях регламентирования вопросов обеспечения национальной безопасности Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (далее - Стратегия) [3]. В соответствии с положениями данной Стратегии - национальная безопасность обеспечивается путем достижения целей и решения задач, предусмотренных стратегическими национальными приоритетами, включающими в себя: сбережение народа России и развитие человеческого потенциала; оборону страны; государственную, общественную, экономическую и экологическую безопасность; стратегическую стабильность, научно-технологическое развитие и информационную безопасность (п. 26). Безусловно, все представленные в документе стратегические национальные приоритеты важны, но на наш взгляд, одним из наиболее важных для обеспечения защиты интересов страны и укрепления суверенной государственности, является - информационная безопасность.

В связи с развитием информационной составляющей всех сфер деятельности общества и государства, различные аспекты информационной безопасности год от года становятся все более актуальными и уже в течение ряда лет исследуются российскими учеными. Так, например, О.В. Гребняк рассматривает информационную безопасность в цифровую эпоху и полагает, что данный вопрос напрямую связан с обостряющейся геополитической обстановкой, на фоне которой отмечается резкий рост числа внешних атак в цифровой среде [13, 239], А.К. Дубень анализирует роль и место информационной безопасности в системе национальной безопасности и считает, что обеспечение на современном этапе информационной безопасности обуславливает определение направлений, содействующих защите информационных ресурсов от внутренних и внешних угроз [15, 93], А.В. Дмитриев разбирает организационно-экономические аспекты обеспечения информационной безопасности в логистических системах [14, 34],

доктор юридических наук М.А. Желудков в своей работе обосновывает необходимость адаптации деятельности правоохранительных органов к условиям цифровой трансформации преступной среды и делает особый упор на специфические функции цифровых технологий, позволяющих автоматически анализировать какой-либо массив данных и с помощью набора алгоритмов принимать решения по оптимизации процессов и деятельности, то есть способности упростить человеческие взаимоотношения [16, 63]. Н.В. Михалкин изучает информационную безопасность Российской Федерации как важнейшую сферу национальной безопасности, которая характеризует состояние защищенности информационной среды, а также её формирование и развитие в интересах безопасности личности, институтов гражданского общества, организаций и государства [17, 1], коллектив авторов П.М. Мурашев, И.М. Картоев проводя анализ основных вопросов реализации информационной безопасности Российской Федерации, считают, что информация является неотъемлемым компонентом жизнедеятельности общества и каждого человека в отдельности, она превратилась в условие осуществления человеком всех остальных жизненно важных прав и свобод, а в связи с этим возникла проблема информационной безопасности как состояния защищенности важнейших интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в сфере оборота информации [18, 295].

В целях формирования системы официальных взглядов на обеспечение безопасности государства в информационной сфере в 2016 году подписан Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646, утверждающий Доктрину информационной безопасности Российской Федерации (далее – Доктрина) [2]. Где под «информационной сферой» понимается совокупность информации, объектов информатизации, информационных систем, информационных технологий, а также субъектов, деятельность которых связана с формированием и обработкой информации и обеспечением информационной безопасности. Понятие «информационной безопасности Российской Федерации» сформулировано в Доктрине как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз. Уточним, что это такое состояние защищенности, при котором обеспечивается реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также достойное качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие, оборона и безопасность государства (пп. «в» п. 2 Доктрины).

Отметим, что информационная безопасность является одним из важнейших национальных приоритетов государства. В целях решения задач по ее обеспечению необходимо реализовать национальные интересы в информационной сфере, закрепленные в положениях п. 8 Раздела II Доктрины. Предлагаем рассмотреть, структурированные по различным направлениям деятельности Российской Федерации, национальные интересы в данной сфере на рисунке 1.

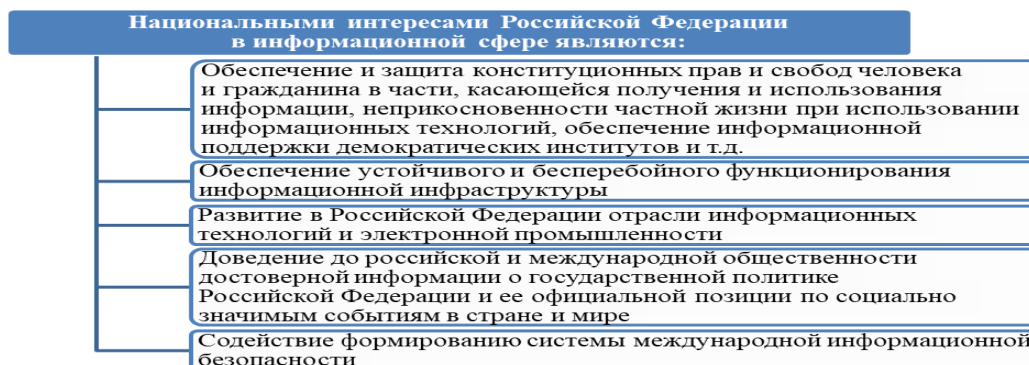

Рисунок 1. Национальные интересы Российской Федерации в информационной сфере.

Проанализируем подробнее представленные в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации национальные интересы в информационной сфере. Одним из таких национальных интересов является обеспечение и защита, конституционных прав и свобод человека и гражданина при получении и использовании информации. Уточним, что конституционные нормы о том, что каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, закреплены в ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [1]. Следует пояснить, что отношения, возникающие при осуществлении перечисленных прав, регулируются п. 1 ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон № 149-ФЗ) [7]. Наряду с данными конституционными нормами национальные интересы в информационной сфере также учитывают положения ч. 1 ст. 24 Конституции РФ и касаются неприкосновенности частной жизни при использовании информационных технологий, в том, что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются.

Следующим национальным интересом в информационной сфере является обеспечение устойчивого и бесперебойного функционирования информационной инфраструктуры, в первую очередь критической информационной инфраструктуры Российской Федерации. Отметим, что отношения в области обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации регулируются нормами Федерального закона от 26.07.2017 № 187-ФЗ (далее – Закон 187-ФЗ) [8]. Где под безопасностью критической информационной инфраструктуры понимается – состояние защищенности критической информационной инфраструктуры, обеспечивающее ее устойчивое функционирование при проведении в отношении ее компьютерных атак (п. 2 ст. 2 Закона 187-ФЗ). Следует уточнить, что основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры, порядок создания и задачи государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации определяет Президент Российской Фе-

дерации (п. 1, 4 ч. 1 ст. 6 Закона 187-ФЗ). Государственная политика в сфере обеспечения устойчивого и бесперебойного функционирования информационной инфраструктуры неразрывно связана с деятельностью всех государственных органов, в том числе уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС РФ). Отметим, что Концепция развития УИС РФ на период до 2030 г. [9] определяет основные направления развития современной уголовно-исполнительной системы, одним из которых является совершенствование организации деятельности УИС РФ в целях обеспечения безопасности, в том числе и информационной. Реализация развития данного направления поручена Управлению цифровой трансформации Федеральной службы исполнения наказаний России (далее – ФСИН России) [12]. Структура Управления состоит из 4 отделов, одним из которых является отдел информационной безопасности. Деятельность отдела направлена на формирование и проведение единой политики в области обеспечения информационной безопасности сведений, не составляющих государственную тайну, информационных систем и информационной инфраструктуры в учреждениях и органах УИС РФ. Основным направлением данного структурного подразделения является решение вопросов обеспечения безопасности цифрового пространства УИС РФ, которое в последнее время подвергается различным угрозам и вызовам. Заместитель директора ФСИН России С.В. Щербаков полагает, что основные вызовы направлены на цифровое пространство УИС РФ, первый из которых – общий рост числа кибератак. По мнению С.В. Щербакова, в связи с увеличением числа подключенных устройств растет и сложность информационных систем, и количество потенциальных уязвимостей. Вторым вызовом заключается в развитии методов киберпреступности. По информации ФСИН России в 2024 г. зафиксировано 46 попыток внедрения вредоносного программного обеспечения в электронные системы ФСИН России. Третьим вызовом следует считать – необходимость обеспечения защиты информации ограниченного доступа. При этом необходимо учитывать постоянный рост объема собираемых данных, когда задача их защиты становится все более сложной, а наиболее важная составляющая данной задачи – защита персональных данных. Четвертым вызовом можно отметить необходимость соблюдения требований нормативных документов и требований регуляторов в области информационной безопасности, объем которых существенно увеличивается год от года. Следует уточнить, что, по мнению заместителя директора ФСИН России С.В. Щербакова, несмотря на значительный объем вызовов, и угроз, направленных на ФСИН России: «По всем инцидентам принимаются меры по их локализации и разбору источников угроз» [17].

Следующими, рассматриваемыми нами национальными интересами в информационной сфере, в соответствии с положениями Доктрины, являются: технологическое развитие отраслей информационных технологий и электронной промышленности в Российской Федерации. Отметим, что развитие данных отраслей критически необходимо для обеспечения технологического суверенитета при реализации задач информационной безопасности государства. В целях формирования единого системного подхода к развитию отрасли информационных технологий распоряжением Правительства Российской Федерации от 01.11.2013 № 2036-р принята Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации [10]. Кроме данной Стратегии, Указом Президента Российской Федерации от 02.03.2022 № 83 [4] закреплён ряд мер по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации, например, таких как необходимость ежегодного выделения из федерального бюджета бюджетных ассигнований на осуществление грантовой поддержки перспективных разработок отечественных решений в области информационных технологий, позволяющие обеспечить развитие данной отрасли. Отметим, что кроме развития вышеуказанной отрасли, являющейся одной из важнейших и способствующей решению ключевых задач государственной политики Российской Федерации, аналогичным эффектом обладает развитие отрасли электронной промышленности. Основные направления государственной политики в сфере развития электронной промышленности отражены в положениях распоряжения Правительства Российской Федерации от 17.01.2020 № 20-р, утверждающего Стратегию развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года [11]. Положения данной Стратегии направлены на создание конкурентоспособной электронной промышленности на основе развития научно-технического и кадрового потенциала, оптимизацию производственных мощностей, их модернизацию и техническое перевооружение, создание новых технологических направлений и технологий.

Еще одним национальным интересом в информационной сфере является решение вопроса о доведении до российской и международной общественности достоверной информации о государственной политике Российской Федерации и ее официальной позиции по социально значимым событиям в стране и мире. Уточним, что государственная национальная политика в сфере национальной безопасности неразрывно связана с информационной безопасностью Российской Федерации. Так, Указом Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 (с изменениями на 15.01.2024) [5] утверждена Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Данная Стратегия направлена на координацию деятельности государственных органов и органов местного самоуправления в сфере национальной политики Российской Федерации и обеспечения их взаимодействия с институтами гражданского общества.

Последним, из рассматриваемых нами национальных интересов в информационной сфере, является содействие формированию системы международной информационной безопасности, направленной на противодействие угрозам использования информационных технологий в целях нарушения стратегической стабильности. Уточним, что деятельность, по обеспечению безопасности, сформулированная в ст. 3 Закона № 390-ФЗ, включает в себя организацию и осуществление международного сотрудничества в данной сфере (п. 10). Статья 7 данного закона устанавливает основные цели международного сотрудничества в области обеспечения безопасности, которыми являются: участие в деятельности международных организаций, занимающихся проблемами обеспечения безопасности, а также развитие двусторонних и многосторонних отношений в целях выполнения задач обеспечения безопасности (п. 4, 5). Отметим, что международная деятельность Российской Федерации направлена на укрепление равноправного стратегического партнерства и стратегической стабильности в области информационной безопасности, а также на защиту суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве. Кроме того, в соответствии с нормами пп. 4 п. 25 Стратегии, одним из национальных интересов Российской Федерации на современном этапе, является развитие безопасного информационного пространства и защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия.

В заключение следует сказать, что реализация, заявленных в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации национальных интересов в информационной сфере позволит обеспечить осуществление стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, закрепленных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Выражаем согласие с мнением коллектива авторов А.В. Шободоевой, С.А. Чмары и А.А. Преловского, в том, что современный этап развития государства и общества демонстрирует увеличивающееся значение информационной сферы, которая является основанием большего числа составляющих национальной безопасности нашей страны. Процессы глобализации, объективно связанные с трансформацией миропорядка в современное время, ставят новые проблемы, требуют новых подходов в определении национальных интересов и приоритетов в информационной сфере [20, 1]. Безусловно, реализация национальных интересов в информационной сфере оказывает большое влияние на обеспечение информационной безопасности Российской Федерации. Но этот процесс невозможно завершить, его можно только поддерживать, сам по себе он никогда не достигнет полноценного результата, так как развитие информационных технологий идет достаточно интенсивно с обеих противоборствующих сторон.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Указ Президента РФ от 02.03.2022 № 83 (в ред. Указа Президента РФ от 04.09.2023 № 660) «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (с изменениями на 15.01.2024) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 10.07.2023 № 286-ФЗ) «О безопасности» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. Федеральных законов от 24.06.2025 № 156-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ (в ред. Федерального закона от 07.04.2025 № 58-ФЗ) «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р (ред. от 27.05.2023) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 01.11.2013 № 2036-р «Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации ...» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.01.2020 № 20-р «Стратегия развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Официальный сайт ФСИН России : Управление цифровой трансформации // URL : <https://fsin.gov.ru/structure/UCT/>.
13. Гребняк О.В. Парадокс информационной безопасности в цифровую эпоху // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 2. С. 238-247.
14. Дмитриев А.В. Организационно-экономические аспекты обеспечения информационной безопасности в логистических системах // Управление консалтинг. 2025. № 1. С. 34-44.
15. Дубень А.К. Информационная безопасность: определение понятия, место в системе национальной безопасности // Аграрное и земельное право. 2023. № 11(227). С. 93-95.
16. Желудков М.А. Обоснование необходимости адаптации деятельности правоохранительных органов к условиям цифровой трансформации преступной среды // Lex russica. 2021. Т. 74. № 4. С. 63-70.
17. Михалкин Н.В. Информационная безопасность Российской Федерации // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». 2023. URL : <https://bigenc.ru/c/informatsionnaia-bezopasnost-f29938/>.
18. Мурсашев П.М., Картеев И.М. Информационная безопасность Российской Федерации: понятие, основные вопросы реализации // Право и управление. 2023. № 12. С. 295-298.
19. Попова О.Д. Сергей Шчербаков: «Цифровая безопасность – это люди, техника и каждодневная дисциплина» // Электронный журнал «IT Manager». 2025. № 4. URL: <https://www.it-world.ru/security/m7khmfavo34oswscwsgs0wc4ckw8o4o.html?ysclid=mf72uie8ni236056593>.
20. Шободоева А.В., Чмара С.А., Преловский А.А. Национальные интересы Российской Федерации в информационной сфере // Baikal Research Journal: Электронный научный журнал Байкальского государственного университета: Экономика и бизнес. Право. 2017. Т.8. № 1. С.1-9.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // SPS ConsultantPlus. // SPS «ConsultantPlus».
2. Decree of the President of the Russian Federation No. 646 dated 05.12.2016 "On the Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation" // SPS «ConsultantPlus».
3. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated 02.07.2021 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // SPS «ConsultantPlus».
4. Decree of the President of the Russian Federation No. 83 dated 02.03.2022 (as amended. Decree of the President of the Russian Federation dated 04.09.2023 No. 660) "On Measures to Ensure the Accelerated Development of the Information Technology Industry in the Russian Federation" // SPS «ConsultantPlus».
5. Decree of the President of the Russian Federation dated 19.12.2012 No. 1666 (as amended on 15.01.2024) "On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025" // SPS «ConsultantPlus».
6. Federal Law No. 390-FZ of December 28, 2010 (as amended Federal Laws of 07/10/2023 No. 286-FZ) "On security" // SPS «ConsultantPlus».
7. Federal Law No. 149-FZ of 27.07.2006 "On Information, Information Technologies and Information Protection" (as amended Federal Laws dated 24.06.2025 No. 156-FZ) // SPS «ConsultantPlus».
8. Federal Law No. 187-FZ dated July 26, 2017 (as amended Federal Law No. 58-FZ dated 04/07/2025) "On the Security of the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation" // SPS «ConsultantPlus».
9. Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/29/2021 No. 1138-r (as amended on 05/27/2023) "On the Concept of the Development of the Penal Enforcement System of the Russian Federation for the period up to 2030" // SPS «ConsultantPlus».
10. Order of the Government of the Russian Federation No. 2036-r dated 01.11.2013 "Strategy for the Development of the Information Technology Industry in the Russian Federation ..." // SPS «ConsultantPlus».
11. Order of the Government of the Russian Federation No. 20-r dated 17.01.2020 "Strategy for the Development of the Electronic Industry in the Russian Federation for the Period up to 2030" // SPS «ConsultantPlus».
12. Official website of the Federal Penitentiary Service of Russia: Digital Transformation Department // URL: <https://fsin.gov.ru/structure/UCT/>.
13. Grebniak, O.V. The Paradox of Information Security in the Digital Age // Knowledge. Understanding. Skill. 2022. No. 2. Pp. 238-247.
14. Dmitriev A.V. Organizational and Economic Aspects of Ensuring Information Security in Logistic Systems // Management Consulting. 2025. No. 1. Pp. 34-44.
15. Duben A.K. Information Security: Definition of the Concept, Place in the National Security System // Agrarian and Land Law. 2023. No. 11(227). Pp. 93-95.
16. Zheludkov M.A. Justification of the Need to Adapt Law Enforcement Activities to the Conditions of Digital Transformation of the Criminal Environment // Lex russica. 2021. Vol. 74. No. 4. Pp. 63-70.
17. Mikhalkin N.V. Information Security of the Russian Federation // Scientific and Educational Portal "Great Russian Encyclopedia". 2023. URL : <https://bigenc.ru/c/informatsionnaia-bezopasnost-f29938/>.
18. Murrashev P.M., Katoev I.M. Information Security of the Russian Federation: Concept, Main Issues of Implementation // Law and Management. 2023. No. 12. Pp. 295-298.
19. Popova O.D. Sergey Shcherbakov: "Digital Security is about People, Technology, and Daily Discipline" // IT Manager Electronic Journal. 2025. No. 4. URL: <https://www.it-world.ru/security/m7khmfavo34oswscwsgs0wc4ckw8o4o.html?ysclid=mf72uie8ni236056593>.
20. Shobodoyeva A.V., Chmara S.A., Prelovsky A.A. National Interests of the Russian Federation in the Information Sphere // Baikal Research Journal: Electronic Scientific Journal of Baikal State University: Economics and Business. Law. 2017. Vol. 8. No. 1. Pp. 1-9.

ОТ РЕПРЕССИВНОГО К ПРЕВЕНТИВНОМУ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ УНИФИКАЦИЯ И ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬНОГО НАДЗОРА В РОССИИ FROM REPRESSIVE TO PREVENTIVE: INSTITUTIONAL UNIFICATION AND DIGITAL TRANSFORMATION OF STATE CONSTRUCTION SUPERVISION IN RUSSIA

СТЕПАНЯН Георгий Саркисович,

Аспирант Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

119234, Россия, г. Москва, Ленинские Горы, 1.

E-mail: zhorastepanyan99@mail.ru;

STEPANYAN, Georgy Sarkisovich,

Postgraduate student at the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

1 Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russia.

E-mail: zhorastepanyan99@mail.ru

Краткая аннотация: Повышение результативности государственного строительного надзора (ГСН) в России требует синхронной институциональной унификации региональной практики и целостной цифровой интеграции процедур. Нормативной базой исследования служат положения ст. 54 и 56 Градостроительного кодекса РФ о ГСН и информационных системах градостроительной деятельности, а также Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ, закрепляющий риск-ориентированный подход как организационный принцип контрольно-надзорной деятельности. В качестве эмпирической базы рассматриваются сопоставимые практики Москвы, Московской и Самарской областей. Автор делает вывод, что фрагментарность методик профилактики, разнородность критериев оценки риска и неодинаковая цифровая зрелость субъектов ведут к правовой неопределённости и росту судебных разбирательств, что подтверждается актуальной практикой Верховного Суда РФ по спорам о разрешениях на строительство и самовольных постройках. Кадровый дефицит специалистов, владеющих BIM и аналитическими инструментами, является ключевым ограничителем эффективности ГСН, что подтверждается текущей статистикой рынка труда. Научная новизна заключается в концептуализации «сшитой» модели ГСН, где риск-ориентированный подход наполнен отраслевым содержанием за счёт использования BIM-моделей на стадиях экспертизы и надзора, интеграции данных ЕГРЗ, ИСОГД, Росреестра и финансового мониторинга, а также формализации единых индикаторов риска на федеральном уровне. Практическая значимость выражается в предложении организационных мер: закрепление типовых методик оценки риска, создание федеральной платформы надзора, включающей сквозной обмен данными, и запуск модульных программ повышения квалификации инспекторов (цифровые компетенции, аналитика больших данных). Комплекс институциональных и цифровых преобразований рассматривается как условие перехода от преимущественно карательной к превентивной модели ГСН, ориентированной на защиту прав дольщиков, прозрачность процедур и снижение регуляторных рисков. Подходы и выводы соотносятся с действующей судебной и нормативной практикой, что обеспечивает воспроизводимость результатов.

Abstract: Improving the effectiveness of state construction supervision in Russia requires synchronous institutional unification of regional practices and holistic digital integration of procedures. The regulatory framework for the study is the provisions of Articles 54 and 56 of the Urban Planning Code of the Russian Federation on GOS and information systems of urban planning activities, as well as Federal Law No. 248-FZ dated 07/31/2020, which establishes a risk-based approach as an organizational principle of control and supervisory activities. The comparable practices of Moscow, Moscow and Samara regions are considered as an empirical base. The author concludes that the fragmentation of prevention methods, the heterogeneity of risk assessment criteria and the unequal digital maturity of subjects lead to legal uncertainty and an increase in court proceedings, which is confirmed by the current practice of the Supreme Court of the Russian Federation in disputes over building permits and self-contained buildings. The personnel shortage of specialists with knowledge of BIM and analytical tools is a key constraint on the effectiveness of the NHS, which is confirmed by current labor market statistics. The scientific novelty lies in the conceptualization of the "stitched" model of the State Tax Service, where the risk-oriented approach is filled with industry content through the use of BIM models at the stages of expertise and supervision, the integration of data from the Unified State Register of Legal Entities, ISOGD, Rosreestr and financial monitoring, as well as the formation of unified risk indicators at the federal level. The practical significance is expressed in the proposal of organizational measures: the consolidation of standard risk assessment methods, the creation of a federal surveillance platform that includes end-to-end data exchange, and the launch of modular training programs for inspectors (digital competencies, big data analytics). The complex of institutional and digital transformations is considered as a condition for the transition from a predominantly punitive to a preventive model of the NHS, focused on protecting the rights of shareholders, transparency of procedures and reducing regulatory risks. The approaches and conclusions are consistent with current judicial and regulatory practice, which ensures reproducibility of the results.

Ключевые слова: государственный строительный надзор; риск-ориентированный подход; цифровизация; BIM; ЕГРЗ; ИСОГД; унификация практики; профилактика нарушений.

Keywords: state construction supervision; risk-based approach; digitalization; BIM; EGRZ; ISOGD; unification of practice; prevention of violations.

Для цитирования: Степанян Г.С. От репрессивного к превентивному: институциональная унификация и цифровая трансформация государственного строительного надзора в России // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 218-220. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_218.

For citation: Stepanyan G.S. From repressive to preventive: institutional unification and Digital transformation of State construction supervision in Russia // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 218-220. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_218.

Статья поступила в редакцию: 15.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Современный государственный строительный надзор (Далее – «ГСН») представляет собой институт публичного управления, находящийся на стыке градостроительного и земельного права. Его правовая конструкция закреплена в Градостроительном кодексе Российской Федерации (ст. 54, 56) (Далее – «ГрК РФ»), Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (Далее – «Федеральный закон №248-ФЗ»), задавшем новые ориентиры контрольно-надзорной деятельности через внедрение риск-ориентированного подхода и профилактических механизмов, и подзаконных актах Правительства Российской Федерации. Вместе с тем, несмотря на формальное нормативное единство, практика надзора демонстрирует **репрессивный характер**: контрольные органы фиксируют нарушения «post factum», что говорит о том, что превентивные меры, вводимые законодателем не реализуются в полном объеме.

Репрессивность действующей модели объясняется не только исторической традицией контрольно-надзорной деятельности, но и **институциональной раздробленностью**. Строительный надзор тесно переплетается с земельным контролем. Пересечение строительного и земельного надзора особенно проявляется на стадии разрешительных процедур¹. Росреестр и муниципальные органы вправе пресекать само-

¹Градостроительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. Ст. 51.

вольное занятие земельных участков или их использование не по целевому назначению, что влечет дублирование функций органов надзора. В результате один и тот же объект проверяется сразу несколькими органами, а квалификация нарушений может различаться: по линии строительного надзора – как самовольное строительство, по части земельного – как нарушение целевого использования.

Судебная практика подтверждает эту коллизию. В делах о сносе самовольных построек суды нередко сталкиваются с ситуацией, когда органы муниципальной власти в рамках осуществления земельного надзора фиксируют незаконное занятие участка, а органы ГСН параллельно квалифицируют возводимый (возведенный) как самовольный из-за отсутствия разрешения¹. Такое задвоение функций надзорных органов усложняет защиту прав застройщика и приводит к росту количества судебных споров.

Показателен пример из судебной практики: Верховный Суд РФ в Определении от 23.01.2024 по делу № А41-96091/2022 (№ 305-ЭС23-20117) подчеркнул, что истечение срока аренды земельного участка само по себе не является основанием для отказа во вводе объекта в эксплуатацию, если строительство велось в период действия договора и осуществлялось в соответствии с утвержденной проектной документацией. Такие решения высших инстанций фактически «разрывает» репрессивный круг формальных отказов и показывает **новый вектор** на материальные критерии — безопасность, качество, законность.

Региональная практика осуществления ГСН, в свою очередь, подтверждает фрагментарность правоприменения. В Москве развитие цифровых сервисов (оформление разрешительной документации посредством обращения на портал государственных услуг «mos.ru», использование сервисов ГИСОГД, Стройки Москвы) обеспечивает переход от ситуационной репрессивности к системной превенции в надзорной деятельности и способствует выработке единых стандартов правовой оценки и снижению регуляторной неопределённости.

Даже при высоком уровне цифровизации правоприменение остаётся преимущественно реактивным: в 2024 г. московские суды вынесли 294 решения о сносе самовольных построек общей площадью свыше 260 тыс. м², а фактически демонтировано почти 1,9 тыс. объектов за год². Статистика показывает устойчивую нагрузку на карательный контур и подтверждают необходимость смещения акцента в сторону превенции.

В Московской области сложилась иная модель. Здесь преобладают споры о самовольных реконструкциях и незаконном вводе объектов в эксплуатацию. Судебные решения подтверждают, что региональные органы зачастую выходят за пределы закрытого перечня оснований, закреплённого в ст. 55 ГрК РФ, подменяя строительные процедуры земельно-правовой аргументацией³. Такая практика усиливает репрессивный характер контроля: вместо устранения нарушений на ранних стадиях застройщик сталкивается с отказом, влекущим затягивание ввода и рост судебной нагрузки.

Самарская область иллюстрирует особую модель, где ключевым фактором является не столько жёсткость надзора, сколько его ограниченность. Кадровый дефицит – нехватка инспекторов, владеющих современными цифровыми инструментами и теоретической базой во приводит к тому, что органы ГСН часто не успевают качественно сопровождать весь жизненный цикл объекта. В результате надзорная функция реализуется точно и реактивно: проверки проводятся лишь по сигналам о нарушениях, а не в формате системной профилактики. На практике органы ГСН нередко прибегают к проверкам по формальным основаниям, что увеличивает административную нагрузку на застройщиков и дольщиков, но не снижает уровень реальных рисков.

Особую проблему представляет отсутствие единых методик профилактики: инспекторы фиксируют нарушения уже на стадии строительства, тогда как превентивная задача – предупреждать их на этапе проведения экспертизы проектной документации и получения необходимых согласований.

Региональная практика демонстрирует, что при слабой организационной и цифровой поддержке ГСН утрачивает свою профилактическую функцию и превращается в инструмент фиксации нарушений *ex post*. Суды вынуждены корректировать эту ситуацию, что подтверждает системную необходимость **институциональной унификации и цифровой трансформации**: только при наличии единых стандартов риск-ориентированного контроля и интеграции данных можно превратить проверки и экспертизу из репрессивного инструмента в превентивный механизм защиты прав участников строительного процесса.

Цифровая трансформация и её пределы

Цифровизация рассматривается как ключевой инструмент перехода от репрессивной к превентивной модели. Внедрение BIM-моделей, электронных разрешений и интеграция данных ЕПРЗ, ИСОГД и Росреестра способны обеспечить сквозную прослеживаемость жизненного цикла объекта и минимизировать дублирование проверок. Недостаток единого цифрового контура на федеральном уровне в сочетании с региональной несогласованностью ведёт к повторяющемуся требованию идентичных сведений со стороны разных органов.

Особую проблему представляет нормативная неопределённость: статус электронных документов, порядок их использования в судах и межведомственном обмене до конца не урегулирован. Неопределенность снижает юридическую силу цифровых решений и не позволяет им стать универсальным инструментом координации строительного и земельного надзора. Однако даже при устранении нормативных барьеров эффективность цифровых механизмов остаётся зависимой от человеческого ресурса: качество работы систем определяется компетенциями инспекторов, способных правильно использовать BIM-модели, реестры и аналитические инструменты. Именно кадровое обеспечение становится

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке» // Российская газета. 2023. 22 дек. № 290. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464555/ (дата обращения: 15.09.2025)

² 294 объекта недвижимости признаны судом самостроями в Москве в 2024 году // Официальный сайт Мэра Москвы (mos.ru). 23.12.2024. URL: <https://www.mos.ru/news/item/148279073/> (дата обращения: 15.09.2025)

³ Количество самостроя в Москве в 2024 году сократилось на 43% // Агентство городских новостей «Москва». 15.01.2025. URL: <https://www.mskagency.ru/materials/3449001> (дата обращения: 15.09.2025).

⁴ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.07.2019 № Ф05-9927/2019 по делу № А41-36650/2018 // СПС «КонсультантПлюс»

узловым ограничителем для перехода к превентивной модели ГСН.

Кадровый вопрос

Ключевым препятствием для перехода к превентивному надзору становится нехватка кадров: инспекторов, владеющих цифровыми технологиями проектирования (BIM), знающих земельное и градостроительное право и умеющих применять методы анализа больших данных. Кадровый дефицит остаётся одной из наиболее острых проблем в сфере государственного строительного надзора. Современное состояние кадрового обеспечения демонстрирует значительный разрыв между запросами институциональной реформы и фактическими возможностями инспекторов. Как отмечает Загидуллина Г.М., именно недостаток специалистов, владеющих BIM-технологиями, усугубляется неопределённостью правовых и технических стандартов их применения и выступает барьером цифровой трансформации строительного контроля¹.

По данным отраслевых источников, в первом квартале 2025 года в России было открыто свыше 40 тысяч вакансий, связанных с инженерным программным обеспечением (BIM, CAD, ERP), что отражает резкий рост спроса при явной недостаточности кадрового предложения². Эксперты ЕРЗ.РФ фиксируют нехватку специалистов в строительной сфере на уровне 15–20 %, а в отдельных сегментах — до 25 %³. Статистика показывает, что кадровый дефицит имеет общесистемный характер и в полной мере затрагивает органы ГСН.

Отсутствие подготовленных сотрудников снижает потенциал внедрения риск-ориентированного подхода, закреплённого в Федеральном законе № 248-ФЗ. Применение такого подхода предполагает не только наличие формальных критериев, но и способность инспектора работать с комплексной цифровой моделью объекта, выявлять риски несоответствия на стадии проектирования и предотвращать нарушения ещё до их реализации. Внедрение технологий информационного моделирования в градостроительной деятельности требует не только нормативного закрепления, но и комплексной подготовки специалистов, владеющих цифровым проектированием и анализом жизненного цикла объектов⁴. В логике концепции «умного города» инспектор нового поколения должен совмещать инженерные знания, правовую экспертизу и компетенции в сфере цифровых платформ⁵.

Кадровый вопрос становится системообразующим элементом перехода от репрессивной к превентивной модели ГСН. Без специалистов, способных не только контролировать уже свершившиеся факты нарушений, но и использовать цифровые инструменты для их предупреждения, институциональные реформы рискуют остаться декларацией. Но именно это обстоятельство выводит дискуссию на более широкий уровень — к необходимости **системного переосмысления самой модели ГСН**. Если кадровая подготовка должна обеспечить способность инспекторов работать с цифровыми платформами и комплексными правовыми инструментами, то институциональное регулирование должно позволять использовать эти компетенции в едином контуре. Отсюда вырастает идея «сшитой» модели превентивного надзора, в которой строительный контроль в существующем виде и цифровые данные интегрированы, а экспертиза и судебные ориентиры выступают не разрозненно, а как части единой системы предупреждения нарушений.

В основе такой модели лежит идея, что профилактика нарушений возможна лишь тогда, когда инспектор получает доступ к сквозным данным и работает по унифицированным критериям риска. В правовой плоскости это означает совмещение положений ст. 54 и 56 ГрК РФ, регулирующих ГСН и информационные системы градостроительной деятельности, с положениями Федерального закона № 248-ФЗ, закрепившего риск-ориентированный подход как обязательный элемент надзора. Технической основой интеграции становятся цифровые инструменты. Применение BIM-моделей позволяет фиксировать все изменения объекта на стадии проектирования и строительства; данные ИСОГД и Росреестра, ППК Роскадастр формируют единый информационный контур. В совокупности такая модель создаёт возможность для перехода к раннему выявлению рисков.

В итоге «сшитая» модель надзора формирует новую логику: её задача не наказать застройщика за уже совершённое нарушение, а предупредить риски несоответствия ещё до их материализации. Это и есть переход от репрессивной к превентивной модели, где цифровые технологии, правовая определённость и кадровый ресурс соединяются в едином контуре регулирования.

Список литературы:

1. Загидуллина, Г. М. Анализ текущих проблем развития BIM-технологий на рынке капитального строительства // Вестник Уфимского государственного нефтяного технического университета. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2022. № 4 (42). С. 85–92.
2. Маркова, О. С. Использование BIM-технологий в градостроительной деятельности // Научные труды Московского государственного строительного университета (МГСУ). — 2020. — № 5. — С. 112–117.
3. Городнова, Н. В., Шаблова, Е. А. Применение информационных технологий в концепции развития городов: экономико-правовые аспекты // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 2. С. 89–95.

References:

1. Zagidullina, G. M. Analysis of current problems of BIM technologies development in the capital construction market // Bulletin of the Ufa State Petroleum Technical University. Science, education, economics. Series: Economics. 2022. No. 4 (42). pp. 85–92.
2. Markova, O. S. The use of BIM technologies in urban planning // Scientific works of the Moscow State University of Civil Engineering (MGSU). 2020. No. 5. pp. 112–117.
3. Gorodnova, N. V., Shablova, E. A. Application of information technologies in the concept of urban development: economic and legal aspects // State and municipal administration. Scientific notes. 2021. No. 2. pp. 89–95.

¹ Загидуллина, Г. М. Анализ текущих проблем развития BIM-технологий на рынке капитального строительства // Вестник Уфимского государственного нефтяного технического университета. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2022. № 4 (42). С. 85–92.

² В России резко вырос спрос на специалистов по BIM, ERP, CAD и PLM [Электронный ресурс] // Цифрастрой. 2025. 14 мая. URL: <https://cifrastroy.ru/news/v-rossii-rezko-vyros-spros-na-spetsialistov-po-inzhenernomu-po> (дата обращения: 15.09.2025)

³ Эксперты: к концу 2024 года дефицит кадров в строительстве составит 15 % [Электронный ресурс] // Единый ресурс застройщиков. — 2024. — 27 ноября. — URL: <https://erzrf.ru/news/eksperity-k-koncu-2024-goda-defisit-kadrov-v-stroitelstve-sostavit-15> (дата обращения: 15.09.2025)

⁴ Маркова, О. С. Использование BIM-технологий в градостроительной деятельности // Научные труды Московского государственного строительного университета (МГСУ). — 2020. — № 5. — С. 112–117.

⁵ Городнова, Н. В., Шаблова, Е. А. Применение информационных технологий в концепции развития городов: экономико-правовые аспекты // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 2. С. 89–95.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИНТЕГРАЦИИ СИСТЕМ РСЧС И ГО LEGAL BASES OF INTEGRATION OF EMERGENCY MANAGEMENT AND CIVIL DEFENSE SYSTEMS

ПЬЯНУСОВ Александр Викторович,

Кандидат военных наук, доцент, заведующий кафедрой экологии и обеспечения безопасности жизнедеятельности
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы
Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям
и ликвидации последствий стихийных бедствий им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева».
192102, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Фучика, 10.
E-mail: pyanusev.av@yandex.ru;

PYANUSOV Alexander Viktorovich,

Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Ecology and Life Safety
St. Petersburg State Fire Service University Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies
and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev."
Fuchika str., 10, Saint Petersburg, 192102, Russia.
E-mail: pyanusev.av@yandex.ru

Краткая аннотация: В представленной статье предлагается один из наиболее эффективных путей развития системы гражданской обороны и РСЧС, который заключается в интеграции РСЧС и гражданской обороны в единую государственную систему защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций - Российскую систему гражданской защиты (РСГЗ), более комплексную систему защиты населения и территорий от различных чрезвычайных ситуаций и бедствий.

Abstract: The article states one of the most effective development paths of civil defense and Russian Unified Emergency Rescue Service, which is the integration of Russian Unified Emergency Rescue Service and civil defence in a Unified Emergency Rescue Service - the Russian system of civil protection (RSCP), a integrated system of protection population and territories from emergencies and disasters.

Ключевые слова: национальная безопасность, гражданская оборона, единая государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (РСЧС), российская система гражданской защиты (РСГЗ).

Keywords: national safety, civil defence, Russian Unified Emergency Rescue Service, the Russian system of civil protection (RSCP).

Для цитирования: Пьянусов А.В. Правовые основы интеграции систем РСЧС и ГО // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 221-225. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_221.

For citation: Pyanusev A.V. Legal bases of integration of emergency management and civil defense systems // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 221-225. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_221.

Статья поступила в редакцию: 23.05.2025

Дата публикации: 03.10.2025

В современном мире количество чрезвычайных ситуаций природного, техногенного и биолого-социального характера имеют тенденцию к росту. Чрезвычайные ситуации создают реальные проблемы человечеству и охватывают все стороны жизни человека, а так же затрагивают все без исключения страны. Пандемия, связанная с COVID-19, которая унесла более двух миллионов жизней по всему миру тому подтверждение. В связи с ростом ЧС различного характера в большинстве случаев наблюдается тенденция по привлечению сил гражданской обороны для защиты населения и территорий в мирное время.

На протяжении всей истории цивилизации появление новых угроз природного и техногенного характера, создание и развитие новых систем вооружения всегда порождало необходимость поиска новых способов защиты населения и территорий от них, а на современном этапе развития цивилизации - создание целых государственных систем защиты.

Российская Федерация как часть мирового сообщества так же подвержена рискам возникновения чрезвычайных ситуаций различного характера. Несмотря на то что, вопросы защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций различного характера имеют первостепенный характер, являются важной государственной функцией и компонентом обеспечения национальной безопасности, в нашей стране наблюдается увеличение количества чрезвычайных ситуаций и их масштабов¹.

Все это свидетельствует о том, что в современных геополитических, экономических и военно-стратегических условиях проблемы защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций и угроз военного характера остаются весьма актуальными, являются важной государственной функцией², составной частью обеспечения национальной безопасности, что зафиксировано в Конституции Российской Федерации³, федеральных законах «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» и «О гражданской обороне», Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и других нормативных правовых актах. Это требует постоянного вни-

¹ Бабушкин, М. Ю. Анализ деятельности органов дознания государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы по осуществлению дознания по делам о пожарах за 2022 год / М. Ю. Бабушкин, С. С. Приказчиков // *Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации*. – 2023. – № 2(59). – С. 91-108. – EDN VEHQWQ.

² Немченко, С. Б. Должностные лица МЧС России как субъекты реализации функций государства: отдельные вопросы административно-юрисдикционной деятельности / С. Б. Немченко, В. М. Шеншин // *Административное право и процесс*. – 2021. – № 3. – С. 55-57. – DOI 10.18572/2071-1166-2021-3-55-57. – EDN AFFQJO.

³ Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // *Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации*. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.

мания к проблемам, дальнейшего совершенствования и развития защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций¹.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации для достижения целей обороны страны особое внимание необходимо уделять, в том числе и решению задач связанных с планированием и проведением мероприятий по подготовке к защите и по защите населения, материальных и культурных ценностей на территории Российской Федерации от различных опасностей, возникающих, в том числе при военных конфликтах² или вследствие этих конфликтов.

Национальная безопасность определяется как состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны.

Силами, обеспечивающими национальную безопасность, являются Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска³, воинские формирования и органы, в которых федеральным законодательством предусмотрена военная и государственная служба иных видов, а также федеральные органы государственной власти, принимающие участие в обеспечении национальной безопасности государства на основании законодательства Российской Федерации.

Обеспечение национальной безопасности в чрезвычайных ситуациях достигается путем совершенствования и развития единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (в том числе территориальных и функциональных сегментов), ее интеграции с аналогичными зарубежными системами.

Решение задач обеспечения национальной безопасности в чрезвычайных ситуациях достигается за счет повышения эффективности реализации полномочий органов местного самоуправления в области обеспечения безопасности жизнедеятельности населения, обновления парка технологического оборудования и технологий производства на потенциально опасных объектах и объектах жизнеобеспечения, внедрения современных технических средств информирования и оповещения населения в местах их массового пребывания, а также разработки системы принятия превентивных мер по снижению риска террористических актов и смягчению последствий чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера.

Одной из важнейших задач, стоящих перед системой МЧС России, является повышение готовности гражданской обороны⁴.

В соответствии с законодательством Российской Федерации гражданская оборона представляет собой систему мероприятий по подготовке к защите и по защите населения, материальных и культурных ценностей на территории Российской Федерации от опасностей, возникающих при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера⁵.

Исходя из вышесказанного, мы можем определить гражданскую оборону как систему правовых, экономических, организационных и технических мер, которые обеспечивают защиту населения и территорий в мирное и военное время от внутренних и внешних угроз. Правоотношения в области гражданской обороны – это общественные отношения урегулированные нормами законодательства и иными нормативно-правовыми актами в сфере защиты населения и территорий, как в мирное, так и в военное время от угроз, возникающих при ведении военных конфликтов или вследствие этих конфликтов, а также при возникновении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Основными задачами в области гражданской обороны являются:

- подготовка населения в области гражданской обороны¹;
- оповещение населения об опасностях, возникающих при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера;
- эвакуация населения, материальных и культурных ценностей в безопасные районы;
- предоставление населению средств индивидуальной и коллективной защиты;
- проведение мероприятий по световой маскировке и другим видам маскировки;
- проведение аварийно-спасательных и других неотложных работ в случае возникновения опасностей для населения при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера;
- первоочередное жизнеобеспечение населения, пострадавшего при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера;

¹ Зокоев, В. А. Некоторые вопросы нормативно-правового обеспечения гражданской обороны в Российской Федерации / В. А. Зокоев // Проблемы управления рисками в техносфере. – 2018. – № 2(46). – С. 144-150. – EDN AUCPLY.

² Шеншин, В. М. О повышении устойчивости функционирования организаций в военное время, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера / В. М. Шеншин, Н. М. Силуянова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 9(302). – С. 111-120. – EDN THPMIA.

³ Шеншин, В. М. Росгвардия как субъект обеспечения государственной и общественной безопасности в сфере осуществления административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – 202 с. – ISBN 978-5-6048482-9-6. – EDN CCFOMJ; Шеншин, В. М. К вопросу о наделении войск национальной гвардии Российской Федерации статусом федерального органа исполнительной власти - Федеральной службы / В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2025. – № 1. – С. 161-165. – DOI 10.24412/2073-0454-2025-1-161-165. – EDN CWFJXV.

⁴ Шеншин, В. М. Уголовная ответственность за преступления в сфере гражданской обороны / В. М. Шеншин, Я. М. Погадаева // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 11(316). – С. 83-88. – EDN SLRWPS; Шеншин, В. М. К вопросу о правовом регулировании организации и ведения гражданской обороны в войсках национальной гвардии Российской Федерации / В. М. Шеншин, И. С. Назарова // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 6(222). – С. 89-92. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_6_89. – EDN KIFWYG.

⁵ Бабушкин, М. Ю. Анализ деятельности органов государственного пожарного надзора Федеральной противопожарной службы по привлечению к административной ответственности за нарушения в сфере пожарной безопасности за 2023 год / М. Ю. Бабушкин, И. Н. Бершов, А. М. Корчукова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 4(65). – С. 111-117. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-2024-4-111-117. – EDN HEDSCJ.

борьба с пожарами, возникшими при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов;
обнаружение и обозначение районов, подвергшихся радиоактивному, химическому, биологическому или иному заражению;
санитарная обработка населения, обеззараживание зданий и сооружений, специальная обработка техники и территорий;
восстановление и поддержание порядка в районах, пострадавших при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера;
срочное восстановление функционирования необходимых коммунальных служб в военное время;
срочное захоронение трупов в военное время;
обеспечение устойчивости функционирования организаций, необходимых для выживания населения при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера;
обеспечение постоянной готовности сил и средств гражданской обороны.

В основах единой Государственной политики Российской Федерации в области гражданской обороны определено что, развитие сил гражданской обороны должно быть направлено на повышение их готовности к решению возложенных задач и минимизации возможных потерь среди населения и материального ущерба в результате опасностей, возникающих при ведении военных действий или вследствие этих действий, а также при возникновении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Основными мероприятиями в этой сфере являются:

обеспечение готовности спасательных воинских формирований федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области гражданской обороны, и их взаимодействия с Вооруженными Силами Российской Федерации, другими войсками, воинскими формированиями и органами при подготовке и проведении мероприятий по гражданской обороне;
формирование в мирное время высококомандной группировки сил гражданской обороны, способной эффективно выполнять сложные задачи при военных конфликтах и чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера;
наращивание группировки сил гражданской обороны путем создания на военное время в целях решения задач в области гражданской обороны специальных формирований;
обеспечение органов управления гражданской обороной и сил гражданской обороны современной отечественной техникой и экипировкой, авиационно-спасательными технологиями и медицинским оборудованием;
планирование и проведение мероприятий по наращиванию группировки сил гражданской обороны при возникновении военных конфликтов и крупномасштабных чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера;
внедрение новых технологий спасания и автоматизированных информационно-управляющих систем в деятельность органов управления гражданской обороной и сил гражданской обороны;
совершенствование подготовки кадров в области гражданской обороны, включая разработку профессиональных стандартов, федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования и среднего профессионального образования;
повышение эффективности комплексных, командно-штабных, тактико-специальных и специальных учений, штабных и объектовых тренировок по гражданской обороне, проводимых с участием органов управления гражданской обороной и сил гражданской обороны;
планирование и проведение на регулярной основе тренировок по гражданской обороне.

Данные мероприятия конкретизированы в докладе Министра Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий «О долгосрочных перспективах развития системы МЧС России (МЧС-2030)» следующим образом, гражданская оборона к 2030 году должна стать современной эффективной системой защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, как в военное, так и в мирное время.

Системой объединяющей органы управления, силы и средства федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций, в полномочия которых входит решение вопросов в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, и осуществляющей свою деятельность в целях выполнения задач, предусмотренных федеральным законодательством является Единая государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (РСЧС).

Единая система, состоящая из функциональных и территориальных подсистем, действует на федеральном, межрегиональном, региональном, муниципальном и объектовом уровнях².

Единая государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций объединяет органы управления, силы и средства федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций, в полномочия которых входит решение вопросов по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, в том числе по обеспечению безопасности людей на водных объектах.

Вопросы, касающиеся законодательства, регулирующего деятельность структуры РСЧС, относятся к числу слабоизученных проблем в

¹ Юдин, И. В. К вопросу о доказательствах в гражданском судопроизводстве / И. В. Юдин, А. Б. Гавкалюк // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 1(66). – С. 69-72. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-1-69-72. – EDN OCSKML.

² Зокоев, В. А. О правовом регулировании основных направлений деятельности единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций / В. А. Зокоев, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 1. – С. 120-126. – DOI 10.24412/2073-0454-2023-1-120-126. – EDN RSTUZZ.

Российской юридической науке. Рассматривая законодательство, регулирующее деятельность подразделений РСЧС, необходимо отметить, что оно включает в себя три блока нормативных актов следующего содержания:

1. Основные (федеральные законы, указы, постановления правительства и т.д.);

2. Вспомогательные акты правотворчества (акты органов государственной власти и органов местного самоуправления, акты субъектов Российской Федерации, регулирующие вопросы РСЧС на различных уровнях и т.д.);

3. Технические нормы – государственные стандарты, технические условия, нормы и правила, действующие в сфере РСЧС и т.д. Относимость того или иного акта к числу источников законодательства, регулирующего деятельность подразделений РСЧС, определяется его содержанием, т.е. характером тех правовых норм, которые устанавливаются, изменяются или отменяются данным нормативным актом.

Основными задачами единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций являются:

разработка и реализация правовых и экономических норм по обеспечению защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, в том числе по обеспечению безопасности людей на водных объектах;

осуществление целевых и научно-технических программ, направленных на предупреждение чрезвычайных ситуаций и повышение устойчивости функционирования организаций, а также объектов социального назначения в чрезвычайных ситуациях;

обеспечение готовности к действиям органов управления, сил и средств, предназначенных и выделяемых для предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций;

сбор, обработка, обмен и выдача информации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций;

подготовка населения к действиям в чрезвычайных ситуациях, в том числе организация разъяснительной и профилактической работы среди населения в целях предупреждения возникновения чрезвычайных ситуаций на водных объектах;

организация оповещения населения о чрезвычайных ситуациях и информирования населения о чрезвычайных ситуациях, в том числе экстренного оповещения населения;

прогнозирование угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций, оценка социально-экономических последствий чрезвычайных ситуаций;

создание резервов финансовых и материальных ресурсов для ликвидации чрезвычайных ситуаций;

осуществление государственной экспертизы, государственного надзора в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций;

ликвидация чрезвычайных ситуаций;

осуществление мероприятий по социальной защите населения, пострадавшего от чрезвычайных ситуаций, и оказанию населению психологической помощи, проведение гуманитарных акций;

реализация прав и обязанностей населения в области защиты от чрезвычайных ситуаций, а также лиц, непосредственно участвующих в их ликвидации;

международное сотрудничество в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, в том числе обеспечения безопасности людей на водных объектах.

В докладе Министра Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий «О долгосрочных перспективах развития системы МЧС России (МЧС-2030)» определено, что требуется на принципиально новой основе обустроить РСЧС, обустроить соответствующие системы на федеральном уровне. Федеральные органы исполнительной власти должны перейти к совместной кооперации и решению системных вопросов гражданской обороны и защиты населения. Участие регионов - субъектов Российской Федерации должно определяться приоритетом обеспечения безопасности жизнедеятельности населения, приоритетом безусловного сохранения жизни и здоровья людей при возникновении различных угроз и опасностей.

На основе проведенного анализа одним из наиболее эффективных путей развития системы гражданской обороны и РСЧС, наряду с совершенствованием их отдельных элементов, является интеграция РСЧС и гражданской обороны в единую государственную систему защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций - Российскую систему гражданской защиты (РСГЗ), более комплексную систему защиты населения и территорий от различных чрезвычайных ситуаций и бедствий.

Интеграция РСЧС и гражданской обороны и создание на их основе РСГЗ позволит:

- разработать единый НПА объединив два федеральных закона;

- использовать при разработке международный опыт по решению вопросов ГО и ЗНиТ;

- сформулировать универсальные задачи для новой системы;

- определить единые органы управления, силы и запасы на мирное время, а так же при возникновении военных конфликтов исключить дублирование полномочий на разных уровнях единой системы;

- значительно сэкономить средство федерального бюджета выделяемые на содержание двух систем.

Список литературы:

1. Бабушкин, М. Ю. Анализ деятельности органов государственного пожарного надзора Федеральной противопожарной службы по привлечению к административной ответственности за нарушения в сфере пожарной безопасности за 2023 год / М. Ю. Бабушкин, И. Н. Бершов, А. М. Корчукова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 4(65). – С. 111-117. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-2024-4-111-117. – EDN HEDSCJ.

2. Бабушкин, М. Ю. Анализ деятельности органов дознания государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы по осуществлению дознания по делам о пожарах за 2022 год / М. Ю. Бабушкин, С. С. Приказчиков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 2(59). – С. 91-108. – EDN VEHQWQ.
3. Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.
4. Зокоев, В. А. Некоторые вопросы нормативно-правового обеспечения гражданской обороны в Российской Федерации / В. А. Зокоев // Проблемы управления рисками в техносфере. – 2018. – № 2(46). – С. 144-150. – EDN AUCPLY.
5. Зокоев, В. А. О правовом регулировании основных направлений деятельности единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций / В. А. Зокоев, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 1. – С. 120-126. – DOI 10.24412/2073-0454-2023-1-120-126. – EDN RSTUZZ.
6. Немченко, С. Б. Должностные лица МЧС России как субъекты реализации функций государства: отдельные вопросы административно-юрисдикционной деятельности / С. Б. Немченко, В. М. Шеншин // Административное право и процесс. – 2021. – № 3. – С. 55-57. – DOI 10.18572/2071-1166-2021-3-55-57. – EDN AFFQJO.
7. Шеншин, В. М. К вопросу о наделении войск национальной гвардии Российской Федерации статусом федерального органа исполнительной власти - Федеральной службы / В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2025. – № 1. – С. 161-165. – DOI 10.24412/2073-0454-2025-1-161-165. – EDN CWFJXW.
8. Шеншин, В. М. К вопросу о правовом регулировании организации и ведения гражданской обороны в войсках национальной гвардии Российской Федерации / В. М. Шеншин, И. С. Назарова // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 6(222). – С. 89-92. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_6_89. – EDN KIFWYG.
9. Шеншин, В. М. О повышении устойчивости функционирования организаций в военное время, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера / В. М. Шеншин, Н. М. Силуянова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 9(302). – С. 111-120. – EDN THPMIA.
10. Шеншин, В. М. Росгвардия как субъект обеспечения государственной и общественной безопасности в сфере осуществления административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – 202 с. – ISBN 978-5-6048482-9-6. – EDN CCFOMJ.
11. Шеншин, В. М. Уголовная ответственность за преступления в сфере гражданской обороны / В. М. Шеншин, Я. М. Погадаева // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 11(316). – С. 83-88. – EDN SLRWPS.
12. Юдин, И. В. К вопросу о доказательствах в гражданском судопроизводстве / И. В. Юдин, А. Б. Гавкалюк // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 1(66). – С. 69-72. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-1-69-72. – EDN OCCKML.

References:

1. Babushkin, M. Y. Analysis of the activities of the state fire supervision authorities of the Federal Fire Service to bring to administrative responsibility for violations in the field of fire safety in 2023 / M. Y. Babushkin, I. N. Bershov, A.M. Korchukova // Right. Safety. Emergency situations. – 2024. – № 4(65). – Pp. 111-117. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-2024-4-111-117. – EDN HEDSCJ.
2. Babushkin, M. Y. Analysis of the activities of the bodies of inquiry of the state fire supervision of the federal fire Service for the investigation of cases of fires in 2022 / M. Y. Babushkin, S. S. Prikazchikov // Law. Safety. Emergency situations. – 2023. – № 2(59). – Pp. 91-108. – EDN VEHQWQ.
3. Grigonis, V. P. Constitutional amendments adopted in 2020 as a factor increasing the security of the state / V. P. Grigonis, N. Y. Nemova // Right. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 3(56). – Pp. 39-44. – EDN KEWNXE.
4. Zokoev, V. A. Some issues of regulatory support for civil defense in the Russian Federation / V. A. Zokoev // Problems of risk management in the technosphere. – 2018. – № 2(46). – Pp. 144-150. – EDN AUCPLY.
5. Zokoev, V. A. On the legal regulation of the main activities of the unified state system of prevention and liquidation of emergency situations / V. A. Zokoev, V. M. Shenshin // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 1. – pp. 120-126. – DOI 10.24412/2073-0454-2023-1-120-126. – EDN RSTUZZ.
6. Nemchenko, S. B. Officials of the Ministry of Emergency Situations of Russia as subjects of the implementation of state functions: selected issues of administrative and jurisdictional activities / S. B. Nemchenko, V. M. Shenshin // Administrative law and Process. – 2021. – No. 3. – pp. 55-57. – DOI 10.18572/2071-1166-2021-3-55-57. – EDN AFFQJO.
7. Shenshin, V. M. On the issue of granting the troops of the National Guard of the Russian Federation the status of a federal executive authority - the Federal Service / V. M. Shenshin // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2025. – No. 1. – pp. 161-165. – DOI 10.24412/2073-0454-2025-1-161-165. – EDN CWFJXW.
8. Shenshin, V. M. On the issue of legal regulation of the organization and conduct of civil defense in the troops of the National Guard of the Russian Federation / V. M. Shenshin, I. S. Nazarova // Law and the State: theory and practice. – 2023. – № 6(222). – Pp. 89-92. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_6_89. – EDN KIFWYG.
9. Shenshin, V. M. On increasing the stability of the functioning of organizations in wartime, as well as in emergency situations of a natural and man-made nature / V. M. Shenshin, N. M. Siluyanova // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2022. – № 9(302). – Pp. 111-120. – EDN THPMIA.
10. Shenshin, V. M. Rosgvardiya as a subject of ensuring state and public security in the field of administrative and jurisdictional activities / V. M. Shenshin. – Belgorod : Epicenter Limited Liability Company, 2022. – 202 p. ISBN 978-5-6048482-9-6. EDN CCFOMJ.
11. Shenshin, V. M. Criminal liability for crimes in the field of civil defense / V. M. Shenshin, Ya. M. Pogadaeva // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2023. – № 11(316). – Pp. 83-88. – EDN SLRWPS.
12. Yudin, I. V. On the issue of evidence in civil proceedings / I. V. Yudin, A. B. Gavkalyuk // Law. Safety. Emergency situations. – 2025. – № 1(66). – Pp. 69-72. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-1-69-72. – EDN OCCKML.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_226

УДК 332.2

АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ) ANALYSIS OF THE USE OF AGRICULTURAL LAND IN THE URAL FEDERAL DISTRICT (ON THE EXAMPLE OF SVERDLOVSK REGION)

ЧУПИНА Ирина Павловна,

доктор экономических наук, профессор кафедры философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ».
620075, Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23
E-mail: irinacupina716@gmail.com;

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента и экономической теории, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ».
620075, Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23.
E-mail: nikolina73@yandex.ru;

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,

кандидат филологических наук, доцент философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ».
620075, Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23.
E-mail: ethos08@mail.ru;

ЖУРАВЛЕВА Людмила Анатольевна,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ».
620075, Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23.
E-mail: ethos08@mail.ru;

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич,

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ».
620075, Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23.
E-mail: palamit@rambler.ru;

CHUPINA Irina Pavlovna,

Doctor of Economics, Professor of the Department of Management and Law,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural GAU".
Yekaterinburg st. Turgenev 23.
E-mail: irinacupina716@gmail.com;

ZARUBINA Elena Vasilievna,

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Management and Law,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Agrarian University".
Yekaterinburg st. Turgenev 23.
E-mail: ethos08@mail.ru;

SIMACHKOVA Natalya Nikolaevna,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Law,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Agrarian University".
Yekaterinburg st. Turgenev 23.
E-mail: nikolina73@yandex.ru;

ZHURAVLEVA Lyudmila Anatolyevna,

Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Agrarian University".
Yekaterinburg, st. Turgenev 23.
E-mail: ethos08@mail.ru;

EGOROV Sergey Georgievich,

Candidate of historical sciences, Associate Professor of the philosophy department,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Agrarian University".
Yekaterinburg, Turgenev St. 23.
E-mail: palamit@rambler.ru

Краткая аннотация. Актуальность данной статьи заключается в проблеме неиспользованных сельскохозяйственных земель, которых на территории Российской Федерации и в каждом регионе отдельно насчитывается большое количество. Поэтому принятие законодательных актов в отношении данных земель является необходимым условием для развития сельскохозяйственного производства. Цель статьи заключается в анализе земель сельскохозяйственного назначения на территории Уральского федерального округа и отдельно в качестве примера на территории Свердловской области. В статье использованы следующие методы исследования: метод факторного анализа позволяет проанализировать влияние отдельных факторов на результирующий показатель по части уменьшения неиспользованных земель сельскохозяйственного назначения. Методы анализа и синтеза использованы при рассмотрении отдельных показателей статистических данных по сельскохозяйственным земельным участкам. Результатами статьи являются данные таблиц 1 и 2, где приведены статистические данные по Уральскому федеральному округу неиспользованных сельскохозяйственных земель. Для примера приводятся отдельные городские округа, в которых проблемы неиспользованных земель существуют и требуют решения. В заключении авторы приводят федеральные законы и правовые акты, которые будут способствовать уменьшению заброшенных сельскохозяйственных земель и вовлечение их в аграрное производство.

Abstract: The relevance of this lies in the problem of unused agricultural lands, which are in large quantities in the Russian Federation and in each region separately. Therefore, the adoption of legislative acts regarding these lands is a necessary condition for the development of agricultural production. The purpose of the article is to analyze agricultural lands in the Ural Federal District and separately as an example in the Sverdlovsk Region. The article uses the following research methods: the factor analysis method allows us to analyze the influence of individual factors on the resulting indicator in

terms of reducing unused agricultural land. The methods of analysis and synthesis are used when considering individual indicators of statistical data on agricultural land plots. The results of the article are the data in Tables 1 and 2, which provide statistical data on unused agricultural land in the Ural Federal District. As an example, individual urban districts are given, in which the problems of unused land exist and require solutions. In conclusion, the authors cite federal laws and legal acts that will contribute to the reduction of abandoned agricultural land and their involvement in agricultural production.

Ключевые слова: сельскохозяйственные земли, ресурсный потенциал, земельные участки, право собственности, административные нарушения пользования землей, законодательные акты, садоводческие товарищества.

Key words: agricultural lands, resource potential, land plots, property rights, administrative violations of land use, legislative acts, gardening associations.

Для цитирования: Чупина И. П., Симачкова Н. Н., Зарубина Е. В., Журавлева Л. А., Егоров С. Г. Анализ использования земель сельскохозяйственного назначения в Уральском федеральном округе (на примере Свердловской области) // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 226-229. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_226.

For citation: Chupina I. P., Simachkova N. N., Zarubina E. V., Zhuravleva L. A., Egorov S. G. Analysis of the use of agricultural land in the Ural Federal District (using the Sverdlovsk Region as an example) // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 226-229. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_226.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Земли сельскохозяйственного назначения включают в себя сельскохозяйственные угодья, лесные насаждения, водные объекты, земли, предназначенные под объекты производства и переработки сельскохозяйственной продукции, а также земельные участки ЛПХ и КФХ. Это прописано в Земельном кодексе РФ ст. 77. Также в Земельном кодексе ст. 78 прописано, что данные земли имеют правовой статус, где определены виды пользования данными землями: садоводство и огородничество, животноводство, рыбоводство, угодья под пастбища и сенокосение, охотничьи хозяйства.

Необходимо отметить, что одной из существенных проблем сельскохозяйственных земель является их выбытие из сельскохозяйственного оборота. Это заболоченные земли, земли, которые находятся в распоряжении граждан под садоводческие и фермерские участки. Земельный участок считается неиспользованным, если он на 50 % и более зарос сорняками и кустарниками. По состоянию на 2023 год в стране 1 263 692 земельных долей являются невестребованными, а из общая площадь составляет 11 810.420 млн га.

Выбытие данных земельных участков из сельскохозяйственного оборота произошло по нескольким причинам. Одной из таких причин выделяют раздел земельного имущественного комплекса на земельные и имущественные доли в результате реорганизации коллективных хозяйств [7]. Поэтому, данные земли переходили в коллективно – долевую собственность сельскохозяйственных предприятий [9]. При банкротстве таких предприятий, или если права на данные участки переходили к наследникам, которые не являются заинтересованными лицами в проведении сельскохозяйственных работ на данных участках, то такие участки остаются невестребованными [4], [5].

Еще одной причиной неиспользования сельскохозяйственных земель является демографическая обстановка в сельской местности. Ежегодно сельских жителей в регионах России становится меньше, так как в основном молодое поколение выбирают местом своего жительства города. В селах и деревнях остаются в основном люди пожилого возраста. И ежегодно по стране вымирают десятки сельских населенных пунктов. Поэтому появляются неиспользованные земли, которые приводят к эрозии, закустариванию и переувлажнению. На начало 2023 года в России 43,4 % земель являются неиспользованной пашней.

Анализируя данные Уральского федерального округа, нужно отметить, что на Южном Урале больше всего выявлено неиспользованных сельскохозяйственных земель. Рассмотрим это в таблице 1.

Таблица 1 – Неиспользуемые земли сельскохозяйственного назначения в УрФО [11].

Регион	Земли с/х назначения, тыс. га	Неиспользуемые земли с/х назначения, тыс. га	Неиспользуемые сельскохозяйственные угодья, тыс. га	Пашня, тыс. га	Неиспользуемая пашня, тыс. га
		(в %)	(в %)		(в %)
УрФО	48 330,40	5 655,5 (11 %)	13 822,6 (25 %)	7 728,5	1 552,5 (20 %)
Курганская область	4 527,36	1 282,6 (28,2)	4 032,3 (27 %)	2 320,4	452,4 (19 %)
Свердловская область	4 008,47	1 812, (43 %)	1 990,7 (34 %)	1 310,8	412,4 (31 %)
Тюменская область	3 709,80	1 186,1 (31 %)	2 915,4 (24 %)	1 161,5	65,3 (5 %)
Челябинская область	5 160,55	1 157,8 (22 %)	4 695,8 (20 %)	2 930,7	620,9 (21 %)
Ханты – Мансийский а.о.	612,5	183,0 (29 %)	183,0 (12 %)	7,000	0,5 (8 %)
Ямало – Ненецкий а.о.	30 310,9	34,3 (0,1 %)	5,24 (0 %)	0,04	0,0 (0 %)

Негативные процессы, которые влияют на сельскохозяйственные земли и приводят часть из них к выбытию из оборота земель сельскохозяйственного назначения, рассмотрим в таблице 2.

Таблица 2 – Негативные процессы, влияющие на земли сельскохозяйственного назначения [11].

Регион	Площадь обследованных с/х угодий, тыс. га	Ветровая эрозия, тыс. га	Водная эрозия, тыс. га	Засоление почв, тыс. га	Переувлажнение почв, тыс. га
Курганская область	286,6	0,0	0,0	0,0	3,6
Свердловская область	72,9	0,0	0,7	0,0	8,8
Тюменская область	81,8	0,0	0,0	0,0	0,0
Челябинская область	132,1	4,1	1,7	0,0	1,0

Из таблицы 1 видно, что больше всего неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения в таких регионах, как Свердловская область – 43 %, Тюменская область – 31 %, Курганская область – 28 % и Челябинская область – 22 %. В Ханты – Мансийском автономном округе земель сельскохозяйственного назначения минимальное количество, но и здесь неиспользуемые земли составляют 29 %.

Таблица 2 не дает полного анализа исследования, так как здесь были взяты за основу исследования не все земли сельскохозяйственного назначения, а только некоторые из них.

Если рассмотрим отдельно Свердловскую область, то она представляет собой индустриальный регион с крупным промышленным производством. В сельской территории проживает 15 % населения от общей численности региона, поэтому урбанизация здесь очень высокая. Свердловская область является самой крупной на Урале, но обеспеченность сельскохозяйственными землями минимальная и на одного жителя составляет 0,6 га [8].

Климатические условия оказывают прямое воздействие на производство сельскохозяйственной продукции и на плодородие почв. Отрасль растениеводства находится в зоне риска из – за погодных условий, так как весеннее – летний период довольно короткий для посадки растений, особенно в открытый грунт, а зимний период составляет 5 – 6 месяцев. Поэтому большинство почв являются низкими по плодородию и требуют дополнительных усилий по внесению удобрений, регулированию водного режима, расчистку от сорняков и окустаривания.

Одной из основных задач в Свердловской области является мелиорация сельскохозяйственных земель. В засушливые периоды времени с орошаемого гектара урожай можно получить в 3 – 4 раза выше [10]. Еще одной существенной задачей является вовлечение в оборот неиспользуемых сельскохозяйственных угодий. На территории Свердловской области не использованной остается в среднем более 30 % пашни. Часть таких земель сельскохозяйственные предприятия используют под сенокосы и пастбища, но остается еще довольно большая часть земель, которые превращаются в залежи и зарастают сорняками и кустарником. Вовлечение неиспользуемых земель в оборот является важной задачей для увеличения объемов производства и повышения продовольственной безопасности региона при увеличении объемов растениеводческой продукции за счет использования данных земель.

В настоящее время в сельском хозяйстве региона обрабатывается только 68 % всех сельскохозяйственных земель, поэтому проблема неиспользования более 30 % земель является серьезным вопросом рассмотрения региональными структурами власти [6].

Одной из причин неиспользования земель сельскохозяйственного назначения является такой факт, что многие земли находятся в частной собственности, а владельцы данных земель не только не используют данные земли для производства сельскохозяйственной продукции, но наоборот, являются первопричиной заболачивания и засорения сорняками и кустарниками данных земель. Таких примеров довольно много в каждом регионе страны. В Свердловской области для примера можно привести Белоярский район, где более 13 лет не обрабатываются и пустуют 90 га земли, которые принадлежат собственнику, который даже не является жителем данного региона и практически никогда не появляется в Белоярском районе.

Такая же ситуация происходит во многих садоводческих товариществах. Например, в одном из коллективных садоводческих товариществ города Первоуральска одним владельцем были куплены сразу 3 садовых участка, каждый по 5 соток земли. Но владелец данных участков не только не использует их по назначению (участки заросли травой и кустарником), но и не платит много лет земельный налог за данные участки. И ситуация получается отрицательная во всех отношениях. Владельцы участков не платят налоги, и казна недополучает денежные средства с таких недобросовестных пользователей. Участки, особенно садовые, находятся рядом с другими участками, которые обрабатываются. Но из – за того, что соседние участки полностью много лет покрыты сорными травами, то владельцам обработанных участков приходится убирать сорные травы еще и с данных участков, так как засоряются ухоженные земли. И проблему эту нужно решать.

В отношении заброшенных участков нужно принимать меры в каждом регионе. Если земля не используется, ее нужно изымать от недобросовестных собственников и передавать другим собственникам, которые будут ответственны в отношении данных земельных участков [3].

Федеральный закон ФЗ-507 от 05.12.2022 года «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения внес изменения в ФЗ-101 от 24.07.2002 года. В Законе говорится об изъятии земельных участков сельскохозяйственного назначения, если они используются не по целевому назначению или с нарушением законодательства РФ [1].

Новый Федеральный закон ФЗ-307 от 08.08.2024 года вступил в силу с 01.03.2025 года и регулирует вопросы освоения и использова-

ния земельных участков. Собственнику дается трехлетний срок для освоения своего участка. Данный закон необходим для эффективного использования земельных ресурсов [2].

Но еще нужно учитывать и такой факт, как перепродажа земли собственниками. Предположим, собственник не использует свой земельный участок 3 года. И когда участок могут изъять, собственник перепродает его другому пользователю. И нет гарантии, что новый хозяин в течение трех лет данный участок приведет в порядок и будет использовать по назначению. Поэтому часть проблем по использованию сельскохозяйственных земель по назначению будет оставаться.

В Свердловской области за последние годы проведены кадастровые работы в большинстве муниципальных образованиях. В разработке несколько проектов по мелиорации. Также главы муниципалитетов по поручению правительства Свердловской области на постоянной основе должны проводить ревизии заброшенных земель и ежегодно отчитываться по данным вопросам. Поэтому задачи каждого региона должны сводиться к уменьшению заброшенных земель и вовлечение их в сельскохозяйственную деятельность.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 05.12.2022 № 507-ФЗ (последняя редакция) – [Электронный ресурс]: <https://rkc56.ru/news/5716> (дата обращения 06.07.2025)
2. Федеральный закон от 08.08.2024 № 307 - ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и статью 23 Федерального закона «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»- [Электронный ресурс]: <https://mzio.bashkortostan.ru/presscenter/news/698822/> (дата обращения 10.07.2025)
3. Анисимов А.П., Болтанова Е.С. Ограничение права частной собственности путем установления публичных земельных сервитутов: поиск баланса интересов // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 141 - 152.
4. Брыжко В.Г. Экономическая защита земель сельскохозяйственного назначения // Аграрная наука. 2019. № 12. С.2 - 4.
5. Землякова Г.Л. Оптимизация системы государственных услуг в сфере земельных отношений // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 3. С. 16 - 28.
6. Иванова Н. С. Социально-экономический анализ земельных отношений, развивающихся в аграрном секторе экономики Уральского региона // Современные проблемы землепользования и кадастров: материалы 4-й Международной научно - практической конференции – Москва. 2019. С. 137-141.
7. Козловский В. Проблемы и пути рационального использования земельных ресурсов // АПК: экономика и управление. 2019. № 8. С. 25 - 29.
8. Подковырова М.А., Иванова Н.С., Кучеров Д.И. Анализ состояния земель сельскохозяйственного назначения Свердловской области и перспективы землеустроительного обеспечения сохранения их ресурсного потенциала // International agricultural journal. 2020. № 2. С. 202 - 211.
9. Полухин А.А., Титков А.А. Управление земельными ресурсами сельскохозяйственного назначения: генезис понятия и основополагающие функции // Вестник аграрной науки. 2019. № 3. С. 122 - 129.
10. Резниченко В.А., Санников Д. С., Санникова Н. В. К вопросу о применении осадка сточных вод в качестве удобрений // Мир инноваций. 2023. № 1. С. 25 - 33.
11. Росстат: Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской и Курганской области: сайт. - URL: <http://sverdl.gks.ru> (дата обращения: 07.06.2025)

References:

1. Federal Law «On Amendments to the Federal Law «On the Turnover of Agricultural Land» and Certain Legislative Acts of the Russian Federation» dated 05.12.2022 No. 507-FZ (latest revision) - [Electronic resource]: <https://rkc56.ru/news/5716> (date of access 06.07.2025)
2. Federal Law dated 08.08.2024 No. 307 - FZ «On Amendments to the Land Code of the Russian Federation and Article 23 of the Federal Law «On the Maintenance of Gardening and Vegetable Gardening by Citizens for Their Own Needs and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» - [Electronic resource]: <https://mzio.bashkortostan.ru/presscenter/news/698822/> (date of access 10.07.2025)
3. Anisimov A.P., Boltanova E.S. Limitation of private property rights by establishing public land easements: searching for a balance of interests // Journal of Russian Law. 2020. No. 4. Pp. 141-152.
4. Bryzhko V.G. Economic protection of agricultural land // Agrarian science. 2019. No. 12. Pp. 2-4.
5. Zemlyakova G.L. Optimization of the system of public services in the field of land relations // Property relations in the Russian Federation. 2022. No. 3. Pp. 16-28.
6. Ivanova N. S. Socio-economic analysis of land relations developing in the agricultural sector of the Ural region // Modern problems of land use and cadastres: materials of the 4th International scientific and practical conference - Moscow. 2019. Pp. 137-141.
7. Kozlovsky V. Problems and ways of rational use of land resources // AIC: economics and management. 2019. No. 8. Pp. 25 - 29.
8. Podkovyrova M. A., Ivanova N. S., Kuchero D. I. Analysis of the state of agricultural lands in the Sverdlovsk region and the prospects for land management support for the preservation of their resource potential // International agricultural journal. 2020. No. 2. Pp. 202 - 211.
9. Polukhin A.A., Titkov A.A. Agricultural land management: genesis of the concept and fundamental functions // Bulletin of Agrarian Science. 2019. No. 3. pp. 122 - 129.
10. Reznichenko V.A., Sannikov D.S., Sannikova N.V. On the issue of using sewage sludge as fertilizers // World of Innovations. 2023. No. 1. pp. 25 - 33.
11. Rosstat: Office of the Federal State Statistics Service for the Sverdlovsk and Kurgan Regions: website. - URL: <http://sverdl.gks.ru> (accessed: 06/07/2025)

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_230

УДК 349.244-053.6 (470)

ПРАВО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ТРУД В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ THE RIGHT OF MINORS TO WORK IN THE RUSSIAN FEDERATION

ФАСХУТДИНОВА Анна Валерьевна,

старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин
Уфимского юридического института МВД России.
450074, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Габдуллы Амантая, 6.
E-mail: k021@mail.ru;

FASKHUTDINOVA Anna Valeryevna,

Senior Lecturer at the Department of Administrative and Legal Disciplines
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Gabdulla Amantay str., 6, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450074, Russia.
E-mail: k021@mail.ru

Краткая аннотация. В статье проанализированы нормативно-правовые акты законодательства Российской Федерации, изучены условия, специфика, возраст, график, ограничения и условия работы, на основании которых несовершеннолетние лица могут осуществлять трудовую деятельность в Российской Федерации.

Abstract. The article analyzes the normative legal acts of the legislation of the Russian Federation, examines the conditions, specifics, age, schedule, restrictions and working conditions because of which minors can work in the Russian Federation.

Ключевые слова и словосочетания: права несовершеннолетних, несовершеннолетний, подросток, трудовое законодательство, право на труд, право на отдых, трудовой договор.

Keywords: rights of minors, minor, teenager, labor legislation, right to work, right to rest, employment contract.

Для цитирования: Фасхутдинова А.В. Право несовершеннолетних на труд в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 230-232. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_230.

For citation: Faskhutdinova A.V. The right of minors to work in the Russian Federation // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 230-232. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_230.

Статья поступила в редакцию: 10.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

В современном мире подростки и несовершеннолетние изъявляют желание и стремятся стать независимыми и получить некую самостоятельность в материальной составляющей, а так же принять решение заработать определенное количество денежного эквивалента или найти подходящую, хорошо оплачиваемую, согласно региона проживания работу. Необходимо выяснить имеется ли какие-либо ограничения и критерии для несовершеннолетних. Например, возраст, вид осуществляемых работ, продолжительность рабочего времени для подростков, имеются ли права на отдых, как оформить трудовые соглашения и защитить свои права, и хватит ли полученного образования на тот возраст, при котором можно устроиться на работу.

Права несовершеннолетних в сфере труда охватывают несколько важных аспектов, направленных на защиту интересов подростков и их безопасное вовлечение в трудовую деятельность. Основные законодательные положения, касающиеся прав работающих несовершеннолетних, можно обобщить следующим образом:

Трудовое законодательство Российской Федерации (далее – ТК РФ), а также и большинства стран устанавливают и оговаривают минимальный возраст для допуска к работе. Как правило, трудовая деятельность подростка может начинаться с 14 или 15 летнего возраста, однако для выполнения более лёгкого труда разрешается и в возрасте 13 лет, которое также возможно через полученное согласие от родителей или опекунов[1]. Несовершеннолетние имеют право работать только на безопасных и не вредных для здоровья работах. Для несовершеннолетних запрещается осуществлять следующие виды работ:

- ✓ опасные производственные объекты;
- ✓ работать с имеющимися тяжелыми физическими нагрузками и вредными веществами;
- ✓ работать в ночное время (с 22:00 до 06:00).

Существуют правила, ограничивающие время работы подростков:

- ✓ не достигшие 16 лет — привлекаются к работе до 24 часов в неделю, но не более;
- ✓ достигшие 17 лет — привлекаются к работе до 35 часов, но не более.

Работа несовершеннолетних, как в учебное время, так и на каникулах, строго регламентируется законом, который обеспечивает им право на отдых, перерывы, выходные и оплачиваемый отпуск.

Трудовой договор с несовершеннолетними должен быть заключён в письменной форме с обязательным учётом мнения их родителей или законных представителей. Работодатель обязан ознакомить несовершеннолетнего с условиями работы, а также с его правами и обязанностями.

Несовершеннолетние имеют право на защиту своих прав в трудовых отношениях. Они могут обращаться в трудовые инспекции, профсоюзы и другие организации за помощью в случае нарушения их прав. Несовершеннолетние работники должны совмещать работу с обучением. Работодатель обязан учитывать их учебный график и предоставлять возможность посещать учебные заведения.

В соответствии со статьей 37 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), любой труд является свободным. Каждый человек имеет право, без ограничений свобод распоряжаться своими трудовыми возможностями и самостоятельно определить вид своей деятельности и выбрать свою профессию. Конституцией РФ закреплено, что право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на получение заработной платы без какой-либо дискриминации, которая должна быть не ниже размера, установленного ТК РФ. законодательством Российской Федерации (далее – законами РФ) установлено право на индивидуальные и коллективные трудовые споры, которые решаются с использованием методов, предусмотренных федеральным законом, включая право на забастовку, нормированием рабочего дня, указанными выходными и праздничными днями, а также предоставление ежегодного оплачиваемого отдыха.

Трудовое законодательство РФ уделяет особое внимание, регулированию труда несовершеннолетних, определяет возраст, с которого может быть заключен трудовой договор и порядок его оформления, указывает условия труда, виды деятельности.

Федеральным законом от 1 июля 2017 года № 139-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» определено, что несовершеннолетние работники, которые имеют желание трудиться с 14 лет, могут заключать трудовые договора. ТК РФ (ст. 63, ч. 3) определяет порядок заключения трудового договора с лицами, достигшими возраста шестнадцати лет. (Если речь идет о порядке заключения договора) только письменного согласия одного из родителей или опекунов, а также при одобрении органа опеки и попечительства, возможно заключение трудового договора с лицами, достигшими 14-летнего возраста.

Трудиться несовершеннолетние могут по своему желанию, но не во вред получения основного образования, например в период летних каникул, и на период продолжительности рабочего дня до четырех часов, но не более и с письменного согласия законных представителей.

Трудоустройство лиц младше 14 лет допускается только при особых обстоятельствах и с согласия хотя бы одного из законных представителей:

- работодателями могут быть исключительно организации, занимающиеся кинематографией, театральным искусством, концертной деятельностью и цирковым искусством (перечень является исчерпывающим и определен в ст. 63, ч. 4 ТК РФ).

Основная задача трудовой деятельности несовершеннолетнего должна быть связана с созданием или представлением произведений искусства. При этом работа не должна негативно влиять на его физическое и моральное здоровье.

Также трудовые договора могут быть заключены с несовершеннолетними не достигших 14 лет, как указано в ст. 348.8 ТК РФ, но только с условием прохождения медицинского осмотра, например при участии, в соревнованиях, при выезде из региона, оформляется доверенность на тренера, в период проведения соревнований.

Существует перечень видов деятельности, определенный трудовым законодательством РФ, несовершеннолетних, которые не должны являться опасным и вредным для здоровья, отрицательно влиять на физическое или моральное состояние, содержать облегченные условия труда.

Кроме этого, законодатель также определяет и запреты по некоторым видам деятельности. Нельзя привлекать подростков для работы в игорном бизнесе, в заведениях работающих в ночное время (ночных клубах, кабаре), а также привлекать к работе связанной с перевозкой, продажей алкогольной и спиртосодержащей продукции, никотиносодержащей и токсичной продукции.

Ключевым моментом является то, что законодательством РФ предусматривается регулирование труда несовершеннолетних, родители которых были лишены или ограничены в родительских правах, скажем эмансипированных граждан. В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации, 16-летний подросток, работающий по трудовому договору или занимающийся предпринимательством с согласия родителей, может быть признан полностью дееспособным. Органы опеки и попечительства играют важную роль в процессе эмансипации, поскольку именно они принимают решение о признании несовершеннолетнего полностью дееспособным при наличии согласия родителей. В случае отсутствия согласия, решение принимает суд. Процедура найма на работу подростка начинается с издания работодателем приказа (или распоряжения). Этот документ составляется на основе трудового договора, который был подписан ранее (согласно ст. 68 ТК РФ). Работодатель обязан ознакомить нового сотрудника с приказом о приеме на работу. Сделать это нужно в течение трех рабочих дней с момента, когда подросток фактически приступил к своим обязанностям, и получить его подпись в подтверждение ознакомления.

Кроме того, надо отметить, что к несовершеннолетнему работнику не применяется такая мера как испытательный срок.

Важную роль в обеспечении безопасных условий труда для подростков играют медицинские обследования, регламентированные ст. 266 ТК РФ. Несовершеннолетние могут быть трудоустроены только после проведения предварительного обязательного медицинского обследования, а до достижения совершеннолетия такие лица должны проходить ежегодные обязательные медосмотры и диспансеризацию.

Согласно ст. 271 ТК РФ, заработная плата несовершеннолетних, работающих по повременному тарифу, рассчитывается с учетом уменьшенной продолжительности рабочего времени. В то же время работодатель вправе самостоятельно доплачивать таким работникам до уровня заработной платы сотрудников той же категории, но при условии полной занятости в течение рабочего дня.

Для трудящихся подростков, которые занимаются сдельной работой, зарплата начисляется в соответствии с установленными расценками. В случае допущенных нарушений, работодатели могут быть привлечены к административной (ст. 5.27 КоАП РФ) [2] или даже к уголовной ответственности (ст. 145.1) [3].

В заключении отмечу, что защита прав несовершеннолетних работников направлена на создание безопасных и благоприятных условий для их трудовой деятельности. Важно, чтобы как работодатели, так и сами подростки знали свои права и обязанности, чтобы избежать возможных нарушений и обеспечить здоровое начало трудового пути, в том числе, если открыть и свой «бизнес»

Открытие бизнеса несовершеннолетним в России - это актуальная тема, которая вызывает интерес у многих. В России законодательство позволяет несовершеннолетним открывать свой бизнес, но существуют определенные ограничения и требования. Например, лицам в возрасте от 14 до 18 лет потребуется письменное подтверждение от родителей или опекунов на открытие предприятия. Также важно помнить о налоговых обязательствах и необходимости соблюдать законы о труде и предпринимательской деятельности. Важно обратить внимание на обучение и поддержку молодых предпринимателей, чтобы иметь успешное дело в будущем.

Список литературы:

- [1]. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ // Официальный интернет-портала правовой информации : [сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.06.2025).
- [2]. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Официального интернет-портала правовой информации : [сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.06.2025).
- [3]. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Официальный интернет-портала правовой информации : [сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.06.2025).

References:

- [1]. The Labor Code of the Russian Federation: Federal Law. The law grew. Of the Russian Federation dated 12/30/2001 N 197-FZ // Official Internet portal of legal information : [website]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 06/02/2025).
- [2]. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation. Feder. The law grew. Of the Russian Federation No. 195-FZ dated December 30, 2001 // Official Internet portal of legal information : [website]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of request: 06/02/2025).
- [3]. The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law. The law grew. Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 // Official Internet portal of legal information : [website]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of request: 06/02/2025).

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ АГРАРНОГО ПРАВА (НА ПРИМЕРЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ МИКРОБИОЛОГИИ)¹ DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF A SPECIAL PART OF AGRARIAN LAW (USING THE EXAMPLE OF AGRICULTURAL MICROBIOLOGY)

ЕЛИСЕЕВ Вячеслав Сергеевич,

профессор кафедры экологического и природоресурсного права,
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина,
профессор кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин
Государственного социально-гуманитарного университета; доктор юридических наук, доцент.
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9.
E-mail: v.s.eliseev@mail.ru;

ELISEEV Vyacheslav Sergeevich,

Professor at the Department of Environmental Law, Kutafin Moscow State Law University,
Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the State Social and Humanitarian University
Doctor of Law, Associate Professor.
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993.
E-mail: v.s.eliseev@mail.ru

Краткая аннотация: в статье анализируются место сельскохозяйственной микробиологии в системе аграрного законодательства и особенной части аграрного права: обосновывается необходимость введения обособленного института «сельскохозяйственная микробиология и биотехнологии», обосновав его структуру и место среди других институтов аграрного законодательства.

Abstract: the article analyzes the place of agricultural microbiology in the system of agrarian legislation and a special part of agrarian law: it substantiates the need to introduce a separate institute "agricultural microbiology and biotechnology", justifying its structure and place among other institutions of agrarian legislation.

Ключевые слова: аграрное (сельскохозяйственное) законодательство, аграрное право, сельскохозяйственная микробиология, структура правовых институтов сельскохозяйственной микробиологии.

Keywords: agricultural legislation, agricultural law, agricultural microbiology, the structure of legal institutions of agricultural microbiology.

Для цитирования: Елисеев В.С. Направления развития особенной части аграрного права (на примере сельскохозяйственной микробиологии) // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 233-238. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_233.

For citation: Eliseev V.S. Directions of development of a special part of agrarian law (using the example of agricultural microbiology) // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 233-238. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_233.

Статья поступила в редакцию: 07.07.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Составной частью окружающей природной среды являются микроорганизмы, которые широко распространены на земной поверхности и под землей (в недрах), в водоемах, в организмах (как внутри, так и снаружи) человека, животных и растений, в воздушном пространстве, в пищевых продуктах и т.п.

Такое тотальное наличие микроорганизмов является свидетельством их важнейшей роли в природных явлениях, от которых зависит круговорот веществ и энергии в природе, благодаря которым разлагаются различные органические и неорганические вещества в земле, водоемах и воздушном пространстве. От микроорганизмов в значительной степени зависит плодородие почвенного слоя земли, происходит формирование многих полезных ископаемых, включая торф, уголь, нефть, природный газ.

Вместе с тем, кроме полезных микроорганизмов существуют и болезнетворные (патогенные) микроорганизмы, которые ответственны за возникновение разнообразных заболеваний животных организмов, включая сельскохозяйственных, растений, включая культурных, насекомых и, собственно, человека. В массовом масштабе они вызывают эпидемии заразных болезней человека и животных, что непосредственно влияет на экономическое развитие человечества.

От активности разнообразных микроорганизмов, обеспечивающих питание и развитие растений, переработку растительного сырья и отходов существенно зависит сельское хозяйство, что является предметом изучения сельскохозяйственной микробиологии, которая приобретает особую актуальность в связи с необходимостью экологизации сельскохозяйственного производства, обеспечивающее переход от интенсивного к экологически устойчивому земледелию, нацеленному на минимизацию применения экологически опасных агрохимикатов, – указанное научное направление получает широкое распространение не только в России, но и в мировом аграрном производстве.

Особенно перспективными является развитие генной инженерии, достижения которой обеспечили развитие биотехнологии, появление высокопродуктивных микроорганизмов, синтезирующих белки, ферменты, витамины, антибиотики, ростовые вещества и другие необходимые для животноводства и растениеводства продукты.

В соответствии с подпунктом «г» п. 21 Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации [16] в ближайшее десятилетие одним из приоритетов научно-технологического развития следует считать направления, позволяющие получить значимые научные и науч-

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет – 2030».
The research was conducted in frame of the federal academic leadership program Priority 2030.

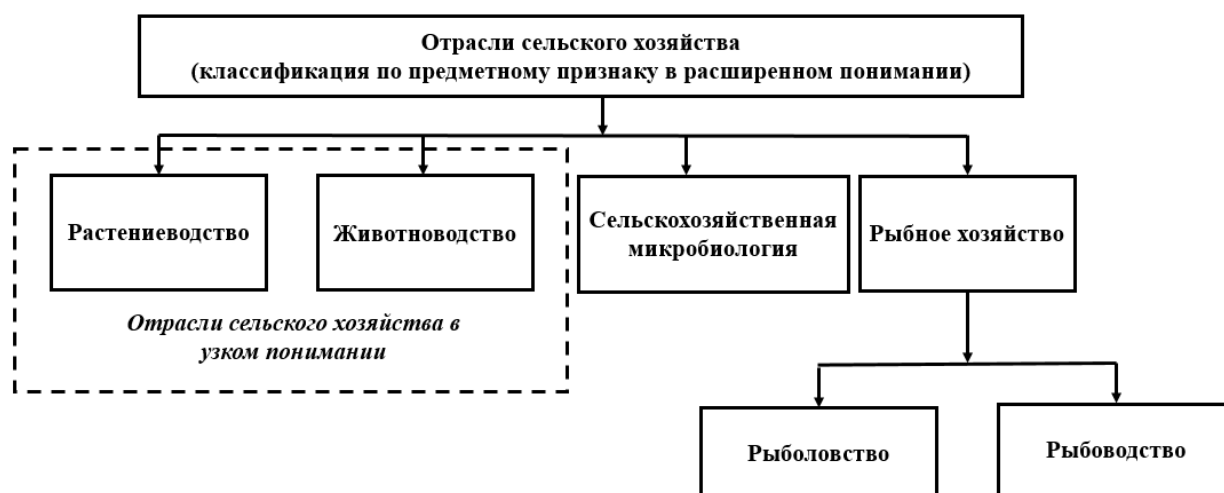

Схема 1. Отрасли сельского хозяйства (расширенный и узкий взгляды)

но-технические результаты, создать отечественные наукоемкие технологии и обеспечивающие: переход к высокопродуктивному и экологически чистому агро- и аквахозяйству; разработку и внедрение систем рационального применения средств химической и биологической защиты сельскохозяйственных растений и животных; хранение и эффективную переработку сельскохозяйственной продукции; создание безопасных и качественных, в том числе функциональных, продуктов питания.

На решение проблемы комплексного решения задач ускоренного развития генетических технологий, биотехнологий для сельского хозяйства и промышленности, а также совершенствования мер по предупреждению чрезвычайных ситуаций биологического характера и осуществлению контроля в этой области направлен Указ Президента Российской Федерации от 28 ноября 2018 г. № 680 «О развитии генетических технологий в Российской Федерации» [17].

Как отмечается в разд. 1 Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019-2030 годы [12] (далее: Программы) по данным Организации экономического сотрудничества и развития в 2016 году доля биотехнологических компаний, выполняющих исследования и разработки, в общем объеме расходов на исследования и разработки составляла в Соединенных Штатах Америки 12,31 процента, во Франции - 8,95 процента, а в Российской Федерации - 0,53 процента.

Иными словами, доля России в общем объеме мирового рынка обращения генетических технологий критически мала. Российские исследования и разработки в области генетических технологий пока не позволяют достичь больших объемов востребованных рынком результатов, в результате чего необходимая для различных отраслей продукция импортируется. Так, доля российского импорта ряда аминокислот (триптофан, треонин, валин), используемых при производстве кормов для сельскохозяйственных животных, достигает 100 процентов, ферментов - более 70 процентов.

Многие эффективные импортные препараты, применяемые в сельском хозяйстве, не имеют аналогов.

В Программе отмечается, что в пятерку ведущих стран мира по публикационной активности в области генетики в научных журналах, индексируемых в базах данных WoS Core Collection, входят Соединенные Штаты Америки (6927 публикаций в 2017 году), Китай (3677 публикаций), Великобритания (1787 публикаций), Германия (1609 публикаций) и Франция (1166 публикаций). Российская Федерация по указанному показателю в 2016 - 2017 годах занимала 17-е место (395 публикаций). Количество ученых, опубликовавших в 2017-2018 годах научные статьи в этой области, в Соединенных Штатах Америки составляет более 76 тыс. человек, во Франции - более 22 тыс. человек, а в Российской Федерации - около 7 тыс. человек.

Вместе с тем, данный подход следует подвергнуть критическому взгляду, поскольку в указанной статистике отсутствует данные о публикационной активности по данной тематике в российских научных журналах, – российские ученые используют в качестве основного русский язык. Без учета данного обстоятельства невозможно оценить степень научной активности российской науки в данном направлении.

Более показательным индикатором выступает число патентов в области генетики, по которому Россия занимает скромное 9-е место (22 патента в 2017 году) с большим отрывом от стран - лидеров в этой области (Соединенные Штаты Америки - 9106 патентов, Япония - 3477 патентов, Китай - 2771 патент, Республика Корея - 1847 патентов, Германия - 1097 патентов).

Если рассмотреть **отрасли сельского хозяйства** в расширенном и узком понимании (см. сх. 1), то не сложно заметить, что в ней микробиология занимает важное место и как самостоятельной отрасли, и в качестве важного дополнения основных отраслей сельского хозяйства: растениеводства, животноводства и рыбного хозяйства.

Для узкой трактовки сельского хозяйства, в данном случае сельскохозяйственная микробиология занимает важную вспомогательную роль как для растениеводства, так и для животноводства.

Распоряжением Правительства РФ от 25 января 2017 г. № 79-р [14] установлен перечень видов сельскохозяйственной продукции, которая прямо или косвенно связана с сельскохозяйственной микробиологией: во-первых, это непосредственно продукция микробиологической промышленности; во-вторых, продукция, в которой микробиологические процессы занимают ведущее место, в том числе, для производства про-

продукции мукомольно-крупяной промышленности, продукции комбикормовой промышленности; продукции винодельческой промышленности, биопродукции, для производства сырья ферментного, консерв мясных, мясорастительных и салобобовых, продукции кисломолочной и маслосыродельной промышленности, производства рыбных консерв, и т.п.

Различные взгляды на **«сельскохозяйственную микробиологию»** наиболее полно представлены в сельскохозяйственных и биологических науках, связанных как с микробиологией, в целом, так и с сельскохозяйственной микробиологией, в частности.

Так, согласно Большой советской энциклопедии «сельскохозяйственная биология» рассматривается как раздел экспериментальной биологии, разрабатывающий теоретические основы мероприятий повышения продуктивности культурных растений, домашних животных, а также полезных микроорганизмов. Сельскохозяйственная биология возникла и развивается на рубеже биологических и сельскохозяйственных наук в связи с потребностями и практикой сельского хозяйства, используя достижения генетики, физиологии, биохимии, биофизики, молекулярной биологии и др. [2]

В другой трактовке «сельскохозяйственная микробиология» выступает разделом микробиологии, занимающийся изучением микроорганизмов, главным образом вирусов, бактерий, грибов (в особенности дрожжей), одноклеточных водорослей и простейших. Эта разнородная, искусственно объединенная группа микроскопически малых организмов составляет предмет одной науки в силу того, что для их изучения используются методы, первоначально разработанные для исследования бактерий [2].

В очередном академическом издании «сельскохозяйственная микробиология» выступает разделом микробиологии, изучающем микробы, связанные с растениями, а также с заболеваниями растений и животных. Он также занимается микробиологией плодородия почвы, такой как микробная деградация органического вещества и трансформация питательных веществ почвы. Основная цель сельскохозяйственной микробиологии — всестороннее изучение взаимодействия полезных микроорганизмов, таких как бактерии и грибы, с сельскохозяйственными культурами. Она также занимается микробиологией плодородия почвы, такой как микробной деградации органического вещества и трансформация питательных веществ почвы [15].

В распространенной Википедии «сельскохозяйственная микробиология» рассматривается как раздел микробиологии, занимающийся микробами, ассоциированными с растениями, болезнями растений и животных. В нем также рассматривается микробиология плодородия почв, в частности, микробиологическая деградация органического вещества и преобразование питательных веществ в почве. Основная цель сельскохозяйственной микробиологии — всесторонне изучить взаимодействия полезных микроорганизмов, таких как бактерии и грибы, с сельскохозяйственными культурами [1].

Сама по себе сельскохозяйственная микробиология возникла в конце XIX века как прикладное направление, связанное с питанием растений и биоконтролем их вредителей, и оформилась в 1930-х годах как синтетическая дисциплина, использующая методы микробиологии, физиологии растений и почвоведения [13, с. 821].

Выполнение микроорганизмами агрономически значимых функций определяется их циркуляцией в экосистемах «почва—растения—животные». При этом большинство симбионтов растений возникло из почвенных бактерий и грибов, а многие обитатели пищеварительных полостей животных эволюционировали на основе микрофлоры кормовых растений [13, с. 822].

Важнейшее значение для внесения определенности с правовым регулированием микробиологии в сельском хозяйстве, является выявление направлений (блоков) сельскохозяйственной микробиологии, выступает классификация микробиологических отношений - объектов микробиологии по морфологическому признаку: они подразделяются на бактерии (Procarotae), вирусы (Vira), грибы (Mycota) [6, с. 13] и водоросли (Algae) [7, с. 70].

В свою очередь, бактерии включают 4 отдела: во-первых, Gracilicutes - тонкостенные, грамотрицательные бактерии (в нем три класса: Scotobacteria; Anoxyphotobacteria и Oxyphotobacteria); во-вторых, Firmicutes – толстостенные, грамположительные бактерии (в нем два класса: Firmibacteria – типичные по морфологии клетки бактерий и Tallobacteria – нитчатые бактерии, включающий актиномицеты); в-третьих, Tenericutes - мягкостенные (клеточная стенка отсутствует) микоплазмы (в нем один класс: Mollicutes - мягкостенные микоплазмы); наконец, в-четвертых, Mendosicutes – акхебактерии с измененной клеточной стенкой (также включает только один класс: Archeobacteria - древние бактерии) [6, с. 14].

Вирусы объединены в царство Vira - большую группу со следующими свойствами: они содержат только одну из нуклеиновых кислот (ДНК или РНК), не имеют клеточной структуры и собственного обмена веществ, - обмен веществ связан с метаболизмом клетки, в которой они паразитируют. Они Вирусы существуют в двух формах: внеклеточной (покоящейся) - вирион и внутриклеточной (вегетативной). Вирусы не размножаются в почве, но могут долго сохраняться в ней.

В настоящее время известно более 4000 вирусов, объединенные в 71 семейство, 164 рода.

Грибы (Fungi) в самом простом варианте подразделяются на микромицеты (например, плесени, дрожжи) и макромицеты (шляпочные грибы).

По наиболее развернутой классификации грибы подразделяются на следующие отделы: (1) «настоящие грибы» (Eumycota), включающие пять классов; (2) «оомицеты» (Oomycetes), – одноклеточные и многоклеточные организмы, вызывающие болезни сельскохозяйственных растений (наиболее опасен паразит ботвы и клубней картофеля - картофельный грибок), которые отдельные ученые ставят в один пакет с водорослями; (3) водоросли (Algae) — организмы, осуществляющие фотосинтез с выделением кислорода и имеющие хлоропласты. Известны одноклеточные, нитчатые, колониальные формы, а также многоклеточные, состоящие из слабо дифференцированных клеток и тканей, которые образуют структуру, сходную с растениями. Некоторые водоросли можно наблюдать только под микроскопом, размеры других достигают десятков

метров; (4) наконец, «лишайники» (Lichenes) [6, с. 13-15]: — это симбиотические организмы, тело которых (таллом) образовано соединением грибных (микобионт) и водорослевых и/или цианобактериальных (фотобионт) клеток во внешне кажущемся однородным организмом, — ряд микробиологических классификаций не выделяет лишайники в качестве самостоятельной группы.

Теснейшим образом с микробиологией связана **биотехнология** — наука, которая на основе применения знаний в области биохимии, генетики, геномной инженерии, иммунологии, химической технологии, приборо- и машиностроения **использует биотехнологические объекты** (микроорганизмы, клетки тканей животных и растений) или молекулы (нуклеиновые кислоты, белки, ферменты, углеводы и др.) для промышленного производства полезных для человека и животных веществ и продуктов [21, с. 8].

Объектами биотехнологии являются вирусы, бактерии, грибы, протозойные организмы, клетки (ткани) растений, животных и человека, вещества биологического происхождения (например, ферменты, простагландины, лектины, нуклеиновые кислоты), молекулы.

Методы, применяемые в биотехнологии, определяются двумя уровнями: клеточным и молекулярным [21, с. 12], что также указывает на ее тесную связь с микробиологией, включая сельскохозяйственную микробиологию.

Одним из важнейших направлений биотехнологий выступает **«геномная инженерия»** — технология рекомбинантных ДНК, изменение с помощью биохимических и генетических методов хромосомного материала — основного наследственного вещества клеток. Хромосомный материал состоит из дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК). Биологи изолируют те или иные участки ДНК, соединяют их в новых комбинациях и переносят из одной клетки в другую [2], — в данном случае следует вести речь о той части геномной инженерии, которая осуществляется в интересах сельского хозяйства.

Правовое закрепление отношений в области сельскохозяйственной микробиологии в своей основе получили на уровне технических норм, прежде всего, ГОСТов, которая справедливо рассматривается в науке как составная часть правового регулирования [9, с. 79].

Примером такого регулирования являются, в частности, «ГОСТ ISO 6887-1-2015 [4]; «ГОСТ ISO 17604-2017 [3] и др.

Что касается законодательства, то связь сельскохозяйственной микробиологии усматривается опосредованная, через основные сельскохозяйственные отрасли: животноводства, включая корма, и ее продукцию, растениеводства, включая почвенные микроорганизмы, и ее продукцию, рыбное хозяйство и его продукцию через основные сельскохозяйственные нормативные акты: Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» [19], Федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 101-ФЗ «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» [20] и др., — указанный подход является недостаточным для развития сельскохозяйственной микробиологии и требует включения в соответствующее законодательство положений, непосредственно направленных на регулирование данной отрасли сельского хозяйства.

Положительным исключением следует отметить Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» [20], где одним из направлений государственного регулирования выступает «повышение эффективности сельского хозяйства» (ст. 5 Закона). Логическим дополнением указанного нормативного акта является «ГОСТ Р 8.1039-2024. Национальный стандарт Российской Федерации. Государственная система обеспечения единства измерений. Методы измерений свойств организмов, созданных с применением геномной инженерии. Общие требования» [5].

В соответствии с пунктом 1 Положения о Министерстве сельского хозяйства Российской Федерации [10] Минсельхоз России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере агропромышленного комплекса, включая животноводство, ветеринарию, обращение лекарственных средств для ветеринарного применения, растениеводство, карантин растений, мелиорацию земель, плодородие почв, регулирование рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, пищевую и перерабатывающую промышленность, в том числе производство пищевой продукции **микробиологического и биотехнологического происхождения**, ферментных препаратов, разрешенных для применения при производстве пищевой продукции.

Важное значение в развитии сельскохозяйственной микробиологии придается Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации [16]: в соответствии с п. 48 которой основными инструментами ее реализации являются: (а) государственная программа в области научно-технологического развития, в которой консолидируются все меры и инструменты поддержки научных исследований и разработок федерального уровня; (б) национальные проекты (программы) и предусмотренные ими федеральные проекты; (в) отраслевые документы стратегического планирования в части, касающейся прогнозирования, целеполагания, планирования на федеральном, региональном и муниципальном уровнях в области научно-технологического развития; (г) стратегические инициативы Президента Российской Федерации в научно-технологической сфере, в том числе важнейшие инновационные проекты государственного значения, федеральные научно-технические программы, а также Национальная технологическая инициатива; (д) программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период; (е) стратегические и программные документы Российского научного фонда и иных фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности; (ж) плановые и программно-целевые документы государственных корпораций (компаний), публично-правовых компаний и иных организаций, созданных на основании федеральных законов, содержащие мероприятия, направленные на развитие науки, технологий и технологического предпринимательства; (з) иные государственные программы Российской Федерации, государственные программы субъектов Российской Федерации, муниципальные программы, национальные и федеральные проекты, а также нормативные правовые и распорядительные акты, разработанные на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, в том числе экономические и органи-

Схема 2. Классификация институтов сельскохозяйственной микробиологии и биотехнологий

зационные инструменты, способствующие повышению эффективности реализации государственной политики в области научно-технологического развития в целях обеспечения независимости и конкурентоспособности государства.

Разработка программ имеет важное значение для сельскохозяйственной микробиологии как через основные отрасли сельского хозяйства, так и непосредственно: в соответствии с п/п «в» п. 2 Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия [11] «субсидии предоставляются в целях софинансирования расходных обязательств субъектов Российской Федерации по возмещению части затрат по кредитным договорам (договорам займа), заключенным для реализации инвестиционных проектов по кредитам (займам), полученным по кредитным договорам (договорам займа)... сельскохозяйственными товаропроизводителями (за исключением граждан, ведущих личное подсобное хозяйство), сельскохозяйственными потребительскими кооперативами, крестьянскими (фермерскими) хозяйствами и организациями агропромышленного комплекса независимо от их организационно-правовой формы на срок до 8 лет, на строительство, реконструкцию и модернизацию объектов по производству биотехнологической продукции в растениеводстве (диагностические наборы для выявления возбудителей заболеваний растений), в животноводстве и кормопроизводстве (биодобавки для улучшения качества кормов (аминокислоты, кормовой белок, ферменты, витамины, пробиотики), в пищевой и перерабатывающей промышленности (крахмалы и глюкозно-фруктовые сиропы, ферменты и микроорганизмы для молочных, масложировых, мясоперерабатывающих производств, органические кислоты (лимонная, молочная и уксусная), продукты глубокой переработки пищевого сырья, биотопливо)».

В соответствии с Федеральной научно-технической программой развития генетических технологий на 2019–2030 годы» [12] выделено важное направление ее реализации, как «Генетические технологии для развития сельского хозяйства». Согласно пункта 2 Программы целью направления является укрепление продовольственной безопасности России за счет повышения эффективности агропромышленного комплекса и роста конкурентоспособности российской сельскохозяйственной продукции на мировых рынках. При этом выделяются основные разделам направления: (1) разработка генетических технологий, применяемых в растениеводстве; (2) разработка генетических технологий, применяемых в животноводстве и аквакультуре; (3) разработка генетических технологий, применяемых в производстве вакцин для сельскохозяйственных животных; (4) разработка технологий совершенствования биотических связей микроорганизмов, грибов, животных и растений путем эффективного использования генетических ресурсов микробиомов агроценозов. Следует отметить, что в 2024 году в нашей стране на генетические технологии было потрачено свыше 11 миллиардов рублей [8].

Анализ литературы, кроме перечисленных выше областей сельскохозяйственной микробиологии и биотехнологии позволяет выделить такие относительно самостоятельные направления деятельности как: микробиология сельскохозяйственных почв, микробиология сельскохозяйственных растений, микроорганизмы в целях борьбы с болезнями и вредителями сельскохозяйственных растений, использование микробиологии в целях кормления животных, превращение микроорганизмов растительного сырья в целях биоконверсии [7, с. 444].

Вышеуказанные подходы, включая анализ соответствующего законодательства, позволяют классифицировать следующие институты правового регулирования сельскохозяйственной микробиологии и биотехнологий (см. сх. 2):

- общий институт сельскохозяйственной микробиологии;
- институт сельскохозяйственной микробиологии почв;
- институт сельскохозяйственной микробиологии в целях борьбы с болезнями и вредителями сельскохозяйственных растений;
- институт сельскохозяйственной микробиологии в целях кормления животных;
- институт сельскохозяйственной микробиологии в целях биоконверсии;
- институт сельскохозяйственной микробиологии и технологии брожения в пищевых целях;

- институт генной инженерии в сельском хозяйстве;
- институт сельскохозяйственной микробиологии в целях грибной промышленности;
- институт сельскохозяйственной микробиологии в целях выращивания и использования водорослей.

Указанные направления позволяют оценить перспективы дальнейшего развития аграрного права и его направлений, тем самым дополнив разделы его особенной части.

Список литературы:

1. Wikipedia.org/wiki/Agricultural_microbiology // https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.8bcea3c3-677986f6-09d17e9a-74722d776562/https/en.
2. Большая советская энциклопедия // Академик // <https://dic.academic.ru/dic.nsf>
3. ГОСТ ISO 17604-2017. Межгосударственный стандарт. Микробиология пищевой цепи. Отбор проб с туши для микробиологического анализа / Введен в действие Приказом Росстандарта от 29.12.2022 № 1692-ст // М.: ФГБУ "Институт стандартизации", 2023.
4. ГОСТ ISO 6887-1-2015. Межгосударственный стандарт. Микробиология пищевой продукции и кормов. Подготовка образцов для испытания, исходной суспензии и десятикратных разведений для микробиологического исследования. Часть 1. Общие правила подготовки исходной суспензии и десятикратных разведений / Введен в действие Приказом Росстандарта от 25.01.2024 № 58-ст // М.: ФГБУ «Институт стандартизации», 2024.
5. ГОСТ Р 8.1039-2024. Национальный стандарт Российской Федерации. Государственная система обеспечения единства измерений. Методы измерений свойств организмов, созданных с применением генной инженерии. Общие требования / Утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 14.05.2024 № 600-ст // М.: ФГБУ "Институт стандартизации", 2024.
6. Микробиология: лекционный курс по дисциплине для студентов факультета «Защита растений» / И.В. Сердюченко – Краснодар: «Световод», 2015. 87 с.
7. Микробиология: учебник для вузов / В. Т. Емцев, Е. Н. Мишустин. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Дрофа, 2005. 445 с.
8. Национальное аграрное агентство // <https://rosng.ru/post/na-geneticheskie-tehnologii-v-2021-godu-rf-potratit-11-mlrd-rublej>
9. Петрова Т.В. Техническое регулирование как часть системы правового регулирования отношений в сфере охраны окружающей среды // Экологическое право. Специальный выпуск. 2005. № 1. С. 79.
10. Постановление Правительства РФ от 12.06.2008 № 450 «О Министерстве сельского хозяйства Российской Федерации» // СЗРФ. 2008. № 25. Ст. 2983; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 23.01.2025.
11. Постановление Правительства РФ от 14.07.2012 № 717 (ред. от 25.12.2024) «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» // СЗРФ. 2012. № 32. Ст. 4549; 2024. № 53 (Часть I). Ст. 8714.
12. Постановление Правительства РФ от 22.04.2019 № 479 «Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019 - 2030 годы» // СЗРФ. 2019. № 17. Ст. 2108; 2024. № 43. Ст. 6398.
13. Проворов Н.А., Тихонович И.А. Сельскохозяйственная микробиология и симбиогенетика: синтез классических идей и конструирование высокопродуктивных агроценозов // Сельскохозяйственная биология. 2022. Том 57. № 5. С. 821-831.
14. Распоряжение Правительства РФ от 25.01.2017 № 79-р «Об утверждении перечня сельскохозяйственной продукции, производство, первичную и последующую (промышленную) переработку которой осуществляют сельскохозяйственные товаропроизводители, а также научные организации, профессиональные образовательные организации, образовательные организации высшего образования в процессе своей научной, научно-технической и (или) образовательной деятельности» // СЗРФ. 2017. № 5. Ст. 852; 2020. № 11. Ст. 1605.
15. Сельскохозяйственная микробиология. О механике // <https://mexaniks.ru/selskhozajstvennaja-mikrobiologija/?ysclid=m5c0hf31u6193579200>
16. Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗРФ. 2024. № 10. Ст. 1373.
17. Указ Президента РФ от 28.11.2018 № 680 «О развитии генетических технологий в Российской Федерации» (вместе с "Положением о совете по реализации Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019-2030 годы") // СЗРФ. 2018. № 49 (часть VI). Ст. 7586; 2024. № 44. Ст. 6599.
18. Федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 101-ФЗ «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» // СЗРФ. 1998. № 29. Ст. 3399; 2024. № 53 (Часть I). Ст. 8509.
19. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» // СЗРФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 27; 2024. № 53 (Часть I). Ст. 8509.
20. Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» // СЗРФ. 1996. № 28. Ст. 3348; 2023. № 1 (часть I). Ст. 90.
21. Четвертакова Е.В. Биотехнология: курс лекций / Е.В. Четвертакова. Краснояр. гос. аграр. ун-т. Красноярск, 2010. 90 с.

References:

1. Wikipedia.org/wiki/Agricultural_microbiology // https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.8bcea3c3-677986f6-09d17e9a-74722d776562/https/en.
2. The Great Soviet Encyclopedia // Academician // <https://dic.academic.ru/dic.nsf>
3. GOST ISO 17604-2017. The interstate standard. Microbiology of the food chain. Sampling from carcasses for microbiological analysis / Put into effect by Rosstandart Order No. 1692-st dated 12/29/2022 // M.Sc.: Federal State Budgetary Institution "Institute of Standardization", 2023.
4. GOST ISO 6887-1-2015. The interstate standard. Microbiology of food and feed products. Preparation of samples for testing, initial suspension and tenfold dilutions for microbiological examination. Part 1. General rules for the preparation of the initial suspension and tenfold dilutions / Put into effect by Rosstandart Order No. 58-st dated 01/25/2024 // M.Sc.: Federal State Budgetary Institution "Institute of Standardization", 2024.
5. GOST R 8.1039-2024. The national standard of the Russian Federation. The state system of ensuring the uniformity of measurements. Methods for measuring the properties of organisms created using genetic engineering. General requirements / Approved and put into effect by Rosstandart Order No. 600-st dated 05/14/2024 // Mn.: Federal State Budgetary Institution "Institute of Standardization", 2024.
6. Microbiology: lecture course on the discipline for students of the Faculty of Plant Protection / I. N.V. N. Serdyuchenko-Krasnodar: Svetovod, 2015. P. 87.
7. Microbiology: a textbook for universities / V. N. D. N. Yemsev, E. N. N. Mishustina. 5th ed., revised and additional M. sc.: Bustard, 2005. p. 445.
8. National Agrarian Agency // <https://rosng.ru/post/na-geneticheskie-tehnologii-v-2021-godu-rf-potratit-11-mlrd-rublej>
9. D. Petrova.V. N. Technical regulation as part of the system of legal regulation of relations in the field of environmental protection // Environmental law. Special issue. 2005. No. 1. St. 79.
10. Decree of the Government of the Russian Federation dated 12.06.2008 No. 450 "On the Ministry of Agriculture of the Russian Federation" // NWRF. 2008. No. 25. St. 2983; Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>, 01/23/2025.
11. Decree of the Government of the Russian Federation dated 07/14/2012 No. 717 (as amended on 12/25/2024) "on the State Program for the development of agriculture and the regularization of markets for agricultural products, raw materials and foodstuffs" // NWRF. 2012. No. 32. St. 4549; 2024. No. 53 (Part I). St. 8714.
12. Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/22/2019 No. 479 "On approval of the Federal Scientific and Technical Program for the Development of Genetic Technologies for 2019-2030" // NWRF. 2019. № 17. Ст. 2108; 2024. № 43. Ст. 6398.
13. Provorov N.A. N., Tikhonovich I. N. A. Agricultural microbiology and symbiogenetics: synthesis of classical ideas and construction of highly productive agroecosystems // Agricultural Biology. 2022. Volume 57. No. 5. St. 821-831.
14. Decree of the Government of the Russian Federation dated 25.01.2017 No. 79-r "On approval of the list of agricultural products, the production, primary and subsequent (industrial) processing of which is carried out by agricultural producers, as well as scientific organizations, professional educational organizations, educational organizations of higher education in the process of their scientific, scientific, technical and (or) educational activities. Scientific activity" // nwrf. 2017. No. 5. St. 852; 2020. No. 11. St. 1605.
15. Agricultural microbiology. About mechanics // <https://mexaniks.ru/selskhozajstvennaja-mikrobiologija/?ysclid=m5c0hf31u6193579200>
16. Decree of the President of the Russian Federation dated 02/28/2024 No. 145 "on the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation" // NWRF. 2024. No. 10. St. 1373.
17. Decree of the President of the Russian Federation dated 11/28/2018 No. 680 "on the development of genetic technologies in the Russian Federation" (together with the "Regulations on the Council for the Implementation of the Federal Scientific and Technological technical program for the development of genetic technologies for 2019-2030") // NWRF. 2018. No. 49 (Part VI). St. 7586; 2024. No. 44. St. 6599.
18. Federal Law No. 101-fz of July 16, 1998 "On state regulation of ensuring the fertility of agricultural lands" // NWRF. 1998. No. 29. St. 3399; 2024. No. 53 (Part I). St. 8509.
19. Federal Law of December 29, 2006, No. 264-fz "on the development of agriculture" // NWRF. 2007. No. 1 (Part 1.). St. 27; 2024. No. 53 (Part I). St. 8509.
20. Federal Law No. 86-fz of July 5, 1996 "on State regulation in the field of genetic engineering" // NWRF. 1996. No. 28. St. 3348; 2023. No. 1 (Part I). St. 90.
21. E. Chetvertakova, V. N. Biotechnology: a course of lectures / E. N. V. N. Chetvertakova. Krasnodar State Agrarian University. un-T. Krasnoyarsk, 2010. 90 p. ill.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ ПЕРУ CONSTITUTIONAL AND LEGAL FEATURES OF THE ORGANIZATION OF PARLIAMENTARISM IN THE TERRITORY OF THE REPUBLIC OF PERU

ЧИМАРОВ Николай Сергеевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ РПА (Минюста России).
199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Басков переулок, 16, литера А.
E-mail: kolomyagi4@gmail.com;

CHIMAROV Nikolay Sergeevich,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines
St. Petersburg Institute (branch) VSU RPA (Ministry of Justice of Russia).
199178, Russia, St. Petersburg, Baskov lane, 16, letter A.
E-mail: kolomyagi4@gmail.com

Краткая аннотация: в статье анализируются основные положения перуанского парламентаризма, изменяющие свое содержание под воздействием утвержденных конституционных поправок 2024 г. Автор уделяет особое внимание истории политического укрепления позиций Конгресса Перу, с целью определения предпосылок институциональной адаптации органа публичной власти. Формулируется вывод о специфичном пути развития перуанского парламентаризма, чья прогрессия во-многом объясняется не естественными запросами общества, но результатом продолжительного противостояния ветвей власти.

Abstract: The article analyzes the main provisions of Peruvian parliamentarism, which change their content under the influence of the approved constitutional amendments of 2024. The author pays special attention to the history of the political strengthening of the positions of the Congress of Peru, in order to determine the prerequisites for the institutional adaptation of public authority. A conclusion is drawn about a specific path of development of Peruvian parliamentarism, whose progression is largely explained not by the natural demands of society, but by the result of a prolonged confrontation between the branches of government.

Ключевые слова: конституционная поправка, оппозиция, Парламент, регламент, референдум, система сдержек и противовесов.

Keywords: constitutional amendment, opposition, Parliament, rules of procedure, referendum, system of checks and balances.

Для цитирования: Чимаров Н.С. Конституционно-правовые особенности организации парламентаризма на территории Республики Перу // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 239-242. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_239.

For citation: Chimarov N.S. Constitutional and legal features of the organization of parliamentarism in the territory of the Republic of Peru // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 239-242. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_239.

Статья поступила в редакцию: 01.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Следование модели парламентской организации государственной власти предполагает повышение автономности публичного аппарата при принятии политически важных решений. В определенной степени подобный подход свидетельствует о прогрессии общественно-правовой мысли. Между тем, стоит признать, что трансформация государственности является вопросом, который зависит не только от объема накопленного практического опыта и доктринальных разработок. Геополитические, исторические, кадровые и иные предпосылки могут способствовать как затормаживанию работы конституционного механизма, так и форсированию его работы. К настоящему времени, государства по большей мере предпочитают инвестировать в укрепление сложившихся управленческих моделей. Данные начинания не в последнюю очередь связаны с всевозрастающей ценой институциональной адаптации. Сложившаяся система международных связей, основанная на идеологической конкуренции регионов, не предполагает повышенной гибкости национальная режимов. В ином случае, государства рискуют потерять приобретенные позиции. Подобные обстоятельства, безусловно, не отрицают необходимость проведения конституционных реформ, но предполагают больший уровень ответственности государства за принимаемые решения, перед своими гражданами и международными партнерами. Особый же интерес представляют те изменения, которые оказывают потенциальное влияние на образ ветвей власти и, как следствие, на саму систему сдержек и противовесов. В рамках настоящего исследования целесообразно обратить внимание на актуальный опыт Республики Перу, направленный на изменение основ парламентаризма.

Стоит отметить, что сама структура Парламента Перу уже претерпевала изменения в историческом измерении. В 1992 г., бывшим Президентом Перу А. К. Фухимори был осуществлен роспуск двухпалатного Парламента, на смену которому пришел переходный орган под названием Демократический Учредительный Конгресс. Основой существования новообразованной единицы публичного управления стала задача по подготовке конституционной реформы. Свои действия глава государства объяснял тем, что Парламент в его нынешнем виде перестал быть проводником перемен, напротив тормозя развитие государства. Кроме того, создание более компактного органа (80 представителей временного органа против 240 парламентариев прежнего Конгресса) позволило расширить пределы президентской власти [1, р. 84-85].

Принятая впоследствии Конституция Перу 1993 г. (далее – CPP, от исп. Constitución Política del Perú) во-многом создавалась в условиях «контроля», что несомненно сказалось на основах организации парламентской власти. Начиная с 1995 г. на территории страны начинает работу однопалатный Конгресс Республики Перу. Стоит отметить, что преобразования 90-х гг. в целом получили отрицательную оценку со стороны общественности, что способствовало отдельному разбирательству на площадке Конституционного Трибунала в 2003 г. По мнению заявля-

телей, реальным предназначением Демократического Учредительного Конгресса было создание условий для искусственной легитимации действий главы государства. Примечательно, что в этой части орган конституционного контроля поддержал апеллирующую сторону, предложив Конгрессу Перу в качестве возможного решения объявить CPP недействительной. Тем не менее, подобная рекомендация не была одобрена уже самими парламентариями [2].

На первый взгляд, события 1992 г. сформировали предпосылки по оформлению республики президентского типа. Однако, последующая череда политических споров между исполнительной и законодательной ветвями власти, напротив способствовала укреплению позиции Конгресса Перу. Первым знаковым событием становится отказ парламентариев принять отставку А. К. Фухимори, вместо этого инициировав его отстранение по признакам «постоянной моральной недееспособности» [3] и «многочисленных случаев конституционных нарушений» [4, р. 116]. В свою очередь, парламентарии исходили из общего негативного фона, с которыми пришлось столкнуться государству. Речь шла о коррупционных скандалах, том факте что глава государства направил отказ от своих полномочий фактически находясь за пределами страны.

В последующем, отношения между Конгрессом Перу и сменявшими друг друга главами государств, все также пребывали в состоянии сдержанного антагонизма. Спираль политической конфронтации вынуждала вновь повторять один и тот же сценарий – обнаружение коррупционных скандалов и следующие за ними новые примеры «импичмента». Основой противостояния является идеологическое расхождение внутри политического аппарата. Так, два из трех конституционных споров были непосредственно связаны с деятельностью партии Народная сила, председателем которой выступает К. Фухимори, дочь бывшего Президента Перу.

По мнению Васкеза Х. Л. Л. пиковой точкой напряжения следовало признать период 2022 г., в рамках которого обозначилось противостояние бывшего главы государства Педро Кастильо и Конгресса Перу вокруг вопроса о необходимости принятия новой Конституции. На данном этапе, речь шла уже не о конструктивном диалоге, а о сугубо политическом противостоянии [5, р. 51]. Оказавшись в тупике, стороны использовали имеющиеся у них рычаги давления. Попытка роспуска парламента не возымела успеха, чего нельзя сказать про отстранение от должности главы государства. К слову, вопрос о расформировании Конгресса Перу возникал и в 2019 г. Данное событие привело к ответной реакции в виде «импичмента», действовавшего на тот момент Президента М. Вискарры и попытке замены избранного главы государства на Председателя Конгресса. Несмотря на фактическую реализацию замысла, исполняющим обязанности Президента Перу в конечном счете стал парламентарий, который поддерживал легитимно избранного предшественника.

Отмечая особенности правового статуса Конгресса Перу, следует указать, что данная политическая единица сегодня находится на очередном этапе своей реструктуризации. Главное нововведение связывается с принятием Закона Республики Перу № 31988 от 20.03.2024 г., благодаря которому в CPP вносятся поправки, посвященные возврату двухпалатного Парламента [6]. Стоит отметить, что исторически подобная модель все же является более близкой для перуанского конституционализма. Так, до знакового решения А. Фухимори, однопалатный формат использовался лишь два раза в XIX в. и то, на непродолжительное время. Важно отметить, что сама по себе реформа Конгресса Перу является темой далеко не последних лет. Фактически она связана с более объемным вопросом – дальнейшей судьбе CPP, источника, принятого в крайне непростой для страны политической период. Перспективы внесения точечных или кардинальных изменений, а равно их содержание – один из камней преткновения между конфликтующими сторонами. В этой связи примечательным примером является эпизод из 2018 г., когда в стране проводился референдум по вопросу одобрения поправок. Так, вопрос № 4 содержал следующий вопрос: «Одобряете ли вы конституционную реформу, устанавливающую двухпалатный состав Конгресса Республики?». Непосредственно М. Вискарра, предложивший проведение самих изменений, безусловно поддерживал свой проект. Тем не менее, содержание поправок не получило одобрение со стороны оппозиции, председательствующей в Конгрессе Перу, в следствии чего в проект были внесены необходимые корректировки. Данный шаг вынудил М. Вискарру отозвать свою положительную резолюцию по вопросу № 4. Итогом же противостояния в этой части стал оглушительный провал оппозиции. Против означенного пункта референдума проголосовало 90,5 % избирателей [7].

Примечательно, но во всех рассмотренных ситуациях 2018 г., 2019 г., 2022 г. симпатии населения были максимально не на стороне Парламента. По наблюдению Милагрос К. Р. и Диас К. З. подобные настроения не являются удивительными, поскольку согласно данным статистики, на территории Перу органы власти не пользуются доверием свыше 90 % населения [8, р. 289]. Тем не менее, в данных примерах население также не оставалось и безучастным, фактически выказывая доверие президентской власти.

В правовом плане, перуанский парламентаризм пребывает в состоянии перехода. Окончательным образом конституционные поправки станут активными после проведения соответствующих выборов 2026 г., что также скорректирует и основы избирательного процесса. В соотношении организационной нынешней и перспективной моделей Парламента следует выделить некоторые основные положения.

Во-первых, собственно структурные изменения. Согласно ст. 90 CPP, новый Конгресс Перу представлен Сенатом и Палатой Представителей. Верхний уровень будет состоять из 60 сенаторов, избираемых на пять лет, в формате смешанной избирательной системы. Нижний же будет включать в себя 130 депутатов, также избираемых на пять лет, по пропорциональной избирательной системе. В обоих случаях количество мест может быть изменено, с учетом законодательных положений. Напротив, действующая модель Парламента состоит из 130 конгрессменов и не обладает чертами пластичности. Крайне важным изменением стало и то, что согласно обновленной версии CPP, парламентарии обеих палат могут быть переизбраны в том же составе, в упрощенном формате. Прежняя редакция подобную практику строго отрицала.

Во-вторых, дифференциация полномочий. Современные редакции ст. 96-97 CPP предусматривают, что право на получение информации от сторонних органов публичной власти связано с Сенатом. Напротив, функции парламентского контроля теперь относятся к Палате Представителей.

В-третьих, уточняется порядок реализации особых конституционных мер воздействия. В соответствии со ст. 100 CPP prerogative Сената становится разбор дел об отстранении должностных лиц, от занимаемой должности (также и Президента страны) на срок до 10 лет. В прошлом, подобная практика также существовала, но с поправкой на общий статус конгрессмена.

В-четвертых, сформирован перечень специализированных полномочий Палат. К примеру, ст. 102-A CPP, посвященная статусу Сената к таковым сферам относит: одобрение принимаемых законов и международных соглашений, вопросы кадровой политики, осуществление функций контроля над решениями и отдельными действиями Президента. В свою очередь, ст. 102-B, относит к полномочиям Палаты Представителей обеспечение мер контроля в отношении исполнительной власти и событий, представляющих общественный интерес.

Стоит отметить, что помимо конституционного нормирования, в ближайшем будущем статус Конгресса Перу также будет основываться на регламентных актах каждой Палаты в отдельности. В настоящий момент актуальным источником является сводный Регламент Конгресса Перу 2023 г.

В целом, конституционная реформа 2024 г. охватила 53 статьи CPP, ощутимым образом повлияв на расстановку политических сил. По мнению Паласиоса Д. Л., практика переизбрания парламентариев скорее является положительным начинанием, позволяющая поддерживать мотивацию народных избранников. Однако тот факт, что количество сенаторов и депутатов является плавающим и, по сути сами же парламентарии вольны определять свой количественный состав – тревожный признак, в контексте понимания пределов возможности Конгресса как органа власти. Не менее обсуждаемым становится вопрос и о роспуске Парламента. Так, согласно поправкам, Президент Перу имеет возможность осуществить роспуск только Палаты Представителей. По мнению специалиста, следует задаться вопросом о пересмотре всей системы сдержек и противовесов, поскольку нынешняя модель, основанная на CPP, уже не отвечает современным реалиям. Не менее спорной была и сама процедура голосования. По предварительным опросам, в 2023 г. лишь 7% граждан страны одобряли предлагаемый проект. Кроме того, не был организован референдум, как того требовала ст. 206 CPP [9].

Подводя итог, необходимо отметить, что рассмотренный пример перуанского парламентского обладает своими специфическими чертами. Несмотря на имеющуюся в CPP правовую основу самостоятельности Парламента, нельзя сказать, что данному органу власти отводилась ведущая роль в политической жизни страны. Тем более любопытно, что в рамках существующего же конституционного акта статус рассматриваемой политической единицы претерпел значительные изменения. Причины того кроются в т.ч. в самом формате CPP, как источника мягкого типа, позволяющего внедрение поправок различного уровня. К слову, подобная практика является типичной для стран Латинской Америки. Не меньшее значение играет и контекст возвышения Конгресса Перу на внутривнутриполитической арене. Противоречивое отношение к истории создания CPP, а также неоднозначные оценки деятельности бывшего Президента А. К. Фухимори – истоки продолжающегося конституционного кризиса, который периодически проявляет себя в разных обликах и напоминает о нерешенных вопросах прошлого. Собственно, сама личность А. К. Фухимори стала знаковой для перуанского конституционализма, причем не только по причине активного участия членов его семьи в политических процессах. Длительный спор о возможности помилования бывшего главы государства был завершён лишь в 2023 г., что попутно породило все большее число конфликтных ситуаций. Подобное развитие событий несомненно оказало влияние на формирование существующей политической картины страны, важнейшим воплощением которой являются партии, представленные в Конгрессе Перу.

Шаг по реформированию Парламента является несомненно знаковым событием для перуанской конституционной идеи. Принято считать, что усиление черт законодательной власти является следствием планомерного развития институционального механизма. Впрочем, для Республики Перу данный тезис не является подходящим. Разделение Конгресса Перу само по себе противоречивое событие. В некоторой степени реформа ослабляет сам орган власти, что связано перераспределением полномочий между палатами. Подобная фрагментация может быть ощутима, если структурные единицы Конгресса в дальнейшем не будут проявлять черты синергии. С другой стороны, усиление представительных функций Конгресса Перу, а также наличие неких «слепых зон» напрямую предполагает кратное увеличение возможностей парламентариев в управлении страной. Наиболее проблемным аспектом является тот факт, что подобные изменения, инициированные самим Парламентом, интегрируются на фоне низкого уровня легитимации. Представляется, что укрепление парламентаризма должно основываться в равной степени и на правовом базисе и, с учетом более гибких политических решений. В этом отношении, ожидаемая реформа потенциально способна создать управленческий стержень, который так или иначе поспособствует оформлению новой системы сдержек и противовесов. Тем не менее, сегодня Республика Перу открывает для себя новую страницу в истории, где ближайшей целью будет значиться консолидация граждан страны вокруг доверия к власти.

Список литературы:

1. Vitaliano E.-M., Yussbel X. P.-A. Disolución de parlamento para la gobernabilidad peruana. Diferencias en los casos de 1992 y 2019 // Waynarroque – Revista de ciencias sociales aplicadas. 2021. № 2 (1). P. 79-90. DOI: <https://doi.org/10.47190/rcsaw.v1i2.8>
2. Sentencia del Tribunal Constitucional del Perú № 014-2003-AI/TC, de 10 de diciembre de 2003 // Официальный сайт Конституционного Трибунала Перу. URL: <https://www.tc.gob.pe/jurisprudencia/2003/00014-2003-AI.html> (дата обращения: 11.08.2025).
3. Resolución Legislativa Del Congreso № 009-2000-CR // Официальный сайт Конгресса Перу. URL: <https://www.tc.gob.pe/jurisprudencia/2003/00014-2003-AI.html> (дата обращения: 11.08.2025).
4. Suárez O.S. Juicio político: hacia la jurisdicción del «derecho constitucional sancionador» y la identificación de los «tipos constitucionales» // Revista Oficial del Poder Judicial. 2024. № 16 (22). P. 79-151. DOI: 10.35292/ropj.v16i22.1033
5. Vásquez J. L. L. Bloqueo y reinicio constitucionales. El rol de la Constitución en la actual crisis democrática del Perú // Revista Electronica Iberoamericana. 2024. P. 41-56. DOI: 10.20318/reib.2024.8632
6. Ley № 31988, de 20 de marzo de 2024 «Ley de Reforma Constitucional que Restablece la Bicameralidad en el Congreso de la República del Perú» // Diario Oficial del Bicentenario. URL: <https://busquedas.elperuano.pe/dispositivo/NL/2272076-2> (дата обращения: 13.08.2025).
7. Resultados de Referéndum 2018 // Официальный сайт Национального управления по организации избирательных процессов. URL: <https://resultadoshistorico.onpe.gob.pe/PRR2V2018> (дата обращения: 12.08.2025).

8. Milagros C. R., Díaz K. Z. Trayectorias políticas en el Congreso peruano 2001-2021 // Elecciones. 2024. № 28 (23). P. 287-320.

9. Palacios D. L. Retorno a la bicameralidad y otras reformas constitucionales: la voz del pueblo ya no es la voz de Dios // Ventana Jurídica. Blog Académico de la Facultad de Derecho PUCP. 12 de marzo de 2024. URL: <https://facultad-derecho.pucp.edu.pe/ventana-juridica/retorno-a-la-bicameralidad-y-otras-reformas-constitucionales-la-voz-del-pueblo-ya-no-es-la-voz-de-dios> (data obrashcheniya: 13.08.2025).

References:

1. Vitaliano E.-M., Yussbel H. P.-A. Disolución de parlamento para la gobernabilidad peruana. Diferencias en los casos de 1992 y 2019 // Waynarroque – Revista de ciencias sociales aplicadas. 2021. № 2 (1). P. 79-90. DOI: <https://doi.org/10.47190/rcsaw.v1i2.8>
2. Sentencia del Tribunal Constitucional del Perú № 014-2003-AI/TC, de 10 de diciembre de 2003 // Oficial'nyj sajt Konstitucionnogo Tribunala Peru. URL: <https://www.tc.gob.pe/jurisprudencia/2003/00014-2003-AI.html> (data obrashcheniya: 11.08.2025).
3. Resolución Legislativa Del Congreso № 009-2000-CR // Oficial'nyj sajt Kongressa Peru. URL: <https://www.tc.gob.pe/jurisprudencia/2003/00014-2003-AI.html> (data obrashcheniya: 11.08.2025).
4. Suárez O.S. Juicio político: hacia la juridización del «derecho constitucional sancionador» y la identificación de los «tipos constitucionales» // Revista Oficial del Poder Judicial. 2024. № 16 (22). P. 79-151. DOI: 10.35292/ropj.v16i22.1033
5. Vásquez J. L. L. Bloqueo y reinicio constitucionales. El rol de la Constitución en la actual crisis democrática del Perú // Revista Electronica Iberoamericana. 2024. P. 41-56. DOI: 10.20318/reib.2024.8632
6. Ley № 31988, de 20 de marzo de 2024 «Ley de Reforma Constitucional que Restablece la Bicameralidad en el Congreso de la República del Perú» // Diario Oficial del Bicentenario. URL: <https://busquedas.elperuano.pe/dispositivo/NL/2272076-2> (data obrashcheniya: 13.08.2025).
7. Resultados de Referéndum 2018 // Oficial'nyj sajt Nacional'nogo upravleniya po organizacii izbiratel'nyh processov. URL: <https://resultadoshistorico.onpe.gob.pe/PRR2V2018> (data obrashcheniya: 12.08.2025).
8. Milagros C. R., Díaz K. Z. Trayectorias políticas en el Congreso peruano 2001-2021 // Elecciones. 2024. № 28 (23). P. 287-320.
9. Palacios D. L. Retorno a la bicameralidad y otras reformas constitucionales: la voz del pueblo ya no es la voz de Dios // Ventana Jurídica. Blog Académico de la Facultad de Derecho PUCP. 12 de marzo de 2024. URL: <https://facultad-derecho.pucp.edu.pe/ventana-juridica/retorno-a-la-bicameralidad-y-otras-reformas-constitucionales-la-voz-del-pueblo-ya-no-es-la-voz-de-dios> (data obrashcheniya: 13.08.2025).

ПРАВОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КОНКУРСНОЙ И АУКЦИОННОЙ ПРОДАЖИ ИМУЩЕСТВА LEGAL ORGANIZATION OF COMPETITIVE AND AUCTION SALES OF PROPERTY

ШАТСКАЯ Ирина Ивановна,

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Правовое обеспечение государственного управления и экономики»,
Российский университет транспорта (МИИТ).
127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9.
E-mail: irina_shatskaya@mail.ru;

МАЛЁШИНА Людмила Михайловна,

кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры «Правовое обеспечение государственного управления и экономики»,
Российский университет транспорта (МИИТ).
127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9.
E-mail: docentglm@gmail.com;

SHATSKAYA Irina Ivanovna,

PhD of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department «Legal Support of Public Administration and Economics»,
Russian University of transport.
127994, Moscow, Obrastsova str., 9, bld. 9, Russia.
E-mail: irina_shatskaya@mail.ru;

MALESHINA Lyudmila Mikhailovna,

PhD of technical sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department «Legal Support of Public Administration and Economics»,
Russian University of transport.
127994, Moscow, Obrastsova str., 9, bld. 9, Russia.
E-mail: docentglm@gmail.com

Краткая аннотация. Аукционы и конкурсы являются ключевыми инструментами в арсенале инструментов приватизации, банкротства и исполнительного производства. Они позволяют государству и кредиторам эффективно реализовывать свои имущественные права, а также способствуют повышению эффективности использования государственной и муниципальной собственности. Их успешная реализация требует тщательно разработанной нормативно-правовой базы, обеспечивающей прозрачность, конкурентоспособность и эффективность процедур. В данной статье проводится анализ законодательных основ и структурных компонентов организации продажи имущества посредством проведения конкурса или аукциона. Особое внимание уделяется законодательным пробелам и направлениям по устранению недоработок в нормативно-правовых актах.

Abstract. Auctions and competitions are key instruments in the arsenal of privatization, bankruptcy and enforcement proceedings. They allow the state and creditors to effectively exercise their property rights, and also contribute to increasing the efficiency of using state and municipal property. Their successful implementation requires a carefully developed regulatory framework that ensures transparency, competitiveness and efficiency of procedures. This article analyzes the legislative framework and structural components of organizing the sale of property through a competition or auction. Particular attention is paid to legislative gaps and areas for eliminating deficiencies in regulatory legal acts.

Ключевые слова: аукцион, конкурс, организация продажи имущества, правовое регулирование, юридическая ответственность, нормативно-правовая база.

Keywords: auction, competition, organization of property sale, legal regulation, legal liability, regulatory framework.

Для цитирования: Шатская И.И., Малешина Л.М. Правовая организация конкурсной и аукционной продажи имущества // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 243-246. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_243.

For citation: Shatskaya I.I., Maleshina L.M. Legal organization of competitive and auction sales of property // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 243-246. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_243.

Статья поступила в редакцию: 16.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Введение. В Российской Федерации разветвленная система механизмов реализации имущественных прав, включающая аукционы и конкурсы, представляет собой комплексный институт, регулирующий процесс торгов и обеспечивающий прозрачность и справедливость конкурентных процедур.

Правовое регулирование процессов реализации имущества через аукционы и конкурсы основывается на обширной нормативно-правовой базе, но несмотря на ее наличие практика сталкивается с рядом проблем, требующих системного анализа и решения. Одной из основных причин их возникновения является несовершенство законодательства о конкурсах и аукционах, которое не всегда учитывает специфику современных экономических отношений и не всегда обеспечивает достаточный уровень защиты прав участников торгов. Это приводит к различным нарушениям, злоупотреблениям и ошибкам, которые негативно сказываются на эффективности реализации имущества и на общем уровне доверия к государственным и муниципальным закупкам.

Материал и методы исследования. В качестве методологической базы исследования были использованы нормативно-правовые акты, регулирующие процесс реализации имущества посредством торгов на территории Российской Федерации. К числу ключевых источников относятся Конституция Российской Федерации, федеральные законы и кодексы, а также подзаконные акты, определяющие порядок и процедуры

проведения конкурсных и аукционных торгов.

Дополнительно были проанализированы научные труды и исследовательские работы, посвященные вопросам реализации имущества на торгах. В качестве эмпирического материала задействованы интернет-ресурсы, специализирующиеся на вопросах реализации имущества на торгах, включая официальные сайты государственных органов и профессиональных ассоциаций.

Результаты исследования и их обсуждение. Правовое регулирование конкурсных процедур в Российской Федерации осуществляется на основе Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (статьи 447–449.1) и специальных нормативных актов, регулирующих отдельные аспекты проведения торгов, основополагающими из них являются:

- Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества», который регламентирует отношения, возникающие при отчуждении имущества, находящегося в собственности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований;
- Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», направленный на обеспечение государственных и муниципальных нужд посредством конкурентных процедур;
- Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который устанавливает правовые основы для заключения и исполнения соглашений о государственно-частном и муниципально-частном партнерстве;
- Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», регулирующий деятельность судебных приставов-исполнителей в рамках исполнения судебных актов и исполнительных документов;
- Федеральный закон от 22.07.2008 № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который направлен на упрощение процедур отчуждения имущества, арендуемого субъектами малого и среднего бизнеса.

Кроме того, правовое регулирование конкурсных процедур регулируется подзаконными и ведомственными нормативными правовыми актами, которые детализируют и конкретизируют общие положения, установленные законодательством.

Система законодательных требований, предъявляемых к процессу организации продажи имущества на торгах, представляет собой гибкий механизм, обеспечивающий прозрачность и подконтрольность конкурсных процедур, что минимизирует правонарушения со стороны участников торгов и устраняет искусственные препятствия для их участия.

Между тем, в силу несовершенства ряда законодательных норм, а также в связи с постоянным усложнением правового содержания законодательства о конкурсах и аукционах, на практике продолжают совершаться различные нарушения, как со стороны участников торгов, так и со стороны их организаторов и третьих лиц, имеющих возможность влиять на результат торгов. Во многом это связано с многогранностью областей, в рамках которых осуществляется продажа имущества на конкурсе или аукционе. Отчуждение имущества на торгах наиболее востребовано в таких сферах правоотношений, как: осуществление закупок для государственных и муниципальных нужд; приватизация государственного и муниципального имущества; реализация имущества физического или юридического лица, имеющего статус должника-банкрота.

В контексте современного законодательства, регулирующего проведение конкурсных процедур, выделяются два основных типа конкурсов: закрытые и открытые. Ключевое различие между ними заключается в составе участников: в закрытом конкурсе участие принимают исключительно лица, специально приглашенные организаторами, в то время как открытый конкурс предполагает возможность участия неопределенного круга лиц, что расширяет потенциальный пул претендентов. Однако, независимо от типа конкурса, к его участникам предъявляются определенные квалификационные требования, которые дополнительно ограничивают круг возможных кандидатов.

Процедура проведения конкурсных торгов регулируется рядом строгих правил, закрепленных в отраслевых федеральных законах и иных нормативных правовых актах. Эти правила учитывают специфику правоотношений, в рамках которых осуществляется передача права собственности на приобретенное имущество. В условиях, когда большинство конкурсов в настоящее время проводится в электронной форме, особую значимость приобретают нормы общего характера, детально регламентирующие порядок и условия проведения конкурсов.

Следует отметить, что по общему правилу исполнение обязательства покупателя по внесению стоимости имущества осуществляется одновременно, сразу после приобретения предмета приватизации. Однако законодательство предусматривает единственное исключение: если имущество приобретено на конкурсе без объявления начальной цены, победитель торгов вправе запросить рассрочку платежа сроком до одного года. Данная форма оплаты сопровождается необходимостью уплаты процентов по ставке, равной одной трети ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, действующей на дату размещения объявления о продаже на официальном сайте в сети «Интернет».

Несмотря на относительно невысокую процентную ставку, такая форма оплаты может негативно сказаться на платежеспособности покупателя и его возможности произвести полный расчет с государством. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть возможность предоставления льгот для субъектов малого и среднего предпринимательства, а также некоммерческих организаций, приобретающих государственное имущество в рамках приватизации [1]. Особое внимание следует уделить социально ориентированным организациям, осуществляющим деятельность, направленную на решение социальных проблем и развитие гражданского общества в Российской Федерации.

Федерации. Для таких организаций целесообразно исключить обязанность уплачивать проценты при предоставлении рассрочки по платежам, что будет способствовать развитию социального предпринимательства и иной общественно полезной деятельности, укрепляя тем самым социальную стабильность и экономическое развитие страны.

Правовое регулирование продажи имущества посредством торгов представляет собой сложный и многогранный институт, который находит свое отражение в множестве нормативных актов, преимущественно федерального уровня. В современном правовом контексте данная сфера правоотношений характеризуется высокой степенью комплексности, содержательности и объемности, что обусловлено необходимостью обеспечения баланса частно-правовых и публично-правовых интересов участников сделок по отчуждению имущества.

Выбор оптимальной формы отчуждения имущества, будь то конкурс или аукцион, детерминирован рядом факторов, включая субъект отчуждения, вид отчуждаемого объекта и основания для проведения торгов. Например, государственное или муниципальное имущество подлежит реализации исключительно посредством конкурса или аукциона, в то время как при ликвидации юридического лица его активы могут быть отчуждены исключительно через аукцион.

Независимо от выбранной формы отчуждения, процедура продажи имущества регламентируется рядом обязательных требований, включая подготовку извещения о проведении торгов, обеспечение надлежащего информирования участников и обязательное заключение договора с победителем.

Одной из актуальных проблем в данной области является недостаточная конкретизация требований к порядку публикации извещения о проведении торгов. В частности, при ликвидации юридического лица закон не определяет конкретные источники публикации извещения, что создает определенную диспозитивность для правоприменителей. Однако судебная практика склоняется к позиции, согласно которой источник публикации должен быть четко определен и известен участникам торгов.

Для решения данной проблемы предлагается унификация и закрепление требований к источникам публикации извещений о проведении конкурсов и аукционов в ГК РФ и соответствующих отраслевых федеральных законах. Рекомендуется указать в качестве источников публикации официальные ресурсы федеральных органов исполнительной власти и официальный сайт Государственной информационной системы, что обеспечит прозрачность и доступность информации для всех заинтересованных лиц.

В современном контексте рыночных торгов наблюдается ряд системных проблем, обусловленных как несовершенством нормативно-правовой базы, так и случаями злоупотребления со стороны участников торгов, включая продавцов и покупателей имущества, реализуемого через конкурсные процедуры или аукционы. Эти проблемы проявляются в различных формах противоправной деятельности, таких как создание преференций для определенных участников, заключение контрактов на невыгодных условиях, отсутствие или неэффективное применение штрафных санкций, завышение стоимости имущества, несвоевременное или искаженное предоставление информации о торгах, а также включение в конкурсную документацию незаконных требований к участникам. Наиболее распространенными статьями УК РФ, по которым квалифицируются данные преступления, являются ст. 159 «Мошенничество», 159.4 «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности», 160 «Присвоение или растрата».

Помимо уголовно наказуемых деяний, в сфере торгов также распространены правонарушения, не относящиеся к категории преступлений, но представляющие значительную угрозу для общественных отношений. Эти нарушения, хотя и менее опасны с точки зрения общественной значимости, создают условия для формирования атмосферы безнаказанности и противоправного поведения среди участников торгов. В результате, незначительные проступки, остающиеся без должного внимания со стороны контролирующих органов, способствуют эскалации более серьезных преступлений в данной сфере.

Нарушения в сфере конкурсных и аукционных процедур могут возникать как непреднамеренно, вследствие типичных ошибок, так и умышленно, в форме злоупотреблений. К числу неумышленных ошибок относятся: недостаточное внимание к требованиям аукционной документации, содержащим технические характеристики поставляемых товаров; поставка товаров с незначительными отклонениями от установленных характеристик, которые, тем не менее, имеют критическое значение для успешного завершения закупки; а также несоответствие участников закупки установленным законодательным критериям, как общим, так и специальным.

Более серьезные нарушения можно квалифицировать как злоупотребления, которые включают: предъявление к товарам и поставщикам требований, не основанных на действующем законодательстве; умышленное создание препятствий для участия определенных категорий поставщиков в конкурсе; прямое игнорирование положений законодательства о торгах, регулирующих порядок приема, рассмотрения и отклонения заявок на участие в конкурсных и аукционных процедурах [2].

Во многом, причины возникновения нарушений в сфере торгов обусловлены недостаточной проработанностью нормативной базы. Действующее законодательство, к сожалению, не в полной мере устранило правовые пробелы, которые препятствуют созданию абсолютно прозрачной и открытой процедуры конкурса и аукциона. Это, в свою очередь, создает условия для злоупотреблений и ошибок со стороны участников торгов.

В этой связи, необходимо продолжать интенсивную законодательную, правоприменительную и научную деятельность, направленную на поиск и реализацию эффективных путей совершенствования законодательства в области конкурсных и аукционных процедур. Только комплексный подход, включающий системный анализ действующего законодательства, разработку новых нормативных актов и повышение уровня правоприменительной практики, позволит обеспечить высокий уровень прозрачности и справедливости в сфере торгов.

В рамках комплексного решения проблемы пробелов в правовом регулировании процедуры банкротства физических лиц предлагается

интеграция соответствующих норм в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 №127-ФЗ (далее - Закон о банкротстве) [3], а также уточнение положений постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2020 № 44. В частности, предлагается детальная регламентация процедур реализации имущества гражданина, включая оценку активов, их инвентаризацию и формирование лотов. Особое внимание следует уделить защите прав и законных интересов собственников имущества, что будет способствовать соблюдению принципов справедливости и равенства в рамках исполнительного производства.

Данная инициатива направлена на систематизацию и оптимизацию правоприменительной практики, что в свою очередь повысит эффективность механизмов банкротства и обеспечит защиту интересов всех участников правоотношений. Внедрение предложенных мер позволит создать более понятную и предсказуемую правовую среду, что, в конечном счете, будет способствовать укреплению доверия к судебной системе и поддержанию правовой стабильности.

Конечной целью процедуры банкротства является достижение баланса интересов всех участников правоотношений, что напрямую взаимосвязано с возможностью удовлетворения всех предъявляемых требований. Достижение данной цели возможно только при соблюдении добросовестности всеми участниками процесса, однако современная практика демонстрирует наличие различных подходов к реализации данной задачи.

Дополнительно предлагается внесение корректировок в законодательство о банкротстве, регулирующее процедуры банкротства физического лица, с учетом социальной составляющей. В Главу X. Банкротство гражданина Закона о банкротстве [3] следует включить положения, обеспечивающие физическое лицо правом на поддержание достойного уровня жизни и защиту от злоупотреблений со стороны кредиторов и иных участников процедуры банкротства. Также предлагается исключение из конкурсной массы денежных средств, предназначенных для оплаты жилищных услуг и арендной платы, что позволит повысить эффективность правоприменительной практики и обеспечить защиту интересов всех участников правоотношений.

Заключение. Проблемы в области продажи имущества через конкурсы и аукционы требуют комплексного решения, которое включает в себя улучшение законодательства и усиление контроля за его соблюдением всеми участниками торгов. Только такой подход может минимизировать риски, создать условия для развития честной конкуренции и способствовать эффективному регулированию отношений в сфере продажи имущества через конкурсы и аукционы.

Список литературы:

1. Шатская И. И., Малешина Л. М. Правовое обеспечение государственной и муниципальной поддержки малого и среднего предпринимательства // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 5. – С. 183-186.
2. Официальный сайт ФАС России [Электронный ресурс] // URL: <http://primorie.new.fas.gov.ru> (дата обращения: 14.08.2025).
3. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 №127-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 28.10.2002. – № 43. – ст. 4190.

References:

1. Shatskaya I. I., Maleshina L. M. Legal support for state and municipal support of small and medium-sized businesses // Agrarian and land law. – 2025. – No. 5. – pp. 183-186.
2. Official website of the Federal Antimonopoly Service of Russia [Electronic resource] // URL: <http://primorie.new.fas.gov.ru> (date of request: 08/14/2025).
3. Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" dated October 26, 2002, No. 127-FZ // "Collection of Legislation of the Russian Federation", October 28, 2002, No. 43, Article 4190.

ПРЕДЕЛЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАКАЗАНИЯ LIMITS OF ADMINISTRATIVE PUNISHMENT

МАКАРИЧЕВ Михаил Викторович,

Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Волжского Государственного Университета Водного Транспорта. 603950, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, Нестерова, 5.
E-mail: makarichevmv@yandex.ru;

ФРОЛОВ Алексей Николаевич,

Кандидат юридических наук, заведующий юридической клиникой, доцент кафедры экономики и права. Павловский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского». Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23.
E-mail: Lexa121578@yandex.ru;

MAKARICHEV Michael Viktorovich,

Candidate of Historical Sciences, senior lecturer at the Department of State and Legal Disciplines of the Volga State University of Water Transport, Nesterova 5, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation.
E-mail: makarichevmv@yandex.ru;

FROLOV Alexey Nikolaevich,

Candidate of Law, Head of the Legal Clinic, Associate Professor of the Department of Economics and Law. Pavlovsky branch National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 603022, 23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod city, Russia.
E-mail: Lexa121578@yandex.ru

Краткая аннотация. Административное наказание, будучи средством реализации административной ответственности, представляет существенный доктринальный и прикладной интерес. Среди аспектов административного наказания имеются его важные составляющие, которые не получили должного освещения, к числу которых относятся их пределы. Определение пределов административных наказаний позволяет предупредить трансформацию данного вида административного принуждения в насилие, выработать действенное административно-правовое средство обеспечения правопорядка и безопасности.

Abstract. Administrative punishment, being a means of implementing administrative responsibility, is of significant doctrinal and applied interest. Among the aspects of administrative punishment, there are its important components that have not received due coverage, including their limits. Determining the limits of administrative punishments allows us to prevent the transformation of this type of administrative coercion into violence, to develop an effective administrative and legal means of ensuring law and order and security.

Ключевые слова: административное наказание, административная ответственность, административное принуждение, административное правонарушение, предел.

Keywords: administrative punishment, administrative responsibility, administrative coercion, administrative offence, limit.

Для цитирования: Макаричев М.В., Фролов А.Н. Пределы административного наказания // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 247-250. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_247.

For citation: Makarichev M.V., Frolov A.N. Limits of administrative punishment // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 247-250. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_247.

Статья поступила в редакцию: 26.06.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Вопросы административного наказания в целом, его отдельных видов традиционно привлекают повышенное исследовательское внимание. Такое положение вполне очевидно. Оно обусловлено органической встроенностью рассматриваемого вида административного принуждения в механизм обеспечения правопорядка и безопасности. В качестве немаловажного фактора, который активизирует научную востребованность осмысления, названного административно-правового явления выступает высокая степень систематизации регламентирующего его законодательства, что его выгодно отличает от других административно-правовых институтов, а также широкая практика применения административных наказаний в правоохранительной деятельности.

Ни взирая на наличие значительного числа публикаций, в которых рассматриваются административные наказания, его отдельные виды, существует важная проблема, требующая дополнительного осмысления. Речь идет о пределах административного наказания. Исследователи по непонятным причинам не уделяют ей должного внимания. Вместе с тем она представляет собой очевидный научный и прикладной интерес. Немаловажным фактором, свидетельствующим о ее очевидной, прикладной востребованности, выступает третья кодификация законодательства об административных правонарушениях. Правительством РФ в марте 2019 г. была официально запущена реформа законодательства об административных правонарушениях. В этой связи к 1 июня 2019 г. была подготовлена Концепция нового КоАП РФ [1], которая была положена в проекты Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Выше указанные законопроекты были подготовлены и представлены на публичное обсуждение к концу января 2020 г. Следует отметить, что, не взирая на такую оперативность разработчиков, они не получили должного внимания со стороны законодателя и на протяжении истекших пяти лет не выступили в качестве предмета официального законодательного процесса.

Необходимо отметить, что пределы административных наказаний выступают в качестве составляющего элемента пределов правового

регулирования в целом. Следует признать отрядным тот факт, что недавно Е.С. Зайцевой было проведено монографическое исследование по данной проблематике на общетеоретическом уровне [2]. Вместе с тем ранее отдельными авторами предпринимались попытки рассмотрения пределов государственного принуждения как доминирующего метода обеспечения правопорядка и безопасности [3].

Ж.И. Овсепян акцентировала внимание на то, что при познании государственного принуждения, его взаимосвязи с государством и правом принципиально важное значение имеют «... проблемы установления оптимальных пределов государственно-правового принуждения, которая имеет значительную специфику способов ее решения в условиях развитых правовых демократических государств в отличие от стран с авторитарными режимами, либо переходных обществ» [4, с. 13]. В пользу верности указанного суждения свидетельствует позиция А.П. Рогова, изложенная при рассмотрении специфики государственного принуждения в правовом государстве. В этой связи указанный автор отметил, что рациональное решение пределов государственного принуждения «важная составляющая обеспечения безопасности, стабильности и гарантированности общества, а также самого государства, а особенно того, которое позиционирует себя в качестве правового. Очертив для себя сферу законного вмешательства в общественные дела и определив средства его осуществления, государство обретает необходимую свободу, закладывает основу правопорядка и обеспечивает легальность своей деятельности» [5, с. 90].

Высокоинтенсивная практика применения административного наказания свидетельствует в пользу того, что важно на законодательном уровне рационально определить пределы административных наказаний, а правоприменитель должен избрать оптимальные его границы в рамках правоприменительного усмотрения [6, с. 84]. Необходимо исходить из принципиальной позиции, что административное наказание является дозированным административно-правовым воздействием. Об этом свидетельствует его законодательное определение понятия (ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ).

Закрепление и последующее применение необоснованно репрессивных мер административного наказаний, влечет их трансформацию в государственное насилие [7, с. 306]. В этой связи достигаются очевидные правоохранительные цели, но подрывается доверие населения к правоохранительной системе и государству в целом. Не меньшую опасность заключает в себе применение необоснованно гуманных мер административного наказания. В данном случае происходит формальное правовое реагирование на факт совершенного административного правонарушения, но при этом не достигаются цели рассматриваемого вида административного принуждения. В этой ситуации происходит негативное воздействие на правосознание лица, привлеченного к административной ответственности, которое осознавая минимальный характер правоограничений, не отказывается в дальнейшем от противоправной деятельности.

Для решения многосложной задачи определения пределов административного наказания в первоочередном порядке необходимо использовать соответствующие правовые средства. Именно они призваны играть роль соответствующих правовых инструментов, которые дадут возможность эффективно использовать указанную форму административного принуждения.

Важнейшим средством определения пределов административных наказаний относится предмет административной правоохраны. Потенциал названных мер призван охранять широкий спектр общественных отношений. При этом четко установилась тенденция расширения указанных отношений. Об этом красноречиво свидетельствует число федеральных законов, которыми внесены изменения и дополнения в КоАП РФ. Не случайно в Концепции нового КоАП РФ в качестве важного аргумента в пользу проведения третьей кодификации законодательства об административных правонарушениях был сделан акцент на значительное число дополнений, что разрушило ту концептуальную основу, на которой основывается действующий КоАП РФ. Очевидно, что бесконтрольное расширение границ охраняемых отношений является стратегической ошибкой. Мы убеждены, что следует расширить практику применения других форм административного принуждения, отличных от административного наказания. Речь идет, прежде всего, о мерах административного предупреждения и пресечения. Именно их потенциал позволит своевременно спрофилировать противоправные деяния и оперативно прекратить совершаемые деликты различной степени общественной опасности и, в конечном итоге, позитивно скажется на состоянии правопорядка и безопасности.

Наряду с этим не стоит сбрасывать со счетов непринудительный инструментарий. Полагаем, что в настоящее время являются востребованными меры общественного воздействия в отношении физических лиц. Использование негосударственного воздействия при обеспечении правопорядка будет свидетельствовать о зрелости гражданского общества, его реальной вовлеченности в обеспечение правопорядка и безопасности.

Реализация данного подхода имеет принципиально важное значение в сфере экономики. Минимальное применение наказания, в том числе и административного, будет способствовать реализации инициативы субъектов предпринимательской деятельности. Не случайно Г.А. Гаджиев связывает экономическую свободу с пределами государственного вмешательства в экономическое регулирование общественных отношений. «На принципе экономической свободы строится российская конституционно-правовая модель взаимоотношений публичной власти и бизнеса. Она основывается на признании объективно существующих пределов регулирования публичной властью предпринимательской деятельности» [8, с. 106].

В качестве важного средства пределов административных наказаний выступает их система (ст. 3.2 КоАП РФ). Очевидно, требуется коррекция отдельных видов наказаний. Речь идет о детализации размеров административного штрафа (ст. 3.5 КоАП РФ), а также возможность применения лишения специального права (ст. 3.8 КоАП РФ) в отношении юридических лиц. В этой связи будет преодолена существенная неопределенность дискретных полномочий правоприменителей, реализованы действенные меры по предупреждению злоупотреблений с их стороны [9].

Следует в максимальной степени конкретизировать правоограничительный потенциал видов административных наказаний. Наша ав-

торская позиция предопределена тем, что не только правоприменитель, но и потенциальный правонарушитель должен реально понимать ожидаемые негативные последствия, которые наступают в случае совершения административного правонарушения. Другими словами, нужно в максимальной степени закрепить меру административного наказания в административно-правовой санкции [10, с. 46].

В качестве средств определения пределов административного наказания выступают их фактические основания, то есть административные правонарушения. Именно они являются единственными юридическими фактами, в силу которых возникают отношения административной ответственности. Важно учитывать, что в отличие от других форм административного принуждения речь идет не о предполагаемых, а именно совершенных правонарушениях, когда в порядке производства по делам об административных правонарушениях будут установлены все элементы соответствующего юридического состава. Здесь следует также принимать во внимание возможность исключения административной ответственности и освобождение от указанного вида юридической ответственности [11].

Необходимо отметить проблему существенного доминирования формальных составов административных правонарушений. В этой связи весьма проблематично для правоприменителя определить реальную степень общественной опасности противоправного деяния, что существенно затрудняет реализацию принципа справедливости административной ответственности.

Немаловажной проблемой определения пределов административных наказаний выступает доминирование бланкетных норм при конструировании статей Особенной части КоАП РФ [12]. Абсолютизация такого подхода существенно расширяет возможность подзаконного нормативного правового установления административной ответственности и во многом провоцирует административно-правовые ошибки [13, с. 63-64].

Рассматривая заявленную тему нельзя обойти стороной закрепление оптимального перечня субъектов административной юрисдикции, что также является действенным средством закрепления пределов административного наказания. Указанный перечень на федеральном уровне установлен главой 23 КоАП РФ, а на региональном уровне соответствующими законами субъектов Российской Федерации. В настоящее время существенно расширены полномочия суда по назначению административных наказаний (ст. 23.1 КоАП РФ). Такое положение во многом предопределено наделением исключительными полномочиями судов по назначению отдельных видов административных наказаний (гл. 3 КоАП РФ). С одной стороны такую ситуацию следует приветствовать, учитывая высокую степень квалификации судей, их объективность и непредвзятость. С другой стороны всемерно актуализируется проблема востребованности специальных познаний при рассмотрении конкретных административных правонарушений, опасность реализации формального подхода при назначении административных наказаний. В этой связи существует потребность в перераспределении баланса между судьями и другими субъектами административной юрисдикции.

Средством детализации пределов административного наказания выступает ее цель. Очевидно, что речь идет о своеобразном «дереве целей», достигаемой посредством рассматриваемого вида административного принуждения. Глобальной целью является обеспечение правопорядка и безопасности. В конечном итоге она детализируется применительно к конкретной правоохранительной ситуации. Важно учитывать, что в ряде случаев, как законодатель, так и правоприменитель необоснованно переоценивают потенциал административных наказаний и использует их для достижения несвойственных целей. Речь идет о необоснованном применении административных штрафов, что свидетельствует о фискализации административной ответственности. Такой подход обусловлен не достижением значимых правоохранительных целей, а пополнением доходной части соответствующих бюджетов.

Установление процессуального порядка применения выступает важным средством закрепления пределов административного наказания. В соответствии с действующим законодательством речь идет о производстве по делам об административных правонарушениях. Реализация административных наказаний вне указанного административно-процессуального производства является нарушением законности. Отрадным является то обстоятельство, что в отличие от других форм административного принуждения административному наказанию отвечает высоко детализированное производство. Следует признать существенный профилактический потенциал, который свойственен процессуальному порядку, что в значительной степени дисциплинирует правоприменителей, предупреждает нарушения с их стороны.

Пределами административных наказаний выступают акты официального толкования. Данное суждение может показаться спорным в силу того, что интерпретатор, даже будучи наделенным соответствующими полномочиями, не может выйти за границы толкуемого нормативного правового акта. Вместе с тем юридическая практика говорит об обратном. Об этом свидетельствует абз. 7 п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [14], в соответствии с которым совершение субъектом административного правонарушений, предусмотренных ст.ст. 12.8 и 12.26 КоАП РФ, не позволяет освободить от административной ответственности в силу малозначительности (ст. 2.9 КоАП РФ). Правовая позиция высшего органа судебной власти общей юрисдикции основывается на том, что «управление водителем, находящимся в состоянии опьянения, транспортным средством, являющимся источником повышенной опасности, существенно нарушает охраняемые общественные правоотношения независимо от поведения правонарушителя (например, наличия раскаяния, признания вины), размера вреда, наступления последствий и их тяжести». Приведенный акт официального толкования свидетельствует о том, что субъект официального толкования вышел за границы толкуемой нормы и в этой связи в нарушение действующего законодательства ограничил дискретные полномочия правоприменителя.

Подводя итог изложенного, следует отметить, что поставленная проблематика требует дополнительного осмысления и рамок научной статьи для решения данной многосложной задачи недостаточно. С учетом проведения третьей кодификации законодательства об административных правонарушениях, требуется всемерно актуализировать исследовательское внимание, вовлечь в данную деятельность наряду с представителями правовой науки юристов практиков. При этом следует принимать во внимание определенную динамику рассматриваемого явления и

определения факторов, которые влияют на данное явление.

Список литературы:

1. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // СПС КонсультантПлюс. 2025 (дата обращения: 25.06.2025).
2. Зайцева Е.С. Пределы правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России. 38 с.
3. Макарейко Н.В. Пределы государственного принуждения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Н. Новгород, 2014. № 1 (25). С. 35–39.
4. Овсепян Ж.И. Юридическая ответственность и государственное принуждение (общетеоретическое и конституционно-правовое исследование). Ростов-на-Дону, 2005. 276 с.
5. Рогов А.П. Особенности государственного принуждения в правовом государстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 226 с.
6. Макарейко Н.В. Вопросы усмотрения при применении административного принуждения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2024. № 4. С. 79–87.
7. Макарейко Н.В. Государственное принуждение и насилие: проблема соотношения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Н. Новгород, 2014. № 3 (27). С. 305–307.
8. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотр. М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. 1007 с.
9. Серков П.П., Соловей Ю.П. Административное усмотрение: вопросы и ответы (часть 1) // Сибирское юрид. обозрение. 2022. Т. 19. № 4. С. 374–383.
10. Липинский Д.А., Шишкин А.Г. Понятие меры юридической ответственности // Журнал российского права. 2013. № 6. С. 40–49.
11. Кулеева Л.Ч. Правовое регулирование института освобождения от административной ответственности // Российский следователь. 2016. № 15. С. 37–40.
12. Кожакарь И.П., Кипарисов Ф.Г. Бланкетные нормы российского права: монография / под ред. В.М. Баранова. Москва: Проспект, 2024. 304 с.
13. Бочарникова Н.А. Административная ошибка: правовое содержание, Значение и основные направления преодоления: монография. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2013. 191 с.
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. 2019. 3 июля.

References:

1. The concept of the new Code of Administrative Offences of the Russian Federation // SPS ConsultantPlus. 2025 (date of reference: 06/25/2025).
2. Zaitseva E.S. Limits of legal regulation: abstract of the dissertation. ...Dr. Jurid. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 38 pages.
3. Makareiko N.V. The limits of state coercion // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Novgorod, 2014, No. 1 (25), pp. 35-39.
4. Ovsepyan J.I. Legal responsibility and state coercion (general theoretical and constitutional-legal research). Rostov-on-Don, 2005. 276 p.
5. Rogov A.P. Features of state coercion in a rule-of-law state: dis. ... kand. jurid. sciences'. Saratov, 2013. 226 p.
6. Makareiko N.V. Issues of discretion in the application of administrative coercion // Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University. 2024. No. 4. pp. 79-87.
7. Makareiko N.V. State coercion and violence: the problem of correlation // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Nizhny Novgorod, 2014. № 3 (27). pp. 305-307.
8. Commentary to the Constitution of the Russian Federation / edited by V.D. Zorkin. 2nd ed., revision. Moscow: Norma; INFRA-M, 2011. 1007 p.
9. Serkov P.P., Solovoy Yu.P. Administrative discretion: questions and answers (part 1) // Siberian Law. the review. 2022. Vol. 19. No. 4. pp. 374-383.
10. Lipinsky D.A., Shishkin A.G. The concept of a measure of legal responsibility // Journal of Russian Law. 2013. No. 6. pp. 40-49.
11. Kuleeva L.Ch. Legal regulation of the institution of exemption from administrative responsibility // A Russian investigator. 2016. No. 15. pp. 37-40.
12. Kozhakar I.P., Kiparisov F.G. Blank norms of Russian law: a monograph / edited by V.M. Baranov. Moscow: Prospekt, 2024. 304 p.
13. Bocharnikova N.A. Administrative error: legal content, meaning and main directions of overcoming: monograph. Voronezh: Scientific Book Publishing and Printing Center, 2013. 191 p.
14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 25, 2019 No. 20 "On some issues arising in Judicial practice when Considering Cases of Administrative offenses provided for in Chapter 12 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. 2019. July 3rd.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКО-СОЦИАЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ АРКТИКИ STATE REGULATION OF THE ECONOMIC AND SOCIAL DIRECTION IN THE ARCTIC

БАТТАХОВ Петр Петрович,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: battakhov@mail.ru;

BATTAKHOV Petr Petrovich,
candidate of jurisprudence, senior researcher of Institute of the state and right
of the Russian Academy of Sciences.
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia.
E-mail: battakhov@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается правовое регулирование хозяйственной деятельности по социально-экономическим вопросам. Выделены основные направления развития социального бизнеса на территории Арктики России. Исследована совокупность нормативно-правовых актов по развитию социально-экономического развития Арктики. Выделены основные пробелы законодательства по развитию социального предпринимательства в Арктической зоне и в целом в России. Таким образом, в целях реализации поставленных задач следует внести изменения в п. 1 ч. 1 ст. 24.1 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», согласно которому субъекты малого и среднего предпринимательства должны обеспечивать работой студентов среднего и высшего профессионального образования.

Abstract. The article discusses the legal regulation of economic activities on socio-economic issues. The main directions for the development of social business in the Arctic of Russia are highlighted. A set of regulatory legal acts for the development of the socio-economic development of the Arctic was studied. The main gaps in the legislation on the development of social entrepreneurship in the Arctic zone and in Russia as a whole were highlighted. Thus, in order to implement the tasks set, it is necessary to amend paragraph 1 of Part 1 of Art. 24.1 of the Federal Law "On the Development of Small and Medium Enterprises in the Russian Federation," according to which small and medium-sized businesses should provide work for students of secondary and higher professional education.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, инвестиция, Арктика, компания, социальное государство, безопасность, нормативно-правовой акт, регион, законодательство, крупный бизнес.

Keywords: social entrepreneurship, investment, Arctic, company, social state, security, regulatory act, region, legislation, big business.

Для цитирования: Баттахов П.П. Государственное регулирование экономико-социального направления на территории Арктики // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 251-254. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_251.

For citation: Battakhov P.P. State regulation of the economic and social direction in the Arctic // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 251-254. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_251.

Статья поступила в редакцию: 02.09.2025

В Арктической зоне России (далее - АЗР) входят девять субъектов страны, имеющих большие территории, природные богатства и людские ресурсы. Россия — арктическое государство, значительная часть территории которого состоит из криолитозоны, примерно шестьдесят процентов, то есть теоретический принцип большинства имеет место. В последние годы по сравнению с другими регионами страны экономика развивается быстрыми темпами — это связано со вливанием внутренних и внешних инвестиций, разработкой новых программ и, самое главное, растущей потребностью в реализации различных проектов. Например, туризм развивается во многих арктических субъектах благодаря развитию новых маршрутов и, соответственно, строительству гостиниц, дорог, аэропортов, железных путей, мостов, электросетей, школ, больниц и т. д. Следует отметить крупных инвесторов, которые вкладывают немалые средства: ПАО «ГМК «Норильский никель», ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Газпром нефть», региональные инвесторы. Также приходят инвесторы в промышленное рыболовство — лидеры крупнейших рыбодобывающих компаний: АО «Океанрыбфлот», ПАО «Мурманский траловой флот», «Сигма Марин Технолоджи», «Софко», «Тралфлот» и др.[1]

Развитие предпринимательской деятельности — длительный и непростой процесс, в котором государство участвует напрямую, поддерживая горизонтальные отношения. Одной из важных функций государства является создание условий для развития хозяйственной деятельности с помощью различных способов управления малым и средним бизнесом путем взаимодополнения с крупным бизнесом[2]. Россия только с начала 90-х годов начала развивать предпринимательство вместе с переходом экономики к условиям рынка. Одновременно началось формирование национальной нормативно-правовой базы. Российская Федерация — социальное государство, и в каждом уголке России граждане должны иметь возможность проживать достойную жизнь. Для этого необходимо поднимать рост экономики, чтобы реализовать эту задачу. Следует использовать различные механизмы, например, перспективное направление — социальное предпринимательство. На территории Арктики невозможно прорывным образом развивать малый и средний бизнес так же, как на средней полосе России; поэтому крупный бизнес открывает аффилированные компании для реализации новых целей и задач, развивая и расширяя новые направления бизнеса, в том числе оптимизируя налоги. Чтобы реализовались социальные задачи на всей территории России, государство обязано поддержать социальных предпринимателей в Арктической зоне России[3].

В Центральной части России реализуется относительно новое направление предпринимательской деятельности как социальное предпринимательство. На Дальнем Востоке и в Арктической зоне России данный вид хозяйственной деятельности подходит по разным критериям, например, отдаленность от материка и расстояние внутри субъекта между муниципальными образованиями. Напомним, что в выше-

названных регионах Северный завоз обеспечивает доставку только жизненно важных товаров (продовольствия, лекарств, топлива), а остальные товары снабжаются хозяйствующими субъектами, несмотря на отсутствие во многих районах необходимой инфраструктуры. Чтобы преодолеть трудности на местах, хозяйствующим субъектам необходима государственная поддержка, поэтому государству следует обратить особое внимание на вопрос о поддержке социально-ориентированных предприятий. Социальное предпринимательство, как инструмент развития предпринимательской деятельности, в полной мере подходит для реализации на территории Дальнего Востока и Арктической зоны России.

Социальное предпринимательство последовательно развивается: увеличивается количество вовлечённых в него людей, но в последние годы темпы роста постепенно замедляются. Причины этого различны: среди них — западные санкции и снижение объёма иностранных инвестиций, отмеченные после 2016 года. Одновременно вырос объём средств, выводимых владельцами капитала из России в оффшорные зоны. В дальнейшем негативно на экономической ситуации в стране и активности бизнеса сказался мировой кризис COVID-19, а с начала 2022 года он был усугублен резким усилением западного давления на нашу страну в результате развития кризиса вокруг Украины. В результате в России на протяжении достаточно длительного времени отсутствовали объективные условия для дальнейшего развития институтов предпринимательства. При этом не был реализован потенциал трансформации коммерческой деятельности в проекты социальной направленности.

Необходимо рассматривать основную нормативно-правовую базу, которая регулирует хозяйственную деятельность малого и среднего предпринимательства на территории Арктики:

- Ключевым федеральным законом является «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»¹, где прописано, что социальное предпринимательство относится к малому и среднему предпринимательству, которое, осуществляя хозяйственную деятельность, достигает общественных целей и решает социальные проблемы граждан и общества.

- В Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года² указывается, что Арктическая зона является особым обособленным регионом, к которому определен специальный подход к развитию социально-экономического блока и обеспечению национальной безопасности. Условия, которые мешают динамичному развитию Арктики, — это экстремальный климат, низкая плотность населения, недоступность отдалённых мест проживания на автомобильном или железнодорожном транспорте, неполное обеспечение инфраструктурными объектами. Климат меняется, соответственно возникают новые возможности для привлечения инвестиций, но проблематично реализовать хозяйственную деятельность из-за больших рисков, которые возникают для экологии. Данное основание для всего человечества: вся экологическая сохранность мира начинается с Арктики — это высокая чувствительность экосистемы к внешним воздействиям. Следует отметить территории Крайнего Севера как места обитания малочисленных народов Севера. К сожалению, из-за отдалённости от материка или протяжённых территорий, промышленно-хозяйственная деятельность соответственно и предпринимательство медленно развиваются в отдалённых районах Севера. Себестоимость производства затратна, и товар на рынок выходит в трижды дороже, чем в других субъектах страны, следовательно, обходится для местного населения недоступно. Вся жизнь и производство зависят от поставок топлива, жизненно важных товаров — Северного завоза.

Арктическая зона Российской Федерации является неотъемлемой частью страны; стратегическая территория имеет свое предназначение для глобального мира[4]. Роль арктических территорий возрастает для социально-экономического развития страны. Чтобы обеспечить национальную безопасность, в такие проекты вкладывают немалые средства государство и хозяйствующие субъекты. Таким образом, примерно восемьдесят процентов природного газа и двадцать процентов нефти добываются на территории Арктики. Для реализации крупных проектов следует формировать спрос на новую продукцию. Для этого производителям необходимо обеспечивать их высокотехнологичными технологиями и впоследствии стимулировать производство такой продукции. Самым перспективным на территории Арктики является континентальный шельф с точки зрения научных исследований: он содержит более 85,1 трлн куб. метров горючего природного газа, 17,3 млрд тонн нефти (включая газовый конденсат) и является стратегическим резервом развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации[5]. Большое значение для потенциального развития экономики страны играет Северный морской путь и является транспортным коридором международного значения. Перевозка внутренних и внешних грузов на импорт и экспорт будет осуществляться с помощью современных ледоколов. В настоящее время меняется климат, и, в связи с этим реализуется возможность круглогодичной перевозки грузов судами по всей акватории Северного морского пути.

- В настоящее время большим успехом пользуется реализация социально-экономических вопросов, таких как принятие специального закона о поддержке предпринимательской деятельности на территории Арктики. Соответственно, будет развиваться институт социального предпринимательства. Специальное регулирование Арктической зоны Российской Федерации осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 13.07.2020 № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации»³

Закон об Арктической зоне устанавливает правовые основы функционирования резидентов Арктической зоны, определяет режимы пользования землей и объектами капитального строительства, устанавливает особенности градостроительного зонирования и планировки тер-

¹ Федеральный закон от 24.07.2007 N 209-ФЗ (ред. от 31.07.2025) "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ, 30.07.2007, N 31, ст. 4006.

² Указ Президента РФ от 26.10.2020 N 645 (ред. от 27.02.2023) "О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года" // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 26.10.2020,

³ Федеральный закон от 13.07.2020 N 193-ФЗ (ред. от 21.04.2025) "О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ, 20.07.2020, N 29, ст. 4503.

ритории, регулирует таможенные процедуры в рамках свободной таможенной зоны, а также детализирует порядок учета товаров, контроль и взаимодействие между субъектами, местными органами власти и федеральными органами исполнительной власти. В рамках закона Арктическая зона рассматривается как особая административно-территориальная единица, на территории которой применяются специальные режимы, направленные на стимулирование инвестиций, развитие инфраструктуры и защиту интересов резидентов и коренных народов, проживающих в регионе.

Определения являются основой правового режима: резидент Арктической зоны — юридическое или физическое лицо, заключившее соглашение об осуществлении инвестиционной деятельности или получившее иной статус в рамках законодательства, осуществляющее экономическую деятельность в Арктической зоне.

Основные субъекты: управляющая компания (УК), коммерческие организации, инвесторы и лица, осуществляющие хозяйственную деятельность в рамках соглашений и проектов на территории Арктики.

Резидент Арктической зоны обладает особым статусом и набором прав и обязанностей, направленных на обеспечение эффективной реализации проектов и охрану интересов государства и населения региона. В рамках закона резидент обязан соблюдать требования по учету товаров, представлять документы и данные, связанные с операциями под таможенную процедуру свободной таможенной зоны, а также обеспечивать исполнение обязательств по уплате таможенных пошлин и налогов. Обязанности могут быть связаны с передачей прав владения, пользования и распоряжения товарами внутри резидентской сети и между резидентами, а также с обеспечением надлежащего взаимодействия с таможенными органами, градостроительными и экологическими требованиями.

Обязанность по обеспечению исполнения платежей может приниматься в виде денежных гарантий или залогов, определяемых федеральным органом исполнительной власти. Закон допускает гибкость в механизмах обеспечения исполнения, но предусматривает условия, порядок подачи заявлений и документы, подтверждающие выполнение требований.

Одной из ключевых характеристик правового режима Арктической зоны является возможность применения таможенной процедуры свободной таможенной зоны на отдельных участках портов и логистических участков, а также на территориях, прилегающих к автомобильным или железнодорожным пунктам пропуска. Закон приравнивает Арктическую зону к портовой особой экономической зоне для целей таможенного регулирования, устанавливая принципы, этапы и сроки создания инфраструктуры таможенного контроля, а также требования к организациям и резидентам, участвующим в применении данной Таможенной процедуры.

Положения о порядке применения таможенной процедуры включают: условия размещения товаров под таможенную процедуру свободной таможенной зоны, требования к идентификации товаров, порядок выдачи разрешений на вывоз и транзит, ответственность за несоблюдение условий, а также особенности идентификации иностранных товаров в рамках товаров, изготовленных с использованием иностранных материалов.

Разделы Таможенного кодекса ЕАЭС, применяемые в Арктической зоне, встроены в национальный правовой режим. Таможенная процедура может применяться на портовых участках и логистических участках, а также на отдельных территориях резидента Арктической зоны, что позволяет организовать цепочки поставок и переработку с учетом специфики северного климата и инфраструктурных ограничений. Закон устанавливает требования к декларированию, учету и контролю за товарами, в том числе через внедрение автоматизированных систем учета товаров и обязательную электронную отчетность, подписываемую усиленной квалифицированной электронной подписью.

Закон предусматривает механизмы передачи прав владения, пользования и распоряжения товарами между резидентами, включая случаи передачи зарубежным резидентам или переход прав по договорам об инвестиционной деятельности, а также особенности идентификации и использования таких товаров в рамках таможенной процедуры. В дополнение, предусматриваются условия и документы, подтверждающие переход прав владения и переход права на объекты недвижимости, включая выписки из ЕГРН и другие документы, подтверждающие соблюдение условий соглашения об инвестиционной деятельности.

Как видно преференциальные режимы, действующие сейчас на территории Арктической зоны и Дальнего востока России, обладают множеством особенностей. Таким образом:

- единый преференциальный режим осуществления предпринимательской и хозяйственной деятельности не должен ухудшать правовое положение субъектов, которые уже функционируют на территории Арктической зоны и Дальнего востока России в соответствии с тем или иным правовым статусом в рамках конкретного преференциального режима. Единый преференциальный режим должен предусматривать сохранение существующих льгот, в особенности, сохранение льгот по страховым взносам;
- Правительству Российской Федерации, а также иным органам государственной власти (в том числе органам власти регионального уровня), следует разработать и определить конкретный перечень преференций входящих в единый преференциальный режим, их точные параметры, сроки, главное здесь – в погоне за общей моделью не потерять специфику Дальневосточных регионов, не забыть учесть их особенности;
- Правительству Российской Федерации, а также иным органам государственной власти, в том числе регионального уровня, следует совместно разработать ясную и понятную модель единого преференциального режима: закрепить основные принципы; правовой статус участников; определить особенности вертикальных и горизонтальных договорных отношений; порядок разрешения споров; установить критерии юридической ответственности сторон; определить порядок осуществления государственного контроля и надзора.

На сегодняшний день главной проблемой является правовой пробел в законодательстве страны для реализации самостоятельных

проектов социального предпринимательства. Во-вторых, многие субъекты предпринимательства не имеют статуса социального предприятия в связи с недостаточной осведомлённостью. В-третьих, помощь государства должна осуществляться социальным предпринимателям систематически на основе чётко регламентированных требований законодательства. В-четвёртых, новые виды деятельности не регистрируются в качестве социального предприятия. В-пятых, поддержка со стороны государства осуществляется недостаточно, отсутствует общий механизм реализации финансовых и нефинансовых программ. В-шестых, наблюдается недостаточное финансирование, отсутствие льгот по кредитованию, трудности с получением государственных грантов, нехватка инвесторов.

В России следует внести изменения в законодательство, чтобы молодёжь занималась социальным предпринимательством, и следует развивать его на приоритетной основе для начинающих молодых предпринимателей в учебных заведениях. Новая идея для студентов даст большой толчок развитию молодёжного бизнеса и решению социальных задач при реализации проектов на разных муниципальных образованиях и субъектах страны. Начинающие предприниматели нуждаются в определённой поддержке, в особенности молодые, которые часто допускают ошибки; поэтому социальное предпринимательство для них станет ступенью к будущей предпринимательской деятельности. Какие изменения внесём в Федеральный закон "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации"? П.1 ч.1 ст. 24.1. данного закона: субъект малого или среднего предпринимательства обеспечивает занятость следующих категорий граждан при условии, что по итогам предыдущего календарного года среднесписочная численность лиц (среднесписочная численность лиц, увеличенная на единицу, в отношении индивидуальных предпринимателей, являющихся инвалидами), относящихся к любой из таких категорий (одной или нескольким таким категориям), среди работников субъекта малого или среднего предпринимательства (среди работников субъекта малого или среднего предпринимательства с учетом самого индивидуального предпринимателя в отношении индивидуальных предпринимателей, являющихся инвалидами) составляет не менее пятидесяти процентов (но не менее двух лиц, относящихся к таким категориям), а доля расходов на оплату труда лиц, относящихся к любой из таких категорий (одной или нескольким таким категориям), в расходах на оплату труда составляет не менее двадцати пяти процентов¹:

Внести следующие изменения: включить студентов среднего и высшего профессионального образования.

Таким образом, социальный бизнес на территории России обязан развиваться посредством принятия соответствующих нормативно-правовых актов в субъектах страны. Данная миссия будет реализована в соответствии с федеральным законом. Обеспечение безопасности и стабильности страны зависит от состояния экономики, поэтому необходимо поддерживать новые социально-экономические проекты в виде социального предпринимательства. Необходимо внести изменения в законодательство для реализации и решения социально-экономических проблем в стране.

Список литературы:

1. Овчинникова Ю. С. Функции страхования в обеспечении национальной безопасности // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 5(233). – С. 311-314.
2. Беспалов М.В. Особенности развития предпринимательской деятельности в условиях современной России. М.: Изд-во: ИНФРА-М, 2017. 232 с.
3. Мотуренко С. М. Роль социального бизнеса в развитии экономики Российской Арктики: правовые аспекты / С. М. Мотуренко, П. П. Баттахов // Право и практика. – 2024. – № 2. – С. 89-94.
4. Савенков А. Н. Антарктида вчера, сегодня, завтра: к 200-летию со дня открытия / А. Н. Савенков, Т. В. Редникова // Государство и право. – 2020. – № 7. – С. 7-24.
5. Клеандров М. И. О базовых проблемах науки энергетического права: некоторые размышления // Правовой энергетический форум. – 2024. – № 1. – С. 9-14.

References:

1. Ovchinnikova Yu. S. Insurance functions in ensuring national security//Law and state: theory and practice. – 2024. – № 5(233). - S. 311-314.
2. Bespalov M.V. Features of the development of entrepreneurial activity in the conditions of modern Russia. M.: Publishing house: INFRA-M, 2017. 232 s.
3. Moturenko S. M. The role of social business in the development of the economy of the Russian Arctic: legal aspects/S. M. Moturenko, P. P. Battakhov//Law and practice. – 2024. – № 2. - S. 89-94.
4. Savenkov A.N. Antarctica yesterday, today, tomorrow: to the 200th anniversary of the opening/A.N. Savenkov, T.V. Rednikova//State and law. – 2020. – № 7. - S. 7-24.
5. Kleandrov M.I. On the basic problems of the science of energy law: some reflections//Legal Energy Forum. – 2024. – № 1. - S. 9-14.

¹ Федеральный закон от 13.07.2020 N 193-ФЗ (ред. от 21.04.2025)

ПРАВОВАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ СТРАХОВОГО СЛУЧАЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИ СТРАХОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБОРОННОГО ЗАКАЗА LEGAL CERTAINTY OF THE INSURED EVENT AND ITS SIGNIFICANCE IN THE INSURANCE SUPPORT OF THE STATE DEFENSE ORDER

ОВЧИННИКОВА Юлия Сергеевна,

кандидат юридических наук, научный сотрудник

Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

E-mail: domosedka@mail.ru;

OVCHINNIKOVA Yulia Sergeevna,

Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,

Candidate of Law.

10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia.

E-mail: domosedka@mail.ru

Краткая аннотация: В статье отмечена особая актуальность соблюдения принципа правовой определенности в страховых правоотношениях в целом и при формулировке страхового случая в частности. При этом установлено, что правовая определенность страхового случая представляет собой ясность и четкость в изложении перечня страховых случаев и их признаков. Сделан вывод о том, что характеристика (в законе или договоре) события, которое квалифицируется как страховой случай, должна содержать совокупность исчерпывающих признаков объективного характера. Проанализированы нарушения принципа правовой определенности при характеристиках страхового случая в договорах добровольного имущественного страхования. Выявлены пробелы правового регулирования в этом аспекте страховых правоотношений, сделаны предложения по совершенствованию страхового законодательства. Отмечены особенности страхового обеспечения в сфере государственного оборонного заказа и значение правовой определенности страхового случая при реализации данных правоотношений.

Abstract: The article notes the special relevance of observing the principle of legal certainty in insurance legal relations in general and in the formulation of an insured event in particular. At the same time, it is established that the legal certainty of an insured event is a clarity and precision in the presentation of the list of insured events and their features. It is concluded that the characteristics (in the law or contract) of an event that is qualified as an insured event must contain a set of exhaustive objective characteristics. Violations of the principle of legal certainty in the characteristics of an insured event in voluntary property insurance contracts are analyzed. Gaps in legal regulation in this aspect of insurance relations are identified, and proposals for improving insurance legislation are made. The features of insurance coverage in the field of state defense order and the importance of legal certainty in an insured event in the implementation of these legal relations are noted.

Ключевые слова: правовая определенность страхового случая, договор страхования, обязательство, страховое обеспечение, правовое регулирование, государственный оборонный заказ.

Keywords: legal certainty of an insurance event, insurance contract, obligation, insurance coverage, legal regulation, state defense order.

Для цитирования: Овчинникова Ю.С. Правовая определенность страхового случая и ее значение при страховом обеспечении государственного оборонного заказа // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 255-258. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_255.

For citation: Ovchinnikova Yu.S. Legal certainty of the insured event and its significance in the insurance support of the state defense order // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 255-258. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_255.

Статья поступила в редакцию: 01.09.2025

1. Введение

Действие принципа правовой определенности в страховых правоотношениях -одно из необходимых условий успешной реализации компенсационной и других функций страхования. Данный принцип предполагает такое «качество правового регулирования» страховых правоотношений, при котором будет обеспечена страховая защита имущественных интересов страхователей (выгодоприобретателей или застрахованных лиц), что не представляется возможным без правовой определенности страхового случая.

На настоящий момент страховое законодательство отличается противоречивостью, отсутствием необходимой гармонии между частными и публичными нормами, в особенности это касается правового регулирования такого важнейшего аспекта страховых правоотношений как страховой случай. Вопросы, которые при этом возникают как у правоприменителей, так и у теоретиков страхового права, суть следующие: как действует принцип правовой определенности в отношении страховых правоотношений в целом и страхового случая в частности или иначе -что представляет собой «правовая определенность страхового случая», каково значение правовой определенности страхового случая при страховом обеспечении государственного оборонного заказа.

2. Правовая определенность страхового случая: теория и судебная практика.

Вопросы правовой определенности страхового случая необходимо рассматривать в контексте значения общеправового принципа правовой определенности. При этом можно согласиться с учеными, которые считают, что правовая определенность представляет собой ничто иное как результат действия принципа правовой определенности, который содержит ряд требований к правовому регулированию.[1] Правовая определенность, таким образом, представляет собой определенное «качество» правового регулирования, которое характеризуется определенными признаками. Данные признаки или иначе-требования принципа правовой определенности, относятся как к содержательной, так и к формальной стороне правового регулирования и заключаются в следующих моментах. Во-первых, смысл норм права должен быть ясен и вытекать из их содержания, речь идет о свойствах ясности, недвусмысленности, точности и непротиворечивости.[2] Во-вторых, правовая норма должна быть изложена логически последовательно. Наконец, в-третьих, норма права должна находиться в соответствии как с другими нормами данной

отрасли, так и других отраслей права.[3]

Соответственно, применительно к страховым правоотношениям, действие принципа правовой определенности или иначе-состояние правовой определенности характеризуется следующим.[4] Во-первых, ясность и непротиворечивость норм страхового законодательства, при котором понятно содержание субъективных прав участников страховых правоотношений, речь идет о страховых обязательствах. Во-вторых, правовые нормы должны четко характеризовать правосубъектность страховщиков (и страховых брокеров)– как активных участников страхового рынка. Наконец, в-третьих, нормы страхового права должны находиться в соответствии и непротиворечии как между собой, так и с нормами других институтов и отраслей права.[5]

Подходя непосредственно к вопросу о правовой определенности страхового случая, необходимо отметить, что по своей правовой сущности страховой случай представляет собой ничто иное как реализованный страховой риск, или иначе-то событие, обладающее признаками вероятности и случайности, по поводу которого заключается договор страхования. По своей правовой и фактической природе страховой случай представляет собой объективное событие, обладающее совокупностью признаков, которые должны быть обозначены в законе или договоре.

Так, страховым случаем по закону, например, при страховании ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда, является наступление деликтной ответственности страхователя в период действия страхового договора.¹ Соответственно, страховой случай в данном виде страхования представляет собой объективное событие, которое включает в себя несколько признаков : во-первых, собственно авария на опасном объекте (например, повреждение устройств технического характера, разрушение разного рода сооружений, нарушение технологического процесса), во-вторых, негативные последствия в виде причинения вреда потерпевшим (физическим и (или) юридическим лицам), и, наконец, наступление гражданско-правовой ответственности за причинение вреда.

По смыслу принципа правовой определенности данные объективные признаки должны быть изложены (в данном случае- в законе) четко, последовательно, и в таких формулировках, которые исключают противоречия и так называемое «двойное» толкование.

Что касается принципа правовой определенности в добровольных видах страхования, то в договорах (и правилах страхования, которые являются их составной частью) также необходимо четкое и недвусмысленное перечисление объективных признаков страхового случая. При этом важно подчеркнуть, что «состав» данных признаков страхового случая должен быть объективным и исчерпывающим, т. е. не зависящим от тех или иных действий (бездействий) субъектов права и дополнительных обстоятельств.

В связи с этим необходимо отметить, что практика исполнения страховых обязательств сложилась таким образом, что при формулировке страхового случая, в особенности это касается добровольного страхования, нередко имеет место отклонение от принципа правовой определенности, одним словом, имеет место, напротив, так называемая «неопределенность страхового случая».

Данные нарушения имеют большое количество негативных последствий, включая неполучение страхового возмещения страхователем при наличии объективных признаков страхового случая, что приводит к снижению уровня доверия к институту страхования у потенциальных страхователей.[6] В связи с этим встает вопрос об интересах слабой стороны страхового обязательства – речь идет о страхователях (застрахованных лицах и выгодоприобретателях), которые должны иметь ясное представление о существенных условиях договора страхования, прежде всего о страховом случае. Соответственно, четкое информирование страхователей должно касаться всех объективных признаков страхового случая, о которых было сказано выше, и необходимой предпосылкой для этого, безусловно, является *соблюдение принципа правовой определенности при формулировке обстоятельств страхового случая*.

В связи с этим представляется целесообразным анализ нарушений принципа правовой определенности при формулировке страхового случая в законе или договоре, в том числе их причин и возможных последствий с целью гармонизации правового регулирования страховых правоотношений.

Одно из наиболее распространенных нарушений принципа правовой определенности в страховых правоотношениях касается признания события, имеющего признаки страхового случая, собственно, в качестве страхового случая, в зависимости от поведения страхователя, кроме тех оснований, которые прямо предусмотрены законом. Речь идет об основаниях, которые предусмотрены в ст.963 и 964 ГК РФ (в частности, объективные основания- ядерный взрыв, гражданская война и субъективные-умысел страхователя при наступлении страхового случая).

Так, в частности, страховой случай в договоре добровольного страхования имущества был определен как пожар, однако с той оговоркой, что не относится к страховому случаю то же событие (в данном случае пожар), которое произошло при проведении на территории застрахованного имущества определенного вида работ (ремонтно-отделочные, строительно-монтажные и др.).² На территории застрахованного имущества произошел пожар, в результате которого было повреждено застрахованное имущество, однако данное событие страховщик не признал в качестве страхового случая, поскольку оно произошло в ходе проведения капитального ремонта. Суд нижестоящей инстанции отказал страхователю в удовлетворении иска со ссылкой на условия правил страхования, которые являются частью договора.

По нашему мнению, в данном случае при характеристике страхового случая в договоре страхования имело место нарушение принципа правовой определенности. Дело в том, что признаки страхового случая должны быть, как было сказано выше, сформулированы исчерпывающим образом, кроме того, страховой случай как объективное событие не может зависеть от действий сторон договора, в том числе по исполнению обязательств. Так, страховым случаем в данной ситуации является повреждение имущества от пожара, соответственно, к признакам страхового

¹ См.ст.3 Федерального закона от 27 июля 2010 г.№ 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» СЗ РФ от 2 августа 2010 г.№ 31 ст.4194

² См. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 02.06.2025 № 305-ЭС25-842 по делу № А40-38928/2024

случая здесь относятся пожар и его последствия в виде повреждения застрахованного имущества.

При этом остальные «оговорки», или иначе – исключения из страхового покрытия, противоречат сути страхования и закону, речь идет о статье 963 ГК РФ, в которой предусмотрены основания для освобождения страховщика от страхового возмещения. Такая же правовая позиция по этому делу была изложена Верховным судом РФ, который пришел к выводу о том, что оговорки, освобождающие страховщика от выплаты страхового возмещения по причине наступления страхового случая в процессе выполнения ремонтных работ, являются ничтожными.

В похожей ситуации правила добровольного страхования имущества содержали условия о том, что не относятся к застрахованным случаям те события, (а именно, пожар), которые привели к повреждению (утрате, гибели) имущества при нарушении страхователем правил противопожарной безопасности или к повреждению имущества вследствие применения последним ядовитых химических или биологических материалов.¹ По этому поводу Верховный Суд РФ справедливо отметил, что правила, таким образом, под видом определения страхового случая (и исключения из перечня страховых случаев) содержат по сути дополнительные, не предусмотренные законом (ст.963 ГК РФ), основания для освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения.

В правила страхования нередко включаются также нередко и так называемые «оговорки», которые исключают из страхового покрытия события, объективно содержащие признаки страхового случая, но произошедшие в результате нарушения страхователем тех или иных технических правил безопасности (например, правил при осуществлении горных работ и переработке полезных ископаемых).² В данном случае Верховный Суд РФ справедливо пришел к выводу о том, что в договор страхования в качестве страхового случая должны включаться объективные события, а не те или иные действия страхователей (речь идет о нарушении правил технической безопасности).

На практике бывают и ситуации, когда признаки страхового случая не совпадают с «составом» признаков событий той же квалификации в законе.³ Так, в договоре добровольного имущественного страхования товаров в обороте (застрахованное имущество) страховой случай был квалифицирован как кража (тайное хищение чужого имущества) с признаками незаконного проникновения в помещение. Соответственно, в страховом возмещении было отказано со ссылкой на то, что случившееся объективное событие (кража) не содержит признаков незаконного проникновения в помещение. Можно согласиться с выводами Верховного Суда РФ о том, что страховщиком в договоре незаконно сужено понятие кражи, которое следует понимать в соответствии с признаками, закрепленными в УК РФ (ст.158 УК РФ).

В качестве одной из предпосылок разного рода нарушений принципа правовой определенности при характеристике страхового случая в договоре послужила формулировка п.15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ,⁴ согласно которому стороны могут включать в договор страхования как перечень страховых случаев, так и исключений из него.

Вместе с тем основной причиной, вне всякого сомнения, является пробел в правовом регулировании, речь идет о том, что законодательство не содержит требований к определенности страхового случая. Исходя из изложенного выше, представляется необходимым внесение изменений в страховое законодательство, речь идет о введении императивной нормы о том, что событие, которое содержит совокупность предусмотренных законом или договором объективных признаков, признается страховым случаем.

3. Правовая определенность страхового случая при страховом обеспечении государственного оборонного заказа.

Вопрос страхового обеспечения государственного оборонного заказа – один из самых актуальных ввиду особой значимости данных правоотношений. В связи с этим представляется целесообразным проанализировать значение правовой определенности страхового случая в страховом обеспечении государственного оборонного заказа.

Как известно, по своей сути правоотношения в области государственного оборонного заказа – ничто иное как *система обязательств, направленных на обеспечение безопасности и обороноспособности РФ*. Содержание данных правоотношений отличается весьма широким спектром действий – речь идет о поставке товаров, оказании услуг, выполнении работ, сюда относятся, частности, работы, связанные с созданием вооружения (его модернизацией), строительные работы, ремонт специальной техники, поставка продукции для обеспечения государственного материального резерва.

Правовое регулирование в области государственного оборонного заказа отличается как частноправовым, так и публично-правовым характером.[7] Частноправовой характер данных правоотношений выражается в том, что государственный оборонный заказ представляет собой систему обязательств, публично-правовой характер – в том, что государственный оборонный заказ по своей сути является заданием Правительства РФ (ст. 3 ФЗ «О государственном оборонном заказе»⁵), которое имеет целью обеспечение обороны и безопасности Российской Федерации.

В целом правоотношения в сфере государственного оборонного заказа характеризуются особой сложностью при исполнении, это касается как качества исполнения контрактов, так и сроков и определения размера оплаты работ (продукции, услуг). Данные сложности обусловлены жесткими правилами, действующими в системе обязательств государственного оборонного заказа, что вызвано прежде всего необходимостью особого контроля качества продукции, а также расходования бюджетных средств.[8]

Кроме того, во многих сферах исполнения государственного оборонного заказа следует констатировать особо крупные по объему риски – речь идет о строительстве, создании специальной техники и т. п.

В связи с этим вопрос страхового обеспечения государственного оборонного заказа в целом и правовой определенности страхового

¹ См. Определение Верховного Суда РФ от 18 февраля 2025 г. № 306-ЭС 24-19744

² См. Определение Верховного Суда РФ от 6 июня 2025 г. № 30 7-ЭС 24-24190

³ См. Определение Верховного Суда РФ от 2 июня 2023 г. № 305-ЭС 22-29440

⁴ См. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2024г. № 19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества» РГ от 9 июля 2024г. № 148

⁵ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе». СЗ РФ от 31.12.2012г. № 53(4.1). Ст.7600

случая в частности представляются особенно значимыми. Однако необходимо отметить, что на настоящий момент правовой механизм страхового обеспечения государственного оборонного заказа не соответствует его основной цели – защита имущественных интересов сторон обязательства при наступлении негативных последствий страхового случая и прежде всего это связано с так называемой неопределенностью страхового случая.

Проблема реализации принципа правовой определенности особенно остро стоит в добровольном страховании имущества – разного рода техника, поставляемые товары в обороте, недвижимое имущество и др. Однако нередко это касается и добровольного страхования ответственности за причинение вреда (например, речь идет о гражданской ответственности строителей, которая широко практикуется).

При этом в правила страхования таким же образом, как это было сказано выше, нередко включаются разного рода «оговорки», не позволяющие точно уяснить состав признаков страхового случая. Однако в данном случае, поскольку речь идет о страховом обеспечении государственного оборонного заказа, можно говорить о нарушении не только частного, но и публичного интереса. Это связано с тем, что при выплате страхового возмещения в интересах сторон обязательств в рамках государственного оборонного заказа посредством нейтрализации негативных последствий страховых случаев происходит так называемое распределение финансовых средств в пользу страхователей (выгодоприобретателей)-участников обязательства в рамках государственного оборонного заказа, что в целом призвано способствовать их надлежащему исполнению.

4. Заключение

1. Правовая определенность страхового случая являет собой такое «качество» правового или договорного регулирования, при котором из смысла норм страхового законодательства или договора точно следует, какие объективные признаки составляют содержание страхового случая.

В связи с этим необходимо внесение изменений в страховое законодательство, а именно, введение нормы, согласно которой событие, которое содержит совокупность предусмотренных законом или договором объективных признаков, признается страховым случаем

2. Вопросы правовой определенности страхового случая при страховом обеспечении государственного оборонного заказа представляются особенно значимыми, поскольку речь идет о защите имущественных интересов участников обязательств в рамках государственного оборонного заказа, что способствует его надлежащему исполнению и стабильности данных правоотношений в целом.

Список литературы:

1. Дербышева Е. А. Принцип правовой определенности: понятие, аспекты, место в системе принципов права : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01. – Екатеринбург, 2020 г.
2. Сморгичева Л. Н. К вопросу о правовой определенности административно-процессуальных норм //Административное право и процесс.2023. № 2.С.10-13.
3. Велиева Д. С., Пресняков Н. В. Сущность принципа правовой определенности: в поисках конституционно-правового смысла // Изд. Саратов. ун-та. Нов.сер.Экономика.Управление.Право.2019. Т.19, вып.3.,стр.302-309.
4. Занковский С.С. Предпринимательские договоры в России. Проблемы теории и законодательства: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.03. – Москва, 2004.
5. Право и реальный сектор экономики России / Под общ. ред. И.В. Ершовой, В. А. Лаптева. – М.: Проспект, 2024.
- 6.Кратенко М.В., Луйк О. А. Современная модель компенсационного страхования и перспективы ее воплощения в российском праве //Вестник Пермского университета. Юридические науки, 2020, № 4, стр.762-785.
7. Лаптев В.В. Предпринимательское (хозяйственное право). Избранные труды. – Екатеринбург: Бизнес. Менеджмент. Право, 2008.
8. Михашин А.В. Гражданско-правовое регулирование закупок по государственному оборонному заказу: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук.М.,2020.
9. Баттахов П. П. Понятие и формы реорганизации юридических лиц // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 4(172). – С. 62-64.

References:

1. Derbysheva E. A. The principle of legal certainty: concept, aspects, place in the system of principles of law: dissertation... Candidate of Law: 12.00.01. - Yekaterinburg, 2020
2. Smorchkova L. N. On the issue of legal certainty of administrative procedural norms//Administrative Law and Process .2023. No. 2.S.10-13.
3. Velieva D.S., Presnyakov N.V. The essence of the principle of legal certainty: in search of constitutional and legal meaning//Ed. Sarat. University. Nov. it is gray. Economy. Management. Right.2019. T.19, issue 3, pages 302-309.
4. Zankovsky S.S. Business contracts in Russia. Problems of theory and legislation: dissertation... Doctor of Law: 12.00.03. - Moscow, 2004.
5. Law and the real sector of the Russian economy/Under the general. ed. I.V. Ershova, V.A. Lapteva. - M.: Prospect, 2024.
6. Kratenko M.V., Luik O.A. The modern model of compensation insurance and the prospects for its implementation in Russian law//Bulletin of Perm University. Legal Sciences, 2020, No. 4, pp. 762-785.
7. Laptev V.V. Entrepreneurial (economic law). Selected writings. - Yekaterinburg: Business. Management. Pravo, 2008.
8. Mikhashin A.V. Civil regulation of procurement under the state defense order: abstract of the dissertation for the degree of candidate of legal sciences. M.,2020.
9. Battakhov P.P. Concept and forms of reorganization of legal entities//Law and state: theory and practice. – 2019. – № 4(172). - S. 62-64.

ГРАЖДАНСКОЕ ЦИФРОВОЕ ПРАВООТНОШЕНИЕ CIVIL LAW DIGITAL LEGAL RELATIONSHIP

ПОТРЕБИЧ Алексей Викторович,

аспирант ФГБОУ ВО РГАИС, главный юрист АО «Райффайзенбанк».

117279, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55А.

E-mail: aleksey.potrebich@raiffeisen.ru;

POTREBICH A.V.,

Postgraduate student of FGBOU VO RGAIS, Principal Lawyer of JSC Raiffeisenbank.

55A Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117279, Russia.

E-mail: aleksey.potrebich@raiffeisen.ru

Краткая аннотация: в статье исследуется правовая сущность гражданского цифрового правоотношения. Автор акцентирует внимание аудитории на необходимости ограничения гражданских цифровых правоотношений от всех иных цифровых правоотношений и последующего доктринального изучения гражданских цифровых правоотношений как самостоятельной правовой категории. В статье также анализируется форма и содержание цифровых гражданских правоотношений, приводятся квалифицирующие признаки указанных правоотношений, выделяется элементный состав цифровых гражданских правоотношений. В статье автор представляет собственную дефиницию правового термина «цифровые объекты гражданского права».

Abstract: the article examines the legal nature of civil digital legal relations. The author emphasizes the need to distinguish civil digital legal relations from all other types of digital legal relations, and calls for the subsequent doctrinal study of civil digital legal relations as an independent legal category. The article also analyzes the form and content of civil digital legal relations, provides qualifying characteristics of these relations, and identifies their constituent elements. Additionally, the author offers their own definition of the legal term "digital objects of civil law".

Ключевые слова: цифровое право; цифровое правоотношение; цифровые права; цифровизация; форма и содержание цифрового гражданского правоотношения; элементы цифрового гражданского правоотношения; динамика цифрового гражданского правоотношения; цифровые объекты и субъекты гражданского права.

Key words: digital law; digital legal relationship; digital rights; digitalization; form and content of digital civil law relationship; elements of digital civil law relationship; dynamics of digital civil law relationship; digital objects and subjects of civil law.

Для цитирования: Потребич А.В. Гражданское цифровое правоотношение // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 259-265. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_259.

For citation: Potrebich A.V. Civil law digital legal relationship // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 259-265. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_259.

Статья поступила в редакцию: 24.09.2025

Введение. Аргументация актуальности проводимого исследования бесспорно всегда связана с содержанием самого термина актуальность, представляющего собой обоснование важности ключевых положений исследования для настоящего времени¹. В этой связи, актуальность исследования – это термин динамичный, определяющийся в определенный момент времени. Следовательно, говоря об актуальности рассуждения на тему «гражданского цифрового правоотношения», необходимо исходить из динамичных элементов самой правовой категории «гражданское цифровое правоотношение», которыми являются такие ключевые правовые понятия, как «объекты гражданских прав», «оборотоспособность объектов гражданских прав», «субъективные права и юридические обязанности», «переход субъективных прав», «гражданский оборот» и др., входящие, но не исчерпывающим образом, в эксплананс правовой категории «гражданское цифровое правоотношение». В связи с чем, далее, раскрывая содержание и выявляя особенности гражданского цифрового правоотношения, автор настоящей статьи будет использовать указанный выше понятийный аппарат и основываться на нем.

Гражданский оборот (который, по сути, представляет собой динамику гражданских правоотношений), очевидно, в настоящее время претерпевает значительные видоизменения, основанием которых являются интервентные запросы субъектов гражданского оборота, в свою очередь порожденные актуальными потребностями экономического оборота, такими как: ускорение процесса перехода субъективных прав на гражданско-правовые объекты (блага); упрощение порядка взаимодействия субъектов гражданского оборота, оформления сделок между ними и передачи прав на гражданско-правовые объекты (блага); расширение перечня объектов гражданских прав и (или) их видоизменение под запросы современного гражданского оборота и др.

Перечисленные запросы и потребности естественным образом определили необходимость привнесения цифрового содержания (значения) в гражданский оборот, т.е. его цифровизации. В свою очередь цифровизация гражданского оборота безусловно повлияла на его содержание, т.е. на все его элементы. Таким образом, на сегодняшний момент невозможно игнорировать процесс цифровизации гражданского оборота, ключевой категорией которого без всякого сомнения является цифровое гражданское правоотношение, а, следовательно, невозможно оставлять без внимания само цифровое гражданское правоотношение. В связи с чем, по нашему мнению, сегодня важен процесс изучения и обобщения существующих научных взглядов по проблеме осмысления цифрового гражданского правоотношения.

Зачем вообще говорить о цифровом гражданском правоотношении и доказывать его существование? Таким вопросом, разумеется, задастся любой ученый, который предпримет научные изыскания в направлении цифрового гражданского правоотношения. Ответ заключается в

¹ Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

следующем. Это даст вектор развития законодательному (нормативному) регулированию экономических отношений, складывающихся по поводу цифровых благ (цифрового имущества). Станет понятно, какие именно общественные отношения и на основе каких правовых принципов (в нашем случае, как нам кажется, на основе все же гражданско-правовых принципов) необходимо урегулировать нормами права, чтобы придать этим общественным отношениям статус гражданско-правовых, поскольку не вызывает сомнения, что государственно-правовое регулирование по своему смыслу направлено на упорядочение определенных видов (типов) общественных отношений.

На сегодняшний день мировые рынки капитала совершенно точно имеют спрос на оборот цифровых благ (цифрового имущества). Заметно, как откликается на этот спрос местный законодатель, который путем соответствующего государственно-правового регулирования (в том числе и с помощью правореализационного механизма цифрового гражданского правоотношения) обеспечивает удовлетворение материальных потребностей субъектов гражданских правоотношений и их законных интересов. Аналогичный тренд наблюдается в настоящий момент и на российском рынке капитала. Этот тренд останется актуальным и в последующие годы.

На сегодняшний момент в Российской Федерации уже возникли и существуют общественные отношения в области оборота цифровых благ (цифровых объектов гражданского права) и для их упорядочения и придания им правовой формы требуется адекватное государственно-правовое регулирование, которое обеспечит наличие предсказуемого, реального, понятного по своему составу правоотношения. Это даст базис в понимании сущности гражданского правоотношения, складывающегося по поводу цифровых благ (цифрового имущества), цифрового гражданского правоотношения, а значит станут понятны: основания возникновения, прекращения и изменения правовой связи между субъектами цифрового гражданского правоотношения; перечень их прав и обязанностей; пределы осуществления прав, предоставленных субъектам; возможные дозволения; способы защиты нарушенных субъективных прав; возможность применения к гражданскому цифровому правоотношению различных гражданско-правовых конструкций (в том числе обеспечительных, предварительных, отлагательных, отменительных, условных и т.п.); порядок и основания передачи прав на объекты цифрового гражданского правоотношения и т.п.

Таким образом, нами, безусловно, поднята актуальная тема для изучения, которая, к тому же, на сегодняшний день еще и является малоизученной, хотя и требующей к себе значительного внимания научного сообщества.

Суть цифрового гражданского правоотношения. Термин «цифровизация» в современном обществе звучит все чаще: в рамках естественно-научных и социально-гуманитарных дисциплин; в ходе планирования государственной политики и развития государства на долгосрочный период; в рамках выполнения государственных научно-исследовательских работ и заданий; в рамках образовательного процесса; в рамках информации и информационного обмена; в ходе осуществления гражданского оборота; в связи с предоставлением государственных и муниципальных услуг; при выступлениях на научных форумах и конференциях и т.п., а значение цифровизации для развития самого современного общества трудно переоценить.

Движение в направлении техногенного общества это современный вектор общественного прогресса, обусловленный доминированием науки, техники и технологий в общественной жизни человека и культуре в целом. Стремление человека упростить всевозможного рода собственные социально-экономические коммуникации, увеличить скорость производства и обмена благами неминуемо толкает человека в направлении цифровизации общественной деятельности. В настоящий момент цифровизации подвергаются или стремятся быть подвергнутыми (по воле человека или вопреки нее) почти все аспекты человеческой жизни.

Естественно, что этот процесс проявляется по-разному в зависимости от различных областей деятельности человека и может быть оценен и интерпретирован с разных точек зрения. Наш взгляд, в рамках настоящей работы, будет направлен на цифровую интерпретацию гражданско-правовых объектов, субъектов, их субъективных прав и обязанностей в рамках правовой связи (коммуникации), возникающей между ними, и осложненной цифровизацией, а также выявления их цифровых особенностей и характеристик. Таким образом, речь будет идти о цифровом гражданском правоотношении.

Мы исходим из того, что ключевой категорией нашей научной оценки в ходе процесса доказывания существования цифрового гражданского правоотношения будет является его объект, которым безусловно выступает определенное общественное (социальное) благо, возведенное в науку права в категорию гражданско-правовых объектов. В тоже время, не менее важным для нас будет являться и процесс доказывания существования цифрового субъекта, имеющего свой собственный правовой статус с самостоятельной правоспособностью.

Все вышеизложенное, а именно, наличие особой цифровой среды существования правоотношения, а также наличие цифровой связи между цифровыми субъектами правоотношения, обусловленной их интересом к цифровому объекту и порождающей права, а также обязанности указанных субъектов в цифровой среде, формирует полный состав цифрового гражданского правоотношения.

Теоретические знания о правоотношении, как о базовом правовом институте, имеют существенное значение для науки права, в связи с чем большая часть ученых-правоведов, юристов в разное время касалась изучения категории правоотношения. Такими учеными были в том числе: С. С. Алексеев, Ю. Н. Андреев, С. И. Аскназий, В. А. Белов, В. С. Белых, В. В. Витрянский, О. С. Иоффе, О. А. Красавчиков, Я. М. Магизинер, В. С. Нерсисянц, И. А. Покровский, В. Н. Протасов, П. И. Стучка, Е. А. Суханов, Р. О. Халфина, Л. А. Чеговадзе, Г. Ф. Шершеневич, Л. С. Явич и многие другие.

Как справедливо отмечал Л. С. Явич¹, правоотношение — это уникальное единство социального содержания и юридической формы, правовая форма регулируемых общественных отношений, единство взаимной деятельности субъектов с помощью субъективных правомочий и

¹ Явич Л. С. Общая теория права. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1976.

юридических обязанностей, специфическая индивидуально-правовая связь управомоченных и обязанных лиц. Совершенно обоснованно с Л. С. Явичем соглашается Ю. Н. Андреев¹, указывая на то, что правовые отношения являются важнейшим элементом (средством) механизма правового регулирования и правовой защиты, правовой формой фактических общественных отношений, единством правовой формы и юридического, фактического содержания. Согласно учению философа Г.В.Ф. Гегеля², всякое содержание имеет соответствующую форму, а форма — содержание и представляет собой нечто внешнее по отношению к содержанию. При этом по мнению Р.О. Халфиной³, недопустимо рассматривать правоотношение в отрыве от его материального содержания, так как это содержание неотделимо от его правовой формы. Следовательно, мы видим, что для цели определения правовой сущности правоотношения ученые неминуемо обращаются к категориям формы и содержания правового отношения, что абсолютно логично и обоснованно, на наш взгляд.

Философия дефинирует понятие формы в качестве способа внешнего выражения сущности изучаемого явления, в также как внутреннюю связь элементов содержания указанного явления. В тоже время, содержанием в философии считается все то, что содержится внутри изучаемого явления, включая элементы системы, отношения, связи, процессы и т. д. Содержание — это единство всех составных элементов изучаемого явления, характеризующих его сущность и структуру. Таким образом, очевидно, что правоотношение в целом и гражданское правоотношение в частности, исходя из указанных выше базисных философских воззрений, представляют собой единство правовой формы и фактического (материального) содержания.

При этом цифровое гражданское правоотношение — это правоотношение, имеющее одновременно и цифровую форму, и цифровое содержание. В этой связи, не является цифровым гражданским правоотношением, например, гражданское правоотношение, возникшее в результате исполнения гражданско-правового договора, хоть и заключенного в цифровой (электронной) форме, но предметом которого не являются цифровые блага (цифровое имущество — цифровые права, как они названы на момент написания настоящей работы в ст. 128 ГК РФ, ст. 141.1. ГК РФ), поскольку в данном случае не набирается полный состав цифрового гражданского правоотношения — не находится одновременно как цифровая форма, так и цифровое содержание. Так, например, предметом договора купли-продажи недвижимости, заключенного в электронной форме, является реальный объект — объект недвижимости, существующий в реальном мире, в связи с чем такой договор порождает правоотношение по поводу реального объекта гражданских прав и лишь имеет цифровую форму для цели упрощения процедуры заключения и исполнения договора. К такому правоотношению применяются все общие классические юридические гражданско-правовые конструкции и отсутствуют особенности, связанные с правовым режимом цифрового имущества.

Не являются цифровыми гражданскими правоотношениями правоотношения в цифровой форме в области оказания государственных и муниципальных услуг; в области государственных и муниципальных закупок; в сфере дистанционного банковского обслуживания; в сфере электронной коммерции (товарооборота на маркетплейсах и в интернет-магазинах); в области использования электронно-цифровой подписи и т.п. правоотношения, которые по своей сути больше имеют организационно-регулятивный характер, позволяя упростить установление правовой связи между субъектами.

Всеобъемлющая цифровизация всех отраслей права стала причиной размытости соответствующего понятийного аппарата, а некоторые ученые вообще настаивают на цифровом праве как на самостоятельной отрасли права⁴. В этой связи, цифровыми правоотношениями могут быть как правоотношения в области гражданского права (преимущественно, конечно, здесь), так и в области административного, уголовного и даже конституционного права (например, В.Д. Зорькин в своей работе «Право в цифровом мире»⁵ фактически говорит о процессе оцифровки основополагающих конституционных прав и появления таких прав как: права свободно общаться и выражать свое мнение в сети; права на неприкосновенность частной информационной сферы и т.д.) Тем не менее, помимо того, что указанные правоотношения имеют отраслевые особенности, они еще и различаются по степени цифровизации: полностью цифровые (имеющие и цифровую форму, и цифровое содержание) и частично цифровые (имеющие только цифровую форму). В этой связи, следует согласиться с утверждением Т.В. Дерюгиной⁶: «... необходимо четко разграничивать отношения, в которых использование цифровых технологий выступает лишь средством установления взаимодействия в сети (например, заключение договора купли-продажи с использованием интернет-площадок и проч. — в этом случае необходимо использовать традиционные механизмы правового регулирования), и отношения, возникающие на цифровых информационных платформах относительно цифровых объектов и с использованием цифровых технологий. В последнем случае речь идет о новом уровне общественных отношений, где их субъектами могут выступать цифровые личности».

В классическом доктринальном понимании правоотношение — это общественное отношение, урегулированное нормами права. В свое время еще Ф. К. Савиньи доказал⁷ две составные части правоотношения: 1) материю, т. е. отношение само по себе и 2) юридическое определение этой материи. Сложность нашей задачи состоит в том, чтобы смоделировать цифровое гражданское правоотношение при отсутствии в настоящий момент всестороннего нормативного регулирования указанного вида правоотношения. Т.е. мы изучаем цифровое гражданское правоотношение, по сути, при наличии только лишь его фактического содержания (материи) в виде уже существующего (сложившегося) общественного

¹ Андреев, Ю. Н. Правовые отношения в современном российском праве: общетеоретические и отраслевые аспекты: Монография / Ю.Н. Андреев — Москва: Проспект, 2024.

² Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1974. С. 298.

³ Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974.

⁴ Вайпан В. А. Цифровое право: истоки, понятие и место в правовой системе. «Право и экономика», 2024, N 1.

⁵ Зорькин В. Д. Право в цифровом мире // Российская газета: Столичный выпуск. №7578 (115).

⁶ Дерюгина Т. В. О специфике правоотношений в цифровой среде и цифровой личности как новом субъекте // Цивилист. 2024. № 2. С. 13–19.

⁷ Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. Т. I / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 2011. С. 278–279, 456–457.

(фактического) отношения по поводу создания, обмена и потребления цифрового имущества, но при отсутствии исчерпывающего юридического содержания, затронутого нами правоотношения, в виде релевантных норм права. Тем не менее, отсюда следует полезный эффект нашего исследования, который заключается в восполнении существующего правового пробела.

Таким образом, цифровое гражданское правоотношение имеет полный цифровой состав: 1) цифровую форму (внешнюю среду существования), а также 2) цифровое внутреннее наполнение, а именно, цифровой состав всех элементов: субъект, объект, права и обязанности субъектов, их состояние).

Цифровой объект цифрового гражданского правоотношения. Поскольку внутреннее содержание (наполненность) цифрового гражданского правоотношения является цифровым, то, безусловно, все элементы указанного правоотношения также являются цифровыми. В этой связи, для понимания сущности объекта цифрового гражданского правоотношения обратимся к понятию «цифровая материя» (цифровой объект) и попробуем понять, как она связана с цифровизацией (процессом)? Отвечая на данный вопрос, мы согласимся с мнением Т.Ю. Кудрявцевой, К.С. Кожин¹, которые пришли к выводу о том, что в рамках процесса оцифровки происходит кодирование информации в определенную (цифровую) форму, удобную для использования, хранения и передачи с помощью компьютеров (электронно-вычислительных устройств), а в рамках процесса цифровизации происходит уже последующее использование оцифрованной информации (с помощью цифровых технологий) для изменения определенных целевых социально-экономических процессов. Таким образом, в результате оцифровки информации как базового процесса цифровизации происходит возникновение (создание) цифровой материи (совокупности цифровых имущественных объектов), имеющей исключительно цифровую среду (форму) существования и представляющей собой объект социального отношения. Указанный объект является объектом и правового отношения, юридически оформляющего названное выше социальное отношение.

Процесс оцифровки – это деятельность по созданию цифрового объекта, имеющего экономическую ценность. Так, например, цифровой финансовый актив – это результат кодирования информации о реальных объектах гражданских прав (денежные права требования, права по ценным бумагам), лежащих в основе ценности цифрового финансового актива, объективизированный в виде электронной записи в специальном реестре соответствующей информационной системы. Таким образом, по аналогии с производными финансовыми инструментами ценность вновь создаваемого объекта гражданских прав формируется за счет определенных базовых активов в виде реально существующих объектов гражданских прав (вещей, прав требования, результатов интеллектуальной деятельности), привязка к которым осуществляется в процессе создания производного финансового инструмента. Следовательно, наделение ценностью цифрового имущества путем его привязки к реально существующим объектам гражданских прав вполне укладывается в уже действующие правовые модели гражданского оборота на рынке ценных бумаг.

Полагаем, что цифровой объект, в качестве самостоятельного объекта гражданских прав может быть назван в качестве такого, если он обладает определенной ценностью, которая позволяет ему стать объектом имущественного оборота. Ценность указанного объекта как социального блага инициирует и стимулирует возможность его (объекта) гражданского оборота, т.е. возможность перехода субъективных прав на цифровой объект. При этом в случае, если оборот того или иного цифрового объекта не может возникнуть, то и не может возникнуть цифровое гражданское правоотношение. Ряд ученых также поддерживают идею о том, что одним из признаков цифрового имущества является его оборотоспособность, наряду с виртуальностью и цифровой формой².

Что касается правовой сущности цифровых объектов цифровых гражданских правоотношений, полагаем, что они могут быть квалифицированы как объекты особой имущественной ценности (так называемые *sui generis*), на что указывают и некоторые ученые³, в связи с чем в отношении указанных объектов действует особый правовой режим, отчасти схожий или аналогичный с правовым режимом объектов интеллектуальной собственности.

Таким образом, объектом цифрового гражданского правоотношения является имеющий ценность для гражданского оборота цифровой объект гражданского права, созданный и существующий в специальной информационной системе в виде закодированной информации об указанном объекте (о его наполнении либо содержании) и способный быть объектом гражданско-правового оборота.

Цифровой субъект цифрового гражданского правоотношения. Если сейчас не вызывает удивления существование цифровых объектов (цифрового имущества в различных вариациях: 1) цифровые права; 2) различного рода токены (в том числе криптовалюта⁴); 3) виртуальное имущество (в компьютерных играх, социальных сетях и др.); 4) доменное имя; 5) сайт страницы в Интернет; 6) большие данные (Big data) и др.), то существование цифровых субъектов, как объектов научно-правового исследования, все еще вызывает определенный скептицизм. Сложно, в большей степени психологически, выделить своего собственного аватара (вторую, но уже цифровую, личность) и назвать его отдельным субъектом права с определенными правилами приобретения правоспособности, пределами указанной правоспособности, самостоятельной ответственностью и прочими атрибутами гражданско-правовых субъектов.

Сложность также состоит в затруднительности осознания того, что цифровой субъект может действовать самостоятельно (в отрыве от воли реального субъекта). Однако, по нашему мнению, уже сейчас можно говорить об определенном уровне самостоятельности цифровой личности в совершении юридически значимых действий, которые могут влечь соответствующие юридические последствия. Так, например, деятельность цифровой личности в цифровой среде на рынке цифровых финансовых активов (цифрового капитала) уже сейчас можно в определенной степени «автоматизировать» с использованием юридико-технических конструкций смарт-контрактов и искусственного интеллекта, задав цифро-

¹ Кудрявцева Т. Ю., Кожина К. С. Основные понятия цифровизации // Вестник Академии знаний. 2021. № 44 (3). С. 149–151.

² Петраков Н. А. Цифровое имущество как объект гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3. М., 2024. 252 с.

³ Карцхия А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. М., 2019. 394 с.

⁴ Ермаков А.В. Криптовалюта как объект гражданских прав // Аграрное и земельное право. 2024. № 2(230). С. 164- 166.

вой личности определенный вектор работы, после чего цифровая личность самостоятельно и на основе машинного (интеллектуального) обучения будет самостоятельно совершать сделки на основе автоматизированных контрактов для достижения заданного результата. Например, на сегодняшний день в бизнес-среде известны определенные цифровые сервисы, автоматизирующие оборот на рынке капитала¹, а именно: 1) TensorTrade – это фреймворк, использующий нейросети для разработки и оценки торговых стратегий, включающий в себя среду для управления агентами, которые совершают сделки; 2) Tickeron – это онлайн-платформа, использующая роботов на основе ИИ для распознавания паттернов и прогнозирования трендов; 3) Octobot Cloud – это облачная платформа, использующая ИИ для анализа рынка и выдачи торговых рекомендаций, поддерживающая автоматизацию стратегий и создание криптокорзин и др.

Приведенный выше пример самостоятельности цифрового субъекта в его деятельности по достижению определенного экономического интереса неминуемо порождает вопрос об ответственности: кто несет ответственность за действия цифрового субъекта? Полагаем, что в данном случае указанный вопрос разрешается аналогично ответственности юридического лица. Ряд ученых также поддерживают приведенное нами выше суждение. Так, заслуживают внимания следующие обоснованные взгляды Т.В. Дерюгиной²: «По аналогии с юридическим лицом цифровая личность подлежит регистрации в специальном реестре и наделяется имуществом, находящимся в электронном кошельке, обособленным от имущества своего создателя. Сведения о состоянии электронного кошелька должны быть доступны контрагентам. Цифровая личность вступает в правоотношения от своего имени и отвечает по обязательствам всем своим имуществом, а ее создателем может выступать только полностью дееспособное лицо. Как и у классического субъекта в материальном мире, у цифровой личности должны быть свои идентификаторы. Так, аналогом документа, удостоверяющего личность, с учетом особенностей цифровой среды у цифровой личности может быть аккаунт либо личный кабинет; для вступления в обязательства цифровая личность может иметь (так же, как и субъект в материальном мире) цифровую подпись».

Наше мнение также заключается в том, что основные принципы института ограниченной ответственности юридического лица, который в настоящий момент позиционируется в отечественном законодательстве, могут быть распространены и на ответственность цифровой личности. Так, такая ответственность, исходя из специфики цифрового гражданского правоотношения и по общему правилу, должна ограничиваться средой существования указанного правоотношения, т.е. цифровая личность должна нести ответственность только своим цифровым имуществом за нарушение своих цифровых обязанностей в цифровой среде. При этом полная ответственность цифровой личности, т.е. ответственность не только цифровым имуществом, но и имуществом реального субъекта (создателя цифровой личности), естественно может быть применена в случаях умышленных субъективных злоупотреблений создателя цифровой личности с целью причинения вреда иным субъектам цифрового гражданского оборота.

Что касается возможности признания нереальной (цифровой) личности субъектом гражданского права, то в подтверждение такой возможности следует обратиться к выводам известного немецкого ученого, сторонника строго позитивного права Ганса Кельзена, который утверждал, что для права нет разницы: существует субъект в реальности или он всего лишь искусственная конструкция – так как в конечном счете физическое лицо как правовой институт является искусственной конструкцией правоведения, физическое лицо также является «юридическим»³. Подтверждение идеи Г. Кельзена мы можем также найти в научной статье Г.А. Гаджиева «Является ли робот-агент лицом? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики)»⁴.

И ведь на самом деле, термин «физическое лицо» искусственно введен в научный и законодательный терминологический оборот, в связи с необходимой потребностью для цели гармоничного наполнения внутреннего содержания гражданского правоотношения. Так и термин «цифровой субъект» может быть введен в терминологический оборот в ходе научной разработки концепции цифрового гражданского правоотношения, как неотъемлемый элемент указанного правоотношения. Следует согласиться с мнением А. В. Ермакова⁵, который утверждает, что: «права в цифровой среде – это не права пользователя, это права аватара, которыми распоряжается аватар и которые могут быть переданы от одного пользователя к другому в том числе путем передачи прав на аватар».

Исходя из цифровой специфики цифрового гражданского правоотношения (его существования исключительно в рамках специальной цифровой платформы), процесс цифровой правореализации, установление связей между субъектами цифрового гражданского правоотношения, происходит исключительно в рамках цифровой среды (цифровой платформы). Т.е. реальный субъект гражданских прав даже при полной своей правосубъектности, при наличии действительной воли и правомерного интереса не может инициировать цифровое гражданское правоотношение до момента пока не получит оцифровку своей личности в цифровой среде, в рамках которой происходит обращение цифровых объектов гражданского права. Следовательно, до момента получения статуса цифровой личности реальный субъект гражданского права не имеет ни технической, ни юридической возможности осуществлять свои правомочия в рамках цифрового гражданского правоотношения.

Таким образом, полагаем, что на сегодняшний день есть все основания развивать концепцию цифрового субъекта, как самостоятельного элемента цифрового гражданского правоотношения.

Цифровые субъективные права, цифровые юридические обязанности, а также цифровое состояние субъектов как содержание цифрового гражданского правоотношения. Безусловно, что в рамках цифрового гражданского правоотношения у цифровых субъектов по поводу цифровых объектов цифрового гражданского правоотношения возникают цифровые субъективные права и цифровые юридические обя-

¹ Источник: <https://vc.ru/invest/1866747-neiroseti-dlya-treidinga-top-ii-servisov-dlya-torgovli-na-birzhe> (дата обращения 22.08.2025)

² Дерюгина Т. В. О специфике правоотношений в цифровой среде и цифровой личности как новом субъекте // *Цивилист*. 2024. № 2. С. 13–19.

³ Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лезова. 2-е изд. - Санкт-Петербург: Алет-Пресс, 2015. - 542 с.

⁴ Гаджиев Г. А. Является ли робот-агент лицом? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // *Журнал российского права*. 2018. № 1 (253). С. 21

⁵ Ермаков А. В. Аватары в цифровом пространстве / А.В. Ермаков // *Копирайт (Вестник академии интеллектуальной собственности)*. – 2025. - № 2. – С. 13-22.

занности. Спецификой таких прав и обязанностей является их возникновение и осуществление исключительно в цифровой среде в рамках специально созданных и функционирующих цифровых платформ.

При этом реализация цифровых субъективных прав и обязанностей происходит в динамике цифровых гражданских правоотношений, которая как правовой процесс применительно к цифровым гражданским правоотношениям осуществляется исключительно в цифровой среде. Таким образом, несмотря на то, что модельные правила поведения субъектов (их права и обязанности) могут содержаться в соответствующих нормах права, правилах цифровых платформ и прочих нормативных актах, то реальные (фактические) субъективные права и юридические обязанности субъектов цифрового гражданского правоотношения подвержены влиянию, а может быть даже лучше сказать, что проистекают (основываются) на цифровых возможностях (по сути, технических и юридических ограничениях, эксклюзивных дополнениях, расширениях, режимах работы и пр. факторах) соответствующих цифровых платформ. Аналогичные выводы вполне обоснованно делает и А.И. Минаева в своей диссертационной работе «Индивидуальные субъекты российского права в условиях развития цифровых технологий: теоретико-правовое исследование»¹, которые отчетливо прослеживаются в рамках соответствующих положений, выносимых на защиту.

Следовательно, фактические субъективные права и юридические обязанности, существующие в рамках цифровой среды (цифровых платформ) по своей форме и внутренней наполненности априорно являются цифровыми (и имеют цифровые особенности), а поэтому можно утверждать, что такие субъективные права и обязанности составляют содержание цифрового гражданского правоотношения.

Одной из ключевых характеристик любого правоотношения является состояние его субъектов, т.е. их положение в процессе динамики правоотношения. При этом специфику правоотношения создает юридическая связь (взаимосвязь) субъектов правоотношения. Способ взаимосвязи субъективных прав и обязанностей свидетельствует об особенностях правовой связи субъектов, а также о способах, средствах и приемах правового регулирования определенной сферы общественных отношений. Очевидно, что специфику цифрового гражданского правоотношения создает его особенная (цифровая) связь цифровых субъектов внутри правоотношения. Эта связь проявляется в ходе возникновения, перехода и прекращения (что в целом составляет процесс динамики правоотношения) субъективных прав и юридических обязанностей в рамках соответствующей цифровой платформы.

Говоря о правовой категории «состояние гражданского правоотношения» нельзя не упомянуть рассуждения Л.А. Чеговадзе, приведенные ей в своей диссертационной работе «Система и состояние гражданского правоотношения»². Так Людмила Алексеевна делает вывод о том, что: «Категория «состояние в праве» определяет то, какие правовые возможности принадлежат субъекту правоотношения в каждый строго определенный период (момент) его развития, позволяет определить степень их готовности к реализации. В то время как свойству состояния в правоотношении присущи и потенциальные правовые возможности лица, и те, которые уже исчерпаны на предыдущей стадии, и те, которые возможны к осуществлению в данный конкретный момент развития правоотношения. Эта категория характеризует движение субъекта внутри системы правоотношения и поэтому является мерой процесса движения субъектов в системе правоотношения».

Заключение. Процесс всеобъемлющей цифровизации в настоящий момент оказывает существенное влияние на гражданские правоотношения в связи с чем под влиянием цифровизации возникает цифровое гражданское правоотношение, имеющее признаки самостоятельного гражданско-правового института.

Гражданское цифровое правоотношение является самостоятельной правовой доктринальной категорией, которую следует отграничивать от цифрового правоотношения, как более общего, собирательного термина.

Когда мы говорим о цифровом правоотношении, мы говорим только о форме правоотношения. Когда же мы говорим о цифровом гражданском правоотношении, мы говорим, как о форме такого правоотношения, так и о его содержании. У цифрового гражданского правоотношения и форма, и содержание являются цифровыми.

Важно понимать, что цифровое гражданское правоотношение складывается исключительно по поводу цифровых объектов гражданского права. Иные гражданские правоотношения являются лишь правоотношениями в цифровой форме по поводу нецифровых объектов.

Цифровые объекты гражданского права – это цифровые коды, полученные в результате оцифровки реально существующих объектов и информации, запись о которых (о цифровых объектах) внесена в определенный реестр, имеющие ценность для субъектов правоотношения и способные быть объектом гражданского оборота.

Структурными элементами цифрового гражданского правоотношения являются: 1) цифровой субъект; 2) цифровой объект; 3) цифровые субъективные права и юридические обязанности, а также 4) цифровая связь между субъектами или их цифровое состояние. Т.е. все элементы цифрового гражданского правоотношения являются цифровыми.

При этом состояние субъектов цифрового гражданского правоотношения имеет свои особенности, обусловленные внутренней цифровой связью субъектов указанного правоотношения, такие как: 1) возникновение, изменение и прекращение прав и обязанностей субъектов правоотношения возможны только в рамках цифровой среды и с помощью цифровых технологий (цифровой регистрации и идентификации); 2) устойчивость динамики цифрового гражданского правоотношения зависит от устойчивости работы программно-технологического обеспечения цифровой платформы, обеспечивающей среду обитания цифрового гражданского правоотношения; 3) пределы осуществления субъективных прав субъектов цифрового гражданского правоотношения зависят в том числе от технических возможностей соответствующих цифровых платформ;

¹ Минаева А. И. Индивидуальные субъекты российского права в условиях развития цифровых технологий: теоретико-правовое исследование: диссертация ... кандидата юридических наук: 5.1.1. - Москва, 2022. - 179 с.

² Чеговадзе Л. А. Система и состояние гражданского правоотношения: диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.03. - Москва, 2005. - 585 с.

4) цифровые субъективные права и юридические обязанности имеют особенные (эксклюзивные) формы реализации в рамках динамики цифрового гражданского правоотношения, основанные на соответствующих цифровых юридико-технических возможностях, таких как искусственный интеллект, криптографические средства передачи информации, смарт-контракты и иные способы обеспечения процесса динамики цифрового гражданского правоотношения.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 2020.
2. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
3. Андреев, Ю. Н. Правовые отношения в современном российском праве: общетеоретические и отраслевые аспекты: Монография / Ю.Н. Андреев — Москва: Проспект, 2024.
4. Вайпан В. А. Цифровое право: истоки, понятие и место в правовой системе. «Право и экономика», 2024, N 1.
5. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1974. С. 298.
6. Гаджиев Г. А. Является ли робот-агент лицом? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 21.
7. Дерюгина Т. В. О специфике правоотношений в цифровой среде и цифровой личности как новом субъекте // Цивилист. 2024. № 2. С. 13–19.
8. Ермаков А.В. Криптовалюта как объект гражданских прав // Agrarian and land law. 2024. № 2(230). С. 164- 166.
9. Ермаков А. В. Аватары в цифровом пространстве / А.В. Ермаков // Копирайт (Вестник академии интеллектуальной собственности). — 2025. - № 2. — С. 13-22.
10. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире // Российская газета: Столичный выпуск. №7578 (115).
11. Кудрявцева Т. Ю., Кожина К. С. Основные понятия цифровизации / Вестник Академии знаний. 2021. № 44 (3). С. 149–151.
12. Карцхия А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. М., 2019. 394 с.
13. Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лезова. 2-е изд. - Санкт-Петербург. Алеф-Пресс, 2015. - 542 с.
14. Минаева А. И. Индивидуальные субъекты российского права в условиях развития цифровых технологий: теоретико-правовое исследование: диссертация ... кандидата юридических наук: 5.1.1. - Москва, 2022. - 179 с.
15. Петраков Н. А. Цифровое имущество как объект гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3. М., 2024. 252 с.
16. Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. Т. I / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 2011. С. 278–279, 456–457.
17. Чеговадзе Л. А. Система и состояние гражданского правоотношения: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.03. - Москва, 2005. - 585 с.
18. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974.
19. Явич Л. С. Общая теория права. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1976.

References:

1. Federal Law No. 259-FZ dated 07/31/2020 "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information. URL: www.pravo.gov.ru 2020.
2. Dictionary of the Russian language: In 4 volumes / RAS, Institute of Linguistics. research; Edited by A. P. Evgenieva. - 4th ed., ster. — Moscow: Rus. yaz.; polygrafresursy, 1999.
3. Andreev, Yu.N. Legal relations in modern Russian law: general theoretical and sectoral aspects: A monograph / Yu.N. An-dreev — Moscow: Prospekt, 2024.
4. Vaipan V. A. Digital law: origins, concept and place in the legal system. "Law and Economics", 2024, No. 1.
5. Hegel G. V. F. Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol. 1. Moscow, 1974. p. 298.
6. Gadzhiev G. A. Is a robot agent a person? (search for legal forms for regulating the digital economy) // Journal of Russian Law. 2018. No. 1 (253). pp. 21.
7. Deryugina T. V. On the specifics of legal relations in the digital environment and the digital personality as a new subject // Civilist. 2024. No. 2. pp. 13-19.
8. Ermakov A.V. Cryptocurrency as an object of civil rights // Agrarian and land law. 2024. No. 2(230). pp. 164-166.
9. Ermakov A.V. Avatars in the digital space / A.V. Ermakov // Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property). — 2025. - No. 2. — pp. 13-22.
10. Zorkin V. D. Law in the digital world // Rossiyskaya gazeta: Stolichny issue. No.7578 (115).
11. Kudryavtseva T. Yu., Kozhina K. S. Basic concepts of digitalization / Bulletin of the Academy of Knowledge. 2021. No. 44 (3). pp. 149-151.
12. Kartskhiya A. A. Civil law model of regulation of digital technologies: dis. ...Dr. Jurid. sciences: 12.00.03. Moscow, 2019. 394 p.
13. Kelsen G. Pure doctrine of law / translated from German by M.V. Antonov and S.V. Lezov. 2nd ed. - St. Petersburg. Alef-Press, 2015. - 542 p.
14. Minaeva A. I. Individual subjects of Russian law in the context of the development of digital technologies: theoretical and legal research: dissertation... Candidate of Sciences in Law: 5.1.1. - Moscow, 2022. - 179 p.
15. Petrakov N. A. Digital property as an object of civil rights: dis. ... kand. jurid. Sciences: 5.1.3. Moscow, 2024. 252 p.
16. Savigny F. K. background. The system of modern Roman law. Vol. I / translated from German by G. Zhigulin; edited by O. Kutateladze, V. Zubar. Moscow: Statute, 2011. pp. 278-279, 456-457.
17. Chegovadze L. A. The system and state of civil law relations: dissertation... Doctors of Law: 12.00.03. - Moscow, 2005. - 585 p.
18. Khalfina R. O. General doctrine of legal relations. Moscow: Jurid. lit., 1974.
19. Yavich L. S. General theory of law. Leningrad University Publishing House, 1976.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА ЧЛЕНОВ ТОВАРИЩЕСТВ СОБСТВЕННИКОВ НЕДВИЖИМОСТИ

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF THE COMMON PROPERTY OF MEMBERS OF REAL ESTATE OWNERSHIP ASSOCIATIONS

КАЛИНИНА Ольга Евгеньевна,

доцент кафедры гражданского права и процесса Тульского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат педагогических наук. 300026, Россия, г. Тула, пр. Ленина, 104.

E-mail: ppersonal71@mail.ru;

KALININA Olga Evgenievna,

Associate Professor of the Department of Civil Law and Process of the Tula Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Candidate of Pedagogical Sciences. 104 Lenin Prospekt, Tula, Russia, 300026.

E-mail: ppersonal71@mail.ru.

Краткая аннотация: В статье рассмотрены вопросы правового регулирования общего имущества различных товариществ собственников недвижимости и их членов в сфере садоводства и огородничества, управления многоквартирными домами, малозэтажной жилой застройки. Предметом исследования является анализ особенностей реализации прав собственников недвижимых вещей как в связи с имуществом общего пользования, так и долевой собственностью на общее имущество в границах территории товарищества собственников недвижимости. Используемые автором частнонаучные и общенаучные методы исследования (статистический, формально-юридический, сравнительно-правовой), позволили выявить пути унификации гражданского законодательства Российской Федерации в отношении общего имущества членов товариществ собственников недвижимости, что расширит возможности для защиты прав и законных интересов собственников недвижимого имущества.

Abstract: The article discusses the issues of legal regulation of common property of various associations of real estate owners and their members in the sphere of gardening and horticulture, management of apartment buildings, and low-rise residential development. The subject of the study is the analysis of the features of the implementation of the rights of owners of immovable property, both in relation to common property and shared ownership of common property within the territory of the association of real estate owners. The author's use of private scientific and general scientific research methods (statistical, formal-legal, and comparative-legal) allowed him to identify ways to unify the civil legislation of the Russian Federation regarding the common property of members of real estate partnerships, which will expand opportunities for protecting the rights and legitimate interests of real estate owners.

Ключевые слова: общее имущество, имущество общего пользования, долевая собственность на общее имущество, товарищество собственников недвижимости, товарищество собственников жилья, многоквартирный дом, жилое помещение, машиноместо, земельный участок, общее собрание.

Key words: common property, common use property, shared ownership of common property, real estate owners' association, housing owners' association, apartment building, residential premises, parking space, land plot, general meeting.

Для цитирования: Калинина О.Е. Особенности правового регулирования общего имущества членов товариществ собственников недвижимости // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 266-269. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_266.

For citation: Kalinina O.E. Features of legal regulation of the common property of members of real estate ownership associations // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 266-269. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_266.

Статья поступила в редакцию: 14.08.2025

Введение

Товарищества собственников недвижимости (ТСН) как корпоративные некоммерческие организации получили законодательное закрепление в ст. 123.12 Гражданского кодекса РФ после 1 сентября 2014 года вследствие унификации организационно-правовых форм юридических лиц. Товарищества объединяют на основе членства собственников недвижимого имущества (жилых помещений, зданий и строений, земельных участков разного режима использования, гаражей, машино-мест и др.), которые могут владеть и пользоваться общим имуществом, конструктивно взаимосвязанным и обслуживающим их объекты недвижимости (в частности, земельными участками, конструкциями обеспечивающими доступную среду для маломобильных групп населения, крышами, водонапорными башнями, подвальными помещениями, и др.).

В 2025 г., по сравнению с 2024 г., выросло до 107 762 количество различных товариществ собственников недвижимости в связи с внесением изменений в главу 16 Гражданского кодекса РФ и введением специальных федеральных законов, регулирующих деятельность отдельных видов юридических лиц (например, Федеральные законы от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», от 24.07.2023 № 338-ФЗ «О гаражных объединениях и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», и др.) [7, с.12].

Формирование общего имущества собственников недвижимых вещей в границах ТСН

Во многих регионах страны, в частности, Вологодской, Костромской, Ленинградской, Московской, Новосибирской, Саратовской, Томской, Тульской областях, Ханты-Мансийском автономном округе развиваются различные формы взаимодействия органов власти и товариществ собственников недвижимости, объединяющих собственников помещений в многоквартирных домах, гаражей, индивидуальных жилых домов, домов блокированной застройки, что позволяет им иметь следующие права [8, с.74]:

– право на освобождение от платы за пользование государственным и муниципальным имуществом, а также на перевод его из режима публичной собственности в режим долевой собственности на общее имущество или имущества товариществ;

– право на налоговые льготы для товариществ собственников недвижимости (в отношении объектов недвижимого имущества или сни-

жение налоговой ставки по поступающим платежам за коммунальные услуги);

- право на получение субсидий, субвенций и муниципальных грантов для создания общего имущества членов товариществ (благоустройство территории в границах товариществ, организация спортивных и детских площадок, зон отдыха и др.) [2, с.17].

Как показывает практика межведомственного взаимодействия Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ и Министерства финансов РФ в сфере комплексного развития территорий предусматривается развитие транспортной, коммунальной, рекреационной инфраструктуры, в том числе в зоне частной застройки [9, с.118].

Имущественную основу деятельности товариществ собственников недвижимости могут образовывать вступительные и текущие членские взносы; денежные средства от приносящей доход деятельности, реализуемой с учетом уставных целей; вещи, передаваемые органами государственной власти и третьими лицами для формирования имущества общего пользования членов товарищества и другие источники [10, с.39]. При этом учредители и члены не имеют имущественных прав на имущество некоммерческой организации и не отвечают по ее обязательствам.

Результатом реализации Концепции развития гражданского законодательства, утвержденной Указом Президента РФ от 18.07.2008 № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» является то, что основные нормы, регулирующие долевую собственность на общее имущество собственников недвижимых вещей (зданий, сооружений и земельных участков), включены как в Гражданский кодекс РФ и Жилищный кодекс РФ, так и отдельные федеральные законы (например, Федеральный закон «О гаражных объединениях и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и др.).

По мнению Е.А. Суханова, нормы § 2 главы 16 ГК РФ могут быть основанием формирования долевой собственности на общее имущество для собственников недвижимых вещей в зданиях, строениях и сооружениях [3, с.116]. Но в отдельных случаях (коттеджные поселки, садоводческие товарищества, гаражные объединения и др.) сегодня применяются нормы специальных федеральных законов, являющиеся основанием возникновения долевой собственности. Так, согласно ст. 259.1 ГК РФ в случае самоуправления в многоквартирном доме, либо отсутствия государственной регистрации товарищества собственников недвижимости только решение, принятое всеми собственниками на общем собрании, может быть условием возникновения отдельного объекта гражданского права – общего имущества собственников недвижимых вещей.

Алексеев В.А. и Зимин И.А. отмечают, что общее имущество собственников недвижимых вещей может иметь разный правовой режим и находиться [4 с.144]:

- в собственности корпоративной некоммерческой организации (ст. 6 Федерального закона «О гаражных объединениях и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ст. 4 Федерального закона «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»)
- в совместной собственности членов некоммерческой организации;
- в государственной или муниципальной собственности;
- в собственности третьих лиц (осуществляющих газо-, водо-, тепло- и электроснабжение, водоотведение, и др.).

Как показывает практика деятельности товариществ собственников недвижимости в данной сфере, перечень прав и обязанностей членов товарищества собственников недвижимости зависит от того, находятся объекты недвижимого имущества в общей собственности, или выступают в качестве имущества общего пользования.

Как показывает анализ уставов товариществ собственников недвижимости, проведенный Центром по содействию устойчивому развитию гражданского общества, в исключительную компетенцию общего собрания как высшего органа управления может входить решение вопросов:

- ограничения по распоряжению товариществом имущества общего пользования, находящегося в собственности юридического лица;
 - утверждения локальных нормативных актов о порядке формирования имущества товарищества, с учетом проектной документации по созданию новых объектов общего имущества;
 - принятия решения о приобретении товариществом на праве собственности недвижимого имущества в границах земельного участка данной некоммерческой организации;
 - одобрения переустройства, перепланировки, реконструкции помещений в границах данного комплекса недвижимых вещей [5, с.58].
- Обратимся к анализу правового режима общей собственности в товариществах, объединяющих собственников разных объектов недвижимого имущества.

Условия правового регулирования общего имущества членов ТСЖ

В. А. Белов подчеркивают, что, согласно ст. 259.1 ГК РФ право долевой собственности собственников недвижимых вещей на общее имущество возникает одновременно с правом на помещение в многоквартирном доме в силу закона [6, с.87].

Необходимо обратить внимание и на то, что доля собственника помещения в общем имуществе многоквартирного дома вне зависимости от способа управления (например, управляющая компания, товарищество собственников жилья (ТСЖ), жилищный кооператив, самоуправление):

- не является предметом договора купли-продажи по правилам преимущественной покупки (ст. 250 ГК РФ);
- не может быть выделена в натуре (необоротоспособность общего имущества многоквартирного дома);
- не подлежит отчуждению без расположенного под многоквартирным домом земельного участка;
- размер доли в праве общей собственности зависит от площади принадлежащего на праве собственности помещения (п. 1 ст. 259.2 ГК РФ);

На основании проведенного анализа уставной деятельности товариществ собственников жилья и судебной практики можно выделить следующие условия правового регулирования общего имущества членов ТСЖ, а также других собственников помещений в многоквартирном доме:

– ТСЖ как некоммерческая организация может формировать имущественную основу для реализации уставных целей и в правовом режиме имущества общего пользования могут находиться: электрическое, санитарно-техническое и иное оборудование (в том числе для обеспечения доступной среды маломобильным группам населения), ограждающие и иные конструкции многоквартирного дома, обслуживающие более одного помещения в здании (ст.36 ЖК РФ) [1, с.114];

– для проведения работ по перепланировке, переустройству и реконструкции требуется согласие органов местного самоуправления и решение общего собрания собственников всех помещений в многоквартирном доме;

– использование общего имущества многоквартирного дома одним из собственников возможно на основании решения общего собрания собственников помещений. Например, размещение на фасаде здания наружного блока кондиционера с внешней стороны принадлежащей собственнику квартиры (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.03.2023 № 5-KG22-150-K2 (УИД 77RS0004-02-2021-005394-46));

– земельные участки, являющиеся общим имуществом многоквартирного дома, принадлежат собственникам помещений в доме на праве общей долевой собственности (ст.36 ЖК РФ) и освобождаются от налогообложения (ст. 389 НК РФ);

– ТСЖ, в отличие от управляющей компании, в рамках реализации уставных целей имеет право заключать договоры аренды на часть общего имущества, возводить капитальные строения для их эксплуатации всеми членами товарищества (ст. 135, 137 ЖК РФ);

– размер платы за содержание и текущий ремонт общего имущества в МКД должен быть утвержден на общем собрании собственников помещений на основе утвержденной сметы доходов и расходов на соответствующий год (п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 22).

Если обратиться к гаражным комплексам, то следует сказать, что исходя из ст. 7 Федерального закона от 24.07.2023 № 338-ФЗ «О гаражных объединениях и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ограждения, ворота и технические площадки, которые удовлетворяют общие потребности членов организации являются имуществом общего пользования до момента его перевода в режим общего имущества при установлении на него долевой собственности на основании закона (Решение Находкинского городского суда Приморского края от 5 декабря 2023 г. по делу № 2-3402/2023). В то же время несмотря на наличие специального федерального закона, в статье 50 ГК РФ в перечне видов товариществ собственников недвижимости гаражные объединения отсутствуют.

Правовой режим общего имущества в границах ТСН в сфере садоводства и огородничества

К общему имуществу собственников недвижимых вещей товариществ собственников недвижимости в сфере садоводства или огородничества относятся земельные участки и объекты капитального строительства общего назначения, находящиеся в границах данной некоммерческой организации и используемые для удовлетворения потребностей всех или части ее членов. Возникновение и прекращение права на долю в общем имуществе происходит только с момента государственной регистрации в Росреестре (ст. 25 Федерального закона «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Анализ уставов товариществ собственников недвижимости в сфере садоводства и огородничества показывает, что в отдельных регионах Российской Федерации порядок формирования имущества юридического лица определяется положением как локально-нормативным актом, утвержденным на общем собрании некоммерческой организации (Московская, Костромская, Оренбургская, Саратовская, Тульская области).

Имущество, созданное или приобретенное с 1 января 2019 года в границах товариществ собственников недвижимости в сфере садоводства или огородничества, принадлежит на праве общей долевой собственности собственникам земельных участков, расположенных в границах территории поселения (т.е. является общим имуществом).

Общее имущество членов товариществ собственников недвижимости в сфере садоводства или огородничества имеет следующие характеристики:

– ограниченная оборотоспособность общего имущества по кругу субъектов (члены товарищества, само товарищество, владельцы земельных участков в границах товарищества);

– общее имущество может быть передано безвозмездно на праве собственности от товарищества к его членам;

– земельные участки в границах товарищества могут быть переданы органами государственной и муниципальной власти в общую долевую собственность собственников земельных участков садоводческого поселения на основании решения общего собрания при согласии всех участников (в том числе, на основании норм Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»);

– физические лица, имеющие земельные участки на ограниченном вещном праве (постоянного (бессрочного) пользования и пожизненного наследуемого владения) не приобретают право общей долевой собственности (поскольку не являются собственниками земельных участков).

Как показывает анализ практики региональных управлений Министерства юстиции Российской Федерации многие товариществ собственников недвижимости в сфере огородничества и садоводства прошли процедуру реорганизации. В случае если все члены являются собственниками земельных участков, то на общих собраниях может быть принято решение о ликвидации данной некоммерческой организации на основании выполнения уставных целей, и в дальнейшем общие собрания собственников земельных участков могут принимать решения по управлению имуществом общего пользования (в том числе находящемся в общей долевой собственности) (п. 103 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Пути повышения эффективности формирования общего имущества ТСН

Проведенный анализ регулирования правового режима имущества собственников недвижимых вещей в разных регионах РФ позволил

выявить следующие пути повышения эффективности формирования общего имущества товариществами собственников недвижимости:

- унификация норм Гражданского кодекса РФ и федеральных законов, регулирующих деятельность отдельных видов товариществ собственников недвижимости в отношении регулирования общего имущества с целью гармонизации законодательства (с целью исключения дублирования норм);
- дополнение перечня видов товариществ собственников недвижимости объединениями собственников гаражей, индивидуальных жилых домов. Предлагаем внести следующие изменения в пункт 3 статьи 50 Гражданского кодекса РФ, изложив его в следующей редакции «товариществ собственников недвижимости, к которым относятся в том числе товарищества собственников жилья, садоводческие или огороднические некоммерческие товарищества, гаражные объединения, территорий малоэтажного жилищного строительства»;
- разработка рекомендаций по подготовке и проведению общих собраний с учетом участия как членов корпоративной некоммерческой организации, так и других собственников недвижимого имущества в границах товарищества;
- законодательное закрепление в статье 181.2 Гражданского кодекса РФ обязательного характера внесения в протокол общего собрания членов ТСН сведений о лицах, голосовавших против принятия решения собрания по вопросу распоряжения имуществом, находящимся в общей долевой собственности (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.09.2023 № 41-КГ23-42-К4 (УИД 61RS0050-01-2021-001243-35));
- утверждение типовых уставов товариществ собственников недвижимости с учетом перечня вопросов, относящихся к исключительной компетенции общего собрания юридического лица с указанием количества лиц, принимающих решения о создании и распоряжении общим имуществом, имуществом общего пользования, имуществом, находящемся в общей долевой собственности;
- унификация регулирования правового режима общего имущества членов товарищества собственников разных видов недвижимых вещей в отношении объектов, созданных после введения в эксплуатацию имущественного комплекса в границах товарищества (в виде дополнения перечня документов и круга уполномоченных лиц в Приказе Минэкономразвития России от 07.06.2017 № 278 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по предоставлению государственной услуги по государственному кадастровому учету и (или) государственной регистрации прав на недвижимое имущество»).

Заключение

Таким образом, в результате проведенного исследования можно резюмировать, что комплексная работа органов управления товариществ собственников недвижимости, их членов, органов государственной власти (Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ, Министерства юстиции РФ, Министерства финансов РФ, и др.) и местного самоуправления, третьих лиц (организаций, осуществляющих электро-, водо-, теплоснабжение имущественных комплексов в границах товариществ) требует эффективного взаимодействия на основе утвержденных корпоративных процедур. Для этого необходимо совершенствовать уставные документы товарищества и направления его взаимодействия по развитию общего имущества малоэтажных жилых комплексов в регионах.

Считаем также целесообразным внести изменения в типовые уставы товариществ собственников недвижимости и гармонизировать нормы в ГК РФ и специальных федеральных законов в отношении регулирования общего имущества, что позволит расширить возможности юридических лиц для защиты прав и законных интересов их членов – собственников недвижимого имущества.

Список литературы:

1. Алексеев, В.А. Территориальные комплексы недвижимости и новое законодательство об общей долевой собственности // Закон. – 2024. – № 6. – С. 111–123.
2. Головачевская, М. А. Измайлов, А.Т. Особенности функционирования и финансирования некоммерческих организаций // Вестник Российского университета кооперации. – 2022. – № 4 (50). – С. 15–20.
3. Гражданское право: в 4 т. Т. II / Отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2023. – С. 116.
4. Зимин, И.А. Актуальные вопросы судебной практики по спорам о содержании общего имущества коттеджного поселка // Юридическая наука. – 2021. – № 5. – С. 143 – 144.
5. Калинина, О.Е. Правовые особенности государственной регистрации некоммерческих организаций // Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты: Сборник докладов по материалам VIII всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 25 ноября 2022 г.). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. – С. 57–63.
6. Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / Под ред. В. А. Белова. – 2-е изд., стер. – М.: Изд-во Юрайт, 2020. – С.87.
7. Лаптев, В. А. Понятие общего имущества на современном этапе // Lex russica. – 2024. – Т. 77. № 2. – С. 9–21.
8. Некоммерческие организации: проблемы правового регулирования и правовые способы их решения / Ответственный редактор Сергин М.Ю. – М., 2023. – С.74.
9. Никитина, Е. Е. Конституционно-правовые основы институционализации гражданского общества в Российской Федерации: монография. – М.: ИНФРА-М, 2019. – С.118.
10. Юридические лица в современном гражданском праве. Т 1. / А.В. Габов, О.В. Гутников, Н.Г. Доронина и др.; отв. ред. А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Силицын. – М.: ИНФРА-М, 2022. – С.47.

References:

1. Alekseev, V.A. Territorial real estate complexes and new legislation on shared ownership // Law, 2024, no.6, pp. 111–123.
2. Golovchanskaya, M. A. Izmajlov, A.T. Features of functioning and financing of non-profit organizations // Bulletin of the Russian University of Cooperation, 2022, no. 4 (50), pp. 15–20.
3. Civil law: v 4 t. T. II / Otv. red. E.A. Suhanov. Moscow, Statut, 2023, p. 116.
4. Zimin, I.A. Actual issues of judicial practice in disputes over the maintenance of common cottage property settlement // Legal science, 2021, no. 5, pp. 143 – 144.
5. Kalinina, O.E. Legal features of state registration of non-profit organizations // Modern trends in the development of private law, enforcement proceedings and methods of legal protection: A collection of reports based on the materials of the VIII All-Russian Scientific and Practical conference (Sankt-Peterburg, 25 noyabrya 2022 g.). Sankt-Peterburg, Sankt-Peterburgskij institut (filial) VGUYu (RPA Minyusta Rossii), 2022, pp. 57–63.
6. Corporate Law. Current Issues of Theory and Practice / Pod red. V. A. Belova. 2 izd., ster. Moscow, Izd-vo Yurajt, 2020, p.87.
7. Laptev, V. A. The Concept of Common Property at the Present Stage // Lex russica, 2024, t. 77, no. 2, pp. 9–21.
8. Non-profit organizations: problems of legal regulation and legal ways to solve them / Otvetsstvennyj redaktor Sergin M.Yu. Moscow, 2023, p.74.
9. Nikitina, E.E. Constitutional and Legal Foundations of the Institutionalization of Civil Society in the Russian Federation: A Monograph. M. INFRA-M, 2019, p.118.
10. Legal entities in modern civil law. T 1. / A.V. Gabov, O.V. Gutnikov, N.G. Doronina i dr.; отв. red. A.V. Gabov, O.V. Gutnikov, S.A. Sinicyan. Moscow, INFRA-M, 2019, p.47.

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ DEVELOPMENT OF THE LEGAL INSTITUTE OF MEDIATION: FOREIGN AND REGIONAL EXPERIENCE

АСАНОВ Сейтек Аалиевич,

кандидат юридических наук, и.о. доцент, Ректор Международного университета Кыргызской Республики.

Проспект Чуй 255, г. Бишкек, Кыргызская Республика.

E-mail: seitek.asanov@gmail.ru;

ASANOV Seitek Aalievich,

candidate of legal sciences, acting associate professor Rector of the International University of the Kyrgyz Republic.

Chui Avenue 255, Bishkek KR.

E-mail: seitek.asanov@gmail.ru

Краткая аннотация: В статье представлен теоретико-правовой анализ зарубежного опыта правового регулирования института медиации как альтернативного способа разрешения споров. Исследованы основные подходы к формированию правовых механизмов медиации в странах Европы, США и СНГ. Особое внимание уделено законодательным моделям регулирования деятельности медиаторов, требованиям к их подготовке и принципам добровольности, конфиденциальности и нейтральности процедуры. Проведен сравнительный анализ нормативных основ медиации в международном и национальном праве, а также выявлены тенденции гармонизации законодательства в данной сфере. В статье обозначены преимущества зарубежного опыта для адаптации в правовую систему Кыргызской Республики, направленные на повышение эффективности досудебного урегулирования конфликтов и снижение нагрузки на судебные органы. Результаты исследования могут быть использованы при совершенствовании национального законодательства и развитии института медиации в Кыргызстане.

Abstract: The article presents a theoretical and legal analysis of the foreign experience of the legal regulation of the institute of mediation as an alternative method of dispute resolution. The main approaches to the formation of legal mediation mechanisms in Europe, the USA and the CIS are investigated. Special attention is paid to the legislative models regulating the activities of mediators, the requirements for their training and the principles of voluntariness, confidentiality and neutrality of the procedure. A comparative analysis of the normative foundations of mediation in international and national law has been carried out, and trends in the harmonization of legislation in this area have been identified. The article outlines the advantages of foreign experience for adaptation to the legal system of the Kyrgyz Republic, aimed at improving the effectiveness of pre-trial conflict resolution and reducing the burden on judicial authorities. The results of the study can be used to improve national legislation and develop the institute of mediation in Kyrgyzstan.

Ключевые слова: медиация, альтернативное разрешение споров, зарубежный опыт, правовое регулирование, медиатор, гармонизация законодательства.

Keywords: mediation, alternative dispute resolution, foreign experience, legal regulation, mediator, harmonization of legislation.

Для цитирования: Асанов С.А. Развитие правового института медиации: зарубежный и региональный опыт // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 270-272. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_270.

For citation: Asanov S.A. Development of the legal institute of mediation: foreign and regional experience // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 270-272. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_270.

Статья поступила в редакцию: 04.09.2025

Актуальность развития института медиации в Кыргызской Республике не вызывает сомнений, поскольку одной из наиболее острых проблем современной судебной системы является её значительная загруженность делами, отнимающими значительное количество времени, ресурсов и усилий. При этом многие из рассматриваемых споров незначительны по своему характеру, возможному ущербу и последствиям для сторон, однако существующая система, отличающаяся громоздкостью и бюрократизмом процедур, не оставляет пространства для более гибких и эффективных разрешительных механизмов.

В этих условиях медиация выступает как один из наиболее перспективных подходов к оптимизации деятельности судебной системы. Государство проявляет интерес к законодательному обеспечению данного института, однако пока что прямая и системная поддержка со стороны государственных органов остаётся недостаточной. Международные организации и донорские структуры оказывают содействие в виде проведения отдельных мероприятий, направленных на развитие медиации в Кыргызской Республике. В частности, было обучено около тысячи медиаторов, однако значительная часть из них так и не приступила к практической деятельности. Несмотря на это, начиная с 2013 года, наблюдается положительная динамика обращений за процедурой медиации и интереса к тренингам по разрешению конфликтов и споров [1].

С теоретико-концептуальной точки зрения медиация представляет собой процедуру, в рамках которой нейтральное лицо — медиатор — содействует сторонам конфликта в достижении взаимоприемлемого решения [2]. Современное понимание медиации начало формироваться во второй половине XX века, прежде всего в США, Австралии и Великобритании, откуда этот институт постепенно распространился в страны Европы [3].

Опыт Казахстана. Развитие медиации в Казахстане представляет особый интерес для Кыргызстана ввиду общности правовых традиций и схожести социально-правовой практики. Закон Республики Казахстан «О медиации» был принят в 2011 году [4] и закрепил медиацию как процедуру урегулирования спора при содействии медиатора с целью достижения сторонами взаимоприемлемого решения. Этот институт стал одной из ключевых новелл в процессе правовой реформы, воплотив принцип процессуальной экономии. Ряд казахстанских исследователей связывают медиацию с традиционными формами разрешения конфликтов, включая суды биев [5].

В отечественной доктрине Казахстана медиация рассматривается как часть более широкой тенденции развития восстановительного правосудия. Учёные отмечают, что, несмотря на растущее значение альтернативных способов урегулирования конфликтов, судебная форма остаётся наиболее совершенным и универсальным механизмом защиты прав [6]. Вместе с тем глобализационные и интеграционные процессы объективно усложняют общественные отношения, порождая всё новые и более сложные формы правовых конфликтов. Это требует гибкого и

комплексного правового регулирования, в том числе посредством квази-правовых и внесудебных средств разрешения споров.

Вопросы внедрения восстановительного правосудия нашли отражение в стратегических документах Казахстана, включая Концепцию правовой политики на 2010–2020 годы. При этом в научной среде активно обсуждается степень интеграции медиации в традиционную судебную систему, а также целесообразность введения обязательной медиативной процедуры. Международные эксперты подчёркивают необходимость учитывать культурные и правовые особенности конкретного государства при определении масштабов внедрения восстановительных подходов [7].

В Казахстане медиация применяется как в гражданском и семейном, так и в уголовном процессе — в отношении дел небольшой и средней тяжести [8]. Закон также дифференцирует профессиональных и непрофессиональных медиаторов, устанавливает требования к их деятельности и обязывает соблюдать Кодекс профессиональной этики [9].

Таким образом, нормативная база Казахстана является более системной и детализированной, чем законодательство Кыргызстана, поскольку в ней урегулированы вопросы институциональной организации медиативной деятельности, профессиональной подготовки медиаторов и участия местных сообществ.

Опыт Российской Федерации. В России институт медиации получил законодательное закрепление в 2010 году с принятием Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [10]. Его появление сопровождалось активными дискуссиями относительно реальных возможностей практического применения. Эксперты отмечали, что для успешного внедрения медиации необходимо не только адаптировать законодательство, но и изменить общественное восприятие института, преодолеть недоверие и недостаток информированности среди юристов и граждан [11].

Для эффективной реализации закона была разработана федеральная целевая программа [12], направленная на развитие примирительных процедур в духе восстановительной юстиции. Одновременно были внесены многочисленные изменения в гражданское и процессуальное законодательство, включая приостановление сроков исковой давности на период проведения медиации и возможность отложения судебного разбирательства до 60 дней. Введены положения о свидетельском иммунитете медиаторов, расширены возможности заключения мировых соглашений, а также установлены правила медиативной оговорки в арбитражных контрактах [13–14].

Тем не менее в российской доктрине сохраняются разногласия относительно допустимости обязательного обращения к медиации. Ряд исследователей полагают, что принудительная медиация противоречит её сути и приведёт лишь к бюрократизации процесса [15–16]. Другие, напротив, считают, что законодательное закрепление отдельных обязательных медиативных процедур повысило бы эффективность правосудия, если реализовать их с соблюдением принципа добровольности [18].

Европейский и американский опыт. Практика Европейского союза и США демонстрирует высокий уровень развития медиации как альтернативного способа разрешения конфликтов. В этих странах ещё во второй половине XX века произошёл отход от «государственного патернализма» в пользу «плюралистического подхода», предоставляющего сторонам спора возможность самостоятельно выбирать форму урегулирования конфликта [19–20]. Особенно эффективной медиация зарекомендовала себя в коммерческих и корпоративных спорах: в США до 90 % подобных дел разрешается на досудебной стадии посредством медиативных процедур [21]. Крупные корпорации, такие как General Electric, Motorola, Toyota и другие, успешно используют медиацию как инструмент внутреннего регулирования конфликтов, позволяющий экономить время и ресурсы.

В США действуют Национальный институт разрешения диспутов, частные и государственные службы медиации, а также Американская арбитражная ассоциация, разработавшая собственные правила третейского разбирательства и медиации, применяемые как во внутренних, так и в международных спорах. Такой подход обеспечивает гибкость, высокую адаптивность и практическую эффективность системы.

Заключение по разделу. Сравнительный анализ зарубежного опыта показывает, что успешное развитие медиации требует комплексного подхода, включающего нормативную детализацию, подготовку медиаторов, просветительскую работу и институциональную поддержку. Казахстан и Россия демонстрируют различные модели интеграции медиации в правовую систему, тогда как страны ЕС и США достигли наибольшей эффективности за счёт гибкости правового регулирования и высокой правовой культуры участников процесса. Для Кыргызстана этот опыт может служить ориентиром при совершенствовании законодательства и практических механизмов медиации.

Показательной практикой по эффективному развитию медиации на практике в экспертной сфере считается опыт США, где вся система разрешения спорных и конфликтных ситуаций старается найти компромиссные решения без доведения ситуации до судебного разбирательства. Более того, в источниках отмечается, что без медиаторов не проходит ни один серьёзный переговорный процесс не только в сфере экономики и личных правоотношений, но и в сферах политики и бизнеса. Так, отмечается также, что американские корпорации активно реализуют механизм медиации, крайне редко прибегая к судебным способам разрешения споров (крупнейшие корпорации - "GeneralElectric", "Motorola", "Toyota" и т.д. признают, что более 50 процентов споров разрешается посредством медиации).

Говоря о теоретическом уровне развития правового института, можно отметить, что в США существует Национальный институт разрешения диспутов, который занимается разработкой новых методов медиации, действуют частные и государственные службы медиации. Большое влияние имеет Американская арбитражная ассоциация, которая утвердила свои Правила третейского разбирательства (арбитража) и медиации, используемые, в том числе, при рассмотрении внутренних споров.

Великобританский опыт также очень представительен, но в плане обязательности процедуры данная страна пошла на компромиссный вариант, когда сторона, отказавшаяся от предложенной судом процедуры медиации, далее несёт все судебные расходы (даже в случае выигрыша спора в суде).

Германский опыт также представляет компромиссный вариант, но с другим подходом, когда механизм медиации структурно встроен в

судебную систему (медиаторы работают в судах, значительно снижая количество потенциальных судебных тяжб не только по семейным делам, но по широкому диапазону категорий спорных ситуаций).

В Швейцарии активно поощряется использование примирительных внесудебных процедур для урегулирования гражданско-правовых споров между частными лицами, и в Швейцарии действует унифицированный Гражданско-процессуальный кодекс, куда вошли положения о медиации – внесудебной процедуре разрешения споров с участием нейтрального и независимого третьего лица, которая традиционно применяется в области семейных, трудовых и коммерческих отношений, но сфера использования этой процедуры постоянно расширяется. Целью нормативных положений обозначаются не только вопросы непосредственного урегулирования механизма медиации но и ее инкорпорация в систему правовых методов разрешения конфликтов.

В практике ЕС, медиация является частью общей региональной правовой политики, которая идет в сторону развития альтернативных форматов снижения общей конфликтности и развития примирительных процедур в обществах и правовых системах государств-членов ЕС и в региональном праве ЕС, и потому соответствующая практика показывает хорошие результаты, когда «... в развитых странах, активно практикующих медиацию как обязательную процедуру, из 100% споров в суды возвращается только 27%. Остальные 73 % разрешаются посредством медиации» [22].

Таким образом, развитие концепции медиации соответствует интенсивной глобальной тенденции на современном этапе развития правовых систем по оптимизации подходов по разрешению спорных ситуаций, что направлено на поиск новых возможностей по обеспечению компромисса интересов сторон как условия долгосрочных, устойчивых и взаимоприемлемых решений в разрешении правовых конфликтов.

Список литературы:

1. <http://www.mediation-centre.kg/>
2. Елисеев Д.Б., Роль медиации в разрешении правовых конфликтов, Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, 12.00.01, 2012 г. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/rol-mediatsii-v-razreshenii-pravovykh-konfliktov>
3. <http://fedim.ru/mediatsiya-v-mire/severnaya-amerika-i-karibsky-bassein/ssha/>
4. Закон Республики Казахстан «О медиации» от 28 января 2011 года.
5. Медиация как Институт Восстановительного Правосудия в Реализации Принципа Процессуальной Экономики в Новом Уголовно-Процессуальном Кодексе Республики Казахстан // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 4. С. 825-837. З.К. Аюпова, Д.У. Кусаинов, Б.С. Рахметулина, А.М. Сериалиева, З.Ч. Чикеева.
6. Ким О.В., Медиация в Казахстане: Актуальные Проблемы И Перспективы Развития, Вестник КазНУ. Сер. юридическая. Спец. выпуск. 2011, с.229.
7. Гета М.Р., Рахимбердин К.Х., Кусе Р. Модель службы пробации в Казахстане и других государствах Центральной Азии. – Алматы: Киик, 2006
8. Закон Кыргызской Республики «О медиации» от 28 июля 2017 года № 161. Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1116680> медиации.
9. Федеральный закон РФ от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».
10. Дугарон Е., Правовое регулирование и практика медиации в России, режим доступа: https://zakon.ru/blog/2015/6/19/pravovoe_regulirovanie_i_praktika_mediacii_v_rossii
11. Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2006 г. № 583 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы на 2007-2011 годы».
12. Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2008 г. № 2043-р «Об утверждении Стратегии финансового рынка Российской Федерации на период до 2020 года // СЗ РФ. 2009. № 3. Ст. 423.
13. Нахов М.С., Медиация как механизм реализации цели гражданского судопроизводства, 12.00.15 – гражданский процесс, арбитражный процесс, Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, Саратов 2014.
14. Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/assignments/14170> (дата обращения: 03.02.2012).
15. Стенограмма заседания НКС Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 июня
16. Пальцев Ю.Е. Некоторые проблемы закона о медиации в России // Российская юстиция. 2011. № 1. С. 73; см. также Зайцев А.И. Обязательная медиация: аргументы «за» и «против» // Вестник гражданского процесса. 2012. № 6. С. 57–65.
17. Зайцев А.И. Обязательная медиация: аргументы «за» и «против» // Вестник гражданского процесса. 2012. № 6. С. 57–65.
18. Сайт «Ресурсный Центр медиации» (создан под патронажем Российского Центра содействия третейскому разбирательству в 2011г.)
19. Калашникова С.И. Медиация и концепция «Трех волн» М. Каппеллетти // Тенденции развития цивилистического процессуального законодательства и судопроизводства в современной России: материалы Международной научно-практической конференции. Саратов, 2009. С. 228.
20. Носырева Е.И. Альтернативное разрешение споров в США. М., 2005. С. 2
21. Лисицын В.В. Медиация: примирительное урегулирование коммерческих споров в России (Прошлое и настоящее, зарубежный опыт). М.: Радунца, 2010. С. 153- 175.
22. Носырева Е.И. Правовое регулирование посредничества в США // Третейский суд. 2004. № 1. С. 88.

References:

1. <http://www.mediation-centre.kg/>
2. Eliseev D.B., The role of mediation in resolving legal conflicts, Dissertation for the degree of Candidate of Law, 12.00.01, 2012. Access mode: <http://www.dissercat.com/content/rol-mediatsii-v-razreshenii-pravovykh-konfliktov>
3. <http://fedim.ru/mediatsiya-v-mire/severnaya-amerika-i-karibsky-bassein/ssha/>
4. The Law of the Republic of Kazakhstan "On Mediation" dated January 28, 2011.
5. Mediation as an Institution of Restorative Justice in the Implementation of the Principle of Procedural Economy in the New Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan // All-Russian Journal of Criminology. 2016. Vol. 10, No. 4. pp. 825-837. Z.K. Ayupova, D.U. Kusainov, B.S. Rakhmetulina, A.M. Seralieva, Z.Ch. Chikееva.
6. Kim O.V., Mediation In Kazakhstan: Current Problems And Development Prospects, Bulletin Of KazNU. The series is legal. Special issue. 2011, p.229.
7. Geta M.R., Rakhimberdin K.H., Kuse R. The probation service model in Kazakhstan and other Central Asian states. – Алматы: Kiik, 2006
8. Law of the Kyrgyz Republic "On Mediation" dated July 28, 2017 No. 161. Access mode: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1116680> mediation.
9. Federal Law of the Russian Federation dated 27.07.2010 No. 193-FZ "On an alternative Dispute Settlement Procedure with the participation of an intermediary (Mediation Procedure)".
10. Dugaron E., Legal regulation and mediation practice in Russia, access mode: https://zakon.ru/blog/2015/6/19/pravovoe_regulirovanie_i_praktika_mediacii_v_rossii
11. Decree of the Government of the Russian Federation dated September 21, 2006 No. 583 "On the Federal Target program "Development of the Judicial System for 2007-2011".
12. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 29, 2008 No. 2043-r "On approval of the Strategy of the Financial market of the Russian Federation for the period up to 2020 // SZ RF. 2009. No. 3. Art. 423.
13. Nakhov M.S., Mediation as a mechanism for realizing the purpose of civil proceedings, 12.00.15 – civil procedure, arbitration process, Dissertation for the degree of Candidate of Law, Saratov 2014.
14. The official website of the President of the Russian Federation. URL: <http://kremlin.ru/assignments/14170> (date of application: 02/03/2012).
15. Transcript of the meeting of the NCC Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated June 29
16. Finger Yu.E. Some problems of the law on mediation in Russia // Russian justice. 2011. No. 1. P. 73; see also Zaitsev A.I. Mandatory mediation: arguments for and against // Bulletin of Civil Procedure. 2012. No. 6. pp. 57-65.
17. Zaitsev A.I. Mandatory mediation: arguments for and against // Bulletin of the Civil Process. 2012. No. 6. pp. 57-65.
18. Mediation Resource Center website (established under the patronage of the Russian Center for Arbitration Assistance in 2011)
19. Kalashnikova S.I. Mediation and the concept of "Three Waves" by M. Cappelletti // Trends in the development of civil procedural legislation and legal proceedings in modern Russia: materials of the International Scientific and Practical Conference. Saratov, 2009. p. 228.
20. Nosyreva E.I. Alternative dispute resolution in the USA. Moscow, 2005. p. 2
21. Lisitsyn V.V. Mediation: conciliatory settlement of commercial disputes in Russia (Past and present, foreign experience). Moscow: Radunitsa, 2010. pp. 153-175.
22. Nosyreva E.I. Legal regulation of mediation in the USA // Arbitration Court. 2004. № 1. p. 88.
23. Uniform Act about mediation in 2001. Access mode: <http://intermediation.narod.ru/index/0-35>
24. Mediation in Russia, the USA and the UK: a comparative analysis // Russian law: education, practice, science. Ermakov P.V., 2012. Access mode: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24078793>

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РАБОТОДАТЕЛЯ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ РАБОТНИКОВ EMPLOYER'S LIABILITY FOR VIOLATION OF THE RIGHTS OF MINOR WORKERS

КЫДЫРАЛИЕВА Салтанат Чолпонбаевна,

и.о., доцента, Международный университет КР.
Проспект Чуй 255, г. Бишкек, Кыргызская Республика.
E-mail: nazira.tenizbekovna@mail.ru;

ШЕЙШЕКЕЕВА Гульнара Санташевна,

кандидат юридических наук, и.о. доцента, Международный университет КР.
Проспект Чуй 255, г. Бишкек, Кыргызская Республика.
E-mail: nazira.tenizbekovna@mail.ru;

СТАМАЛИЕВ Саяк Нематжанович,

преподаватель, Международный университет КР.
Проспект Чуй 255, г. Бишкек, Кыргызская Республика.
E-mail: nazira.tenizbekovna@mail.ru;

KYDYRALIEVA Saltanat Cholponbaevna,

acting, associate professor International University of the Kyrgyz Republic.
Chui Avenue 255, Bishkek KR.
E-mail: nazira.tenizbekovna@mail.ru;

SHEYSHEKEEVA Gulnara Santashevna,

candidate of legal sciences, acting associate professor International University of the Kyrgyz Republic.
Chui Avenue 255, Bishkek KR.
E-mail: nazira.tenizbekovna@mail.ru;

STAMALIEV Sayak Nematzhanovich,

teacher International University of the Kyrgyz Republic.
Chui Avenue 255, Bishkek KR.
E-mail: nazira.tenizbekovna@mail.ru

Краткая аннотация: В современном мире защита трудовых прав несовершеннолетних является одной из ключевых задач как национальных, так и международных правовых систем. Особое внимание уделяется ответственности работодателей, нарушающих установленные нормы охраны труда, возрастные ограничения и гарантии, предоставленные несовершеннолетним работникам. Нарушение прав этой категории работников не только подрывает принципы социальной справедливости, но и влечёт серьёзные юридические и моральные последствия для общества в целом [1]. Данная работа посвящена исследованию правовой природы и содержания ответственности работодателя за нарушение прав несовершеннолетних работников. В аннотации рассматриваются основные формы и виды ответственности — административная, гражданско-правовая, дисциплинарная и, в отдельных случаях, уголовная. Анализируются международно-правовые акты, устанавливающие стандарты защиты несовершеннолетних в сфере труда, включая конвенции Международной организации труда (МОТ) и положения Конвенции ООН о правах ребёнка. Отдельное внимание уделено факторам, способствующим возникновению нарушений: недостаточному контролю со стороны государственных органов, неосведомлённости самих несовершеннолетних о своих правах, а также экономическим и социальным причинам, побуждающим работодателей к эксплуатации детского труда. В аннотации подчёркивается важность внедрения эффективных механизмов правоприменения, повышения уровня правовой культуры работодателей и развития международного сотрудничества в борьбе с нарушениями трудовых прав детей и подростков. Обосновывается необходимость комплексного подхода, включающего как превентивные меры, так и систему наказаний, соразмерных степени нарушения и его последствий.

В заключение отмечается, что формирование ответственного отношения работодателей к соблюдению трудовых прав несовершеннолетних является неотъемлемой частью устойчивого социального развития и уважения к человеческому достоинству. Защита этой категории работников — важный индикатор зрелости правовой системы и уровня гуманизации трудовых отношений в современном мире.

Abstract: In today's world, protecting the labor rights of minors is a key objective of both national and international legal systems. Particular attention is paid to the liability of employers who violate established labor protection standards, age restrictions, and guarantees provided to minor workers. Violating the rights of this category of workers not only undermines the principles of social justice but also entails serious legal and moral consequences for society as a whole. This paper examines the legal nature and content of employer liability for violating the rights of minor workers. The abstract examines the main forms and types of liability—administrative, civil, disciplinary, and, in some cases, criminal. It analyzes international legal instruments establishing standards for the protection of minors at work, including conventions of the International Labor Organization (ILO) and the provisions of the UN Convention on the Rights of the Child. Particular attention is given to the factors contributing to the occurrence of violations: insufficient oversight by government agencies, minors' own lack of awareness of their rights, and the economic and social factors that drive employers to exploit child labor. The abstract emphasizes the importance of implementing effective law enforcement mechanisms, raising the level of legal awareness among employers, and developing international cooperation in combating violations of the labor rights of children and adolescents. It substantiates the need for a comprehensive approach, including both preventive measures and a system of penalties proportionate to the severity of the violation and its consequences.

In conclusion, it is noted that fostering a responsible attitude among employers toward respecting the labor rights of minors is an integral part of sustainable social development and respect for human dignity. The protection of this category of workers is an important indicator of the maturity of the legal system and the level of humanization of labor relations in the modern world.

Ключевые слова: трудовые права несовершеннолетних; ответственность работодателя; охрана труда; детский труд; международное трудовое право; защита прав ребёнка; Конвенция МОТ; Конвенция ООН о правах ребёнка; правовые гарантии; социальная справедливость.

Keywords: labor rights of minors; employer's liability; occupational safety; child labor; international labor law; protection of children's rights; ILO Convention; UN Convention on the Rights of the Child; legal guarantees; social justice.

Для цитирования: Кыдыралиева С.Ч., Шейшекеева Г.С., Стамалиев С.Н. Ответственность работодателя за нарушение прав несовершеннолетних работников // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 273-276. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_273.

For citation: Kydyralieva S.Ch., Sheyshekeeva G.S., Stamaliev S.N. Employer's liability for violation of the rights of minor workers // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 273-276. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_273.

Статья поступила в редакцию: 14.08.2025

Введение: В современном обществе, где процессы глобализации и социально-экономических преобразований происходят стремительно, вопросы защиты трудовых прав человека приобретают особое значение. Особое внимание при этом уделяется защите прав несовершеннолетних работников, поскольку именно они относятся к наиболее уязвимой категории трудящихся, нуждающихся в повышенной правовой, социальной и моральной защите.

Несовершеннолетние, вступающие в трудовые отношения, не обладают в полной мере жизненным опытом и знаниями законодательства, что делает их зависимыми от воли работодателя и подверженными риску эксплуатации. Несмотря на наличие многочисленных международных актов, направленных на охрану прав детей, практика показывает, что нарушения их трудовых прав продолжают иметь место. К ним относятся привлечение несовершеннолетних к тяжёлым, вредным или ночным видам работ, несоблюдение норм рабочего времени, отсутствие надлежащих условий труда, а также ограничение права на образование и отдых [2].

Важнейшими международными документами, устанавливающими стандарты в данной сфере, являются Конвенции Международной организации труда (МОТ), в частности № 138 «О минимальном возрасте для приема на работу» и № 182 «О запрещении наихудших форм детского труда», а также Конвенция ООН о правах ребёнка. Эти акты закрепляют право ребёнка на защиту от экономической эксплуатации и обязывают государства принимать эффективные меры для предотвращения нарушений со стороны работодателей.

В этой связи ключевое значение приобретает исследование ответственности работодателя за нарушение прав несовершеннолетних работников. Ответственность является не только механизмом восстановления нарушенных прав, но и действенным инструментом предупреждения противоправных действий. Изучение данного вопроса имеет практическое значение, поскольку способствует формированию устойчивой правовой культуры работодателей, укреплению правопорядка в сфере труда и развитию системы эффективных гарантий прав несовершеннолетних.

Целью данного исследования является всесторонний анализ правовой природы, видов и механизмов реализации ответственности работодателей за нарушение трудовых прав несовершеннолетних в международно-правовом контексте, а также выявление путей совершенствования правоприменительной практики.

Для достижения поставленной цели в исследовании использовалась обширная методологическая база, включающая как общенаучные, так и специальные юридические методы. Прежде всего, применялся диалектический метод, позволивший рассмотреть институт ответственности работодателей в его развитии и взаимосвязи с социально-экономическими условиями современного общества. Он обеспечил целостное понимание динамики формирования международных подходов к защите прав несовершеннолетних.

Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления норм международного трудового права и законодательства различных государств, что дало возможность выявить лучшие практики регулирования труда несовершеннолетних и определить степень соответствия национальных правовых систем международным стандартам [3].

Аналитический и системный методы позволили рассмотреть структуру и взаимосвязь различных видов ответственности — административной, гражданско-правовой, дисциплинарной и уголовной. Это способствовало комплексному осмыслению правовых механизмов защиты прав несовершеннолетних работников.

Историко-правовой метод дал возможность проследить эволюцию правового регулирования труда несовершеннолетних — от первых международных актов XIX века до современных конвенций и рекомендаций МОТ и ООН, что позволило выявить закономерности развития данного правового института.

Формально-юридический метод применялся для анализа текстов международных и национальных нормативно-правовых актов, выявления юридических конструкций, определяющих права и обязанности работодателя, а также мер ответственности за их нарушение.

Кроме того, **социолого-правовой метод** использовался для изучения практических аспектов проблемы — анализа реального состояния соблюдения трудовых прав несовершеннолетних, факторов, способствующих эксплуатации детского труда, и отношения общества к данной проблеме.

Теоретическую основу исследования составили научные труды отечественных и зарубежных правоведов, материалы Международной организации труда, а также международные правовые документы, направленные на защиту детей от трудовой эксплуатации. Использование комплексного методологического подхода позволило обеспечить всестороннее рассмотрение проблемы ответственности работодателя, выявить существующие противоречия и пробелы в правовом регулировании, а также определить пути совершенствования системы защиты прав несовершеннолетних работников [4].

В итоге исследование направлено не только на теоретическое осмысление рассматриваемого вопроса, но и на практическое решение задачи — создание эффективных механизмов правоприменения, обеспечивающих реальную защиту несовершеннолетних от любых форм трудовой эксплуатации.

Практические примеры нарушения и защиты трудовых прав несовершеннолетних работников.

В современных условиях трудовые отношения с несовершеннолетними работниками претерпели определённые изменения, которые, на наш взгляд, можно оценить как положительные. Это обусловлено как демографическими, так и социально-экономическими факторами. Сегодня наблюдается ситуация, при которой трудоспособное взрослое население испытывает значительную нагрузку, связанную с поддержанием пенсионной системы. Низкий уровень рождаемости, характерный для 1990-х годов, привёл к сокращению числа работников трудоспособного возраста в настоящее время [5].

Одновременно с этим происходят значительные изменения в сфере технологий и организации труда: цифровизация, развитие дистанционной занятости и гибких форм трудовых отношений открывают новые возможности для вовлечения молодёжи, включая лиц, не достигших 18 лет, в трудовую деятельность.

Государственная политика в области трудоустройства несовершеннолетних строится на основе Долгосрочной программы содействия занятости молодежи до 2030 года, утверждённой Распоряжением Правительства от 14 декабря 2021 г. № 3581-р. Цель данной программы — создание условий для раскрытия и реализации потенциала молодых людей при взаимодействии государства, образовательных организаций и бизнеса.

Программа предусматривает активизацию деятельности служб занятости, разработку специализированных программ подбора кадров с учётом особенностей несовершеннолетних работников, а также усиление правовых гарантий в сфере труда. Особое внимание уделяется предотвращению дискриминации и обеспечению безопасных условий труда для подростков, что способствует их успешной социальной адаптации и профессиональному становлению.

Современное понимание проблемы детского труда существенно отличается от представлений, существовавших в прошлом. Развитие технологий, цифровизация экономики, переход к дистанционным и гибким формам занятости радикально изменили рынок труда, создав новые возможности, но и новые риски для несовершеннолетних [6].

С одной стороны, современная экономика предоставляет подросткам больше возможностей для безопасной и легальной занятости — через участие в образовательных и стажировочных программах, развитие молодёжного предпринимательства, работу в сфере информационных технологий или креативных индустрий. Такие формы занятости способствуют формированию трудовых навыков, повышению социальной активности и профессиональной ориентации молодых людей.

С другой стороны, сохраняются угрозы эксплуатации несовершеннолетних, особенно в странах с низким уровнем экономического развития, где детский труд часто используется как способ выживания семей. Цифровизация также привела к появлению новых форм скрытой эксплуатации, например, через неформальную занятость в интернете, кибертруд или участие детей в онлайн-услугах без надлежащей правовой защиты.

Кроме того, растущая конкуренция на рынке труда побуждает некоторых работодателей использовать труд подростков в обход законодательства, что приводит к нарушениям норм рабочего времени, оплаты труда и охраны здоровья. В таких условиях особое значение приобретает совершенствование механизмов государственного контроля и правовой ответственности работодателей за привлечение несовершеннолетних к незаконной трудовой деятельности.

Современная международная практика направлена на формирование сбалансированного подхода, сочетающего развитие трудового потенциала молодежи с надёжной защитой их прав. Основное внимание уделяется не запрету труда как такового, а созданию безопасных, регулируемых условий, в которых несовершеннолетние могут трудиться без ущерба для своего физического, психического и образовательного развития [7].

Таким образом, проблема детского труда в XXI веке приобретает более сложный и многомерный характер: она перестаёт быть исключительно социальной и становится правовой, экономической и этической проблемой. Эффективное её решение требует тесного взаимодействия международных организаций, национальных правительств, образовательных учреждений и работодателей.

Расторжение трудового договора с несовершеннолетними и особенности материальной ответственности

Рассматривая вопрос заключения и прекращения трудового договора с несовершеннолетними работниками, необходимо отметить, что законодательство устанавливает для данной категории особые гарантии правовой защиты. В частности, расторжение трудового договора по инициативе работодателя допускается лишь в исключительных случаях и только с согласия государственных органов — инспекции труда и комиссии по делам несовершеннолетних. Исключением является ситуация ликвидации организации, когда трудовые отношения прекращаются по объективным причинам [8].

Такой подход отражает социальную направленность трудового законодательства, которое стремится обеспечить максимальную стабильность занятости и защиту интересов несовершеннолетних. Государство рассматривает труд подростков не только как форму занятости, но и как важный элемент их профессионального и социального становления, поэтому любые решения, связанные с увольнением, требуют дополнительного контроля со стороны компетентных органов.

В то же время трудовое право устанавливает достаточно строгие меры ответственности для работников, не достигших 18-летнего возраста, в случаях, когда они нарушают трудовую дисциплину или причиняют ущерб работодателю. Так, полная материальная ответственность несовершеннолетнего может наступить, если ущерб был причинён умышленно, в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения, а также в результате административного проступка или преступления, подтверждённых соответствующими решениями государственных органов или суда [9].

Особое внимание заслуживает тот факт, что в подобных ситуациях ответственность может нести не только сам несовершеннолетний, но и его родители (или законные представители), если не было вынесено решение о признании подростка полностью дееспособным (эмансипированным). Эмансипация предоставляется органами опеки либо судом, и она означает признание несовершеннолетнего полностью ответственным за свои действия, в том числе имущественно.

Таким образом, трудовое законодательство выстраивает сбалансированную систему: с одной стороны — усиливает защиту несовершеннолетнего работника от неправомерных действий работодателя, а с другой — формирует у молодого поколения чувство личной ответственности за результаты своего труда и поведение на рабочем месте.

Именно поэтому важно, чтобы учащиеся, молодые работники и их родители хорошо знали основные положения законодательства о труде несовершеннолетних. Понимание своих прав и обязанностей позволяет избежать конфликтных ситуаций, обеспечивает соблюдение законности и способствует формированию правовой культуры будущих участников трудовых отношений [10].

Заключение. Проведённое исследование показало, что институт правовой защиты несовершеннолетних работников является важ-

нейшим элементом трудового законодательства, отражающим гуманистическую и социальную направленность современного государства. Право на труд для лиц, не достигших 18-летнего возраста, представляет собой не только возможность профессионального самоопределения, но и средство социализации, воспитания трудовой дисциплины и ответственности.

В то же время несовершеннолетние остаются одной из наиболее уязвимых категорий работников, что обусловлено их возрастом, недостаточным жизненным опытом и ограниченной дееспособностью. Поэтому государство устанавливает для них особые гарантии — начиная с условий приёма на работу и заканчивая мерами правовой защиты при нарушении их трудовых прав [11].

Анализ практики показывает, что наиболее частыми нарушениями со стороны работодателей являются:

- *привлечение несовершеннолетних к тяжёлым, вредным и ночным работам;*
- *отсутствие официального оформления трудовых отношений;*
- *несоблюдение установленного режима труда и отдыха;*
- *нарушения права на получение образования и отдыха;*
- *недостаточная охрана здоровья и безопасности на рабочем месте.*

Эти нарушения свидетельствуют о необходимости усиления контроля со стороны государственных органов, профсоюзов и общественных организаций, а также повышения правовой грамотности самих несовершеннолетних работников и их родителей.

Немаловажное значение имеет ответственность работодателей. Применение административных, дисциплинарных, гражданско-правовых и уголовных мер не только восстанавливает нарушенные права, но и выполняет профилактическую функцию, предупреждая повторные случаи эксплуатации детского труда [12].

В современных условиях цифровизации экономики и появления новых форм занятости особое внимание следует уделить разработке гибких правовых механизмов, которые позволят сочетать трудовую активность подростков с обеспечением их безопасности и образования. В перспективе необходимо укреплять взаимодействие государства, работодателей и образовательных учреждений в создании безопасных и законных условий для трудовой деятельности несовершеннолетних.

Таким образом, защита трудовых прав несовершеннолетних — это не просто юридическая обязанность, а важная социальная задача, направленная на формирование ответственного и правосознательного молодого поколения. Только при соблюдении принципа баланса между трудовыми возможностями подростков и их возрастными особенностями можно обеспечить эффективную реализацию права на труд в интересах личности, общества и государства.

Список литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г.
2. Конвенция ООН о правах ребёнка от 20 ноября 1989 г.
3. Конвенция Международной организации труда (МОТ) № 138 «О минимальном возрасте для приёма на работу» от 26 июня 1973 г.
4. Конвенция МОТ № 182 «О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда» от 17 июня 1999 г.
5. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г.
6. Комментарий к трудовому законодательству: учебно-практическое пособие / Под ред. Н.А. Лушниковой, А.М. Куренного. — М.: Юрайт, 2022.
7. Гусов К.Н., Толкунова В.Н. Трудовое право: Учебник. — М.: Проспект, 2021.
8. Пашков А.И. Защита трудовых прав несовершеннолетних работников: монография. — М.: Норма, 2020.
9. Яковлева Т.Ю. Правовое регулирование труда несовершеннолетних: современные проблемы и пути их решения // Трудовое право. — 2021. — № 4. — С. 35–41.
10. Братусь С.Н. Правовое положение несовершеннолетних в трудовых отношениях. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2019.
11. Лушников М.В. Ответственность работодателя за нарушение трудового законодательства. — М.: Проспект, 2020.
12. Сорокина Е.В. Материальная ответственность несовершеннолетних работников и их родителей // Труд и право. — 2022. — № 7. — С. 18–24.

References:

1. The Universal Declaration of Human Rights of December 10, 1948
2. The UN Convention on the Rights of the Child of November 20, 1989
3. International Labour Organization (ILO) Convention No. 138 "On the Minimum Age for Admission to Work" dated June 26, 1973.
4. ILO Convention No. 182 "On the Prohibition and Immediate Action for the Elimination of the Worst Forms of Child Labour" of June 17, 1999
5. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights of December 16, 1966
6. Commentary on labor legislation: educational and practical guide / Edited by N.A. Lushnikova, A.M. Kurenny. Moscow: Yurayt, 2022.
7. Gusov K.N., Tolkunova V.N. Labor law: Textbook. Moscow: Prospekt, 2021.
8. Pashkov A.I. Protection of labor rights of minor workers: monograph. Moscow: Norm, 2020.
9. Yakovleva T.Y. Legal regulation of juvenile labor: current problems and ways to solve them // Labor law. — 2021. — No. 4. — pp. 35-41.
10. Bratus S.N. The legal status of minors in labor relations. St. Petersburg: Law Center Press, 2019.
11. Lushnikova M.V. Responsibility of the employer for violation of labor legislation. Moscow: Prospekt, 2020.
12. Sorokina E.V. Financial responsibility of underage workers and their parents // Labor and law. — 2022. — No. 7. — pp. 18-24.

ИСТОРИЯ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА СУДЕБНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА HISTORY AND LEGAL ASPECTS OF THE FORMATION OF THE INSTITUTE OF JUDICIAL REPRESENTATION

АСАНОВ Сейтек Аалиевич,
кандидат юридических наук, и.о. доцент,
Ректор Международного университета Кыргызской Республики.
Проспект Чуй 255, г. Бишкек, Кыргызская Республика.
E-mail: seitek.asanov@gmail.ru;
ASANOV Seitek Aalievich,
candidate of legal sciences, acting associate professor
Rector of the International University of the Kyrgyz Republic.
Chui Avenue 255, Bishkek KR.
E-mail: seitek.asanov@gmail.ru

Краткая аннотация: История становления института судебного представительства отражает развитие представлений о правосудии, законности и защите прав личности. Институт судебного представительства возник как ответ на необходимость обеспечения граждан квалифицированной юридической помощью и справедливым доступом к правосудию. Его развитие связано с эволюцией процессуального законодательства, формированием принципов состязательности и равенства сторон, а также укреплением роли адвокатуры и профессиональных юристов.

Современное судебное представительство представляет собой сложный правовой механизм, обеспечивающий эффективную защиту прав и интересов граждан и организаций в гражданском процессе. Оно включает не только полномочия и обязанности представителей, но и вопросы этики, профессиональной ответственности и доверия между представляемым и представителем. Исследование исторических и правовых аспектов данного института позволяет глубже понять тенденции развития правовой системы, роль адвокатуры и значение представительства для обеспечения справедливого судопроизводства.

Abstract The history of the institution of judicial representation reflects the evolution of legal culture and the mechanisms for protecting individual rights. This institution emerged from the growing need to provide citizens with access to qualified legal assistance and fair justice. Its development has been closely linked to the improvement of procedural legislation, the establishment of the principles of equality and adversarial process, and the strengthening of the role of the legal profession.

In the modern context, judicial representation functions as a complex legal mechanism ensuring the effective protection of the rights and interests of individuals and organizations in civil proceedings. It encompasses not only the powers and duties of representatives but also issues of ethics, professional responsibility, and mutual trust between the representative and the represented party. Studying the historical and legal dimensions of this institution deepens the understanding of the evolution of the legal system, the role of advocacy, and the importance of representation for the realization of fair and accessible justice.

Ключевые слова: судебное представительство, гражданский процесс, защита прав, представитель, полномочия, адвокатура, правовое регулирование, история института, справедливое правосудие.

Key words: legal representation, civil procedure, protection of rights, representative, powers, advocacy, legal regulation, history of the institution, fair justice.

Для цитирования: Асанов С.А. История правовые аспекты становления института судебного представительства // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 277-280. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_277.

For citation: Asanov S.A. History and legal aspects of the formation of the institute of judicial representation // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 277-280. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_277.

Статья поступила в редакцию: 14.08.2025

Современное общество представляет собой сложную, динамично развивающуюся систему, в которой социальные, экономические и правовые отношения постоянно усложняются. С развитием общественной жизни, науки и культуры возникает необходимость совершенствования правовых институтов, направленных на обеспечение законности, справедливости и защиты прав граждан. Одним из таких институтов является судебное представительство — важнейший элемент механизма реализации права на судебную защиту [1].

Институт судебного представительства имеет глубокие исторические корни. Его появление связано с тем, что не все участники судебных разбирательств обладают достаточными юридическими знаниями и практическими навыками для самостоятельного отстаивания своих интересов в суде. В связи с этим возникла объективная потребность в лицах, способных квалифицированно представлять интересы других — сначала в виде доверенных лиц и посредников, а впоследствии в лице профессиональных юристов и адвокатов.

Историческое развитие судебного представительства проходило параллельно с формированием государственности и системы правосудия. На различных этапах истории его содержание и правовое регулирование менялись в зависимости от уровня развития законодательства, принципов процессуального права и требований общества. В современных условиях судебное представительство стало неотъемлемым институтом гражданского процесса, обеспечивающим реализацию принципов состязательности, равноправия сторон и доступности правосудия [2].

Актуальность исследования определяется возрастающей ролью судебного представительства в защите прав и законных интересов граждан и организаций. В условиях постоянного совершенствования процессуального законодательства и реформирования судебной системы возрастает значение профессиональной юридической помощи, что делает изучение данного института особенно важным.

Изучение истории и правовых аспектов судебного представительства позволяет выявить закономерности его становления, опреде-

лить основные направления дальнейшего развития, а также оценить эффективность существующего правового регулирования. Кроме того, это способствует формированию целостного представления о месте и значении института представительства в современной системе гражданского судопроизводства [3].

Объект исследования — общественные отношения, возникающие в процессе осуществления судебного представительства при рассмотрении гражданских дел.

Предмет исследования — исторические предпосылки, правовая природа и особенности правового регулирования института судебного представительства.

Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных и частно-научных методов познания, применение которых обеспечивает комплексное и объективное изучение института судебного представительства с исторической и правовой точек зрения [4].

В процессе исследования используются следующие методы:

1. Историко-правовой метод — применялся для анализа процесса зарождения и развития института судебного представительства, выявления закономерностей его становления на различных этапах эволюции правовой системы.
2. Сравнительно-правовой метод — позволил провести сопоставление различных подходов к регулированию судебного представительства в разные исторические периоды и в различных правовых системах, что способствовало выявлению общих и отличительных черт данного института.
3. Формально-юридический метод — использовался для анализа норм процессуального законодательства, регулирующих деятельность представителей в суде, а также для определения юридической природы института судебного представительства.
4. Системно-структурный метод — применялся для рассмотрения судебного представительства как целостного правового института, включающего в себя взаимосвязанные элементы: субъектный состав, права, обязанности и процессуальные полномочия представителей.
5. Логико-аналитический метод — использовался при обобщении научных взглядов, систематизации правовых норм и формулировании выводов исследования.
6. Социологический метод — позволил учесть влияние социальных факторов на развитие института судебного представительства, а также значение общественного запроса на профессиональную юридическую помощь в обеспечении прав граждан.

Применение указанных методов обеспечило научную достоверность полученных результатов, позволило провести исследование в логической последовательности — от изучения исторических предпосылок возникновения института судебного представительства до анализа его современного состояния и перспектив дальнейшего развития [5].

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных правоведов в области теории государства и права, гражданского процесса и адвокатуры, а также действующие нормативно-правовые акты и судебная практика, регулирующие вопросы судебного представительства [6].

Историческое развитие института судебного представительства

Историческое развитие института судебного представительства проходило сложный и противоречивый путь, тесно связанный с общими изменениями в правовой и политической системах государства. Как отмечалось ранее, первые упоминания о судебных представителях относятся ещё к XV веку, ко времени действия Новгородской и Псковской судебных грамот, в которых содержались положения, допускавшие возможность участия сторонних лиц в защите интересов участников судебных споров. Несмотря на это, на протяжении долгого времени институт судебного представительства не имел системного характера и не воспринимался властью как необходимый элемент судопроизводства [7].

Отношение государства к судебным представителям оставалось негативным вплоть до XIX века. Представители рассматривались скорее как посредники сомнительного характера, деятельность которых вызывала недоверие. Это объяснялось тем, что судебная власть в ту эпоху стремилась сохранять контроль над процессом правосудия и избегала появления независимых участников, способных влиять на исход дел. Даже такие прогрессивные правители, как Пётр I, считали, что участие представителей может ослабить авторитет суда и подорвать идею личной ответственности сторон за свои действия. Екатерина II, придерживаясь схожей позиции, полагала, что развитие представительства не требуется, поскольку законодательство уже обладает достаточной ясностью, а граждане способны самостоятельно защищать свои интересы.

Существенные изменения произошли лишь в середине XIX века, когда назрела необходимость реформировать устаревшую судебную систему. Судебная реформа 1864 года стала поворотным моментом в истории отечественного права. Её проведение было обусловлено стремлением создать более справедливую, открытую и независимую судебную власть, основанную на принципах гласности, состязательности и равноправия сторон. Одним из ключевых результатов реформы стало официальное признание института судебного представительства и создание профессиональной адвокатуры [8].

Именно в этот период появились присяжные поверенные — прообраз современных адвокатов, получившие законное право выступать в судах от имени граждан, представлять их интересы и обеспечивать квалифицированную правовую помощь. Введение этого института стало важным шагом в развитии правового государства, поскольку впервые в истории была закреплена независимость представителей и признана их общественная значимость. Судебное представительство приобрело официальный статус, а профессия юриста стала не просто родом занятий, а важным общественным институтом, обеспечивающим реализацию конституционных прав граждан.

Начало XX века стало временем дальнейшего укрепления позиций судебного представительства, однако политические преобразова-

ния 1917 года радикально изменили характер правовой системы. После революции адвокатура и судебное представительство подверглись серьёзным изменениям. В первые годы советской власти идея независимого судебного представительства противоречила идеологическим установкам нового государства, которое стремилось контролировать все сферы общественной жизни, включая судебную деятельность [9].

В этот период функции представителей были сведены к минимуму. Адвокаты и поверенные действовали под строгим контролем государства, их независимость была ограничена, а представительство фактически перестало быть самостоятельным институтом. Тем не менее, несмотря на идеологические ограничения, сама необходимость в профессиональной юридической помощи не исчезла. С развитием социалистического законодательства и усложнением судебной практики потребность в квалифицированных специалистах вновь стала очевидной.

Постепенно адвокатура восстанавливала свои позиции. Уже во второй половине XX века институт судебного представительства начал развиваться в новом направлении — в сторону расширения прав представителей, усиления процессуальных гарантий и повышения уровня юридической квалификации. В этот период были разработаны основы правового статуса представителей, установлены принципы их деятельности, определены права и обязанности. Научные исследования в области гражданского процесса также сыграли важную роль в формировании теоретической базы института представительства [10].

Современный этап развития судебного представительства характеризуется стабильностью и совершенствованием правового регулирования. Сегодня судебное представительство является неотъемлемым элементом системы гражданского судопроизводства, обеспечивающим реализацию принципа состязательности и равноправия сторон. Оно выступает важнейшей гарантией права каждого человека на судебную защиту, закреплённого в конституционных нормах.

Значительная роль представителей проявляется не только в защите прав и законных интересов доверителей, но и в повышении качества судебного процесса. Профессиональные юристы и адвокаты обладают глубокими знаниями законодательства, умеют грамотно составлять процессуальные документы, анализировать доказательства и формировать юридическую позицию. Их деятельность способствует более объективному и справедливому рассмотрению дел, снижает вероятность судебных ошибок и укрепляет авторитет правосудия [11].

В современных условиях развитие института судебного представительства приобретает новые формы. Внедрение цифровых технологий и переход к электронному судопроизводству существенно меняют характер процессуальной деятельности. Представители всё чаще используют дистанционные способы участия в судебных заседаниях, электронные подписи и онлайн-платформы для подачи документов. Это требует совершенствования законодательства, пересмотра профессиональных стандартов и адаптации института судебного представительства к новым технологическим реалиям [12].

Таким образом, пройдя долгий путь от случайных посредников и наёмных защитников до профессиональных адвокатов и юристов, институт судебного представительства стал одним из ключевых элементов современной правовой системы. Он не только обеспечивает защиту прав и законных интересов граждан, но и служит показателем зрелости правового государства, уровня развития судебной власти и общей правовой культуры общества.

Заключение. Институт судебного представительства прошёл длительный и сложный путь становления, отражая эволюцию всей правовой системы общества. От первых упоминаний в ранних правовых источниках до современного этапа его развития этот институт неизменно выполнял важнейшую социально-правовую функцию — обеспечение права человека на судебную защиту и справедливое рассмотрение спора.

Исторический анализ показывает, что на ранних этапах становления представительство воспринималось как вспомогательный элемент судопроизводства и не имело системного характера. Однако с усложнением общественных отношений и ростом роли правового регулирования возникла объективная потребность в квалифицированной юридической помощи. Именно этот фактор стал основой для формирования профессионального класса судебных представителей.

Судебная реформа XIX века стала ключевым поворотным моментом, заложившим основы современного института представительства. Она утвердила принципы состязательности, равноправия сторон и независимости суда, что, в свою очередь, потребовало создания устойчивой системы профессиональной защиты [13].

Дальнейшее развитие института сопровождалось как периодами укрепления, так и этапами ограничения его функций, что было обусловлено изменениями политических и правовых условий. Тем не менее, даже в периоды жесткого государственного контроля институт судебного представительства сохранял свою значимость как форма реализации прав граждан.

Современный этап характеризуется институциональной зрелостью и устойчивостью судебного представительства. Сегодня представители обладают чётко определённым правовым статусом, профессиональными стандартами и высокой социальной ответственностью. Их деятельность не ограничивается только участием в судебных заседаниях — они играют ключевую роль в формировании правовой культуры, укреплении законности и доверия к судебной системе.

В условиях цифровизации судопроизводства институт судебного представительства сталкивается с новыми вызовами, связанными с внедрением электронных форм взаимодействия и удалённого участия в процессе. Однако эти изменения не снижают его значимости, а, напротив, требуют дальнейшего совершенствования законодательства и профессиональной подготовки специалистов [14].

Таким образом, судебное представительство продолжает оставаться одним из важнейших элементов правового государства, обеспечивая баланс между интересами личности и общества, гарантируя справедливость и доступность правосудия, а также способствуя укреплению демократических и гуманистических принципов современного права.

Список литературы:

1. Треушников М. К. Гражданский процесс: учебник. — М.: Статут, 2019.
2. Чечина Н. А. Проблемы гражданского процессуального права. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002.
3. Осипов Ю. К. История государства и права: развитие судебной системы. — М.: Норма, 2018.
4. Клейнман А. Ф. Адвокатура и судебное представительство. — М.: Проспект, 2020.
5. Суханов Е. А. Гражданское право: общая часть. — М.: ВолтерсКлувер, 2010.
6. Ярков В. В. Гражданский процесс. — Екатеринбург: УрГЮА, 2015.
7. Костенко Л. М. Институт судебного представительства: история и современность. — М.: Юрист, 2016.
8. Боннер А. Т. Состязательность и равноправие сторон в гражданском процессе. — М.: Статут, 2003.
9. Комаров В. В. (ред.) Курс гражданского процесса. — М.: Норма, 2014.
10. Ковалева И. С. Эволюция правового статуса судебного представителя. — М.: Юрайт, 2017.
11. Романов А. В. Правовые основы адвокатской деятельности. — М.: Норма, 2021.
12. Лазарев В. В. Источники права: история и современность. — М.: Проспект, 2013.
13. Тихомиров Ю. А. Механизм правового регулирования. — М.: Юридическая литература, 2005.
14. Румянцев А. Н. Реформы судебной системы и развитие правосудия. — М.: Юрист, 2018.

References:

1. Treushnikov M. K. Civil procedure: textbook. Moscow: Statute, 2019.
2. Chechina N. A. Problems of civil procedural law. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2002.
3. Osipov Yu. K. History of the State and Law: development of the judicial system. Moscow: Norm, 2018.
4. Kleinman A. F. Advocacy and judicial representation. Moscow: Prospect, 2020.
5. Sukhanov E. A. Civil law: general part. Moscow: VoltersKluver, 2010.
6. Yarkov V. V. Civil procedure. Yekaterinburg: UrGUA, 2015.
7. Kostenko L. M. Institute of Judicial Representation: history and modernity. Moscow: Jurist, 2016.
8. Bonner A. T. Competitiveness and equality of the parties in civil proceedings. Moscow: Statute, 2003.
9. Komarov V. V. (ed.) Course of civil procedure. Moscow: Norm, 2014.
10. Kovaleva I. S. Evolution of the legal status of a judicial representative. Moscow: Yurayt, 2017.
11. Romanov A. V. The legal foundations of advocacy. Moscow: Norm, 2021.
12. Lazarev V. V. Sources of law: history and modernity. Moscow: Prospekt, 2013.
13. Tikhomirov Yu. A. Mechanism of legal regulation. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 2005.
14. Rumyantsev A. N. Judicial system reforms and Development of Justice. Moscow: Yurist Publ., 2018.

ПРОБЛЕМЫ АСПЕКТОВ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА СУДЕБНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА PROBLEMS OF ASPECTS OF THE FORMATION OF THE INSTITUTE OF JUDICIAL REPRESENTATION

АСАНОВ Сейтек Аалиевич,
кандидат юридических наук, и.о. доцент,
Ректор Международного университета Кыргызской Республики.
Проспект Чуй 255, г. Бишкек, Кыргызская Республика.
E-mail: seitek.asanov@gmail.ru;
ASANOV Seitek Aalievich,
candidate of legal sciences, acting associate professor
Rector of the International University of the Kyrgyz Republic.
Chui Avenue 255, Bishkek KR.
E-mail: seitek.asanov@gmail.ru

Краткая аннотация: Институт судебного представительства является одной из важнейших правовых категорий, обеспечивающих реализацию конституционного права граждан на судебную защиту. Его становление и развитие отражают общие тенденции эволюции правовой системы и судебной практики. В ходе исторического анализа выявляется, что институт судебного представительства формировался под воздействием социальных, политических и экономических факторов, что обусловило многоэтапный характер его становления.

На ранних этапах судебное представительство носило спонтанный и несистемный характер, а деятельность представителей зачастую не имела правового закрепления. Однако с усложнением общественных отношений и ростом роли судебной защиты возникла объективная необходимость в создании правового механизма, обеспечивающего квалифицированную защиту интересов граждан. Проведённый анализ позволяет выделить ряд проблемных аспектов в процессе становления института судебного представительства: противоречие между необходимостью независимости представителей и государственным контролем, недостаточность нормативного регулирования, а также ограниченность профессиональной подготовки специалистов.

Современный этап характеризуется активным развитием правовых и организационных основ судебного представительства, а также внедрением цифровых технологий в судебный процесс. Тем не менее, остаются нерешёнными вопросы, связанные с совершенствованием законодательства, расширением процессуальных прав представителей и обеспечением единых стандартов профессиональной этики. Исследование данных проблем имеет важное значение для повышения эффективности правосудия и укрепления принципов законности и справедливости [1].

Abstract: The institution of judicial representation plays a crucial role in ensuring the constitutional right of citizens to judicial protection and fair trial. Its formation and development reflect the general evolution of the legal system and the transformation of judicial practices throughout history. The emergence of judicial representation was influenced by various social, political, and economic factors, which determined the multi-stage and complex nature of its establishment.

In the early stages, judicial representation lacked a clear legal framework and was often performed by individuals without formal recognition or regulation. However, as social relations became more complex and the need for qualified legal assistance increased, the creation of a legal mechanism to guarantee professional representation became inevitable. The analysis reveals several problematic aspects in the formation of the institution of judicial representation, including contradictions between the independence of representatives and state control, the insufficient development of normative regulation, and the inadequate level of professional training among specialists.

At the present stage, the institution of judicial representation continues to develop through the improvement of its legal and organizational foundations, as well as the introduction of digital technologies into court procedures. Nevertheless, there remain unresolved issues related to enhancing legislative regulation, expanding procedural rights of representatives, and ensuring uniform standards of professional ethics. Addressing these issues is essential for increasing the effectiveness of the judicial system, strengthening the principles of legality and justice, and improving public trust in the rule of law.

Ключевые слова: судебное представительство, институт, проблемы становления, адвокатура, гражданский процесс, правовая защита, эволюция права, судебная реформа, правовое регулирование, профессиональная этика.

Keywords: judicial representation, institution, problems of formation, advocacy, civil procedure, legal protection, evolution of law, judicial reform, legal regulation, professional ethics.

Для цитирования: Асанов С.А. Проблемы аспектов становления института судебного представительства // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 281-284. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_281.

For citation: Asanov S.A. Problems of aspects of the formation of the institute of judicial representation // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 281-284. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_281.

Статья поступила в редакцию: 04.09.2025

Введение: Современная система правосудия является неотъемлемым элементом правового государства, основой которого выступает обеспечение каждому гражданину права на судебную защиту. Одним из ключевых инструментов реализации данного права является институт судебного представительства, который играет важную роль в обеспечении доступа к правосудию, защите интересов сторон и укреплении принципа состязательности в гражданском процессе.

Исторически судебное представительство формировалось на протяжении многих веков, отражая особенности развития государства, законодательства и судебной системы. На ранних этапах оно не имело чёткого правового оформления и рассматривалось как вспомогательный институт, позволяющий отдельным лицам оказывать помощь в судебных делах. Однако с усложнением общественных отношений, развитием торговли, имущественных споров и ростом числа правовых коллизий возникла объективная необходимость в профессиональной юридической помощи, что послужило основой для становления института судебного представительства в его современном виде [2].

Институт судебного представительства выполняет не только процессуальную, но и социально-правовую функцию. Он способствует

укреплению гарантий прав граждан, защите их законных интересов, повышению качества судебных решений и снижению уровня судебных ошибок. Кроме того, деятельность представителей обеспечивает более эффективное и рациональное взаимодействие участников процесса с судебными органами, что, в свою очередь, положительно влияет на уровень доверия общества к судебной системе в целом.

Однако несмотря на значительные достижения в развитии судебного представительства, на современном этапе сохраняется ряд нерешённых проблем. Среди них — недостаточная системность правового регулирования, неравномерность профессиональной подготовки юристов и адвокатов, а также противоречия между необходимостью независимости представителей и контролем со стороны государственных органов. В условиях цифровизации и реформирования судебной системы появляются новые вызовы, требующие пересмотра традиционных подходов к организации и функционированию данного института [3].

Актуальность исследования определяется необходимостью теоретического и практического осмысления сущности судебного представительства, его исторических основ и проблем современного развития. Изучение процесса становления данного института позволяет не только проследить его эволюцию, но и выявить факторы, влияющие на эффективность реализации права граждан на судебную защиту.

Цель данного исследования заключается в комплексном анализе проблем и аспектов становления института судебного представительства, выявлении этапов его исторического развития, определении правовых и организационных особенностей, а также обозначении перспектив дальнейшего совершенствования данного института в современных условиях.

Для достижения поставленной цели в работе рассматриваются задачи:

- проанализировать исторические предпосылки формирования института судебного представительства;
- выявить основные тенденции его развития в различные исторические периоды;
- определить ключевые проблемы современного этапа развития судебного представительства;

– предложить возможные направления совершенствования правового регулирования и профессиональной подготовки судебных представителей.

Таким образом, институт судебного представительства, являясь неотъемлемой частью правосудия, нуждается в дальнейшем теоретическом осмыслении и практическом совершенствовании. Его исследование имеет важное значение не только для науки гражданского процессуального права, но и для укрепления правовых основ современного общества, ориентированного на защиту прав и свобод личности.

Основные проблемы и ключевые аспекты. Институт судебного представительства является неотъемлемым элементом системы защиты прав и законных интересов личности. Его становление отражает историческую эволюцию правосознания, юридической культуры и уровня развития правовых институтов. Появление судебного представительства было обусловлено естественной потребностью человека в квалифицированной юридической помощи, особенно в условиях, когда нормы права и судебные процедуры становились всё более сложными и формализованными [4].

На начальных этапах своего развития институт судебного представительства имел преимущественно обычно-правовой характер. Судебные функции часто выполнялись на основе обычаев и моральных норм, без строгой законодательной регламентации. Представители действовали по поручению сторон, но не обладали официальным статусом и юридическими гарантиями. Так, в ряде судебных практик существовали посредники — лица, нанятые для участия в судебных делах. Они могли выступать в суде от имени другой стороны, но их деятельность регулировалась лишь устными договорённостями и общественными традициями.

Постепенно общество пришло к осознанию того, что участие в судебных спорах требует специальных знаний и подготовки. В результате стали формироваться первые формы профессионального представительства. Юридическая помощь перестала рассматриваться как частная услуга, а стала общественно значимым видом деятельности, направленным на обеспечение правопорядка и справедливости. В этот период возникли зачатки правового регулирования статуса представителей: стали появляться нормы, определяющие их права, обязанности и ответственность перед доверителем и судом.

Характерным примером эволюции можно считать переход от «дружеского» представительства — когда одно лицо защищало другого по личной просьбе, — к профессиональному представительству, основанному на специальной подготовке и правовой компетенции. Это стало возможным благодаря формированию прослойки людей, обладающих юридическими знаниями, которые постепенно выделились в отдельную профессиональную группу. Для получения права представлять интересы других лиц в суде начали вводиться квалификационные требования, правила поведения и нормы ответственности [5].

Одной из характерных черт развития института судебного представительства является формирование письменных доверенностей. Это стало важным юридическим новшеством, позволившим закрепить полномочия представителя и обеспечить законность его действий. Доверенность стала основным документом, подтверждающим право одного лица действовать от имени другого в судебных делах. Такой подход способствовал укреплению доверия между участниками процесса и повышению уровня правовой культуры.

Со временем судебное представительство стало рассматриваться не просто как технический элемент процесса, а как необходимое условие реализации принципов справедливости и состязательности. Представитель получил право выступать в суде, предоставлять доказательства, заявлять ходатайства и использовать процессуальные средства защиты. Это сделало судебное представительство ключевым инструментом обеспечения равенства сторон и соблюдения прав человека.

Однако становление данного института сопровождалось рядом трудностей. Прежде всего, долгое время отсутствовало четкое разграничение между полномочиями представителя и доверителя. В некоторых случаях представители имели слишком ограниченные права и могли

лишь передавать позицию стороны, не влияя на ход дела. В других ситуациях, напротив, представители злоупотребляли своими полномочиями, принимая решения без согласования с доверителем. Это приводило к конфликтам и подрыву доверия к институту в целом.

Кроме того, существовали социальные и моральные барьеры, препятствующие признанию судебных представителей в обществе. Некоторые категории населения воспринимали их деятельность с подозрением, считая, что правовая помощь может подменить личное участие в деле. Представителей нередко отождествляли с людьми, «торгующими правом», что вызывало общественное недоверие и требовало повышения уровня профессиональной этики.

Важным этапом развития стало введение профессиональной ответственности судебных представителей. Это нововведение позволило регулировать вопросы добросовестности, компетентности и поведения юристов. Нарушение профессиональных стандартов влекло дисциплинарные меры, вплоть до лишения права участвовать в судебных процессах. Благодаря этому институт стал восприниматься как более прозрачный и надежный элемент правовой системы [6].

Современное развитие судебного представительства характеризуется институционализацией и цифровизацией его функций. Судебные процессы всё чаще проходят с использованием электронных документов, дистанционного участия и цифровых платформ. Это требует от представителей не только знания законодательства, но и владения цифровыми инструментами, умения защищать информацию и использовать электронные доказательства. В связи с этим всё больше внимания уделяется вопросам кибербезопасности, цифровой этики и защиты персональных данных доверителей.

Вместе с тем, несмотря на очевидные успехи, остаются проблемные аспекты. Во-первых, во многих правовых системах наблюдается фрагментарность нормативной базы, регулирующей деятельность представителей. Разные процессуальные отрасли права содержат несогласованные положения, что приводит к неоднозначному толкованию норм и затрудняет их применение [7].

Во-вторых, проблема независимости представителей остаётся одной из наиболее острых. Давление со стороны административных структур, зависимость от клиентов и ограниченные процессуальные возможности нередко ставят представителей в сложное положение. Для эффективной защиты интересов граждан необходимо гарантировать независимость представителей, их право на свободное выражение профессионального мнения и защиту от внешнего вмешательства.

В-третьих, остро стоит вопрос профессиональной подготовки. В современных условиях юридическое образование должно не только давать теоретические знания, но и формировать практические навыки, включая судебную риторику, стратегическое мышление и психологическую устойчивость. Необходимо внедрение программ наставничества, практических стажировок и постоянного повышения квалификации.

Наконец, нельзя не отметить этическое измерение судебного представительства. Уровень доверия общества к судебной системе во многом зависит от того, насколько добросовестно и честно ведут себя представители. Этические кодексы и правила профессионального поведения должны стать не формальностью, а реальным механизмом формирования уважения к праву и справедливости [8].

Таким образом, институт судебного представительства представляет собой сложный и многоуровневый правовой феномен, в развитии которого отражаются все этапы эволюции права и общества. Он соединяет в себе элементы правовой традиции, профессиональной культуры и моральной ответственности. Его дальнейшее совершенствование возможно только при условии баланса между государственным регулированием, профессиональной автономией и соблюдением принципов справедливости и законности.

Заключение. Институт судебного представительства является важнейшим элементом современной системы защиты прав и свобод человека. Его развитие отражает не только эволюцию права, но и общую тенденцию укрепления принципов справедливости, состязательности и равноправия сторон в судопроизводстве. Становление данного института проходило через сложный путь — от неформального посредничества до профессионально организованной деятельности, основанной на законе, этике и ответственности.

Исторический анализ показывает, что судебное представительство возникло как ответ на объективную потребность общества в квалифицированной правовой помощи. Вначале представители не имели правового статуса и действовали по личной инициативе, однако по мере усложнения законодательства и судебных процедур необходимость в их профессионализации стала очевидной. Именно это способствовало формированию института, способного обеспечить защиту прав граждан, их законных интересов и доступ к правосудию.

Несмотря на значительные достижения, институт судебного представительства по-прежнему сталкивается с рядом проблем. Среди них — недостаточная согласованность нормативных актов, регулирующих деятельность представителей, ограниченные процессуальные возможности, отсутствие единых профессиональных стандартов, а также недостаточный уровень подготовки специалистов. Эти факторы препятствуют эффективному функционированию института и снижают уровень доверия граждан к судебной системе [9].

Особое значение имеет проблема независимости судебных представителей. Независимость является не только профессиональным требованием, но и основой справедливого судопроизводства. Любое вмешательство в деятельность представителей, административное давление или ограничение их прав подрывает саму суть правовой защиты. Поэтому укрепление гарантий независимости должно рассматриваться как приоритетное направление правовой политики.

Важную роль играет также вопрос профессиональной этики. Деятельность судебного представителя связана с высокой степенью ответственности, поскольку от его компетентности, честности и добросовестности зависят судьбы людей и авторитет судебной власти. Поэтому необходима система постоянного контроля за соблюдением этических норм, введение единых стандартов поведения и формирование правовой культуры на основе принципов гуманизма, справедливости и законности.

Современные вызовы, в том числе цифровизация судопроизводства, требуют пересмотра традиционных подходов к деятельности су-

дебных представителей. Сегодня важно не только знание закона, но и умение применять электронные инструменты, обеспечивать защиту данных, участвовать в онлайн-процессах и работать с цифровыми доказательствами. Всё это должно найти отражение в новых программах юридического образования и профессиональной подготовки [10].

Таким образом, совершенствование института судебного представительства требует комплексного подхода. Необходимо:

1. Систематизировать и унифицировать правовое регулирование института представительства;
2. Укрепить гарантии независимости представителей от внешнего влияния;
3. Ввести единые профессиональные и этические стандарты;
4. Совершенствовать систему подготовки и аттестации специалистов;
5. Развивать цифровую инфраструктуру и правовую грамотность участников процесса.

Реализация этих мер позволит повысить эффективность судебной защиты, укрепить доверие граждан к правосудию и создать устойчивую правовую основу для реализации принципа верховенства закона. В перспективе институт судебного представительства должен стать не просто процессуальным механизмом, а гарантом справедливости, равенства и правовой защищённости каждого человека.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Теория права. – М.: Юридическая литература, 2000.
2. Гаврилов В.Н. Правовые основы института судебного представительства. – М.: Норма, 2015.
3. Зиновьева Е.А. Судебное представительство как гарантия реализации права на защиту. – М.: Проспект, 2012.
4. Комиссаров В.С. Исторические аспекты становления института представительства в суде. – М.: Юрист, 2018.
5. Матвеев Г.К. Право и судебная практика: формирование и развитие процессуальных институтов. – СПб.: Питер, 2017.
6. Нерсисян В.С. Проблемы профессиональной ответственности судебных представителей. – М.: Юрлитинформ, 2014.
7. Орлов Ю.К. Современные тенденции развития гражданского судопроизводства. – М.: Статут, 2019.
8. Петров Д.А. Судебное представительство: теоретико-практические аспекты. – М.: Инфра-М, 2020.
9. Романов А.В. Юридическая профессия и этические стандарты судебного представителя. – М.: Юрлитинформ, 2016.
10. Савельев В.В. Процессуальные права и обязанности судебного представителя. – М.: Проспект, 2011.

References:

1. Alekseev S.S. Theory of law. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 2000.
2. Gavrilov V.N. The legal foundations of the Institute of judicial representation. Moscow: Norm, 2015.
3. Zinovieva E.A. Judicial representation as a guarantee of the right to protection. Moscow: Prospekt, 2012.
4. Komissarov V.S. Historical aspects of the formation of the institution of representation in court. Moscow: Lawyer, 2018.
5. Matveev G.K. Law and judicial practice: formation and development of procedural institutions. St. Petersburg: Peter, 2017.
6. Nersesyan V.S. Problems of professional responsibility of judicial representatives. Moscow: Yurilitinform, 2014.
7. Orlov Yu.K. Modern trends in the development of civil proceedings. Moscow: Statute, 2019.
8. Petrov D.A. Judicial representation: theoretical and practical aspects. Moscow: Infra-M, 2020.
9. Romanov A.V. The legal profession and ethical standards of a judicial representative. Moscow: Yurilitinform, 2016.
10. Savelyev V.V. Procedural rights and duties of a judicial representative. Moscow: Prospekt Publ., 2011.

ИЗМЕНЕНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПОМЕЩЕНИЯ КАК ОБЪЕКТА НЕДВИЖИМОСТИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ CHANGING THE LEGAL STATUS OF PREMISES AS A REAL ESTATE OBJECT: CURRENT ISSUES OF LAW ENFORCEMENT

ГАЛАЕВА Людмила Анатольевна,

кандидат юридических наук, Мордовский государственный университета имени Н.П. Огарева.

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68.

РИНЦ AuthorID: 733-582

E-mail: vikanayka@mail.ru,

GALAEVA Lyudmila Anatolyevna,

Candidate of Legal Sciences, Mordovia State University named after N.P. Ogareva.

430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, st. Bolshevik, 68.

RSCI AuthorID: 733-582

E-mail: vikanayka@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена проблемам правовой регламентации отношений, связанных с реализацией правомочия собственников жилых и нежилых помещений по изменению их правового статуса путем совершения переводных процедур, регламентированных ЖК РФ. Цели и задачи заявленной темы исследования разрешаются в контексте уяснения правовых вопросов системного толкования отдельных норм гражданского, жилищного, градостроительного и земельного законодательства, имеющих непосредственное и косвенное отношение к осуществлению переводных процедур в отношении жилых и нежилых помещений как самостоятельных объектов недвижимости. Автор приходит к выводу о распространении на данную сферу регулирования жилищных отношений принципа единства судьбы земельного участка и прочно связанных с ними объектов.

Abstract. The article is devoted to the problems of legal regulation of relations associated with the implementation of the rights of owners of residential and non-residential premises to change their legal status by carrying out transfer procedures regulated by the Housing Code of the Russian Federation. The goals and objectives of the stated research topic are resolved in the context of clarifying the legal issues of the systemic interpretation of individual norms of civil, housing, urban planning and land legislation that are directly and indirectly related to the implementation of transfer procedures in relation to residential and non-residential premises as independent real estate objects. The author comes to the conclusion that the principle of the unity of the fate of a land plot and objects firmly connected with it should be extended to this area of regulation of housing relations.

Ключевые слова: жилое помещение, нежилое помещение, перевод помещения в жилое и нежилое, признание помещения жилым, изменение вида разрешенного использования земельного участка и объекта капитального строительства, реконструкция объекта капитального строительства, здание, объект недвижимости.

Key words: residential premises, non-residential premises, conversion of premises into residential and non-residential, recognition of premises as residential, change in the type of permitted use of a land plot and a capital construction project, reconstruction of a capital construction project, building, real estate.

Для цитирования: Галаева Л.А. Изменение правового статуса помещения как объекта недвижимости: актуальные вопросы правоприменения // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 285-289. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_285.

For citation: Galaeva L.A. Changing the legal status of premises as a real estate object: current issues of law enforcement // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 285-289. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_285.

Статья поступила в редакцию: 20.09.2025

Введение

Вопросы изменения правового статуса помещения как особой разновидности объектов недвижимости, не перестают пребывать в качестве проблемных. Так, нормы гл.3 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ), предусматривают возможность такого изменения посредством совершения процедуры «перевода жилого помещения в нежилое и нежилого помещения в жилое» Это позволяет вести речь о формировании межотраслевого правового института «перевода помещений», поскольку включает в себя нормы различной отраслевой принадлежности (жилищного, гражданского, земельного, градостроительного законодательства), системное применение которых направлено на исключения помещений из совокупности помещений, образующих в совокупности жилищный фонд, либо, напротив, включения того или иного помещения как объекта недвижимости в состав жилищного фонда РФ.

На протяжении почти двух десятилетий содержание норм ст.ст.22-24 ЖК РФ подвергалось многочисленным изменениям и дополнениям, что свидетельствует о стремлении законодателя совершенствовать правовое регулирование отдельных аспектов данной правовой процедуры. Однако говорить об окончательной урегулированности отношений в этой сфере говорить не приходится. Как видим, правовое регулирование переводных процедур «рамочное», в контексте деления (классификации) всех возможных переводов на 2 основных вида: 1) жилых помещений в нежилые; 2) нежилых помещений в жилые. Кроме того, регламент перевода преимущественно детализирован лишь в отношении изменения правового статуса квартир в МКД. Однако конкретизация как жилых, так и возможных нежилых помещений обуславливает дальнейшую дифференциацию переводов, образующих его частные (отдельные) случаи, применительно к которым содержание нормативного материала гл.3 явно не достаточно. Остановимся лишь на отдельных проблемных вопросах, требующих, на наш взгляд, дополнительного внимания законодателя.

1. Правовые вопросы соотношения «переводных процедур» и «признания строения в качестве объекта капитального строительства (далее- ОКС), «признания ОКС жилым помещением» Правоприменительный аспект гл. 3 ЖК РФ осложняется отсутствием нормы, разъясняющей, что собственно следует понимать по «переводом помещений»? Полагаем, что о «перевод» следует вести речь как о процеду-

ре, направленной, прежде всего, на изменение легализованного функционального назначения помещения (жилого, нежилого) как самостоятельного объекта недвижимости, о котором внесена запись в ЕГРН. На практике возникают вопросы, связанные с уяснением соотношения «перевода» с процедурой «признания помещения жилым помещением», в рамках которой разрешается вопрос о признании нежилого помещения как состоявшегося объекта недвижимости жилым помещением. Дело в том, что собственники помещений в целях изменения их функционального назначения достаточно часто заявляют не о «переводных процедурах», а о «признании помещения жилым»¹. Так, например, собственник земельного участка и помещения бани, о которых внесена запись в ЕГРН, заявляет в ОМСУ не о согласовании перевода, а о признании объекта капитального строительства (далее – ОКС) в виде бани – жилым помещением. Соответственно, и исковые требования в случае отказов по согласованию со стороны ОМСУ, сводятся к «признанию нежилого здания (например, бани) как ОКС жилым помещением». Требования о «признании помещения» вместо «перевода помещения» вполне допустимы. Суды исходят из тождественности (совпадения) правовых процедур как таковых. Так, суд счел невозможным признать помещение (здание) бани жилым помещением, несмотря на то, что она соответствовала всем требованиям, предъявляемых к жилому помещению. Как видим, первичные исковые требования о «признании помещения жилым», свелись по сути в обосновании невозможности осуществить «переводные процедуры», со ссылкой на системное толкование норм гл. 3 ЖК РФ, Положения № 47, а также норм градостроительного и земельного законодательства².

Аналогичное правоприменение при приобретении правового статуса возведенного садового дома на земельном участке в качестве жилого дома, которое осуществляется в рамках процедуры «признания садового дома жилым домом», регламентированной разделом 6 Положения №47 и конкретизирующей пакет документов, порядок совершения действий относительно данного частного случая изменения правового статуса строения как ОКС.

Таким образом, практика правоприменения показывает, что не имеет значения, о какой правовой процедуре (признание, перевод) является при изменении правового статуса ОКС как состоявшего (зарегистрированного) объекта недвижимости. С другой стороны, совершенно отдельно следует вести речь о такой правовой процедуре как «признания первично возведенного (построенного) помещения в качестве ОКС и объекта недвижимого имущества» с внесением сведений ЕГРН на основе ГК РФ, ГрК РФ и законодательства о госрегистрации недвижимости³.

2. Понятие «нежилого помещения» и его разновидности для целей регулирования жилищных отношений Понятие «нежилого помещения» (далее- НП) в самом общем виде содержится в ст.141. 4 ГК РФ как «помещения, пригодного для целей, не связанных с проживанием граждан». Показательно, что содержание НП в научных доктринах исследуется преимущественно с точки зрения гражданского права. Так, акцентируется внимание на НП как специфическом объекте недвижимости, разновидности недвижимой вещи и прочих его правовых характеристиках»[1,2,9,10]. Отдельными авторами [6,10] предпринимаются попытки анализа содержания понятия «НП» для применения публичных норм права: административных, налоговых, уголовно - правовых и пр⁴.

Вопрос понятия «НП» и его содержания для целей регулирования жилищных отношений, связанных с осуществлением переводных процедур, следует считать открытым, несмотря на то, что в одном из подзаконных актов в системе жилищного законодательства, содержится упоминание о нежилом помещении. В частности, речь идет об определении «НП в МКД» как помещения, указанного в проектной или технической документации на МКД либо в электронном паспорте МКД, которое не является жилым помещением и не включено в состав общего имущества собственников помещений в МКД⁵. В числу таких, например, приравниваются части МКД, которые предусмотрены проектной документацией в целях размещения транспортных средств - машино-места, подземные гаражи и автостоянки.

Анализ данной дефиниции, позволят утверждать, что применительно к отдельной сфере жилищных отношений (к отношениям, связанным с предоставлением коммунальных услуг в МКД) следует различать (соотносить) «нежилые помещения» и «общее имущество собственников помещений в МКД». Однако, ст. 36 ЖК РФ, конкретизирующая перечень видов такого общего имущества, в пп. 1 - 2 ч. 1 также указывает на перечень неких помещений, не являющихся частями квартир и предназначенных для обслуживания более чем одного помещения в МКД, для социально-бытовых потребностей собственников квартир (помещений) в МКД (например, технические этажи, чердаки, подвалы и пр.).

Таким образом, нормативное содержание ст.36 ЖК РФ и п.2 раздела I Постановления РФ от 06.05.2011 №345, позволяет разделять: 1) нежилые помещения в общем перечне общего имущества МКД, которые принадлежат на праве общей долевой собственности всем собственникам квартир (помещений) в этом доме; 2) нежилые помещения, не относящиеся к общему имуществу и принадлежащие любым лицам.

¹ Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом: Постановление Правительства от 28.01.2006 №47 (в ред. от 19.10.2024) // URL: <https://base.garant.ru/12144695/> (дата обращения: 15.09.2025)

² Решение Красноуральского городского суда Свердловской области № 2-183/2020 М-176/2020 М-176/2020 от 20 июля 2020 г. по делу № 2-183/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Fiz7yCXMeQWB/> (дата обращения: 15.09.2025).

³ Решение Шуманского районного суда Курганской области № 2-457/2020 М-355/2020 М-355/2020 от 7 сентября 2020 г. по делу № 2-457/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YoOjZLpizNxj/> (дата обращения: 15.09.2025).

⁴ Перечень зданий, сооружений, помещений и оборудования, подлежащих защите автоматическими установками пожаротушения и автоматической пожарной сигнализацией: приказ МЧС России от 18.06.2003 № 315// Рос. газ. 3 июля. 2003. № 128; Об утверждении Правил противопожарного режима в Российской Федерации: постановление Правительства от 16.09.2020 № 1479// Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 39. Ст. 6056; Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции: федер. закон от 23.02.2013 № 15-ФЗ // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70221478/> и пр.

⁵ О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов :постановление Правительства от 06.05.2011 № 354 (ред. от 11.04.2024) // URL: <https://base.garant.ru/12186043/>(дата обращения: 15.09.2025)

Бесспорно, что перечень НП как объектов недвижимости гораздо обширнее и не ограничивается взаимосвязью со структурными особенностями МКД. В этой связи, вряд ли возможно применение понятия «НП в МКД» для регулирования другой сферы жилищных отношений, связанных с осуществлением переводных процедур. По причине отсутствия в ЖК РФ определения НП вести речь о его юридических характеристиках позволительно со ссылкой на определение жилого помещения, о которых упоминается в ст.15 ЖК РФ, ст.144.1 ГК РФ: «пригодность для постоянного проживания граждан». Соответственно, нежилым обоснованно признавать любое помещение, которое «не предназначено для постоянного проживания граждан», а предназначено для использования в целях, не связанных с проживанием в этом помещении (административные, торговые, учебные, производственные, лечебные и т.п. помещения). Такое состояние нормативного материала не может не порождать вопросов, в частности, в отношении каких нежилых помещений как отдельных объектов недвижимости собственник вправе осуществить изменение их функционального назначения посредством совершения переводных процедур, регламентированных гл. 3 ЖК РФ?

На страницах научной литературы предпринимаются попытки комплексного исследования нежилых помещений, равно как и исследование возможности их группирования на основе различных критериев [12]. Применительно к сфере жилищных отношений данные исследования приобретают важное значение, поскольку, сам ЖК РФ характеризуется наличием пробелов по определению НП. В этой связи совершение отдельных видов переводов, дифференцированных в зависимости от конкретного вида жилых и нежилых помещений, и сопряженных с системным применением норм различной отраслевой принадлежности вызывает споры в правоприменительном процессе.

Анализ судебной практики показывает, что в судах разрешаются споры, связанные с переводом следующих видов нежилых помещений: а) перевод апартаментов в жилые помещения¹; б) перевод гаража в жилое помещение²; в) перевода хозяйственного блока (хозблока) в жилое помещение³; г) перевод нежилого помещения на цокольном этаже МКД в жилое⁴ и т.д.

Большинство подобных жилищных поров возникает по причине отказов в согласования перевода ОМСУ в силу отсутствия условий, которым должно соответствовать жилое помещение по Положению №47. Так, показательна позиция Верховного Суда по толкованию п.17 Положения № 47, согласно которому «доступ к жилому помещению в МКД выше пятого этажа, за исключением мансардного, должен осуществляться при помощи лифта». Именно на этом основании гражданке Н. было отказано в переводе нежилого помещения выше 16 этажа в жилое. Районный суд решил, что администрация отказала гражданке совершенно законно и пояснил, что к жилым помещениям, которые находятся выше пятого этажа, должен эксплуатироваться лифт. В спорном деле он выше 16-го этажа не поднимался Верховный суд расширительно истолковал п. 17 Положения № 47 о наличии лифтового оборудования как условия признания помещения жилым, не так формально, как нижестоящие инстанции: подъем на один этаж по лестнице не противоречит этой норме. Дело отправлено на новое рассмотрение⁵.

3. Правовые вопросы осуществления переводных процедур в отношении здания

Изменение правового статуса жилых и нежилых помещений в рамках переводных процедур, если речь идет о здании - еще один проблемный правоприменительный аспект гл. 3 ЖК РФ. Дело в том, что в ней идет речь о совершении переводов в отношении помещений, а не зданий. Понятие «здания» в российском законодательстве различается в целях регулирования тех или иных общественных отношений⁶. Так, в контексте ст.130 ГК РФ здание выступает в качестве разновидности недвижимости, состоящей из совокупности помещений; согласно п.10 ст.11 ГК РФ здание это ОКС, результат строительства (или его часть) и т.д. Поскольку нормативное содержание гл. 3 ЖК РФ не позволяет иметь хоть какое-то представление о соотношении понятий «помещения» и «здания» в целях применения переводных процедур, то изменение правового статуса здания и как ОКС, и как разновидности недвижимости на практике весьма проблематично. Например, допустимо ли изменение правового статуса магазина как ОКС и как разновидности недвижимости в рамках переводных процедур на жилое помещение? Допустимо ли изменение функционального назначения индивидуального жилого дома (далее - ИЖД), которое в самом же ЖК РФ (ч.2. ст.16) характеризуется как здание, посредством перевода в нежилое?

Так, по существу подобных вопросов показательна правовая позиция Росреестра как одного из правоприменительных органов, который полагает, что в отношении ИЖД не может быть осуществлена процедура перевода, поскольку в ЖК РФ идет речь о переводных процедурах, совершаемых в отношении помещений, а ИЖД - это не помещение, а здание. В этой связи изменение функционального назначения ИЖД должно осуществляться путем проведения реконструкции объекта индивидуального жилищного строительства в ОКС, имеющий иное функциональное назначение, со ссылкой на нормы ГК РФ и ЗК РФ⁷.

Анализ отдельных судебных решений демонстрирует различные подходы к разрешению споров, связанных с применением переводных процедур в отношении зданий. Так, в одних судебных решениях подтверждается правомерность отказов ОМСУ по заявлениям - собственников ИЖД, ходатайствующих согласовать перевод ИЖД в нежилое помещение, например в здание гостиницы. Отдельные суды полагают, что

¹ Решение Анапского городского суда № 2А-232/2024 2А-232/2024(2А-3860/2023);-М-3801/2023 2А-3860/2023 М-3801/2023 от 11 января 2024 г. по делу № 2А-232/2024// URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FsDPukROAvL4/>(дата обращения: 16.09.2025).

² Решение Туапсинского районного суда Краснодарского края № 2-1396/2018 2-1396/2018-М-1494/2018 М-1494/2018 от 12 ноября 2018 г. по делу № 2-1396/2018// URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KQU4Zir6rqmW/>(дата обращения: 16.09.2025).

³ Решение Пушкинского городского суда Московской области № 2-4505/2017 2-4505/2017 ~ М-3839/2017 М-3839/2017 от 27 декабря 2017 г. по делу № 2-4505/2017 //URL: - <https://sudact.ru/regular/doc/DxizPnfJRR5h/>(дата обращения: 16.09.2025).

⁴ Решение Алуштинского городского суда № 2-1176/2017 2-1176/2017-М-1101/2017 М-1101/2017 от 19 сентября 2017 г. по делу № 2-1176/2017 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/92Hv1wX7z6F/>(дата обращения: 16.09.2025).

⁵ Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.04.2021 № 78-КАД21-2-К3 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=665713#DbwioVwXrHs3PI61> (дата обращения: 17.09.2025).

⁶См., например Технический регламент о безопасности зданий и сооружений: федер. закон от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ // URL: <https://base.garant.ru/12172032/>(дата обращения: 17.09.2025).

⁷ См.: Изменение назначения объекта недвижимости с «жилого» на «нежилое» // URL: <https://adm-marinovka.ru/novosti/izmenenie-naznacheniya-obekta-nedvizhimosti-s-zhilogo-na-nezhiloe?ysclid=m2g02xdbnk218942025>. (дата обращения: 17.09.2025).

гостиницу следует считать уже не помещением, а зданием. Соответственно, и речь следует вести не о переводе жилого помещения в нежилое, совершаемое по нормам ЖК РФ, а об «изменении назначения здания», полномочия по которым у ОМСУ на текущий момент отсутствуют¹.

Так, в другом случае речь шла о переводе отдельно стоящего здания магазина 1974 года постройки в жилое помещение, в отношении которого в целях изменения его функционального назначения были согласованы со стороны ОМСУ и проведены переводные процедуры со ссылкой на ЖК РФ, подлежащие обжалованию по основаниям, совершенно не связанным с переводом здания, а не помещения.

4. Соблюдение требований законодательства о градостроительной деятельности при совершении переводных процедур

Проблемный правоприменительный аспект нормы бланкетного характера ч.1 ст. 22 гл. 3 ЖК РФ обуславливается тем, что в иных статьях ЖК РФ не уточняется, о каких именно нормах градостроительного законодательства, характеризующегося на страницах юридической литературы как комплексного и тесно взаимосвязанного с земельным [7, 11], следует вести речь. В свою очередь и ГрК РФ не содержит норм, позволяющих иметь четкое понимание о соотношении и системном применении двух кодифицированных законодательных актов, на взаимодействии нормативного содержания которых основывается проведение так называемых переводных процедур. Дело в том, что если руководствоваться нормами ГрК РФ, изменение функционального назначения помещений как ОКС возможно в рамках совершения иной правовой процедуры – «изменения вида разрешенного использования ОКС и земельного участка (далее – ЗУ)» в рамках градрегламента (ч. 3 ст. 37 ГрК РФ).

Полагаем, что вопрос о соотношении данной процедуры с переводными процедурами следует считать открытым. Анализ судебного правоприменения показывает, что возникают вопросы по поводу первоочередности совершения действий, направленных на изменение функционального назначения того или иного помещения. Так, собственники ИЖД часто начинают изменение правового статуса данного вида жилого помещения с переводных процедур, вне всякой взаимосвязи с ГрК РФ и ЗК РФ, без изменений ВРИ как ЗУ, так и ИЖД как ОКС, и получают отказ в их согласовании со стороны ОМСУ. Показательно, что суды, разрешая споры по существу заявленных требований (о признании отказа незаконным), признают такие отказы законными и заключают, что правоотношениям, связанным с переводными процедурами ИЖД в нежилое помещение, предшествуют правоотношения по изменению ВРИ ЗУ и ВРИ ИЖД как ОКС, в которых и устанавливается (формализуется) соответствие ВРИ ЗУ и ВРИ ОКС в рамках нормативных положений действующего градрегламента. Иными словами, соблюдение градостроительного законодательства является условием проведения переводных процедур. И напротив, если оно не соблюдается, речь идет об обстоятельствах, препятствующих к совершению процедуры перевода ИЖД в нежилое помещение².

На страницах юридической литературы отмечается, что правоприменение норм трех кодифицированных актов (ЖК РФ, ГрК РФ и ЗК РФ) характеризуется различными правовыми позициями субъектов правоприменительного процесса (собственники ИЖД, органы местного самоуправления, суды) по первоочередности изменения видов разрешенного использования земельного участка и ИЖД как ОКС [3]. Так, правовая позиция отдельных судов такова: изменение ВРИ ОКС должно по крайней мере сопровождаться изменением ВРИ ЗУ, даже если речь идет об истребовании условно разрешенного вида использования ОКС³. Показательно, что в разрешении подобных жилищных споров суды достаточно часто руководствуются принципом земельного законодательства - единства судьбы ЗУ и расположенных на нем объектов недвижимости. Согласно последнему, все объекты недвижимости, возведенные на ЗУ, следуют его судьбе, если иное не установлено федеральным законом. Отсутствию нормативных исключений в ЖК РФ по существу данного вопроса обосновывает правовые позиции тех судов, которые усматривают необходимость первоочередного изменения функционального назначения ЗУ при изменении правового статуса тех или иных помещений, возведенных на нем и легализованных в качестве ОКС и самостоятельных объектов недвижимости [8].

Выводы

Таким образом, необходимо:

- совершенствовать понятийный аппарат ЖК РФ, поскольку нормативного содержания гл. 3 ЖК РФ, явно не достаточно для четкого понимания и соотношения таких понятий как «нежилое помещение» и «здание» при совершении переводных процедур, связанных с изменением функционального назначения помещений;
- внесение дополнений в содержание ст. 23 ЖК РФ, в частности, в перечень документов, предъявляемых в целях получения положительного решения о переводе, с указанием на «иные документы, предусмотренные законодательством о градостроительной деятельности» в подп. 8 п.2 ст. 23 ЖК РФ;
- принятие подзаконного нормативного акта наиболее подробно регламентирующего порядок совершения отдельных видов переводов, осуществление которых основывается как на нормах ЖК РФ, так и на субсидиарном применении норм земельного и градостроительного законодательства.

Заключение

Исследование проблем правового регулирования совершения переводных процедур, недостаточно регламентированных ЖК РФ, имеет огромное практическое значение. Поскольку теоретическая и правовая база данной сферы жилищных отношений имеет существенные пробелы, реализация права на совершение переводных процедур в отношении отдельных видов как жилых, так и нежилых помещений осложнена. Одним из существенных следует признать вопрос о распространении на данную сферу жилищных отношений принципа единства судьбы зе-

¹ Решение Арбитражного суда Калининградской области от 30 марта 2022 г. по делу № А21-12488/2021 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/OmoNTKqisRr1/> (дата обращения: 18.09.2025).

² Решение Районного суда г. Прокопьевска Кемеровской области № 2А-658/2018 2А-658/2018 – М-537/2018 М-537/2018 от 7 июня 2018 г. по делу № 2А-658/2018 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/j3MChbbv6HUL/> (дата обращения: 17.09.2025).

³ Решение Центрального районного суда г. Твери № 2А-2720/2017 2А-2720/2017 – М-2617/2017 М-2617/2017 от 15 декабря 2017 г. по делу № 2А-2720/2017 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/b0AlN7K4XKWrrl/> (дата обращения: 20.09.2025).

мельных участков и прочно связанных с ними объектов, по существу которого имеют место быть различные точки зрения в научной доктрине и в правоприменении.

Список литературы:

1. Агеев А. Е. Гражданско-правовой режим поэтажной (жилищной) собственности: сравнительно правовое исследование // Опыты цивилистического исследования : сборник статей / А. Е. Агеев, И. И. Акимов, В. А. Волгина [и др.] ; рук. авт. кол. и отв. ред. А. М. Ширвиндт, Н. Б. Щербаков. — М. : Статут, 2018. — Вып. 2. — С. 6–44.
2. Дроздов И. А. Обслуживание жилых помещений: гражданско-правовое регулирование. — М. : Статут, 2006. — 236 с.
3. Галаева Л.А. О реализации правомочия по распоряжению индивидуальным жилым домом путем совершения переводных процедур // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 12. С. 76–81.
4. Вербицкая Ю. О. Понятие нежилого помещения: публично-правовой аспект // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 4. С. 172–183.
5. Клинов А. О. Правовая природа и понятие нежилого помещения // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2015. — № 10 (169). — С. 16–24.
6. Котельников М. А. Понятие нежилых помещений в судебной строительно-технической экспертизе // Международный журнал прикладных наук и технологий Integral. — 2020. — № 1. — С. 167–171.
7. Кучмаева С.Н., Сидоров Ю.В. Особенности градостроительного законодательства, его место в системе административного права // Достижения науки и образования. 2018. № 18 (40). С. 56–62;
8. Матвеева К. Анализ споров по коммерческому использованию жилых частных домов под магазины, кафе, ателье склады, ремонты и т.д. // Жилищное право. 2022. №1. С. 15–26.
9. Панин Н. А. Признаки нежилого помещения как объекта договора аренды // Академическая публицистика. 2018. № 5. С. 234–238.
10. Решетов Ф. Ф. Понятие и специфика нежилых помещений как объектов недвижимости // Правовое государство: теория и практика. 2010. № 1 (19). С. 126–127.
11. Рыженков А.Я. О месте градостроительного права в системе права России: дискуссионные вопросы // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2018. № 2 (45). С. 37–42.
12. Сафонов А.В. Классификация нежилых помещений и ее правовое значение // Северо – Кавказский юридический вестник. 2009. №3. С. 53–59.

References:

1. Ageenko A. E. The civil law regime of floor-to-floor (housing) property: a comparative legal study // Experiments in civil research : a collection of articles / A. E. Ageenko, I. I. Akimov, V. A. Volgina [et al. A. M. Shirvindt, N. B. Shcherbakov. — M. : Statute, 2018. — Issue 2. — pp. 6-44.
2. Drozdov I. A. Maintenance of residential premises: civil law regulation. — M. : Statute, 2006. — 236 p.
3. Galaeva L.A. On the implementation of the authority to dispose of an individual residential building by performing transfer procedures // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2024. No. 12. pp. 76-81.
4. Verbitskaya Yu. O. The concept of non-residential premises: a public legal aspect // Actual problems of Russian law. 2023. T. 18. No. 4. Pp. 172-183.
5. Klinov A. O. The legal nature and concept of non-residential premises // Property relations in the Russian Federation. — 2015. — № 10 (169). — Pp. 16-24. 4.
6. Kotelnikov M. A. The concept of non-residential premises in judicial construction and technical expertise // International Journal of Applied Sciences and Technologies Integral. — 2020. — No. 1. — pp. 167-171.
7. Kuchmaeva S.N., Sidorov Yu.V. Features of urban planning legislation, its place in the system of administrative law // Achievements of science and education. 2018. No. 18 (40). pp. 56-62;
8. Matveeva K. Analysis of disputes on the commercial use of residential private houses for shops, cafes, ateliers, warehouses, repairs, etc. // Housing Law. 2022. No. 1. pp. 15-26.
9. Panin N. A. Signs of non-residential premises as an object of a lease agreement // Academic journalism. 2018. No. 5. Pp. 234-238.
10. Reshetov F. F. The concept and specificity of non-residential premises as real estate objects // The rule of law: theory and practice. 2010. No. 1 (19). pp. 126-127.
11. Ryzhenkov A.Ya. On the place of urban planning law in the Russian legal system: controversial issues // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 2 (45). pp. 37-42.
12. Safonov A.V. Classification of non-residential premises and its legal significance // North Caucasian Law Bulletin. 2009. №3. pp. 53-59.

ПРИМЕНЕНИЕ БЕСПИЛОТНОЙ СЪЕМОЧНОЙ ТЕХНИКИ КАК НАРУШЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ СОБСТВЕННИКА ФИЗИЧЕСКОГО ИЛИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА THE USE OF UNMANNED AERIAL VEHICLES AS A VIOLATION OF THE CIVIL RIGHTS OF AN INDIVIDUAL OR LEGAL ENTITY

АНАНЬЕВ Олег Геннадьевич,

старший преподаватель кафедры социальной психологии, социальной работы и probation Академии ФСИН России.

390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д.1.

E-mail: ananbev.oleg2013@yandex.ru;

ЕШКИЛЕВА Наталия Александровна,

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВЮИ ФСИН России.

Россия, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67 Е.

E-mail: eshkileva_na@33.fsin.gov.ru;

ANANYEV Oleg Gennadievich,

Senior Lecturer at the Department of Social Psychology, Social Work and Probation of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Ryazan, Sennaya str., 1.

E-mail: ananbev.oleg2013@yandex.ru;

ESHKILEVA Natalia Alexandrovna,

Senior Lecturer of Civil Legal Disciplines Department of Faculty of Law of VLI of the FPS of Russia.

Vladimir, BolshayaNizhegorodskaya str. 67 E.

E-mail: eshkileva_na@33.fsin.gov.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается комплекс проблем, связанных с правовым регулированием применения беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) государственными органами в контексте обеспечения прав и законных интересов физических и юридических лиц. Активное внедрение дронов в деятельность контролирующих, надзорных и правоохранительных органов создает коллизию между публичными интересами (безопасность, эффективный контроль) и частноправовыми интересами коммерческих организаций. Авторы анализируют основные риски для юридических лиц: нарушение режимов коммерческой тайны, незаконное вмешательство в хозяйственную деятельность, несоблюдение процедурных требований при проведении проверок и риски для физических лиц: вмешательство в частную жизнь и др. Исследуются пробелы и противоречия в действующем российском законодательстве, регламентирующем аэрофото-съемку и обработку данных с БПЛА. На основе анализа формулируются выводы о необходимости совершенствования правовой базы для установления баланса интересов и разработки эффективных механизмов судебной защиты прав физических и юридических лиц.

Abstract: The article examines a complex of problems related to the legal regulation of the use of unmanned aerial vehicles by state bodies in the context of ensuring the rights and legitimate interests of individuals and legal entities. The active introduction of drones into the activities of regulatory, supervisory, and law enforcement bodies creates a conflict between public interests (security, effective control) and the private legal interests of commercial organizations. The authors analyze the main risks for legal entities: violation of commercial confidentiality regimes, illegal interference in economic activities, non-compliance with procedural requirements during inspections, and risks for individuals: interference in private life, etc. The article examines the gaps and contradictions in the current Russian legislation regulating aerial photography and data processing from UAVs. Based on the analysis, the article draws conclusions about the need to improve the legal framework in order to establish a balance of interests and develop effective mechanisms for judicial protection of the rights of individuals and legal entities.

Ключевые слова: беспилотные летательные аппараты, юридические лица, коммерческая тайна, право на неприкосновенность частной собственности, государственный контроль, надзор, аэрофотосъемка, персональные данные, законность.

Keywords: unmanned aerial vehicles, legal entities, commercial secrets, the right to the inviolability of private property, state control, supervision, aerial photography, personal data, and legality.

Для цитирования: Ананьев О.Г., Ешкилева Н.А. Применение беспилотной съемочной техники как нарушение гражданских прав собственника физического или юридического лица // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 290-293. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_290.

For citation: Ananyev O.G., Eshkileva N.A. The use of unmanned aerial vehicles as a violation of the civil rights of an individual or legal entity // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 290-293. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_290.

Статья поступила в редакцию: 01.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Введение. Стремительное развитие технологий, в частности коммерциализация и удешевление беспилотных летательных аппаратов (БПЛА, дронов), открыло новые горизонты для творчества, бизнеса и повседневной жизни. Однако эти же технологии породили ряд правовых и этических коллизий. Одной из наиболее острых проблем стало столкновение права на съемку с помощью дронов и фундаментального гражданского права на неприкосновенность частной собственности.

Использование дронов для съемки объектов частной собственности без явного согласия владельца все чаще расценивается не как техническая новинка, а как серьезное правонарушение, посягающее на целый ряд охраняемых законом прав.

Целью исследования является комплексный анализ правовых рисков для юридических лиц, возникающих при использовании БПЛА государственными органами, и выявление пробелов в действующем законодательстве.

Методами исследования выступили формально-юридический анализ норм российского административного, гражданского, коммерческого и воздушного права, а также сравнительно-правовой анализ.

Частная собственность, будь то загородный дом, коттедж в черте города или даже небольшой земельный участок — это не просто объект недвижимости. Это пространство, в котором реализуется право человека на частную жизнь, неприкосновенность жилища (в юридическом и бытовом понимании), личную и семейную тайну. Ограда или граница участка символически и юридически отделяют частное пространство от публичного.

Беспилотник, оснащенный камерой, с легкостью преодолевает это физическое препятствие. Он способен:

- Вести скрытую съемку с высоким разрешением, заглядывая в окна, во внутренние дворы, на террасы.
- Проводить картографирование и 3D-сканирование территории без ведома хозяина.
- Нарушать акустический комфорт своим шумом.
- Создавать ощущение постоянного наблюдения, что приводит к психологическому дискомфорту и стрессу.

Таким образом, действие, которое со стороны оператора дрона может казаться «безобидной съемкой красивого дома» или «созданием панорамы для проекта», с точки зрения собственника является прямым вторжением в его охраняемое законом пространство.

Съемка объекта частной собственности с помощью дрона без разрешения может нарушать сразу несколько ключевых прав, гарантированных гражданским законодательством (в частности, Гражданским кодексом РФ и аналогичными кодексами других стран).

а) Право на неприкосновенность частной жизни (ст. 152.2 ГК РФ). Это комплексное право, включающее в себя тайну частной жизни, личную и семейную тайну. Съемка закрытой территории, где собственник желает уединиться, является грубым нарушением этого права. Суды, как правило, становятся на сторону собственника, если дрон снимает то, что не видно с общедоступных улиц или территорий.

б) Право на неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции РФ, ст. 3 ЖК РФ). Хотя дрон физически не проникает внутрь помещения, съемка через окно с использованием специальных возможностей современных объективов может быть приравнена к такому проникновению в виртуальной форме. Это грубейшее нарушение, не требующее дополнительных трактовок.

в) Право собственности (ст. 209 ГК РФ). Оно включает в себя триаду правомочий: владение, пользование и распоряжение. Владение подразумевает, в том числе, исключительный контроль собственника над своим имуществом. Незаконное вторжение в воздушное пространство над участком (о чем подробнее ниже) и проведение съемки лишает собственника этого исключительного контроля. Он не может в полной мере пользоваться своим имуществом — отдыхать в уединении, принимать гостей, не опасаясь постороннего наблюдения.

г) Право на изображение (ст. 152.1 ГК РФ). Если в кадр беспилотника попадают сами собственники или члены их семьи, это прямое нарушение права на собственное изображение. Публикация или использование такого изображения без согласия запрещено законом, кроме исключительных случаев (например, съемка в публичных интересах).

д) Нематериальные блага (ст. 150 ГК РФ). К ним относятся психическое и физическое здоровье. Постоянный шум, угроза безопасности (риск падения дрона), чувство тревоги и утраты приватности могут причинять собственнику нравственные страдания, что является основанием для компенсации морального вреда. Особенно это является проблемой для лиц, вернувшихся из зон боевых действий, когда реакция на подобный летательный аппарат непредсказуема для психики такого человека.[1, с. 140]

Стоит отметить, что в законодательстве большинства стран, включая Россию, прямо не указана высота, до которой распространяются права собственника. Однако по сложившейся правовой практике и доктрине, собственник вправе контролировать то воздушное пространство, которое необходимо для использования его имущества по назначению (так называемая «достаточная высота»). Пролет дрона на высоте 10-50 метров над крышей дома или садом явно нарушает этот интерес и не является «свободным полетом».

Важно понимать, что не всякая съемка частного объекта является незаконной. Законность зависит от контекста и соблюдения процедур.

Использование БПЛА государственными органами регламентировано рядом нормативных правовых актов:

- Воздушный кодекс РФ, который определяет БПЛА как воздушные суда и устанавливает общие правила их использования.
- Федеральный закон от 08.07.2024 № 291-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», который закрепляет правовой статус беспилотников.
- Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».
- Отраслевые приказы и регламенты (например, Приказ Минтранса России, регламентирующий полеты БВС).[2]

Ключевой проблемой является то, что законодательство зачастую не содержит специальных процедур для применения дронов в контрольной деятельности. Съемка с БПЛА часто квалифицируется как «наблюдение», которое, в соответствии с п. 8 ст. 2 Закона № 294-ФЗ, может проводиться без предварительного уведомления проверяемого субъекта. Это создает правовую лазейку для неограниченного сбора информации о деятельности юридического лица без его ведома.

Прямое согласие собственника — единственное бесспорное основание для проведения съемок, в связи с этим рекомендуется оформлять его в письменной форме с указанием целей, сроков и объема съемки.

Съемка может быть оправдана, если объект представляет историческую, архитектурную ценность или является местом публичного события. Однако даже в этом случае оператор должен соблюдать баланс и не нарушать приватность проживающих там людей.

Если объект виден с улицы и съемка ведется без применения специальных средств (дрона), увеличивающих обзор, она, как правило, законна. Использование же рассматриваемых технических средств кардинально меняет ситуацию, так как меняет угол и ракурс, доступный обыч-

ному человеку.

Что же касается юридических лиц, то наиболее значительным риском для юридического лица является разглашение информации, составляющей коммерческую тайну (ст. 1465 Гражданского кодекса РФ). К такой информации могут относиться:

- технологические процессы: высокоточная съемка производственных площадок, оборудования, складских комплексов может позволить конкурентам или третьим лицам реконструировать уникальные технологии.
- логистические схемы: мониторинг подъездных путей, графика поставок и отгрузок.
- объемы производства и запасов: съемка позволяет с высокой точностью оценить объемы хранящейся продукции или сырья, что является стратегически важной информацией.
- планировка и инфраструктура: детальные планы территории предприятия.

На видеозаписях, полученных с БПЛА, могут быть зафиксированы сотрудники юридического лица, их перемещения и действия. Эта информация подпадает под действие Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ. Государственный орган, осуществляющий такую съемку, становится оператором персональных данных и обязан соблюдать все соответствующие требования (цели обработки, согласие субъекта и т.д.), что в рамках контрольных мероприятий практически игнорируется.

Государственный орган, получая такие данные под предлогом контроля (например, за соблюдением экологических норм), обязан соблюдать режим конфиденциальности (ст. 16 Закона № 294-ФЗ).[3] Однако на практике механизмы обеспечения этого режима при работе с массивами визуальных данных, собранных дроном, не разработаны. Существует риск утечки данных или их использования не по назначению.

Проведение аэросъемки без надлежащего уведомления или без законных оснований может быть расценено как незаконное вмешательство в деятельность предприятия. Шум от БПЛА, сам факт наблюдения могут нервировать сотрудников, нарушать рабочий процесс, а в некоторых случаях – представлять угрозу безопасности (например, при полетах над взрывоопасным производством).

Кроме того, право собственности (ст. 209 ГК РФ) включает в себя правомочие владения, пользования и распоряжения имуществом. Юридическое лицо вправе ожидать, что его производственная территория, которая может быть огорожена и охраняема, не станет объектом произвольного наблюдения со стороны государства без судебного решения или иных веских оснований, предусмотренных законом.

Закон № 294-ФЗ устанавливает строгий порядок проведения плановых и внеплановых проверок. Использование БПЛА для предварительной «разведки» перед проведением проверки может нарушать этот порядок. Если дрон используется для сбора доказательств до возбуждения административного дела или до оформления распоряжения о проведении проверки, такие доказательства могут быть признаны недопустимыми (ст. 26.2 КоАП РФ), так как получены с нарушением установленной процедуры.

Отсутствие четких правил применения БПЛА в рамках проверок приводит к произволу и создает коррупционные риски.

Совсем иное положение применения беспилотных летательных объектов рассматривается в случае их появления над объектами ФСИН России, которые являются режимными в связи с особенностью их функционирования. Минюст России принял Приказ №282, в котором содержится положение о пресечении попыток полетов дронов над территорией исправительных учреждений. Документ рассматривает способы подавления и преобразования сигналов дистанционного управления БПЛА, а также воздействия на аппаратуру для их управления и само уничтожение технического средства. Приказ разрешает использование огнестрельного оружия и специального оборудования при его наличии.[4]

Таким образом граждане – физические лица и хозяйствующие субъекты сегодня встречаются с явными пробелами действующего законодательства, к которым относятся:

1. Отсутствие четкого разграничения между законной «наблюдательной» деятельностью и фактической проверкой с использованием БПЛА.
2. Не определен порядок получения разрешения на съемку частных территорий (за исключением случаев, когда полет происходит на высоте более 150 метров – это воздушное пространство общего пользования).
3. Не урегулирован вопрос об объеме и детализации данных, которые могут быть собраны, и сроках их хранения.
4. Отсутствуют эффективные механизмы для юридического лица оспорить сам факт проведения такой съемки и потребовать уничтожения незаконно полученных данных.

Доказывание факта нарушения в суде является крайне сложной задачей. Юридическое лицо часто даже не знает о том, что над его территорией проводилась съемка. Бремя доказывания законности своих действий лежит на государственном органе (п. 6 ст. 16 Закона № 294-ФЗ), но на практике суды часто встают на сторону контролирующих органов, ссылаясь на приоритет публичных интересов.

Для физических лиц можно выделить некоторый алгоритм действий при подобных ситуациях.

Необходимо постараться зафиксировать факт полета и съемки видео на телефон, где будет виден дрон и его расположение относительно участка, а также записать время и дату.

Если это возможно, безопасно попытаться найти оператора (обычно он находится неподалеку). Установить с ним контакт и вежливо поинтересоваться целями съемки. Впоследствии нужно запросить у него удаление материалов записи.

Если оператор отказывается сотрудничать или ведет себя агрессивно, стоит обратиться в полицию. Составление административного протокола по статьям о нарушении порядка (например, ст. 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство») или о нарушении правил использования воздушного пространства — действенная мера.

Также можно подать иск в суд о:

- запрете на распространение полученных материалов;
- удалении уже опубликованных фото и видео;
- компенсации морального вреда;
- возмещении убытков (если они были причинены).

Беспилотные технологии — это мощный инструмент, но его применение не должно происходить в правовом вакууме. Право на съемку не является абсолютным и заканчивается там, где начинается право другого человека на приватность и неприкосновенность его собственности.

Для устранения выявленных проблем необходима комплексная модернизация законодательной базы. Можно предложить такие изменения, как:

1. Внести изменения в Федеральный закон № 294-ФЗ, четко определив, что использование БПЛА для наблюдения за территорией и объектами юридического лица является формой контроля, требующей:

- обоснования необходимости именно такого способа наблюдения;
- пределов и целей проводимой съемки;
- в случае съемки на закрытой территории – судебного ордера по аналогии с обыском, за исключением случаев, требующих незамедлительных действий (например, предотвращение непосредственной угрозы жизни людей или экологической катастрофы).

2. Закрепить гарантии защиты коммерческой тайны, установив ответственность должностных лиц за разглашение информации, полученной с помощью БПЛА, и введя обязательство по ее обезличиванию или уничтожению после завершения контрольных мероприятий.

3. Разработать и принять ведомственные регламенты, детально описывающие процедуры применения БПЛА, обработки и хранения, полученных данных с соблюдением требований законодательства о персональных данных.

4. Сформировать единую судебную практику, признающую доказательства, полученные с нарушением установленного порядка применения БПЛА, недопустимыми.

Собственник имеет полное право чувствовать себя защищенным в стенах своего дома и на своей земле не только от физического, но и от «цифрового» вторжения. Суды и законодатели по всему миру постепенно формируют устойчивую практику, признающую полеты дронов над частными владениями без разрешения серьезным нарушением гражданских прав. Осознание операторами дронов своей ответственности и получение предварительного информированного согласия — единственный цивилизованный путь для развития аэросъемки без ущерба для фундаментальных прав человека.

Список литературы:

1. Основы гражданского права: учебное пособие. – Рязань: Академия ФСИН России // Рязань: издательство ИП Коняхин А.В. (BookJet), 2023 – 338 с.
2. Приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 24 апреля 2025 г. № 142 "Об утверждении Федеральных авиационных правил "Порядок организации и обеспечения функционирования линий управления беспилотными авиационными системами и контроля беспилотных авиационных систем для беспилотных авиационных систем в составе с беспилотными гражданскими воздушными судами" – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412103920/> (дата обращения 28.08.2025 г.).
3. Статья 16. Порядок оформления результатов проверки. Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26.12.2008 N 294-ФЗ (последняя редакция) \ КонсультантПлюс– [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83079/29ecf5e7c5f995d7110ebbd697bdf1d0be41f159/ (дата обращения 28.08.2025 г.).
4. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 13.11.2020 № 282 · Официальное опубликование правовых актов – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011230029> (дата обращения 28.08.2025 г.).

References:

1. Fundamentals of Civil Law: Textbook. – Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia // Ryazan: Publishing House of IP Konyakhin A.V. (Book Jet), 2023 – 338 p.
2. Order of the Ministry of Transport of the Russian Federation dated April 24, 2025 No. 142 "On Approval of the Federal Aviation Rules "Procedure for the Organization and Functioning of Control Lines for Unmanned Aerial Systems and Control of Unmanned Aerial Systems for Unmanned Aerial Systems with Unmanned Civil Aircraft" – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412103920/> (accessed on August 28, 2025).
3. Article 16. Procedure for processing the results of an inspection. Federal Law "On Protecting the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs during State Control (Supervision) and Municipal Control" dated December 26, 2008, No. 294-FZ (latest edition) \ КонсультантПлюс – [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83079/29ecf5e7c5f995d7110ebbd697bdf1d0be41f159/ (accessed on 28.08.2025).
4. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 282 dated 13.11.2020 · Official Publication of Legal Acts – [Electronic resource]. – Access mode: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011230029> (accessed on August 28, 2025).

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_294

УДК 347

ГРАЖДАНСКАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В СЕТИ CIVIL LEGAL PERSONALITY OF LEGAL ENTITIES ON THE WEB

ВИЦИЕВА Малика Исаевна,

Ассистент преподаватель кафедры «Гражданское право и процесс»
Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова.
364024, Россия, Чеченская республика, г. Грозный, ул. А. Шерипова, д. 32.
E-mail: Vitsiyeva83@mail.ru;

VITSIEVA Malika Isaevna,

Assistant Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure
Chechen State University named after A. A. Kadyrov.
364024, Chechen Republic, Grozny, A. Sheripova Street, 32.
E-mail: Vitsiyeva83@mail.ru

Краткая аннотация. В статье исследуется содержание и пределы гражданской правосубъектности юридических лиц в цифровой среде. На основе доктринального анализа норм гражданского, информационного и потребительского права раскрываются вопросы эквивалентности электронной и простой письменной формы сделок, юридически значимых сообщений, дифференциации видов электронной подписи и их доказательственного значения. Обосновывается необходимость согласования статусов владельца сайта, организатора распространения информации, оператора персональных данных и владельца агрегатора информации с едиными стандартами раскрытия сведений и электронного документооборота. Рассматриваются коллизии охраны средств индивидуализации и доменных имен, а также коллизионные привязки в трансграничных обязательствах.

Abstract: The article examines the content and limits of the civil legal personality of legal entities in the digital environment. Based on a doctrinal analysis of the norms of civil, information, and consumer law, the article explores the equivalence of electronic and simple written forms of transactions, legally significant messages, and the differentiation of types of electronic signatures and their evidential value. The article also substantiates the need to harmonize the statuses of website owners, information dissemination organizers, personal data operators, and information aggregator owners with unified standards for disclosure and electronic document management. The article discusses conflicts in the protection of means of individualization and domain names, as well as conflict of laws in cross-border obligations.

Ключевые слова: гражданская правосубъектность, юридическое лицо, электронная сделка, электронная подпись, юридически значимые сообщения.

Keywords: civil legal personality, legal entity, electronic transaction, electronic signature, legally significant messages.

Для цитирования: Вицьева М.И. Гражданская правосубъектность юридических лиц в сети // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 294-296. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_294.

For citation: Vitsieva M.I. Civil legal personality of legal entities on the web // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 294-296. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_294.

Статья поступила в редакцию: 11.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Введение. Цифровизация гражданского оборота радикально изменила способы участия юридических лиц, обострив вопрос о пределах и содержании их гражданской правосубъектности в сети Интернет. В традиционной модели правоспособность и дееспособность юридического лица вытекали из его статуса и организационно-правовой формы, что закреплено в нормах о понятии юридического лица и его правоспособности. В электронной среде реализация частноправовых возможностей осуществляется через электронные сделки и юридически значимые сообщения, которые признаются эквивалентом простой письменной формы при соблюдении требований к подписи и порядку обмена документами. Дополнительные гарантии и ограничения вытекают из специального режима электронной подписи, а также из правил о доставке уведомлений адресату. Одновременно правовой статус в сети опосредуется режимами обращения информации и персональных данных, определяющими пределы допустимого поведения и ответственность операторов информационных систем. Особое значение для индивидуализации в сети имеют доменные имена: хотя они прямо не отнесены к охраняемым объектам исключительных прав, охрана интересов обеспечивается по общим гражданско-правовым способам и через институт средств индивидуализации с учетом разъяснений высшей судебной инстанции.

Правовое положение юридических лиц в цифровом пространстве определяется сочетанием общих норм гражданского законодательства и специальных режимов, адресованных владельцам сайтов, операторам информационных систем, организаторам распространения информации и участникам дистанционной торговли. Базой остаются положения о письменной форме сделок и юридически значимых сообщениях: договор может заключаться посредством электронного документа или обмена электронными сообщениями при условии идентификации контрагента и соблюдения требований к подписи; юридически значимые уведомления порождают последствия с момента доставки адресату, в том числе при электронном взаимодействии. Тем самым подтверждается равнозначность электронной формы традиционной письменной, если обеспечена возможность достоверного установления отправителя и неизменности содержания.

Специальный режим электронной подписи дифференцирует простую, усиленную неквалифицированную и усиленную квалифицированную подписи; применимость конкретного вида определяется законом и соглашением сторон с учетом необходимого уровня доверия к авторству и целостности электронного документа. На практике это влияет на допустимость и доказательственную силу электронных документов в гражданском обороте, а также на распределение рисков при дистанционном заключении договоров [4, с. 128].

Юридическое лицо, действующее в сети, как минимум выступает владельцем сайта либо страницы сайта, а нередко – организатором распространения информации. На владельца сайта возлагается обязанность размещать на сайте сведения о своем наименовании, месте на-

хождения и адресе, а также адрес электронной почты для обращений по вопросам прекращения нарушения авторских и смежных прав; невыполнение этих обязанностей повышает риск мер по ограничению доступа. Для организаторов распространения информации закон устанавливает расширенный комплекс обязанностей, включая хранение сведений о фактах обмена электронными сообщениями и взаимодействие с уполномоченными органами в установленном порядке.

Реализация правоспособности в цифровой среде часто осуществляется через дистанционные сделки с участием потребителей. Для розничной купли-продажи по дистанционному способу действуют специальные правила: продавец обязан предоставить до заключения договора полную и достоверную информацию о товаре и о себе, заключить договор с любым лицом, выразившим намерение принять оферту, организовать доставку и надлежащее послепродажное обслуживание. При расчетах применяется режим контрольно-кассовой техники: выдача кассового чека на бумажном носителе и (или) в электронной форме, соблюдение обязательных реквизитов и фиксация признака расчета через сеть.

Отдельный сегмент занимает деятельность владельцев агрегаторов информации о товарах (услугах). Закон возлагает на них информационные обязанности (раскрытие сведений о себе и продавце/исполнителе) и устанавливает ответственность за убытки, причиненные потребителю вследствие предоставления недостоверной или неполной информации, на основании которой заключен договор с продавцом (исполнителем). В предусмотренных случаях владелец агрегатора возвращает потребителю предварительную оплату. Это соотносится с общими началами защиты слабой стороны в договоре розничной купли-продажи.

Обработка персональных данных в сети подчинена общему режиму Закона о персональных данных и дополнительным требованиям о локализации баз данных: при сборе персональных данных граждан Российской Федерации оператор обязан обеспечивать запись и хранение таких данных с использованием баз, находящихся на территории Российской Федерации (за установленными законом исключениями). Несоблюдение влечет риск ограничительных мер и ответственности, включая блокирование обработки [7, с. 91].

Средства индивидуализации и доменные имена образуют особую плоскость охраны интересов юридических лиц. Верховный Суд разъяснил, что доменные имена не относятся к объектам интеллектуальных прав; защита осуществляется по общим способам защиты гражданских прав и в контексте пресечения недобросовестной конкуренции и нарушения прав на товарные знаки (вплоть до аннулирования доменного имени при доказанности злоупотребительного приобретения). При этом отношения регистрации и администрирования доменных имен .RU и .РФ регулируются обязательными Правилами Координационного центра.

Продвижение товаров и услуг в сети подпадает под действие законодательства о рекламе, которое требует добросовестности и достоверности, а также соблюдения специального режима учета и маркировки интернет-рекламы через единый реестр; обязанности по представлению сведений возлагаются на рекламодателей, рекламораспространителей и операторов рекламных систем. Невыполнение требований маркировки и учета влечет административную ответственность.

Конфликтно-правовые вопросы в трансграничных цифровых отношениях решаются по нормам международного частного права: стороны вправе выбрать подлежащее применению право; при его отсутствии действует право страны стороны, осуществляющей исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора; для внедоговорных требований применяется право страны, где имело место действие или где наступил вред при наличии предвидения. Эти ориентиры позволяют оценивать риски юрисдикции и исполнимости решений при сетевом взаимодействии [2, с. 326].

Ключевые проблемы формирования гражданской правосубъектности юридических лиц в условиях цифровизации связаны с напряжением между классическими конструкциями частного права и технологическими способами выражения и фиксации воли в сети. Нормы о письменной форме сделки и юридически значимых сообщениях допускают совершение сделок и обмен уведомлениями посредством электронных документов при условии идентификации стороны и обеспечении неизменности содержания; последствия наступают с момента доставки сообщения адресату, в том числе при электронном взаимодействии. Однако отсутствие единообразных технических стандартов идентификации и удостоверения доставки порождает процессуальные риски доказывания и распределения ответственности между участниками оборота. Практическая задача – увязать частноправовые презумпции с технологиями маршрутизации и хранения сообщений, чтобы исключить спор о том, кто и когда «получил» волеизъявление.

Правовое значение электронной подписи, дифференцируемой на виды, обеспечивает эквивалентность электронной формы простой письменной, но одновременно переносит в частноправовую плоскость риски компрометации средств аутентификации. В доказывании авторства электронного документа усиливается роль сертификатов ключей подписи, регламентов удостоверяющих центров и порядка аннулирования сертификатов; при этом любые пробелы в договорном регулировании оборота электронных ключей фактически перекладывают риск на хозяйствующий субъект. Перспектива – развитие диспозитивных моделей распределения рисков и доказательственных презумпций, прямо учитывающих жизненный цикл сертификатов, а также внедрение унифицированных правил хранения и представления электронных следов, формируемых при подписании.

Отдельная коллизия возникает из-за «гибридного» статуса участников цифровой коммуникации: владелец сайта и организатор распространения информации несут публично-правовые обязанности по хранению данных, взаимодействию с уполномоченными органами и удалению противоправного контента в сжатые сроки. Эти обязанности напрямую влияют на гражданско-правовые отношения: усиливают *delicta in faciundo* (неисполнение обязанности по удалению), смещают баланс автономии воли и усиливают значение комплаенса как элемента дееспособности в сети. Системная перспектива – аккуратная разграничительная линия между публично-правовым режимом посредников и частноправовой ответственностью перед контрагентами и третьими лицами [3, с. 85].

Трансграничность сетевого оборота обостряет вопросы подлежащего права и юрисдикции. Диспозитивные коллизионные нормы допускают выбор применимого права к договору, а при его отсутствии ориентируют на право страны стороны, осуществляющей исполнение, имею-

щее решающее значение для содержания договора; для внедоговорных требований действует право страны, где имело место действие или наступил вред с учетом предвидения. Практическая проблема – корректная «привязка» сетевых актов к определенному правопорядку (место совершения, место причинения вреда, место нахождения информационной системы). Перспектива – более детальная легализация коллизионных привязок для цифровых отношений и типовые оговорки о праве и юрисдикции для платформенных договоров.

Средства индивидуализации в сети и доменные имена остаются зоной повышенного конфликтного потенциала. Верховный Суд разъяснил, что доменные имена не являются объектами исключительных прав; защита интересов осуществляется общими способами гражданско-правовой защиты и через пресечение недобросовестной конкуренции, в том числе с учетом корреляции домена и товарного знака. Проблема – выработка единых критериев злоупотребительного доменного поведения и соразмерных последствий для администратора домена. Перспектива – институционализация медиации и административных процедур урегулирования споров о доменах, сопряженных с национальными правилами администрирования.

Доказательственное право не полностью успевает за практикой цифрового оборота. Хотя процессуальные нормы допускают подачу документов в электронном виде и признают электронные доказательства, суды вправе истребовать подлинники либо дополнительные подтверждения достоверности. Отсюда – неопределенность статуса «скриншотов», лог-файлов и метаданных, а также различия в подходах к их оценке. Перспектива – унификация требований к представлению, верификации и хранению электронных доказательств (включая требования к формату, метаданным и целостности), а также развитие судебных разъяснений о допустимости и относимости цифровых следов.

Существенным вектором развития выступает доктрина «цифровых прав»: закон признает их как права, содержание и осуществление которых определяются правилами информационной системы, с распоряжением исключительно внутри такой системы. Это меняет практику осуществления правоспособности юридических лиц: часть активов и сделок «живет» по внутренним регламентам систем, где юридическое лицо действует по их правилам и через встроенные механизмы подтверждения волеизъявления (включая автоматизацию исполнения). Перспектива – расширение оборота цифровых финансовых активов и утилитарных цифровых прав, где формируются новые модели привлечения капитала и исполнения обязательств, а также кодификация «смарт-контракта» как способа совершения и исполнения сделок.

Наконец, институт экспериментальных правовых режимов дает правовую площадку для «опробования» новых моделей идентификации, представительства и автоматизированного исполнения обязательств без немедленного изменения общих правил. Это позволяет аккумулировать эмпирические данные, выверять риски гражданско-правовой ответственности операторов платформ и уточнять пределы правоспособности в средах с высокой степенью автоматизации процессов. Перспектива – перенос наработанных решений в общую часть гражданского законодательства (в части формы сделок, доказательств, представительства и распределения рисков), а также согласование их с режимами защиты персональных данных, включая ужесточенные требования локализации.

Заключение. Таким образом, гражданская правосубъектность юридических лиц в сети формируется на стыке частноправовых и публично-правовых режимов и требует догматического и нормативного упорядочения. Ключевые выводы таковы: признание эквивалентности электронной и простой письменной формы при надлежащей идентификации должно сопровождаться едиными презумпциями достоверности волеизъявления и доставки юридически значимых сообщений; дифференциация видов электронной подписи – увязываться с характером сделки и распределением рисков; статус владельца сайта, организатора распространения информации и оператора персональных данных – согласовываться через минимальные стандарты раскрытия и хранения сведений. Необходима более четкая квалификация доменных имен и их соотношения со средствами индивидуализации, а также предсказуемые процедуры защиты. В трансграничных отношениях – опора на автономию воли и ясные коллизионные привязки при соблюдении требований локализации данных.

Краткая аннотация:

1. Азаревич А. В., Еремян Э. В., Галицкий Э. В. и др. Цифровые права: особенности выпуска и обращения в России и за рубежом: монография. – Москва: ЮстицИнформ, 2025. – 132 с.
2. Блажеев В. В., Егорова М. А. (ред.) Цифровое право: учебник. – Москва: Проспект, 2020. – 640 с.
3. Волков В. Э. Цифровое право. Общая часть: учебное пособие. – Самара: Изд-во Самарского университета, 2022. – 111 с.
4. Геец К. В. Доменные имена и доменные споры в России и за рубежом: монография. – Москва: Проспект, 2023. – 384 с.
5. Калятин В. О. Право интеллектуальной собственности. Правовое регулирование баз данных: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Изд-во Юрайт, 2025. – 193 с.
6. Терехов М. Г. Цифровое право: учебное пособие. – Москва: Проспект, 2024. – 141 с.
7. Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. 3-е изд., обнов. и доп. – Нижний Новгород: ННГУ, 2025. – 321 с.
8. Шершенева Е. П. Правовой режим персональных данных в России и Европейском союзе: монография. – Москва: Проспект, 2024. – 280 с.

References:

1. Azarevich A. V., Eremyan E. V., Galitsky E. V., et al. Digital Rights: Features of Issue and Circulation in Russia and Abroad: Monograph. – Moscow: YustitsInform, 2025. – 132 p.
2. Blazheev V. V., Egorova M. A. (eds.) Digital Law: Textbook. – Moscow: Prospekt, 2020. – 640 p.
3. Volkov V. E. Digital Law. General Part: Textbook. – Samara: Samara University Publishing House, 2022. – 111 p.
4. Geets K. V. Domain Names and Domain Disputes in Russia and Abroad: Monograph. – Moscow: Prospekt, 2023. – 384 p.
5. Kalyatin V. O. Intellectual Property Law. Legal Regulation of Databases: Textbook for Universities. 2nd Edition, Revised and Expanded. Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. – 193 p.
6. Terekhov, M. G. Digital Law: Textbook. Moscow: Prospekt, 2024. – 141 p.
7. Filippova, I. A. Legal Regulation of Artificial Intelligence: Textbook. 3rd Edition, Updated. and add. – Nizhny Novgorod: NNSU, 2025. – 321 p.
8. Shersheneva E. P. Legal regime of personal data in Russia and the European Union: monograph. – Moscow: Prospekt, 2024. – 280 p.

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ПОСЛЕ РЕФОРМЫ 2025 ГОДА PERSONAL DATA PROTECTION AFTER THE REFORM OF 2025

ВОЗКАЕВ Сайд-Умар Сайд-Алиевич,

Старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова.
364024, Россия, Чеченская республика, г. Грозный, ул. А. Шерипова, д. 32.
E-mail: Vozkaevs@mail.ru;

VOZKAEV Sayd-Umar Sayd-Alievich,

Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure
Chechen State University named after A. N. N. A. N. N. Kadyrov.
364024, Chechen Republic, village Grozny, A. N. N. Sheripova str., 32.
E-mail: Vozkaevs@mail.ru

Краткая аннотация. Статья анализирует трансформацию правового режима защиты персональных данных после реформы 2025 года, фиксируя смещение к превенции, риск-ориентированному надзору и усилению процедурной подотчётности операторов. В теоретико-правовом ключе уточняются пределы информационного самоопределения личности, критерии соразмерности ограничений частной жизни и требования к необратимости обезличивания при публичном доступе к агрегированным массивам. Обосновывается необходимость кодификации методик деидентификации, тестов «совместимости целей» повторной обработки и процедурной проверяемости публичного интереса.

Abstract: The article analyzes the transformation of the legal regime for the protection of personal data after the 2025 reform, highlighting the shift towards prevention, risk-based supervision, and increased procedural accountability for operators. In a theoretical and legal context, the article clarifies the limits of individual information self-determination, the criteria for the proportionality of restrictions on privacy, and the requirements for the irreversibility of anonymization in the context of public access to aggregated data. The article also substantiates the need for the codification of de-identification techniques, tests for the "compatibility of purposes" of re-processing, and the procedural verifiability of the public interest.

Ключевые слова: персональные данные, реформа 2025 года, превенция, риск-ориентированный надзор, локализация первичных операций.

Keywords: personal data, 2025 reform, prevention, risk-based supervision, localization of primary operations.

Для цитирования: Возкаев С.-У. С.-А. Защита персональных данных после реформы 2025 года // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 297-300. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_297.

For citation: Vozkaev S.-U. S.-A. Personal data protection after the reform of 2025 // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 297-300. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_297.

Статья поступила в редакцию: 15.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Введение. Реформа 2025 года радикально перераспределила акценты правового режима охраны персональных данных, усилив публично-правовые инструменты принуждения и превентивного контроля: с 30 мая 2025 года существенно повышена административная ответственность операторов за нарушение требований обработки (включая специальные составы и крупные штрафы), что системно меняет модель правоприменения, ориентируя её на превенцию утечки и недостоверного информирования регулятора, а не только на последующее возмещение вреда. Одновременно с 1 июля 2025 года закон установил жёсткую локализацию первичных баз персональных данных на территории Российской Федерации и запретил первичную обработку вне её пределов, включая сбор через сеть «Интернет», что трансформирует трансграничные потоки данных и требует пересмотра договорных конструкций и режимов трансфера.

С 1 сентября 2025 года введена обязанность предоставлять по запросу уполномоченного органа обезличенные массивы в государственную информационную систему, что усиливает государственную аналитику и одновременно ставит вопросы о критериях необратимости обезличивания и допустимых пределах регуляторного доступа. Переработаны требования к согласию субъекта на обработку, унифицированы формулы и введены новые составы ответственности за нарушения в оформлении; надзор дополнен автоматизированными проверками сайтов с применением алгоритмов искусственного интеллекта, что повышает вероятность выявления формальных несоответствий. Указанные новеллы необходимо соотносить с доктринальными подходами: ещё А. И. Савельев обосновал, что технологии анализа больших данных подрывают традиционные критерии соразмерности, минимизации и целевого ограничения, требуя уточнения понятий «персональные данные» и «обезличивание» для предотвращения повторной идентификации, – вывод, который в нынешних условиях приобретает непосредственную нормативную значимость [3, с. 59].

Нормативно-правовой ландшафт после реформы 2025 года характеризуется смещением акцента к публично-правовой превенции и риск-ориентированному надзору: существенно повышена административная ответственность по специальным составам Кодекса за неуведомление о начале обработки, несообщение о нарушении безопасности и крупные утечки, что переводит режим обработки персональных данных в модель строгой регуляторной подотчётности. С 1 июля 2025 года обновлённая часть 5 статьи 18 Закона № 152-ФЗ закрепила жёсткую локализацию первичных баз и запретила первичный сбор и иные базовые операции вне территории Российской Федерации, одновременно потребовав соблюдения обновлённых процедур трансграничной передачи.

С 1 сентября 2025 года введён обязательный механизм предоставления по требованию уполномоченного органа обезличенных массивов в государственную информационную систему с закрытым доступом; перечень допустимых случаев формирования составов данных утвер-

ждён правительственным постановлением, а техническо-правовые методы обезличивания установлены ведомственным приказом, что институционализирует критерии необратимости обезличивания. Одновременно реформирована конструкция согласия субъекта: согласие должно оформляться как самостоятельный юридический документ с дополнительными реквизитами и оговорками о целях и сроках, что минимизирует смешение волеизъявлений и усиливает доказательственную силу. Усилен и надзор: развернуты автоматизированные проверки интернет-ресурсов с использованием алгоритмов искусственного интеллекта, что расширяет охват формальных несоответствий и повышает вероятность выявления нарушений до наступления вреда [1, с. 40].

Правовое регулирование обработки персональных данных в условиях стремительной цифровизации балансирует на грани между охраной достоинства личности и императивами технологического развития, что особенно рельефно проявилось после реформы 2025 года. С одной стороны, законодатель усилил публично-правовую компоненту через ужесточение административной ответственности и расширение превентивного надзора; с другой – поставил перед операторами и государством сложные этические задачи, связанные с пределами допустимого вмешательства в частную сферу и рисками алгоритмической дискриминации. Существенное обновление требований к согласию субъекта – его обособление как самостоятельного юридического документа и запрет «смешения» с иными волеизъявлениями – закрепляет приоритет автономии личности и повышает доказательственную ценность волеизъявления в конфликтных ситуациях, одновременно расширяя пространство для контролируемой правомерности обработки. Эти новеллы вступили в силу 1 сентября 2025 года и сопряжены с увеличением санкций за формальные нарушения, что переводит согласие из символического атрибута в юридически значимый инструмент со строгими реквизитами.

Принципиальные изменения коснулись трансграничного режима и локализации: с 1 июля 2025 года закреплено требование первичного формирования и хранения баз персональных данных на территории Российской Федерации с последующим трансфером за рубеж лишь при соблюдении процедур трансграничной передачи. Практически это означает необходимость технологической «приземлённости» операционных контуров и резервных копий, а также пересмотр архитектуры информационных систем и договорных конструкций с зарубежными контрагентами. Письменные разъяснения уполномоченного органа конкретизировали применение новых положений, устраняя неопределённость в отношении сценариев, когда иностранные сервисы подключаются после первичной записи в отечественной базе. Эти меры, усиливая информационный суверенитет, одновременно обостряют вопросы совместимости с международными каналами обмена и стандартами адекватной защиты [5, с. 159].

Установление обязанности предоставлять по требованию государства обезличенные массивы данных и детализация методов обезличивания сформировали новый контур взаимодействия публичной власти и операторов: нормативно определены случаи, когда допустима агрегация и передача массивов, а также техническо-правовые процедуры достижения необратимости деидентификации. Это институционализирует «обезличивание по правилам», но порождает тонкие этические вопросы: как соотносить расширение аналитических возможностей государства с правом личности на информационное самоопределение и недопустимость повторной идентификации при скрещивании наборов? Усиление методических требований (включая ведомственные приказы и постановления) уменьшает произвольность, однако не устраняет технологических рисков рекомбинации и «прозрачности по умолчанию».

Сопутствующие реформе меры – автоматизированные проверки интернет-ресурсов на соответствие формальным требованиям и повышение штрафов, включая специальные составы за массовые утечки, – закрепляют риск-ориентированную модель надзора. В ней превалирует раннее выявление нарушений и стимулирование комплаенс-архитектуры у операторов, что этически оправдано в силу превентивной функции государства, но требует прозрачности алгоритмических критериев контроля и процессуальных гарантий для хозяйствующих субъектов. Юридически это выражается в необходимости документировать все стадии обработки, включая принятие согласия, учёт версий текстов, ведение реестров операций и оценок рисков [4, с. 130].

Доктринальные ориентиры придают этим изменениям теоретическую глубину. Ещё А. И. Савельев показал, что технологии анализа больших массивов данных эрозируют классические принципы минимизации и целевого ограничения: одна и та же совокупность признаков после последующего сопоставления способна «оживить» идентифицирующий потенциал, превращая формально обезличенный массив в переидентифицируемый. Следовательно, правопорядку требуется уточнение понятий «обезличивание» и «совместимость целей» с учётом кумулятивных эффектов обработки. Эти выводы сегодня напрямую корреспондируют с новыми обязанностями операторов и государственными запросами к массивам данных.

Конституционно-правовое измерение задаёт дополнительные критерии допустимости: Т. Я. Хабриева последовательно проводит идею соразмерности ограничений частной жизни в цифровой среде и подчеркивает, что нормы должны учитывать как динамику технологического развития, так и необходимость обеспечения прозрачности и подотчётности власти при обращении с данными. Эти методологические установки дополняются судебными позициями: Конституционный Суд, оценивая соотношение прав на защиту персональных данных и права общества на получение социально значимой информации, допускает режимы раскрытия отдельных категорий сведений в общественных интересах при соблюдении меры и законной цели. Таким образом, правоприменение опирается на тест соразмерности, где применимость ограничений обусловлена необходимостью и доказуемостью их эффективности.

Этический пласт проблемы проявляется в трёх узловых вопросах:

- во-первых, это информационное самоопределение личности как способность определять пределы раскрытия сведений о себе: в цифровой среде оно подвергается испытанию из-за агрегирования следов поведения и асимметрии информационной власти операторов. Современная российская доктрина развивает это право как самостоятельный ориентир регулирования обработки, предлагая усиливать меха-

низмы осознанного согласия, доступности информации о режимах обработки и возражения против отдельных видов профилирования;

- во-вторых, это справедливость алгоритмических решений: непрозрачные модели, использующие косвенные прокси-признаки, способны порождать систематические перекосы в отношении уязвимых групп, что требует сочетания правовых предписаний (запрет дискриминации, обязанность объяснимости) и этической экспертизы проектов. Публичные рассуждения ведущих российских юристов о правовой природе искусственного интеллекта указывают на необходимость нормативной подотчётности и процедурной проверки соответствия технологий базовым правам;

- в-третьих, это коммерциализация персональных данных: превращение данных в квазиторары усиливает конфликт интересов между экономической выгодой и неприкосновенностью частной жизни, что, по мнению ряда исследователей, требует дополнительных гарантий против «принудительной согласийности» и внедрения моделей добросовестного обращения с данными.

Практические эффекты реформы 2025 года проявились, прежде всего, в резком повышении издержек соблюдения требований и перераспределении рисков в пользу публично-правовой превенции. Ужесточение административно-деликтных составов и введение оборотных штрафов за повторные утечки (до трёх процентов выручки при нижнем пороге в двадцать пять миллионов рублей и верхнем – пятьсот миллионов) трансформировали мотивацию операторов: экономически выгоднее выстроить замкнутый контур законности и безопасности обработки, чем полагаться на последующее урегулирование последствий инцидента. Это сопровождается специальными составами ответственности за несообщение уполномоченному органу об изменениях и о нарушениях безопасности, за неправомерную передачу больших массивов, а также за нарушения в сфере биометрических персональных данных. Практически это означает обязательность заблаговременного документирования всех юридически значимых действий при обработке и наличие процессуальной готовности к внеплановой проверке.

С 1 июля 2025 года изменилась логика пространственной организации информационных систем: обновлённая норма о локализации закрепила запрет на первичный сбор и иную первичную обработку персональных данных граждан вне пределов Российской Федерации. Для операторов это влечёт перераспределение серверной инфраструктуры, отказ от схем «первичной записи» в иностранных хранилищах, пересмотр договорных конструкций с зарубежными соисполнителями и внедрение юридико-технических шлюзов трансграничной передачи. «Указанные требования уже легли в основу практики проверок и разъяснений: подчёркивается, что подключение иностранного сервиса допустимо только после первичной фиксации сведений на национальной инфраструктуре и с соблюдением процедур трансграничного трансфера. В противном случае наступают крупные штрафы, вплоть до миллионов рублей, что дополнительно стимулирует «приземление» критических операций обработки» [7, с. 102].

С 1 сентября 2025 года закреплена новая обязанность предоставления по запросу государства обезличенных массивов в специализированную государственную информационную систему. На практике это требует: формировать регистры наборов данных, применять документированные методы деидентификации, обеспечивающие необратимость, и выстраивать внутриорганизационные процедуры, позволяющие в тридцатидневный срок передать согласованные с уполномоченным органом наборы в требуемом формате. Появилась необходимость правового обоснования допустимых уровней агрегирования и исключения повторной идентификации при последующем сопоставлении массивов государственными распорядителями данных. И хотя такой механизм усиливает аналитическую функцию публичной власти, он одновременно требует ясных критериев допустимого доступа и контроля за «обратимостью» обезличивания.

«Отдельное направление практических последствий – процессуальная подотчётность и «обязательное раскрытие» для регулятора. Операторы вынуждены выстраивать полноценные циклы учёта операций обработки: регистры оснований и целей, правовые модели поручений обработчикам, матрицы сроков хранения и уничтожения, доказательства предоставления и отзыва согласий, журналы инцидентов и уведомлений. Невыполнение либо задержка уведомления о намерении обработки, изменении сведений об операторе или о нарушении безопасности теперь образуют самостоятельные правонарушения с существенными санкциями. Это сдвигает акцент с символической декларативности на проверяемую юридическую действительность каждой операции» [6, с. 122].

Надзор приобрёл риск-ориентированную и технологически усиленную конфигурацию: объявлено о подключении автоматизированных систем анализа сайтов с использованием алгоритмов искусственного интеллекта, позволяющих выявлять формальные несоответствия в пользовательских формах, текстах согласий и публичных политиках. Практическая рекомендация для операторов – регулярные самооценки законности, сквозные проверки размещённых документов и исключение скрытых каналов передачи сведений на иностранные платформы. Регуляторная практика указывает на массовость нарушений среди небольших организаций и предпринимателей, что требует методической поддержки и стандартизации юридико-технических решений.

Для частноправовых участников приоритетом становится выстраивание комплексного режима законности и безопасности «по замыслу и по умолчанию»: правовое картирование процессов, оценка воздействия на защиту персональных данных для высокорисковых операций (профилирование, массовая агрегированная обработка), институционализация роли ответственного за организацию обработки, внедрение процедур быстрого реагирования на инциденты, резервирование доказательственной базы на случай спора. В трансграничных сценариях потребуются юридическая конструкция «эквивалентной защиты» в принимающей юрисдикции и договорные обязательства переработчиков о соблюдении российских требований, включая локализацию первичных операций.

Доктринальные ориентиры углубляют направления дальнейшего развития. Ещё А. И. Савельев показал, что технологии анализа больших массивов подрывают классические принципы минимизации и целевого ограничения: даже формально обезличенный массив при совмещении с иными наборами способен породить повторную идентификацию. Отсюда вытекает задача кодификации критериев необратимости

обезличивания и правовых тестов «совместимости целей» при повторном использовании данных. Вектор научной мысли указывает на необходимость нормативного закрепления уровней деидентификации и процедурного аудита рисков реидентификации при государственном и негосударственном обмене массивами.

В конституционно-правовом измерении следует развивать методологию соразмерности ограничений частной жизни в цифровой среде. Т. Я. Хабриева подчёркивает, что баланс государственно-правовой охраны информационного суверенитета и автономии личности требует не только императивов, но и прозрачных процедур доступа, подотчётности и судебной проверяемости. Для «новой» модели взаимодействия государства и операторов необходимы чёткие пределы публичного интереса, процессуальные гарантии субъектов и специальные правила для уязвимых категорий данных.

Заключение. В совокупности проведённая в 2025 году трансформация закрепила переход к превенции и подотчётности как системообразующим принципам защиты персональных данных: усилены императивы локализации и процедурного контроля, надзор приобрёл риск-ориентированный характер, а согласие субъекта возвышено до юридически значимого механизма индивидуализации целей обработки. Правоприменительная практика неизбежно будет смещаться от формальной проверочности к содержательной оценке соразмерности и необходимости вмешательства в частную жизнь, что требует доктринальной кодификации критериев необратимости деидентификации, тестов «совместимости целей» при повторном использовании сведений, процессуальной прозрачности алгоритмических решений и судебной проверяемости публичного интереса.

Список литературы:

1. Бабина Д. А. Актуальные проблемы работы с персональными данными в Российской Федерации // Право и цифровая экономика. – 2024. – № 4. – С. 34–41.
2. Гатиятуллина Э. М. Защита персональных данных в условиях цифровизации: эволюция и современное состояние // Информационное право. – 2023. – № 3. – С. 80–88.
3. Дейко С. В. Актуальные аспекты защиты персональных данных в условиях внедрения технологий машинного обучения // Компьютерное право и информатика. – 2025. – № 2. – С. 54–61.
4. Добробаба М. Б. Понятие персональных данных: проблема правовой определённости // Государство и право. – 2023. – № 10. – С. 123–131.
5. Дудченко А. В.; Голотова М. А.; Томбулова Е. Г. Проблемы и перспективы правового регулирования цифровой трансформации бизнеса // Закон и право. – 2025. – № 2. – С. 156–160.
6. Ильин И. Г. Персональные данные в системах искусственного интеллекта: технология обработки естественного языка // Вестник МГУ. Серия 11. Право. – 2024. – № 5. – С. 115–124.
7. Карпенко И. Н. О связи утечек персональных данных с показателями кибербезопасности // Право и безопасность. – 2024. – № 1. – С. 98–106.
8. Минбалеев А. В. Перспективные направления правового регулирования персональных данных // Журнал российского права. – 2024. – № 8. – С. 20–28.
9. Новиков П. А. Современные вызовы в обеспечении защиты персональных данных работников // Трудовое право в России и за рубежом. – 2025. – № 1. – С. 42–50.
10. Пискайкина В. М. Проблема защиты персональных данных в эпоху цифровизации // Юридическая наука. – 2025. – № 7. – С. 60–68.

References:

1. Babina, D. A. Actual Problems of Working with Personal Data in the Russian Federation // Law and Digital Economy. – 2024. – No. 4. – Pp. 34–41.
2. Gatiatullina E. M. Protection of Personal Data in the Context of Digitalization: Evolution and Current State // Information Law. – 2023. – No. 3. – Pp. 80–88.
3. Deiko S. V. Current Aspects of Personal Data Protection in the Context of Machine Learning Technologies Implementation // Computer Law and Informatics. – 2025. – No. 2. – Pp. 54–61.
4. Dobrobaba M. B. The Concept of Personal Data: The Problem of Legal Certainty // State and Law. – 2023. – No. 10. – Pp. 123–131.
5. Dudchenko A. V.; Golotova M. A.; Tombulova E. G. Problems and Prospects of Legal Regulation of Digital Transformation of Business // Law and Law. – 2025. – No. 2. – Pp. 156–160.
6. Ilyin I. G. Personal Data in Artificial Intelligence Systems: Natural Language Processing Technology // Vestnik MGU. Series 11. Law. – 2024. – No. 5. – Pp. 115–124.
7. Karpenko I. N. On the Relationship of Personal Data Leaks with Cybersecurity Indicators // Law and Security. – 2024. – No. 1. – Pp. 98–106.
8. Minbaleev A. V. Promising Directions of Legal Regulation of Personal Data // Journal of Russian Law. – 2024. – No. 8. – Pp. 20–28.
9. Novikov P. A. Modern Challenges in Ensuring the Protection of Employees' Personal Data // Labor Law in Russia and Abroad. – 2025. – No. 1. – Pp. 42–50.
10. Piskaykina V. M. The Problem of Personal Data Protection in the Era of Digitalization // Legal Science. – 2025. – No. 7. – Pp. 60–68.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ЭЛИТАРНОСТЬ ИЛИ ПРИЗВАНИЕ? HIGHER EDUCATION: ELITISM OR CALLING?

ГАБАЗОВ Тимур Султанович,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова».
364907, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Шерипова, д. 32.
E: mail: gts.82@mail.ru;

ГАБАЗОВА Хава Тимуровна,

Студентка юридического факультета ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова».
364907, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Шерипова, д. 32.
E: mail: gts.82@mail.ru;

GABAZOV Timur Sultanovich,

Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure FSBEI HE «Chechen State University named after. A.A. Kadyrov».
364907, Chechen Republic, Grozny, st. Sheripova, 32.
E: mail: gts.82@mail.ru;

GABAZOVA Khava Timurovna,

student of the Faculty of Law
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Chechen State University named after. A.A. Kadyrov».
364907, Chechen Republic, Grozny, st. Sheripova, 32.
E: mail: gts.82@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются две ключевые концепции высшего образования: элитарность и призвание. Автор анализирует, как социальные, экономические и культурные факторы влияют на восприятие высшего образования как привилегии для избранных или как возможности для самореализации и развития личных качеств. Обсуждаются преимущества и недостатки обеих точек зрения, а также их влияние на образовательную политику и общественное мнение. В заключение подчеркивается необходимость поиска баланса между доступностью образования и его качеством, а также важность формирования нового взгляда на высшее образование как на инструмент, способствующий развитию общества в целом.

Abstract: The article examines two key concepts of higher education: elitism and vocation. The author analyzes how social, economic and cultural factors influence the perception of higher education as a privilege for the elite or as an opportunity for self-realization and personal development. The advantages and disadvantages of both perspectives are discussed, as well as their impact on educational policy and public opinion. In conclusion, the need to find a balance between the accessibility of education and its quality is emphasized, as well as the importance of developing a new view of higher education as a tool that contributes to the development of society as a whole.

Ключевые слова: высшее образование, эволюция образования, элитарность образования, доступность образования, высшее учебное заведение.

Keywords: higher education, evolution of education, elitism of education, accessibility of education, higher education institution.

Для цитирования: Габазов Т.С., Габазова Х.Т. Высшее образование: элитарность или призвание? // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 301-304. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_301.

For citation: Gabazov T.S., Gabazova Kh.T. Higher education: elitism or calling? // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 301-304. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_301.

Статья поступила в редакцию: 20.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Введение

Высшее образование уже много лет является одной из самых обсуждаемых тем в обществе. В условиях быстрых изменений в экономике и технологиях, а также глобализации, вопрос о роли и значении высшего образования становится особенно актуальным. С одной стороны, высшее образование воспринимается как элитарный ресурс, доступный лишь ограниченному кругу людей, что порождает дискуссии о социальном неравенстве и доступности образовательных возможностей. С другой стороны, оно рассматривается как призвание, позволяющее индивиду реализовать свои таланты и достичь личных и профессиональных целей.

В современном обществе высшее образование стало важным элементом социальной и экономической структуры. Дискуссия о том, должно ли высшее образование быть доступным для всех или же стать элитарным, продолжает вызывать споры среди ученых, политиков и общественности. Данная статья направлена на исследование этих двух взаимосвязанных концепций — элитарности и призвания в контексте высшего образования. Мы рассмотрим, как исторические, культурные и экономические факторы формируют наше восприятие образовательных институтов и их роли в жизни человека и общества. Анализируя различные точки зрения, мы попытаемся выявить, как можно сбалансировать стремление к качеству образования с необходимостью его доступности для всех слоев населения. В конечном итоге, цель этой статьи — предложить новый взгляд на высшее образование как на важный инструмент, способствующий не только индивидуальному развитию, но и прогрессу всего общества.

Эволюция высшего образования

Высшее образование как система началось с появления университетов в средние века. Изначально доступ к обучению имели лишь избранные — представители знати и духовенства. Со временем, с развитием общества и экономики, высшее образование стало более доступным, что привело к увеличению числа студентов и расширению спектра специальностей.

Города, в которых появлялись университеты, сразу же поднимали свой статус в государстве. Университеты создавались в основном не большими коллективами ученых, не согласных с мнением своих более старших коллег, видевших свои дисциплины совершенно под другим углом.

И как заметил А.Н. Джуринский: «высшее образование средневековой Европе началось с Университета Болоньи (1088 г.)». Этот уни-

верситет стал колыбелью многих известных ученых того времени: Роже, Жана Басьена, Пиллиуса, Азо, в таких науках, как медицина, арифметика, логика, философия. Несколько позже, в 16 веке, начались исследования в области пластической хирургии. В хрониках университета, которые датируются 13 веком, также можно встретить упоминание о первой женщине, профессоре права – Доте д'Аккорсо [2].

Следующий старейший университет Европы, расположенный в Великобритании, - Оксфорд (1117 г.). Он был основан с целью получения высшего образования священнослужителями. Однако в последующем обучение там стало обязательным и для представителей дворянства. В отличие от университета Болоньи, женщин в Оксфорд начали принимать только с 1920 года.

В 1215 году был основан Парижский университет, в котором получали образование по четырем направлениям: богословие, право, медицина и искусство. В 1257-1258 годах при Парижском университете монахом-доминиканцем Робером де Сорбона был открыт колледж для немущих студентов. По имени, которого Парижский университет и стал именоваться Сорбонной [3].

Венский Университет (1365 г.) – крупнейший австрийский ВУЗ. Чтобы обеспечить высокий уровень преподавания, учителей переманивали из Сорбонны, а один из основателей заручился поддержкой церкви для открытия теологического отделения, без которого в те времена не обходился ни один университет. Женщинам разрешили учиться в 1897 году.

Интересный факт: процент женщин в университетах средневековой Европы колебался от 0,1 до 0,5. Прекрасной половине человечества было очень трудно получить высшее образование; это считалось верхом непристойности. И только в начале 20 века произошел прорыв. Всего за 100 лет от 0,1 до 55% женщин стали студентками европейских университетов.

По данным ООН, 51% женщин во всем мире получают высшее образование, а в Северной Америке и Европе их еще больше – 56%.

Всероссийским центром изучения общественного мнения в конце ноября 2024 года были представлены результаты мониторингового опроса о высшем образовании.

По данным опроса, высшее образование все чаще воспринимается россиянами как желательное, но не обязательное условие успешного трудоустройства. В ходе опроса шесть из десяти наших сограждан согласились, что это обеспечивает успешную карьеру и облегчает достижение жизненных целей (60%), число сторонников этой точки зрения постепенно уменьшается; в более ранних измерениях (до 2015 г.) ее разделяли 72-76%, или на 12-16 п.п. больше, чем сегодня.

Еще охотнее опрошенные соглашались с тем, что важность высшего образования зачастую преувеличена и в наше время без него можно сделать успешную карьеру и устроить свою жизнь (65%).

В последние пять лет мнение о том, что люди без высшего образования обречены на низкооплачиваемую и непрестижную работу, наоборот, потеряло актуальность. В текущем опросе доля россиян, разделяющих эту точку зрения, упала до рекордно низкого уровня в 31%, тогда как до 2018 года она колебалась в пределах 41-46%. Большинство респондентов сегодня не согласны с данным суждением (66%) [1].

За последние 30 лет уровень высшего образования в России вырос почти втрое: более 31 процента населения в возрасте от 25 до 65 лет окончили вузы, а среди граждан в возрасте 25-35 лет более 41 процента граждан имеют высшее образование. Для сравнения: в Италии высшее образование имеют 19,5 процентов населения в возрасте 25-65 лет, в возрасте 25-35 лет - 27,8 процента, в Германии 28,5 и 32,5 процента соответственно, во Франции - 22,5 и 46,6 процента в тех же возрастных группах. Сегодня по уровню образования населения Россия входит в число наиболее образованных стран Европы, уровень высшего образования в Великобритании несколько выше - 36,1 процента по стране в целом и 50,8 процента среди населения в возрасте 25-35 лет, а в Швеции - 33,5 и 47,5 процента соответственно [4].

Сегодня высшее образование стало массовым явлением. Однако это привело к снижению его статуса и качества. В связи с этим возникает вопрос: необходимо ли вернуться к элитарной модели, чтобы сохранить уровень образования?

И в принципе данная проблема имеет глубокие социальные и философские корни. Давайте попробуем проанализировать все основные, по нашему мнению, за и против.

Аргументы за элитарность высшего образования:

1. Качество образования. Наиболее главным аргументом в пользу элитарности высшего образования является обеспечение высокого качества образования. Элитные вузы, как правило, обладают большими финансовыми возможностями, что позволяет им привлекать самых лучших преподавателей, создавать и развивать инфраструктуру и предлагать студентам больше возможностей для учебы, исследований и трудоустройства. И соответственно, эти заведения высшего образования могут предложить превосходнейшие условия для обучения. Это и небольшие группы студентов, и высококвалифицированные преподаватели, и современная материально-техническая база.

Это может способствовать более глубокому пониманию предмета.

2. Подготовка специалистов для различных отраслей экономики. Элитарное образование может способствовать подготовке высококвалифицированных специалистов, необходимых для развития экономики страны. Например, такие области, как наука, технология и медицина, требуют глубоких знаний предмета, которые можно получить только в условиях конкурентного обучения.

Также необходимо учитывать, что одновременно происходит и отбор студентов. Конкурсы при поступлении в элитные университеты могут помочь отобрать наиболее мотивированных и талантливых студентов, создав среду, способствующую развитию.

Многие элитные университеты активно занимаются научными исследованиями и инновациями, что способствует развитию новых технологий и идей.

3. Социальная мобильность. Элитарное образование может стать инструментом социальной мобильности талантливых студентов из малообеспеченных слоев населения. Получив качественное образование, они смогут занять высокие позиции в обществе и изменить свою жизнь к лучшему.

Можно сказать, что появляется сеть контактов; обучение в элитных учебных заведениях открывает доступ к обширной сети выпускников и специалистов, что может быть полезно для карьерного роста и налаживания деловых связей. Дипломы элитных вузов несут репутацию и престиж, которые часто воспринимаются как признак качества, что может повысить шансы на успешное трудоустройство и карьерный рост.

4. Мотивация к обучению и глобальная перспектива. Конкуренция среди студентов в элитных вузах может побудить их более серьезно относиться к учебе и развивать свои навыки. Многие элитные университеты признаны на международном уровне и могут предложить студентам возможность учиться за границей или участвовать в международных проектах.

Элитарный вуз - это уже состоявшийся успешный бренд [5].

Аргументы против элитарности высшего образования:

1. Доступность образования. Одним из ключевых аргументов против элитарности является необходимость обеспечения равного доступа к образованию для всех слоев населения. Ограничение доступа к высшему образованию может привести к социальному неравенству и усилению классового разделения.

2. Разнообразие и инклюзивность. Высшее образование должно отражать разнообразие общества. При поступлении в элитные университеты упор может делаться на стандартизированные тесты и другие критерии, которые не всегда отражают истинные способности и потенциал студентов. Инклюзивный подход позволяет учитывать разные точки зрения и опыт, что обогащает образовательный процесс и способствует развитию критического мышления у студентов. Студенты элитных вузов могут оказаться в «порочном круге», взаимодействуя преимущественно с единомышленниками и не имея возможности взаимодействовать с более разнообразными группами людей.

3. Призвание и личные интересы. Не все студенты выбирают специальность исходя из карьерных перспектив. Это также может способствовать созданию более гармоничного общества, где люди занимаются тем, что им действительно интересно.

Можно выделить и другие аргументы против элитарности высшего образования, которые подчеркивают ее негативные аспекты и последствия. Вот некоторые из них:

1. Стереотипы и предвзятость. Статусные вузы могут создавать стереотипы о своих студентах и выпускниках, что приводит к предвзятости по отношению к тем, кто учится в менее известных или менее престижных учреждениях высшего образования.

2. Конкуренция и стресс. Высокий уровень конкуренции в элитарных университетах может оказывать или создавать давление на студентов, приводя к стрессу и выгоранию, что негативно сказывается на их психическом здоровье.

3. Отсутствие или недостаток практических навыков. Некоторые элитарные учебные заведения могут делать упор и акцентировать внимание на академических (теоретических) знаниях, игнорируя и упуская при этом из виду важность практического обучения и навыков, необходимых для успешной карьеры.

4. Дискриминация по признаку происхождения. Элитаризм может привести к дискриминации студентов из определенных социальных или этнических групп, что ограничивает их возможности для получения качественного образования.

5. Упрощение образовательного процесса. Студенты могут быть склонны «запоминать» информацию для экзаменов вместо того, чтобы развивать глубокое понимание материала, что приводит к поверхностному обучению.

6. Фокус на престиж. Студенты могут выбирать элитные университеты не по качеству образования, а по статусу, что может привести к снижению мотивации к обучению.

Высшее образование по зову сердца.

1. Значение личных интересов. Выбор специальности на основе личных интересов позволяет студентам развивать свои таланты и способности, что в конечном итоге приводит к более высокому уровню удовлетворенности от работы и жизни в целом. И конечно, это не может не сказаться на общем положительном эмоциональном фоне общества и государства.

2. Креативность и инновации. Профессиональное образование способствует творчеству и инновационному мышлению. Студенты, изучающие то, что их действительно интересует, с большей вероятностью станут инициаторами новых идей и проектов, что, в свою очередь, способствует развитию экономики и общества. Благодаря таким людям в государстве появляются новые стартапы, задающие совершенно новые векторы развития.

Многие успешные люди выбрали свой путь, следуя своему сердцу, а не традиционным карьерным ожиданиям. Их истории вдохновляют миллионы молодых людей найти свое призвание и не бояться выбирать нестандартные пути.

Баланс между элитарностью и доступностью.

1. Модели смешанного обучения. Одним из возможных решений проблемы является создание моделей смешанного обучения, объединяющих лучшие практики как элитарного, так и массового образования:

- специальные программы для талантливых студентов,
- доступные курсы для широкой аудитории,
- гибкие формы обучения.

2. Поддержка талантливых студентов. Государство и образовательные учреждения могут разработать программы поддержки талантливых студентов из неблагополучных слоев населения, предоставляя им стипендии и возможности для обучения в лучших вузах.

Необходимо активно внедрять целевые или грантовые системы оплаты обучения, мотивированных и/или одаренных студентов.

3. Роль работодателей. Работодатели также могут сыграть важную роль в формировании образовательной среды, поддерживая программы стажировок и практик для студентов, что поможет им лучше понять свои интересы и карьерные перспективы. Организовать процесс

целевого обучения молодых людей, желающих работать именно у данного работодателя и именно по его технологическим требованиям.

Однако необходимо помнить, что в своем большинстве студентами ВУЗов становятся вчерашние выпускники школ и СУЗов, которые еще не совсем понимают, чего они хотят от будущего и в какой трудовой сфере они себя видят. И здесь им на помощь должны прийти их родители (иные законные представители). Важно, чтобы родители не навязывали своим детям выбор профессии или специальности. Каждый человек уникален, и его интересы, таланты и стремления могут существенно отличаться от ожиданий родителей.

Когда дети выбирают путь, основываясь на своих собственных желаниях и интересах, это может привести к большему удовлетворению от учебы и работы, а также к развитию креативности и инициативы. Поддержка родителей в этом процессе может сыграть ключевую роль в формировании уверенности у детей и их способности следовать своим мечтам.

Вот несколько причин, почему важно позволить детям самим выбирать свой путь:

1. Личное удовлетворение: Когда дети занимаются тем, что им действительно интересно, они более мотивированы и счастливы.
2. Развитие навыков: Следование своим интересам может способствовать более глубокому изучению предметов и развитию необходимых навыков.
3. Уверенность в себе: Свобода выбора помогает детям развивать уверенность в своих способностях и принятии решений.
4. Профессиональная успешность: Люди, которые работают в области, которая им нравится, чаще достигают успеха и проявляют большую преданность своей работе.

Таким образом, важно, чтобы родители поддерживали своих детей в поиске их собственного пути, а не навязывали свои ожидания или представления о том, что является «правильным» выбором.

Закключение

В ходе нашего исследования высшего образования как феномена, находящегося на пересечении элитарности и призвания, мы пришли к нескольким важным выводам. Во-первых, высшее образование действительно играет ключевую роль в формировании профессиональных навыков и личностного роста, что делает его важным инструментом для реализации индивидуальных амбиций и целей. Однако, с другой стороны, существующие барьеры доступа к качественному образованию подчеркивают его элитарный характер, что может способствовать социальному неравенству.

Для того чтобы высшее образование стало поистине доступным и равноправным ресурсом, необходимо внедрять реформы, направленные на устранение этих барьеров. Это включает в себя не только финансовую поддержку студентов из различных слоев общества, но и развитие альтернативных форм обучения, таких как онлайн-курсы и программы переподготовки. Важно также пересмотреть общественные стереотипы о ценности различных образовательных путей и профессий.

Споры о том, должно ли высшее образование быть элитарным или доступным для всех, остаются актуальными в современном обществе. С одной стороны, элитарность может обеспечить высокое качество образования и подготовки квалифицированных специалистов. С другой стороны, доступность образования и возможность выбора специальности по зову сердца способствуют социальной мобильности и развитию творческих возможностей (креативности).

Оптимальным решением видится создание гибкой системы высшего образования, сочетающей в себе лучшие аспекты обеих моделей. Это обеспечит качественное образование для всех, одновременно поддерживая разнообразие и инклюзивность в образовательном процессе.

Таким образом, высшее образование следует воспринимать не только как привилегия, но и как призвание, способствующее развитию общества в целом. Мы должны стремиться к тому, чтобы каждый человек имел возможность реализовать свои таланты и потенциал, независимо от социального статуса.

В конечном итоге, только совместными усилиями общества, государства и образовательных учреждений можно создать систему, которая будет служить интересам всех, а не только избранных.

Список литературы:

1. Высшее образование в России: мониторинг// URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-v-rossii-monitoring> (дата обращения: 12.01.2025).
2. Джуринский А. Н. Зарождение высшего образования в средневековом мире (научный обзор) // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. №4 (69)// URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-vysshego-obrazovaniya-v-srednevekovom-mire-nauchnyy-obzor> (дата обращения: 10.01.2025).
3. История университета Сорбонны// URL: <http://delarina.info/encyclopaedia/education/sorbonna> (дата обращения: 12.01.2025).
4. Мамонова Е. Количество россиян с высшим образованием превысило 31 процент// URL: <https://rg.ru/2021/06/15/kolichestvo-rossiian-s-vysshim-obrazovaniem-prevysilo-31-procent.html> (дата обращения: 12.01.2025).
5. Невраев А.Н. Формирование бренда образовательной организации как фактор повышения конкурентоспособности на рынке образовательных услуг// Таврический научный вестник. Педагогика и психология [Текст]: материалы I Межрегиональной научно-практической конференции «Педагогика и психология высшей школы: актуальные вопросы теории и практики», Институт «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (21 мая 2024 г.) – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2024, с. 91-96.

References:

1. Higher education in Russia: monitoring// URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-v-rossii-monitoring> (access date: 01.12.2025).
2. Dzjurinsky A. N. The origin of higher education in the medieval world (scientific review) // Domestic and foreign pedagogy. 2020. No. 4 (69) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-vysshego-obrazovaniya-v-srednevekovom-mire-nauchnyy-obzor> (access date: 10.01.2025).
3. History of the Sorbonne University // URL: <http://delarina.info/encyclopaedia/education/sorbonna> (access date: 12.01.2025).
4. Mamonova E. The number of Russians with higher education exceeded 31 percent // URL: <https://rg.ru/2021/06/15/kolichestvo-rossiian-s-vysshim-obrazovaniem-prevysilo-31-procent.html> (date access: 12.01.2025).
5. Nevraev A.N. Formation of a brand of an educational organization as a factor in increasing competitiveness in the market of educational services // Tauride Scientific Bulletin. Pedagogy and psychology [Text]: materials of the 1st Interregional Scientific and Practical Conference «Pedagogy and Psychology of Higher School: Current Issues of Theory and Practice», Institute «Tauride Academy» of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky» (May 21, 2024) - Simferopol: IT «ARIAL», 2024, p. 91-96.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ МАТЕРИНСКИЙ КАПИТАЛ: ЗАДАЧИ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ВЛИЯНИЕ НА ПОВЫШЕНИЕ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ REGIONAL MATERNITY CAPITAL: OBJECTIVES OF REGULATORY FRAMEWORK AND IMPACT ON INCREASING THE BIRTH RATE IN RUSSIA

БУРДО Евгений Петрович,

Доцент кафедры правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства

Московского университета «Синергия», кандидат юридических наук.

127015, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 80Г.

E-mail: burzhe@list.ru;

ВОЛКОВА Мария Александровна,

Доцент кафедры правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства

Московского университета «Синергия».

127015, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 80Г.

E-mail: mvolkova2013@bk.ru;

ЖЕРЕБЧЕНКО Аркадий Викторович,

Доцент кафедры правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства

Московского университета «Синергия», кандидат юридических наук.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

доцент кафедры уголовного права, кандидат юридических наук, доцент.

Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

E-mail: avzh1983@mail.ru;

ИВАНОВА Наталья Валерьевна,

Доцент кафедры правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства

Московского университета «Синергия», судья Арбитражного апелляционного суда в отставке.

127015, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 80Г.

E-mail: lvanova.natalia@yandex.ru;

МОТОРИНА Ирина Станиславовна,

Доцент кафедры правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства

Московского университета «Синергия».

127015, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 80Г.

ORCID 0009-0004-7325-6848

E-mail: motorinavuz@mail.ru;

ПШЕНИЧНИКОВА Наталья Александровна,

Старший преподаватель кафедры правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства

Московского университета «Синергия».

127015, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 80Г.

E-mail: Pshenichka2@yandex.ru;

BURDO Evgenii,

Moscow University «Synergy», Candidate of Law, Associate Professor.

80 Leningradsky Prospekt, Moscow, 127015, Russia.

E-mail: burzhe@list.ru

VOLKOVA Mariya,

Moscow University «Synergy», Candidate of Law, Associate Professor.

80 Leningradsky Prospekt, Moscow, 127015, Russia.

E-mail: mvolkova2013@bk.ru

ZHEREBCHENKO Arkady,

Moscow University «Synergy», Candidate of Law, Associate Professor;

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya

Associate Professor of the Department of Criminal Law Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Moscow, st. Academician Volgina, 12.

E-mail: avzh1983@mail.ru;

IVANOVA Nataliya,

«Moscow University «Synergy», Moscow, Russia, Associate Professor.

80 Leningradsky Prospekt, Moscow, 127015, Russia.

E-mail: lvanova.natalia@yandex.ru;

MOTORINA Irina,

«Moscow University «Synergy», Moscow, Russia, Associate Professor.

80 Leningradsky Prospekt, Moscow, 127015, Russia.

ORCID 0009-0004-7325-6848

E-mail: motorinavuz@mail.ru;

PSHENICHNIKOVA Nataliya,

«Moscow University «Synergy», Moscow, Russia, Senior Lecturer.

80 Leningradsky Prospekt, Moscow, 127015, Russia.

E-mail: Pshenichka2@yandex.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена анализу задач нормативного регулирования такого правового инструмента поддержки российских семей с детьми как региональный материнский (семейный) капитал и оценки его влияния на повышение рождаемости в России.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the tasks of normative regulation of such a legal instrument for supporting Russian families with children as regional maternal capital and assessing its impact on increasing the birth rate in Russia

Ключевые слова: региональный материнский капитал, повышение рождаемости, стратегия безопасности России.
Keywords: Regional maternal capital, increasing the birth rate, Russia's security strategy.

Для цитирования: Бурдо Е.П., Волкова М.А., Жеребченко А.В., Иванова Н.В., Моторина И.С., Пшеничникова Н.А. Региональный материнский капитал: задачи нормативного регулирования и влияние на повышение рождаемости в России // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 305-309. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_305.

For citation: Burdo E.P., Volkova M.A., Zhrebchenko A.V., Ivanova N.V., Motorina I.S., Pshenichnikova N.A. Regional maternity capital: objectives of regulatory framework and impact on increasing the birth rate in Russia // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 305-309. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_305.

Статья поступила в редакцию: 10.09.2025
Дата публикации: 03.10.2025

Вопросы усовершенствования такой меры государственной поддержки семей как материнский капитал поднимаются из года в год, как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов России.

Материнский капитал был нормативно закреплён на федеральном уровне 29 декабря 2006 года. С принятием Федерального закона № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»¹ (далее – Закон № 256-ФЗ), исполнение которого возложили на Пенсионный фонд РФ, право на материнский капитал возникло у лиц, преимущественно у матерей, при рождении или усыновлении второго, третьего или последующих детей после 1 января 2007 года ребенка, который приобретает гражданство РФ по рождению. Начиная с 1 января 2020 года право на материнский капитал, получили так же родившие (усыновившие) первого ребенка.

В Законе № 256-ФЗ не указываются цели и задачи, которые государство ставит при регулировании данных правоотношений, но дается определение дополнительных мер государственной поддержки семей, имеющих детей. В соответствии со ст. 2 Закона № 256-ФЗ материнский (семейный) капитал это – средства федерального бюджета, передаваемые в бюджет Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации на реализацию дополнительных мер государственной поддержки, обеспечивающих возможность улучшения жилищных условий, получения образования, социальной адаптации и интеграции в общество детей-инвалидов, получения ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) ребенка до достижения им возраста трех лет, получения остатков средств материнского (семейного) капитала в виде единовременной выплаты (далее - единовременная выплата), а также повышения уровня пенсионного обеспечения.

На 2025 год сумма материнского капитала составляет 690 266,95 руб. – при рождении первого ребенка, а при рождении второго ребенка (если первый и второй ребенок родились после 31 декабря 2019 года) Социальным Фондом России делается доплата в размере 221 895,14 руб. Если первый ребенок родился до 2020 года, а второй после 1 января 2020 года, то сумма материнского капитала формируется при рождении второго ребенка и составляет 912 162,09 руб. Сумма материнского капитала ежегодно пересматривается и индексируется (ч.2 ст. 6 закона № 256-ФЗ). С февраля 2025 года коэффициент индексации материнского капитала составил 1,095².

Сертификат на материнский капитал оформляется в виде электронного документа и выдается с 15 апреля 2020 года по общему правилу в беззаявительном порядке на основании сведений о рождении (усыновлении) ребенка, полученных по месту регистрации акта о рождении (усыновлении) из ФГИС «ЕГР ЗАГС»³. Владелец сертификата на материнский капитал не может потратить денежные средства безотчетно, в любое время и по своему усмотрению, а может его использовать с определенными условиями на оплату одного или нескольких направлений указанных в ст. 7 Закона № 256-ФЗ.

Программа материнского капитала была продлена с 31 декабря 2026 года до 31 декабря 2030 года, путем внесения поправок в ч. 1 ст. 13 Закона № 256-ФЗ Федеральным законом от 28.02.2025 № 24-ФЗ «О внесении изменения в статью 13 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»⁴.

В Российской Федерации институт семьи является важной составляющей, с которой связывается благосостояние государства в целом, что отражено в ст. 7 Конституции России⁵, ч. 1 которой устанавливает, что «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека», а ч. 2, что «в Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты».

В соответствии с ч.1, п. ж.1, ст.72 Конституции РФ «защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях» находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

На международном уровне так же установлены нормы поддержки и защиты семьи. Так, Всеобщая декларация прав человека провоз-

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // СПС «Консультант Плюс» открытый доступ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/ (дата обращения 13.04.2025)

² Постановление Правительства Российской Федерации от 23 января 2025 г. N 33 «Об утверждении коэффициента индексации выплат, пособий и компенсаций в 2025 году» // СПС «Консультант Плюс» открытый доступ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_496994/ (дата обращения 13.04.2025)

³ Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 3 августа 2022 г. N 444н «Об утверждении Правил подачи заявления о выдаче государственного сертификата на материнский (семейный) капитал и выдачи государственного сертификата на материнский (семейный) капитал и формы государственного сертификата на материнский (семейный) капитал» // СПС «Консультант Плюс» открытый доступ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_425394/ (дата обращения 13.04.2025)

⁴ Федеральный закон от 28.02.2025 № 24-ФЗ «О внесении изменения в статью 13 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // СПС «Консультант Плюс» открытый доступ: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202502280031> (дата обращения 13.04.2025)

⁵ «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс» открытый доступ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 13.04.2025)

глашает семью «основной ячейкой общества», о которой государство обязано заботиться (ч.3 ст.16 Всеобщей декларации прав человека¹), Конвенция о правах ребенка закрепляет, что каждое государство должно принимать все необходимые меры, для способствования благополучия ребенка (ч.2 ст.3 Конвенции о правах ребенка²).

Кроме того, в стране принят Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»³ (далее – Указ Президента РФ N400), в соответствии с которым, повышение рождаемости становится обязательным условием для увеличения численности населения России (ч.30 Указа Президента РФ N400). Указ Президента РФ от 06.05.2011 N 590 «Вопросы Совета Безопасности Российской Федерации» описывает функции Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по безопасности в экономической и социальной сфере в социальной сфере для повышения рождаемости населения России⁴.

Мера, введенная с 1 января 2007 года Законом № 256-ФЗ⁵, утвердившая семейный капитал, действует и по сей день, являясь одной из основных государственных мер поддержки семей с детьми, не только направленной на социальную помощь российским семьям россиян, но и выступающей стимулом к повышению рождаемости в стране.

Демографическая проблема в истории России возникала неоднократно, как правило, на фоне значительных финансовых трудностей, которые испытывали жители страны или угрозах жизни, вызванных эпидемией и военными действиями. Такая ситуация наблюдалась, например в военный период 40-х годов XX, в период «перестройки» и экономического кризиса 1990-х годов. Проблемы с рождаемостью наблюдаются и в современный период времени: по оценке Росстата в 2023 году и в 2024 году в большинстве субъектов России (в 77 субъектах РФ) отмечалось снижение числа родившихся и увеличение числа умерших (в 81 субъектах). Число умерших превысило число родившихся в 1,5 раза – в 2024 году, в 2023 году – в 1,4 раза, а в 57 субъектах РФ – в 1,5-2,7 раза. При этом, убыль населения на 67,3% компенсировал миграционный прирост⁶.

В связи с принятием мер по внедрению материнского капитала на федеральном уровне, стране удалось преодолеть отрицательный вектор рождаемости и было зафиксировано 21 % увеличение рождаемости и в 2010 году в соотношении с 2005 годом. Успех на федеральном уровне по повышению рождаемости было предложено дополнить мерами дополнительной поддержки многодетных семей и в регионах⁷.

На сегодняшний день многие регионы России имеют собственные программы по материнскому капиталу, которые финансируются за счёт бюджетов субъектов на установленных ими условиях. В каких-то субъектах региональный маткапитал отсутствует, как например, в Москве.

Региональный материнский капитал представляет собой выплату, дополняющую сумму федерального государственного сертификата на маткапитал. Региональные программы могут иметь значительные отличия от федерального материнского капитала по стране, например, могут отличаться направления распоряжения денежных средств, сроки расходования материнского капитала и т.п., что связано прежде всего с разными финансовыми возможностями субъектов, а также целями и задачами, которые они ставят в социальной сфере. Например, в соответствии с ч. 2 ст.15 Закона Калининградской области от 7 октября 2019 года N 318 «Социальный кодекс Калининградской области»⁸ право на семейный капитал может быть реализовано в течение трех лет, но не ранее чем по истечении одного года, со дня рождения (усыновления) ребенка, в связи с рождением (усыновлением) которого возникло право на получение семейного капитала

Субъекты России, так же, как и на федеральном уровне, не указывают цели и задачи, которые они ставят при регулировании правоотношений по получению регионального материнского капитала, давая определение дополнительных мер государственной поддержки семей, имеющих детей. Так в соответствии со ст. 1 Закона Ивановской области от 10 февраля 2012 г. N 7-ОЗ «О региональном материнском (семейном) капитале в Ивановской области»⁹, региональный материнский (семейный) капитал – дополнительная мера социальной поддержки семей, имеющих детей, в виде единовременной денежной выплаты при рождении (усыновлении) третьего или последующего ребенка (детей).

Получение регионального маткапитала в одних регионах регулируется специальным нормативным актом, например установлен законом Ивановской области от 10 февраля 2012 г. N 7-ОЗ «О региональном материнском (семейном) капитале в Ивановской области» в размере 50 000 рублей, а распоряжение средствами регионального материнского (семейного) капитала осуществляется на любые цели в любое время со дня выплаты средств.

¹ «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «Консультант Плюс» открытый доступ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения 13.04.2025)

² «Конвенция о правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // СПС «Консультант Плюс» открытый доступ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения 13.04.2025)

³ Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» открытый доступ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/d39f7f83dfc02bd345148c27f2408c771b3f57ae/ (дата обращения 13.04.2025)

⁴ Указ Президента РФ от 06.05.2011 N 590 (ред. от 27.12.2024) «Вопросы Совета Безопасности Российской Федерации» (вместе с «Положением о Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по безопасности в экономической и социальной сфере», «Положением о Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по военной безопасности», «Положением о Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по информационной безопасности», «Положением о Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по общественной безопасности», «Положением о Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по проблемам Содружества Независимых Государств», «Положением о Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по проблемам стратегического планирования», «Положение о Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по экологической безопасности») СПС «Консультант Плюс» открытый доступ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113807/ (дата обращения 13.08.2025)

⁵ Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // СПС «Консультант Плюс» открытый доступ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/ (дата обращения 13.04.2025)

⁶ <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-11-2024.pdf> - данные Росстата, открытый доступ (дата обращения 13.04.2025)

⁷ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30.11.2010 «Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации», открытый доступ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107290/ (дата обращения: 13.04.2025)

⁸ Закона Калининградской области от 7 октября 2019 года N 318 «Социальный кодекс Калининградской области» // СПС «Гарант» открытый доступ: <https://docs.cntd.ru/document/561570221?marker=64U0IK> (дата обращения 13.08.2025)

⁹ Закон Ивановской области от 10 февраля 2012 г. N 7-ОЗ «О региональном материнском (семейном) капитале в Ивановской области» (принят Ивановской областной Думой 9 февраля 2012 г.) // СПС «Гарант» открытый доступ: <https://base.garant.ru/28360173/> (дата обращения 13.04.2025)

В других субъектах, получение регионального маткапитала регулируется нормативным актом, включающим в себя несколько мер социальной поддержки, как например в Московской области. Закон Московской области от 12 января 2006 г. № 1/2006-ОЗ «О мерах социальной поддержки семьи и детей в Московской области»¹, закрепляет как региональный материнский капитал, так и другие виды социальных пособий (статья 3 Закона МО № 1/2006-ОЗ), компенсации (статья 4 Закона МО № 1/2006-ОЗ) и другие меры социальной поддержки (статья 4). Лица, получившие сертификат на маткапитал в Московской области, вправе распоряжаться средствами материнского капитала в соответствии с Порядком распоряжения средствами материнского капитала определяемым Правительством Московской области и только по определенным направлениям (статья 205 Закона МО № 1/2006-ОЗ): 1) получение образования ребенком (детьми); 2) улучшение жилищных условий; 3) получение ежегодной выплаты семьями, имеющими четырех и более рожденных (усыновленных) детей, а также семьями, имеющими троих детей, при условии, что третий ребенок рожден (усыновлен) в период с 1 января 2021 года по 31 декабря 2023 года включительно; 4) компенсация затрат на газификацию объектов индивидуального жилищного строительства.

Из анализа законодательства субъектов по региональному материнскому капиталу можно сделать выводы, что условия по его регулированию на уровне субъектов разнятся, в одних субъектах правовое регулирование маткапитала, закреплено специальным законом, в других – регулирование маткапитала объединено единым правовым актом с прочими социальными пособиями и компенсациями. В каких-то субъектах сумма сертификата на маткапитал в разы больше, чем в других регионах. Одни регионы позволяют сразу распорядиться полученными деньгами, предоставляя широкий круг направлений распоряжения средствами, в других – закрепляется необходимость ожидания в распоряжении полученным сертификатом на маткапитал в несколько лет².

Анализируя нормы по социальным выплатам в ряде субъектов, в которых нет материнского регионального материнского капитала, например в Москве, можно сделать вывод, что суммы регионального маткапитала сопоставимы в ряде случаев с размером пособий и компенсационных выплат, выплачиваемых при рождении ребенка в данных субъектах, которые носят характер социальной помощи. Например, Постановление Правительства Москвы от 4 декабря 2024 г. № 2771-ПП «Об установлении размеров отдельных социальных и иных выплат на 2025 год»³ предусматривает следующие выплаты при рождении детей, не являющиеся материнским капиталом субъекта в Москве:

	Выплаты при рождении (усыновлении) детей	руб.
1	Единовременная компенсационная выплата на возмещение расходов в связи с рождением (усыновлением) ребенка:	
1.1	- на первого ребенка	7 695
1.2	- на второго и последующих детей	20 281
2	Единовременная компенсационная выплата на возмещение расходов в связи с рождением (усыновлением) одновременно трех и более детей	69 925

Исследование практики реализации региональных программ по материнскому капиталу выявило ряд системных проблем, снижающих их эффективность. Во-первых, это проблема несоответствия размера материнского капитала современным экономическим реалиям. Даже несмотря на регулярную индексацию, покупательная способность капитала существенно снизилась, особенно в части возможностей улучшения жилищных условий. Во-вторых, материнский капитал как социально-правовой институт продолжает свое развитие, требуя постоянной адаптации к изменяющимся социально-экономическим условиям. Совершенствование его правового регулирования должно быть направлено на достижение оптимального баланса между необходимым контролем за целевым использованием средств и созданием максимально комфортных условий его использования для добросовестных получателей. Только такой сбалансированный подход позволит в полной мере реализовать потенциал программы маткапитала, как важнейшего элемента государственной демографической и семейной политики, способствующего устойчивому социальному развитию страны.

На основании анализа законодательства субъектов по материнскому капиталу можно сделать выводы, что региональный материнский капитал в ряде регионов не оказывает влияние на повышение рождаемости в субъекте, сопоставим с размером пособий и компенсационных выплат и выполняет задачу социальной помощи семьям с детьми. При постановке задачи повышения рождаемости в субъектах, региональный материнский капитал способен оказывать влияние на рождаемость при установлении размера регионального маткапитала, сопоставимого с материнским капиталом на федеральном уровне. Дальнейшее развитие института материнского капитала должно идти по пути его интеграции с другими мерами социальной поддержки семей с детьми, формирования целостной системы семейной политики, основанной на принципах адресности, доступности и эффективности.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // СПС «Консультант Плюс» открытый доступ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/ (дата обращения 13.04.2025)
2. Бурдо Е.П., Жеребченко А.В., Иванова Н.В., Моторина И.С., Усанов В.Е. Влияние материнского капитала на повышение рождаемости в России // Аграрное и земельное право. 2025. № 5. С. 262-266. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_5_262
3. Постановление Правительства Москвы от 4 декабря 2024 г. № 2771-ПП «Об установлении размеров отдельных социальных и иных выплат на 2025 год» (с изменениями на 25 июля 2025 года) <https://docs.cntd.ru/document/1310394279> – свободный доступ (дата обращения 13.08.2025)

3. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // СПС «Консультант Плюс» открытый доступ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/d39f7f83dfc02bd345148c27f2408c771b3f57ae/ (дата обращения 13.04.2025)
4. Указ Президента РФ от 06.05.2011 N 590 (ред. от 27.12.2024) «Вопросы Совета Безопасности Российской Федерации» СПС «Консультант Плюс» открытый доступ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113807/ (дата обращения 13.08.2025).
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 23 января 2025 г. N 33 «Об утверждении коэффициента индексации выплат, пособий и компенсаций в 2025 году» // СПС «Консультант Плюс» открытый доступ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_496994/ (дата обращения 13.04.2025)
6. Закон Московской области от 12 января 2006 г. № 1/2006-ОЗ «О мерах социальной поддержки семьи и детей в Московской области» <http://ips.pravo.gov.ru/?docbody=&prevDoc=112032214&backlink=1&&nd=112011892> – свободный доступ (дата обращения 13.04.2025)
7. Закон Ивановской области от 10 февраля 2012 г. N 7-ОЗ «О региональном материнском (семейном) капитале в Ивановской области» (принят Ивановской областной Думой 9 февраля 2012 г.) (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант» открытый доступ: <https://base.garant.ru/28360173/> (дата обращения 13.04.2025),
8. Постановление Правительства Москвы от 4 декабря 2024 г. No 2771-ПП «Об установлении размеров отдельных социальных и иных выплат на 2025 год» (с изменениями на 25 июля 2025 года) <https://docs.cntd.ru/document/1310394279> – свободный доступ (дата обращения 13.08.2025).
9. Бурдо Е.П., Жеребченко А.В., Иванова Н.В., Моторина И.С., Усанов В.Е. Влияние материнского капитала на повышение рождаемости в России // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 5. С. 262-266. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_5_262

References:

1. Federal Law No. 256-FZ of December 29, 2006 "On additional measures of State support for families with children" // SPS Consultant Plus Open Access: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/ (accessed 04/13/2025)
2. Federal Law No. 24-FZ dated 02/28/2025 "On Amendments to Article 13 of the Federal Law "On Additional Measures of State Support for Families with Children" // SPS Consultant Plus Open Access: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202502280031> (accessed 04/13/2025)
3. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 N 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // SPS Consultant Plus Open Access: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/d39f7f83dfc02bd345148c27f2408c771b3f57ae/ (accessed 04/13/2025)
4. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/06/2011 N 590 (as amended on 12/27/2024) "Issues of the Security Council of the Russian Federation" SPS "Consultant Plus" open access: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113807/ (accessed 08/13/2025).
5. Decree of the Government of the Russian Federation No. 33 dated January 23, 2025 "On approval of the coefficient of indexation of payments, benefits and compensations in 2025" // SPS Consultant Plus Open Access: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_496994/ (accessed 04/13/2025)
6. Law of the Moscow Region of January 12, 2006 No. 1/2006-OZ "On measures of social support for families and children in the Moscow Region" <http://ips.pravo.gov.ru/?docbody=&prevDoc=112032214&backlink=1&&nd=112011892> – free access (accessed 04/13/2025)
7. Law of the Ivanovo region of February 10, 2012 No. 7-OZ "On regional maternal (family) capital in the Ivanovo region" (adopted by the Ivanovo Regional Duma on February 9, 2012) (with amendments and additions) // SPS "Garant" open access: <https://base.garant.ru/28360173/> (accessed 04/13/2025),
8. Decree of the Government of Moscow dated December 4, 2024 No. 2771-PP "On the establishment of the amounts of certain social and other payments for 2025" (as amended on July 25, 2025) <https://docs.cntd.ru/document/1310394279> – free access (accessed 08/13/2025).
9. Burdo E.P., Zherebchenko A.V., Ivanova N.V., Motorina I.S., Usanov V.E. The influence of maternity capital on the increase in fertility in Russia // *Agrarian and land law*. 2025. No. 5. pp. 262-266. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_5_262

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_310

УДК 347.6

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ БРАЧНЫЙ ДОГОВОР СПОСОБОМ РАСПОРЯЖЕНИЯ ИМУЩЕСТВОМ НА СЛУЧАЙ СМЕРТИ СУПРУГА? IS A PRENUPTIAL AGREEMENT A WAY TO MANAGE PROPERTY IN THE EVENT OF A SPOUSE'S DEATH?

МЯКИНИНА Светлана Борисовна,кандидат социологических наук, доцент кафедры права
ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет».
119435, Россия, г. Москва, Малая Пироговская ул., 1.

E-mail: sb.myakinina@mpgu.su;

ШЕЯФЕТДИНОВА Наталья Александровна,доцент, кандидат юридических наук,
ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»;
ФГБОУ ВО «МИРЭА-Российский технологический университет».
119435, Россия, г. Москва, Малая Пироговская ул., 1.

E-mail: SheiafetdinovaUP@mail.ru;

ПОРТНАЯ Елизавета Борисовна,кандидат социологических наук, ФГБОУ ВО «МИРЭА-Российский технологический университет».
119454, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 78 стр. 4.

E-mail: portnaya.elizaveta@list.ru;

ГОСТЕВ Сергей Сергеевич,кандидат юридических наук, Московский университет МВД имени В.Я. Кикотя.
117437, Россия, г. Ул. Академика Волгина, 12 корп. 1.

E-mail: dragon9006@list.ru;

MYAKININA Svetlana Borisovna,candidate of sociological sciences, Moscow Pedagogical State University.
1 Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119435, Russia.

E-mail: sb.myakinina@mpgu.su;

SHEYAFETDINOVA Natalia Aleksandrovna,candidate of legal Sciences, associate Professor
Moscow state pedagogical University MIREA-Russian technological University.
1 Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119435, Russia.

E-mail: SheiafetdinovaUP@mail.ru;

PORTNAYA Elizabeth Borisovna,candidate of sociological sciences, MIREA-Russian technological University.
78 Vernadsky Avenue, building 4, Moscow, 119454, Russia.

E-mail: portnaya.elizaveta@list.ru;

GOSTEV Sergey Sergeevich,candidate of Juridical Sciences,
Moscow University of Ministry of internal Affairs of the Russian Federation named after V. Y. Kikot.
Akademika Volgina str., 12 bldg. 1, 117437, Russia.

E-mail: dragon9006@list.ru

Краткая аннотация. Гражданское законодательство Российской Федерации весьма обоснованно критикуют за заявленную, но не достаточную диспозитивность. Особенно это касается такой подотрасли как наследственное право, где, несмотря на принцип свободы завещания, нормы, регулирующие наследственные правоотношения сконструированы как императивные. Конечно, это связано с реализацией наследственных прав социально незащищенными членами семьи и другими иждивенцами наследодателя, но в целом, дает нам возможность говорить об императивном способе регулирования наследственных правоотношений. В связи с чем возникает вопрос, является ли в настоящее время брачный договор одним из способов распоряжения имуществом на случай смерти, который могут избрать супруги для определения наследственных прав. Ведь императивных препятствий для введения в брачный договор наследственных распоряжений нет, поэтому целью статьи является доказательное определение места брачного договора в системе норм, регулирующих наследственные правоотношения. Авторы приходят к выводу о невозможности включения в брачный договор условий, касающихся наследственных распоряжений.

Abstract. The civil legislation of the Russian Federation is quite reasonably criticized for its declared but insufficient dispositive nature. This is especially true for the sub-branch of inheritance law, where, despite the principle of freedom of will, the norms governing inheritance relations are designed as mandatory. Of course, this is related to the implementation of inheritance rights by socially vulnerable family members and other dependents of the testator, but overall, it allows us to speak about the mandatory method of regulating inheritance relations. In this regard, the question arises as to whether a prenuptial agreement is currently one of the methods of disposing of property in the event of death that spouses can choose to determine their inheritance rights. Since there are no mandatory obstacles to including inheritance arrangements in a prenuptial agreement, the purpose of this article is to provide a clear definition of the place of a prenuptial agreement in the system of norms governing inheritance relations. The authors conclude that it is not possible to include inheritance arrangements in a prenuptial agreement.

Ключевые слова: договор, брачный договор, распоряжение имуществом, смерть супруга.

Keywords: contract, prenuptial agreement, property management, death of a spouse.

Для цитирования: Мякина С.Б., Шеяфетдинова Н.А., Портная Е.Б., Гостев С.С. Является ли брачный договор способом распоряжения имуществом на случай смерти супруга? // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 310-313. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_310.

For citation: Myakinina S.B., Sheyafetdinova N.A., Portnaya E.B., Gostev S.S. Is a prenuptial agreement a way to manage property in the event of a spouse's death? // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 310-313. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_310.

Статья поступила в редакцию: 09.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Юридическая плоскость социального взаимодействия которым является брак тесно сопряжена с вопросами имущественного характера. Филигранность формулировок законодателя максимально важна для отражения его воли. Однако кроме буквы закон важен и его дух, тем более, когда речь идет о вопросах, связанных с имуществом. Немаловажным аспектом в этой связи выступает возможность имуществом распоряжаться.

В целях развития диспозитивного начала, законодатель ввел новые способы распоряжения имуществом на случай смерти, такие как совместное завещание супругов, наследственный договор и завещание, предусматривающее создание наследственного фонда, которые не являются новыми для зарубежных правовых порядков, а также для дореволюционного российского наследственного права (наследственный договор [12, с. 784], совместное завещание супругов [4], но не были предусмотрены ни советским, ни российским законодательством до 2018 года.

Кроме того, с учетом расширения возможностей наследственных распоряжений, в том же 2018 году была реформирована ст. 256 ГК РФ, в п. 4 которой был существенно изменен, путем введения второго абзаца, регламентирующего распределение долей между супругами на случай смерти одного из них. Так, согласно положению, введенному Федеральным законом от 19.07.2018 года № 217-ФЗ [11], доля в общем имуществе супругов, в случае смерти одного из них может быть изменена совместным завещанием супругов, наследственным договором или брачным договором. Соответственно остается открытым вопрос о брачном договоре как способе распоряжения имуществом на случай смерти, который могут избрать супруги для определения наследственных прав.

Имущественное планирование (Estate planning) – это нечто большее, чем завещание. Это процесс распределения имущества физического лица в течение его жизни на случай смерти, недееспособности, расторжения брака и проч. [13]

Помимо завещания имущественное планирование может включать в себя сделки по дарению, созданию фондов, наследование бизнеса, в зарубежных правовых порядках возможно создание трастов, назначение бенефициаров, совместная аренда, долгосрочная медицинская доверенность. [14]

В Российской Федерации имущественное планирование как юридический термин почти не используется, но доступно и интересно не только обеспеченной материально части населения, лицам, не безразличным к бесконфликтному распределению любого их имущества или его части, любого достатка и материального обеспечения, может быть доступно имущественное планирование, и, более того, законодатель предусматривает широкую его вариативность. Так как термин повсеместно используется зарубежными доктринами, то и по некоторым работам российских авторов, [3] мы можем судить о его важности. Имущественное планирование может быть разделено на посмертное и прижизненное планирование. Брачный договор как раз и выступает элементом имущественного планирования, осуществленного при жизни супругов, но с учетом новелл, введенных в п. 4 ст. 256 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) Федеральным законом от 19.07.2018 года № 217-ФЗ, в случае смерти одного из супругов, доля в общем имуществе супругов может быть изменена брачным договором. Что имел в виду законодатель, устанавливая такую оговорку? Может быть имеется в виду расширение способов наследственных распоряжений между супругами путем брачного договора? Это ошибочное суждение, которое может быть опровергнуто самой сущностью брачного договора, регулирующего отношения между супругами в браке и в случае его расторжения при их жизни, и сущностью наследственных распоряжений, которые как раз и символизируют собой посмертное имущественное планирование. В статье мы сделаем попытку обоснованно доказать, что брачный договор не является способом распоряжения имуществом на случай смерти одного из супругов.

По данным Федеральной нотариальной палаты интерес к заключению брачных договоров у населения растет. Так, в 2017 году было заключено 88 тысяч брачных договоров, [6] тогда как в 2021 году их число увеличилось до более чем 148 тысяч. [10] В последующем рост числа брачных договоров продолжился. [1]

Некоторые исследователи усматривают в этом возрастание роли брачного договора не как распоряжения имуществом на случай расторжения брака, а как одного из способов имущественного планирования, позволяющего избежать не только бракоразводных проблем, но и корпоративных и наследственных рисков, [3] что не лишено определенной логики.

В отсутствие брачного договора доли в общем имуществе супругов признаются равными. Согласно п. 14.1 Методических рекомендаций по оформлению наследственных прав, [5] в случае смерти одного из супругов или в случае признания супруга умершим, второй супруг вправе подать нотариусу, в производстве которого находится наследственное дело, заявление о выдаче свидетельства о праве на наследство на $\frac{1}{2}$ общего имущества, приобретенного в браке, если брачным договором или соглашением о разделе общего имущества супругов не установлено иное распределение долей в общем имуществе супругов. Поэтому, новая редакция абз. 2 п. 4 ст. 256 ГК РФ дополнена положениями, о том, что при жизни супругов брачным договором, а на случай смерти совместным завещанием супругов или наследственным договором правило о супружеской доле может быть изменено. Введение такого основания как брачный договор в абз. 2 п. 4 ст. 256 ГК РФ никак не рассматривается как разновидность завещательного распоряжения, так как при жизни обоих супругов, они именно так определили режим их совместно нажитого имущества.

В отсутствие брачного договора, нотариус признает доли супругов равными, так как завещанием они не могут быть изменены, завещанием лицо может распорядиться имуществом, которым владеет на момент своей смерти. При жизни совершенный наследственный договор между супругами, а также совместное завещание супругов, брачный договор – только эти сделки могут изменить долевое соотношение имущества супругов, причем, при брачном договоре долевое соотношение будет действовать с момента заключения брачного договора, а при совершении совместного завещания супругов или наследственного договора – после смерти супругов или одного из них.

Второй абзац п. 14.1. Методических рекомендаций предусматривает, что если брак между супругами был расторгнут или признан судом недействительным, то на момент открытия наследства свидетельство о праве на наследство на долю в общем имуществе супругов нотари-

усом не выдается, вместо этого нотариус разъясняет бывшему супругу порядок обращения в суд о праве собственности на долю в имуществе, нажитом в период брака.

В случае расторжения брака, а также признания брака недействительным прекращают действовать и совместное завещание супругов (п. 4 ст. 1118 ГК РФ) и наследственный договор (абз. 2 п. 5 ст. 1140.1 ГК РФ). Наследственный договор, в свою очередь, отменяет ранее совершенное совместное завещание супругов (абз. 3 п. 5 ст. 1140.1 ГК РФ). Что касается брачного договора, то в случае расторжения брака, он будет действовать, так как его условия могут быть как раз и рассчитаны на такое расторжение, бывшие супруги оформят право собственности на то имущество, которое перешло им на основании брачного договора и будут владеть им и распоряжаться в том числе путем составления завещания в дальнейшем.

Более того, существует практика отказа от супружеской доли, если брачный договор отсутствует (п. 33 Постановления № 9). [9]

Долгое время это считалось спорным вопросом. В этом случае все имущество умершего супруга перейдет по наследству и будет распределено между его наследниками по закону или по завещанию (по наследственному договору). Однако, не стоит путать отказ от супружеской доли от института отказа от наследства. Исходя из материалов судебной практики, [7] отказ от супружеской доли обратим, в отличие от отказа от наследства, который необратим. Информацией о доходах супругов: общем, добрачном, полученном в дар или по наследству, владеет только переживший супруг, поэтому он и может заявить об отсутствии своей доли в общем имуществе супругов или на определенное имущество. Брачный договор, в свою очередь, способен обеспечить выделение супружеской доли в беспорядном порядке, поэтому чтобы ни случилось, переживший супруг не сможет от нее отказаться. В случае несогласия пережившего супруга и других наследников, у них всегда остается судебный порядок обжалования выделения супружеской доли, что исключит неправомерные деяния со стороны потенциальных наследников.

Поэтому утверждение о том, что ввиду изменений, внесенных в п. 4 ст. 256 ГК РФ, брачным договором можно обойти наследственные распоряжения неверно. В нем указывается лишь условие об определении доли пережившего супруга в праве общей собственности на общее имущество в случае смерти другого супруга. Правовая природа брачного договора как института регулирования имущественных прижизненных отношений супругов не меняется, он не регулирует их наследственные отношения.

В силу прямого, императивного указания ст. 1111 ГК РФ наследование осуществляется по завещанию, по наследственному договору и по закону. Брачный договор не упомянут среди оснований перехода имущества по наследству.

Согласно п. 2 ст. 1110 ГК РФ наследование регулируется Гражданским кодексом и другими нормативно-правовыми актами, но в настоящее время таких не разработано и не принято. Поэтому отношения по наследованию регулируются разделом V ГК РФ, а правоотношения по распределению совместно нажитого имущества супругов, доли в этом имуществе, их изменение регулируются при жизни супругов разделом II, главой 16 ГК РФ, а также главами 7 и 8 Семейного кодекса РФ, которые прямо не предусматривают, в силу их системного характера, наследственных распоряжений, но ввиду отсутствия к ним отсылок в разделе V ГК РФ, императивное предписание ст. 1111 ГК РФ не относит брачный договор к основаниям распоряжения имуществом на случай смерти одного из супругов.

Не стоит забывать, что сделки по дарению также выступают элементом имущественного прижизненного планирования. В отличие от передачи имущества по наследству, договор дарения, как и брачный договор является основанием для одаряемого для получения правоустанавливающего документа о праве собственности на то имущество, которое перешло ему в дар, даритель же «теряет» это право при жизни. Дарение на случай смерти невозможно в российском правопорядке (п. 3 ст. 572 ГК РФ). К сожалению, аналогичной нормы, предусматривающей невозможность (или возможность) совершать завещательные распоряжения в брачном договоре отсутствуют. Сделать вывод о том, что брачным договором мы не можем распорядиться имуществом на случай смерти, можно только путем системного толкования семейного и наследственного законодательства.

Что касается зарубежных правопорядков, то, обращаясь к зарубежному опыту, законодательство Франции предоставляет более широкие возможности по распоряжению имуществом между супругами в отличие от российского права.

Также во французском праве существуют последовательные и остаточные благодеяния, не известные российской правовой системе. Последовательные благодеяния представляют собой безвозмездное предоставление, включающее в себя обременение, состоящее в возложении обязанности на одаряемого или наследника по завещанию сохранить имущество или права, являющиеся предметом сделки, и передать их после смерти другому выгодоприобретателю, указанному в этом же акте (ст. 1048 ФГК). [2]

Остаточные благодеяния были введены Законом Франции от 23 июня 2006 г. N 2006-728. Это дарение либо завещание, которым на первого выгодоприобретателя возлагается обязанность передать указанному в этом же акте лицу имущество, которое останется ко дню его смерти (ст. 1057 ФГК). Французская практика и ранее признавала такие распоряжения допустимыми в отношении завещаний. [8]

Поэтому французское право содержит возможность совершать как брачные договоры, так и дарение на случай смерти лица. Воспримет ли это российский законодатель в будущем неизвестно. Целесообразность подобного заимствования – это предмет отдельной дискуссии.

Брачный договор в современной России имеет определенный опыт правоприменительной практики. Брачный договор в Российской Федерации не может быть отнесен к сделкам по передаче имущества по наследству, его нельзя рассматривать как обходной вариант завещания. Брачный договор можно отнести к элементам прижизненного имущественного планирования физического лица, совершаемого с целью избегания конфликтных ситуаций, связанных не только с наследованием имущества, но и с реализацией корпоративных, бракоразводных прав.

В связи с изложенным, предлагаем ввести в научный юридический оборот термин «имущественное планирование», определив его прижизненные и посмертные составляющие, это позволит нам отнести к таковому брачный договор, договор дарения, создание прижизненных

фондов, как оснований прижизненного планирования, а завещание, наследственный договор, иные завещательные распоряжения, предусмотренные ст. 1111 ГК РФ, к основаниям посмертного имущественного планирования физического лица.

Список литературы:

1. Брачный договор прописался в семьях // <https://www.kommersant.ru/doc/6665740> (дата обращения 06.09.2025 г.)
2. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) - М.: Инфотропик Медиа, 2012.
3. Дергунова В.А. Брачный договор как инструмент предотвращения корпоративных конфликтов в случае развода или смерти одного из супругов // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 9. С. 91 – 97.
4. Козлова Н. В., Лифанова Н. А. Совместные завещания: история и современность // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2020. Т. 11. № 8(94). С. 29.
5. Методические рекомендации по оформлению наследственных прав" (утв. решением Правления ФНП от 25.03.2019, протокол N 03/19) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_332900/ (дата обращения 06.09.2025 г.)
6. Нотариальные консультации на телеканале "Ветта": почему не нужно бояться брачного договора // <https://notariat.ru/ru-ru/news/notarialnye-konsultacii-na-telekanale-vetta-pochemu-ne-nuzhno-boyatsya-brachnogo-dogovora> (дата обращения 06.09.2025 г.)
7. Обзор судебной практики Верховного суда Чувашской Республики по гражданским и административным делам N 1/2020" // <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&md=pNpKEQ&base=AOPV&n=10493257#sHgvWaUYg7U8mHuA> (дата обращения 06.09.2025 г.)
8. Основы наследственного права России, Германии, Франции / Под общ. ред. Е.Ю. Петрова. – М.: Статут, 2015. – 271 с. ISBN 978-5-8354-1115-3].
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 N 9 (ред. от 24.12.2020) "О судебной практике по делам о наследовании" // <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=372403&dst=1000000001&cacheid=2772A5E61E86006C4C29EEC1CF4C3EDB&mode=splus&md=olJfKw#OPaKoaU79119MFjX> (дата обращения 06.09.2025 г.)
10. Тренд на брачные договоры продолжает набирать обороты // <https://notariat.ru/ru-ru/news/trend-na-brachnye-dogovory-prodolzhaet-nabirat-oboroty-2202> (дата обращения 06.09.2025 г.)
11. Федеральный закон от 19.07.2018 N 217-ФЗ "О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации" // <https://rg.ru/documents/2018/07/25/fz217-dok.html> (дата обращения 06.09.2025 г.)
12. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 10-е изд. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1912. С. 784.
13. Frolik, Lawrence A. (1978). "Estate Planning for Parents of Mentally Disabled Children". University of Pittsburgh Law Review. 40: 305. Retrieved 20 September 2017.
14. Zaudtke, David; Ammerman, Doug (February 1997). "Family businesses: The next generation". Management Review. 86 (2). Retrieved 20 September 2017.

References:

1. The marriage contract was registered in the families // <https://www.kommersant.ru/doc/6665740> (accessed 09/06/2025)
2. The French Civil Code (the Napoleonic Code) - Moscow: Infotropik Media, 2012.
3. Dergunova V.A. Marriage contract as a tool to prevent corporate conflicts in the event of divorce or death of one of the spouses // Property relations in Of the Russian Federation. 2024. No. 9. pp. 91-97
4. Kozlova N. V., Lifanova N. A. Joint wills: history and modernity// The electronic scientific and educational journal "Istoria". 2020. Vol. 11. No. 8(94). p. 29.
5. Methodological recommendations on registration of inheritance rights" (approved by the decision of the FNP Board dated 03/25/2019, Protocol No. 03/19) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_332900/ / (date of application 09/06/2025)
6. Notary consultations on the Vetta TV channel: why you shouldn't be afraid of a prenuptial agreement // <https://notariat.ru/ru-ru/news/notarialnye-konsultacii-na-telekanale-vetta-pochemu-ne-nuzhno-boyatsya-brachnogo-dogovora> (accessed 09/06/2025)
7. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Chuvash Republic on civil and administrative cases No. 1/2020" // <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&md=pNpKEQ&base=AOPV&n=10493257#sHgvWaUYg7U8mHuA> (date of reference 09/06/2025)
8. Fundamentals of inheritance law in Russia, Germany, France / Under the general editorship of E.Y. Petrov. – М.: Statute, 2015. – 271 p. ISBN 978-5-8354-1115-3].
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05/29/2012 No. 9 (as amended on 12/24/2020) "On judicial practice in inheritance cases" // <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=372403&dst=1000000001&cacheid=2772A5E61E86006C4C29EEC1CF4C3EDB&mode=splus&md=olJfKw#OPaKoaU79119MFjX> (accessed 09/06/2025)
10. The trend for prenuptial agreements continues to gain momentum // <https://notariat.ru/ru-ru/news/trend-na-brachnye-dogovory-prodolzhaet-nabirat-oboroty-2202> (accessed 09/06/2025)
11. Federal Law No. 217-FZ of 07/19/2018 "On Amendments to Article 256 of Parts One and Part Three of the Civil Code of the Russian Federation" // <https://rg.ru/documents/2018/07/25/fz217-dok.html> (date of reference 09/06/2025)
12. Shershenovich G.F. Textbook of Russian civil law. 10th ed. Moscow: Publishing House of the Bashmakov Brothers, 1912. pp. 784.
13. Frolik, Lawrence A. (1978). "Estate Planning for Parents of Mentally Disabled Children". University of Pittsburgh Law Review. 40: 305. Retrieved 20 September 2017.
14. Zaudtke, David; Ammerman, Doug (February 1997). "Family businesses: The next generation". Management Review. 86 (2). Retrieved 20 September 2017.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНФЛЮЕНСЕРОВ ЗА РЕКЛАМНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА CIVIL LIABILITY OF INFLUENCERS FOR ADVERTISING OBLIGATIONS

ЗАГАЛАЕВА Жанета Алхазуровна,
ассистент кафедры гражданского права и процесса
Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова.
364024, Россия, Чеченская республика, г. Грозный, ул. А. Шерипова, д. 32.
E-mail: zagalaevag@gmail.com;

ZAGALAEVA Zhaneta Alkhazurovna,
Assistant Professor of the Department of Civil Law and Procedure
Chechen State University named after A. A. Kadyrov.
32 A. Sheripova str., Grozny, 364024, Chechen Republic.
E-mail: zagalaevag@gmail.com

Краткая аннотация. В статье исследуются правовая природа рекламной деятельности инфлюенсеров, содержание их обязанностей в рекламных правоотношениях и гражданско-правовые последствия нарушений. Проанализированы договорные и внедоговорные основания ответственности за ненадлежащую и недостоверную рекламу, включая возмещение убытков, взыскание неустойки, проценты, применение контррекламы и деликтные конструкции, а также вопросы солидарной ответственности участников цепочки продвижения. Показано влияние режима маркировки и учёта интернет-рекламы, специальных запретов и саморегулирования на распределение рисков и доказательственную базу; сформулированы предложения по унификации типовых условий и чек-лист должной осмотрительности для инфлюенсеров и рекламодателей.

Abstract. The article examines the legal nature of influencers' advertising activities, the content of their responsibilities in advertising relations, and the civil consequences of violations. The article analyzes contractual and non-contractual grounds for liability for improper and unreliable advertising, including compensation for damages, penalties, interest, the use of counter-advertising and tort constructions, as well as issues of joint responsibility of participants in the promotion chain. The influence of the regime of labeling and accounting of online advertising, special prohibitions and self-regulation on the distribution of risks and the evidence base is shown; proposals for the unification of standard conditions and a due diligence checklist for influencers and advertisers are formulated.

Ключевые слова: инфлюенсер, реклама, рекламодатель, интернет-реклама, гражданско-правовая ответственность, ненадлежащая реклама.

Keywords: influencer, advertising, advertiser, online advertising, civil liability, inappropriate advertising.

Для цитирования: Загалаева Ж.А. Гражданско-правовая ответственность инфлюенсеров за рекламные обязательства // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 314-316. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_314.

For citation: Zagalaeva Zh.A. Civil liability of influencers for advertising obligations // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 314-316. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_314.

Статья поступила в редакцию: 25.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Введение. Институционализация инфлюенс-маркетинга и ужесточение регулирования интернет-рекламы в Российской Федерации поставили вопрос о пределах и механизмах гражданско-правовой ответственности инфлюенсеров как потенциальных рекламодателей и исполнителей по обязательствам перед заказчиком и потребителем. С 1 сентября 2022 года введена обязательная маркировка и учёт интернет-рекламы с передачей сведений в ЕРИП (оператор – Роскомнадзор), что трансформировало договорные модели и распределение рисков между участниками оборота. С 1 сентября 2025 года дополнительно запрещено распространение рекламы на площадках с ограниченным доступом на территории России, что усилило правовые риски для инфлюенсеров и их контрагентов. Параллельно отраслевые акты саморегулирования 2025 года (рекомендации для блогеров) фиксируют стандарты добросовестной практики, влияющие на оценку поведения и на содержание отдельных условий договоров.

Научная литература подчёркивает проблемность статуса блогера и неопределённость его роли в рекламных правоотношениях (Д. И. Серопол), указывает на признаки нативной рекламы и пробелы регулирования блогосферы (Е. А. Чубина), а также акцентирует запрет скрытой рекламы и необходимость явной идентификации рекламной интеграции (Н. Я. Голубова). В контексте гражданско-правовой ответственности отмечается, что убытки как общая мера защиты и иные формы ответственности применимы к ненадлежащей, недостоверной рекламе и иным нарушениям обязательств (З. Х. Кочесов) [4, с. 43].

Правовая природа рекламной деятельности инфлюенсеров определяется сочетанием частноправовых обязательств и публично-правовых требований рекламного законодательства. С точки зрения гражданского права инфлюенсер выступает самостоятельным субъектом оборота, чья деятельность по размещению и созданию рекламных материалов обычно оформляется смешанными договорами: возмездного оказания услуг (гл. 39 ГК РФ), агентским (гл. 52 ГК РФ), авторского заказа и/или лицензионными соглашениями на использование результата творческой деятельности. На практике встречаются рамочные конструкции с заявками, а выбор модели (исполнитель, агент, комиссионер) влияет на распределение рисков, обязанностей по отчетности и охране исключительных прав на созданные материалы. Юридическая публицистика и прикладные обзоры подчеркивают, что при заказе интеграций уместно фиксировать техническое задание, способы маркировки и порядок отчетности, поскольку спорные ситуации квалифицируются по общим нормам обязательственного права (надлежащее исполнение, убытки, ответ-

ственность за нарушения качества услуги).

В публично-правовом измерении ключевыми являются дефиниции и императивы Закона о рекламе: реклама – это информация, адресованная неопределённому кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования; «скрытая реклама» прямо запрещена; инфлюенсер, размещающий интеграцию, как правило, квалифицируется «рекламораспространителем». Для интернет-рекламы установлен особый режим учёта и маркировки: участники обязаны указывать пометку о рекламе и сведения о рекламодателе, обеспечивать присвоение цифрового идентификатора и передавать сведения через оператора рекламных данных в уполномоченный орган; состав передаваемых данных утверждён распоряжением Правительства. Соответствующие разъяснения опубликованы регулятором, включая рекомендации по размещению идентификатора. Эта конструкция придаёт рекламной деятельности инфлюенсера характер «регулируемого информационного посредничества», где гражданско-правовой договор дополняется обязанностями публичного порядка [7, с. 21].

Правовой контур дополнительно сужается специальными запретами распространения рекламы на ресурсах с ограниченным доступом на территории России: с 1 сентября 2025 года действует федеральный запрет на размещение рекламы на заблокированных, нежелательных и экстремистских площадках; ответственность возлагается, в числе прочего, на рекламораспространителей. Для инфлюенсера это означает изменение «карты допустимых площадок» и возрастание значимости дьюдилижнса в отношении медиаканалов и формата интеграции.

Научная литература акцентирует доктринальные особенности статуса инфлюенсера. Отмечаются пробелы в нормативном определении и сложности разграничения его роли в информационных и рекламных отношениях (Д. И. Серопол); указывается на усложнение экспертизы «нативных» форм продвижения и необходимость специальных знаний для идентификации рекламного характера сообщения (Е. А. Чубина); подчёркивается расширительное понимание форм скрытой рекламы в среде блогов и видеохостингов (Н. Я. Голубова). Эти результаты исследований подтверждают, что рекламная деятельность инфлюенсера по своей природе является межотраслевым феноменом на стыке обязательственного и информационного права и требует договорно выверенной маркировки, прозрачности и учёта рисков квалификации как ненадлежащей или скрытой рекламы [1, с. 19].

Инфлюенсер, размещающий интеграции на своих страницах в сети, в большинстве случаев квалифицируется как рекламораспространитель, поскольку именно он доводит рекламную информацию до потребителя и организует ее публичное распространение; соответствующее понятие закреплено в статье 3 Закона о рекламе. Основная обязанность такого лица – обеспечить соответствие размещаемых материалов общим требованиям статьи 5: реклама должна быть добросовестной и достоверной, распознаваемой как реклама, без признаков скрытой рекламы, с соблюдением требований законодательства о государственном языке и специальных запретов (включая введенный законом запрет размещать рекламу на ресурсах с ограниченным доступом; с 1 сентября 2025 года за размещение рекламы на заблокированных ресурсах предусмотрена ответственность). В отношении интернет-площадок действует специальный режим статьи 18.1: любая реклама должна содержать пометку «реклама» и указание на рекламодателя либо ссылку на страницу с его данными; распространение допускается только при условии присвоения оператором рекламных данных уникального идентификатора рекламы, обеспечивающего прослеживаемость.

Кроме того, инфлюенсер обязан обеспечивать передачу сведений о размещенной интернет-рекламе в уполномоченный орган через оператора рекламных данных (либо самостоятельно через личный кабинет) в порядке, формате и сроках, установленных Правительством РФ; по Правилам взаимодействия (Постановление Правительства № 974) информация направляется «в течение месяца, следующего за календарным месяцем» распространения рекламы. Состав подлежащих учету сведений (данные о рекламодателе, рекламораспространителе, рекламной системе, параметрах показов и др.) утвержден распоряжением Правительства № 1362-р.

Если продвижение ведется посредством сетей электросвязи (сообщения, звонки, рассылки), инфлюенсер как распространитель обязан предварительно получить согласие адресата и немедленно прекращать рассылку по требованию; иное расценивается как распространение рекламы без согласия. Независимо от канала распространения на инфлюенсера распространяется обязанность хранить рекламные материалы (включая договоры и все изменения) не менее одного года со дня последнего распространения. Для надлежащего исполнения долга заботливости инфлюенсер должен запросить у рекламодателя документы, подтверждающие соответствие рекламы закону (лицензии, сертификация, госрегистрация и т. п.) – такое предоставление прямо предусмотрено статьей 13; судебные разъяснения отмечают возможность привлечения распространителя при нарушении требований рекламы [3, с. 69].

При продвижении отдельных категорий товаров действуют специальные уведомления и ограничения (например, обязательные предупреждения в рекламе финансовых услуг и требований к их содержанию; предупреждения в рекламе лекарственных средств, медицинских изделий и медицинских услуг с установленными параметрами времени и площади). Невыполнение указанных обязанностей влечет административную ответственность по статье 14.3 КоАП РФ (в том числе за отсутствие идентификатора, непредставление сведений, нарушение специальных требований).

Гражданско-правовая ответственность инфлюенсеров вытекает из сочетания договорных и внедоговорных обязанностей и опирается на императивы Закона о рекламе и общие положения обязательственного права. Как правило, отношения между инфлюенсером и рекламодателем оформляются договором возмездного оказания услуг, что предполагает обязанность надлежащего исполнения (ст. 309 ГК РФ) и ответственность за неисполнение либо ненадлежащее исполнение, включая возмещение убытков по общему правилу ст. 393 ГК РФ в связи со ст. 15 ГК РФ. Убытки возмещаются в полном объеме, включая реальный ущерб и упущенную выгоду, при доказанности состава гражданского правонарушения и причинной связи; при просрочке возврата аванса и иных денежных обязательствах подлежат взысканию проценты по ст. 395 ГК РФ.

Пределы и формы ответственности обусловлены специальными нормами рекламного законодательства. Статья 38 Закона о рекламе

прямо закрепляет, что нарушение влечёт ответственность по гражданскому законодательству; лица, чьи права нарушены ненадлежащей рекламой, вправе предъявлять иски о возмещении убытков (включая упущенную выгоду), возмещении вреда имуществу и здоровью, компенсации морального вреда, а также требовать публичного опровержения (контррекламы). В случае установления факта недостоверной рекламы антимонопольный орган вправе обратиться с иском о контррекламе; при этом расходы несёт нарушитель. Эти последствия корреспондируют самостоятельному способу защиты – контррекламе по ст. 29 Закона о рекламе [6, с. 14].

В договорном измерении к инфлюенсеру применимы неустойка как мера ответственности (ст. 330 ГК РФ) с возможностью её уменьшения судом при явной несоразмерности (ст. 333 ГК РФ), проценты за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ), а также иные способы защиты по ст. 12 ГК РФ – присуждение к исполнению в натуре, пресечение нарушающих действий, восстановление положения, существовавшего до нарушения (например, удаление/замена публикации с нарушающей рекламной интеграцией). При негативных обязательствах кредитор вправе требовать пресечения действий независимо от убытков (п. 6 ст. 393 ГК РФ).

Объём ответственности определяется виной исполнителя и распределением бремени доказывания: отсутствие вины доказывает нарушившая сторона (п. 2 ст. 401 ГК РФ), а при предпринимательской деятельности лицо отвечает, если не докажет обстоятельства непреодолимой силы; заранее согласованные условия об исключении ответственности за умысел ничтожны (п. 3 и 4 ст. 401 ГК РФ). В договоре допустимо закреплять дополнительные обеспечительные конструкции (штрафные неустойки, удержание части вознаграждения), однако они подлежат судебному контролю на соразмерность.

Нарушение специальных требований к интернет-рекламе (включая маркировку и учёт) образует отдельную сферу риска: невыполнение обязанностей по передаче сведений в уполномоченный орган и маркировке (ст. 18.1 Закона о рекламе) способствует возникновению требований контрагентов о возмещении причинённых договорных убытков (например, расходов на контррекламу, исправление коммуникаций, потери охватов, возврат вознаграждения). Практические разъяснения о составе и порядке учёта интернет-рекламы опубликованы регулятором.

Вне договора возможна деликтная ответственность инфлюенсера перед потребителями и иными лицами за вред, причинённый ненадлежащей рекламой (ст. 1064 ГК РФ). При совместности действий нескольких лиц (например, рекламодатель и инфлюенсер) действует солидарная ответственность причинителей вреда (ст. 1080 ГК РФ) с последующим регрессным перерасчётом. Наличие публично-правовой (административной) ответственности рекламодателя и иного участника не исключает параллельных гражданско-правовых требований к ним, что прямо следует из системного толкования ст. 38 Закона о рекламе.

Наконец, при существенных нарушениях условий интеграции и потере интереса к результату заказчик вправе добиваться изменения или расторжения договора (ст. 450–451 ГК РФ) либо реализовать право на односторонний отказ от договора возмездного оказания услуг с оплатой фактически понесённых расходов исполнителя (ст. 782 ГК РФ). Перечисленные конструкции обеспечивают баланс интересов и стимулируют должную осмотрительность инфлюенсера в выборе формата, содержания и способов распространения рекламы.

Заключение. Таким образом, рекламная деятельность инфлюенсеров занимает пограничную зону между частноправовыми обязательствами и публично-правовыми императивами. Анализ показал, что гражданско-правовая ответственность формируется по двум основным контурам: договорному (надлежащее исполнение, убытки, неустойка, проценты, контрреклама, расторжение и односторонний отказ) и внедоговорному (возмещение вреда, солидарная ответственность соучастников). Специальные требования к интернет-рекламе – распознаваемость, достоверность, маркировка и учёт – становятся частью содержания обязательства инфлюенсера как рекламодателя и напрямую влияют на распределение рисков и бремя доказывания. Для минимизации ответственности необходимы юридически грамотные модели договоров (включая детальные технические задания, условия о маркировке и передаче сведений, порядок согласования контента), применение заверений об обстоятельствах и договорных гарантий, механизмы обеспечения исполнения, продуманная стратегия контррекламы и сохранение доказательственной базы.

Список литературы:

1. Булатов А. Д. Перспективы развития правового регулирования рекламной деятельности в интернете // Государство и право в цифровую эпоху. – 2024. – № 2. – С. 15–27.
2. Вардиан В. Г. Правовые аспекты регулирования рекламной деятельности // Диалог. – 2024. – № 2. – С. 33–42.
3. Вербицкая Ю. В. Тенденции правового регулирования деятельности блогеров в России и за рубежом // Право и цифровая экономика. – 2023. – № 4. – С. 62–75.
4. Голубова Н. Я. Особенности правового регулирования рекламы в сети Интернет в Российской Федерации // Юрист-практик. – 2020. – № 5. – С. 40–55.
5. Гирич М. Г., Магомедова А. З., Левашенко А. М. Сравнительный анализ правового регулирования интернет-рекламы на цифровых платформах // International Organizations Research Journal. – 2023. – № 3. – С. 163–185.
6. Кочесов З. Х. Правовое регулирование рекламной деятельности в современной России // Вестник экспертного совета. – 2025. – № 2. – С. 12–28.
7. Кузеванова С. А. Как блогерам отчитываться в Роскомнадзор: законодательные требования 2025 года // Секреты бизнеса. – 2025. – № 9. – С. 18–24.
8. Серопол Д. И.; Шульга А. К. Блогерство: особенности и правовое регулирование // Epomen. – 2021. – № 64. – С. 50–65.

References:

1. Bulatov A.D. Prospects for the development of legal regulation of advertising activities on the Internet // State and law in the digital age. – 2024. – No. 2. – pp. 15-27.
2. Vardikyan V. G. Legal aspects of regulation of advertising activities // Dialog. – 2024. – No. 2. – pp. 33-42.
3. Verbitskaya Yu. V. Trends in the legal regulation of bloggers in Russia and abroad // Law and digital economy. – 2023. – No. 4. – pp. 62-75.
4. Golubova N. Ya. Features of legal regulation of advertising on the Internet in the Russian Federation // Lawyer-practitioner. – 2020. – No. 5. – pp. 40-55.
5. Girich M. G., Magomedova A. Z., Levashenko A.M. Comparative analysis of the legal regulation of online advertising on digital platforms // International Organizations Research Journal. – 2023. – No. 3. – pp. 163-185.
6. Kocheskov Z. H. Legal regulation of advertising activities in modern Russia // Bulletin of the Expert Council. – 2025. – No. 2. – pp. 12-28.
7. Kuzevanova S. A. How bloggers report to Roskomnadzor: legislative requirements of 2025 // Business Secrets. – 2025. – No. 9. – pp. 18-24.
8. Seropol D. I.; Shulga A. K. Blogging: features and legal regulation // Epomen. – 2021. – No. 64. – pp. 50-65.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ THE CIVIL LAW NATURE OF INTELLECTUAL RIGHTS

НАТАЕВА Залина Амадиевна,

старший преподаватель кафедры «Гражданское право и процесс»
Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова
364024, Чеченская республика, г. Грозный, ул. А. Шерипова, д. 32
e-mail: animula_88@mail.ru

NATAEVA Zalina Amadiyevna,

Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure
Kadyrov Chechen State University.
364024, Chechen Republic, Grozny, A.D. Sheripova str. 32.
e-mail: animula_88@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена гражданско-правовой природе интеллектуальных прав и их системному месту в частном праве Российской Федерации. Цель работы – уточнить понятие и сущность интеллектуальных прав, раскрыть их структуру и содержание, а также показать соотношение с вещными и обязательственно-правовыми конструкциями. Методологическая база включает формально-догматический, системный и сравнительно-правовой подходы с анализом положений части четвертой Гражданского кодекса РФ и разъяснений высшей судебной инстанции. В результате обосновано понимание исключительного права как абсолютного имущественного правомочия контроля за использованием результата интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, выделены личные неимущественные и иные специальные правомочия (право следования, право доступа, вознаграждение), показана автономия прав на нематериальный объект от прав на материальный носитель.

Abstract. The article is devoted to the civil law nature of intellectual rights and their systemic place in the private law of the Russian Federation. The purpose of the work is to clarify the concept and essence of intellectual rights, to reveal their structure and content, and to show their relationship with property and obligation-based legal constructs. The methodological framework includes formal-dogmatic, systemic, and comparative legal approaches, with an analysis of the provisions of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation and the explanations of the highest judicial authority. As a result, the understanding of exclusive rights as an absolute property right to control the use of the result of intellectual activity and means of individualization is substantiated, personal non-property and other special rights (right of succession, right of access, and remuneration) are highlighted, and the autonomy of rights to an intangible object from rights to a tangible medium is demonstrated.

Ключевые слова: интеллектуальные права, исключительное право, личные неимущественные права, средства индивидуализации.

Keywords: intellectual rights, exclusive right, personal non-property rights, means of individualization.

Для цитирования: Натаева З.А. Гражданско-правовая природа интеллектуальных прав // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 317-319. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_317.

For citation: Nataeva Z.A. The civil law nature of intellectual rights // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 317-319. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_317.

Статья поступила в редакцию: 04.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Введение. В современных условиях цифровизации и ускоренного оборота нематериальных благ вопрос о гражданско-правовой природе интеллектуальных прав приобретает особую актуальность: часть четвертая Гражданского кодекса закрепила самостоятельную категорию «интеллектуальные права» и их структуру (исключительное право как имущественное, личные неимущественные и иные права), тем самым задав доктринальную рамку анализа. В центре конструкции находится исключительное право как абсолютное субъективное правомочие дозволения и запрета использования результата интеллектуальной деятельности либо средства индивидуализации, что нормативно выражено через диспозитив полномочий правообладателя. При этом в науке продолжает развиваться концепция интеллектуальных прав, предложенная В.А. Дозорцевым: отказ от вещно-правовой метафоры «собственности», системное выделение комплекса правомочий и особого правового режима нематериальных объектов. Кодификационная модель, сформулированная рабочими группами под руководством А.Л. Маковского, институционализировала эту доктрину в позитивном праве и закрепила терминологический сдвиг от «интеллектуальной собственности» к «интеллектуальным правам». Одновременно сохраняется научная дискуссия: В.П. Мозолин акцентирует дуализм имущественной и личной составляющих и специфику абсолютной охраны, А.П. Сергеев последовательно описывает исключительное право как центральную категорию подотрасли и её соотношение с обязательственно-правовыми механизмами оборота (лицензионный договор, отчуждение), а М.А. Рожкова настаивает на недопустимости прямых аналогий с классическими вещными правами, подчеркивая особый режим нематериальных объектов.

Интеллектуальные права представляют собой систему субъективных гражданских прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. В неё входят исключительное право как имущественное, а также, в предусмотренных законом случаях, личные неимущественные и иные правомочия (право следования, доступа и др.). Сущность конструкции выражается в абсолютном характере исключительного права: правообладатель самостоятельно разрешает либо запрещает использование результата, а все иные лица обязаны воздерживаться от такого использования без его согласия. Ключевой признак – автономия интеллектуальных прав от вещных прав на материальный носитель, что исключает их смешение с режимом собственности.

Доктрина закрепила отказ от вещно-правовой метафоры. В.А. Дозорцев предложил родовую категорию «интеллектуальные права», обосновав отличия исключительного права от права собственности по содержанию, основаниям возникновения и способам защиты. А.П. Сергеев детально раскрыл структуру и оборотоспособность исключительного права, подтвердив его системообразующую роль, тогда как М.А. Рожкова критически оценила формальную «триаду» прав и предостерегла от прямого перенесения вещно-правовых аналогий, обращая внимание на особый режим ст. 1227 ГК РФ [3, с. 51].

Нормативно место интеллектуальных прав определено частью IV ГК РФ. Законодатель относит охраняемые результаты и средства индивидуализации к объектам гражданских прав (ст. 128 ГК РФ), закрепляя их оборотоспособность. Ст. 1226 формулирует понятие «интеллектуальные права», а ст. 1227 подчёркивает их независимость от вещных прав: отчуждение экземпляра не влечёт переход исключительного права. Содержание последнего описано как правомочие разрешать или запрещать использование результата, адресованное неопределённому кругу лиц [9, с. 206].

Кодификационный подход поддержали В.А. Дозорцев, А.Л. Маковский, В.Ф. Яковлев, подчеркнув системообразующее значение исключительного права для авторского, патентного права и средств индивидуализации. А.П. Сергеев и Э.П. Гаврилов развивают гражданско-правовую природу отношений, а Е.С. Болтанова аргументирует статус права интеллектуальной собственности как подотрасли гражданского права со специфическими принципами.

Системное место интеллектуальных прав проявляется через их соотношение с иными институтами гражданского права: они включены в общий перечень объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ), но обладают особым режимом; закрытый перечень охраняемых результатов и средств индивидуализации закреплён в ст. 1225 ГК РФ, что исключает расширительное толкование вне критериев охраноспособности и установленных форм охраны. Личные неимущественные правомочия автора имеют устойчивую защиту: право авторства и право на имя неотчуждаемы и непередаваемы (ст. 1265 ГК РФ), а авторство, имя автора и неприкосновенность произведения охраняются бессрочно (ст. 1267 ГК РФ), формируя в системе гражданского права особый вид нематериальных благ и их посмертную охрану. Имущественная составляющая строится вокруг исключительного права как абсолютного субъективного права; на его базе формируются договорные конструкции оборота: распоряжение исключительным правом (ст. 1233 ГК РФ), договор об отчуждении исключительного права (ст. 1234) и лицензионный договор (ст. 1235), при этом частные правила части четвертой применяются с приоритетом специальных норм и отсылкой к общим положениям обязательственного и договорного права. Особое место занимает договор коммерческой концессии (гл. 54 ГК РФ), связывающий институты исключительных прав с предпринимательским оборотом: его предметом выступает комплекс исключительных прав (прежде всего на товарный знак и коммерческое обозначение), предоставляемых пользователю за вознаграждение, что типологически закрепляет использование средств индивидуализации в хозяйственной сфере [4, с. 233].

Границы осуществления исключительных прав выражены в установленных законом ограничениях и режиме исчерпания: для товарных знаков действует национальный принцип исчерпания (ст. 1487 ГК РФ), обеспечивающий баланс интересов правообладателя и участников оборота и предсказуемость перепродажи; в авторском праве перечень свободных использований (в том числе цитирование в научных, полемических, критических, информационных и учебных целях) закреплён в ст. 1274 ГК РФ; сроки охраны встроены в систему гражданского права: для произведений – «жизнь автора плюс семьдесят лет» (ст. 1281 ГК РФ), для патентных объектов – специальные сроки и правила продления (ст. 1363 ГК РФ). Признание интеллектуальных прав как подотрасли сопровождается специализированными правоприменительными механизмами: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 разъясняет ключевые вопросы применения части четвертой ГК РФ (квалификация способов использования, защита личных неимущественных прав, критерии компенсаций), формируя единообразие практики; Суд по интеллектуальным правам – специализированный арбитражный суд первой и кассационной инстанций, созданный ФКЗ от 06.12.2011 № 4-ФКЗ, обеспечивает профессиональную концентрацию споров и развитие единых подходов к охраноспособности, приоритету и нарушениям [6, с. 29].

Особенности возникновения и подтверждения прав подчёркивают их специальный режим: для патентных объектов исключительное право признаётся при государственной регистрации и выдаче патента (ст. 1353 ГК РФ), для средств индивидуализации право на товарный знак удостоверяется свидетельством (ст. 1477 ГК РФ), тогда как авторское право возникает из факта создания произведения и не требует регистрации, что усиливает значение личных неимущественных прав и их бессрочной охраны.

Система защиты интеллектуальных прав встроена в общий механизм гражданско-правовой ответственности. Универсальные способы закреплены в ст. 1250 и 1252 ГК РФ: признание права, пресечение нарушений, изъятие и уничтожение контрафакта, компенсация или возмещение убытков. Специальные меры предусмотрены для отдельных объектов: ст. 1301 (произведения) и ст. 1515 (товарные знаки) устанавливают фиксированную либо кратную компенсацию, увязывая её с природой объекта и характером нарушения.

Оборот исключительных прав реализуется через договорные модели: отчуждение (ст. 1234) передаёт право целиком; лицензия (ст. 1235) ограничивает способы, срок и территорию использования и прекращается вместе с правом; коммерческая концессия (ст. 1027) комплексно предоставляет исключительные права, связывая их с деловой репутацией правообладателя и регулируя конкурентные риски.

Часть IV ГК РФ конструирует интеллектуальные права как автономную совокупность. «Ядро» – исключительное право, позволяющее правообладателю разрешать или запрещать использование результата; отсутствие запрета не считается согласием (п. 1 ст. 1229). Оно дополняется личными неимущественными правами автора (авторство, имя, неприкосновенность, обнародование, отзыв) и специальными правомочиями (доступ, следование, вознаграждение за личное копирование). Отчуждение материального носителя не затрагивает исключительные правомочия (ст. 1227), что разделяет оборот экземпляров и нематериального объекта [2, с. 31].

Объём исключительного права определяется перечнями способов использования. В авторском праве действует открытая модель, охватывающая воспроизведение, распространение, публичный показ, доведение до всеобщего сведения и др. (ст. 1270). В патентном праве критерий использования «привязан» к признакам независимого пункта формулы (ст. 1358). В праве на товарный знак содержание права описывается вариантами размещения обозначения (ст. 1484).

Личные неимущественные права бессрочны и неотчуждаемы (ст. 1267), а иные специальные правомочия обеспечивают баланс интересов авторов и пользователей. Таким образом, нормы части IV ГК РФ формируют целостную систему защиты и оборота интеллектуальных благ, интегрируя их в общий массив гражданского права.

Исключительное право оборотоспособно: правообладатель распоряжается им любыми не запрещёнными законом способами (ст. 1233 ГК РФ), включая полное отчуждение (ст. 1234) и лицензирование (ст. 1235). Лицензия по умолчанию простая; при исключительной лицензии лицензиар теряет право использования в переданных пределах, если иное не оговорено (ст. 1236). Для ряда объектов требуется госрегистрация распоряжения, перехода и залога исключительного права; без неё юридические факты недействительны (ст. 1232). Залог исключительного права допустим при его отчуждаемости, с ограничениями на пользование залогодателем (ст. 358.18).

Охрана делится на регистрационный и нерегистрационный режимы. Авторские произведения защищаются с момента создания; объекты патентных прав и средства индивидуализации – лишь после регистрации (ст. 1353, 1477). Сроки: жизнь автора + 70 лет (ст. 1281); изобретения – 20 лет, полезные модели – 10, промышленные образцы – 15 (ст. 1363); товарные знаки – 10 лет с неограниченным продлением (ст. 1491).

Пределы осуществления права уравнивают монополию. В авторском праве действуют свободные использования (цитирование, учебные иллюстрации и др., ст. 1274). Для товарных знаков – принцип исчерпания: повторное использование товара, введённого в оборот самим правообладателем, прав не нарушает (ст. 1487). В патентном праве законом перечислены ненарушающие действия, например, применение изобретения в иностранных транспортных средствах, временно находящихся в РФ (ст. 1359). Пленум ВС РФ разъясняет единообразие практики (Постановление от 23.04.2019 № 10; ранее – Постановление № 5/29 от 26.03.2009).

Происхождение и распределение прав в структуре интеллектуальных прав закреплены на уровне общих положений и специальных норм. Первоначальным правообладателем признаётся автор – гражданин, творческим трудом создавший результат (ст. 1228 ГК РФ). Для служебных результатов действует модель перераспределения: по служебным произведениям исключительное право, как правило, принадлежит работодателю при сохранении за автором права на вознаграждение (ст. 1295), а по служебным изобретениям, полезным моделям и промышленным образцам – работодатель получает право на патент либо его использование, при этом автор имеет неотчуждаемое право на вознаграждение (ст. 1370 ГК РФ). Наследование исключительного права предусмотрено, например, для произведений (ст. 1283 ГК РФ), тогда как личные неимущественные права не входят в состав наследства и охраняются бессрочно.

В доктрине гражданского права отмечается, что отказ законодателя от вещи-правовой модели и переход к конструкции «интеллектуальных прав» обусловлен нематериальной природой охраняемых благ и необходимостью «развязать» правовой режим результата от прав на его носители. Так, В. А. Дозорцев последовательно обосновывал системность категории «интеллектуальные права» и её отличие от «интеллектуальной собственности», подчёркивая неадекватность вещных аналогий для нематериальных объектов; эти положения легли в основу кодификационных решений части четвертой ГК РФ. А. П. Сергеев, развивая конструкцию исключительного права как совокупности правомочий использования и распоряжения, подчёркивал значение перечней законных способов использования для очерчивания пределов монополии, а также роль обязательственной «обвязки» (лицензий, отчуждения) в обороте прав. Э. П. Гаврилов обращает внимание на специфику «доктрины эквивалентов» в патентном праве и необходимость её нормативного наполнения применительно к ст. 1358 ГК РФ, что непосредственно связано с объёмом и защитой исключительного права изобретателя.

Заключение. Таким образом, интеллектуальные права заняли устойчивое место в системе частного права как самостоятельная подотрасль, опирающаяся на кодифицированную конструкцию части четвёртой ГК РФ. Их сущностное «ядро» составляет исключительное право как абсолютное имущественное правомочие контроля за использованием результата или средства индивидуализации; его дополняют личные неимущественные права автора и иные специальные правомочия, формирующие целостную модель охраны. Принципиальное разграничение прав на нематериальный результат и прав на материальный носитель, а также наличие пределов осуществления (свободные использования, исчерпание права, специальные исключения) обеспечивают баланс частных и публичных интересов. Инструменты оборотоспособности (отчуждение, лицензирование, залог, наследование), регистрационные режимы и специализированная судебная защита интегрируют интеллектуальные права в общий механизм гражданско-правового регулирования. Теоретические подходы современной доктрины подтвердили отказ от вещно-правовой метафоры и закрепили системность категории «интеллектуальные права», что придало практическую определённости правоотношениям в условиях цифровой экономики.

Список литературы:

1. Близнетц И. А. (ред.). Право интеллектуальной собственности. 2-е изд., перераб. и доп.: учебник. – Москва: Проспект, 2020. – 846 с.
2. Валдайцев С. В. Оценка интеллектуальной собственности: учебник. – Москва: Экономика, 2010. – 471 с.
3. Гаврилов Э. П. Право интеллектуальной собственности. Авторское право и смежные права. XXI век. Т. 2. – Москва: Юрсервитум, 2016. – 880 с.
4. Гражданское право: учебник в 3 т. Т. 2 / отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: ТК Велби; Проспект, 2005. – 848 с.
5. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: понятие, система, задачи кодификации: сборник статей. 2-е изд. – Москва: Статут, 2023. – 416 с.
6. Интеллектуальные права в цифровую эпоху: избранные аспекты: коллективная монография. Вып. 19 / рук. авт. кол. и науч. ред. М. А. Рожкова; вступ. ст. В. А. Корнеев. – Москва: ГАУГН Пресс, 2023. – 438 с.
7. Калыгин В. О. Право интеллектуальной собственности. Правовое регулирование баз данных: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 193 с.
8. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А. Л. Маковского. – Москва: Статут, 2018. – 928 с.
9. Новоселова Л. А. (ред.). Право интеллектуальной собственности: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2024. 335 с.
10. Новоселова Л. А. (ред.). Право интеллектуальной собственности. Т. 4: Патентное право: учебник. – Москва: Статут, 2024. – 618 с.

References:

1. Gemini I. A. (ed.). Intellectual property law. 2nd ed., revised and an addendum: a textbook. – Moscow: Prospekt, 2020. – 846 p.
2. Valdaytsev S. V. Evaluation of intellectual property: textbook. Moscow: Ekonomika Publ., 2010. 471 p.
3. Gavrilov E. P. Intellectual property law. Copyright and related rights. 21st century. Vol. 2. – Moscow: Yurservitum, 2016. – 880 p.
4. Civil Law: Textbook: in 3 vol. Vol. 2 / ed. by A. P. Sergeev, Yu. K. Tolstoy. 4th ed., revised and expanded. – Moscow: TK Velby; Prospekt, 2005. – 848 p.
5. Dozortsev V. A. Intellectual property rights: concept, system, tasks of codification: collection of articles. 2nd ed. – Moscow: Statute, 2023. – 416 p.
6. Intellectual Rights in the Digital Age: Selected Aspects: A Collective Monograph. Issue 19 / Ed. by M.A. Rozhkova; Introduction by V. A. Korneev. M.: GAUN Press, 2023. 438 p.
7. Kalyatin, V. O. Intellectual Property Law. Legal Regulation of Databases: A Textbook for Higher Education Institutions. 2nd Edition, Revised. and add. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. – 193 p.
8. Commentary on Part Four of the Civil Code of the Russian Federation / edited by A. L. Makovsky. – Moscow: Statut, 2018. – 928 p.
9. Novoselova, L. A. (ed.). Intellectual Property Law: Textbook for Universities. 3rd edition, revised, and add. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. – 335 p.
10. Novoselova L. A. (ed.). Intellectual Property Law. Vol. 4: Patent Law: Textbook. – Moscow: Statut, 2024. – 618 p.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_320

СОБЛЮДЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ, В ТОМ ЧИСЛЕ СОТРУДНИКОВ УИС, В СФЕРЕ ГОСТИНИЧНОГО БИЗНЕСА: КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ RESPECT FOR THE CIVIL RIGHTS OF INDIVIDUALS, INCLUDING EMPLOYEES OF THE MANAGEMENT SYSTEM, IN THE HOSPITALITY INDUSTRY: COMPREHENSIVE ANALYSIS

РЫБИНА Светлана Николаевна,

кандидат биологических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета, Владимирский юридический институт ФСИН России.

600020, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.

E-mail: rybina.sn@yandex.ru;

АНАНЬЕВ Олег Геннадьевич,

старший преподаватель кафедры социальной психологии, социальной работы и probation Академии ФСИН России.

390000, Россия, Рязанская обл., г. Рязань, ул. Сенная, 1.

E-mail: ananbev.oleg2013@yandex.ru;

RYBINA Svetlana Nikolaevna,

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Faculty of Law VUI of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir.

Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str. 67e.

E-mail: rybina.sn@yandex.ru;

ANANYEV Oleg Gennadievich,

Senior Lecturer at the Department of Social Psychology, Social Work and Probation of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Ryazan, Sennaya str., 1.

E-mail: ananbev.oleg2013@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье проводится комплексный анализ правовых основ обеспечения режима безопасности в сфере гостиничного бизнеса в Российской Федерации. Исследуется многогранная природа безопасности, включающая физическую, пожарную, информационную, санитарно-эпидемиологическую и продовольственную составляющие. Авторы детально рассматривают систему нормативно-правовых актов различного уровня, регулирующих данную сферу: от федеральных законов и ГОСТов до локальных актов самой гостиницы. Особое внимание уделяется соотношению публично-правовых обязанностей хозяйствующего субъекта и частно-правовых договорных отношений с гостем. В статье выявляются проблемные аспекты правоприменительной практики, в частности, связанные с использованием технических средств контроля и обработкой персональных данных, а также проблем с обеспечением комплексной безопасности сотрудников УИС. По результатам анализа формулируются выводы о необходимости формирования комплексного подхода к безопасности как к ключевому элементу качества предоставляемых гостиничных услуг и деловой репутации предприятия.

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the legal framework for ensuring security in the hotel business in the Russian Federation. It explores the multifaceted nature of security, which includes physical, fire, information, sanitary-epidemiological, and food security aspects. The authors examine in detail the system of legal acts of various levels that regulate this area: from federal laws and GOSTs to the local acts of the hotel itself. Special attention is given to the balance between the public-law obligations of the business entity and the private-law contractual relations with guests. The article identifies problematic aspects of law enforcement practice, in particular, those related to the use of technical controls and the processing of personal data, as well as problems with ensuring the comprehensive security of UIS employees. Based on the analysis results, conclusions are drawn about the need to develop a comprehensive approach to security as a key element of the quality of hotel services and the company's business reputation.

Ключевые слова: гражданское законодательство, локальные нормативные акты, гостиничный бизнес, безопасность, правовой режим, гость, договор возмездного оказания услуг, персональные данные, технические средства защиты, ответственность.

Keywords: civil legislation, local regulations, hotel business, security, legal regime, guest, contract for the provision of paid services, personal data, technical means of protection, and liability.

Для цитирования: Рыбина С.Н., Ананьев О.Г. Соблюдение гражданских прав физических лиц, в том числе сотрудников УИС, в сфере гостиничного бизнеса: комплексный анализ // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 320-323. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_320.

For citation: Rybina S.N., Ananyev O.G. Respect for the civil rights of individuals, including employees of the management system, in the hospitality industry: comprehensive analysis // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 320-323. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_320.

Статья поступила в редакцию: 16.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Введение. Предприятия сферы гостеприимства, являясь одной из ключевых отраслей индустрии туризма, по своей сути предполагает создание безопасности и комфорта для временного пребывания гостей. Понятие «безопасности» носит комплексный характер, выходя далеко за рамки простой физической охраны территории. Оно включает гарантии сохранности жизни, здоровья, имущества гостя, конфиденциальности его информации, а также соблюдения установленных санитарных и противопожарных норм. Кроме того, на балансе ФСИН России состоят и действуют в рамках организации оздоровительного отдыха санатории, дома отдыха и реабилитационные центры для сотрудников и их семей, а сами сотрудники и работники уголовно-исполнительной системы ввиду характера деятельности часто пользуются услугами предприятий сферы гостеприимства. Такое внимание и множество аспектов безопасности обусловлено постоянным ростом конкуренции на рынке гостиничных услуг, где фактор безопасности становится одним из ключевых элементов конкурентного преимущества. Кроме того, усиление законодательства в смежных областях, таких как обработка персональных данных и противодействие терроризму, предъявляет к субъектам гостиничного бизнеса все более

строгие требования. [1] Эффективный режим безопасности невозможен без его прочной правовой основы, объединяющей императивные нормы публичного права и диспозитивные условия гражданско-правовых договоров.

Цель исследования. всесторонний анализ системы правовых норм, формирующих режим безопасности в гостиничном бизнесе, и выявление особенностей его практической реализации.

Методы. Проведен сравнительно-аналитический анализ действующего законодательства, регламентирующего системный подход к правовым основам соблюдения прав граждан на безопасность.

Посещая любое предприятие гостиничного бизнеса, гостю хочется чувствовать себя в безопасности, не волнуясь за свои вещи, за связь и некоторые свои пожелания, например, не выходя из номера выпить чай или заказать услугу чистки одежды. Кроме того, всегда имеются и иные требования, такие как чисто убранная комната, сантехника, что связано с посещением номера персонала предприятия. При этом хочется чувствовать себя в безопасности, поскольку незнакомые люди, находящиеся рядом, несут определенный эффект напряжения. Все эти моменты составляют в комплексе режим безопасности в сфере гостеприимства.

Режим безопасности гостиницы — это установленная законодательством и внутренними документами предприятия совокупность правил, процедур и организационно-технических мер, направленных на:

1. Обеспечение сохранности жизни и здоровья гостей, персонала и посетителей.
2. Охрану имущества гостиницы, а также имущества гостей и персонала.
3. Защиту конфиденциальной информации, в первую очередь персональных данных.
4. Предупреждение и пресечение противоправных действий на территории объекта.
5. Обеспечение готовности к действиям в условиях чрезвычайных ситуаций (пожар, теракт и др.).

Данный режим базируется на двух правовых основаниях. Во-первых, на публично-правовом, поскольку обязанность по обеспечению безопасности возлагается на организацию в силу прямого предписания закона (ФЗ от 07.02.2011 № 3-ФЗ [2], ФЗ от 21.12.1994 № 69-ФЗ, регламентирующий нормы пожарной безопасности, ФЗ от 09.02.2007 № 16-ФЗ в рамках безопасности транспорта для гостиниц на вокзалах, в аэропортах и др.).

Во-вторых, на договорном, когда обязанность вытекает из существа договора возмездного оказания гостиничных услуг (глава 39 Гражданского кодекса РФ ст. 1064, ст. 1068).

Правовые основы, регламентирующие безопасность в сфере гостеприимства, образуют сложную систему. Так, ГК РФ фиксирует положения о договоре возмездного оказания услуг, деликтной ответственности и возмещения ущерба. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 устанавливает право потребителя на безопасность услуги (ст. 7). ФЗ от 27.12.2002 № 184-ФЗ устанавливает стандарты безопасности услуг посредством применения ГОСТов. Федеральный закон от 21.12.1994 № 69 обязывает все организации, включая гостиницы, соблюдать строгие правила пожарной безопасности. Федеральный закон от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» устанавливает требования к конструктивной безопасности объекта. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ регулирует все аспекты обработки информации о гостях. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» возлагает на администрацию гостиницы обязанность по информированию правоохранительных органов о подозрительных лицах или предметах, а Приказ МВД России от 09.07.2018 № 435 обязывает предоставлять информацию о регистрации и снятии граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания в территориальные органы МВД России.[3] Кодекс РФ об административных правонарушениях и Уголовный кодекс РФ устанавливают ответственность за нарушения в сфере безопасности. Постановление Правительства РФ от 14.04.2017 № 447- документ, обязывающий гостиницы категорировать объекты, разрабатывать Паспорта безопасности, а также применять определенные меры, касающиеся пропускного режима, видеонаблюдения, обучения персонала.[4] Приказ Минкультуры России от 11.07.2014 № 1215 устанавливает критерии оценки гостиниц, включая критерии безопасности, необходимые для присвоения категории.

ГОСТ Р 53423-2009 «Услуги гостиниц. Общие требования»: закрепляет, что гостиница обязана обеспечивать безопасность гостей и их имущества, в том числе с использованием технических средств (сторожевой сигнализации, систем видеонаблюдения и др.).

Локальные нормативные акты гостиницы также регламентируют правила и требования. Правила предоставления гостиничных услуг являются документом, утверждаемым органами местного самоуправления, но часто дополняемый самой гостиницей. Они регламентируют порядок проживания и вопросы безопасности. В них включаются положения о пропускном и внутриобъектовом режиме; инструкции по пожарной безопасности; политика обработки персональных данных; должностные инструкции персонала, закрепляющие их действия в рамках обеспечения безопасности.

Физическая безопасность граждан и антитеррористическая защищенность на территории предприятий гостиничного бизнеса реализуется через организацию пропускного режима. Это может быть ограничение свободного доступа в жилые зоны путем использования электронных ключей, постов службы безопасности. Правовое основание — право гостиницы как собственника или владельца помещения устанавливать правила доступа на свою территорию (ст. 209 ГК РФ). Кроме того, руководство в целях предупреждения правонарушений или устранения конфликтных ситуаций между гостями или гостями и персоналом может устанавливать систему видеонаблюдения. Его размещение должно быть законным и соразмерным. Необходимо размещать уведомления о ведении видеозаписи в зонах наблюдения (ст. 22.1 Закона «О персональных данных»). Запись не должна вестись в местах, где предполагается приватность (номера, туалеты, раздевалки).

Охрана и патрулирование объектов может осуществляться как собственными силами, так и путем аутсорсинга с специализированной

организацией (ЧОП). Договор с ЧОП должен четко разграничивать зоны ответственности.

Пожарная безопасность регулируется строгими императивными нормами. Гостиница обязана иметь систему пожарной сигнализации и оповещения, первичные средства пожаротушения, разработать и вывесить на видных местах планы эвакуации, регулярно проводить инструктаж персонала, а также обеспечивать свободный доступ к эвакуационным выходам. Нарушение этих правил влечет серьезную административную (ст. 20.4 КоАП РФ) и в случае трагических последствий — уголовную ответственность (ст. 219 УК РФ).

Информационная безопасность является одним из важных аспектов. При оформлении заселения гость предоставляет множество персональных данных (паспорт, данные о месте жительства, передвижении, кредитные карты). Гостиница как оператор персональных данных обязана (ст. 18.1 Закона № 152-ФЗ), во-первых, получить от гостя согласие на обработку его данных (как правило, это делается в форме оферты при подписании карты гостя). Гостиница обязана обеспечить конфиденциальность этих данных. Многие учреждения гостиничного бизнеса ведут двойной учет. Вначале форма на каждого гостя заполняется рукописно, а затем информация заносится в компьютер.

Несмотря на обязанность обеспечить защиту данных о клиенте от несанкционированного доступа (использование шифрованных каналов связи, защищенных серверов, ограничение доступа к базам данных), не все гостиницы используют такие способы. О них можно говорить только в отношении крупных гостиничных предприятий больших городов. Однако, стоит отметить, что утечка данных может привести к огромным репутационным и финансовым потерям, а также к административным штрафам по ст. 13.11 КоАП РФ.

Санитарно-эпидемиологическая и продовольственная безопасность Регулируется нормами СанПиН (Санитарные правила и нормы). [5] Состояние питьевой воды, уборка помещений, вопросы обеспечения пищей — все это является частью общего режима безопасности, так как напрямую влияет на здоровье гостей.

В сфере гостиничного бизнеса на фоне множества нормативно-правовых актов, регламентирующих данное направление предпринимательской деятельности, сегодня возникает ряд спорных вопросов.

Установление камер видеонаблюдения в общественных местах правомерно. Однако, споры вызывает вопрос о том, являются ли коридоры на этажах зоной полной приватности.

Ст. 925 ГК РФ устанавливает особую ответственность гостиницы как профессионального хранителя только для вещей, сданных на хранение в службу приема-размещения или в сейф в номере. За вещи, оставленные в номере, гостиница отвечает лишь при доказанной вине. На практике это вызывает множество споров, и гостиницы часто стараются закрепить в Правилах проживания ограничение своей ответственности.

Локальные акты гостиницы не могут ухудшать положение гостя по сравнению с законом. Например, правило, полностью снимающее с гостиницы ответственность за имущество гостя, будет признано недействительным.

Следовательно, внесение изменений в нормативные правовые акты — это ключевой способ повысить безопасность в сфере гостеприимства. Вот комплекс предложений, сгруппированных по направлениям, которые можно внести на рассмотрение законодательных и исполнительных органов власти:

1. При установлении требований к противопожарной безопасности ввести обязательную ежегодную внеплановую практическую тренировку по эвакуации для всего персонала отеля (включая дежурных администраторов, горничных, службу безопасности) с участием представителей МЧС. Сейчас они часто носят формальный характер. В условиях чрезвычайной ситуации от действий персонала зависят жизни людей. Регулярные практические тренировки выработают мышечную память и снизят панику.

Кроме того, можно обязать гостиницы категорией 3+ и выше оснащать все номера индивидуальными средствами пожаротушения (например, небольшими огнетушителями или противопожарными одеялами) и дымовыми извещателями, связанными с центральной системой оповещения. Это позволит локализовать возгорание на самой ранней стадии и немедленно оповестить службу безопасности.

2. Ввести в СанПиНы четкие и обязательные стандарты использования дезинфицирующих средств, эффективных против широкого спектра вирусов и бактерий (включая COVID-19, грипп, ротавирус) для уборки номеров и общественных зон. Закрепить необходимость маркировки уборочного инвентаря для разных зон. Поскольку существующие нормы частично устарели, они могут не учитывать современные эпидемиологические риски.

Кроме того, необходимо обязать гостиницы иметь утвержденный план мероприятий на случай выявления инфекционного заболевания у постояльца (алгоритм изоляции, уведомления Роспотребнадзора, дезинфекции). Такое нововведение минимизирует риски распространения инфекций среди других гостей и персонала.

3. Внести в закон обязанность гостиниц шифровать персональные данные гостей (данные паспортов, банковских карт) как при хранении, так и при передаче. Установить строгую административную ответственность за утечки. Требования по защите данных в ФЗ-152 есть, но меры конкретизированы слабо.

Вместе с этим необходимо запретить хранить данные банковских карт гостей после осуществления расчетной операции (за исключением случаев предоплаты и с явного согласия гостя). Подобные действия позволяют снизить риски мошенничества и краж финансовой информации.

4. Для гостиниц категорией 4+ и выше, а также для всех гостиниц с количеством номеров более 100 ввести обязательную лицензию для службы безопасности и требования к минимальному количеству сотрудников охраны на смену, прошедших профессиональную подготовку. Часто безопасность в отелях обеспечивают формальные сторожа, не готовые к реальным угрозам.

Также стоит установить обязательные требования к системе видеонаблюдения: хранение записей не менее 30 дней, покрытие каме-

рами всех входов/выходов, лифтов, холлов, коридоров, парковок. Ограничить установку камер в зонах приватности (номера, раздевалки спалон). Баланс между безопасностью и правом на частную жизнь должен все же соблюдаться, а наличие записей критически важно для расследования инцидентов.

5. Ввести обязательный для ознакомления и подписи гостей «Лист безопасности» при заселении. В нем простым языком должны быть указаны: правила пожарной безопасности (планы эвакуации), телефоны экстренных служб, правила пользования сейфом, информация о видеонаблюдении. Это позволит повысить осведомленность гостей и снять часть претензий в форс-мажорных ситуациях, так как гость был проинформирован. Современные листы с отдельными видами информации часто не прочитываются гостем и могут находиться в скрытом месте, например, в ящике прикроватной тумбы.

6. Четко прописать в законе ответственность гостиницы за сохранность вещей, сданных на хранение в службе приема и размещения, и вещей, оставленных в номере (с указанием пределов ответственности, как в Воздушном кодексе). Данное предложение позволит снизить количество спорных ситуаций и судебных разбирательств.

7. Создать открытый реестр проверок гостиниц контролирующими органами (МЧС, Роспотребнадзор, Роскомнадзор) с возможностью для любого гражданина увидеть историю нарушений и принятых мер по конкретной гостинице. Подобный реестр поможет стимулировать владельцев гостиниц соблюдать нормы, а гостям дать возможность сделать осознанный выбор.

Предложенные изменения направлены на системный подход к безопасности: от ужесточения технических норм и обучения персонала до повышения прозрачности, и информированности гостей. Это потребует пересмотра нескольких законов и подзаконных актов, таких как ФЗ «Об основах туристской деятельности», Правила предоставления гостиничных услуг, различные СанПиНы и СНИПы, но в конечном счете создаст гораздо более безопасную среду для всех участников.

Следовательно, правовые основы режима безопасности в сфере гостеприимства – это сложный правовой массив, находящийся на стыке публичного и частного права. Эффективный режим безопасности формируется не отдельными мерами, а их системным взаимодействием, основанным на соблюдении норм федерального законодательства (противопожарные, антитеррористические, санитарные требования); стандартов добросовестности в гражданско-правовых отношениях с гостем; собственных локальных правил, детализирующих и реализующих вышеуказанные нормы.

Ключевыми тенденциями являются ужесточение контроля за обработкой персональных данных и антитеррористической защищенностью, а также рост значимости информационной безопасности. В этих условиях успех гостиничного предприятия определяется не только качеством сервиса, но и его способностью выстроить легитимную, прозрачную и эффективную систему безопасности, которая защищает права и законные интересы всех субъектов: гостей, персонала и самой организации. Дальнейшее совершенствование правового регулирования видится в более четком разграничении зон ответственности, разработке отраслевых стандартов информационной безопасности и формировании единой судебной практики по спорным вопросам.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ \ КонсультантПлюс[Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения 12.09.2025 г.).
2. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 N 3-ФЗ \ КонсультантПлюс[Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения 12.09.2025 г.).
3. Приказ МВД России от 9 июля 2018 г. N 435 «Об утверждении Порядка представления администра...» Система ГАРАНТ[Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ivo.garant.ru/#/document/72166980/> (дата обращения 12.09.2025 г.).
4. Постановление Правительства РФ от 14.04.2017 N 447 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности гостиниц и иных средств размещения и формы паспорта безопасности этих объектов» (с изменениями и дополнениями) | ГАРАНТ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://base.garant.ru/71657636/> (дата обращения 12.09.2025 г.).
5. Полные тексты документов[Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.rosпотребнадзор.ru/sanitary_rules/polnye-teksty-dokumentov.php (дата обращения 15.09.2025 г.).

References:

1. Federal Law "On Personal Data" dated July 27, 2006, No. 152-FZ \ ConsultantPlus [Electronic resource] – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (accessed on September 12, 2025).
2. Federal Law "On the Police" dated 07.02.2011 N 3-FZ \ ConsultantPlus [Electronic resource] – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (accessed on 12.09.2025).
3. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 435 dated July 9, 2018 "On Approval of the Procedure for Submitting Administrative Documents... | GARANT system [Electronic resource] – Access mode: <https://ivo.garant.ru/#/document/72166980/> (accessed 12.09.2025).
4. Decree of the Government of the Russian Federation No. 447 dated April 14, 2017 "On Approval of the Requirements for Anti-Terrorist Security of Hotels and Other Accommodation Facilities and the Form of the Security Passport for These Facilities" (with amendments and additions) | GARANT [Electronic resource] – Access mode: <https://base.garant.ru/71657636/> (accessed on September 12, 2025).
5. Full texts of documents [Electronic resource] – Access mode: https://www.rosпотребнадзор.ru/sanitary_rules/polnye-teksty-dokumentov.php (accessed on 15.09.2025).

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_324

УДК 009

ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ОКАЗАНИЮ УСЛУГ В РОССИИ CHARACTERISTICS OF SERVICE OBLIGATIONS IN RUSSIA

УТКИН Григорий Николаевич,

кандидат юридических наук, соискатель ученой степени доктора юридических наук.

119048, Россия, г. Москва ул. Ефремова д.10.

E-mail: utkin-gn@yandex.ru;

UTKIN Grigory Nikolaevich,

Candidate of Law, Candidate of the degree of Doctor of Law.

10 Efremova St., Moscow, 119048, Russia.

E-mail: utkin-gn@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются особенности обязательств по возмездному оказанию услуг в системе гражданского права Российской Федерации. Раскрываются основные черты данного вида обязательств, включая их консенсуальный характер, взаимность прав и обязанностей сторон, возмездность и нематериальный результат исполнения. Особое внимание уделяется правовому регулированию договора возмездного оказания услуг, его отличию от подряда и аренды, а также ответственности сторон за ненадлежащее исполнение обязательств. Анализируется судебная практика и доктринальные подходы, позволяющие глубже понять специфику данного вида обязательств.

Abstract: The article examines the features of service obligations within the system of civil law of the Russian Federation. The main characteristics of this type of obligation are revealed, including its consensual nature, reciprocity of the parties' rights and obligations, compensatory character, and the intangible result of performance. Special attention is paid to the legal regulation of the contract for the compensated provision of services, its distinction from contracts of work and lease, as well as the liability of the parties for improper performance. Judicial practice and doctrinal approaches are analyzed to provide a deeper understanding of the specifics of this type of obligation.

Ключевые слова: обязательство, оказание услуг, договор, возмездность, ответственность, нематериальный результат.

Key words: obligation, service provision, contract, compensation, liability, intangible result.

Для цитирования: Уткин Г.Н. Характеристика обязательств по оказанию услуг в России // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 324-327. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_324.

For citation: Utkin G.N. Characteristics of service obligations in Russia // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 324-327. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_324.

Статья поступила в редакцию: 05.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Обязательства по оказанию услуг занимают особое место в системе российского гражданского права, так как они охватывают широкий спектр социально-экономических отношений, начиная от бытовых и медицинских услуг и заканчивая образовательными, культурными и цифровыми.

По мнению О. В. Горбуновой, обязательства по оказанию услуг представляют собой «договорное отношение, в котором исполнитель обязуется совершить определенные действия или осуществить деятельность, а заказчик обязан оплатить их результат»¹. При этом специфика таких обязательств заключается в том, что результат чаще всего носит нематериальный характер, что отличает их от подряда.

Рассмотрим нормативное регулирование.

Правовая основа обязательств по оказанию услуг закреплена в Гражданском кодексе Российской Федерации. В части первой ГК РФ указано, что обязательство возникает из договора и состоит в обязанности одной стороны совершить в пользу другой определенное действие². Т. Л. Калачева подчеркивает, что нормы Гражданского кодекса, регулирующие обязательства по оказанию услуг, «формируют самостоятельный институт, который, с одной стороны, сохраняет общие черты обязательственного права, а с другой – имеет значимые особенности, обусловленные природой услуг»³.

Представим виды и специфика обязательств.

Л. В. Родина выделяет обязательства по оказанию услуг в сфере сопровождаемого проживания, отмечая, что они «отражают социальный характер обязательственных отношений, в которых материальный результат отходит на второй план по сравнению с обеспечением прав и потребностей личности»⁴.

А. Ш. Пахомова указывает, что в образовательной сфере обязательства строятся на основе долгосрочного и сложного взаимодействия между образовательной организацией и обучающимся, где ключевую роль играет «гарантия качества предоставляемой услуги и её соответствие государственным образовательным стандартам»⁵.

К. О. Головачева, анализируя медицинские услуги, отмечает, что «в данном случае обязательство исполнителя имеет повышенную социальную значимость и предполагает наличие особых гарантий для пациента»¹.

¹ Горбунова О. В. Общая характеристика обязательств по оказанию услуг // Вестник ВУиТ. 2017. №1. С. 51.

² Гражданский кодекс Российской Федерации, ч. – 1 : Федеральный закон № 51-ФЗ от 30.11.1994 // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

³ Калачева Т. Л. Обязательства об оказании услуг в гражданском кодексе российской федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. №2. С. 42.

⁴ Родина Л. В. Понятие, виды и основания возникновения обязательств по оказанию услуг сопровождаемого проживания // Образование и право. 2024. №6. С. 12.

⁵ Пахомова А. Ш. Обязательства по оказанию образовательных услуг в РФ // Вестник магистратуры. 2017. №6-1 (69). С. 4.

И. В. Матвеев рассматривает обязательства по оказанию театрально-зрелищных услуг, подчеркивая, что они «выходят за рамки чисто гражданско-правового регулирования и затрагивают сферу культуры и искусства»².

Рассмотрим теоретические и доктринальные подходы.

Р. А. Музаев определяет договор возмездного оказания услуг как «универсальную форму закрепления обязательств в сфере нематериального результата, обеспечивающую правовую определенность и защиту интересов сторон»³.

И. Н. Емелькина, рассматривая вопросы управления имуществом, указывает, что профессиональные услуги в этой сфере должны быть обеспечены «четким правовым оформлением экономических отношений»⁴.

Н. В. Лутовинова обращает внимание на договор доверительного управления исключительными правами, относя его к разновидности обязательств по оказанию услуг, где «особую роль играет баланс между имущественными интересами и защитой интеллектуальных прав»⁵.

Ответственность и обеспечение исполнения обязательств

Вопрос ответственности является одним из центральных в регулировании обязательств по оказанию услуг. А. Я. Гасанов отмечает, что в цифровую эпоху при оказании услуг «возникают новые риски, связанные с применением технологий, и ответственность сторон должна учитывать специфику онлайн-взаимодействия»⁶.

Е. Д. Попова, хотя и рассматривает ипотечные обязательства, подчеркивает универсальный принцип: «неисполнение договора влечет имущественную ответственность, которая носит компенсационный характер»⁷.

В. А. Хохлов еще в конце 1990-х годов сформулировал фундаментальную идею, согласно которой «гражданско-правовая ответственность выражается в форме неблагоприятных имущественных последствий для должника и одновременно в защите интересов кредитора»⁸.

Е. М. Березкина в свою очередь делает акцент на неустойке как способе обеспечения исполнения обязательств: «неустойка одновременно стимулирует должника и компенсирует убытки кредитора»⁹.

А. Д. Байдашин рассматривает титульное обеспечение как непоименованный способ укрепления обязательственных отношений, позволяющий «гарантировать исполнение даже в тех случаях, когда традиционные способы не применимы»¹⁰.

Ш. А. Саматова раскрывает историческое развитие обеспечительного платежа и подчеркивает, что «он выполняет функцию двойного обеспечения – и гарантийную, и компенсационную»¹¹.

И. А. Шитов делает акцент на денежных обязательствах, отмечая, что они «составляют основу большинства договоров оказания услуг и требуют особого порядка исполнения»¹².

Н. А. Калинин подчеркивает, что сущность исполнения обязательств заключается в «надлежащем и своевременном совершении действий, составляющих содержание обязательства»¹³.

Э. Р. Фуштей видит в обязательствах по оказанию услуг инструмент защиты имущественных интересов: «они позволяют выстроить правовые гарантии баланса интересов исполнителя и заказчика»¹⁴.

Рассмотрим зарубежный опыт.

Сравнительный анализ также важен для понимания российской практики. Так, Б. Маркесинис, Х. Унберат и А. Джонстон отмечают, что в германском праве «договор оказания услуг имеет сходные черты с российским регулированием, однако при этом содержит более детально разработанные нормы о защите потребителя»¹⁵.

Э. Воиакис, анализируя обязательства в страховом праве, подчеркивает их общую природу: «обязательства в сфере услуг базируются на доверии и обязанности компенсации за невыполнение»¹⁶.

В современной практике обязательства по оказанию услуг в России сталкиваются с целым рядом проблем, которые затрудняют их надлежащее исполнение и снижают уровень защиты прав участников гражданского оборота.

¹ Головачева К. О. Правовые особенности обязательств по оказанию медицинских услуг // Экономика и социум. 2017. №10 (41). С. 10.

² Матвеев И. В. О сторон по договору об оказании театрально-зрелищных услуг // Образование и право. 2016. №10. С. 20.

³ Музаев Р. А. Договор возмездного оказания услуг как вид обязательств по оказанию услуг в гражданском праве России // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2014. №1. С. 11.

⁴ Емелькина И. Правовое оформление экономических отношений по профессиональному управлению имуществом // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. №1. С. 19.

⁵ Лутовинова Н. В. К вопросу о гражданско-правовом регулировании договора доверительного управления исключительными правами // Международный академический журнал. 2025. №1. С. 22.

⁶ Гасанов А. Я. Ответственность за нарушение обязательств при оказании услуг с использованием цифровых технологий // Вестник экономической безопасности. 2021. №5. С. 32.

⁷ Попова Е. Д. Ответственность за неисполнение ипотечного договора // Вопросы российской юстиции. 2025. №36. С. 39.

⁸ Хохлов В. А. О гражданско-правовой ответственности / В. А. Хохлов // Правоведение. – 1997. – № 1. – С. 97.

⁹ Березкина, Е. М. Неустойка как способ обеспечения исполнения обязательств в российском гражданском праве / Е. М. Березкина. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 3 (502). – С. 311.

¹⁰ Байдашин, А. Д. Непоименованные способы обеспечения обязательств: титульное обеспечение / А. Д. Байдашин. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2025. – № 4 (555). – С. 359.

¹¹ Саматова Ш. А. Понятие и историческое развитие обеспечительного платежа как способа обеспечения исполнения обязательств // Вестник науки. 2025. №6 (87). С. 184.

¹² Шитов, И. А. Денежные обязательства в российском гражданском праве / И. А. Шитов. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 15 (357). – С. 285.

¹³ Сущность и правовая природа исполнения обязательств: дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Калинин Никита Андреевич; [Место защиты: НИ ТГУ]. – Томск, 2020. – С. 4.

¹⁴ Фуштей Э. Р. Защита имущественных интересов в частном праве России // Образование и право. 2024. №8. С. 28.

¹⁵ Markesinis B. The German Law of Contract. A Comparative Treatise. – 2nd ed. / B. Markesinis, H. Unberath, A. Johnston. – Oxford : Hart Publishing ; Portland, Oregon, 2006. – С. 203.

¹⁶ Voyiakis E. Insurance and the Law of Obligations / E. Voyiakis // Modern Law Review. – 2016. – Vol. 79. – Iss. 3. – Pp. 530.

Во-первых, одной из ключевых проблем является **неопределенность границ между договором возмездного оказания услуг и смежными договорами** – подряда, аренды, доверительного управления. По мнению Т. Л. Калачевой, «гражданско-правовое регулирование в данной сфере страдает от отсутствия четкой классификации, что порождает трудности при квалификации отношений» [8]. Это приводит к тому, что судебные органы вынуждены опираться на доктринальные толкования и расширительное применение норм ГК РФ [6], что снижает предсказуемость правоприменения.

Во-вторых, проблемным остается вопрос **ответственности сторон при оказании услуг с использованием цифровых технологий**. А. Я. Гасанов справедливо указывает, что в условиях цифровизации «границы ответственности исполнителя становятся размытыми, поскольку часть услуг носит автоматизированный характер» [3]. Это особенно актуально для дистанционного образования, телемедицины и иных сфер, где результат исполнения выражен в нематериальной форме и трудно поддается проверке.

Особые сложности возникают при регулировании **обязательств в социально значимых сферах**. Так, К. О. Головачева отмечает, что оказание медицинских услуг требует усиленной правовой защиты пациента, ведь ненадлежащее исполнение здесь влечет не только имущественный, но и моральный вред [4]. Аналогичная ситуация наблюдается и в образовательных услугах: по мнению А. Ш. Пахомовой, «договор об оказании образовательных услуг должен учитывать не только права и обязанности сторон, но и интересы обучающегося как особого субъекта гражданских правоотношений» [12].

Не менее значимым является вопрос **обеспечения исполнения обязательств по оказанию услуг**. Как отмечает Е. М. Березкина, неустойка как способ обеспечения «часто оказывается недостаточной в сфере услуг, где оценка убытков имеет субъективный характер» [2]. А. Д. Байдашин указывает на необходимость развития «непоименованных способов обеспечения обязательств, включая титульное обеспечение», что может способствовать повышению устойчивости договорных связей [1].

Еще одной проблемой является **коллизия интересов сторон и недостаточность механизмов защиты имущественных интересов заказчика**. Э. Р. Фуштей подчеркивает, что в частном праве России «защита имущественных интересов носит фрагментарный характер и требует адаптации к новым видам обязательств» [17]. Это особенно заметно в договорах доверительного управления и сопровождения проживания, где границы ответственности исполнителя не всегда ясно очерчены [9; 14].

Отдельного внимания заслуживает **сфера культурных и досуговых услуг**. И. В. Матвеев указывает, что в договорах на оказание театрально-зрелищных услуг зачастую возникает проблема неравенства сторон: заказчик не имеет возможности влиять на содержание и качество исполнения, что создает предпосылки для одностороннего навязывания условий [10].

Таким образом, ключевые проблемы обязательств по оказанию услуг в РФ можно сгруппировать следующим образом:

1. неопределенность правовой природы и границ регулирования;
2. трудности фиксации и оценки результата исполнения;
3. недостаточность традиционных способов обеспечения обязательств;
4. слабая защита интересов заказчика в социально значимых сферах;
5. отсутствие комплексного механизма ответственности в условиях цифровизации.

Как справедливо подчеркивает В. А. Хохлов, «гражданско-правовая ответственность должна выполнять не только компенсационную, но и превентивную функцию, предупреждая нарушения обязательств» [18, с. 99]. Однако на практике эта задача решается лишь частично, что требует дальнейшего совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Таким образом, обязательства по оказанию услуг в России характеризуются многообразием форм, социальным значением, а также особой правовой природой, связанной с нематериальным результатом исполнения. Они регулируются нормами Гражданского кодекса РФ, а также развиваются в рамках доктрины и судебной практики. Исследователи подчеркивают, как важность обеспечения таких обязательств (неустойка, обеспечительный платеж, титульное обеспечение), так и необходимость адаптации их к вызовам цифровой экономики.

Список литературы:

1. Байдашин, А. Д. Непоименованные способы обеспечения обязательств: титульное обеспечение / А. Д. Байдашин. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2025. – № 4 (555). – С. 358-360. – URL: <https://moluch.ru/archive/555/122261/>. – Дата доступа: 18.08.2025.
2. Березкина, Е. М. Неустойка как способ обеспечения исполнения обязательств в российском гражданском праве / Е. М. Березкина. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 3 (502). – С. 310-314. – URL: <https://moluch.ru/archive/502/110472/>. – Дата доступа: 18.08.2025.
3. Гасанов А. Я. Ответственность за нарушение обязательств при оказании услуг с использованием цифровых технологий // Вестник экономической безопасности. 2021. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-narushenie-obyazatelstv-pri-okazanii-uslug-s-ispolzovaniem-tsifrovyykh-tehnologiy> (дата обращения: 04.09.2025).
4. Головачева К. О. Правовые особенности обязательств по оказанию медицинских услуг // Экономика и социум. 2017. №10 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osobennosti-obyazatelstv-po-okazaniyu-meditsinskih-uslug> (дата обращения: 04.09.2025).
5. Горбунова О. В. Общая характеристика обязательств по оказанию услуг // Вестник ВУиТ. 2017. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obshchaya-kharakteristika-obyazatelstv-po-okazaniyu-uslug> (дата обращения: 04.09.2025).
6. Гражданский кодекс Российской Федерации, ч. – 1 : Федеральный закон № 51-ФЗ от 30.11.1994 // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
7. Емелькина И. Правовое оформление экономических отношений по профессиональному управлению имуществом // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-oformlenie-ekonomicheskikh-otnosheniy-po-professionalnomu-upravleniyu-imuschestvom> (дата обращения: 19.08.2025).
8. Калачева Т. Л. Обязательства об оказании услуг в гражданском кодексе российской федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obyazatelstva-ob-okazanii-uslug-v-grazhdanskom-kodekse-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 04.09.2025).
9. Лутовинова Н. В. К вопросу о гражданско-правовом регулировании договора доверительного управления исключительными правами // Международный академический журнал. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-grazhdansko-pravovom-regulirovanii-dogovora-doveritel'nogo-upravleniya-iskluchitel'nymi-pravami> (дата обращения: 19.08.2025).
10. Матвеев И. В. О сторонах по договору об оказании театрально-зрелищных услуг // Образование и право. 2016. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obyazatelstva-storon-po-dogovoru-ob-okazanii-teatralno-zrelishnykh-uslug> (дата обращения: 04.09.2025).

11. Музаев Р. А. Договор возмездного оказания услуг как вид обязательств по оказанию услуг в гражданском праве России // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2014. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-vozmездnogo-okazaniya-uslug-kak-vid-obyazatelstv-po-okazaniyu-uslug-v-grazhdanskom-prave-rossii> (дата обращения: 04.09.2025).
12. Пахомова А. Ш. Обязательства по оказанию образовательных услуг в РФ // Вестник магистратуры. 2017. №6-1 (69). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obyazatelstva-po-okazaniyu-obrazovatelnyh-uslug-v-rf> (дата обращения: 04.09.2025).
13. Попова Е. Д. Ответственность за неисполнение ипотечного договора // Вопросы российской юстиции. 2025. №36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-neispolnenie-ipotechnogo-dogovora> (дата обращения: 19.08.2025).
14. Родина Л. В. Понятие, виды и основания возникновения обязательств по оказанию услуг сопровождаемого проживания // Образование и право. 2024. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-vidy-i-osnovaniya-vozniknoveniya-obyazatelstv-po-okazaniyu-uslug-soprovozhdaemogo-prozhivaniya> (дата обращения: 04.09.2025).
15. Саматова Ш. А. Понятие и историческое развитие обеспечительного платежа как способа обеспечения исполнения обязательств // Вестник науки. 2025. №6 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-istoricheskoe-razvitiye-obespechitel'nogo-platezha-kak-sposoba-obespecheniya-ispolneniya-obyazatelstv> (дата обращения: 19.08.2025).
16. Сущность и правовая природа исполнения обязательств: дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Калинин Никита Андреевич; [Место защиты: НИ ТГУ]. – Томск, 2020. – 69 с.
17. Фуштей Э. Р. Защита имущественных интересов в частном праве России // Образование и право. 2024. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-imuschestvennyh-interesov-v-chastnom-prave-rossii> (дата обращения: 19.08.2025).
18. Хохлов В. А. О гражданско-правовой ответственности / В. А. Хохлов // Правоведение. – 1997. – № 1. – С. 96–103.
19. Шитов, И. А. Денежные обязательства в российском гражданском праве / И. А. Шитов. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 15 (357). – С. 284-286. – URL: <https://moluch.ru/archive/357/79972/>. – Дата доступа: 18.08.2025.
20. Markesinis B. The German Law of Contract. A Comparative Treatise. – 2nd ed. / B. Markesinis, H. Unberath, A. Johnston. – Oxford : Hart Publishing ; Portland, Oregon, 2006. – 1034 p.
21. Voyiakis E. Insurance and the Law of Obligations / E. Voyiakis // Modern Law Review. – 2016. – Vol. 79. – Iss. 3. – Pp. 529–532. – DOI: 10.1111/14682230.12199.

References:

1. Baidashin, A.D. Unnamed ways of securing obligations: title security / A.D. Baidashin. – Text : direct // Young scientist. – 2025. – № 4 (555). – Pp. 358-360. - URL: <https://moluch.ru/archive/555/122261/>. - access date: 08/18/2025.
2. Berezkina, E. M. Penalty as a way to ensure the fulfillment of obligations in Russian civil law / E. M. Berezkina. – Text : direct // Young scientist. – 2024. – № 3 (502). – Pp. 310-314. - URL: <https://moluch.ru/archive/502/110472/>. - access date: 08/18/2025.
3. Hasanov A. Ya. Responsibility for violation of obligations in the provision of services using digital technologies // Bulletin of Economic Security. 2021. No.5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-narusheniye-obyazatelstv-pri-okazanii-uslug-s-ispolzovaniem-tsifrovyyh-tehnologiy> (accessed: 09/04/2025).
4. Golovacheva K. O. Legal features of obligations to provide medical services // Economics and Society. 2017. №10 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovyye-osobennosti-obyazatelstv-po-okazaniyu-meditsinskih-uslug> (accessed: 04.09.2025).
5. Gorbunova O. V. General characteristics of service obligations // Bulletin of Higher Education, 2017, No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschaya-kharakteristika-obyazatelstv-po-okazaniyu-uslug> (accessed: 09/04/2025).
6. The Civil Code of the Russian Federation, Part – 1 : Federal Law No. 51-FZ of 11/30/1994 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – St. 3301.
7. Yemelkina I. Legal registration of economic relations in professional property management // Pravo. Journal of the Higher School of Economics. 2025. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-oformleniye-ekonomicheskikh-otnosheniy-po-professionalnomu-upravleniyu-imuschestvom> (accessed 08/19/2025).
8. Kalacheva T. L. Obligations to provide services in the Civil Code of the Russian Federation // Law and the State: theory and practice. 2025. №2 . URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obyazatelstva-ob-okazanii-uslug-v-grazhdanskom-kodekse-rossiyskoy-federatsii> (accessed: 04.09.2025).
9. Lutovinova N. V. On the issue of civil law regulation of the contract of trust management of exclusive rights // International Academic Journal. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-grazhdansko-pravovom-regulirovanii-dogovora-doveritel'nogo-upravleniya-isklyuchitelnyimi-pravami> (accessed 08/19/2025).
10. Matveev I. V. On the parties to the contract for the provision of theatrical and entertainment services // Education and Law. 2016. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obyazatelstva-storon-po-dogovoru-ob-okazanii-teatralno-zrelischnyh-uslug> (accessed: 04.09.2025).
11. Muzaev R. A. Contract for the provision of paid services as a type of service obligations in Russian civil law // Electronic supplement to the Russian Law Journal. 2014. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-vozmездnogo-okazaniya-uslug-kak-vid-obyazatelstv-po-okazaniyu-uslug-v-grazhdanskom-prave-rossii> (accessed: 09/04/2025).
12. Pakhomova A. S. Obligations to provide educational services in the Russian Federation // Bulletin of the Magistracy. 2017. №6-1 (69). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obyazatelstva-po-okazaniyu-obrazovatelnyh-uslug-v-rf> (accessed: 04.09.2025).
13. Popova E. D. Responsibility for non-fulfillment of the mortgage agreement // Issues of Russian justice. 2025. No.36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-neispolnenie-ipotechnogo-dogovora> (accessed 08/19/2025).
14. Rodina L. V. The concept, types and grounds for obligations to provide assisted living services // Education and Law. 2024. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-vidy-i-osnovaniya-vozniknoveniya-obyazatelstv-po-okazaniyu-uslug-soprovozhdaemogo-prozhivaniya> (accessed: 04.09.2025).
15. Samatova Sh. A. The concept and historical development of a security payment as a way to ensure the fulfillment of obligations // Bulletin of Science. 2025. No. 6 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-istoricheskoe-razvitiye-obespechitel'nogo-platezha-kak-sposoba-obespecheniya-ispolneniya-obyazatelstv> (accessed 08/19/2025).
16. The essence and legal nature of the fulfillment of obligations: dissertation of the Candidate of Law Sciences : 12.00.03 / Kalinin Nikita Andreevich; [Place of defense: TSU Research Institute]. Tomsk, 2020. 69 p.
17. Fushetey E. R. Protection of property interests in the private law of Russia // Education and law. 2024. No. 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-imuschestvennyh-interesov-v-chastnom-prave-rossii> (accessed 08/19/2025).
18. Khokhlov V. A. On civil liability / V. A. Khokhlov // Jurisprudence. 1997. No. 1. pp. 96-103.
19. Shitov, I. A. Monetary obligations in Russian civil law / I. A. Shitov. – Text : direct // Young scientist. – 2021. – № 15 (357). – Pp. 284-286. - URL: <https://moluch.ru/archive/357/79972/>. - access date: 08/18/2025.
20. Markesinis B. The German Law of Contract. A Comparative Treatise. 2nd ed. / B. Markesinis, H. Unberath, A. Johnston. - Oxford: Hart Publishing; Portland, Oregon, 2006. - 1034 p.
21. Voyiakis E. Insurance and the Law of Obligations / E. Voyiakis // Modern Law Review. – 2016. - Vol. 79. - Iss. 3. - Pp. 529-532. - DOI: 10.1111 / 14682230.12199.

ЗАЩИТА БИОМЕТРИЧЕСКИХ ДАННЫХ В УСЛОВИЯХ КИБЕРБУЛЛИНГА И СОБЛЮДЕНИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ PROTECTION OF BIOMETRIC DATA IN THE CONTEXT OF CYBERBULLYING AND PERSONAL SECURITY

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент института по кафедре гражданского права и процесса
Академии ФСИН России.

390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д.1.

E-mail: a.e.o.77@yandex.ru;

ANANYEVA Ekaterina Olegovna,

Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Institute at the Department of Civil Law and Procedure of the Academy
of the Federal Penitentiary Service of Russia

390000, Russia, Ryazan, Sennaya str., 1.

E-mail: a.e.o.77@yandex.ru

Краткая аннотация: в данной статье рассматривается комплексная проблема защиты биометрических данных в контексте нарастающей угрозы кибербуллинга. Биометрические идентификаторы, такие как отпечатки пальцев, сканы радужной оболочки глаза и лица, голосовые отпечатки, представляют собой уникальные и неотчуждаемые атрибуты личности. Их компрометация в результате целенаправленных кибератак или кибербуллинга несет катастрофические последствия для личной безопасности, поскольку эти данные невозможно изменить. В работе проанализированы специфические векторы атак, использующие биометрию как инструмент травли и шантажа. Исследованы современные криптографические и организационно-правовые методы защиты, включая использование гомоморфного шифрования, биометрических шаблонов и многофакторной аутентификации. Особое внимание уделено правовым аспектам обработки биометрических данных в соответствии с «Общим регламентом по защите данных» и законодательством РФ (152-ФЗ). [1] Статья заключает, что эффективная защита требует синтеза технологических решений, повышения цифровой грамотности населения и развития правовых рамок, обеспечивающих ответственность операторов и права субъектов данных.

Abstract. This article examines the complex problem of protecting biometric data in the context of the growing threat of cyberbullying. Biometric identifiers such as fingerprints, iris and facial scans, and voiceprints are unique and inalienable attributes of an individual. Their compromise as a result of targeted cyberattacks or cyberbullying carries catastrophic consequences for personal safety, since this data cannot be changed. The work analyzes specific attack vectors that use biometrics as a tool of harassment and blackmail. Modern cryptographic and organizational-legal protection methods are investigated, including the use of homomorphic encryption, biometric templates, and multi-factor authentication. Special attention is paid to the legal aspects of processing biometric data in accordance with General Data Protection Regulation and the legislation of the Russian Federation (Federal Law No. 152-FZ). The article concludes that effective protection requires a synthesis of technological solutions, increased digital literacy of the population, and the development of legal frameworks that ensure operator accountability and data subject rights.

Ключевые слова: правовая защита законодательство, субъекты безопасности, биометрические данные, кибербуллинг, конфиденциальность, личная безопасность, кибербезопасность, аутентификация.

Keywords: legal protection, legislation, security subjects, biometric data, cyberbullying, privacy, personal security, cybersecurity, and authentication.

Для цитирования: Ананьева Е.О. Защита биометрических данных в условиях кибербуллинга и соблюдения личной безопасности // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 328-332. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_328.

For citation: Ananyeva E.O. Protection of biometric data in the context of cyberbullying and personal security // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 328-332. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_328.

Статья поступила в редакцию: 12.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Введение. Цифровая трансформация общества привела к повсеместному внедрению биометрических технологий. Они используются для аутентификации в смартфонах, банкинге, системах контроля доступа и правоохранительных органах. Подобное использование биометрических параметров физических лиц уже заложили в системы оплаты и перемещения денежных средств. Однако параллельно с ростом популярности биометрии обострились и риски, связанные с ее защитой. В отличие от пароля или PIN-кода, биометрический идентификатор невозможно «сменить» в случае компрометации. Это делает его крайне привлекательной мишенью для злоумышленников, в том числе занимающихся кибербуллингом.

Кибербуллинг (киберзапугивание) эволюционировал от простых оскорбительных сообщений до изощренных форм преследования, включающих кражу личных данных, глубокие подделки или дипфейки, и манипуляцию биометрической информацией. Компрометация биометрических данных выводит кибербуллинг на качественно новый уровень, создавая не только психологическую травму, но и прямую угрозу физической и финансовой безопасности жертвы.

Цель исследования. Комплексный анализ угроз биометрическим данным в контексте кибербуллинга и выработка системного подхода к их защите, сочетающего технологические, правовые и социальные меры.

Методы. Проведен сравнительно-аналитический анализ действующего законодательства, регламентирующего системный подход к правовым основам создания и применения технологий по защите биометрических данных.

Биометрические данные представляют собой физиологические или поведенческие характеристики человека. Их можно разделить на два типа. Во-первых, физиологические. К ним относят отпечатки пальцев, геометрию лица, радужную оболочку глаза, рисунок вен, ДНК.

Во-вторых, поведенческие. Яркими примерами являются походка, голос, ритм клавиатурного почерка, динамика подписи.

Их ключевая особенность — неотчуждаемость и постоянная связь с субъектом. Именно это создает уникальные риски. К рассматриваемым рискам стоит относить такие как неизменяемость. Она представляет собой утерянный или скомпрометированный биометрический шаблон, который аннулирует всю систему аутентификации, построенную на его основе, на всю жизнь субъекта. Примером может служить защищаемое гражданским законодательством изображение гражданина, обнародование или использование которого допускается законом, лишь с согласия самого субъекта. [2]

Еще одним риском является кросс-контекстное использование. Иными словами, биометрия, похищенная из одной системы (например, из социальной сети), может быть использована для доступа к другой, более критичной (например, к банковскому приложению). Поскольку в банковской системе отдельных государств имеется возможность перевода денежных средств в банкоматах путем персонализации клиента через его лицо, то в социальных сетях девушки обучают друг друга в видеороликах, как вовремя убрать свое лицо от камеры и подставить лицо сзади стоящего человека, для оплаты или перевода средств (Тик-ток).

Кроме того, биометрические данные могут быть собраны скрытно (фотография лица из публикации в соцсети, запись голоса из видео) без ведома и согласия человека. Достаточно часто это осуществляется в образовательных учреждениях, но не для осуществления сбора информации для получения образовательных услуг, например, запись лекции, а для иного использования личности, включая голос, фото и иного в связи с применением цифровых технологий, для организации негативных последствий в отношении записываемого лица. [3, с.13]

В контексте кибербуллинга биометрические данные используются как мощный инструмент для шантажа, преследования и причинения вреда. С этой точки зрения, цифровизация и внедрение такого процесса в деятельность ряда государственных и коммерческих структур принесла немало вреда. Так, на основании только имени, не учитывая внешние данные фотографии, искусственный интеллект, внедренный в деятельность приставов блокирует у правопослушных граждан денежные средства, находящиеся на картах (счетах). И вновь, как и люди, занимающие должности приставов, так и программа нарушает законодательство России о запрете блокировки счетов, на которые поступают детские пособия, социальные выплаты, не подлежащие аресту и полностью средства без учета ст. 101 ФЗ «Об исполнительном производстве». Оставляя граждан, имеющих одинаковые имена, нарушая их права, такая ситуация решается только в суде. При этом, сведения о псевдодолжнике в открытом доступе публикуются на Федресурсе. Подобные сведения могут распространяться недоброжелателями в соцсетях, что вероятно принесет определенный ущерб человеку, попавшему в подобную ситуацию.

Какие же виды фактов можно наблюдать при помощи цифровых технологий и украденных биометрических данных сегодня. Однажды зрители новостных программ в Великобритании увидели поздравления с Рождеством от королевы Елизаветы II, которая уже не давала интервью и находилась на лечении в связи с болезнью. В дальнейшем было выяснено, что искусственный интеллект сгенерировал видео, которое невозможно было отличить от оригинала. Многие сервисы, создающие рекламный продукт, также стали использовать лица известных людей, для привлечения внимания к товарам. Однако, в отношении граждан, подвергающихся давлению со стороны недоброжелателей можно увидеть такие ситуации как:

1. Создание и распространение дипфейк-контента. Злоумышленники, используя публично доступные фотографии и видео жертвы, могут создавать поддельные порнографические или компрометирующие видео. Это наносит колоссальный репутационный и психологический ущерб. При обращении в правоохранительные органы, решения вопроса не последует, так как они не обладают достаточной технической базой для поиска преступника, выложившего сгенерированное видео на интернет – ресурсе (реальный случай в г. Рязани).

2. Кража и имитация цифровой личности. Похищенные биометрические данные (например, сканы лица) могут быть использованы для обхода систем аутентификации, кражи денежных средств или совершения противоправных действий от имени жертвы, что влечет за собой юридические последствия. Однако, разработчики Единой биометрической системы в России, а именно компания «Ростелеком» утверждает, что биометрия гражданина позволит только открыть счет или вклад, оформить, внимание, кредит, а также осуществить денежный перевод. Но снять деньги с текущего счета гражданина подобным образом будет невозможно. [4] Таким образом, считается, что данная система защитила гражданина, сохранив его денежные средства. Весьма спорное утверждение. Деньги в виде кредита переведут на другой счет, который аннулируется, а возвращать полученный кредит будет все то же защищенное лицо.

3. Шантаж и вымогательство. Получив доступ к уникальным биометрическим данным, преступники могут шантажировать жертву, угрожая продать эти данные на черном рынке, использовать для взлома важных аккаунтов или обнародовать в составе сфабрикованных компроматов.

4. Доксинг в сочетании с биометрией. Доксинг сегодня рассматривается как сбор и публикация персональной информации о человеке без его согласия. К нему относят любую собранную информацию личного характера, найденную в открытых источниках, например, мессенджерах и соцсетях. В настоящее время в отечественном законодательстве не выделяется доксинг как самостоятельное правовое явление. Однако, можно отметить, что близкой по смыслу нормой, применяемой для злоумышленника может стать ст. 137 УК РФ. Этот момент установления сбора и распространения личной информации может быть связан с нарушением неприкосновенности частной жизни.

Кроме того, такая деятельность может быть дополнена биометрическими данными, что делает травлю более персонализированной и опасной, стирая границы между виртуальной и реальной жизнью.

Для противодействия указанным угрозам необходима реализация многоуровневой системы защиты. Она должна состоять из таких параметров как, принцип минимальной привилегии и децентрализованного хранения. Значит, системы не должны хранить исходные биометриче-

ские изображения/записи. Вместо этого должны сохраняться «биометрические шаблоны» — математические представления уникальных характеристик, преобразованные с помощью необратимых хэш-функций. Идеальным подходом является локальное хранение шаблона на устройстве пользователя (например, в Secure Enclave смартфона), а не на централизованных серверах.

Другой основой программ защиты должна стать «Криптографическая защита» — это обеспечение безопасности конфиденциальных сведений в цифровом формате. Такая защита сегодня уже регулируется нормами ФЗ «О персональных данных» и Приказом ФСБ России №378 от 10.07.2014 г., в котором указываются методы криптографической защиты, такие как симметричное и асимметричное шифрование.[5]

Сегодня уже применяются многосторонние вычисления, которые позволяют нескольким сторонам совместно вычислить результат (например, совпадение биометрического шаблона), не раскрывая друг другу свои входные данные.

Биометрическая аутентификация с сохранением конфиденциальности, является применимым набором «протоколов», таких как «Биометрические обязательства» и «Слепая аутентификация», которые позволяют проверить подлинность, не раскрывая сам биометрический шаблон проверяющей стороне.

Однако, биометрия не должна использоваться как единственный фактор. Ее необходимо комбинировать с тем, что пользователь знает (пароль) и что имеет (аппаратный токен). Это минимизирует ущерб в случае компрометации биометрического фактора. Значит, внедрение алгоритмов, способных обнаруживать попытки обмана системы с использованием масок, фотографий, 3D-моделей или записей голоса должно развиваться и внедряться в систему безопасности не только банков и кредитных организаций, но и в пользовательские программы мессенджеров. Такие системы должны внедрять провайдеры услуг связи, даже если для этого потребуются изменить типовые договоры с пользователями. В ином случае стоит задаться вопросом, почему при наличии протоколов, шифрований и иных способов защиты персональных данных, ими располагают сторонние лица, а защитить гражданские права представителей гражданского общества не имеется возможности. Примером может стать утечка личных данных граждан, зарегистрированных на платформе Госуслуги.[6]

Технологии бессильны без надлежащей правовой базы и организационных мер. Так ст.3 ФЗ №572 [7] регламентирует возможность использования государственными органами и иными организациями идентификации и аутентификации физических лиц. В норме ч.1 ст.76.1 ФЗ №86 дается конкретизация лиц — субъектов платежной системы, имеющих право использовать данную систему.

Статья 11 ФЗ №152 устанавливает особые требования к обработке биометрических данных, а в ч.4 ст.9 унифицируются правила по оформлению согласия на обработку ПД. Обработка может осуществляться только при наличии согласия в письменной форме (за исключением случаев, связанных с правосудием, государственной безопасностью и т.д.). Однако, многие цифровые ресурсы устанавливают правила обязательной дачи согласия на сбор и обработку, а также хранение персональных данных граждан, которые в целях ознакомления зашли на ресурс. Без такого согласия данные сайтов невозможно увидеть. Не всегда такой сбор данных пользователей нужен, а граждане поставлены в положение без наличия выбора, что также нарушает их права.

Приказом Минкомсвязи России №321 от 25.06.2018 г. устанавливается порядок работы с биометрическими данными ЕБС и закрепляются требования к информационным технологиям, способствующим правильной работе с ними. Все эти нормативно-правовые акты закрепляют принципы законности, целесообразности и минимизации сбора и обработки биометрических персональных данных.

Однако, стоит отметить, что пользователи должны быть ясно и однозначно проинформированы о том, какие биометрические данные собираются, как они будут обрабатываться, храниться и защищаться. Согласие должно быть конкретным, информированным и недвусмысленным. Организации обязаны иметь четкий план действий на случай утечки биометрических данных, включающий уведомление регуляторов и пострадавших субъектов в установленные сроки.

Но не все можно урегулировать подобными нормами. Как показывает практика, необходимо установить четкие обязанности провайдеров (операторов связи) и любых других операторов по сохранности персональных данных пользователей в России и установить ответственность за любые виды утечек. Так обязанности операторов связи детально регламентированы федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». Эти обязанности являются строгими и обязательными к исполнению.

Во-первых, обязанность получить законное согласие на обработку. Провайдер не имеет права обрабатывать ваши персональные данные без правового основания. Наиболее частым основанием является ваше явное, информированное и сознательное согласие. Это включает в себя свободное выражение воли. Иными словами, согласие должно быть дано конкретно, без двусмысленностей. Галочка в чекбоксе «Я согласен на обработку моих персональных данных» перед регистрацией — классический пример. Согласие должно быть конкретным и информированным. Это означает, что провайдер обязан заранее предоставить вам следующую информацию:

- о целях сбора и обработки ваших данных (например, заключение договора, оказание услуг связи, рассылка рекламы);
- о перечне данных, которые будут обрабатываться (ФИО, паспортные данные, адрес, e-mail, IP-адрес, данные о трафике и т.д.);
- о способах обработки (автоматизированные и неавтоматизированные);
- о сроке, на который дается согласие (часто на срок действия договора);
- о праве на отзыв согласия. Вы в любой момент можете отозвать свое согласие на обработку ПДн. После этого провайдер обязан прекратить обработку и уничтожить ваши данные, за исключением случаев, когда он имеет право обрабатывать их без вашего согласия (например, для исполнения договора или выполнения требований других законов).

Кроме такой информации, должны предоставляться реквизиты провайдера (наименование, адрес) и информация о третьих лицах, которым могут быть переданы данные (если применимо).

К сожалению, мы видим только сообщения об использовании файлов куки и иногда необходимость поставить галочку в требовании о предоставлении согласия на обработку персональных данных.[8,с. 133]

Неукоснительно должно входить в обязанность обрабатывать данные только для конкретных целей. Иными словами, провайдер не может собирать данные «про запас» или использовать их для целей, не указанных при получении согласия. Если провайдер собрал ваш номер телефона для отправки уведомлений о счетах, он не может без отдельного согласия использовать его для рассылки рекламных акций своих партнеров. Однако, это делается на практике.

Следующим этапом необходимо ввести обязанность обеспечивать конфиденциальность и безопасность данных. Это одна из ключевых обязанностей. Провайдер обязан принимать все необходимые организационные и технические меры для защиты данных от несанкционированного доступа, уничтожения, изменения, блокирования, копирования, распространения. В такие меры должно входить назначение ответственного за обработку персональных данных; разработка и внедрение внутренней политики в отношении обработки данных; обучение сотрудников, работающих с персональными данными; ограничение доступа к данным только тем сотрудникам, которым это необходимо для выполнения их обязанностей. На основании вышеизложенного, стоит отметить, что работа с персональными данными, охрана которых регламентирована, начиная с основного закона страны и федеральными законами, составляет определенный режим секретности. Следовательно, необходимо со всеми сотрудниками заключать соглашения о конфиденциальности.

В рамках технической составляющей, закрепленной нормами права, необходимо контролировать использование шифрования (криптографической защиты) данных при передаче и хранении и средств защиты от вредоносного программного обеспечения (антивирусы), а также поддерживать в актуальном состоянии системы аутентификации и авторизации (сложные пароли, двухфакторная аутентификация). Немаловажным является, даже в век цифровых технологий, организация физической охраны серверов и помещений, где хранятся данные и соблюдение ведения журналов учета действий с персональными данными, чтобы можно было отследить, кто и когда к ним обращался. Необходимо также работать над обезличиванием данных там, где это возможно для аналитики.

В соответствии с нормой, установленной в ст. 18 ФЗ №152, при сборе персональных данных (в том числе через интернет) оператор обязан обеспечить запись, систематизацию, накопление, хранение и извлечение персональных данных граждан РФ с использованием баз данных, находящихся на территории России. Это знаменитое правило о «локализации баз данных». Исключения возможны, но они строго оговорены в законе.

Субъекты персональных данных, имеют право:

1. Получить информацию о том, какие ваши данные обрабатываются, с какой целью и кому они передавались.

2. Требовать уточнения, блокирования или уничтожения ваших данных, если они неполные, устаревшие, недостоверные или незаконно получены.

3. Отозвать согласие на обработку.

Провайдер обязан бесплатно и в разумные сроки (как правило, 30 дней) ответить на ваш письменный запрос и выполнить законные требования.

Перед началом обработки персональных данных провайдер (за некоторыми исключениями) обязан направить уведомление в Роскомнадзор — уполномоченный орган по защите прав субъектов биометрии. В уведомлении указываются цели обработки, категории данных, категории субъектов и т.д.

В случае нарушения безопасности данных (утечки), которое может причинить вред пользователю, провайдер в кратчайшие сроки обязан (как правило, в течение 24 часов с момента обнаружения) сообщить об инциденте в Роскомнадзор; незамедлительно (с момента подтверждения факта утечки и определения круга пострадавших лиц) сообщить об инциденте пользователю (стоит отметить, что мы узнаем об этом, в основном, из СМИ), если утечка может для него негативно повлиять и принять меры по устранению последствий нарушения.

Стоит помнить о том, что провайдер не может передавать данные субъектов маркетинговым агентствам, банкам или другим компаниям без вашего отдельного согласия, если это не предусмотрено договором или законом (например, передача данных по запросу правоохранительных органов в установленном порядке). Использование данных для непредусмотренных целей: Например, анализ вашего трафика для таргетированной рекламы без вашего согласия является нарушением. Однако, пользователи не в состоянии контролировать этот процесс.

За нарушение закона о персональных данных провайдер может быть привлечен к ответственности:

1. Административная (ст. 13.11 КоАП РФ): штрафы для юридических лиц могут достигать сотен тысяч рублей, а при повторных нарушениях — миллионов. Также Роскомнадзор может вынести предупреждение или приостановить обработку данных.

2. Гражданско-правовая: пользователь, чьи права нарушены, может подать в суд и потребовать компенсацию морального вреда. Но для этого нужно доказать, что утечка произошла именно по вине провайдера, что в современных условиях достаточно сложно.

3. Уголовная (ст. 137 УК РФ): в случаях незаконного сбора или распространения сведений о частной жизни, совершенных из корыстной или иной личной заинтересованности и причинивших вред.

Однако, чтоб обезопасить себя от возможного кибербуллинга и его последствий, пользователям следует с осторожностью публиковать в открытом доступе высококачественные фотографии и видео, пригодные для создания биометрических шаблонов или дипфейк-моделей. Необходимо использовать настройки приватности.

Защита биометрических данных в эпоху кибербуллинга является комплексной междисциплинарной проблемой, находящейся на стыке

кибербезопасности, юриспруденции и социологии. Уникальный и неотчуждаемый характер биометрических идентификаторов превращает их компрометацию в событие с необратимыми последствиями. Кибербуллинг, использующий эти данные, представляет собой качественно новую, экзистенциальную угрозу личной безопасности.

Эффективное противодействие требует комплексного подхода, который должен составлять внедрение передовых методов защиты, строгое соблюдение и дальнейшее развитие нормативно-правовой базы, устанавливающей жесткие требования к сбору и обработке биометрии и предусматривающей значительные санкции за нарушения и проведение образовательных кампаний, направленных на повышение цифровой грамотности населения, формирование навыков цифровой гигиены и осознанного поведения в сети.

Только синтез этих мер может создать устойчивую экосистему, в которой преимущества биометрических технологий будут использоваться без ущерба для фундаментального права человека на личную неприкосновенность и безопасность.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ (последняя редакция) \ КонсультантПлюс[Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения 09.09.2025 г).
2. ГК РФ Статья 152.1. Охрана изображения гражданина \ КонсультантПлюс[Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/14c6c3902cfa17ab26d330b2fd4fae28e5cd059/ (дата обращения 09.09.2025 г).
3. Ананьева Ж.Н., Ананьев О.Г. Кибербуллинг и правовые меры защиты // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 116-3. С. 12-16.
4. Смогут ли мошенники использовать биометрию для доступа к чужому счету - Российская газета [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rg.ru/2019/11/12/smogut-li-moshenniki-ispolzovat-biometriu-dlia-dostupa-k-chuzhому-schetu.html> (дата обращения 09.09.2025 г).
5. Приказ ФСБ России от 10.07.2014 N 378 «Об утверждении Состав и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных с использованием средств криптографической защиты информации, необходимых для выполнения установленных Правительством Российской Федерации требований к защите персональных данных для каждого из уровней защищенности» | ГАРАНТ.ру[Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70727118/> (дата обращения 09.09.2025 г) (дата обращения 09.09.2025 г).
6. Масштабная утечка с «Госуслуг»: какая информация о россиянах попала в Сеть | NEWS.ru | Дзен[Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/ZQxISqB0NHqkMB> (дата обращения 11.09.2025 г).
7. Статья 3. Общие положения \ КонсультантПлюс[Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436110/15f0efd3c8311b53608abd85f9c02157e1457f55/ (дата обращения 11.09.2025 г).
8. Ананьева Е.О. Использование файлов cookie в деятельности федеральной службы исполнения наказаний России // Аграрное и земельное право. 2023. № 12 (228). С. 133-135.

References:

1. Federal Law «On Personal Data» dated 27.07.2006 N 152-FZ (latest edition) \ ConsultantPlus [Electronic resource] – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (accessed on 09.09.2025).
2. Civil Code of the Russian Federation Article 152.1. Protection of a Citizen's Image \ ConsultantPlus [Electronic resource] – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/14c6c3902cfa17ab26d330b2fd4fae28e5cd059/ (date of access 09.09.2025).
3. Ananyeva Zh.N., Ananyev O.G. Cyberbullying and Legal Protection Measures // Trends in Science and Education Development. 2024. No. 116-3. Pp. 12-16.
4. Will fraudsters be able to use biometrics to access someone else's account - Rossiyskaya Gazeta [Electronic resource] – Access mode: <https://rg.ru/2019/11/12/smogut-li-moshenniki-ispolzovat-biometriu-dlia-dostupa-k-chuzhому-schetu.html> (date of application 09.09.2025).
5. Order of the FSB of Russia dated 10.07.2014 N 378 «On approval of the Composition and Content of organizational and technical measures to ensure the security of personal data during their processing in information systems personal data systems using cryptographic information protection tools necessary to meet the personal data protection requirements established by the Government of the Russian Federation for each of the security levels» | GARANT.vv [Electronic resource] – Access mode: <https://base.garant.ru/70727118/> (date of reference 09.09.2025) (date of reference 09.09.2025).
6. Large-scale Leak from "Public Services": What Information about Russians Got into the Network | NEWS.ru | Zen [Electronic resource] – Access mode: <https://dzen.ru/a/ZQxISqB0NHqkMB> (date of access: 11.09.2025).
7. Article 3. General Provisions \ ConsultantPlus[Electronic resource] – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436110/15f0efd3c8311b53608abd85f9c02157e1457f55/ (accessed on 11.09.2025).
8. Ananyeva E.O. The Use of Cookies in the Activities of the Federal Penitentiary Service of Russia // Agrarian and Land Law. 2023. No. 12 (228). Pp. 133-135.

ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА THE IMPORTANCE OF JUDICIAL PRACTICE FOR THE DEVELOPMENT OF CIVIL LAW

ХАБИЕВА Заира Докуевна,

доцент кафедры гражданского права и процесса
Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова.
364024, Россия, Чеченская республика, г. Грозный, ул. А. Шерипова д. 32.
E-mail: xabieva.zaira@bk.ru;

KHABIEVA Zaira Dokuevna,

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
Chechen State University named after A. A. Kadyrov.
364024, Chechen Republic, Grozny, A. Sheripova Street, 32.
E-mail: xabieva.zaira@bk.ru

Краткая аннотация. Настоящая статья посвящена теоретическому осмыслению роли судебной практики как самостоятельного фактора развития гражданского права Российской Федерации. Цель исследования – раскрыть механизм влияния правовых позиций высших судебных инстанций на эволюцию гражданско-правовых институтов и определить перспективы их институционализации в системе источников права. Методологическую основу составили формально-юридический и сравнительно-правовой методы, анализ нормативных актов (Конституция РФ, ГК РФ, процессуальные кодексы), постановлений Пленума Верховного Суда и обзоров судебной практики. Научная новизна работы заключается в комплексной оценке судебной практики как динамического источника гражданского права при сохранении приоритета закона, что позволяет уточнить границы судебного усмотрения и предложить направления реформ, обеспечивающие предсказуемость и устойчивость гражданского оборота.

Abstract: This article is devoted to the theoretical understanding of the role of judicial practice as an independent factor in the development of civil law in the Russian Federation. The purpose of the study is to reveal the mechanism of influence of the legal positions of the highest judicial authorities on the evolution of civil law institutions and to determine the prospects for their institutionalization in the system of sources of law. The methodological framework includes formal legal and comparative legal methods, as well as the analysis of regulatory acts (the Constitution of the Russian Federation, the Civil Code of the Russian Federation, and procedural codes), resolutions of the Plenum of the Supreme Court, and reviews of judicial practice. The scientific novelty of the work lies in the comprehensive assessment of judicial practice as a dynamic source of civil law, while maintaining the priority of the law, which allows us to clarify the boundaries of judicial discretion and propose directions for reforms that ensure the predictability and stability of civil circulation.

Ключевые слова: судебная практика, гражданское право, правовые позиции, Верховный Суд РФ, Пленум, источники права, аналогия закона.

Keywords: judicial practice, civil law, legal positions, Supreme Court of the Russian Federation, Plenum, sources of law, legal analogy.

Для цитирования: Хабиева З.Д. Значение судебной практики для развития гражданского права // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 333-335. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_333.

For citation: Khabieva Z.D. The importance of judicial practice for the development of civil law // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 333-335. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_333.

Статья поступила в редакцию: 16.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Введение. В условиях эволюции частноправового регулирования судебная практика выступает ключевым механизмом конкретизации и развития гражданско-правовых норм: через толкование, преодоление пробелов посредством аналогии закона и аналогии права, а также обеспечение правовой определённости и единообразия правоприменения (ст. 1 и ст. 6 ГК РФ). Доктрина подтверждает возрастающее значение актов высших судебных инстанций: Е.А. Суханов выделяет их в числе источников гражданского права, подчеркивая их роль в стабилизации оборота. Фундаментальные труды М.И. Брагинского и В.В. Витрянского показывают, как систематизированные правовые позиции судов по договорным вопросам формируют устойчивые подходы к свободе договора, ответственности и обеспечительным мерам. В.Ф. Яковлев указывал, что судебная практика «вынуждена» восполнять пробелы, тем самым воздействуя на эволюцию институтов частного права. Институционально этот процесс закреплён полномочиями Пленума Верховного Суда по разъяснению вопросов судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства; вместе с тем в литературе сохраняется дискуссия о границах судебного правотворчества и соотношении разъяснений с законом и доктриной, что определяет предмет и новизну настоящего исследования.

Теоретико-правовые основы взаимодействия судебной практики и гражданского права опираются на конституционно и законодательно закреплённую модель судебной власти и источников гражданского регулирования. Верховный Суд Российской Федерации признан высшим судебным органом по гражданским делам и экономическим спорам; через кассационные, апелляционные и надзорные полномочия он обеспечивает единообразие правоприменения в целях защиты прав участников гражданского оборота [6, с. 106].

В гражданско-правовой плоскости отправная точка – общие начала и принципы, изложенные в статье 1 Гражданского кодекса: равенство участников, свобода договора, неприкосновенность собственности, судебная защита. Именно эти начала задают рамки для толкования и конкретизации норм при разрешении дел и формировании правовых позиций судов. Суд не только применяет норму, но и устраняет пробелы посредством аналогии закона и аналогии права, руководствуясь требованиями добросовестности, разумности и справедливости (статья 6 ГК РФ). Эти инструменты прямо легитимируют правотворческий по форме и интерпретационный по сути вклад судебной практики в развитие институтов частного права.

Институциональные формы воздействия судебной практики включают постановления Пленума Верховного Суда и обзоры судебной

практики, утверждаемые Президиумом. Пленум, действуя в пределах компетенции, даёт разъяснения по вопросам судебной практики для обеспечения единообразного применения законодательства; обзоры аккумулируют правовые позиции и ориентируют нижестоящие суды и участников оборота. Показательно Постановление Пленума от 23 июня 2015 г. № 25 о применении положений раздела I части первой ГК РФ, в котором системно истолкованы базовые категории частного права и алгоритмы их применения судами. Тем самым разъяснения Пленума служат «точками кристаллизации» для выработки единых подходов по ключевым вопросам [3, с. 374].

Взаимодействие судебной практики и гражданского права имеет и процессуальное измерение. Эффект преюдиции закреплён в процессуальных кодексах: обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным постановлением (или актом арбитражного суда), не доказываются вновь и обязательны для суда при рассмотрении другого дела с участием тех же лиц. Это обеспечивает стабильность и предсказуемость оборота, препятствуя разнотолку фактов и стимулируя последовательность правоприменения.

В научной доктрине закрепились мысли о возрастании роли судебных актов высших судебных инстанций в системе источников гражданского права. В трудах Е.А. Суханова среди форм выражения гражданско-правовых предписаний специально выделены акты высших органов судебной власти как ориентиры для правоприменения. М.И. Брагинский и В.В. Витрянский показывают, что систематизированные правовые позиции по вопросам договорного права фактически формируют устойчивые подходы к свободе договора, обеспечительным мерам и ответственности, то есть влияют на эволюцию ключевых институтов частного права. В.Ф. Яковлев подчёркивал неизбежность «дополняющего» воздействия судебной практики на законодательство в целях устранения пробелов и коллизий, что обосновывает её конструктивную роль в развитии частного правового матери.

При этом границы судебного усмотрения очерчены верховенством закона: разъяснения не создают новых норм, а раскрывают содержание действующих, будучи направленными на их единообразное применение. Конструкции аналогии закона и права, общие начала (добросовестность, разумность, справедливость) и процессуальные механизмы преюдиции образуют нормативный «каркас», в рамках которого судебная практика аккумулирует и транслирует правовые позиции, играя системообразующую роль в развитии гражданского права без подмены законодателя [9, с. 52].

Судебная практика в российской правовой системе выступает не только инструментом единообразного правоприменения, но и фактором эволюции гражданско-правовых институтов. Общие начала (равенство участников, свобода договора, неприкосновенность собственности, обеспечение судебной защиты) и механизмы аналогии закона и права определяют рамки, в которых формируются и транслируются правовые позиции, конкретизирующие содержание норм и устраняющие пробелы регулирования. Именно через разъяснения высших судебных инстанций абстрактные принципы обретают прикладное значение для оборота.

Наиболее заметно влияние судебной практики на обязательственное право. Постановление Пленума Верховного Суда от 24 марта 2016 г. № 7 систематизировало ответы на ключевые вопросы ответственности: пределы убытков и их состав (включая возмещение потерь по статье 406.1 ГК РФ), условия и пределы начисления процентов по статье 395, коррекцию чрезмерной неустойки по статье 333, последствия прекращения договора для убытков (статья 393.1), а также преддоговорную ответственность за недобросовестные переговоры (статья 434.1). Эти разъяснения выстроили предсказуемые критерии для соразмерности гражданско-правовой ответственности, разграничили компенсационную и штрафную функции, задали подходы к оценке причинной связи и разумной предвидимости убытков, тем самым стабилизировав договорный оборот.

Во вещном праве судебная практика наполнила содержанием традиционные конструкции виндикации и негаторного иска, в том числе через совместное Постановление Пленумов № 10/22 от 29 апреля 2010 г. (в ред. 12.12.2023). Уточнены критерии добросовестности приобретателя, соотношение виндикации и реституции, распределение бремени доказывания, а также значение обстоятельств выбытия вещи из владения собственника помимо его воли (статья 302 ГК РФ). Консолидированные позиции позволили снять противоречия между судами при оценке возмездности, осмотрительности приобретателя и правомерности происхождения титула, укрепив баланс интересов оборота и собственника [2, с. 90].

Сквозной «унитаризирующей» категорией стала добросовестность и запрет злоупотребления правом. Через применение статьи 10 ГК РФ и разъяснения Пленума № 25 от 23 июня 2015 г. суды выработали стандарты поведения участников оборота, исходя из модели «разумного и добросовестного участника», а также презумпции добросовестности и разумности до опровержения. Такая доктрина служит фильтром против действий в обход закона, формального использования права вопреки его назначению и т.п., что оказывает дисциплинирующее воздействие на частноправовые связи и предотвращает деформацию институтов.

Важной формой кодификации и распространения правовых позиций являются обзоры судебной практики Президиума Верховного Суда. Регулярные обзоры агрегируют выводы по разнообразным категориям гражданских споров (договорные, вещные, корпоративные, наследственные), демонстрируют развитие правовых подходов и оперативно реагируют на новые модели поведения в обороте. Их постоянное обновление поддерживает актуальность методологических ориентиров для правоприменителя и участников частноправовых отношений, что прямо влияет на стабильность и предсказуемость гражданского оборота.

Институционализация судебной практики в гражданском праве предполагает закрепление её роли и процедур в системе источников и механизмах правоприменения. Конституционная основа такова: Верховный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом и даёт разъяснения по вопросам судебной практики; эти полномочия конкретизируются федеральным конституционным законодательством, устанавливающим структуру и порядок деятельности Пленума и Президиума Верховного Суда. Тем самым создаётся организационно-правовой кар-

кас для формирования и трансляции правовых позиций, обеспечивающих единообразие применения гражданского законодательства.

Главная проблематика институционализации связана с двойственной природой разъяснений: с одной стороны, они ориентируют суды и участников оборота, с другой – формально не являются нормативными правовыми актами и не могут подменять законодателя. В доктрине подчёркивается разъяснительный, а не правотворческий характер постановлений Пленума; вместе с тем на практике их влияние приближается к прецедентному, что порождает дискуссии о пределах судебного усмотрения и рисках «скрытого нормотворчества». Нужен чёткий баланс между верховенством закона и необходимостью оперативно устранять пробелы и коллизии [1, с. 102].

Существенным шагом к институционализации стало прямое включение в процессуальные кодексы последствий изменения практики высшего суда. Так, пересмотр вступивших в силу судебных постановлений допускается по «новым обстоятельствам» при определении (изменении) практики применения нормы именно в постановлениях Пленума или Президиума Верховного Суда; позиция судебных коллегий такого эффекта не имеет. Эта конструкция одновременно признаёт системообразующую роль разъяснений и ограждает от произвольного пересмотра по частным актам. Она укрепляет правовую определённости, задавая «процессуальный шлюз» для обновления практики.

Отдельное измерение – недопустимость ретроактивного ухудшения положения лица за счёт последующего изменения подходов. Конституционный Суд указывал, что пересмотр по основанию «изменение практики» не должен нарушать принципы правовой определённости и доверия к правосудию; тем более определение судебной коллегии Верховного Суда не может служить основанием для пересмотра как не обладающее окончательностью. Эти ориентиры сдерживают негативную обратную силу судебных новелл и дисциплинируют механизм обновления правопорядка через практику.

Структурные реформы также поддержали институт судебной практики: объединение высших судов в 2014 году и последующее создание самостоятельных апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции на постоянной территориальной основе призваны усилить единообразие и фильтрацию правовых позиций на ранних стадиях пересмотра. Централизация и многоуровневость обеспечивают более стабильную циркуляцию правовых ориентиров от Верховного Суда к нижестоящим инстанциям и обратно.

Перспективы – в «тонкой настройке» статуса и оборота правовых позиций. Во-первых, требуется нормативное уточнение места обзоров судебной практики и их учёта судами, что повысит предсказуемость и сократит разнотолкование. Во-вторых, регулярные обзоры Верховного Суда уже выступают каналом оперативной кодификации подходов; их системность и публичность должны сохраняться и расширяться. В-третьих, цифровая инфраструктура (государственные банки судебных актов и картотеки) – необходимое условие транспарентности и воспроизводимости единообразия: открытая публикация актов облегчает выявление устойчивых позиций и контроль за отклонениями. Наконец, внутренние регламенты Пленума и прозрачные процедуры подготовки разъяснений повышают легитимность практики. Все эти элементы в совокупности переводят судебную практику из разрозненного массива решений в устойчивый институт развития гражданского права при безусловном приоритете закона.

Заключение. Таким образом, судебная практика в современной модели частноправового регулирования выступает системным фактором развития гражданско-правовых институтов: через толкование и конкретизацию норм, преодоление пробелов посредством аналогии закона и аналогии права, а также обеспечение единообразия правоприменения. Правовые позиции высших судебных инстанций – прежде всего разъяснения Пленума Верховного Суда и обзоры судебной практики – укрепляют правовую определённости, формируют предсказуемые стандарты поведения участников оборота и согласуют баланс частных и публичных интересов. Одновременно соблюдается верховенство закона: судебная практика не подменяет законодателя, а раскрывает содержание действующих предписаний, опираясь на начала добросовестности, разумности и справедливости. Институционализация этой роли требует дальнейшего нормативного уточнения статуса обзоров, прозрачных процедур подготовки разъяснений и развития открытой цифровой инфраструктуры судебных актов.

Список литературы:

1. Ахмедов А. Я. Непоименованные договоры в гражданском праве России: монография. – Москва: Проспект, 2025. – 248 с.
2. Беляева О. А., Ганичева Е. С., Зайцев О. А. и др.; отв. ред. К. Б. Ярошенко. Комментарий судебной практики. Вып. 29. – Москва: Инфотропик Медиа, 2023. – 216 с.
3. Беспалов Ю. Ф. (отв. ред.). Гражданское право Российской Федерации: общая часть. Учебник. – Москва: Проспект, 2024. – 656 с.
4. Бирюков И. И., Ганичева Е. С., Зайцев О. А. и др.; отв. ред. К. Б. Ярошенко. Комментарий судебной практики. Вып. 30. – Москва: ИЗиСП, 2025. – 172 с.
5. Богданов Д. Е. Справедливость как основное начало гражданско-правовой ответственности в российском и зарубежном праве: монография. – Москва: Проспект, 2022. – 320 с.
6. Гаймалева А. Т. Гражданско-правовая охрана интереса должника в договорном обязательстве: монография. – Москва: Проспект, 2025. – 312 с.
7. Гальперин М. Л. Ответственность в гражданском судопроизводстве: монография. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2021. – 196 с.
8. Комментарий судебной практики. Вып. 28 / М. М. Вильданова, Е. А. Галиновская, Е. С. Ганичева и др.; отв. ред. К. Б. Ярошенко. – Москва: Инфотропик Медиа, 2023. – 284 с.
9. Морозова Н. А. Судебная практика по гражданским и административным делам: формирование и использование. Практическое пособие. – Москва: Проспект, 2024. – 240 с.

References:

1. Akhmedov, A. Ya. Unnamed Contracts in Russian Civil Law: A Monograph. Moscow: Prospekt, 2025. 248 p.
2. Belyaeva, O. A., Ganicheva, E. S., Zaitsev, O. A., et al.; ed. by K. B. Yaroshenko. Commentary on Judicial Practice. Issue 29. Moscow: Infotropic Media, 2023. 216 p.
3. Bespalov Yu. F. (ed.). Civil Law of the Russian Federation: General Part. Textbook. – Moscow: Prospekt, 2024. – 656 p.
4. Biryukov I. I., Ganicheva E. S., Zaitsev O. A., et al.; ed. by K. B. Yaroshenko. Commentary on Judicial Practice. Issue 30. – Moscow: IzisP, 2025. – 172 p.
5. Bogdanov D. E. Justice as the Basic Principle of Civil Liability in Russian and Foreign Law: A Monograph. – Moscow: Prospekt, 2022. – 320 p.
6. Gaimaleeva A. T. Civil Liability Protection of the Debtor's Interest in a Contractual Obligation: A Monograph. – Moscow: Prospekt, 2025. – 312 p.
7. Halperin M. L. Liability in Civil Proceedings: A Monograph. 2nd edition, revised and expanded. Moscow: Yurayt, 2021. – 196 p.
8. Commentary on Judicial Practice. Issue 28 / M. M. Vildanova, E. A. Galinovskaya, E. S. Ganicheva, et al.; ed. by K. B. Yaroshenko. Moscow: Infotropic Media, 2023. – 284 p.
9. Morozova N. A. Judicial Practice in Civil and Administrative Cases: Formation and Use. A Practical Guide. – Moscow: Prospekt, 2024. – 240 p.

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ В ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ CONSCIENTIOUSNESS AND ABUSE OF LAW IN CIVIL LAW RELATIONS

ВИЦИЕВА Малика Исаевна,

Ассистент преподаватель кафедры «Гражданское право и процесс»
Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова.
364024, Россия, Чеченская республика, г. Грозный, ул. А. Шерипова, д. 32.
E-mail: Vitsiyeva83@mail.ru;

VITSIEVA Malika Isaevna,

Assistant Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure
Chechen State University named after A. A. Kadyrov.
364024, Chechen Republic, Grozny, A. Sheripova Street, 32.
E-mail: Vitsiyeva83@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена теоретико-правовому осмыслению добросовестности как общего начала гражданского законодательства и института злоупотребления правом как охранительного механизма пределов осуществления субъективных прав. Раскрываются содержание и функции принципа добросовестности (регулятивная, охранительная, интерпретационная), формулируются критерии разграничения правомерного поведения и злоупотребления (назначение права, баланс интересов, модель поведения разумного участника оборота, презумпция добросовестности). Анализируются правовые последствия установления недобросовестности: отказ в судебной защите, корректировка прав и обязанностей, перераспределение процессуальных рисков и расходов. Обосновывается необходимость функционального толкования и активной роли суда при выявлении очевидной недобросовестности для обеспечения стабильности и предсказуемости гражданского оборота.

Abstract. The article is devoted to the theoretical and legal understanding of good faith as a general principle of civil legislation and the institution of abuse of rights as a protective mechanism for the limits of the exercise of subjective rights. The content and functions of the principle of good faith (regulatory, protective, and interpretative) are revealed, and the criteria for distinguishing between legal behavior and abuse are formulated (the purpose of the right, the balance of interests, the model of behavior of a reasonable participant in the turnover, and the presumption of good faith). The legal consequences of establishing bad faith are analyzed: denial of judicial protection, adjustment of rights and obligations, and redistribution of procedural risks and expenses. The necessity of functional interpretation and the active role of the court in identifying obvious dishonesty is substantiated in order to ensure the stability and predictability of civil circulation.

Ключевые слова: добросовестность, злоупотребление правом, пределы осуществления гражданских прав, гражданские права.

Keywords: good faith, abuse of right, the limits of the exercise of civil rights, civil rights.

Для цитирования: Вицьева М.И. Добросовестность и злоупотребление правом в гражданских правоотношениях // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 336-338. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_336.

For citation: Vitsieva M.I. Conscientiousness and abuse of law in civil law relations // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 336-338. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_336.

Статья поступила в редакцию: 22.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Введение. В условиях усиления приватноправового регулирования и усложнения гражданского оборота принцип добросовестности приобретает значение общего начала, пронизывающего установление, осуществление и защиту гражданских прав и исполнение обязанностей, — что прямо закреплено в пункте 3 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации. Одновременно законодатель проводит пределы осуществления субъективных прав, запрещая действия с намерением причинить вред, обход закона с противоправной целью и иные формы заведомо недобросовестного поведения, квалифицируемые как злоупотребление правом (статья 10 ГК РФ). Правоприменительная практика высших судебных инстанций конкретизирует указанные положения, разрешая судам выявлять недобросовестность как по заявлению стороны, так и по собственной инициативе при очевидном отклонении поведения участника оборота от требуемого стандарта, что подтверждено разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью согласования свободы договора с пределами осуществления гражданских прав, уточнения критериев разграничения правомерного поведения и злоупотребления, а также выработки единых подходов к последствиям констатации недобросовестности, включая отказ в судебной защите и иные меры гражданско-правовой ответственности.

Добросовестность занимает место общего начала гражданского законодательства и выступает системообразующим критерием правомерного поведения участников оборота. Законодатель прямо закрепляет требование добросовестности при установлении, осуществлении и защите гражданских прав, а также при исполнении гражданских обязанностей, что придаёт принципу нормативную силу и позволяет использовать его как меру допустимого поведения и как инструмент корректировки частной автономии. В обязательственном праве данный принцип конкретизируется: стороны обязаны действовать добросовестно на всех стадиях обязательства, учитывая права и законные интересы друг друга, оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства и предоставляя необходимую информацию. Это придаёт добросовестности содержательное наполнение в виде обязанности кооперации и информационной открытости [3, с. 132].

Правоприменитель исходит из презумпции добросовестности и разумности поведения лиц до опровержения. При оценке действий как добросовестных либо недобросовестных судам надлежит ориентироваться на поведение, ожидаемое от обычного участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы контрагента и содействующего ему, в том числе в получении информации. Эти ориентиры закреплены в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации и служат методологической основой для квалификации спорных ситуаций.

Функции принципа добросовестности многоплановы.

Во-первых, регулятивная функция проявляется как общая обязанность действовать лояльно и разумно, воздерживаясь от поведения, способного причинить необоснованный ущерб интересам другой стороны, и исполняя обязательства в соответствии с их целью, предметом и

обычаями делового оборота. Она материализуется в согласовании существенных условий, своевременном раскрытии значимой информации, соблюдении порядка уведомлений, содействии контрагенту в достижении законной цели договора. Презумпция добросовестности дополняется запретом противоречивого поведения: лицо не вправе ссылаться на собственные ранее сформированные ожидания и одновременно действовать вопреки им, извлекая выгоду из созданной им же неопределённости. В практическом плане регулятивная функция выражается в выборе надлежащего способа исполнения, поддержании минимальных стандартов качества, соблюдении разумных сроков, а также в корректной организации взаимодействия с привлечёнными лицами, чьи действия приравниваются к поведению должника.

Во-вторых, охранительная функция проявляется через установленные законом пределы осуществления гражданских прав: законодатель прямо запрещает заведомо недобросовестное осуществление права (злоупотребление), включая действия с намерением причинить вред, создание формальных конструкций для обхода императивных норм, искусственное утяжеление положения контрагента и иные противоправные цели. Выявление такого поведения ведёт к отказу в судебной защите, применению мер ответственности и лишению недобросовестного лица преимуществ процессуального характера. К неблагоприятным последствиям относятся взыскание убытков и неустойки, снижение чрезмерной санкции, признание недействительности условия или сделки, отказ в удовлетворении требования о расторжении при очевидной недобросовестности, особое распределение судебных расходов и сдвиг бремени доказывания. Тем самым добросовестность задаёт нормативную рамку, в пределах которой свобода договора реализуется как свобода, сопряжённая с риском и обязанностью учитывать оправданные ожидания другой стороны, а также публичные интересы устойчивости оборота.

В-третьих, интерпретационная функция позволяет наполнять оценочные понятия конкретным содержанием с учётом контекста: через стандарты честного, открытого и конструктивного поведения суды формируют объективный критерий, соотносимый с типичными обстоятельствами и оправданными ожиданиями правопорядка. Добросовестность направляет толкование таких категорий, как «разумный срок», «соразмерность», «существенное нарушение», «обычные условия», «рыночная цена», «надлежащее уведомление», «разумные расходы». При этом учитываются характер сделки, распределение рисков, профессиональный статус сторон, сложившаяся практика взаимодействия, типовые правила соответствующей отрасли. Интерпретационная функция служит инструментом судебного усмотрения для корректировки дисбаланса, предотвращения оппортунистического поведения и согласования частной автономии с требованиями справедливости и предсказуемости, обеспечивая устойчивость договорного оборота и единообразие правоприменения.

Злоупотребление правом в гражданских правоотношениях представляет собой заведомо недобросовестное осуществление субъективного права, выражающееся, в частности, в действиях исключительно с намерением причинить вред другому лицу, в обходе закона с противоправной целью либо в иных формах недопустимого поведения. Нормативной основой запрета выступает статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, устанавливающая пределы осуществления гражданских прав и возлагающая на участников оборота обязанность воздерживаться от использования права вопреки его функции и назначению [7, с. 91].

Понятие злоупотребления правом раскрывается через объективный критерий добросовестности, являющийся общим началом гражданского законодательства (пункт 3 статьи 1 ГК РФ): реализация частной автономии допустима лишь постольку, поскольку она не вступает в противоречие с требованиями добросовестности и разумности. Следовательно, поведение, формально соответствующее букве закона, но противоречащее его цели и нарушающее баланс интересов, подлежит квалификации как злоупотребление [2, с. 190].

К признакам злоупотребления относятся: а) целевая направленность поведения на причинение вреда контрагенту либо третьим лицам; б) использование права в обход императивных норм и запретов с достижением противоправного результата; в) несоответствие действий стандарту поведения добросовестного и разумного участника оборота, оцениваемому судом с учётом назначения права, обстоятельств заключения и исполнения обязательства, обычаев и ожиданий правопорядка. Дополнительно в качестве индикаторов рассматриваются: г) явная несоразмерность избранного способа осуществления права заявленной цели (например, использование расторжения вместо устранения незначительного нарушения при очевидном стремлении извлечь одностороннюю выгоду); д) противоречивое поведение (запрет «двойной позиции»): сторона не вправе ссылаться на обстоятельства, создавшие у контрагента оправданные ожидания, и одновременно действовать вопреки им; е) уклонение от сотрудничества и нарушения обязанности содействия (непредоставление информации, документов, доступа к объекту, затягивание согласований); ж) искусственное формирование просрочки, навязывание заведомо невыполнимых сроков, необоснованный отказ в приёме или возврат исполненного без объективных причин.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации указывает, что при оценке поведения суд исходит из модели поведения, ожидаемой от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны и содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации; добросовестность и разумность предполагаются до опровержения. При этом суд даёт комплексную оценку всем обстоятельствам: преддоговорным контактам и переписке, распределению рисков и профессиональному статусу сторон, практике их взаимодействия, обычаям соответствующей сферы, характеру нарушения и его влиянию на интерес кредитора, разумности понесённых расходов и предпринимаемых мер по минимизации убытков. Бремя доказывания недобросовестности в общем случае несёт лицо, ссылающееся на злоупотребление; вместе с тем при явной асимметрии доступа к доказательствам суд вправе учитывать непредставление стороной необходимых документов и объяснений как неблагоприятный для неё фактор. Последствия установления злоупотребления выходят за рамки простого отказа в иске: возможны отказ в судебной защите избранным способом, признание условия или сделки недействительными, взыскание убытков, снижение явно несоразмерной неустойки, перераспределение судебных расходов, а также игнорирование ссылок стороны на формальные положения договора, если они используются вопреки назначению права и принципу добросовестности.

Правовые последствия установления злоупотребления многоплановы и носят охранительный характер. Главным последствием явля-

ется отказ в судебной защите полностью либо частично, в том числе отказ в удовлетворении иска, применении мер ответственности, признание недействительными односторонних действий, а также непринятие судом доказательств, полученных с нарушением стандарта добросовестности. Подборки правовых позиций и разъяснения указывают, что при выявлении злоупотребления суд вправе применить конструкцию ничтожности соответствующего волеизъявления на основании пункта 2 статьи 10 и пункта 2 статьи 168 ГК РФ [6, с. 182].

Кроме того, выявление злоупотребления может повлечь перераспределение процессуальных рисков и расходов, отказ в защите отдельных правомочий при сохранении обязательства в остальной части и иные корректирующие меры, направленные на восстановление эквilibрия интересов сторон и укрепление стабильности оборота. В совокупности нормы статьи 10 и разъяснения Пленума формируют универсальный фильтр правомерности поведения, обеспечивающий согласование свободы договора с пределами её осуществления и исключающий извлечение преимущества из собственного недобросовестного поведения.

Соотношение принципа добросовестности и института злоупотребления правом носит системный характер: первый выполняет регулятивную и оценочную функцию, задавая позитивный стандарт поведения участника оборота, второй — охранительную, выступая санкционной формой реакции правопорядка на отклонение от этого стандарта. Закрепляя добросовестность в качестве общего начала гражданского законодательства, законодатель предписывает учитывать её при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении обязанностей (п. 3 ст. 1 ГК РФ). Тем самым добросовестность становится мерилем допустимого осуществления частной автономии и критерием правомерности поведения [10, с. 157].

Институт злоупотребления правом конкретизирует пределы осуществления субъективных прав: запрещаются действия исключительно с намерением причинить вред, обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав; установлен общий правовой эффект — отказ в судебной защите (ст. 10 ГК РФ). Следовательно, злоупотребление — это отрицательная оценка поведения через призму принципа добросовестности, выраженная в специальных правовых последствиях.

Правоприменительная связь указанных конструкций проявляется в стандарте проверки поведения. Пленум Верховного Суда разъяснил, что при оценке действий как добросовестных или недобросовестных суд исходит из модели поведения, ожидаемой от любого участника оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны и содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации; добросовестность и разумность предполагаются до опровержения (п. 1). Это превращает принцип добросовестности в объективный критерий и одновременно в процессуальный ориентир распределения бремени доказывания при споре о злоупотреблении. При этом суд не связан пассивностью сторон: обстоятельства, явно свидетельствующие о недобросовестном поведении, подлежат вынесению на обсуждение по инициативе суда, что обеспечивает эффективное пресечение злоупотреблений и формирует единый стандарт поведения участников частноправовых отношений.

Добросовестность и злоупотребление правом соотносятся как норма-стандарт и норма-ограничитель. Первая направляет интерпретацию и восполняет пробелы (в том числе при толковании условий договора и применении обычаев), вторая — «отсекает» формально корректные, но функционально отклоняющиеся действия и запускает защитные механизмы: отказ в иске, признание недействительности волеизъявления, перераспределение процессуальных рисков и расходов, иные меры, соразмерные нарушению.

Заключение. Итак, добросовестность выступает сквозным регулятивным стандартом гражданского права, определяющим пределы осуществления частной автономии и наполняющим оценочные категории конкретным содержанием. Институт злоупотребления правом — охранительный «фильтр», через который правоприменитель выявляет отклонение от требуемого стандарта и применяет соразмерные последствия: отказ в судебной защите, корректировку прав и обязанностей, перераспределение процессуальных рисков и расходов. Ключевыми ориентирами остаются назначение субъективного права, баланс интересов, модель поведения разумного участника оборота и презумпция добросовестности до её опровержения. Эффективное согласование свободы договора с её пределами требует последовательного использования критериев соразмерности и функционального толкования, активной роли суда при выявлении очевидной недобросовестности и учёта обязанности кооперации и информационной открытости на всех стадиях обязательства.

Список литературы:

1. Белов В. А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права // Законодательство. — 1998. — № 8. — С. 49–52.
2. Богданова Е. Е. Принцип добросовестности и эволюция защиты гражданских прав в договорных отношениях: монография. — Москва: Юрлитинформ, 2014. — 339 с.
3. Вердиян Г. В. Добросовестность как общий принцип права: монография. — Москва: Юркомпани, 2013. — 248 с.
4. Дерюгина Т. В. Пределы осуществления гражданских прав: монография. — Москва: Зерцало-М, 2010. — 248 с.
5. Емельянов В. И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. — Москва: Лекс-Книга, 2002. — 160 с.
6. Лугманов Р. Р. Информационные обязанности, вытекающие из принципа добросовестности: правовой и экономический анализ: монография. — Москва: М-Логос, 2022. — 293 с.
7. Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование): монография. — Москва: Юрлитинформ, 2007. — 352 с.
8. Матанцев Д. А. Категория злоупотребления правом в гражданском и семейном законодательстве и цивилистической доктрине России: монография. — Москва: Юрлитинформ, 2013. — 189 с.
9. Нам К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики: монография. — Москва: Статут, 2022. — 388 с.
10. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. — Москва: Статут, 2020. — 351 с.

References:

1. Belov, V. A. Good faith, reasonableness, and justice as principles of civil law // Legislation. — 1998. — No. 8. — Pp. 49–52.
2. Bogdanova, E. E. The principle of good faith and the evolution of the protection of civil rights in contractual relations: a monograph. — Moscow: Yurilitinform, 2014. — 339 p.
3. Verdyan, G. V. Good faith as a general principle of law: a monograph. — Moscow: Yurkompani, 2013. — 248 p.
4. Deryugina T. V. Limits of the Exercise of Civil Rights: Monograph. — Moscow: Zertsalo-M, 2010. — 248 p.
5. Emelyanov V. I. Reasonableness, Good Faith, and Non-Abuse of Civil Rights. — Moscow: Leks-Kniga, 2002. — 160 p.
6. Lugmanov R. R. Information Obligations Derived from the Principle of Good Faith: Legal and Economic Analysis: Monograph. — Moscow: M-Logos, 2022. — 293 p.
7. Malinovsky A. A. Abuse of Subjective Rights (A Theoretical and Legal Study): Monograph. — Moscow: Yurilitinform, 2007. — 352 p.
8. Matantsev D. A. The category of abuse of right in civil and family legislation and civil law doctrine of Russia: monograph. — Moscow: Yurilitinform, 2013. — 189 p.
9. Nam K. V. The principle of good faith: development, system, problems of theory and practice: monograph. — Moscow: Statut, 2022. — 388 p.
10. Pokrovsky I. A. The main problems of civil law. — Moscow: Statut, 2020. — 351 p.

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ЗАЩИТЫ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ BASIC MODELS OF ELECTORAL RIGHTS PROTECTION IN FOREIGN COUNTRIES

ОГНЕВА Ксения Олеговна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства
Московского государственного юридического университета (МГЮА им. О.Е. Кутафина).

123242, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 1.

E-mail: samadha@yandex.ru;

OGNEVA Ksenia Olegovna,

PhD (Law), Associate Professor of the Department of Civil and Administrative Proceedings
at the Moscow State Law University (Kutafin Moscow State Law University).

123242, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9, building 1.

E-mail: samadha@yandex.ru

Краткая аннотация. Дела о защите избирательных прав всегда имеют не только политическую, но и социальную значимость, поэтому находятся в сфере повышенного внимания. В Российской Федерации законом предусмотрены административный и судебный порядок такой защиты. В статье предпринята попытка изучить способы разрешения электоральных споров в иностранных государствах с целью выявления их специфических особенностей.

Abstract. Cases on the protection of electoral rights always have not only political but also social significance, therefore they are in the sphere of increased attention. In the Russian Federation, the law provides for administrative and judicial procedures for such protection. The article attempts to study the ways of resolving electoral disputes in foreign countries in order to identify their specific features.

Ключевые слова: защита избирательных прав, судебный порядок, административный порядок, смешанный порядок, суд, специализированный суд, трибунал.

Keywords: protection of electoral rights, judicial procedure, administrative procedure, mixed procedure, court, specialized court, tribunal.

Для цитирования: Огнева К.О. Основные модели защиты избирательных прав в зарубежных странах // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 339-341. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_339.

For citation: Ogneva K.O. Basic models of electoral rights protection in foreign countries // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 339-341. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_339.

Статья поступила в редакцию: 09.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Основным способом защиты избирательных прав в случае их нарушения или угрозы нарушения является подача соответствующей жалобы в порядке, предусмотренном законом.

Нельзя не согласиться с утверждением К. Цвайгерта и Х. Кетца, полагавшими, что «правовые исследования приобретают по-настоящему научный характер только тогда, когда поднимаются выше исследования любой национальной системы» [1, с. 11]. Развивая эту мысль, позволим себе отметить, что исследование законодательного регулирования схожих правоотношений в зарубежных странах позволяет более полно изучить рассматриваемый объект познания, а также сделать выводы, направленные на дальнейшее совершенствование действующих отечественных механизмов.

В современных национальных порядках компетенция в сфере защиты избирательных прав может передаваться различным органам власти. В частности, электоральные споры могут относиться к ведению парламента (Норвегия, Люксембург, Дания, Словения, Латвия); высшего государственного трибунала или конституционного суда (Болгария, Австрия); специальных судов (Греция, Великобритания); судов общей юрисдикции (Ирландия).

Анализ зарубежного законодательства позволяет выделить 3 основных порядка рассмотрения электоральных споров: административный (Норвегия), судебный (Мальта, Чехия, Словения, Лихтенштейн, Ирландия) и смешанный, предусматривающий возможность защиты избирательных прав в специальных органах и в судах (Македония, Португалия, Швеция, Эстония, Болгария, Австрия).

Административный порядок может предусматривать отнесение компетенции по рассмотрению споров о защите избирательных прав к ведению парламента и избирательных органов (например, Норвегия). В основном такой порядок предполагает обжалование решений и действий (бездействия) органов публичной власти, нарушающих избирательные права, в вышестоящую избирательную комиссию или в специально созданный для этих целей административный орган. В частности, в Норвегии электоральные споры, связанные с правом голоса, рассматриваются избирательными органами и должностными лицами, ответственными за проведение выборов, или Стортингом - национальным парламентом, куда также могут быть обжалованы соответствующие решения избирательных органов и их должностных лиц. При этом избирательным органом, уполномоченным рассматривать жалобы на нарушение избирательных прав является Национальный избирательный комитет [2, с. 245].

В большинстве исследованных правовых порядков закреплена смешанная модель защиты избирательных прав.

Например, в Андорре большинство электоральных споров, включая жалобы о незаконном использовании средств массовой информации при проведении избирательной кампании, нарушений, связанных с предвыборной агитацией и по вопросам регистрации кандидатов рассматривает Избирательный совет. При этом жалобы, связанные с регистрацией граждан в качестве избирателей рассматривают местные органы власти, а жалобы избирателей, поступающие в день голосования, рассматривают участковые избирательные комиссии. Жалоба на решение Избирательного совета и местных органов власти может быть подана в Административную палату Суда справедливости, ни один из трех судей которого не является гражданином Андорры (один судья является гражданином Франции и двое - Испани).

Вместе с тем важно отметить, что обжалование результатов выборов возможно только в судебном порядке. Жалоба на судебные акты Высого суда Андорры по вопросам прав, свобод и законных интересов избирателей, может быть подана в Конституционный Суд Андорры [3, с. 149-150].

В Аргентине защита избирательных прав происходит в Национальной избирательной палате, которая является частью судебной власти, за исключением требований о несогласии с результатами президентских и парламентских выборов, которые рассматриваются политическими органами (собраниями). Окончательное решение о законности выборов принимается политическим органом (собранием) после того, как избирательные комиссии вынесут решение по оспариваемым результатам выборов [4, с. 74].

Также законодательство некоторых стран не предусматривает возможности обжалования результатов выборов главы государства, в то время как результаты выборов в парламент обжалуются (например, Сан-Марино) [5, с. 144].

В Верховный Суд Венгрии может быть обжаловано решение Национального избирательного комитета в течение трех дней со дня его принятия [6, с. 245].

Во Франции жалоба на решение административной комиссии в отношении корректировки и формирования списка избирателей, поданная зарегистрированным избирателем муниципалитета или префекта, рассматривается судом первой инстанции в течение трех суток. Если жалоба, поданная гражданином в день голосования, касается его включения либо исключения из списка избирателей, такое дело должно быть рассмотрено в день поступления заявления. При этом любое решение суда по вопросам защиты избирательных прав может быть обжаловано в высшую судебную инстанцию Франции – Кассационный суд [7, с. 207].

Судебный порядок защиты избирательных прав, предусмотренный в ряде стран, может иметь свои особенности. Речь, прежде всего, о подсудности таких споров. Например, электоральные споры могут быть подсудны непосредственно Конституционному суду государства, судам общей юрисдикции или специализированным избирательным судам (избирательному суду).

Например, в Великобритании для рассмотрения конкретного заявления об оспаривании результатов выборов в местные органы власти или выборов в Парламент создается специальный избирательный суд. После рассмотрения конкретного дела и вынесения решения данный суд прекращает свое существование [8].

В состав суда при оспаривании результатов парламентских выборов входят, работающие по ротации, два судьи Сессионного суда или Высокого суда [9, с. 169-170]. Если оспариваются результаты выборов в местные органы власти в Англии и Уэльсе в качестве уполномоченного для рассмотрения дела судьями назначается опытный барристер [10, с. 59]. При несогласии с результатами выборов в совет в Шотландии дело рассматривается одним или несколькими главными шерифами [11]. Заседание суда проходит в соответствующем районе местного самоуправления или парламентском избирательном округе. Решение избирательного суда может быть обжаловано только по вопросам права. В таких случаях пересмотр осуществляется в порядке судебного надзора Высоким судом или Сессионным судом. По вопросам факта возможность обжалования решения названного суда не предусмотрена [12].

Статьи 58 и 100 Конституции Греции предусматривают, что контроль и судебное разбирательство в отношении парламентских выборов, авторитетность которых подвергнута сомнению с приведением фактов нарушения закона о проведении выборов либо несоответствия их юридическим требованиям, поручается высшему специальному суду. В компетенцию Высшего специального суда входит рассмотрение протестов относительно парламентских выборов, авторитетность которых подвергнута сомнению с приведением фактов нарушения закона о проведении выборов либо несоответствия их юридическим требованиям; вынесение решений о несовместимости функций депутата с занимаемой им должностью и т.д. При этом действующая в данном суде процессуальная процедура определяется особым законом [13].

В Бразилии действуют специализированные электоральные суды. Согласно статье 118 Конституции Бразилии в данную систему входит Высший трибунал по избирательным делам, областные трибуналы по избирательным делам, судьи по избирательным делам, советы по избирательным делам [14].

Главным органом, принимающим решения об осуществлении избирательного процесса и относительно управления, а также выступающим последней инстанцией при наличии разногласий на выборах, является Высший трибунал по избирательным делам.

Решения Высшего избирательного трибунала не подлежат апелляционному обжалованию за исключением случаев их противоречия Конституции, а также если отказано в рассмотрении в порядке процедур *habeas corpus* и *mandados de segurança*.

Решения областных трибуналов по избирательным делам могут быть обжалованы, если они противоречат Конституции или закону, если имеются разногласия в интерпретации закона между двумя и более трибуналами по избирательным делам, если рассматривались вопросы неизбираемости или предоставления полномочий тому, кто избран на федеральных или штатных выборах, если они аннулируют полномочия или постановляют об утрате выборных федеральных или штатных мандатов, если они отказывают в рассмотрении в порядке процедур *habeas corpus*, *mandados de segurança*, *habeas data* и *mandados de injuncanto*.

Областные трибуналы по избирательным делам являются судами первой инстанции по вопросам защиты избирательных прав.

Избирательные комиссии являются специализированными органами, которые создаются только для осуществления электорального процесса. Примечательно, что за 60 дней до выборов областные трибуналы по избирательным делам назначают председателя избирательной комиссии и от двух до четырех граждан, обладающих юридическими знаниями и хорошей репутацией [15, с. 80]. Таким образом, избирательная комиссия находится в тесном взаимодействии с избирательными судами, что способствует более эффективному судебному контролю за электоральным процессом и наглядно демонстрирует действенность системы сдержек и противовесов.

В Мексике высшей судебной инстанцией по рассмотрению жалоб на нарушение избирательных прав, является Федеральный избирательный трибунал. В компетенцию данного суда в том числе входит рассмотрение заявлений об оспаривании результатов выборов, жалоб на нарушения закона, допущенные во время агитации, а также на нарушения активного и пассивного избирательного права. В структуру данного

суда входит Специализированная региональная палата, состоящая из трех судей, Высшая палата, в состав которой входит семь судей по выборам, и пять региональных палат, в каждую из которых включено по три судьи.

Разбирательство дел открытое и сопровождается размещением в открытом доступе видеозаписей судебного заседания, а также публикацией текстов судебных актов, что способствует повышению доверия населения к судебной власти.

Важно отметить, что в 2024 году в Мексике проведена глобальная судебная реформа, в ходе которой в Конституцию страны был внесен ряд поправок. В результате изменений судьи, предварительно отобранные Конгрессом, стали избираться всенародным голосованием на определенный срок с возможностью одного последовательного переизбрания.

Данная реформа прежде всего направлена на борьбу с коррупцией, устранение кумовства в судебной системе и повышение доверия к правосудию, в том числе в сфере защиты электоральных прав.

В Германии действуют одновременно два порядка судебной защиты избирательных прав в зависимости от вида нарушения.

В частности, решения избирательной комиссии в отношении гражданина или избирательного объединения (например, отказ выдать бюллетень) в силу § 35 Федерального закона об административной процедуре рассматриваются как административный акт. В этой связи дела об оспаривании таких актов рассматриваются административными судами [16, с. 42].

Если речь идет о незаконности выборов и допущенном искажении воли избирателей, то такие жалобы рассматриваются Федеральным конституционным судом. В частности, это апелляционные жалобы на решения Бундестага, принятые по итогам проверки законности проведения выборов. Обратиться с жалобой вправе депутат, чья компетенция поставлена под сомнение, а также избиратель, жалоба которого признана Бундестагом необоснованной в случае, если апелляционную жалобу такого избирателя в Конституционный суд поддержат не менее ста избирателей, одна фракция Бундестага либо меньшинство Бундестага, составляющее не менее одной десятой его депутатов (статья 48 Закона о Федеральном конституционном суде) [17].

В ходе предварительного разбирательства Конституционный суд вправе проверить конституционность положений Закона о выборах в Бундестаг, если это требуется для принятия решения о законности самих выборов [18, с. 300].

Таким образом, исследование процессуального порядка рассмотрения споров о защите избирательных прав позволяет сделать вывод о разнообразии законодательных подходов к данному вопросу, которые во многом определяются отношением того или иного государства к определенной правовой семье. Вместе с тем, данный критерий вовсе не свидетельствует об идентичности порядков рассмотрения электоральных споров в странах, принадлежащих к одной правовой семье. Можно утверждать, что основным фактором, повлиявшим на закрепление процессуального порядка, являются национальные особенности, обусловленные в том числе историческим путем развития государства.

Список литературы:

1. Цвайгер К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М., 1995. С. 11.
2. Червонюк В.И. Электоральные споры: порядок разрешения (страноведческий и сравнительно-правовой анализ) // Вестник Московского университета МВД России. № 6. 2023. С. 245.
3. Избирательное законодательство и выборы в современном мире. Вып. 4. М., 2015. С. 149-150.
4. Шидловский А.В. Электоральная юстиция Аргентины // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 1. С. 74.
5. Избирательное законодательство и выборы в современном мире. Вып. 4. М., 2015. С. 144.
6. Червонюк В.И. Электоральные споры: порядок разрешения (страноведческий и сравнительно-правовой анализ) // Вестник Московского университета МВД России. № 6. 2023. С. 245.
7. Современные избирательные системы. Вып. 8. С. 207.
8. Закон о народном представительстве 1983 года // legislation.gov.uk. Национальный архив, 1983 г., гл. 2 (дата обращения 07.09.2025)
9. Энтони Брэдли, Кит Юинг. Конституционное административное право. Лонгман. 2006. С. 169–170.
10. Коллин Пилкингтон. «Политика сегодня» – справочник по Британской Конституции. Издательство Манчестерского университета. 1999. С. 59.
11. Закон о народном представительстве 1983 года // legislation.gov.uk. Национальный архив. 1983 г., гл. 2.
12. Закон о народном представительстве 1983 года // legislation.gov.uk. Национальный архив. 1983 г. № 2. Ст. 144(1), 145(1). (дата обращения: 07.09.2025).
13. <http://worldconstitutions.ru/archives/153>. (дата обращения: 07.09.2025).
14. <https://constitutions.ru/?p=8282&ysclid=meonierfqi462671483> (дата обращения: 07.09.2025).
15. Шидловский А.В. Электоральная юстиция Бразилии // Правовая парадигма. 2021. Т. 20. № 4. С. 80.
16. Кравченко О.А. Немецкий опыт определения достоверности волеизъявления народа // Административное право и практика администрирования. 2024. № 2. С. 42.
17. <https://web.archive.org/web/20150430041938/http://www.iuscomp.org/gla/statutes/BVerfGG.htm#45>. (дата обращения: 07.09.2025).
18. Лейбо Ю.И. Конституционный контроль в Федеративной Республике Германия / Конституционный контроль в зарубежных странах: коллективная монография под ред. Павлова Е.Я., Кремянской Е.А. – М.: МГИМО – Университет. 2015. С. 300.

References.

1. Zweiger K., Ketz H. Introduction to Comparative Law in the Field of Private Law. M., 1995. P. 11.
2. Chervonyuk V.I. Electoral Disputes: Resolution Procedure (Country Studies and Comparative Legal Analysis) // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 6. 2023. P. 245.
3. Electoral Legislation and Elections in the Modern World. Issue 4. Moscow, 2015. Pp. 149-150.
4. Shidlovsky, A.V. Electoral Justice in Argentina. Bulletin of the Moscow State Regional University. 2022. No. 1. P. 74.
5. Electoral Legislation and Elections in the Modern World. Issue 4. Moscow, 2015. P. 144.
6. Chervonyuk V.I. Electoral Disputes: Resolution Procedure (Country Studies and Comparative Legal Analysis) // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 6. 2023. P. 245.
7. Modern Electoral Systems. Issue 8. P. 207.
8. The People's Representation Act of 1983 // legislation.gov.uk. National Archives, 1983, Chapter 2. (accessed on: 09/07/2025)
9. Anthony Bradley, Keith Ewing. Constitutional Administrative Law. Longman. 2006. Pp. 169–170.
10. Collin Pilkington. Politics Today – A Guide to the British Constitution. University of Manchester Press. 1999. P. 59.
11. The People's Representation Act 1983 // legislation.gov.uk. National Archives, 1983, Chapter 2. (accessed on: 09/07/2025).
12. The People's Representation Act of 1983 // legislation.gov.uk. National Archive. 1983, No. 2. Art. 144(1), 145(1). (accessed on: 09/07/2025).
13. <http://worldconstitutions.ru/archives/153>. (accessed on: 09/07/2025).
14. <https://constitutions.ru/?p=8282&ysclid=meonierfqi462671483> (accessed on: 09/07/2025).
15. Shidlovskiy A.V. Electoral justice of Brazil // Legal paradigm. 2021. Vol. 20. No. 4. P. 80.
16. Kravchenko O.A. German experience in determining the reliability of the people's will // Administrative Law and Administration Practice. 2024. No. 2. P. 42.
17. <https://web.archive.org/web/20150430041938/http://www.iuscomp.org/gla/statutes/BVerfGG.htm#45>. (accessed on: 09/07/2025).
18. Leibo Yu.I. Constitutional Control in the Federal Republic of Germany / Constitutional Control in Foreign Countries: A Collective Monograph, edited by Pavlova E.Ya., Kremyanskaya E.A. – Moscow: MGIMO University. 2015. P. 300.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_342

УДК 349

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ УЧАСТИЯ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ, В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ ON SOME PROBLEMATIC ASPECTS OF THE PARTICIPATION OF PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT IN ARBITRATION PROCEEDINGS

РЯБОВА Ольга Алексеевна,старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета,
Владимирский юридический институт ФСИН России.
600020, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.

E-mail: frau.leya2012@yandex.ru;

РЯБОВ Павел Ричардович,адвокат Адвокатской палаты Московской области.
111020, Россия, г. Москва, ул. Госпитальный вал, д.8/1, стр.2.

E-mail: rich.riabov@yandex.ru;

RYABOVA Olga A.,senior lecturer of the Department of civil law disciplines' of the Faculty of Law,
Vladimir law institute of the federal penitentiary service of Russia.

67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.

E-mail: frau.leya2012@yandex.ru;

RYABOV Pavel R.,

lawyer of the Moscow Region Law Chamber.

8/1 Hospitalny val str., p. 2, Moscow, 111020.

E-mail: rich.riabov@yandex.ru

Краткая аннотация: Авторы статьи рассматривают реализацию возможности осуществления лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы, судебной защиты в арбитражном процессе. Отмечается отсутствие каких-либо ограничений у данной категории лиц на защиту и восстановление нарушенных прав и интересов. Обсуждается ряд проблемных аспектов, влияющих на полноценную реализацию конституционного права указанных лиц на разрешение спора в соответствии действующими принципами арбитражного процесса. Обращается внимание на проблематику надлежащего извещения, обеспечения личного участия и законного представительства лиц, лишенных свободы или ограниченных в свободе, в арбитражном процессе. Делается вывод о необходимости совершенствования соответствующего процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, недопущения нарушения конституционных прав указанной категории лиц.

Abstract: The authors of this article examine the possibility of individuals serving prison sentences seeking judicial protection in arbitration proceedings. They note the absence of any restrictions on the protection and restoration of violated rights and interests for this category of individuals. A number of problematic aspects affecting the full realization of their constitutional right to dispute resolution in accordance with current principles of arbitration are discussed. Attention is drawn to the issues of proper notification, personal participation, and legal representation of individuals deprived of liberty or with restricted liberty in arbitration proceedings. They conclude that it is necessary to improve relevant procedural and penal legislation to prevent violations of the constitutional rights of this category of individuals.

Ключевые слова: арбитражный процесс, лицо, которому назначено наказание в виде лишения свободы, судебная защита, нарушение прав и законных интересов.

Key words: arbitration process, person sentenced to imprisonment, judicial protection, violation of rights and legitimate interests.

Для цитирования: Рябова О.А., Рябов П.Р. О некоторых проблемных аспектах участия лиц, осужденных к лишению свободы, в арбитражном процессе // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 342-345. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_342.

For citation: Ryabova O.A., Ryabov P.R. On some problematic aspects of the participation of persons sentenced to imprisonment in arbitration proceedings // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 342-345. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_342.

Статья поступила в редакцию: 04.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Судебная защита нарушенных прав и интересов является одним из наиболее эффективных и востребованных способов защиты в современном российском государстве, предусмотренных Гражданским Кодексом Российской Федерации (далее ГК РФ).[4] Это связано с тем, что посредством судебной защиты реализуется возможность не только установления истины в уже существующих спорных правоотношениях по поводу предполагаемых нарушенных прав и интересов, но и профилактики будущих нарушений. Л.Ю. Грудцына отметила, что усиление судебной власти приводит к перерастанию судебной защиты в самостоятельную государственную функцию.[10] Это делает данный вид защиты нарушенных прав и интересов иногда единственной возможностью стороны рассчитывать на справедливый исход дела. По мнению К.В. Сангаджиевой характер судебной защиты позволяет считать ее универсальным способом защиты, а потому, и более результативным.[8]

Право на судебную защиту закреплено в ст. 46 Конституции Российской Федерации (далее Конституция РФ). Данная конституционная гарантия распространяется на всех без исключения субъектов правоотношений. К.В. Сангаджиева подчеркнула, что судебная защита распространяется на неограниченный круг лиц и носит неперсонифицированный характер, что исключает ограничения на использование данного способа защиты.[8] Осуществление указанного права связано с определенным процессуальным регламентом, который различается в зависимости от категории спора о нарушенных правах и интересах и, соответственно, от вида судебного процесса. Формализованность судебного процесса предполагает, что обратившееся за защитой лицо обязано соблюсти установленные нормами правила, что иногда затруднительно реализовать обычным субъектам, не обладающим специальными познаниями в области юриспруденции и еще более сложно это сделать тем из них, кто,

например, отбывает наказание в виде лишения свободы, а равно и тем, в отношении кого выбрана мера пресечения, ограничивающая свободу.

Лица, чья свобода ограничена по законным основаниям не перестают вследствие этого оставаться носителями прав и обязанностей, предусмотренных российским законодательством. Это предполагает, что указанные лица были, есть и могут оставаться субъектами правоотношений, в рамках которых как ими самими, так и в отношении них могут быть нарушены законные права и интересы, что может потребовать, впоследствии, обращение за защитой последних. Под защитой в данном случае, конечно, понимается не только обращение в суд с просьбой разрешить предполагаемое нарушение прав и свобод, но и возможность отстаивать свои интересы в случае предъявлении подобного требования к указанным лицам.

Арбитражные суды, будучи частью судебной системы России, осуществляют защиту нарушенных прав и интересов. Особенностью арбитражных споров является субъектный состав лиц, участвующих в деле и характер спорных правоотношений. Сторонами арбитражного процесса являются, в частности, юридические лица и индивидуальные предприниматели, очень редко физические лица без статуса индивидуального предпринимателя и только в оговоренных процессуальным законом случаях, а споры должны касаться только предпринимательской или иной экономической деятельности вышеперечисленных субъектов. Указанные виды деятельности являются, в том числе, основой финансовой стабильности отдельно взятого предпринимателя и страны в целом, но и количество споров в рамках осуществления такой деятельности возникает много ввиду ее специфичности, что предполагает частое обращение в арбитражные суды за защитой нарушенных прав и интересов. Не являются исключением ситуации, когда сторонами по таким спорам выступают лица, в отношении которых избрано наказание в виде лишения свободы или избрана мера пресечения, связанная с ограничением свободы. В указанных обстоятельствах такому участнику арбитражного процесса становится затруднительным осуществлять защиту своих прав и интересов.

Анализ действующего законодательства выявил ряд проблем, которые серьезным образом влияют на полноценную реализацию конституционных права указанных лиц на судебную защиту. Рассматривать эти проблемы необходимо в нескольких аспектах.

Так, имеет место проблема извещения лиц, являющихся участниками судебного разбирательства в арбитражном суде, в отношении которых избрана мера пресечения с ограничением свободы или наказание, связанное с лишением свободы. В соответствии с положениями ст. 121 АПК РФ судебные извещения направляются гражданам по месту жительства, причем, если речь идет об индивидуальном предпринимателе (далее ИП), то местом жительства считается то, которое указано в едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей, за исключением случаев, когда ИП заявил ходатайство, которым просил суд направлять извещения по иному адресу. Указанной нормой предусмотрены иные способы извещения, к которым относятся телеграмма, телефонограмма, сообщение посредством факсимильной связи, посредством направления информации на адрес электронной почты.^[3] Однако лицо, отбывающее наказание в учреждении пенитенциарной системы по известным причинам лишено возможности использовать вышеуказанные средства уведомления.

Таким образом, отрегулировать своевременное получение судебных извещений лицам, лишенным свободы или ограниченным в свободе представляется крайне затруднительным. Следует согласиться с О.А. Беларевой и Р.С. Куртуковым в том, что если суд отнесется к обязанности извещения формально в рамках действующего законодательства, не исследовав вопрос о местонахождении стороны по делу, то вероятнее всего такое лицо не будет надлежащим образом извещено о рассматриваемом деле, что, в свою очередь, приведет к нарушению права на защиту.^[7] В соответствии с ч.3 ст.156 АПК РФ, если надлежащим образом извещенные стороны, не явились в судебное заседание, то суд вправе рассмотреть дело в их отсутствие.

Также следует отметить, что, даже при направлении судом извещения в адрес исправительного учреждения, корреспонденция не всегда доходит до заключенного или доходит с опозданием, что также лишает его возможности реализовать свои конституционные права. Процессуальное законодательство не содержит оговорки относительно особенностей извещения лиц, которые лишены свободы или чья свобода ограничена. В свою очередь ст. 91 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее УИК РФ) обязывает исполнительные учреждения передавать почтовую корреспонденцию осужденных для пересылки в суды без применения цензуры в течение суток оператору почтовой связи, однако сроки для передачи корреспонденции из судов на имя заключенного в законодательстве не обозначены, что также осложняет процесс своевременной передачи извещений рассматриваемой категории лиц.

Отметим, что при подаче искового заявления в арбитражный суд, истец обязан предоставить в суд подтверждение того, что исковое заявление и приложения к нему направлены ответчику. ^[3] Если ответчиком является лицо, лишенное свободы, то также возникает вероятность, что истец не определит истинное местонахождение истца и направит документы в соответствии с требованиями процессуального законодательства. Даже если документы будут направлены по месту отбывания наказания, то они будут подвергнуты цензуре и это время необходимо учитывать при назначении слушания по делу. Однако, АПК РФ не содержит норм, регулирующих названные особенности.

Другим, не менее важным вопросом является разрешение нередко возникающей проблемы обеспечения присутствия лица, лишенного свободы или ограниченного в свободе, в судебном заседании арбитражного суда. По понятным объективным причинам личное присутствие лица, лишенного свободы или ограниченного в свободе, в судебном заседании арбитражного суда затруднительно.

Вместе с тем, в этой части действующее законодательство предусматривает реализацию гарантий прав и свобод на судебную защиту путем, например, доведения стороной до сведения суда своей позиции по всем аспектам дела с использованием систем видео-конференц-связи (далее – ВКС); определяет порядок взаимодействия арбитражных судов с судами общей юрисдикции и учреждениями ФСИН – в зависимости от того при содействии кого заявитель будет участвовать в судебном заседании с использованием систем ВКС.

Следует отметить, что вопрос о возможности проведения судебного заседания с использованием ВКС разрешается судом на основа-

нии АПК РФ только при условии заявления соответствующего ходатайства стороной.[3]

Однако, как и в случае рассмотрения предыдущей проблемы, зачастую, формальный подход соответствующего суда к разрешению указанного ходатайства, приводит к необоснованной отказу в его удовлетворении, невозможности лица, лишённого свободы или ограниченного в свободе, участвовать в судебном заседании, а, следовательно, нарушает права и свободы стороны в арбитражном процессе.

Следует согласиться с О.А. Беларевой и Р.С. Куртуковым, которые отмечают, что установленный статьей 19 Конституции РФ принцип равенства всех перед законом и судом не позволяет ставить качество правосудия в зависимость от каких бы то ни было факторов.[7] Норма, указывающая на данный принцип имеется и в АПК РФ. Тем более видится абсолютно недопустимым умаление процессуальных прав тех, кто и без того вынужден претерпевать существенные правоограничения.[7]

В этой связи показательны выводы Конституционного суда РФ, изложенные в определении от 08.06.2021 по делу № 1134-О.

Конституционный суд РФ признал жалобу стороны недопустимой и определил, что установление наличия или отсутствия объективных препятствий для осуществления ВКС в конкретных судебных заседаниях не относится к его компетенции. Вместе с тем, суд установил, что отсутствие технической возможности проведения ВКС апелляционным судом была связана с загруженностью системы ВКС суда в день рассмотрения апелляционной жалобы, а также установил наличие технической возможности проведения ВКС исправительным учреждением, что позволило бы осуществить проведение судебного заседания в режиме ВКС при наличии объективной возможности его проведения в назначенный день. В связи с этим Конституционный суд РФ отметил в определении, что федеральный законодатель не лишен возможности предусмотреть конкретные процессуальные механизмы применения ВКС в случае участия в качестве стороны в гражданском деле, подлежащего рассмотрению арбитражными судами, осужденного.[6] Также, реализация прав и свобод на судебную защиту может осуществляться сторонами с использованием института представительства.

На наш взгляд, возникают случаи, когда имеет место проблема недоступности представительства в ситуациях, связанных с участием в арбитражном процессе лиц, которым назначено наказание в виде лишения свободы или избрана мера пресечения, связанная с ограничением свободы. В соответствии с положениями ст. 59 АПК РФ ведение дела в суде возможно лично или через представителя. Представителями в арбитражном суде могут быть адвокаты или иные лица, однако, при условии наличия у них высшего юридического образования или ученой степени по юриспруденции. В свою очередь, согласно ст. 12 УИК РФ осужденные имеют право на получение юридической помощи, которое реализуется на основании положений ст. 18 УИК РФ посредством встречи с адвокатом и иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи. Закон не уточняет, кто относится к категории «иные лица», что значительно затрудняет определение перечня лиц, которые могут быть допущены к заключенному для оказания юридической помощи. При рассмотрении этого вопроса в контексте представительства лиц, лишенных свободы или ограниченных в свободе, в арбитражном процессе, очевидно, следует руководствоваться требованиями к представителям, указанным в ст. 59 АПК РФ. Если учесть имеющуюся правовую неопределенность в вопросе определения лиц, имеющих право предоставлять юридическую помощь рассматриваемой категории лиц, то единственными реальными кандидатами для подобного представительства являются адвокаты, ибо именно адвокаты поименованы в соответствующей статье УИК РФ.[2]

Однако, определив лицо, которое на законных основаниях способно представлять заключенных в арбитражном процессе, возникает вопрос об имеющейся возможности у рассматриваемой категории лиц оплатить работу адвоката. АПК РФ не содержит норм, предоставляющих право на получение правовой помощи на безвозмездной основе, также не имеется нормы, которая бы по аналогии с Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (далее ГПК РФ) содержала нормы о назначении адвоката в качестве представителя в оговоренных в законе случаях. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. N 324-ФЗ "О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации" (далее Закон о бесплатной юридической помощи) не относит лиц, в отношении которых избрана мера пресечения, связанная с ограничением свободы или назначено наказание в виде лишения свободы, к категориям, которым положено предоставление бесплатной юридической помощи, разумеется, если они не попадают под иную допустимую категорию. Таким образом, при отсутствии возможности лично присутствовать в судебном заседании и представлять свои интересы и отсутствии финансовой возможности оплатить работу адвоката, указанные лица лишаются права на защиту, что нарушает их конституционные права.

В заключение, следует отметить, что на лиц, чья свобода ограничена по приговору суда или постановлению следственных или иных правоохранительных органов, в полной мере распространяется право на судебную защиту. Наличествующий в этот момент социальный статус данных лиц не ограничивает их в реализации возможности на восстановление нарушенных прав и интересов посредством судебной защиты. Это проистекает из положений ч.2 ст.56 Конституции РФ. Видится, что назрела необходимость внесения соответствующих поправок в процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство, поскольку процессуальные последствия указанных в статье недостатков правового регулирования выражаются в нарушении прав осужденных на судебную защиту, рассмотрении судами дел в отсутствие заинтересованной стороны и вынесении неправосудных решений.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всеобщим голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе голосования 01.07.2020 // Гарант: справочная правовая система – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения 02.09.2025 г.)
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. N 1-ФЗ // Гарант: справочная правовая система – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/1306500/> (дата обращения 02.09.2025 г.)
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. N 95-ФЗ // Гарант: справочная правовая система – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/12127526/> (дата обращения 29.08.2025 г.)

4. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ // Гарант: справочная правовая система – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения 08.09.2025 г.)
5. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. N 324-ФЗ "О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации" // Гарант: справочная правовая система – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/12191964/> (дата обращения 29.08.2025 г.)
6. Определение Конституционного суда Российской Федерации от 8 июня 2021 года № 1134-О // Консультант плюс: справочная правовая система – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=671391#eCGI7yUg5rRE9eeZ1> (дата обращения 01.09.2025 г.)
7. Баларева О.А., Куртуков Р.С. Участие лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в гражданском процессе: актуальные проблемы и пути их решения // Вестник Кузбасского института. – 2025. – № 2 (63). – С. 155-168.
8. Сангаджиева К.В. Судебная защита как вид государственной защиты прав и свобод граждан // Образование и право. – 2021 – № 3 – С. 224-232.
9. А.В. Миронов, Ю.В. Миронова Использование систем видео-конференц-связи в судебной деятельности // Российский судья. – 2019. – № 7. – С. 22-26
10. Грудцына, Л.Ю. Особенности конституционных гарантий реализации прав человека в России (На примере гражданского судопроизводства). [Текст]: Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Л.Ю. Грудцына - М., 2004 - 188 с

References:

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by universal suffrage on 12.12.1993, with amendments approved during the vote on 01.07.2020 // Garant: reference legal system – [Electronic resource]. Access mode: <https://base.garant.ru/10103000/> (date of access 02.09.2025)
2. Criminal Executive Code of the Russian Federation of January 8, 1997 N 1-FZ // Garant: reference legal system – [Electronic resource]. Access mode: <https://base.garant.ru/1306500/> (date of access 02.09.2025)
3. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation of July 24, 2002 N 95-FZ // Garant: reference legal system – [Electronic resource]. Access mode: <https://base.garant.ru/12127526/> (date of access on August 29, 2025)
4. Part One of the Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994 N 51-FZ // Garant: reference legal system – [Electronic resource]. Access mode: <https://base.garant.ru/10164072/> (date of access on September 08, 2025)
5. Federal Law of November 21, 2011 N 324-FZ "On Free Legal Aid in the Russian Federation" // Garant: reference legal system – [Electronic resource]. Access mode: <https://base.garant.ru/12191964/> (date of access on August 29, 2025)
6. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 8, 2021 No. 1134-O // Consultant Plus: legal reference system – [Electronic resource]. Access mode: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=671391#eCGI7yUg5rRE9eeZ1> (date of access on September 1, 2025)
7. Balareva O.A., Kurtukov R.S. Participation of persons serving a sentence of imprisonment in civil proceedings: current issues and solutions // Bulletin of the Kuzbass Institute. - 2025. - No. 2 (63). – P. 155-168.
8. Sangadzhieva K.V. Judicial protection as a type of state protection of the rights and freedoms of citizens // Education and Law. – 2021 – No. 3 – P. 224-232.
9. A.V. Mironov, Yu.V. Mironova Use of video conferencing systems in judicial activity // Russian judge. – 2019. – No. 7. – P. 22-26
10. Grudtsyna, L.Yu. Features of constitutional guarantees for the implementation of human rights in Russia (On the example of civil proceedings). [Text]: Diss. ... Cand. of Law: 12.00.02 / L.Yu. Grudtsyna - M., 2004 - 188 p.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ЭНЕРГИИ CIVIL LAW QUALIFICATION OF ENERGY

ДЖИКАЕВА Фатима Зауровна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры частно-правовых дисциплин
Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова.
362025, Россия, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44–46.

E-mail: aspirant8381@mail.ru;

DZHİKAYEVA Fatima Zaurvna,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Private Law Disciplines
North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov.

44-46 Vatulina St., Vladikavkaz, 362025, Russia.

E-mail: aspirant8381@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается гражданско-правовая квалификация энергии как объекта правового оборота. Анализируются правовые подходы к определению принадлежности, оборотоспособности и режиму использования энергии, включая электроэнергию, тепло, газ и другие виды энергетических ресурсов. Особое внимание уделяется правовой природе отношений между производителями, поставщиками и потребителями энергии, а также особенностям договорного регулирования и ответственности сторон. Рассматриваются практические примеры квалификации энергии в гражданско-правовом поле и проблемы, возникающие при определении правового статуса энергетических ресурсов.

Abstract: The article examines the civil law qualification of energy as an object of legal circulation. Legal approaches to determining ownership, transferability, and usage regime of energy, including electricity, heat, gas, and other types of energy resources, are analyzed. Special attention is paid to the legal nature of relationships between producers, suppliers, and consumers of energy, as well as the specifics of contractual regulation and liability of the parties. Practical examples of energy qualification in civil law and issues arising in determining the legal status of energy resources are considered.

Ключевые слова: энергия, гражданское право, оборотоспособность, договор, ответственность, правовой статус.

Key words: energy, civil law, transferability, contract, liability, legal status.

Для цитирования: Джикаева Ф.З. Гражданско-правовая квалификация энергии // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 346-348. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_346.

For citation: Dzhikayeva F.Z. Civil law qualification of energy // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 346-348. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_346.

Статья поступила в редакцию: 12.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Гражданско-правовая квалификация энергии представляет собой совокупность правовых подходов к определению правового статуса энергии как объекта гражданских правоотношений. Энергия, будучи одновременно экономическим ресурсом и объектом поставки, требует комплексного подхода к её правовому оформлению, учитывающего экономические, технические, экологические и социальные аспекты.

Рассмотрим энергию как объект гражданских правоотношений. Энергия характеризуется как объект, обладающий признаками имущества. С. А. Сви́рков отмечает, что «энергия выступает как товар, который может быть передан, учтен и оценен, что делает возможным применение гражданско-правовых норм для регулирования отношений между поставщиком и потребителем»¹. Особенностью энергии является её нематериальная природа, что делает необходимым использование специальных инструментов гражданско-правового регулирования. А. А. Оникиенко подчеркивает: «государственное управление топливно-энергетическим комплексом формирует правовую рамку, которая превращает абстрактный энергетический ресурс в объект гражданских правоотношений через договора, лицензии и стандарты качества»².

Таким образом, энергия квалифицируется как объект гражданского оборота с имущественными и качественными характеристиками, что позволяет применять нормы о вещных правах, обязательствах и договорном регулировании.

Проанализируем законодательную базу гражданско-правовой квалификации энергии.

1. Федеральные законы

«Федеральный закон N 35-ФЗ об электроэнергетике устанавливает базовые принципы отношений между производителями, поставщиками и потребителями электрической энергии. Он закрепляет обязательства сторон по поставке и потреблению энергии, а также регулирует вопросы присоединения к сетям»³. Я. С. Осетрова обращает внимание, что «данный закон формирует основу для договорных конструкций в электроэнергетике, определяя права и обязанности сторон и механизмы контроля качества»⁴.

Федеральный закон N 69-ФЗ о газоснабжении регулирует особенности поставки газа, включая требования к безопасности, техническому состоянию сетей и ответственности за нарушения»⁵. С. А. Сви́рков отмечает: «Закон N 69-ФЗ превращает газ в объект гражданских правоотношений, фиксируя его качественные характеристики и условия поставки в договорных рамках»⁶.

Федеральный закон N 261-ФЗ об энергосбережении накладывает обязательства по рациональному использованию энергии и повышению эффективности её потребления, что отражается в договорных условиях с потребителями»¹.

¹ Сакович, О. М.; Никонов, Р. В. Правовое обеспечение сокращения выбросов парниковых газов: зарубежный опыт // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. №4. С. 52.

² Оникиенко, А. А. Правовое регулирование государственного управления топливно-энергетическим комплексом / А. А. Оникиенко. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 49 (496). – С. 357.

³ Федеральный закон от 26.03.2003 N 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (ред. от 26.03.2003) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 13. 2003. Ст. 1177.

⁴ Осетрова, Я. С. Проблематика договорных конструкций в отрасли российского электроэнергетического права // Мировая наука. 2020. №7 (40). С. 14.

⁵ Федеральный закон от 31.03.1999 N 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 14. 1999. Ст. 1653.

⁶ Сакович, О. М.; Никонов, Р. В. Правовое обеспечение сокращения выбросов парниковых газов: зарубежный опыт // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. №4. С. 65.

Федеральный закон N 256-ФЗ о безопасности объектов ТЭК и ФЗ N 390-ФЗ о безопасности закрепляют требования по обеспечению безопасности объектов, что влияет на гражданско-правовые отношения, поскольку невыполнение стандартов может влечь гражданско-правовую ответственность^{2,3}.

Федеральный закон N 127-ФЗ и N 281-ФЗ вводят меры воздействия на недружественные действия и специальные экономические меры, которые также учитываются при квалификации энергии как объекта гражданских правоотношений, особенно в международной торговле энергоресурсами^{4,5}.

2. Подзаконные акты

«Постановление Правительства РФ N 442 регулирует функционирование розничных рынков электрической энергии и режимы ограничения потребления, формируя условия для гражданско-правового закрепления объема и режима поставки энергии»⁶.

Распоряжение Правительства РФ N 3924-р задает стратегическое направление цифровой трансформации топливно-энергетического комплекса, что позволяет точнее фиксировать поставку и потребление энергии в договорах⁷.

«Доктрина энергетической безопасности РФ закрепляет стратегические цели государства в области энергоснабжения, включая обеспечение надежности, устойчивости и защиты интересов потребителей, что отражается в гражданско-правовых отношениях»⁸.

Представим договорную конструкцию и гражданско-правовую квалификацию.

Гражданско-правовая квалификация энергии проявляется прежде всего через договорные отношения. Я. С. Осетрова отмечает: «Договоры поставки энергии должны включать специальные условия о качестве, режиме потребления, ответственности за нарушение, что отличает их от обычных гражданско-правовых договоров»⁹.

С. А. Свирков подчеркивает, что «в договоре энергоснабжения энергия рассматривается как имущественный объект, который может быть предметом уступки, залога или иных гражданско-правовых операций»¹⁰.

Г. Д. Садовникова добавляет, что «переход на зеленую энергетику накладывает новые требования на договорные конструкции, включая обязательства по экологической сертификации и возмещению экологического ущерба»¹¹.

В. А. Шестак и А. М. Ярьеско отмечают европейскую практику: «Третий энергетический пакет ЕС требует включения в договорные конструкции положений о разграничении собственности на энергоресурс, его транспорт и учет, что обеспечивает защиту интересов потребителей и конкуренцию на рынке»¹².

В. И. Ступаков акцентирует внимание на международных нормах: «Взаимодействие стран Евразийского экономического союза в области стандартизации энергетики обеспечивает единство правовых подходов к квалификации энергии и снижает юридическую неопределенность»¹³.

Рассмотрим практическое применение и проблемы.

В практике гражданско-правового регулирования выделяются несколько проблем:

1. Нематериальная природа энергии – затрудняет определение момента перехода права собственности. А. А. Оникиенко пишет: «Необходимы четкие критерии фиксации передачи права собственности на энергию, что влияет на гражданско-правовую квалификацию и ответственность сторон»¹⁴.

2. Неоднородность договоров – Я. С. Осетрова отмечает, что «различие договоров поставки электрической энергии и газа приводит к правовой неопределенности и судебным спорам»¹⁵.

3. Экологические и цифровые требования – Садовникова, Г. Д. и Распоряжение N 3924-р фиксируют, что «новые условия требуют включения дополнительных положений в договоры для соблюдения экологических стандартов и цифрового учета энергии»¹⁶.

4. Международное регулирование – В. А. Шестак и А. М. Ярьеско подчеркивают, что «имплементация норм ЕС и международных соглашений требует корректировки национальных гражданско-правовых норм» [17, с. 23].

Пути совершенствования гражданско-правовой квалификации энергии.

¹ Федеральный закон от 23.11.2009 N 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 23.11.2009) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 48. 2009. Ст. 5711.

² Федеральный закон от 21.07.2011 N 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» (ред. от 22.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 17. 2011. Ст. 2317.

³ Федеральный закон от 28.12.2010 N 390-ФЗ «О безопасности» (ред. от 10.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 52. 2010. Ст. 7001.

⁴ Федеральный закон от 04.06.2018 N 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединённых Штатов Америки и иных иностранных государств» (ред. от 19.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 23. 2018. Ст. 3371.

⁵ Федеральный закон от 30.12.2006 N 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 53. 2006. Ст. 5492.

⁶ Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 N 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» (вместе с «Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии», «Правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии») (ред. от 17.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 19. 2012. Ст. 2203.

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2021 N 3924-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации топливно-энергетического комплекса» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 52. 2021. Ст. 7398.

⁸ Ступаков, В. И. Международные и национальные нормы регулирования сотрудничества евразийских государств в области защиты и стандартизации объектов энергетики // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-i-natsionalnye-normy-regulirovaniya-sotrudnichestva-evraziyskikh-gosudarstv-v-oblasti-zaschity-i-standartizatsii> (дата обращения: 11.09.2025).

⁹ Осетрова, Я. С. Проблематика договорных конструкций в отрасли российского электроэнергетического права // Мировая наука. 2020. №7 (40). С. 14.

¹⁰ Свирков С. А. Гражданско-правовое регулирование в сфере энергоснабжения: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2019. // СПС «КонсультантПлюс». С. 20.

¹¹ Садовникова, Г. Д. «Зеленая» энергетика: конституционно-правовые векторы развития // Образование и право. 2023. №9. С. 6.

¹² Шестак, В. А.; Ярьеско, А. М. Третий энергетический пакет Европейского Союза и проблемы его имплементации в национальное законодательство государств-членов // Образование и право. 2019. №4. С. 23.

¹³ Свирков С. А. Гражданско-правовое регулирование в сфере энергоснабжения: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2019. // СПС «КонсультантПлюс». с. 22.

¹⁴ Оникиенко, А. А. Правовое регулирование государственного управления топливно-энергетическим комплексом / А. А. Оникиенко. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 49 (496). – С. 356.

¹⁵ Осетрова, Я. С. Проблематика договорных конструкций в отрасли российского электроэнергетического права // Мировая наука. 2020. №7 (40). С. 15.

¹⁶ Садовникова, Г. Д. «Зеленая» энергетика: конституционно-правовые векторы развития // Образование и право. 2023. №9. С. 7.

1. «Разработка единых стандартов учета и передачи энергии – внедрение цифровых платформ и смарт-контрактов для фиксации факта передачи и потребления энергии.
2. Унификация договорных конструкций – закрепление единых шаблонов для разных видов энергии (электроэнергия, газ, возобновляемые источники).
3. Интеграция экологических обязательств – включение положений о зеленой энергетике и возмещении ущерба в договоры.
4. Совмещение национальных и международных норм – приведение гражданско-правовой квалификации в соответствие с европейскими стандартами и международными соглашениями.
5. Повышение правовой определенности при переходе прав собственности на энергию – внедрение четких критериев и процедур фиксации передачи¹.

Таким образом, гражданско-правовая квалификация энергии представляет собой комплексное понятие, включающее правовой статус энергии как имущества, специфику договорных отношений, интеграцию экологических и международных стандартов, а также цифровизацию процессов учета и передачи. Совершенствование правового режима требует системного подхода к нормотворчеству и практическому регулированию, что обеспечит надежность, прозрачность и эффективность энергетического сектора.

Список литературы:

1. Оникиенко, А. А. Правовое регулирование государственного управления топливно-энергетическим комплексом / А. А. Оникиенко. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 49 (496). – С. 356-358. – URL: <https://moluch.ru/archive/496/108624/>. (дата обращения: 08.09.2025).
 2. Осетрова, Я. С. Проблематика договорных конструкций в отрасли российского электроэнергетического права // Мировая наука. 2020. №7 (40).
 3. Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 N 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» (вместе с «Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии», «Правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии») (ред. от 17.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 19. 2012. Ст. 2203.
 4. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2021 N 3924-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации топливно-энергетического комплекса» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 52. 2021. Ст. 7398.
 5. Садовникова, Г. Д. «Зеленая» энергетика: конституционно-правовые векторы развития // Образование и право. 2023. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zelenaya-energetika-konstitutsionno-pravovye-vektory-razvitiya> (дата обращения: 11.09.2025).
 6. Сакович, О. М.; Никонов, Р. В. Правовое обеспечение сокращения выбросов парниковых газов: зарубежный опыт // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. №4.
 7. Свириков С.А. Гражданско-правовое регулирование в сфере энергоснабжения: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2019. // СПС «КонсультантПлюс».
 8. Стулаков, В. И. Международные и национальные нормы регулирования сотрудничества евразийских государств в области защиты и стандартизации объектов энергетики // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. №1.
 9. Указ Президента РФ от 13.05.2019 N 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 20. 2019. Ст. 2917.
 10. Федеральный закон от 04.06.2018 N 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединённых Штатов Америки и иных иностранных государств» (ред. от 19.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 23. 2018. Ст. 3371.
 11. Федеральный закон от 21.07.2011 N 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» (ред. от 22.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 17. 2011. Ст. 2317.
 12. Федеральный закон от 23.11.2009 N 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 23.11.2009) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 48. 2009. Ст. 5711.
 13. Федеральный закон от 26.03.2003 N 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (ред. от 26.03.2003) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 13. 2003. Ст. 1177.
 14. Федеральный закон от 28.12.2010 N 390-ФЗ «О безопасности» (ред. от 10.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 52. 2010. Ст. 7001.
 15. Федеральный закон от 30.12.2006 N 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 53. 2006. Ст. 5492.
 16. Федеральный закон от 31.03.1999 N 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 14. 1999. Ст. 1653.
 17. Шестак, В. А.; Яреско, А. М. Третий энергетический пакет Европейского Союза и проблемы его имплементации в национальное законодательство государств-членов // Образование и право. 2019. №4.
- References:**
1. Onikienko, A. A. Legal regulation of the state management of the fuel and energy complex / A. A. Onikienko. – Text : direct // Young scientist. – 2023. – № 49 (496). – Pp. 356-358. – URL: <https://moluch.ru/archive/496/108624/>. (date of reference: 09/08/2025).
 2. Osetrova, Ya. S. Problematics of contractual structures in the field of Russian electric power law // World Science. 2020. No. 7 (40).
 3. Decree of the Government of the Russian Federation dated 12/28/2012 N 3924-р «On approval of the strategic direction in the field of digital transformation of the fuel and energy complex» // Collection of Legislation of the Russian Federation. No. 19. 2012. St. 2203.
 4. Decree of the Government of the Russian Federation dated 12/28/2021 N 3924-р «On approval of the strategic direction in the field of digital transformation of the fuel and energy complex» // Collection of Legislation of the Russian Federation. No. 52. 2021. St. 7398.
 5. Sadovnikova, G. D. «Green» energy: constitutional and legal vectors of development // Education and Law. 2023. No.9.
 6. Sakovich, O. M.; Nikonov, R. V. Legal support for reducing greenhouse gas emissions: foreign experience // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2022. No. 4.
 7. Virikov S. A. Civil law regulation in the field of energy supply: a monograph. Moscow: Infotopik Media, 2019. // SPS «ConsultantPlus».
 8. Stupakov, V. I. International and national norms regulating cooperation between Eurasian states in the field of protection and standardization of energy facilities // Problems of economics and legal practice. 2018. No. 1.
 9. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/13/2019 N 216 «On the approval of the Doctrine of Energy Security of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. No. 20. 2019.
 10. Federal Law No. 127-FZ dated 06/04/2018 «On Measures to Influence (Counteract) Unfriendly Actions of the United States of America and Other Foreign States» (as amended on 12/19/2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. No. 23. 2018. Article 3371.
 11. Federal Law No. 256-FZ dated 07/21/2011 «On the Safety of Fuel and Energy Complex Facilities» (as amended on 04/22/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. No. 17. 2011. Art. 2317.
 12. Federal Law No. 261-FZ of 11/23/2009 «On Energy Conservation and Energy Efficiency Improvement and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» (as amended on 11/23/2009) // Collection of Legislation of the Russian Federation. No. 48. 2009. Article 5711.
 13. Federal Law No. 35-FZ of 26.03.2003 «On Electric Power Industry» (as amended on 26.03.2003) // Collection of Legislation of the Russian Federation. No. 13. 2003. Art. 1177.
 14. Federal Law No. 390-FZ of 12/28/2010 «On Security» (as amended on 07/10/2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. No. 52. 2010. Art. 7001.
 15. Federal Law No. 281-FZ of 12/30/2006 «On Special Economic Measures and Coercive Measures» (as amended on 08/04/2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. No. 53. 2006. Article 5492.
 16. Federal Law No. 69-FZ of 03/31/1999 «On Gas Supply in the Russian Federation» (as amended and supplemented, intro. effective from 04/01/2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. No. 14. 1999. Art. 1653.
 17. Shestak, V. A.; Yaresko, A.M. The Third Energy Package of the European Union and the problems of its implementation in the national legislation of the Member States // Education and Law. 2019. No.4.

¹ Оникиенко, А. А. Правовое регулирование государственного управления топливно-энергетическим комплексом / А. А. Оникиенко. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 49 (496). – С. 358.

АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ЗАЩИТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ПРИРАВНЕННЫХ К НИМ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE ON THE PROTECTION OF SOCIAL RIGHTS OF MILITARY PERSONNEL AND PERSONS EQUIVALENT TO THEM IN THE RUSSIAN FEDERATION

СЕРЕБРЯННЫЙ Илья Вадимович,

магистрант юридического института

Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.

600000, Россия, г. Владимир, Россия, 600020, ул. Горького д. 87.

E-mail: serebrianyi.ilya@yandex.ru;

ШУМОВ Петр Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права факультета права и управления

Владимирского юридического института ФСИН России, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического института

Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.

600020, Россия, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67Е.

E-mail: pshumov@gmail.com;

SEREBRIANYI Ilya V.,

master student of the Law Institute of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's.

87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation.

E-mail: serebrianyi.ilya@yandex.ru;

SHUMOV Petr V.,

Head of the Department of Theory and History of State and Law of Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,

associate professor of the Department of Civil Law and Process of Law Institute

of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's, candidate of law, associate professor.

67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Russia, 600020.

E-mail: pshumov@gmail.com

Краткая аннотация. В статье рассматриваются проблемы судебной защиты социальных прав военнослужащих и приравненных к ним лиц. Осуществлена попытка выделить и классифицировать основные категории споров возникающих при осуществлении правовой судебной защиты военнослужащих и приравненных к ним лиц. Сделан вывод о частом расширительном толковании норм, направленных на социальную защиту военнослужащих и приравненных к ним лиц, судами.

Abstract. The article examines the problems of judicial protection of social rights of military personnel and equivalent persons. An attempt is made to identify and classify the main categories of disputes arising in the implementation of legal judicial protection of military personnel and equivalent persons. A conclusion is made about the frequent broad interpretation of the rules aimed at social protection of military personnel and equivalent persons by the courts.

Ключевые слова: судебная защита, социальные гарантии, военная служба, правоохранительная служба, сотрудники правоохранительных органов, уголовно-исполнительная система.

Keywords: judicial protection, social guarantees, military service, law enforcement service, law enforcement officers, penal system.

Для цитирования: Серебрянный И.В., Шумов П.В. Анализ судебной практики по защите социальных прав военнослужащих и приравненных к ним лиц в Российской Федерации // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 349-351. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_349.

For citation: Serebrianyi I.V., Shumov P.V. Analysis of judicial practice on the protection of social rights of military personnel and persons equivalent to them in the Russian Federation // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 349-351. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_349.

Статья поступила в редакцию: 29.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Судебная практика, касающаяся защиты социальных прав военнослужащих и приравненных к ним лиц в Российской Федерации, занимает значительное место в правоприменении и свидетельствует о действенности существующих механизмов судебной защиты прав военнослужащих, приравненных к ним лиц и их семей.

Военнослужащие, сотрудники правоохранительных органов исполняющие специализированные функции по обеспечению обороны и государственной безопасности, правопорядка обладают уникальным правовым статусом, предполагающим систему социальных гарантий и компенсаций, реализация которых часто сталкивается с определёнными трудностями, требующими судебной защиты нарушенных прав.

Судебная практика по защите социальных прав военнослужащих и приравненных к ним лиц в Российской Федерации очень разнообразна, однако можно выделить четыре основных направления судебных разбирательств:

1. Споры, связанные с жилищным обеспечением.
2. Споры, связанные с вопросами денежного довольствия и различных компенсационных выплат.
3. Вопросы пенсионного обеспечения.
4. Споры, связанные с нарушением прав в сфере медицинского обслуживания.

Наиболее распространённым направлением судебных разбирательств становятся споры, связанные с жилищным обеспечением военнослужащих и приравненных к ним лиц. Решение Казанского гарнизонного военного суда Республики Татарстан № 2А-9/2020 2А-9/2020-М-2/2020 М-2/2020 от 5 февраля 2020 г. по делу № 2А-9/2020 [3] служит ярким примером защиты социальных прав военнослужащих в области жилищного обеспечения. Суть дела заключалась в оспаривании действий жилищной комиссии и начальника Управления Росгвардии по определению размера жилищной субсидии.

Казанский гарнизонный военный суд рассмотрел административное дело № 2а-9/2020 по иску военнослужащего регионального Управления Росгвардии. Предметом разбирательства стали решения жилищной комиссии от 10 и 30 декабря 2019 года, в которых был установлен размер субсидии на приобретение жилья в объёме 36 квадратных метров и исключение истца и его семьи из списка нуждающихся в жилье.

Суд признал действия жилищной комиссии и начальника Управления Росгвардии, утвердившего указанные решения, неправомерными. В постановлении суда содержалось предписание о необходимости отмены решений жилищной комиссии с последующим пересмотром вопроса о предоставлении субсидии с учётом двух ключевых факторов: прав истца на получение увеличенной общей площади жилого помещения и общего стажа его военной службы.

Как видим, судебная практика демонстрирует серьёзную проблематику обеспечения жильём военных кадров, связанную с некорректными расчётами жилищных субсидий при игнорировании законодательно установленных прав военнослужащих и приравненных к ним лиц. Судебная инстанция приняла решение в пользу защиты социального обеспечения военнослужащего, возложив на ответственные органы обязательства по пересмотру принятого решения с последующим уведомлением о выполнении предписанных действий в рамках тридцатидневного срока с момента вступления судебного акта в силу. Военнослужащие обладают неотъемлемым правом на защиту своих социальных гарантий через судебную систему, что подтверждается вынесенным постановлением суда. Практика показывает готовность судебных органов признавать неправомерными решения представителей власти при нарушении законодательно закреплённых социальных прав указанных категорий граждан.

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 26 сентября 2023 года под номером 222-КАД23-17-К10 [6] стало значимым этапом в обеспечении жилищных прав военнослужащих с детьми. В процессе разрешения спора военнослужащий оспаривал решение уполномоченного органа о включении его в список нуждающихся в жилье с приоритетом на внеочередное обеспечение, которое было принято на основании того, что на момент оформления старшая дочь военнослужащего достигла совершеннолетия.

Судебные инстанции нижестоящих судов подтвердили правомерность данного решения, что привело военнослужащего к обращению в Верховный Суд РФ. Рассмотрев кассационную жалобу, Верховный Суд РФ признал ранее вынесенные решения судов неправомерными в аспекте отказа военнослужащему и его семье в учете как нуждающимся в жилье с правом внеочередного обеспечения, указав, что действующее законодательство не связывает право военнослужащего на внеочередное жилье с достижением детьми восемнадцати лет.

При принятии решения Верховный Суд РФ стремился установить единые критерии по жилищным правам военнослужащих с детьми и четко разъяснил, что достижение ребенком совершеннолетия не уменьшает права военнослужащего на внеочередное жилье, если такое право предусмотрено законодательными нормами. Суд стремился гарантировать соблюдение социальных обязательств перед военнослужащими и их семьями, подчеркивая, что жилищные права должны реализовываться в полном объеме, без неоправданных ограничений со стороны государственных органов.

Отменив прежние судебные акты и признав действия уполномоченного органа неправомерными, Верховный Суд РФ восстановил справедливость и обеспечил соблюдение принципов жилищного законодательства в отношении военнослужащих. Данное решение акцентирует внимание на важности судебной защиты прав военнослужащих и свидетельствует о приверженности Верховного Суда РФ к охране законных интересов военнослужащих, несмотря на противоречивые решения районных судов и отмену незаконных административных решений.

Значительное количество судебных споров связано с вопросами денежного довольствия и различных компенсационных выплат. Решение Промышленного районного суда г. Ставрополя № 2-2223/2020 2-2223/2020-М-982/2020 М-982/2020 от 14 мая 2020 г. по делу № 2-2223/2020 [4] демонстрирует защиту пенсионных прав бывших военнослужащих. Истец подал иск к Федеральному казенному учреждению «Военный комиссариат» с требованием перерасчета пенсии за выслугу лет и получения недополученной суммы.

Разногласия возникли в связи с тем, что истец был уволен с военной службы по причине организационно-штатных мероприятий, обладая стажем 30 лет и 3 месяца. По льготному исчислению этот стаж составил 37 лет. На этапе назначения пенсии надбавка за выслугу лет составила 55% от оклада, но в будущем, ввиду изменений законодательства, она снизилась до 30%, что отразилось на размере пенсии.

Также следует отметить, что истец занимал специфическую должность в системе военного суда; приказ подтверждал его вывод из числа военнослужащих. Согласно части 6 статьи 12 Федерального закона от 8 ноября 2011 г. № 309-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» и Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», военнослужащие, работающие в судах, прокуратуре и следственных органах, считаются отдельной категорией с особыми правилами.

Суд изучил все материалы дела и признал доводы истца достаточными, удовлетворив иск в полном объеме. Военному комиссариату предписано пересчет пенсии за выслугу лет, начиная с 1 января 2012 г., с выплатами по прежним ставкам с 1 марта 2020 г. Ответчику предписано компенсировать недополученную сумму пенсии за период с января 2012 г. по февраль 2020 г., составившую 425 928 рублей 26 копеек. Данное решение подчеркивает право военнослужащих на защиту пенсионных прав и необходимость специализированного регулирования для определенных категорий военнослужащих. Суд подтвердил обоснованность повышения надбавки за выслугу лет, отклонив использование пониженного процента для этой группы. Решение иллюстрирует значимость судебной защиты гражданских прав в социальных вопросах, особенно при возникновении административных нарушений в применении норм. Возмещение недополученной суммы за восемь лет свидетельствует о масштабах нарушения прав истца.

Вопросы пенсионного обеспечения бывших военнослужащих также находят отражение в судебной практике. Так, Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19.02.2018 № 36-КГ17-16 было отменено решение нижестоящего суда и удовлетворен иск бывшего военнослужащего о включении в выслугу лет для назначения пенсии периода прохождения службы в особых условиях. Суд указал, что неучет данного периода при расчете пенсии нарушает права истца на полноценное пенсионное обеспечение, соответствующее его фактическому вкладу в обеспечение обороноспособности страны [5].

Защита прав военнослужащих в сфере медицинского обслуживания также находит свое отражение в судебной практике, где часто фиксируются случаи отмены неправомерного отказа в направлении военнослужащих на высокотехнологичное лечение в специализированные медицинские учреждения, при этом акцентируется право военнослужащих на бесплатное получение медицинской помощи, которая включает высокотехнологичные методы.

Судебные инстанции также подтверждают право родственников военнослужащих на получение медицинских услуг в военно-медицинских учреждениях, которое сохраняется даже после увольнения военнослужащего с военной службы при условии выслуги 20 лет и более, что подчеркивает принцип социальной защиты как профессиональных кадров, так и их семей.

Федеральный закон от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» устанавливает выплату определенной материальной помощи и компенсации в случае гибели военнослужащего или получения им ранения при исполнении обязанности военной службы для членов его семьи [1]. Выплата дополнительной материальной помощи членам семьи военнослужащего может быть предусмотрена отдельными подзаконными актами. Так, в настоящее время особенно актуален вопрос надления дополнительными социальными гарантиями военнослужащих пограничных органов федеральной службы безопасности и членам их семьи. Указом Президента РФ от 18 апреля 2022 года № 209 установлена дополнительная материальная помощь для семей погибших и раненых на границе с Донбассом и Украиной [2].

В соответствии с Указом установлены критерии, позволяющие дифференцировать виды выплат, предназначенные для семей военнослужащих, что свидетельствует о заметной государственной поддержке, выраженной в предоставлении социальных гарантий для их родственников, как неотъемлемой части выполнения служебных обязанностей военнослужащих.

Основываясь на принципе признания значимого вклада военнослужащих и приравненных к ним лиц в обеспечение национальной безопасности, государственные социальные гарантии адресуются как непосредственно военнослужащим, так и их близким, что подчеркивает понимание роли военной службы, правоохранительной службы в защите государственных интересов и общественного благосостояния.

Как видим, споры, возникающие при оформлении соответствующих выплат, могут возникать юридические сложности, однако действующее законодательство предоставляет эффективные механизмы их преодоления; споры, касающиеся социальных гарантий для военнослужащих, приравненных к ним лицам и их семей, подлежат разрешению в судебном порядке.

Правовая система располагает развернутыми средствами защиты прав военнослужащих и их семей, при этом судебная практика показывает восстановление прав на социальные выплаты при наличии достаточных оснований, подтверждающее готовность государства гарантировать защиту тем, кто посвятил свою жизнь служению Отечеству.

Таким образом, анализ судебных решений по вопросам социальной защиты военнослужащих и приравненных к ним лицам Российской Федерации позволяет выявить системные недостатки в реализации законодательных гарантий, однако судебные акты свидетельствуют о стремлении к расширительному толкованию норм, направленных на обеспечение социальной защиты военнослужащих и приравненных к ним лицам и повышение их правового статуса. Примеры судебных решений подтверждают, что судебная защита является эффективным средством восстановления нарушенных социальных прав военнослужащих и приравненных к ним лиц, а устоявшаяся судебная практика создает дополнительные гарантии защиты прав в будущем.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. N 45, ст. 6336.
2. Указ Президента РФ от 18 апреля 2022 г. N 209 «О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим пограничных органов федеральной службы безопасности и членам их семей» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404395060/?ysclid=m9gy0j8gdf564977753> (дата обращения: 09.04.2025).
3. Решение Казанского гарнизонного военного суда Республики Татарстан № 2А-9/2020 2А-9/2020-М-2/2020 М-2/2020 от 5 февраля 2020 г. по делу № 2А-9/2020 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/Z2890ryJ7lr5/?ysclid=m9gwg0z4r153894545> (дата обращения: 09.04.2025).
4. Решение Промышленного районного суда г. Ставрополя № 2-2223/2020 2-2223/2020-М-982/2020 М-982/2020 от 14 мая 2020 г. по делу № 2-2223/2020 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/Uj5mSC0pv6JT/?ysclid=m9gxarvaw6256174209> (дата обращения: 09.04.2025).
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19.02.2018 № 36-КГ17-16 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-19022018-n-36-kg17-16/?ysclid=m9gxarvaw6256174209> (дата обращения: 09.04.2025).
6. Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 26 сентября 2023 года под номером 222-КАД23-17-К10 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://base.garant.ru/407816355/> (дата обращения: 09.04.2025).

References:

1. Federal Law of November 7, 2011 No. 306-FZ "On the Monetary Allowance of Military Personnel and the Provision of Certain Payments to Them" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 45, Art. 6336.
2. Decree of the President of the Russian Federation of April 18, 2022 No. 209 "On Additional Social Guarantees for Military Personnel of the Border Agencies of the Federal Security Service and Members of Their Families" [Electronic resource] Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404395060/?ysclid=m9gy0j8gdf564977753> (date of access: 04/09/2025).
3. Decision of the Kazan Garrison Military Court of the Republic of Tatarstan No. 2A-9/2020 2A-9/2020-M-2/2020 M-2/2020 dated February 5, 2020 in case No. 2A-9/2020 [Electronic resource] Access mode: <https://sudact.ru/regular/doc/Z2890ryJ7lr5/?ysclid=m9gwg0z4r153894545> (date accessed: 04/09/2025).
4. Decision of the Industrial District Court of Stavropol No. 2-2223/2020 2-2223/2020-M-982/2020 M-982/2020 dated May 14, 2020 in case No. 2-2223/2020 [Electronic resource] Access mode: <https://sudact.ru/regular/doc/Uj5mSC0pv6JT/?ysclid=m9gxarvaw6256174209> (date of access: 04/09/2025).
5. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 19.02.2018 No. 36-KG17-16 [Electronic resource] Access mode: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-19022018-n-36-kg17-16/?ysclid=m9gxarvaw6256174209> (date of access: 09.04.2025).
6. Determination of the Judicial Collegium for Military Personnel of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 26, 2023 under number 222-KAD23-17-K10 [Electronic resource] Access mode: <https://base.garant.ru/407816355/> (date of access: 09.04.2025).

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_352

УДК 338.43

СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ РЫНКА ФРУКТОВО – ЯГОДНЫХ КУЛЬТУР В РЕГИОНАХ РОССИИ: ПРОИЗВОДСТВО, ИМПОРТ И САМООБЕСПЕЧЕННОСТЬ

BALANCE OF THE FRUIT AND BERRY CROPS MARKET IN THE REGIONS OF RUSSIA: PRODUCTION, IMPORT AND SELF-SUFFICIENCY

ЧУПИНА Ирина Павловна,

доктор экономических наук, профессор кафедры философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ».

Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23.

E-mail: irinacupina716@gmail.com;

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента и экономической теории, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ».

Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23.

E-mail: nikolina73@yandex.ru;

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,

кандидат филологических наук, доцент философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ».

Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23

E-mail: ethos08@mail.ru;

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич,

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ».

Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23.

E-mail: palamit@rambler.ru;

ПЕТРОВА Любовь Николаевна,

старший преподаватель кафедры менеджмента и экономической теории, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ».

Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23.

E-mail: lyubow.petrova@mail.ru;

CHUPINA Irina Pavlovna,

Doctor of Economics, Professor of the Department of Management and Law,

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural GAU".

Yekaterinburg st. Turgenyev 23.

E-mail: irinacupina716@gmail.com;

SIMACHKOVA Natalya Nikolaevna,Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Law,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Agrarian University".

Yekaterinburg st. Turgenyev 23.

E-mail: nikolina73@yandex.ru;

ZARUBINA Elena Vasilievna,

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Management and Law,

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Agrarian University".

Yekaterinburg st. Turgenyev 23.

E-mail: ethos08@mail.ru ;

EGOROV Sergey Georgievich,

Candidate of historical sciences, Associate Professor of the philosophy department,

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Agrarian University".

Yekaterinburg, Turgenyev St. 23.

E-mail: palamit@rambler.ru;

PETROVA Lyubov Nikolaevna,

Senior Lecturer, Department of Management and Law,

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Ural State Agrarian University".

Yekaterinburg, Turgenyev St. 23.

E-mail: lyubow.petrova@mail.ru

Краткая аннотация. В статье проводится анализ производства фруктовых и ягодных культур на территории России. Пороговое значение Доктрины продовольственной безопасности по фруктам и ягодам составляет в стране 60 %. Самообеспеченность Российской Федерации находится на уровне 47 %. Уральский федеральный округ обеспечивает себя фруктами и ягодными культурами только на 20 %. Нарастание объемов ягодных культур и фруктов в Уральском федеральном округе и других регионах страны является одной из наиболее значимых задач для выполнения Доктрины продовольственной безопасности. В этом заключается актуальность данной статьи. Целью статьи является изучение производственных возможностей регионов Уральского федерального округа и конкретно Свердловской и Челябинской областей в производстве ягодных культур и фруктов. В статье использованы такие методы исследования как метод статистического анализа, который позволяет проанализировать производство ягодных культур и фруктов в течение трех лет. Также в статье использованы методы анализа и синтеза. Результатами статьи являются данные таблиц 1, 2, 3 и 4 по выращиванию плодово – ягодных культур. Проанализированы показатели производства фруктов и ягодных культур в фермерских хозяйствах Челябинской области за 2024 год в сравнении с показателями 2023 года. В заключении авторы отмечают, что государственная поддержка и дальнейшее наращивание земельных участков под промышленные сады постепенно будут способствовать уменьшению импорта и роста отечественной продукции ягодных культур и фруктов.

Abstract. The article analyzes the production of fruit and berry crops in Russia. The threshold value of the Doctrine of Food Security for fruits and berries is 60% in the country. Self-sufficiency of the Russian Federation is at the level of 47%. The Ural Federal District provides itself with fruits and berry crops only by 20%. Increasing the volume of berry crops and fruits in the Ural Federal District and other regions of the country is one of the most significant tasks for the implementation of the Doctrine of Food Security. This is the relevance of this article. The purpose of the article is to study the production capabilities of the regions of the Ural Federal District and specifically the Sverdlovsk and Chelyabinsk regions in the production of berry crops and fruits. The article uses such research methods as the statistical analysis method, which allows analyzing the production of berry crops and fruits over three

years. The article also uses methods of analysis and synthesis. The results of the article are the data of tables 1, 2, 3 and 4 on the cultivation of fruit and berry crops. The indicators of fruit and berry crop production in farms of the Chelyabinsk region for 2024 are analyzed in comparison with the indicators of 2023. In conclusion, the authors note that state support and further expansion of land plots for industrial gardens will gradually contribute to a reduction in imports and growth of domestic production of berry crops and fruits.

Ключевые слова: ягодные культуры, фруктовые насаждения, Доктрина продовольственной безопасности, сельскохозяйственные предприятия, фермерские хозяйства, государственная поддержка.

Key words: berry crops, fruit plantations, Food Security Doctrine, agricultural enterprises, farms, state support.

Для цитирования: Чупина И. П., Симачкова Н. Н., Зарубина Е. В., Егоров С. Г., Петрова Л. Н. Сбалансированность рынка фруктово – ягодных культур в регионах России: производство, импорт и самообеспеченность // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 352-355. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_352.

For citation: Chupina I. P., Simachkova N. N., Zarubina E. V., Egorov S. G., Petrova L. N. Balance of the fruit and berry crops market in the regions of Russia: production, import and self-sufficiency // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 352-355. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_352.

Статья поступила в редакцию: 27.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Садоводство в России развивается медленными темпами по сравнению с овощеводством, так как довольно суровые климатические условия в большинстве регионов страны не способствуют выращиванию плодово – ягодных культур в больших объемах. Согласно Доктрине продовольственной безопасности, самообеспеченность фруктами и ягодными культурами должна составлять 60 %. Сейчас показатель самообеспеченности находится на уровне 46 %. Для выполнения условий Доктрины продовольственной безопасности в последнее десятилетие в России под сады было заложено 140 тысяч гектаров плодово – ягодных культур [1].

В 2023 – 2024 годах можно отметить небольшой рост производства малины – на 4,8 %, рост яблок на 5 %. [10]. Импорт яблок за последние три года сократился на 19 %. Самообеспеченность страны яблоками в 2024 году достигла 83 % [4]. На примере выращивания яблок проанализируем российский рынок в таблице 1.

Таблица 1 – Баланс российского рынка яблок за 2016 – 2024 годы (тыс. тонн)

Годы	Производство	Импорт	Экспорт	Душевое потребление (кг)	Самообеспеченность (%)
2016	657	746	11	9,5	47
2017	795	656	19	9,7	55
2018	780	860	14	10	48
2019	1109	791	14	12	58
2020	1109	807	17	12	58
2021	1224	749	13	13	62
2022	1334	588	14	12	69
2023	1613	445	2	14	78
2024	1794	357	4	14	83

Из таблицы 1 видно, что производство яблок в течение 8 лет с 2016 по 2024 годы увеличилось более чем в 2,5 раза – с 657 тыс. тонн до 1794 тыс. тонн. При этом зависимость от импортных поставок сократилась вдвое. К 2030 году планируется расширение выращивания яблок на 470 тыс. тонн, что приведет к 100% выращиванию отечественных плодов разных сортов.

Но самообеспеченность другими фруктами и ягодными культурами довольно низкая. По ягодам она составляет всего 20 %. По нормам Минздрава за год человеку необходимо потребление фруктов и ягод в среднем до 100 кг, но потребляем мы не более 70 кг. В таблице 2 рассмотрим валовой сбор плодов и ягод в федеральных округах РФ.

Таблица 2 – Валовой сбор плодов и ягод в хозяйствах всех категорий (тыс. тонн)

Федеральные округа РФ	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Место, занимаемое в РФ
Центральный федеральный округ	787	730	790	3
Северо – Западный федеральный округ	164	159	171	5
Южный федеральный округ	1150	1184	1210	2
Северо - Кавказский федеральный округ	1178	1230	1359	1
Приволжский федеральный округ	670	630	658	4
Уральский федеральный округ	141	139	152	7
Сибирский федеральный округ	145	141	164	6
Дальневосточный федеральный округ	34	36	35	8

Лидерами по выращиванию фруктов и ягодных культур в РФ являются Ставропольский край и Краснодарский край, Республика Кабардино – Балкария, Крым, Белгородская, Липецкая и Волгоградская области, а также Воронежская область. В данных регионах, где благоприятный теплый климат, выращивают помимо яблоневых садов сливы, вишню, черешню, абрикосы. Традиционными ягодами для выращивания являются малина, смородина, крыжовник и земляника [12].

В импортозамещении саженцев фруктовых деревьев к 2024 году наметились большие сдвиги. Если ранее использовались только импортные саженцы, то теперь посадочный материал фруктовых деревьев на 80 % обеспечивают отечественные питомники. Большим недостатком в выращивании отечественных фруктов является недостаток холодильного оборудования для хранения собранного урожая. Обеспеченность оборудования находится на уровне 35 %. Это является большим сдерживающим фактором для наращивания производства фруктов в регионах страны. Но еще более существенной проблемой является то, что холодильное оборудование для плодово – ягодных культур полностью импортное, которое поступает из Франции, Германии и Сербии. В этом направлении зависимость России от импортных поставок холодильного оборудо-

вания одна из самых высоких [5], [6].

Зависимость от импортных поставок фруктов также еще высокая. Например, много яблок в Россию завозят из Польши через республики Беларусь и Казахстан. И если в России выращивают в год до 1,8 млн тонн яблок, то в Польше до 5 млн тонн. Хранилищ для фруктов в Польше хватает для всего урожая фруктов и ягод, а себестоимость производства в два раза ниже, чем в России [7]. Конечно, не нужно забывать о том, что и климатические условия в Польше значительно благоприятнее для выращивания фруктов и ягодных культур. Далее рассмотрим валовой сбор плодов и ягодных культур в Уральском федеральном округе (таблица 3).

Таблица 3 – Валовой сбор плодово – ягодных культур в хозяйствах всех категорий в Уральском федеральном округе (тыс. тонн)

Регионы Уральского федерального округа	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Место, занимаемое в РФ
Курганская область	19	17	18	50
Свердловская область	52	50	53	21
Тюменская область	20	21	23	48
Челябинская область	43	45	45	26
Ханты – Мансийский автономный округ	6	5	7	65
Ямало – Ненецкий автономный округ	0,0	0,0	0,0	83

Из таблицы 3 видно, что наиболее благополучными по сбору плодов и ягод являются в Уральском федеральном округе Свердловская и Челябинская области. Несмотря на то, что Урал находится в зоне рискованного садоводства, производство фруктовых и ягодных культур за последние годы здесь заметно увеличивается. Например, в Свердловской области разрабатывается программа поддержки садоводства. Свердловская селекционная станция садоводства, которая является структурным подразделением ФГБНУ УрФАНИЦ УрО РАН, принимает активное участие в разработке отечественных сортов плодово – ягодных культур для Среднего Урала. С 1935 года ученые селекционной станции выводят новые сорта саженцев для сурового уральского климата и высокой адаптации в зоне рискованного земледелия. Сорта плодовых и ягодных культур селекции Свердловской ССС рассмотрим в таблице 4 [13].

Таблица 4 – Сорта плодовых и ягодных культур селекции Свердловской ССС, включенные в Государственный реестр селекционных достижений на 2025 год

№ п/п	Саженцы	Сорта культуры
1.	Яблоня – 20 сортов	Аксена, Серебряное копытце, Горнист и др.
2.	Груша – 11 сортов	Радужная, Чусовая, Заречная и др.
3.	Малина – 10 сортов	Высокая, Бархатная, Муза и др.
4.	Жимолость – 15 сортов	Нимфа, Полянка Котова, Золушка и др.
5.	Черная смородина – 10 сортов	Добрый Джинн, Фортуна, Славянка и др.
6.	Красная смородина – 5 сортов	Ионкер ван тетс, Ненаглядная, Ред лейк и др.
7.	Белая смородина – 2 сорта	Уральская десертная, Уральская белая
8.	Облепиха – 7 сортов	Пантелеевская, Чуйская, Великан и др.
9.	Черная рябина – 1 сорт	Арония
10.	Вишня степная – 10 сортов	Мечта Зауралья, Ожерелье, Пламенная и др.
11.	Вишня песчаная – 4 сорта	Кармен, Эстафета, Северянка и др.
12.	Земляника – 9 сортов	Виола, Орлец, Акварель и др.
13.	Крыжовник – 3 сорта	Северянин, Уральский виноград, Демидовский
14.	Слива китайская – 6 сортов	Пионерка, Содружество, Завет и др.

Специалистами уральской селекционной станции выведено более 100 сортов плодово – ягодных культур. Еще 37 новых выведенных культур в настоящее время проходят испытания. Помимо перечисленных в таблице 4 видов ягодных и плодовых культур свердловские селекционеры работают над уральским видом абрикоса. Все выведенные сорта отличаются морозоустойчивостью и стойкостью к болезням и вредителям, поэтому их можно выращивать без применения химикатов [9].

Первый промышленный фруктовый сад в Свердловской области был заложен в 2018 году студентами агротехнологий и землеустройства Уральского государственного аграрного университета. Было высажено 480 саженцев яблонь и груш уральской селекции.

В Свердловской области более 60 тысяч садоводов, которые выращивают ягодные культуры на своих садовых участках. Валовое производство плодово – ягодной продукции по данным Министерства АПК Свердловской области во всех категориях хозяйств составляет 60 тысяч тонн в год, что составляет не более 19 % от потребности региона в данной продукции [2].

В Челябинской области в Кислинском районе в течение семи лет при господдержке более 250 млн рублей было заложено 197 гектаров садов. Помимо малины, крыжовника, смородины и жимолости, а также других ягодных культур, выращиваемых на Урале, здесь стали выращивать и уральские абрикосы. Сорта абрикосов «Челябинский ранний», «Кичигинский», «Пикантный», «Снежинский» и «Уралец» выведены в Южно - Уральском научно – исследовательском институте садоводства и картофелеводства (ЮУНИИСК). Сорта абрикосов морозоустойчивые и приспособлены к суровому уральскому климату [8].

На 2025 год площадь промышленных садов в Кислинском районе составляет 220 гектаров. Это первые на Урале промышленные сады больших размеров. Необходимо отметить, что в советское время площадь плодово – ягодных питомников на территории Челябинской области достигала 15 тыс. гектаров, а на территории Свердловской области питомники плодово – ягодных культур располагались в Красноуфимском и других районах, которые в настоящее время ликвидированы. Поэтому после перестройки и тяжелых 90 – х годов сельское хозяйство понесло большие убытки, в том числе и в плодово – ягодном направлении. И сейчас приходится практически заново создавать то, что успешно развива-

лось при социализме.

Большую поддержку по выращиванию плодовых и ягодных культур в Челябинской области оказывают и фермерские хозяйства. Фермеры выращивают в среднем до 70 тонн яблок и груш и более 30 тонн ягодных культур [11].

Поскольку садоводство в промышленных масштабах развивается в России довольно медленно, особенно в регионах с рискованным земледелием, то необходимым условием в разделе государственной поддержки АПК нужно включить льготное кредитование на закладку садов как приоритетное направление продовольственной безопасности. В этом случае появятся основания для приобретения льготных кредитов под 6 % годовых. Так как страна не может в настоящий момент обеспечить свои регионы на 60 % фруктами и ягодными культурами, то данные меры со стороны Министерства сельского хозяйства РФ в настоящий момент особенно актуальны.

Снижение импортной зависимости по фруктам и ягодам и увеличение объемов производства отечественных сортов данных культур позволит приблизить выполнение порогового значения Доктрины продовольственной безопасности. Для устойчивого роста производства в сельском хозяйстве был разработан национальный проект «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности», цель которого заключается в создании условий для устойчивого роста всех сельскохозяйственных отраслей. Данный проект предполагает достижение технологического суверенитета отраслей АПК, по которому отечественные производители получают больше возможностей для обеспечения внутреннего рынка своей продукцией, а потребитель будет получать качественные товары по доступным ценам [3].

Еще нужно возродить советскую систему разведения садов. Если ранее до 90 – х годов в стране в каждом регионе было по 15 – 20 питомников по выращиванию фруктов и ягодных культур, где выращивали целые плантации клубники и садовой земляники, то теперь промышленные сады только начинают возрождаться. Например, в Свердловской области, как уже было сказано выше, практически в каждом городском округе развивался свой питомник. Такая же ситуация была и в других регионах. Практически все муниципалитеты обеспечивали себя ягодными культурами и отечественными фруктами. Поэтому возрождение промышленных садов не только в одном или двух муниципальных округах, а во всех муниципалитетах будет способствовать увеличению продукции ягодных культур и фруктов.

Список литературы:

1. Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 года № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» (с изменениями на 10 марта 2025 года) [Электронный ресурс]: <https://docs.cntd.ru/document/564161398> (дата обращения 05.07.2025).
2. Министерство АПК и потребительского рынка Свердловской области [Электронный ресурс]: <https://rg.ru/2023/08/10/reg-urfo/v-pole-iagodka-opiat.html> (дата обращения 10.07.2025).
3. Национальный проект «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности» [Электронный ресурс]: <http://government.ru/rugovclassifier/924/events/> (дата обращения 15.07.2025).
4. Агирбов Ю. И., Мухаметзянов Р. Р. Тенденции импорта плодово-ягодной продукции в мире и в Российскую Федерацию // Экономика сельского хозяйства России. 2020. № 3. С. 97 – 104.
5. Бутуханова Д. Г. Ресурсы и использование фруктов и ягод в России // Наука без границ. 2021. № 4. С. 93 – 100.
6. Ибиев Г. З., Гришин А. В. Современное состояние и перспективы развития отрасли плодородства на инновационной основе // Экономика сельского хозяйства России. 2020. № 7. С. 71 – 74.
7. Мухаметзянов Р. Р., Бритик Э. В. Мировое производство и международная торговля плодово-ягодной продукцией // Научное обозрение: теория и практика. 2020. Т. 10. Вып. 8. С. 1445 – 1462.
8. Новикова И.М., Блиникова О.М., Ильинский А.С. Оценка качества ягод земляники садовой зарубежной селекции // Новые технологии. 2024. № 20. С. 98 – 109.
9. На Среднем Урале будут в промышленных масштабах выращивать фрукты [Электронный ресурс]: <https://rg.ru/2012/11/15/reg-urfo/iabloki.html> (дата обращения 15.07.2025).
10. Фрукты, овощи и ягоды (рынок России) [Электронный ресурс]: [https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A4%D1%80%D1%83%D0%BA%D1%82%D1%8B_%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%89%D0%B8_%D0%B8_%D1%8F%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%8B_\(%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%\)](https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A4%D1%80%D1%83%D0%BA%D1%82%D1%8B_%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%89%D0%B8_%D0%B8_%D1%8F%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%8B_(%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%)) (дата обращения 12.07.2025).
11. Фермеры в Челябинской области увеличивают сбор ягод и плодов [Электронный ресурс]: <https://agro.gov74.ru/agro/view/news.htm?id=10726456> (дата обращения 18.07.2025).
12. Чарыкова О. Г., Сальникова Е. В. Пространственное развитие национального рынка плодов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2024. № 1. С. 66 – 79.
13. Экспертно-аналитический центр агробизнеса «АБ-Центр» [Электронный ресурс]: www.ab-centre.ru. (дата обращения 11.07.2025).

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation of January 21, 2020 No. 20 "On Approval of the Doctrine of Food Security of the Russian Federation" (as amended on March 10, 2025) [Electronic resource]: <https://docs.cntd.ru/document/564161398> (accessed on July 5, 2025).
2. Ministry of Agriculture and Consumer Market of the Sverdlovsk Region [Electronic resource]: <https://rg.ru/2023/08/10/reg-urfo/v-pole-iagodka-opiat.html> (accessed on July 10, 2025).
3. National project "Technological support of food security" [Electronic resource]: <http://government.ru/rugovclassifier/924/events/> (date of access 07/15/2025).
4. Agirbov Yu. I., Mukhametzyanov R. R. Trends in imports of fruit and berry products in the world and in the Russian Federation // Economics of Agriculture of Russia. 2020. No. 3. P. 97 – 104.
5. Butukhanova D. G. Resources and use of fruits and berries in Russia // Science without borders. 2021. No. 4. P. 93 – 100.
6. Ibiev G. Z., Grishin A. V. Current state and prospects for the development of the fruit growing industry on an innovative basis // Economics of Agriculture of Russia. 2020. No. 7. P. 71 – 74.
7. Mukhametzyanov R. R., Britik E. V. World production and international trade in fruit and berry products // Scientific Review: Theory and Practice. 2020. Vol. 10. Issue. 8. Pp. 1445 – 1462.
8. Novikova I. M., Blinnikova O. M., Ilyinsky A. S. Quality assessment of foreign garden strawberry berries // New technologies. 2024. No. 20. Pp. 98 – 109.
9. Fruits will be grown on an industrial scale in the Middle Urals [Electronic resource]: <https://rg.ru/2012/11/15/reg-urfo/iabloki.html> (date accessed 15.07.2025).
10. Fruits, vegetables and berries (Russian market) [Electronic resource]: [https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A4%D1%80%D1%83%D0%BA%D1%82%D1%8B_%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%89%D0%B8_%D0%B8_%D1%8F%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%8B_\(%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%\)](https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A4%D1%80%D1%83%D0%BA%D1%82%D1%8B_%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%89%D0%B8_%D0%B8_%D1%8F%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%8B_(%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%)) (date of access 12.07.2025).
11. Farmers in the Chelyabinsk region increase the harvest of berries and fruits [Electronic resource]: <https://agro.gov74.ru/agro/view/news.htm?id=10726456> (date of access 18.07.2025).
12. Charykova O. G., Salnikova E. V. Spatial development of the national fruit market // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Economics and Management. 2024. No. 1. Pp. 66 – 79.
13. Expert and analytical center of agribusiness "AB-Center" [Electronic resource]: www.ab-centre.ru. (date of access 11.07.2025).

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_356

УДК 347

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ОНЛАЙН-ДОГОВОРЕ LIABILITY FOR VIOLATION OF OBLIGATIONS IN AN ONLINE CONTRACT

НАТАЕВА Залина Амадиевна,

старший преподаватель кафедры «Гражданское право и процесс»
Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова
364024, Россия, Чеченская республика, г. Грозный, ул. А. Шерипова, д. 32.
E-mail: animula_88@mail.ru;

NATAEVA Zalina Amadiyevna,

Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure
Kadyrov Chechen State University.
364024, Chechen Republic, Grozny, A.D. Sheripova str. 32.
E-mail: animula_88@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматривается онлайн-договор как особая форма заключения гражданско-правовой сделки в электронной форме, основанная на конструкции оферты и акцепта и подтверждаемая электронными средствами идентификации. Анализируются основания и пределы гражданско-правовой ответственности за неисполнение и ненадлежащее исполнение обязательств, соотношение неустойки и возмещения убытков, начисление процентов за пользование чужими денежными средствами, а также договорные механизмы перераспределения рисков, включая возмещение потерь. Исследуются особенности доказывания в электронной среде (электронные документы, переписка, технические логи), влияние формы электронной подписи на презумпции и бремя доказывания, а также значение вины, причинной связи и непреодолимой силы. Отдельное внимание уделено регулированию дистанционной торговли и роли владельца агрегатора информации о товарах (услугах) в распределении ответственности перед потребителем.

Abstract. The article examines an online contract as a special form of concluding a civil law transaction in electronic form, based on the concepts of offer and acceptance, and confirmed by electronic means of identification. The article analyzes the grounds and limits of civil liability for non-performance and improper performance of obligations, the relationship between penalties and damages, the calculation of interest for the use of other people's money, and the contractual mechanisms for redistributing risks, including the compensation of losses. The article explores the features of proof in the electronic environment (electronic documents, correspondence, and technical logs), the impact of the form of electronic signature on the presumptions and burden of proof, as well as the significance of guilt, causal relationship, and force majeure. Special attention is given to the regulation of distance selling and the role of the owner of the product (service) information aggregator in the distribution of responsibility to the consumer.

Ключевые слова: онлайн-договор, электронная форма сделки, оферта, акцепт, электронная подпись, идентификация, электронные доказательства.

Keywords: online contract, electronic form of transaction, offer, acceptance, electronic signature, identification, electronic evidence.

Для цитирования: Натаева З.А. Ответственность за нарушение обязательств в онлайн-договоре // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 356-358. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_356.

For citation: Nataeva Z.A. Liability for violation of obligations in an online contract // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 356-358. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_356.

Статья поступила в редакцию: 28.07.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Введение. В условиях цифровизации гражданского оборота онлайн-договор выступает как разновидность гражданско-правовой сделки, совершаемой посредством электронного взаимодействия сторон, что обостряет классические вопросы договорной ответственности: основания и пределы возложения убытков, соотношение неустойки и возмещения вреда, распределение рисков и бремени доказывания. Теоретическую основу составляют положения договорного права, разработанные М.И. Брагинским и В.В. Витрянским (о структуре нарушения обязательства, формах ответственности, условиях освобождения от ответственности), которые сохраняют методологическое значение и для электронных сделок.

Актуальность темы усиливается трансформацией нормативной базы: введение статуса «владельца агрегатора информации о товарах (услугах)» и специальных правил его ответственности перед потребителем с 1 января 2019 года изменили конфигурацию участников обязательственного отношения в онлайн и повлияли на модели распределения ответственности. Существенное значение имеет правовой режим электронной подписи как средства идентификации и подтверждения волеизъявления при заключении договора: различие простой, усиленной неквалифицированной и квалифицированной подписи прямо влияет на оценку надлежащего исполнения и доказуемость факта нарушения. Правоприменительная практика подтверждает расширение круга электронных доказательств (включая переписку и скриншоты), что влияет на установление факта ненадлежащего исполнения и вины должника. Научная дискуссия развивается и в специальных исследованиях об электронных договорах и ответственности по ним (в т.ч. исследования Х.В. Идрисова и новейшие обзоры правового режима договоров в сети Интернет), где акцентируются проблемы квалификации оферты и акцепта через интерфейс, а также пробелы в доктринальном разграничении ответственности участников цифровых платформ.

Нарушение обязательств в онлайн-договоре имеет двойную специфику: цифровую форму волеизъявлений и массово-стандартизированный характер условий. Как правило, договор возникает из публичной оферты на сайте (или в приложении) и ее акцепта путем совершения действий – нажатия кнопки «заказать», оплаты, указания адреса доставки и т. п. Для таких сделок существенна письменная форма в электронном виде: Гражданский кодекс допускает заключение договора посредством обмена электронными документами, а письменная форма соблюдается при использовании электронной подписи, в том числе простой – если это предусмотрено законом или соглашением сторон; квалифицированная электронная подпись приравнивает электронный документ к бумажному с собственноручной подписью. Это задает рамки для

последующего доказывания факта заключения и содержания договора [2, с. 122].

По конструкции большинство онлайн-договоров – договоры присоединения: условия сформулированы одной стороной (продавцом, оператором платформы) и принимаются пользователем целиком. Это критично для оценки оговорок об ограничении ответственности и праве поставщика в одностороннем порядке изменять условия. Российское право не допускает произвольного одностороннего отказа от исполнения или изменения условий, если иное не следует прямо из закона либо договора и существа обязательства; в потребительских отношениях преимущество отдаётся стороне, не ведущей предпринимательскую деятельность. Суд может устранять несправедливые условия договора присоединения, создающие существенный дисбаланс.

Состав гражданско-правового правонарушения при онлайн-договоре типовой: противоправность (неисполнение либо ненадлежащее исполнение – просрочка поставки, непредоставление цифрового контента, сбой в доступе к сервису), причинная связь, вина. Общие основания ответственности установлены статьёй 401 ГК РФ: предприниматель отвечает, если не докажет непреодолимую силу; отсутствие денежных средств, проблемы у контрагентов, рыночные колебания не признаются форс-мажором. Предварительное соглашение об устранении либо ограничении ответственности за умышленное нарушение ничтожно, что особенно важно для типовых пользовательских соглашений.

Правовые последствия нарушения по онлайн-договорам строятся на системе убытков, процентов по денежным обязательствам и неустойки. Должник возмещает кредитору реальный ущерб и упущенную выгоду (общая норма об убытках – ст. 393 ГК РФ). За неправомерное пользование чужими денежными средствами начисляются проценты по ключевой ставке Банка России (ст. 395 ГК РФ); они взыскиваются до дня фактической уплаты долга. Если в договоре установлена (или законом предусмотрена) неустойка, она взыскивается независимо от убытков и доказывания их размера (ст. 330 ГК РФ), но суд вправе снизить ее при явной несоразмерности последствиям нарушения (ст. 333 ГК РФ). Соотношение убытков и неустойки определяется ст. 394 ГК РФ: либо зачетная, либо штрафная модель – в зависимости от условия закона или соглашения.

Сохранение интереса в «натуральном» исполнении – часто ключевой вопрос для цифровых услуг (восстановить доступ, передать лицензию, удалить неправомерный контент). По ст. 396 ГК РФ уплата неустойки/убытков при ненадлежащем исполнении не освобождает от исполнения в натуре, если иное не оговорено; при неисполнении – наоборот, убытки и неустойка обычно заменяют исполнение. Для понуждения к действию действует специальный инструмент – «судебная неустойка» (астрент) по ст. 308.3 ГК РФ: суд, удовлетворяя требование о понуждении, может присудить дополнительную денежную сумму за каждый день (случай) неисполнения судебного акта, стимулируя реальное исполнение в цифровой среде.

Если онлайн-договор заключён с потребителем дистанционным способом, к последствиям нарушения добавляются специальные императивные гарантии. Статья 26.1 Закона о защите прав потребителей закрепляет особенности дистанционной продажи, включая право на отказ в течение семи дней после передачи товара и обязанность продавца оперативно вернуть уплаченные суммы; детальные правила дистанционной торговли утверждены Постановлением Правительства № 2463, в котором определены момент заключения договора и подтверждение на условиях оферты, а также информационные обязанности продавца. Кроме того, если продажа происходила через «агрегатора информации о товарах (услугах)», владелец агрегатора несёт ответственность за недостоверную (неполную) информацию и обязан возратить предварительную оплату при установленных законом условиях, тогда как за качество и исполнение отвечает продавец/исполнитель. Эти конструкции распределяют риски между продавцом, платформой и потребителем, ограничивая допустимость оговорок об отказе от ответственности [7, с. 81].

Доказательства нарушения в «цифре» имеют процессуальную специфику. В арбитражном и гражданском процессе к письменным доказательствам прямо отнесены документы в форме цифровой записи, в том числе полученные посредством электронной связи, подписанные электронной подписью; это охватывает логи заказов, переписку, чек-боксы согласия, электронные квитанции, акты и т. п. При этом квалифицированная электронная подпись приравнивает электронный документ к бумажному; простая и неквалифицированная – действуют при соблюдении условий закона или соглашения участников электронного взаимодействия, включая порядок проверки подписи. Всё это влияет на распределение бремени доказывания фактов заключения, исполнения и нарушения обязательств.

Юридическая ответственность за нарушение обязательств в онлайн-договоре строится на общих нормах обязательственного права с учётом особенностей цифровой формы и типично присоединительного характера таких сделок. Базовые основания ответственности закреплены в статье 401 ГК РФ: лицо отвечает при наличии вины, а освобождение возможно лишь при доказанности непреодолимой силы; заранее заключённое условие об устранении либо ограничении ответственности за умышленное нарушение ничтожно. Пленум Верховного Суда разъяснил распределение бремени доказывания по этим вопросам и подтвердил пределы договорного ограничения ответственности [3, с. 262].

Содержание ответственности определяется совокупностью мер: возмещение убытков (реальный ущерб и упущенная выгода), проценты за пользование чужими денежными средствами, неустойка, а также присуждение исполнения в натуре и судебная неустойка (астрент). Общая норма об убытках сформулирована в статье 393 ГК РФ, дополненная специальными правилами о покрывающих и абстрактных убытках при прекращении договора (статья 393.1). Верховный Суд подчеркнул, что цель возмещения – поставить кредитора в положение надлежащего исполнения, а также допустить расчёт по текущей цене и указал, что невозможность точного исчисления не является самостоятельным основанием для отказа в иске.

Если нарушение связано с денежным обязательством, действует статья 395 ГК РФ: взыскиваются проценты за неправомерное пользование денежными средствами по день фактической уплаты долга; при этом проценты засчитываются в счёт убытков, а сверх них кредитор вправе доказать и взыскать превышающие убытки. Одновременно по статье 317.1 ГК РФ возможны «законные» проценты как элемент платности денежного обязательства; они не заменяют санкционные проценты по статье 395 ГК РФ и соотносятся с ними по различным основаниям.

Неустойка как договорная либо законная мера ответственности (статья 330 ГК РФ) может сочетаться с убытками по правилам статьи 394 ГК РФ: по общему правилу – зачетная модель, но законом или соглашением сторон возможны исключительная, альтернативная или штраф-

ная конструкции. Суд вправе снизить явно несоразмерную неустойку по статье 333 ГК РФ, что особенно значимо для стандартных онлайн-условий с завышенными пенями за просрочку оплаты или доступа к сервису.

Сохранение интереса кредитора в реальном исполнении имеет практическое значение для цифровых услуг (восстановление доступа, предоставление лицензии, удаление противоправного контента). По статье 396 ГК РФ уплата неустойки и возмещение убытков при ненадлежащем исполнении не освобождают от исполнения в натуре; для понуждения применяется механизм судебной неустойки (астрент) по статье 308.3 ГК РФ, назначаемый за неисполнение судебного акта об исполнении обязанности в натуре [1, с. 80].

В онлайн-отношениях нередко встречаются оговорки об ограничении ответственности и об одностороннем изменении условий. Российское право допускает ограничение размера ответственности лишь в пределах статьи 400 ГК РФ и при соблюдении запрета на освобождение от ответственности за умысел (пункт 4 статьи 401), а в договорах присоединения суд вправе корректировать явно обременительные условия, исключающие или ограничивающие ответственность сильной стороны (пункт 2 статьи 428 ГК РФ). Односторонний отказ от исполнения и одностороннее изменение условий возможны только в случаях, предусмотренных законом или договором при соблюдении специальных ограничений.

Специфика распределения рисков в онлайн проявляется и через институт «возмещения потерь» (статья 406.1 ГК РФ): стороны могут согласовать компенсацию предвидимых утрат, которые уже понесены или с неизбежностью возникнут вследствие определённых обстоятельств, – это средство договорного перераспределения рисков, отличное от убытков и неустойки и подчинённое специальным ограничениям, сформулированным в разъяснениях Верховного Суда.

На стороне кредитора действует и обязанность разумного уменьшения убытков; при её нарушении суд уменьшает ответственность должника (статья 404 ГК РФ). Это правило особенно важно при массовых онлайн-продажах и подписочных услугах, где кредитор может оперативно заключить покрывающую сделку либо прекратить пользование платной услугой, минимизируя потери.

Если онлайн-договор заключён с потребителем дистанционным способом, помимо общегражданских мер применяются императивные санкции Закона о защите прав потребителей. За просрочку передачи предварительно оплаченного товара продавец уплачивает неустойку в размере одной второй процента за каждый день просрочки, но не более суммы предоплаты (статья 23.1), за нарушение иных сроков – законную неустойку по статье 23, а за неудовлетворение требований потребителя в добровольном порядке взыскивается дополнительный штраф в размере пятидесяти процентов от присуждённой суммы (пункт 6 статьи 13). Эти меры носят публично-правовой охранительный характер и не могут быть отменены или уменьшены соглашением сторон.

Для владельцев онлайн-платформ следует учитывать и специальные режимы ответственности в смежных сферах. Так, при нарушении исключительных прав применяются правила об информационном посреднике (статья 1253.1 ГК РФ), предусматривающие условия освобождения от ответственности при своевременном принятии мер и отсутствии инициирования передачи или размещения материала; однако это не подменяет договорную ответственность перед контрагентами по собственным обязательствам платформы.

Заключение. Таким образом, онлайн-договор не выводит отношения сторон из-под общего режима обязательственного права, но существенно повышает значимость надлежащей формы волеизъявления и электронных доказательств. Ответственность за нарушение обязательств в онлайн строится на сочетании диспозитивных механизмов Гражданского кодекса (возмещение убытков, неустойка, проценты, распределение рисков, возмещение потерь, форс-мажор) и императивных гарантий защиты прав потребителей, дополняемых специальным статусом владельца агрегатора информации. Практика показывает: ключевыми становятся идентификация стороны (электронная подпись, аутентификация), фиксация момента заключения и исполнения, прозрачные правила уведомлений и доказывания. Для снижения конфликтности целесообразно прямо закреплять в договоре: порядок акцепта и отказа, критерии надлежащего исполнения, соотношение неустойки и убытков, применение процентов, условия «возмещения потерь» и оговорку о непреодолимой силе, а также регламентировать доказательственную силу логов и переписки.

Список литературы:

1. Абрамов В. А. Сделки и договоры: комментарии, разъяснения. 5-е изд., доп. – Москва: Ось-89, 2000. – 191 с.
2. Алексеева О. Г. (ред.) Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2. – Москва: Статут, 2021. – 602 с.
3. Елифанцев А. В. Современные электронные средства и формы сделок // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 8. С. 260–263.
4. Ефимова Л. Г. Еще раз о понятии и правовой природе электронной формы сделки // Lex Russica. 2019. № 8 (153). С. 129–137.
5. Зульфугарзаде Т. Э.; Габараев А. Ш. Электронная форма сделки и цифровые права: учебное пособие. – Москва: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2022. – 156 с.
6. Крысанова Н. В. Электронные сделки в гражданском праве // Государство и право в новой информационной реальности. 2018. № 1. С. 216–224.
7. Маркелова М. В. Применение электронной подписи во внешнеэкономических сделках // Наука и образование сегодня. 2017. № 1 (12). С. 48–49.
8. Новоселова Л. А.; Гринь О. С. Цифровизация интеллектуальной собственности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 39. С. 164–183.
9. Сулейменова А. Р. О способах заключения гражданско-правовых сделок с использованием электронных технических средств // Российско-азиатский правовой журнал. 2021. № 3. С. 35–37.
10. Фомина О. Н. Правовая природа ответственности информационного посредника // Гражданское право. 2022. № 2. С. 33–36.

References:

1. Abramov V. A. Transactions and Contracts: Comments and Explanations. 5th ed., add. – Moscow: Os-89, 2000. – 191 p.
2. Alekseeva O. G. (ed.) Civil Law: Textbook: in 2 vols. Vol. 2. – Moscow: Statut, 2021. – 602 p.
3. Efilantsev A. V. Modern Electronic Means and Forms of Transactions // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2018. No. 8. Pp. 260–263.
4. Efimova L. G. Once Again on the Concept and Legal Nature of the Electronic Form of a Transaction // Lex Russica. 2019. No. 8 (153). Pp. 129–137.
5. Zulfugarzade T. E.; Gabaraev A. Sh. Electronic Form of a Transaction and Digital Rights: Textbook. – Moscow: Plekhanov Russian University of Economics, 2022. – 156 p.
6. Krysanova N. V. Electronic Transactions in Civil Law // State and Law in the New Information Reality. 2018. No. 1. Pp. 216–224.
7. Markelova M. V. Application of Electronic Signature in Foreign Economic Transactions // Science and Education Today. 2017. No. 1 (12). Pp. 48–49.
8. Novoselova L. A.; Grin O. S. Digitalization of Intellectual Property // Bulletin of Tomsk State University. Law. 2019. No. 39. Pp. 164–183.
9. Suleimenova A. R. On the Methods of Concluding Civil Law Transactions Using Electronic Technical Means // Russian-Asian Legal Journal. 2021. No. 3. Pp. 35–37.
10. Fomina O. N. The Legal Nature of the Information Mediator's Responsibility // Civil Law. 2022. No. 2. Pp. 33–36.

ЗНАЧЕНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В СФЕРЕ ПРЕТЕНЗИЙ К ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ THE IMPORTANCE OF STUDYING FOREIGN JUDICIAL PRACTICE IN THE FIELD OF CLAIMS AGAINST ARTIFICIAL INTELLIGENCE FOR THE RUSSIAN FEDERATION

ШУХОВ Федор Гелиевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры организации, экономики, управления ветеринарного дела
ФГБОУ ВО СПбГУВМ.

196084, Россия, г. Санкт-Петербург, Черниговская ул., 5.

E-mail: fedor.ru@bk.ru;

SHUKHOV Fedor Gelievich,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Organization, Economics, and Veterinary Management,
FSBEI HE SPbSUVM.

196084, Russia, St. Petersburg, Chernigov St., 5.

E-mail: fedor.ru@bk.ru

Краткая аннотация: в статье рассматривается значение анализа зарубежной судебной практики по претензиям к искусственному интеллекту для правового регулирования искусственного интеллекта (ИИ) в Российской Федерации. Исследуются ключевые аспекты применения международного опыта в контексте развития отечественного законодательства об искусственном интеллекте. Особое внимание уделяется вопросам минимизации правовых рисков для российских разработчиков ИИ-решений, формирования нормативной базы и этических стандартов. На примере конкретных судебных precedентов демонстрируются типичные правовые коллизии в сфере ИИ. Анализируются перспективы использования зарубежного опыта для совершенствования российской правоприменительной практики, обеспечения технологического суверенитета и реализации положений Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года.

Abstract: the article discusses the importance of analyzing foreign judicial practice on claims against artificial intelligence for the legal regulation of artificial intelligence (AI) in the Russian Federation. Key aspects of applying international experience in the context of developing domestic legislation on artificial intelligence are examined. Particular attention is paid to minimizing legal risks for Russian developers of AI solutions, forming a regulatory framework and ethical standards. Typical legal conflicts in the field of AI are demonstrated using specific judicial precedents. The prospects for using foreign experience to improve Russian law enforcement practice, ensure technological sovereignty and implement the provisions of the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence until 2030 are analyzed.

Ключевые слова: искусственный интеллект, интеллектуальное право, OpenAI, Yandex, Google, fair use, комплаенс-стратегия.

Keywords: artificial intelligence, intellectual property rights, OpenAI, Yandex, Google, fair use, compliance strategy.

Для цитирования: Шухов Ф.Г. Значение изучения зарубежной судебной практики в сфере претензий к искусственному интеллекту для Российской Федерации // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 359-361. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_359.

For citation: Shukhov F.G. The Importance of Studying Foreign Judicial Practice in the Field of Claims against Artificial Intelligence for the Russian Federation // *Agriarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 359-361. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_359.

Статья поступила в редакцию: 06.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Развитие искусственного интеллекта в Российской Федерации характеризуется уникальной траекторией, объединяющей академические традиции, государственную поддержку и стратегическое планирование. Страна обладает значительным научно-техническим потенциалом в сфере математического моделирования, машинного обучения и фундаментальных исследований, что создает предпосылки для разработки инновационных решений. Вместе с тем, несмотря на активную интеграцию технологий ИИ в приоритетные отрасли - от оборонно-промышленного комплекса до цифровой трансформации экономики - отечественная экосистема сталкивается с системными вызовами, связанными с масштабированием технологий, коммерциализацией разработок и интеграцией в мировые технологические цепочки.

Современная экономика переживает период активной цифровой трансформации, где искусственный интеллект выступает ключевым драйвером изменений. Как отмечают отраслевые эксперты, технологии ИИ уже сегодня находят широкое практическое применение в различных секторах, демонстрируя измеримую эффективность и создавая основу для дальнейшего развития [1].

В промышленном секторе, по мнению основателя Netrack Алексея Рубакова, ИИ-решения успешно решают задачи предиктивного обслуживания оборудования. Современные системы на основе машинного обучения способны анализировать комплекс параметров работы техники - от вибрационных характеристик до температурных режимов и акустических показателей, что позволяет заблаговременно выявлять потенциальные неисправности и предотвращать простои производства. Эта позиция находит подтверждение в оценках руководителя продуктового направления Data Science в Hybrid Ильи Лысенко, который отмечает особую востребованность интеллектуальных систем в трех взаимосвязанных направлениях: технической диагностике оборудования, управлении производственными процессами и комплексном мониторинге производственных показателей. Именно в этих областях предприятия получают наиболее ощутимый экономический эффект от внедрения ИИ [2].

Параллельно с промышленной трансформацией происходит активное внедрение интеллектуальных технологий и в других значимых секторах экономики. Руководитель направления «Искусственный интеллект» Softline Digital Максим Милков выделяет финансовую сферу, розничную торговлю, здравоохранение и агропромышленный комплекс как наиболее перспективные направления для применения ИИ. В финансовом секторе и ритейле массовое внедрение интеллектуальных систем обусловлено наличием значительных массивов структурированных данных, что создает идеальные условия для применения алгоритмов машинного обучения. Речь идет о таких направлениях, как анализ транзакций, про-

тивоедействие мошенничеству, персонализация услуг в банковской сфере, а также оптимизация логистики и управление товарными запасами в розничной торговле [2].

Особый интерес представляет применение ИИ в здравоохранении, где цифровая трансформация, поддерживаемая государственными программами, обеспечивает накопление обширных баз медицинских изображений и электронных карт пациентов. Это создает основу для развития таких направлений, как автоматизированный анализ диагностических снимков, прогностическая медицина и персонализированное лечение. Не менее перспективным выглядит внедрение интеллектуальных систем в агропромышленном комплексе, где технологии ИИ помогают решать двудеиную задачу повышения урожайности при одновременном снижении издержек через оптимизацию ресурсопотребления и точный мониторинг состояния посевов.

Однако процесс повсеместного внедрения ИИ-решений сталкивается с рядом системных вызовов. Среди ключевых ограничений эксперты отмечают необходимость комплексной цифровой трансформации бизнес-процессов, дефицит квалифицированных кадров и отсутствие устоявшейся нормативно-правовой базы. Тем не менее, приведенные оценки убедительно свидетельствуют, что искусственный интеллект уже сегодня становится важнейшим фактором повышения эффективности и конкурентоспособности в различных секторах экономики, а его роль будет только возрастать по мере преодоления существующих барьеров и накопления практического опыта применения.

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 определяет амбициозные целевые показатели, включая увеличение присутствия России на глобальном рынке ИИ. При этом доминирующая роль государственных корпораций и специализированных оборонных программ формирует специфическую модель технологического развития, в которой особую значимость приобретают вопросы этического регулирования, международного партнерства и обеспечения технологического суверенитета.

Изучение иностранной практики позволяет России оперативно корректировать законодательство, защищать бизнес от исков, формировать конкурентные ИИ-продукты, укреплять позиции в глобальной «гонке ИИ». Это особенно важно в условиях санкций и необходимости технологического суверенитета.

В условиях стремительного развития технологий искусственного интеллекта и формирования глобального правового поля его регулирования, анализ зарубежной судебной практики приобретает особую значимость для Российской Федерации. Активное внедрение ИИ-технологий в различные сферы экономики и социальной жизни, а также их трансграничный характер обуславливают необходимость тщательного изучения международного опыта правового регулирования и судебных precedентов.

Одним из ключевых аспектов является минимизация правовых рисков для российских разработчиков ИИ-решений. Многочисленные судебные precedенты, такие как дела против OpenAI, Stability AI и Google, демонстрируют типичные правовые коллизии, возникающие в сфере авторского права, использования персональных данных и товарных знаков [3]. В частности, кейс Getty Images против Stability AI, где рассматривался вопрос незаконного использования защищенных изображений для обучения нейросетей, представляет особый интерес для российских компаний, разрабатывающих генеративные модели [4]. Анализ подобных precedентов позволяет отечественным разработчикам заранее выявлять потенциально уязвимые места в своих бизнес-моделях и технологических процессах.

Формирование российской нормативно-правовой базы в сфере ИИ, включая Кодекс этики искусственного интеллекта и Национальную стратегию развития ИИ до 2030 года, требует глубокого понимания международного опыта [5]. Изучение правоприменительной практики таких юрисдикций, как США, страны ЕС и Китай, позволяет выявить оптимальные подходы к регулированию сложных вопросов, связанных с ответственностью за решения ИИ, защитой интеллектуальной собственности и персональных данных. Особую ценность представляет анализ эволюции доктрины "добросовестного использования" (fair use) в контексте обучения ИИ-моделей, что нашло отражение в деле New York Times против Microsoft и OpenAI [3].

Для российских компаний, ориентированных на международные рынки, знание зарубежной судебной практики становится критически важным элементом compliance-стратегии. Precedенты, подобные делу Lerman против Lovo, где рассматривались вопросы незаконного использования голосов актеров, демонстрируют необходимость тщательной проработки юридических аспектов при создании и коммерциализации ИИ-продуктов [6]. Это особенно актуально для таких российских технологических компаний, как Sber AI и Yandex, которые активно развивают свои ИИ-решения.

Этический аспект регулирования ИИ также требует внимательного изучения международного опыта. Судебные решения по делам, связанным с дискриминацией алгоритмов или нарушением прав человека как в случае с системой COMPAS в США, предоставляют ценные уроки для формирования российской системы этического регулирования ИИ [7]. Эти знания особенно важны в свете создания в России Комиссии по этике искусственного интеллекта [8].

В контексте военно-технического применения ИИ анализ зарубежной судебной практики позволяет прогнозировать потенциальные правовые ограничения и санкционные риски. Дело Илона Маска против OpenAI, где поднимались вопросы двойного назначения ИИ-технологий, демонстрирует сложность правового ландшафта в этой сфере [9]. Для российских оборонных проектов, таких как боевой БПЛА С-70 "Охотник-Б", понимание этих аспектов имеет стратегическое значение [10].

Перспективы международного сотрудничества России в сфере ИИ, особенно с такими партнерами как Китай, также требуют глубокого понимания глобальной правовой динамики. Опыт урегулирования трансграничных споров и конфликтов юрисдикций, как в случае с исками против GitHub Copilot, должен учитываться при разработке совместных проектов и заключении международных соглашений [11].

Искусственный интеллект уже сегодня является ключевым драйвером цифровой трансформации, значительно повышая эффективность и конкурентоспособность различных секторов экономики — от промышленности и финансов до здравоохранения и агропромышленного комплекса. Однако его повсеместное внедрение сопровождается системными вызовами, включая необходимость адаптации законодательства, минимизацию правовых рисков и обеспечение этических норм.

Изучение зарубежной судебной практики в сфере претензий к ИИ предоставляет Российской Федерации уникальную возможность:

- Совершенствовать национальное регулирование, опираясь на международный опыт, чтобы избежать повторения ошибок и создать благоприятные условия для развития ИИ-технологий.

- Защищать интересы российских разработчиков, предупреждая потенциальные судебные иски и санкционные риски, особенно в условиях глобальной технологической конкуренции.

- Формировать этические стандарты, обеспечивая прозрачность и справедливость алгоритмов, что критически важно для доверия общества и устойчивого развития ИИ.

- Укреплять международное сотрудничество, учитывая трансграничный характер ИИ и необходимость гармонизации правовых подходов.

Таким образом, применение ИИ не только открывает новые горизонты для экономического роста и инноваций, но и требует взвешенного подхода к его регулированию. Анализ зарубежного опыта позволяет России не только минимизировать риски, но и занять лидирующие позиции в глобальной «гонке ИИ», обеспечивая технологический суверенитет и реализацию амбициозных целей, заложенных в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года.

Список литературы:

- 1) Эффективные отечественные практики применения технологий искусственного интеллекта в промышленности: [Электронный ресурс] // АНО «Цифровая экономика». URL: <https://files.data-economy.ru/Docs/AI-prom-2.pdf> (дата обращения: 03.08.2025)
- 2) Искусственный интеллект (рынок России): [Электронный ресурс] // TAdviser. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 03.08.2025)
- 3) OpenAI, Anthropic, and Meta: Tracking the lawsuits filed against the major AI companies: [Электронный ресурс] // Fast Company Middle East. URL: <https://fastcompany.me.com/technology/openai-anthropic-and-meta-tracking-the-lawsuits-filed-against-the-major-ai-companies/> (дата обращения: 04.08.2025)
- 4) Understand Getty Images v Stability AI in 6 key points: [Электронный ресурс] // TLT. URL: <https://www.tlt.com/insights-and-events/insight/understand-getty-images-v-stability-ai-in-6-key-points/> (дата обращения: 04.08.2025)
- 5) Кодекс этики в сфере ИИ: [Электронный ресурс] // Альянс в сфере искусственного интеллекта. URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 04.08.2025)
- 6) Case 1:24-cv-03770-JPO OPINION AND ORDER: [Электронный ресурс] // UNITED STATES DISTRICT COURT SOUTHERN DISTRICT OF NEW YORK. URL: <https://nysd.uscourts.gov/sites/default/files/2025-07/Lovo%20v%20Lehrman.pdf> (дата обращения: 04.08.2025)
- 7) Wang X, Wu YC, Ji X, Fu H. Algorithmic discrimination: examining its types and regulatory measures with emphasis on US legal practices: [Электронный ресурс] // Front Artif Intell. 2024 May 21;7:1320277. doi: 10.3389/frai.2024.1320277. PMID: 38836021; PMCID: PMC11148221. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11148221/> (дата обращения: 04.08.2025)
- 8) В России создана Комиссия по этике в сфере искусственного интеллекта: [Электронный ресурс] // Альянс в сфере искусственного интеллекта. URL: https://a-ai.ru/?page_id=1541 (дата обращения: 05.08.2025)
- 9) Elon Musk to go ahead with lawsuit against OpenAI despite nonprofit control statement, lawyer says: [Электронный ресурс] // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/business/elon-musk-keep-lawsuit-against-openai-despite-nonprofit-control-statement-lawyer-2025-05-06/> (дата обращения: 05.08.2025)
- 10) Ударный беспилотник С-70 «Охотник»: характеристики и боевое применение: [Электронный ресурс] // РИАМО. URL: https://riamo.ru/articles/aktsenty/udarnyj-bespiilotnik-s-70-ohotnik-harakteristiki-i-boevoe-primenenie/?from=inf_cards (дата обращения: 05.08.2025)
- 11) GitHub and Copilot Intellectual Property Litigation: [Электронный ресурс] // The Joseph Saveri Law Firm. URL: <https://www.saverilawfirm.com/about-the-firm/> (дата обращения: 05.08.2025)

References:

- 1) Effective domestic practices of using artificial intelligence technologies in industry: [Electronic resource] // ANO "Digital Economy". URL: <https://files.data-economy.ru/Docs/AI-prom-2.pdf> (date of request: 08/03/2025)
- 2) Artificial Intelligence (Russian market): [Electronic resource] // TAdviser. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (date of request: 08/03/2025)
- 3) OpenAI, Anthropic, and Meta: Tracking the lawsuits filed against the major AI companies: [Electronic resource] // Fast Company Middle East. URL: <https://fastcompany.me.com/technology/openai-anthropic-and-meta-tracking-the-lawsuits-filed-against-the-major-ai-companies/> (accessed: 08/04/2025)
- 4) Understand Getty Images v Stability AI in 6 key points: [Electronic resource] // TLT. URL: <https://www.tlt.com/insights-and-events/insight/understand-getty-images-v-stability-ai-in-6-key-points/> (date of request: 08/04/2025)
- 5) Code of ethics in the field of AI: [Electronic resource] // Alliance in the field of artificial intelligence. URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (date of request: 08/04/2025)
- 6) Case 1:24-cv-03770-JPO OPINION AND ORDER: [Electronic resource] // UNITED STATES DISTRICT COURT SOUTHERN DISTRICT OF NEW YORK. URL: <https://nysd.uscourts.gov/sites/default/files/2025-07/Lovo%20v%20Lehrman.pdf> (date of request: 08/04/2025)
- 7) Wang X, Wu YC, Ji X, Fu H. Algorithmic discrimination: examining its types and regulatory measures with emphasis on US legal practices: [Electronic resource] // Front Artif Intell. 2024 May 21;7:1320277. doi: 10.3389/frai.2024.1320277. PMID: 38836021; PMCID: PMC11148221. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11148221/> (date of request: 08/04/2025)
- 8) A Commission on ethics in the field of artificial intelligence has been established in Russia: [Electronic resource] // Alliance in the field of artificial intelligence. URL: https://a-ai.ru/?page_id=1541 (date of request: 08/05/2025)
- 9) Elon Musk to go ahead with lawsuit against OpenAI despite nonprofit control statement, lawyer says: [Electronic resource] // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/business/elon-musk-keep-lawsuit-against-openai-despite-nonprofit-control-statement-lawyer-2025-05-06/> (date of request: 08/05/2025)
- 10) The S-70 Hunter attack drone: characteristics and combat use: [Electronic resource] // RIAMO. URL: https://riamo.ru/articles/aktsenty/udarnyj-bespiilotnik-s-70-ohotnik-harakteristiki-i-boevoe-primenenie/?from=inf_cards (accessed: 08/05/2025)
- 11) GitHub and Copilot Intellectual Property Litigation: [Electronic resource] // The Joseph Saveri Law Firm. URL: <https://www.saverilawfirm.com/about-the-firm/> (date of request: 08/05/2025)

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_362

УДК 349.414

К ВОПРОСУ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛИЗИНГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ РОССИИ: АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМ И ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ

ON THE ISSUE OF CIVIL LAW REGULATION OF LEASING RELATIONS IN THE AGRICULTURAL SECTOR OF THE RUSSIAN ECONOMY: ANALYSIS OF INDIVIDUAL ECONOMIC AND LEGAL PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

ВЛАСОВ Валерий Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права и экологических экспертиз Красноярского государственного аграрного университета, доцент кафедры гражданского права и процесса Сибирского юридического института МВД России, доцент кафедры государственного и муниципального управления Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, действительный член РАЕН, член РАЮН, член Общественной палаты г. Красноярск, член Совета Красноярского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России». 660049, Россия, г. Красноярск, пр. Мира 90.
E-mail: vav.70@mail.ru;

ЦАРИКОВ Александр Сергеевич,

бакалавр Юридического института Красноярского государственного аграрного университета. 660049, Россия, г. Красноярск, пр. Мира 90.
E-mail: tsarikov042007@bk.ru;

VLASOV Valery Alexandrovich,

PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Land Law and Environmental Expertise Krasnoyarsk State Agrarian University, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration Siberian Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia, full member of the Russian Academy of Natural Sciences, member of the RAYUN, member of the Public Chamber of Krasnoyarsk, member of the Council of the Krasnoyarsk Regional branch of the All-Russian public organization "Association of Lawyers of Russia". 90 Mira ave., Krasnoyarsk, Russia, 660049.
E-mail: vav.70@mail.ru;

TSARIKOV Alexander Sergeyevich,

Bachelor's degree from the Law Institute of the Krasnoyarsk State Agrarian University. 90 Mira ave., Krasnoyarsk, Russia, 660049.
E-mail: tsarikov042007@bk.ru

Краткая аннотация: Авторами предпринята попытка экономико-правового анализа некоторых актуальных проблем гражданско-правового регулирования лизинговых отношений в аграрном секторе экономики России, а также предложены пути их решения. Отмечается, что наличие правовых проблем и пробелов, выраженных в отсутствии специальных правовых норм в правовом регулировании рассматриваемого института, приводит к трудностям в применении общегражданского законодательства. В исследовании осуществлена оценка текущего состояния аграрного сектора, при помощи графического способа подачи информации представлен анализ отдельных ключевых показателей агролизинга (в сравнение взяты доли активных лизинговых сделок и рентабельность инвестиций в сельское хозяйство), а также определены экономико-правовые векторы развития аграрных лизинговых правоотношений в Российской Федерации.

Abstract: The authors undertake an economic and legal analysis of some current issues in the civil regulation of leasing relations in the Russian agricultural sector and propose solutions. They note that the existence of legal problems and gaps, manifested in the absence of specific legal norms in the legal regulation of this institution, leads to difficulties in the application of general civil law. The study assesses the current state of the agricultural sector, using a graphical presentation of information to analyze individual key indicators of agroleasing (comparing the share of active leasing transactions and the return on investment in agriculture), and identifies economic and legal vectors for the development of agricultural leasing relations in the Russian Federation.

Ключевые слова: экономика, право, финансовая аренда, лизинг, агролизинг, договор, сделки, аграрное право, гражданское право, сельское хозяйство, сельскохозяйственный товаропроизводитель, санкции.

Key words: economics, law, financial lease, leasing, agroleasing, contract, transactions, agrarian law, civil law, agriculture, agricultural producer, sanctions.

Для цитирования: Власов В.А., Цариков А.С. К вопросу гражданско-правового регулирования лизинговых отношений в аграрном секторе экономики России: анализ отдельных экономико-правовых проблем и перспектив развития // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 362-365. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_362.

For citation: Vlasov V.A., Tsarikov A.S. On the issue of civil law regulation of leasing relations in the agricultural sector of the Russian economy: analysis of individual economic and legal problems and development prospects // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 362-365. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_362.

Статья поступила в редакцию: 15.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Конкурентоспособное развитие отечественного сельского хозяйства напрямую зависит от своевременного и качественного его обеспечения современными материально-техническими ресурсами, в первую очередь сельскохозяйственными машинами, сельскохозяйственным оборудованием тракторами, комбайнами, племенным скотом и т.д. Эффективное внедрение в законодательство Российской Федерации лизинга вообще и агролизинга в частности, актуализирует проблему создания адекватного механизма правового регулирования лизинговых отношений в сельском хозяйстве, решение которой невозможно без глубокого научного осмысления сущности этого феномена.

Эффективное и поступательное развитие сельского хозяйства невозможно без качественного его правового регулирования [14]. Правовое обеспечение сбалансированного аграрного развития Российского государства имеет ключевое значение для реализации национальных интересов и обеспечения продовольственной безопасности страны. Проблема создания и использования инноваций в сельском хозяйстве Российской Федерации является сложной, комплексной и многоаспектной, поскольку ее можно рассматривать не только по отношению к отдельно взятому государству, но и в мировом масштабе в целом [15]. Обращает на себя внимание мнение Н.П. Ворониной, которая пишет о том, что: «решение стратегических задач и переход к модели эколого-ориентированного устойчивого сельского хозяйства невозможно без инновационного пути развития сельского хозяйства» [16]. Для формирования правового поля, способного полноценно и эффективно регулировать весь спектр общественных отношений, возникающих при производстве, переработке и распределении продовольственных товаров, производимых аграрным сектором экономики, возникает необходимость в установлении социальных, экономических и политических условий качественного вектора развития государственно-правовой аграрной политики [17].

Современные условия развития экономики России обусловлены целым рядом важных факторов - высокими рисками, связанными с неопределенной ситуацией на рынке (санкционное противостояние, пандемия), замедлением мировой экономики в целом, кардинальными изменениями логистических систем, рынков сбыта, а также изменением инвестиционных потоков [18]. Именно об этом шла речь в рамках проведения сессий Российского агротехнического форума (РАФ-2025), организация которого была направлена на анализ текущего состояния аграрного сектора экономики, обсуждения кризисных явлений и поиска путей их преодоления для поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей. На пленарном заседании форума Генеральный директор АО «Росагролизинг» П.В. Косов указал, что: «в первом полугодии 2025 года коэффициент совокупного портфеля лизинговых компаний (общая сумма всех действующих лизинговых договоров) сократился на рекордных 8%, что стало первым зафиксированным падением за последние 5 лет. Он обратил внимание на то, что по причине санкционных ограничений (высокие пошлины на удобрения, отсутствие кредитного финансирования, запрет поставок маломощных и компактных тракторов для сбора плодово-ягодной продукции), а также выжидательной позиции клиентов и снижения их платежеспособности сократилось финансирование и вновь созданных юридических лиц-аграрных предпринимателей (в натуральном выражении спад составил 45% на общую сумму 815 млрд. рублей). Также генеральный директор подчеркнул, что сложившаяся ситуация привела не только к корректировке инвестиционных планов, в частности, (программ приобретения колесных транспортных средств), но и к снижению спроса на продажу в лизинг новой сельскохозяйственной техники для крупных агрохолдингов: в сравнении с 2024 годом спрос сократился на 30% [11, 12].

Исследовав информацию, представленную аналитиками Интернет-портала «ГлавПахарь», авторы настоящего исследования обратили внимание на то, что в 2025 году АО «Росагролизинг» существенно снизило суммы финансирования на закупку сельскохозяйственного оборудования с целью дальнейшей её сдачи в аренду сельскохозяйственным товаропроизводителям с последующим выкупом [13]. Причинами такого снижения стали: высокая ключевая ставка Центробанка РФ (17% годовых) и низкая доходность аграрного предпринимательства. Согласно данным, представленным на официальном сайте Министерства сельского хозяйства РФ, за 9 месяцев 2025 года рентабельность сельскохозяйственных товаропроизводителей составила всего 14,8%, что ниже показателей 2024 года на 18,3%. С помощью применения визуального способа представления статистических данных отобразим разницу в объеме инвестирования АО «Росагролизинг» в сельском хозяйстве [10]:

Из представленного выше анализа данных следует, что в современный период времени, в России наблюдаются достаточно серьезные проблемы в дальнейшем развитии института агролизинга [5, с. 151]. Д.В. Козлов верно обратил внимание на то, что: «в России для развития лизинговых процессов органам публичной власти необходимо сконцентрировать своё внимание на разработку и дальнейшее обеспечение правовых условий» [7]. Указанную выше позицию поддерживает А.В. Меликов, который считает, что в настоящее время назрела необходимость в обеспечении стабильности аграрного сектора экономики, которую можно достичь путем разработки мер государственной поддержки и способов использования финансовых ресурсов. По его субъективному мнению, с учётом реформирования нормативной базы можно ожидать дальнейшего роста интереса субъектов к агролизинговым программам для удовлетворения потребностей субъектов аграрного предпринимательства в различных регионах страны [8, с. 21]. Следует поддержать высказанные позиции, поскольку внедрение в систему финансовой аренды ряда правовых механизмов, в дальнейшем сможет оказать положительное влияние на развитие агролизинга в аграрном секторе экономики, определяя его доступность, условия и стимулирование.

Важно подчеркнуть, что законодатель регламентировал лизинговые отношения в нормах Федерального закона от 29.10.1998 № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)», в которых закрепил понятия лизинга, договора лизинга, лизинговой деятельности, установил права и обязанности сторон, предусмотрел меры государственной поддержки лизинговой деятельности [1]. В § 6 гл. 34 ГК РФ содержатся общие нормы, касающиеся договора финансовой аренды (лизинга) (в ст. 665-670 определен предмет договора лизинга, общие условия передачи имущества и ответственность продавца). Кроме того, к отношениям, которые не урегулированы нормами о договоре финансовой аренды, могут применяться правила договора поставки [2]. Также специфику лизинга в сельском хозяйстве дополнительно регулируют отраслевые нормативные акты, например, Постановление Правительства РФ от 31.08.2019 № 1135 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета акционерному обществу «Росагролизинг», г. Москва, на возмещение недополученных доходов при уплате лизингополучателем лизинговых платежей по договорам финансовой аренды (лизинга), заключенным на льготных (специальных) условиях» [3], Решение Минсельхоза России от 23.04.2025 № 22-67656-00052-Р «О порядке предоставления субсидии АО «Росагролизинг» на возмещение недополученных доходов при уплате лизингополучателем лизинговых платежей по договорам финансовой аренды (лизинга), заключенным на льготных (специальных) условиях».

Анализ действующего законодательства показал, что по причине специфики использования лизинга сельскохозяйственными товаропроизводителями, основные положения о договоре финансовой аренды, которые закреплены в § 6 гл. 34 ГК РФ недостаточно раскрывают сущность рассматриваемых авторами правоотношений. Из-за недостаточной проработанности ст. 665 ГК РФ и 666 ГК РФ на практике сложности проявляются, во-первых, в определении предмета договора агролизинга (вопросы возникают с передачей в лизинг не только отдельных видов сельскохозяйственной техники, но и племенного скота, а также элитных видов семян растений). Во-вторых, аграрное оборудование имеет выраженную сезонность использования, что, в свою очередь, создает трудности с определением финансовой модели агролизинга, так как платежи по договору должны учитывать особенности производственного цикла: например, более интенсивное использование и износ техники в сезон посевных (весна-лето) и уборочных работ (осень-зима). В-третьих, проблемы возникают и с определением ответственности сторон по договору при повреждении или потере сельскохозяйственного имущества, что требует разработки и адаптации новых законодательных решений.

Особое внимание следует уделить проблеме отсутствия общепринятой терминологии в области регулирования института агролизинга. В теории права до сих пор нет единого мнения по поводу экономической сущности, понятия и трактовки данного явления. Более того, ГК РФ не раскрывает сущность понятия «договор агролизинга», поэтому для его субъектов учесть весь перечень специфических условий договора является достаточно сложной задачей. Напомним, что при заключении договора агролизинга сторонам сделки необходимо предусмотреть условия о сроке договора и субсидировании процентных ставок, условия освобождения от НДС на лизинговые услуги, а также условия об инвестировании средств в отдельные секторы сельского хозяйства и возможности дальнейшего выкупа имущества по остаточной стоимости.

Следует отметить, что в отдельные представители аграрно-правовой науки признают наличие так называемых «нетипичных» договорных отношений в сельском хозяйстве. Например, И.И. Шарапов подчеркнул, что применение установленного в ГК РФ регулирования договора лизинга вызывает некоторые трудности в регулировании самого договора агролизинга. И.И. Шарапов указывает, что сегодня договор агролизинга является особым самостоятельным видом договорных обязательств, который существенно отличается от иных гражданско-правовых договоров лизинга по своему предмету, поэтому институт нуждается в отдельном регулировании [9, с. 138]. Как справедливо отметили Е.О. Ананьева и П.В. Ивлиев, для полного понимания сути данного понятия необходимо в полной мере сформировать общее представление о финансовой аренде. Авторы указали, что несмотря на то, что законодатель раскрывает в ГК РФ понятие договора лизинга, в нем не учтены некоторые важные условия, поэтому его нормативное закрепление должно быть выражено в совокупности как права, так и экономики [4, с. 66]. Помимо этого, вопрос о целесообразности включения в ГК РФ самостоятельного раздела о договорах в сфере поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей, в том числе договора агролизинга, был рассмотрен в работе Е.В. Ивлевой. Она отметила, что предусмотренные в ГК РФ нормы о гражданско-правовых договорах чрезвычайно абстрактны и не могут обеспечить учет всех правовых режимов, установленных сегодня аграрным законодательством. В то же время Е.В. Ивлева не отрицает важную роль гражданско-правовых норм в заключении таких договоров, поскольку с их помощью субъекты определяют перечень существенных условий, порядок заключения, а также учитывают основания их изменения и прекращения [6, с. 225]. Г.Л. Землякова в свое время, анализируя правовую природу исследуемого явления, относила договоры лизинга, которые заключались в аграрной сфере, к договорам присоединения [20].

Ю.Н. Андреев рецензируя монографию «Договорные отношения сельскохозяйственных товаропроизводителей» писал о том, что: «авторы данной монографии делают неутешительный, но объективный вывод о том, что по-прежнему Федеральный закон от 29 октября 1998 г. «О финансовой аренде (лизинге)» направлен на защиту интересов наиболее экономически сильной стороны договора агролизинга - лизингодателя, а не лизингополучателя, и предлагают в целях устранения явной несправедливости (как с экономической, так и с социальной точки зрения) внести в действующее законодательство ряд изменений и дополнений вплоть до издания Федерального закона «Об агролизинге» [21].

Предмет договора агролизинга сельскохозяйственной техники, сельскохозяйственного оборудования, племенного скота априори имеет свои особенности, также следует учитывать специфику сельского хозяйства (сезонность, учет природно-климатических условий и т.д.). Вместе с тем, разработка проекта и дальнейшего принятия Федерального закона «Об агролизинге» не нашла поддержки у законодателя.

Таким образом, законодательное закрепление юридической конструкции договора агролизинга явилось следствием экономического развития социума. Принятие на федеральном уровне подзаконных нормативных актов в данной области имеет место быть и эту тенденцию целесообразно сохранить в будущем.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 29.10.1998 № 164-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «О финансовой аренде (лизинге)». Текст электронный // URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.09.2025).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025). Текст электронный // URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.09.2025).
3. Постановление Правительства РФ от 31.08.2019 № 1135 (ред. от 10.08.2023) «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета акционерному обществу «Росагролизинг», г. Москва, на возмещение недополученных доходов при уплате лизингополучателем лизинговых платежей по договорам финансовой аренды (лизинга), заключенным на льготных (специальных) условиях». – Текст электронный // URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.09.2025).
4. Ананьева Е.О., Ивлиев П.В. Агролизинг как способ поддержки сельского хозяйства в современных условиях // Закон и право. 2022. № 5. С. 65-67.
5. Власов, В.А. Государственный агролизинг как эффективный механизм поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей / В.А. Власов, А.Ю. Митасова, Р.С. Тихонова // FUNDAMENTAL AND APPLIED APPROACHES TO SOLVING SCIENTIFIC PROBLEMS. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2020. С. 151-156.
6. Ивлева, Е.В. Роль и специфика договора при реализации Российской государственной аграрной политики // Известия ОГАУ. 2009. №23-1. Текст электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 13.09.2025).
7. Козлов Д.В. Государственное регулирование лизинга в сфере сельскохозяйственного производства (на материалах Пензенской области): автореф. дис. ... канд. эконом. наук. Пенза, 2008. 21 с.
8. Меликов, А.В. Агролизинг: правовой аспект и перспективы развития / А.В. Меликов // Право и государство: теория и практика. 2023. № 12(228). С. 21-24.
9. Шаронов И.И. Содержание договора агролизинга // Вестник Московского университета МВД России. 2009. №12. Текст электронный URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 12.09.2025).
10. Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, раздел «Аналитика», 2025. Текст электронный URL: <https://mcx.gov.ru/> (дата обращения: 12.09.2025).
11. Информация к пленарной дискуссии Российского Агротехнического Форума. 2025. Текст электронный URL: <https://atf.rosspetsmash.ru/> (дата обращения: 12.09.2025).
12. Рынок лизинга в агросекторе: спад сменяется ростом — прогнозы Росагролизинга на 2026 год. Текст электронный URL: <https://glavpahar.ru/> (дата обращения: 12.09.2025).
13. Интернет-ресурс о сельхозтехнике для аграриев «ГлавПакхарь». Текст электронный URL: <https://glavpahar.ru/> (дата обращения: 12.09.2025).
14. Власов, В.А. К вопросу об отдельных правовых категориях в системе отраслевой аграрно-правовой терминологии: доктринальный и законодательный аспекты / В.А. Власов // Аграрное и земельное право. 2025. № 6. С. 33-36.
15. Власов, В.А. Правовые основы перехода к цифровизации сельского хозяйства Российской Федерации в условиях санкционного давления в целях обеспечения ее продовольственного суверенитета / В.А. Власов // Право и государство: теория и практика. 2025. № 6. С. 61-64.
16. Воронина, Н.П. Устойчивое («зеленое») развитие сельского хозяйства в условиях климатических изменений: правовой опыт России и Индии / Н.П. Воронина // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 7. С. 177–186.
17. Власов, В.А. Принципы реализации государственно-правовой аграрной политики Российской Федерации как нового самостоятельного направления правовой политики / В.А. Власов, В.И. Норкин, Д.А. Норкина // Аграрное и земельное право. 2022. № 2 (206). С. 52-55.
18. Сельское хозяйство в России. 2022: Стат. сб. / М.: Росстат, 2022. 91 с.
19. Решение Минсельхоза России от 23.04.2025 № 22-67656-00052-Р «О порядке предоставления субсидии АО «Росагролизинг» на возмещение недополученных доходов при уплате лизингополучателем лизинговых платежей по договорам финансовой аренды (лизинга), заключенным на льготных (специальных) условиях» // Документ опубликован не был.
20. Землякова, Г.Л. Ответственность по договору лизинга в сельском хозяйстве / Г.Л. Землякова // Экономика с.-х. и перерабатывающих предприятий. 1999. № 8. С. 52-55.
21. Андреев, Ю.Н. Договорные отношения сельскохозяйственных товаропроизводителей / под ред. И.А. Иконичкой, З.С. Беляевой. Монография. М., 2003 // Государство и право. 2004. № 8. С. 116.

References:

1. Federal Law No. 164-FZ dated 29.10.1998 (as amended on 28.04.2023) "On Financial Leasing". Electronic text // URL: <https://www.consultant.ru/> (date of application: 09/12/2025).
2. Civil Code of the Russian Federation (Part two) dated 01/26/1996 № 14-FZ (as amended on 06/24/2025). Electronic text // URL: <https://www.consultant.ru/> (date of access: 09/12/2025).
3. Decree of the Government of the Russian Federation dated 08/31/2019 No. 1135 (as amended on 08/10/2023) "On Approval of the Rules for Granting Subsidies from the Federal Budget to Rosagroleasing Joint Stock Company, Moscow, for Reimbursement of Lost Income when the Lessee Pays Lease Payments under Financial Lease Agreements concluded on Preferential (special) Terms." – Electronic text // URL: <https://www.consultant.ru/> (date of appeal: 12.09.2025).
4. Ananyeva E.O., Ivliev P.V. Agroleasing as a way to support agriculture in modern conditions // Law and Pravo. 2022. No. 5. pp. 65-67.
5. Vlasov, V.A. State agroleasing as an effective mechanism for supporting agricultural producers / V.A. Vlasov, A.Y. Mitasova, R.S. Tikhonova // FUNDAMENTAL AND APPLIED APPROACHES TO SOLVING SCIENTIFIC PROBLEMS. Ufa: Limited Liability Company "Scientific Publishing Center "Bulletin of Science", 2020. pp. 151-156.
6. Ivleva, E.V. The role and specifics of the contract in the implementation of the Russian state agrarian policy // Izvestiya OGAU. 2009. №23-1. Electronic text // URL: <https://cyberleninka.ru/> (date of reference: 09/13/2025).
7. Kozlov D.V. State regulation of leasing in the field of agricultural production (based on the materials of the Penza region): abstract of the dissertation ... Candidate of Economics. sciences'. Penza, 2008. 21 p.
8. Melikov, A.V. Agroleasing: the legal aspect and development prospects / A.V. Melikov // Law and the state: theory and practice. 2023. No. 12(228). pp. 21-24.
9. Sharapov I.I. The content of the agroleasing agreement // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. №12. The text of the email URL: <https://cyberleninka.ru/> (date of access: 09/12/2025).
10. Official website of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation, section "Analytics", 2025. The text of the email URL: <https://mcx.gov.ru/> (date of access: 09/12/2025).
11. Information for the plenary discussion of the Russian Agrotechnical Forum. 2025. The text of the email URL: <https://atf.rosspetsmash.ru/> (date of notification: 12.09.2025).
12. The leasing market in the agricultural sector: recession is replaced by growth — Rosagroleasing forecasts for 2026. The text of the email URL: <https://glavpahar.ru/> (date of access: 09/12/2025).
13. GlavPakhar, an online resource about agricultural machinery for farmers. The text of the email URL: <https://glavpahar.ru/> (date of reference: 09/12/2025).
14. Vlasov, V.A. On the issue of certain legal categories in the system of sectoral agrarian and legal terminology: doctrinal and legislative aspects / V.A. Vlasov // Agrarian and Land law. 2025. No. 6. pp. 33-36.
15. Vlasov, V.A. The legal basis for the transition to digitalization of agriculture in the Russian Federation under sanctions pressure to ensure its food sovereignty / V.A. Vlasov // Law and State: theory and practice. 2025. No. 6. pp. 61-64.
16. Voronina, N.P. Sustainable ("green") Agricultural development in the context of climate change: the legal experience of Russia and India / N.P. Voronina // Actual problems of Russian law. 2022. No. 7. pp. 177-186.
17. Vlasov, V.A. Principles of implementation of the state-legal agrarian policy of the Russian Federation as a new independent direction of legal policy / V.A. Vlasov, V.I. Norkin, D.A. Norkina // Agrarian and land law. 2022. No. 2 (206). pp. 52-55.
18. Agriculture in Russia. 2022: Statistical collection / Moscow: Rosstat, 2022. 91 p.
19. Decision of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation dated 04/23/2025 No. 22-67656-00052-R "On the procedure for granting subsidies to Rosagroleasing JSC for reimbursement of unpaid income when the Lessee pays lease payments under financial lease agreements concluded on preferential (special) terms" // The document has not been published.
20. Zemlyakova, G.L. Responsibility under the lease agreement in agriculture / G.L. Zemlyakova // Economics of agricultural and processing enterprises. 1999. No. 8. pp. 52-55.
21. Andreev, Yu.N. Contractual relations of agricultural producers / edited by I.A. Iconitskaya, Z.S. Belyaeva. Monograph. M., 2003 // State and law. 2004. No. 8. p. 116.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_366

УДК 347.123

СВОБОДА ДОГОВОРА И ТИПИЗАЦИЯ FREEDOM OF CONTRACT AND TYPIFICATION

СНЯТКОВ Антон Алексеевич,аспирант кафедры гражданского права
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
119234, Россия, г. Москва, ул. Колмогорова, 1 строение 13.

E-mail: antonsnyatkov@mail.ru;

SNYATKOV Anton Alekseevich,Postgraduate student of the Department of Civil Law
Lomonosov Moscow State University.

119234, Moscow, Kolmogorov St., 1 building 13.

E-mail: antonsnyatkov@mail.ru

Краткая аннотация: данная статья исследует эволюцию принципа свободы договора и устойчивую тенденцию к типизации договорных отношений в современном гражданском праве. Автор анализирует, как, несмотря на провозглашенную свободу, законодатель, правоприменитель и участники оборота продолжают тяготеть к использованию устоявшихся договорных типов по причинам практической, правовой определённости и защиты публичных интересов. В работе также рассматриваются проблемы, порождаемые типизацией, и предлагаемые в доктрине пути их решения.

Abstract: this article explores the evolution of the principle of freedom of contract and the steady trend towards typification of contractual relations in modern civil law. The author analyzes how, despite the proclaimed freedom, the legislator, law enforcement officer and participants in the turnover continue to gravitate towards the use of established contractual types for reasons of practicality, legal certainty and protection of public interests. The paper also examines the problems caused by typing and the ways proposed in the doctrine to solve them.

Ключевые слова: свобода договора, договорных тип, диспозитивные нормы, императивные норм, система частного права.

Keywords: freedom of contract, contractual type, dispositive norms, imperative norms of the private law system.

Для цитирования: Снятков А.А. Свобода договора и типизация // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 366-369.
http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_366.

For citation: Snyatkov A.A. Freedom of contract and typification // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 366-369.
http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_366.

Статья поступила в редакцию: 17.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Формирование категории договора, его элементов и свойств прошло несколько эволюционных этапов, каждый из которых оказывал влияние в том числе и на вопрос типизации договорных форм. Кратко этот путь можно охарактеризовать как постепенный отход от римской поименованности контрактов к естественно правовой свободе договора, достигнутой в Новое время. Вместе с тем, как очевидно, на этом история рассмотрения данного вопроса не заканчивается и потому подлежит рассмотрению ввиду привнесения новых элементов и обстоятельств.

Отталкиваясь от эпохи Нового времени, стоит отметить, что в дальнейшем достигнув свое расцвета, свобода договора начинает утрачивать свои позиции. Одной из предпосылок к этому стали экономические изменения, а именно, переход к промышленному производству, что в очередной раз увеличило и ускорило оборот, а вместе с тем и потребовало новых мер по его регулированию, которые выразились в антимонопольном регулировании или защита слабой стороны. Постепенно начинает происходить объективизация понятия договора, при которой учитываются в том числе и приводящие условия, а также разумное доверие к поведению сторон, которое также становится одним оснований договорных обязательств вместе с согласием. Всё это вновь подрывает концепцию соглашения, по крайней мере перестает воспринимать её как абсолютную. Здесь также можно вспомнить про доктрину существенно изменившихся условий, про концепцию фактического договора (конклюдентность действий без ярко выраженного соглашения), а также про проблему неполных договоров (частичная недействительность). Происходит балансировка принципа частной автономии за счёт других принципов: публичного интереса и/или экономической целесообразности¹.

Механизмом по такой балансировке может выступать в том числе и возвращение к частичной принудительной типизации договоров. Например, российское законодательство в области долевого строительства предусматривает закрытый перечень форм привлечения денежных средств граждан. Таким образом, для достижения конкретно определенной хозяйственной цели императивно предписан валидный договорный тип [5, с. 32-33]. Определенную схожесть можно рассмотреть и в голландском праве в области регулирования ряда договорных типов в сфере ценных бумаг, свопов и прочих деривативов, что также свидетельствует о проявлении принципа закрытого перечня в договорном праве [12, с. 325].

Таким образом, несмотря на эволюцию в понимании и моделировании договорных отношений, которая выразилась в принципе свободы договора, римская традиция типизации договоров продолжает свою жизнь и по сей день и находит своё выражение в современных законодательствах, сочетаясь при этом с иной, более поздней правовой традицией, в виде формирования и закрепления общей части обязательственного права. Такое наложение двух пластов правовых культур на первый взгляд выглядит противоестественным, однако, как представляется, у подоб-

¹ Любопытно также отметить, что если на более ранних этапах развития экономики и права ускорение оборота требовало все большей свободы договора, то на современном этапе еще большая скорость товарообмена приводит к обратному – к большей типизации и структурированности.

ного феномена есть вполне утилитарное, социальное и психологическое обоснования, позволяющие как частным субъектам, так и судам проще моделировать и препарировать правоотношения, что в конечном итоге, как правило, приводит и тех и других к тому, что редко когда на практике можно встретить непоименованный договорный тип или же уже имеющийся, но с существенным изменением базовых условий. Для сторон создание чего-то нового, нестандартного является дорогим, сложным, а также выбивающимся из общепринятого поведения окружающих, для судов же это чревато сложностями с правоприменением экзотических конструкций, а также риском в пересмотре вынесенных ими судебных актов. Помимо этого, и законодатель, и правоприменитель могут также стремиться не допускать отклонения от того или иного типа дабы побуждать частных субъектов структурировать свои отношения определенным образом за счет предписанных прав и обязанностей, установленных законом.

В качестве примера можно обратиться к тенденциям имеющим место быть в трудовом праве. Наличие множества императивных норм побудило к отказу от заключения трудовых договоров, вместо которого стали использоваться соглашения о свободном сотрудничестве (особенно в сфере медиа услуг), подрядные соглашения, договоры о временной работе и создание «псевдо предпринимателей» (перевод сотрудников в статус предпринимателей). Указанная тенденция вызвала реакцию со стороны законодателя и правоприменителя, которые были вынуждены расширять и ужесточать сферу примирения трудового договора, как основного договорного типа, регламентирующего предоставление рабочей силы. Аналогичный подход может также реализовываться и в рамках попыток защитить слабую сторону, то есть в ситуациях, когда договор толкуется в пользу типа, которые наибольшим образом защищает слабую сторону.

Помимо этого, с точки зрения законодателя, с одной стороны, достаточно сложно и не всегда оправдано отказываться от уже сложившейся и регламентированной типизации (преимущество в регулировании – сохранение уже ранее зафиксированных в кодексе типов)¹. С другой же стороны, всегда присутствует необходимость или социальная потребность в фиксации новых договорных типов, которые продиктованы текущему потребностям оборота. В литературе даже можно встретить тезис о том, что никогда ранее в истории частного права не появлялось столько новых видов сделок, как за последние пятьдесят лет [11, с. 385]. При этом, такая приверженность к типизации может осложняться не всегда удачной законодательной техникой, не всегда удачным подбором текстуальных формулировок, а также несогласованностью с уже предписанными ранее договорными типами. В качестве примера можно привести договор возмездного оказания услуг, который достаточно абстрактно определен в российском законодательстве, что уже само по себе порождает сложности в его разграничении с договором подряда, посредническими договорами, договором страхования, перевозки и т.д. Подобная ситуация вынуждает прибегать к еще большей детализации: либо к перечислению договоров, которые охватываются данным договорным типом, либо же от обратного - к перечислению договоров которые не подпадают под сферу действия исследуемого типа, хотя такая попытка в любом случае не решит всех проблем, поскольку невозможно заранее определить все возможные виды договоров, которые должны быть регламентированы в рамках единого договорного типа (в данном случае либо будут охвачены не все виды возможных услуг, либо же однажды удачно произведенная фиксация быстро устареет) [4, с.188-210]. Также важно учитывать, что для решения того или иного казуса определение конкретного типа может быть недостаточно и может также потребоваться установить применяется ли конкретная норма из раздела, посвященного выявленному типу к используемому договору².

Таким образом, несмотря на развитие принципа свободы договора, в силу описанных причин, законодатель, правоприменитель и частных субъекты продолжают тяготеть к модерированию отношений при помощи уже установленных договорных типов [2, с.20-21; 10, с.291; 8, с.1-35], что при этом возвращает нас ко всем вытекающим из такого подхода проблемам, многие из которых являлись актуальными и для римского права.

Предложением по решению одной из таких проблем – сложность в разграничении договорных типов является подход, согласно которому в общую часть договорного права предлагается вынести правила о различных схожих элементах различных договоров. В данном случае вместо поиска преобладающего элемента договора, определяющие его природу, или компромисса в виде совместного применения адаптированных положений различных договорных типов, предлагается создать общее для регулирования для всех видов договоров или хотя бы для их отдельных групп. В качестве примера приводятся условие о сроке – исполнение обязательств в течение определенного периода времени встречается в некоторых договорах об оказании услуг, в дистрибьюторских договорах, в договоре аренды, в договорах займа и т. д. Забота о чужой вещи (товаре) может относиться к хранению, аренде, оказанию услуг. Предполагается, что вынесение подобных элементов в общую часть может сделать ненужными правила о конкретных договорах и устранить тем самым одну из проблем, возникающей в связи с типизацией [9, с.61-62]. Тем не менее, указанная идея своего воплощения до настоящего момента не получила, как по причине своей радикальности, так и в силу своей не совершенности, которая в первую очередь выражается в том, что не все из выделяемых элементов являются тождественными, специфика типов не поддается полному редуцированию, а также в силу того, что на первые взгляд аналогичные положения могут требовать различного подхода в регулировании.

Важно также осознавать, что помимо названных трудностей, нынешняя типизация может осложняться и особенностями современных систем и норм права. Так, в частности, проблема разграничения типов может носить процессуальные последствия, а именно, в вопросах пересмотра толкования договора вышестоящей судебной инстанцией. Это касается в первую очередь случаев, когда в рамках того или иного право-

¹ При этом, каждый из правовых порядков имеет свою уникальную систему договорных типов, которая без необходимых адаптаций и изменений не может быть перенесена в другую юрисдикцию. Более того, даже разграничение одних и тех же типов может производиться за счет разных критериев: например, разграничение услуг и договора поручения может производиться исходя из того какого рода действия выполняет должник: юридические или фактические (Франция). Другим критерием, положенным в основу демаркации может являться безвозмездность (Германия). В Швейцарии постановка данного вопроса не имеет особой актуальности в принципе.

² Например, нормы о праве продавца требовать замены товара не применимы к сделкам по покупке долей и акций, хотя их приобретение подпадает под единый договорный тип купли-продажи.

вого типа необходимо оценить значение заявлений о намерениях, которые обеспечивают желаемую сторонами структуру правоотношения, и более того, когда заявление о намерениях, сделанное в рамках договорной свободы, вообще не может быть подчинено тому или иному правовому типу. Подобные сложности, как очевидно, могут касаться не только деятельности судов первой инстанции, но и поднимать вопрос о компетентности вышестоящих судов. Связан ли апелляционный / кассационный суд теми выводами, которые нижестоящий суд сделал из толкования, в ситуации, когда апелляционный суд считает правильными иные выводы и, соответственно, иное толкование. Какая в данном случае норма права запрещает неправильное толкование? [6 с.8,12-14,18].

Решение указанной проблемы предлагалось осуществлять путем применения разных подходов. Первый из них заключался в том, что юридическая сделка приравнивается к правовой норме [1 с.41-55]¹ и в таком случае неправильное толкование договора можно было бы приравнять к неправильному толкованию правовой нормы, то есть к её нарушению, что делает возможным рассмотрением такого вопроса в апелляции / кассации. Второй же подход основывался на принципах единообразия и предсказуемости правоприменения, что и являлось основанием для наделения вышестоящих инстанций правомочиями по рассмотрению указанных споров, дабы просто свести практику к единому знаменателю в виде определения четких границ между договорными типами. Вместе с тем, единого подхода для разрешения подобных вопросов выработано не было.

В конечном счете, несмотря на все обозначенные недостатки и сложности, несмотря на весь путь развития, можно заключить, что современное договорное право остается подверженным типизации. Вместе с тем, особенностью текущего подхода в регулировании данной отрасли частного права является сочетание типизации и принципа свободы договора, что при первом приближении может быть обозначено как отличительная особенность действующего законодательства. При таком подходе предписывание типов скорее является удобной, уже готовой альтернативой, нежели чем строгое и обязательное предписание. Тем не менее, для полного рассмотрения исследуемого вопроса необходимо также разобраться о пределах реализации данного принципа, но уже не с точки зрения его фактической реализации, которая как раз и выражается в уже описанной приверженности к типу, а с нормативной и идеологической точки зрения.

Существует подход, согласно которому индивидуальный произвол, уникальная частная прихоть, пользуется в современной правовой системе не большей популярностью и защитой, чем в римском праве. Конечно, сегодня уже не существует ограничения типа, как это было в классическом римском праве: а именно, требования выбирать из юридически названных и исчерпывающе перечисленных типов сделок. Сегодня не существует в той форме закрытого, законодательно определенного количества возможных причинно-следственных связей². Однако по-прежнему действует принцип, согласно которому частная автономия получает юридическое признание только в той мере, в какой она реализуется в преследовании социально значимых и законных коммерческих интересов, которые, хотя и не предусмотрены законом, тем не менее, представляются достойными правовой защиты.

При таком подходе частная воля не подлежит защите как таковая. Данный парадигма больше соответствовала либеральным идеям в эпоху французской буржуазной революции. В действительности же невозможно предоставить частной автономии неограниченную свободу выбора целей, которые должны преследоваться и выражаться в юридических сделках. Ни одна правовая система не может снисходить до того, чтобы помогать частным лицам реализовывать все возможные цели, обеспечивая их правовой защитой. Сами по себе индивидуальные мотивы по своей природе случайны, непостоянны, сиюминутны, не поддаются внешнему распознаванию, противоречивы и как таковые вряд ли могут быть позитивно оценены с юридической точки зрения. Такая оценка и анализ обязательно предполагают такие жизненные обстоятельства, интересы и цели, которые можно классифицировать и разделить на категории в соответствии с определенными общими, родовыми аспектами и характеристиками, и, таким образом, они доступны для типизации, которая обуславливает любое социальное поведение, а вместе с ним и правовое регулирование. В подобном случае требование типов все еще действует в том смысле, что и сегодня стороны не обладают неограниченной и безграничной свободой заключения договоров, а лишь свободой выбора среди допустимых и общественно значимых целей, санкционируемых государством [7, с. 249-283].

В конечном счете стоит признать, что выражаемая субъектами автономная воля для своей валидации должна как минимум не входить в противоречие с действующей нормативной системой. В этом аспекте и проявляется разница между юридическим актом и юридически безразличным или противоправным актом. Таким образом, исследуемая диспозитивность (свобода выбора) оказывается зависимой от предписываемых правопорядком требований к содержанию, выражаемому в том числе и в природе и форме контрактов [3, с.444-481]. Получается, что постулируемая в области договорного права диспозитивность имеет свои ограничения, выраженные в том числе и в сохраняемой типизации договоров и их целей. Возможность ограничивается запретом или конъюнктурой: социально-экономическими факторами. В данном случае можно в очередной раз заключить, что предлагаемая правопорядком диспозитивность по факту не позволяет (не всегда позволяет) обеспечить необходимый порой уровень автономии частных субъектов. Представляется, что для этих целей также может требоваться возможность выбирать ту или иную модель выстраивания взаимоотношений.

¹ У этой теории есть несколько обоснований. Согласно одну из них юридические нормы располагаются по определенной иерархической лестнице. Каждая норма высшего порядка определяет, кем и как может быть установлена норма низшего порядка. Вместе с тем, каждая норма низшего порядка является более конкретной, чем нормы, расположенные выше. При переходе от высших норм к низшим происходит все большая и большая конкретизация. Конкретизация, наконец, доходит до индивидуализации. Общая норма в конечном счете порождает индивидуальную. К последним как раз и относится сделка. Второй подход – социологическое учение, исходит из того, что сделка может рассматриваться как источник права, не зависимый от закона, стоящий вне его. Сделка может быть включена законом в систему официальных источников и занять в ней определенное место, но она может быть и источником того права, которое создается самим обществом непосредственно, помимо государства.

² Разве что в форме рекомендации, в форме предлагаемой уже готовой «инфраструктуры» для моделирования отношений.

Список литературы:

1. Агарков М.М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Советское государство и право М. 1946 №3-4. С. 41-55;
2. Винкель Л. К вопросу о классификации обязательств и о поименованных договорах в Римском праве, 2005 г. С. 20-21;
3. Дождев Д. В. Lex privata и lex publica: частная автономия и объективная нормативность // Правоведение 2024. Т. 68, № 4. С. 444–481;
4. Пшеничников М.А. Место договора возмездного оказания услуг в системе договорных типов // Вестник гражданского права 2024 №1, С. 188-210;
5. Ширвиндт А.М. Ограничение свободы договора в целях защиты прав потребителей в российском и европейском частном праве. М.2014 г., С.32-33;
6. Appelhoff B. Die Revisibilität der Auslegung von typischen Verträgen nach der Rechtsprechung, Köln, 1935. S. 8, 12-14, 18;
7. Betti E. Der Typenzwang bei den römischen Rechtsgeschäften und die sogenannte Typenfreiheit des heutigen Rechts // Festschrift für L. Wenger. Bd. 1. München, 1944. S. 249 – 283;
8. Ferri G.B. Causa e tipo nella giurisprudenza generale del negozio giuridico. Milano, 1966. P.1-35;
9. Lilleholt K. A European Law of Lease? // European Private Law Beyond the Common Frame of Reference Essays in Honour of Reinhard Zimmermann Edited by Antoni Vaquer, Groningen/Amsterdam, 2008, P. 61-62;
10. Mayer-Maly Th. Natura contractus // Collatio iuris romani. Études dédiées à Hans Ankum à l'occasion de son 65e anniversaire. Amsterdam, 1995. I. S. 291;
11. Mayer-Maly Th. Wiederkehr des schuldrechtlichen Typenzwangs? // Festschrift Für Dieter Medicus: zum 70. Geburtstag. Köln, 1999, S. 385;
12. Struycken T.H.D. De numerus clauses in het goederenrecht. Deventer, 2007, P.325

References:

1. Agarkov M.M. The concept of a transaction under Soviet civil law // The Soviet State and Law, M. 1946, No. 3-4, P. 41-55;
2. Winkel L. On the classification of obligations and named contracts in Roman Law, 2005; P. 20-21;
3. Dozhdev D. V. Lex privata and lex publica: private autonomy and objective normativity // Jurisprudence 2024. Vol. 68, No. 4, P. 444-481;
4. Pshenichnikov M.A. The place of the contract for the provision of paid services in the system of contractual types // Bulletin of Civil Law 2024 No. 1, pp. 188-210;
5. Shirvindt A.M. Restriction of freedom of contract in order to protect consumer rights in Russian and European private law. M.2014, P.32-33;
6. Appelhoff B. Die Revisibilität der Auslegung von typischen Verträgen nach der Rechtsprechung, Köln, 1935, S. 8, 12-14, 18;
7. Betti E. Der Typenzwang bei den römischen Rechtsgeschäften und die sogenannte Typenfreiheit des heutigen Rechts // Festschrift für L. Wenger. Bd. 1. München, 1944. S. 249 – 283;
8. Ferri G.B. Causa e tipo nella giurisprudenza generale del negozio giuridico. Milano, 1966. P.1-35;
9. Lilleholt K. A European Law of Lease? // European Private Law Beyond the Common Frame of Reference Essays in Honour of Reinhard Zimmermann Edited by Antoni Vaquer, Groningen/Amsterdam, 2008, P. 61-62;
10. Mayer-Maly Th. Natura contractus // Collatio iuris romani. Études dédiées à Hans Ankum à l'occasion de son 65e anniversaire. Amsterdam, 1995. I. S. 291;
11. Mayer-Maly Th. Wiederkehr des schuldrechtlichen Typenzwangs? // Festschrift Für Dieter Medicus: zum 70. Geburtstag. Köln, 1999, S. 385;
12. Struycken T.H.D. De numerus clauses in het goederenrecht. Deventer, 2007, P.325

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К СУЩНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ В РАМКАХ НОВЫХ ЦИФРОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ **THE CONCEPT OF THE ESSENCE OF EVIDENCE IN ECONOMIC DISPUTES IN ARBITRATION PROCEEDINGS INVOLVING NEW DIGITAL OPPORTUNITIES**

СМОЛИНА Ольга Сергеевна,

кандидат юридических наук, советник юстиции 3 класса,
советник государственной гражданской службы Российской Федерации 1 класса,
заместитель начальника отдела виноградарства, виноделия и табачной продукции
Департамента пищевой и перерабатывающей промышленности Министерства сельского хозяйства Российской Федерации.
107078, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Спасская, д.11/1.
E-mail: smolinaos@mail.ru;

SMOLINA Olga S.,

Ph.D. in Law, Counselor of the Justice 3rd Class, Advisor of the 1st Class of the State Civil Service of the Russian Federation,
Deputy head of the division of viticulture, winemaking and tobacco products
of the Department of food and processing industry of Ministry of Agriculture of the Russian Federation.
11/1 Sadovaya-Spasskaya str., Moscow, 107078, Russia.
E-mail: smolinaos@mail.ru

Краткая аннотация. В статье раскрывается концептуальный подход к сущности доказательства по экономическим спорам в арбитражном процессе в рамках новых цифровых возможностей. Рассмотрены цифровые следы экономических фактов как доказательства по экономическим спорам в арбитражном процессе. Сформулировано определение понятия «доказательства по экономическим спорам в арбитражном процессе в рамках новых цифровых возможностей». Выявлено соотношение понятий «доказательство по экономическим спорам в арбитражном процессе в рамках новых цифровых возможностей» и «аргумент» («контраргумент»). Показано значение системы доказательств по делу в решении проблемы доказывания спорных фактов по экономическим спорам в рамках новых цифровых возможностей.

Abstract. The article presents the essence of evidence in economic disputes in arbitration proceedings involving new digital opportunities. It reveals the essence and distinctive features of evidences in economic dispute in arbitration proceedings involving new digital opportunities, formulates the definition of evidences in economic disputes in arbitration proceedings. It considers the digital footprints of economic facts employed as evidences in economic dispute, compares the approaches to the relation between the terms of «evidence in economic disputes in arbitration proceedings» and «argument» («counter-arguments») in Russia and England. Finally, it determines the role of the system of evidences in solving the problem of proof of the fact in issue on economic disputes in the light of new digital opportunities.

Ключевые слова: доказывание, доказательства, цифровые следы фактов, экономические споры.

Keywords: Law of evidence, proof, evidence, digital footprints of facts, economic disputes.

Для цитирования: Смолина О.С. Концептуальный подход к сущности доказательства по экономическим спорам в арбитражном процессе в рамках новых цифровых возможностей // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 370-376. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_370.

For citation: Smolina O.S. The concept of the essence of evidence in economic disputes in arbitration proceedings involving new digital opportunities // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 370-376. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_370.

Статья поступила в редакцию: 02.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Тема по-настоящему актуальна, как в теоретическом, так и в научно-практическом аспектах.

Появление цифровых возможностей вызвало существенное изменение хозяйственной и общественной жизни в Российской Федерации. Более того, их интенсивное развитие и использование сопряжено с турбулентностью мировой экономики. Цифровые технологии, прежде всего, в экономической и финансовой сферах порождают новые явления. Под явлениями в работе мы понимаем цифровые факты, отражающиеся в объективной действительности. В понятии права и, в частности, доказательственного права, как справедливо считал В.С. Нерсисянц, в научно-абстрактном виде содержится определенная теория, теоретико-правовой смысл и содержание определенной концепции философии права. Указанный автор рассматривает понятие права как познанное единство правовой сущности и явления¹.

В основе действующего в Российской Федерации арбитражного процессуального законодательства лежит диалектический подход к сущности доказательства. Этот подход сложился в советское время с 1950-х гг. в известных фундаментальных трудах (А.Ф. Клейнман, М.А. Гурвич).

Первоначально А.Ф. Клейнман считает доказательствами только внешние процессуальные средства установления фактов, имеющих юридическое значение для данного дела². Такого же мнения придерживается и М.А. Гурвич³. В 1970-е гг. М.А. Гурвич уточнил данное им определение судебных доказательств указанием на то, что доказательствами, во-первых, являются все фактические данные, на основе которых суд устанавливает обстоятельства дела; во-вторых, служат и те процессуальные средства, которыми устанавливаются эти фактические данные. Выделяя процессуальные средства, автор считает, что их круг, в отличие от фактов, определен и ограничен законом: суд может использовать не любые средства получения сведений о фактах, а только те, которые прямо предусмотрены в законе⁴. А.Ф. Клейнман признает, что удачным итогом многолетней дискуссии о сущности судебного доказательства является течение научной мысли, усматривающее в судебном доказательстве диалектическое единство формы и содержания (содержанием судебного доказательства являются сведения о фактических обстоятельствах, а

¹ См.: Нерсисянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3.

² См.: Клейнман А.Ф. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе. – М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – С. 5-7.

³ См.: Гурвич М.А. Лекции по советскому гражданскому процессу: пособие для студентов заочников / Под ред. В.Н. Бельдюгина. – М.: Тип. «Красная звезда», 1950. – С. 99.

⁴ См.: Гурвич М.А. Судебные доказательства // Советский гражданский процесс. Учебник. Изд. 2-е, исправ. и доп. Под ред. М.А. Гурвича. М.: «Высш. Школа», 1975. С. 131-132.

формой – одно из средств доказывания).¹

В широко известных трудах российских авторов, рассматривающих проблемы доказывания и доказательств (М.К. Треушников, А.Т. Боннер и др.)² данный диалектический подход получил дальнейшее развитие в аспекте правовых свойств судебных доказательств, отраженных в определении судебного доказательства М.К. Треушниковым. Вместе с тем сами по себе правовые свойства доказательств относимости и допустимости доказательств не определяют сущность доказательства. Более того, например, в Англии Р. Эмсон, рассматривая барьеры к допуску доказательства, включает в их число: логически доказательные доказательства, относимые к делу доказательства, на первый взгляд допустимые доказательства, доказательства, которые приняты и не отозваны.³ Причем автор показывает в работе, что правила и принципы доказательственного права Англии охватывают доказательства, обладающие свойствами относимости и допустимости. Соответственно логическая связь доказательств со спорными фактами и принятие доказательств охватываются исключительно усмотрением⁴. В этом аспекте, например, М.А. Гурвич исследовал соотношение доказательств и выводов суда из доказанных доказательственных фактов, когда суд путем оценки доказательств и выводов из доказанных доказательственных фактов устанавливает главные (искомые) факты⁵. Автор не сводит оценку к формально-логической операции, большое значение для оценки, по его мнению, имеют соображения общественно-политического характера, мотивы воспитания, морали и т.п.⁶

Напротив, по мнению К.С. Юдельсона сущность доказательства охватывает процессуальные средства и способы установления объективной истинности наличия или отсутствия фактов, необходимых для разрешения спора между сторонами. Понятие процессуальных средств и способов, по его мнению, включает не только виды доказательств, принципы их собирания, но и методы использования и оценки доказательств. Это значит, что доказательственные факты также входят в состав понятия судебного доказательства⁷.

В этой связи следует сказать том, что согласно возобладавшему в процессуальной науке диалектическому подходу в России и вероятностному подходу в Англии к сущности судебного доказательства не относится процесс убеждения суда в наличии или отсутствии спорных фактов дела.

Концептуальный подход к сущности судебного доказательства не охватывает особенности цифровых фактов. Свойства фактов изменились в рамках новых цифровых возможностей. Их внутренняя и внешняя форма может многократно отражаться в виде цифровых следов фактов в объективной действительности. Привычной устойчивой связи между содержанием и внешней формой доказательства, состоящими в неразрывной связи, нет в рамках новых цифровых возможностей. Внешней формой судебного доказательства может выступать не одно средство доказывания, а одновременно несколько средств доказывания. Поэтому внедрение цифровых технологий и использование при формировании доказательственного материала цифровых возможностей влечет переосмысление концептуальных положений теории доказательств, сложившихся в известных фундаментальных трудах. Так, одним из концептуальных положений, отражающим диалектическую позицию в известных фундаментальных трудах и ч. 1 ст. 64 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), является положение о том, что содержанием судебного доказательства являются только сведения о фактах.

Исследуем особенности внутренней формы доказательства по экономическим спорам в арбитражном процессе в рамках новых цифровых возможностей. Форма есть внутренняя и внешняя организация системы. Под формой понимается внешнее выражение содержания, а также внутренняя организация, способ связи элементов внутри системы.

По нашему мнению, содержательный элемент доказательства по экономическим спорам в арбитражном процессе имеет внутренние элементы: сведения о фактах; связи, существующие между фактами, и характер этих связей⁸.

В монографии автора «Доказывание и доказательства по экономическим спорам в арбитражном процессе в рамках новых цифровых возможностей» и других работах нами было обосновано, что внутренняя форма доказательства по экономическим спорам изменилась и включает следующие внутренние элементы⁹: сведения о цифровых следах фактов; связи, существующие между цифровыми следами фактов; характер этих связей.

Особенности цифровых следов экономических фактов определяются, прежде всего, типом фактов – это экономические факты и их цифровым характером.

Человек может воспринимать только человекочитаемые цифровые следы фактов. Познание судом смысла цифрового экономического факта возможно лишь в контексте определенной хозяйственной операции, включая сделки посредством цифровой платформы, что не тождественно случайному восприятию человеком цифровых следов фактов.

Исходя из специфики экономических споров доказательственное значение могут иметь следующие сведения о связях, существующих между цифровыми следами экономических фактов в объективной действительности: временная связь; пространственная связь; причинно-следственная связь; связь факта с условиями, необходимыми для его возникновения и существования.

¹ См.: Клейнман А.Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права (Очерки по истории). – М.: Изд.-во Московского университета, 1967 С.56.

² См.: Треушников М.К. Судебные доказательства. – М.: Издательство «Городец», 1999. С. 79-80; Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: монография. – М.: Проспект, 2014 С. 15.

³ См.: Emson R. Evidence. 5-th edition. Palgrave Macmillan, 2010. – P.19.

⁴ См.: Ibid. P.19.

⁵ См.: Гурвич М.А. Право кассационной инстанции изменить судебное решение // Советское государство и право.1957. № 10. С. 37-38.

⁶ См.: Гурвич М.А. Указ.соч. С. 38.

⁷ См.: Юдельсон, К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1951. С. 32.

⁸ См.: Смолина О.С. Доказывание и доказательства при оспаривании ненормативных правовых актов по результатам налоговых проверок в арбитражном суде: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 /О.С. Смолина; Рос. академия наук, Ин-т государства и права. – М., 2015. С.8: Смолина О.С. Понятие доказательства в арбитражном процессе // Право и управление. XXI век. 2016. № 2. С 35.

⁹ См.: Смолина О.С. Доказывание и доказательства по экономическим спорам в арбитражном процессе в рамках новых цифровых возможностей: монография/О.С. Смолина. – М.: Норма, 2025. – С.142; Смолина О.С. Доказательства и аргументы по экономическим спорам в арбитражном процессе в рамках новых цифровых возможностей // Аграрное и земельное право. 2024. № 7. С. 140-141.

Интерес представляют пространственная и временная связи между цифровыми фактами, которые изменяются в рамках новых цифровых возможностей, например, при помощи цифровых платформ и цифровых технических средств.

Доказательственное значение имеет то, что цифровые факты фиксируются во времени и пространстве в рамках новых цифровых возможностей программами на компьютерах, мобильных телефонах, др. цифровой технике, привязанных, например, к ГЛОНАСС, GPS и шкале времени GMT. Передача сведений о цифровых следах фактов сопровождается изменением внешней формы доказательства, внутренняя форма его остается неизменной.

В случае, если спорные цифровые факты о кредитной сделке, например, включают цифровые следы фактов о человеке, совершившем кредитную сделку, но одновременно отсутствуют цифровые связи между ними и цифровыми следами фактов, свидетельствующих о технических средствах, характер спорных фактов может не является цифровым в отношении человека. Речь может идти о вирусах, выдающих себя за человека, и (или) о фальсифицированных цифровых фактах в отношении человека. Такой подход будет способствовать правильной оценке судом доказательств по своему внутреннему убеждению согласно ст. 71 АПК РФ и может повлиять на исход дела в суде.

Само по себе наличие внутренней формы не определяет сущность доказательства, т.е. не придает содержанию свойство судебного доказательства, но ее раскрытие дает ключ к пониманию существующих связей между элементами содержания судебного доказательства и характера этих связей.

Теперь надо сказать об особенностях внешней формы доказательства по экономическим спорам в арбитражном процессе в рамках новых цифровых возможностей.

Одним из концептуальных положений, отражающим диалектическую позицию в трактовке соотношения внешней формы и содержания судебного доказательства является положение о том, сущность доказательства отражает диалектическое единство формы и содержания, существовании их устойчивой неразрывной связи, соответствие формы содержанию, содержания – форме.

Сведения о цифровых следах фактов имеют внешнюю процессуальную форму (ч. 2 ст. 64 АПК РФ), но эта связь не имеет указанного признака устойчивости, который характерен для диалектического подхода.

Цифровые факты обладают свойством отражения в объективной действительности. Отражение – свойство материальных систем в процессе взаимодействия воспроизводить посредством своих особенностей особенности других систем. Признаком отражения является возникающие в ходе его адекватные внешним воздействиям изменения (отпечаток, след)¹. Отражение обладает свойствами: 1) в отражающей системе возникают изменения адекватные (верные) отображаемому; 2) отражение зависит от отражаемого, оно вторично по отношению к нему; 3) отражение зависит от особенностей отражаемой системы. Под углом зрения сущности доказательства по экономическим спорам в арбитражном суде интерес представляет отражение цифровых фактов, связанное с результатом внешних воздействий, в виде следов этих фактов.

Привычное соответствие формы содержанию, содержания – форме многократно изменяется при отражении цифровых фактов в виде цифровых следов в рамках новых цифровых возможностей. Особенность цифровых следов фактов как доказательств по экономическим спорам состоит в том, что связь содержания доказательства и его формы многократно изменяется во времени и пространстве вместе с многократным отражением техническими средствами его внешней формы. Внешней формой судебного доказательства может выступать не одно средство доказывания, а одновременно несколько средств доказывания. Например, сведения о цифровых следах фактов могут одновременно фиксироваться в сети Интернет, в памяти технических средств, скриншотами, показывающими дату и время их получения. Электронный документ передается машинами в виде HML, а затем преобразовываются в человекочитаемый вид.

Изменение внешней формы доказательства возможно исследовать на примере скриншота как доказательства по экономическим спорам в арбитражном процессе. Скриншот – снимок экрана технического устройства (смартфона, компьютера и др.) в виде изображения цифровых следов фактов в цифровой форме, передающий содержание доказательства, отражающееся на экране технического устройства. Распечатки на бумаге снимка экрана показывают то, что видит пользователь на экране технического устройства. Как мы видим из приведенного примера сведения о цифровых следах фактов изменили внешнюю форму: переданный посредством связи документ в электронной форме, отражающийся на экране смартфона, изготовлен посредством технических устройств в виде изображения в цифровой форме, а затем в бумажной форме.

Скриншоты позволяют сохранять в памяти технического устройства сведения о цифровых следах фактов с экрана этого технического устройства. Например, функции по изготовлению скриншота могут выполнять технические устройства – смартфоны с операционными системами Android, iOS.

Часть 3 ст. 75 АПК РФ относит документы, полученные посредством связи, в том числе с использованием сети «Интернет» к письменным доказательствам. Закон считает информацию, сообщенную в электронной форме документом, то есть письменным доказательством. Например, в Англии – ст. 31.4 Правил гражданского судопроизводства (Civil Procedure Rules, далее – ПГС). Согласно ст. 31.4 ПГС понятие «электронный документ» охватывает все возможности, в пределах которых информация записана². Однако в данном определении не отражена особенность электронного документа как доказательства, а именно связь электронного документа с автором (человеком), который создал и подписал электронный документ.

В арбитражном процессуальном законодательстве Российской Федерации не закреплены особенности скриншота (снимка экрана) как доказательства по экономическим спорам.

Поскольку специальных нормативных правовых актов, регламентирующих порядок фиксации и использования в качестве доказатель-

¹ См.: Философский словарь /Под ред. И.Т. Фролова. – 4-е изд. М., 1981. С. 276.

²См.: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/rules/part31#31.4> (дата обращения 01.09.2025).

ства сведений о цифровых следах фактов, содержащейся в скриншотах, не принято, возможно применить нормы Инструктивных указаний Госарбитража СССР от 29 июня 1979 г. № И-1-4 «Об использовании в качестве доказательств документов, представленных с помощью электронно-вычислительной техники»¹ (далее - Инструктивные указания).

Абзацем 1 пункта 9 Инструктивных указаний установлено, что в документах, подготовленных с помощью электронно-вычислительной техники, должно быть указано, какой вычислительный (информационно-вычислительный) центр и когда их изготовил (наименование центра и дата изготовления документа могут проставляться автоматически с помощью электронно-вычислительной техники либо любым другим способом).

Согласно пункту 4 Инструктивных указаний в документах, подготовленных с помощью электронно-вычислительной техники, должно быть указано, какой вычислительный (информационно-вычислительный) центр и когда их изготовил (наименование центра и дата изготовления документа могут проставляться автоматически с помощью электронно-вычислительной техники либо любым другим способом).

По нашему мнению, в отличие от электронных документов, машинные документы были обезличены. Например, перфокарты изготавливал вычислительный (информационно-вычислительный) центр, принадлежащий какой-либо организации. Это существенное различие влияет на использование электронных документов как доказательств по экономическим спорам.

Поскольку распечатки скриншотов SMS-уведомлений, находящихся памяти технического устройства, содержат сведения о дате и времени их получения техническим устройством, а распечатки скриншотов с сайта в сети «Интернет» также сведения о сайте, сведения о дате и времени получения информации с сайта в сети «Интернет» они имеют существенное значение при доказывании по экономическим спорам. Внутренняя форма скриншота как доказательства не отражает связь этого электронного документа с человеком, который создал электронный документ.

В случае сомнений у суда в достоверности данного письменного доказательства доказательственное значение могут иметь данные о лице, которое произвело его выведение сведений о цифровых следах фактов на экран и распечатку скриншота на бумаге, используемых программном обеспечении и техническом устройстве.

Помимо распечатки скриншотов SMS-уведомлений, находящихся памяти технического устройства, достоверность спорных цифровых следов фактов, свидетельствующих о том, что SMS-уведомление поступило адресату от надлежащего автора посредством связи, подтверждается отчетом о детализации услуг связи. Также могут быть подтверждены факты оказания услуг связи адресату договором об оказании услуг подвижной связи, справками организации, оказывающей такие услуги адресату, владения сим-картой и техническим устройством, например, смартфоном.

В силу принципа непосредственности суд непосредственно воспринимает при исследовании доказательств в судебном заседании в режиме реального времени SMS-уведомления в человекочитаемой форме, находящиеся памяти технического устройства, например, смартфона, а также удаленно воспринимает сведения о цифровых следах фактов, размещенные в сети «Интернет» в человекочитаемой форме, в любой точке мира.

При всей своей взаимообусловленности содержание и форма являются различными категориями. Сами понятия содержания и формы относительны, но вместе с тем существует их неразрывная связь.

Рассмотрим внешнюю форму цифровых следов фактов, позволяющих идентифицировать человека (например, автора электронного документа) в цифровом пространстве, под углом зрения сущности доказательства по экономическим спорам в арбитражном процессе в рамках новых цифровых возможностей. В процессуальной науке следы человека исследовались как вещественные доказательства. Цифровые следы фактов, позволяющие идентифицировать человека, также являются формами отражения. Данные формы отражения не исследованы в нашей стране. В процессуальной науке в 60-е гг. Ф.М. Кудиным рассматривались различные формы отражения пребывания человека в конкретном месте: человек может запечатлеться или в виде оставленного им следа (механическая форма отражения) или в форме образа в памяти у иного лица, наблюдающего нахождение человека в этом месте (отражение в сознании человека)².

Нами вопрос отражения цифровых следов фактов исследуется под углом зрения теории отражения, которая позволяет арбитражному суду глубже исследовать сведения о фактах объективной действительности и их следах.

Только арбитражные суды разрешают экономические споры, в основе которых лежат специфические экономические факты, существующие в объективной действительности. В связи с этим рассмотрим сущность доказательства в контексте нового подхода к совершению сделок посредством цифровой платформы в условиях формирования цифрового пространства.

По нашему мнению, при совершении сделки посредством цифровой платформы сделкой могут признаваться только действия человека, а не компьютерной программы.

Предлагается при совершении сделок посредством цифровой платформы использовать электронную подпись, а не любой идентификатор. Пункт 2 ст. 160 Гражданского кодекса Российской Федерации допускает использование при совершении сделок электронной подписи.

Электронную подпись на электронных документах, на цифровых голосовых сообщениях по сделке посредством цифровой платформы можно рассматривать как цифровой след фактов, свидетельствующих о волеизъявлении человека - сторон сделки.

Цифровая платформа для совершения сделок может создавать и использовать данные лица и голоса человека. Так, при совершении кредитных сделок в электронной форме закон допускает использование помимо электронной подписи, данных изображения лица человека, полученных с помощью цифровых фото- видео устройств, и данных голоса человека, полученных с помощью цифровых звукозаписывающих устройств.

¹ См.: Инструктивные указания Госарбитража СССР от 29.06.1979 № И-1-4 «Об использовании в качестве доказательств по арбитражным делам документов, подготовленных с помощью электронно-вычислительной техники» // Систематизированный сборник инструктивных указаний Госарбитража при Совете Министров СССР. 1983.

² См.: Кудин Ф.М. Производные доказательства и их источники в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.00 / Ф.М. Кудин; Свердловский юридический ин-т. – Свердловск, 1966. – С. 7-8.

Поэтому стороны сделки могут получать различные сведения о цифровых следах этих фактов, позволяющих идентифицировать человека, совершившего действия в цифровой платформе для совершения кредитных сделок, передаваемых с помощью цифровых технических средств, имеющих доступ в сеть «Интернет».

По нашему мнению, условием достоверности информации в электронном документе, цифровых голосовых сообщениях человека, цифровых изображениях человека по сделке посредством цифровой платформы, передаваемым посредством сети «Интернет», является подписание электронных сообщений, цифровых голосовых сообщений человека, аудиосегментов и видеосегментов онлайн при видеоконференции электронной подписью. Использование при совершении сделок в рамках новых цифровых возможностей данных лица и голоса человека, должно отвечать критерию достоверности.

В случае спора данные факты будут способствовать формированию обоснованных выводов суда по экономическому спору о заключенности (незаключенности) сделки посредством цифровой платформы.

Электронную подпись можно рассматривать как цифровой след фактов, позволяющих идентифицировать человека в цифровом пространстве. Напомним, что в соответствии с пунктом 1 статьи 2 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» под электронной подписью понимается информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию.

В законе названы и другие цифровые следы фактов, позволяющих идентифицировать человека. К ним относятся запись голоса человека и изображение лица человека. Так, в силу ч. 4 ст. 3 Федерального закона от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» предусмотрены биометрические персональные данные двух видов: 1) изображение лица человека, полученное с помощью фотовидеоустройств, и 2) запись голоса человека, полученная с помощью звукозаписывающих устройств.

Цифровые факты могут многократно отражаться в объективной действительности и предназначены, прежде всего, для распознавания различными техническими устройствами с доступом в сеть «Интернет», а не человеком.

Доказательства голосовой идентификации достаточно давно исследованы в доказательственном праве Англии¹. В частности, в Англии существует ряд возможных подходов к сбору и использованию голосовых идентификационных доказательств. Д. Ормерод считает, что английское законодательство обязано сформулировать надлежащие меры предосторожности и процедуры, обеспечивающие создание эффективной и надежной системы для досудебных и судебных пользователей голосовых идентификационных доказательств².

Таким образом, в арбитражном процессуальном законодательстве Российской Федерации необходимо закрепить особенности внешней формы доказательств как гарантии достоверности цифровых следов фактов.

Как справедливо считает А.Н. Савенков, человек утратил связь с реальностью, природа и общество изучаются им бесконтактно. Информация добывается из социальных сетей и разнообразных средств коммуникаций и зачастую используется без должной аналитической работы и оценки. Современное общество не видит необходимости в доказательствах подлинности информации, в проверке фактов³.

В процессе доказывания сведения о цифровых следах фактов имеют ценность только тогда, когда определены место и роль цифровых фактов в целостной системе цифровых фактов по делу. Познание судом смысла спорных цифровых экономических фактов связано с восприятием человека их отражения в объективной действительности и раскрытием их доказательственного значения в системе доказательств по делу.

По нашему мнению, исходя из сущности доказательства, дифференцирующими признаками целостной системы судебных доказательств являются внешние элементы судебных доказательств: процессуальный элемент, содержательный элемент. Содержательный элемент имеет внутренние элементы⁴. Особенности данных элементов, исходя из сущности доказательства по экономическим спорам в арбитражном процессе в рамках новых цифровых возможностей, исследованы выше.

Мы исходим из того, что суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, которые могут включать как главные цифровые факты, так и побочные цифровые факты. Надо сказать, что в процессуальной науке было известно разграничение фактов на главные (искомые) и побочные факты. Однако при установлении судом обстоятельств дела суд опирался на главные (искомые) факты. При этом исключались побочные факты, как не имеющие существенного значения для рассмотрения и разрешения дела. В доказательственном праве Англии побочные факты называются сопутствующими фактами. По мнению, Чу А. Сопутствующие факты – это факты, доказывание которых может быть разрешено, но которые не являются спорными фактами или фактами, имеющими отношение к спорному факту⁵. Эмсон Р. допустимым считает любое доказательство, которое логически связано со спорным фактом или сопутствующим фактом⁶.

По нашему мнению, цифровые следы как главных, так и побочных фактов имеют доказательственное значение при установлении судом наличия или отсутствия обстоятельств дела в рамках новых цифровых возможностей. В частности, заключении эксперта доказательственное значение имеют, в том числе факты, установленные экспертом, относящиеся к области специальных познаний эксперта (спорные факты,

¹ См.: Ormerod David Sounds Familiar? – Voice Identification Evidence // The Criminal Law Review. 2001. August. NY. P. 595-622.

² См.: Ibid. P. 622.

³ См.: Савенков А.Н. Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. 2019. № 4. С. 11.

⁴ См.: Смолина О.С. Понятие доказательства в арбитражном процессе // Право и управление. XXI век. 2016. № 2. С. 35.

⁵ См.: Choo A. L.-T. Evidence. 5-th edition. Oxford University Press. 2018. P. 2.

⁶ См.: Emson R. Evidence. 5-th edition. Palgrave Macmillan, 2010. P. 26.

установленные экспертом по поручению суда в результате исследования доказательственных материалов, представленных судом, и побочные факты, установленные экспертом по своей инициативе).

Такой подход будет способствовать определению судом места и роли спорных цифровых фактов в целостной системе цифровых фактов по делу как фрагменте объективной действительности (цифрового пространства), познаваемого судом.

В рамках цифровых возможностей четкого разграничения цифровых фактов на главные и побочные не существует. Экономические споры, рассматриваемые и разрешаемые арбитражным судом, могут возникать, например из сделок посредством цифровых платформ, имеющих специфику. Как мы видим в России и Англии существуют различные подходы к пониманию и развитию цифровых возможностей платформ и технических средств в категориях пространства и времени, которые охватывают под различным углом зрения цифровое пространство (в виде обобщенного потока информации и финансовых средств либо в виде обобщенного потока информации и финансовых средств, материальных ресурсов и технологической базы¹, а также условий цифрового взаимодействия, включающих различные сочетания цифровых возможностей и препятствий). При этом цифровая платформа отражает в объективной действительности цифровые следы главных и побочных экономических фактов, которые могут стать судебными доказательствами. Аргументы и контраргументы направлены на процесс поиска главных и побочных цифровых фактов и их обоснование с помощью доводов и доказательств при данном подходе целостно, а не поэтапно, как при вероятностном подходе в доказательственном праве Англии. В конечном счете, данный подход позволяет создать целостную систему доказательств по делу, с учетом особенностей спорных цифровых фактов, входящих в устанавливаемые судом обстоятельства при рассмотрении и разрешении дела. Также при отсутствии цифровых связей между всеми цифровыми следами фактов, входящих в устанавливаемые судом обстоятельства, исключить те спорные цифровые факты, в основе которых вирусы, выдающие себя за человека, и (или) фальсифицированные цифровые факты в отношении человека. Кроме того, исключить спорные цифровые факты, которые не содержат сведений о временной и пространственной связях, существующих между цифровыми следами фактов в объективной действительности.

В ч. 2 ст. 9 АПК РФ установлено, что стороны вправе знать об аргументах друг друга до начала судебного разбирательства. При этом аргументы и контраргументы могут быть использованы для подробного рассуждения об имеющихся в деле сведениях о цифровых следах фактов (главных и побочных), устранения неточностей в имеющихся доказательствах при формировании доказательственного материала по делу. Такой подход показывает сочетание возможностей и препятствий при раскрытии сущности внутренней и внешней формы доказательств по спорным цифровым фактам с учетом особенностей устанавливаемых судом обстоятельств, отражающих этот обобщенный поток информации и финансовых средств в цифровой форме посредством цифровых платформ и (или) цифровых технических средств.

В связи с этим важно закрепить в АПК РФ соотношение понятий «доказательства» и «аргумент» («контраргумент»), что позволит глубже раскрыть сущность доказательства по экономическим спорам. Определение понятия «аргумент» выработано в философской науке: суждение (или совокупность взаимосвязанных суждений), приводимое в подтверждение истинности какого-либо другого суждения (или теории)². Само по себе данное определение не раскрывает сущность доказательства по экономическим спорам.

Сформулировано определение понятия «доказательства по экономическим спорам в арбитражном процессе в рамках новых цифровых возможностей» – обремененные в особую процессуальную форму сведения о фактах объективной действительности и (или) их цифровых следах, о связях, существующих между экономическими фактами и (или) цифровыми следами экономических фактов, и о характере этих связей, полученные как в досудебной стадии, так и в арбитражном суде, на основании которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела.

На основе проведенного исследования дано определение понятия с новых позиций, отражающих цифровые возможности как цифровых технических средств, так и человека. Данное определение предлагается закрепить в ч. 1 ст. 64 АПК РФ.

Мы исходим в работе из нового концептуального подхода к сущности доказательства по экономическим спорам в арбитражном процессе в рамках новых цифровых возможностей, опираясь на то, что элементы диалектического подхода сохраняются за минусом вышеуказанных особенностей.

Нами сделан вывод о необходимости создания единой правовой основы в арбитражном процессуальном законодательстве Российской Федерации на основе нового концептуального подхода к сущности доказательства по экономическим спорам. Этот подход может стать основой для разработки правового регулирования видов доказательств по экономическим спорам в арбитражном процессе с учетом их особенностей.

Новый концептуальный подход к сущности доказательства способствуют установлению судом спорных цифровых фактов по делу в соответствии с истиной в процессе доказывания по экономическим спорам на основе целостной системы доказательств по делу.

Список литературы:

1. Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: монография. М.: Проспект, 2014 616 с.
2. Гурвич М.А. Лекции по советскому гражданскому процессу: пособие для студентов заочников /Под ред. В.Н. Бельдюгина. – М.: Тип. «Красная звезда», 1950. – 194 с.;
3. Гурвич М.А. Право кассационной инстанции изменить судебное решение // Советское государство и право.1957. № 10. С. 36-44;

¹ См.: Смолина О.С. Концепция сделок посредством цифровой платформы в свете совершенствования Гражданского кодекса Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2019. № 8. С. 120-126; Смолина О.С. Сделки с природными ресурсами недр посредством цифровой платформы в свете совершенствования гражданского и природоресурсного законодательства Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2024. № 5. С. 222-228; Muzellec L., Ronteau S., Lambkin M. Two-sided Internet platforms: A business model lifecycle perspective // Industrial Marketing Management, Volume 45, February 2015, Pages 139-150 // <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0019850115000474> (дата обращения 16.01.2023); Rohn D., Bican P. M., Brem A., Kraus S., Clauss T. Digital platform-based business models – An exploration of critical success factors // Journal of Engineering and Technology Management, Volume 60, April–June 2021, 101625 // <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S092347482100014X> (дата обращения 16.01.2024).

² См.: Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-оглы, Л.Ф. Ильчев и др. – 2-е изд.- М.: Сов. Энциклопедия, 1989. С. 36.

4. Гурвич М.А. Судебные доказательства // Советский гражданский процесс. Учебник. Изд. 2-е, исправ. и доп. Под ред. М.А. Гурвича. – М.: «Высш. Школа», 1975. – 399 с.;
5. Клейнман А.Ф. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе. – М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 70 с.;
6. Клейнман А.Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права (Очерки по истории). – М.: Изд-во Московского университета, 1967. – 117 с.;
7. Кудин Ф.М. Производные доказательства и их источники в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.00 / Ф.М. Кудин; Свердловский юридический ин-т. – Свердловск, 1966. – 21 с.;
8. Нерсисянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3-15;
9. Савенков А.Н. Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. 2019. № 4. С. 5-19;
10. Смолина О.С. Доказывание и доказательства при оспаривании ненормативных правовых актов по результатам налоговых проверок в арбитражном суде: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / О.С. Смолина; Рос. академия наук, Ин-т государства и права. – М., 2015. – 29 с.;
11. Смолина О.С. Понятие доказательства в арбитражном процессе // Право и управление. XXI век. 2016. № 2. – С. 34-39;
12. Смолина О.С. Концепция сделок посредством цифровой платформы в свете совершенствования Гражданского кодекса Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2019. № 8. С. 120-126.
13. Смолина О.С. Сделки с природными ресурсами недр посредством цифровой платформы в свете совершенствования гражданского и природо-ресурсного законодательства Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2024. № 5. С. 222-228;
14. Смолина О.С. Доказательства и аргументы по экономическим спорам в арбитражном процессе в рамках новых цифровых возможностей // Аграрное и земельное право. 2024. № 7. С. 139-142;
15. Смолина О.С. Доказывание и доказательства по экономическим спорам в арбитражном процессе в рамках новых цифровых возможностей: монография/О.С. Смолина. – М.: Норма, 2024. – 284 с.;
16. Треушников М.К. Судебные доказательства. – М.: Издательство «Городец», 1999. – 288 с.;
17. Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-оглы, Л.Ф. Ильичев и др. 2-е изд. – М.: Сов. Энциклопедия, 1989. 815 с.
18. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1981. – 445с.;
19. Choo A. L.-T. Evidence. 5-th edition. 2018. - 541 p.;
20. Emson R. Evidence. 5-th edition. Palgrave Macmillan, 2010. – 600 p.;
21. Ormerod David Sounds Familiar? – Voice Identification Evidence // The Criminal Law Review. 2001. August. NY. P. 595-622;
22. Muzellec L., Ronteau S., Lambkin M. Two-sided Internet platforms: A business model lifecycle perspective // Industrial Marketing Management, Volume 45, February 2015, Pages 139-150 // <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0019850115000474> (дата обращения 16.01.2023);
23. Rohn D., Bican P. M., Brem A., Kraus S., Clauss T. Digital platform-based business models – An exploration of critical success factors // Journal of Engineering and Technology Management, Volume 60, April–June 2021, 101625 // <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S092347482100014X> (дата обращения 16.01.2024).
24. <http://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/rules> (дата обращения 01.09.2025).

References:

1. Bonner A.T. Traditional and non-traditional means of proof in civil and arbitration proceedings: a monograph. Moscow: Prospect, 2014 – 616 p.;
2. Gurvich M.A. Lectures on the Soviet civil procedure: a manual for part-time students / Edited by V.N. Beldyugin. M.: Krasnaya Zvezda Publishing House, 1950. 194 p.
3. Gurvich M.A. The right of the cassation instance to change a court decision // Soviet State and Law. 1957. No. 10. pp. 36-44;
4. Gurvich M.A. Judicial evidence // The Soviet civil trial. Textbook. 2nd edition, corrected. and add. Edited by M.A. Gurvich. M.: "Higher education. School", 1975. 399 p.;
5. Kleinman A.F. The main issues of the theory of evidence in the Soviet civil process. Moscow, L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1950. 70 p.;
6. Kleinman A.F. The latest trends in the Soviet science of civil procedural law (Essays on history). Moscow: Publishing House of the Moscow University, 1967. – 117 p.;
7. Kudin F.M. Derivative proofs and their sources in the Soviet criminal process: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. sciences: 12.00.00 / F.M. Kudin; Sverdlovsk Law Institute. Sverdlovsk, 1966. 21 p.;
8. Nersesyan V.S. Philosophy of law: libertarian legal concept // Questions of philosophy. 2002. No. 3. pp. 3-15;
9. Savenkov A.N. The global crisis of modernity as a subject of philosophy of law // State and law. 2019. No. 4. pp. 5-19;
10. Smolina O.S. Evidence and evidence in challenging non-normative legal acts based on the results of tax audits in the arbitration court: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. sciences: 12.00.15 / O.S. Smolina; Russian Academy of Sciences, Institute of State and Law, Moscow, 2015, 29 p.;
11. Smolina O.S. The concept of evidence in the arbitration process // Law and Management. XXI century. 2016. No. 2. pp. 34-39;
12. Smolina O.S. The concept of transactions through a digital platform in the light of the improvement of the Civil Code of the Russian Federation // Eurasian Law Journal. 2019. No. 8. pp. 120-126.
13. Smolina O.S. Transactions with natural resources of the subsoil through a digital platform in the light of improving the civil and natural resource legislation of the Russian Federation // Eurasian Law Journal. 2024. № 5. pp. 222-228;
14. Smolina O.S. Proofs and arguments on economic disputes in the arbitration process within the framework of new digital opportunities // Agrarian and Land law. 2024. No. 7. pp. 139-142;
15. Smolina O.S. Evidence and evidence on economic disputes in the arbitration process within the framework of new digital opportunities: a monograph/O.S. Smolina. – M.: Norm, 2024. – 284 p.;
16. Treushnikov M.K. Judicial evidence. – M.: Gorodets Publishing House, 1999. – 288 p.;
17. Philosophical Encyclopedic Dictionary / Editors: S.S. Averintsev, E.A. Arab-oglu, L.F. Ilchev et al. – 2nd ed. – Moscow: Sov. Encyclopedia, 1989. – 815 p.;
18. Philosophical Dictionary / Edited by I.T. Frolov. – 4th ed. – M.: Politizdat, 1981. – 445c.;
19. Choo A. L.-T. Evidence. 5-th edition. 2018. - 541 p.;
20. Emson R. Evidence. 5-th edition. Palgrave Macmillan, 2010. – 600 p.;
21. Ormerod David Sounds Familiar? – Voice Identification Evidence // The Criminal Law Review. 2001. August. NY. P. 595-622;
22. Muzellec L., Ronteau S., Lambkin M. Two-sided Internet platforms: A business model lifecycle perspective // Industrial Marketing Management, Vol-ume 45, February 2015, Pages 139-150 // <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0019850115000474> (accessed 16.01.2023);
23. Rohn D., Bican P.M., Brem A., Kraus S., Clauss T. Digital platform-based business models – An exploration of critical success factors // Journal of Engineering and Technology Management, Volume 60, April–June 2021, 101625 // <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S092347482100014X> (date of notification 16.01.2024).
24. <http://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/rules> (accessed 09/01/2025).

ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВОГО ПРАВОСУДИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ PROSPECTS OF DIGITAL JUSTICE IN CIVIL PROCEEDINGS

УШАКОВА Елена Николаевна,

Аспирант ИГСУ РАНХиГС.

проспект Вернадского, 84 стр. 1, г. Москва, 119606, Россия.

E-mail: stepanka@inbox.ru;

USHAKOVA Elena Nikolaevna,

Postgraduate student of IGSU RANHiGS.

Vernadsky Avenue, 84 p. 1, Moscow, 119606, Russia.

E-mail: stepanka@inbox.ru

Краткая аннотация: В статье анализируются перспективы развития цифрового правосудия в гражданском судопроизводстве. Рассматриваются возможности применения электронных судебных систем, внедрения технологий искусственного интеллекта, автоматизированных систем документооборота, а также использования видеоконференцсвязи для ускорения рассмотрения дел. Особое внимание уделяется вопросам повышения доступности правосудия, обеспечения прозрачности судебного процесса и защиты персональных данных участников. Обсуждаются современные тенденции цифровизации судебной системы и прогнозы по развитию «умных» судов, а также факторы, влияющие на эффективность цифрового правосудия в России и зарубежных странах.

Abstract: The article analyzes the prospects for the development of digital justice in civil proceedings. The possibilities of using electronic court systems, implementing artificial intelligence technologies, automated document management systems, and videoconferencing for speeding up case consideration are examined. Special attention is given to improving access to justice, ensuring transparency of judicial processes, and protecting personal data of participants. Current trends in the digitalization of the judicial system and forecasts for the development of «smart» courts are discussed, as well as factors affecting the effectiveness of digital justice in Russia and abroad.

Ключевые слова: цифровое правосудие, гражданское судопроизводство, электронные системы, искусственный интеллект, автоматизация, видеоконференцсвязь.

Key words: digital justice, civil proceedings, electronic systems, artificial intelligence, automation, videoconferencing.

Для цитирования: Ушакова Е.Н. Перспективы цифрового правосудия в гражданском судопроизводстве // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 377-380. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_377.

For citation: Ushakova E.N. Prospects of digital justice in civil proceedings // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 377-380. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_377.

Статья поступила в редакцию: 15.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Перспективы цифрового правосудия в гражданском судопроизводстве рассматриваются как ключевой элемент модернизации судебной системы и повышения эффективности работы судов. Цифровизация позволяет ускорить рассмотрение дел, снизить затраты на обработку документов, а также повысить прозрачность и доступность правосудия для граждан.

К. Л. Брановицкий, И. Г. Ренц, А. В. Незнамов и В. В. Ярков отмечают, что «цифровые технологии создают новые возможности для автоматизации процедур, анализа судебной практики и прогнозирования исходов дел»¹. Они подчеркивают, что цифровизация должна внедряться с учетом соблюдения основных принципов гражданского процесса, включая равенство сторон, состязательность и непосредственность. Равенство сторон подразумевает, что все участники процесса должны иметь одинаковый доступ к информационным ресурсам и цифровым платформам, обеспечивающим подачу исков, представление доказательств и участие в судебных заседаниях. Состязательность предполагает, что обе стороны должны обладать равными возможностями для изложения своей позиции и контраргументов, что требует внимательного проектирования цифровых интерфейсов и процедур, чтобы исключить технические преимущества одной стороны над другой. Непосредственность, в свою очередь, подразумевает сохранение возможности судьи непосредственно взаимодействовать с доказательствами и участниками процесса, что ставит задачу адаптации цифровых технологий таким образом, чтобы они не заменяли личное участие судьи и не ухудшали качество восприятия и оценки фактов. Таким образом, внедрение цифровизации должно быть сбалансированным и гармоничным, сочетая технологическую эффективность с непреложностью процессуальных принципов, что обеспечивает справедливость и законность судебного разбирательства, а также доверие граждан к судебной системе.

Д. Р. Галлямов акцентирует внимание на том, что «использование информационных технологий в судебной деятельности способствует не только ускорению процессов, но и снижению человеческого фактора в принятии решений, что уменьшает риск субъективизма»². При этом он предупреждает о необходимости обучения персонала и создания специальной инфраструктуры для полноценного функционирования цифровых платформ.

А. Каламайко в своей работе подчеркивает, что «перспективы цифровизации связаны не только с техническим оснащением судов, но и с внедрением нормативно-правовой базы, позволяющей регулировать электронный документооборот, видеоконференцсвязь и использование

¹ Брановицкий, К. Л., Ренц, И. Г., Незнамов, А. В., Ярков, В. В. Цифровые технологии и цивилистический процесс: проблемы взаимовлияния / К. Л. Брановицкий, И. Г. Ренц, А. В. Незнамов, В. В. Ярков // *European and Asian Law Review*. – 2018. – № 2. – С. 2.

² Галлямов, Д. Р. Модернизация судебной деятельности с помощью информационных технологий / Д. Р. Галлямов. – Текст : непосредственный // *Молодой ученый*. – 2023. – № 2 (449). – С. 272.

электронных доказательств»¹. В зарубежных странах, по мнению А. Каламайко, такие подходы уже активно внедряются, обеспечивая сокращение сроков рассмотрения дел и повышение прозрачности судебных процедур.

А. Т. Карасев, А. В. Савоськин и В. А. Мещерягина отмечают, что «в России цифровизация правосудия нацелена на интеграцию различных информационных систем, таких как ГАС «Правосудие», системы видеоконференцсвязи, электронные реестры и базы данных судебной практики»². Авторы подчеркивают, что успешная цифровизация требует комплексного подхода, включающего техническое, правовое и организационное обеспечение.

С. В. Мельник и С. Р. Казакова в исследовании указывают, что «электронная переписка и даже использование смайлов могут быть приняты в качестве доказательств в гражданском процессе при условии соблюдения требований достоверности и подлинности информации» [8, с. 91–95]. Это открывает новые возможности для гибкости и ускорения процесса, однако требует строгого регулирования и стандартизации.

Современное цифровое правосудие в гражданском процессе базируется на интеграции *информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)*, что позволяет оптимизировать работу судов, улучшить доступ к правосудию и ускорить рассмотрение дел³.

А. В. Пашков отмечает, что «основными инструментами цифровизации являются электронное делопроизводство, видеоконференцсвязь, электронные доказательства и системы автоматизированного контроля за процессуальными сроками»⁴. Он подчеркивает, что успешное внедрение данных инструментов требует совместимости технических платформ и четкого правового регулирования.

К. Л. Брановицкий и В. В. Ярков акцентируют внимание на необходимости использования *предиктивных технологий*, которые позволяют анализировать судебную практику и предугадывать возможные исходы дел. «Применение аналитических алгоритмов способствует не только ускорению работы судов, но и повышению качества принимаемых решений, снижению субъективности»⁵.

А. Т. Карасев, А. В. Савоськин и В. А. Мещерягина указывают, что цифровизация должна идти рука об руку с нормативно-правовой базой. «Постановления и приказы, регулирующие использование электронных документов и видеоконференцсвязи, создают правовую основу для безопасного и эффективного применения цифровых технологий в судопроизводстве»⁶.

С. В. Мельник и С. Р. Казакова подробно анализируют практические аспекты применения электронных доказательств: «Документы в электронной форме, электронная переписка и медиафайлы могут использоваться в качестве доказательств, если обеспечены требования подлинности, достоверности и неизменности информации» [8, с. 91–95]. Это открывает новые возможности для граждан, сокращает бумажный документооборот и ускоряет судебные процедуры.

С. Э. Несмеянова рассматривает влияние цифровых технологий на доступ к правосудию: «Информатизация судебной системы предоставляет гражданам возможность удаленного взаимодействия с судом, подачи документов через интернет и получения информации о ходе рассмотрения дела, что существенно повышает доступность правосудия»⁷.

А. В. Очередыко подчеркивает стратегическое значение цифрового правосудия для развития национальной правовой системы: «Цифровизация судов способствует укреплению доверия к правосудию, сокращению коррупционных рисков и формированию прозрачной системы разрешения споров»⁸.

М. А. Мельничук и Р. Н. Агаюлова обращают внимание на международный опыт: «В ряде зарубежных стран активно внедряются системы искусственного интеллекта для анализа судебной практики, автоматизации процедур и поддержки принятия решений в гражданских делах»⁹. Применение этих технологий в России может способствовать ускорению процессов и повышению качества судебных решений.

Несмотря на очевидные преимущества, цифровизация гражданского судопроизводства сталкивается с рядом *технических, правовых и организационных проблем*.

А. В. Пашков обращает внимание на проблему несовершенства правового регулирования: «Отсутствие единого стандарта для электронного документооборота и видеоконференцсвязи создает риски для соблюдения процессуальных норм и защиты прав участников»¹⁰.

К. Л. Брановицкий, И. Г. Ренц и А. В. Незнамов указывают на технологические риски: «Использование предиктивных алгоритмов и искусственного интеллекта может привести к ошибкам в оценке доказательств, если алгоритмы обучаются на неполных или предвзятых данных»¹. Это подчеркивает необходимость разработки безопасных и прозрачных систем ИИ.

¹ Каламайко, А. Информационные технологии в гражданском процессе: новеллы и перспективы / А. Каламайко // Юридический научный электронный журнал. – 2018. – № 6. – С. 100.

² Карасев, А. Т., Савоськин, А. В., Мещерягина, В. А. Цифровизация правосудия в Российской Федерации / А. Т. Карасев, А. В. Савоськин, В. А. Мещерягина // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – № 2 (30). – С. 71.

³ Касенкин, В. А. Информационные технологии в гражданском процессе / В. А. Касенкин // Трансформация информационно-коммуникативной среды общества в условиях вызовов современности. – Комсомольск-на-Амуре: Комсомольский-на-Амуре гос. университет, 2023. – С. 191.

⁴ Пашков, Д. А. Применение и перспективы развития цифровых информационных технологий в судебной системе Российской Федерации / Д. А. Пашков // Социальные институты в цифровой среде. – Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС, 2020. – С. 712.

⁵ Брановицкий, К. Л., Ренц, И. Г., Незнамов, А. В., Ярков, В. В. Цифровые технологии и цивилистический процесс: проблемы взаимовлияния / К. Л. Брановицкий, И. Г. Ренц, А. В. Незнамов, В. В. Ярков // European and Asian Law Review. – 2018. – № 2. – С. 3.

⁶ Карасев, А. Т., Савоськин, А. В., Мещерягина, В. А. Цифровизация правосудия в Российской Федерации / А. Т. Карасев, А. В. Савоськин, В. А. Мещерягина // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – № 2 (30). – С. 72.

⁷ Несмеянова, С. Э. Информатизация правосудия: новые возможности? / С. Э. Несмеянова // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 12. – С. 31.

⁸ Очередыко, В. П. Национальная правовая система в устремлениях России к многополярному миру: факторы развития и ограничения / В. П. Очередыко // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 1 (105). С. 11.

⁹ Мельничук, М. А. Использование систем искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве России и зарубежных стран / М. А. Мельничук, Р. Н. Агаюлова // Закон и право. – 2023. – № 3. – С. 139.

¹⁰ Пашков, Д. А. Применение и перспективы развития цифровых информационных технологий в судебной системе Российской Федерации / Д. А. Пашков // Социальные институты в цифровой среде. – Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС, 2020. – С. 712.

А. Т. Карасев и В. А. Мещерягина рассматривают вопрос подготовки кадров: «Цифровое правосудие требует от судей и работников аппарата суда компетенций в области информационных технологий, что является серьезным вызовом для традиционной судебной системы»².

С. В. Мельник отмечает, что использование электронных доказательств сопряжено с проблемой достоверности и защиты данных: «Электронные документы должны быть защищены от подделки и изменения, иначе это может привести к сомнительным судебным решениям» [8, с. 91–95].

С. Э. Несмеянова выделяет проблему цифрового разрыва: «Не все граждане обладают навыками работы с электронными системами, что может ограничивать их доступ к правосудию и создавать неравные условия для сторон»³.

В то же время, перспективы цифрового правосудия остаются значительными. Д. Р. Галлямов отмечает, что «информационные технологии позволяют повысить скорость рассмотрения дел, улучшить прозрачность процессов и сократить нагрузку на судей, что особенно актуально для крупных городов и загруженных судов»⁴.

А. В. Очерёдко подчеркивает стратегический аспект: «Развитие цифрового правосудия создает условия для интеграции национальных судебных систем в международное правовое пространство, обмена опытом и внедрения лучших практик»⁵.

М. А. Мельничук и Р. Н. Агаюлова отмечают международный опыт: «Во многих странах создаются гибридные системы правосудия, сочетающие традиционные процессы и цифровые инструменты, что позволяет повысить эффективность судопроизводства и обеспечить баланс между скоростью и качеством решений»⁶.

К. А. Пестова добавляет, что цифровизация способствует трансформации принципа гласности: «Системы открытого доступа к судебной информации и электронные публикации решений повышают информированность граждан и доверие к судебной системе»⁷.

Таким образом, цифровое правосудие в гражданском процессе представляет собой *многоуровневый инструмент*, который сочетает технологические инновации с правовой и организационной инфраструктурой. Внедрение цифровых технологий открывает новые перспективы, но одновременно требует тщательного контроля за качеством, безопасностью и соблюдением процессуальных прав граждан.

Список литературы:

1. Брановицкий, К. Л., Ренц, И. Г., Незнамов, А. В., Ярков, В. В. Цифровые технологии и цивилистический процесс: проблемы взаимовлияния / К. Л. Брановицкий, И. Г. Ренц, А. В. Незнамов, В. В. Ярков // European and Asian Law Review. – 2018. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-i-tsivilisticheskiy-protsess-problemy-vzaimovliyaniya> (дата обращения: 10.09.2025)
2. Галлямов, Д. Р. Модернизация судебной деятельности с помощью информационных технологий / Д. Р. Галлямов. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 2 (449). – С. 272–274. – URL: <https://moluch.ru/archive/449/98759/> (дата обращения: 12.09.2025)
3. Каламайко, А. Информационные технологии в гражданском процессе: новеллы и перспективы / А. Каламайко // Юридический научный электронный журнал. – 2018. – № 6. – С. 99–103. – URL: http://www.lsej.org.ua/6_2018/25.pdf
4. Карасев, А. Т., Савоськин, А. В., Мещерягина, В. А. Цифровизация правосудия в Российской Федерации / А. Т. Карасев, А. В. Савоськин, В. А. Мещерягина // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – № 2 (30). – С. 71–77.
5. Касенкин, В. А. Информационные технологии в гражданском процессе / В. А. Касенкин // Трансформация информационно-коммуникативной среды общества в условиях вызовов современности. – Комсомольск-на-Амуре: Комсомольский-на-Амуре гос. университет, 2023. – С. 191.
6. Катч, И., Рабинович-Эйни, О. Цифровое правосудие. Интернет-технологии разрешения споров / И. Катч, О. Рабинович-Эйни. – М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2018. – 201 с.
7. Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей РФ 05.12.2019) // Garant. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73061586/> (дата обращения: 15.09.2025).
8. Мельник, С. В., Казакова, С. Р. Электронная переписка и смайлы в системе доказательств гражданского судопроизводства / С. В. Мельник, С. Р. Казакова // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2024. – № 4. – С. 91–95.
9. Мельничук, М. А. Использование систем искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве России и зарубежных стран / М. А. Мельничук, Р. Н. Агаюлова // Закон и право. – 2023. – № 3. – С. 139–141.
10. Михлин, А. С., Ноянова, О. Е., Яковлева, Л. В. Отбывание наказания в тюрьмах Англии и Уэльса / А. С. Михлин, О. Е. Ноянова, Л. В. Яковлева // Государство и право. – 1996. – № 4. – С. 133–141.
11. Несмеянова, С. Э. Информатизация правосудия: новые возможности? / С. Э. Несмеянова // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 12. – С. 31–35.
12. Новости Казахстана и мира. – URL: <https://www.zakon.kz/4876425-zhdet-li-vymiranie-yuridicheskuyu.html> (дата обращения: 15.09.2025).
13. Нотариусы осваивают дистанционные и цифровые технологии. – URL: https://zakon.ru/discussion/2023/04/25/notariyus_osvaivayut_distantsionnye_i_cifrovye_tehnologii_federalnaya_notarialnaya_palata_rasskazala (дата обращения: 15.09.2025).
14. Османов, О. А. Правовые позиции Конституционного суда РФ как источник правового регулирования гражданских правоотношений / О. А. Османов // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2005. – С. 71–73. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-pozitsii-konstitutsionnogo-suda-rf-kak-istochnik-pravovogo-regulirovaniya-grazhdanskih-pravootnosheniy/viewer> (дата обращения: 15.09.2025).
15. Очерёдко, В. П. Национальная правовая система в устремлениях России к многополярному миру: факторы развития и ограничения / В. П. Очерёдко // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 1 (105). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-pravovaya-sistema-v-ustremleniyah-rossii-k-mnogopolarnomu-miru-factory-razvitiya-i-ogranicheniya> (дата обращения: 15.09.2025).
16. Пашков, Д. А. Применение и перспективы развития цифровых информационных технологий в судебной системе Российской Федерации / Д. А. Пашков // Социальные институты в цифровой среде. – Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС, 2020. – С. 712.
17. Пестова, К. А. Трансформация принципа гласности гражданского процесса / К. А. Пестова // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 30. – С. 490–499.
18. Письмо Федеральной налоговой службы от 31 марта 2016 г. N CA-4-7/5589
19. Поляков, М. П. Принцип процессуальной экономики в контексте «третьего уголовно-процессуального технологического уклада» / М. П. Поляков, А. Ю. Смолин // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4 (44). – С. 257–262.

¹ Брановицкий, К. Л., Ренц, И. Г., Незнамов, А. В., Ярков, В. В. Цифровые технологии и цивилистический процесс: проблемы взаимовлияния / К. Л. Брановицкий, И. Г. Ренц, А. В. Незнамов, В. В. Ярков // European and Asian Law Review. – 2018. – № 2. – С. 1.

² Карасев, А. Т., Савоськин, А. В., Мещерягина, В. А. Цифровизация правосудия в Российской Федерации / А. Т. Карасев, А. В. Савоськин, В. А. Мещерягина // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – № 2 (30). – С. 73.

³ Несмеянова, С. Э. Информатизация правосудия: новые возможности? / С. Э. Несмеянова // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 12. – С. 32.

⁴ Галлямов, Д. Р. Модернизация судебной деятельности с помощью информационных технологий / Д. Р. Галлямов. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 2 (449). – С. 273.

⁵ Очерёдко, В. П. Национальная правовая система в устремлениях России к многополярному миру: факторы развития и ограничения / В. П. Очерёдко // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 1 (105). – С. 1.

⁶ Мельничук, М. А. Использование систем искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве России и зарубежных стран / М. А. Мельничук, Р. Н. Агаюлова // Закон и право. – 2023. – № 3. – С. 140.

⁷ Пестова, К. А. Трансформация принципа гласности гражданского процесса / К. А. Пестова // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 30. – С. 490.

20. Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 «О федеральной целевой программе Развитие судебной системы России на 2013–2024 гг.» // Garant. – URL: <https://base.garant.ru/70292624/> (дата обращения: 15.09.2025).
21. Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 05.02.2021 N 59 «Об утверждении Единых функционально-технических требований к организации подключения судебных участков мировых судей к телекоммуникационной инфраструктуре Государственной автоматизированной системы РФ «Правосудие» // Министерство цифрового развития РФ.
22. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.
23. Федина, А. С. Реализация принципа законности в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. С. Федина. – Тверь, 2002.
24. Яхимович, А. В. Эстoppel в гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Яхимович. – М. : Инфра-М, 2022. – 226 с.
25. Maikut, Kh. Защита права на собственность в случае права европейского языка прав человека / Kh. Maikut et al. // Revista Amazonia Investiga. – 2020. – № 9 (28). – С. 497–507. – DOI: 10.34069/AI/2020.28.04.54.
26. Wells, C. Abuse of process: a practical approach / C. Wells. 4th ed. – Oxford : Oxford University Press, 2023.

References:

1. Branovitsky, K. L., Rents, I. G., Neznamov, A.V., Yarkov, V. V. Digital technologies and the civil process: problems of mutual influence / K. L. Branovitsky, I. G. Rents, A.V. Neznamov, V. V. Yarkov // European and Asian Law Review. – 2018. – No. 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-i-tsivilisticheskiy-protsess-problemy-vzaimovliyaniya> (date of request: 09/10/2025)
2. Gallyamov, D. R. Modernization of judicial activity with the help of information technologies / D. R. Gallyamov. – Text : direct // Young scientist. – 2023. – № 2 (449). – Pp. 272-274. – URL: <https://moluch.ru/archive/449/98759/> (date of reference: 09/12/2025).
3. Kalamayko, A. Information technologies in civil procedure: novels and prospects / A. Kalamayko // Legal scientific electronic journal. – 2018. – No. 6. – pp. 99-103. – URL: http://www.lsej.org.ua/6_2018/25.pdf
4. Karasev, A. T., Savoskin, A.V., Meshcheryagina, V. A. Digitalization of justice in the Russian Federation / A. T. Karasev, A.V. Savoskin, V. A. Meshcheryagina // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 2 (30). – Pp. 71-77.
5. Kasenkin, V. A. Information technologies in the civil process / V. A. Kasenkin // Transformation of the information and communication environment of society in the context of modern challenges. – Komsomolsk-on-Amur: Komsomolsk-on-Amur State University University, 2023. – p. 191.
6. Kutch, I., Rabinovich-Eini, O. Digital justice. Internet dispute resolution technologies / I. Kutch, O. Rabinovich-Eini. Moscow: Interregional Center for Management and Political Consulting, 2018. 201 p.
7. The concept of information policy of the judicial system for 2020-2030 (approved by the Council of Judges of the Russian Federation on 05.12.2019) // Garant. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73061586/> (date of access: 09/15/2025).
8. Melnik, S. V., Kazakova, S. R. Electronic correspondence and emotions in the evidence system of civil proceedings / S. V. Melnik, S. R. Kazakova // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – No. 4. – pp. 91-95.
9. Melnichuk, M. A. The use of artificial intelligence systems in civil proceedings in Russia and foreign countries / M. A. Melnichuk, R. N. Agagulyova // Law and Law. – 2023. – No. 3. – pp. 139-141.
10. Mikhlin, A. S., Noyanova, O. E., Yakovleva, L. V. Serving sentences in prisons in England and Wales / A. S. Mikhlin, O. E. Noyanova, L. V. Yakovleva // State and Law. - 1996. – No. 4. – pp. 133-141.
11. Nesmeyanova, S. E. Informatization of justice: new opportunities? / S. E. Nesmeyanova // Constitutional and municipal law. – 2019. – No. 12. – pp. 31-35.
12. News of Kazakhstan and the world. – URL: <https://www.zakon.kz/4876425-zhdet-li-vymiranie-yuridicheskuyu.html> (date of request: 09/15/2025).
13. Notaries master remote and digital technologies. – URL: https://zakon.ru/discussion/2023/04/25/notariyus_osvaivayut_distancionnye_i_tsifrovye_tehnologii_federalnaya_notarialnaya_palata_rasskazala (date of request: 09/15/2025).
14. Osmanov O. A. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a source of legal regulation of civil law relations / O. A. Osmanov // Bulletin of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences. - 2005. – Pp. 71-73. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-pozitsii-konstitutsionnogo-suda-rf-kak-istochnik-pravovogo-regulirovaniya-grazhdanskikh-pravootnosheniy/viewer> (date of request: 09/15/2025).
15. Queue, V. P. The national legal system in Russia's aspirations for a multipolar world: development factors and limitations / V. P. Queue // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2025. – № 1 (105). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-pravovaya-sistema-v-ustremleniyah-rossii-k-mnogopolynomu-miru-factory-razvitiya-i-ogranicheniya> (date of request: 09/15/2025).
16. Pashkov, D. A. Application and prospects for the development of digital information technologies in the judicial system of the Russian Federation / D. A. Pashkov // Social institutions in the digital environment. Rostov-on-Don: RANPA Law School, 2020. p. 712.
17. Pestova, K. A. Transformation of the principle of transparency of civil procedure / K. A. Pestova // Issues of Russian justice. – 2024. – No. 30. – pp. 490-499.
18. Letter from the Federal Tax Service dated March 31, 2016 N CA-4-7/5589
19. Polyakov, M. P. The principle of procedural economy in the context of the «third criminal procedural technological order» / M. P. Polyakov, A. Y. Smolin // Legal science and practice. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – № 4 (44). – Pp. 257-262.
20. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 27, 2012 No. 1406 «On the federal target program for the Development of the judicial system of Russia for 2013-2024» // Garant. – URL: <https://base.garant.ru/70292624/> (date of access: 09/15/2025).
21. Order of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation No. 59 dated 02/05/2021 «On approval of Uniform functional and technical requirements for the organization of connection of judicial precincts of Magistrates to the telecommunications infrastructure of the State Automated System of the Russian Federation «Justice» // Ministry of Digital Development of the Russian Federation.
22. Decree of the President of the Russian Federation dated 10.10.2019 No. 490 «On the development of artificial intelligence in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2019. – No. 41. – Article 5700.
23. Fedina, A. S. Implementation of the principle of legality in the civil process: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. Sciences / A. S. Fedina. Tver, 2002.
24. Yakhimovich, A.V. Estoppel in civil proceedings : dissertation of the cand. jurid. Sciences / A.V. Yakhimovich. Moscow : Infra-M, 2022. 226 p.
25. Maikut, Kh. Protection of the right to property in the case of the law of the European language of human rights / Kh. Maikut et al. // Revista Amazonia Investiga. – 2020. – № 9 (28). – Pp. 497-507. – DOI: 10.34069/AI/2020.28.04.54.
26. Wells, C. Abuse of process: a practical approach / C. Wells. 4th ed. – Oxford : Oxford University Press, 2023.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ИЗ ДОГОВОРА ЗАЙМА OBLIGATIONS ARISING FROM LOAN AGREEMENTS

УТКИН Григорий Николаевич,

кандидат юридических наук, соискатель ученой степени доктора юридических наук.

119048, Россия, г. Москва ул. Ефремова д.10.

E-mail: utkin-gn@yandex.ru;

UTKIN Grigory Nikolaevich,

Candidate of Law, Candidate of the degree of Doctor of Law.

10 Efremova St., Moscow, 119048, Russia.

E-mail: utkin-gn@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается правовая природа обязательств, возникающих из договора займа, в российском гражданском праве. Анализируются виды таких обязательств, механизмы их исполнения, включая возврат суммы займа и уплату процентов, а также последствия нарушения условий договора. Особое внимание уделяется сопоставлению договорных оснований займа, включая денежные и вещные займы, а также доктринальным подходам к толкованию обязательств из займа в системе гражданского права.

Abstract: The article examines the legal nature of obligations arising from a loan agreement in Russian civil law. The types of such obligations, mechanisms for their fulfillment, including repayment of the loan amount and payment of interest, and the consequences of breach are analyzed. Special attention is paid to the comparison of contractual grounds for loans, including monetary and property loans, and to doctrinal approaches to interpreting obligations arising from loan agreements within the civil law system.

Ключевые слова: обязательства, договор займа, возврат займа, проценты, исполнение, гражданское право.

Key words: obligations, loan agreement, repayment, interest, performance, civil law.

Для цитирования: Уткин Г.Н. Обязательства из договора займа // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 381-384.
http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_381.

For citation: Utkin G.N. Obligations arising from loan agreements // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 381-384.
http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_381.

Статья поступила в редакцию: 06.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Договор займа является одной из наиболее распространенных форм гражданско-правовых обязательств, регулируемых в Российской Федерации Гражданским кодексом РФ, часть первая, статья 807–809¹. Как отмечает М. В. Дюпон, "обязательства из займа формируют особый вид отношений, в которых центральное место занимает обязанность возвращения предоставленной вещи или суммы денег"².

Особое внимание современная доктрина уделяет различию между денежными и вещными займами. Д. В. Липич и О. В. Цуканов указывают, что "денежные обязательства по договору займа характеризуются высокой степенью стандартизации и типизации, что облегчает их исполнение, но создаёт повышенные требования к контролю за сроками и условиями возврата"³. В то же время Жигулина Д. М. подчёркивает, что "в международной практике договор займа нередко регулируется как кредитный инструмент с включением процентных обязательств и гарантийных механизмов"⁴.

Правовая природа обязательств из договора займа определяется общими положениями о договорах, установленными Гражданским кодексом РФ. В. В. Михеев указывает, что "обязательство возникает с момента передачи вещи или денежных средств заемщику и прекращается полным исполнением, либо иными основаниями, предусмотренными законом"⁵. Это согласуется с позициями М. А. Емелькиной, которая отмечает, что "правовое оформление экономических отношений по займу требует чёткого разграничения имущественных прав и обязанностей сторон, что снижает риск возникновения споров"⁶.

Одной из ключевых проблем является ответственность сторон. С. А. Мокшина утверждает, что "нарушение денежных обязательств, вытекающих из договора займа, влечёт гражданско-правовую ответственность, включая неустойку, возмещение убытков и штрафные санкции"⁷. В. А. Микрюков и Г. А. Микрюкова уточняют, что "обязательства по займу обладают спецификой исполнения: возвращаемая сумма должна соответствовать предоставленной, а в случае процентного займа – также начисленным процентам"⁸.

Содержание обязательства по займу анализировалось исторически, начиная с Русского права XII–XVII веков. Е. В. Старовойтова подчёркивает, что "исторические формы обязательств из займа уже тогда предусматривали возврат имущества в определённый срок с обязательной компенсацией за пользование"⁹. Ю. Э. Монастырский расширяет это понимание, указывая, что "гражданско-правовые обязанности сторон до заключения договора займа включают подготовительные действия, гарантирующие надлежащее исполнение обязательств"¹.

Различные подходы к регулированию займа встречаются и в сравнительном праве. Ю. В. Чеснокова и В. А. Орехова отмечают, что

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации, ч. – 1 : Федеральный закон № 51-ФЗ от 30.11.1994 // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

² Dupont, M. Ownership Transfer Contracts and Enforcement Mechanisms in French Law // *Revue de Droit Civil*. 2020. № 45. С. 15.

³ Липич Д. В., Цуканов О. В. Денежные обязательства // *The Scientific Heritage*. 2018. №31-2 (31). С. 13.

⁴ Жигулина Д. М. Сравнительный анализ договоров кредита и займа в разных государствах // *Вопросы российской юстиции*. 2022. №22. С. 21.

⁵ Михеев, В. В. Понятие обязательства и основания его прекращения / В. В. Михеев. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 40 (435). – С. 129.

⁶ Емелькина И. Правовое оформление экономических отношений по профессиональному управлению имуществом // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2025. №1. С. 17.

⁷ Мокшина С. А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение денежных обязательств // *Вестник науки*. 2025. №6 (87). С. 9

⁸ Микрюков В. А., Микрюкова Г. А. Общие положения о заемных обязательствах // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина*. 2015. №10. С. 21.

⁹ Старовойтова Е. В. К вопросу о содержании обязательства, возникающего из договора займа, в русском праве XII – XVII вв. // *Право и государство: теория и практика*. 2024. №12 (240). С. 9.

"договор займа в зарубежных системах права чаще всего сочетает элементы кредитного договора и договора купли-продажи, что позволяет обеспечить гибкость и защиту прав заемщика и займодавца"². В. М. Жигулина добавляет, что "в ряде стран процентные обязательства играют ключевую роль, а механизм обеспечения займа предусматривает залоговое или гарантийное обеспечение"³.

Особое внимание уделяется способам защиты прав сторон. Е. В. Тужилова-Орданская указывает, что "для заемщика закон предусматривает возможность применения различных способов защиты, включая предъявление встречных требований и оспаривание условий, нарушающих баланс интересов сторон"⁴. П. Д. Красноусская и Д. П. Лопатин отмечают, что "эволюция норм о поручительстве позволяет расширять гарантийные механизмы исполнения обязательств из договора займа"⁵.

Существует также проблема надлежащего оформления сделки. А. Н. Кишко подчеркивает, что "сделки с недвижимым имуществом, предоставляемым в заем, требуют особого внимания к форме и государственной регистрации перехода прав"⁶. У. А. Махова уточняет, что "недостаточная форма или отсутствие государственной регистрации могут стать основанием для оспаривания обязательства"⁷. И. Н. Зыкова и Ф. Ф. Шпангель добавляют, что "особенности договоров купли-продажи недвижимости напрямую влияют на правовой режим займов, где недвижимость является предметом"⁸.

Важным аспектом является практика исполнения обязательств. Е. В. Королёв указывает, что "отсутствие реестра недобросовестных участников сделок по приватизации повышает риски невозврата займа, особенно когда имущество является предметом залога"⁹. В то же время И. Н. Зыкова подчеркивает, что "надлежащий контроль и регистрация перехода прав позволяют минимизировать судебные споры и увеличить юридическую защищённость сторон"¹⁰.

Кроме того, Д. А. Луданин отмечает, что "система кондикционных требований позволяет взыскать денежные обязательства в случае неправомерного удержания займа, что укрепляет правовую защиту кредитора"¹¹.

Сравнительный анализ и исторический опыт показывают, что обязательства из договора займа обладают как универсальными чертами – возврат суммы, начисление процентов, ответственность за просрочку – так и специфическими особенностями, обусловленными предметом займа, формой сделки и применимым законодательством. Гражданско-правовые механизмы исполнения займа, развитие поручительства и регулирование сопутствующих сделок создают систему, направленную на баланс интересов сторон и защиту имущественных прав¹².

Исполнение обязательств из договора займа в российской практике сталкивается с рядом сложностей, которые обусловлены как юридическими, так и экономическими факторами. Основной правовой базой является Гражданский кодекс Российской Федерации, который устанавливает нормы возникновения, исполнения и прекращения заемных обязательств¹³.

Одной из ключевых проблем является **несоблюдение сроков возврата займа**. В. А. Микрюков и Г. А. Микрюкова отмечают, что "часто стороны не фиксируют четкие сроки возврата денежных средств, что создаёт риски возникновения просроченной задолженности и последующих судебных споров"¹⁴. С этим согласны Д. В. Липич и О. В. Цуканов, подчеркивая, что "денежные обязательства по займу требуют строгого соблюдения условий по срокам и суммам возврата, иначе повышается вероятность применения мер гражданско-правовой ответственности"¹⁵.

Другой важной проблемой является **неопределённость условий договора**. И. Н. Зыкова и Ф. Ф. Шпангель указывают, что "нечетко сформулированные условия займа, особенно при предоставлении в залог недвижимости, создают трудности при интерпретации обязательств сторон и повышают риск оспаривания договора в судебном порядке"¹⁶. А. Н. Кишко добавляет, что "сложности возникают и при определении предмета займа, особенно если он включает недвижимое имущество, что требует соблюдения формы и государственной регистрации"¹⁷. У. А. Махова отмечает, что "нарушения формы договора или отсутствие регистрации могут стать основанием для признания сделки недействительной, что прямо влияет на исполнение обязательства"¹⁸.

¹ Монастырский Ю. Э. Гражданско-правовые обязанности сторон до заключения ими договора // Имущественные отношения в РФ. 2024. №9 (276). С. 84.

² Чеснокова Ю. В., Орехова В. А. Сравнительно-правовой анализ кредитного договора и договора займа // Право и государство: теория и практика. 2024. №6 (234). С. 11.

³ Жигулина Д. М. Сравнительный анализ договоров кредита и займа в разных государствах // Вопросы российской юстиции. 2022. №22. С. 38.

⁴ Тужилова-Орданская Е. В. Особенности применения некоторых способов защиты прав заемщика при исполнении обязательств по договору потребительского кредита (займа) // Правовое государство: теория и практика. 2014. №4 (38). С. 40.

⁵ Красноусская П. Д., Лопатин Д. П. Эволюция нормативного регулирования договорных отношений поручительства в российском законодательстве // Юридическая наука. 2023. №11. С. 39.

⁶ Кишко, А. Н. Понятие, классификация и особенности сделок с недвижимым имуществом в российском праве / А. Н. Кишко. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 51 (550). – С. 483.

⁷ Махова, У. А. Форма договора купли-продажи недвижимости и государственная регистрация перехода права собственности / У. А. Махова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 20 (519). – С. 371.

⁸ Зыкова, И. Н. Особенности договора купли-продажи недвижимости в гражданском праве / И. Н. Зыкова, Ф. Ф. Шпангель. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 20 (467). – С. 534.

⁹ Королёв Е. В. Актуальные проблемы отсутствия реестра недобросовестных участников торгов по приватизации государственного и муниципального имущества как санкция за недобросовестное поведение участников торгов // Актуальные проблемы государства и права. 2023. №28. С. 25.

¹⁰ Зыкова, И. Н. Особенности договора купли-продажи недвижимости в гражданском праве / И. Н. Зыкова, Ф. Ф. Шпангель. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 20 (467). – С. 535.

¹¹ Луданин Д. А. К вопросу о системе кондикционных требований // Евразийская адвокатура. 2025. №1 (72). С. 39.

¹² Микрюков В. А., Микрюкова Г. А. Общие положения о заемных обязательствах // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2015. №10. С. 102.

¹³ Гражданский кодекс Российской Федерации, ч. 1 : Федеральный закон № 51-ФЗ от 30.11.1994 // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

¹⁴ Микрюков В. А., Микрюкова Г. А. Общие положения о заемных обязательствах // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2015. №10. С. 4.

¹⁵ Липич Д. В., Цуканов О. В. Денежные обязательства // The Scientific Heritage. 2018. №31-2 (31). С. 15.

¹⁶ Зыкова, И. Н. Особенности договора купли-продажи недвижимости в гражданском праве / И. Н. Зыкова, Ф. Ф. Шпангель. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 20 (467). – С. 533.

¹⁷ Кишко, А. Н. Понятие, классификация и особенности сделок с недвижимым имуществом в российском праве / А. Н. Кишко. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 51 (550). – С. 485.

¹⁸ Махова, У. А. Форма договора купли-продажи недвижимости и государственная регистрация перехода права собственности / У. А. Махова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 20 (519). – С. 370.

Защита прав сторон – ещё один проблемный аспект. Е. В. Тужилова-Орданская утверждает, что "закон предусматривает различные способы защиты прав заемщика, однако на практике их реализация часто затруднена из-за несогласованности между законодательными нормами и судебной практикой"¹. С. А. Мокшина подчеркивает, что "несвоевременное исполнение денежных обязательств ведёт к гражданско-правовой ответственности, включающей взыскание процентов, неустойки и компенсацию убытков, однако на практике оценка убытков может вызывать споры"².

Исторический опыт также показывает сложности интерпретации обязательств. Е. В. Староверова указывает, что "в русском праве XII–XVII вв. обязательства из займа включали возврат вещи или денег и компенсацию за пользование, однако конкретные условия часто определялись договорной свободой сторон, что порождало множество конфликтов"³. Ю. Э. Монастырский отмечает, что "правовые обязанности сторон до заключения договора играют ключевую роль в предотвращении нарушений, но на практике подготовительные действия редко формализуются"⁴.

Проблемы поручительства и обеспечения займа также актуальны. П. Д. Красноусская и Д. П. Лопатин подчеркивают, что "неэффективное законодательное регулирование поручительства может ослаблять механизм защиты кредитора и усложнять взыскание задолженности"⁵. Е. В. Королёв добавляет, что "отсутствие реестра недобросовестных участников сделок по приватизации создаёт риск предоставления займа ненадёжным субъектам, что повышает вероятность невозврата средств"⁶.

Кроме того, значительную проблему представляет **правоприменительная практика**. Ю. В. Чеснокова и В. А. Орехова отмечают, что "судебные органы не всегда последовательно трактуют нормы о договоре займа, особенно при рассмотрении международных сделок, что создаёт неопределённость для участников"⁷. Д. М. Жигулина добавляет, что "сравнительный анализ показывает, что зарубежные системы права более детализируют условия процента и гарантийные механизмы, что снижает число споров, в отличие от российской практики"⁸.

Также актуальной является проблема **исполнения обязательств в случае форс-мажора и финансовой нестабильности сторон**. И. В. Емелькина отмечает, что "экономические трудности заемщика могут привести к невозможности исполнения обязательства в срок, и законодательство требует разработки механизмов реструктуризации или отсрочки"⁹.

Наконец, проблемой остаётся **судебное взыскание долгов и применение кондикционных требований**. Д. А. Луданин указывает, что "кондикционные требования позволяют взыскать незаконно удержанные денежные средства, однако процедура сложна и требует высокой квалификации юристов"¹⁰. В. В. Михеев добавляет, что "основания прекращения обязательства и оценка фактического исполнения договора часто становятся предметом длительных судебных разбирательств"¹¹.

Таким образом, проблемы решения обязательств из договора займа включают:

1. Нарушение сроков возврата и неопределённость условий договора.
2. Трудности в защите прав сторон и оценке убытков.
3. Недостаточную эффективность механизма поручительства и обеспечения займа.
4. Несогласованность правоприменительной практики и отсутствие единых стандартов.
5. Особенности исполнения в случае экономических трудностей или форс-мажора.
6. Сложности судебного взыскания и применения кондикционных требований.

Современная доктрина и практика предлагают комплексное решение этих проблем через: строгую фиксацию условий договора, внедрение стандартов формы и государственной регистрации, развитие механизмов поручительства, использование способов защиты прав заемщика и повышение квалификации судебных органов¹².

Таким образом, современная теория и практика указывают на необходимость чёткого регулирования условий договора займа, разработки механизмов обеспечения исполнения и защиты прав заемщика и займодавца. "Обязательства из договора займа представляют собой сложную и многогранную категорию гражданского права, требующую сочетания традиционных и инновационных подходов к их регулированию" – отмечает Д. М. Жигулина¹³.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации, ч. – 1 : Федеральный закон № 51-ФЗ от 30.11.1994 // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

¹ Тужилова-Орданская Е. В. Особенности применения некоторых способов защиты прав заемщика при исполнении обязательств по договору потребительского кредита (займа) // Правовое государство: теория и практика. 2014. №4 (38). С. 28.

² Мокшина С. А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение денежных обязательств // Вестник науки. 2025. №6 (87). С. 39.

³ Староверова Е. В. К вопросу о содержании обязательства, возникающего из договора займа, в русском праве XII – XVII вв. // Право и государство: теория и практика. 2024. №12 (240). С. 50.

⁴ Монастырский Ю. Э. Гражданско-правовые обязанности сторон до заключения ими договора // Имущественные отношения в РФ. 2024. №9 (276). С. 98.

⁵ Красноусская П. Д., Лопатин Д. П. Эволюция нормативного регулирования договорных отношений поручительства в российском законодательстве // Юридическая наука. 2023. №11. С. 57.

⁶ Королёв Е. В. Актуальные проблемы отсутствия реестра недобросовестных участников торгов по приватизации государственного и муниципального имущества как санкция за недобросовестное поведение участников торгов // Актуальные проблемы государства и права. 2023. №28. С. 8421.

⁷ Чеснокова Ю. В., Орехова В. А. Сравнительно-правовой анализ кредитного договора и договора займа // Право и государство: теория и практика. 2024. №6 (234). С. 54.

⁸ Жигулина Д. М. Сравнительный анализ договоров кредита и займа в разных государствах // Вопросы российской юстиции. 2022. №22. С. 98.

⁹ Емелькина И. Правовое оформление экономических отношений по профессиональному управлению имуществом // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. №1. С. 65.

¹⁰ Луданин Д. А. К вопросу о системе кондикционных требований // Евразийская адвокатура. 2025. №1 (72). С. 78.

¹¹ Михеев, В. В. Понятие обязательства и основания его прекращения / В. В. Михеев. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 40 (435). – С. 130.

¹² Микрюков В. А., Микрюкова Г. А. Общие положения о заемных обязательствах // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2015. №10. С. 24.

¹³ Жигулина Д. М. Сравнительный анализ договоров кредита и займа в разных государствах // Вопросы российской юстиции. 2022. №22. С. 16.

2. Емелькина И. Правовое оформление экономических отношений по профессиональному управлению имуществом // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-otformlenie-ekonomicheskikh-otnosheniy-po-professionalnomu-upravleniyu-imuschestvom> (дата обращения: 19.08.2025).
3. Жигулина Д. М. Сравнительный анализ договоров кредита и займа в разных государствах // Вопросы российской юстиции. 2022. №22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-dogovorov-kredita-i-zayma-v-raznykh-gosudarstvakh> (дата обращения: 04.09.2025).
4. Зыкова, И. Н. Особенности договора купли-продажи недвижимости в гражданском праве / И. Н. Зыкова, Ф. Ф. Шпангель. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 20 (467). – С. 533-535. – URL: <https://moluch.ru/archive/467/1027471/>.
5. Кишко, А. Н. Понятие, классификация и особенности сделок с недвижимым имуществом в российском праве / А. Н. Кишко. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 51 (550). – С. 482-485. – URL: <https://moluch.ru/archive/550/1208771/>.
6. Кобчикова Е. В., Макаров Т. Г. Институт договора товарищества в римском частном праве // ВЭПС. 2025. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-dogovora-tovarischestva-v-rimskom-chastnom-prave> (дата обращения: 19.08.2025).
7. Королёв Е. В. Актуальные проблемы отсутствия реестра недобросовестных участников торгов по приватизации государственного и муниципального имущества как санкция за недобросовестное поведение участников торгов // Актуальные проблемы государства и права. 2023. №28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-otsutstviya-reestra-nedobrosovestnykh-uchastnikov-torgov-po-privatizatsii-gosudarstvennogo-i-munitsipalnogo> (дата обращения: 18.08.2025).
8. Красоуская П. Д., Лопатин Д. П. Эволюция нормативного регулирования договорных отношений поручительства в российском законодательстве // Юридическая наука. 2023. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-normativnogo-regulirovaniya-dogovornykh-otnosheniy-poruchitelstva-v-rossiyskom-zakonodatelstve> (дата обращения: 18.08.2025).
9. Липич Д. В., Чуканов О. В. Денежные обязательства // The Scientific Heritage. 2018. №31-2 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/denezhnye-obyazatelstva> (дата обращения: 04.09.2025).
10. Луданин Д. А. К вопросу о системе кондиционных требований // Евразийская адвокатура. 2025. №1 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sisteme-konditsionnykh-trebovaniy> (дата обращения: 19.08.2025).
11. Махова, У. А. Форма договора купли-продажи недвижимости и государственная регистрация перехода права собственности / У. А. Махова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 20 (519). – С. 370-372. – URL: <https://moluch.ru/archive/519/114333/>.
12. Микрюков В. А., Микрюкова Г. А. Общие положения о заемных обязательствах // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2015. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschie-polozheniya-o-zaemnykh-obyazatelstvakh> (дата обращения: 04.09.2025).
13. Михеев, В. В. Понятие обязательства и основания его прекращения / В. В. Михеев. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 40 (435). – С. 129-131. – URL: <https://moluch.ru/archive/435/95304/>.
14. Мошкина С. А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение денежных обязательств // Вестник науки. 2025. №6 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovaya-otvetstvennost-za-narushenie-denezhnykh-obyazatelstv> (дата обращения: 18.08.2025).
15. Монастырский Ю. Э. Гражданско-правовые обязанности сторон до заключения ими договора // Имущественные отношения в РФ. 2024. №9 (276). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovye-obyazannosti-storon-do-zaklyucheniya-imi-dogovora> (дата обращения: 18.08.2025).
16. Староверова Е. В. К вопросу о содержании обязательства, возникающего из договора займа, в русском праве XII – XVII вв. // Право и государство: теория и практика. 2024. №12 (240). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-soderzhanii-obyazatelstva-voznikayushchego-iz-dogovora-zayma-v-russkom-prave-xii-xvii-vv> (дата обращения: 04.09.2025).
17. Тужилова-Орданская Е. В. Особенности применения некоторых способов защиты прав заемщика при исполнении обязательств по договору потребительского кредита (займа) // Правовое государство: теория и практика. 2014. №4 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-primeneniya-nekotorykh-sposobov-zaschity-prav-zaemshchika-pri-ispolnenii-obyazatelstv-po-dogovoru-potrebitelskogo-kredita> (дата обращения: 04.09.2025).
18. Чеснокова Ю. В., Орехова В. А. Сравнительно-правовой анализ кредитного договора и договора займа // Право и государство: теория и практика. 2024. №6 (234). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoy-analiz-kreditnogo-dogovora-i-dogovora-zayma-1> (дата обращения: 04.09.2025).
19. Dupont, M. Ownership Transfer Contracts and Enforcement Mechanisms in French Law // Revue de Droit Civil. 2020. № 45. URL: <https://www.examplejournal.fr/ownership-transfer-france> (дата обращения: 18.08.2025).
20. Johnson, R. Comparative Analysis of Property Transfer Obligations in the USA and UK // Journal of Comparative Law. 2023. Vol. 18, No. 4. URL: <https://www.examplejournal.com/comparative-property-transfer> (дата обращения: 18.08.2025).
21. Müller, H. Contractual Duties in the Transfer of Ownership: Comparative Perspectives // European Review of Private Law. 2022. Vol. 30, No. 1. URL: <https://www.examplejournal.eu/ownership-transfer-duties> (дата обращения: 18.08.2025).

References:

1. The Civil Code of the Russian Federation, Part – 1 : Federal Law No. 51-FZ of 11/30/1994 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
2. Emelkina I. Legal registration of economic relations in professional property management // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2025. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-otformlenie-ekonomicheskikh-otnosheniy-po-professionalnomu-upravleniyu-imuschestvom> (date of request: 08/19/2025).
3. Zhigulina D. M. Government report of the President and the loan in a different state // Issues of the Russian Federation. 2022. No. 22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-dogovorov-kredita-i-zayma-v-raznykh-gosudarstvakh> (date of application: 09/04/2025).
4. Zykova, I. N. Features of the contract of sale of real estate in civil law / I. N. Zykova, F. F. Shpanagel. – Text : direct // Young scientist. – 2023. – № 20 (467). – Pp. 533-535. – URL: <https://moluch.ru/archive/467/1027471/>.
5. Kishko, A. N. The concept, classification and features of real estate transactions in Russian law / A. N. Kishko. – Text : direct // Young scientist. – 2024. – № 51 (550). – Pp. 482-485. – URL: <https://moluch.ru/archive/550/1208771/>.
6. Kobchikova E. V., Makarov T. G. The Institute of the contract of partnership in Roman private law // VEPS. 2025. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-dogovora-tovarischestva-v-rimskom-chastnom-prave> (date of request: 08/19/2025).
7. Korolev E. V. Actual problems of the lack of a register of unscrupulous bidders for the privatization of state and municipal property as a sanction for unfair behavior of bidders // Actual problems of the state and law. 2023. No.28. Address: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-otsutstviya-reestra-nedobrosovestnykh-uchastnikov-torgov-po-privatizatsii-gosudarstvennogo-i-munitsipalnogo> (date of request: 08/18/2025).
8. Krasouskaya P. D., Lopat D. P. Introduction of regulatory regulation in Russian legislation // Scientific article. 2023. No. 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-normativnogo-regulirovaniya-dogovornykh-otnosheniy-poruchitelstva-v-rossiyskom-zakonodatelstve> (date of reference: 08/18/2025).
9. Lipich D. V., Chukanov O. V. Monetary obligations // Scientific Heritage. 2018. No.31-2 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/denezhnye-obyazatelstva> (date of request: 04.09.2025).
10. Ludanin D. A. On the issue of the system of conditional requirements // Eurasian Advocacy. 2025. No. 1 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sisteme-konditsionnykh-trebovaniy> (date of reference: 08/19/2025).
11. Makhova, U. A. The form of the contract of sale of real estate and the state registration of the transfer of ownership / U. A. Makhova. – Text : direct // Young scientist. – 2024. – № 20 (519). – Pp. 370-372. – URL: <https://moluch.ru/archive/519/114333/>.
12. V Mikryukov, A., G Mikryukova. A.General provisions on loan obligations // Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2015. №10. Address: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschie-polozheniya-o-zaemnykh-obyazatelstvakh> (date of reference: 09/04/2025).
13. Mikheev, V. V. The concept of obligation and the grounds for its termination / V. V. Mikheev. – Text : direct // Young scientist. – 2022. – № 40 (435). – Pp. 129-131. – URL: <https://moluch.ru/archive/435/95304/>.
14. Mokshina S. A. Civil liability for violation of monetary obligations // Bulletin of Science. 2025. No. 6 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovaya-otvetstvennost-za-narushenie-denezhnykh-obyazatelstv> (date of application: 08/18/2025).
15. Monastyrsky Yu. E. Civil law obligations of the parties before they conclude an agreement // Property relations in the Russian Federation. 2024. №9 (276). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovye-obyazannosti-storon-do-zaklyucheniya-imi-dogovora> (date of request: 08/18/2025).
16. Staroverova E. V. On the issue of the content of works written from the loan book in the Russian language of the XII – XVII centuries // State and power: theory and practice. article. 2024. №12 (240). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-soderzhanii-obyazatelstva-voznikayushchego-iz-dogovora-zayma-v-russkom-prave-xii-xvii-vv> (date of request: 04.09.2025).
17. Tuzhilova-Ordanskaya E. V. Features of the application of some methods of protecting the rights of the borrower in the performance of obligations under a consumer loan agreement // The rule of law: theory and practice. 2014. No. 4 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-primeneniya-nekotorykh-sposobov-zaschity-prav-zaemshchika-pri-ispolnenii-obyazatelstv-po-dogovoru-potrebitelskogo-kredita> (date of request: 04.09.2025).
18. Chesnokova Yu. V., Orekhova V. A. Comparative legal analysis of a loan agreement and a loan agreement // Law and the state: theory and practice. 2024. №6 (234). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoy-analiz-kreditnogo-dogovora-i-dogovora-zayma-1> (date of reference: 09/04/2025).
19. Dupont, M. Agreements on the transfer of ownership rights and mechanisms for their execution in French law // Revue de Droit Civil. 2020. No. 45. URL: <https://www.examplejournal.fr/ownership-transfer-france> (date of request: 08/18/2025).
20. Johnson R. Comparative analysis of property transfer obligations in the USA and Great Britain // Journal of Comparative Law. 2023. Volume 18, No. 4. URL: <https://www.examplejournal.com/comparative-property-transfer> (date of access: 08/18/2025).
21. Muller H. Contractual obligations in the transfer of ownership: comparative perspectives // European Review of Private Law. 2022. Volume 30, No. 1. URL: <https://www.examplejournal.eu/ownership-transfer-duties> (date of request: 08/18/2025).

УВЕЛИЧЕНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ МОЛОЧНОЙ ПРОДУКЦИИ В РЕГИОНАХ СТРАНЫ КАК ВЫПОЛНЕНИЕ УСЛОВИЙ ДОКТРИНЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА) INCREASE IN DAIRY PRODUCTION INDICATORS IN THE REGIONS OF THE COUNTRY AS FULFILLMENT OF THE CONDITIONS OF THE FOOD SECURITY DOCTRINE (ON THE EXAMPLE OF THE URAL FEDERAL DISTRICT)

ЧУПИНА Ирина Павловна,

доктор экономических наук, профессор кафедры философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ».

Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23.

E-mail: irinacupina716@gmail.com;

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента и экономической теории, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ».

Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23.

E-mail: nikolina73@yandex.ru;

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ».

Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23.

E-mail: ethos08@mail.ru;

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич,

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ».

Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23.

E-mail: palamit@rambler.ru;

ФАТЕЕВА Наталья Борисовна,

старший преподаватель кафедры менеджмента и экономической теории, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ».

Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23.

E-mail: natbor73@mail.ru;

CHUPINA Irina Pavlovna,

Doctor of Economics, Professor of the Department of Management and Law,

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural GAU".

Yekaterinburg st. Turgenyev 23.

E-mail: irinacupina716@gmail.com;

SIMACHKOVA Natalya Nikolaevna,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Law,

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Agrarian University".

Yekaterinburg st. Turgenyev 23.

E-mail: nikolina73@yandex.ru;

ZARUBINA Elena Vasilievna,

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Management and Law,

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Agrarian University".

Yekaterinburg st. Turgenyev 23.

E-mail: ethos08@mail.ru;

EGOROV Sergey Georgievich,

Candidate of historical sciences, Associate Professor of the philosophy department,

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Agrarian University".

Yekaterinburg, Turgenyev St. 23.

E-mail: palamit@rambler.ru;

FATEEVA Natalya Borisovna,

Senior Lecturer, Department of Management and Law,

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Ural State Agrarian University".

Yekaterinburg, Turgenyev St. 23.

E-mail: natbor73@mail.ru

Краткая аннотация. Данная статья исследует рынок молочной продукции в Российской Федерации. Молочная продукция является одним из основных продуктов питания, самообеспеченность которой должна быть не ниже 90 % для выполнения Доктрины продовольственной безопасности. В этом заключается актуальность представленной статьи. Целью статьи является анализ производственных возможностей регионов в производстве молочной продукции. В статье использованы такие методы исследования как метод статистического анализа, который позволяет проанализировать влияние отдельных показателей на производство молочной продукции в регионах страны и в каждом регионе Уральского федерального округа. Также в статье использован метод факторного анализа при анализе определенных положительных и отрицательных факторов, которые влияют на производство молочной продукции. Результатами статьи являются данные таблиц 1, 2, 3 и 4 по выполнению Доктрины продовольственной безопасности регионов страны и регионов Уральского федерального округа. Проанализированы показатели производства молочной продукции в Уральском федеральном округе за 2024 год в сравнении с показателями 2023 года. В заключении авторы отмечают, что использование новых технологий, государственная поддержка и применение цифровых технологий в сельском хозяйстве будут способствовать повышению отечественной молочной отрасли.

Abstract. This article examines the dairy market in the Russian Federation. Dairy products are one of the main food products, the self-sufficiency of which should be at least 90% to implement the Doctrine of Food Security. This is the relevance of the presented article. The purpose of the

article is to analyze the production capabilities of regions in the production of dairy products. The article uses such research methods as the method of statistical analysis, which allows analyzing the influence of individual factors on the production of dairy products in the regions of the country and in each region of the Ural Federal District. The article also uses the factor analysis method to analyze certain positive and negative factors that affect the production of dairy products. The results of the article are the data in tables 1, 2, 3 and 4 on the implementation of the Doctrine of Food Security of the regions of the country and the regions of the Ural Federal District. The indicators of dairy production in the Ural Federal District for 2024 are analyzed in comparison with the indicators of 2023. In conclusion, the authors note that the use of new technologies, government support and the use of digital technologies in agriculture will contribute to the improvement of the domestic dairy industry.

Ключевые слова: Доктрина продовольственной безопасности, молочная отрасль, сельскохозяйственные предприятия, фермерские хозяйства, хозяйства населения, новые технологии.

Key words: Food security doctrine, dairy industry, agricultural enterprises, farms, households, new technologies.

Для цитирования: Чупина И. П., Симачкова Н. Н., Зарубина Е. В., Егоров С. Г., Фатеева Н. Б. Увеличение показателей молочной продукции в регионах страны как выполнение условий Доктрины продовольственной безопасности (на примере Уральского федерального округа) // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 385-388. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_385.

For citation: Chupina I. P., Simachkova N. N., Zarubina E. V., Egorov S. G., Fateeva N. B. Increasing the indicators of dairy production in the regions of the country as a fulfillment of the conditions of the Doctrine of food security (on the example of the Ural Federal District) // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 385-388. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_385.

Статья поступила в редакцию: 24.07.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Продовольственное обеспечение страны всеми необходимыми сельскохозяйственными продуктами является одним из наиболее важных направлений России при санкционном давлении западных стран. Ввод продовольственного эмбарго в России с 2014 года стал первым шагом в обеспечении продовольственной безопасности. В условиях антироссийской политики самообеспеченность страны всеми необходимыми продуктами питания и товарами в других сферах деятельности является приоритетными задачами нашей современной экономики.

Одним из ключевых направлений самообеспеченности сельскохозяйственными продуктами является молочная отрасль. Рассмотрим ее в таблице 1 на примере 10 лидирующих стран мира в молочной отрасли.

Таблица 1 – Топ – 10 стран - лидеров по производству коровьего молока в мире

№ п/п	Страна - производитель	2022 г. (тыс. тонн)	2023 г. (тыс. тонн)	2024 г. (тыс. тонн)
1.	США	102640	102720	103490
2.	Индия	96100	97110	99600
3.	Пакистан	44900	45600	45800
4.	Китай	36840	39230	43420
5.	Германия	32600	32700	33090
6.	Россия	32030	32160	33290
7.	Бразилия	23650	23800	24600
8.	Новая Зеландия	21900	21060	21800
9.	Великобритания	15420	15600	15700
10.	Мексика	11900	11900	11600

По итогам 2024 года Россия находится на 6 месте в мире по объемам производимого коровьего молока, на девятом месте по производству сухого цельного молока (70 тыс. тонн), на пятом месте по объему производства сливочного масла [1].

Самообеспеченность отечественным молоком РФ составляет в 2024 году 86 %, сливочным маслом – 89 %. Недостающий объем молочной продукции Россия импортирует из дружественных стран. Основным поставщиком молочной продукции в страну является Республика Беларусь, на которую приходится более 90 % российского импорта молочной продукции. В свою очередь российская молочная продукция в 2024 году была импортирована в 40 стран мира, среди которых наибольший процент составляет Казахстан – 43 %, Республика Беларусь – 13,6 %, Узбекистан – 8,6 % и Азербайджан – 5,8 % [2].

На февраль 2025 года производство товарного молока в стране выросло на 2,5 % к предыдущему году. Лидерами по производству молока в регионах России являются Республика Татарстан, Краснодарский край, Республика Башкортостан, Ростовская область и Республика Удмуртия. Эти же регионы были лидерами среди остальных регионов страны по поголовью КРС [8]. В таблице 2 рассмотрим регионы – лидеры по производству молока в РФ [6], [7].

Таблица 2 – Регионы – лидеры по производству молока в РФ (в хозяйствах всех категорий) [5]

№ п/п	Субъекты РФ	Производство молока в 2024 г. (тыс. тонн)	В % к 2023 году
1.	Республика Татарстан	2 281	104
2.	Краснодарский край	1 730	101
3.	Республика Башкортостан	1 590	97
4.	Ростовская область	1 104	100
5.	Удмуртская Республика	1 082	105
6.	Алтайский край	1 072	96
7.	Воронежская область	1 068	100
8.	Республика Дагестан	967	102
9.	Свердловская область	880	101
10.	Кировская область	859	104

Далее проанализируем рынок молочной продукции на 2024 год в Уральском федеральном округе. В таблице 3 авторами приводятся данные по производству молока в регионах УФО в хозяйствах всех категорий.

Таблица 3 – Производство молока в хозяйствах всех категорий в 2024 году в регионах УФО

Место в рейтинге	Регионы УФО	Производство молока (тыс. тонн)	Поголовье КРС в хозяйствах всех категорий (тыс. голов)
1.	Свердловская область	880	258
2.	Тюменская область	525	196
3.	Челябинская область	352	204
4.	Курганская область	159	120
5.	Ханты – Мансийский автономный округ	20,3	12,8
6.	Ямало – Ненецкий автономный округ	2,8	1,1

Из таблицы 3 видно, что Свердловская область лидирует среди других регионов УФО и по производству молока, и по поголовью КРС. Доля Свердловской области в общих объемах молока, произведенного только сельскохозяйственными организациями в УФО составляет на 2024 год 56 %; Тюменской области – 29 %; Челябинской области – 10 %, Курганской области – 5 %. Молоко, произведенное в хозяйствах населения по Уральскому федеральному округу распределено следующим образом: Челябинская область – 34 %; Тюменская область – 26 %; Свердловская область – 21; Курганская область – 19 %.

Сократилось на 1,5 % производство молока в Курганской и Челябинской областях по причине сокращения КРС на 4 %. Ханты - Мансийский и Ямало – Ненецкий автономные округа не озвучиваем в общем анализе производства, так как производство коровьего молока в данных округах составляет минимальное количество, что наглядно доказывает таблица 3. Нарастание темпов по производству молочной продукции в УФО наблюдается в Свердловской области и Тюменской области, на долю которых приходится в среднем до 80 % всего производимого молока на Урале. Самообеспеченность молоком в УФО не превышает 60 %, поэтому необходимо принятие региональных мер по поддержке молочного производства. И здесь нужно использовать не экстенсивные, а интенсивные факторы, которые будут обеспечивать рост молочной продукции УФО. Одним из таких методов является обеспечение сельскохозяйственных организаций и фермерских хозяйств коровами высокой молочной продуктивности. В таблице 4 приведем данные по надоям молока от одной коровы [5].

Таблица 4 – Надой молока на одну корову в сельскохозяйственных организациях УФО в 2024 году (килограммов) [8]

Регион УФО	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Свердловская область	8411	8900	10400
Тюменская область	7729	8100	8900
Челябинская область	6172	7200	8300
Курганская область	5540	5900	6020
Ханты – Мансийский автономный округ	4373	4400	4400
Ямало – Ненецкий автономный округ	4354	4356	4360

Свердловским сельхозпроизводителям удается оставаться на лидирующих позициях среди других регионов УФО за счет использования качественных кормов для животных. Правильная заготовка кормов тоже играет важную роль. Сельскохозяйственные организации закупают новую технику для укоса трав. Данная техника высокопроизводительная и при ее помощи травы скашиваются, когда находятся в фазе максимальной питательности. Для правильного хранения кормов в регионе аграрии строят силосные ямы, внедряют новые технологии. Среди таких технологий можно назвать карнаж, который улучшает вкусовые качества корма и, вследствие этого, повышает надой молока. Также аграрии Свердловской области увеличивают количество мобильных лабораторий для проведения анализа кормов. В Свердловской области 80 % пашни используется для заготовки кормов – рапса, клевера, кукурузы.

К наиболее передовым хозяйствам молочного направления в Свердловской области, где надой выше среднего показателя, относятся: ЗАО АК «Белореченский» и ООО «Некрасово – 1» в Белоярском районе; СПК «Колхоз имени Свердлова» ООО «НП ИСКРА» в Богдановичском районе; АО совхоз «Сухоложский» и ЗАО «Новоышминское» в Сухоложском районе. Также к крупным производителям молочной продукции по региону относят СПК «Килачевский», ООО «Агрофирма «Ирбитская», колхоз «Урал» и СПК «Завет Ильича» в Ирбитском районе, а также ЗАО «Агрофирма «Патруши» в Сысертском районе и ПАО «Каменское» в Каменском районе.

Молочное скотоводство представляет собой одно из важных направлений в сельском хозяйстве. Для стимулирования и роста поголовья КРС и надоев молока Министерство сельского хозяйства РФ ежегодно реализует меры государственной поддержки на данную отрасль. К таким мерам относятся льготное кредитование, субсидии на реализацию молочной продукции и кормовую базу, субсидии для поддержки племенного животноводства.

С 2024 года введены Министерством сельского хозяйства РФ новые механизмы государственной поддержки. К 2030 году Россия должна достигнуть 90 % обеспеченности регионов молочной продукцией, выполняя показатели Доктрины продовольственной безопасности. С 2025 года регионы, которые являются лидерами по производству молока, будут получать повышенные субсидии на капитальные затраты. Будут введены 50 % субсидии на оборудование для ферм, где поголовье КРС превышает 200 голов, но при условии увеличения голов до 1 тысячи и более. К таким регионам относится и Свердловская область.

В стране сейчас происходит переход от импортозамещения молочной продукции и развитию и наращиванию темпов отечественного молока. Но трудность и по России в целом, и отдельно в УФО связана с тем, что еще существует дефицит в оборудовании молочной промышленности.

Необходимостью также становится и укрупнение ферм, где количество голов КРС превышает 200. Доходность таких ферм не превышает 6 – 7 %. А если фермы с поголовьем более 1000 голов, то их доходность составляет не менее 25 %. Поэтому укрупнение фермерских хо-

зяйств и образование потребительских кооперативов является важным условием для повышения производительности молочной отрасли в регионах Уральского федерального округа [10].

Региональные власти Уральского федерального округа поставили задачи по увеличению регионального производства молочной отрасли. С каждым годом становится больше инвесторов, которые готовы вложить свои средства на расширение молочного производства и модернизацию оборудования, к которым в первую очередь относятся цифровые технологии [9]. Применение цифровых технологий поможет улучшить качество продукции и оптимизировать многие рабочие процессы [3]. Это будет большим шагом вперед по сокращению импортных поставок молочной продукции в регионы страны.

Также не нужно исключать и малые предприятия по производству молочной продукции. И хотя выше в статье нами было отмечено, что укрупнение ферм дает положительный эффект, но малый и средний бизнес в молочном направлении специализируется в основном на нишевых и качественных продуктах [4]. Это ведет к расширению ассортимента на молочном рынке и удовлетворению спроса различных сегментов потребителей.

Список литературы:

1. Агроэкспорт, clal.it [Электронный ресурс]: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/rynok-proizvoditeley-molochnoy-produktsii-v-rossii/> (дата обращения 16.07.2025).
2. Бекбергенова Д.Е., Баранник В.А. Продовольственная безопасность Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 41. С. 38 - 43.
3. Береговская Т.А. Поколение Z: потребительское поведение в цифровой сфере // Вестник университета. 2020. № 1. С. 92 - 99.
4. Гончаров И.Л. Психология потребительского выбора и его влияние на ценообразование в условиях рынка // Вестник университета. 2020. № 8. С. 110 - 116.
5. Доля Свердловской области в общем объеме производства молока в УФО [Электронный ресурс]: <https://agromics.ru/novosti/moloko/> (дата обращения 19.07.2025).
6. Конкина В.С., Красников А.Г., Строкова Е.А. Текущее состояние молочной отрасли: факторы роста и дестабилизации // Фундаментальные исследования. 2022. № 2. С. 29 - 35.
7. Минаков А. В., Евраев Л. О. Проблемы и перспективы импортозамещения на рынке молока в России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. № 4. С. 240 - 248.
8. Новости молочного рынка, Milknews [Электронный ресурс]: <https://milknews.ru/analitika-rinka-moloka/reitingi/molochnye-regioni-Rossii-v-7-grafikah.html> (дата обращения 18.07.2025).
9. Оборин М.С. Инструменты государственной поддержки агробизнеса в современных условиях // Вестник Марийского государственного университета. 2021. № 2. С. 67 - 76.
10. Русова Д.Н. Современное состояние и проблемы отрасли молочного скотоводства в Российской Федерации // Молодой ученый. 2022. № 51. С. 327 - 329.

References:

1. Agroexport, clal.it [Electronic resource]: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/rynok-proizvoditeley-molochnoy-produktsii-v-rossii/> (date of access 16.07.2025).
2. Bekbergeneva D.E., Barannik V.A. Food security of the Russian Federation // Economy and business: theory and practice. 2022. No. 41. Pp. 38 - 43.
3. Beregovskaya T.A. Generation Z: consumer behavior in the digital sphere // Bulletin of the University. 2020. No. 1. Pp. 92 - 99.
4. Goncharov I.L. Psychology of consumer choice and its impact on pricing in market conditions // Bulletin of the University. 2020. No. 8. Pp. 110 - 116.
5. The share of the Sverdlovsk region in the total volume of milk production in the Urals Federal District [Electronic resource]: <https://agromics.ru/novosti/moloko/> (date of access 07/19/2025).
6. Konkina V.S., Krasnikov A.G., Strokova E.A. Current state of the dairy industry: factors of growth and destabilization // Fundamental research. 2022. No. 2. Pp. 29 - 35.
7. Minakov A. V., Evraev L. O. Problems and prospects of import substitution in the milk market in Russia // Economy and business: theory and practice. 2025. No. 4. Pp. 240 - 248.
8. Dairy market news, Milknews [Electronic resource]: <https://milknews.ru/analitika-rinka-moloka/reitingi/molochnye-regioni-Rossii-v-7-grafikah.html> (date of access 07/18/2025).
9. Oborin M.S. Instruments of state support for agribusiness in modern conditions // Bulletin of the Mari State University. 2021. No. 2. Pp. 67 - 76.
10. Rusova D.N. Current state and problems of the dairy cattle breeding industry in the Russian Federation // Young scientist. 2022. No. 51. Pp. 327 - 329.

ПРОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОГО ДОСМОТРА СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ CONDUCTING A PERSONAL SEARCH BY EMPLOYEES OF THE ENFORCEMENT AGENCIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

ШЕВЧЕНКО Кирилл Владимирович,

старший преподаватель кафедры теории государства
и права Университета государственной противопожарной службы
МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева.
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, д. 149.
E-mail: kirill_55@mail.ru;

SHEVCHENKO Kirill Vladimirovich,

Senior Lecturer at the Department of Theory of State and Law of the University of the State Fire Service
EMERCOM of Russia named after Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev.
149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.
E-mail: kirill_55@mail.ru

Краткая аннотация: в представленном исследовании проводится анализ нормативных правовых актов, регулирующих деятельность Федеральной службы судебных приставов. Рассмотрен порядок проведения личного досмотра в рамках Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, выявлено отсутствие определения наружного досмотра и регламентации процедуры его проведения. Автор статьи считает целесообразным закрепить определение понятия наружного досмотра в статье 11 Федерального закона «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации».

Abstract: The presented study analyzes the regulatory legal acts regulating the activities of the Federal Bailiff Service. The procedure for conducting a personal search within the framework of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation was reviewed, and the absence of a definition of an external search and regulation of the procedure for its conduct was revealed. The author of the article considers it expedient to fix the definition of the concept of external inspection in Article 11 of the Federal Law «On Enforcement Agencies of the Russian Federation».

Ключевые слова: обеспечение безопасности и осуществление пропускного режима в здании суда; личный досмотр; наружный досмотр.

Keywords: Ensuring security and implementing access control in the court building; personal search; external search.

Для цитирования: Шевченко К.В. Проведение личного досмотра сотрудниками органов принудительного исполнения Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 389-392. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_389.

For citation: Shevchenko K.V. Conducting a personal search by employees of the enforcement agencies of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 389-392. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_389.

Статья поступила в редакцию: 14.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Правовые основания для осуществления личного досмотра сотрудниками Федеральной службы судебных приставов определяются рядом нормативных правовых актов, регулирующих их деятельность. В первую очередь следует обратиться к Федеральному закону «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» № 118-ФЗ от 21.07.1997, который предоставляет судебным приставам по обеспечению установленного порядка деятельности судов право проводить личный досмотр лиц, находящихся в зданиях судов или органов принудительного исполнения. Закон подчеркивает, что данное право реализуется исключительно при наличии достаточных оснований полагать, что гражданин может иметь при себе запрещенные предметы, такие как оружие или взрывчатые вещества. При этом очевидно, что наделение ФССП России данными полномочиями, было направлено на реализацию одной из основных задач, возложенных на органы принудительного исполнения - обеспечение надлежащих условий для отправления правосудия.

Нормы материального права, закрепленные федеральным законодательством, определяют совокупность прав и обязанностей судебных приставов по ОУПДС, направленную на защиту общественного порядка и безопасности, а также на охрану жизни и здоровья участников судебного процесса. Повышение безопасности сейчас – объективная необходимость, сложившаяся в нынешней обстановке и достижение данной цели должно осуществляться с использованием всего арсенала средств и методов, предоставленных законодательством¹, при этом необходимо сделать акцент на мерах предупреждения возникновения самих угроз и создании всех необходимых условий для их нейтрализации². Осуществление судебными приставами по ОУПДС в ходе своей деятельности процедуры личного досмотра граждан, как неоднократно отмечал Конституционный суд Российской Федерации, носит именно такой – предупредительный характер. При этом много вопросов правоприменения и тактики действий, при осуществлении личного досмотра посетителей суда, возникает именно в силу его превентивности, когда в действиях посетителей еще нет признака противоправности деяния.

¹ Бабушкин, М. Ю. К вопросу о наделении МЧС России дополнительными полномочиями по осуществлению административно-юрисдикционной деятельности / М. Ю. Бабушкин, С. Б. Немченко, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 9(314). – С. 69-78. – EDN KBKUY.

² Шеншин, В. М. О месте МЧС России в процессуальном порядке производства по делам об административных правонарушениях / В. М. Шеншин // Административное право и процесс. – 2024. – № 3. – С. 50-53. – DOI 10.18572/2071-1166-2024-3-50-53. – EDN BKWDXA; Шеншин, В. М. К вопросу о компетенции Росгвардии и ее должностных лиц, предусмотренной проектом Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (2021) и проектом Процессуального кодекса Российской Федерации

Действующее российское законодательство, предусматривает несколько видов мероприятий в отношении физического лица и находящихся при нем вещей, направленных на их досмотр, при этом именно личный досмотр, носит характер ограничения конституционного права на личную неприкосновенность и поэтому должен использоваться только в условиях соблюдения баланса личных и публичных интересов. В ходе проведения личного досмотра необходимо уделять особое внимание соблюдению принципа гуманизма и правила о запрете обращения унижающего достоинство¹, как свидетельствует обобщение судебной практики по вопросам оспаривания действий должностных лиц при проведении личного досмотра допускается правоприменителями: проведение досмотра лицом противоположного пола относительно досматриваемого или присутствие понятых другого пола, а также наличие посторонних во время проведения досмотра; отсутствие специально отведенного помещения для проведения досмотра, что является основной проблемой проведения личного досмотра в помещении суда.

Международные нормативные акты, например Бангкокские правила ООН официально называемые «Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы», принятые Генеральной Ассамблеей ООН 21.12.2010, подчеркивают принцип минимальной инвазивности и пропорциональности досмотровых процедур, любые досмотры должны проводиться только при наличии убедительных оснований, с учетом гендерных особенностей сотрудников и минимизации дискомфорта для лиц, подвергаемых проверке².

Представляя собой необходимые для обеспечения безопасности в помещении суда меры, личный досмотр, направлен на предотвращение проноса запрещенных предметов, что непосредственно направлено на исполнение судебным приставом по обеспечению установленного порядка деятельности судов законодательно закрепленных обязанностей обеспечивать безопасность на охраняемом объекте.

Согласно п. 3.7 «Порядка организации деятельности судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов», утвержденного Приказом ФССП России от 17.12.2015 № 596, при пропуске посетителя судебные приставы по ОУПДС, в том числе, обеспечивают соблюдение посетителями суда, установленных правил внутреннего распорядка.

Правила пребывания посетителей в конкретных судах, разрабатываются на основании Постановления Совета судей Российской Федерации от 07.12.2023 № 32 «О Типовых правилах пребывания посетителей в судах»³ согласно которым посетители, находящиеся в здании суда, обязаны соблюдать порядок его деятельности. Также Правилами предусмотрено осуществление пропускной режим, личный досмотр и досмотр вещей, допуск в здание суда. Этими же правилами установлен запрет на пронос в здание суда, запрещенных предметов.

Под пропускным режимом понимается совокупность мер, направленных на определение цели визита посетителя суда, проверку удостоверяющих личность документов, проведение визуального осмотра посетителя и предметов, находящихся при нем, а также возможности проведения личного досмотра и досмотра вещей.

Кроме того, организация пропуска посетителей в суд производится путем их обязательного прохода через стационарный металлообнаружитель и проверки портативным металлодетектором. Так, после предъявления документа, удостоверяющего личность, посетитель опрашивается судебным приставом по ОУПДС о наличии у него предметов, запрещенных к проносу, а также содержащих металл, и до непосредственного прохождения через систему металлообнаружения посетителю предлагается предъявить на визуальный осмотр имеющиеся у него металлические предметы, а также ручную кладь.

Изложенное выше свидетельствует, что действия судебных приставов по ОУПДС, предпринимаемые ими в ходе осуществления пропускного режима, отличаются от личного досмотра, досмотра вещей и документов, предусмотренного ст. 27.7 КоАП РФ, который производится, как обеспечительная мера по делам об административных правонарушениях, где также одним из обязательных условий, является составление протокола⁴.

Норма, закрепленная в ст. 11 Федерального закона «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» носит бланкетный характер и устанавливает право осуществлять личный досмотр: «в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации», отсылая к ст. 27.7 КоАП РФ, что является спорным, так как в отношении досматриваемого лица не ведется производство по делу об административном правонарушении и к нему нет необходимости и оснований применять меры, указанные в ч. 1 ст. 27.1 КоАП РФ.

Досмотр лиц и вещей, производимый приставами в рамках организации пропуска посетителей в суд, не является мерой обеспечения производства, предусмотренной КоАП РФ, а используется в качестве административно-предупредительной меры. Несмотря на то, что судебный пристав по ОУПДС в силу закона наделен правом, не допускать лиц отказавшихся от прохождения процедуры проверки в суд, у граждан на первоначальной стадии есть выбор, подвергаться или отказаться от личного досмотра и лишиться права на проход в суд. Поэтому законопослушные граждане проходят процедуру в добровольном порядке, предоставляя приставу право досмотреть их и находящиеся при них вещи.

Федерации об административных правонарушениях (2020) / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 4(309). – С. 50-54. – EDN ADVPBV.

¹ Шевченко К.В. Понятие должностного лица как субъекта административной ответственности / И.С. Назарова, Шевченко К.В., Кайнов В.И. // Государственная служба и кадры. – 2023. – № 5. – С. 96-99. – DOI: 10.24412/2312-0444-2023-5-96-99. – EDN CGQFOK.

² Правила ООН, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила), принятые резолюцией 65/229 Генеральной Ассамблеи от 21.12. 2010 — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangkok_rules.shtml (дата обращения: 13.08.2025).

³ Постановление Совета судей Российской Федерации от 7 декабря 2023 г. № 32 "О Типовых правилах пребывания посетителей в судах" — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408393983/> (дата обращения: 13.08.2025).

⁴ Шеншин, В. М. Обеспечение Росгвардией государственной и общественной безопасности и административно-юрисдикционная деятельность / В. М. Шеншин // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : Международная научно-практическая конференция, Санкт-Петербург, 26 марта 2021 года / Под общей редакцией А.И. Каплунова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 841-845. – EDN PBFLQV.

Административно-предупредительный характер досмотра¹, направлен на предупреждение, выявление, пресечение правонарушений и преступлений, являясь, как было сказано выше профилактической мерой, а основанием для проведения досмотра в данном случае будут являться установленные правила в судах. Такой досмотр носит внепроцессуальный порядок, в нем не участвуют понятые и не предполагается какое-либо документирование его проведения, за исключением случаев выявления правонарушений непосредственно в процессе его проведения. При этом в ходе такого досмотра сотрудники ФССП России часто осуществляют прохлопывание и прощупывание одежды граждан, поэтому в ходе соблюдения пропускного режима, целесообразно говорить о такой процедуре, как наружный досмотр.

Если проанализировать действующее законодательство, мы не найдем определение наружного досмотра и порядка его проведения, единственная закреплённая норма о наружном досмотре ранее содержалась в подзаконном нормативном правовом акте – «Устав патрульно-постовой службы полиции», утвержденным приказом МВД России № 80 и отмененным 28.06.2021 приказом № 495.

Совершенствование правового регулирования процесса досмотра граждан находящихся в судах, можно начать с формулирования дефиниции наружного досмотра, с учетом характера несения службы приставами по ОУПДС.

Определение наружного досмотра, можно сформулировать, как предупредительную меру обеспечения безопасности, направленную на соблюдение установленного порядка деятельности судов, а также защиту прав граждан на охрану жизни и здоровья.

При этом, если личный досмотр, как было сказано выше, мера только административно-процессуального права, которую нельзя отнести к мерам направленным на обеспечения безопасности, наружный досмотр является мерой предупреждения – предотвращения правонарушений – в том числе правонарушений против участников судебного процесса, сотрудников и граждан, находящихся в суде.

Полагаю, что можно расширить п. 2 ст. 11 ФЗ «Об органах принудительного исполнения в Российской Федерации» и дополнить его абзацем, согласно которому судебный пристав по ОУПДС имеет право: «В целях недопущения проноса запрещенных предметов, до принятия решения о проведении личного досмотра, проводить наружный досмотр лиц находящихся в зданиях, помещениях судов.

Наружный досмотр осуществляется путем обследования одежды и вещей без нарушения их конструктивной целостности, а в случае необходимости – с применением специальных технических средств, в целях выявления оружия и предметов, запрещенных к проносу в суд».

Предлагаемые изменения не приведут к нарушениям прав и законных интересов человека (посетителями суда, могут быть не только граждане России), так как при несогласии с процедурой наружного досмотра при входе, посетители всегда могут отказать и покинуть суд или потребовать провести процедуру личного досмотра с учетом действующего законодательства.

Отметим, что в ходе осуществления наружного досмотра, можно в обязательном порядке закрепить правило - видео фиксации, это даст возможность сохранить объективную картину осуществляемого действия, обеспечить гарантии законности проведения, а также зафиксировать факт наличия при досматриваемом лице запрещенных предметов.

Дополнительно, проведение наружного досмотра, может повлиять на выявляемость запрещенных к проносу предметов путем применения, в ходе его осуществления, различных мер и приемов, включающих и наблюдение за поведением граждан, обращая внимание на беспокойность и повышение нервозности, суетливость или проявление агрессии. Пример: прощупывание верхней одежды, может вызвать неадекватное поведение, в том случае, когда металлодетектор не выявил скрытых металлических предметов, но у досматриваемого лица могут быть запрещенные к проносу керамические изделия (керамический нож).

Внесение предложенных дополнений, даст четкое определение понятию наружного досмотра, целям, порядку и правовым основаниям его проведения, послужит четкой дифференциации процедур наружного и личного досмотров. Изменения помогут судебным приставам по ОУПДС повысить уровень безопасности в помещениях судов, что в результате положительно скажется на доверии граждан к деятельности Федеральной службы судебных приставов.

Список литературы:

1. Бабушкин, М. Ю. К вопросу о наделении МЧС России дополнительными полномочиями по осуществлению административно-юрисдикционной деятельности / М. Ю. Бабушкин, С. Б. Немченко, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 9(314). – С. 69-78. – EDN KBKKUY.
2. Каинов, В. И. О правовой регламентации некоторых мер административного пресечения, применяемых правоохранительными органами: новации административного права / В. И. Каинов, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 5. – С. 145-153. – DOI 10.24412/2073-0454-2022-5-145-153. – EDN ESJXQZ.
3. Каинов, В. И. О правовой регламентации некоторых мер административного пресечения, применяемых правоохранительными органами: новации административного права / В. И. Каинов, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 6(299). – С. 31-39. – EDN MMFYSP.
4. Шевченко К.В. Понятие должностного лица как субъекта административной ответственности / И.С. Назарова, Шевченко К.В., Каинов В.И. // Государственная служба и кадры. – 2023. – № 5. – С. 96-99. – DOI: 10.24412/2312-0444-2023-5-96-99. – EDN CGQFOK.
5. Шеншин, В. М. К вопросу о компетенции Росгвардии и ее должностных лиц, предусмотренной проектом Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (2021) и проектом Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (2020) / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 3. – С. 50-53. – DOI 10.18572/2071-1166-2024-3-50-53. – EDN ADVPBV.
6. Шеншин, В. М. О месте МЧС России в процессуальном порядке производства по делам об административных правонарушениях / В. М. Шеншин // Административное право и процесс. – 2024. – № 3. – С. 50-53. – DOI 10.18572/2071-1166-2024-3-50-53. – EDN BKWDXA.
7. Шеншин, В. М. Обеспечение Росгвардией государственной и общественной безопасности и административно-юрисдикционная деятельность / В. М. Шеншин // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : Международная научно-практическая конференция, Санкт-Петербург, 26 марта 2021 года / Под общей редакцией А.И. Каплунова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 841-845. – EDN PBFLQV.

¹ Каинов, В. И. О правовой регламентации некоторых мер административного пресечения, применяемых правоохранительными органами: новации административного права / В. И. Каинов, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 6(299). – С. 31-39. – EDN MMFYSP; Каинов, В. И. О правовой регламентации некоторых мер административного пресечения, применяемых правоохранительными органами: новации административного права / В. И. Каинов, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 5. – С. 145-153. – DOI 10.24412/2073-0454-2022-5-145-153. – EDN ESJXQZ.

References:

1. Babushkin, M. Y. On the issue of granting the EMERCOM of Russia additional powers to carry out administrative and jurisdictional activities / M. Y. Babushkin, S. B. Nemchenko, V. M. Shenshin // *Law in the Armed Forces - Military Legal Review*. – 2023. – № 9(314). – Pp. 69-78. – EDN KBKKUY.
2. Kainov, V. I. On the legal regulation of certain measures of administrative restraint applied by law enforcement agencies: innovations in administrative law / V. I. Kainov, V. M. Shenshin // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2022. – No. 5. – pp. 145-153. – DOI 10.24412/2073-0454-2022-5-145-153. – EDN ESJXQZ.
3. Kainov, V. I. On the legal regulation of certain measures of administrative restraint applied by law enforcement agencies: innovations in administrative law / V. I. Kainov, V. M. Shenshin // *Law in the Armed Forces - Military Legal Review*. – 2022. – № 6(299). – Pp. 31-39. – EDN MMFYSP.
4. Shevchenko K.V. The concept of an official as a subject of administrative responsibility / I.S. Nazarova, Shevchenko K.V., Kainov V.I. // *Civil service and personnel*. – 2023. – No. 5. – pp. 96-99. – DOI: 10.24412/2312-0444-2023-5-96-99. – EDN CGQFOK.
5. Shenshin, V. M. On the issue of the competence of the Rosgvardiya and its officials, provided for by the draft Code of the Russian Federation on Administrative Offenses (2021) and the draft Procedural Code of the Russian Federation on Administrative Offenses (2020) / V. M. Shenshin // *Law in the Armed Forces - Military Legal Review*. – 2023. – № 4(309). – Pp. 50-54. – EDN ADVPBV.
6. Shenshin, V. M. On the place of the Ministry of Emergency Situations of Russia in the procedural procedure for administrative offenses / V. M. Shenshin // *Administrative law and Process*. – 2024. – No. 3. – pp. 50-53. – DOI 10.18572/2071-1166-2024-3-50-53. – EDN BKWDXA.
7. Shenshin, V. M. Rosgvardiya's provision of state and public security and administrative and jurisdictional activities / V. M. Shenshin // *Actual problems of administrative and administrative procedural law (Sorokin Readings)* : International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, March 26, 2021 / Under the general editorship of A.I. Kaplunov. – Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. – pp. 841-845. – EDN PBFLQV.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ ENSURING SECURITY AS A LEGAL CATEGORY

ПОПКОВ Дмитрий Валерьевич,

профессор кафедры философских и социально-экономических дисциплин

Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат экономических наук.

198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Л. Пилутова, д. 1.

E-mail: Narvskaya-ka@yandex.ru;

ФРОЛОВА Лариса Валерьевна,

доцент кафедры философских и социально-экономических дисциплин

Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации.

198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Л. Пилутова, д. 1.

E-mail: FrolovaLora1@yandex.ru;

POPKOV Dmitry V.,

Professor of the Department of Philosophical and Socio-Economic Disciplines

Military Order of Zhukov of the Academy of the National Guard of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences.

198206, Russia, St. Petersburg, L. Pilyutova str., 1.

E-mail: Narvskaya-ka@yandex.ru;

FROLOVA Larisa V.,

Associate Professor of the Department of Philosophical and Socio-Economic Disciplines

Military Order of Zhukov of the Academy of National Guard Troops of the Russian Federation.

198206, Russia, St. Petersburg, L. Pilyutova str., 1.

E-mail: FrolovaLora1@yandex.ru

Краткая аннотация: Рассматриваются различные подходы понятия «безопасность». Раскрываются особенности категории «обеспечение безопасности». Исследователи приходят к выводу о том, что войска национальной гвардии, наряду с иными субъектами обеспечения безопасности, выполняют часть государственных функций, направленных на обеспечение государственной и общественной безопасности.

Abstract: Various approaches to the concept of "security" are considered, and the features of the "security assurance" category are revealed. The researchers conclude that the National Guard troops, along with other security actors, perform some of the state functions aimed at ensuring state and public security.

Ключевые слова: войска национальной гвардии, безопасность, национальная безопасность.

Keywords: national Guard troops, security, national security.

Для цитирования: Попков Д.В., Фролова Л.В. Обеспечение безопасности как правовая категория // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 393-395. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_393.

For citation: Popkov D.V., Frolova L.V. Ensuring security as a legal category // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 393-395. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_393.

Статья поступила в редакцию: 12.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Государство является незаменимым гарантом законности, правопорядка и безопасности, решает находящиеся в его компетенции проблемы посредством осуществления своих функций. Обеспечивает безопасность во всех сферах жизнедеятельности¹.

Современные проблемы обеспечения безопасности имеют комплексный, многогранный характер и требуют скорейшего разрешения². В связи с этим разработка рекомендаций по их устранению в современных условиях становится наиболее актуальной.

Массив уже сложившихся, а также развивающихся общественных отношений требует от государства принятия своевременных мер по выявлению и предупреждению угроз, способных причинить вред существованию и устойчивому развитию человека, общества и государства. В связи с этим безопасность стала одной из значимых и исследуемых категорий.

На сегодняшний день в отечественной правовой доктрине существует множество исследований понятийно-категориального аппарата сферы безопасности, в которых, в том числе, поднимается вопрос о сущности безопасности. Вместе с тем, несмотря на обилие научной литературы по рассматриваемому вопросу, нельзя сказать, что вопрос рассмотрения «безопасности», как правовой категории, является достаточно разработанным. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть понятие безопасности именно с этой точки зрения³.

Анализируя историко-правовую сторону вопроса, следует отметить, что поиском комплексного понятия для характеристики всех видов безопасности отечественные законодатели занимались достаточно давно. Еще во второй половине XIX века прочно вошли в нормативный оборот такие понятия, как «общая безопасность» (либо «всеобщая безопасность – в качестве обобщающего понятия, подразумевающую совокупность таких видов безопасности, как «государственная безопасность»⁴, «личная безопасность», «общественная безопасность», «безопасность имущества», «безопасность движения» и др.).

¹ Шеншин, В. М. К вопросу о взаимодействии войск национальной гвардии Российской Федерации с Федеральным медико-биологическим агентством в сфере обеспечения биологической и химической безопасности / В. М. Шеншин // *Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение*. – 2025. – № 2(331). – С. 89-97. – EDN SZKTQM.

² Шеншин, В. М. О некоторых особенностях обеспечения Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации общественной безопасности в отдельных субъектах Российской Федерации / В. М. Шеншин // *Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение*. – 2025. – № 3(332). – С. 111-117. – EDN OASXHY.

³ Ирошников, Д. В. Становление отрасли законодательства о безопасности в России / Д. В. Ирошников // *Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации*. – 2021. – № 3(52). – С. 17-27. – EDN IENSKM.

⁴ Шеншин, В. М. Росгвардия как субъект обеспечения государственной и общественной безопасности в сфере осуществления административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – 202 с. – ISBN 978-5-6048482-9-6. – EDN CCFOMJ.

Известно, что в СССР ключевым понятием была «государственная безопасность», что, в частности, подтверждают наименования органов госбезопасности: ГУГБ, МГБ, КГБ и т.п. Можно сказать и о том, что при помощи термина государственной безопасности отображалась официальная позиция военно-политического руководства государства о приоритетных интересах государства, общества и личности, в частности.

Сегодня, несмотря на то, что и теория, и нормативные правовые акты довольно активно используют термин «безопасность» применительно к различным объектам защиты от разнообразных опасностей, современное российское законодательство не раскрывает ни в одном из актов подобной дефиниции. Безопасность сегодня является конституционной категорией¹, что подтверждает ее упоминание в 11 статьях Конституции Российской Федерации. В частности, категорию безопасность можно встретить в ст. 13, 37, 55, 56, 71, 72, 74, 82, 83, 98, 114, что доказывает ее важность. Наряду с этим, нельзя не отметить тот факт, что безопасность применяется в основном законе, сочетаясь с различными положениями по своему содержанию.

В Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» указывается лишь то, что предметом регулирования данного закона являются основные принципы и содержание деятельности по обеспечению различных видов безопасности. Следовательно, в таком основополагающем федеральном законе относительно безопасности, чье название говорит само за себя, нет статьи, которая бы раскрывала категорию безопасности и сущность ее видов. Из этого следует общий вывод о том, что в таком ключевом законе не выстроена так называемая понятийно-категориальная система, что следует исправить и, прежде всего, представить определение безопасности в нем и Основном Законе страны².

В Федеральном законе от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» в статье 1 сказано о том, что войска предназначены для обеспечения государственной и общественной безопасности.

В Указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности РФ» в ст. 1 определяется, что «национальная безопасность Российской Федерации – это состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются определенные интересы личности, общества и государства». Они перечислены в Стратегии, а под угрозами подразумевается то, что угрожает обеспечению данного состояния.

Вполне возможно, что термины безопасность и национальная безопасность являются тождественными, но тогда не понятен смысл использования в законодательстве двух настолько схожих правовых категорий, изложенных, между тем, по-разному.

Наряду с этим, если сравнить вышеуказанные документы, можно заметить, что в них не наблюдается единого подхода относительно приоритетов в процессе обеспечения безопасности. Это четко проявляется в том, что сначала перечисляется безопасность всего государства, затем его общества, потом экологии, а личность вообще ставится на последнее место. В то время как Стратегия личность государства по степени приоритетности ставит сначала интересы личности, посередине ставит общество и на последнее место отводит государство в целом³.

На основании этого мы можем сделать вывод о необходимости приведения данных подходов в соответствие друг с другом, а также в соответствие с Конституцией Российской Федерации. Это необходимо потому как, различие вышеуказанных подходов и наличие их в законодательстве, может повлечь за собой серьезные проблемы как в теории права, так и при применении в реальной правоприменительной деятельности.

Поскольку основной закон не содержит понятие безопасности, этот пробел вынуждено компенсируется отраслевыми законами и подзаконными нормативными правовыми актами, в которых, в свой черед, раскрывается не общее понятие, а лишь различные виды безопасности.

Следует подчеркнуть, что на сегодняшний день, правовое регулирование отдельных видов безопасности нашей страны осуществляется большим массивом нормативных правовых актов, в частности это делают более 70 законов, 200 указов Президента РФ, около 500 постановлений Правительства РФ, а также других нормативных правовых актов⁴.

Изучение содержания определений безопасности, закрепленных в отраслевом законодательстве, позволяет сделать вывод, что в большинстве из них основной характеристикой безопасности называется «состояние защищенности»⁵⁶⁷.

Следует отметить, что большая часть таких нормативных правовых актов, обусловлена фрагментарностью, не полно раскрывают сущность видов безопасности, что приводит к возникновению новых несогласованных массивов нормативных правовых актов различных правовых отраслей нашей правовой системы. Особая важность разрешения данного вопроса подчеркивается тем, что вопросы безопасности пронизывают всю нашу жизнь, все сферы общественных отношений, выступая предметом регулирования все отраслей права в России.

Между тем, единообразное понимание терминов в юридической практике признается одним из важнейших правил обеспечения логики права в России. В связи с этим, размышляя над данной проблемой, Т.В. Кашанина отмечает, что «нарушение этого аксиоматического правила дезориентирует тех, кому адресуются юридические документы»⁸.

Таким образом, все законодательные положения о безопасности требуют дальнейших законодательных и научных новаций. В частности, в современных условиях, крайне необходимым становится законодательное закрепление такого важного явления, как «безопасность», ведь

¹ Шеншин, В. М. О правовом регулировании обеспечения безопасности / В. М. Шеншин // Конституционное и муниципальное право. – 2025. – № 7. – С. 32-36. – DOI 10.18572/1812-3767-2025-7-32-36. – EDN GDSZRT.

² Богданов, А. В. Незаконная миграция как угроза национальной безопасности России / А. В. Богданов, Е. Н. Хазов, Н. И. Уткин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 1(66). – С. 73-79. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-1-73-79. – EDN ELMSKI.

³ Сташков, Р. С. Безопасность людей на водном транспорте: сравнительный историко-правовой анализ отдельных норм законодательства Российской империи и современной России / Р. С. Сташков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 4(65). – С. 60-66. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-4-60-66. – EDN RRZHEF.

⁴ Горохова С.С. Безопасность как правовая категория // Мудрый Юрист. – 2023. – С. 2.

⁵ Федеральный закон от 21.12.1994 г. «О пожарной безопасности» № 69-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 18.07.2022, № 29. - ст. 5241.

⁶ Федеральный закон от 09.01.1996 г. «О радиационной безопасности» № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 15.01.1996, № 3. - ст. 141.

⁷ Воздушный Кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 г. № 60-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 28.11.2022, № 48. - ст. 8325

⁸ Кашанина Т. В. Юридическая техника: учебник/Т. В. Кашанина. -2-е изд., пересмотр. -М: Норма-Инфра-М, 2019. – С.147.

анализ представленного свода законодательных определений безопасности и ее видов свидетельствует о том, что в законодательстве о безопасности единое терминологическое пространство не сформировалось¹.

Не претендуя на истину, проанализировав различные правовые и теоретические источники, представим собственное определение исследуемой правовой категории, где безопасность – это состояние защищенности прав и свобод человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, культурных ценностей общества и мирового сообщества в условиях глобализации, а также суверенитета и территориальной целостности государства от различных по характеру и виду угроз, обеспечивающее их мирное и достойное существование, устойчивое прогрессивное развитие. Оно отличается от того, что приведено в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Федеральном законе «О безопасности» и других нормативных правовых актах, но опирается на концептуальное понимание родового понятия безопасности, предложенного в них.

Закрепление этих понятий – сложный комплексный процесс. Следует подчеркнуть, что понятие безопасности в рамках нашего законодательства тесно связано с таким явлением, которое называют обеспечением безопасности. Если рассматривать слово обеспечить в общем смысле, можно сказать о том, что оно характеризуется: предоставлением достаточных материальных средств к существованию; снабжением чем-либо в нужном на то количестве; воплощением чего-либо в реальное, вполне возможное; ограждением от опасностей, угроз.

С точки зрения представителей административно-правовой доктрины, обеспечение безопасности есть не что иное, как: «проведение государственной политики, направленной на создание и поддержание необходимого уровня защищенности объектов безопасности, осуществление мер и средств нормативно-правового, организационного, правоохранительного и иного характера, адекватных угрозам жизненно важным интересам личности, общества и государства»². Такое понятие имеется и в отечественном законодательстве. В частности, оно содержится в таком нормативном правовом акте, как уже не раз, упомянутый нами Федеральный закон «О безопасности». Этот нормативный правовой акт, а точнее его положения отождествляют такую категорию, как обеспечение безопасности, с проведением единой государственной политики в области обеспечения безопасности, системой мер экономического, политического, организационного и иного характера, адекватных угрозам жизненно важным интересам личности, общества и государства³.

В качестве главного субъекта, ответственного за обеспечение безопасности, выступает государство.

Таким образом, безопасность и обеспечение безопасности являются взаимосвязанными категориями, требующими долгой теоретической и практической проработки.

Список литературы:

1. Богданов, А. В. Незаконная миграция как угроза национальной безопасности России / А. В. Богданов, Е. Н. Хазов, Н. И. Уткин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 1(66). – С. 73-79. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-1-73-79. – EDN ELMSKI.
2. Горохова С.С. Безопасность как правовая категория // Мудрый Юрист. – 2023. – С. 2.
3. Дамм И.А. Подходы к определению безопасности в законодательстве Российской Федерации // Юридическая наука и практика. – 2019. – № 1. – С.51.
4. Ирошников, Д. В. Становление отрасли законодательства о безопасности в России / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 3(52). – С. 17-27. – EDN IENSKM.
5. Кашанина Т. В. Юридическая техника: учебник / Т. В. Кашанина. -2-е изд., пересмотр. - М: Норма-Инфра-М, 2019. – С.147.
6. Сатышев В. Е. Административное право / В.Е. Сатышев. - М.: Омега-Л, 2018. – С.64.
7. Сташков, Р. С. Безопасность людей на водном транспорте: сравнительный историко-правовой анализ отдельных норм законодательства Российской империи и современной России / Р. С. Сташков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 4(65). – С. 60-66. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-2024-4-60-66. – EDN RRZHEF.
8. Шеншин, В. М. Росгвардия как субъект обеспечения государственной и общественной безопасности в сфере осуществления административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин. – Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – 202 с. – ISBN 978-5-6048482-9-6. – EDN CCFOMJ.
9. Шеншин, В. М. К вопросу о взаимодействии войск национальной гвардии Российской Федерации с Федеральным медико-биологическим агентством в сфере обеспечения биологической и химической безопасности / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2025. – № 2(331). – С. 89-97. – EDN SZKTQM.
10. Шеншин, В. М. О некоторых особенностях обеспечения Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации общественной безопасности в отдельных субъектах Российской Федерации / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2025. – № 3(332). – С. 111-117. – EDN OASXHY.
11. Шеншин, В. М. О правовом регулировании обеспечения безопасности / В. М. Шеншин // Конституционное и муниципальное право. – 2025. – № 7. – С. 32-36. – DOI 10.18572/1812-3767-2025-7-32-36. – EDN GDSZRT.

References:

1. Bogdanov, A.V. Illegal migration as a threat to Russia's national security / A.V. Bogdanov, E. N. Khazov, N. I. Utkin // Law. Safety. Emergency situations. – 2025. – № 1(66). – Pp. 73-79. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-1-73-79. – EDN ELMSKI.
2. Gorokhova S.S. Security as a legal category // Wise Lawyer. – 2023. – p. 2.
3. Damm I.A. Approaches to the definition of security in the legislation of the Russian Federation // Legal science and practice. – 2019. – No. 1. – p.51.
4. Iroshnikov, D.V. The formation of the branch of security legislation in Russia / D.V. Iroshnikov // Law. Safety. Emergency situations. 2021. № 3(52). P. 17-27. – EDN IENSKM.
5. Kashanina T. V. Legal technique: textbook / T. V. Kashanina. -2nd ed., revision. - Moscow: Norm-Infra-M, 2019. – P.147.
6. Satyshev V.E. Administrative law / V.E. Satyshev. - Moscow: Omega-L, 2018. – P.64.
7. Stashkov, R. S. Safety of people on water transport: a comparative historical and legal analysis of individual norms of legislation of the Russian Empire and modern Russia / R. S. Stashkov // Law. Safety. Emergency situations. – 2024. – № 4(65). – Pp. 60-66. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-2024-4-60-66. – EDN RRZHEF.
8. Shenshin, V. M. Rosgvardiya as a subject of ensuring state and public security in the field of administrative and jurisdictional activities / V. M. Shenshin. Belgorod : Epicenter Limited Liability Company, 2022. 202 p. ISBN 978-5-6048482-9-6. EDN CCFOMJ.
9. Shenshin, V. M. On the issue of the interaction of the troops of the National Guard of the Russian Federation with the Federal Medical and Biological Agency in the field of biological and chemical safety / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. – 2025. – № 2(331). – Pp. 89-97. – EDN SZKTQM.
10. Shenshin, V. M. On some features of ensuring public security by the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation in certain subjects of the Russian Federation / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2025. – № 3(332). – Pp. 111-117. – EDN OASXHY.
11. Shenshin, V. M. On the legal regulation of security / V. M. Shenshin // Constitutional and municipal law. – 2025. – No. 7. – pp. 32-36. – DOI 10.18572/1812-3767-2025-7-32-36. – EDN GDSZRT.

¹ Дамм И.А. Подходы к определению безопасности в законодательстве Российской Федерации // Юридическая наука и практика. – 2019. – № 1. – С.51.

² Сатышев В. Е. Административное право / В.Е. Сатышев. - М.: Омега-Л, 2018. –С.64.

³ Федеральный закон от 28.12.2010 г. «О безопасности» № 390-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 16.11.2020, № 46. - ст. 7209.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_396

УДК 364

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ ON THE ISSUE OF IMPROVING ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION IN THE SOCIO-CULTURAL SPHERE

КАЙНОВ Владимир Иванович,

профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Северо-Западного филиала РГУП имени В.М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор.
197046, Россия, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, дом 5.
E-mail: Stvolin99@rambler.ru;

КТИТАРОВ Виктор Леонидович,

Магистрант ФГБОУ ВО РАНХиГС Северо-Кавказский институт.
357502, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, ул. Дунаевского, 5.
E-mail: Stvolin99@rambler.ru;

KAINOV Vladimir Ivanovich,

Professor of the Department of State and Legal Disciplines
of the Northwestern Branch of the Lebedev Russian State Unitary Enterprise, Doctor of Law, Professor.
5 Alexandrovsky Park, Saint Petersburg, 197046, Russia.
E-mail: Stvolin99@rambler.ru;

KTITAROV Viktor Leonidovich,

Master's student at the RANEP North Caucasus Institute.
5 Dunaevsky St., Pyatigorsk, Stavropol Territory, 357502, Russia.
E-mail: Stvolin99@rambler.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются вопросы оптимизации административно-правового регулирования социально-культурной сферой в современной России. Раскрываются основные направления законотворческой деятельности в данной сфере общественных отношений.

Abstract. The article examines issues of optimizing administrative and legal regulation of the socio-cultural sphere in modern Russia. The main areas of legislative activity in this area of public relations are revealed.

Ключевые слова: Российская Федерация, социально-культурная сфера, законы Российской Федерации, права и свободы граждан Российской Федерации в сфере культуры, административно-правовые отношения.

Key words: Russian Federation, socio-cultural sphere, laws of the Russian Federation, rights and freedoms of citizens of the Russian Federation in the sphere of culture, administrative and legal relations.

Для цитирования: Кайнов В.И., Ктитаров В.Л. К вопросу совершенствования административно-правового регулирования в социально-культурной сфере // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 396-400. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_396.

For citation: Kaynov V.I., Ktitarov V.L. On the issue of improving administrative and legal regulation in the socio-cultural sphere // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 396-400. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_396.

Статья поступила в редакцию: 04.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Совершенствование административно-правового регулирования предполагает следование определенной стратегии, определяющей принципы, цели и задачи. Такой стратегией в социально-культурной сфере является Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития России до 2030 года»¹. Рассмотрим его более подробно.

Цели, которые ставятся данным правовым актом Президента Российской Федерации: достижение прорывного развития страны, увеличение численности населения и повышение уровня жизни, а также создание комфортных условий жизни и раскрытия потенциала каждого гражданина.

Задачи, вытекающие из данного указа:

- а) сохранение населения, здоровье и благосостояние людей;
- б) возможности для самореализации и развития талантов;
- в) создание комфортной и безопасной жизненной среды;
- г) достойная и эффективная занятость, успешное предпринимательство;
- д) цифровая трансформация.

Охарактеризуем кратко тенденции в указанных уровнях в социально-культурной сфере.

Только за прошедший 2023 г. в Государственной Думе Федерального Собрания России было одобрено более 600 законов², большинство из которых включает в себя административно-правовые нормы, регулирующие общественные отношения, в которых присутствует властной субъект.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07. 05. 2024 № 309 «О национальных целях развития России до 2030 года»//СПС Гарант

² Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <http://www.duma.gov.ru/news/58528/> (дата обращения: 02.09.2025)

Изучение разрабатываемых и принимаемых законов, а также подзаконных и нормативных правовых актов дает возможность выявить ряд тенденций в сфере административного регулирования социально-культурной сферой нашего государства. Стоит отметить, что эти тенденции имеют как положительные аспекты (например, продвижение научного прогресса и достижение целей эффективного государства), так и отрицательные, связанные с ухудшением международных отношений и возникновением новых вызовов и угроз. Выделим несколько ключевых тенденций.

1. Концепция «Smartregulation» ориентирована на разработку тщательно проработанных нормативных актов, которые решают конкретные социальные проблемы и задачи, которые актуальны для современной России. Цель данной концепции заключается в обеспечении улучшения качества жизни и благосостояния, повышении доступности и прозрачности процедур и информационных систем, охране окружающей среды, усилении конкурентоспособности, а также в повышении эффективности управления ресурсами и открытости рынка. Реализация этой концепции стала основой для начальной административной реформы, а затем и для внедрения «регуляторной гильотины»¹.

Внедрение государственного и муниципального контроля с акцентом на профилактику, обновление санитарно-эпидемиологических норм для объектов общественного питания и здравоохранения, минимизация лицензионных требований, создание системы независимой оценки, обеспечение соблюдения предпринимателями условий, связанных с лицензируемыми видами деятельности, отмена устаревших и дублирующих обязательных норм, переход к параметрическому нормированию для обеспечения безопасности зданий и сооружений, а также перераспределение полномочий между Правительством Российской Федерации и федеральными органами власти в управлении общественными отношениями – все эти аспекты представляют собой лишь некоторые примеры реализации упомянутой концепции. Она соответствует новой модели государственного регулирования, нацеленной на уменьшение вмешательства государства и формирование ответственного отношения бизнеса к выполнению обязательных требований². Тем не менее, нельзя утверждать, что все разрабатываемые нормативно-правовые акты придерживаются заявленных целей правового регулирования. Более половины из них не соответствуют принципам обоснованности и исполнимости, что противоречит требованиям Федерального закона от 31 июля 2020 года № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации». Часто отсутствует анализ альтернативных методов административного регулирования социальных отношений. Например, в процессе работы над проектом федерального закона № 521876-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции» не были представлены статистические данные, научные исследования или судебная практика, подтверждающие обоснованность установленного порогового значения содержания никотина в бетабачных смесях для нагревания, превышающего 3,5%. Этот порог был заявлен как основание для введения запрета на оборот данной продукции по причине ее вреда для здоровья³.

Субъекты предпринимательства становятся важным фокусом законодательных инициатив. Согласно первой версии проекта федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота метанола и метанолсодержащих жидкостей» (ID проекта 02/04/05-23/00138060), планировалось ввести лицензирование для всех видов деятельности, касающейся обращения метанола и веществ с его содержанием. Это делалось с целью предотвращения незаконного использования данных веществ, включая их использование в производстве продуктов питания. Разработчики не учли, что применение метанола в пищевой сфере строго ограничено различными техническими регламентами безопасности. В процессе создания норм Федерального закона от 13 июня 2023 года № 203-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота табачных изделий, табачной и никотинсодержащей продукции и сырья для их производства», который был нацелен на сокращение нелегального рынка табачных и никотинсодержащих товаров, был предусмотрен механизм, аналогичный действующему порядку для алкогольной продукции⁴. Разработчики подчеркивали, что преимущества предложенного регулирования для государства и предпринимательского сообщества превышают возможные затраты для участников нового закона⁵.

Данные примеры подчеркивают недостающий единый стратегический подход к разработке регуляторной политики в государственном управлении в социально-культурной сфере, а также отсутствие всестороннего анализа влияния разрабатываемых норм на общественные отношения, которые находятся под правовым контролем.

2. Следующая тенденция – применение методов проектного управления в госаппарате включает внедрение принципов корпоративного менеджмента, в частности создание специализированных организационных структур для управления проектами. Почти все национальные инициативы реализуются по этой модели. Государственные служащие на федеральном уровне получают новые административные роли – куратора, руководителя и администратора соответствующих проектов. Документ в виде паспорта национального проекта не только задает направление развития конкретных областей (таких как здравоохранение, демография, образование и цифровая экономика), но и формирует очертания будущего правового регулирования.

Использование методов корпоративного управления трансформирует саму суть совещательных органов, которые теперь формируют-

¹ Зыков, Д. В. Концепция «smartregulation» как инструментальная составляющая устойчивого развития / Д. В. Зыков // Правовая парадигма. 2022. Т. 21, № 3. С. 38-42

² Калмыкова А.В. Современные тренды формирования административно-правового регулирования // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 2. С. 170

³ О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции»: проект федерального закона № 521876-8 // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/521876-8> (дата обращения: 24.08.2025)

⁴ Никитина, О. А. Исторические предпосылки возникновения уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств / О. А. Никитина, В. М. Шеншин, К. В. Шевченко // Закон и право. – 2023. – № 9. – С. 56-59. – DOI 10.56539/20733313_2023_9_56. – EDN WZMAUW.

⁵ Федеральный закон от 13 июня 2023 г. № 203-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота табачных изделий, табачной продукции, никотинсодержащей продукции и сырья для их производства» // СПС Гарант

ся как для координации действий различных участников, так и для выработки государственной политики и утверждения нормативных актов. Например, согласно Положению о Совете при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам¹, именно на этот совет возложено определение основных параметров для создания национальных проектов и программ, а также анализ и оценка достижения национальных целей, а также исследование результатов выполнения целевых показателей социально-экономического развития страны.

Другим примером может служить проект федерального закона № 325647-8 «О биоресурсных центрах и биологических (биоресурсных) коллекциях», в котором предусмотрено создание Межведомственной комиссии при Национальном биоресурсном центре по решению Президента Российской Федерации². Эта комиссия получает полномочия по согласованию нормативных правовых актов от уполномоченного федерального органа исполнительной власти. Следует отметить, что без одобрения этой комиссии, акты не могут быть приняты, что вызывает вопросы касательно административно-правового статуса органов исполнительной власти, занимающихся регуляцией.

Создание координационных органов является ключевым аспектом государственного управления, который проявляется в различных организационно-правовых формах, влияющих на их функции и полномочия. В нынешних условиях такие органы становятся все более значимыми, приобретая независимый статус и решая важные управленческие задачи.

3. Третьим важным направлением является цифровизация³. Этот процесс в сфере государственного управления ориентирован на улучшение качества обслуживания граждан и внедрение гибких управленческих моделей. Цифровизация стала глобальным явлением. Национальная программа «Цифровое государственное управление»⁴ подчеркивает необходимость перехода к электронному взаимодействию между гражданами, организациями и государственными органами. Это включает в себя внедрение роботизации и создание реестровой модели предоставления государственных и муниципальных услуг в цифровом формате. В зависимости от функций федерального исполнительного органа различают несколько направлений цифровизации: предоставление услуг, контроль и надзор, управление государственным имуществом и цифровизация нормотворческой деятельности¹.

Упомянутые тенденции не исчерпывают все возможные направления. Также стоит выделить модернизацию административно-правовых систем, развитие регулирования в ответ на интеграционные процессы, а также более детальную проработку составов административных правонарушений. Тем не менее, именно указанные тенденции представляются наиболее заметными и важными на сегодняшний день.

Итак, конкретные вопросы административно-правового регулирования в сфере образования касаются следующих вопросов:

Среднее образование:

- цифровые аттестаты;
- трудоустройство и поддержка молодых специалистов;
- оценка качества образования;
- научная экспертиза школьных учебников;
- оборудованные классы;
- обновленные федеральные рабочие программы.

Одно из рассматриваемых предложений, способных изменить систему школьного образования – сократить время обучения (с 11 до 10 лет), создание профессионально ориентированных 9-10 классов с получением профессии.

В высшем образовании также предполагается значительная трансформация. Пересмотр участия России в Болонской системе высшего образования, а также не утихающие споры вокруг единого государственного экзамена являются условиями концептуального уровня. На этом уровне ищутся ответы на вопросы:

1) в чем недостатки существующей системы образования и к каким результатам она привела: необходим полноценный критический анализ не только на предмет недостатков, но и на имеющиеся достоинства;

2) какие задачи должна выполнять новая система;

3) какой должна быть новая система и почему, какие будут критерии оценки результатов на различных этапах.

По этому алгоритму должна быть оценена Болонская система, система единого государственного экзамена и вообще вся система административно-правового регулирования. Примером может служить ситуация с большим количеством предложений в научной юридической литературе по разделению юридической дефиниции «контроль» и «надзор», однако, как это сделать на примере любого конкретного органа с тем, чтобы это не противоречило практике – предложений нет, любое предложение безупречно. В результате подход законодателя является единственно возможным и оптимальным для этого случая.

Таким образом, при признании оправданности изменений, связанных с Болонской системой на государственном уровне, успешная реализация продолжается с запуском проекта «Профессионалитет». Практически все выпускники первого выпуска 2024 года были успешно трудоу-

¹Указ Президента Российской Федерации от 30.06.2016 № 306 (ред. от 19.07.2025) «О Совете при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам»//СПС Гарант

²Проект федерального закона № 325647-8 «О биоресурсных центрах и биологических (биоресурсных) коллекциях» // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации - URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/32564> (дата обращения: 13.09.2025)

³Полков, Д. В. О цифровизации государственного управления / Д. В. Полков, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 11(239). – С. 125-130. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_125. – EDN CJCVCBU.

⁴Паспорт национального проекта «Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации" (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7)»//СПС Гарант

строены по полученной специальности. Однако альтернативы единого государственного экзамена в настоящее время не наблюдается, и нет достаточных доказательств в пользу его необходимости, по крайней мере, в большинстве случаев.

На проблему административного характера указывают также ученые Саратовской школы права, речь идет о смешении в законодательстве правового статуса профессорско-преподавательского состава и научно-педагогических кадров. Оба этих типа сотрудников высших учебных заведений имеют возможность заниматься как педагогической, так и научной деятельностью, что указано в ст. 50 ФЗ «Об образовании». Однако четких разграничений или конкретизаций правового статуса этих категорий не предусмотрено в российских законах, кроме положений Трудового кодекса, касающихся заключения и расторжения трудовых договоров с ними. Как считает В.С. Хижняк, правовой статус указанных лиц должен быть четко разграничен². Часть. 11 п. 5 Постановления Совета Федерации «О развитии науки и высшего образования в новых условиях» от 23 декабря 2022 г. прямо указывает на недопустимость «возложения на педагогических работников, отнесенных к профессорско-преподавательскому составу, обязанностей по выполнению научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, в том числе путем включения показателя, связанного с объемом научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и доходами от их выполнения, в перечень обязательных условий трудовых договоров, заключаемых с указанными работниками»³.

Таким образом, законодательство должно быть приведено в соответствие с новой концепцией. Это позволит повысить эффективность деятельности профессорско-преподавательского состава, разделить их функции по принципу «каждый занимается своим делом» и улучшить качество, как науки, так и высшего образования.

Действующий в настоящее время КоАП РФ является самым объемным и динамичным по вносимым изменениям. Много лет ведется работа над новой редакцией данного кодекса. Однако пока нет информации о проекте, который можно было бы выносить на обсуждение в Госдуму. Это обусловлено тем, что, во-первых, это самая объемная отрасль права. По факту она уже состоит из многих отраслей, так, выше был разобран вопрос об образовательном праве как полноценной отрасли. Право фиксирует сложившиеся общественные отношения, а они в настоящий момент меняются, не успев сложиться, меняются. Однако именно в этом состоит сущность административных отношений, поэтому необходимо вести законотворческую работу в рамках оптимизации действующего КоАП РФ.

В настоящий момент, считаем, назрела необходимость системной реструктуризации Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных наказаниях. Необходимо выделить отдельно нормы административно-правового регулирования в сфере образования и культуры в отдельную главу, которая далее будет развиваться. Так, по мнению авторов данной статьи в данный кодекс следует внести следующие составы:

1.Закрепить административную ответственность за невыполнение или ненадлежащее выполнение обязанностей руководителем или иным должностным лицом образовательных организаций вследствие небрежного или недобросовестного отношения к ним, если это повлекло:

причинение легкого вреда здоровью воспитанников, обучающихся и работников образовательных организаций во время учебного и воспитательного процесса;

привлечение педагога к видам работ, не связанным с профессиональными обязанностями;

уменьшение у педагога отчетности либо информации, не предусмотренной законодательством;

проведение проверки, не предусмотренной законами⁴.

2.Разработать и утвердить составы административных правонарушений, связанных с проявлением неуважения к педагогу при исполнении им своих должностных обязанностей, административно наказуемыми должны являться:

нецензурная брань;

непристойное поведение;

демонстрация неприличных жестов (знаков) или предметов, в том числе через средства массовой информации или телекоммуникационные сети, обращенные к педагогическому работнику.

Отметим, что данные предложения также выводят на концептуальный уровень – пересмотр концепции образования как услуги, поиск оптимального баланса публичного и частного интереса в сфере образования.

Создание юридической дефиниции административно-правового режима, разработка доктринального понимания которого принадлежит Ю.Н. Старилову⁵, позволило бы структурировать прикладную часть административного права, повысив эффективность административно-правового регулирования актуальных общественно-значимых вопросов.

В сфере культуры стратегическое значение имеет Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Официальный перечень традиционных ценностей выглядит так: жизнь; достоинство; права и свободы человека; патриотизм; гражданственность; служение Отечеству и ответственность за его судьбу; высокие нравственные идеалы; крепкая семья; созидательный труд; приоритет духовного над материаль-

¹ Шеншин, В. М. О нормативно-правовом регулировании нормотворчества Росгвардии в сфере административноюрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин // Военно-юридический журнал. – 2022. – № 7. – С. 17-20. – DOI 10.18572/2070-2108-2022-7-17-20. – EDN OLRFBFA.

² Хижняк В.С. Проблема совершенствования правового статуса преподавателей высшей школы в рамках российской конституционно-правовой политики в области образования в условиях трансформации международной и национальной инфраструктуры // Российский конституционализм: уроки истории и современность (к 30-летию Конституции Российской Федерации 1993 года). Материалы всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2023. С. 133-137

³ Постановление Совета Федерации от 23 декабря 2022 г. «О развитии науки и высшего образования в новых условиях»//СПС Гарант

⁴ Юридическое образование в условиях цифровизации / И. С. Назарова, Д. И. Назаров, В. М. Шеншин, И. Э. Родионова // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 10(226). – С. 29-31. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_10_29. – EDN CADKUQ.

⁵ Старилов Ю.Н. Административное судопроизводство: учебник. М., издательство Норма, 2025

ным; гуманизм; милосердие; справедливость; коллективизм; взаимопомощь и взаимоуважение; историческая память и преемственность поколений; единство народов России. Государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей реализуется в области: образования и воспитания; работы с молодежью; культуры; науки; межнациональных и межрелигиозных отношений; средств массовой информации и массовых коммуникаций; международного сотрудничества.

В целом, законодательство о культуре стагнирует по причине существенного противодействия. Результаты реализации Основ государственной культурной политики не подведены, мероприятия из Стратегии на период до 2030 года не обновлены, и процесс законотворчества в области культуры не возобновился. Президент Российской Федерации подписывает и выпускает в правовое поле новый нормативный правовой акт – Указ Президента Российской Федерации от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808», однако, споры и противодействие в административно-правового регулирования сферы культуры продолжаются¹.

В сфере здравоохранения за последний период происходят изменения в следующих направлениях: медицинское вмешательство без согласия пациента при оказании ему скорой медпомощи; аудиоконтроль приема врачей и правила вежливости в столичных поликлиниках; правила оказания платных медицинских услуг; штрафы за навязывание услуг и отказ рассмотреть претензию пациента; ведение меддокументов, оформленных при оказании принудительной психиатрической помощи; защита прав пациентов, получающих психиатрическую помощь проверки медицинских организаций; штрафы за продажу лекарств без рецепта; штрафы за нарушение порядка передачи информации в егисз; квалификационные требования, номенклатура должностей и допуск к работе; новые формы документов для стационаров; электронные медкнижки; сроки хранения меддокументов; эксперимент по онлайн-продаже рецептурных лекарств; проверка лекарств через «госуслуги»; учет лекарств; медосмотр; стандарты медпомощи; порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и др.

В завершении рассмотрения анонсированной проблематики следует сделать вывод о том, что объем базы административно-правового регулирования социально-культурной сферы Российской Федерации за последние два года намного превысил возможности анализа, но можно утверждать, что делается в разы больше, чем за последние 10 лет, что касается конкретных изменений.

Таким образом, социально-культурная сфера имеет исключительное значение для общества, так как она служит целому ряду целей и выполняет широкий спектр функций, необходимых для последовательного и гармоничного развития общества, предоставления условий для формирования и усиления потенциала населения страны. Кроме того, именно в этой сфере создаются условия для поддержания духовной жизни общества.

Специфика управления социально-культурной сферой в Российской Федерации заключается в особенностях российского законодательства, административно-территориального устройства и государственной культурной политики. Законодательство включает федеральные, региональные и местные нормативные акты, а также общую стратегию государственной культурной политики до 2030 года. Управление в этой сфере имеет ряд особенностей, связанных с защитой и развитием культуры, формированием идентичности и нравственных ориентиров граждан, которые необходимо учитывать при оптимизации социально-культурной сферы в современной Российской.

Список литературы:

1. Зыков, Д.В. Концепция «smartregulation» как инструментальная составляющая устойчивого развития / Д.В. Зыков // Правовая парадигма. 2022. Т. 21, № 3. С. 38-42.
2. Заботкин Г.А., Юдин В.И. Модернизация законодательства в сфере культуры в период трансформации социально-экономического развития России: возможности и действительность. Часть 2 // Культурологический журнал. 2024. № 1 (55). С. 15.
3. Калмыкова А.В. Современные тренды формирования административно-правового регулирования // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 2. С. 170.
4. Стариков Ю.Н. Административное судопроизводство: учебник. М., издательство Норма, 2025.
5. Хижняк В.С. Проблема совершенствования правового статуса преподавателей высшей школы в рамках российской конституционно-правовой политики в области образования в условиях трансформации международной и национальной инфраструктуры // Российский конституционализм: уроки истории и современность (к 30-летию Конституции Российской Федерации 1993 года). Материалы всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2023. С. 133-137.
6. Никитина, О. А. Исторические предпосылки возникновения уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств / О. А. Никитина, В. М. Шеншин, К. В. Шевченко // Закон и право. – 2023. – № 9. – С. 56-59. – DOI 10.56539/20733313_2023_9_56. – EDN WZMAUU.
7. Попков, Д. В. О цифровизации государственного управления / Д. В. Попков, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 11(239). – С. 125-130. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_125. – EDN CJCVCBU.
8. Шеншин, В. М. О нормативно-правовом регулировании нормотворчества Росгвардии в сфере административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин // Военно-юридический журнал. – 2022. – № 7. – С. 17-20. – DOI 10.18572/2070-2108-2022-7-17-20. – EDN OLRFBFA.
9. Юридическое образование в условиях цифровизации / И. С. Назарова, Д. И. Назаров, В. М. Шеншин, И. Э. Родионова // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 10(226). – С. 29-31. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_10_29. – EDN CADKUQ.

References:

1. Zykov, D.V. The concept of "smartregulation" as an instrumental component of sustainable development / D.V. Zykov // Legal paradigm. 2022. Vol. 21, No. 3. pp. 38-42.
2. Zabolotkin G.A., Yudin V.I. Modernization of legislation in the field of culture during the transformation of Russia's socio-economic development: opportunities and reality. Part 2 // Cultural Journal. 2024. No. 1 (55). p. 15.
3. Kalmykova A.V. Modern trends in the formation of administrative and legal regulation // Legal policy and legal life. 2024. No. 2. P. 170.
4. Starikov Yu.N. Administrative legal proceedings: textbook. Moscow, Norma publishing house, 2025.
5. Khizhnyak V.S. The problem of improving the legal status of higher school teachers within the framework of the Russian constitutional and legal policy in the field of education in the context of the transformation of international and national infrastructure // Russian constitutionalism: lessons of history and modernity (on the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation of 1993). Materials of the All-Russian scientific and practical conference. Saint Petersburg, 2023. pp. 133-137.
6. Nikitina, O. A. Historical prerequisites for the emergence of criminal liability for illicit trafficking in narcotic drugs / O. A. Nikitina, V. M. Shenshin, K. V. Shevchenko // Law and Law. – 2023. – No. 9. – pp. 56-59. – DOI 10.56539/20733313_2023_9_56. – EDN WZMAUU.
7. Popkov, D. V. On the digitalization of public administration / D. V. Popkov, V. M. Shenshin // Agrarian and land law. – 2024. – № 11(239). – Pp. 125-130. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_125. – EDN CJCVCBU.
8. Shenshin, V. M. On the regulatory and legal regulation of the Rosgvardiya rulemaking in the field of administrative and jurisdictional activities / V. M. Shenshin // Military Law Journal. – 2022. – No. 7. – pp. 17-20. – DOI 10.18572/2070-2108-2022-7-17-20. – EDN OLRFBFA.
9. Legal education in the context of digitalization / I. S. Nazarova, D. I. Nazarov, V. M. Shenshin, I. E. Rodionova // Agrarian and land law. – 2023. – № 10(226). – Pp. 29-31. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_10_29. – EDN CADKUQ.

¹ Заботкин Г.А., Юдин В.И. Модернизация законодательства в сфере культуры в период трансформации социально-экономического развития России: возможности и действительность. Часть 2 // Культурологический журнал. 2024. № 1 (55). С. 15

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ PREVENTION OF ECONOMIC CRIMES AS ONE OF THE MEANS OF ENSURING ECONOMIC SECURITY

СЫСОЕВА Татьяна Владимировна,

доцент кафедры Гражданского права Уральского государственного экономического университета,
кандидат юридических наук, доцент.

620144, Россия, Свердловская обл., г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62.

E-mail: sysoyevatv@rambler.ru;

СЫСОЕВ Александр Владимирович,

старший преподаватель кафедры Конкурентного права и антимонопольного регулирования

Уральского государственного экономического университета, аспирант кафедры конституционного права

Уральского государственного юридического университета. (Российская Федерация, г. Екатеринбург.)

620144, Россия, Свердловская обл., г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62.

E-mail: alexander.sysoeff2018@yandex.ru;

SYSOEVA Tatyana Vladimirovna,

Associate Professor of the Department of Civil Law of the Ural State University of Economics,

Candidate of Law, Associate Professor.

620144, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, ul. 8 Marta, 62.

E-mail: sysoyevatv@rambler.ru;

SYSOEV Alexander Vladimirovich,

Assistant of the Department of Competition Law and Antimonopoly Regulation of the Ural State University of Economics,

post-graduate student of the Department of Constitutional Law of the Ural State University of Law. (Russian Federation, Yekaterinburg).

620144, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, ul. 8 Marta, 62.

E-mail: alexander.sysoeff2018@yandex.ru =

Краткая аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями предупреждений преступлений в сфере экономики как одного из средств обеспечения экономической безопасности. Данная статья посвящена выработке и анализу профилактической направленности подобных преступлений. Автором делается вывод, что выработка комплексных профилактических мер позволит устранить причины и условия преступлений, рассматриваемых категорий.

Abstract: the article examines issues related to the peculiarities of preventing crimes in the economic sphere as one of the means of ensuring economic security. This article is devoted to the development and analysis of the preventive focus of such crimes. The author concludes that the development of comprehensive preventive measures will eliminate the causes and conditions of crimes in the categories under consideration.

Ключевые слова: экономическая безопасность, предупреждение преступлений, детерминанты, экономические преступления.

Key words: economic security, crime prevention, determinants, economic crimes.

Для цитирования: Сысоева Т.В., Сысоев А.В. Предупреждение экономических преступлений, как одно из средств обеспечения экономической безопасности // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 401-402. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_401.

For citation: Sysoeva T.V., Sysoev A.V. Prevention of economic crimes as one of the means of ensuring economic security // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 401-402. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_401.

Статья поступила в редакцию: 01.08.2025

Экономическая безопасность является одним из видов объектов уголовно-правовой охраны. Выделяется несколько видов экономической безопасности. В частности: экономическая безопасность личности, экономическая безопасность региона, экономическая безопасность предприятия и, конечно же, экономическая безопасность государства. Все эти понятия различаются между собой и соответственно комплекс предупредительных мероприятий, применяемый к группам преступлений, посягающих на ту или иную экономическую безопасность, будет отличаться.

Некоторые ученые определяют экономическую безопасность личности как «состояние, в котором происходит максимальное обеспечение всей совокупности необходимых условий охраны жизненных экономических интересов личности при регулярном протекании процесса реализации ее социальной защищенности и развития»[1].

К данной группе преступлений, объектом которых является экономическая безопасность личности, следует отнести: преступления против собственности, такие как умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, разбой, вымогательство, грабеж, кража, а также некоторые преступления против экономической деятельности, например незаконная банковская деятельность, принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения.

Экономическая безопасность предприятия это «способность обеспечить экономическую устойчивость и развитие фирмы, ее структуры и отдельных элементов при нестабильности внешней среды, а также при проявлениях оппортунизма участниками фирмы и угрозах человеческого фактора во внутренней среде фирмы [2].

Как нам представляется, данное определение наиболее удачное. Поэтому, считаем, что не все преступления, предусмотренные главой 22 Уголовного Кодекса Российской Федерации, являются угрозой экономической безопасности предприятия. Считаем, что к данной группе преступлений следует относить лишь те, которые причиняют экономический или материальный ущерб предприятию, в частности: ограничение

конкуренции (ст.178 УК РФ), незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ) и т.д.

Несомненно, наибольший интерес в современных условиях вызывают те преступления, которые посягают на экономическую безопасность государства. Если обратиться к уголовному законодательству, то можно сделать вывод, что законодатель не объединяет данную группу преступлений в одну главу, они включены в различные главы уголовного кодекса. Глава 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» - это единственная глава, в которой содержится термин «экономическая безопасность». В этой главе содержатся преступления, которые создают непосредственную угрозу экономической безопасности государства. Например, диверсия (ст.281 УК РФ). Под диверсией понимается совершение взрыва, поджога объектов жизнеобеспечения населения, подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации. Однако и в других разделах особенной части уголовного кодекса содержатся преступления, которые посягают на экономическую безопасность государства. Так, например, в главе «Преступления в сфере экономической деятельности» содержатся преступления, которые связаны с изготовлением, хранением, перевозкой или сбытом поддельных денег или ценных бумаг (ст.186 УК РФ), уклонение от исполнения обязанности по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации (ст. 193 УК РФ), уклонение от уплаты таможенных или налоговых платежей (ст.194, 198, 199 УК РФ). Контрабанда наличных денежных средств (ст. 200.1 УК РФ).

Все вышеперечисленные преступления очень разноплановые, входят в разные главы и даже разделы уголовного законодательства, однако по нашему мнению их объединяет один общий объект – экономическая безопасность.

Предупреждение данных преступлений, которые создают угрозу экономической безопасности, носит комплексный, разноплановый характер. Результативность предупреждения данных преступлений заключается в устранении детерминантов. Прежде всего, среди них видятся такие как: значительный рост цен, который привел к увеличению расходов граждан на свои потребности; такой казался бы, позитивный фактор – прогресс в цифровизации, привел к росту дистанционных мошенников. Банки, осуществляющие банковские операции используют банкоматы для выдачи наличных денег, совершения различных платежей. Однако, несмотря на кажущуюся защищенность подобных операций, есть вероятность, столкнутся с мошенническими действиями, связанными с применением фальшивых панелей на банковских устройствах. Конечно, в данных местах всегда ведется видеонаблюдение, но, несмотря на это нужно доводить до граждан информацию о риске совершения преступлений в этой области. Также хотелось бы отметить существенные недостатки в деятельности полиции, связанные с профилактикой данных преступлений в современных условиях. Возросшая общеуголовная преступность заставляет органы внутренних дел работать в усиленном режиме.

Безусловно, необходим комплекс мероприятий для устранения этих причин. Прежде всего, это экономические меры, направленные на имущественную поддержку граждан, в частности, обеспечение граждан рабочими местами, достойная оплата труда и т.д. Также хотелось бы затронуть вопрос, связанный с социальными мерами. Рыночные отношения, безусловно, приводят к расслоению населения. И здесь, необходим комплекс мер, направленных на поддержку малоимущего населения.

Резюмируя вышеизложенное можно сделать вывод, что для предупреждения преступлений, посягающих на экономическую безопасность необходим целый комплекс разноплановых мероприятий, направленный на все сферы жизнедеятельности общества. Список литературы:

Список литературы:

1. Моштакова М.А., Щеглов В.Ю. Скворцов А.О. Экономическая безопасность личности//Вестник Пензенского государственного университета- 2020 - №4(32) – С. 45-49.
2. Долинко В.И. Понятие и сущность экономической безопасности как объекта уголовно-правовой охраны// Академическая мысль – 2019. - № 2(7). – 91-96.

References:

1. Moshtakova M.A., Shcheglov V.Yu. Skvortsov A.O. Economic security of the individual//Bulletin of Penza State University- 2020 - No. 4(32) – pp. 45-49.
2. Dolinko V.I. The concept and essence of economic security as an object of criminal law protection// Academic thought – 2019. - № 2(7). – 91-96.

О ПОНЯТИИ, СУЩНОСТИ И ЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ ON THE CONCEPT, ESSENCE AND MEANING OF THE CRIMINAL PROCEDURE FORM

СОЛОДОВНИК Вячеслав Викторович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры безопасности факультета безопасности и таможи Северо-Западный институт управления - филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». 199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43.
E-mail: slaviik_bel@mail.ru;

SOLODOVNIK Vyacheslav Viktorovich,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Security, Faculty of Security and Customs The Northwestern Institute of Management is a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, a federal state budgetary educational institution of higher education. 199178, Russia, St. Petersburg, Sredny prospekt V.O., 57/43.
E-mail: slaviik_bel@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются различные подходы к пониманию сущности понятия «уголовно-процессуальная форма», выделяется ряд свойственных ей признаков, на основании которых автор предлагает свой вариант определения уголовно-процессуальной формы. Особое внимание уделено значению уголовно-процессуальной формы, в котором автор выделяет несколько проявлений, связанных с регламентацией порядка производства по уголовным делам, обеспечением прав участников уголовного процесса, созданием условий для эффективного судопроизводства, а также оказанием воспитательного воздействия на участников процесса.

Abstract. The article discusses various approaches to understanding the essence of the concept of "criminal procedural form", identifies a number of features peculiar to it, on the basis of which the author offers his own version of the definition of the criminal procedural form. The importance of the criminal procedure form is so great that it is difficult to overestimate it, and therefore the author identifies a number of its manifestations related to the regulation of the procedure for criminal proceedings, ensuring the rights of participants in criminal proceedings, creating the necessary conditions for establishing the truth and the most effective legal proceedings, as well as providing educational influence on participants in the process.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная форма, порядок производства по уголовным делам, процессуальный механизм обеспечения законности, внешнее выражение уголовно-процессуальной деятельности.

Keywords: the form of criminal procedure, the procedure for criminal proceedings, the procedural mechanism for ensuring legality, the external expression of the content of criminal procedural activity.

Для цитирования: Солодовник В.В. О понятии, сущности и значении уголовно-процессуальной формы // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 403-407. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_403.

For citation: Solodovnik V.V. On the concept, essence and meaning of the criminal procedure form // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 403-407. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_403.

Статья поступила в редакцию: 01.09.2025

Центральное место в системе механизма регулирования общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства занимает уголовно-процессуальная форма (далее – УПФ). Это связано с тем, что ее неприкосновенность и строгое соблюдение должны служить основной гарантией объективности, полноты и качества проводимого расследования и последующего судебного разбирательства.

М.Л. Якуб справедливо отметил, что «процессуальная форма есть неотъемлемая сторона уголовного судопроизводства» [21, с. 7]. В рамках действующей УПФ правоприменителями используются различные способы установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Такие способы, как правило, разрабатываются в ходе совместной работы ученых и практиков, после чего они внедряются в практическую деятельность. Основным условием такого внедрения, на наш взгляд, является неприкасаемость УПФ, которая не подлежит в данном случае изменению. Любое нарушение правил, установленных УПФ, влечет за собой нарушение принципов уголовного процесса, главенствующая роль среди которых принадлежит принципу законности. Данный принцип будет подвержен нарушению в первую очередь, что недопустимо.

Законность представляет собой категорию, отражающую соотношение правомерного (законного) и неправомерного (незаконного) поведения субъектов общественных отношений [3, с. 32]. Именно принцип законности лежит в самом фундаменте уголовного судопроизводства, и любое его нарушение может вызвать трещины и внезапное разрушение всей конструкции уголовного процесса.

Н.В. Лантух считает, что «значение УПФ проявляется в том, что она:

- устанавливает детально урегулированный, устойчивый, строго обязательный режим производства по уголовным делам.
- обеспечивает соблюдение прав и интересов участников уголовного процесса.
- создает условия для достижения истины и наиболее эффективного судопроизводства по уголовному делу.

Любое нарушение процессуальной формы, процессуальное упрощенчество ведет к нарушению прав участников процесса, недействительности совершенных действий, отмене принятых решений» [18, с. 38]. Мы полностью поддерживаем указанную точку зрения в определении значения УПФ, но считаем необходимым дополнить приведенный перечень проявлений значения УПФ еще одним важным обстоятельством.

Мы думаем, что значение УПФ не может быть ограничено исключительно процессуальными аспектами, а связано с оказанием еще воспитательного воздействия на членов общества, которое направлено на привитие последним уважительного отношения к закону, к органам и

должностным лицам, осуществляющими контроль за его соблюдением. Данный аспект УПФ приобретает особую значимость в современных условиях, когда в российском обществе преобладают нигилистические идеи по отношению к закону, государству и правопорядку.

Переходя к рассмотрению сущности УПФ, представляется необходимым выяснить какую смысловую нагрузку несет в себе само понятие «форма». Согласно Большой юридической энциклопедии, данное слово имеет латинское происхождение – «forma», что в переводе на русский язык означает: «форма, вид, образ – это очертания, внешний вид, контуры предмета; внешнее выражение какого-либо содержания» [4].

В.И. Даль под формой понимает фигуру, наружный вид, ураз, образ, очерк или статью [17, с. 520].

Из приведенных определений видно, что в общем виде понятие «форма» употребляется в разных значениях, которые имеют некоторые общие черты, связанные с внешним видом. Поэтому, представляется, что в юридической науке за основу понимания формы должно быть взято ее значение, связанное с «внешним выражением какого-либо содержания». В этой связи нужно отметить, что составным элементом любого правового механизма всегда выступает его форма, не является исключением и уголовно-процессуальное право с его внешним выражением – УПФ.

Однако, не смотря на простоту выражения указанного понятия, в уголовно-процессуальной науке не существует единого понимания сущности УПФ. Данное обстоятельство значительно усложняет проведение дальнейших научно-правовых исследований. Нужно отметить, что УПФ – это фундаментальное понятие теории уголовного процесса. Именно комплексным анализом ее основных элементов достигается правильное понимание понятия «уголовный процесс», а, следовательно, его внутреннего строения в целом и в отдельности каждого отдельного элемента; последовательности каждого этапа производства по уголовному делу; деятельности по доказыванию обстоятельств дела; порядка производства процессуальных действий уполномоченными субъектами. Из изложенного следует, что разработка определения понятия УПФ и его правильное понимание имеет огромное значение для уяснения содержания и структуры всего уголовного судопроизводства.

По мнению С.Б. Россинского, в обозримом будущем невозможно сконструировать идеальную, удовлетворяющую абсолютно всех процессуальную форму уголовного судопроизводства [13, с. 77]. Данная точка зрения представляется справедливой, и мы полностью поддерживаем ее, потому что существующая в настоящее время УПФ не является идеальной и имеет некоторые недостатки и противоречия, подлежащие устранению в процессе ее дальнейшего совершенствования. Но влияние любых изменений не будет позитивным, если указанные изменения не будут нацелены на достижение оптимального баланса между публичными и частными интересами в уголовном процессе. Кроме того, изучение УПФ никогда не будет считаться завершенным и исчерпавшим себя, потому что общественные отношения не являются статическим элементом уголовно-процессуальной деятельности, они динамичны и подвержены различным изменениям, что неизбежно повлечет за собой последующее изменение и УПФ.

Проблемы процессуальной формы являлись предметом изучения как общей теории права, так и уголовно-процессуальной науки, что указывает на общеправовой характер данной дефиниции. В связи с этим попробуем проанализировать разработанные другими авторами определения УПФ, чтобы выделить наиболее точные признаки и сформировать свой подход к ее определению.

М.С. Строгович определил УПФ как «совокупность условий, установленных процессуальным законом для совершения органами следствия, прокуратуры и суда тех действий, которыми они осуществляют свои функции в области расследования и разрешения уголовных дел, а также для совершения гражданами, участвующим в производстве по уголовному делу, тех действий, которыми они осуществляют свои права и выполняют свои обязанности» [16, с. 51]. Данное определение сформулировано М.С. Строговичем еще в 1968 году (более 55 лет назад). При этом оно в настоящее время также актуально и в целом соответствует современным представлениям о сущности УПФ. Однако, на наш взгляд, содержание понятия УПФ значительно шире совокупности условий, которыми содержание данного понятия оградил данный ученый.

А.В. Руновский под УПФ понимает «специфическую разновидность формы государственной деятельности, которая обусловлена назначением уголовного судопроизводства и его принципами» [14, с. 48]. В данном определении автор, по нашему мнению, хочет представить УПФ частью чего-то большего, указывая при этом на форму государственной деятельности. Мы считаем, что это не совсем корректно, потому что УПФ определяет деятельность в рамках уголовного судопроизводства, но структурно ее можно признать только частью юридической процессуальной формы, которая по своему содержанию значительно шире рассматриваемого понятия.

По мнению Б.В. Макогона «юридическая процессуальная форма – это идеальная модель, консолидирующая правила поведения субъектов процессуально-ограничительных отношений в рамках нормативно и организационно структурированных процедур, стадий и действий, имеющих конкретно-определенную цель» [11, с. 13]. Мы поддерживаем точку зрения Б.В. Макогона, но не можем согласиться с пониманием юридической процессуальной формы как модели, потому что модель по своей сути выступает как слепок с какой-либо конкретной конструкции (например, УПФ применительно к уголовному судопроизводству). В этом случае вся деятельность по подготовке указанной модели будет обречена на провал, так как нельзя подогнать под существующую модель процессуальные формы всех отраслей права. Если же этого все таки добиться, то получится единообразная модель, которая ограничит познание разнообразных особенностей данных процессуальных и уничтожит различия между ними. В этой связи следует согласиться с В.М. Горшеневым, который считает, что «процессуальное производство должно отражать профессиональную специализацию субъекта, ведущего процесс» [7, с. 81].

Представляется, что УПФ объективно существует, и исследовать ее необходимо путем применения метода абстрагирования от ее несущественных признаков, а также выявления закономерностей и условий ее функционирования. Так, с помощью анализа УПФ последнюю можно разложить на составляющие ее элементы, исследовать их, а затем с помощью синтеза собрать их в одно целое. Указанные элементы необходимо очистить от всего не существенного путем применения метода абстрагирования. Это позволит дать наиболее точное определение УПФ.

По мнению И.М. Алексеева, «УПФ – это объективно сложившаяся, как отражение реально существующих и развивающихся обществен-

ных отношений, система, состоящая из принципов, юридических гарантий, институтов и норм, отличающихся предметом и методом правового регулирования, объективированная через уголовно-процессуальный закон» [2, с. 87]. В целом соглашаясь с указанной точкой зрения, мы не согласны с положением о необходимости включения в содержание УПФ таких элементов как принципы, институты и нормы процессуального права, потому что, на наш взгляд, они в состав УПФ не входят. В противном случае происходит смешение понятий уголовно-процессуального права и УПФ, что недопустимо.

М.С. Кесаева обращает внимание на то, что «форму надо понимать не только как нечто внешнее по отношению к содержанию, но и как внутреннюю организацию содержания, то есть структуру уголовного процесса. Неполнота структуры, отсутствие каких-либо структурных элементов (стадии, части стадии, самостоятельной части) есть неполнота формы, сокращение ее. Во-вторых, существует внутреннее единство между правоприменением (норм уголовного права) и процессуальной формой» [9, с. 28]. С данной точкой зрения мы не согласны, потому что М.С. Кесаева смешивает два самостоятельных понятия – УПФ и внутренней структуры уголовного процесса, а это недопустимо. Также М.С. Кесаева считает, что при упрощении форм производства по уголовным делам происходит нарушение УПФ. Следует отметить, что упрощенные формы производства по уголовным делам объективно существуют, и происходит это в рамках действующей УПФ.

Н.В. Лантух считает, что «УПФ – это нормативно закрепленная система правил и процедур, определяющая основания, условия, сроки, последовательность и порядок совершения процессуальных действий и принятия процессуальных решений» [18, с. 38]. С данным определением мы, в целом, согласны, так как в нем отражается системный характер данного понятия, но обращает на себя внимание некоторая разбалансированность, что связано с отсутствием в определении указания на стадии уголовно-процессуальной деятельности, уголовно-процессуальный режим, объединяющий в себе процессуальные гарантии и отдельные производства, которые, на наш взгляд, должны быть отражены в определении УПФ как ее неотъемлемые элементы.

П.А. Лупинская под УПФ понимает порядок производства по делу в целом и отдельных процессуальных действий, а также требования к процессуальным документам. УПФ включает прохождение дела по стадиям, каждая из которых имеет свою процессуальную форму, отвечающую задаче конкретной стадии и создающую возможность проверить правомерность действий и решений, принятых на предыдущей стадии [19, с. 57-58]. С данным определением мы не совсем согласны, потому что порядок производства по делу и требования к процессуальным документам – это только некоторые элементы, входящие в определение понятия УПФ. Кроме того, в определении отсутствует признак системности, что не отвечает объему и многогранности рассматриваемого понятия.

А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский считают, что «содержание понятия УПФ составляют три элемента: юридические процедуры, условия и гарантии, предусмотренные нормами уголовно-процессуального права» [20, с. 17]. Данные авторы, по нашему мнению, также не учли в данном определении признак системности, не отразили стадии, как элементы системы УПФ, и представили данное понятие в довольно урезанном виде – как совокупность только трех указанных элементов.

Д.П. Великий под УПФ понимает «систему предъявляемых к субъектам уголовного процесса, установленных уголовно-процессуальным законом и основанных на его принципах требований, выполнение которых приводит к наиболее точному и рациональному достижению задач уголовного судопроизводства» [5, с. 22]. С данным определением мы не можем согласиться, потому что УПФ значительно шире системы требований, предъявляемых к субъектам уголовного процесса. При этом мы поддерживаем тезис о том, что рассматриваемая система должна основываться на принципах уголовного процесса, и ее соблюдение должно привести к рациональному и эффективному решению задач уголовного судопроизводства.

По мнению А.А. Славгородских, УПФ – это «регламентированный законом порядок производства по уголовному делу и складывающиеся в процессе деятельности уголовно-процессуальные отношения между его участниками. Процессуальная форма представляет собой совокупность общих, наиболее существенных условий, которым должна отвечать уголовно-процессуальная деятельность по обеспечению назначения уголовного судопроизводства» [15, с. 14]. С данным определением мы не можем согласиться, потому что автор внесла некоторую неопределенность в данное определение. В первом случае она говорит о порядке производства по уголовным делам, а во втором – об условиях уголовно-процессуальной деятельности. Представляется, что в данном определении допущено значительное сужение понимания сущности УПФ, что влечет за собой ограничение его понимания только в рамках указанных вариантов.

Д.Р. Гимазетдинов считает, что «УПФ производства по уголовным делам представляет собой внешнее выражение уголовно-процессуальной деятельности, предусмотренный законом процессуальный порядок осуществления и процессуального оформления результатов этой деятельности в соответствующих уголовно-процессуальных актах-документах [6, с. 25]. С данной точкой зрения мы не можем согласиться, потому что автор в данном определении ограничивается только процессуальным порядком осуществления и оформления результатов уголовно-процессуальной деятельности, что существенно сужает понимание УПФ.

В.А. Азаров и А.В. Боярская считают, что УПФ представляет собой «нормативную модель уголовно-процессуальной деятельности, основанную на динамической структуре уголовного судопроизводства и воплощающую в себе предписания о должном порядке осуществления уголовного процесса во всех возможных вариантах его реализации» [1, с. 14]. Данная точка зрения безусловно заслуживает внимания, но мы не можем с ней согласиться, потому что в предложенном определении отсутствует признак системности, который на наш взгляд, имеет основополагающее значение. Кроме этого, в рассматриваемом определении имеется указание на некую модель, которая объединяя в себе процедурные предписания, не способствует правильному пониманию сущности УПФ и сужает сущность рассматриваемого понятия.

А.А. Погорельский считает, что «содержание понятия УПФ, должно раскрываться посредством двух основных элементов: 1) установ-

ленный уголовно-процессуальным законом порядок (совокупность условий и процедур) принятия уголовно-процессуальных решений и 2) установленный уголовно-процессуальным законом порядок совершения уголовно-процессуальных действий, которые в процессе уголовно-процессуальной деятельности являются взаимосвязанными и взаимообусловленными» [12, с. 88]. Данная точка зрения не способствует четкости определения рассматриваемого понятия, потому что ограничивает сущность УПФ только порядками принятия процессуальных решений и совершения процессуальных действий.

И.И. Гусева и В.Н. Зубков пишут, что «учитывая многогранность феномена УПФ, в теории уголовного процесса целесообразно отказаться от поиска определения УПФ» [8, с. 134-135]. При этом указанные авторы поясняют, что «для понимания и толкования смысла уместнее раздробить рассматриваемый термин на составляющие его элементы: исторический тип уголовного процесса, алгоритм уголовно-процессуальной деятельности, процессуальный порядок производства следственных и судебных действий, форма и содержание процессуальных документов, технология уголовного судопроизводства и др.» [8, с. 134-135]. Мы не можем согласиться с позицией указанных авторов, так как описанный ими процесс исследования не имеет своего логического завершения – результата, которым можно было бы считать формирование и формулировку авторского определения УПФ.

Проанализировав, имеющиеся в уголовно-процессуальной науке определения УПФ, точки зрения ученых-процессуалистов по поводу определения данного понятия можно объединить в несколько групп, в зависимости от понимания сущности УПФ:

- 1) совокупность условий для совершения процессуальных действий;
- 2) совокупность процессуальных требований к процессуальной деятельности участников процесса,
- 3) нормативная модель уголовно-процессуальной деятельности;
- 4) система, состоящая из взаимосвязанных элементов.
- 5) предусмотренный законом порядок производства процессуальных действий и принятия решений, порядок производства по уголовным делам.
- 6) совокупность характеристик процессуальных режимов, процессуальных производств и процессуальных стадий.
- 7) это совокупность юридических процедур, условий и гарантий.

Вышеуказанные определения в очередной раз свидетельствуют о полном отсутствии единого понимания сущности понятия УПФ, но становится очевидным, что в одних случаях авторы значительно сужают понимание УПФ, а в других, указывая на системный характер данного понятия, в полной мере не определяют его, и поэтому складывается ощущение незавершенности данных определений.

Еще думается, что неоднозначное понимание сущности УПФ связано с определением каждым ученым на свой взгляд первоочередной роли и назначения процессуальной формы. Так, если поставить на первое место принцип законности и подчинить ему УПФ, то последняя будет представлять собой процессуальный механизм обеспечения законности. В другом случае, если УПФ выступает как внешнее выражение уголовно-процессуальной деятельности, то она должна представлять собой процессуальный порядок.

Рассмотрев различные подходы к пониманию сущности УПФ, нами выделен ряд ее свойств:

- 1) выступает в качестве внешнего выражения уголовно-процессуальной деятельности;
- 2) представляет собой систему взаимосвязанных элементов, что отвечает признаку системности данного сложного многоаспектного понятия;
- 3) состоит из совокупности элементов, определяющих основания, условия, сроки, последовательность порядок совершения процессуальных действий и принятия процессуальных решений; порядок производства по делу в целом и порядок оформления процессуальных документов; процессуальный режим, включающий в себя требования уголовно-процессуальных принципов и гарантии; уголовно-процессуальные стадии.

Таким образом, можно сделать ряд выводов.

1. В уголовно-процессуальной науке отсутствует единое понимание сущности УПФ, не смотря на то, что данная категория является одной из фундаментальных в теории уголовного процесса, исследование которой можно справедливо назвать одной из наиболее значимых проблем данной отрасли знаний. В этой связи автором предпринята попытка предложить свой вариант определения данного понятия.

2. УПФ – это внешнее выражение уголовно-процессуальной деятельности, представляющее собой систему взаимосвязанных, но не всегда однородных, в тоже время обладающих свойствами единства, всеобщности и обязательности элементов: стадий, процессуальных режимов (производств и гарантий), определяющих в своем взаимодействии требования и правила основания, условия, сроки, а также последовательность и порядок совершения процессуальных действий и принятия процессуальных решений, которые в совокупности должны обеспечить реализацию назначения уголовного судопроизводства.

3. Значение УПФ проявляется в том, что она:

- устанавливает процессуальный режим, обязательный для всех участников процесса.
- создает фундаментальную основу соблюдения прав и законных интересов лиц, участвующих в деле.
- обеспечивает необходимый баланс между целями по установлению истины и эффективностью производства по делу.
- оказывает на граждан воспитательное воздействие, которое направлено на привитие им уважительного отношения к закону, а также к органам и должностным лицам, осуществляющим контроль за его соблюдением.

Список литературы:

1. Азаров В.А., Боярская А.В. УПФ: понятие, свойства, система // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 37. – С. 5-20.
2. Алексеев И.М. И снова о понятии УПФ // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2014. – №4. – С. 84-87.
3. Ахматов А.В. Теоретические подходы к определению законности // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2020. – № 3 (58). – С. 26-33.
4. Большая юридическая энциклопедия // URL: <https://gufo.me/dict/bse/Форма> (дата обращения: 10.07.2025).
5. Великий Д.П. Единство и дифференциация УПФ: история, современность, перспективы: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – 211 с.
6. Гимазетдинов Д.Р. УПФ: общетеоретический, нормативно-правовой и правоприменительный анализ: дис. ... канд. юрид. наук. – Ижевск, 2013. – 236 с.
7. Горшенев В.М. Теория юридического процесса. – Харьков, 1985. – 192 с.
8. Гусева И.И., Зубков В.Н. Понятие и содержание УПФ // MODERN SCIENCE. – 2020. – №8. – С. 133-137.
9. Кесаева М.С. Проблемы гармонизации уголовно-процессуальных гарантий прав личности и дифференциации форм досудебного производства по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2017. – 237 с.
10. Лантух Н.В. УПФ: понятие, ее единство и дифференциация: глава в учебнике // Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): учебник для вузов / под ред. Э.К. Кутуева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. – 530 с.
11. Макогон Б.В. Процессуально-ограничительное регулирование публичных правоотношений: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Белгород, 2019. – 51 с.
12. Погорельский А.А. Содержание, значение и дифференциация УПФ // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2021. – № 1 (55). – С. 82-89.
13. Россинский С.Б. УПФ: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. - №9. – С. 67-79.
14. Руновский А.В. Дифференциация уголовно-процессуальных форм досудебного производства по делам публичного обвинения: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – 277 с.
15. Славгородских А.А. УПФ и ее значение в обеспечении судебной защиты в российском досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. – Оренбург, 2008. – 196 с.
16. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. I. – М.: Наука. 1968. – 468 с.
17. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. Том 4. Р-Я. / В.И. Даль – М.: РИПОЛ Классик, 2006. – 672 с.
18. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): учебник для вузов / под ред. Э.К. Кутуева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. – 530 с.
19. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2009. – 1072 с.
20. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2007. – 704 с.
21. Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М.: Изд-во «Юридическая литература», 1981. – 144 с.

References:

1. Azarov V.A., Boyarskaya A.V. UPF: concept, properties, system // Bulletin of Tomsk State University. Pravo, 2020, No. 37, pp. 5-20.
2. Alekseev I.M. And again about the concept of UPF // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 4. pp. 84-87.
3. Akhmatov A.V. Theoretical approaches to the definition of legality // Scientific Proceedings of the Russian Academy of Advocacy and Notariate. – 2020. – № 3 (58). – Pp. 26-33.
4. Great Legal Encyclopedia // URL: <https://gufo.me/dict/bse/Форма> (date of request: 07/10/2025).
5. Velikiy D.P. Unity and differentiation of the UPF: history, modernity, prospects: dissertation of the Candidate of Law Sciences. – M., 2001. – 211 p.
6. Gimazetdinov D.R. UPF: general theoretical, regulatory and law enforcement analysis: dissertation of the Candidate of Law Sciences. Izhevsk, 2013. 236 p. (in Russian)
7. Gorshenev V.M. Theory of legal process. Kharkiv, 1985. 192 p.
8. Guseva I.I., Zubkov V.N. The concept and content of UPF // MODERN SCIENCE. 2020. – No. 8. – pp. 133-137.
9. Kesaeva M.S. Problems of harmonization of criminal procedural guarantees of individual rights and differentiation of forms of pre-trial proceedings in criminal cases: dissertation of the Candidate of Law Sciences. – Nizhny Novgorod, 2017. – 237 p.
10. Lantukh N.V. UPF: the concept, its unity and differentiation: a chapter in a textbook // Criminal procedure law (Criminal procedure): textbook for universities / ed. by E.K. Kutuev. – 3rd ed., reprint. and additional – Moscow; Berlin: Direct-Media, 2020. – 530 p.
11. Makogon B.V. Procedural and restrictive regulation of public legal relations: abstract of the dissertation. ... doct. jurid. sciences'. – Belgorod, 2019. – 51 p.
12. Pogorelsky A.A. Content, meaning and differentiation of the UPF // Legal science and law enforcement practice. – 2021. – № 1 (55). – Pp. 82-89.
13. Rossinsky S.B. UPF: essence, problems, trends and prospects of development // Actual problems of Russian law. – 2020. – Vol. 15. - No. 9. – pp. 67-79.
14. Runovskiy A.V. Differentiation of criminal procedural forms of pre-trial proceedings in cases of public prosecution: dissertation of the Candidate of Law Sciences – M., 2012. – 277 p.
15. Slavgorodskikh A.A. UPF and its importance in ensuring judicial protection in Russian pre-trial proceedings: dissertation of the Candidate of Law Sciences. – Orenburg, 2008. – 196 p.
16. Strogovich M.S. The course of the Soviet criminal process. T. L. – M.: Nauka. 1968. – 468 p.
17. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 volumes. Volume 4. R-Ya. / V.I. Dahl – M.: RIPOL Classic, 2006. – 672 p.
18. Criminal procedure law (Criminal procedure): textbook for universities / ed. by E.K. Kutuev. – 3rd ed., reprint. Moscow; Berlin: Direct-Media, 2020. 530 p.
19. Criminal Procedural Law of the Russian Federation: textbook / ed. by P.A. Lupinskaya. – 2nd ed., revised and add. – M.: Norma, 2009. – 1072 p.
20. Criminal procedure: textbook / A.V. Smirnov, K.B. Kalinovskiy; under the general editorship of prof. A.V. Smirnov. – 3rd ed., reprint. and add. – M.: KNORUS, 2007. – 704 p.
21. Yakub M.L. Procedural form in Soviet criminal proceedings. Moscow: Publishing house "Legal literature", 1981. 144 p.

НАУЧНЫЙ ВКЛАД ПРОФЕССОРА В.А. ЛУКАШОВА В РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ SCIENTIFIC CONTRIBUTION OF PROFESSOR V.A. LUKASHOV TO THE DEVELOPMENT OF THE THEORY OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES

ИВАНОВ Пётр Иванович,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный профессор Академии управления МВД России, главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России. 125171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8 корп. 1.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru;

IVANOV Pyotr Ivanovich,

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chief Researcher of the Department for the Study of Problems of Sectoral Management of the Research Center Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 125171, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8 building 1.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

Краткая аннотация: в настоящей статье нами приведено воспоминание о профессоре Академии МВД СССР – основоположнике теории ОРД, В.А. Лукашове¹, внесшего большой вклад в становление и развитие системы научных идей, отражающих закономерности развития оперативно-розыскной работы органов внутренних дел как разновидности правоохранительной деятельности. Концептуальные положения, разработанные с непосредственным участием В.А. Лукашова, и сегодня являются основополагающими при принятии мер по совершенствованию законодательных и ведомственных нормативных правовых актов, регулирующих ОРД, ее теории и практики, форм и методов реагирования на случай осложнения оперативной обстановки по линии уголовного розыска² [2; 3; 6; 7; 10; 11; 13; 14]. Мы стремимся бережно относиться к богатому наследию наших предшественников [25; 26; 27; 28; 29], их советам как наставников. Со своей стороны считаем, что высказанных ими напутствий «растранжирить» по не сложным пониманию вопросам не стоит. Профессор В.А. Лукашов для меня является, наряду с научным консультантом, одним из немногих ученых, оказавших помощь, несмотря на свою загруженность и занятость, чтобы я наконец-то состоялся доктором юридических наук по научной специальности уголовно-правового цикла [5], за что ему весьма признателен и благодарен. Автор настоящей статьи не ставит перед собой цель полностью охватить в ее рамках многогранную деятельность выдающегося ученого – юриста В.А. Лукашова [4], поскольку она заслуживает отдельного рассмотрения в последующих работах. Мы остановились лишь на его научной деятельности, связанной, в частности, с подготовкой организационно-тактических схем раскрытия особо опасных преступлений, совершенных организованной преступной группой (преступным сообществом). Разумеется, эта небольшая частица из его жизни.

Abstract in this article, we recall a professor at the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, the founder of the theory of hordes, V.A. Lukashov, who made a great contribution to the formation and development of a system of scientific ideas reflecting the patterns of development of operational investigative work of law enforcement agencies as a type of law enforcement activity. Conceptual provisions developed with the direct participation of V.A. Today, they are fundamental in taking measures to improve the legislative and departmental regulatory legal acts governing the ORDO, its theory and practice, forms and methods of responding to a complication of the operational situation in the criminal investigation department. We strive to cherish the rich legacy of our predecessors and their advice as mentors. For our part, we believe that the parting words they expressed should not be "squandered" on issues that are not difficult to understand. For me, Professor V.A. Lukashov is, along with a scientific consultant, one of the few scientists who helped me, despite my workload and busy schedule, to finally get a Doctor of law degree in the scientific specialty of the criminal law cycle, for which I am very grateful and grateful. The author of this article does not set out to fully cover the multifaceted activities of the outstanding legal scholar V.A. Lukashov, as it deserves separate consideration in subsequent works. We have focused only on his scientific activities related, in particular, to the preparation of organizational and tactical schemes for the detection of particularly dangerous crimes committed by an organized criminal group (criminal community). Of course, this is a small part of his life.

Ключевые слова: Академия МВД СССР, Лукашов В.А., профессор, видный ученый, заслуженный юрист РФ, ветеран Великой Отечественной войны, основоположник теории ОРД.

Keywords: Academy of the USSR Ministry of Internal Affairs, V.A. Lukashov, professor, prominent scientist, Honored Lawyer of the Russian Federation, veteran of the Great Patriotic War, founder of the theory of hordes.

Для цитирования: Иванов П.И. Научный вклад профессора В.А. Лукашова в развитие теории оперативно-розыскной деятельности // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 408-412. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_408.

For citation: Ivanov V.I. Scientific contribution of Professor V.A. Lukashov to the development of the theory of operational investigative activities // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 408-412. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_408.

Статья поступила в редакцию: 09.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Готовя настоящую статью, мы, чтобы быть непредвзятым и беспристрастным к автобиографии профессора В.А. Лукашова, решили ознакомиться с так называемым документом «объективка» по последнему месту его службы. Изложение этапов ее прохождения и иные сведения нами взяты из указанного документа и других источников.

В целях создания удобства уяснения читателями жизни и деятельности профессора В.А. Лукашова мы решили условно разбить весь

¹ Лукашов Владимир Андреевич (24.02.1925 г. - 08.04.2000 г.) – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ. Человек и Ученый с большой буквы. Прошел путь от начальника отдела уголовного розыска до заместителя начальника Академии МВД СССР. В этом году мы справляем 100-летие со дня его рождения.

этот период на три этапа. Предлагая такой вариант, хотим сделать одну оговорку: мы в настоящей статье придерживались краткой автобиографии профессора В.А. Лукашова, составленной еще в 2006 г. О.А. Вагиным.

Итак, в рамках *первого этапа* хотим представить перечень событий, пережитых им в период его службы в органах внутренних дел, в их временной последовательности.

Второй этап мы включили краткую информацию, содержащую сведения о деятельности В.А. Лукашова как профессора - ученого.

Наконец, *третий этап* жизни и деятельности мы связываем с конкретным вкладом профессора В.А. Лукашова в науку.

Рассмотрим их вкратце с привязкой к конкретным фактам и событиям.

Первый этап насыщен ими будучи на службе в органах внутренних дел.

В рамках *первого этапа* представим перечень фактов и событий в их временной последовательности и они выглядят следующим образом.

С 1969 по 1972 г. он обучался в докторантуре ВШ МВД СССР.

Его кандидатская (1963 г.) и докторская (1972 г.) диссертации посвящены проблемам, связанным с деятельностью уголовного розыска.

С 1946 по 1956 г. – он оперативной работе в органах внутренних дел. Прошел путь от инспектора районного отдела внутренних дел до начальника отдела уголовного розыска.

Окончив в 1956 г. Высшую школу МВД СССР и имея к тому времени за плечами жизненный и боевой опыт военных лет, а также опыт 10 – летней послевоенной практической работы в органах внутренних дел, В.А. Лукашов перешел на работу в Высшую школу, где был преподавателем, а затем старшим преподавателем кафедры оперативно-розыскной деятельности (ОРД). В 1963 г. В.А. Лукашов был назначен начальником отдела методики и тактики борьбы с преступностью Научно-исследовательского института МВД РСФСР, а затем начальником отдела ВНИИ МВД СССР.

В 1968-1989 гг. – начальник отдела в штабе МВД СССР. С 1972 г. – начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел ВШ МВД СССР, а с 1974-1976 г. возглавил кафедру общей теории ОРД и управления оперативными аппаратами органов внутренних дел Академии МВД СССР. С 1976 по 1979 г. – заместитель начальника ВНИИ МВД СССР, с 1979 по 1983 г. – заместитель начальника Академии МВД СССР.

Второй этап мы включили краткую информацию, содержащую сведения о деятельности В.А. Лукашова как профессора - ученого.

Он был одним из ведущих ученых-юристов, основоположников теории оперативно-розыскной деятельности и управления оперативно-розыскными аппаратами органов внутренних дел. Он провел ряд крупных исследований правовых, организационных и тактических основ деятельности органов внутренних дел по предотвращению и раскрытию преступлений, организации и тактике розыскной работы, основам организации и проблемам совершенствования деятельности аппаратов уголовного розыска и других оперативных служб, теоретических, правовых, методологических проблем ОРД как научной и учебной дисциплины, организационно-методических и практических вопросов управления оперативно-розыскными аппаратами органов внутренних дел.

Наконец, *третий этап* жизни и деятельности мы связываем с конкретным вкладом профессора В.А. Лукашова в науку. В обобщенном виде он может быть представлен следующими данными.

Им опубликовано более 200 научных и учебно-методических трудов. В их числе такие известные монографические работы, как: «Розыск скрывшихся преступников» (1963); «Вопросы организации деятельности аппаратов уголовного розыска» (1969); «Изучение и оценка оперативной обстановки» (1975); «Введение в курс «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел»» (1976); «Управление оперативно-розыскными аппаратами органов внутренних дел» (1976 г.); «Розыскная работа органов внутренних дел» (1986 г.)²; «Управление оперативно-розыскными аппаратами органов внутренних дел» (1986 г.); многочисленные главы в учебниках и учебных пособиях по курсу «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел», изданных в 1966-1990 гг, а также пособия, лекции, статьи по отдельным проблемам ОРД.

В последние годы жизни В.А. Лукашов плодотворно исследовал концептуальные проблемы оперативно-розыскной деятельности криминальной милиции, участвовал в разработке законодательных и ведомственных нормативно-правовых актов по основным направлениям деятельности органов внутренних дел. Итогом этих и предшествующих исследований наряду с подготовкой проектов ряда правовых актов и концептуальных документов явились два пособия: «Теоретические, правовые и организационно-тактические основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел» (1995г.); «Совершенствование оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел» (1997г.), а также научно-практические комментарии к статьям Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», ряд научных статей, отражающих современные реалии борьбы с преступностью в постсоветской России.

В частности, О.А. Вагин, описывая краткую биографию профессора В.А. Лукашова, всячески старался оттенить его становление как ученого-юриста, показав поэтапно проведенную им научно-исследовательскую работу, сопровождая ее результатами – значимыми для теории и практики ОРД трудами. Как нам представляется, такой подход весьма полезен для начинающих кандидатов, твердо решивших вплотную занять-

¹ Учитывая теоретические, правовые и организационно-тактические основы теории ОРД, разработанные не без непосредственного участия профессора В.А. Лукашова, с учетом совокупности факторов, влияющих на состояние борьбы с общеуголовной преступностью, нами подготовлены ряд научных статей, которые представлены научной общественности.

² Учебное пособие «Розыскная работа оперативных аппаратов органов внутренних дел» В.А. Лукашовым было подготовлено в соавторстве с профессором В.М. Аتماжировым, наброски которого легли в качестве основы разработки двух Инструкций, связанных с организацией и тактикой розыскной работы.

ся научно-исследовательской работой, одновременно не отрываясь от службы в органах внутренних дел. Пример к тому – это наш уважаемый нами профессор.

В.А. Лукашов, будучи на различных должностях на практике, всегда вспоминал слова легендарного полководца А. Суворова: *«теория без практики мертва, практика без теории слепа»*. Сегодня они, в несколько обновленном виде, звучат: «нет ничего практичнее, чем хорошая теория». Здесь мы усматриваем особую значимость, в частности, теории оперативно-розыскной деятельности как науки.

Профессор В.А. Лукашов, развивая вышеуказанную мысль, считал, что неотъемлемой частью предмета теории познания явлений и процессов выступают прежде всего его закономерности¹, носящие всеобъемлющий и разноплановый характер. Выделим применительно к деятельности уголовного розыска некоторые наиболее часто проявляющиеся *закономерности*: причинно-следственные связи механизма образования оперативно значимой информации; отношения, которые, исходя из оперативно-тактической ситуации, возникают при применении оперативно-розыскных сил, средств, методов и мероприятий; правоприменительная практика, осуществляемая с учетом имеющихся в распоряжении оперативно-розыскных аппаратов органов внутренних дел форм и методов борьбы с общеуголовной преступностью. Отметим, что эти теоретические постулаты не без учета общей теории права «перекочевали» в теорию ОРД как науку.

Межотраслевые связи общей теории права и ОРД хорошо просматриваются через формирование юридической терминологии. Еще профессор В. А. Лукашов неоднократно говорил о преемственности в праве, подчеркивая ее роль в развитии любой отрасли знания, поскольку посредством данной категории происходит взаимное обогащение наук. Как нам представляется, преемственность служит инструментом, определяющим межотраслевые связи. Говоря о преемственности в праве, мы невольно вспоминаем становление такой смежной его отрасли, как оперативно-розыскное право, появление которого во многом обусловлено принятием Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Дальнейшее его развитие, на наш взгляд, немыслимо без учета нововведений общей теории права, о ее динамичности неоднократно писал профессор В. А. Лукашов. В этой связи логично предположить, что общие закономерности, присущие теории права, характерны и для оперативно-розыскного права.

Многогранная его деятельность сочетается со сферой научных интересов. Он оставил нам огромное научное наследие в виде фундаментальных монографий, солидных и актуальных статей, рецензий и отзывов. Под его научным руководством изданы прекрасные учебники и учебные пособия, написаны и защищены докторские и кандидатские диссертации.

Организаторская его работа проявилась и в проведении различных научных форумов (научно-практических конференций, семинаров, круглых столов) по различным проблемам ОРД по линии УР [8; 9; 12; 13]. Широта научных интересов, стремление к овладению современными методами научных исследований, постоянный поиск новых путей решения актуальных проблем, опыт организаторской деятельности позволили ему создать научную школу, в которой плодотворно осуществлялись теоретико-прикладные научные исследования преимущественно в области ОРД и управления оперативно-розыскными аппаратами органов внутренних дел.

Подытоживая вышеизложенное, отметим следующее.

Во-первых, ознакомившись с «объективкой» В.А. Лукашова, восхищаешься и одновременно задумываешься над тем, какие же высококлассные (квалифицированные) специалисты в то время пополняли ряды ордэшников [15], прославляя оперативно-розыскные аппараты органов внутренних дел. Думается, что вряд ли мог встать на повестку дня вопрос о некомплекте кадров и ресурсов. Судя по работам В.А. Лукашова, самые насущные проблемы, связанные со своевременным выявлением и раскрытием общеуголовных преступлений, стали предметом научной проработки с целью разработки по ее результатам методических рекомендаций и предложений по совершенствованию форм и методов ОРД.

Во-вторых, при углубленном исследовании (познании) социально-правовых явлений и процессов по их недопущению, как утверждали ученые, следует исходить из следующих постулатов²: установленных закономерностей теории познания и отражения³; существующих на практике проблем, требующих разрешения с учетом объективно существующих условий и совокупности факторов, оказывающих на них влияние; научного понимания роли и места реальной практики как критерии истины и движущей силы научного познания, определяющей в конечном счете «портфель заказов», в частности, оперативных подразделений МВД России.

При этом, на наш взгляд, концептуальным положением является то, что познание немыслимо и невозможно без установления истинных знаний. Не бывает познания ради самого процесса познания, оно должно преследовать конкретную цель, в данном случае – отыскание истины. Любая наука, в том числе оперативно-розыскная, ориентирована на получение объективной истины, достигаемой научными формами и методами познания. В связи с этим ученые утверждали, что материалистическое учение о познаваемости явлений и процессов присуще и к теории ОРД. Иными словами, теория познания является универсальным ключом для установления обстоятельств совершенного преступления, поскольку требование установления объективной истины основывается на объективных закономерностях познания объективного мира.

В-третьих, профессор В.А. Лукашов, обладая энциклопедическим объемом знаний в области теории и практики ОРД, сделался для коллег и соратников непререкаемым арбитром в разрешении различных научных споров. В нем, кто его хорошо знал, всегда подчеркивали ин-

¹ Под закономерностью профессор В.А. Лукашов понимал объективно существующие, необходимые, устойчивые, существенные, постоянно повторяющиеся взаимосвязи между противоправными деяниями и факторами, способствующими их распространению.

² Под постулатом нами понимается положение или принцип научной теории, принятый в качестве исходного и недоказуемый в ее рамках. В логике и методологии науки понятие постулата обычно тождественно понятию «аксиома». Постулировать — значит принимать исходное положение без доказательств.

³ Немаловажным является учет философских законов и категорий. Укажем основные из них, это: познаваемость социальных явлений, единство и борьба противоположностей, переход количества в качество, причинность и следствие. Благодаря указанным законам представляется возможным глубже проникнуть в сущность явлений и процессов.

теллигентность, доброжелательность, преданность профессии, требовательность к себе и другим.

Великий Ученый с большой буквы. Будучи основоположником теории ОРД, приумножил ее авторитет как относительно самостоятельной науки. Отдаем дань восхищения этому человеку, сумевшему в столь противоречивое время сохранить верность своему профессиональному долгу. На наш взгляд, он счастливый и везучий, поцелованный Богом. Такие люди, как В.А. Лукашов, рождаются один раз в 100 лет.

Принимая во внимание высокую степень заслуг профессора В.А. Лукашова как главы и основоположника теории оперативно-розыскной деятельности, мы выделяем (причисляем) его от других профессий высоким «званием» патриарх, что, на наш взгляд, соответствует реальному трудовому вкладу в науку.

Популяризация подобного образа, безусловно, будет способствовать повышению престижа оперативно-розыскной науки и профессии ученого. При этом мы исходим из следующего: достижения предшественников должны передаваться из поколения в поколение, чтобы сохранить и воспроизводить их, создавая условия для расширения границ последующих исследований современных актуальных проблем, связанных с противодействием преступности, совершаемых прежде всего с использованием информационно-коммуникационных технологий. Следует особо отметить работу П.И. Иванова со своими учениками, в частности научным сотрудником научно-исследовательского центра Академии управления МВД России Ишиным Иваном Анатольевичем, который в должной мере впитал идеалы профессора, а также подготовил ряд научных статей под его руководством высоко оцененных научным сообществом [16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24].

Память о профессоре В.А. Лукашове навсегда останется с нами¹.

Мы убеждены в том, что опыт и его мудрость будут и впредь на протяжении еще многих лет служить интересам науки и образования.

Светлая память о замечательном человеке и выдающемся ученом и его вкладе в развитие оперативно-розыскной науки навсегда сохраняется в наших сердцах.

Список литературы:

1. Дементьев А.Д. Не смейте забывать учителей, 1967 г. URL: <http://katun24.ru/projects/lyubi-mye-stihi/577496> (дата обращения: 10.04.2024).
2. Иванов П.И. Генезис уголовного розыска в России (XIX – нач. XX вв.) // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 8 (236). – С.274-278;
3. Иванов П.И. Деятельность по раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет (теоретико-прикладной аспект) // *Философия права* № 3 (102). 2022. С. 63-69;
4. Иванов П.И. Концептуальные основы формирования оперативно-розыскной политики: понятие, сущность и содержание // *Вестник Владимирского юридического института*. 2022. № 2(63). – С.26-33.
5. Иванов П.И. Кто он такой современный ученый? // *Право и государство: теория и практика*. 2025. № 2. С. 402-408.
6. Иванов П.И. Методологические основы построения теории оперативного поиска // *Вестник Дальневосточного юридического института МВД*. 2024, № 4 (69). – С.151-157.
7. Иванов П.И. О незаконной миграции (понятие, сущность и содержание) // *Вестник Уральского юридического института* 2024 №3 (43) С.135-141;
8. Иванов П.И. О противодействии наркопреступности // *Право и государство: теория и практика*. 2024, № 10 (238). – С.507-511;
9. Иванов П.И. Об «этнической организованной преступности» (понятия и источники её финансирования) // *Вестник Владимирского юридического института*. №1 (62). 2022. С. 45-51;
10. Иванов П.И. Оперативно-розыскная методика раскрытия торговли людьми // *Государственная служба и кадры*. 2023, №5. – С.219-222;
11. Иванов П.И. Оперативно-розыскное противодействие профессиональной преступности (вопросы теории и практики) // *Вестник Владимирского юридического института* 2024 №3 (73) С.59-66;
12. Иванов П.И. Оперативно-розыскное сопровождение расследования преступлений: понятие, сущность и содержание // *Вестник Владимирского юридического института* 2024 №2 (71) С.32-35.
13. Иванов П.И. Розыскная и идентификационная деятельность как единая система: точка зрения // *Вестник Уральского юридического института МВД России*, № 3 (39). 2023. С.154-158;
14. Иванов П.И. Сущностно-содержательная характеристика системы «Розыскная и идентификационная деятельность», ее структура // *Аграрное и земельное право*. – 2024. – №10 (238) С.347-350;
15. Иванов П.И. Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» 25 лет // *Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел Российской Федерации*. № 1. 2021. С. 157–168.
16. Ишин, А. М. Информационные аспекты в деятельности по раскрытию преступлений и расследованию уголовных дел в трудах И. М. Лузгина и Р. С. Белкина / А. М. Ишин, И. А. Ишин // *Криминалистика, уголовный процесс и судебная экспертиза в XXI веке: векторы развития* (к 70-летию кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России) : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции : в 3 ч., Москва, 25 апреля 2025 года. – Москва: Академия управления МВД России, 2025. – С. 269-276. – EDN EKGYCE.
17. Ишин, И. А. О некоторых аспектах противодействия незаконному обороту нефрита и янтаря / И. А. Ишин // *Аграрное и земельное право*. – 2024. – № 3(231). – С. 289-292. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_3_289. – EDN JCEYQP.
18. Ишин, И. А. О проведении оперативно-розыскных мероприятий при раскрытии правонарушений в сфере незаконного оборота полудрагоценных камней как правоприменительной формы реализации оперативно-розыскной политики / И. А. Ишин // *Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы* : Сборник научных трудов по материалам международной конференции (к 100-летию со дня рождения Н.А. Стручкова), Москва, 30 сентября 2022 года. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 344-349. – EDN EIPRZF.
19. Ишин, И. А. О совершенствовании мер оперативно-розыскного предупреждения преступлений в сфере незаконного оборота полудрагоценных камней / И. А. Ишин // *Академическая мысль*. – 2022. – № 2(19). – С. 41-43. – EDN IYCNUX.
20. Ишин, И. А. О совершенствовании правовой основы оперативно-розыскного противодействия незаконному обороту полудрагоценных камней / И. А. Ишин // *Уголовное право и оперативно-розыскная деятельность: проблемы законодательства, науки и практики* : Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Москва, 28–29 апреля 2022 года / Под редакцией Г.В. Щербакова, Г.С. Шкабина. Том Часть 2. – Москва: Федеральное казенное учреждение "Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации", 2022. – С. 34-38. – EDN XEKNIA.
21. Ишин, И. А. О состоянии оперативно-розыскного противодействия незаконному обороту полудрагоценных камней / И. А. Ишин // *Труды Академии управления МВД России*. – 2023. – № 1(65). – С. 156-163. – DOI 10.24412/2072-9391-2023-165-156-163. – EDN FDYLFV.
22. Ишин, И. А. Применение беспилотных летательных аппаратов для выявления и документирования преступлений и правонарушений в сфере незаконного оборота янтаря и нефрита / И. А. Ишин // *Пробелы в российском законодательстве*. – 2025. – Т. 18, № 2. – С. 116-121. – EDN OIHNNH.
23. Ишин, И. А. Совершенствование подготовки сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел, задействованных в противодействии незаконному обороту полудрагоценных камней / И. А. Ишин // *Международный форум молодых ученых* : Сборник статей Международной научно-практической конференции, Москва, 01–02 декабря 2021 года. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 98-101. – EDN IDATEA.
24. Ишин, И. А. Факторы, влияющие на состояние оперативно-розыскного противодействия незаконному обороту янтаря и нефрита / И. А. Ишин // *Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова*. – 2025. – № 1(102). – С. 212-217. – EDN HRPTAF.
25. Кафедра организации оперативно-розыскной деятельности: история и современность: книга. Под редакцией профессора В.М. Атажитова. – М., 2006. – 209 с.
26. Лукашов В.А. Введение в курс «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел». – Киев, Киевская высшая школа МВД СССР, 1974;
27. Лукашов В.А. Организация взаимодействия оперативно-розыскных аппаратов органов внутренних дел. – Омск, Омская высшая школа милиции МВД СССР, 1982;

¹ Дементьев А.Д. Не смейте забывать учителей, 1967 г. URL: <http://katun24.ru/projects/lyubi-mye-stihi/577496> (дата обращения: 10.04.2024).

28. Лукашов В.А. Организация и методика информационно-аналитической работы в сфере оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. - Омск, Омская высшая школа милиции МВД СССР, 1983;
29. Лукашов В.А. Планирование работы оперативно-розыскных аппаратов. - М.: Академия МВД СССР, 1974;

References:

1. Dementyev A.D. Don't you dare forget the teachers, 1967. URL: <http://katun24.ru/projects/lyubi-mye-stihi/577496> (accessed: 04/10/2024).
2. Ivanov P.I. The genesis of criminal investigation in Russia (XIX – early XX century) // Agrarian and land law. 2024. No. 8 (236). – pp.274-278;
3. Ivanov P.I. Activities for the disclosure and investigation of crimes of previous years (theoretical and applied aspect) // Philosophy of Law No. 3 (102). 2022. pp. 63-69;
4. Ivanov P.I. Conceptual foundations of the formation of operational investigative policy: concept, essence and content // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2022. No. 2(63). pp.26-33.
5. Ivanov P.I. Who is he a modern scientist? // Law and the State: theory and practice. 2025. No. 2. pp. 402-408.
6. Ivanov P.I. Methodological foundations of the theory of operational search // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs. 2024, № 4 (69). – Pp.151-157.
7. Ivanov P.I. On illegal migration (concept, essence and content) // Bulletin of the Ural Law Institute 2024 No. 3 (43) pp.135-141;
8. Ivanov P.I. On countering drug crime // Law and the State: theory and practice. 2024, No. 10 (238), pp.507-511;
9. Ivanov P.I. On "ethnic organized crime" (concepts and sources of its financing) // Bulletin of the Vladimir Law Institute. No. 1 (62). 2022. pp. 45-51;
10. Ivanov P.I. Operational investigative methodology for the disclosure of human trafficking // Civil service and personnel. 2023, No. 5. – pp.219-222;
11. Ivanov P.I. Operational-investigative counteraction to professional crime (issues of theory and practice) // Bulletin of the Vladimir Law Institute 2024 No. 3 (73) pp.59-66;
12. Ivanov P.I. Operational investigative support of crime investigation: concept, essence and content // Bulletin of the Vladimir Law Institute 2024 No. 2 (71) pp.32-35.
13. Ivanov P.I. Investigative and identification activities as a single system: a point of view // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, No. 3 (39). 2023. C154-158;
14. Ivanov P.I. Essential and substantive characteristics of the system "Search and identification activities", its structure // Agrarian and land law. – 2024. – №10 (238) Pp.347-350;
15. Ivanov P.I. The Federal Law "On operational investigative activities" is 25 years old. // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. No. 1. 2021. pp. 157-168.
16. Ishin, A.M. Information aspects in crime detection and investigation activities in the works of I. M. Luzgin and R. S. Belkin / A.M. Ishin, I. A. Ishin // Criminalistics, criminal procedure and forensic expertise in the 21st century: development vectors (on the 70th anniversary of the Department of Management of Investigative Bodies proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia): collection of scientific articles based on the materials of the international scientific and practical conference : at 3 a.m., Moscow, April 25, 2025. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. – pp. 269-276. – EDN EKGyce.
17. Ishin, I. A. On some aspects of countering the illegal trafficking of jade and amber / I. A. Ishin // Agrarian and land law. – 2024. – № 3(231). – Pp. 289-292. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_3_289. – EDN JCEYPQ.
18. Ishin, I. A. On conducting operational investigative measures in the detection of offenses in the field of illicit trafficking in semiprecious stones as a law enforcement form of implementing operational investigative policy / I. A. Ishin // Criminal policy of Russia at the present stage: status, trends, prospects : A collection of scientific papers based on the materials of the international conference (k 100- anniversary of N.A. Struchkov's birth), Moscow, September 30, 2022. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. – pp. 344-349. – EDN EIPRZF.
19. Ishin, I. A. On improving measures for the operational and investigative prevention of crimes in the field of illicit trafficking in semiprecious stones / I. A. Ishin // Academic Thought. – 2022. – № 2(19). – Pp. 41-43. – EDN IYCNUX.
20. Ishin, I. A. On improving the legal framework for operational investigative counteraction to illicit trafficking in semiprecious stones / I. A. Ishin // Criminal law and operational investigative activities: problems of legislation, science and practice : Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 28-29, 2022 / Edited by G.V. Shcherbakov, G.S. Shkabin. Volume Part 2. Moscow: Federal State Institution "Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation", 2022. pp. 34-38. – EDN XEKNIA.
21. Ishin, I. A. On the state of operational-investigative counteraction to the illegal trafficking of semiprecious stones / I. A. Ishin // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1(65). – Pp. 156-163. – DOI 10.24412/2072-9391-2023-165-156-163. – EDN FDYLFV.
22. Ishin, I. A. The use of unmanned aerial vehicles to identify and document crimes and offenses in the field of illicit trafficking in amber and jade / I. A. Ishin // Gaps in Russian legislation. – 2025. – Vol. 18, No. 2. – pp. 116-121. – EDN OIHHNH.
23. Ishin, I. A. Improving the training of employees of operational units of the internal affairs bodies involved in countering the illegal trafficking of semiprecious stones / I. A. Ishin // International Forum of Young Scientists : Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, December 01-02, 2021. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. – pp. 98-101. – EDN IDATEA.
24. Ishin, I. A. Factors influencing the state of operational investigative counteraction to the illegal trafficking of amber and jade / I. A. Ishin // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. – 2025. – № 1(102). – Pp. 212-217. – EDN HRPATF.
25. Department of organization of operational investigative activities: history and modernity: a book. Edited by Professor V.M. Atmazhitov, Moscow, 2006– 209 p.
26. Lukashov V.A. Introduction to the course "Operational investigative activities of internal affairs bodies". – Kiev, Kiev Higher School of the USSR Ministry of Internal Affairs, 1974;
27. Lukashov V.A. Organization of interaction of operational-investigative apparatuses of internal affairs bodies. Omsk, Omsk Higher School of Militia of the USSR Ministry of Internal Affairs, 1982;
28. Lukashov V.A. Organization and methodology of information and analytical work in the field of operational investigative activities of internal affairs bodies. Omsk, Omsk Higher School of Militia of the USSR Ministry of Internal Affairs, 1983;
29. Lukashov V.A. Planning the work of operational investigative units. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1974;

РОЛЬ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВОПОРЯДКА THE ROLE OF OPERATIONAL UNITS OF PRE-TRIAL DETENTION FACILITIES IN ENSURING LAW AND ORDER

МОИСЕЕВ Николай Дмитриевич,

Доцент института Академии ФСИН России от кафедры оперативно-розыскной деятельности
кандидат юридических наук, доцент (Академия ФСИН России, г. Рязань).

390000, Россия, г. Рязань, Сенная ул., 1.

E-mail: schatun82@mail.ru;

ПАВЛОВА Елена Дмитриевна,

Старший преподаватель-методист
факультета профессионального обучения и дополнительного профессионального образования
(Университет ФСИН России, г. Пушкин, г. Санкт-Петербург).

196602, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Сапёрная ул., 34.

E-mail: schatun82@mail.ru;

MOISEEV Nikolai Dmitrievich,

associate Professor of the Department of operational-search activity candidate of law,
associate Professor (Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia).

1 Sennaya St., Ryazan, 390000, Russia.

E-mail: schatun82@mail.ru;

PAVLOVA Elena Dmitrievna,

senior lecturer-methodologist faculty of vocational training and additional vocational education
(University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Pushkin, St. Petersburg).

196602, Russia, St. Petersburg, Pushkin, Sapernaya St., 34.

E-mail: schatun82@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с деятельностью оперативных подразделений следственных изоляторов по обеспечению правопорядка. Проведен анализ их деятельности, в частности вопросы, связанные с возложенными на рассматриваемые подразделения задачами. Рассматриваются вопросы взаимодействия с другими структурными подразделениями следственных изоляторов, а также иными органами, осуществляющими правоохранительную деятельность, в целях обеспечения правопорядка. Проведен краткий анализ лиц, от которых можно ожидать совершения правонарушения на территории следственного изолятора.

Abstract: The article discusses issues related to the activities of operational units of pre-trial detention centers in ensuring law and order. It analyzes their activities, including the tasks assigned to these units. The article also examines the interaction between these units and other law enforcement agencies in order to ensure law and order. It provides a brief analysis of individuals who may commit offenses in pre-trial detention centers.

Ключевые слова: Следственные изоляторы, оперативные подразделения, правопорядок, запрещенные предметы, правонарушение, преступление, изоляция, задачи оперативных подразделений.

Keywords: Detention centers, law enforcement agencies, law and order, prohibited items, offenses, crimes, isolation, tasks of law enforcement agencies.

Для цитирования: Моисеев Н.Д., Павлова Е.Д. Роль оперативных подразделений следственных изоляторов в обеспечении правопорядка // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 413-415. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_413.

For citation: Moiseev N.D., Pavlova E.D. The role of operational units of pre-trial detention facilities in ensuring law and order // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 413-415. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_413.

Статья поступила в редакцию: 31.07.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Право на свободу является основополагающим правом человека. Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права и международных договоров Российской Федерации допускают возможность ограничения права на свободу лишь в той мере, в какой оно необходимо в определенных законом целях и в установленном законом порядке. Характер исполнения заключения под стражу в условиях следственного изолятора императивно влечет ограничение ряда прав и свобод подозреваемого или обвиняемого, в том числе конституционных[1, с.182]. Ограничения прав и свобод могут быть оправданы публичными интересами, если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются пропорциональными, соразмерными и необходимыми для целей защиты конституционно значимых ценностей. В настоящее время статьей 108 Уголовно-процессуального кодекса РФ предусмотрена мера пресечения в виде заключения под стражу, которая очевидно ограничивает право на свободу подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления. Такую меру пресечения исполняют следственные изоляторы.

На сегодняшний день следственные изоляторы выступают как полифункциональные пенитенциарные учреждения, которые обеспечивают содержание под стражей подозреваемых и обвиняемых, а также исполняют функции исправительного учреждения [2, с. 76] .

Решение задач, возложенных на следственные изоляторы, невозможно без реализации такой функции как обеспечение правопорядка, законности, безопасности подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, осужденных, а также персонала, должностных лиц и граждан, находящихся на территории следственного изолятора. Ключевая роль в обеспечении правопорядка в следственных изоляторах принадлежит всем его подразделениям, в частности оперативным. Оперативно-розыскное предупреждение строится на криминологической профилактике с той лишь разницей, что в оперативно-розыскной профилактике возможно применения негласных методов и средств [3, с. 24]. Деятельность

оперативных подразделений по предупреждению и раскрытию преступлений заключается в осуществлении ими комплекса мер негласного и гласного характера, реализуемых с использованием сил, средств и методов в следующих направлениях: выявление причин и условий нарушения подозреваемыми и обвиняемыми, осужденными, установленного порядка содержания, совершения преступлений, принятие мер общей и индивидуальной профилактики; выявление лиц, склонных к созданию межличностных конфликтов, совершению криминальных деяний; выявление источников и каналов поступления запрещенных предметов; взаимодействие с правоохранительными органами в целях предупреждения и раскрытия преступлений. Профилактика нарушений установленного порядка содержания под стражей подозреваемыми и обвиняемыми в совершении преступлений, осужденными, оперативные подразделения должны предусматривать организацию системы оперативного и профилактического учета, целенаправленный сбор информации упреждающего характера, получение из различных источников сведений о лицах склонных к совершению противоправных деяний. Это обеспечивает своевременное реагирование на изменение оперативной обстановки или отклонениях, в поведении лиц, поставленных на профилактический учет. Оперативное обеспечение должно быть направлено на выявление личностных особенностей склонных к совершению преступлений, характер взаимоотношений внутри криминальной среды, фиксируются поступки, косвенно указывающие на возникновение преступного замысла, подготовку к совершению преступлений, что является неременным условием их предупреждения. Оперативные подразделения следственных изоляторов в целях профилактики противоправного поведения подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, осужденных должны осуществлять качественное оперативное обслуживание на всех объектах их нахождения. Используя гласные и негласные методы, сотрудники оперативных подразделений следственных изоляторов должны осуществлять сбор информации, необходимой для разработки профилактических мероприятий. В этих целях они должны: контролировать прибытие лиц в следственный изолятор; изучать процессы, происходящие в их среде; осуществлять оперативный контроль за лицами, состоящими на профилактическом учете; обеспечивать необходимой информацией сотрудников, которые могут ее реализовать в целях предупреждения преступлений; ставить на профилактический учет лиц, склонных к совершению преступлений. Оперативные подразделения должны осуществлять мероприятия по нейтрализации криминогенных явлений и процессов, которые приводят к совершению преступлений, выявлять: лидеров и членов группировок отрицательной направленности; организаторов и участников азартных игр; лиц, находящихся в долговых зависимостях; лиц состоящих в конфликтных отношениях; источники и каналы поступления наркотических средств и психотропных веществ; каналы связей с криминалитетом, находящимся на свободе; неслужебные связи сотрудников; недостатки в организации надзора, охраны пропускного режима, несения службы. Эти структурные подразделения следственных изоляторов должны осуществлять координацию деятельности других структурных подразделений, в целях профилактики преступлений, организуют систему обмена информацией, имеющей значение для их предупреждения. Такая система взаимодействия должна базироваться на следующих принципах: определение функционального механизма обмена информацией между субъектами, которые располагают профессиональными возможностями ею владеть; анализ информации, имеющей значение для предупреждения преступлений; выявление проблем, обуславливающих криминогенность, связанную с совершением преступлений; разработка мер профилактического характера; внесение соответствующих предложений начальнику следственного изолятора для координации профилактического процесса. Сотрудники оперативных подразделений следственных изоляторов должны выявлять лиц и факты, представляющие оперативный интерес. Нейтрализуя причины и условия, способствующие совершению преступлений, применяют к подозреваемым, обвиняемым, осужденным меры оперативно-профилактического воздействия. Оперативные работники следственных изоляторов, должны проводить работу в масштабе, обеспечивающем стабильность оперативной обстановки, правопорядок. В необходимых случаях, когда имеются обоснованные данные о подготовке к совершению преступления, а для его пресечения обязательно проведение комплекса мероприятий оперативно-розыскного и другого характера, они должны реализовываться во взаимодействии с сотрудниками других структурных подразделений. Эффективно организованная оперативно-розыскная работа в следственном изоляторе способствует более широкому использованию в предупреждении преступлений средств и методов оперативно-профилактического воздействия, позволяющих осуществлять раннее предупреждение преступлений путем своевременной коррекции поведения лиц, от которых можно ожидать совершения преступлений, устранение либо нейтрализация действующих на данных лиц факторов. Это достигается проведением мероприятий общей и индивидуальной профилактики с использованием мер оперативно-розыскного характера. Реализация оперативно-розыскных мероприятий создает для оперативных подразделений более широкие возможности для эффективного осуществления предупредительной работы. Деятельность оперативных подразделений следственных изоляторов должна быть ориентирована на создание упреждающей информационной системы, включающей в себя сбор криминологической информации, используемой для оперативного прогноза, профилактики и пресечений криминогенных и криминальных явлений в среде подозреваемых, обвиняемых, осужденных, могущих привести к совершению преступлений. Они обязаны целенаправленно проводить работу по получению информации, о лицах из числа кандидатов для перевода на работу на объектах, расположенных за пределами следственных изоляторов. Информацию необходимо тщательно обрабатывать, анализировать и докладывать руководству учреждения. Во взаимодействии с сотрудниками других структурных подразделений должны вести работу среди указанной категории лиц, по выявлению среди них склонных к побегу. В оперативных отделах следственных изоляторов должна накапливаться информация о лицах с криминальным риском. К ним можно отнести: склонных к побегу; склонных к совершению преступлений против личности; склонных к установлению т.н. «воровских традиций»; склонных к противодействию персоналу; склонных к нападению на сотрудников; склонных к захвату заложников. Необходимо отметить, что организация оперативно-розыскной деятельности в следственных изоляторах по обеспечению правопорядка осложняется тем, что состав лиц, содержащихся в них, отличается повышенной криминогенностью. В их среде доминируют неоднократно судимые, хорошо информированные о методах оперативно-розыскной деятельности, имеющие достаточно устойчивые связи с криминальными структурами вне мест изоляции от общества.

Резюмируя вышеизложенное, хотелось бы отметить доминирующую роль оперативных подразделений следственных изоляторов в обеспечении правопорядка. Однако, вполне очевидно, что несмотря на широкий спектр сил и средств применяемых оперуполномоченными в целях предотвращения правонарушений на территории следственных изоляторов и за их пределами, максимальный «коэффициент полезного действия» будет достигнут только во взаимодействии не только с другими подразделениями учреждений, но и правоохранительными органами в чьи задачи входит обеспечение правопорядка.

Список литературы:

1. Казак, И. Б. Проблема наличия элемента кары при исполнении меры пресечения в виде заключения под стражу / И. Б. Казак, Н. Д. Моисеев, П. А. Павлов // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 3(183). – С. 182-183. – EDN SHQITK.
2. Сагарян, А. В. Следственный изолятор -полифункциональное учреждение системы ФСИН России / А. В. Сагарян // Закон и право. – 2014. – № 1. – С. 75-78. – EDN RWQKVD.
3. Зиньков, Е. Н. Организация деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы по предупреждению преступлений и правонарушений / Е. Н. Зиньков // Вестник Самарского юридического института. – 2018. – № 5(31). – С. 20-26. – EDN YRJFRB.

References:

1. Kazak. I. B. Problema nalichiya elementa kary pri ispolnenii mery presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu / I. B. Kazak. N. D. Moiseyev. P. A. Pavlov // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2020. – № 3(183). – S. 182-183. – EDN SHQITK.
2. Sagaryan. A. V. Sledstvennyy izolyator -polifunktionalnoye uchrezhdeniye sistemy FSIN Rossii / A. V. Sagaryan // Zakon i pravo. – 2014. – № 1. – S. 75-78. – EDN RWQKVD.
3. Zinkov. E. N. Organizatsiya deyatelnosti operativnykh podrazdeleniy ugovovno-ispolnitelnoy sistemy po preduprezhdeniyu prestupleniy i pravonarusheniy / E. N. Zinkov // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2018. – № 5(31). – S. 20-26. – EDN YRJFRB.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_416

УДК 343

АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРАКТИК И МЕТОДИК БОРЬБЫ С ИНФОРМАЦИОННЫМ ЭКСТРЕМИЗМОМ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ ANALYSIS OF REGIONAL PRACTICES AND METHODS OF COMBATING INFORMATION EXTREMISM AMONG YOUNG PEOPLE

АЙСХАНОВА Екатерина Султановна,

И. о. зав. к.э.н. доцент кафедры «Уголовное право, процесс и национальная безопасность»
Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова.
364907, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Шерипова, 32.
E-mail: k-a-2011@mail.ru;

КОВРАЕВ Рохман Хамзатович,

магистрант юридического факультета кафедры «Уголовное право, процесс и национальная безопасность»
Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова.
364907, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Шерипова, 32.
E-mail: kovraev 95@mail.ru;

AISKHANOVA Ekaterina Sultanovna,

Acting Head, PhD in Economics, Associate Professor Department of Criminal Law, Process and National Security
Akhmad Kadyrov Chechen State University.
32 Sheripova str., Grozny, Russia, 364907, Chechen Republic.
Grozny, Russia
E-mail: k-a-2011@mail.ru;

KOVRAEV Rokhman Khamzatovich,

Master's Student, 3rd Year, Faculty of Law Department of Criminal Law, Process and National Security
Akhmad Kadyrov Chechen State University.
32 Sheripova str., Grozny, Russia, 364907, Chechen Republic.
E-mail: kovraev95@mail.ru

Работа выполнена при поддержке Минобрнауки РФ (FEGS-2024-0017)

Краткая аннотация: Наибольшую обеспокоенность вызывает уязвимость молодого поколения перед лицом экстремистского воздействия. В силу возрастных и психологических особенностей, ограниченного жизненного опыта и недостаточно сформированных навыков критического мышления, молодежь становится мишенью для манипуляций и идеологического давления со стороны радикальных структур.

В научной статье выделяется ключевой фактор, оказывающий негативное влияние на обеспечение информационной безопасности Российской Федерации — экстремизм среди молодежи. В условиях глобальных трансформаций и информационного перенасыщения пространство идеологии экстремизма становится одной из ключевых угроз для устойчивого развития и безопасности суверенных государств. Многообразие форм проявления данной идеологии, её высокая адаптивность к различным социальным условиям и значительный разрушительный потенциал делают проблему особенно актуальной в современном мире.

Возрастной диапазон от 15 до 35 лет характеризуется наибольшей восприимчивостью к протестным настроениям, что обусловлено как социально-экономическими факторами, так и поиском идентичности, характерным для данного жизненного этапа. Невыраженное или подавленное недовольство может трансформироваться в формы деструктивного поведения: рост ксенофобских установок, обострение межэтнических и межконфессиональных конфликтов, участие в радикальных сообществах.

Особую тревогу вызывают случаи вовлечения несовершеннолетних в деятельность экстремистских и террористических организаций. Подобные группы нередко действуют вне формального поля, используя методы психологического давления, вербовки и идеологической обработки. Молодые люди, попадая в такие сообщества, подвергаются риску совершения противоправных действий, угрожающих общественной безопасности и приводящих к тяжёлым социальным последствиям — вплоть до актов насилия, терактов и суицидов.

Таким образом, противодействие распространению экстремистской идеологии среди молодежи требует комплексного подхода: развития системы ранней профилактики, повышения уровня информационной грамотности, формирования устойчивых моральных и гражданских ориентиров, а также эффективной межведомственной координации на уровне государства и гражданского общества.

Данная проблематика имеет важное значение, новые подходы и совершенствования механизмов уголовно-правового регулирования для защиты молодежи от экстремизма.

Вывод из работы актуален для специалистов правового профиля, и представителей Федеральных органов исполнительной власти России, в компетенцию которых входит обеспечение информационной безопасности.

Ожидаемый результат заключается в широком применении научно обоснованных рекомендаций различными субъектами, занимающимися антиэкстремистской профилактикой, а также в распространении и внедрении представленных практик в практическую деятельность. Кроме того, предполагается разработка и внедрение инновационных форматов профилактики экстремизма среди молодежи.

Abstract: The greatest concern is the vulnerability of the younger generation to extremist influence. Due to age-related and psychological characteristics, limited life experience, and insufficiently developed critical thinking skills, young people become targets for manipulation and ideological pressure from radical groups.

This scientific article identifies a key factor negatively affecting the information security of the Russian Federation — extremism among youth. In the context of global transformations and information oversaturation, the spread of extremist ideology has become one of the major threats to the sustainable development and security of sovereign states. The diversity of its manifestations, its high adaptability to different social conditions, and its significant destructive potential make this problem particularly relevant in the modern world.

The age range of 15 to 35 years is characterized by the highest susceptibility to protest sentiments, driven by socio-economic factors as well as the search for identity typical of this stage of life. Unexpressed or suppressed dissatisfaction may transform into destructive behaviors, including increased xenophobic attitudes, escalation of interethnic and interfaith conflicts, and participation in radical communities.

Particular concern arises from the involvement of minors in extremist and terrorist organizations. Such groups often operate outside formal structures, using psychological pressure, recruitment, and ideological conditioning. Young people who join these communities face the risk of committing unlawful acts that threaten public safety and lead to severe social consequences, including acts of violence, terrorist attacks, and suicides.

Thus, countering the spread of extremist ideology among youth requires a comprehensive approach: developing early prevention systems, increasing information literacy, fostering stable moral and civic values, and ensuring effective interagency coordination at both the state and civil society levels.

This issue is of great importance, highlighting new approaches and improvements in criminal law regulation mechanisms to protect youth from extremism. The conclusions of this study are relevant for legal professionals and representatives of the federal executive authorities of Russia responsible for ensuring information security.

The expected outcome is the broad application of scientifically grounded recommendations by various entities engaged in anti-extremism prevention, as well as the dissemination and implementation of the proposed practices in practical activities. In addition, the development and introduction of innovative formats for preventing youth extremism are anticipated.

Ключевые слова: экстремизм, молодежь, информационная безопасность, противоправные действия, молодежная среда, профилактика.

Keywords: extremism, youth, information security, unlawful acts, youth environment, prevention.

Для цитирования: Айсханова Е.С., Ковраев Р.Х. Анализ региональных практик и методик борьбы с информационным экстремизмом в молодежной среде // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 416–418. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_416.

For citation: Aiskhanova E.S., Kovraev R.Kh. Analysis of regional practices and methods of combating information extremism among young people // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 416–418. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_416.

Статья поступила в редакцию: 03.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Борьба с экстремизмом представляет собой неотъемлемый элемент государственной политики в области обеспечения национальной безопасности. Данная деятельность осуществляется уполномоченными органами на основании нормативно-правовой базы, включающей широкий спектр федеральных, региональных и ведомственных актов, направленных на защиту общества от идеологически мотивированной угрозы.

Правовая основа противодействия экстремистской деятельности в Российской Федерации сформирована рядом ключевых документов. Центральное место занимает Конституция Российской Федерации, закрепляющая фундаментальные права и свободы граждан, а также основы государственного устройства. В уголовно-правовой плоскости борьба с экстремизмом регламентируется положениями Уголовного кодекса РФ. Специальным нормативным актом, определяющим принципы и механизмы противодействия экстремизму, является Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Существенное значение имеют также указы Президента Российской Федерации, в частности, Указ № 116 от 15 февраля 2006 года, а также нормативные документы субъектов Российской Федерации и ведомственные инструкции и регламенты.

Современный подход к обеспечению безопасности требует не только силового реагирования, но и эффективной профилактической работы. Одним из ключевых факторов успешного противодействия экстремизму является системная и научно обоснованная профилактика, ориентированная на работу с лицами, находящимися в зоне риска идеологического влияния. Такая деятельность должна исключать терминологическую неопределённость, базироваться на междисциплинарном подходе и учитывать особенности различных целевых групп.

Комплексная природа противодействия экстремизму предполагает реализацию нескольких взаимосвязанных направлений:

1. **Профилактика и предупреждение** — выявление условий и факторов, способствующих распространению экстремистских идей, а также их устранение посредством просвещения, мониторинга информационного пространства и социально-психологической работы.
2. **Силовое реагирование** — оперативно-розыскная деятельность, пресечение противоправных действий, задержание и привлечение к ответственности лиц, вовлечённых в экстремистскую деятельность, а также расследование соответствующих преступлений.
3. **Ликвидация последствий** — минимизация ущерба, причинённого экстремистскими проявлениями, восстановление общественного порядка, проведение реабилитационных мероприятий и укрепление межэтнической и межконфессиональной стабильности.

Таким образом, эффективность государственной политики в области противодействия экстремизму напрямую зависит от скоординированных усилий правоохранительных структур. Только комплексный и сбалансированный подход позволяет адекватно реагировать на вызовы, связанные с радикализацией, и обеспечивать устойчивость государства к подобным угрозам.

К органам осуществляющим борьбу с экстремизмом в пределах своей компетенции, относятся Федеральная служба Российской Федерации, Национальный антитеррористический комитет, Министерство внутренних дел Российской Федерации, Служба внешней разведки Российской Федерации, Федеральная служба охраны Российской Федерации, Федеральная пограничная служба Российской Федерации, Министерство обороны Российской Федерации.

В системе профилактики правонарушений групповые методы традиционно занимают ключевую позицию на первичном, или общем, уровне профилактической работы. В образовательной среде первичная профилактика трактуется как превентивная деятельность, охватывающая всех учащихся без исключения. Особенность превентивной профилактики заключается в её нацеленности на предотвращение появления и укрепления вредоносных установок до того, как они смогут воздействовать на целевую аудиторию.

На данном этапе профилактической работы групповым методам отводится приоритет, поскольку именно коллективное взаимодействие способствует формированию позитивных социальных норм и ценностей, укреплению навыков критического мышления и развитию устойчивости к идеологическому влиянию.

В сфере противодействия терроризму и экстремизму профилактическая работа с молодёжью должна базироваться на ряде ключевых принципов:

1. **Систематичность** — профилактические мероприятия необходимо проводить регулярно, строго следуя заранее разработанному и согласованному плану действий.

2. **Многоаспектность** — эффективная антитеррористическая профилактика требует объединения ресурсов и усилий всех структур учреждения.

3. **Целенаправленность** — учет специфики целевой аудитории, включая возрастные особенности, уровень образования, культурный фон и уровень правового сознания, значительно повышает качество и результативность профилактических мер.

4. **Региональная адаптация** — важным является анализ социально-политической ситуации в конкретном регионе, оценка уровня криминогенности, наличия протестных настроений и других локальных факторов, что позволяет корректировать подходы к профилактике с учетом местных реалий.

5. **Личностная интеграция** — одним из ключевых элементов является активное вовлечение молодежи в профилактическую деятельность, создание условий для взаимодействия и поддержки сверстников с целью противодействия радикальной идеологии.

Групповые профилактические мероприятия должны быть направлены на следующие задачи:

- разъяснение деструктивного характера экстремистских и террористических идеологий;
- формирование у молодежи устойчивой нетерпимости к проявлениям ксенофобии, расизма, шовинизма и другим формам экстремизма;
- предотвращение вовлечения молодежи в террористические и экстремистские организации;
- повышение гражданской правосознательности, включая знания о юридической ответственности за противоправные действия террористической и экстремистской направленности;
- социализация через вовлечение молодежи в общественно полезную деятельность, направленную на укрепление общественной безопасности (волонтерство, социальная помощь, научно-исследовательская работа и прочее).

Существенный опыт был накоплен в области профилактики идеологии терроризма и экстремизма. Сеть координационных центров по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма (далее — Координационные центры), развернутые в большинстве ведущих высших учебных заведений страны, в том числе и во всех федеральных университетах имеют немаловажное значение.

Главной задачей данных центров является активное вовлечение студенчества в профилактическую деятельность, направленную на противодействие идеологиям терроризма и экстремизма. Это достигается через стимулирование творческой инициативы молодых людей и создание ими собственных проектов и IT-решений, посвященных актуальным проблемам данной тематики.

В рамках этой работы для студентов Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова были организованы и успешно проведены серии лекций, посвященных вопросам профилактики терроризма и экстремизма. Основной целью данных мероприятий стало формирование у слушателей представлений о современных формах деструктивных идеологий, а также разъяснение ключевых положений действующего антитеррористического законодательства. Особое внимание уделялось актуальным аспектам указа Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Помимо этого, программа была направлена на повышение правовой грамотности и развитие социально-психологических навыков, необходимых для устойчивого противостояния радикализации.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О противодействии терроризму : федер. закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Айсханова Е. С., Мальцагов И. Д. Профилактика экстремизма и терроризма в образовательных учреждениях : учеб.-метод. пособие. Кисловодск : Учебный центр «Магистр», 2017.
5. Андреева Е. А., Хилько О. В. Профилактика экстремизма в молодежной среде средствами нестереотипного мышления у учащейся молодежи // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 56-6. С. 317-324.
6. Волчецкая Т. С., Авакян М. В. Прикладные аспекты противодействия информационно-мировоззренческим угрозам в цифровом пространстве и особенности их профилактики // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 6 (127). С. 194—201.
7. Довгяло В. К. Профилактика экстремизма в молодежной среде // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. 3. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 21—30.
8. Мурзагалиев Р. И., Сулейманов А. Р., Чекрызхов А. В., Мурзагалиев Б. Р. От теории к практике противодействия экстремизму: методические рекомендации для молодежи. Уфа : Диалог, 2019. URL: <http://berlek-nkp.com/files/tppemrm.pdf> (дата обращения: 23.05.2023).

References:

1. *Constitution of the Russian Federation* (adopted by national referendum on December 12, 1993, with amendments approved in the all-Russian vote on July 1, 2020). Available from: *ConsultantPlus* Legal Reference System.
2. *Federal Law "On Countering Terrorism"* No. 35-FZ of March 6, 2006. Available from: *ConsultantPlus* Legal Reference System.
3. *Presidential Decree of the Russian Federation "On the National Security Strategy of the Russian Federation"* No. 400 of July 2, 2021. Available from: *ConsultantPlus* Legal Reference System.
4. Aiskhanova, E. S., & Maltzagov, I. D. (2017). *Prevention of Extremism and Terrorism in Educational Institutions: Teaching and Methodological Guide*. Kislovodsk: Magistr Training Center.
5. Andreeva, E. A., & Khilko, O. V. (2017). *Prevention of Extremism among Youth through Non-Stereotypical Thinking. Problems of Modern Pedagogical Education*, No. 56-6, pp. 317–324.
6. Volchetskaya, T. S., & Avakyan, M. V. (2021). *Applied Aspects of Countering Information and Ideological Threats in the Digital Space and Features of Their Prevention. Actual Problems of Russian Law*, Vol. 16, No. 6 (127), pp. 194–201.
7. Dovgalo, V. K. (2018). *Prevention of Extremism among Youth. Bulletin of Perm State Humanitarian and Pedagogical University. Series 3: Humanities and Social Sciences*, No. 1, pp. 21–30.
8. Murzagaleev, R. I., Suleymanov, A. R., Chekryzhov, A. V., & Murzagaleev, B. R. (2019). *From Theory to Practice of Countering Extremism: Methodological Recommendations for Youth*. Ufa: Dialog. Available at: <http://berlek-nkp.com/files/tppemrm.pdf> (accessed: 23.05.2023).

НЕЙРОИЗОБРАЖЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК БИОЛОГИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ NEUROIMAGES AS A SOURCE OF BIOLOGICAL MARKERS CRIMINAL BEHAVIOR

АЛХАСТОВА Макка Вахидовна,

преподаватель кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности

Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова.

364024, Россия, Чеченская республика, г. Грозный, ул. А. Шерипова д. 32.

E-mail: alkhashtovam@gmail.com;

ALKHASTOVA Makka Vakhidovna,

Lecturer at the Department of Criminal Law, Process and National Security Kadyrov Chechen State University.

364024, Chechen Republic, Grozny, Sheripova str., 32 A.

E-mail: alkhashtovam@gmail.com

Краткая аннотация. Статья представляет концептуально-аналитический обзор использования нейровизуализации как источника биологических маркеров криминального поведения без эмпирической части. Цель – критически оценить валидность и доказательственную пригодность нейроданных, их относимость к предмету доказывания и пределы юридической inferенции. На основе междисциплинарной литературы систематизированы устойчивые корреляты (дисфункции префронтально-лимбических сетей, особенности миндалины, проводимости крючковидного пучка и стриарной реактивности) как вероятностные признаки, не подменяющие юридическую каузальность и критерии вины. Сформулированы методологические предосторожности: запрет «обратного вывода», популяционные ограничения, риски статистических ошибок и избыточной интерпретации.

Abstract. The article presents a conceptual and analytical review of the use of neuroimaging as a source of biological markers of criminal behavior, without an empirical component. The aim is to critically assess the validity and evidentiary admissibility of neurodata, their relevance to the subject of proof, and the limits of legal inference. Based on interdisciplinary literature, stable correlates (dysfunctions of prefrontal-limbic networks, amygdala characteristics, uncinate fasciculus conductivity, and striatal reactivity) are systematized as probabilistic indicators that do not replace legal causality or criteria of guilt. Methodological precautions are formulated, including the prohibition of "reverse inference," population limitations, and the risks of statistical errors and overinterpretation.

Ключевые слова: нейровизуализация, биологические маркеры, криминальное поведение, префронтально-лимбическая дисфункция.

Keywords: neuroimaging, biological markers, criminal behavior, prefrontal-limbic dysfunction.

Для цитирования: Алхастова М.В. Нейровизуализация как источник биологических маркеров криминального поведения // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 419–422. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_419.

For citation: Alkhashtova M.V. Neuroimages as a source of biological markers criminal behavior // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 419–422. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_419.

Статья поступила в редакцию: 02.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Введение. Нейровизуализация как претендующий на доказательственную значимость источник биологических маркеров криминального поведения усиливает конфликт между доктринами вины, деликтоспособности и принципом персональной ответственности, с одной стороны, и стремлением к объективации криминогенного риска средствами судебной экспертизы – с другой. Совокупность исследований указывает на устойчивые нейробиологические корреляты: выявлено двустороннее уменьшение объема миндалины у лиц с выраженными психопатическими чертами, причём деформации локализуются в областях, отвечающих за переработку аффекта и страха; выраженность сокращения соотносится с аффективно-интерперсональными компонентами психопатии.

Отмечены снижения серого вещества в паралимбических структурах у заключённых, а также дефициты префронтальной коры, ассоциированные с антисоциальным и насильственным поведением. Данные диффузионно-тензорной визуализации свидетельствуют о нарушении проводимости крючковидного пучка, соединяющего орбитофронтальные и лимбические зоны, что согласуется с импульсивностью и аффективной несдержанностью. На правовом уровне отмечается рост обращения к нейроданным в уголовном процессуальном доказывании (в отдельных выборках США – от заметной доли дел об убийстве до дел о смертной казни), однако их убеждающее воздействие ограничено и зависит от процессуальных стандартов допустимости специальных знаний [8, с. 89].

Нейровизуализация в криминальной биологии следует рассматривать как особый вид «специальных знаний», применимых к установлению обстоятельств, входящих в предмет доказывания, при условии соблюдения эпистемических критериев валидности (внутренней и внешней), воспроизводимости, чувствительности/специфичности маркеров и правовых стандартов допустимости. В онтологическом плане «биологический маркер» криминального поведения допустим лишь как вероятностный признак дисфункции систем, опосредующих аффект, контроль импульсов и морально-оценочную регуляцию, но не как самостоятельное основание для вывода о вине или невинности; ключевой здесь остаётся каузальная атрибуция по отношению к субъективной стороне деяния. При интерпретации изображений действует «запрет обратного вывода»: нельзя из активации или структурного отличия строго дедуцировать наличие конкретного психического состояния; ещё Рассел Полдрак показал, что такие индукции допустимы только как статистические, с жёстким учётом априорных вероятностей и альтернативных объяснений. В качестве теоретической рамки допустимо опираться на данные о роли префронтальной коры и миндалины в эмоционально-нравственной оценке: поражения вентромедиальных префронтальных отделов устойчиво связаны с «утилитаризацией» моральных суждений, что указывает на значимость аффективных компонентов для правовой оценки вины, а ранние повреждения префронтальной коры ведут к стойким социоморальным

дефицитам развития. Вместе с тем, даже при наличии мета-аналитических свидетельств снижения объема/функции префронтальных регионов у антисоциальных и психопатических личностей, эти результаты должны трактоваться как популяционные и не подменять индивидуально-правовой вывод о вменяемости и способности руководить своими действиями [3, с. 32].

Совокупность исследований функциональной и структурной нейровизуализации демонстрирует устойчивые ассоциации между анти-социальными, насильственными и психопатическими чертами и дисфункцией префронтально-лимбических систем, что имеет непосредственное значение для установления юридически значимых обстоятельств (субъективная сторона, способность осознавать фактический характер и общественную опасность деяния, способность руководить им), но требует строгого разграничения научной и юридической каузальности при оценке относимости и допустимости доказательств. Мета-аналитические и обзорные работы показывают снижение объема и активности префронтальной коры у антисоциальных и насильственных правонарушителей, с акцентом на дорсолатеральные и вентромедиальные отделы, обеспечивающие контроль импульсов, морально-оценочные суждения и предвосхищение санкций. Именно здесь фиксируются как морфологические изменения, так и функциональные дефициты, коррелирующие с выраженностью антисоциальных тенденций.

Классические данные позитронно-эмиссионной томографии у обвиняемых в убийстве указывали на избирательное снижение метаболизма глюкозы в префронтальной коре, что интерпретировалось как ослабление нисходящего контроля над подкорковыми структурами, вовлечёнными в генерацию аффекта и агрессии; эти эффекты выявлялись в группах лиц, заявлявших невменяемость, и служат одним из ранних свидетельств префронтальной дисфункции при тяжких насильственных деяниях. Эти наблюдения не обладают самостоятельной доказательственной силой для вывода о конкретной форме вины, но задают нейробиологическую рамку для обсуждения способности к саморегуляции.

Паралимбическая модель психопатии, получившая широкое распространение в нейрокриминалогии, систематизирует данные о снижении серого вещества и функциональных нарушениях в миндалине, гиппокампе, височных полюсах, поясной коре и орбитофронтальных отделах. Исследования у заключённых демонстрируют уменьшение региональных объемов серого вещества в ряде паралимбических зон, причём интегральные показатели объясняют существенную долю вариативности по шкале психопатии. Для уголовно-правовой оценки это означает, что фиксируемые «биологические маркеры» имеют групповой, а не индивидуально-детерминирующий характер и потому подлежат критике с позиций стандарта доказанности и принципа персональной ответственности [1, с.113].

Структурно-функциональная связность между вентромедиальной префронтальной корой и миндалиной выступает ключевым звеном. Данные диффузионно-тензорной визуализации показывают снижение целостности крючковидного пучка – основного проводника между передними височными отделами (включая миндалину) и орбитофронтально-вентромедиальной корой; одновременно функциональные исследования выявляют ослабленную согласованность активности между этими узлами. Такое расстыкование «оценочно-эмоциональной дуги» согласуется с импульсивностью, дефицитами наказуемого обучения и хладнокровной инструментальностью, что повышает криминогенный риск, но остаётся вероятностным индикатором и не подменяет юридическую характеристику вменяемости.

Миндалина как орган распознавания угрозы и переработки страха неоднократно демонстрировала уменьшение объема у лиц с выраженными психопатическими чертами, причём локальные деформации затрагивали ядра, ответственные за аффективную оценку. У подростков с чертами бесчувственности и бессердечия регистрируется сниженная реактивность миндалины на выражения страха, а у взрослых правонарушителей – дефициты обусловливания страха по данным функциональной томографии; это феноменологически соотносится с притуплением аверсивного научения и ограниченной способностью предвидеть вред и санкцию, что важно для обсуждения интеллектуально-волевого компонента вины и прогностической оценки опасности. Однако для процессуальной пригодности подобных выводов необходимо учитывать вариативность эффектов и зависимость от методики.

«Наряду с лимбическими дефицитами выявляются особенности систем поощрения: у части лиц с импульсивно-антисоциальными чертами фиксируются увеличенные подъядерные объёмы полосатого тела и атипичная функциональная связь с префронтальными зонами при ожидании вознаграждения, что объясняет склонность к риску и преобладание краткосрочной выгоды над отдалёнными издержками. Для уголовно-правовой догматики это может усиливать аргументацию по вопросам прогнозирования рецидива и выбора мер безопасности, но не отменяет презумпцию вменяемости и индивидуализацию ответственности» [4, с. 9].

Интеграция данных нейровизуализации в уголовное судопроизводство ставит под вопрос пределы допустимого вмешательства в телесную и ментальную сферу личности, природу обязанности сотрудничать со следствием и критерии справедливого процесса. С одной стороны, нейроданные обещают повышение эпистемической обоснованности экспертных выводов о риске, мотивации и регуляторных дефицитах; с другой – угрожают подменить нормативные конструкции вины статистическими корреляциями и усилить стигматизацию через «биологизацию» девиантности. Уже ранние дискуссии в нейроправе предупреждали, что правовая оценка вины и деликтоспособности не сводима к «картинкам мозга»; по меткому диагнозу Стивена Морса, повальное увлечение нейрообъяснениями порождает «синдром нейропереоценки», т. е. логическую гипертрофию научных находок в юридическом дискурсе.

Ключевой процессуальный узел – допустимость и относимость нейросвидетельств. В правовых порядках, опирающихся на «воратарскую» модель проверки специальных знаний, требуются проверяемость метода, рецензируемость, известная погрешность, признанность в научном сообществе и объяснимая связь с обстоятельствами дела. Так, федеральные суды США последовательно исключали результаты нейровизуализации, предлагаемые как средство детекции лжи, указывая на их недостаточную применимость вне лаборатории, неясные уровни ошибок и риск подмены функции присяжных. Показательно дело Семрау: апелляционный суд поддержал отказ принять fMRI-свидетельства в подтверждение «добросовестности» подсудимого, опираясь на стандарты надежности и правило 702 о специальных знаниях. В то же время отдельные суды

допускали томографические данные как вспомогательный материал в части смягчения наказания либо объяснения нейropsychологических дефектов (например, известное нью-йоркское дело Вайнштейна о представлении ПЭТ-сканов), закрепив различие между использованием изображений на стадиях вины и наказания.

«Эпистемическая проблематика нейроданных накладывается на философию доказывания. Обратный вывод – переход от наблюдаемой активации к заключению о конкретном психическом состоянии – признан вероятностным и требующим осторожности; его безоговорочное применение чревато «катапультированием» от корреляции к причинности. На это обстоятельно указывал Рассел Полдрак и последующие авторы, предлагая статистические и базово-частотные «предохранители» для корректной интерпретации. Для уголовного процесса это означает обязанность эксперта явно маркировать уровень обобщения (группа ↔ индивид), степень неопределенности и альтернативные объяснения» [6, с. 30].

Вопросы недопустимости принуждения и границы привилегии против самообвинения показывают сложное различие между «физическими» и «коммуникативными» доказательствами. Юриспруденция Соединённых Штатов традиционно относит принудительный забор крови к непоказательным вмешательствам, не подпадающим под пятую поправку (дело Шмербера), при обязательной проверке соразмерности в плоскости обыска и выемки. По аналогии, вынужденное «считывание» сигналов мозга – хотя и не есть вербализация – затрагивает гораздо более интимный слой личности, чем иные телесные образцы, а потому требует особенно строгой пропорциональности и судебного контроля. В европейской системе ориентиры задаёт практика Страсбурга: право не свидетельствовать против себя исключает использование принудительных методов, подрывающих волевую сферу, тогда как допустимы некоторые формы извлечения независимых физических следов; одновременно чрезмерные телесные вмешательства (случай с насильственным введением эметиков) признаются нарушающими запрет бесчеловечного обращения. Эти ориентиры релевантны при оценке принудительных нейроисследований в уголовном процессе.

Конфиденциальность нейроданных сопряжена с режимами защиты чувствительных данных и запретом дискриминационной обработки. Общий регламент ЕС по защите данных квалифицирует биометрическую и медицинскую информацию как специальную категорию персональных данных с запретом обработки за исключением узко очерченных оснований и при наличии усиленных гарантий; сюда по функциональному смыслу попадают и «нейроданные». Для правоохранительной обработки действуют специальные условия законности и надлежащие меры защиты. Эти рамки задают процессуальные и технические стандарты при извлечении, хранении и представлении нейросвидетельств. Дополнительные ограничения вытекают из нового общеевропейского регулирования систем алгоритмического анализа: Регламент об искусственном интеллекте запрещает отдельные практики высокой инвазивности (включая некоторые формы эмоцио-распознавания в труде и образовании, а также недифференцированный сбор биометрических изображений), что задаёт ориентиры и для «когнитивной» аналитики в уголовном правосудии.

На международном уровне формируется консенсус о необходимости этико-правовых предохранителей в сфере нейротехнологий. Организация экономического сотрудничества и развития приняла первую межправительственную рекомендацию о «ответственном нововведении» в нейротехнологиях, с акцентом на права человека, безопасность и прозрачность цепочек обработки; профильные инструменты 2024 года развивают эти принципы в прикладные дорожные карты. Эти стандарты могут служить нормативной матрицей при разработке методик судебного обращения с нейроданными. ЮНЕСКО через работу Международного комитета по биоэтике подчеркнула риски «чтения» и «записи» активности мозга для автономии и идентичности, предлагая этические ориентиры по защите ментальной сферы. В Латинской Америке выделяется чилийская линия на конституционное признание «нейроправ», дополненная судебной практикой о ментальной приватности при коммерческом использовании устройств, собирающих нейроданные. Это усиливает тенденцию к обособлению «права на когнитивную свободу» как самостоятельного притязания. Профессиональные и наднациональные регуляторы данных также декларируют принципы обработки нейроинформации и ментальной целостности как объект особой охраны.

Практика иных юрисдикций демонстрирует опасности преждевременной «криминалистизации» спорных методик. Известные индийские кейсы с применением «подписи мозговых осцилляций» (BEOS/BEAP) показывают, как привлекательно-визуальные результаты электрофизиологии могут повлиять на судебную оценку при отсутствии достаточной научной валидности; позднее Верховный суд Индии чётко запретил недобровольное применение таких техник как противоречащее привилегии против самообвинения и стандартам справедливого процесса. Для компаративиста это наглядное подтверждение: визуальная убедительность не тождественна доказательственной пригодности.

Философские основания уголовной ответственности – свобода воли, способность к саморегуляции, виновное отношение – не растворяются в нейронной детерминации. Широко цитируемая позиция Джошуа Грина и Джонатана Козна, предвосхищающая возможный сдвиг от возмездия к превенции под влиянием нейронауки, важна как культурно-нравственная перспектива; но доктринально праву по-прежнему доступно удерживать разграничение между описанием причин и оценкой вины. Именно поэтому Мурс последовательно призывает «охладить» нейроэнтузиазм и требовать строгой демонстрации юридической релевантности каждого конкретного нейрофакта – иначе правосудие рискует подменить нормативный язык ответственности языком механизмов.

Этическая конфигурация включает также опасность профилирования и дискриминации по «нейропризнаку». Категоризация субъектов по вероятностным маркерам (например, по особенностям префронтально-лимбических связей или реактивности миндалины) способна трансформировать оценку личности в квазипрогностический ярлык, нарушающий принцип персонализации наказания и запрет предвзятого обращения. Европейские аналитические доклады о «ментальной приватности» и обработки нейроданных прямо указывают на риск утечки, неправомерного вторичного использования и стигматизирующего портретирования – особенно если нейроданные соединяются с поведенческими и биомет-

рическими массивами. Для правоприменения это означает необходимость строгих режимов минимизации, целевого ограничения и независимой экспертизы алгоритмических инструментов, прежде чем допускать их в судебный оборот.

Наконец, важна доброкачественность самой научной базы. Даже при наличии многочисленных мета-обзоров о функциональных/структурных особенностях мозга у антисоциальных субъектов, элоквиентность эффектов варьирует, а часть исследований фиксирует нулевые связи по ключевым гипотезам (например, по структуре/функции миндалины). Судебная осторожность требует учитывать эту неоднородность и не возводить популяционные корреляции в статус индивидуально-детерминирующих факторов. Здесь вновь актуален запрет «обратного вывода» и обязанность эксперта прозрачно разграничивать уровни вероятности и условия применимости результатов к делу.

Заключение. Итак, представленный обзор показывает, что нейроизображения выявляют согласованные префронтально-лимбические корреляты, ассоциированные с импульсивностью, дефицитом аверсивного научения и нарушениями морально-оценочной регуляции, однако сами по себе они остаются вероятностными маркерами и не подменяют юридическую каузальность и критерии вины. Их правомерное использование возможно лишь как вспомогательного источника специальных знаний при строгой верификации научной доброкачественности методик, прозрачности аналитических процедур и отказе от «обратного вывода» от групповых эффектов к индивидуальному выводу о психическом состоянии. В процессуальном плане приоритет имеют стандарты допустимости и относимости, принцип соразмерности вмешательства, уважение привилегии против самообвинения и особая охрана ментальной приватности и чувствительных данных. Этические риски – биологизирующая стигматизация и профилирование по «нейропризнаку» – требуют минимизации, целевого ограничения и независимой экспертизы.

Список литературы:

1. Агеев Н. Я.; Дубовик И. А. Влияние видеоигр с агрессивным контентом на эмоциональное состояние и поведение игроков: обзор современных исследований // Современная зарубежная психология. – 2024. – Т. 13, № 4. – С. 108–119.
2. Бойко А. Н.; Долгушин М. Б.; Каралкина М. А. Новые методы нейровизуализации оценки активности нейровоспаления при рассеянном склерозе // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. – 2023. – Т. 123, № 7-2. – С. 8–14.
3. Галюкова М. И. Уголовно-правовая защита нейроправ и психической целостности человека // Правоприменение. – 2025. – Т. 9, № 1. – С. 25–37.
4. Кремнева Е. И.; Синицын Д. О.; Добрынина Л. А.; Суслина А. Д.; Кротенкова М. В. Функциональная МРТ покоя в неврологии и психиатрии // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. – 2022. – Т. 122, № 2. – С. 5–14.
5. Крылатова И. Ю. Природа нейроправ человека и достоинства личности в условиях развития нейротехнологий: эτικο-правовые аспекты // Вестник Гуманитарного университета. – 2024. – Т. 12, № 4. – С. 104–112.
6. Мачнев Е. Г.; Таланцева О. И.; Момотенко Д. А. Негативность, связанная с ошибкой, как нейрофизиологический коррелят исполнительных функций: обзор исследований // Современная зарубежная психология. – 2024. – Т. 13, № 2. – С. 22–32.
7. Мешкова Н. В.; Кудрявцев В. Т.; Рыбакова М. С.; Яковлева Д. В.; Мешков И. А. Асоциальная креативность и информационно-смысловое поле личности // Психология и право. – 2025. – Т. 15, № 3. – С. 146–159.
8. Орлов В. А.; Карташов С. И.; Малахов Д. Г.; Ковальчук М. В.; Александров Ю. И.; Холодный Ю. И. Исследования в парадигме сокрытия информации: оценка фМРТ-данных на групповом уровне // Экспериментальная психология. – 2024. – Т. 17, № 1. – С. 86–107.
9. Орлов В. А.; Карташов С. И.; Малахов Д. Г.; Ковальчук М. В.; Александров Ю. И.; Холодный Ю. И. МРТ-исследования в парадигме сокрытия информации: данные об активности мозжечка // Экспериментальная психология. – 2025. – Т. 18, № 3. – С. 45–66.

References:

1. Ageev, N. Ya., & Dubovik, I. A. (2024). The influence of video games with aggressive content on the emotional state and behavior of players: A review of modern studies. *Modern Foreign Psychology*, 13(4), 108–119.
2. Boyko, A. N., Dolgushin, M. B., & Karalkina, M. A. (2023). New neuroimaging methods for assessing neuroinflammation activity in multiple sclerosis. *S. S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, 123(7-2), 8–14.
3. Galyukova, M. I. (2025). Criminal-legal protection of neuro-rights and mental integrity of the individual. *Law Enforcement Review*, 9(1), 25–37.
4. Kremneva, E. I., Sinitsyn, D. O., Dobryniina, L. A., Suslina, A. D., & Krotenkova, M. V. (2022). Resting-state fMRI in neurology and psychiatry. *S. S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, 122(2), 5–14.
5. Krylatova, I. Yu. (2024). The nature of human neuro-rights and personal dignity in the context of neurotechnology development: Ethical and legal aspects. *Herald of the Humanitarian University*, 12(4), 104–112.
6. Machnev, E. G., Talantseva, O. I., & Momotenko, D. A. (2024). Error-related negativity as a neurophysiological correlate of executive functions: A review of research. *Modern Foreign Psychology*, 13(2), 22–32.
7. Meshkova, N. V., Kudryavtsev, V. T., Rybakova, M. S., Yakovleva, D. V., & Meshkov, I. A. (2025). Asocial creativity and the informational-semantic field of personality. *Psychology and Law*, 15(3), 146–159.
8. Orlov, V. A., Kartashov, S. I., Malakhov, D. G., Kovalchuk, M. V., Alexandrov, Yu. I., & Kholodny, Yu. I. (2024). Research within the information concealment paradigm: Evaluation of fMRI data at the group level. *Experimental Psychology*, 17(1), 86–107.
9. Orlov, V. A., Kartashov, S. I., Malakhov, D. G., Kovalchuk, M. V., Alexandrov, Yu. I., & Kholodny, Yu. I. (2025). MRI studies in the information concealment paradigm: Data on cerebellar activity. *Experimental Psychology*, 18(3), 45–66.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ РАБОТ ACTUAL PROBLEMS OF EXECUTION OF CRIMINAL PUNISHMENT IN THE FORM OF COMPULSORY LABOR

ГУСЕВ Антон Сергеевич,

старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний,
не связанных с изоляцией осужденных от общества, юридического факультета ВЮИ ФСИН России.
600020, Россия, г. Владимир, Большая Нижегородская ул., 67Е.

E-mail: sherhov007@mail.ru;

GUSEV Anton Sergeevich,

Senior Lecturer at the Department of Penal Enforcement Law
and the Organization of the Execution of Punishments not related to the isolation of convicts from Society,
Faculty of Law of the Higher Educational Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia.
67E Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, 600020, Russia.

E-mail: sherhov007@mail.ru

Краткая аннотация: В статье автором анализируется уголовное наказание в виде обязательных работ, где обращается внимание на ряд неточностей как в части формулировки обязанностей осужденных к принудительным работам, так и в части оценки «добросовестности» выполнения порученных общественно-полезных работ.

Abstract: In the article, the author analyzes the criminal punishment in the form of compulsory labor, which draws attention to a number of inaccuracies both in terms of the formulation of the duties of those sentenced to forced labor, and in terms of assessing the "integrity" of performing assigned socially useful work.

Ключевые слова: осужденные; обязательные работы; общественно-полезный труд; учет; добросовестность.

Keywords: convicts; compulsory work; socially useful work; accounting; conscientiousness.

Для цитирования: Гусев А.С. Актуальные проблемы исполнения уголовного наказания в виде обязательных работ // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 423-424. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_423.

For citation: Gusev A.S. Actual problems of execution of criminal punishment in the form of compulsory labor // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 423-424. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_423.

Статья поступила в редакцию: 22.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

В начале данного исследования стоит указать, что с момента принятия Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) и по настоящее время в его положения были включены тринадцать видов уголовных наказаний, большая часть которых, по своему содержанию, сохранили карательную суть и общие принципы его отбывания.

К примеру, и в редакции УК РФ 1996 года и в редакции, которая действует и в 2025 году уголовное наказание в виде обязательных работы предусматривало – выполнение осужденным неоплачиваемых общественно-полезных работ на объектах, определенных сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций, по согласованию с органами местного самоуправления.

Исходя из карательной сути рассматриваемого наказания предусмотрено, что осужденный, в свободное от работы и учебы время выполняет общественно-полезные работы от 2 до 4 часов в организациях, куда их направляет уголовно-исполнительная инспекция территориального органа ФСИН России, в котором проживает осужденный.

В соответствии с положениями статьи 26 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее: УИК РФ) предусмотрено, что сужденные к обязательным работам обязаны:

1. «Соблюдать правила внутреннего распорядка организаций, в которых они отбывают обязательные работы». Здесь сразу возникает вполне логичный вопрос – о каком именно распорядке дня организации говорить в рассматриваемой норме?

В соответствии с положениями статьи 189 Трудового кодекса Российской Федерации (далее: ТК РФ), предусмотрено, что «правила внутреннего трудового распорядка – локальный нормативный акт, регламентирующий в соответствии с ТК РФ и иными федеральными законами порядок приема и увольнения работников, основные права, обязанности и ответственность сторон трудового договора, режим работы, время отдыха, применяемые к работникам меры поощрения и взыскания, а также иные вопросы регулирования трудовых отношений у данного работодателя».

То есть в настоящее время понятие «правила внутреннего распорядка» законодательно не закреплено, что с нашей точки зрения является примером ошибки юридической техники. Предположим, что понятия «правила внутреннего распорядка организации» и «правила внутреннего трудового распорядка организации» тождественны в части исполнения уголовного наказания в виде обязательных работ. В тоже время, для приведения уголовно-исполнительного и трудового законодательства к единому знаменателю считаем целесообразным внести изменения в положения части 1 статьи 26 УИК РФ изменения, изложив указанную норму в следующей редакции: «Осужденные к обязательным работам обязаны: соблюдать правила внутреннего трудового распорядка организаций, в которых они отбывают обязательные работы...».

Продолжая анализировать обязанность осужденных соблюдать правила внутреннего трудового распорядка организации, где они отбывают наказание в виде обязательных работ, исходя из определения, изложенного в статье 189 ТК РФ можно сделать вывод, что в период отбывания наказания в виде обязательных работ из всего перечня составных элементов, осужденный обязан соблюдать «режим работы, время отдыха». Иными словами осужденный обязан отбывать наказание в виде обязательных работ во временные интервалы, когда работает организация, в противном случае он будет нарушать трудовой распорядок дня организации.

Проблема заключается в том, что подавляющее большинство организаций, в целях соблюдения нормальной продолжительности рабочего времени закрепляют в своих локальных нормативных актах распорядок дня с 08.00 до 17.00 и с 09.00 до 18.00.

Примечательно, но и правила внутреннего трудового распорядка дня организации где работает осужденный также может подразумевать указанные интервалы времени. Соответственно осужденный встает перед выбором, либо нарушать правило внутреннего трудового распорядка организации где он отбывает уголовное наказание в виде обязательных работ, либо правила внутреннего трудового распорядка организации где он трудоустроен. Считаем, что рассматриваемая обязанность осужденного, в части соблюдения правил внутреннего трудового распорядка организации, где он отбывает наказания, в большинстве случаев не выполнима, за исключением тех организаций, где график рабочего времени попадает на вечернее время, либо в которых локальными нормативными актами предусмотрен график работы организации на время отбывания наказания осужденными к обязательным работам.

2. Добросовестно относиться к труду. Говоря о понятии «добросовестности», стоит заметить, что указанный термин не раскрывается ни в трудовом, ни в уголовно-исполнительном законодательстве, что априори делает его не выполнимым.

Если проводить параллели с показателями, применяемыми для оценки качества работы работников организации, с которыми заключен трудовой договор, то под понятием добросовестности можно понимать выполнение работником взятых на себя обязательств в части:

- выполнения установленного сменного задания или определенного количества работ за установленное время;
- соблюдать требования охраны труда и техники безопасности при выполнении работ;
- не допускать брака, а также иных действий приводящих к получению организацией ущерба;
- соблюдать корпоративную этику и иные обязательства, предписываемые локальными нормативными актами организации.

В случае с осужденными к обязательным работам единственным оценочным показателем, по которому можно отчасти оценить добросовестность отбывания наказания выступает время, которое осужденный находился в организации, в которую его направили сотрудники уголовно-исполнительной инспекции. При этом осужденный фактически может не выполнять поставленную ему задачу, а создавать видимость этого – главное выполнять работу на протяжении определенного времени.

Считаем, что отсутствие показателя качества выполняемой осужденными общественно-полезной работы – это серьезное упущение, а наряду с отсутствием конкретного задания, которое может быть выполнено в течение определенного времени делает уголовное наказание в виде обязательных работ не эффективным в части исправления осужденных.

Приведем пример. Допустим осужденный отбывает наказание в виде обязательных работ в парке и ему поставлена задача подметать аллеи на протяжении 2 часов. Фактически осужденный может стоять с метелкой на одном месте без результата и время отбывания наказания будет засчитано в срок отбывания наказания в виде обязательных работ.

С другой стороны, на территории того же парка, совместно с представителями УИИ, возможно произвести замеры времени необходимые для уборки определенных аллей от листвы в спокойном темпе (осуществить хронометраж рабочего времени). По прибытию осужденного к месту отбывания наказания ему могло бы быть сообщено, что ему предстоит убрать конкретный участок парка, что по времени занимает ровно 2 часа. Если он справится раньше, с порученной ему работой, то ему все равно зафиксируют два часа. С другой стороны, если работа сделана не будет, то время отбывания наказания ему будет зафиксировано пропорционально сделанной работе.

В данном случае, предлагаемое позволяет:

- замотивировать осужденных к добросовестному выполнению порученной ему работы;
- организация может не оставлять своего сотрудника контролировать время выполнения осужденным работы в вечерние часы, а на следующий день оценить объем сделанного;
- позволяет объективно оценить добросовестность отбывания наказания осужденным.

Таким образом, в заключении стоит указать, что, не смотря на то, что уголовное наказание в виде обязательных работ включено в положения уголовного и уголовно-исполнительного законодательства с 1996-1997 годов, в его реализации существует достаточно много проблемных вопросов, решение которых отчасти было сформулировано в данном исследовании.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : [Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25, ст. 2954.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации (редакция 1996 года) // URL: <https://law.tks.ru/document/25496?ysclid=mfnvnuqor2297481763>
3. Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества : [приказ Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142] [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.consultant>.
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : [Федер. закон от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ : принят Гос. Думой 18 дек. 1996 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1997. – № 2, ст. 198.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации : [Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ : принят Гос. Думой 21 дек. 2001 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1), ст. 3.

References:

1. The Criminal Code of the Russian Federation : [Federal Law. Law No. 63-FZ of June 13, 1996 : adopted by the State Duma on May 24, 1996] // Collection of Legislation of the Russian Federation. Federation. – 1996. – No. 25, art. 2954.
2. The Criminal Code of the Russian Federation (revised in 1996) // URL: <https://law.tks.ru/document/25496?ysclid=mfnvnuqor2297481763>
3. On the approval of Instructions on the organization of the execution of punishments and measures of a criminal-legal nature without isolation from society : [Order of the Ministry of Justice of Russia dated May 20, 2009 No. 142] [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.consultant>.
4. The Penal Enforcement Code of the Russian Federation : [federal. Law No. 1-FZ of January 8, 1997 : adopted by the State Duma on December 18, 1996] // Collection of legislation of the Russian Federation. Federation. – 1997. – No. 2, art. 198.
5. The Labor Code of the Russian Federation : [federal. the law of 30 Dec. 2001 No. 197-FZ : adopted by the State Duma on December 21, 2001] // Collection of legislation of the Russian Federation. Federation. - 2002. – No. 1 (part 1), art. 3.

ОКАЗАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В РАМКАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПРОБАЦИИ PROVISION OF PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE IN THE FRAMEWORK OF ADMINISTRATIVE PROBATION

ЗВОНОВА Анна Вениаминовна,

доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний,
не связанных с изоляцией осужденных от общества, юридического факультета, кандидат юридических наук,
доцент Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Россия.
600020, Россия, г. Владимир, Большая Нижегородская ул., 67Е.
E-mail: salikova.a@yandex.ru;

МОИСЕЕВ Николай Дмитриевич,

доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности, Академия ФСИН России.
390000, Россия, г. Рязань, Сенная ул., 1.
E-mail: salikova.a@yandex.ru;

СМБАТЯН Евгения Артаковна,

курсант Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Россия.
600020, Россия, г. Владимир, Большая Нижегородская ул., 67Е.
E-mail: ismbatian@mail.ru

ZVONOVA Anna Veniaminovna,

Associate Professor of the Department of Penal Law and the Organization of Punishments
that are not related to the isolation of convicts from society, Faculty of Law, Candidate of Law,
Associate Professor of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia.
67E Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, 600020, Russia.
E-mail: salikova.a@yandex.ru;

MOISEEV Nikolai Dmitrievich ,

Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
1 Sennaya St., Ryazan, 390000, Russia.
E-mail: salikova.a@yandex.ru;

SMBATYAN Evgeniya Artakovna,

student at the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia.
67E Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, 600020, Russia.
E-mail: ismbatian@mail.ru

Краткая аннотация. С 1 января 2024 года вступил в законную силу федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – ФЗ №10-ФЗ). В связи с чем в статье рассматривается одно из направлений помощи, оказываемой в рамках исполнительной пробации – психологическую помощь осужденным, состоящим на учете в уголовно-исполнительных инспекциях. Авторы приходят к выводу, что эффективность данного направления требует совершенствования, не только в сфере, существующей нормативной правовой базы, но и увеличения кадрового потенциала, а также повышения уровня взаимодействия учреждений и органов УИС РФ с институтами гражданского общества.

Abstract. On January 1, 2024, Federal Law No. 10-FZ dated 02.06.2023 № On Probation in the Russian Federation» (hereinafter – FZ No. 10-FZ) entered into force. In this regard, the article examines one of the areas of assistance provided within the framework of executive probation – psychological assistance to convicts registered with penal enforcement inspections. The authors conclude that the effectiveness of this area requires improving not only the existing regulatory framework, but also increasing human resources, as well as increasing the level of interaction between institutions and bodies of the Criminal Justice System of the Russian Federation with civil society institutions.

Ключевые слова. Осужденный, центр пробации, УИИ, пробация, психологическая помощь, ресоциализация, социальная адаптация, социальная реабилитация.

Keywords. Convict, probation center, UII, probation, psychological assistance, re-socialization, social adaptation, social rehabilitation.

Для цитирования: Звонова А.В., Моисеев Н.Д., Смбастьян Е.А. Оказание психологической помощи в рамках исполнительной пробации // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 425-427. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_425.

For citation: Zvonova A.V., Moiseev N.D., Smbatyan E.A. Provision of psychological assistance in the framework of administrative probation // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 425-427. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_425.

Статья поступила в редакцию: 03.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Институт пробации был внедрен в современную уголовно-исполнительную политику Российской Федерации сравнительно недавно в 2023 году с одновременным принятием Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 10-ФЗ). Само понятие пробации зародилось в международной пенитенциарной политике. Безусловно, принятию обозначенного ранее нормативного правового акта повлиял ряд международных стандартов. В этой связи стоит отметить, такие международные документы как Токийские Правила (Стандартные минимальные правила ООН, в отношении мер не связанных с тюремным заключением), Рекомендация Совета Европы «О Европейских правилах пробации». Как правило, международные стандарты под пробацией понимают процесс исполнения санкций и мер, отправляемых в отношении правонарушителя с применением процедур, имеющих целью социальную интеграцию правонарушителя, а также содействие обеспечению безопасности общества. Стоит отметить, что Российская Федерация, как обозначалось нами ранее, междурядный опыт в сфере

пробации переняла не сразу, однако учитывая, что в настоящее время уголовно-исполнительная политика активно совершенствуется и проходит процесс гуманизации, институт пробации был успешно имплементирован.

В соответствии с положениями ФЗ № 10-ФЗ пробация бывает трех видов: пенитенциарная, исполнительная и постпенитенциарная. Исполнительная пробация представляет собой направление деятельности по оказанию содействия подучетным лицам, а также лицам, освобожденным из исправительных учреждений и исправительных центров в рамках постпенитенциарной пробации, в ресоциализации, социальном, трудовом, бытовом и ином устройстве, а также в восстановлении утраченных или формировании новых социальных связей. Для реализации указанных задач и задач в сфере пробации в штатное расписание уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России (далее – УИИ) была введена новая должность – старший инспектор пробации. В данной связи появилась необходимость в повышении квалификации сотрудников УИС РФ посредством прохождения профессиональной переподготовки в сфере исполнения функций пробации в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. В настоящее время пробация осуществляется также в соответствии с приказом Минюста РФ от 29.11.2023 № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с федеральным законом от 6.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в РФ» (далее – Приказ № 350), который помимо положений о пробации содержит также информацию по социальной и воспитательной работе с осужденными, оказанию им психологической помощи. Психологическое сопровождение является одним из важных элементов ресоциализации и социальной адаптации, лиц в отношении которых применяется исполнительная пробация. Согласно п. 141 приказа № 350 участие осужденных в мероприятиях, связанных с оказанием им психологической помощи, осуществляется на добровольной основе с письменного согласия осужденных.

Основные виды деятельности психолога УИИ в части организации работы с осужденными к наказаниям, не связанным с лишением свободы:

1. изучение индивидуально-психологических особенностей личности осужденных, а также выявление причин преступного поведения и прогнозирование его дальнейшего развития;
2. контроль за состоянием развития социально-психологических процессов в ближайшем окружении (семья, круг друзей);
3. выявление лиц, относящихся к «группе повышенного внимания» (имеющих психические отклонения, склонных к агрессии и различным видам деструктивного поведения);
4. привлечение к психологической работе с осужденными специалистов других ведомств и организаций и иные направления.

На психологов в УИИ возложена большая ответственность, поскольку они должны постоянно контролировать психологическое состояние подучетного лица, а также предупреждать совершение им преступлений и правонарушений, особую категорию из них представляют несовершеннолетние. Согласно законодательству о пробации УИИ осуществляет исполнительную и постпенитенциарную пробацию, в данном исследовании нас будет интересовать исполнительная пробация, поскольку она касается всех категорий, состоящих на учете в УИИ. В рамках осуществления исполнительной пробации УИИ оказывает лицу содействие в той сфере жизнедеятельности, в которой ему необходимо, в том числе в оказании психологической помощи. При опросе сотрудников и психолога Шадринского межмуниципального филиала ФКУ УИИ УФСИН России по Курганской области отмечается, что ежемесячно к ним обращается за содействием около 5-7 человек, однако за прошедший год не было случаев обращения за психологической помощью. Однако начальником филиала обращено внимание, что в рамках оказания психологической помощи работу с подучетными должен организовывать психолог сторонней вневедомственной организации. Однако нормативные акты не содержат указания о том, какие именно организации должны оказывать им помощь: государственные или частные. В случае оказания психологической помощи частной организацией появляется вопрос об оплате данных услуг.

Приложение № 3 приказа № 350 определяет следующие мероприятия, которые могут быть предусмотрены индивидуальной программой в рамках оказания психологической помощи: психологическая диагностика, психологическое консультирование, психологическая коррекция, психологическое просвещение, актуализация психологических ресурсов, повышение компетентности в решении психологических проблем, содействие формированию психологической готовности к освобождению от отбывания наказания, а также получение психологической характеристики [1]. Рассматривая постановление Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2024 г. № 1858, регламентирующего вопросы использования Единого реестра лиц, в отношении которых применяется пробация, к субъектам пробации относятся коммерческие и некоммерческие организации, общественные объединения, образовательные, научные и медицинские организации. Предполагается, что различные субъекты будут заключать соглашения с ФКУ УИИ и будут оказывать психологическую помощь осужденным. Так, Красноярская региональная общественная организация помощи людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию «Время добрых дел» реализовала проект «Социальный Адаптационный Центр Пробации для бывших осужденных» [2]. Рассматривая данный проект можно обратить внимание на то, что в целевой аудитории своего проекта они предусмотрели осужденных к наказаниям без изоляции от общества, состоящих на учете в УИИ. Рассматриваемая категория осужденных может обращаться за помощью в данный центр пробации, где им окажут квалифицированную психологическую помощь в рамках исполнительной пробации. Если более подробно изучить нормативную базу по порядку создания указанных центров, то они оказывают помощь лишь в рамках постпенитенциарной пробации, однако данная организация немного расширила данный круг объектов воздействия, что, в целом, не запрещено законодательством.

Стоит отметить, что в настоящее время центры пробации предусмотрены не во всех регионах. Так к на момент 2 квартала 2025 года в 37 субъектах Российской Федерации создано 47 центров пробации. Не хватку рассматриваемых центров могли бы решить коммерческие организации подобной направленности, однако они с меньшей вероятностью захотят оказывать содействие на безвозмездной основе, в связи с чем

затрудняется оказание психологической помощи в рамках исполнительной пробаии.

Стоит также отметить, что 5 раздел второго приложения приказа № 350 предусматривает порядок оказания психологической помощи осужденным к принудительным работам или лишению свободы, в котором указаны все мероприятия, рассмотренные ранее в рамках исполнительной пробаии. Стоит отметить, что психолог УИИ не занимается пробаией. Достаточно часто психологам УИИ необходимо обеспечивать психологическое сопровождение не только в УИИ, но и в УФИЦ, в связи с чем получается, что психолога УИИ освободили от оказания помощи в рамках исполнительной пробаии, но он обязан выполнять все те же мероприятия, но с осужденными к принудительным работам в рамках психологического сопровождения [3]. Отмечается также проблема правового регламентирования воспитательной и психологической работы с осужденными в УИИ. Нормативная база не содержит ни понятия, не порядка осуществления данных видов работ. В связи с чем имеется необходимость внести изменения в название приложение 2 приказа №350 и представив его в следующем виде:

«Приложение № 2. Порядок осуществления социальной и воспитательной работы с осужденными к наказаниям без изоляции от общества или лишения свободы, оказания им психологической помощи».

Данное изменение позволит использовать нормы об оказании психологической помощи и проведении социальной и воспитательной работы также и с осужденными в УИИ, поскольку самостоятельной регламентации данная работа в УИИ не имеет.

Подводя итог можно сделать следующие выводы. Институт пробаии предусмотрел хорошую возможность не только способствовать исправлению осужденных, но и оказать им содействие в социальной реабилитации для их успешной адаптации в обществе, поскольку данная деятельность позволит предупредить повторную преступность. Однако законодательством о пробаии не до конца предусмотрены некоторые моменты. Например, оказание психологической помощи осужденным в рамках исполнительной и постпенитенциарной пробаии должно производиться без задействования сил психологической службы УИС, однако не предусмотрено, какие организации в таком случае должны это делать, а также не раскрыт вопрос финансирования.

Список литературы:

1. Сухов А. Н. Социально-психологические основы ресоциализации осужденных в условиях пробаии // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации: вопросы исполнения уголовных наказаний, реализации мер пробаии, взаимодействия с публичной властью и институтами гражданского общества : сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции, приуроченной к 90-летию со дня образования Академии ФСИН России. Рязань, 2024. С. 334-357.
2. Проект «Социальный Адаптационный Центр Пробаии для бывших осужденных». [Электронный ресурс]. - URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=03cddbba-aa4a-426b-95f4-334df89262e0#winner-target>
3. Березовская А. Ю. Реализация уголовно-исполнительными инспекциями воспитательной, социальной и психологической работы // Вестник молодого ученого Кузбасского института : Сборник научных статей. Новокузнецк, 2024. С. 12-15.

References:

1. Sukhov A. N. Socio-psychological foundations of the rehabilitation of convicts in probation // The penal enforcement system of the Russian Federation: issues of the execution of criminal penalties, the implementation of probation measures, interaction with public authorities and institutions of civil society : a collection of abstracts of speeches and reports of participants of the International scientific and practical Conference dedicated to the 90th anniversary of the the day of formation of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. Ryazan, 2024. pp. 334-357.
2. The project "Social Adaptation Center of Probation for former convicts". [electronic resource]. - URL: <https://президентскиегранты.ру/public/application/item?id=03cddbba-aa4a-426b-95f4-334df89262e0#winner-target>
3. Berезovskaya A. Y. Implementation of educational, social and psychological work by penal enforcement inspections // Bulletin of the young scientist of the Kuzbass Institute : Collection of scientific articles. Novokuznetsk, 2024. pp. 12-15.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_428

УДК 343.9

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕМЬИ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВА СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА. FAMILY SOCIOECONOMIC STATUS AS A CIRCUMSTANCE IN THE DEVELOPMENT OF A JUVENILE OFFENDER'S PERSONALITY

ЦВЕТКОВА Елена Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
Россия, 600020, г. Владимир, ул. Горького д. 87.
E-mail: cvetcova-e@mail.ru;

TSVETKOVA Elena Vladimirovna,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines at the Law Institute
of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's.
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation.
E-mail: cvetcova-e@mail.ru

Краткая аннотация: В статье изучается влияние социально-экономического состояния семьи на развитие и формирование личности несовершеннолетнего. Подчеркивается, что нехватка средств или ограничение возможностей реализовать подростком в полной мере свой потенциал, недостаток позитивного общения со сверстниками, может спровоцировать утрату мотивации жизненных интересов, что увеличивает риск вовлечения в преступную деятельность.

Abstract: This article examines the influence of family socioeconomic status on the development and formation of a juvenile's personality. It emphasizes that a lack of resources or limited opportunities for adolescents to realize their full potential, as well as a lack of positive interactions with peers, can trigger a loss of motivation for life interests, increasing the risk of involvement in criminal activity.

Ключевые слова: несовершеннолетний, совершение преступления, причины, родители, семья, доход семьи, многодетная семья, обучение.

Keywords: juvenile, crime, causes, parents, family, family income, large family, education.

Для цитирования: Цветкова Е.В. Социально-экономическое положение семьи как обстоятельства становления личности несовершеннолетнего преступника // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 428-430. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_428.

For citation: Tsvetkova E.V. Family socioeconomic status as a circumstance in the development of a juvenile offender's personality // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 428-430. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_428.

Статья поступила в редакцию: 01.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Противоправные действия среди несовершеннолетних представляют собой одну из самых острых проблем в современном обществе. Юные граждане, непрерывно активно взаимодействуют с окружающим миром, переживают как положительные, так и отрицательные моменты поведения ровесников и старшего поколения. Каждое правонарушение, совершенное лицом, не достигшим совершеннолетия, имеет множество факторов, обусловленных с точки зрения криминологии.

Однако, первостепенным значением обладает семья, поскольку самые начальные принципы и нормы социального взаимодействия ребенок получает там. Именно поэтому модели поведения, правила коммуникации и система ценностей, принятая в семейной среде, усваиваются наиболее четко и часто становятся личным убеждением. Это объясняется тем, что влияние семьи, особенно негативное, формирует характер и поведение ребенка с ранних лет. Такое воздействие старательно усваивается и проявляется в подростковом возрасте в виде противоправных действий, которые влекут привлечение к уголовной ответственности. Л.Л. Каневский писал: «Анализируя роль родителей в противоправном поведении подростка, надо иметь в виду, что все родители, независимо от их морального облика и поведения, оказывают на своих детей определенное влияние: 1. внедряют в их сознание определенную систему норм, которые становятся для ребят внутренней потребностью, 2. дети во всем подражают родителям, стараются стать такими же, как они, 3. зная внутренний мир ребенка, родители формируют его самосознание и коммуникативные качества» [1. С.223].

Понимание роли и функций семьи, а также происходящих в ней изменений, необходимо для разработки эффективной социальной политики, направленной на поддержку семьи и защиту прав детей. Изучение семьи помогает лучше понимать процессы социализации, формирования личности и социальную структуру общества в целом. Эта позиция закреплена на государственном уровне в «Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года»[2], определяющей духовно-нравственных традиций и ресурсов семейного воспитания как стратегическое внутреннее направление Российской Федерации; в «Национальном проекте «Семья»»(на 2025-2030 годы)[3].

В настоящее время видим существенные изменения в институте семьи - структурная неполнота семьи, материальные, жилищные проблемы, что формирует личностную позицию родителей по отношению к воспитанию детей.

Среди неблагоприятных факторов, непосредственно влияющих на совершение несовершеннолетним преступления, можно в первую очередь назвать общую семейную атмосферу, если она оказывает деструктивное воздействие на психику ребенка [4.С. 268, 270]. Такая обстановка включает в себя противоправное поведение родителей, отсутствие общепринятых моральных ценностей и нездоровую эмоциональную

атмосферу. Неблагополучие в семье обычно характеризуется рядом условий, которые оказывают влияние на формирование личности несовершеннолетнего правонарушителя. К ним относятся социальное положение родителей, включая уровень образования и низкий доход семьи, что негативно сказывается на положении подростка в обществе сверстников.

Роль родителей в соответствии с их социальным статусом влияет на поведение несовершеннолетнего, выбор его дальнейших ориентиров и ценностей в жизни.

Для несовершеннолетнего семья является не просто ячейкой общества, она выступает проводником ценностей, бережно передавая из поколения в поколение нравственные ориентиры и создавая поведенческие модели, которые определяют будущий образ нового поколения. Вглядываясь в многообразие факторов, влияющих на функционирование современной семьи, можем различить ее уникальные черты, уловить доминирующие приоритеты и оценить ценностные установки, которыми она наделяет грядущие поколения.

Существенной проблемой является то, что социальные установки старшего поколения остаются неизменными на протяжении десятилетий и ориентированы на получение высшего образования детьми независимо от их природных способностей и талантов. На протяжении нескольких поколений в российском обществе сложилась устойчивая тенденция к приоритету высшего образования, при этом его отсутствие часто воспринимается как личная драма для выпускника средней школы. Возникает противоречие между общественным восприятием подростком профессионального выбора и реальными потребностями государства в рабочей силе. Выбор профессии выпускником школы кажется частным решением, однако с криминологической точки зрения это явление отражает более глубокие процессы: усиливающееся социальное расслоение в России, изменение восприятия социального статуса различных профессий в общественном сознании и новую социальную иерархию [5.С. 68-83].

Успешность передачи профессионального опыта между поколениями в семье определяется несколькими ключевыми факторами: экономической и политической стабильностью государства, уровнем развития социальной инфраструктуры в городах и населенных пунктах, обеспечивающих комплексное развитие и социализацию подростков, снижение социальных рисков в образовательной и досуговой сферах [6.С. 365].

Для родителей первостепенное значение имеют финансовая стабильность и благополучие. Стремление обеспечить детям более высокий уровень жизни связано с убеждением, что определенные профессиональные сферы способны приносить больший доход. Поэтому родители часто настаивают на выборе популярных профессий, несмотря на потенциальные риски такого подхода к профессиональному самоопределению.

Эта ситуация усугубляется отсутствием у большинства российских выпускников собственных средств для оплаты высшего образования, они вынуждены полагаться на финансовую поддержку родителей. Проблема проявляется еще во время школьного обучения, когда родителям приходится оплачивать услуги репетиторов для успешной сдачи ЕГЭ. Сокращение бюджетных мест в вузах делает получение бесплатного высшего образования менее вероятным. При оплате обучения родители стремятся выбрать, по их мнению, наиболее перспективное направление.

На протяжении последних десятилетий в российском обществе активно формируется образ успешного предпринимателя и представителя крупного бизнеса, где главным индикатором успеха выступает капитал. Процессы долларизации и дедолларизации затронули как экономику, так и общественное сознание. В современном обществе главным критерием успеха и качества жизни становится наличие денежных средств, что отражает переход от традиционных ценностей к рыночным, где деньги играют ключевую роль.

Экономический компонент семейного капитала включает материальные активы и чутко реагирует на социальные изменения. Так, семьи с низким капиталом преимущественно ориентированы на практический аспект получения профессии – возможность трудоустройства на хорошую работу (около половины таких семей ставят эту причину на первое место). Семьи с высоким и средним капиталом придерживаются комплексного подхода; семьи со средним капиталом акцентируют внимание на развитии способностей детей как ресурсе для успешного трудоустройства.

Наблюдается разница в профессиональном выборе у подростков, воспитывающихся в полной и неполной семье. Допускаем, что несовершеннолетние, выросшие в неполных семьях, чаще склоняются к профессиям социальной направленности, стараясь таким образом преодолеть пережитый опыт и предотвратить возможные трудности при создании собственной семьи в будущем и выбирают обучение по соответствующим направлениям.

Количество детей в семье также влияет на выбор учебного заведения (получение среднего профессионального образования или высшего) и будущей профессии. В семьях, где воспитывается один ребенок родители уделяют больше внимания образованию и выбору профессиональной деятельности. В многодетных семьях, где родителям сложнее уделять индивидуальное внимание каждому ребенку, формируется большая самостоятельность в выборе образовательного учреждения и получении профессии, в связи с менее обширными знаниями об учебных заведениях и обучением по новым специальностям по сравнению с семьей с единственным ребенком.

Таким образом, анализ показал наличие прямой связи между экономической ситуацией в семье и профессиональной мобильностью при получении дальнейшего образования после 9 или 11 класса.

Представители семей с высоким доходом чаще всего могут не искать подработку во время обучения в среднем профессиональном или высшем заведении. В то же время среди молодых людей из семей с низким доходом вдвое больше тех, кто вынужден работать при получении образования и часто не по своей специальности. При уменьшении семейного дохода возрастает интенсивность поиска дополнительных мест работы.

Таким образом, семейное социально-экономическое положение играет исключительно важную роль в становлении личности подрост-

ка и может существенно сказываться на его причастности к совершению преступления. Семейные проблемы, неполноценность семьи, регулярные разногласия между родителями или отсутствие одного из них, способны сформировать у несовершеннолетнего ощущение нестабильности и незащищенности. Несовершеннолетние, воспитываемые в подобных обстоятельствах, чаще сталкиваются с эмоциональными сложностями, увеличивающими вероятность формирования отклоняющегося поведения. Недостаток эмоциональной близости, поддержки и понимания со стороны родителей может спровоцировать поиск подростком признания и принадлежности в антиобщественных сообществах, которые могут склонить его к совершению преступлений. Круг ровесников играет ключевую роль в развитии социальных связей и обмене информацией. Принятие среди сверстников имеет огромное значение для них. Как правило, подростки тяготеют к общению с теми, кто разделяет их проблемы, переживания, и обладает схожим количеством свободного времени.

Даже при наличии расхождений во мнениях, подростки часто ставят солидарность с группой выше собственных убеждений. Криминальные группы сверстников становятся не только почвой для формирования антисоциальных взглядов, привычек и навыков, обеспечивают психологическую поддержку при совершении противоправных действий под предлогом «все так делают», но и активно вовлекают в деструктивное поведение. В таких группах особенно значимо мнение лидера или ядра группы.

Нищета, незнание и нехватка перспектив для самовыражения могут порождать ощущение безысходности и подталкивать подростка к совершению противоправных действий в целях получения материальной выгоды.

Стоит подчеркнуть, что анализ различий в профессиональном выборе между детьми из полных и неполных семей требует предельной деликатности, дабы избежать стереотипизации, условности.

Тем не менее, общие наблюдения и научные исследования позволяют выделить определенные тенденции, которые, в свою очередь, могут опосредованно влиять на формирование преступного поведения, а именно:

- Неудовлетворенность: если подросток из неполной семьи вынужден прервать обучение и устроиться на низкооплачиваемую работу ради финансовой поддержки семьи, у него может возникнуть чувство досады и раздражения, что стимулирует его к поиску альтернативных, более «простых» путей заработка, совершение общественно опасного деяния.

- Общественное неравенство: ощущение социальной несправедливости и ущемления прав, обусловленное ограниченными возможностями и невысоким социальным статусом, приведет к озлобленности и протестному поведению, способному перерасти в преступления (например, распространение наркотических и психотропных веществ).

- Отсутствие перспектив: отсутствие перспектив карьерного роста и возможности реализовать свой потенциал может привести к потере мотивации и интереса к жизни, что подтолкнет подростка к поиску «острых ощущений» в криминальной среде (как пример, вступление в террористические и экстремистские группировки).

- Негативное окружение: низкооплачиваемая работа часто связана с работой в неблагополучных районах и контактами с людьми, склонными к девиантному поведению, что увеличивает риск вовлечения в преступную деятельность.

Однако, важно помнить, что это лишь общая тенденция, и многое зависит от других факторов и индивидуальных особенностей каждого несовершеннолетнего. Поддержка, образование и равные возможности для всех детей, независимо от их семейного положения, являются ключевыми факторами профилактики преступности.

Список литературы:

1. Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних. Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. с.223
2. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития России) [Электронный ресурс]: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/ (дата обращения 27.08.2025 г).
3. Национальный проект «Семья» [Электронный ресурс]: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/ (дата обращения 27.08.2025 г).
4. Гриненко А.В., Потопов В.Д., Цветкова Е.В. Влияние неблагополучной семьи на формирование личности несовершеннолетнего преступника// Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т.14. Вып.1. С. 266–279.
5. Карцева Л.В. Профориентационные установки родителей старшеклассников и их влияние на профессиональное самоопределение учащихся школы// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 2 (54). С. 68–83.
6. Павлов Б. С., Сараикин Д. А., Кузьмин А. И., Павлов Д. Б. Влияние института родительской семьи на профессиональную ориентацию учащихся и студентов// Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития: IX Уральский демографический форум: международная научная конференция (г. Екатеринбург, 8-9 июня 2018 г.): сборник статей. - Екатеринбург, 2018. Т. 2. С. 362-376.

References:

1. Kanevsky, L.L. Forensic Problems of Investigation and Prevention of Juvenile Crime. Krasnoyarsk State University Press, 1991, p. 223
2. Forecast of the Long-Term Socioeconomic Development of the Russian Federation through 2030 (developed by the Ministry of Economic Development of Russia) [Electronic resource]: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/ (accessed on August 27, 2025).
3. National Project "Family" [Electronic resource]: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/ (accessed on August 27, 2025).
4. Grinenko, A.V., Potapov, V.D., Tsvetkova, E.V. The Impact of Dysfunctional Family on the Formation of the Personality of a Juvenile Offender// Bulletin of St. Petersburg University. Law. 2023. Vol. 14. Issue 1. Pp. 266–279.
5. Kartseva L.V. Career Guidance Attitudes of Parents of High School Students and Their Impact on the Professional Self-Determination of School Students// Bulletin of N.I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences. 2019. No. 2 (54). Pp. 68–83.
6. Pavlov B.S., Saraikin D.A., Kuzmin A.I., Pavlov D.B. The Impact of the Institution of the Parental Family on the Professional Guidance of Pupils and Students// Demographic and Family Policy in the Context of the Sustainable Development Goals: IX Ural Demographic Forum: International Scientific Conference (Yekaterinburg, June 8–9, 2018): Collection of Articles. - Ekaterinburg, 2018. Vol. 2. P. 362-376.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТАТОЧНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ПРИНЯТИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА SOME ASPECTS OF IMPROVING THE LEGAL REGULATION OF MECHANISMS FOR ENSURING THE SUFFICIENCY OF EVIDENCE WHEN MAKING PROCEDURAL DECISIONS AT THE STAGE OF INITIATING A CRIMINAL CASE

ВОЗНЮК Екатерина Петровна,

«Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя», адъюнкт
Начальник отдела дознания ОМВД России по Центральному району г. Калининграда, подполковник полиции г. Калининград, Россия.
ул. Академика Волгина, 12 корп. 1, г. Москва, 117437, Россия.
E-mail: ekaterina007689230789@gmail.com;

VOZNYUK Ekaterina Petrovna,

V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Associate Professor
Head of the Investigation Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Central District of Kaliningrad,
Lieutenant Colonel of the Kaliningrad police, Russia.
Akademika Volgina str., 12 bldg. 1, Moscow, 117437, Russia.
E-mail: ekaterina007689230789@gmail.com

Краткая аннотация: Поскольку цели и задачи, которые стоят перед следователем (дознавателем) на разных этапах уголовного судопроизводства, отличаются, своей спецификой обладают и механизмы обеспечения достаточности доказательств на этих этапах. Статья посвящена обоснованию необходимости совершенствования правового регулирования механизмов обеспечения достаточности доказательств на стадии возбуждения уголовного дела, так как анализ законодательства и правоприменительной практики показывает наличие некоторых проблем и пробелов в этом направлении.

Abstract: Since the goals and objectives of the investigator (interrogator) differ at different stages of criminal proceedings, the mechanisms for ensuring the sufficiency of evidence at these stages also have their own specific features. The article is devoted to substantiating the need to improve the legal regulation of mechanisms for ensuring the sufficiency of evidence at the stage of initiating a criminal case, as an analysis of legislation and law enforcement practice shows that there are some problems and gaps in this area.

Ключевые слова: достаточные доказательства, достаточные данные, возбуждение уголовного дела, отказ в возбуждении уголовного дела, субъект обеспечения достаточности доказательств.

Keywords: sufficient evidence, sufficient data, initiation of a criminal case, refusal to initiate a criminal case, subject of ensuring the sufficiency of evidence.

Для цитирования: Вознюк Е.П. Некоторые аспекты совершенствования правового регулирования механизмов обеспечения достаточности доказательств при принятии процессуальных решений на стадии возбуждения уголовного дела // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 431–433. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_431.

For citation: Voznyuk E.P. Some aspects of improving the legal regulation of mechanisms for ensuring the sufficiency of evidence when making procedural decisions at the stage of initiating a criminal case // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 431–433. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_431.

Статья поступила в редакцию: 31.07.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Совокупность законодательных требований на стадии возбуждения уголовного дела содержит положения о достаточности, но не доказательств, а данных в соответствии с ч. 2 ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1], а также обоснованности решений, принимаемых по результатам рассмотрения сообщения о преступлении (ч. 4 ст. 7, ч. 3 ст. 125, ч. 6 ст. 148 УПК РФ). При этом можно утверждать, что категория «достаточные данные» определяет не качество доказательств, а необходимый уровень внутреннего убеждения уполномоченного субъекта [2, С. 26; 3, С. 54].

Так, несмотря на то, что форма источников доказательственной информации положениям ч. 2 ст. 74 УПК РФ не соответствует, по содержанию те же объяснения признаются доказательствами как высшими судебными инстанциями, так и законодателем. Такой подход выглядит вполне оправданным, ввиду того, что установление определенной совокупности сведений о фактах, гарантирующих обоснованность принятия одного из процессуальных решений, предусмотренных ч. 1 ст. 145 УПК РФ, является непосредственной задачей исследуемой стадии, в связи с этим использование каких-либо сведений, не обладающих свойствами относимости, допустимости и достоверности, представляется невозможным. В этой связи не по форме, но по содержанию верно утверждение А.Т. Валеева, указывающего на то, что «... закон и практика требует оценить достаточность доказательств при принятии решения о возбуждении уголовного дела ...» [4, С. 39].

Однако, как правило, исследователи связывают необходимость обеспечения достаточности доказательств с самой возможностью их формирования. Так, Р.В. Костенко пишет, что «в стадии возбуждения уголовного дела решать вопрос о достаточности доказательств не представляется возможным по причине отсутствия самих доказательств, поэтому и обстоятельства, исключающие производство по делу, следует устанавливать с помощью достаточных доказательств только после возбуждения уголовного дела» [5]. В свою очередь, Л.М. Карнеева, указывая на сходство процессуальной деятельности до возбуждения уголовного дела и после возбуждения уголовного дела отмечает, что в ходе рассмот-

рения сообщения о преступлении допускается проведение следственных действий и формирование доказательств в результате их проведения [6, С. 94-96]. Такой вывод следует и из буквального толкования ч. 1 ст. 144 УПК РФ. В связи с этим утверждение Р.В. Костенко об отсутствии доказательств на данной стадии звучит неубедительно. Также А.В. Победин и В.Н. Яшин утверждают, что на стадии возбуждения уголовного дела осуществляется уголовно-процессуальное доказывание [7, С. 20].

Можно резюмировать, что требование о достаточности доказательств на стадии возбуждения уголовного дела предъявляется к уполномоченным органам и должностным лицам как через систему норм, содержащихся в уголовно-процессуальном законе, так и посредством выработанных судебной практикой, а также ведомственными нормативными правовыми актами специальных положений о качестве и количестве сведений, подлежащих установлению, для принятия процессуального решения. Особенность нормативного закрепления требования о достаточности доказательств на стадии возбуждения уголовного дела состоит в том, что оно предъявляется не к процессуальной форме закрепления доказательств, предусмотренной в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, а к содержанию доказательств, соответствию их свойствам допустимости, относимости и достоверности.

Важное место в системе обеспечения достаточности доказательств занимает субъект обеспечения достаточности доказательств. Состав субъектов обеспечения достаточности доказательств при совершении процессуальных действий, предусмотренных ч. 1, 7-9 ст. 144 УПК РФ, принятии процессуальных решений о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела и передачи сообщения по подследственности идентичен. Так, положения ч. 1 ст. 144 УПК РФ определяют круг органов и должностных лиц, уполномоченных проводить проверку сообщения о преступлении, а в ст. 146, 148 УПК РФ – принимать решение о возбуждении и об отказе в возбуждении уголовного дела. Здесь следует отметить, что п. 7 ст. 5 УПК РФ порождает правовую неопределенность в части того кого считать лицом, уполномоченным начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания (участковый уполномоченный, сотрудник патрульно-постовой службы, «и.о. дознавателя»), что имеет большое значение для оценки законности получения доказательств, а значит и их допустимости [8, С. 201]. Это в свою очередь влияет на объем тех доказательств, которые можно оценивать с точки зрения достаточности.

В правоприменительной практике эту неопределенность преодолевают через отдельные ведомственные приказы по соответствующему органу внутренних дел или отдельные поручения начальника органа дознания о проведении проверки сообщения о преступлении. Именно усмотрение начальника органа дознания при выборе лица для наделения полномочий дознавателя, является важной процессуальной гарантией, обеспечивающей публичные интересы по установлению обстоятельств совершенного преступления и собирания доказательств даже в том случае, если должностного лица, правомочного осуществлять дознание в той или иной местности просто нет, а необходимые следственные и процессуальные действия производить необходимо. Представляется, что для обеспечения единства правового регулирования, необходимо дополнить ч. 1 ст. 41 УПК РФ положением о том, то перечень должностей, находясь на которых лицо может быть наделено полномочиями дознавателя, определяется нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, в состав которых входят органы дознания. Такое предложение повышает правовую определенность процессуального механизма обеспечения достаточности доказательств при принятии решения о производстве неотложных следственных действий.

Проблема надлежащего субъекта в механизме обеспечения достаточности на исследуемой стадии проявляется при решении вопроса о подследственности. Однако, в силу того, что сообщение о преступлении не всегда содержит в себе все необходимые признаки состава преступления для правильной квалификации, то и определение подследственности на первоначальном этапе проверки сообщения о преступлении может быть затруднено. Более того, к решению о передаче сообщения по подследственности (в отличие от двух других видов решений, предусмотренных ч. 1 ст. 145 УПК РФ) уголовно-процессуальный закон никаких специальных требований не предъявляет. При этом некоторые исследователи отмечают, что указанное решение используется как способ для сокрытия нарушения сроков уголовного судопроизводства [9] (анализ правоприменительной практики это подтверждает, в 21% материалов проверки по изученным уголовным делам постановление о передаче по подследственности выносилось два и более раза), а также для уклонения от принятия решения о возбуждении уголовного дела [10, С. 83]. Обозначенная негативная практика является следствием отсутствия требования о достаточности доказательств к решению о передаче сообщения по подследственности.

И.С. Дикарев обоснованно утверждает, что подследственность это «отнесенность уголовного дела или материала проверки сообщения о преступлении к компетенции конкретного органа предварительного расследования, при этом круг обстоятельств, которые влияют на подследственность значительно шире признаков преступления (например, местонахождение обвиняемого или большинства свидетелей, что прямо предусмотрено ч. 4 ст. 152 УПК РФ)» [11, С. 114]. В связи с этим требование о наличии достаточных данных о признаках преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ) при возбуждении дела, а также об их отсутствии (ч. 1 ст. 148 УПК РФ) при отказе, для решения о передаче по подследственности не применимо, а значит, необходимо специальное регулирование.

Обозначенная И.С. Дикаревым «отнесенность» того или иного материала проверки к компетенции конкретного органа должна быть объективно установлена посредством достаточных доказательств при этом не только с учетом положений ст. 151 УПК РФ, но и ст. 152 УПК РФ, где раскрываются особенности территориальной подследственности. С учетом того, что решение, предусмотренное п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ принимается на стадии возбуждения уголовного дела можно воспользоваться формулировкой «достаточные данные» по аналогии с ч. 2 ст. 140 УПК РФ. Требование о необходимости обеспечения принимаемого решения о передаче по подследственности «достаточными данными» позволит снизить риски, связанные с необоснованной передачей материала проверки в другой орган. В связи с этим предлагается изложить п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ в следующей редакции: «...о передаче сообщения по подследственности при наличии достаточных данных об обстоятельствах,

предусмотренных в статьях 151 и 152 настоящего Кодекса, а по уголовным делам частного обвинения – о передаче сообщения в суд в соответствии с частью второй статьи 20 настоящего Кодекса».

Некоторые проблемы правовой определённости отмечаются при принятии решений об отказе в возбуждении уголовного дела и возбуждении уголовного дела.

Так, Конституционным Судом РФ установлено, что «применение основания, предусмотренного п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, предполагает предварительное подтверждение доказательствами, собранными в объеме, достаточном для установления совершения конкретным лицом общественно опасного деяния, с тем чтобы принять законное, обоснованное и мотивированное процессуальное решение» [12]. Такой подход справедливо обусловлен тем, что законодатель связывает момент возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица с формированием подозрения, которое основывается на положениях уголовного закона, является предпосылкой для уголовно-процессуальной деятельности и подлежит установлению в надлежащем процессуальном порядке. Подозрение влечет возможность применения мер принудительного воздействия, поскольку, как отмечает Конституционный Суд РФ, выступает направленной против конкретного лица обвинительной деятельностью, которая подтверждаться актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела [13]. С началом такой деятельности действующий уголовно-процессуальный закон связывает возникновение у лица права на защиту (п. 2 ч. 3 ст. 49 УПК РФ).

Обозначенный фактор позволяет предположить, что отказ в возбуждении (ч. 1 ст. 148 УПК РФ) и возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица требует повышенных гарантий обеспечения достаточности в отличие от возбуждения уголовного дела по факту совершения преступления или отказа в возбуждении уголовного дела по иным основаниям, отличным от п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

Между тем, повышенные требования по обеспечению достаточности доказательств при принятии решения о возбуждении уголовного дела и отказе в его возбуждении в отношении конкретного лица в УПК РФ конкретно не сформулированы.

В связи с этим положения ст. 146 УПК РФ необходимо дополнить ч. 5.1 следующего содержания: «Уголовное дело в отношении конкретного лица возбуждается не иначе как при подтверждении доказательствами, собранными в объеме, достаточном для установления совершения им общественно опасного деяния», а ч. 1 ст. 148 УПК РФ после слов «... в отношении конкретного лица» дополнить словами «... что подтверждено достаточными доказательствами для принятия законного, обоснованного и мотивированного процессуального решения».

Обозначенные изменения уголовно-процессуального закона позволят легализовать в законе те требования, которые в настоящее время сформулированы на уровне решений Конституционного Суда РФ и отдельных органов предварительного расследования, а также повысить уровень правовой определённости механизма обеспечения достаточности доказательств при принятии решений о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.06.2025)//СПС КонсультантПлюс: режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 22.06.2025 г.)
2. Арсеньев В. Д. Доказывание фактических обстоятельств дела в советском уголовном процессе: дисс. ... док. юрид. наук. - Иркутск, 1966. Т.2.
3. Кузнецов Н. П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. - Воронеж, 1983.
4. Валева А. Т. Средства доказывания в российском уголовном судопроизводстве: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / А. Т. Валева, А. М. Лютынский; Моск. гос. юрид. Ун-т имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Сев. - Зап. ин-т (филиал) Ун-та имени О. Е. Кутафина (МГЮА). - Вологда: Фонд развития филиала МГЮА имени О. Е. Кутафина в г. Вологде, 2019.
5. Костенко Р. В. Достаточность доказательств в российском уголовном процессе: дисс... канд. юрид. наук: 12.00.09: уголовный процесс; криминалистика; теория оперативно-розыскной деятельности. Краснодар, 1999.
6. Карнеева Л. М. Доказывание при отказе в возбуждении уголовного дела // Советское государство и право. - 1975. - № 2.
7. Возбуждение уголовного дела. Теория, практика, перспективы. Учебное пособие для вузов / Яшин В. Н., Победкин А. В. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.
8. Теория и практика возбуждения уголовного дела: учебное пособие / Т. Ю. Вилкова, Л. Н. Масленникова, А. А. Собенин и др.; отв. ред. Л. Н. Масленникова, Т. Ю. Вилкова. - Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2022.
9. Рыжаков А. П. Передача сообщения по подследственности как способ сокрытия нарушения законности//Доступ из: СПС КонсультантПлюс, 2020.
10. Ларин А. М. Структура возбуждения уголовного дела // Советское государство и право. - 1978. - № 5.
11. Дикарев И. С. Подследственность в уголовном процессе: вопросы теории и законодательной регламентации // Журнал российского права. 2020. - № 4.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.06.2021 № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.К. Михайлова» // Российская газета. - № 137. 23.06.2021.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // Российская газета. - № 128. 04.07.2000.

References:

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ dated December 18, 2001 (as amended on 06/07/2025)//SPS ConsultantPlus: access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (date of application: 06/22/2025)
2. Arsenyev V. D. Proving the factual circumstances of the case in the Soviet criminal process: diss. ...the dock. jurid. sciences'. Irkutsk, 1966. Vol.2.
3. Kuznetsov N. P. Evidence at the stage of initiation of a criminal case. Voronezh, 1983.
4. Valeev A. T. Means of evidence in Russian criminal proceedings: pre-trial stages: educational and practical. manual / A. T. Valeev, A.M. Lyutynsky; Moscow State Law. O. E. Kutafin University (MGUA). North -West Institute (branch) of the O. E. Kutafin University (MGUA). Vologda: Foundation for the Development of the O. E. Kutafin Moscow State Law University Branch in Vologda, 2019.
5. Kostenko R. V. Sufficiency of evidence in Russian criminal proceedings: Dissertation of the Candidate of Law: 12.00.09: criminal procedure; criminalistics; theory of operational investigative activities. Krasnodar, 1999.
6. Karneeva L. M. Evidence in case of refusal to initiate criminal proceedings // The Soviet State and law. - 1975. - No. 2.
7. Initiation of a criminal case. Theory, practice, prospects. Textbook for universities / Yashin V. N., Pobedkin A.V. - Moscow: UNITY-DANA, 2002.
8. Theory and practice of criminal proceedings: a textbook / T. Y. Vilkova, L. N. Maslennikova, A. A. Sobenin et al.; edited by L. N. Maslennikova, T. Y. Vilkova. Moscow: NORMA, INFRA-M, 2022.
9. Ryzhakov A. P. Transmission of a message under investigation as a way to conceal a violation of legality//Access from: SPS ConsultantPlus, 2020.
10. Larin A.M. The structure of criminal proceedings // The Soviet State and law. - 1978. - № 5.
11. Dikarev I.S. Investigative procedure in criminal proceedings: issues of theory and legislative regulation // Journal of Russian Law. - 2020. - № 4.
12. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 06/15/2021 No. 28-P "In the case of checking the constitutionality of paragraph 2 of the first part of Article 24 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen D.K. Mikhailov" // Rossiyskaya Gazeta. - No. 137. 06/23/2021.
13. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 06/27/2000 No. 11-P "In the case of checking the constitutionality of the provisions of Part one of Article 47 and Part two of Article 51 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen V.I. Maslov" // Rossiyskaya Gazeta. - No. 128. 04.07.2000.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_434

УДК 343.85

О НЕОБХОДИМОСТИ ВОВЛЕЧЕНИЯ ОРГАНОВ УИС В ВЫЯВЛЕНИИ ЛИЦ С ПСИХИЧЕСКИМИ ОТКЛОНЕНИЯМИ ON THE NEED TO INVOLVE THE UIS AUTHORITIES IDENTIFICATION OF PERSONS WITH MENTAL DISABILITIES

БОРОВСКИХ Роман Николаевич,

ведущий научный сотрудник

Института философии и права Сибирского отделения РАН, доктор юридических наук, доцент.

630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8.

E-mail: borovskih80@yandex.ru;

ЗЫКОВ Даниил Алексеевич,

кандидат юридических наук, доцент,

заведующий кафедрой публично-правовых дисциплин факультета права

и управления, Владимирский юридический институт ФСИН России,

доцент кафедры экономики, управления и права,

Покровский филиал Московского педагогического государственного университета.

600020, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.

E-mail: daniilzykov@mail.ru;

САВИН Андрей Александрович,

Адвокат, кандидат юридических наук.

Россия.

E-mail: Aasavin33@mail.ru;

BOROVSKIKH Roman N.,

Leading Researcher Institute of Philosophy and Law Siberian Branch

of the Russian Academy of Sciences, Doctor of law, Associate Professor.

8 Nikolaeva St., Novosibirsk, 630090.

e-mail: borovskih80@yandex.ru;

ZYKOV Daniil A.,

Chief of Public Law Studies Department of the faculty of law and management

of Vladimir law institute of the federal penitentiary service of Russia, Associate Professor

of the Department of Economics, Management and Law of the Pokrovsky Branch

of the Moscow Pedagogical State University, PhD (Law), Associate Professor.

67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia

E-mail: daniilzykov@mail.ru;

SAVIN Andrei Aleksandrovich,

advocate, PhD in Law.

Russia.

E-mail: Aasavin33@mail.ru

Краткая аннотация: Постановление Конституционного Суда РФ № 54-П от 24.11.2023 г. и принятый в августе 2023 года Федеральный закон № 465-ФЗ подчеркивают высокую социальную значимость принудительного медицинского лечения в России. Эти законодательные акты свидетельствуют о необходимости совершенствования системы психиатрической помощи и защиты прав граждан, особенно тех, кто столкнулся с правонарушениями на фоне возможных психических расстройств. Закон № 465-ФЗ вносит существенные изменения в законодательство о психиатрической помощи, уточняя порядок психиатрического освидетельствования и госпитализации, а также механизмы защиты прав пациентов, находящихся в психиатрических учреждениях. Это особенно актуально в свете частых случаев, когда лица, совершившие преступления или проступки, демонстрируют признаки отклоняющегося поведения, требующего тщательного психиатрического обследования. Вопрос о принудительном лечении всегда остается этически сложным и вызывает острую общественную дискуссию. С одной стороны, необходимо защитить общество от потенциально опасных лиц, страдающих психическими заболеваниями, которые могут представлять угрозу для себя или окружающих. С другой стороны, абсолютно необходимо обеспечить строгое соблюдение прав таких пациентов, предотвращая злоупотребления и нарушения их достоинства. Законодательство стремится найти баланс между этими двумя противоречивыми целями. В свете вышеуказанного, необходима дополнительная подготовка медицинских работников и правоохранительных органов, органов уголовно-исполнительной системы (далее УИС), повышение их компетенции в области психиатрии и защиты прав человека.

Abstract: The Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 54-P dated 11/24/2023 and Federal Law No. 465-FZ adopted in August 2023 emphasize the high social importance of compulsory medical treatment in Russia. These legislative acts indicate the need to improve the system of psychiatric care and protect the rights of citizens, especially those who have experienced offenses against the background of possible mental disorders. Law No. 465-FZ introduces significant changes to the legislation on psychiatric care, clarifying the procedure for psychiatric examinations and hospitalization, as well as mechanisms for protecting the rights of patients in psychiatric institutions. This is especially true in light of the frequent cases where perpetrators of crimes or misdemeanors show signs of deviant behavior that require a thorough psychiatric examination. The issue of compulsory medical treatment always remains ethically complex and causes acute public debate. On the one hand, it is necessary to protect society from potentially dangerous people suffering from mental illnesses who may pose a threat to themselves or others. On the other hand, it is absolutely necessary to ensure strict observance of the rights of such patients, preventing abuse and violations of their dignity. The legislation seeks to find a balance between these two contradictory goals. In the light of the above, additional training is needed for medical professionals and law enforcement agencies, bodies of the penal correction system (hereinafter referred to as the Penal correction system), and increasing their competence in the field of psychiatry and human rights protection.

Ключевые слова: психическое заболевание, выявление, меры принуждения, уголовно-исполнительная система (УИС).

Keywords: mental illness, detection, coercive measures, the penal system.

Для цитирования: Боровских Р.Н., Зыков Д.А., Савин А.А. О необходимости вовлечения органов УИС в выявлении лиц с психическими отклонениями // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 434-436. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_434.

For citation: Borovskikh R.N., Zykov D.A., Savin A.A. On the need to involve the UIS authorities identification of persons with mental disabilities // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 434-436. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_434.

Статья поступила в редакцию: 10.09.2025
Дата публикации: 03.10.2025

Заболевание, вне зависимости от его природы и тяжести, неизбежно оказывает влияние на качество жизни человека. Это влияние может быть кратковременным, как при обычной простуде, или длительным, простирающимся на многие годы, как при хронических заболеваниях, таких как сахарный диабет или ревматоидный артрит. В некоторых случаях, болезнь сопровождает человека всю его жизнь, существенно изменяя её ритм и наполнение. Важно понимать, что воздействие заболевания – это не просто побочный эффект, а неотъемлемая его часть, тесно связанная с этиологией, патогенезом и клиническим течением.

Характер заболевания, его острота или хроничность, играют определяющую роль в выборе методов лечения и прогнозировании исхода. Например, острое респираторное заболевание (ОРЗ), вызванное вирусом гриппа, обычно проходит за 7-10 дней при адекватном лечении и соблюдении режима. Однако, даже такое, казалось бы, безобидное заболевание, может привести к осложнениям, таким как пневмония или отит, требующие более длительного и интенсивного лечения. В некоторых случаях, ОРЗ может спровоцировать обострение хронических заболеваний, например, сердечной недостаточности или бронхиальной астмы. Смертельные исходы от ОРЗ, хотя и редки, все же возможны, особенно у людей с ослабленным иммунитетом или тяжелыми сопутствующими заболеваниями.

С другой стороны, онкологические заболевания, как правило, требуют длительного и комплексного лечения, включающего хирургическое вмешательство, химиотерапию, лучевую терапию и таргетную терапию. Даже при успешном лечении, риск рецидива сохраняется, а сам процесс лечения часто сопровождается тяжелыми побочными эффектами, значительно снижающими качество жизни пациента. Прогноз при онкологических заболеваниях зависит от множества факторов, включая стадию заболевания, тип опухоли, общее состояние здоровья пациента и его индивидуальную реакцию на лечение.

Помимо соматических заболеваний, существуют и психические расстройства, которые также оказывают глубокое влияние на образ жизни человека. Алкоголизм, наркомания и токсикомания – это заболевания, характеризующиеся зависимостью от психоактивных веществ, приводящие к деструктивным изменениям в личности, социальной дезадаптации и разрушению межличностных отношений. Лечение этих зависимостей – длительный и сложный процесс, требующий комплексного подхода, включающего медицинскую помощь, психотерапию и социальную реабилитацию. Необходимо отметить, что стигматизация, связанная с этими заболеваниями, зачастую препятствует своевременному обращению за помощью.

Более того, влияние заболеваний на образ жизни часто не ограничивается самим течением болезни и лечением. Они могут приводить к изменениям в социальном статусе, финансовом положении, семейных отношениях и профессиональной деятельности. Например, инвалидизирующие заболевания могут привести к потере работы и снижению уровня жизни. Хронические боли могут ограничивать физическую активность и социальную жизнь. Поэтому комплексный подход к лечению, включающий не только медицинскую помощь, но и социальную поддержку и реабилитацию, крайне важен для повышения качества жизни пациентов и адаптации к новым условиям. В последние годы большое внимание уделяется паллиативной помощи, направленной на улучшение качества жизни пациентов с неизлечимыми заболеваниями, а также психологической поддержке как самих больных, так и их близких. Развитие технологий, в частности, телемедицины, также способствует улучшению доступности и качества медицинской помощи, особенно в удаленных регионах и для пациентов с ограниченными возможностями [1].

С учетом вышеизложенного и других факторов, на уровне государства выделены две категории болезней, которые обладают значительной общественной важностью. Это закреплено в постановлении Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 года № 715. В данном акте указаны два списка: первый — социально значимые заболевания, включающий 9 болезней и их подгрупп, и второй — заболевания, представляющие опасность для окружающих, с 15 болезнями и их группами. Особую роль в этом контексте занимают психические расстройства и расстройства поведения, находящиеся в пункте 8 списка социально значимых заболеваний и отнесенные согласно Международной классификации болезней десятого пересмотра (МКБ-10), принятой 43-й Всемирной ассамблеей здравоохранения, к V классу (F00-F99) [2]. Данная уникальность объясняется особенностями заболеваний и их течения: эти расстройства связаны с функциями мозга, что определяет их характерные черты. Расстройства поведения, как и многие другие психические расстройства, сложно поддаются терапии и могут потребовать экстренной госпитализации и немедленного начала медикаментозного лечения при запущенной стадии.

Так, по мнению медицинских работников, специализирующихся на заболеваниях психики, немаловажным видится вопрос выработки обобщенного подхода к наблюдению психически больных лиц, а также формирования организационных и методических вопросов, возникающих в случае оказания психиатрической помощи, в том числе тем, в отношении которых существует судебное решение (приговор) с указанием на возложение обязанности пройти наблюдение в амбулаторных условиях [3]. Исполнение таких приговоров традиционно возлагается на специализированные организации, в частности на Уголовно-исполнительную инспекцию (УИС), что существенным образом облегчает медицинским сотрудникам проведение медицинских мероприятий пациентам. Аналогичного мнения придерживается Е. Н. Давтян, отмечая, что «теоретическая сторона проблемы затрагивает некоторые актуальные методологические вопросы, которые могут оказать серьезное влияние на дальнейшие перспективы охраны психического здоровья» [4].

Психические заболевания, как и многие другие виды недугов, оказывают значительное негативное влияние на жизнь общества и государства, затрагивая все аспекты их функционирования. Например, эти болезни имеют социальные последствия, проявляющиеся в фактическом исключении человека из общественной жизни, что ведет к ограничению его прав из-за признания его частично или полностью неспособным принимать участие в этой деятельности.

В соответствии с ранее разработанным проектом Стратегии развития системы охраны психического здоровья в Российской Федерации на период с 2019 по 2025 год, психические расстройства остаются одними из наиболее распространенных заболеваний, которые приводят к утрате трудоспособности [5]. Согласно оценкам экспертов Европейского союза, снижение производительности труда, вызванное психическими заболеваниями, составляет от 3 до 4% валового внутреннего продукта. Кроме того, важны и политические последствия, связанные с недовольством граждан проводимой социально-экономической политикой, о чем свидетельствуют события последних десятилетий по всему миру. Это подчеркивает, что здоровье населения является ключевым фактором существования и прогресса каждой нации и всего человечества. Игнорирование данного аспекта может привести к серьезным негативным последствиям, и психическое здоровье следует рассматривать как одну из приоритетных областей для внимания развитого общества.

В этой связи на государственном уровне выделены ключевые приоритеты, направленные на улучшение жизненных условий и качества жизни, среди которых особое внимание уделяется доступности основных социальных услуг, включая надлежащее медицинское обслуживание. Эта помощь может предоставляться как на добровольной основе, так и в принудительном порядке. В соответствии с частями 1 и 2 статьи 4 Федерального закона РФ от 02.07.1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании», психиатрическая помощь предоставляется при добровольном обращении гражданина либо с согласия его представителя в случаях, когда речь идет о несовершеннолетнем или недееспособном лице, за исключением некоторых случаев. Вместе с тем, в соответствии с указанной нормой, предусмотрены и исключения из общего правила, которые регулируются этим же ФЗ РФ от 02.07.1992 г. № 3185-1.

Безусловно, не все из психически больных лиц представляют опасность для себя и окружающих, но следует помнить, что не может быть одной причины совершения общественно опасного деяния, их всегда несколько, а условия, способствовавшие этому, еще более разнообразны. Среди них психическое заболевание всегда будет иметь не самое последнее место, именно оно способствует правильности оценки происходящего вокруг.

Принудительные меры медицинского характера представляют собой иные меры уголовно-правового характера, что урегулировано фактом их введения в структуру норм гл. 15 УК РФ, включающей в себя восемь статей (ст. 97–104 УК РФ). Вместе с тем реализация данных мер регулируется и положениями уголовно-процессуального законодательства, которое регулирует вопросы их применения (гл. 51 и ряд других статей УПК РФ), и уголовно-исполнительного законодательства, содержащего нормы, посвященные вопросам исполнения принудительных медицинских мер и их применения в период отбывания назначенного наказания (ч. 13 ст. 16, ч. 1 и 2 ст. 18, ч. 2.2 ст. 78, ч. 1 ст. 116 и др. УИК РФ). Участие всех правоохранительных органов, в том числе и уголовно-исполнительной системы, способно принести значительный вклад в выявление и понуждение проходить назначенные меры уголовно-правового характера лицами, кому такие меры предписаны судом.

Список литературы:

1. Исаев И. Врата бездны. Мистические механизмы наркомании и алкоголизма. М. : ЭТП, 2015. Конюкова М. Победить наркоманию. Дорога из ада. М. : Феникс, 2015. С. 160.
2. Международная классификация болезней МКБ-10. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 13.01.2025).
3. Бобров А. Е., Довженко Т. В., Кулыгина М. А. Медицинская психология в психиатрии. Методологические и клинические аспекты // Социальная и клиническая психиатрия. 2014. Т. 24, № 1. С. 70–74.
4. Давтян Е. Н. Психиатрия сегодня: последствия глобализации // Обзор психиатрии и медицинской психологии. 2012. № 4. С. 3–6.
5. Стратегия развития системы охраны психического здоровья в Российской Федерации до 2025 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44326> (дата обращения: 13.01.2025).
6. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 17 нояб. 2008 г. № 1662-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 47, ст. 5489.

References:

1. Isaev I. Gates of the Abyss. Mystical mechanisms of drug addiction and alcoholism. Moscow : ETP, 2015. Konyukova M. To overcome drug addiction. The road from hell. Moscow : Phoenix, 2015. p. 160.
2. International Classification of Diseases ICD-10. Access from the help.-Consultant Plus legal system (date of application: 01/13/2025).
3. Bobrov A. E., Dovzhenko T. V., Kulygina M. A. Medical psychology in psychiatry. Methodological and clinical aspects // Social and clinical psychiatry. 2014. Vol. 24, No. 1. pp. 70-74.
4. Davtyan E. N. Psychiatry today: the consequences of globalization // Review of psychiatry and medical psychology. 2012. No. 4. pp. 3-6.
5. Strategy for the development of the mental health system in the Russian Federation until 2025. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44326> (date of reference: 01/13/2025).
6. On the Concept of Long-term Socio-economic Development of the Russian Federation for the period up to 2020 : Decree of the Government of the Russian Federation. Of the Russian Federation dated November 17, 2008, No. 1662-r // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 47, article 5489.

СООТНОШЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ГУМАНИЗМА И СПРАВЕДЛИВОСТИ В УГОЛОВНОМ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ РОССИИ THE RELATIONSHIP BETWEEN THE PRINCIPLES OF HUMANISM AND JUSTICE IN RUSSIAN CRIMINAL AND PENAL LAW

ШАНАЗАРОВА Елена Витальевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета
Владимирский юридический институт ФСИН России.
600020, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.
e-mail: alyonapov@mail.ru;

SHANAZAROVA Elena Vitalievna,

Associate Professor of the Department of civil law disciplines' of the Faculty of Law
of Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Candidate of law, Associate Professor.
67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.
E-mail: alyonapov@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается соотношение двух основополагающих принципов уголовного и уголовно-исполнительного права России - гуманизма и справедливости. В Российской Федерации всё отраслевое законодательство строится на основополагающих принципах. Основные начала уголовного и уголовно-исполнительного закона перечислены и раскрыты в Уголовном кодексе Российской Федерации и в Уголовно-исполнительном кодексе РФ.

Abstract: The article examines the relationship between two fundamental principles of Russian criminal and penal law: humanism and justice. In the Russian Federation, all sectoral legislation is based on these fundamental principles. The basic principles of criminal and penal law are listed and explained in the Criminal Code of the Russian Federation and the Penal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: принцип гуманизма, принцип справедливости, уголовное право, уголовно-исполнительное право, уголовное наказание, осужденный, уголовно-исполнительная система.

Keywords: the principle of humanism, the principle of justice, criminal law, penal law, criminal punishment, convict, penal system.

Для цитирования: Шаназарова Е.В. Соотношение принципов гуманизма и справедливости в уголовном и уголовно-исполнительном праве России // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 437-439. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_437.

For citation: Shanazarova E.V. The relationship between the principles of humanism and justice in Russian criminal and penal law // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 437-439. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_437.

Статья поступила в редакцию: 10.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Принцип гуманизма непосредственно связан с принципом справедливости. Тем не менее между данными принципами возможны противоречия.

Рассматриваемая категория справедливости является очень древней и вызывает множество дискуссий. Применимо к современному уголовному праву, справедливость выступает в качестве соразмерного наказания за совершённое преступление.

Принцип гуманизма в уголовном праве закреплён в статье 7 Уголовного кодекса Российской Федерации. Он состоит в том, что уголовное законодательство обеспечивает безопасность человека, а наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

Необходимо отметить, что в уголовном праве принцип гуманизма проявляется двояко. С одной стороны, предполагает защиту человека как высшей ценности, охрану его прав, свобод, чести и достоинства, интересов общества от преступных посягательств, национальной безопасности в целом, а с другой стороны, характеризует отношение к виновному, назначение ему наказания или иных мер уголовно-правового характера, которые не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

Представление о гуманизме и справедливости встречается в различных нормативных документах и достаточно подробно раскрыто в философской и теоретико-правовой литературе. Однако их литературное и нормативное толкования далеко не равнозначны и поэтому вызывают у исследователей постоянный научный и практический интерес.

Современный уголовный закон ориентируется на принцип справедливости, который тесно связан с международно-правовым принципом справедливого применения закона.

В подтверждение этого можно привести статью 10 Всеобщей декларации прав человека 1948 года, которая подчеркивает: «Каждый человек имеет право на справедливое рассмотрение своего дела, основанное на равенстве, в открытом судебном заседании, при соблюдении всех требований справедливости, независимым и беспристрастным судом, для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения» [1].

Для достижения справедливости в уголовном праве необходимо учитывать три ключевые составляющие:

- характер и степень общественной опасности совершенного преступления,
- обстоятельства его совершения,
- личность виновного.

Принцип справедливости должен индивидуализировать ответственность и наказание. Применение к разным людям, совершившим одинаковые преступления, одинакового наказания было бы несправедливым, как и применение одинакового наказания к одинаково характеризующимся лицам, но совершившим разные по степени и характеру опасности преступления. Принцип справедливости означает, что суд при назначении наказания должен руководствоваться не эмоциями, не чувством мести, а объективной оценкой как совершенного преступления, так и личности виновного.

Справедливость, с одной стороны, выражена в соразмерности наказания совершенному деянию и, с другой стороны, в соответствии назначенного наказания личности осужденного в целях его исправления.

Устанавливая альтернативные санкции или относительно - определенные санкции с достаточно широким разрывом между ее нижним и верхним пределами, законодатель предоставляет суду реальную возможность индивидуализировать наказание в каждом конкретном случае, т.е. суд способен учесть при вынесении приговора все особенности как обстоятельств совершения преступления, так и личности виновного и таким образом обеспечить справедливость назначенного наказания.

Следует отметить, что в свою очередь Российское законодательство о наказании и исполнении приговоров строится на нескольких ключевых принципах. Главные из них:

- строгое следование закону (законность),
- гуманное отношение к осужденным (гуманизм),
- равенство всех осужденных перед законом,
- использование разных подходов к исполнению наказания в зависимости от личности осужденного и характера преступления (дифференциация и индивидуализация),
- применение мер принуждения только когда это действительно необходимо и оправдано (рациональное применение мер принуждения),
- использование методов исправления и поощрения правопослушного поведения осужденных (стимулирование правопослушного поведения),
- сочетание наказания с мерами, направленными на исправление осужденного (соединение наказания с исправительным воздействием).

Все эти принципы подробно описаны в статье 8 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. В сущности, система направлена не только на наказание, но и на ресоциализацию осужденных, при этом учитывая индивидуальные особенности каждого случая и избегая чрезмерного применения силы.

Принцип гуманизма в уголовно-исполнительном законодательстве проявляется в различных аспектах и формах. В Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации этот принцип реализован значительно более полно по сравнению с ранее действовавшим Уголовно-исполнительным кодексом РСФСР. Это стало результатом приведения нормативной базы России в области исполнения уголовных наказаний в соответствие с мировыми стандартами обращения с осужденными.

В частности, современный Уголовно-исполнительный кодекс акцентирует внимание на необходимости соблюдения прав человека, что подразумевает не только защиту прав осужденных, но и их ресоциализацию и интеграцию в общество. Важным шагом в этом направлении стало введение различных программ социальной адаптации, направленных на снижение рецидивов и помощь осужденным в возвращении к нормальной жизни после отбытия наказания.

Кроме того, принцип гуманизма выражается в гуманизации условий содержания осужденных. Законодательство стремится создать более комфортные условия, учитывая физические и психологические нужды заключенных. Это включает улучшение медицинского обслуживания, доступ к образованию и профессиональной подготовке, а также развитие системы психологической поддержки.

Также следует отметить, что новые подходы в уголовно-исполнительной политике акцентируют внимание на индивидуализации наказания, что позволяет учитывать личные обстоятельства и характеристики каждого осужденного. Это может проявляться в более гибком подходе к выбору форм наказания, таких как условное осуждение или применение альтернативных мер, например, общественных работ, что способствует сокращению числа осужденных, находящихся в местах лишения свободы.

Принцип гуманизма реализуется в зависимости от поведения осужденных, а также от их стремления и настроения демонстрировать определенные качества. К примеру, если осужденный соблюдает порядок и дисциплину, ему открываются широкие возможности для получения различных льгот и смягчения режимных требований. В случае же, если он выбирает путь неповиновения и правонарушений, режимные требования могут быть значительно ужесточены [2].

Таким образом, гуманизм в системе исполнения наказаний становится не только инструментом реабилитации, но и мотивацией для осужденных к изменению своего поведения. Важно отметить, что подходы к гуманизму должны быть индивидуализированы, учитывая личные обстоятельства каждого осужденного, его прошлый опыт и возможности для самосовершенствования.

Введение программ образовательной и профессиональной подготовки, а также психологической поддержки может способствовать формированию у осужденных устойчивых навыков и социальных связей, которые помогут им адаптироваться к жизни вне стен учреждения после освобождения. Таким образом, гуманистический подход не только направлен на исправление поведения, но и на создание условий для полноценной жизни после отбытия наказания [3].

Однако, для эффективной реализации принципов гуманизма необходимо, чтобы сотрудники исправительных учреждений были обучены и готовы к применению таких методов. Взаимодействие между осуждёнными и администрацией должно строиться на основе доверия, уважения и понимания, что в свою очередь поможет создать более безопасное и поддерживающее окружение.

Таким образом, гуманизм в системе уголовного правосудия может стать мощным инструментом для изменения общественного восприятия осуждённых и их потенциальной способности к интеграции в общество, если будут налажены соответствующие механизмы и программы поддержки.

В отличие от Уголовного кодекса РФ (статьи 3-7), который содержит краткое описание основных принципов уголовного законодательства, Уголовно-исполнительный кодекс РФ (УИК РФ) не раскрывает эти принципы в достаточной мере. Мы предлагаем дополнить статью 8 УИК РФ принципом справедливости, чтобы устранить этот пробел и обеспечить более полное и ясное изложение правовых основ исполнения уголовных наказаний. Это, по нашему мнению, повысит эффективность и обоснованность применения УИК РФ.

Считаем, что соблюдение гуманного и уважительного отношения к лицу, лишённому свободы, должно лежать в основе деятельности уголовно-исполнительной системы, поскольку Международный пакт о гражданских и политических правах в статье 10 ясно формулирует: «Со всеми лицами, лишёнными свободы, следует обращаться гуманно и с уважением к чувству собственного достоинства» [4]. Данное правило должно быть непреложным принципом для всех, кто работает в системе УИС, от руководства до рядовых сотрудников. Без этического контекста управленческая эффективность пенитенциарной системы может встать на путь, который неизбежно ведёт к насилию в местах лишения свободы.

Таким образом, принципы гуманизма в уголовно-исполнительном законодательстве направлены на создание более справедливой и эффективной системы, которая не только наказывает, но и реабилитирует, помогая людям исправиться и вернуться к полноценной жизни в обществе.

Все это послужит катализатором для воплощения принципа справедливости, обновления пенитенциарной системы России и начала использования новых подходов в развитии отечественного уголовно-исполнительного права.

Таким образом, исходя из изложенного, можно сделать вывод, что категории справедливости и гуманизма тесно взаимосвязаны между собой, использование одного, непосредственно предполагает использование другого.

Список литературы:

1. Декларация прав человека : [принята Генер. Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г.] // Российская газета. – 1998. – 10 дек.
2. Гришко А.Я. Принципы гуманизма и демократизма в уголовно-исполнительном праве // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2 (18). С. 23-27.
3. Юнусов С.А. Воплощение принципа справедливости в уголовно-исполнительном праве России // Человек: преступление и наказание. 2014. № 3. С.166-171.
4. Права человека : учебник / отв. ред. Е. А. Лукашева. — 3-е изд., перераб. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2022. С. 512.

References:

1. Declaration of Human Rights : [adopted by Gen. By the UN General Assembly on December 10, 1948.] // Rossiyskaya gazeta. – 1998. – December 10.
2. Grishko A.Ya. Principles of humanism and democracy in penal enforcement law // Penal enforcement law. 2014. No. 2 (18). Pp. 23-27.
3. Yunusov S.A. Embodiment of the Principle of Justice in the Criminal Executive Law of Russia // Man: Crime and Punishment. 2014. No. 3. Pp. 166-171.
4. Human Rights: Textbook / Ed. by E. A. Lukasheva. 3rd ed., revised. — Moscow: Norma: INFRA-M, 2022. P. 512.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_440

КТО ОНИ ТАКИЕ УГРОЗОНОСИТЕЛИ, СТРЕМЯЩИЕСЯ ДИСКРЕДИТИРОВАТЬ СИСТЕМУ МВД РОССИИ? КАК ИХ ОПРЕДЕЛИТЬ? АВТОРСКОЕ ВИДЕНИЕ WHO ARE THESE THREAT CARRIERS WHO SEEK TO DISCREDIT THE RUSSIAN INTERIOR MINISTRY SYSTEM? HOW TO IDENTIFY THEM? THE AUTHOR'S VISION

ИВАНОВ Пётр Иванович,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный профессор Академии управления МВД России, главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России. 125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru;

IVANOV Pyotr Ivanovich,

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chief Researcher of the Department for the Study of Problems of Sectoral Management of the Research Center Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 8 Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., Moscow, 125993, Russia.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

Краткая аннотация. Одним из основных направлений деятельности подразделений собственной безопасности МВД России в настоящее время выступает своевременное выявление и изобличение лиц, размещающих заведомо ложную порочащую информацию в отношении сотрудников ОВД в сети Интернет и в электронных СМИ [7], поскольку публикация такого рода материалов в средствах массовой информации их дискредитирует [2; 8], вследствие чего остро стоит задача по защите чести и достоинства, деловой репутации [5]. Мы предприняли попытку в настоящей статье предложить научной общественности авторский вариант оперативно-розыскной характеристики угрозоносителей¹, на основе которого может быть составлен цифровой его профиль, представляющий собой совокупность сведений о нем, содержащихся в информационных системах МВД России и иных государственных органов, связанных между собой единым заранее обусловленным идентификатором. Собранный материал, на наш взгляд, служит исходной позицией для дальнейшего углубленного научно-теоретического осмысления через призму теории ОРД.

Abstract. One of the main activities of the internal security units of the Ministry of Internal Affairs of Russia currently is the timely identification and exposure of persons who knowingly post false defamatory information about police officers on the Internet and in electronic media, since the publication of such materials in the media discredits them, as a result of which the task of protecting honor and dignity is urgent, business reputation. In this article, we have attempted to offer the scientific community an author's version of the operational search characteristics of threat carriers, on the basis of which its digital profile can be compiled, which is a collection of information about it contained in the information systems of the Ministry of Internal Affairs of Russia and other government agencies linked by a single predefined identifier. The collected material, in our opinion, serves as a starting point for further in-depth scientific and theoretical understanding through the prism of the theory of hordes.

Ключевые слова: дискредитация (компрометация), органы внутренних дел, их подразделения обеспечения собственной безопасности, защита, честь, достоинство, деловая репутация, угрозоноситель, оперативно-розыскная характеристика, цифровой профиль.

Keywords: discredit (compromise), internal affairs bodies, their own security units, protection, honor, dignity, business reputation, threat mediator, operational and investigative characteristics, digital profile.

Для цитирования: Иванов П.И. Кто они такие угрозоносители, стремящиеся дискредитировать систему МВД России? Как их определить? Авторское видение // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 440-445. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_440.

For citation: Ivanov P.I. Who are these threat carriers who seek to discredit the Russian Interior Ministry System? How to identify them? The author's vision // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 440-445. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_440.

Статья поступила в редакцию: 17.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Многолетняя практика убедительно показывает, что надлежащая организация деятельности подразделений собственной безопасности ОВД² по своевременному выявлению и пресечению фактов дискредитации полиции предполагает заблаговременное знание лиц (угрозоносителей), от кого исходят подобного рода противоправные действия [1]. В противном случае невозможно или крайне затруднительно успешно решить указанную задачу.

Учитывая данное обстоятельство, мы предприняли попытку проанализировать состояние этой работы по двум взаимосвязанным между собой направлениям: 1) представить некую оперативно-розыскную характеристику личности угрозоносителя и его окружения, вычленив при этом доминанты (признаки), которые в оперативно-розыскной работе представляют интерес; 2) определить корреляционные связи и отношения названных субъектов правонарушений с криминальной (цифровой) средой³ [14; 15].

¹ В юридической литературе условно угрозоносителей делят на две группы: внутренние (в самой системе МВД России: оборотни в погонах, взяточники, коррупционеры, лица, находящиеся под следствием, уволенные по компрометирующим мотивам и др.) и внешние (вне указанной системы: преимущественно криминально активная категория лиц, их окружение и сообщники).

² Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность: приказ МВД России 199 от 31 марта 2023 г.

³ Криминальная среда – это исторически сложившаяся и относительно устойчивая часть социальной среды, источником существования и воспроизводства которой являются доходы от преступной деятельности, активно противостоящая мерам государственного и общественного контроля. Она состоит из лиц с асоциальным (преступным) прошлым и настоящим, значительная часть которых отбывала наказание в местах лишения свободы (воровское сообщество). Кроме этого, криминальная среда включает в себя материальные и нематериальные ресурсы, выступающие условием ее устойчивости и развития. Что же касается цифровой сферы, то она «с сугубо технической позиции представляет собой получение, обработку и передачу закодированной информации в дискретные сигнальные импульсы. Это осуществление информационной переработки из обычной формы с цифровой».

Результаты проделанной работы служат необходимой предпосылкой для поиска оптимальной модели организации оперативно-розыскного противодействия противоправным деяниям, связанным с дискредитацией системы МВД России.

Рассматриваемый вид деятельности в первую очередь направлен на своевременное получение первичной информации и ее проверки *в интересах изобличения лица (лиц), распространяющего недостоверные и порочащие сотрудников ОВД и их подразделений сведения.*

Достижению этой цели во многом способствует успешное решение ряда задач. Проведенное нами выборочное изучение состояния оперативно-розыскного противодействия по защите сотрудников ОВД от их дискредитации [12] показывает, что указанный вид деятельности предполагает решение, прежде всего, трех основных взаимосвязанных задач:

принятие мер по установлению лица (лиц), распространяющего дискредитирующую информацию в отношении работников полиции с целью подрыва их имиджа в глазах населения;

документирование его противоправной деятельности посредством разработки и проведения комплекса оперативно-розыскных и иных мероприятий;

оказание в установленном порядке адекватного противоборства путем сбора, анализа и систематизации фактических данных, уличающих лица в совершении им противоправных действий.

Указанные задачи, как показывает выборочное изучение рассматриваемой проблемы, решаются в рамках различных оперативно-тактических ситуаций. Наиболее типичными являются следующие:

«от негативного информационно-психологического воздействия на личность сотрудников ОВД – к нивелированию воздействия дискредитирующих ОВД сообщений». Для этого, на наш взгляд, следует принимать комплекс мер, в том числе по формированию морально-психологической устойчивости от подобного рода воздействий. Одновременно заметим, что данная ситуация, как видим, переплетена с цифровой средой, ее анонимности. Современные технические достижения во многом обеспечивают сохранение скрытых (невидимых) от посторонних глаз противоправных действий угрозоносителей;

«от ослабления влияния негативных факторов – к имиджу и деловой репутации». По большому счету это возможно, когда формируется полное доверие и поддержка народа к полиции. Применительно к деятельности оперативных подразделений полиции данная ситуация означает принятие мер по разработке оперативно-розыскной методики, выступающей инструментом, создающим предпосылку для успешного ее разрешения;

«от максимального исключения использования глобальной сети, включая Интернет [16], с целью дискредитации сотрудников ОВД – к снижению зон профессионального риска, когда вероятность нанесения вреда (ущерба) легко просчитывается»;

«от недостоверных и порочащих сотрудников ОВД и их подразделений сведений – к лицу их распространяющему».

Множество ситуаций, в которых приходится решать возложенные на сотрудников ОВД оперативно-служебные задачи, предполагает готовность подразделениями собственной безопасности территориальных органов МВД России на региональном уровне совместно с иными службами найти на них решение с использованием оперативно-розыскных сил, средств, методов и мероприятий, выступающих ответной реакцией на такие выпады со стороны угрозоносителей. Говоря о ситуациях, важно иметь в виду три обстоятельства: 1) набор планируемых оперативно-розыскных и иных мероприятий сильно варьируется, ибо применяемые ими средства и приемы дискредитации носят многоаспектный характер; 2) заблаговременно предусмотреть в плане противодействия несколько вариантов маневрирования имеющимися силами и средствами ОВД; 3) возникшую ситуацию держать под постоянным оперативным контролем, проводя для этого мониторинг¹. Она характеризуется, как правило, мгновенной динамичностью и изменчивостью, обусловленной влиянием совокупности факторов (обстоятельств). В связи со сказанным более подробно остановимся на них.

К факторам, обуславливающим объективную необходимость, в частности, противодействия дискредитации сотрудников ОВД в условиях цифровой трансформации, мы относим:

- негативное психологическое и информационное воздействие, оказываемое на состояние морально-психологической устойчивости сотрудников;

- антироссийские экономические санкции стран Евросоюза, сворачивание многих проектов, сужение источников дохода, обмен передовой технологией, снижение объемов внешнеэкономических операций (сделок с зарубежными, иностранными партнерами). Международное сотрудничество в борьбе с преступностью как веками оправдавшее себя принцип не стало «работать», потеряло актуальности и востребованности из-за отсутствия надежных партнеров;

- усиление разведывательно-поисковых работ зарубежных спецслужб, в том числе направленной на ослабление влияния правоохранительных органов России на состояние правопорядка и законности. Хотя ослабить доверие и поддержку народа полиции, подорвать ее имидж и репутацию. Стремятся заполучить сведения ограниченного пользования об организации, тактики и стратегии их развития, о формах и методах ОРД полиции;

- создание социальной напряженности в обществе, массовые акции неповиновения, протесты, митинги, демонстрации, погромы и беспорядки. Все это одобряется противниками. Тем самым хотят отвлечь сотрудников от повседневного поддержания правопорядка, общественной

¹ Под оперативно-розыскным мониторингом автор понимает наблюдение, анализ, оценку и прогноз противоправных деяний, связанных с дискредитацией ОВД, совокупность негативных факторов, а также мер по противодействию противоправным деяниям.

безопасности, чтобы еще больше накалить обстановку в стране;

- использование глобальной сети, включая Интернет, с целью дискредитации представителей правопорядка, их имиджа и репутации [10]. Новые вызовы и угрозы, увеличение зоны риска по нанесению вреда (ущерба);

- введение специальной военной операции, осложнившей в какой-то мере решение непосредственных задач и функций правоохранительных органов. Их намного прибавилось, сочетание правоохранительной деятельности с войсковыми (армейскими) операциями, наложение их. Нештатных ситуаций стало гораздо больше, по существу перешли в режим особых условий. Оперативная готовность ОВД на все случаи жизни на фоне СВО;

- активизация деятельности криминальных структур, осложнение криминогенной ситуации в стране. Увеличение тяжких и особо тяжких преступлений, включая корыстно-насильственных;

- отток высокопрофессиональных кадров, низкое стимулирование их деятельности, увеличение нагрузки на сотрудников, неудовлетворительное состояние материально-технического и финансового обеспечения. Отсутствие профессионального ядра, их удержать стало крайне сложно в условиях наличия альтернативной сферы деятельности – бизнеса, коммерческой, где пока что намного лучше обеспечены в финансовом отношении. Социальные льготы, ипотека и т.д. не могут пока что стать противоядием.

Что же касается специфики осуществления оперативно-розыскного противодействия дискредитации, то на него оказывает существенное влияние:

- глобальная сеть, блогеры, СМИ, медио, поток информации, мониторинг, различные базы данных, наличие электронных устройств (*компьютер, планшет, телефон с доступом к интернету*), нужная информация покупается и продается (своеобразный рынок услуг). Все это накладывает свой отпечаток на противодействие;

- негативное влияние внешней среды (общество, население, коммерческие структуры и т.п.), в огонь масло подливает и внутриведомственная среда (коррупция среди сотрудников ОВД, преступления и правонарушения, «откаты» и «крышевания», предательство, грубые нарушения служебной дисциплины);

- альтернативные (параллельные) структуры правоохранительной направленности (ЧОПы, агентства, личный сыск), где трудятся преимущественно бывшие сотрудники правоохранительных органов, знающие не понаслышке формы и методы ОРД, проводящие тайно (скрытно) ОРМ в своих интересах и не желающие взаимодействовать с правоохранительными органами. У них промысел – теневой бизнес, приносящий средства существования и выступающий основным источником дохода;

- общедоступность имеющихся ведомственных баз данных (электронных), в том числе персональных. Система защиты их пока что не в состоянии отгородить от злоумышленников, криминалитета;

- современные передовые специальные технические средства получения, хранения, передачи и использования оперативно значимой информации (сведений);

- отсутствие системы защиты чести, достоинства и репутации сотрудников ОВД. Она пока что находится на стадии становления (формирования). По крупицам собираем то, что нужно и продиктовано повседневной жизнью. Отсеиваем то, что ненужно, создает излишний шум, отвлекает, распыляет имеющиеся силы и средства. Плохо перенимается и приживается у нас зарубежный накопленный опыт, в том числе ближнего зарубежья;

- внедрение криминальной структурой своих членов в правоохранительные органы, располагая для этого большими финансовыми средствами. Исключением не являются и оперативные подразделения полиции;

- отсутствие либо требующие модернизации законодательные и ведомственные нормативно-правовые акты, регулирующие порядок осуществления противодействия в условиях цифровой трансформации. Возникла острая потребность в оперативно-розыскной методике, содержащей пошаговый алгоритм действий по проверке противоправных мер, предпринимаемых противоборствующей стороной (угрозоносителем). Механизм противодействия не отработан до мелочей, о чем сигнализирует правоприменительная практика. В решении указанных задач не последнее значение играет научное обеспечение, предварительное глубокое теоретическое осмысление в интересах поиска наиболее действенных форм и методов, что укладывается в режим оптимизации противодействия;

- по-новому требует жизнь строить взаимоотношение с осведомителями – основными источниками оперативно значимой информации, система социальной и правовой их защиты намного устарел, отстает от реальной действительности на лет десять, а то и более;

- проблема надлежащей организации информационного взаимодействия полиции с органами, осуществляющими ОРД [13], правоохранительными и контрольно-надзорными органами выходит на первый план, поскольку ведомственность мешает развернуть эту работу на должный уровень и повернуть в сторону решения общегосударственной задачи – борьбы с преступлениями и правонарушениями, новыми вызовами и угрозами.

Между тем важно принимать во внимание тенденции (тренды) [3], которые сильно привязаны к складывающейся ситуации. На сегодняшний день определяющими из них, на наш взгляд, являются:

- расширение географии совершения противоправных действий в интересах дискредитации сотрудников ОВД РФ. В этом ключе мы усматриваем интернациональный характер таких действий;

- усиление взаимного влияния различных внутренних и внешних угрозоносителей и иных факторов на оперативно-розыскное противодействие;

- повышение уровня организованности указанных противоправных действий со стороны лиц, распространяющих заведомо ложные сведения о сотрудниках ОВД и их структурных подразделений;
- разработка новых и совершенствование существующих форм и методов дискредитации. Справедливости ради следует отметить, что ответные меры также не остаются неизменными, они постоянно модернизируются и усовершенствуются с учетом изучения и критического анализа, прежде всего, судебно-следственной практики (опровержение);
- высокий уровень латентности рассматриваемых видов деятельности. Реальные масштабы скрытых (неочевидных) правонарушений несопоставимы с количеством зарегистрированных фактов;
- рост профессионального мастерства лиц, распространяющих заведомо ложные сведения. Нельзя не согласиться в этом плане с мнением криминологов, утверждающих, что за профессионализмом проглядывается криминальный их «стаж», во многом обеспечивающий высокую степень неуязвимости преступников от уголовного преследования.

Названные разновидности тенденций должны стать предметом углубленного изучения, чтобы по его результатам представилось бы возможным выявить закономерности их возникновения и развития.

К числу особо значимых закономерностей в рассматриваемом контексте мы относим такие, как:

- тактически грамотное сочетание в интересах изобличения лиц, преследующих цель дискредитации сотрудников ОВД и их подразделений, оперативно-розыскных, оперативно-технических и специальных оперативных мероприятий, проводимых с использованием специальных методов и технических средств, данных справочно-информационных систем и баз;
- надлежащая организация противодействия внутренним и внешним угрозоносителям. К сожалению, это управленческое звено нередко продолжает находиться не на должном уровне, а потому требует пристального внимания со стороны руководителей территориальных ОВД [9; 11];
- создание в целях обеспечения компактности для нужд подразделений собственной безопасности справочно-информационных систем единого банка данных посредством интегрирования разрозненных информационных ресурсов органов внутренних дел и иных правоохранительных структур. Решение этой задачи служит одним из ключевых компонентов повышения эффективности информационного обеспечения названных подразделений, поскольку тем самым намного облегчается поиск нужной информации в режиме реального времени. Следует при этом заметить, что воплощение ее в жизнь потребует внедрение новых информационных технологий, так как достаточно много видов учетов: оперативно-розыскной, оперативно-справочный, криминалистический, профилактический, административно-правовой и статистический;
- устойчивые связи между оперативно-аналитическим обеспечением оперативно-профилактического наблюдения и мониторингово-предупредительным организационно-тактическим комплексом оперативно-розыскных мероприятий и действий (оперативно-розыскной контроль), осуществляемых в отношении находящихся на оперативном и профилактическом учетах лиц;
- причинно-следственные связи между мониторингами информационно-телекоммуникационных сетей (систем) и сети Интернет, проводимых с целью обнаружения оперативно значимой информации о признаках дискредитации сотрудников ОВД и их подразделений, а также о лицах к ней причастных;
- взаимосвязь и взаимообусловленность дел оперативного учета и документирования ОРД ОВД, осуществляемых в целях получения, добывания и фиксации в ходе проведения ОРМ оперативно значимых сведений и принятие на их основе соответствующих решений. Такая взаимосвязь отчетливо проявляется, например, при раскрытии схемы коррупционно-криминальных деяний, связанных с дискредитацией сотрудников ОВД и их подразделений.

Характеризуя указанную закономерность, хотим подчеркнуть одну деталь: она не исключает, а наоборот предполагает принятие мер по созданию разветвленной сети оперативных позиций (источников оперативной информации), охватывающей уязвимые звенья – угрозоносители, их окружение и сообщники.

В системе оперативно-розыскного противодействия ключевыми ее компонентами выступают не только тенденции, закономерности, но и принципы (руководящие идеи, основополагающие начала). Мы в своих работах неоднократно обращались к этой теме. Сейчас подчеркнем лишь два взаимосвязанных между собой момента: 1) принципы ОРД (общеправовые и отраслевые), в том числе оперативно-розыскного противодействия как неотъемлемого ее элемента выражены в нормах законодательных актов, регулирующих общественные отношения в сфере ОРД; 2) принципы отражают и закономерности дальнейшего ее развития.

Среди совокупности принципов, по мнению автора, ключевыми являются: соблюдение законности при принятии мер, конспирации, а также сочетание гласных и негласных методов и средств. Однако это, на наш взгляд, не исчерпывающий их перечень, ибо комплексное использование сил и средств, наступательность (опережение противоправных действий), соразмерность принимаемых мер (контрмера) по их степени значимости в системе принципов несколько не уступают вышеперечисленным.

Как нам представляется, в отдельных случаях исследователи явно смешивают требования с принципами, называя к числу последних компетентность, гуманизм, справедливость, объективность, готовность к изменениям (гибкость и динамизм), открытость и прозрачность, сотрудничество и взаимодействие. Можно их перечень продолжить, но уже сейчас можно заметить их расхождение с устоявшимися в государственно-правовых науках.

Резюмируя вышеизложенное, можно сформулировать следующие выводы:

во-первых, автор под угрозоносителем в контексте обеспечения собственной безопасности системы МВД России и ее структурных

подразделений понимает совокупность деструктивных лиц, преследующих цель подрыва имиджа их сотрудников в глазах населения посредством распространения преимущественно через СМИ недостоверных и порочащих их сведения.

во-вторых, структура угрозоносителей выглядит следующим образом: криминально активные и иные лица. В рассматриваемом аспекте представляет на сегодня интерес личность «цифрового преступника»¹ [4; 6], бенефициара (выгодоприобретателя). В целом в зависимости от отношения к системе МВД различают их в виде внешних и внутренних угрозоносителей.

в-третьих, многолетняя практика убедительно показывает, что в борьбе с опасными видами правонарушений действенным средством продолжает оставаться оперативно-розыскное противодействие, понимаемое нами как вид деятельности, осуществляемый подразделениями собственной безопасности ОВД (как головная служба) в соответствии с федеральными законами «О полиции» и «Об оперативно-розыскной деятельности» во взаимодействии с другими правоохранительными, контрольно-надзорными органами и органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, посредством принятия комплекса преимущественно негласных оперативно-розыскных мер, направленных на своевременное выявление и пресечение преступлений, связанных с дискредитацией ОВД, понимаемой нами как негативное социально-правовое явление, представляющее собой распространение заведомо ложных порочащих сведений, а также совершение иных действий, умаляющих авторитет органов правопорядка и их сотрудников, в связи с осуществлением ими своей законной деятельности или из мести за такую деятельность.

в-четвертых, благодаря наличия совокупности факторов (прежде всего социально-экономических, правовых, организационных, информационных, психологических), угрозоносителям (деструктивным силам) отчасти удается реализовать свой умысел, направленный на совершение противоправных действий, связанных с дискредитацией сотрудников ОВД, что вынуждает к принятию адекватных контрмер.

в-пятых, цифровые технологии как средство, используемое в перспективе подразделениями собственной безопасности системы МВД России в целях своевременного установления основных источников (очагов) распространения ложных порочащих сведений, а также совершающих иные действия, направленные на подрыв доверия и умаление авторитета сотрудников ОВД как представителей власти. Для этого деструктивные силы, как правило, используют средства массовой информации и информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть «Интернет».

В новых условиях – условиях цифровой трансформации² [17], заметно активизировалась научно-исследовательская деятельность, направленная на получение и применение на правоприменительной практике новых знаний об основных закономерностях, отражающих принцип работы цифровых технологий (например, автоматизированный программный комплекс мониторинга и анализа социальных сетей и онлайн СМИ «Демон Лапласа» или технология-«Блокчейн»), постепенно внедряемых в повседневную практику деятельности оперативных подразделений полиции в целях повышения оперативно-служебной их деятельности.

Список литературы.

1. Гафуров Р. Х., Иванов П. И. Организация ОРД подразделения собственной безопасности ОВД по противодействию дискредитации системы МВД России // Актуальные проблемы оперативно-розыскной и административной деятельности ОВД. 2024 г., №1 (69) С.3-13.
2. Дьяченко Н. Н. Дискредитация как форма противодействия криминальной среды деятельности ОВД РФ по выявлению и раскрытию преступлений // Научный портал МВД России. 2021. № 4 (56). С. 63-68.
3. Иванов П. И. Защита чести, достоинства и деловой репутации сотрудников ОВД РФ (понятие, сущность и содержание) // Закон и право. 2023, № 12. – С. 195-200.
4. Иванов П. И. Концептуальные основы формирования оперативно-розыскной политики: понятие, сущность и содержание // Вестник Владимирского юридического института. – 2022. – № 2 (63). – С. 26–33.
5. Иванов П. И. Что означает дискредитация сотрудников ОВД и как ее нейтрализовать? // Аграрное и земельное право. 2025. № 5. – С. 299-309.
6. Иванов П.И. Закономерности и тенденции обеспечения собственной безопасности ОВД РФ // Правоохранительная деятельность. 2024, № 1 (13). – С. 37-52.
7. Иванов П.И. Закономерности, учитываемые при изучении личности преступника // Закон и право. 2023 № 6. С.209-212. В настоящее время появился еще один субъект – «цифровой двойник».
8. Иванов П.И. К вопросу о личности «цифрового преступника» // Философия права. 2024, № 3 (110). – С.128-135;
9. Ишин, И. А. Актуальные проблемы процессуального контроля начальника органа дознания в территориальном органе внутренних дел / И. А. Ишин // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 4(62). – С. 81-85. – EDN DJLHJA.
10. Ишин, И. А. Выявление электронно-цифровых следов при раскрытии преступлений в сфере незаконного оборота полудрагоценных камней / И. А. Ишин // Актуальные проблемы современного российского государства и права : Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, Калининград, 20 мая 2022 года. – Калининград: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2022. – С. 55-58. – EDN KEAEBO.
11. Ишин, И. А. К вопросу о значении процессуального контроля начальника органа дознания в территориальном органе внутренних дел / И. А. Ишин // Закон и правопорядок в Третьем тысячелетии : IX БАЛТИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ. МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, Калининград, 12 декабря 2020 года. – Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2021. – С. 89-90. – EDN NZUXJQ.
12. Ишин, И. А. О некоторых тенденциях и проблемах совершенствования правовой защиты сотрудников полиции в современной России / И. А. Ишин // Академическая мысль. – 2021. – № 1(14). – С. 156-160. – EDN PYTGNL.
13. Ишин, И. А. О совершенствовании правовой основы оперативно-розыскного противодействия незаконному обороту полудрагоценных камней / И. А. Ишин // Уголовное право и оперативно-розыскная деятельность: проблемы законодательства, науки и практики : Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Москва, 28–29 апреля 2022 года / Под редакцией Г.В. Щербакова, Г.С. Шкабина. Том Часть 2. – Москва: Федеральное казенное учреждение "Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации", 2022. – С. 34-38. – EDN HEKNIA.
14. Цифровые права в современном российском праве: правовое регулирование, ответственность: учебное пособие / Р.Х. Галиуллина, Н.Ю. Комлев, Л.К. Фазлиева, А.В. Рамазанов, Д.Ф. Абдуллина. – Казань: КЮИ МВД России, 2023. – 74 с.
15. Шалагин А. Е. Криминальная среда и ее общественная опасность // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2016. Том 2. – С.136.
16. Шаров В. И. Оперативно-розыскная деятельность и интернет: монография / В.И. Шаров. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2021. – 116 с.

¹ В настоящее время появился еще один субъект – «цифровой двойник».

² Цифровизация представляет собою процесс, направленный на то, чтобы преобразить информацию из разных общественных сфер, осуществляемый при помощи цифровых технологий и другого рода цифровых решений. Переход к цифровизации стал возможен благодаря возникновению и развитию ИКТ. Не осталась в стороне и правовая сфера, по причине возникновения принципиально новых элементов законодательства и правовой системы.

17. Бабкин С.А. Интеллектуальная собственность в глобальной компьютерной сети Интернет: проблемы гражданско-правового регулирования в России и США дис. ...канд. юрид. наук. Москва 2020. С.210.

References.

1. Gafurov R. Kh., Ivanov P. I. Organization of the ORDO of the Internal Affairs Department's own security unit to counter discrediting the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Actual problems of operational-investigative and administrative activities of the Department of Internal Affairs. 2024, No. 1 (69) pp.3-13.
2. Dyachenko N. N. Discrediting as a form of countering criminal activity environment of activity of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on detection and disclosure of crimes // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 4 (56). pp. 63-68.
3. Ivanov P. I. Protection of honor, dignity and business reputation of employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (concept, essence and content) // Law and Law. 2023, No. 12, pp. 195-200.
4. Ivanov P. I. Conceptual foundations of the formation of operational investigative policy: concept, essence and content // Bulletin of the Vladimir Law Institute. – 2022. – № 2 (63). – Pp. 26-33.
5. Ivanov P. I. What does discrediting of police officers mean and how to neutralize it? // Agrarian and land law. 2025. № 5. – Pp. 299-309.
6. Ivanov P.I. Patterns and trends in ensuring the internal security of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // Law enforcement activities. 2024, No. 1 (13). pp. 37-52.
7. Ivanov P.I. Patterns taken into account when studying the personality of a criminal // Law and Law. 2023 No. 6. pp.209-212. Currently, another subject has appeared – the "digital double".
8. Ivanov P.I. On the question of the identity of the "digital criminal" // Philosophy of Law. 2024, No. 3 (110), pp. 128-135;
9. Ishin, I. A. Actual problems of procedural control of the head of the body of inquiry in the territorial body of internal affairs / I. A. Ishin // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 4(62). – Pp. 81-85. – EDN DJLHJA.
10. Ishin, I. A. Identification of electronic and digital traces in the detection of crimes in the field of trafficking in semiprecious stones / I. A. Ishin // Actual problems of the modern Russian state and law : Proceedings of the annual All-Russian scientific and practical conference, Kaliningrad, May 20, 2022. Kaliningrad: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. pp. 55-58. EDN KEAEBQ.
11. Ishin, I. A. On the question of the importance of procedural control of the head of the body of inquiry in the territorial body of internal affairs / I. A. Ishin // Law and order in the Third Millennium : IX BALTIC LEGAL FORUM. PROCEEDINGS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE, Kaliningrad, December 12, 2020. Kaliningrad: Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. pp. 89-90. – EDN NZUXJQ.
12. Ishin, I. A. On some trends and problems of improving the legal protection of police officers in modern Russia / I. A. Ishin // Academic thought. – 2021. – № 1(14). – Pp. 156-160. – EDN PYTGNL.
13. Ishin, I. A. On improving the legal framework for operational investigative counteraction to illicit trafficking in semi-precious stones / I. A. Ishin // Criminal law and operational investigative activities: problems of legislation, science and practice : Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 28-29, 2022 / Edited by G.V. Shcherbakov, G.S. Shkabin. Volume Part 2. Moscow: Federal Government Institution "Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation", 2022. pp. 34-38. – EDN XEKNIA.
14. Digital rights in modern Russian law: legal regulation, responsibility: a textbook / R.H. Galiullina, N.Y. Komlev, L.K. Fazlieva, A.V. Ramazanov, D.F. Abdullina.- Kazan: KUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023.-74 p.
15. Shalagin A. E. Criminal environment and its social danger // Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. Volume 2. – P.136.
16. Sharov V. I. Operational investigative activities and the Internet: a monograph / V.I. Sharov. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 116 p.
17. Babkin S.A. Intellectual property in the global computer network Internet: problems of civil law regulation in Russia and the USA dis. ...kand. jurid. sciences'. Moscow, 2020. p.210.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_446

УДК 343.9

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ БИОЛОГИЧЕСКИХ СЛЕДОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ MODERN METHODS OF BIOLOGICAL TRACE EXAMINATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

ЕРМОЛАЕВА Любовь Николаевна,

Старший преподаватель кафедры криминалистики
Уфимского юридического института МВД России.
450103, Россия, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.
E-mail: X07071980@yandex.ru;

ПОНОМАРЕВА Анна Владимировна,

Старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности
Ростовский юридический институт МВД России.
344015, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.
E-mail: ann.ponomarewa@mail.ru;

ERMOLAEVA Lyubov Nikolaevna,

Senior Lecturer at the Department of Criminology
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
2 Muksinova str., Ufa, 450103, Russia.
E-mail: X07071980@yandex.ru ;

PONOMAREVA Anna Vladimirovna,

Senior Lecturer at the Department of Criminology and Operational Investigative Activities
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
83 Yeremenko St., Rostov-on-Don, Rostov region, 344015.
E-mail: ann.ponomarewa@mail.ru

Краткая аннотация: В последние годы совершенствование методов исследования биологических следов приобретает возрастающую значимость в контексте уголовного судопроизводства. Интеграция современных технологий и передовых подходов в практику расследования преступлений, а также усовершенствование процедур идентификации личностей подозреваемых, актуализируют научные и практические аспекты данной проблематики. Внедрение новейших средств и техник криминалистического анализа обуславливает необходимость пересмотра и модернизации существующих методологических основ, с целью повышения эффективности расследования и раскрытия преступлений.

Abstract: In recent years, the improvement of methods for studying biological traces has become increasingly important in the context of criminal proceedings. The integration of modern technologies and advanced approaches into the practice of crime investigation, as well as the improvement of procedures for identifying suspects, have highlighted the scientific and practical aspects of this issue. The introduction of new tools and techniques for forensic analysis has necessitated the revision and modernization of existing methodological frameworks in order to enhance the effectiveness of crime investigation and resolution.

Ключевые слова: идентификация личности, объекты содержащие ДНК, изъятие, обнаружение, преступление.

Keywords: identification, objects containing DNA, seizure, detection, crime.

Для цитирования: Ермолаева Л.Н., Пономарева А.В. Современные методы исследования биологических следов в уголовном судопроизводстве // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 446-449. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_446.

For citation: Ermolaeva L.N., Ponomareva A.V. Modern Methods of Biological Trace Research in Criminal Proceedings // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 446-449. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_446.

Статья поступила в редакцию: 31.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

В настоящее время концептуальные основы, применяемые судебно-экспертными учреждениями, сохраняют свою результативность в обеспечении раскрытия преступлений. В то же время совершенствование методических подходов и внедрение новых технологий остаются ключевыми направлениями развития в сфере криминалистической экспертизы.

Биологическими объектами, содержащими ДНК человека, являются: кровь, слюна, волосы с корнем, кожные покровы (эпителиальные клетки), сперма, моча, пот, ногти, а также костная ткань, зубы, органы и ткани, изъятые при вскрытии, и любые другие биологические жидкости и фрагменты организма, содержащие клеточные ядра.

У них имеются специфические свойства, которые особенно важны при расследовании преступлений. К числу таких свойств относятся:

– способность светиться в ультрафиолетовом свете: некоторые биологические жидкости, такие как сперма, слюна и моча, обладают флуоресценцией и могут быть обнаружены при освещении ультрафиолетовой лампой (например, при использовании криминалистического прибора типа «Люминал» или «ALS»). Это позволяет выявлять следы, незаметные невооружённым глазом, на одежде, мебели, стенах и других поверхностях;

– способность впитываться и сохраняться на различных поверхностях: биологические следы (кровь, пот, слюна) могут сохраняться на тканях, бумаге, древесине, металле, пластике, несмотря на стирку, погодные воздействия и время. Это позволяет обнаруживать следы преступлений даже спустя длительное время;

– наличие индивидуальных генетических маркеров: ДНК, содержащаяся в биологических объектах, уникальна для каждого человека.

Это свойство делает возможным установление личности подозреваемого или жертвы с высокой степенью достоверности, особенно при сравнении с контрольными образцами;

- возможность установления родственных связей: анализ ДНК из биологических объектов позволяет не только установить принадлежность конкретному лицу, но и определить степень родства (например, отцовство, материнство, родственные связи между жертвой и подозреваемым);

- стойкость к частичной деградации: даже при неблагоприятных условиях окружающей среды (влажность, температура, время) молекулы ДНК могут частично сохраняться, что даёт возможность выделения и анализа генетического материала спустя месяцы и даже годы;

- возможность типирования крови и других жидкостей: по образцам крови, спермы и слюны возможно проведение серологических исследований (групповая принадлежность, наличие белков, антигенов и других маркеров), что может сузить круг подозреваемых;

- наличие сопутствующих данных: в биологических объектах могут содержаться клетки эпителия, волосы, бактериальные и вирусные следы, которые также служат источником дополнительной информации (например, наличие заболеваний, контакт с определёнными веществами и т.п.);

- возможность множественного анализа: из одного и того же биологического следа могут быть проведены сразу несколько видов экспертиз — ДНК-анализ, токсикологическое исследование, определение пола, возраста, наличия наркотиков или алкоголя и т.д.

Для того чтобы обнаружить биологические объекты, содержащие ДНК человека, на месте происшествия, используются различные методы, зависящие от природы каждого конкретного следа. Кровь, например, может быть видна невооружённым глазом в виде бурых пятен, но даже если следы заматы или плохо различимы, их можно выявить с помощью специальных реагентов. Одним из наиболее эффективных средств является люминол, который вызывает свечение в местах, где ранее находилась кровь. Реакция Кастиль-Мейера с использованием фенолфталеина и перекиси водорода также позволяет установить наличие следов крови, даже если они не видны. Ультрафиолетовое освещение помогает дополнительно обнаружить засохшие или размытые пятна.

Сперма является одним из ключевых биологических следов при расследовании сексуальных преступлений. Она обладает флуоресценцией и начинает светиться при воздействии ультрафиолетовой лампы – как правило, голубовато-белым неоновым свечением. Для более точной идентификации применяются химические реакции, направленные на выявление кислот простаты и других компонентов, а также микроскопическое исследование мазков на наличие сперматозоидов. Даже спустя значительное время и после стирки ткани возможно проведение успешного ДНК-анализа спермы.

Слюна также может быть ценным источником информации. Она остаётся на окурках, посуде, одежде и других предметах, с которыми контактировал человек. Ультрафиолетовое освещение позволяет выявить слабо заметные следы слюны, а ферментативные тесты на наличие амилазы подтверждают её присутствие. Из таких следов можно успешно выделить ДНК и установить личность человека, особенно в случаях, когда он оставил биоматериал на месте преступления в процессе разговора, поцелуя или укуса.

Следы волос часто обнаруживаются на одежде, постельных принадлежностях или мебели. Особенно ценными для экспертизы являются волосы с корнем, так как именно в луковице содержится ДНК. Обнаружить волосы помогает визуальный осмотр, использование увеличительных приборов и ультрафиолетового света. Иногда применяются липкие ленты или вакуумные устройства для сбора микро частиц с различных поверхностей.

Эпителиальные клетки, то есть частички кожи, часто остаются на рукоятках оружия, дверных ручках, одежде и других предметах, с которыми контактировал человек. Особенно часто эпителий выявляется под ногтями у жертвы при сопротивлении. Для его обнаружения используются ватные тампоны, специальные ленты и микроскопическое исследование. Такие клетки могут дать ценный материал для ДНК-анализа, даже если они незаметны без специальных средств.

Моча может быть обнаружена по характерному запаху, а также с помощью ультрафиолетового света, под которым она светится желтовато-зелёным свечением. В ней может сохраняться эпителий, содержащий ДНК, а также следы наркотических веществ или алкоголя, что делает её важным объектом токсикологического анализа.

Пот, хотя и содержит минимальное количество ДНК, также может быть использован в качестве материала для анализа, особенно если в нём присутствуют частички кожи. Он может оставаться на одежде, головных уборах, постельных принадлежностях. Для его сбора применяются гигиенические салфетки или ватные тампоны, а иногда ультрафиолетовое освещение помогает выявить малозаметные следы.

Ногти часто содержат подногтевое содержимое, представляющее ценность в случаях сопротивления жертвы. Соскобы и срезы анализируются на наличие чужих биологических следов, таких как кровь, эпителий или волосы, что позволяет установить личность нападавшего даже в отсутствие других доказательств.

Костная ткань и зубы играют ключевую роль в случаях, когда тело подверглось сильному разложению, сгоранию или захоронению. Из костей и зубов можно выделить ДНК, которая сохраняется даже спустя годы. Такие объекты особенно важны при эксгумации, идентификации неопознанных останков или жертв стихийных бедствий и преступлений, совершённых давно.

В зависимости от характера совершенного преступления и его обстоятельств, биологические следы могут находиться в различных местах и на различных носителях. Первоначальным этапом является осмотр места происшествия, который желательно проводить как при естественном освещении, так и с использованием искусственного света. Следует отметить, что полностью уничтожить следы на месте преступления невозможно. Использование современных технических средств в ходе расследования позволяет выявить даже самые мельчайшие следы.

На данный момент в арсенале специалистов используются различные инструменты и технологии для исследования места происшествия. Одним из таких приборов является лупа с встроенной подсветкой, которая позволяет увеличивать объекты в 3,5 раза. Для освещения места происшествия применяются устройства, такие как «Свет 500» и «Свет 1000». Также часто используется ультрафиолетовое освещение с портативными лампами, такими как «Флуотест С04» и «Квадрат», а также осветители с автономным источником питания или от электрической сети (например, УК-1, ОДЦ-41).

Согласно Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (Далее – УПК РФ), (ст. 166, 177, 179, 180 УПК РФ) [1], все найденные следы и объекты на месте происшествия должны быть зафиксированы в протоколе. Это необходимо для того, чтобы следователь мог полностью проанализировать все обнаруженные доказательства. Как уже было отмечено, биологические следы с течением времени подвергаются изменениям, и для получения полной картины важно отразить эти изменения в протоколе.

Со временем следы могут высыхать, изменять свой цвет, размеры, а также содержать примеси. Современные методы позволяют устанавливать время, когда были оставлены следы, их последовательность и отличать более старые следы от более свежих. Например, кровь изначально имеет жидкую форму и ярко-красный цвет, но через несколько дней она становится коричневой, а через два месяца цвет может измениться до серого или даже черного. Загнившие кровяные следы приобретают зеленоватый оттенок [2].

В естественном и искусственном освещении следы крови могут иметь различные оттенки, включая красный, темно-красный, коричневый, а в ультрафиолетовых лучах они становятся темно-коричневыми и приобретают «бархатный» вид. При описании таких следов часто используют термин «пятна бурого цвета». Гемоглобин в крови может окисляться под воздействием внешней среды, превращаясь в гематопорфирин, что приводит к флуоресценции этих пятен ярко-красным светом при использовании УФ-лучей.

Для предварительного исследования следов, подозреваемых на кровь, важно знать следующие методы. Исследования начинаются с обнаружения фермента каталазы, так как обработка пятна крови перекисью водорода не влияет на определение антигенов, таких как группа крови и другие серологические характеристики. В присутствии крови появляется белая пена, результат разложения перекиси водорода под действием каталазы, что сопровождается выделением кислорода и воды. Если фермент каталаза не обнаружен, исследование продолжается с применением других методов. Следует учитывать, что каталаза нестабильна и проявляется только в свежих пятнах крови.

Другим ферментом крови, который более стабилен, является пероксидаза, и его можно обнаружить даже в старых пятнах. Хотя пероксидаза не является строго специфичной для крови и присутствует у многих животных и растений, её можно обнаружить с помощью серной кислоты, бензидина или люминола, что приводит к появлению синей окраски. Однако этот метод не подходит для дальнейших серологических исследований, поэтому для предварительного анализа используют только небольшие части следов, вырезая фрагменты с предмета-носителя или делая соскобы [3].

Полоски-индикаторы «Хемофан» широко применяются для выявления следов крови при первичном осмотре места происшествия. Эти полоски имеют форму полимерной пластинки с прикрепленной к ней полоской индикатора. Для использования пластинку нужно смочить чистой водой и прикоснуться к месту, где, как предполагается, могут быть следы крови. Если пластинка изменяет цвет на синий, это свидетельствует о наличии крови. Интенсивность окраски зависит от времени, прошедшего с момента оставления пятна [4].

Однако, несмотря на достижения в технологии, использование данных о группе крови не всегда даёт точные доказательства принадлежности следов конкретному человеку. Существуют ситуации, когда кровь, найденная на месте преступления, может принадлежать не преступнику, а другому человеку с аналогичной группой крови [5].

Морфологический метод обнаружения сперматозоидов осуществляется с помощью микроскопического анализа, что позволяет установить наличие сперматозоидов в образцах, например, путем окрашивания препаратов с применением масляной инверсии. Однако процесс является длительным, поэтому иногда используется предварительный тест для выявления сперматозоидов.

Для первичной диагностики можно использовать методы, основанные на определении активности фермента кислой фосфатазы, который присутствует в семенной плазме в гораздо большем количестве, чем в других тканях организма. Тестирование с использованием альфа-нафтилфосфата или других субстратов кислой фосфатазы помогает выявить её присутствие, что служит предварительным подтверждением наличия сперматозоидов.

Тест на кислую фосфатазу более чувствителен, когда используется субстрат, такой как 4-метилумбелиферилфосфат. Под действием этого фермента происходит его расщепление, что позволяет визуализировать флуоресценцию в ультрафиолетовых лучах. Однако этот фермент теряет свою активность через несколько месяцев, поэтому предпочтительнее использовать более современные методы, направленные на выявление белков.

Для выявления пота используется метод тонкослойной хроматографии (ТСХ), аналогичный тому, что применяется для обнаружения крови, с исключением различий в цвете. В качестве хроматографической пластины используется силикагель, а растворителями служат смесь н-бутанола, уксусной кислоты и воды, а также 1% раствор нингидрина. При обработке пластинки появляется ярко-розовое или розово-пурпурное пятно, которое указывает на присутствие аминокислоты серина, являющейся компонентом пота. На хроматограмме можно наблюдать 3-4 пятна, одно из которых – серин, а другие – менее интенсивно окрашенные аминокислоты. Яркость пятен зависит от концентрации вещества. Обнаружение серина в исследуемом образце свидетельствует о наличии пота.

Метод обнаружения слюны основан на выявлении активности фермента амилазы, который содержится в слюне в значительно больших количествах, чем в других телесных жидкостях. Со временем активность амилазы снижается, особенно в старых следах. Для свежих пятен

слюны (до 6 месяцев) необходимо взять 1-15 мг материала, для старых следов (несколько лет) – 40-100 мг. Увеличение объема образца может привести к ложным результатам. Амилаза выявляется с использованием реакции с крахмалом и йодом, при которой крахмал окрашивается в синий цвет. Если амилаза присутствует в слюне, крахмал расщепляется и окраска не происходит, что является положительным результатом.

Для установления наличия мочи на предметах (например, при расследовании преступлений сексуального характера) применяется метод тонкослойной хроматографии для определения мочевины. Хроматографическая пластина и растворители остаются такими же, как при тестировании на пот и кровь. Контрольный образец — это 0,1% раствор мочевины или экстракт мочевых пятен. Мочевина является индикатором присутствия мочи в исследуемом образце.

Таким образом, в процессе обнаружения биологических следов на месте происшествия важен системно-структурный подход, обеспечивающий всесторонний анализ объекта. На первоначальном этапе расследования приоритетным является: тщательная проверка всех элементов, сбор материала и предварительный осмотр с применением современных криминалистических методов. В юридико-криминалистическом плане выявление ДНК-содержащих следов имеет ключевое значение для формирования доказательной базы: их фиксация и документирование на месте преступления служат эффективным инструментом идентификации лиц и установления причинно-следственных связей.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: Принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 ноября 2001 года: одобрено Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации. – 5 декабр. 2001 года // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001 г. № 52 (часть I), ст. 4921.
2. Ищенко Е. П. Криминалистика: учебник. – М., 2018. – С. 422.
3. Барсегянц Л. О., Дворкин А. И., Бабаева Е. Ю. и другие. Использование люминола для обнаружения и предварительного исследования следов крови: учебное пособие. – М., 2017. – С. 211.
4. Гуртовая С. В. Исследование доказательств: краткое руководство для судебных экспертов. – М., 2015. – С. 149.
5. Сидоров В. Л., Гавшинская Н. С., Маяцкая М. В. Об определении групповой принадлежности сперматозоидов по системе ABO методом реакции иммунофлуоресценции в количественной модификации // В. Л. Сидоров, Н. С. Гавшинская, М. В. Маяцкая // Судебно-медицинская экспертиза. – 2016. – № 4. – С. 44–51.

References:

1. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law. The law grew. Federal Law No. 174-FZ of December 18, 2001: Adopted by the State Duma of the Russian Federation. The collection grew. Of the Federation on November 22, 2001: approved by the Federation Council of the Federation. The collection grew. Federation. – December 5, 2001 // Collection of legislation of the Russian Federation. Federation. 2001, No. 52 (Part I), Article 4921.
2. It's Istenko. P. Forensic Science: a textbook. - M., 2018. - S. 422.
3. Barsegyants L. O., Dvorkin A. I., Babaeva E. Yu., and others. Using Luminol for the Detection and Preliminary Examination of Blood Traces: A Study Guide. Moscow, 2017, p. 211.
4. Gurtovaya S. V. Evidence Research: A Brief Guide for Forensic Experts. Moscow, 2015, p. 149.
5. Sidorov V. L., Gavshinskaya N. S., Mayatskaya M. V. On Determining the Group Membership of Sperm Cells According to the ABO System by the Method of Immunofluorescence Reaction in Quantitative Modification // V. L. Sidorov, N. S. Gavshinskaya, M. V. Mayatskaya // Forensic Medical Examination. – 2016. – No. 4. – Pp. 44–51.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_450

УДК 343.9.018

ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ В РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИСТОКОВ (СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД XVIII В. – НАЧ. XX В.)

DEPRIVATION OF LIBERTY IN RUSSIA: A HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE ORIGINS (FORMATION OF THE SYSTEM OF EXECUTION OF PUNISHMENTS IN THE IMPERIAL PERIOD OF THE XVIII CENTURY – THE BEGINNING. XX CENTURY)

КАЗАК Игорь Брониславович,доцент института подготовки государственных и муниципальных служащих
по кафедре оперативно-розыскной деятельности Академия ФСИН России.

390000, Россия, г. Рязань, Сенная ул. 1.

E-mail: sherhov007@mail.ru;

ГУСЕВ Антон Сергеевич,старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права
и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества,
юридического факультета ВЮИ ФСИН России.

600020, Россия, г. Владимир, Большая Нижегородская ул., 67Е.

E-mail: sherhov007@mail.ru;

KAZAK Igor Bronislavovich,Associate Professor at the Institute of Training of State and Municipal Employees
in the Department of Operational Investigative Activities Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
1 Sennaya str., Ryazan, 390000, Russia.

E-mail: sherhov007@mail.ru;

GUSEV Anton Sergeevich,Senior Lecturer at the Department of Penal Enforcement Law
and the Organization of the Execution of Punishments not related to the isolation of convicts from Society,
Faculty of Law of the Higher Educational Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia.
67E Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, 600020, Russia.

E-mail: sherhov007@mail.ru

Краткая аннотация: В статье проводится комплексный историко-правовой анализ формирования и развития системы исполнения наказаний в виде лишения свободы в Российской империи в период с XVIII по начало XX века. Исследование охватывает ключевые этапы трансформации пенитенциарной политики государства: от зарождения тюремной системы в эпоху Петра I до разработки фундаментальных реформ конца имперского периода. Особое внимание уделяется процессу законодательного оформления исполнения наказаний, изменению целей тюремного заключения от устрашения к исправлению, а также практическим аспектам функционирования мест лишения свободы. На основе анализа архивных материалов, законодательных актов и научных исследований реконструируется процесс институционализации тюремной системы как элемента государственного аппарата. Делается вывод о том, что имперский период стал ключевым этапом в формировании организационно-правовых основ современной пенитенциарной системы России.

Abstract. The article provides a comprehensive historical and legal analysis of the formation and development of the system of execution of sentences in the form of imprisonment in the Russian Empire in the period from the XVIII to the beginning of the XX century. The study covers the key stages of the transformation of the state's penitentiary policy: from the birth of the prison system in the era of Peter the Great to the development of fundamental reforms at the end of the imperial period. Special attention is paid to the process of legislative registration of the execution of sentences, changing the goals of imprisonment from intimidation to correction, as well as practical aspects of the functioning of places of deprivation of liberty. Based on the analysis of archival materials, legislative acts and scientific research, the process of institutionalization of the prison system as an element of the state apparatus is reconstructed. It is concluded that the imperial period became a key stage in the formation of the organizational and legal foundations of the modern penitentiary system in Russia.

Ключевые слова: лишение свободы, историко-правовой анализ, Российская империя, тюремная система, исправительные наказания, тюремная реформа, каторга, ссылка, арестантские роты, исправительные приюты.

Keywords: Keywords: imprisonment, historical and legal analysis, Russian Empire, prison system, correctional punishments, prison reform, penal servitude, exile, prison companies, correctional shelters.

Для цитирования: Казак И.Б., Гусев А.С. Лишение свободы в России: историко-правовой анализ истоков (становление системы исполнения наказаний в имперский период XVIII в. – нач. XX в.) // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 450-453. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_450.

For citation: Kazak I.B., Gusev A.S. Deprivation of liberty in Russia: a historical and legal analysis of the origins (formation of the system of execution of punishments in the imperial period of the XVIII century – the beginning XX century) // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 450-453. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_450.

Статья поступила в редакцию: 18.08.2025**Дата публикации: 03.10.2025**

Становление системы исполнения наказаний в виде лишения свободы представляет собой сложный историко-правовой процесс, отражающий эволюцию государственно-правовых институтов и трансформацию представлений о целях и средствах уголовной науки. Имперский период российской истории (XVIII – начало XX вв.) стал временем формирования организационно-правовых основ пенитенциарной системы, многие элементы которой сохраняют актуальность и в современный период.

Как отмечает исследователь Н.И. Нарышкина, «Историко-правовой анализ тюремных преобразований имперского периода позволяет

выявить устойчивые тенденции и системные проблемы пенитенциарной политики, многие из которых сохраняют свою значимость и сегодня» [1, с. 245].

Начало XVIII века ознаменовалось кардинальными преобразованиями во всех сферах государственной жизни России, включая пенитенциарную политику. Реформы Петра I заложили основы новой системы исполнения наказаний, которая стала приобретать черты организованной государственной структуры [2, с. 45].

Важнейшим нововведением петровской эпохи стало учреждение каторжных работ как особого вида уголовного наказания. Указ 1699 года «Об осуждении воров и разбойников на каторгу» положил начало законодательному оформлению этого института. Каторжные работы предполагали принудительный труд осужденных на строительстве флота, крепостей и других государственных объектов. Местами отбывания каторги становились в первую очередь Азов и Санкт-Петербург, где велось активное строительство [3, с. 89].

Одновременно с каторгой развивалась система ссылки как меры наказания и колонизации окраин империи. Указ 1703 года предписывал направлять преступников на работы в Санкт-Петербург, а с 1720-х годов основным местом ссылки стала Сибирь. Ссылка выполняла двойную функцию: с одной стороны, она позволяла удалить преступников из центральных регионов, с другой – способствовала освоению малонаселенных территорий [4, с. 112].

Особое значение имело создание в этот период арестантских рот – специализированных учреждений для содержания осужденных к принудительным работам. Первые такие роты были созданы в 1720-х годах в Кронштадте и Санкт-Петербурге. Они представляли собой воензированные формирования, где арестанты содержались под строгой охраной и использовались на тяжелых физических работах [5, с. 78].

Петровское законодательство существенно расширило применение тюремного заключения. Артикул воинский 1715 года и последующие указы предусматривали лишение свободы за широкий круг преступлений. Тюремь постепенно превращались из мест предварительного содержания в учреждения для отбывания наказания [6, с. 134].

Однако организационного единства тюремная система в этот период еще не имела. Тюремь находились в ведении различных учреждений – губернских и провинциальных канцелярий, магистратов, полиции. Отсутствовали единые стандарты содержания заключенных, материально-техническое обеспечение тюрем было недостаточным, а надзор за их деятельностью – слабым [7, с. 92].

Несмотря на эти недостатки, именно в петровскую эпоху были заложены основы той пенитенциарной системы, которая будет развиваться на протяжении всего имперского периода. Появились новые виды наказаний, начала формироваться сеть мест лишения свободы, были сделаны первые шаги в направлении создания специализированного тюремного аппарата [8, с. 56].

Последующие десятилетия имперского периода характеризовались дальнейшим развитием и усложнением тюремной системы. Вторая половина XVIII – первая половина XIX века стали временем поиска новых подходов к организации исполнения наказаний и постепенного оформления пенитенциарной системы как особой сферы государственного управления [1, с. 248].

Важным этапом стало создание в 1775 году смиренных и работных домов в рамках губернской реформы Екатерины II. Смирительные дома предназначались для содержания «непокорных» детей и лиц, совершивших незначительные преступления, в то время как работные дома были предназначены для «ленивцев» и малоимущих. Хотя эти учреждения не были тюрьмами в строгом смысле слова, они стали частью формирующейся системы учреждений принудительного содержания [2, с. 89].

Особое значение имело учреждение в 1822 году Комитета для попечения о тюрьмах – первого специализированного органа управления тюремной системой. Комитет занимался улучшением условий содержания заключенных, организацией их труда и медицинского обслуживания. При нем создавались тюремные комитеты, что способствовало определенной унификации тюремного дела [3, с. 145].

В 1828 году был принят Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей и ссыльных – первый систематизированный нормативный акт, регулировавший тюремную сферу. Свод детализировал порядок содержания различных категорий заключенных, установил правила внутреннего распорядка в тюрьмах, определил права и обязанности тюремной администрации [4, с. 178].

Важным нововведением стало создание в 1830 году арестантских рот гражданского ведомства, которые пришли на смену арестантским ротам. Эти учреждения предназначались для отбывания наказания в виде принудительных работ лицами, не подлежавшими ссылке на каторгу. Содержание в арестантских ротах рассматривалось как более мягкое наказание по сравнению с каторгой [5, с. 112].

Особое развитие в этот период получила система ссылки и каторги. С расширением территории империи и освоением Сибири ссылка стала массовым явлением. Формируется сложная система этапирования ссыльных, создаются пересыльные тюрьмы и этапные пункты. Каторжные работы сосредотачиваются в основном на рудниках и заводах Сибири и Дальнего Востока [6, с. 156].

К середине XIX века стала очевидной необходимость коренной реформы тюремной системы. Тюремь были переполнены, условия содержания оставались тяжелыми, смертность среди заключенных была высокой. Отсутствовала единая тюремная администрация, координация между различными ведомствами была слабой. Все это требовало фундаментального пересмотра подходов к организации тюремного дела [7, с. 203].

Ключевым событием в истории российской пенитенциарной системы имперского периода стала тюремная реформа 1879 года. Эта комплексная реформа ознаменовала переход к новой модели тюремного управления и заложила основы для развития современной пенитенциарной системы [1, с. 252].

Центральным элементом реформы стало создание Главного тюремного управления (ГТУ) в составе Министерства внутренних дел. ГТУ стало единым центральным органом управления всей тюремной системой империи. На него возлагались задачи по организации надзора за

местами лишения свободы, разработке нормативных актов, руководству тюремным персоналом [2, с. 134].

В течение последующих лет была создана трехзвенная система тюремной администрации: 1) Главное тюремное управление – центральный аппарат; 2) Тюремные инспекции – на уровне округов; 3) Начальники тюрем – на уровне отдельных учреждений.

Такая структура обеспечивала единство управления и контроля за исполнением наказаний на всей территории империи [3, с. 167].

Важным направлением реформы стало улучшение материальных условий содержания заключенных. Разрабатывались новые типовые проекты тюремных зданий, внедрялись современные санитарно-гигиенические требования, улучшалось питание и медицинское обслуживание арестантов. Особое внимание уделялось организации труда заключенных – создавались тюремные мастерские, развивалось сельскохозяйственное производство при тюрьмах [4, с. 189].

Реформа также затронула вопросы классификации заключенных и дифференциации режимов содержания. Были законодательно оформлены различные категории мест лишения свободы: общие тюрьмы для подсудимых и краткосрочных заключенных, исправительные арестантские отделения для осужденных на длительные сроки, каторжные тюрьмы для наиболее опасных преступников, пересыльные тюрьмы для этапированных арестантов.

Для несовершеннолетних преступников создавались исправительные приюты, где акцент делался на воспитание и обучение [5, с. 145].

В пореформенный период активно развивалось тюремное законодательство. В 1890 году было издано Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, которое систематизировало виды лишения свободы и порядок их исполнения. В 1909 году был разработан проект Устава о содержании под стражей, который не был принят, но оказал существенное влияние на развитие тюремного права [6, с. 178].

К началу XX века российская тюремная система представляла собой сложный комплекс учреждений с развитой административной структурой, собственной нормативной базой и персоналом. Несмотря на сохранявшиеся проблемы (переполненность тюрем, недостаточное финансирование, сложные условия содержания), был сделан значительный шаг вперед в развитии пенитенциарных учреждений [7, с. 215].

На протяжении имперского периода происходила значительная трансформация представлений о целях и задачах тюремного заключения. Эта эволюция отражала общие изменения в правосознании и пенологических теориях, а также практический опыт функционирования тюремной системы [1, с. 256].

В начале XVIII века доминирующей целью тюремного заключения было устрашение и изоляция преступников. Тюрьмы рассматривались прежде всего как места содержания опасных элементов общества, удаленных из социальной среды. Наказание носило карательный характер, а условия содержания были максимально суровыми [2, с. 167].

К концу XVIII века под влиянием идей европейского Просвещения начинают распространяться представления о исправлении как цели наказания. В российском законодательстве и официальных документах упоминается необходимость исправления преступников через труд, религиозное воспитание и нравственное наставление [3, с. 189].

В XIX веке, особенно после тюремной реформы 1879 года, идея исправления становится официальной доктриной тюремной системы. В документах Главного тюремного управления подчеркивалась необходимость не только изоляции, но и перевоспитания преступников. Разрабатывались программы обучения заключенных, создавались тюремные библиотеки, поощрялось участие арестантов в религиозной жизни [4, с. 201].

Одновременно развивалась концепция предупреждения преступлений через тюремное заключение. Тюрьма должна была не только исправлять конкретного преступника, но и демонстрировать обществу неотвратимость наказания, тем самым сдерживая потенциальных правонарушителей [5, с. 156].

Практики тюремного заключения также претерпевали существенные изменения. Если в начале периода преобладало совместное содержание всех категорий заключенных, то к концу XIX века утверждается принцип классификации и раздельного содержания. Заключенные разделялись по полу, возрасту, характеру преступлений, сроку наказания и соответствующему поведению [6, с. 189].

Важное место занимала организация труда заключенных. От принудительного труда на государственных объектах (каторга) система эволюционировала к созданию тюремных мастерских и сельскохозяйственных предприятий. Труд рассматривался не только как экономическая необходимость, но и как средство исправления и обучения профессиональным навыкам заключенных [7, с. 223].

Развивалась система внутреннего распорядка и дисциплинарной практики. Вводились детальные правила поведения, системы поощрений и наказаний, распорядок дня. Дисциплинарные взыскания становились более регламентированными и постепенно отходили от физических наказаний к мерам психологического воздействия [8, с. 145].

К началу XX века сформировался комплекс представлений о целях и методах тюремного заключения, который сочетал элементы устрашения, исправления и социальной защиты. Этот синтез различных подходов отражал сложность и многогранность проблемы исполнения наказаний [1, с. 260].

Имперский период стал временем фундаментальных преобразований в организации системы исполнения наказаний в виде лишения свободы в России. За два столетия произошла эволюция от фрагментарной и децентрализованной системы мест заключения к сложному, организованному комплексу учреждений с единым управлением и развитой нормативной базой [2, с. 178].

Основными тенденциями развития пенитенциарной системы в имперский период стали: централизация управления – от разрозненного ведомственного контроля к созданию единой вертикали тюремной администрации; дифференциация учреждений – формирование сети спе-

циализированных мест лишения свободы для различных категорий осужденных; нормативная институционализация – разработка и кодификация тюремного законодательства; гуманизация условий содержания – постепенное улучшение материальных условий и внедрение санитарно-гигиенических стандартов; эволюция целей наказания – переход от устрашения и изоляции к идеям исправления и ресоциализации [3, с. 201].

Тюремная реформа 1879 года стала ключевым моментом в этом процессе, заложив организационные и правовые основы современной пенитенциарной системы. Создание Главного тюремного управления, формирование профессионального тюремного персонала, разработка детальных нормативных актов – все это способствовало становлению тюремной системы как элемента государственного аппарата [4, с. 215].

Однако к началу XX века сохранялись некоторые проблемы: переполненность тюрем, недостаточное финансирование, сложные условия содержания, высокий уровень рецидива. Эти нерешенные вопросы требовали дальнейших реформ, которые были прерваны революционными событиями 1917 года [5, с. 167].

Историко-правовой анализ становления системы исполнения наказаний в имперский период имеет важное значение для понимания современной пенитенциарной системы России. Многие организационные и правовые решения, разработанные в XVIII-XIX веках, оказали значительное влияние на развитие отечественной тюремной системы и продолжают оказывать на ее функционирование в настоящее время [6, с. 189].

Список литературы:

1. Нарышкина Н.И. Тюремная реформа 1879 года: историко-правовой анализ становления пенитенциарной системы Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14, № 2. С. 245-263.
2. Исаев И.А. Пенитенциарная система Российской империи: этапы формирования и развития (XVIII – начало XX вв.). М.: Проспект, 2024. 318 с.
3. Тюремные преобразования в России: историко-правовые очерки / под ред. А.С. Смыкалина. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2023. 415 с.
4. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 8: Судебная реформа и тюремные преобразования / под общ. Ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 2022. 520 с.
5. Романовская В.Б. Исправительные наказания в русском праве XVIII – начала XX века // Lex russica. 2024. № 5 (198). С. 112-128.
6. Пенитенциарные учреждения Российской империи: организационно-правовые аспекты развития / сост. К.В. Федотов. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2023. 287 с.
7. Сидорчук И.В. Тюремная система России: от Петра I к современности // Юридическая наука и практика. 2022. Т. 18, № 4. С. 78-92.
8. Устав о содержании под стражей 1909 года: проект и комментарии / науч. ред. М.В. Немытина. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения, 2024. 234 с.

References:

1. Naryshkina N.I. The prison reform of 1879: a historical and legal analysis of the formation of the penitentiary system of the Russian Empire // Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2023. Vol. 14, No. 2. pp. 245-263.
2. Isaev I.A. The penitentiary system of the Russian Empire: stages of formation and development (XVIII – early XX centuries). Moscow: Prospekt, 2024. 318 p.
3. Prison transformations in Russia: historical and legal essays / edited by A.S. Smykalin. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 2023. 415 p.
4. Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 volumes Vol. 8: Judicial reform and prison transformations / under the general editorship of O.I. Chistyakov. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 2022. 520 p.
5. Romanovskaya V.B. Correctional punishments in Russian law of the XVIII – early XX century // Lex russica. 2024. No. 5 (198). pp. 112-128.
6. Penitentiary institutions of the Russian Empire: organizational and legal aspects of development / comp. K.V. Fedotov. SPb.: Publishing House of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, 2023. 287 p.
7. Sidorchuk I.V. The Russian prison system: from Peter the Great to the present // Legal science and practice. 2022. Vol. 18, No. 4. pp. 78-92.
8. The Statute on detention in 1909: draft and comments / scientific ed. by M.V. Nemytin. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence, 2024. 234 p.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_454

УДК 343.13

ПРИНЦИП СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY FOR MINOR CRIMES

МАЛЬЦАГОВ Иса Даутович,

к.ю.н., доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности
Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова.
364907, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Шерипова, 32.
E-mail: isa.maltsagov@mail.ru;

ИСИПОВА Лалита Рукмановна,

Старший преподаватель кафедры права
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет».
364907, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Шерипова, 32.
E-mail: isa.maltsagov@mail.ru;

MALTSAGOV Isa Dautovich,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Process and National Security
Kadyrov Chechen State University.
32 Sheripova str., Grozny, Russia, 364907, Chechen Republic.
E-mail: isa.maltsagov@mail.ru;

ISIPOVA Lalita Rukmanovna,

Senior Lecturer, Department of Law Chechen State Pedagogical University.
32 Sheripova str., Grozny, Russia, 364907, Chechen Republic.
E-mail: isa.maltsagov@mail.ru

Краткая аннотация: В настоящем исследовании детально рассматриваются практические вызовы, связанные с внедрением принципа состязательности в уголовном процессе. Этот принцип, будучи краеугольным камнем справедливости и равенства, анализируется с точки зрения создания равных возможностей для сторон в использовании процессуальных инструментов. Основная задача – определить, каким образом состязательность способствует объективному выяснению обстоятельств дела, предотвращая одностороннее доминирование. Статья 15 УПК РФ является основным регулятором принципа состязательности сторон и гарантом равноправной процедуры рассмотрения дел в суде.

Abstract: This study examines in detail the practical challenges associated with implementing the adversarial principle in criminal proceedings. This principle, as the cornerstone of justice and equality, is analyzed from the perspective of creating equal opportunities for parties to utilize procedural tools. The primary objective is to determine how adversarial proceedings facilitate objective clarification of the circumstances of a case, preventing unilateral dominance. Article 15 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is the primary regulator of the adversarial principle and guarantees equal proceedings in court.

Ключевые слова: принципы уголовного процесса, состязательность сторон, стадии, ходатайство, уголовное судопроизводство, суд, доказывание.

Keywords: principles of criminal procedure, adversarial proceedings, stages, motion, criminal proceedings, court, proof.

Для цитирования: Мальцагов И.Д., Исипова Л.Р. Освобождение от уголовной ответственности за преступления небольшой тяжести // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 454-457. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_454.

For citation: Maltsagov I.D., Isipova L.R. Exemption from criminal liability for minor crimes // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 454-457. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_454.

Статья поступила в редакцию: 02.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Вслед за введением обновленного УПК РФ последовала значительная критика, главным аргументом которой стало недостаточное применение принципов состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе. Наша задача в этом анализе — добиться объективности в оформлении важных доказательств на этапе предварительного расследования. Вопрос состязательности сторон в российском уголовном судопроизводстве в настоящее время активно обсуждается в научной среде.

Ряд видных представителей процессуальной науки высказываются «против интеграции состязательных элементов на данном этапе, предлагая вместо этого гибридную модель, сочетающую элементы состязательности с активной позицией стороны обвинения» [2].

По определению М.С. Строговича, «состязательность — это такое построение судебного разбирательства, в котором обвинение отделено от суда, решающего дело, и в котором обвинение и защита осуществляются сторонами, наделенными равными правами для отстаивания своих утверждений и оспаривания утверждений противной стороны, причем обвиняемый (подсудимый) является стороной, пользующейся правом на защиту; суду же принадлежит руководство процессом, активное исследование обстоятельств дела и решение самого дела» [3].

Конституция Российской Федерации гласит, что «Судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон» (ч. 2 ст. 123), а статья 229 УПК указывает, что принцип состязательности является ключевым на предварительном слушании [1].

Так, часть 1 ст. 15 УПК РФ гласит, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон.

Стороны — это участники уголовного судопроизводства, выполняющие на основе состязательности функцию обвинения (уголовного преследования), или защиты от обвинения.

Концепция состязательности в уголовном производстве остается одной из самых значимых и актуальных тем, поскольку она подвер-

галась многочисленным обсуждениям в научной среде времен Советского Союза и продолжает быть важной в наши дни.

Проблемам внедрения состязательности в уголовный процесс посвящены исследования российских ученых, таких как Т.Ю. Амплеева, В.П. Божьев, А.В. Боярская, А.А. Давлетов, Полянский, М.С. Лукашевич, С.С. Строгович, Т.В. Трубникова, Р.Д. Шумилова, Р.Д. Рахунов.

Фактически, цель предварительного расследования заключается не просто в установлении виновности лица, но и в тщательном исследовании и документировании всех важных обстоятельств дела, которые впоследствии будут использоваться в суде. Таким образом, принцип состязательности, по нашему мнению, должен применяться преимущественно на стадии судебного разбирательства. В рамках обсуждения данной темы А. Давлетов предлагает концепцию гибридной модели уголовного процесса для России.

Он предлагает «значительно сузить понятие "досудебное производство," и полностью внедрить в него принцип состязательности между сторонами». Также он выступает за «возрождение активной розыскной деятельности на досудебных этапах, сохраняя при этом роль публично-обвинения» [4].

Отличительной особенностью применения данного принципа на досудебных этапах уголовного судопроизводства является то, что сторона обвинения (должностные лица, имеющие право возбуждать уголовное дело и проводить предварительное расследование) обладает властными правами и большим объемом полномочий по сравнению со стороной защиты.

Вопрос о несоразмерности полномочий сторон в уголовном судопроизводстве очень актуален. Действительно, сторона обвинения часто обладает значительными процессуальными преимуществами, что может подрывать принципы состязательности и равноправия.

Для решения этой проблемы важно не столько уравнивание процессуальных возможностей, сколько усиление прав стороны защиты. Это может включать:

1. Расширение прав на доступ к материалам дела: Защита должна иметь возможность своевременно знакомиться со всеми собранными доказательствами и материалами.
2. Право на участие в следственных действиях: Участие защитника в следственных действиях может повысить прозрачность и справедливость процесса.
3. Гарантии реализации прав защиты: Необходимо создать механизмы, которые позволят защите эффективно реализовывать свои права, включая возможность обжалования действий следователя.

Такие меры могут способствовать улучшению баланса между сторонами и обеспечению более справедливого судебного разбирательства.

М.С. Строгович в своих исследованиях поднимает важные вопросы о состязательности в уголовном судопроизводстве [3]. Для глубины анализа добавим несколько комментариев:

Разграничение ролей: Строгович акцентирует внимание на важности четкого разделения функций сторон и судьи. Это разграничение необходимо для обеспечения объективности и справедливости процесса.

Состязательность и следственные действия: Его утверждение о том, что состязательность может нарушить следственные действия, поднимает вопрос о том, как обеспечить баланс между защитой прав обвиняемого и эффективностью расследования. Состязательность в суде позволяет сторонам активно защищать свои интересы, но на этапе предварительного расследования может привести к затягиванию процесса.

Проблемы внедрения: Строгович выражает сомнения по поводу целесообразности применения принципа состязательности в ходе предварительного расследования. Это мнение может быть актуальным в контексте различных правовых систем, где следственные процедуры могут отличаться по своей природе и целям.

Итоговое значение: «Важно рассматривать, каким образом внедрение состязательности может повлиять на достижение правосудия. Возможно, имеет смысл рассмотреть альтернативные методы, которые помогут сохранить эффективность следственных действий, сохраняя при этом права сторон» [3].

М.С. Строгович рассматривал «состязательность как структурированный процесс с разделением функций обвинения и суда, равными правами сторон и нейтралитетом суда» [3]. Некоторые исследователи также полагают, что предварительное расследование лишь подготавливает почву для состязательности в суде, а не является таковой само по себе.

На текущий момент, практика проведения следственных действий в рамках предварительного расследования по уголовным делам, не обеспечивает достаточного уровня состязательности. Важный аспект российского уголовного судопроизводства — принцип состязательности — был нами затронут. Он играет важнейшую роль в поддержании справедливости и равенства прав сторон.

Рассмотрим этот принцип подробнее. Суть принципа состязательности заключается в предоставлении всем участникам уголовного судопроизводства (обвинению, защите и стороне, заявившей о причинении вреда) равных прав и возможностей для выражения своей позиции и представления доказательств.

Принцип состязательности создает условия для полного и объективного рассмотрения дела:

- а) Обвинение: представляет прокурор или частный обвинитель, собирают доказательства против подсудимого и формирует позицию о его виновности.
- б) Защита: адвокат и подсудимый, наделены правом оспаривать собранные доказательства, представляя контраргументы и защищая интересы клиента.
- в) Потерпевшая сторона: имеет возможность участвовать в процессе, подавать гражданские иски и выражать мнение по вопросам,

связанным с наказанием.

1. Проблемы реализации. Несмотря на формальное закрепление принципа состязательности, на практике могут возникать ситуации, когда баланс прав и возможностей сторон нарушается. Это может быть связано с недостатком ресурсов у одной из сторон (например, у защиты), отсутствием достаточного доступа к информации или неравной юридической подготовкой участников.

2. Необходимый инструментарий. Недостаток инструментов для обеспечения реального равенства прав сторон может hinder the effectiveness of this principle. (препятствуют эффективности этого принципа). Это требует доработки законодательства, обеспечивающего более высокий уровень защиты прав участников уголовного процесса.

3. Заключение: Принцип состязательности является основой справедливого уголовного процесса, однако его реализация требует постоянного внимания со стороны законодательной и судебной власти, чтобы обеспечить равные возможности для всех участников и достичь справедливости в судебных разбирательствах [3].

Для эффективного расследования уголовных дел необходимо сосредоточиться на том, как на практике реализуются принципы состязательности и равноправия сторон при сборе доказательств. Важно анализировать, как стороны представляют свои аргументы, и уделять особое внимание защите прав человека. Хотя Уголовно-процессуальный кодекс (УПК РФ) предусматривает эти принципы, их применение на практике далеко от совершенства. Главная задача – обеспечить объективность при формировании основных доказательств на начальных этапах расследования. Таким образом, на практике принцип состязательности и равноправия сторон сталкивается с трудностями при исследовании доказательств на стадии предварительного расследования. Эти проблемы, отраженные в УПК РФ, создают неравные условия для стороны защиты, приводя к несправедливому использованию процессуальных инструментов при сборе доказательств. В результате сторона защиты ограничена в возможности получения необходимых доказательств, что затрудняет доказывание невиновности и защиту прав подзащитного. На стадии предварительного расследования обвинение имеет явное преимущество перед защитой. Например, адвокаты ограничены в праве самостоятельно опрашивать свидетелей (только с их согласия) и получать справки из организаций, которые могут отказать в их предоставлении. В то же время, «сторона обвинения такими правами обладает, в то время как защитник может лишь ходатайствовать перед следователем о проведении процессуальных действий» [8].

«Указанный факт вызывает сомнения в реальном обеспечении принципа состязательности в ходе предварительного расследования, поскольку у стороны обвинения намного больше ресурсов для получения доказательств, а также для решения других процессуальных задач» [6].

Здесь поднимаются важные вопросы о состязательности в уголовном судопроизводстве. Проведем краткий анализ содержания и возможные направления для их расширения:

1. Вывод о равенстве сторон: подробно рассмотреть, почему абсолютное равенство сторон невозможно. Можно привести примеры из практики, где это проявляется.

2. Роль защитника и обвинителя: можно углубиться в сравнение прав и обязанностей защитника и обвинителя. Возможно, стоит привести примеры из законодательства или судебной практики, которые иллюстрируют это неравенство.

3. Функция суда: стоит уделить внимание на то, как суд может влиять на процесс, даже оставаясь нейтральным. Например, можно обсудить механизмы, с помощью которых суд может гарантировать законность действий следствия.

4. Принцип состязательности: будет уместно раскрыть, как данный принцип реализуется на практике и существующие препятствия. Можно также рассмотреть международный опыт и сравнить с российским.

5. Заключение: подвести итог, обобщив основные проблемы и предложив возможные пути их решения.

УПК РФ, в ч.3 ст. 15 указывает, что «суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав» [5].

Согласно ст. 29 УПК РФ, «суду предоставлены относительно широкие полномочия по контролю за дознанием и предварительным следствием в той части, которая сопряжена с применением мер процессуального принуждения, наиболее существенным образом ущемляющих конституционные права и свободы» [5].

Данное утверждение подчеркивает важность принципа состязательности в уголовном процессе, который обеспечивает баланс между обвинением и защитой. Это действительно способствует более справедливому и прозрачному рассмотрению дел.

Усиление надзора за действиями стороны обвинения позволяет минимизировать случаи нарушения прав человека и обеспечивает соблюдение законности на всех этапах. Важно, чтобы суд был независимым и беспристрастным арбитром, рассматривающим доводы обеих сторон.

По мнению А. Давлетова [7], хотя процессуальный кодекс разделил участников разбирательства на оппоненты, и дал каждому возможность добывать доказательства, авторы УПК не продвинулись далее, так как не сформировали эффективного инструмента для достижения реального паритета полномочий противоборствующих сторон и, соответственно, не преобразовали участников в полноценных субъектов состязательного уголовного производства. В качестве решения рассматривалось внедрение института судебных следователей, способных гарантировать состязательность уже на досудебных этапах; однако этот подход представляется трудоемким и дорогостоящим, поскольку потребовал бы увеличения штата государственных служащих. Как следствие, «состязательность в уголовном процессе на досудебных стадиях носит ограниченный характер, и условия для ее всестороннего воплощения во всех фазах процесса пока не сложились» [8].

Исходя из анализа исследования можно констатировать, что решение проблемы принципа состязательности в уголовном судопроиз-

водстве остается актуальной.

Состязательность подразумевает разделение задач обвинения, защиты и разрешения дела между участниками судебного разбирательства, создавая тем самым ситуацию спора между равноправными сторонами перед независимым судом.

Однако, говоря о равноправии сторон в уголовном производстве, следует признать, что сторона защиты по-прежнему остается лишь просителем перед влиятельным следователем.

Предложение о внесении изменений в УПК РФ выглядит обоснованным и может способствовать укреплению принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве. Регламентированная процедура сбора доказательств адвокатом и обязательства для должностных лиц по присоединению материалов могли бы улучшить защиту прав обвиняемых и обеспечить более справедливый процесс.

Можно обозначить несколько ключевых аспектов, которые можно также учесть при разработке поправок:

1. Процессуальные сроки: Установить четкие сроки для представления и приобщения материалов, чтобы гарантировать оперативность.
2. Формат представления доказательств: Определить, в каком виде должны предоставляться документы (электронный, бумажный) и как они должны быть оформлены.
3. Обязанности сторон: Уточнить ответственность защитника за сбор и предоставление доказательств, а также обязанность должностных лиц рассмотреть эти материалы.
4. Контроль судебной инстанции: Ввести механизмы проверки законности и обоснованности отказа в приобщении материалов к делу.
5. Гарантии для адвокатов: Защитить адвокатов от возможных репрессий со стороны следственных органов за выполнение своих профессиональных обязанностей.

Список литературы:

1. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025)
2. Ведерникова, О.Н., Ворожцов, С.А., Давыдов, В.А. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). – М.: НОРМА, ИНФРА-М. – 2014 г. – 300 с.
3. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса Т.1 // М: Наука, 1968. С.470
4. Давлетов А. Проблема состязательности решена в УПК РФ неудачно // Рос. юстиция. – 2003. – № 8. – С. 16–18.
5. Грешнова Н. А. Формы закрепления принципа состязательности в уголовном процессе // Ленинград. юрид. журн. - 2013. - № 4
6. Дяблов А. В. Анализ элементов принципа состязательности применительно к досудебному производству по уголовным делам /А. В. Дяблов, Ю. Л. Дяблова, А. В. Черенков // Изв. Тульского гос. ун-та. Экон. и юрид. науки. - 2015. - № 3-2. - С. 84-89.
7. Давлетов А. Право защитника собирать доказательства // Российская юстиция. - М.: Юрид. лит., 2003. № 7. - С. 50-51
8. Захарова Ю. Н. Действительное состояние провозглашенного принципа состязательности в уголовном судопроизводстве и почему нельзя по-другому // Правопорядок: история, теория, практика. – 2016. – № 2 (9). – С. 64–68.

References:

1. "Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" of 18.12.2001 N 174-FZ (as amended on 31.07.2025) (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2025)
2. Vedernikova, O.N., Vorozhtsov, S.A., Davydov, V.A. Scientific and practical commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (article-by-article). - Moscow: NORMA, INFRA-M. - 2014. - 300 p.
3. Strogovich, M.S. Course of Soviet Criminal Procedure, Vol. 1 // Moscow: Nauka, 1968. P. 470
4. Davletov, A. The problem of adversarial proceedings is unsuccessfully resolved in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Russian Justice. – 2003. – No. 8. – P. 16–18.
5. Greshnova N. A. Forms of Enshrining the Adversarial Principle in Criminal Procedure // Leningrad. Legal Journal. - 2013. - No. 4
6. Dyablov A. V. Analysis of Elements of the Adversarial Principle as Applied to Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases / A. V. Dyablov, Yu. L. Dyablova, A. V. Cherenkov // News of Tula State University. Economic and Legal Sciences. - 2015. - No. 3–2. - P. 84–89.
7. Davletov A. The Right of the Defense Attorney to Collect Evidence // Russian Justice. - Moscow: Legal Journal. lit., 2003. No. 7. - P. 50-51
8. Zakharova Yu. N. The actual state of the proclaimed principle of adversarial proceedings in criminal proceedings and why it cannot be done differently // Law and order: history, theory, practice. - 2016. - No. 2 (9). - P. 64-68.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_458

УДК 343.232

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

PROBLEMS OF APPLYING THE INSTITUTION OF COMPLICITY IN TERRORIST CRIMES: DOCTRINAL APPROACHES AND JUDICIAL PRACTICE

АЛЕХИН Виталий Петрович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права,
Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина.
350044, Россия, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.
E-mail: 4439517@mail.ru;

ALEKHIN Vitaliy Petrovich,

Associate Professor of the Department of Criminal Law, Candidate of Law
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin.
Kalinina str., 13, Krasnodar, 350044, Russia.
E-mail: 4439517@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена исследованию проблем применения института соучастия при квалификации террористических преступлений в российском уголовном праве. Анализируются доктринальные подходы к соотношению общих положений о соучастии и специальных норм о террористических организациях. Рассматриваются особенности группового характера террористических преступлений, пределы ответственности пособников и проблемы эксцесса соучастников. Исследуется современная судебная практика по делам о преступлениях террористической направленности. Обосновывается необходимость совершенствования законодательства и правоприменительной практики в части квалификации действий участников террористических организаций.

Abstract: The article is devoted to the study of problems of applying the institution of complicity in the qualification of terrorist crimes in Russian criminal law. Doctrinal approaches to the relationship between general provisions on complicity and special norms on terrorist organizations are analyzed. The features of the group nature of terrorist crimes, the limits of responsibility of accomplices and problems of excess of accomplices are considered. Modern judicial practice in cases of terrorist crimes is investigated. The necessity of improving legislation and law enforcement practice in terms of qualifying the actions of participants in terrorist organizations is substantiated.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, террористические преступления, террористическая организация, организованная группа, эксцесс соучастника, пособничество, квалификация преступлений, судебная практика.

Keywords: complicity in crime, terrorist crimes, terrorist organization, organized group, excess of accomplice, aiding and abetting, qualification of crimes, judicial practice.

Для цитирования: Алехин В.П. Проблемы применения института соучастия в террористических преступлениях: доктринальные подходы и судебная практика // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 458-460. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_458.

For citation: Alekhin V.P. Problems of applying the institution of complicity in terrorist crimes: doctrinal approaches and judicial practice // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 458-460. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_458.

Статья поступила в редакцию: 08.10.2025

Институт соучастия в российском уголовном праве давно стал предметом острых научных дискуссий, но особенно сложные вопросы возникают при его применении к террористическим преступлениям. Специфика этой категории деяний заключается не только в их повышенной общественной опасности, но и в том, что террористическая деятельность по своей природе носит групповой характер. Как показывает судебная практика последних лет, количество дел о преступлениях террористической направленности выросло более чем в два раза с 2018 года, что создает дополнительную нагрузку на правоприменительную систему и обостряет проблемы квалификации.

Правоприменители сталкиваются с парадоксальной ситуацией. С одной стороны, законодатель в главе 7 УК РФ четко регламентировал общие принципы соучастия, предусмотрев различные формы группового совершения преступлений. С другой стороны, Особенная часть содержит специальные нормы о террористических организациях и сообществах, которые не всегда гармонично согласуются с общими положениями о соучастии. Эта коллизия порождает множество вопросов, начиная от квалификации действий отдельных участников и заканчивая определением пределов их ответственности.

Стоит отметить, что проблематика соучастия в террористических преступлениях получила новое звучание после принятия Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 года №1. Данный документ попытался упорядочить судебную практику, однако многие вопросы остались открытыми. Более того, последующие изменения этого постановления в 2016 году показали, что проблема далека от окончательного решения.

Центральным моментом дискуссии стало соотношение террористической организации, предусмотренной статьей 205.5 УК РФ, и традиционных форм соучастия. П.В. Агапов и А.Г. Хлебушкин справедливо отмечают, что отнесение террористической организации исключительно к преступным объединениям по смыслу статьи 35 УК РФ влечет существенное сужение сферы применения уголовного закона. Действительно, если рассматривать участие в террористической организации только через призму организованной группы или преступного сообщества, то квалификация содеянного по статье 205.5 УК РФ становится проблематичной[1].

Интересно, что Конституционный Суд РФ в определении от 21 сентября 2017 года №1797-О занял особую позицию по этому вопросу. Суд указал, что террористическая деятельность обращена к неопределенно широкому кругу лиц и выходит за рамки классического соучастия в тех формах, которые закреплены в статьях 32-35 УК РФ [5]. Такой подход предполагает индивидуализированную субъективную связь между ли-

цами, совместно участвующими в совершении конкретного умышленного преступления. Получается, что террористическая деятельность имеет свою специфику, которая не укладывается в традиционные рамки института соучастия.

Однако эта позиция порождает новые вопросы. Если террористическая организация не является формой соучастия в традиционном понимании, то как квалифицировать действия ее участников при совершении конкретных террористических актов? Пленум Верховного Суда в пункте 13 постановления №1 указывает, что действия участников террористического сообщества, террористической организации, совершивших террористический акт, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений. Но такая позиция не решает всех проблем, особенно когда речь идет о разграничении ролей соучастников [3].

Групповой характер террористических преступлений проявляется в их особой организованности и устойчивости. Как показывает анализ судебной практики, террористические группы характеризуются длительной подготовкой, четким распределением ролей и высокой степенью конспирации. Об устойчивости организованной группы, совершающей террористические преступления, могут свидетельствовать большой временной промежуток ее существования, неоднократность совершения преступлений членами группы, их техническая оснащенность и распределение ролей между ними.

Специфика террористических групп заключается еще и в том, что они часто создаются не для совершения одного конкретного преступления, а для осуществления террористической деятельности в целом. Это создает дополнительные сложности при определении момента окончания организационной деятельности и начала исполнения преступления. В отличие от обычных организованных групп, где можно четко выделить этапы планирования и реализации конкретного замысла, террористические организации часто функционируют в режиме постоянной готовности к совершению различных актов.

Пределы ответственности пособников в террористических преступлениях представляют собой отдельную проблему. С. Дикаев в своих работах обоснованно указывает на возможность пособничества в терроризме с косвенным умыслом. Классический пример — торговец взрывчатыми веществами, который не желает, чтобы его товар использовался для террористических целей, но тем не менее не препятствует этому, проявляя безразличное отношение к последствиям. Такое поведение может квалифицироваться как пособничество, даже при отсутствии прямого умысла на содействие терроризму[2].

Особую сложность представляет финансирование террористической деятельности. Законодатель в статье 205.1 УК РФ предусмотрел специальную ответственность за такие действия, но на практике возникают вопросы о соотношении этой нормы с общими положениями о пособничестве. Если лицо предоставляет денежные средства, зная об их террористическом предназначении, то его действия могут квалифицироваться как по статье 205.1, так и по соответствующим статьям о террористических преступлениях со ссылкой на статью 33 УК РФ. Пленум Верховного Суда в пункте 17.1 постановления попытался разрешить эту проблему, указав, что пособничество участника организованной группы не требует дополнительной квалификации по части 3 статьи 205.1 УК РФ.

Проблема эксцесса соучастников в террористических преступлениях стоит особенно остро. Статья 36 УК РФ регламентирует только эксцесс исполнителя, оставляя без внимания ситуации, когда за пределы общего умысла выходят организатор, подстрекатель или пособник. Между тем в террористической деятельности такие случаи встречаются довольно часто. Например, когда организатор террористической группы планирует совершение одного преступления, а в процессе реализации замысла принимает решение о совершении дополнительных актов, о которых другие участники не знали.

Показательным примером стало дело Гамзатова, которое комментируется в юридической литературе как случай эксцесса организатора. О.С. Капинус и К.В. Ображиев справедливо отмечают, что решение Президиума Верховного Суда по этому делу не противоречит действующему законодательству, поскольку в статье 36 УК РФ речь идет исключительно о правилах квалификации эксцесса исполнителя, но это не означает, что эксцесс иных соучастников должен оцениваться по иным правилам[6].

Количественный эксцесс в террористических преступлениях может выражаться в изменении способа совершения преступления — например, когда планировался обычный взрыв, а исполнитель использовал более мощное взрывное устройство. Качественный эксцесс проявляется в посягательстве на другой объект — совершении наряду с запланированным террористическим актом еще и других преступлений. Доказывание умысла других соучастников в таких случаях представляет значительную сложность для следствия и суда.

Анализ современной судебной практики показывает устойчивую тенденцию к расширению применения норм о террористических преступлениях. Дело Косяченко, Туриевой и Туриева, рассматривавшееся в 2024-2025 годах, демонстрирует типичные проблемы квалификации действий участников террористической группы. Обвиняемые в терактах на объектах РЖД и атаке на военный аэродром отрицали террористический характер своих действий, что создавало дополнительные сложности при установлении их роли в преступной деятельности.

Проблемы территориальной подсудности также влияют на качество рассмотрения дел о террористических преступлениях. Сосредоточение таких дел в четырех окружных военных судах при значительном росте их количества приводит к необходимости проведения выездных заседаний, что не всегда обеспечивает должное качество судебного разбирательства. Верховный Суд в 2023 году предложил расширить круг судов, рассматривающих такие дела, что может положительно сказаться на правоприменительной практике[7].

Особенности рассмотрения дел о групповых террористических преступлениях связаны не только с процессуальными аспектами, но и с необходимостью установления роли каждого участника преступной группы. Суды должны тщательно анализировать характер и степень фактического участия каждого лица, что при большом количестве соучастников представляет значительную сложность. Статья 34 УК РФ требует индивидуализации ответственности, но на практике это требование не всегда выполняется в полной мере.

Международные обязательства России в сфере борьбы с терроризмом также накладывают отпечаток на развитие национального законодательства о соучастии. Конвенции ООН предусматривают определенные стандарты криминализации террористической деятельности, которые должны учитываться при толковании норм о соучастии. Однако прямое заимствование зарубежных подходов без учета особенностей российской правовой системы может привести к дополнительным проблемам.

Поощрительные нормы, содержащиеся в примечаниях к статьям 205, 205.1, 205.3 УК РФ, призваны стимулировать участников террористических организаций к добровольному отказу от преступной деятельности. Однако их применение на практике сталкивается с серьезными трудностями. Условие о том, что лицо должно способствовать предотвращению террористического акта, не всегда может быть выполнено участниками, которые не обладают полной информацией о планах организации.

Развитие цифровых технологий создает новые вызовы для института соучастия в террористических преступлениях. Интернет-пропаганда, финансирование через криптовалюты, координация действий через мессенджеры — все это требует переосмысления традиционных подходов к определению форм соучастия. Границы между подстрекательством и пособничеством в виртуальном пространстве становятся все более размытыми.

Перспективы совершенствования законодательства видятся в нескольких направлениях. Прежде всего, необходимо внести изменения в статью 36 УК РФ, распространив правила об эксцессе на всех соучастников преступления. Это позволит решить проблемы, связанные с выходом за пределы общего умысла организаторов, подстрекателей и пособников. Кроме того, требуется уточнение критериев разграничения различных форм соучастия применительно к террористическим преступлениям.

Правоприменительная практика нуждается в дополнительных разъяснениях высшей судебной инстанции. Принятие специального постановления Пленума Верховного Суда о соучастии в преступлении могло бы существенно улучшить ситуацию с квалификацией групповых преступлений. Унификация подходов к оценке роли различных участников террористических организаций позволила бы обеспечить более справедливое назначение наказания[4].

Проблемы применения института соучастия к террористическим преступлениям носят комплексный характер и требуют как законодательного, так и правоприменительного решения. Специфика террористической деятельности не позволяет механически применять общие положения о соучастии без учета особенностей данной категории преступлений. Необходим дифференцированный подход, учитывающий как доктринальные разработки, так и потребности судебной практики в четких критериях квалификации действий участников террористических организаций.

Список литературы:

1. Агапов П.В., Хлебущкин А.Г. Террористическая организация и формы соучастия в преступлении: вопросы квалификации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2022. № 6 (3). С. 9-23.
2. Дикаев С. Терроризм: некоторые проблемы квалификации // Российская юстиция. 2003. № 11. С. 54-57.
3. Капинус О.С., Ображиев К.В. Актуальные проблемы понимания эксцесса соучастника // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 4 (66). С. 45-52.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 21.09.2017 № 1797-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Киреева Владимира Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьями 205.5 и 208 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
6. Хмелевская Т.А. Виды групповых преступлений и их квалификация по УК Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 26 с.
7. Ситко Н.Г., Алехин В.П. Террористический акт: проблемы квалификации В сборнике: НАУЧНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА. сборник статей по материалам 72-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2016 год. 2017. С. 895-898.

References:

1. Agapov P.V., Khlebushkin A.G. Terrorist organization and forms of complicity in crime: issues of qualification. Library of the criminalist. Scientific journal, 2022, no. 6 (3), pp. 9-23. (In Russian)
2. Dikaev S. Terrorism: some problems of qualification, Russian Justice, 2003, no. 11, pp. 54-57. (In Russian)
3. Kapinus O.S., Obrazhiev K.V. Actual problems of understanding the excess of an accomplice. Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2018, no. 4 (66), pp. 45-52. (In Russian)
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.02.2012 No. 1 (as amended on 03.11.2016) "On some issues of judicial practice in criminal cases on crimes of terrorist orientation". Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, 2012, no. 4. (In Russian)
5. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 21.09.2017 No. 1797-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Kireev Vladimir Sergeevich about violation of his constitutional rights by articles 205.5 and 208 of the Criminal Code of the Russian Federation". Legal reference system ConsultantPlus. (In Russian)
6. Khmelevskaya T.A. Types of group crimes and their qualification under the Criminal Code of the Russian Federation. Abstract of PhD thesis. Moscow, 2000. 26 p. (In Russian)
7. Sit'ko N.G., Alekhin V.P. Terroristicheskiy akt: problemy kvalifikatsii V sbornike: NAUCHNOYE OBESPECHENIYE AGROPROMYSHLENNOGO KOMPLEKSA. sbornik statey po materialam 72-y nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov po itogam NIR za 2016 god. 2017. S. 895-898.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА-ПСИХОЛОГА КАК СРЕДСТВО ДОКАЗЫВАНИЯ ФАКТА МАНИПУЛЯЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ THE EXPERT PSYCHOLOGIST'S REPORT AS A MEANS OF PROVING THE FACT OF MANIPULATION IN THE CRIMINAL PROCESS: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

АРСЛАНОВА Альбина Ринатовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса

Уфимского юридического института МВД России.

450103, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

e-mail: Alya.arslanova@inbox.ru;

ARSLANOVA Al'bina Rinatovna,

candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure

of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

450103, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muksinova St., 2.

e-mail: Alya.arslanova@inbox.ru

Краткая аннотация. В статье исследуются актуальные проблемы использования специальных психологических познаний в доказывании по уголовным делам о преступлениях, совершенных с применением методов манипуляции. Анализируется правовая природа заключения специалиста-психолога в контексте ст. 58 и 80 УПК РФ.

Abstract. The article examines the current problems of using special psychological knowledge in proving criminal cases involving crimes committed using manipulation methods. The legal nature of a specialist psychologist's opinion is analyzed in the context of Articles 58 and 80 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: манипуляция, заключение специалиста, доказательства, нейролингвистическое программирование (НЛП), уголовный процесс, специальные познания, психологическое воздействие, методика допроса.

Keywords: manipulation, expert opinion, evidence, neuro-linguistic programming (NLP), criminal proceedings, special knowledge, psychological influence, interrogation techniques.

Для цитирования: Арсланова А.Р. Заключение специалиста-психолога как средство доказывания факта манипуляции в уголовном процессе: теоретико-прикладные аспекты // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 461-462. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_461.

For citation: Arslanova A.R. The expert psychologist's report as a means of proving the fact of manipulation in the criminal process: theoretical and applied aspects // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 461-462. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_461.

Статья поступила в редакцию: 12.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Современная преступность характеризуется активным использованием методов скрытого психологического воздействия, направленного на подавление воли жертвы и принятие ею решений, противоречащих собственным интересам[1. С. 45]. Данные методы, часто условно объединяемые термином «нейролингвистическое программирование» (НЛП), применяются в мошенничестве, вовлечении в экстремистскую и террористическую деятельность, доведении до самоубийства и др. В то же время НЛП не является признанной научной дисциплиной в психологии, однако в статье мы делаем акцент на конкретные вербальные и невербальные приемы воздействия, которые действительно изучаются психологией влияния и лингвистикой. Понятие НЛП включает и определяет набор методов психологического воздействия в той или иной сфере, в связи с чем данное понятие используется как устойчивое уже в практической деятельности.

Ключевой проблемой доказывания по делам является установление самого факта манипуляции и его причинно-следственной связи с действиями потерпевшего. Учитывая, что в последнее время такой метод совершения преступления набирает обороты, традиционные средства доказывания имеют потребность в актуализации и привлечении специальных психологических познаний.

Можно ли экспертным способом установить факт манипуляции? В настоящей статье мы проанализируем возможности и пределы судебной экспертизы в установлении признаков использования конкретных техник (якорение, раппорт, речевые паттерны). Какие вопросы следует ставить перед экспертом в области психологии? Разработка новой методики проведения такого рода экспертиз.

Правовые основания и пределы использования заключения специалиста-психолога. В соответствии со ст. 58 УПК РФ, специалист привлекается для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств, а также для постановки вопросов эксперту и разъяснения сторонам вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Как справедливо отмечает С.А. Шейфер, заключение специалиста является самостоятельным средством доказывания, основанным на анализе материалов дела, в то время как экспертиза предполагает самостоятельное исследование [2. С. 112].

Применительно к установлению манипуляции, специалист-психолог может дать заключение по следующим аспектам:

Анализ речевых паттернов (повторяющиеся, устоявшиеся шаблоны в языке, фразы, конструкции или реакции, которые используются для построения высказываний в определенных ситуациях (для передачи эмоционального состояния, оправдание, попытка изменить тему разговора и др.) подозреваемого (из материалов аудио- и видеозаписей, переписки) на предмет выявления манипулятивных техник (якорение - это

процесс соединения определённого стимула (звука, образа, прикосновения, запаха, слова) с определённым психологическим состоянием (радость, уверенность, страх, спокойствие)[4]. В нейролингвистическом программировании (НЛП) «якорь» — это «кнопка», нажав на которую можно получить нужный ресурс или состояние, использование трюизмов (банальные самоочевидные истины или утверждения), речевых стратегий Милтона Эриксона (косвенные внушения, подстройка под собеседника и активизация ресурса клиента в состоянии транса)[5]).

Анализ психофизиологического состояния потерпевшего на момент взаимодействия с манипулятором и впоследствии (на основе материалов дела, протоколов допросов, данных наблюдения).

Установление соответствия между применяемыми техниками и наступившими последствиями в виде изменения поведения и психологического состояния жертвы.

Важно подчеркнуть, что специалист-психолог не определяет степень внушаемости или диагностирует психическое расстройство — это компетенция судебно-психиатрической экспертизы (ст. 196 УПК РФ). Его задача — описать психологический механизм воздействия и его последствия.

Методика проведения исследования и типовые вопросы.

Методика должна быть комплексной и включать:

Психолингвистический анализ коммуникации: выявление речевых конструкций, направленных на запуск бессознательных реакций, использование метафор, управление эмоциональным состоянием.

Анализ невербального поведения (по видеозаписям при наличии): изучение особенностей глазодвигательных реакций, поз, жестов, используемых для установления раппорта и якорения.

Патопсихологическое исследование состояния потерпевшего: оценка наличия симптомов острого или посттравматического стресса, когнитивного диссонанса, повышенной внушаемости, возникших в результате воздействия.

Типовые вопросы к специалисту-психологу:

Содержатся ли в представленных материалах (аудио-, видеозаписи, переписка) признаки речевого воздействия, направленного на манипуляцию сознанием и поведением?

Какие конкретные техники психологического воздействия (якорение, внушение, управление состоянием) были использованы?

Соответствует ли описанное или наблюдаемое психологическое состояние потерпевшего (тревожность, дезориентация, чувство вины) состоянию лица, подвергшегося ментальной манипуляции?

Способствовали ли выявленные личностные особенности потерпевшего (например, повышенная доверчивость, эмоциональная лабильность) успешности манипулятивного воздействия?

Проблемы внедрения и критерии допустимости. Основными проблемами являются отсутствие единых методик и стандартов такого исследования, что может подвергаться критике со стороны защиты.

Для минимизации субъективизма в оценках необходимо применение достоверных и надежных диагностических методик, а также по возможности — проведение исследования комиссией специалистов (психолог и лингвист).

Выделим еще одну немаловажную проблему: вопросы допустимости такого рода экспертиз. Заключение будет соответствовать критерию допустимости (ст. 75 УПК РФ) только если специалист действовал в рамках своей компетенции, использовал научно обоснованные методы и его выводы не вторгаются в правовую сферу (например, не дают оценку умысла или вины).

Таким образом, заключение специалиста-психолога обладает значительным потенциалом как средство доказывания по делам о преступлениях, связанных с ментальной манипуляцией. Его использование позволяет объективизировать процесс доказывания, выявить психологический механизм преступления и преодолеть сопротивление защиты, ссылающейся на «добровольность» действий потерпевшего. Для успешной реализации этого потенциала необходима разработка и законодательное закрепление стандартизированных методик проведения подобных исследований, а также повышение психологической грамотности практикующих юристов.

Список литературы:

1. Глазырин Ф.В. Психология следственных действий: учеб.-практ. пособие. — Волгоград: ВА МВД России, 2018. — 215 с.;
2. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. — М.: Юрлитинформ, 2001. — 208 с.;
3. «Тебя якорят». Что это значит и как это работает: <https://tenchat.ru/media/3453014-tebya-yakoryat-cto-eto-znachit-i-kak-eto-rabotayet> (дата обращения: 08.09.2025);
4. Тройная спираль Милтона Эриксона: <https://dzen.ru/?clid=2411725&yredirect=true> (дата обращения: 08.09.2025) Макдермот Я. Введение в НЛП / Я. Макдермот, В.Яго. (дата обращения: 09.09.2025);

References:

1. Glazyrin F.V. Psychology of investigative actions: textbook. stipend. Volgograd: VA of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. 215 p.;
2. Shafer S.A. Investigative actions. The system and the procedural form. — M.: Yurilitinform, 2001. — 208 p.;
3. "You are being anchored". What does this mean and how does it work?: <https://tenchat.ru/media/3453014-tebya-yakoryat-cto-eto-znachit-i-kak-eto-rabotayet> (date of appeal: 09/08/2025);
4. Milton Erickson's Triple Helix: <https://dzen.ru/?clid=2411725&yredirect=true> (date of request: 09/08/2025) I am McDermott. Introduction to NLP / J. McDermott, V.Yago. (accessed: 09.09.2025);

ПРАВОВЫЕ РАМКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ПРОФИЛЯ В СУДЕ THE LEGAL FRAMEWORK FOR USING A CRIMINAL PROFILE IN COURT

АЛХАСТОВА Макка Вахидовна,

преподаватель кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности
Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова.

364024, Россия, Чеченская республика, г. Грозный, ул. А. Шерипова д. 32.

E-mail: alkhastovam@gmail.com;

ALKHASTOVA Makka Vakhidovna,

Lecturer at the Department of Criminal Law, Process and National Security Kadyrov Chechen State University.

364024, Chechen Republic, Grozny, Sheripova str., 32 A.

E-mail: alkhastovam@gmail.com

Краткая аннотация. Статья посвящена теоретико-правовому анализу статуса уголовного профиля в судебном разбирательстве. Цель исследования – определить понятие, цели и функции профиля, выявить действующие нормы и пробелы регулирования, а также очертить ключевые риски его процессуального использования. Методологическую основу составляют доктринально-правовой и сравнительно-правовой подходы с опорой на институт специальных знаний. Показано, что профиль не является самостоятельным источником доказательств и приобретает юридическое значение лишь в форме заключения и показаний эксперта либо заключения и пояснений специалиста, оцениваемых по критериям относимости, допустимости и достоверности. Обоснованы пределы специальных знаний и требования к научной обоснованности, воспроизводимости и проверяемости методов.

Abstract. The article is devoted to the theoretical and legal analysis of the status of a criminal profile in court proceedings. The purpose of the study is to define the concept, goals, and functions of profiling, to identify existing legal norms and regulatory gaps, and to outline the key risks of its procedural application. The methodological basis consists of doctrinal-legal and comparative-legal approaches, with reliance on the institution of specialized knowledge. It is shown that a profile is not an independent source of evidence and acquires legal significance only in the form of an expert's report and testimony or a specialist's opinion and explanations, which are evaluated according to the criteria of relevance, admissibility, and reliability. The study substantiates the limits of specialized knowledge and the requirements for the scientific validity, reproducibility, and verifiability of profiling methods.

Ключевые слова: уголовный профиль, криминалистическое профилирование, специальные знания, судебная экспертиза.

Keywords: criminal profile, forensic profiling, specialized knowledge, forensic examination.

Для цитирования: Алхастова М.В. Правовые рамки использования уголовного профиля в суде // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 463-465. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_463.

For citation: Alkhastova M.V. The legal framework for using a criminal profile in court // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 463-465. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_463.

Статья поступила в редакцию: 10.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Введение. Уголовное профилирование как междисциплинарный инструмент криминалистики и судебной психологии находится в зоне доктринальной неопределённости: при возрастающей практической востребованности его эпистемический статус в суде колеблется между ориентирующим знанием и потенциальным источником доказательственной информации в процессуальной форме заключения эксперта либо пояснений специалиста; при этом прямого нормативного закрепления «профиля» в уголовно-процессуальном законе нет, а в научных публикациях подчёркивается отсутствие чёткого правового статуса данного метода. Опорой для правовой оценки служат общие критерии относимости, допустимости и достоверности (ст. 74, 75 УПК РФ), а также разъяснения Пленума Верховного Суда РФ № 28, требующие, чтобы выводы эксперта не выходили за пределы специальных знаний, а методология была проверяемой и поддавалась состязательной верификации. В отечественной психолого-правовой школе фундамент заложен работами А. Р. Ратинова; в современный период С. Н. Ениколопов и Н. А. Ли описали методологические основания криминального профайлинга и обозначили его границы надёжности.

Уголовный профиль следует рассматривать как производное специального знания, оформленное в виде систематизированного, выведенного на основе анализа следов и обстоятельств преступления документа, предназначенного для ориентирующей и прогностической поддержки процессуальной деятельности; в психолого-криминалистической доктрине он понимается как юридически значимое суждение о личностных и поведенческих характеристиках вероятного субъекта посягательства и, при необходимости, жертвы, полученное посредством интерпретации материалов дела и мыслительных операций реконструктивного характера. С точки зрения гносеологического статуса профиль относится к вероятностным моделям: он задаёт рамки допустимых версий и направления поиска, но не подменяет доказательства в их узком процессуальном смысле; его аксиологическая ценность состоит в сужении круга лиц, выдвижении и ранжировании следственных версий, формировании тактико-организационных решений и выявлении дефицитов доказательственного массива.

Теоретическое понятие профилирования, сложившееся в отечественной литературе, квалифицирует его как частный криминалистический метод моделирования неизвестного преступника и его поведения, что предопределяет функции ориентации расследования, версификации и планирования, а также прогностическую и коммуникативную функции (взаимодействие следствия, эксперта и специалистов). Вместе с тем процессуальный режим использования профиля опосредован институтами специальных знаний: профиль может приобретать юридическое значение лишь постольку, поскольку содержится в заключении эксперта либо письменном суждении специалиста и подлежит состязательной проверке по правилам относимости, допустимости и достоверности доказательств. Это корреспондирует принципу свободы оценки доказательств судом и сторонами, исключающему предустановленную силу любых сведений, в том числе полученных путём профилирующего анализа.

Нормативно-правовой режим использования уголовного профиля в судебном разбирательстве характеризуется отсутствием его прямой кодификации и опосредованной интеграцией через институт специальных знаний. Понятие «уголовный профиль» как самостоятельный процессуальный феномен в УПК РФ не закреплено; на доктринальном уровне отмечается неопределённость статуса профайлера и результатов профильного анализа, что предопределяет необходимость «перевода» профиля в допустимые формы доказательственной информации.

Юридическим «входом» для профиля служит система процессуальных источников доказательств: заключение и показания эксперта (как результат судебной экспертизы) и заключение и показания специалиста (как форма использования специальных знаний сторонами). Перечень источников закрыт и расширительному толкованию не подлежит; любые сведения, не оформленные в указанные формы, остаются ориентирующими и не приобретают доказательственной силы.

Статус субъекта, придающего профилю процессуальную форму, зависит от выбранного режима. Эксперт – лицо, назначаемое для производства судебной экспертизы; специалист – привлекаемый сторонами носитель специальных знаний, способный дать письменное заключение и быть допрошенным в суде. Соответственно, профиль может быть инкорпорирован либо как часть заключения эксперта (при назначении экспертизы), либо как заключение специалиста защиты/обвинения, разъясняемое в судебном заседании.

Ключевые разграничители заданы разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ о судебной экспертизе: суду надлежит использовать экспертизу «во всех случаях», когда требуются специальные исследования; привлечение специалиста допустимо, если исследования не требуются; при этом вопросы эксперту не могут выходить за пределы специальных знаний, а суждения о юридической квалификации деяния и оценке достоверности показаний недопустимы. Тем самым профиль как психолого-криминалистическая реконструкция правомерен лишь в материальных границах специальных знаний и с воспроизводимой методикой [4, с. 337].

Режим допустимости профильных выводов подчинён общим правилам оценки доказательств: каждое доказательство проверяется на относимость, допустимость и достоверность, а их совокупность – на достаточность; доказательства, полученные с нарушением УПК РФ, признаются недопустимыми и исключаются; никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, что обязывает суд мотивированно сопоставлять профильные суждения с иными источниками. Таким образом, профиль, представленный как заключение специалиста или эксперта, не обладает презумпцией истинности и подлежит состязательной верификации.

Специфика заключения специалиста заключается в его «стороннем» происхождении и отсутствии процессуального требования о предупреждении об уголовной ответственности за заведомо ложное заключение (в отличие от эксперта), что нередко вызывает ошибки правоприменения (отказы в приобщении по мотиву отсутствия такого предупреждения). Научно-практические обзоры подчёркивают неправомерность подобных отказов, поскольку УПК РФ не устанавливает для специалиста соответствующей обязанности: критерием остаётся проверяемость методики, компетентность и добросовестность.

Процессуальная «дорожная карта» для использования профиля в суде включает: (1) при необходимости исследований – ходатайство о назначении судебной экспертизы с формулированием вопросов, не выходящих за пределы специальных знаний (в том числе психологических, криминалистических); (2) при отсутствии необходимости исследований – вызов и допрос специалиста, представившего заключение, по правилам заявления и разрешения ходатайств. При сомнениях в обоснованности экспертного вывода допускается назначение дополнительной или повторной экспертизы [1, с. 579].

На уровне общих принципов государственная судебно-экспертная деятельность строится на законности, независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноте исследований, с использованием современных достижений науки и техники; эти требования проецируются и на профильные методики, предъявляя к ним стандарты научной обоснованности и воспроизводимости. Иначе профиль рискует быть квалифицирован как ненадлежащее доказательство либо как недопустимое «мнение», не прошедшее проверку процессуальной формы.

Проблемные аспекты и правовые риски применения уголовного профиля в судебной практике обусловлены, прежде всего, его «опосредованной допустимостью»: профиль не является самостоятельным источником доказательств и обретает юридическое значение лишь будучи инкорпорированным в заключение и показания эксперта либо в заключение и пояснения специалиста; при этом любая «внепроцессуальная» справка или аналитическая записка сохраняет сугубо ориентирующий характер и не подлежит оценке как доказательство. Нормативный каркас выстраивается вокруг закрытого перечня источников доказательств (ст. 74 УПК РФ) и правила исключения недопустимых сведений (ст. 75 УПК РФ), что требует от суда, сторон и автора профиля строгого соблюдения процессуальной формы и проверяемости методологической базы.

Первый узловой риск – выход за пределы специальных знаний и подмена профильным суждением юридической оценки. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ (постановление № 28 от 21 декабря 2010 г.) предписывают формулировать эксперту только вопросы, лежащие в сфере специальных знаний, исключая квалификационные и иные правовые выводы; при сомнениях – назначать дополнительную или повторную экспертизу. Следовательно, «психолого-криминалистическая реконструкция» не может содержать категорических тезисов о виновности, достоверности показаний и правовой квалификации. Невыполнение этих требований влечёт риск признания доказательства недопустимым (ст. 75 УПК РФ) и, как следствие, исключения соответствующих материалов из оценки [6, с. 235].

Второй блок рисков связан с гносеологической природой профиля: он по самой сути вероятностен, опирается на индуктивно-дедуктивные модели и эвристические гипотезы. Отсюда вытекают повышенные требования к научной обоснованности применяемой методики, её фальсифицируемости, воспроизводимости и контролю потенциальной ошибки. Федеральный закон № 73-ФЗ прямо обязывает эксперта проводить исследования «на строго научной и практической основе», обеспечивая объективность, всесторонность и полноту; заключение должно позволять проверку обоснованности выводов. Несоблюдение этих стандартов превращает профиль в «мнение» без должной доказательной силы.

Третий риск – методологическая фрагментарность и стандартизация. В отечественной практике сосуществуют различные подходы (от психологического портрета до географического профилирования), при этом единые унифицированные процедуры валидации конкретных профильных методик пока формируются. Появление национального стандарта по родам судебных экспертиз (ГОСТ Р 71232-2024) упорядочивает терминологию и поле экспертной деятельности, но не снимает вопроса о проверке надёжности именно профильных алгоритмов и критериев их

применения. Следовательно, суду и сторонам необходимо предметно выяснять, какие процедуры калибровки использованы, как оценена погрешность и как обеспечена воспроизводимость.

Четвёртая группа рисков – когнитивные искажения участников процесса. Эвристики подтверждения, якорения, ретроспективной предвзятости способны усиливать внушающий эффект профильного текста: ориентирующая гипотеза начинает восприниматься как «почти доказанность», сдвигая стандарт убеждённости. Исследования юридического мышления и анализа судебных практик показывают уязвимость профессиональных решателей к подобным искажениям, что особенно опасно при исследовании вероятностных заключений; это предполагает активную состязательную проверку методов и исходных данных, а также предельную прозрачность логики вывода.

Пятый риск – границы процессуальных ролей эксперта и специалиста. Эксперт – субъект судебной экспертизы с предупреждением об ответственности за заведомо ложное заключение; специалист – носитель специальных знаний, призванный разъяснить вопросы в пределах компетенции без самостоятельного производства исследований по правилам экспертизы. Ошибка правоприменения возникает, когда заключение специалиста необоснованно приравнивают к экспертизе либо, наоборот, отклоняют по формальным мотивам, игнорируя, что УПК РФ допускает такие заключения и их исследование в суде с соблюдением принципов относимости, допустимости и достоверности.

Шестой риск – превышение доказательственного эффекта профильного документа по отношению к его познавательной ценности: судье легче опереться на цельный нарратив профильной версии, чем на разнотипный массив частных доказательств. Поэтому принцип непосредственности и устности исследования требует допроса автора заключения в суде, раскрытия им методологических оснований, исходных материалов и пределов компетенции, с возможностью контрольного допроса другой стороны. Невыполнение этой процедуры чревато снижением достоверности и нарушением прав на справедливое судебное разбирательство.

Седьмой риск – дискриминационные эффекты и стигматизация. Профильная модель, построенная на статистических корреляциях, при недостаточной верификации может «закреплять» этнические, конфессиональные, миграционные и иные стигмы, что контрастирует с принципами равенства и запретом дискриминации. Международные и правозащитные документы неоднократно акцентируют недопустимость практик этнического профилирования и необходимость судебного контроля за подобными вмешательствами. В национальной плоскости это означает усиленную проверку того, что профиль не опирается на запрещённые критерии и не подменяет причинно-следственную связь корреляций.

Восьмой риск – использование «сырых» или экзотических методов под видом специальных знаний. Научная публикация и рецензируемость сами по себе не гарантируют пригодности метода к судебному применению: необходимы ясные протоколы, внешняя валидация, контроль ошибок и описание границ применимости. На это указывает современная литература по оценке экспертных методик и научной обоснованности экспертного знания; в российском праве прямого «процедурного фильтра» для методов нет, значит, задача отбора и критической оценки ложится на суд и стороны через механизмы состязательности [2, с. 4].

Наконец, девятый риск – процессуальные сбои при назначении и исследовании: некорректная постановка вопросов (юридические вопросы вместо специальных), недостаточное представление материалов эксперту, отказ в дополнительной/повторной экспертизе при наличии противоречий, формальное зачитывание письменного заключения без полноценного исследования. Все эти дефекты устраняются применением норм о экспертизе и разъяснений Пленума, а также использованием права стороны на формулирование альтернативных вопросов и привлечение собственного специалиста для критической рецензии [2, с. 5].

Заключение. Таким образом, уголовный профиль представляет собой вспомогательный продукт специальных знаний с «опосредованной допустимостью» и не является самостоятельным источником доказательств. Его правомерное использование возможно лишь при процессуализации через заключение и показания эксперта либо заключение и пояснения специалиста, с последующей оценкой по критериям относимости, допустимости, достоверности и достаточности совокупности доказательств. Ключевые риски – выход за пределы специальных знаний, вероятностная природа выводов, методологическая фрагментарность, когнитивные искажения и потенциальная стигматизация – нивелируются посредством строгой методологической прозрачности (описание алгоритмов, границ применимости и контроля погрешности), воспроизводимости результатов, состязательной верификации и обязательного допроса автора в суде.

Список литературы:

1. Бахтеев Д. В.; Леднев И. В. Географическое профилирование и геоинформационные системы в изучении и расследовании преступлений // *Всероссийский криминологический журнал*. – 2023. – Т. 17, № 6. – С. 577–585.
2. Бессонов А. А. Географическое профилирование как метод установления серийных преступников: фантом или реальность? // *Эксперт-криминалист*. 2021. № 4. С. 3–6.
3. Григорян А. А. Психологический портрет преступника как метод исследования в криминалистике // *Молодой учёный*. – 2023. – № 43 (490). – С. 101–104.
4. Егорова А. А. Цифровые следы преступника и потенциал их использования в расследовании преступления // *Молодой учёный*. 2024. – № 15 (514). – С. 335–338.
5. Зиновьева Д. В.; Клименкова Е. М.; Южиков А. А. Психологические аспекты преступного поведения: как психология влияет на уголовное право // *Молодой учёный*. – 2025. – № 9 (560). – С. 154–155.
6. Ковалева В. В. Криминалистический профайлинг как способ обеспечения безопасности в сфере авиации // *Молодой учёный*. – 2024. – № 26 (525). – С. 233–236.
7. Коледенков В. А. Криминалистические методы, применяемые при расследовании преступлений, совершаемых организованными преступными группами в сфере экономической деятельности // *Молодой учёный*. – 2024. – № 22 (521). – С. 373–375.
8. Конобеева С. А.; Комбарова Е. Л. Проблемы выявления и расследования серийных убийств // *Эксперт-криминалист*. – 2023. – № 4. – С. 19–22.
9. Косян А. А. Практическое применение криминалистического моделирования личности преступника в раскрытии неочевидных преступлений // *Молодой учёный*. – 2025. – № 21 (572). – С. 262–265.

References:

1. Bakhteev D.V., & Lednev I.V. (2023). Geographic profiling and geoinformation systems in the study and investigation of crimes. *Russian Criminological Journal*, 17(6), 577–585.
2. Bessonov, A. A. (2021). Geographic profiling as a method for identifying serial offenders: Phantom or reality? *Expert-Criminalist*, (4), 3–6.
3. Grigoryan, A. A. (2023). The psychological portrait of a criminal as a research method in forensics. *Young Scientist*, 43(490), 101–104.
4. Egorova, A. A. (2024). Digital traces of a criminal and their potential use in crime investigation. *Young Scientist*, 15(514), 335–338.
5. Zinoyeva, D.V., Klimentova, E.M., & Yuzhikov, A.A. (2025). Psychological aspects of criminal behavior: How psychology influences criminal law. *Young Scientist*, 9(560), 154–155.
6. Kovaleva, V. V. (2024). Forensic profiling as a means of ensuring safety in aviation. *Young Scientist*, 26(525), 233–236.
7. Koledenkov V.A. (2024). Forensic methods used in the investigation of crimes committed by organized criminal groups in the economic sphere. *Young Scientist*, 22(521), 373–375.
8. Konobeeva, S. A., & Kombarova, E. L. (2023). Problems of identifying and investigating serial murders. *Expert-Criminalist*, (4), 19–22.
9. Kosyan, A. A. (2025). Practical application of forensic modeling of the offender's personality in solving non-obvious crimes. *Young Scientist*, 21(572), 262–265.

ПОНЯТИЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА И ОСОБЕННОСТИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ ЗА ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ РАССЛЕДОВАНИЕМ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

THE CONCEPT OF PROSECUTORIAL SUPERVISION AND THE SPECIFICS OF ITS IMPLEMENTATION DURING PRELIMINARY INVESTIGATION IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

ВВЕДЕНСКИЙ Андрей Юрьевич,

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права. Приволжский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева». Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д.17 А. E-mail: vvedensky.an@yandex.ru;

ВОРОНИН Вадим Вениаминович,

Кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы. ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского». Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23. E-mail: vadimvoronin74@yandex.ru;

VVEDENSKY Andrey Yurievich,

Candidate of law, associate professor, associate professor at the Department of criminal procedure Law. Volga Region branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev» (the city of Nizhny Novgorod). 603022, 17A Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod city, Russia. E-mail: vvedensky.an@yandex.ru;

VORONIN Vadim Veniaminovich,

Candidate of law, associate professor at the Department of criminal procedure Law National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 603022, 23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod city, Russia. E-mail: vadimvoronin74@yandex.ru

Краткая аннотация. Данная статья посвящена исследованию имеющихся пробелов в нормах уголовно-процессуального законодательства, регулирующих особенности осуществления прокурорского надзора за органами предварительного расследования.

Abstract. This article is devoted to the study of existing gaps in the norms of criminal procedure legislation regulating the specifics of the implementation of prosecutorial supervision over preliminary investigation bodies.

Ключевые слова. УПК РФ, предварительное расследование, процессуальные действия, возбуждение уголовного дела, прокурорский надзор, акты прокурорского реагирования.

Keywords. Criminal Procedure Code of the Russian Federation, preliminary investigation, procedural actions, initiation of a criminal case, prosecutorial supervision, acts of prosecutorial response.

Для цитирования: Введенский А.Ю., Воронин В.В. Понятие прокурорского надзора и особенности его реализации за предварительным расследованием в российском уголовном судопроизводстве // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 466-469. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_466.

For citation: Vvedensky A.Yu., Voronin V.V. The concept of prosecutorial supervision and the specifics of its implementation during preliminary investigation in Russian criminal proceedings // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 466-469. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_466.

Статья поступила в редакцию: 16.06.2025

Дата публикации: 03.10.2025

В настоящее время определение термина «прокурорский надзор» не содержится ни в Основном законе государства, ни в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации», ни в ином нормативно-правовом акте. Соответственно в научной литературе существует множество точек зрения об определении рассматриваемого понятия.

Поляков М.П. определяет: «прокурорский надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия - урегулированная нормами права деятельность уполномоченных прокуроров в досудебных стадиях уголовного процесса, направленная на обеспечение законности при осуществлении уголовного преследования» [6, С. 67]. Субъектом надзора выступают прокуроры – должностные лица, наделенные полномочиями по осуществлению надзора за данной сферой. Также автор указывает на принцип законности, который охватывает соблюдение прав участников процесса, осуществление действий, принятие решений в соответствии с нормами процессуального законодательства.

Усачев А.А. при рассмотрении данного понятия подчеркивает, что надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования является важнейшим направлением надзорной деятельности прокуроров [7, С. 56].

На наш взгляд, наиболее полным является следующее определение: «Прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие – направление деятельности органов прокуратуры РФ, связанное с обеспечением законности при раскрытии и расследовании преступлений органами дознания, защитой прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и обеспечением незамедлительного реагирования на выявление нарушений законов, допущенных при расследовании преступлений» [5, С. 33].

Под соблюдением установленного порядка проведения расследования понимается неукоснительное исполнение требований, предусмотренных нормами уголовно-процессуального законодательства при осуществлении расследования. Прокурор в порядке ст. 88 УПК РФ может признать доказательство недопустимым, если оно получено и зафиксировано с нарушением установленных требований, а также ненадлежащим субъектом.

Прокурор также устанавливает законность решений, принимаемых органами дознания и предварительного следствия. При поступлении в прокуратуру материалов проверки/уголовного дела, прокурору необходимо изучить материал проверки/уголовного дела и либо согласиться с решением, принятым компетентным органом, либо отменить и направить на дополнительную проверку.

Анализируя практику поступивших в орган прокуратуры материалов проверок из органов дознания МВД России следует выделить категории преступлений, по которым проводится проверка.

В настоящее время одной из насущных проблем является совершение мошеннических действий в отношении граждан [1]. Мошенники представляются сотрудниками правоохранительных и налоговых органов, банковских организаций, а также сотрудниками учебных заведений и представителями энергосбыта, и под определенными предлогами просят граждан назвать код из сообщения для получения доступа к справочно-информационному интернет-порталу «Госуслуги». Зачастую люди, разговаривая по телефону или общаясь в мессенджерах понимают, что оказались под психологическим воздействием мошенников завершают разговор, тем самым мошенникам не удается достичь цели. Однако нередко происходят случаи, когда люди верят мошенникам и называют код из сообщения. Граждане, опасаясь кредитных обременений, обращаются в отдел полиции с просьбой провести проверку по факту мошенничества.

В материалах об отказе в возбуждении уголовного дела должны содержаться следующие документы:

- заявление от гражданина, обратившегося с просьбой о привлечении к ответственности неизвестного гражданина;
- протокол объяснения заявителя;
- рапорт сотрудника полиции, в котором он докладывает, что в рамках книги учета сообщений о преступлении было установлено, что в личном кабинете на портале «Госуслуги» был запрошен архив личных данных, однако факт скачивания документации зафиксирован не был;
- рапорт, в котором указывается, что был осуществлен телефонный звонок, в ходе которого заявитель пояснила, что она обращалась в отделение многофункционального центра предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ), где в ходе проверки кредитной истории какие-либо кредитные обременения не обнаружены. В случае если заявитель сам не обращается в многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг, сотрудник отдела полиции в рапорте указывает, что до конца сроков проводимой проверки каких-либо образом документально подтвердить несанкционированный вход в личный кабинет на портале «Госуслуги», а также подтвердить копирование, изменение или удаление персональных данных заявителя не представилось возможным.
- информация о наличии кредитных обременений у лица в банковских организациях;
- выписки о вызовах из компаний операторов сотовой связи для установления владельца номера телефона, с которого осуществлялся звонок заявителю;
- запросы в копии операторов сотовой связи о предоставлении информации об осуществлении звонков из-за границ.

По окончании проверки выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 24, ст. ст. 144, 145 и 148 УПК РФ.

Также часто встречаются материалы проверки, проводимые по заявлениям представителей микрофинансовых организаций [2], в которых они указывают, что: клиент заключил договор потребительского займа в сети Интернет; после перечисления денежных средств, в дальнейшем не было поступлений в счет погашения задолженности длительное время и сотрудники микрокредитной организации совершали попытки связаться с клиентом, однако данные попытки результата не дали.

Сотрудник правоохранительного органа при проверке сообщения о преступлении проводит ряд мероприятий, одним из которых является получение объяснений от гражданина, взявшего денежные средства в микрофинансовых организациях. В объяснении гражданин указывает, что он не исполняет обязательства по договору, например, в связи с трудным материальным положением в данный момент времени, в дальнейшем заем погасит, умысла на неоплату не имеет. Нередко сотрудники полиции в рапорте отражают, что не удалось связаться с лицом, взявшим потребительский заем ни путем телефонного звонка, ни путем выхода по адресу проживания. Сотрудник отдела полиции по окончании проверки выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному пунктом 1 части 1 статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, указывая, что в материалах проверки отсутствует событие преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ – мошенничество, то есть хищение чужого имущества путем обмана, так как факт мошенничества объективными данными не подтвержден, и усматриваются гражданско-правовые отношения, которые разрешаются путем подачи заявления в суд. Материал с постановлением поступает в орган прокуратуры для проверки законности и обоснованности. Прокурор, изучив такой материал проверки находит вынесенное постановление законным и обоснованным.

Нередко в орган прокуратуры поступает материал проверки из отдела полиции по сообщению от гражданина по факту повреждений на припаркованном автомобиле [3]. При проведении проверки сотруднику отдела полиции необходимо осуществить мероприятия по установлению камер видеонаблюдения, поиску очевидцев и свидетелей произошедшего и провести осмотр места происшествия, при производстве которого зафиксировать повреждения. Также в ходе получения объяснений выяснить у заявителя значительность причиненного ущерба и застрахован ли автомобиль по КАСКО (комплексное автомобильное страхование, кроме ответственности) или ОСАГО (обязательное страхование автограждан-

ской ответственности), так как большинство людей обращаются с целью фиксации факта повреждения транспортного средства для дальнейшего обращения в страховые компании.

Объектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 167 УК РФ, выступает чужое имущество. Объективная сторона выражается в альтернативных действиях: уничтожение чужого имущества или его повреждение. Субъективная сторона рассматриваемого преступления – прямой или косвенный умысел. Признание возможности совершения преступления с косвенным умыслом означает необходимость вменения виновному тех общественно опасных последствий, повлекших причинение значительного ущерба уничтожения или повреждения имущества, которое он не желал, но допускал, однако самонадеянно без расчета на предотвращение этих последствий. Субъектом является лицо, достигшее 16-летнего возраста.

На практике есть случаи, когда при проведении проверки устанавливается факт умышленного уничтожения или повреждения чужого транспортного средства и необходимо возбудить уголовное дело по преступлению, предусмотренному ст. 167 УК РФ. В соответствии со ст. 20 УПК РФ уголовное преследование осуществляется в публичном порядке. Соответственно, несмотря на желание потерпевшего будет производиться расследование. В период проведения предварительного расследования или в суде возможно примирение сторон при соблюдении условий.

Достаточно большое количество материалов проверок по сообщению о преступлении от сотрудников продуктовых магазинов и магазинов, осуществляющих продажу одежды, по факту кражи [4].

Часто при осуществлении проверки законности и обоснованности таких материалов и постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела прокурор выносит постановление об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с неполным комплексом проведенных мероприятий, в котором дает указания на проведение конкретных дополнительных действий. По данной категории таковыми выступают:

- получение и приобщение к материалу проверки видеозаписей с камер видеонаблюдения, на которых зафиксирован факт кражи товара. Получение записей необходимо для установления лица, совершившего хищение.
- истребование товарно-транспортных накладных на похищенный товар и справки об ущербе для установления причиненного материального ущерба (в настоящее время сумма должна быть указана с учетом налога на добавленную стоимость).
- опрос всех работников магазина.

Согласно статистическим данным Прокуратуры ЗАТО г. Саров Нижегородской области прокурором при осуществлении надзора за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства при производстве дознания за январь – апрель 2024 года выявлено 13 нарушений, а за аналогичный период 2025 года также – 13 нарушений. Требований об устранении нарушений федерального законодательства направлено и удовлетворено – 4, представлений об устранении нарушений вынесено – 3. При осуществлении надзора за уголовно-процессуальной деятельностью органов дознания выявлено за январь – апрель 2024 года отменено 11 постановлений о приостановлении предварительного расследования, вынесенных органом дознания МВД России, за указанный ранее период в 2025 году – 9.

В рамках производства надзора прокурор выносит три вида актов прокурорского реагирования: постановление, представление и требование. Рассмотрим примеры каждого из них.

Первым рассмотрим такой акт прокурорского реагирования как постановление об отмене постановления о приостановлении предварительного расследования и о возобновлении предварительного расследования. Примером может служить уголовное дело, возбужденное органом дознания МУ МВД России по ЗАТО Саров по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 118 УК РФ. В ходе проведенного по делу дознания было установлено следующее: 07 октября 2024 года около 16 часов 30 минут неустановленное лицо находясь на балконе общего пользования девятого этажа дома №29/1 по улице Ленина города Саров, не предвидя наступления общественно опасных последствий своих действий в виде причинения тяжкого вреда здоровью, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности могло и должно было их предвидеть, проявив преступную небрежность, сбросило к подъезду указанного дома радиатор отопления, который упал на малолетнего гр. Н 13.11.2011 года рождения, причинив последнему телесные повреждения в виде множественных травм головы, тяжелой открытой ЧМТ, открытого перелома костей свода черепа, геморрагического ушиба правой височной доли головного мозга, правосторонней субдуральной гематомы, САК левостороннего со смещением средних структур, рубленной раны левой теменной кости, пневмоцефалии, относящиеся согласно п. 6.1.2, 6.1.3 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека.

09 января 2025 года заместителем начальника отдела дознания МУ МВД России по ЗАТО г. Саров было вынесено постановление о приостановлении предварительного расследования по данному уголовному делу по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Изучение материалов уголовного дела показало, что в нарушение требований ч. 2 ст. 21, ч. 5 ст. 208 УПК РФ, дознавателем по уголовному делу не выполнены все следственные действия и не проведены все возможные розыскные мероприятия, направленные на установление и изобличение лица, совершившего преступление.

В рамках уголовного дела необходимо, допросить в качестве потерпевшего гр. М, назначить и провести судебную трасологическую экспертизу по козырьку подъезда у дома № № по улице Ленина города С, где обнаружено повреждение, с целью установления возможности причинения имеющегося повреждения в связи с падением радиаторной батареи, истребовать сведения из управляющих компаний о поступлении заявок на демонтаж/монтаж радиаторных батарей в период имеющий значение по уголовному делу, установить владельца батарей которые находились на балконе указанного дома, с выяснением обстоятельств их транспортировки на балкон, установить дополнительных свидетелей и

очевидцев совершенного преступления и допросить их в качестве свидетелей.

Таким образом, в нарушение ч. 5 ст. 208 УПК РФ заместителем начальника отдела дознания МУ МВД России по ЗАТО г. Саров до приостановления предварительного расследования не выполнены все следственные действия, производство которых возможно в отсутствие подозреваемого, а также не приняты все возможные меры к установлению и розыску лица, совершившего преступление.

Для рассмотрения и принятия решения по жалобе на нарушение разумных сроков уголовного судопроизводства в ходе досудебного производства прокурору необходимо в одних случаях изучить материалы доследственной проверки (материалы уголовного дела) в полном объеме, а в других отсутствует необходимость в изучении всего объема указанных материалов. На наш взгляд целесообразно для получения необходимых документов, являющихся предметом жалобы ввести электронный документооборот между ведомствами, что позволило бы эффективнее и быстрее рассматривать обращения граждан по поводу восстановления их нарушенных прав.

Также участие прокурора в суде как государственного обвинителя в судебном следствии и судебных прениях является важным элементом обеспечения законности и соблюдения прав участников уголовного процесса.

В процессе изучения необходимого материала по теме выпускной квалификационной работы, были изучены нормативно-правовые акты, учебная литература и научные статьи учёных юристов и обществоведов, а также материалы практической деятельности органа прокуратуры.

Список литературы:

1. Архивный материал проверки МУ МВД России по ЗАТО г. Саров № 2543/488 (КУСП № 2543 от 12.03.2025 года).
2. Архивный материал проверки МУ МВД России по ЗАТО г. Саров № 2265/464 (КУСП № 2265 от 18.01.2025 года).
3. Архивный материал проверки № 2232/312 МУ МВД России по ЗАТО г. Саров (КУСП № 2432 от 19.02.2025 года).
4. Архивный материал проверки МУ МВД России по ЗАТО г. Саров № 2265/432 (КУСП № 2265 от 27.01.2025 года).
5. Ергашев Е.Р. Прокурорский надзор в Российской Федерации : учебник для вузов М.: Юрайт, 2025. – 468 с.
6. Поляков М.П. Прокурорский надзор : учебник и практикум для вузов.– М.: Юрайт, 2025. – 367 с.
7. Смирнова А.Ф. Прокурорский надзор : учебник и практикум для вузов – М.: Юрайт, 2025.– 483 с.

References:

1. Archival material of the inspection of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in Sarov No. 2543/488 (CUS No. 2543 dated 03/12/2025).
2. Archival material of the inspection of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in Sarov No. 2265/464 (CUS No. 2265 dated 01/18/2025).
3. Archival material of inspection No. 2232/312 of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the city of Sarov (CUS No. 2432 dated 02/19/2025).
4. Archival material of the inspection of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in Sarov No. 2265/432 (CUS No. 2265 dated 01/27/2025).
5. Ergashev E.R. Prosecutor's supervision in the Russian Federation : a textbook for universities, Moscow: Yurayt, 2025, 468 p.
6. Polyakov M.P. Prosecutorial supervision : textbook and practice for universities. Moscow: Yurayt, 2025. 367 p.
7. Smirnova A.F. Prosecutorial supervision : textbook and practice for universities– Moscow: Yurayt, 2025, 483 p.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_470

УДК 343.98

СООТНОШЕНИЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ В РАМКАХ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА ПО ДЕЛАМ ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ С УСТАНОВЛЕНИЕМ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ЦЕЛЕЙ РАССЛЕДОВАНИЯ RATIO OF PROOF OF LEGALLY SIGNIFICANT CIRCUMSTANCES IN CIVIL CLAIMS THAT ARE TO BE RESOLVED WITHIN ENVIRONMENTAL CRIMINAL CASES AND THE ACHIEVING OF PROCEDURAL GOALS OF INVESTIGATION

ГАРБУЗ Григорий Сергеевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики
Сибирского юридического института МВД России,
судья Кежемского районного суда Красноярского края в отставке.
660131, Россия, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, д. 20.
e-mail: greg_g@inbox.ru;

GARBOUZ Grigory Sergeevich,

Ph.D. in Law, associate professor of the Department of forensic science,
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
retired judge of the Kezhemsky Federal Court of Krasnoyarsk Region.
660131, Krasnoyarsk, Rokossovskiy str., n. 20.
e-mail: greg_g@inbox.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена проблемам разрешения гражданских исков, заявленных в рамках уголовных дел о преступлениях, совершаемых в экологической сфере. Автор анализирует доказывание юридически значимых обстоятельств по таким гражданским искам во взаимосвязи с установлением обстоятельств, подлежащих доказыванию, закрепленных в ст. 73 УПК РФ. Описывается механизм принятия судом решения по гражданскому иску при вынесении приговора. Анализируется значение надлежащего установления природы экологических правоотношений, претерпевших от преступных посягательств, для правильного выбора способа защиты нарушенного права, определения полного круга лиц, которых требуется привлечь к участию в рассмотрении дела, а также роль установления ущерба в доказывании правовых целей расследования общественно опасных деяний этой категории.

Abstract: The article is devoted to some aspects of solving civil claims that are filed in ecological criminal cases. The author analyzes legally significant circumstances of civil claims within criminal cases of the above-mentioned category and circumstances to be proven that are enshrined in Article 73 of Criminal Procedure Code of Russian Federation. A decision-making mechanism during resolving a civil claim within an environmental criminal case while sentencing is described. An analysis of nature of legal environmental relations that were subject to criminal attacks is given. The conclusion about the correct choice of method to protect violated rights, the determination of the whole list of participants of criminal procedure and the importance of establishing damages of criminal encroachment is made.

Ключевые слова: гражданский иск в уголовном деле, методика расследования преступлений, экологические преступления, обстоятельства, подлежащие доказыванию.

Keywords: civil claims in criminal cases, methods of crime investigation, environmental crimes, procedural circumstances to be proven.

Для цитирования: Гарбуз Г.С. Соотношение доказывания юридически значимых обстоятельств в рамках гражданского иска по делам об экологических преступлениях с установлением уголовно-правовых целей расследования // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 470-473. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_470.

For citation: Garbouz G.S. Ratio of proof of legally significant circumstances in civil claims that are to be resolved within environmental criminal cases and the achieving of procedural goals of investigation // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 470-473. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_470.

Статья поступила в редакцию: 07.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Наполненный различными научными мероприятиями 2025 год свидетельствует о возрастающем внимании правоохранительных органов к вопросам соблюдения экологических прав граждан, провозглашенных в ст. 42 Основного закона нашего государства. Научное сообщество, работая в тесной взаимосвязи с практическими работниками государственных структур, создает на своих площадках, полагаем, все необходимые для этого условия. Огромный пласт работы в этом направлении осуществляется районными (городскими) прокуратурами субъектов Российской Федерации и специализированными прокуратурами, осуществляющими неустанный надзор за соблюдением экологического и природоохранного законодательства, результаты работы которых регулярно публикуются в Телеграм-каналах и сети «Интернет».

Телеграм-каналы активно информируют общественность о принятых мерах прокурорского реагирования на соответствующие нарушения. Только за первое полугодие 2025 года в Телеграм-канале прокуратуры Красноярского края было размещено более 50 информационных материалов о выявленных сотрудниками аппарата нарушениях экологического и природоохранного законодательства, а также о внесенных представлениях и предостережениях, поданных исках, вынесенных постановлениях о возбуждении дел об административных правонарушениях и о возбужденных уголовных делах в экологической сфере.

Помимо активной деятельности органов прокуратуры России гарантом защиты и восстановления нарушенных экологических прав граждан выступают суды общей юрисдикции, публикующие на своих интернет-сайтах новостной материал о рассмотренных делах и вступивших в законную силу судебных актах, связанных с экологическими правоотношениями. Судебная защита экологических прав осуществляется в рам-

ках гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

Отметим, что закрепленные в ст. 12 ГК РФ способы защиты гражданских прав весьма разнообразны. Это и признание права, и восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и присуждение к исполнению обязательства в натуре, и другие. Как известно, прокурор и замещающие его должностные лица в соответствии с Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» при осуществлении надзора за исполнением законов вправе внести протест, представление, постановление либо предостережение, кроме того, прокурор согласно ст. 45 ГПК РФ уполномочен обратиться в суд с иском в защиту прав и законных интересов Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования, конкретных граждан либо неопределенного круга лиц. Применительно к мерам прокурорского реагирования в связи с нарушением экологического и природоохранного законодательства следует обратить внимание на обращение с исковым заявлением в суд, как наиболее часто встречающийся способ законного влияния на физических лиц и субъектов хозяйственной деятельности.

Говоря о восстановлении нарушенных прав, восстановлении баланса интересов участников экологических правоотношений в рамках уголовного судопроизводства, следует особо акцентировать внимание на таком действенном институте, как гражданский иск в уголовном деле. Как известно, на основании ч. 2 ст. 44 УПК РФ гражданский иск может быть предъявлен после возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия при рассмотрении дела в суде первой инстанции. Закрепленный в названной норме Уголовно-процессуального кодекса РФ посыл кажется, на первый взгляд, предельно ясным, однако практический опыт автора дает основание сделать умозаключение о наличии множества методологических проблем междисциплинарного характера, возникающих по поводу гражданского иска в уголовном деле.

Названный институт имеет богатую теоретическую проработку как в гражданском процессуальном праве, так и с позиции уголовно-процессуальной науки. Так, вопросам гражданского иска в уголовном деле посвящены труды Э. В. Аванесова, В. П. Божьева, Л. В. Головки, А. Д. Давлетова, А. И. Зорина, Д. Б. Разумовского, В. М. Савицкого и др. Но при этом криминалистические аспекты значения гражданского иска для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, в контексте достижения конечных правовых целей расследования остаются малоизученными.

В то же время взаимосвязь установления юридически значимых для правильного разрешения гражданского иска обстоятельств с доказыванием характера и размера вреда, причиненного преступлением, согласно ст. 73 УПК РФ представляется нам весьма актуальной. Важность понимания обозначаемой нами методологической проблемы покажем на практическом примере рассмотрения Кежемским районным судом Красноярского края уголовного дела № 1-19/2020 в отношении В. по ч. 2 ст. 167 УК РФ, когда приговор, постановленный судом первой инстанции в особом порядке принятия судебного решения, был отменен Восьмым кассационным судом общей юрисдикции по основанию, предусмотренному ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ – в связи с существенными нарушениями уголовного и уголовно-процессуального закона, повлиявшими на исход дела.

Ситуация заключалась в том, что суд, рассматривавший уголовное дело по существу, основывал свои выводы на доказанных фактах причинения подсудимым повреждений транспортному средству, изложенных в обвинительном заключении, тогда как предъявленный потерпевшим гражданский иск о возмещении ущерба включал в себя больший объем заявленных требований нежели размер ущерба, предъявленный в обвинении, поскольку содержал помимо стоимости запчастей еще и стоимость работ по восстановительному ремонту транспортного средства. Хотя по итогам апелляционного пересмотра приговор от 07.02.2020 и был оставлен без изменения, но суд кассационной инстанции отменил приговор, указав, что размер причиненного потерпевшему ущерба достоверно не установлен, и в материалах уголовного дела содержатся противоречивые доказательства, вызывающие сомнения в правильности установленного размера ущерба, причиненного в результате повреждения автомобиля [4].

Имеются ли аналогичные проблемы в уголовных делах о преступлениях, совершаемых в экологической сфере? Существуют ли криминалистически релевантные взаимосвязи установления юридически значимых обстоятельств при разрешении гражданского иска с выяснением обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, таких как способ совершения преступления, характер и размера вреда, причиненного преступлением? Полагаем возможным утвердительно ответить на эти вопросы.

Как ранее мы отмечали, процесс расследования носит ретроспективный характер [3, С. 411]. Расследуя преступление, мы познаем событие, имевшее место в прошлом. Закономерности отражения преступной деятельности, составляющие один из двух компонентов предмета криминалистической науки, познаются в обобщенном виде через преступные последствия, формируя исходные ситуации расследования. Последние, вступая в своеобразное в противоречие с конечными правовыми целями расследования, обуславливают построение системы тактических задач и операций, которые как раз направлены на установление предмета доказывания по конкретному уголовному делу.

Не секрет, что в зависимости от конкретной сферы деятельности возникают определенные материальные, идеальные и цифровые следы преступлений, которые являются источником информации о совершенном преступлении. Специфика преступлений, совершаемых в экологической сфере, обладает особой, характерной для данных общественно опасных деяний следовой картиной. Проведенное нами изучение закономерностей отражения преступной деятельности в экологической сфере, основанное на идее о выделении криминалистических методик расследования этого блока преступлений в отдельный класс – методик расследования преступлений класса экологических отношений – объясняет жизнеспособность научной гипотезы об особых уголовно-процессуальных целях расследования этих общественно опасных деяний и особом, присущим им, предмете доказывания.

Выражаясь обобщенно, при расследовании преступлений вышеназванного класса субъекту поисково-познавательной деятельности во всяком случае необходимо установить событие преступления; виновность лица в совершении преступления; обстоятельства, характеризующие

личность обвиняемого; характер и размер вреда, причиненного преступлением; обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также могущие повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания; обстоятельства, подтверждающие, что подлежащее конфискации имущество добыто в результате преступной деятельности. Говоря более конкретно, применительно к расследованию преступлений данной группы следователю необходимо определить и проработать предмет доказывания, формирующийся из ст. 73 УПК РФ в совокупности с содержанием конкретной нормы Особенной части Уголовного кодекса РФ.

Так, в некоторых случаях подлежащий доказыванию ущерб от преступлений, совершаемых в экологической сфере, определяется по утвержденной конкретным постановлением Правительства РФ методике. Подобная ситуация возникает по делам о незаконной добыче водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ), по которым ущерб от преступления определяется согласно методике, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 03.11.2018 № 1321 (в ред. от 08.09.2023) «Об утверждении такс для исчисления размера ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам»; по делам о незаконной охоте (ст. 258 УК РФ), когда расчет ущерба от преступления осуществляется по методике исчисления размера вреда, причиненного охотничьим ресурсам, которая утверждена Приказом Минприроды России от 08.12.2011 № 948 (в ред. от 17.11.2017); а также по делам о незаконной рубке лесных насаждений (ст. 260 УК РФ), где ущерб от преступных действий в силу ч. 4 ст. 100 ЛК РФ рассчитывается, исходя из методики, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 29.12.2018 № 1730 «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства». Заметим, что по ряду других составов (ст. 250-252 УК РФ, ст. 254 УК РФ, ст. 258.1 УК РФ) вопросы определения размера ущерба остаются малоизученными на монографическом уровне.

Имеет ли значение для правильного постановления приговора по делам о преступлениях, совершаемых в экологической сфере, надлежащее установление ущерба от преступных действий подсудимых? – Безусловно. Необходимо ли для принятия в рамках вынесения приговора верного процессуального решения по гражданскому иску правильное установление вышеперечисленных юридически значимых обстоятельств и обоснованное применение методики расчета ущерба? – Вне всякого сомнения.

Личный опыт автора статьи по рассмотрению дел затрагиваемой категории показывает, что гражданские иски по делам о преступлениях, совершаемых в экологической сфере, таят в себе не только уголовно-процессуальные проблемы, но и некоторые проблемы междисциплинарного характера. Они связаны, во-первых, с установлением юридически значимых обстоятельств, подлежащих доказыванию, в том числе, с выяснением правовой природы нарушенного права и установлением характера правоотношений, на восстановление которых направлено судопроизводство; во-вторых, с верным определением круга лиц, подлежащих привлечению к участию в деле; в-третьих, с доказанностью вины подсудимого, обладающего статусом гражданского ответчика, и установлением причинной связи между действиями виновного лица и наступившими последствиями.

Интервьюирование судей судов общей юрисдикции и анализ судебной практики наводит на выводы, что в рамках уголовных дел о преступлениях, совершаемых в экологической сфере, установление судом вины лица в содеянном первично по отношению к выводам о нарушении гражданским ответчиком норм отраслевого законодательства (экологического, природоохранного), которые необходимо применить, разрешая иски о возмещении ущерба. В части 1 ст. 299 УПК РФ закреплено, что при постановлении приговора суд в совещательной комнате сначала разрешает вопрос о виновности подсудимого в преступлении (п. 4 ч. 1 ст. 299 УПК РФ), а затем о том, подлежит ли удовлетворению гражданский иск (п. 10 ч. 1 ст. 299 УПК РФ).

Природа происхождения подвергшихся противоправному посягательству экологических правоотношений, которые компенсируются восстановлением нарушенного права путем взыскания с гражданского ответчика ущерба от того или иного экологического преступления, во многом определяет установление надлежащего материального истца, а также круга лиц, подлежащих привлечению к участию в деле. Не выяснение этих обстоятельств влечет за собой отмену приговора в части гражданского иска и направление уголовного дела в этой части на новое рассмотрение [5].

Знаменательным моментом для правоприменительной практики разрешения гражданских исков являют собой разъяснения, приведенные в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», в которых говорится о том, что при квалификации действий лица по статье 258 УК РФ не учитывается иной вред, причиненный охотничьим ресурсам непосредственно данным преступлением (например, возникший вследствие нарушения или уничтожения среды обитания, повлекших сокращение численности, снижение продуктивности их популяций, а также репродуктивной функции отдельных особей). Отметим, что автору статьи после разрешения исковых требований о возмещении непосредственного ущерба от совершенного Р. преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 260 УК РФ, пришлось столкнуться с рассмотрением гражданского дела о взыскании с этого же ответчика ущерба, причиненного охотничьим угодьям, в рамках гражданского дела № 2-8/2024¹.

С позиции криминалистической науки, перекликающимися с иными междисциплинарными аспектами, касающимися разрешения гражданских исков в уголовных делах о преступлениях, совершаемых в экологической сфере, выступают такие элементы, подлежащие доказыванию, как обстановка совершения преступления и способ совершения преступления, поскольку, как видится, они взаимосвязаны с установлением объективной стороны состава преступления, в результате выполнения которой как раз возникает ущерб от совершения общественно опасного деяния.

С нашей точки зрения, доказывание способа совершения отдельных преступлений, совершаемых в экологической сфере, с учетом со-

временного состояния научной мысли о развитии высокотехнологичного права [1, С. 735-749; 2, С. 3-14], невозможно без применения высокотехнологических технических средств, а также специальных знаний. Применение специальных знаний часто требуется и при разрешении по существу гражданских исков, заявленных в рамках уголовных дел рассматриваемой категории. Не выходя за пределы темы, обозначенной в названии статьи, тезисно отметим, что формы использования специальных знаний при разрешении гражданских исков, заявленных по уголовным делам о преступлениях, совершаемых в экологической сфере, весьма разнообразны. Это и консультативная функция специалистов, и назначение судебных экспертиз, и допрос эксперта, а также допрос специалиста.

Подводя итог, акцентируем внимание на том, что выяснение юридически значимых обстоятельств, подлежащих установлению при разрешении гражданских исков, заявляемых по делам о преступлениях, которые совершаются в экологической сфере, имеет тесную взаимосвязь с установлением обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании, а впоследствии рассмотрении судом уголовных дел данной категории. К таким обстоятельствам в основном относятся: способ совершения преступления, характер и размер вреда, причиненного преступлением. Проявление органами предварительного следствия должного усердия и профессионализма в работе над обозначенными нами проблемными вопросами является гарантией эффективности отправления правосудия по делам вышеназванной категории, а также соблюдения разумного срока уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Бертовский, Л. В. Высокотехнологичное право: понятие, генезис и перспективы / Л. В. Бертовский // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25. № 4. – С. 735–749.
2. Бертовский, Л. В. Высокотехнологичное право: Точка бифуркации / Л. В. Бертовский // Высокотехнологичное право: точка бифуркации : Материалы V Международной научно-практической конференции. В 3-х частях, Москва – Красноярск, 15–16 февраля 2024 года. – Москва: Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», 2024. – С. 3–14.
3. Гарбуз, Г. С. Непосредственное и опосредованное как парные криминалистические категории / Г. С. Гарбуз // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2024. Т. 8. № 3. – С. 410–418.
4. Уголовное дело № 1-19/2020 // Архив Кежемского районного суда Красноярского края.
5. Уголовное дело № 1-1/2023 (Номер в апелляции № 22-6117/2023) // Архив Кежемского районного суда Красноярского края.

References:

1. Bertovsky, L. V. High-tech law: concept, genesis and prospects / L. V. Bertovsky // Bulletin of the RUDN University. Series: Legal Sciences. 2021. Vol. 25. No. 4. pp. 735-749.
2. Bertovsky, L. V. High-tech law: A point of bifurcation / L. V. Bertovsky // High-tech law: the bifurcation point : Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference. In 3 parts, Moscow – Krasnoyarsk, February 15-16, 2024. Moscow: National Research University "Moscow Institute of Electronic Technology", 2024, pp. 3-14.
3. Garbuz, G. S. Direct and indirect as paired criminalistic categories / G. S. Garbuz // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. – 2024. Vol. 8. No. 3. – pp. 410-418.
4. Criminal case no. 1-19/2020 // Archive of the Kzhemsky District Court of the Krasnoyarsk Territory.
5. Criminal case No. 1-1/2023 (Number in appeal No. 22-6117/2023) // Archive of the Kzhemsky District Court of the Krasnoyarsk Territory.

¹ Гражданское дело № 2-8/2024 // Архив Кежемского районного суда Красноярского края.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_474

УДК. 316.034

ПРОЯВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ СОТРУДНИКОВ УИС И ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ MANIFESTATIONS OF PROFESSIONAL DEFORMATION OF UIS EMPLOYEES AND ITS PREVENTION

ГУСЕВ Антон Сергеевич,

старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права
и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества,
юридического факультета ВЮИ ФСИН России.
600020, Россия, г. Владимир, Большая Нижегородская ул., 67Е.
E-mail: sherhov007@mail.ru;

КАЗАК Игорь Брониславович,

доцент института подготовки государственных и муниципальных
служащих по кафедре оперативно-розыскной деятельности, Академия ФСИН России.
390000, Россия, г. Рязань, Сенная ул., 1.
E-mail: sherhov007@mail.ru;

GUSEV Anton Sergeevich,

Senior Lecturer at the Department of Penal Enforcement Law
and the Organization of the Execution of Punishments not related to the isolation of convicts from Society,
Faculty of Law of the Higher Educational Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia.
67E Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, 600020, Russia.
E-mail: sherhov007@mail.ru;

KAZAK Igor Bronislavovich,

Associate Professor at the Institute of Training of State and Municipal Employees
in the Department of Operational Investigative Activities Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
1 Sennaya St., Ryazan, 390000, Russia.
E-mail: sherhov007@mail.ru

Краткая аннотация: В статье анализируется понятие и проявления профессиональной деформации сотрудников ФСИН России, как негативного фактора влияющего не только на развитие личного состава, но и на качество выполняемых ими задач. В работе обращается внимание, что профессиональной деформации сотрудников ФСИН России и профилактике указанного явления практически не уделено внимание в ведомственных приказах. В следствии анализа научных трудов по развитию человеческого капитала в работе предлагается не только признать существование указанной проблемы, но и внедрить в деятельность учреждений и органов ФСИН России ряд мероприятий, которые бы с одной стороны выступали как профилактика профессиональной деформации, а с другой стороны существенно повысили бы кадровый потенциал уголовно-исполнительной системы России.

Abstract: The article analyzes the concept and manifestations of professional deformation among employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, as a negative factor that affects not only the development of personnel, but also the quality of their tasks. The article draws attention to the fact that professional deformation among employees of the Federal Penitentiary Service of Russia and the prevention of this phenomenon are not sufficiently addressed in departmental orders. Based on the analysis of scientific works on the development of human capital, the paper proposes not only to recognize the existence of this problem, but also to implement a number of measures in the activities of institutions and bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia, which would serve as a preventive measure against professional deformation and significantly enhance the human resources potential of the Russian penal system.

Ключевые слова: профессиональная деформация, сотрудники, исправительные учреждения, личностный рост, секции, культурный уровень.

Keywords: professional deformation, employees, correctional facilities, personal growth, sections, cultural level.

Для цитирования: Гусев А.С., Казак И.Б. Проявления профессиональной деформации сотрудников УИС и ее предупреждение // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 474-477. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_474.

For citation: Gusev A.S., Kazak I.B. Manifestations of professional deformation of UIS employees and its prevention // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 474-477. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_474.

Статья поступила в редакцию: 30.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС РФ) носит специфический характер, который прежде всего обуславливается особенностью категорий лиц, с которыми приходится взаимодействовать сотрудникам при выполнении ими поставленных задач.

Указанная специфика подразумевает ряд требований, предъявляемых к сотрудникам, в части их служебного поведения, а также в части морально-психологической устойчивости, особенно на возникающие внештатные ситуации связанные работой с осужденными (подозреваемыми обвиняемыми), а также иными лицами участвующими в уголовно-исполнительных правоотношениях [1].

Анализируя работы ученых исследователей, рассматривающих вопросы психо-эмоционального выгорания сотрудников ФСИН России было установлено, что работа с осужденными (подозреваемыми, обвиняемыми), даже при соблюдении нормальной продолжительности рабочего (служебного времени) оказывает неблагоприятное воздействие на сотрудников, которые, порой, не могут восстановиться за отведенное им время отдыха [2].

Помимо психо-эмоционального переутомления у сотрудников возникает психологическая дезориентация личности, которая приводит к

ограниченному мышлению, сужению круга общения, изменению личных интересов. Человек начинает видеть жизнь через призму своей профессии, следствием чего является стресс, конфликты в семье, проблемы со здоровьем, эмоциональное выгорание и, в конечном итоге, профессиональная деформация [3, с. 389-397].

Профессиональная деформация сотрудников УИС – это негативные изменения в самой личности человека и в его поведении, которые вызваны воздействием специфических условий службы, приводящие к грубости, циничности, раздражительности, изменению нравственных ценностей, минимизации социальных контактов, снижению интереса к выполняемой деятельности, формированию стереотипного мышления в отношении осужденных.

Профессиональная деформация – это не только изменение в поведении сотрудника, но и перестройка системы ценностей, влияющая на все сферы жизни человека.

В работах современных исследователей выделяют несколько причин, приводящих к профессиональной деформации:

- стресс и повышенная ответственность: работа с осужденными неизбежно сопровождается постоянной загруженностью и стрессом, а также высокой степенью ответственности за свои действия и принятые решения. Сотрудники постоянно находятся под психологическим давлением. Все это приводит к истощению нервной системы, а как следствие, к эмоциональному выгоранию;
- монотонность: выполнение однообразных задач вызывает снижение работоспособности, скуку и потерю интереса к работе;
- властные полномочия: наделение властными полномочиями способствует развитию неуважения к другим людям, эгоизму, неспособности к эмпатии, грубости и конфликтности;
- индивидуальные особенности личности: мягкость характера, недостаточный профессионализм, нежелание проявлять себя, отсутствие веры в свои силы и эмоциональная неустойчивость приводят к неспособности работать в сфере УИС, как следствие – к эмоциональному выгоранию и профессиональной деформации;
- утрата позитивных качеств: в процессе работы человек может утратить такие положительные качества, как доброта, сочувствие, вежливость, корректность, а на их месте могут появиться равнодушие, злость, агрессия к окружающим;
- влияние криминальной субкультуры: использование элементов криминальной субкультуры в повседневной жизни меняет нравственные установки личности [4, с. 97-100].

Данные причины воздействуют на сотрудника комплексно, что неизбежно приводит к профессиональной деформации.

Также стоит упомянуть о том, что существуют определенные различия в проявлении деформации, что напрямую зависит от стажа работы сотрудника. Таким образом, до 5 лет службы – низкая вероятность профессиональной деформации, от 6 до 10 лет – средняя вероятность, от 11 до 15 лет – вероятность деформации высока, 16 и более лет – деформация неизбежна.

Отметим, что низкий уровень организации труда также вызывает значимые перегрузки сотрудников, что ведет к формальному отношению к работе, неаккуратности, отсутствию мотивации к труду.

Разобравшись в понятии и причинах профессиональной деформации, рассмотрим ее признаки:

- физические: хроническое переутомление, нарушение сна, головные боли;
- эмоциональные: раздражительность, пессимизм, чувство безнадежности, тревожность, агрессивность, грубость;
- поведенческое проявление: употребление в своей речи жаргонизмов, злоупотребление властью, алкоголизм, стремление отдохнуть большую часть времени, изменение интересов, снижение уровня личных потребностей, принятие норм субкультуры осужденных и следование им, огрубление личности и иные деструктивные формы поведения;
- интеллектуальные: формальное выполнение работы, снижение интереса к выполняемой деятельности, формирование стереотипа преступника;
- социальные: отсутствие сил для социализации, сокращение социальных контактов [5, с. 37-40].

Исходя из этого, профессиональная деформация сотрудников УИС характеризуется немалым объемом признаков, которые касаются каждой сферы человека.

Решение данной проблемы включает в себя личные стратегии и системные меры, такие как: новые хобби, активный отдых, занятие спортом в целях компенсации профессиональных нагрузок, саморазвитие, а также, что немаловажно, регулярные консультации у психолога.

В работах целого ряда исследователей указывается, что нередко сотрудники, работающие с осужденными не только не осознают тот факт что впитали в себя ряд особенностей криминальной субкультуры, но и даже осознанно осуществляют поиск знаний в части расширения словарного запаса и выражений (традиций) [6, с. 55-57].

Примечательно, но в настоящее время ни в одном ведомственном приказе ФСИН России не уделяется внимание вопросам работы с сотрудниками ФСИН России в части профилактики профессиональной деформации личности, что с нашей точки зрения является достаточно серьезным упущением ведущим как к развитию личных проблем у сотрудника, так и может привести к серьезным негативным последствиям в службе.

К примеру, в соответствии с положениями приказа ФСИН России от 13.06.2023 № 382 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» [7] предусмотрено, что с каждым сотрудником ФСИН России периодически проводятся занятия по профессиональной служебной и физической подготовке». В частности профессиональная служебная подготовка включает в себя:

- правовую подготовку;
- служебную подготовку;
- огневую подготовку.

То есть все то, что необходимо сотруднику для выполнения его служебных задач и развитие его как специалиста в определённой области, но указанное не способствует его личностному развитию, а лишь еще раз закликивает его сознание на пенитенциарной системе.

Для решения обозначенной проблемы учеными исследователями предлагаются различные направления работы с сотрудниками, целью которой в основном ставится его личностное развитие посредством:

- Приучения к чтению книг разных жанров;
- Расширение кругозора сотрудника новыми увлечениями и хобби;

– Смена круга общения, особенно актуально посещать места в которых общается публика никак не связанная с деятельностью учреждений и органов ФСИН России.

Каждое из указанных направлений профилактики профессиональной деформации сотрудников затруднительно в реализации так как подразумевает:

1. Затраты временных ресурсов, то есть как служебного, так и личного времени сотрудников. Указанный аспект поставлен на первое место не случайно.

В настоящее время, при существующем некомплекте в личном составе, исправительные учреждения (следственные изоляторы) вынуждены оптимизировать работу сотрудников таким образом что бы максимально компенсировать нехватку должностных лиц. В данном ключе организация не связанных со службой занятий представляется просто невозможным;

Если говорить о том, чтобы стимулировать сотрудников к саморазвитию в свободной от служебной деятельности время, то здесь нужно понимать, что навязывание того или иного вида деятельности может привести к негативному результату – сотрудник может даже начать избегать предлагаемые мероприятия.

2. Финансовые затраты. В настоящее время финансирование деятельности ФСИН России осуществляется по определенным видам расходов в пределах доведенных лимитов, в соответствии с положениями приказа Федеральной службы исполнения наказаний от 26 февраля 2019 г. № 124 «Об утверждении порядка расчета нормативных затрат на обеспечение функций ФСИН России, территориальных органов ФСИН России и федеральных казенных учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в части материально-технического обеспечения воспитательной работы» [8]. В указанном нормативном документе не предусмотрены затраты, в части организации работы с сотрудниками по предупреждению морального выгорания, а также профессиональной деформации.

Проведенный в работе анализ трудов ученых исследователей, а также нормативных актов позволяет сделать вывод о том, что в реалиях развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации вопрос организации работы с личным составом в части озвученных ранее проблем не только не проработан, но даже не затрагивается в нормативных актах, что безусловно является серьезным упущением, особенно принимая во внимание кадровую некомплектованность учреждений и органов ФСИН России.

Для решения проблем в части профессиональной деформации и стимулирования сотрудников к личностному развитию первоначально целесообразно на ведомственном уровне признать указанную проблему, что позволит активизировать работу в указанном направлении.

Также предлагается внедрить в работу учреждений и органов ФСИН России опыт крупных коммерческих предприятий, где развитие личностное развитие сотрудников стимулируется посредством создания на территории организаций тренажерных залов, комнат отдыха или зон, кружков по интересам [9, с. 243-250].

Помимо указанного целесообразно предусмотреть для сотрудников учреждений и органов ФСИН России которые непосредственно взаимодействуют с осужденными (подозреваемыми, обвиняемыми) систему льгот выражающие в оплате абонементов в тренажерные залы (бассейны), спортивные секции, в части приобретения билетов в театр и музеи по аналогии с «Пушкинской картой».

Кроме того, в ведомственных приказах ФСИН России целесообразно предусмотреть финансирование привлечения на территорию исправительного учреждения (следственного изолятора) тренеров или инструкторов по каким-либо видам спорта интересным личному составу (отдельно для сотрудников мужчин и сотрудников женщин).

Помимо указанного считаем целесообразным закрепить в ведомственных приказах ФСИН России запрет сотрудникам использовать в межличностном общении жаргонные слова, вплоть до привлечения к дисциплинарной ответственности.

Все указанное, с нашей точки зрения будет способствовать не только профилактике профессиональной деформации личности, но и развитию человеческого капитала и кадрового потенциала учреждений и органов ФСИН России.

Список литературы:

1. О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» : федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 23 июля 2018 г. № 30 ст. 4532
2. Титова, М. М. Проблемы профессионального выгорания сотрудников, работающих в ФСИН / М. М. Титова // Научный аспект. – 2024. – Т. 16, № 6. – С. 1989 – 1992.
3. Корнеева Я. А. Особенности профессиональной личностной деформации сотрудников ОВД, ФСИН и ФССП / Я. А. Корнеева, А. Н. Зелянина, Н. В. Мартиросова // Гигиена и санитария. – 2022. – Т. 101, № 4. – С. 389 – 397.

4. Осипов А. П. Некоторые аспекты профилактики профессионально-нравственной деформации сотрудников ФСИН России / А. П. Осипов // *Формы и методы психологической работы со спецконтингентом и персоналом : сборник материалов VI Межведомственного круглого стола*, Псков, 20 ноября 2020 года. – Псков: Псковский филиал Академии ФСИН России, 2021. – С. 97 – 100.
5. Зыбина Ю. В. Профилактика профессиональной деформации сотрудников УИС / Ю. В. Зыбина, В. В. Ильина, Н. А. Дроздецкий // *Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе : Материалы Всероссийской научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов с международным участием: в 3 ч.*, Самара, 23 апреля 2021 года. Том Ч. 3. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2021. – С. 37 – 40.
6. Молчанова Т. Ю. влияние тюремной субкультуры на сотрудников пенитенциарных учреждений / Т. Ю. Молчанова // *Правовая реформа*. – 2023. – № 1. – С. 55 – 57.
7. Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации: приказ ФСИН России от 13 июня 2023 N 382 // URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-fsin-rossii-ot-13062023-n-382-ob-utverzhenii/>
8. Об утверждении порядка расчета нормативных затрат на обеспечение функций ФСИН России, территориальных органов ФСИН России и федеральных казенных учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в части материально-технического обеспечения воспитательной работы: приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 26 февраля 2019 г. № 124 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72107782/>
9. Ушаков Р. И. Повышение кадрового потенциала как фактор устойчивого регионального развития в современных экономических условиях (на примере Мурманской области) / Р. И. Ушаков, А. Л. Абаев // *Региональные проблемы преобразования экономики*. – 2023. – № 12(158). – С. 243 – 250.

References:

1. On service in the penal Enforcement System of the Russian Federation and on Amendments to the Law of the Russian Federation "On Institutions and Bodies Executing Criminal Penalties in the Form of Imprisonment": Federal Law No. 197-FZ of July 19, 2018 // *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii* of July 23, 2018. No. 30, art. 4532
2. Titova, M. M. Problems of professional burnout of employees working in the FSIN / M. M. Titova // *Scientific aspect*. – 2024. – Vol. 16, No. 6. – pp. 1989-1992.
3. Korneeva Ya. A. Features of professional personal deformation of employees of the Department of Internal Affairs, FSIN and FSSP / Ya. A. Korneeva, A. N. Zelyanina, N. V. Martirosova // *Hygiene and Sanitation*. – 2022. – Vol. 101, No. 4. – pp. 389-397.
4. Osipov A. P. Some aspects of the prevention of professional and moral deformation of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia / A. P. Osipov // *Forms and methods of psychological work with special agents and personnel : collection of materials of the VI Interdepartmental round table*, Pskov, November 20, 2020. Pskov: Pskov Branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2021. pp. 97-100.
5. Zyбина Yu.V. Prevention of professional deformation of prison staff / Yu. V. Zyбина, V. V. Ilyina, N. A. Drozdetsky // *Problems and prospects of development of the Russian penal system at the present stage : Proceedings of the All-Russian Scientific conference of adjuncts, graduate students, cadets and students with international participation: at 3 a.m.*, Samara, April 23, 2021. Volume 3. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2021. pp. 37-40.
6. Molchanova T. Y. the influence of prison subculture on prison staff / T. Y. Molchanova // *Legal reform*. – 2023. – No. 1. – pp. 55-57.
7. On approval of the Procedure for organizing personnel training to fill positions in the penal Correction system of the Russian Federation: Order of the Federal Penitentiary Service of Russia dated June 13, 2023 N 382 // URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-fsin-rossii-ot-13062023-n-382-ob-utverzhenii/>
8. On approval of the procedure for calculating regulatory costs for ensuring the functions of the Federal Penitentiary Service of Russia, the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia and federal government institutions of the penitentiary system of the Russian Federation in terms of logistical support for educational work: Order of the Federal Penitentiary Service of February 26, 2019 No. 124 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72107782/>
9. Ushakov R. I. Increasing human resources potential as a factor of sustainable regional development in modern economic conditions (on the example of the Murmansk region) / R. I. Ushakov, A. L. Abaev // *Regional problems of economic transformation*. – 2023. – № 12(158). – Pp. 243-250.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_478

УДК 343.2

ВОЗДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НА ГЛОБАЛЬНУЮ МЕЖДУНАРОДНУЮ СТАБИЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОСТИ THE IMPACT OF TERRORIST ACTIVITY ON THE GLOBAL INTERNATIONAL STABILITY OF OUR TIME

БИДОВА Бэла Бертовна,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова»,
профессор кафедры истории, права и общественных дисциплин филиала
ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» в г. Ессентуки,
профессор кафедры правовых дисциплин филиала
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» в г. Пятигорске Ставропольского края.
Ул. Кучуры, 8, г. Пятигорск, Ставропольский край, 357502, Россия.
E-mail: bela_007@bk.ru;

АЛИЕВ Мурат Кямалович,

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса филиала
Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова в г. Пятигорске.
Ул. Кучуры, 8, г. Пятигорск, Ставропольский край, 357502, Россия.
E-mail: aliev.mk@rea.ru;

АБАЕВ Наурыз Борисович,

подполковник полиции, преподаватель кафедры специально-технической подготовки
Северо-Кавказский Институт повышения квалификации филиал Краснодарского университета МВД России,
(СКИ(Ф) КрУ МВД России).
ул. Мальбахова, 123, г. Нальчик, 360016, Россия.
E-mail: mail@law-books.ru;

BIDOVA Bela Bertovna,

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov,
Professor of the Department of History, Law and Social Sciences of the Branch
Stavropol State Pedagogical Institute in Yessentuki,
Professor of the Department of Legal Disciplines of the branch
Plekhanov Russian University of Economics in Pyatigorsk, Stavropol Territory.
8 Kuchury St., Pyatigorsk, Stavropol Territory, 357502, Russia.
E-mail: bela_007@bk.ru;

ALIEV Murat Kamalovich,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Branch
Plekhanov Russian University of Economics in Pyatigorsk
8 Kuchura St., Pyatigorsk, Stavropol Territory, 357502, Russia.
E-mail: aliev.mk@rea.ru;

ABAEV Nauryz Borisovich,

Police Lieutenant Colonel, lecturer at the Department of Special Technical Training
North Caucasus Institute of Advanced Training branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
(SKI(f) KrU of the Ministry of Internal Affairs of Russia).
123 Malbakhova St., Nalchik, 360016, Russia.
E-mail: mail@law-books.ru

Краткая аннотация: данное исследование рассматривает характерные черты террористической деятельности в наши дни и её воздействие на глобальные дипломатические процессы и политическую обстановку в мире. Феномен терроризма как специфической формы насилия и агрессивного поведения сопровождает человечество столетиями, однако в контексте XXI века это явление трансформировалось, обретя многочисленные вариации. Усиливающиеся глобализационные тенденции способствуют тому, что террористическая активность всё сильнее проникает во все аспекты социального устройства.

Abstract: This study examines the characteristic features of terrorist activity today and its impact on global diplomatic processes and the political situation in the world. The phenomenon of terrorism as a specific form of violence and aggressive behavior has accompanied humanity for centuries, but in the context of the 21st century, this phenomenon has transformed, acquiring numerous variations. The increasing globalization trends are contributing to the fact that terrorist activity is increasingly penetrating into all aspects of the social structure.

Ключевые слова: террористическая деятельность; глобальная дипломатия; международные противостояния; эффекты террористических актов; антитеррористические стратегии национальных правительств.

Keywords: terrorist activity; global diplomacy; international confrontations; effects of terrorist acts; anti-terrorist strategies of national governments.

Для цитирования: Бидова Б.Б., Алиев М.К., Абает Н.Б. Воздействие террористической активности на глобальную международную стабильность современности // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 478-481. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_478.

For citation: Bidova B.B., Aliev M.K., Abaev N.B. The impact of terrorist activity on the global international stability of our time // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 478-481. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_478.

Статья поступила в редакцию: 23.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

В современную эпоху угроза терроризма стала глобальным вызовом, затрагивающим все страны без исключения. Сегодня террори-

стические формирования вышли за рамки локальных угроз, трансформировавшись в международную проблему. Традиционные представления о террористических группах устарели — мы наблюдаем формирование единого экстремистского движения с мировыми амбициями (что наглядно продемонстрировала запрещенная в России организация "Исламское государство"). Последние годы показали, как террористические структуры эволюционировали в сложные сетевые объединения, способные не только координировать отдельные атаки в разных уголках планеты, но и вести полномасштабные боевые действия.

Современные террористические группировки, обладая передовыми технологиями и активно используя информационные каналы, свободно транслируют экстремистские взгляды, что негативно влияет на психологическое состояние населения и способствует привлечению новых сторонников [1, с. 188]. Феномен терроризма, характеризующийся как система насильственных актов, направленных на запугивание, подавление сопротивления оппонентов или принуждение к определенному поведению, был предметом научного анализа на протяжении столетий.

Исторически формы терроризма претерпевали значительные изменения. В прошлые эпохи это явление чаще выражалось через деспотизм правящих элит конкретных стран и ограничивалось национальными рамками. Сегодня же террористическая активность преимущественно исходит от негосударственных структур, выражающих несогласие с мировым политическим, религиозным или социальным порядком, и приобретает транснациональный характер.

На сегодняшний день насчитывается приблизительно 200 дефиниций и интерпретаций концепции "терроризм", причем даже такая влиятельная международная структура как Организация Объединенных Наций не предлагает единого определения [2, с. 108]. В широком смысле терроризм можно охарактеризовать как масштабные акты насилия, включающие разрушения, убийства, захваты заложников и другие подобные действия. Такая формулировка охватывает не только современные проявления терроризма, но и его исторические формы.

Исторические примеры включают период правления "Тридцати тиранов", когда за восемь месяцев террористического режима было уничтожено афинян больше, чем за десятилетнюю войну между Афинами и Спартой. Аналогично, во времена диктатуры Суллы в Древнем Риме, террористические методы стали инструментом государственного управления [3, с. 37].

В период Французской революции террористические акты приобрели новый характер. Если раньше насилие в политических целях было прерогативой властителей и тиранов, то теперь к нему могли прибегать представители любых слоев общества. Показательный пример — деятельность журналиста П. Марата, который в своем издании "Друг Народа" открыто агитировал за применение террора против противников революционного движения в сентябре 1789 года [4, с. 217]. Стоит подчеркнуть, что подобная разновидность терроризма не исчезла и продолжает существовать в современном мире.

Одна из современных трактовок терроризма описывает его как специфическую форму социального противостояния и методично структурированное насилие, которое по своим задачам, инструментарию, методологии и последствиям фактически является разновидностью военных действий и представляет собой деструктивную активность чрезвычайно радикальных, сплоченных и идеологически мотивированных групп [5, с. 139].

Параллельно с этим статья 205 УК России характеризует террористический акт в качестве специфического механизма или функционального средства, посредством которого реализуется террористическая деятельность. В соответствии с приведенной публикацией, акт терроризма определяется как действия, которые вызывают риск смертельного исхода, существенных материальных потерь или других серьезных негативных результатов. Эти действия нацелены на подрыв функционирования правительственных структур или интернациональных учреждений, оказание давления на их решения, а также включают угрозы таких действий для влияния на решения этих организаций [6, с. 71].

Представленные иллюстрации подтверждают, что содержание и трактовка термина "терроризм" эволюционировали исторически, а его современные проявления преимущественно выражаются через различные формы общественного насилия.

Если прежде террористические акты ограничивались конкретными регионами, то в наши дни терроризм эволюционировал в проблему планетарного масштаба, угрожающую безопасности всего человечества.

Террористические угрозы мировому порядку породили множество неотложных вопросов. Необходимо не просто разрабатывать национальные программы борьбы с терроризмом — требуется создать глобальную систему противостояния экстремизму и террору, базирующуюся на универсальных юридических нормах, которые станут фундаментом для координированных антитеррористических мероприятий.

Современная глобальная ситуация демонстрирует, что противодействие экстремистским элементам требует консолидации усилий всех стран, а не изолированных действий отдельных государственных структур или силовых ведомств.

Переход от однополярного к многополярному мироустройству вызван появлением нестандартных акторов на международной арене. Вследствие этого государствам и иным субъектам приходится учитывать в своей внешней политике активность террористических группировок, чьи действия привлекают внимание мирового сообщества, стимулируя эволюцию и динамику всей системы международных взаимоотношений.

В ходе исследования автор выявил ключевые характеристики влияния терроризма современного типа на глобальные взаимоотношения между государствами:

1. С начала прошлого столетия террористическая деятельность превратилась в катализатор и средство эскалации масштабных военных противостояний. Показательным случаем служит ликвидация престолонаследника Австро-Венгрии Франца Фердинанда, осуществленная националистом из Сербии Гаврило Принципом, что послужило триггером для развязывания глобального конфликта 1914 года [7, с. 428]. Устранение высокопоставленных государственных деятелей можно классифицировать как акт терроризма — специфическую форму насильственных действий, направленных на подрыв функционирования политических институтов и государственного аппарата.

Терроризм представляет опасность не только в форме открытых агрессивных действий, ведущих к разрушениям и человеческим

жертвам, но и как инструмент "теневой дипломатии", позволяющий странам наносить урон своим противникам руками террористических группировок. В качестве иллюстрации можно привести концепцию социолога А.А. Зиновьева, который рассматривает "исламский фундаментализм" как своего рода международную корпорацию, неформально предоставляющую услуги, запрещенные нормами международного права.

Со сменой тысячелетий международное сообщество активно обсуждает феномен государственного финансирования террористической деятельности. Например, медиа-источники утверждают, что в 1992 г. иранское правительство инвестировало около 186 миллионов долларов в поддержку экстремистских исламских группировок [8, с.66]. Однако необходимо критически оценивать подобные медийные сообщения, поскольку они могут являться инструментом геополитических манипуляций, направленных на дискредитацию определенных стран путем создания ассоциативной связи с террористическими структурами. Данный аспект представляет собой важную характеристику механизма воздействия терроризма в современном мире.

В наши дни террористическая активность порождает недоверие и антагонизм по отношению к конкретным государствам и этническим группам, причем эти негативные чувства могут сохраняться десятилетиями, затрагивая целые поколения [9, с. 408]. Такой феномен отсутствовал ранее, когда террористические организации не ассоциировались однозначно с определенными социальными слоями, национальностями или странами. Сегодня же атмосфера настороженности и страха в отношении отдельных государств или народов способна стать катализатором серьезных международных противостояний.

3. С наступлением нового тысячелетия и глобальным развитием телевидения, радио и интернета, акты террора трансформировались в инструмент информационно-психологического манипулирования через медиаресурсы, направленного на провоцирование массовой истерии и стимулирование оппозиционных настроений среди населения. Характерной чертой современного терроризма является его способность "генерировать панику и ощущение уязвимости интенсивнее, чем иные проявления агрессии" [10, с.44]. Следовательно, любое происшествие, получившее широкий медийный резонанс, потенциально может спровоцировать общественные беспорядки в глобальном масштабе, выходя далеко за пределы отдельного государства.

В современном глобальном теневом секторе экономики, наряду с нелегальной продажей наркотиков и оружия, сформировалась так называемая "экономика террора", порожденная террористической деятельностью. Когда запрещенные активности становятся прибыльными, это способствует эскалации насильственных действий и формированию криминальных организаций различного масштаба – от местных до международных.

Нелегальный оборот запрещенных продуктов, контроль за которым становится всё более проблематичным для правительств, не только подрывает мировые экономические системы, но также выступает катализатором конфликтов на почве этнических, культурных, государственных и религиозных различий. Анализируя географические масштабы функционирования криминальных объединений, включая террористические группы, необходимо отметить дополнительную характеристику воздействия современного терроризма на глобальную политическую систему.

Распространение террористических формирований в различных регионах планеты и адаптивная структура организации и работы отдельных элементов террористической сети представляет особую угрозу. Как отмечает Михалев Ю.А., современный терроризм отличается формированием комплексной поддерживающей структуры и установлением экстремистскими группами прочных контактов с политическими и другими организациями, которые обеспечивают финансирование противоправной деятельности как внутри государства, так и на международном уровне [11, с.190]. Эти факторы значительно усложняют обнаружение и контроль подобных формирований.

В результате отдельная страна уже не способна эффективно противостоять угрозе, поскольку террористические организации часто действуют за пределами границ конкретного государства. Однако глобальные усилия по борьбе с терроризмом постоянно сталкиваются с принципом невмешательства во внутрисостоятельные вопросы. Этот фундаментальный принцип международного права зафиксирован в ключевых документах, включая Хартию Объединенных Наций, Декларацию о принципах международного права и Декларацию о защите суверенитета и независимости государств от внешнего вмешательства.

Современный терроризм характеризуется продвинутой логистикой и применением оружия массового уничтожения в экстремистских акциях. Это явление связано с ростом глобального арсенала вооружений и упрощением доступа к нему. Особую тревогу вызывает относительная легкость получения компонентов для самодельного оружия. Показательный случай произошел еще в 1975 году, когда учащийся МТИ сконструировал ядерное устройство, используя только общедоступные материалы. Согласно его утверждению, все необходимые элементы, кроме плутония, можно было свободно приобрести у стандартных поставщиков [12, с. 149].

Приобретение готового оружия стало относительно простым не только из-за нелегальных рынков сбыта, но и благодаря возможностям захватить вооружение из хранилищ, воинских частей и даже музейных экспозиций. Иллюстрацией служит частный музей оружия в Эль-Пасо (штат Колорадо), принадлежащий Мелу Бернштейну. Его коллекция охватывает разнообразное огнестрельное оружие, примерно 80 экземпляров военной техники и вооружение периода Второй мировой войны, включая такие опасные предметы как гранатометы и мины [13].

В нынешней глобальной конфигурации наблюдается тревожная тенденция: военные технологии и вооружение, некогда доступные исключительно государственным структурам, теперь могут оказаться в руках террористических организаций. Эта трансформация существенно усложняет антитеррористическую деятельность правительств. В современных условиях террористы могут прибегнуть к экологическим диверсиям, например, захватив ГЭС для создания искусственного наводнения в жилых районах. Учитывая потенциальный размах таких угроз, возникает дилемма о масштабе необходимых контрмер. Это формирует дополнительное измерение влияния терроризма на глобальную политику. Сегодня национальные правительства инвестируют колоссальные ресурсы и финансы в системы антитеррористической защиты.

Одновременно усиливается международная кооперация в сфере антитеррористической деятельности. Данный тренд отражается в принятии ряда важных международных соглашений, включая Конвенцию о предотвращении бомбового терроризма (1997), Конвенцию по проти-

действию финансированию террористов (1999) и Конвенцию о борьбе с ядерным терроризмом (2005), а также других документов. Все упомянутые соглашения были ратифицированы Генассамблеей ООН, что подчеркивает их глобальную важность.

Текущие коалиции по борьбе с терроризмом сталкиваются с фундаментальными трудностями в своей структуре и идеологии. Глобальное сообщество оказалось неподготовленным к вызовам, которые представляют трансграничные террористические группировки для международной безопасности и стабильности. Это произошло потому, что современная архитектура международных взаимоотношений была сконцентрирована на предупреждении конфликтов между государствами, особенно между ведущими мировыми державами. Современные конфликты характеризуются новой динамикой, где наряду с классическими участниками появились неправительственные игроки, включая террористические объединения, активно влияющие на международную арену.

Организация Объединенных Наций выступает ключевым международным институтом в создании системы борьбы с трансграничным терроризмом. Многочисленные документы и постановления ГА ООН подтверждают её центральную роль в этом процессе.

Параллельно значимым форумом мирового масштаба для решения проблемы терроризма является G8. Изначально "Большая восьмерка" фокусировалась преимущественно на пресечении финансовых потоков террористических организаций, но со временем участники осознали необходимость комплексного подхода, выходящего за рамки силовых и ограничительных методов.

Технический прогресс среди радикальных вербовщиков заставил международное сообщество сконцентрироваться на информационно-коммуникационных аспектах проблемы. Сейчас акцент делается на превентивных действиях, нацеленных на устранение социально-политических и идеологических корней этого феномена.

После временного исключения России из G8, вызванного крымскими событиями, страны Запада продолжили антитеррористическое сотрудничество в формате "Большой семерки". Тем не менее, эффективность этого взаимодействия существенно снизилась, поскольку Россия обладает значительным практическим опытом в уничтожении террористических группировок и противодействии терроризму в широком смысле.

В условиях активизации трансграничных и локальных террористических объединений происходит трансформация межрегионального взаимодействия. Организации вроде Совета Европы, ЕС, ОБСЕ, НАТО, ОДКБ, ШОС, ЛАГ, ОИС и АС активно модернизируют свои стратегии упреждающего реагирования и силового противостояния террористическим вызовам. Параллельно наблюдается не только интенсификация обмена разведывательными и аналитическими сведениями между глобальными объединениями, но и формирование инновационных антитеррористических подразделений и координационных центров. Эти меры направлены на укрепление многоуровневого сотрудничества для своевременного предотвращения террористических угроз.

Рассматривая терроризм как масштабное насильственное явление, можно заметить эволюцию его форм на протяжении истории. В наши дни террористическая активность охватывает гораздо больше регионов и областей человеческой деятельности, что делает террористические угрозы XXI века существенно серьезнее по сравнению с предыдущими историческими периодами. Усиление международной интеграции и распространение демократических принципов во всех областях общественной жизни привели к затруднению мониторинга и сдерживания активности террористических организаций, что объясняет наблюдаемую динамику.

Список литературы:

1. Опалев А.В. Современные информационные технологии как инструмент деятельности экстремистских и террористических организаций // Вестник Московского университета МВД России. 2022. №5. С. 187-190.
2. Плотников А. В. К вопросу юридического определения понятия «Международный терроризм» // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2009. №3. С. 105-117.
3. Суриков И.Е. Некоторые проблемы лаконофильского переворота 404 г. До Н. Э. В Афинах и правления «Тридцати тиранов» // AMA. 2015. №17. С. 31-41.
4. Манфред А.З. Марат. М.: Молодая гвардия, 1962. 352 с.
5. Канунникова Н.Г. К вопросу о специфических особенностях терроризма и определении его понятия // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. №3 (29). С. 135-141.
6. Пасынкова В. В., Забродкина Е. Д. Глобальный терроризм против демократического государства: политико-правовой анализ случая России // Вестник Перм. Ун-та. 2017. № 2. С.60-78.
7. Поляк Г.Б., Маркова А.Н., Андреева И.А., Айсина И.А. Всемирная история: учебное пос. М.: Юнити-Дана, 2012. 886 с.
8. Амиров К. -и Г. Финансирование экстремизма и терроризма: опыт международного и отечественного противодействия // Исламоведение. 2011. №3. С. 63-69.
9. Шушунов А. С. Возникновение и развитие терроризма в истории России на разных этапах ее становления. отличие терроризма и террористического акта // Вестник науки. 2025. №1 (82). С. 402-412.
10. Ениколопов С. Н., Мкртчян А. А. Психологические последствия терроризма и роль СМИ в процессе их формирования // Национальный психологический журнал — 2010. №2(4). С. 41-46.
11. Михалёв Ю.А. Особенности современного терроризма // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 25 (658). С. 186-194.
12. Кафтан В.В. Противодействие терроризму: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2018. 261 с.
13. Мел Бернштейн: самый вооруженный человек в США // За городом. URL: <https://ribalych.ru/2017/02/22/mel-bernshtejn/> (дата обращения: 20.08.2025).

References:

1. Opalev A.V. Modern information technologies as a tool for extremist and terrorist organizations // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 5. pp. 187-190.
2. Plotnikov A.V. On the issue of the legal definition of the concept of "International terrorism" // Bulletin of the RUDN University. Series: Legal Sciences. 2009. No. 3. pp. 105-117.
3. Surikov I.E. Some problems of the Laconophile coup of 404 BC In Athens and the rule of the "Thirty tyrants" // AMA. 2015. No. 17. pp. 31-41.
4. Manfred A.Z. Marat. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1962. 352 p.
5. Kanunnikova N.G. On the issue of the specific features of terrorism and the definition of its concept // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 3 (29). pp. 135-141.
6. Pasinkova V.V., Zabrodina E.D. Global terrorism against a democratic state: a political and legal analysis of the Russian case // Vestnik Perm. Un-ta. 2017. No.2. pp.60-78.
7. Polyak G.B., Markova A.N., Andreeva I.A., Aisina I.A. World History: educational settlement, Moscow: Unity-Dana, 2012. 886 p.
8. Amirov K. and G. Financing extremism and terrorism: the experience of international and domestic counteraction // Islamic Studies. 2011. No. 3. pp. 63-69.
9. Shushunov A. S. The emergence and development of terrorism in the history of Russia at different stages of its formation. the difference between terrorism and a terrorist act // Bulletin of Science. 2025. No. 1 (82). pp. 402-412.
10. Enikolopov S. N., Mkrtchyan A. A. Psychological consequences of terrorism and the role of the media in the process of their formation // National Psychological Journal — 2010. №2(4). С. 41-46.
11. Mikhalev Yu.A. Features of modern terrorism // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. 2012. No. 25 (658). pp. 186-194.
12. Kaftan V.V. Countering terrorism: a textbook for undergraduate and graduate studies. Moscow: Yurayt, 2018. 261 p.
13. Mel Bernstein: the most armed man in the USA // Out of town. URL: <https://ribalych.ru/2017/02/22/mel-bernshtejn/> (date of access: 08/20/2025).

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ТРУДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ CRIMINAL LAW ASPECTS OF LIABILITY FOR VIOLATIONS OCCUPATIONAL SAFETY REGULATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

УЛЕЗЬКО Иван Сергеевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, Большая Садовая ул., 69.

E-mail: ulezko4@gmail.com;

ULEZKO Ivan Sergeevich,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology
Rostov State University of Economics (RINH).

69 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russia.

E-mail: ulezko4@gmail.com

Краткая аннотация: в данной статье проводится комплексный сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за нарушение правил техники безопасности и охраны труда по законодательству Российской Федерации и Китайской Народной Республики. В результате установлено, что, несмотря на общность материальных составов и неосторожной формы вины к последствиям, наблюдаются фундаментальные различия. УК КНР характеризуется более широким охватом охраняемых общественных отношений (включая имущественный вред), универсальным субъектом, распространяющимся на юридических лиц, и существенно более строгими санкциями, вплоть до 15 лет лишения свободы, что отражает превентивную и суровую уголовную политику. Российский подход отличается большей детализацией, отраслевой специализацией норм и ориентацией на привлечение к ответственности специального субъекта — должностных лиц, однако санкции являются более мягкими. Делается вывод о том, что китайская модель, с ее акцентом на ответственность руководителей и крупные штрафы для предприятий, может представлять интерес для российского законодателя в части усиления профилактической функции уголовного закона.

Abstract: this article provides a comprehensive comparative legal analysis of criminal liability for violations of occupational safety and health regulations under the laws of the Russian Federation and the People's Republic of China. As a result, it was found that, despite the commonality of the material compositions and the careless form of guilt to the consequences, fundamental differences are observed. The Criminal Code of the People's Republic of China is characterized by a broader coverage of protected public relations (including property damage), a universal subject that applies to legal entities, and significantly stricter sanctions, up to 15 years in prison, reflecting a preventive and harsh criminal policy. The Russian approach is more detailed, industry-specific, and focused on holding a special entity, officials, accountable, but the sanctions are more lenient. It is concluded that the Chinese model, with its emphasis on executive responsibility and heavy fines for enterprises, may be of interest to the Russian legislator in terms of strengthening the preventive function of the criminal law.

Ключевые слова: уголовная ответственность, охрана труда, техника безопасности, сравнительное правоведение, Уголовный кодекс РФ, Уголовный кодекс КНР, производственная безопасность, состав преступления.

Keywords: criminal liability, labor protection, safety, comparative law, Criminal Code of the Russian Federation, Criminal Code of the People's Republic of China, industrial safety, corpus delicti.

Для цитирования: Улезько И.С. Уголовно-правовые аспекты ответственности за нарушение правил безопасности труда в Российской Федерации и Китайской Народной Республике: сравнительно-правовой анализ // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 482-485. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_482.

For citation: Ulezko I.S. Criminal law aspects of liability for violations occupational safety regulations in the Russian Federation and the people's Republic of China: comparative legal analysis // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 482-485. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_482.

Статья поступила в редакцию: 05.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Актуальность исследования обусловлена усилением интеграционных процессов в экономической сфере, что требует глубокого понимания правовых систем ключевых партнеров. Глобализация мировой экономики и активизация международного торгово-экономического сотрудничества, в частности в рамках проектов «Один пояс — один путь» и углубленного партнерства между РФ и КНР, объективно повышают значимость сравнительных правовых исследований. Одной из ключевых сфер, требующих унификации подходов или по крайней мере взаимного понимания правовых систем, является область обеспечения безопасности жизни и здоровья работников на производстве. Нарушения правил охраны труда наступают независимо от формы собственности предприятий, на которых они работают. За 2023 в России по данным Росстата и Роструда зарегистрировано примерно 25 000 несчастных случаев на производстве. Прямые и косвенные потери оцениваются приблизительно в 120 млрд российских рублей. [9]

Согласно официальной статистике Управления по делам неотложных ситуаций КНР за 2023 год было зарегистрировано 111 000 несчастных случаев на производстве, закончившихся смертельным исходом, травмой или пропажей без вести. Важно отметить, что эта цифра может не включать в себя менее серьезные инциденты. Официальная оценка общих экономических потерь (прямых и косвенных) от производственного травматизма за 2023 год в открытых источниках не публикуется единой суммой. Однако, по данным прошлых лет и экспертных оценок, эта цифра может достигать около 107.5 млрд юаней (что эквивалентно примерно 1.34 трлн российских рублей по текущему курсу). [10, 11]

Хотя абсолютные цифры по Китаю многократно выше, для объективного анализа необходимы относительные показатели, такие как количество инцидентов на 1000 работников или объем потерь на единицу ВВП. Такие данные позволяют более точно сравнить эффективность систем охраны труда в двух странах. Относительные показатели позволяют более объективно сравнить эффективность систем охраны труда, так как учитывают масштабы экономики и численность работников.

На основе предоставленных и общедоступных данных за последние доступные периоды расчеты выглядят следующим образом:

1. Коэффициент частоты производственного травматизма (КЧ)

Показывает количество несчастных случаев на 1000 работающих.

- Россия:
 - Численность занятых: ~75 млн человек
 - Количество несчастных случаев: ~25 000
 - $KЧ = (25\,000 / 75\,000\,000) * 1000 = 0.33$
- Китай:
 - Численность занятых: ~780 млн человек
 - Количество несчастных случаев: ~111 000
 - $KЧ = (111\,000 / 780\,000\,000) * 1000 \approx 0.14$

Относительный показатель частоты травматизма в России (0.33) более чем в два раза выше, чем в Китае (0.14). Это указывает на то, что риск получить травму на производстве для отдельного работника в России значительно выше.

2. Экономические потери относительно размера ВВП

Показывает, какую долю от всего созданного продукта составляют потери из-за травматизма.

- Россия:
 - ВВП (номинал, 2023): ~\$2.3 трлн (≈ 183 трлн рублей)
 - Потери: ~120 млрд рублей
 - Доля потерь от ВВП = $(120 / 183\,000) * 100\% \approx 0.066\%$
- Китай:
 - ВВП (номинал, 2023): ~\$17.7 трлн (≈ 127 трлн юаней)
 - Потери: ~107.5 млрд юаней
 - Доля потерь от ВВП = $(107.5 / 127\,000) * 100\% \approx 0.085\%$

Несмотря на более низкий относительный уровень травматизма, экономические потери Китая от него составляют большую долю от ВВП (0.085%), чем в России (0.066%). Это связано с колоссальными масштабами китайской экономики — даже меньший процент представляет собой огромную абсолютную сумму.

Результаты нашего анализа более наглядно показаны в таблице. Сводная таблица

Показатель	Россия	Китай	Комментарий
Абсолютное число случаев	~25 000	~111 000	Прямое сравнение некорректно из-за разной численности работников.
Коэффициент частоты (на 1000 работн.)	0.33	0.14	Риск травмы для работника в России > чем в 2 раза выше.
Абсолютные потери	~120 млрд руб.	~107.5 млрд юаней (≈ 1.34 трлн руб.)	Потери Китая в денежном выражении на порядок выше.
Потери относительно ВВП	~0.066%	~0.085%	Экономическая нагрузка от травматизма на экономику Китая выше.

Сравнение относительных показателей позволяет увидеть объективную общую картину:

1. По защите работника: Система охраны труда в Китае демонстрирует лучшую эффективность в предотвращении несчастных случаев на одного работника ($KЧ = 0.14$ против 0.33 в России).
2. По экономической эффективности: Для национальной экономики бремя потерь от производственного травматизма выше в Китае (0.085% ВВП против 0.066% в России). Это может объясняться менее эффективными механизмами страхования, компенсаций и затрат на реабилитацию в масштабах страны.

Таким образом, хотя Китаю удалось добиться более низкого уровня травматизма на душу населения, абсолютные масштабы проблемы создают большую макроэкономическую нагрузку. Россия, напротив, при меньших абсолютных потерях имеет более высокий уровень риска для каждого отдельного работника.

Таким образом социально-экономические издержки, связанные с производственным травматизмом и профессиональной заболеваемостью, являются общим вызовом для обеих стран, однако правовые механизмы противодействия этим явлениям имеют существенную национальную специфику.

Уголовно-правовая охрана безопасности труда представляет собой наиболее жесткий инструмент государственного принуждения, направленный на профилактику и пресечение грубейших нарушений в данной сфере. Сравнительный анализ соответствующих норм Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) и Уголовного закона Китайской Народной Республики (УК КНР) позволяет не только выявить doctrinal differences, но и оценить эффективность разных законодательных моделей, их сильные и слабые стороны.

Проблемам уголовной ответственности за нарушения требований охраны труда в российской доктрине уделено в работах таких ученых, как А.В. Наумов, Евдокимов А.А., А.И. Чучаев и др. [4, 5] Ими детально исследованы состав ст. 143 УК РФ, проблемы установления причинно-следственной связи и разграничения с административной ответственностью.

Китайская уголовно-правовая доктрина в области производственной безопасности представлена в трудах таких китайских/западных ученых, как Zhao Bingzhi, Lu Jianping и др. [7, 8]

Не смотря на это, комплексных сравнительных исследований именно в аспекте сопоставления ст. 143 УК РФ и ст. 134 УК КНР в отечественной и китайской литературе представлено недостаточно. Существующие работы часто носят фрагментарный характер и не охватывают все элементы составов и практику их применения.

Методология

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания. Ведущую роль играл сравнительно-правовой метод, позволивший провести детальное сопоставление норм двух правовых систем. Формально-юридический метод был использован для анализа структуры составов преступлений, а системный метод — для понимания места этих норм в общей системе уголовного права России и Китая. Также применялись методы анализа, синтеза и интерпретации правовых норм.

В Российской Федерации основным нормативным актом, устанавливающим уголовную ответственность за нарушения в сфере охраны труда, является Уголовный кодекс РФ 1996 года. [1] Ключевой нормой выступает статья 143 УК РФ «Нарушение требований охраны труда», расположенная в главе 26 «Преступления против безопасности производства». Помимо нее, существуют специальные нормы: ст. 216 УК РФ (нарушение правил безопасности при ведении строительных работ), ст. 217 УК РФ (нарушение требований промышленной безопасности на опасных производственных объектах) и др., что свидетельствует о дифференцированном и отраслевом подходе российского законодателя.

В Китайской Народной Республике основным источником уголовного права является Уголовный закон КНР 1997 года. Универсальным и центральным составом, охватывающим большую часть нарушений правил безопасности, является статья 134 УК КНР «Нарушение правил безопасности при производстве и эксплуатации». [2] Данная норма имеет более унитарный и широкий характер, регулируя отношения в любой производственной и операционной деятельности, что указывает на принципиально иную законодательную технику.

В российском праве непосредственным объектом ст. 143 УК РФ являются жизнь и здоровье работника. Общественные отношения по охране труда выступают основным объектом. [6]

В китайском праве (ст. 134 УК КНР) объектная область существенно шире. Основным объектом является общественная безопасность в сфере производства, а дополнительным — наряду с жизнью и здоровьем людей — выступает крупная собственность (государственная, общественная, частная). Это фундаментальное различие: китайский законодатель признает материальный ущерб самостоятельным и достаточным последствием для привлечения к уголовной ответственности.

Что касается объективной стороны, то оба состава являются материальными. Ответственность наступает только при наступлении конкретных тяжких последствий. Наблюдаются различия в последствиях:

- Ст. 143 УК РФ: Причинение тяжкого вреда здоровью человека (ч. 1) либо смерти человека (ч. 2, ч. 3).
- Ст. 134 УК КНР: Последствия носят альтернативный характер: 1) смерть одного или более человек; 2) причинение серьезных травм трем и более людям; 3) крупный материальный ущерб (прямые экономические потери, как правило, свыше 1 млн. юаней).

Само деяние в обеих странах выражается в действии или бездействии, нарушающем установленные правила безопасности. Однако в КНР отдельно криминализовано принуждение к нарушению правил (часть 2 ст. 134), что является квалифицирующим признаком.

Что касается субъекта преступления, то в российском уголовном законодательстве субъект - специальный. Ответственность по ст. 143 УК РФ несет только лицо, на которое в установленном порядке были возложены обязанности по соблюдению требований охраны труда (работодатель - физическое лицо, директор, главный инженер, руководитель участка и т.д.). [3]. Обычный работник не может быть субъектом данного преступления.

Что касается УК Китайской Народной Республики, то там субъект — общий. Им может быть любое вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет и нарушившее правила безопасности, включая рядовых работников. Особо подчеркивается ответственность руководителей, которые принуждают к нарушению правил. Кроме того, уголовной ответственности в КНР могут подлежать и юридические лица (через систему крупных штрафов), что абсолютно не свойственно российскому уголовному праву.

В обеих странах наблюдается смешанная форма вины («double mens rea»). Отношение к факту нарушения правил — умышленное (прямой или косвенный умысел). Отношение к наступившим тяжким последствиям — неосторожное (в форме легкомыслия или небрежности). Однако в КНР умышленное нарушение правил презюмируется более строго, особенно в случае принуждения к этому со стороны руководителя.

Что касается санкций за данные преступления, то именно они демонстрируют наиболее разительные различия в уголовной политике

двух государств.

- Ст. 143 УК РФ:
 - Ч. 1 (тяжкий вред здоровью): до 1 года лишения свободы.
 - Ч. 2 (смерть человека): до 4 лет лишения свободы.
 - Ч. 3 (смерть двух и более лиц): до 5 лет лишения свободы.
- Ст. 134 УК КНР:
 - Ч. 1 (основной состав): до 3 лет лишения свободы.
 - Ч. 1 (особо тяжкие последствия): от 3 до 7 лет лишения свободы.
 - Ч. 2 (принуждение к нарушению, повлекшее последствия): до 5 лет лишения свободы.
 - Ч. 2 (принуждение, повлекшее особо тяжкие последствия): от 5 лет лишения свободы и выше (на практике может достигать 7-15 лет).

Как видно, санкции в УК КНР являются несопоставимо более строгими, что отражает ее жесткий превентивный подход к обеспечению производственной безопасности.

Ключевыми проблемами правоприменения в России являются сложность доказывания прямой причинно-следственной связи между нарушением конкретного лица и наступившими последствиями, а также широкое использование переквалификации деяний в административные правонарушения (по ст. 5.27.1 КоАП РФ), что снижает превентивный эффект уголовного закона.

В Китае жесткость санкций и широкий субъект способствуют более частому привлечению к уголовной ответственности. Проблемы могут быть связаны с соразмерностью наказания и с элементами объективного вменения в условиях строгой социально-экономической политики государства.

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Законодательства РФ и КНР исходят из общей цели — охраны жизни и здоровья человека на производстве, но используют для ее достижения принципиально разные уголовно-правовые инструменты.
2. Российская модель (ст. 143 УК РФ) отличается нормативной детализацией, отраслевой специализацией и ориентацией на привлечение к ответственности должностных лиц (специальный субъект). Ее слабым местом являются относительно мягкие санкции, не выполняющие в полной мере превентивную функцию.
3. Китайская модель (ст. 134 УК КНР) характеризуется универсальностью, широтой охвата (включая ответственность за имущественный ущерб и юридических лиц) и исключительной суровостью наказаний. Она построена на принципах максимального устрашения и возложения ответственности в том числе на рядовых исполнителей и вышестоящих руководителей, которые принуждают к нарушениям.
4. Опыт КНР в части установления уголовной ответственности для юридических лиц и ужесточения наказания для руководителей, принуждающих к нарушению правил безопасности, представляет значительный интерес для возможной модернизации российского уголовного законодательства с целью повышения его эффективности и профилактического воздействия.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от ...) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — N 25. — Ст. 2954.
2. Уголовный закон Китайской Народной Республики (принят ВСНП 14.03.1997, с изм.)
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2018 N 41 "О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов" — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_312308/ (дата обращения: 30.08.2025)
4. Евдокимов А.А. Нарушение специальных правил безопасности в уголовном праве России / Отв. ред. А.И. Чучаев. М., 2012.
5. Наумов А.В. Российское уголовное право. Т. 2: Особенная часть (главы I-X). М., 2016.
6. Уголовное право. Особенная часть. Семестр I : учебник для вузов / ответственные редакторы И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезко. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 556 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-16720-7. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/561883> (дата обращения: 30.08.2025).
7. Zhao Bingzhi. The Theory and Practice of Chinese Criminal Law. — Beijing: China Legal Publishing House, 2021. — 432 p.
8. Lu Jianping. The Application of Criminal Law in Production Safety Cases // Journal of Law Application. — 2022. — № 5. — P. 112-118.
9. Официальный сайт Федеральной службы по труду и занятости (Роструд) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.rostrud.gov.ru> (дата обращения 28.08.2025)
10. Официальный сайт Министерства по чрезвычайным ситуациям КНР (Ministry of Emergency Management of the PRC) [Электронный ресурс] — URL: <http://www.mem.gov.cn/> (дата обращения 28.08.2025)
11. Официальный сайт Национального бюро статистики Китая (National Bureau of Statistics of China <http://www.stats.gov.cn/english/>) (дата обращения 28.08.2025)

References:

1. The Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on ...), Collection of Laws of the Russian Federation. — 1996. — N 25. — Art. 2955.
2. Criminal Law of the People's Republic of China (adopted by the National People's Congress on 03/14/1997, as amended)
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/29/2018 N 41 "On judicial practice in criminal cases of violations of labor protection requirements, safety rules during construction or other work or industrial safety requirements for hazardous production facilities" — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_312308/ (date of request: 30.08.2025)
4. Evdokimov, A. A. Violation of Special Safety Rules in Russian Criminal Law / Ed. by A. I. Chuchayev. Moscow, 2012.
5. Naumov, A. V. Russian Criminal Law. Vol. 2: Special Part (Chapters I-X). Moscow, 2016.
6. Criminal law. The special part. Semester I : textbook for universities / responsible editors I. A. Podroikina, E. V. Seregina, S. I. Ulezko. — 6th ed., revised and add. Moscow : Yurait Publishing House, 2025. 556 p. (Higher education). — ISBN 978-5-534-16720-7. — Text: electronic // Urait Educational Platform [website]. — URL: <https://urait.ru/bcode/561883> (accessed: 30.08.2025).
7. Zhao Bingzhi. The Theory and Practice of Chinese Criminal Law. — Beijing: China Legal Publishing House, 2021. — 432 p.
8. Lu Jianping. The Application of Criminal Law in Production Safety Cases // Journal of Law Application. — 2022. — № 5. — P. 112-118.
9. Official website of the Federal Service for Labor and Employment (Rostrud) [Electronic resource]. — URL: <https://www.rostrud.gov.ru> (accessed on 28.08.2025)
10. Official website of the Ministry of Emergency Management of the PRC (Ministry of Emergency Management of the PRC) [Electronic resource] — URL: <http://www.mem.gov.cn/> (accessed on 28.08.2025)
11. Official website of the National Bureau of Statistics of China (National Bureau of Statistics of China <http://www.stats.gov.cn/english/>) (accessed on 28.08.2025)

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_486

УДК 343.985.1

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ СПЕЦИАЛИСТА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ORGANIZATION OF THE USE OF SPECIALIST KNOWLEDGE IN THE PRODUCTION OF AN INVESTIGATIVE EXPERIMENT

ТХАКУМАЧЕВ Борис Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент департамента юриспруденции
Автономной некоммерческой организации высшего образования
Московский институт современного академического образования (АНО ВО МИСАО), г. Москва.
109518, Россия, г. Москва, Саратовская ул., 31.
E-mail: men2007kbr@bk.ru;

TKHAKUMACHEV Boris Yurievich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Jurisprudence
at the Autonomous Non-Profit Higher Education Institution Moscow Institute of Modern Academic Education (ANO VO MISAO), Moscow.
31 Saratovskaya St., Moscow, 109518, Russia.
E-mail: men2007kbr@bk.ru

Краткая аннотация: статья посвящена исследованию одного из значительных способов повышения эффективности производства такого следственного действия, как следственный эксперимент с помощью организации применения специальных знаний специалиста. Делается вывод о том, что специалист, участвующий в следственном эксперименте, поможет руководителю следственного органа, следователю уяснить обстоятельства дела, правильно оценить полученные показания. Тщательная подготовка к производству следственного эксперимента и консультации со специалистом, будут способствовать устранению возможности совершения ошибок в процессе производства указанного следственного действия.

Abstract: The article is devoted to the study of one of the significant ways to increase the efficiency of such an investigative action as an investigative experiment by organizing the use of a specialist's special knowledge. It is concluded that a specialist participating in an investigative experiment will help the head of the investigative body and the investigator to understand the circumstances of the case and correctly assess the testimonies obtained. Thorough preparation for the production of an investigative experiment and consultation with a specialist will help to eliminate the possibility of making mistakes during the production of this investigative action.

Ключевые слова: следственный эксперимент, специалист, организация применения специальных знаний, следователь, руководитель следственного органа.

Keywords: investigative experiment, specialist, organization of the use of special knowledge, investigator, head of the investigative body.

Для цитирования: Тхакумачев Б.Ю. Организация применения специальных знаний специалиста при производстве следственного эксперимента // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 486-488. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_486.

For citation: Tkhamachev B.Yu. Organization of the use of specialist knowledge in the production of an investigative experiment // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 486-488. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_486.

Статья поступила в редакцию: 03.07.2025

Дата публикации: 03.10.2025

В криминалистической литературе вопросы, связанные с участием специалиста в следственном эксперименте, являются дискуссионными. А.И. Ароцкер, при изучении проблем проведения следственного эксперимента, придавал первостепенное значение привлечению специалистов в него криминалистов и судебных медиков [1]. Иной точки зрения придерживалась Н.И. Гуковская, которая считала, что следственный эксперимент является следственным действием, при проведении которого не требуются специальные познания [2]. Вместе с тем впоследствии Р.С. Белкин признал, что участие специалистов в проведении следственных экспериментов становится все более частным явлением [3]. Аналогичной точки зрения придерживалась и Э.Б. Мельникова, которая писала, что основным принципом участия специалиста – криминалиста в следственном эксперименте является практическая целесообразность применения специальных познаний, которые отсутствуют у следователя [4].

В.И. Винберг указывал, что следователь во избежание возможных ошибок или неточностей гарантирует правильность постановки эксперимента приглашением соответствующего специалиста. Участие сведущего лица избавит следователя от возможных ошибок и получения неверных результатов, обеспечит правильную постановку следственного эксперимента [5].

Ищенко П.П. пишет, что «привлекать специалиста для участия в следственном эксперименте нужно в тех случаях, когда есть потребность в использовании специальных знаний.... это...единственный критерий, которым нужно руководствоваться при решении подобных вопросов» [6].

Такие криминалисты, как М.П. Хилобок, В.В. Циркаль рекомендовали привлекать специалиста для помощи следователю в реконструкции обстановки по фотоснимкам, протокольным записям, показаниям очевидцев, в подборе инструментов, аналогичных использованным для совершения преступления [7].

И.Н. Кожевников, исследуя вопросы участия специалиста в следственном эксперименте, приходит к выводу, что «анализ уголовных дел показывает: многие следователи еще не рассматривают следственный эксперимент как эффективное действие по получению и проверке доказательств. Недооценивают и роль в этом процессе экспертов – криминалистов. Особенно это касается случаев расследования грабежей, разбойных нападений, краж личного имущества, нанесения тяжких телесных повреждений». При этом причинами этого он называет нецелесообразность проведения следственного эксперимента по мнению следователей, а также несоблюдение условий, максимально приближенных к

имевшим место в событии преступления [8].

Г.И. Грамович указывает, что «решая вопрос о производстве следственного эксперимента, следователь определяет целесообразность участия в нем специалиста, помощь которую он может оказать, потребность в научно - технических средствах, порядок их использования... специалист привлекается также в случаях, когда необходимы специальные знания для выработки тактики проведения эксперимента, подбора объектов для производства опытных действий, реконструкции обстановки и обстоятельств проверяемого события, проведения опытов, фиксации хода и результатов этого действия, а также оценки полученных данных» [9].

В соответствии со ст. 181 УПК России в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела, следователь вправе произвести следственный эксперимент путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события. При этом проверяется возможность восприятия каких-либо фактов, совершения определенных действий, наступления какого-либо события, а также выявляются последовательность происшедшего события и механизм образования следов. Производство следственного эксперимента допускается, если не создается опасность для здоровья участвующих в нем лиц.

Сразу после принятия решения о возбуждении уголовного дела следователь должен определить о целесообразности и возможности проведения следственного эксперимента. Для решения этого вопроса следователю может помочь специалист, который имеет возможность проконсультировать следователя о возможности реконструкции проверяемого события через длительный промежуток времени, сохранности вещественных доказательств, являвшиеся объектами судебной экспертизы, без которых проведение следственного эксперимента невозможно.

При подготовке следственного эксперимента, его организации специалист может оказать помощь следователю в следующих случаях:

- 1) при составлении плана проведения следственного эксперимента с целью проверки нескольких версий, а также в целях устранения противоречий результатов, полученных экспертизой и другими следственными действиями;
 - 2) определить порядок проведения опытов, их последовательность;
 - 3) определить тактические и технические приемы, которые позволяют установить инсценировку, самооговор, обоснованность приобщения к материалам уголовного дела вещественных доказательств, их отношение к преступлению;
 - 4) правильно подобрать лица с учетом психологических и физиологических характеристик для замещения в следственном эксперименте подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего;
 - 5) выбрать действия, направленные на обнаружение новых обстоятельств совершения преступления, доказательств;
 - 6) подобрать орудия, средства, транспортные средства для проведения следственного эксперимента, изготовить муляжи, объекты преступного посягательства;
 - 7) содействие технической фиксации хода и результатов следственного эксперимента с помощью видеозаписи, аудиозаписи.
- Видеозапись следственного эксперимента целесообразно применять:
- 1) при проверке возможности восприятия факта, явления (видимости, слышимости, при определенном освещении, с определенного расстояния);
 - 2) при проверке возможности совершения каких-либо действий вообще, или в данных условиях, или данной личностью, или за определенный промежуток времени;
 - 3) при установлении возможности существования какого-либо явления;
 - 4) при установлении отдельных деталей механизма события (преодоление расстояний за определенное время при ДТП);
 - 5) при установлении процесса образования следов события (можно ли данным орудием оставить подобный след, если не требуются специальные знания).

При проведении видеозаписи следственного эксперимента ход и результаты каждого опыта должны быть зафиксированы полностью. Смысл применения видеозаписи состоит именно в том, чтобы показать все происходящее в динамике, с максимальной полнотой и наглядностью.

Съемку следует начинать с момента зачистки следователем вводной части сценария и представления участников. Дальнейшая последовательность определяется порядком проведения опытов (зависящим, в свою очередь, от целей, тактики и вида эксперимента). Прежде всего нужно заснять обстановку производства эксперимента, затем его ход и результаты.

Если экспериментальные действия должны осуществляться в тех же условиях, в которых происходило проверяемое событие, то первоначально видеосъемкой фиксируется сама обстановка. Затем, с учетом показаний лица (потерпевшего, свидетеля, обвиняемого), осуществляется реконструкция обстановки, которая также фиксируется видеосъемкой.

Выбор главной точки фиксации определяют по трем координатам: положению проверяемого лица относительно двух неподвижных ориентиров и его росту. Они согласуются с обстановкой и условиями места проведения следственного эксперимента, учитывается также состояние зрения и слуха лица, показания которого подлежат проверке экспериментальным путем.

При установке камеры в точке съемки надо следить, чтобы положение объектива соответствовало положению глаз наблюдателя по высоте, и перспектива наблюдения через видоискатель камеры была идентична перспективе, характерной для человеческого зрения. Кроме того, важно достичь сходства условий характеризующих динамическую сторону экспериментов, для чего необходимо детально запланировать осуществление съемки с подвижной точки фиксации, например, с автомашины. Видеокамера на транспортном средстве устанавливается также по трем координатам в том месте, где ранее находился наблюдатель. Если, например, проверяется возможность человека пройти определенное расстояние за определенное время, то видеосъемка может вестись из окна движущейся параллельно автомашины средним планом.

При проверке наличия некоторых профессиональных или преступных навыков (изготовление взрывного устройства, клише фальшивых денег) видеосъемку целесообразно вести с максимальной малой скоростью записи, так как сам процесс занимает порой достаточно много времени. Вначале фиксируются применяемые лицом материалы и инструменты, затем способ изготовления необходимых приспособлений и, наконец, запечатлевается процесс непосредственного изготовления клише, взрывного устройства и т.п., их внешний вид. Изображение сопровождается вопросами следователя и пояснениями обвиняемого [10].

Участие специалиста в следственном эксперименте решает следующие задачи:

1. Установление возможности какого-либо обстоятельства, подлежащего доказыванию. В данном случае специалист имеет возможность зафиксировать результаты эксперимента и осуществить контроль над условиями, влияющими на достоверность устанавливаемых фактов, таких, как скорость ветра, освещенность и др., установить повторность проверяемых действий.
2. Определение деталей события преступления, динамики обстоятельств, составляющих это событие. В данном случае специалист сопоставляет выявленные детали, факты с установленными при первичном осмотре, судебной экспертизе.
3. Установление механизма возникновения выявленных ранее следов, указывающих на место и способ совершения преступления. В такой ситуации роль специалиста заключается в прогнозировании условий, обеспечивающих воспроизводимость следственного эксперимента.
4. Определение профессиональных или преступных навыков преступника. Эффективность участия специалиста в решении этого вопроса заключается в знании способов совершения преступлений, умении грамотно использовать криминалистические учеты, позволяющие расследовать серийные преступления.
5. Установление обстоятельств, способствующих преступлению. При решении данного вопроса в процессе следственного эксперимента специалист укажет следователю на признаки несовершенства конструкции изделия, недостатки хранения материальных ценностей.

Таким образом, роль специалиста в проведении следственного эксперимента заключается в следующем:

1. Выбор наиболее подходящего для решения определенного вопроса вида следственного эксперимента и составлении плана его проведения.
2. Разработка тактики проведения следственного эксперимента.
3. Подбор орудий, средств, предметов, изготовление муляжей, необходимых для проведения опытов.
4. Создание специальных условий, в которых наиболее целесообразно провести следственный эксперимент.
5. Воспроизведение обстановки и обстоятельств для производства опытов, расстановке и инструктаже его участников.
6. Участие в производстве непосредственно опытов с тем, чтобы они были поставлены технически грамотно.
7. Фиксация результатов следственного эксперимента.
8. Оценка результатов следственного эксперимента.

Список литературы:

1. Ароцкер Л.Е. Роль специалистов и экспертов (криминалистов и судебных медиков) при производстве следственных и судебных действий (по новым уголовно-процессуальным кодексам РСФСР и УССР). Тезисы докладов к одиннадцатой расширенной конференции Ленинградского отделения ВНОСМ и К и научной сессии Института судебной медицины МЗ СССР 27 - 30 июня 1961 г. - Москва, 1961. - С. 12.
2. Гукоская Н.И. Следственный эксперимент. - Москва, 1958. - С. 7.
3. Белкин Р.С. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. - Москва, 1964. - С. 65.
4. Мельникова Э.Б. Участие специалистов в следственных действиях. - Москва, 1964. - С. 48.
5. Винберг А.И. Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе. - Москва, 1956. - С. 71 - 72.
6. Ищенко П.П. Специалист в следственных действиях (уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты). - М., 1990. - С. 9.
7. Хилобок М.П. Участие специалиста - криминалиста в следственном эксперименте и освидетельствовании // Криминалистическая экспертиза. - М., 1966. Вып. 1. - С. 126 - 139; Циркаль В.В. Участие специалистов в подготовке и проведении следственных действий // Криминалистика и судебная экспертиза. - Киев. 1978. Вып. 17. - С. 44 - 49; Циркаль В.В. Некоторые особенности тактики допроса с участием специалиста // Криминалистика и судебная экспертиза. - Киев. 1981. - С. 51 - 54.
8. Взаимодействие следователей и экспертов - криминалистов при производстве следственных действий / Под ред. И.Н. Кожевникова. - Москва, 1995. - С. 67 - 68.
9. Грамович Г.И. Тактика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений. - Минск, 1987. - С. 31.
10. Мусиенко А.В. Применение кино съемки и видеозаписи в ходе следственного эксперимента // Проблемы повышения качества деятельности следственных аппаратов ОВД. - Волгоград, 1981. - С. 60 - 65; Газизов В.А., Филиппов А.Г. Видеозапись и ее использование при производстве следственных действий. - М., 1997. - С. 41 - 43; Приказчиков В.П., Резван А.П., Пухов Е.И., Шувалов Н.В. Тактика аудиозаписи и видеосъемки при производстве следственных действий. - Волгоград, 2000. - С. 42 - 44.

References:

1. Arotsker L.E. The role of specialists and experts (criminologists and forensic doctors) in the conduct of investigative and judicial actions (according to the new criminal procedure codes of the RSFSR and the Ukrainian SSR). Abstracts of reports for the eleventh expanded conference of the Leningrad Branch of the Russian Academy of Medical Sciences and the scientific session of the Institute of Forensic Medicine of the Ministry of Health of the USSR on June 27-30, 1961. Moscow, 1961. - p. 12.
2. Gukovskaya N.I. Investigative experiment. - Moscow, 1958. - p. 7.
3. Belkin R.S. Experiment in investigative, judicial and expert practice. - Moscow, 1964. - p. 65.
4. Melnikova E.B. Participation of specialists in investigative actions. Moscow, 1964, p. 48.
5. Vinberg A.I. Criminalistic examination in the Soviet criminal process. Moscow, 1956. pp. 71-72.
6. Ishchenko P.P. Specialist in investigative actions (criminal procedural and criminalistic aspects). - Moscow, 1990. - p. 9.
7. Khilobok M.P. Participation of a criminologist in an investigative experiment and examination // Criminalistic examination. - M., 1966. Issue 1. - pp. 126-139; Tsikal V.V. Participation of specialists in the preparation and conduct of investigative actions // Criminalistics and forensic examination. - Kiev. 1978. Issue. 17. pp. 44-49; Tsikal V.V. Some features of interrogation tactics with the participation of a specialist // Criminalistics and forensic examination. - Kiev. 1981. - pp. 51 - 54.
8. Interaction of investigators and forensic experts in the course of investigative actions / Edited by I.N. Kozhevnikov. Moscow, 1995. pp.67-68.
9. Gramovich G.I. Tactics of using special knowledge in the detection and investigation of crimes. - Minsk, 1987. - p. 31.
10. Musienko A.V. The use of cinematography and video recording during an investigative experiment // Problems of improving the quality of activities of investigative police units. Volgograd, 1981. pp. 60-65; Gazizov V.A., Filippov A.G. Video recording and its use in the production of investigative actions. Moscow, 1997. pp. 41-43; Prikazchikov V.P., Rezvan A.P., Pukhov E.I., Shuvalov N.V. Tactics of audio recording and videography during conducting investigative actions. - Volgograd, 2000. - P. 42-44.

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ НАКАЗАНИЯ MORAL PRINCIPLES IN THE EXECUTION OF PUNISHMENT

ГАЧАВА Мария Леонтьевна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин юридического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 600000, Россия, Владимирская область, г. Владимир, ул. Горького, 87.

Доцент кафедры правового обеспечения государственного и муниципального управления Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

600017, Россия, Владимирская область, г. Владимир, ул. Горького, 59а.

Email: mdoobrunina@mail.ru;

ЕГОРОВСКИЙ Константин Викторович,

магистрант Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. 600000, Россия, Владимирская область, г. Владимир, ул. Горького, 87.

Email: emalysheva75@mail.ru;

GACHAVA Maria Leontyevna,

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Law Institute of Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolay Grigorievich Stoletov, 600000, Russia, Vladimir region, Vladimir, Gorky st., 87.

Associate Professor of the Department of Legal Support of State and Municipal Administration of the Vladimir branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

600017, Russia, Vladimir region, Vladimir, Gorky st., 59a.

Email: mdoobrunina@mail.ru;

EGOROVSKY Konstantin Viktorovich,

Master's student of Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolay Grigorievich Stoletov.

600000, Russia, Vladimir region, Vladimir, Gorky st., Gorky, 87.

Email: emalysheva75@mail.ru

Краткая аннотация: В данной статье рассматриваются нравственные основы исполнения уголовных наказаний в уголовно-исполнительной системе на современном этапе. Проанализированы этические принципы, лежащие в основе исполнения наказаний, их соотношение с целями уголовно-исполнительной системы и влияние на процесс ресоциализации осужденных.

Abstract: This article examines the moral foundations of the execution of criminal penalties in the penal system at the present stage. The ethical principles underlying the execution of punishments, their correlation with the goals of the penal system and the impact on the process of resocialization of convicts are analyzed.

Ключевые слова: исполнение наказаний, осужденные, уголовно-исполнительная система, этика, этические принципы, нравственность, нравственные основы, гуманизм, гуманистические идеи, моральные принципы, этические нормы, сотрудники уголовно-исполнительной системы.

Keywords: execution of punishments, convicts, penal enforcement system, ethics, ethical principles, morality, moral foundations, humanism, humanistic ideas, moral principles, ethical norms, employees of the penal enforcement system.

Для цитирования: Гачава М.Л., Егоровский К.В. Нравственные основы при исполнении наказания // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 489-491. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_489.

For citation: Gachava M.L., Egorovsky K.V. Moral principles in the execution of punishment // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 489-491. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_489.

Статья поступила в редакцию: 03.07.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Этические нормы, вытекающие из практики исполнения наказаний, занимают центральное место в государственной уголовно-исполнительной политике, ориентированной на реабилитацию осужденных. В современном правосознании акцент смещен в сторону коррекции поведения преступников и их интеграции в общество как законопослушных граждан, что свидетельствует о дистанцировании от принципа возмездия. Основные положения гуманизма и справедливости в процессе наказания выступают важным фактором, способствующим нахождению компромиссных решений между репрессивными механизмами и гуманистическими идеалами в рамках правового государства и гражданского общества.

Историческое развитие общественного сознания и гуманистических идей является двигателем изменений в моральных устоях реализации наказаний. Системы, основывающиеся на принципах талиона и устрашения, уступили место более мягким методам, уважительно относящимся к достоинству лиц, совершивших преступления.

Системы моральных принципов исполнения наказания формировались под влиянием международных норм, закреплённых в таких документах, как Минимальные стандартные правила обращения с заключёнными ООН¹ и Европейские пенитенциарные правила². Эти положения утверждают ценность уважения к человеческой личности, запрещая применение пыток и жестоких методов обращения, а также предписывают создание условий, способствующих исправлению и ресоциализации осужденных.

Ф.В. Грушин справедливо отмечает, что нравственные начала находят свое отражение в характеристике практически всех принципов

¹ Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключёнными (Правила Нельсона Манделы) // приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 17 декабря 2015 г.) [сайт] – URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/1305346/> (дата обращения: 22.06.2025).

² Европейские пенитенциарные правила от 11 января 2006 г. [сайт] – URL: <https://docs/420361984/> (дата обращения: 22.06.2025).

уголовно-исполнительного законодательства¹.

В соответствии со ст. 8 УИК РФ к принципам уголовно-исполнительного законодательства России относятся, в первую очередь, принцип гуманизма². Гуманизм, выступающий в роли центрального принципа, подразумевает признание ценности человеческой личности, независимо от совершенных преступлений. Указанные принцип реализуется путём создания условий содержания, исключающих унижение достоинства осужденных, обеспечения медицинского обслуживания, полноценного питания и поддержания социальных связей. Следует отметить, что принцип гуманизма не подразумевает отмену наказания, но устанавливает моральные рамки для государственного вмешательства.

Справедливое исполнение наказания предполагает пропорциональность ограничений прав осужденного тяжести совершенного преступления и соответствие действующим нормам законодательства. Указанная норма требует индивидуального подхода к каждому осужденному, учитывающего личные характеристики, поведение и отношение к правонарушению, что способствует осознанию виновности и ответственности за совершенные поступки.

Принцип соблюдения прав человека при исполнении наказаний подразумевает минимизацию вмешательства в основные права и свободы осуждённых.

Согласимся с мнением О.Н. Ежовой, которая справедливо полагает, что этика сотрудников уголовно-исполнительной системы, оказывая влияние на осуждённых, формирует нравственный климат в учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания. Сотрудники УИС, обладающие высокими моральными стандартами и профессиональными навыками, способствуют реализации целей наказания³.

Моральное сознание является фундаментом профессиональной деятельности сотрудников УИС, от их моральных качеств зависит профессиональная компетентность и, следовательно, профессиональная пригодность.

Как утверждено в Кодексе этики и служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы, показателем сформированности профессиональной морали сотрудника является наличие у него «единства убеждений и взглядов в сфере профессиональной этики и служебного этикета, ориентированных на профессионально-этический эталон поведения», а также наличие «потребности соблюдения профессионально-этических норм поведения»¹.

Деятельность по воспитанию осуждённых выступает важным компонентом нравственной основы исполнения наказания, поскольку стремление воспитать уважение к обществу, стандартам поведения и труду способствует моральному обновлению осужденных; эффективность воспитательной работы определяется как профессиональными навыками сотрудников, так и атмосферой, поддерживающей положительную трансформацию в сознании осуждённых.

Формирование чувства ответственности за совершенные поступки и готовности соблюдать нормы закона после освобождения является важнейшим аспектом воспитательной деятельности, а достижение поставленных целей возможно лишь при комплексном подходе, охватывающем образовательные программы, трудовую деятельность, психологическую поддержку и социальные инициативы, при этом индивидуализированный подход к каждому осужденному, учитывающий его личные особенности и жизненный опыт, играет первостепенную роль.

Несмотря на признание важности нравственных основ исполнения наказания, практическая реализация данной концепции сталкивается с множеством препятствий: переполненность учреждений, нехватка финансирования и недостаток квалифицированных специалистов затрудняют создание надлежащих условий содержания осужденных и реализации воспитательных программ, что требует проведения системных реформ, включая развитие альтернатив лишению свободы и оптимизацию механизмов ресоциализации осуждённых.

Современные реформы уголовно-исполнительной системы акцентируют внимание на внедрении комплексных подходов к формированию нравственных основ исполнения наказаний.

Гуманизация уголовной политики и расширение применения альтернативных наказаний представляют собой ответ на запрос общества о повышении эффективности и обоснованности борьбы с преступностью. Содействие международным стандартам обращения с осужденными, оптимизация нормативной базы и улучшение прозрачности работы учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, выступают необходимыми шагами в преобразовании всей системы исполнения наказаний.

Ключевым аспектом анализируемой проблемы является создание системы социальной реабилитации и постпенитенциарной поддержки для осуждённых, освобождаемых из мест лишения свободы. Качественная помощь на этапе адаптации к новой жизни, содействие трудоустройству и восстановление социальных связей способствуют устойчивому исправлению и снижению риска рецидивов.

Проблема расхождения между формальным соблюдением нравственных норм и фактическим их исполнением остаётся актуальной в контексте исполнения наказаний. Формалистский подход к воспитательным мероприятиям, бюрократизированный подход к исправлению осуждённых и недостаток индивидуального подхода к осужденным негативно сказываются на эффективности нравственного воздействия и затрудняют достижение целей наказания.

Таким образом, нравственные основы исполнения наказаний выступают важнейшим элементом современного уголовного правосудия,

¹ Грушин Ф. В. Идеи нравственности в уголовно-исполнительном законодательстве // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право : Материалы Всероссийской научно-практической конференции к 100-летию со дня рождения профессора Александра Львовича Ременсона - юриста, ученого-пенитенциариста, педагога, основателя Томской школы исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) права, Томск, 2023. С. 73.

² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ : принят Гос. Думой 18 дек. 1996 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2, ст. 198.

³ Ежова О. Н. Профессиональная этика и служебное поведение сотрудника УИС. Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2024. С. 78.

отражая гуманистическую направленность и социальную результативность. Реализация принципов гуманизма, справедливости и уважения прав человека в процессе реализации наказаний создаёт условия для исправления осуждённых и предупреждения новых правонарушений. Комплексный подход к развитию нравственных основ исполнения наказаний включает в себя совершенствование законодательной базы, повышение квалификации сотрудников уголовно-исполнительной системы, внедрение современных методик в работе с осуждёнными и укрепление взаимодействия с гражданскими институтами.

Следовательно, нравственные принципы исполнения наказаний отражают уровень зрелости общества и государства и одновременно определяют общую эффективность осуществляемого наказания. Их дальнейшее развитие и укрепление служат основой для формирования справедливой и гуманной уголовной системы, способствующей снижению преступности и улучшению общественной безопасности.

Список литературы:

1. Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключёнными (Правила Нельсона Манделы) // приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 17 декабря 2015 г.) [сайт] – URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/1305346/> (дата обращения: 22.06.2025).
2. Европейские пенитенциарные правила от 11 января 2006 г. [сайт] – URL: <https://docs/420361984> (дата обращения: 22.06.2025).
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ : принят Гос. Думой 18 дек. 1996 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 2, ст. 198.
4. Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы: Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 11 января 2012 г. № 5 : [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70050194/> (дата обращения: 22.06.2025).
5. Грушин Ф. В. Идеи нравственности в уголовно-исполнительном законодательстве / Ф. В. Грушин // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право : Материалы Всероссийской научно-практической конференции к 100-летию со дня рождения профессора Александра Львовича Ременсона - юриста, ученого-пенитенциариста, педагога, основателя Томской школы исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) права, Томск, 27–28 апреля 2023 года. Том Выпуск 11. – Томск: Федеральное казенное учреждение дополнительного профессионального образования «Томский институт повышения квалификации работников Федеральной службы исполнения наказаний», 2023. – С. 73-75.
6. Ежова О. Н. Профессиональная этика и служебное поведение сотрудника УИС / О. Н. Ежова. – Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2024. – 164 с.

References:

1. Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (the Nelson Mandela Rules) // adopted by the UN General Assembly Resolution on 17 December 2015 [website] – URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/1305346/> (accessed on 22.06.2025).
2. European Prison Rules of 11 January 2006 [website] – URL: <https://docs/420361984> (accessed on 22.06.2025).
3. Criminal Executive Code of the Russian Federation: [federal law of 8 January 1997 No. 1-FZ: adopted by the State Duma on 18 December 1996] // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1997. – No. 2, Art. 198.
4. On approval of the Code of Ethics and Official Conduct of Employees and Federal State Civil Servants of the Penitentiary System: Order of the Federal Penitentiary Service of January 11, 2012 No. 5: [website]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70050194/> (accessed on 22.06.2025).
5. Grushin F. V. Ideas of morality in the criminal-executive legislation / F. V. Grushin // Criminal-executive system: pedagogy, psychology and law: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Professor Alexander Lvovich Remenson - lawyer, penitentiary scientist, teacher, founder of the Tomsk school of correctional labor (penitentiary) law, Tomsk, April 27-28, 2023. Volume Issue 11. - Tomsk: Federal State Institution of Additional Professional Education "Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service", 2023. - P. 73-75.
6. Ezhova O. N. Professional ethics and official behavior of a penal system employee / O. N. Ezhova. – Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2024. – 164 p.

¹ Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы: Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 11 января 2012 г. № 5: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70050194/> (дата обращения: 22.06.2025).

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_492

УДК 343.9

ПОКАЗАТЕЛИ РОССИЙСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ, СВЯЗАННОЙ С ОБМАНОМ RUSSIAN FRAUD-RELATED CRIME RATES

ПЕЙЗАК Руслан Игоревич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии
Уфимского юридического института МВД Российской Федерации.

450091, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.

E-mail: peyzak@gmail.com;

PEYZAK Ruslan Igorevich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology
The Ufa Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia.

2 Muksinova str., Ufa, Bashkortostan Republic, 450091.

E-mail: peyzak@gmail.com

Краткая аннотация. Мошенничество является одним из наиболее распространенных преступлений против собственности. Способы мошенничества совершенствуются. В условиях реформирования экономики, усложнения механизма и условий хозяйствования изменились, стали более сложными методы и способы преступных действий, связанных с обманом. В статье анализируются криминологические показатели преступности в России, связанной с обманом. Автор приводит данные о динамике и удельном весе мошенничества в общей массе зарегистрированной преступности России, что позволило спрогнозировать показатели данного вида преступности в 2025 году. В статье отмечается, что применяемых мер предупреждения преступлений, связанных с обманом, в России недостаточно, что требует от государства, правоохранительных органов и научного сообщества разработки и внедрения более эффективных мер противодействия данному виду преступности.

Abstract. Fraud is one of the most common crimes against property. Ways of fraud are being improved. In the context of economic reform, the complexity of the mechanism and conditions of management have changed, more complex methods and ways of criminal actions related to fraud. The article analyzes criminological indicators of fraud-related crime in Russia. The author provides data on the dynamics and weight of fraud in the total mass of registered crime in Russia, which allowed to predict the figures of this type of crime in 2025. The article notes that the measures applied to prevent fraud-related crimes are insufficient in Russia, which requires the state, law enforcement agencies and the scientific community to develop and implement more effective measures to fight this type of crime

Ключевые слова: преступность, показатели, состояние, удельный вес, мошенничество, прогноз, предупреждение.

Keywords: crime, indicators, status, prevalence, fraud, prediction, prevention.

Для цитирования: Пейзак Р.И. Показатели российской преступности, связанной с обманом // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 492-494. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_492.

For citation: Peyzak R.I. Russian fraud-related crime rates // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 492-494. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_492.

Статья поступила в редакцию: 03.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Системная и скоординированная деятельность, как существующих правоохранительных органов, так и государства в целом (относительно борьбы с преступностью) остается сегодня наиболее сложной и важной проблемой современной России. Структурные преобразования политических, экономических и правовых институтов сопровождаются изменениями показателей преступности в Российской Федерации.

Общественная опасность современного мошенничества определяется не столько самими преступными деяниями, сколько их последствиями. Цена мошенничества для российских граждан и предпринимателей – это не просто материальный ущерб в триллионах рублей, но и поломанные судьбы, разрушенные семьи и будущее следующих поколений. Нередко жертвы мошенничества лишаются не только своих накоплений, но и объектов недвижимости, а в последнее время не редкость, когда преступникам удается навесить на незадачливого гражданина кредит, а иногда и не один. Мошенничество в глобальном смысле дестабилизирует различные сферы экономики, препятствует реализации рыночных отношений, тормозит преобразования и реформы в экономике, а не только нарушает права собственников.

Количественные показатели данного преступления достаточно ярко демонстрируют степень общественной опасности мошенничества (приведены в схеме и таблице).

Показатели преступлений ст. 159 УК РФ Российской Федерации и ее подвиды¹

Статья 159 УК РФ и ее подвиды	Зарегистрировано преступлений	Расследовано дел	Выявлено лиц
2013	134 650	56 289	25 554
2014	131 050	43 572	24 172
2015	174 267	43 506	25 691

¹ См., например: 1. Основные статистические показатели преступности в Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 30.08.2025); 2. Судебная статистика РФ. URL: <http://stat.api-пресс.рф> (дата обращения: 30.08.2025).

2016	188 246	43 115	25 091
2017	202 622	44 074	27 131
2018	192 040	45 694	27 643
2019	219 021	45 592	26 487
2020	291 233	46 569	27 103
2021	311 211	51 614	29 007
2022	319 674	59 016	31 252
2023	433 700	36 507	37 938
2024	445 690	34 660	37 457

Анализируя данные официальной отчетности, отмечаем, что они как нельзя лучше репрезентативно характеризуют взаимосвязанные качественные критерии данного состава, т. е. характер и степень общественной опасности. Так, показатели по количеству зарегистрированных преступлений по ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации и ее подвидам в России имеют устойчивую тенденцию возрастания: в 2015 году – 174 267 (+ 33,0 %), в 2016 – 188 246 (+ 8,1 %), в 2017 – 202 622 (+ 7,6 %), в 2018 – 192 040 (5,2 %), в 2019 – 219 021 (+ 14,0 %), в 2020 – 291 233 (+ 33,0 %), в 2021 – 311 211 (+ 6,9 %), в 2022 – 319 674 (+ 2,7 %), в 2023 – 433 700 (+ 26,3 %), в 2024 – 445 690 (+ 2,7 %).

Данные статистики о количественной составляющей выявленных лиц представлены следующим образом. В России: в 2015 – 25 691 (+ 6,3 %), в 2016 – 25 091 (2,3 %), в 2017 – 27 131 (+ 8,1 %), в 2018 – 27 643 (+ 1,9 %), в 2019 – 26 487 (4,2 %), в 2020 – 27 103 (+ 2,3 %), в 2021 – 29 007 (+ 7,0 %), в 2022 – 31 252 (+ 7,7 %) в 2023 – 37 938 (+ 17,6 %), в 2024 – 37 457 (- 1,3 %).

Динамика преступности в России выражена в абсолютных числах зарегистрированных преступлений. В 2015 г. – 2 352 098, 2016 г. – 2 160 063, 2017 г. – 2 058 476, 2018 г. – 1 991 532, 2019 г. – 2 024 337, 2020 г. – 2 044 221, 2021 г. – 2 004 404, 2022 г. – 1 966 795, 2023 г. – 1 947 200, 2024 г. – 1 912 079 преступлений.

Удельный вес преступлений по ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации и ее подвидам в общей массе зарегистрированной преступности России имеет устойчивую тенденцию возрастания. Так удельный вес преступлений мошеннической направленности в 2015 году составил 7,41 % от всего количества зарегистрированных преступлений, в 2016 – 8,71 % (+ 17,54 %), в 2017 – 9,84 % (+ 12,91 %), в 2018 – 9,64 % (- 2,03 %), в 2019 – 10,81 % (+ 12,13 %), в 2020 – 14,39 % (+ 33,11 %), в 2021 – 15,53 % (+ 7,92 %), в 2022 – 16,25 % (+ 4,64 %), в 2023 – 22,27 % (+ 37,04 %), в 2024 – 23,31 % (+ 4,67 %).

Динамика количества зарегистрированных преступлений и выявленных лиц по ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации за продолжительный период с 2015 по 2024 гг. носит в основном возрастающий характер. Безусловно, нельзя забывать об индексе латентности, поскольку именно латентность данного вида преступлений не позволяет оценить реальный объем рассматриваемых преступлений. Вместе с тем, нельзя не отметить, что за 10 лет удельный вес мошеннических преступлений в России вырос более чем в 3 раза с показателя 7,41 % до 23,31 %. Недаром отмечалось некоторыми авторами, что если кража была преступлением XX века, то мошенничество однозначно станет преступлением XXI века.

Размер ущерба от кибермошенников в Республике Башкортостан вызывает беспокойство. Об этом сегодня на брифинге «Кибермошенничество. Как от него защититься» в медиацентре «Россия» заявил замначальника Управления по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД по Республике Башкортостан Азат Тимирьянов. За январь-февраль 2025 года жители Башкортостана перечислили мошенникам уже 700 млн рублей.

По его словам, в 2022 году сумма ущерба составляла около 1 млрд рублей, в 2023 – 3,1 млрд, в 2024 – 4,5 млрд рублей. За январь-февраль 2025 года граждане перечислили мошенникам уже 700 млн рублей. Азат Тимирьянов подчеркнул, что эти месяцы особенные. Из-за большого числа выходных дней активность мошенников снижается. Однако риски развития ситуации говорят о том, что сумма ущерба к концу года может превысить показатели 2024-ого¹.

Каждые сутки регистрируются порядка 25 фактов мошенничества, сумма ежедневного ущерба превышает 6,5 млн. рублей. В основном это кражи информации и денег. В республике наиболее пораженными ИТ-преступлениями остаются крупные города: Уфа, Стерлитамак, Нефтекамск, Салават, Октябрьский, Туймазинский и Ишимбайский районы².

Пресс-центр МВД России отмечает, что за семь месяцев текущего года общее количество зарегистрированных на территории Российской Федерации преступлений по сравнению с январем-июлем 2024 года уменьшилось на 2,9 %. При этом наблюдается снижение количества мошенничеств всех видов – на 1,8 %³.

Таким образом, можно прийти к выводу, что удельный вес мошенничества и всех его видов в общем количестве зарегистрированной

¹ Медиацентр «РОССИЯ». Главное – ГТРК «Башкортостан». URL: <https://gtrkrb.ru/novosti/385148-yanvar-fevral-2025-goda-zhiteli-bashkortostana-perechislili-moshennikam-uzhe-700-mln> (дата обращения: 30.08.2025).

² В Башкортостане в 2023 году зафиксировано более 18 тыс. киберпреступлений. URL: <https://www.sobaka.ru/ufa/city/city/177463> (дата обращения: 30.08.2025).

³ Информация о состоянии преступности в январе-июле 2025 года. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/informatsiya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-yanvare-iyule-2025-goda> (дата обращения: 30.08.2025).

преступности в очередной раз покажет устойчивый рост в связи с тем, что общее количество преступлений за отчетный период снизилось на 2,9%, а исследуемого вида преступлений, связанных с обманом – только на 1,8%.

При сохранении динамики снижения количества зарегистрированных случаев мошенничества ожидаются следующие показатели преступности в России в 2025 году: общее количество зарегистрированных преступлений – 1 856 628 преступлений (- 2,9 % по сравнению с 2024 годом), показатели по количеству зарегистрированных преступлений по ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации и ее подвидам в России, количество зарегистрированных преступлений по ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации и ее подвидам – 437 667 (- 1,8 % по сравнению с 2024 годом), а прогнозируемый удельный вес мошеннических преступлений в общей массе зарегистрированной преступности в 2025 году – 23,57 % (+1,13 % по сравнению с 2024 годом).

К сожалению, применяемые в Российской Федерации в настоящее время меры предупреждения преступлений, связанных с обманом, не оказывают должного влияния на исследуемый вид преступности, а их эффективность нельзя признать удовлетворительной. Подобная проблема сейчас свойственна абсолютному большинству развитых стран, граждане которых стали удобной целью для транснациональной организованной преступности, что требует от правительства, правоохранительных органов и научного сообщества разработки более эффективных и скорее всего радикальных мер противодействия преступности.

Ярким примером и в то же время доказательством влияния политики на динамику преступности служит проведение Специальной военной операции Вооруженными силами Российской Федерации на территории Украины по ее демилитаризации и денацификации с последующим изменением статистических показателей в сторону положительной динамики. Кроме того, наиболее заметное изменение динамики отразилось на современных мошеннических преступлениях.

В июле 2024 года стало известно о том, что число звонков от телефонных мошенников в Россию значительно снизилось в пять раз после ударов по украинским гидроэлектростанциям и теплоэлектростанциям, сообщили представители правоохранительных органов¹. По данным Telegram-канала Mash, данное снижение стало заметным практически сразу после отключения электроэнергии в таких крупных городах, как Днепр. Уменьшение же активности мошенников связано с отключением электричества в значимых населенных пунктах Украины, где традиционно находятся многочисленные колл-центры злоумышленников².

Список литературы:

1. Mash: Число звонков от мошенников резко упало после ударов по энергетике Украины. URL: <https://rg.ru/2024/07/19/mash-chislo-zvonkov-ot-moshennikov-rezko-upalo-posle-udarov-po-energetike-ukrainy.html> (дата обращения: 30.08.2025).
2. В Башкортостане в 2023 году зафиксировано более 18 тыс. киберпреступлений. URL: <https://www.sobaka.ru/ufa/city/city/177463> (дата обращения: 30.08.2025).
3. Информация о состоянии преступности в январе-июле 2025 года. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/informatsiya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-yanvare-iyule-2025-goda> (дата обращения: 30.08.2025).
4. Количество звонков телефонных мошенников в Россию снизилось в 5 раз после серии ударов по украинским ГЭС и ТЭЦ. URL: <https://clck.ru/3PLAPA> (дата обращения: 30.08.2025).
5. Медиацентр «РОССИЯ». Главное – ГТРК «Башкортостан». URL: <https://gtrkrb.ru/novosti/385148-yanvar-fevral-2025-goda-zhiteli-bashkortostana-perechislili-moshennikov-uzhe-700-mln> (дата обращения: 30.08.2025).
6. Основные статистические показатели преступности в Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 30.08.2025).
7. Судебная статистика РФ. URL: <http://stat.api-press.rf> (дата обращения: 30.08.2025).

References:

1. Mash: The number of calls from fraudsters dropped sharply after the strikes on Ukraine's energy sector. URL: <https://rg.ru/2024/07/19/mash-chislo-zvonkov-ot-moshennikov-rezko-upalo-posle-udarov-po-energetike-ukrainy.html> (date of request: 30.08.2025).
2. In Bashkortostan in 2023 there were more than 18 thousand. cybercrime. URL: <https://www.sobaka.ru/ufa/city/city/177463> (address date: 30.08.2025).
3. Information on the state of crime in January-July 2025. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/informatsiya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-yanvare-iyule-2025-goda> (address date: 30.08.2025).
4. The number of calls from telephone fraudsters to Russia decreased by 5 times after a series of attacks on Ukrainian hydropower plants and TEC. URL: <https://clck.ru/3PLAPA> (address date: 30.08.2025).
5. Media center «RUSSIA». Main - GTRK «Bashkortostan». URL: <https://gtrkrb.ru/novosti/385148-yanvar-fevral-2025-goda-zhiteli-bashkortostana-perechislili-moshennikov-uzhe-700-mln> (address date: 30.08.2025).
6. The main statistical indicators of crime in the Russian Federation. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (date of application: 30.08.2025).
7. Judicial statistics of the Russian Federation. URL: <http://stat.api-press.rf> (date of increase: 30.08.2025).

¹ Количество звонков телефонных мошенников в Россию снизилось в 5 раз после серии ударов по украинским ГЭС и ТЭЦ. URL: <https://clck.ru/3PLAPA> (дата обращения: 30.08.2025).

² Mash: Число звонков от мошенников резко упало после ударов по энергетике Украины. URL: <https://rg.ru/2024/07/19/mash-chislo-zvonkov-ot-moshennikov-rezko-upalo-posle-udarov-po-energetike-ukrainy.html> (дата обращения: 30.08.2025).

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ,
ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФИКСАЦИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ
CRIMINALISTIC ASPECTS OF THE INVESTIGATION OF CRIMES
IN THE FIELD OF ILLICIT TRAFFICKING IN NARCOTIC DRUGS
AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES: PROBLEMS OF QUALIFICATION,
PROCEDURAL FIXATION AND WAYS TO SOLVE THEM**

ГРАЧЕВА Олеся Александровна,

старший преподаватель кафедры криминалистики. Нижегородская академия МВД России.

603144, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3.

E-mail: olesya_leushkina@mail.ru;

GRACHEVA Olesya Aleksandrovna,

Senior Lecturer of the Department of Criminalistics.

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

603144, Russian Federation, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoe shosse, 3.

E-mail: olesya_leushkina@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются ключевые криминалистические проблемы расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. На основе анализа следственной и судебной практики выявлены типичные сложности: расхождения между ориентировочной и экспертной массой вещества, ведущие к перекалфикации; проблемы квалификации при пограничных размерах и исследовании сложных смесей; неоднозначность работы со «сетевыми количествами». Анализируются также проблемы разграничения «изготовления» и «производства» наркотиков и квалификации пересылки с целью сбыта. Предложены практические рекомендации по совершенствованию практики фиксации изъятия, взаимодействия с экспертизой, разработке методик и нормативных решений для сложных случаев.

Abstract: The article discusses the key criminalistic problems of investigating crimes related to drug trafficking. Based on the analysis of investigative and judicial practice, typical difficulties have been identified: discrepancies between the approximate and expert mass of the substance, leading to retraining; qualification problems with boundary sizes and the study of complex mixtures; ambiguity of working with "network quantities". The problems of distinguishing between the "manufacture" and "production" of drugs and the qualification of shipment for the purpose of sale are also analyzed. Practical recommendations are proposed for improving the practice of recording seizures, interacting with expertise, and developing methodologies and regulatory solutions for complex cases.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, криминалистика, расследование преступлений, процессуальная фиксация доказательств, размер наркотика, незаконное изготовление наркотиков, незаконное производство наркотиков, пересылка наркотиков, квалификация преступлений, судебная экспертиза.

Keywords: illicit drug trafficking, criminalistics, crime investigation, procedural recording of evidence, drug size, illicit drug manufacture, illicit drug production, drug transfer, crime qualification, forensic examination.

Для цитирования: Грачева О.А. Криминалистические аспекты расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: проблемы квалификации, процессуальной фиксации и пути их решения // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 495-499. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_495.

For citation: Gracheva O.A. Criminalistic aspects of the investigation of crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances: problems of qualification, procedural fixation and ways to solve them // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 495-499. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_495.

Статья поступила в редакцию: 07.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Введение. Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ представляет собой одну из наиболее масштабных и эволюционирующих угроз национальной безопасности России, характеризующуюся высокой латентностью, транснациональностью, применением сложных схем с использованием IT-технологий и постоянной модификацией способов сокрытия [1]. Несмотря на постоянное ужесточение уголовной ответственности (ст.ст. 228-228.5 УК РФ) и активизацию оперативно-розыскной деятельности, эффективность досудебного производства по данной категории дел зачастую остается невысокой. Ключевым сдерживающим фактором выступают криминалистические проблемы, возникающие на стадиях возбуждения уголовного дела, предварительного расследования и судебного следствия, связанные с процессуальной фиксацией доказательств, их оценкой и квалификацией противоправных деяний [2, с. 45].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выработки научно обоснованных криминалистических рекомендаций для преодоления этих проблем в условиях роста числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств (по данным МВД России за первое полугодие 2025 года, из незаконного оборота изъято 16 тонн наркотических средств, что подтверждает сохраняющиеся масштабы наркопреступности на фоне общего снижения преступности на 1,8%) [3].

Целью настоящей статьи является комплексный криминалистический анализ актуальных проблем расследования преступлений, связанных с незаконным изготовлением и оборотом наркотических средств и психотропных веществ, и разработка научно-практических рекомендаций по их разрешению.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Выявить и систематизировать типичные криминалистические ошибки при процессуальной фиксации размера (массы) изымаемых наркотических средств.
2. Проанализировать доктринальные и правоприменительные сложности разграничения уголовно-правовых составов «изготовления» (ч. 1 ст. 228.1 УК РФ) и «незаконного производства» (ч. 4 ст. 228.1 УК РФ) наркотиков.
3. Исследовать криминалистические и правовые коллизии квалификации пересылки наркотических средств, осуществляемой с целью их последующего сбыта.
4. Разработать и обосновать комплекс криминалистически значимых мер, направленных на совершенствование тактики следственных действий, экспертной практики и межведомственного взаимодействия.

Обзор литературы. Современная криминалистическая характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, отличается значительной вариативностью способов совершения и сокрытия: от кустарного изготовления «на коленке» до высокотехнологичного производства в скрытых лабораториях, от локального сбыта «из рук в руки» до транснациональных поставок через «даркнет» с использованием криптовалют и анонимных почтовых сервисов [4, с. 112]. Однако независимо от изощренности способа, первоначальным и критически важным этапом расследования является надлежащая процессуальная фиксация изымаемого вещества, ключевым параметром которого выступает его размер (масса). Данный признак является непосредственным квалифицирующим обстоятельством (ст. 228, 228.1 УК РФ), определяющим не только тяжесть наказания, но и подследственность уголовного дела [5, п. 14].

Материалы и методы.

В основу исследования легли:

1. Анализ следственной и судебной практики (Обзор практики ВС РФ №1 2025 г. [6]; Постановление Президиума ВС РФ №94-П25 [7]; Апелляционное постановление Московского городского суда от 12.05.2025 по делу № 22-5678/2025 [8]).
2. Систематизация типичных криминалистических проблем, выявленных в практике.
3. Криминалистический анализ уголовно-правовых норм и доктринальных подходов к квалификации составов.
4. Разработка предложений по совершенствованию практики на основе выявленных проблем.

Результаты исследования. Анализ следственной и судебной практики выявляет ряд типичных криминалистических проблем, связанных с определением размера наркотического средства и его квалифицирующего значения:

1. Расхождение между ориентировочной и экспертной массой вещества. В протоколах изъятия, составленных сотрудниками оперативных подразделений или следователями, часто указывается ориентировочная, визуально определенная масса изъятого вещества. Однако точная масса чистого наркотического средства устанавливается только в рамках судебной химической или химико-токсикологической экспертизы (ст.ст. 80, 86 УПК РФ) [9, с. 18-23]. Существенные расхождения между этими величинами (особенно в случаях, где ориентировочная масса находится на границе значительного/крупного размера, а экспертная – ниже) являются частым основанием для переквалификации действий обвиняемого в суде или даже прекращения дела [7, 8]. Защита активно использует эти расхождения для оспаривания допустимости и достоверности доказательств.
2. Проблема квалификации при пограничных размерах и неоднозначности экспертных заключений. Экспертное установление массы, находящейся в непосредственной близости от границы между размерами (например, 4,95 г. при значительном размере в 5 г. для героина), создает сложности для следствия и суда при квалификации. Отсутствие в законе «буферной зоны» или четких правил округления приводит к необоснованно строгой или, наоборот, излишне мягкой квалификации [10]. Особую сложность представляют сложные многокомпонентные смеси (например, курительные смеси «спайсы», растительное сырье с неоднозначным распределением действующего вещества), где экспертиза может установить лишь общую массу смеси и процентное содержание наркотика, но не всегда может точно определить массу чистого наркотического средства для целей квалификации по ст. 228, 228.1 УК РФ [11, с. 50-52].
3. Проблема «следовых количеств» и ее процессуальные последствия. Действующий Приказ МВД/Минздрава/Минпромторга №712/681н/2621 [12] и ведомственные инструкции не дают четкого ответа на вопрос: какие действия правомерны при изъятии вещества в количестве, заведомо недостаточном для достижения значительного размера (менее 0.1-0.5 г. в зависимости от вещества), но достаточном для его идентификации? Возникают вопросы о достаточности оснований для возбуждения уголовного дела, возможности проведения экспертизы (особенно если технически сложно или дорого), квалификации действий лица (административное правонарушение по ст. 6.8 КоАП РФ или все же уголовное деяние?) [13]. Отсутствие единообразной практики ведет к нарушениям прав граждан и неэффективному использованию ресурсов.
4. Юридические последствия определения размера. Ошибка в определении размера (массы) наркотического средства, являющегося ключевым квалифицирующим признаком, влечет неправильную квалификацию содеянного (ч.ч. 1-5 ст. 228.1 УК РФ), что является основанием для отмены или изменения приговора вышестоящими судебными инстанциями (ст. 389.15, 389.18 УПК РФ) [6, п. 14; 7]. Это подчеркивает критическую важность точного и бесспорного установления данного признака на основе экспертного заключения.

Роль судебной экспертизы в данном контексте становится абсолютно центральной. Как отмечает В.И. Кузнецов [9, с. 20], только заключение судебной экспертизы является надлежащим доказательством, подтверждающим природу изъятого вещества, его принадлежность к наркотическим средствам или психотропным веществам, и его размер (массу чистого действующего вещества). Однако и экспертиза сталкивается с объективными трудностями при работе со сложными смесями, микроколичествами и новыми синтетическими веществами [14].

Обсуждение и заключения. Криминалистические проблемы квалификации: разграничение составов и коллизии пересылки.

1. Дифференциация «незаконного изготовления» (ч. 1 ст. 228.1 УК РФ) и «незаконного производства» (ч. 4 ст. 228.1 УК РФ) наркотических средств остается одной из наиболее сложных и дискуссионных проблем в следственно-судебной практике [14, с. 65]. Отсутствие легальных дефиниций этих терминов в УК РФ порождает неоднозначность толкования и существенные различия в правоприменении [15].

Криминалистический анализ позволяет выделить следующие дифференцирующие признаки:

1) Изготовление – представляет собой действия, направленные на создание готового к потреблению наркотического средства из имеющихся исходных компонентов (растительного сырья, прекурсоров, химических реактивов) в ограниченных, небольших масштабах. Характерно использование простых, кустарных методов и подручных средств (плита, посуда, бытовая химия), отсутствие сложного специализированного оборудования. Целью может быть как личное потребление, так и сбыт в незначительном объеме [16, с. 38; 17]. Ключевой криминалистический признак – получение конечного продукта наркотического средства, пригодного к употреблению (например, синтез амфетамина из прекурсоров в домашних условиях).

2) Производство – подразумевает организованный, систематический, технологически сложный процесс создания наркотиков, часто приближенный к промышленным масштабам. Обязательные признаки: использование специализированного лабораторного оборудования (реакторы, дистилляторы, вакуумные насосы, точные весы), стандартизированные технологии, наличие помещений, приспособленных под лабораторию, нередко – привлечение наемного труда. Деятельность направлена на последующий крупный или особо крупный сбыт [18, с. 114; 19]. Верховный Суд РФ акцентирует внимание не только на оборудовании, но и на самом масштабе деятельности и ее систематичности [6, п. 21; 7].

Неправильная квалификация, например, вменение состава «производства» при наличии лишь признаков кустарного «изготовления», является существенным нарушением уголовного закона и влечет отмену или изменение приговора [13]. Для точной квалификации следствие обязано тщательно документировать обстановку места происшествия (фото-, видеосъемка, детальный протокол осмотра с фиксацией всего оборудования, реактивов, объемов сырья и готовой продукции, упаковки, записей), а также активно выявлять и фиксировать доказательства умысла виновного на масштаб деятельности и сбыт (переписка, финансовые документы, показания свидетелей, данные ОРД).

2. Квалификационная коллизия при пересылке наркотических средств. Ст. 228.1 УК РФ криминализует пересылку наркотиков исключительно как действие, совершенное без цели сбыта. Это создает серьезную криминалистическую и правовую проблему, когда лицо осуществляет пересылку наркотических средств (например, почтой, курьерской службой, через тайники-закладки) именно с целью их последующего сбыта получателем или иным лицом [11]. Буквальное толкование нормы приводит к парадоксальной ситуации: лицо, пересылающее наркотики для сбыта, несет менее строгую ответственность (ч. 1 ст. 228.1 УК РФ – «без цели сбыта»), чем лицо, непосредственно их сбывающее (ч.ч. 2-4 ст. 228.1 УК РФ). Это явно не соответствует принципу справедливости (ст. 6 УК РФ) и не отражает реальной общественной опасности деяния, направленного на расширение наркосбыта [19].

Верховный Суд РФ пытается разрешить эту коллизию, разъясняя, что пересылка наркотиков в целях сбыта должна квалифицироваться как покушение на сбыт (ч. 3 ст. 30, соответствующая часть ст. 228.1 УК РФ), но только при наличии достаточных доказательств прямого умысла виновного на сбыт именно этих отправляемых веществ [6, п. 13]. Однако доказывание такого умысла представляет значительную криминалистическую сложность. Оно требует:

1) Активного и грамотного использования оперативно-розыскных мероприятий: контроль почтовых отправлений и сообщений (ст. 8, 9 ФЗ «Об ОРД»), оперативный эксперимент, проверочная закупка до пересылки, наблюдение за отправителем и получателем.

2) Комплексного анализа цифровых следов: изучения истории переписки в мессенджерах и социальных сетях (обсуждение условий, цены, адреса доставки), истории посещения сайтов даркнета, данных о переводах криптовалют или электронных денег [14].

3) Показаний свидетелей и данных о причастности лица к незаконному сбыту наркотических средств (например, предыдущие судимости, оперативные данные).

Отсутствие единообразной практики и сложность доказывания цели сбыта при пересылке свидетельствуют о необходимости законодательного разрешения данной коллизии, возможно, путем прямого указания на пересылку с целью сбыта в диспозиции ч. 1 ст. 228.1 УК РФ или введения отдельного квалифицирующего признака.

Проведенное исследование позволило выявить и детально проанализировать ключевые криминалистические проблемы, существенно затрудняющие эффективное расследование преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и влияющие на исход дел в суде: противоречия между ориентировочной массой вещества, фиксируемой при изъятии, и точной экспертной массой, ведущие к переквалификации и оспариванию доказательств; сложности квалификации при пограничных размерах и неоднозначности экспертных заключений по сложным смесям; отсутствие четких правовых алгоритмов работы с «сетевыми количествами» наркотиков. Наряду с этим сохраняются проблемы разграничения «изготовления» и «производства» наркотиков и квалификации пересылки со сбытом.

Научно-практические рекомендации.

На основе проведенного анализа ключевых проблем предлагается следующий комплекс криминалистически значимых мер:

1. Совершенствование практики фиксации изъятия и взаимодействия с экспертизой:

– четкое и детальное протоколирование изъятия, то есть в протоколе изъятия обязательно указывать, что масса вещества определена ориентировочно, визуально. Фиксировать внешний вид, описание упаковки, предполагаемое наименование вещества. Категорически избегать указания точных цифр массы на этом этапе;

– безупречное оформление упаковки и хранения: Обеспечить надлежащую упаковку изъятого вещества, исключаящую его потерю, загрязнение или изменение свойств. Строго документировать цепочку передачи вещественного доказательства от изъявшего сотрудника следователю, а затем в экспертное учреждение;

– постановка перед экспертом четких и корректных вопросов: В постановлении о назначении экспертизы обязательно ставить вопрос не только о природе вещества, но и о массе чистого наркотического средства/психотропного вещества (если это технически возможно и необходимо для квалификации). При работе со сложными смесями – ставить вопрос о процентном содержании наркотика и общей массе смеси.

2. Критический анализ экспертного заключения следствием и судом:

– тщательно оценивать методику, использованную экспертом для определения массы, ее соответствие утвержденным методикам, обоснованность выводов, особенно в пограничных случаях или при работе со следами/смесями. При возникновении сомнений – ходатайствовать о назначении дополнительной или повторной экспертизы.

3. Разработка нормативных и методических решений для сложных случаев:

– установление четких правил для «следовых количеств»: закрепить в нормативных актах (возможно, в новом Постановлении Пленума ВС РФ) порог минимально достаточного количества вещества, при котором возможно возбуждение уголовного дела и назначение экспертизы. Разработать алгоритмы действий для случаев, когда экспертиза подтверждает наличие наркотика, но не может установить его массу из-за микроскопического количества;

– разработка и утверждение единых экспертных методик для сложных смесей: экспертным учреждениям (РЦСЭ Минюста, ЭКЦ МВД) активно разрабатывать и валидировать методики, позволяющие с достаточной точностью определять массу чистого наркотического средства в сложных многокомпонентных смесях растительного или синтетического происхождения [18];

– рассмотрение вопроса о «буферных зонах» в законе или практике ВС РФ: проанализировать возможность введения в УК РФ или судебную практику правил квалификации при экспертном установлении массы, незначительно (на 5-10%) отличающейся от границы размеров, чтобы избежать несправедливых решений.

4. Разработка и внедрение криминалистических методик для точной квалификации деяний:

– создание и утверждение СК РФ и МВД России типовых криминалистических алгоритмов (методических рекомендаций) по осмотру мест предполагаемого изготовления/производства наркотиков, включающих схемы фотофиксации и видеосъемки всех этапов осмотра;

– перечни фиксируемых признаков (тип, количество и назначение оборудования; объемы сырья, реактивов, промежуточных продуктов и готовой продукции; наличие упаковочных материалов и средств фасовки; записи, формулы, инструкции; следы технологических процессов);

– методики опроса задержанных и свидетелей для установления умысла и масштаба деятельности;

– активное привлечение комплексных судебных экспертиз (техничко-криминалистической, химической, товароведческой, экономической) не только для установления состава вещества, но и для реконструкции технологии, оценки масштаба и стадии производственного процесса, определения рыночной стоимости изъятого [18].

– систематизация и анализ судебной практики ВС РФ и региональных судов по вопросам разграничения изготовления и производства для выработки единых подходов.

5. Актуализация тактики выявления и доказывания цели сбыта при пересылке и развитие цифровых методов расследования:

– усиление межведомственного взаимодействия (СК РФ, МВД РФ, ФСБ России, ФТС России, Роскомнадзор) в сфере контроля за анонимными каналами связи и почтово-курьерскими потоками. Создание единых межведомственных баз данных по выявленным адресам и способам пересылки наркотиков;

– разработка и внедрение стандартизированных алгоритмов проведения ОРМ при перехвате подозрительных отправок (порядок проведения оперативного эксперимента, контрольной закупки после перехвата, задержания получателя/отправителя);

– интенсивное развитие компетенций следователей и оперативных работников в области цифровой криминалистики (киберкриминалистики): методы извлечения и анализа данных из мессенджеров (Telegram, WhatsApp), соцсетей, браузеров (включая Tor), методики исследования криптовалютных транзакций (блокчейн-анализ), технологии выявления и мониторинга ресурсов даркнета, специализирующихся на наркоторговле [17], привлечение специалистов-киберкриминалистов на ранних этапах расследования.

– поддержка законодательной инициативы по криминализации пересылки наркотиков с целью незаконного сбыта как самостоятельного деяния или квалифицирующего признака.

6. Совершенствование судебно-экспертной деятельности:

– активная разработка и валидация экспертными учреждениями Минюста, МВД, Минздрава России высокочувствительных методик для идентификации наркотических средств и их количественного определения в следовых количествах и сложных многокомпонентных смесях (хромато-масс-спектрометрия, ЯМР-спектроскопия) [9];

– разработка методик установления происхождения (источника) наркотиков по примесям (профилирование) для установления связей между разными партиями и преступными группами.

Выводы. Практическая значимость результатов исследования определяется разработкой конкретных, научно обоснованных рекомендаций, учитывающих реальные условия следственной и экспертной практики и направленных на:

– минимизацию рисков расхождений в определении размера наркотического средства за счет совершенствования протоколов изъятия,

правил хранения вещественных доказательств и постановки вопросов эксперту;

- повышение качества и доказательственного значения судебных экспертиз по установлению природы и массы наркотических средств, включая разработку методик для сложных случаев;
- разработку нормативных решений для «следовых количеств» и пограничных размеров;
- совершенствование методик квалификации составов и выявления наркотрафика.

Реализация предложенных мер будет способствовать укреплению законности, повышению качества предварительного расследования и, как следствие, обеспечению неотвратимости справедливого наказания за тяжкие и особо тяжкие преступления в сфере незаконного оборота наркотиков. Дальнейшие исследования целесообразно сосредоточить на разработке специализированных криминалистических методик расследования преступлений, связанных с использованием даркнета, криптовалют и новых психоактивных веществ.

Список литературы:

1. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. А.Г. Филиппова. – 6-е изд. – М.: Юрайт, 2025. – 768 с.
2. Петров, М.И. Криминалистические проблемы фиксации размера наркотических средств / М.И. Петров // Вестник криминалистики. – 2025. – № 2. – С. 45-52.
3. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–июнь 2025 года : статистический обзор / ГИАЦ МВД России. – М., 2025. – 65 с.
4. Криминалистические методики расследования наркопреступлений / С.А. Алтухов. – СПб.: Изд-во Р. Асланова, 2024. – 215 с.
5. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 30.06.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2025. – № 8.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025) : утв. Президиумом ВС РФ 28.03.2025 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2025. – № 5.
7. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 15.02.2025 № 94-П25 // СПС «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 15.07.2025).
8. Апелляционное постановление Московского городского суда от 12.05.2025 по делу № 22-5678/2025 // СПС «Судебные и нормативные акты РФ». (Дата обращения: 15.07.2025).
9. Кузнецов, В.И. Судебная экспертиза наркотических средств: научно-практическое руководство / В.И. Кузнецов. – М.: Проспект, 2025. – 198 с.
10. Борисов, С.В. Расхождения в определении массы наркотических средств: экспертные ошибки и процессуальные последствия / С.В. Борисов // Законность. – 2024. – № 11. – С. 34-40.
11. Сидорова, Е.А. Пересылка наркотиков как форма сбыта: уголовно-правовые и криминалистические аспекты / Е.А. Сидорова // Уголовное право. – 2024. – № 5. – С. 78-85.
12. Об утверждении Порядка определения размеров наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также Порядка определения сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации : приказ МВД России № 712, Минздрава России № 681н, Минпромторга России № 2621 от 27.09.2018 (ред. от 28.12.2024) // Российская газета. – 2024. – 20 янв. (№ 12).
13. Волков, Д.А. Изготовление vs производство наркотиков: критерии разграничения / Д.А. Волков // Российский следователь. – 2025. – № 3. – С. 21-28.
14. Коршунова, О.Н. Цифровые следы в расследовании наркотрафика / О.Н. Коршунова // Криминалист. – 2025. – № 1. – С. 25-33.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
16. Иванов, П.К. Осмотр мест незаконного производства синтетических наркотиков: криминалистические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук / П.К. Иванов. – М., 2024. – 230 с.
17. Цифровая криминалистика: учебное пособие / Е.П. Ищенко [и др.]. – М.: Юрлитинформ, 2024. – 340 с.
18. Анализ практики расследования преступлений в сфере НОНС за 2024 год : отчет ЭКЦ МВД России. – М., 2025. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/345678/> (дата обращения: 15.07.2025).
19. Сидорова, Е.А. Квалификация пересылки наркотиков с целью сбыта: коллизия уголовного закона и принцип справедливости / Е.А. Сидорова // Журнал российского права. – 2024. – № 7. – С. 98-110.

References:

1. Criminalistics: a textbook for universities / edited by A.G. Filippov, 6th ed. – Moscow: Yurait, 2025, 768 p.
2. Petrov, M.I. Criminalistic problems of fixing the size of narcotic drugs / M.I. Petrov // Bulletin of Criminalistics. – 2025. – No. 2. – pp. 45-52.
3. The state of crime in the Russian Federation in January–June 2025 : a statistical review / GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – M., 2025. – 65 p.
4. Criminalistic methods of investigation of drug crimes / S.A. Altukhov. – St. Petersburg: Publishing house of R. Aslanov, 2024. – 215 p.
5. On judicial practice in cases of crimes related to narcotic drugs, psychotropic, potent and poisonous substances : Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/15/2006 No. 14 (as amended on 30.06.2025) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2025. – No. 8.
6. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2025) : approved By the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 03/28/2025 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2025. – No. 5.
7. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02/15/2025 No. 94-P25 // SPS "ConsultantPlus". (Date of request: 07/15/2025).
8. The appeal decision of the Moscow City Court dated 05/12/2025 in case no. 22-5678/2025 // SPS "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation". (Date of reference: 07/15/2025).
9. Kuznetsov, V.I. Forensic examination of narcotic drugs: a scientific and practical guide / V.I. Kuznetsov. Moscow: Prospekt, 2025. – 198 p.
10. Borisov, S.V. Discrepancies in the definition of the mass of narcotic drugs: expert errors and procedural consequences / S.V. Borisov // Legality. - 2024. – No. 11. – pp. 34-40.
11. Sidorova, E.A. Drug transfer as a form of sale: criminal law and criminalistic aspects / E.A. Sidorova // Criminal law. – 2024. – № 5. – pp. 78-85.
12. On Approval of the Procedure for Determining the Size of Narcotic Drugs, Psychotropic Substances and Their Precursors, Plants Containing Narcotic Drugs or Psychotropic Substances, or Their Parts Containing Narcotic Drugs or Psychotropic Substances, for the purposes of Articles 228, 228.1, 229 and 229.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the Procedure for Determining Potent Substances for the purposes of Article 234 of the Criminal Code of the Russian Federation : Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 712, Ministry of Health of Russia No. 681n, Ministry of Industry and Trade of Russia No. 2621 dated 09/27/2018 (as amended on 12/28/2024) // Rossiyskaya Gazeta. – 2024. – January 20 (No. 12).
13. Volkov, D.A. Manufacture vs manufacture of drugs: criteria for differentiation / D.A. Volkov // Russian investigator. – 2025. – No. 3. – pp. 21-28.
14. Korshunova, O.N. Digital traces in the investigation of drug trafficking / O.N. Korshunova // Criminalist. – 2025. – No. 1. – pp. 25-33.
15. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 24.04.2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.
16. Ivanov, P.K. Inspection of places of illegal production of synthetic drugs: criminalistic aspects : dissertation of the cand. jurid. Sciences / P.K. Ivanov. – M., 2024. – 230 p.
17. Digital criminalistics: a textbook / E.P. Ishchenko [et al.]. Moscow: YurLitinform, 2024. 340 p.
18. Analysis of the practice of investigating crimes in the field of NONCE in 2024 : report of the ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow, 2025. URL: <https://мвд.рф/reports/item/345678/> (date of access: 07/15/2025).
19. Sidorova, E.A. Qualification of drug trafficking for the purpose of sale: the conflict of criminal law and the principle of justice / E.A. Sidorova // Journal of Russian Law. - 2024. – No. 7. – pp. 98-110.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_500

УДК 343.132.2

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ СТАДИИ ПОДГОТОВКИ ДЕЛА К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ FEATURES OF THE CRIMINAL PROCEDURAL FORM OF THE STAGE OF PREPA- RATION OF THE CASE FOR TRIAL WITH THE PARTICIPATION OF MINORS

ЗАЛЕСОВА Ольга Васильевна,Старший преподаватель кафедры физической подготовки ФГКУ ВО Нижегородская академия МВД России.
603022, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

E-mail: olga.zalesova.96@mail.ru;

ZALESOVA Olga Vasilyevna,Senior Lecturer at the Department of Physical Training of FGKU UVO Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
603022, 3 Ankudinovskoye highway, Nizhny Novgorod city, Russia.

E-mail: olga.zalesova.96@mail.ru;

ФИРИЗАНОВ Виктор Алексеевич,Старший преподаватель кафедры физической подготовки ФГКУ ВО Нижегородская академия МВД России.
603022, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

E-mail: firizanov_v@mail.ru;

FIRIZANOV Viktor Alekseevich,Senior Lecturer at the Department of Physical Training of FGKU UVO Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
603022, 3 Ankudinovskoye highway, Nizhny Novgorod city, Russia.

E-mail: firizanov_v@mail.ru;

РЫЖКИН Алексей Михайлович,Преподаватель кафедры физической подготовки ФГКУ ВО Нижегородская академия МВД России.
603022, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

E-mail: ryzhkinalex91@mail.ru;

RYZHKIN Alexey Mikhailovich,Lecturer at the Department of Physical Training of FGKU UVO Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
603022, 3 Ankudinovskoye highway, Nizhny Novgorod city, Russia.

E-mail: ryzhkinalex91@mail.ru;

ЛЕВИНА Юлия Николаевна,Преподаватель кафедры физической подготовки ФГКУ ВО Нижегородская академия МВД России.
603022, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

E-mail: y_saygina@mail.ru;

LEVINA Yulia Nikolaevna,Lecturer at the Department of Physical Training of FGKU UVO Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
603022, 3 Ankudinovskoye highway, Nizhny Novgorod city, Russia.

E-mail: y_saygina@mail.ru;

ЧУРАКОВ Александр Андреевич,Преподаватель (специалист) кафедры физической подготовки ФГКУ ВО Нижегородская академия МВД России.
603022, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

E-mail: a.churakov59@mail.ru;

CHURAKOV Alexander Andreevich,Lecturer (specialist) at the Department of Physical Training
of FGKU UVO Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
603022, 3 Ankudinovskoye highway, Nizhny Novgorod city, Russia.

E-mail: a.churakov59@mail.ru

Краткая аннотация. Данная статья посвящена исследованию особенностей уголовно-процессуальной формы стадии подготовки дела к судебному разбирательству с участием несовершеннолетних. Проблема процесса придания суду несовершеннолетних особенно актуальна в наше время.

Abstract. This article is devoted to the study of the features of the criminal procedural form of the stage of preparation of a case for trial with the participation of minors. The problem of the process of bringing minors to court is especially relevant in our time.

Ключевые слова. УПК РФ, предварительное расследование, стадия подготовки дела к судебному разбирательству, суд, защитник.

Keywords. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, preliminary investigation, stage of preparation of the case for trial, court, defense attorney.

Для цитирования: Залесова О.В., Фиризанов В.А., Рыжкин А.М., Левина Ю.Н., Чураков А.А. Особенности уголовно-процессуальной формы стадии подготовки дела к судебному разбирательству с участием несовершеннолетних // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 500-503. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_500.

For citation: Zalesova O.V., Firizanov V.A., Ryzhkin A.M., Levina Yu.N., Churakov A.A. Features of the criminal procedural form of the stage of preparation of the case for trial with the participation of minors // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 500-503. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_500.

Статья поступила в редакцию: 01.07.2025

Дата публикации: 03.10.2025

В период с 1966 по 1985 годы происходит рост общеуголовной преступности. Каждые пять лет наблюдается почти двукратное увеличение средних коэффициентов. К 1990–1991 годам процессы криминализации в социальной сфере достигли такого уровня, при котором государственные механизмы контроля и регулирования стали демонстрировать признаки утраты эффективности [4, С. 155].

В результате геополитических, экономических и социальных трансформаций, происходивших в Российской Федерации, были сформированы определенные негативные тенденции, одной из которых стало повышение уровня преступности. Данные изменения оказали существенное влияние на динамику преступных деяний, особенно в контексте несовершеннолетних лиц, что требует дополнительного анализа и разработки соответствующих мер социально-правовой политики.

В течение 2023 года органы дознания Нижегородской области зарегистрировали 93 уголовных дела, связанные с преступной деятельностью несовершеннолетних лиц. В рамках следственных действий, проводимых Следственным комитетом Российской Федерации, было зафиксировано 17,5 тысяч уголовных дел, в которых фигурантами выступали лица младше совершеннолетнего возраста. Из них более 7,5 тысячи дел были направлены в судебные инстанции для дальнейшего рассмотрения [2].

Уже в 2024 году в Российской Федерации было зафиксировано более 21 тысячи преступлений, совершенных несовершеннолетними лицами. Из этой категории преступников 4 тысячи лиц ранее уже совершали аналогичные деяния, а 1500 лиц имели судимости [7]. Однако следует отметить, что высокий уровень латентности преступлений и низкий уровень их раскрытия оказывают значительное влияние на официальную статистику преступности среди подростков. Согласно исследованиям ученых, эти факторы могут приводить к занижению реального количества преступлений в 3–4 раза, что искажает полную картину криминогенной обстановки среди несовершеннолетних.

Так, в течение длительного периода времени отмечалась тенденция к снижению уровня преступности среди подростков. Однако в последние годы наблюдается замедление темпов этого снижения, а в некоторые годы зафиксировано превышение предыдущих рекордов по количеству совершенных преступлений. В контексте возрастающей частоты преступлений, совершаемых несовершеннолетними, проблема подростковой преступности приобретает особую актуальность и требует детального анализа. Таким образом, проблематика преступности среди несовершеннолетних занимает важное место, поскольку она отражает уровень нравственного и социального развития молодежи. Анализ динамики и структуры преступлений несовершеннолетних служит индикатором общего состояния социальной сферы и благополучия общества. В данном исследовании подчеркивается важность применения использования превентивных и коррекционных методов воздействия на данную категорию лиц, отказываясь от исключительно репрессивных подходов. Так, особое внимание уделяется разработке и реализации комплексной стратегии, направленной на профилактику преступности среди несовершеннолетних, что предполагает формирование условий для их социально-адаптивного развития и интеграции в общество, а не только применение карательных мер.

Уголовно-процессуальный механизм характеризуется поэтапностью, что предполагает уникальное содержание и специфику функций на каждом этапе судопроизводства. В частности, досудебная стадия в контексте дел с участием несовершеннолетних требует учета особых условий, определяющих специфические черты уголовно-процессуальной формы.

Правовая регламентация в сфере уголовного процесса, связанного с несовершеннолетними, должна быть строго соответствующей установленным процедурам доказывания, предусмотренным уголовно-процессуальным законодательством. Однако, помимо этого, она обязана предусматривать и гарантировать реализацию индивидуализированного подхода к каждому несовершеннолетнему, который находится в статусе подозреваемого или обвиняемого. Такой подход является критически важным для создания условий, способствующих эффективной реабилитации и ресоциализации данного контингента.

Вместе с тем, в контексте обеспечения защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, а также минимизации потенциального вреда, законодательство предусматривает меры, направленные на исключение из процесса уголовного судопроизводства лиц, чьи действия могут нанести ущерб несовершеннолетнему. В частности, согласно ч. 4 ст. 426 УПК РФ, предусмотрено отстранение от участия в уголовном деле перечисленных выше лиц. Однако данная мера не подразумевает полное исключение из процесса всех законных представителей несовершеннолетнего. В исследовании Нуркаевой М.К. подчеркивается, что выполнение предписанных законодательством условий участия в процессе обусловлено спецификой поведения законных представителей несовершеннолетних: «законный представитель несовершеннолетнего должен удостоверить следователя и несовершеннолетнего в том, что он осознает свою роль в уголовном процессе, понимает значение своих прав и обязанностей и относится к ним добросовестно» [5, С. 39].

В контексте уголовного процесса наличие несовершеннолетнего возраста у лица, которому предъявлено подозрение или обвинение, обуславливает необходимость обязательного привлечения защитника для участия в процессе, что закреплено в п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ.

Момент вступления в процессуальную деятельность представителя и защитника несовершеннолетнего характеризуется различиями. Так, в отношении первого такой момент очерчен первым допросом несовершеннолетнего. В то же время, момент вступления защитника в процессуальную деятельность может варьироваться, что зафиксировано в ч. 3 ст. 49 УПК РФ. В частности, фактическое задержание лица и его последующее заключение под стражу могут служить основанием для вступления защитника в процесс. Однако данное основание для вступления защитника в процессуальную деятельность ограничено применением к лицам, не достигшим возраста восемнадцати лет.

Так, Райчихинский городской суд Амурской области рассмотрел обстоятельства, касающиеся применения мер пресечения в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления. Суд пришел к заключению, что наличие у подозреваемого постоянного места жительства и регистрации, добровольная явка с повинной, сотрудничество в ходе следствия, выражающееся в даче показаний о своей причастности к деянию, а также полное возмещение ущерба, причиненного потерпевшей стороне, являются ключевыми факторами, которые исключают необходимость применения заключения под стражу. Несмотря на аргументы, представленные органом дознания, в том числе негативная характеристика

подозреваемого по месту жительства, отсутствие законных источников дохода, асоциальный образ жизни и круг общения, суд принял решение, основываясь на принципе презумпции невиновности [6].

В рамках исследования досудебного производства по уголовным делам, касающимся несовершеннолетних, акцентируется внимание на специфике уголовно-процессуальной формы на данной стадии. В рамках данной тематики, Чебодаева О.Г. проводит анализ норм уголовно-процессуального законодательства, выделяя ключевые аспекты, характеризующие процедуру допроса несовершеннолетних:

– ч. 3 ст. 187 УПК РФ предусмотрено, что допрос может проводиться в течение общего срока, не превышающего восьми часов в день. Однако, в контексте защиты прав несовершеннолетних, законодатель вносит коррективы в данное положение, сокращая максимальную продолжительность допроса для данной категории лиц. Согласно ч. 1 ст. 425 УПК РФ, время допроса несовершеннолетних ограничивается до четырех часов в день, что является мерой, направленной на предотвращение негативного воздействия длительных следственных действий на психоэмоциональное состояние данной возрастной группы;

– участие квалифицированных специалистов, таких как педагог и психолог, в процессе допроса является необходимым условием для обеспечения объективности и корректности сбора сведений;

– принципиально важно присутствие защитника во время допроса, поскольку это условие признания протокола допроса законным доказательством. Следует отметить, что права защитника не ограничиваются исключительно досудебной стадией;

– участие законного представителя в процессе допроса, что обусловлено защитой прав и законных интересов представляемого лица;

– законный представитель имеет право на представление доказательств в рамках дела [9, С. 27].

В рамках уголовно-процессуального законодательства предусмотрены специфические нормы, регламентирующие участие несовершеннолетних в уголовном процессе, которые направлены на обеспечение дополнительных гарантий защиты их прав и свобод.

В рамках научного обсуждения, эксперты в области права анализируют потенциальные модификации существующего законодательства, касающиеся процедуры вызова на допрос. Данная проблематика находит свое отражение не только в теоретических исследованиях, но и в практической деятельности. К примеру, в ходе следственных действий возникают ситуации, когда несовершеннолетние потерпевшие не зарегистрированы в каких-либо детских учреждениях, в то время как их родители лишены родительских прав и, следовательно, не могут быть привлечены в качестве законных представителей для участия в допросе.

В рамках рассмотрения дела № 22-10/2019 Ростовский областной суд столкнулся с вопросом законности участия представителя органа опеки и попечительства в процессе проведения следственных действий в отношении несовершеннолетнего. Адвокат, представляющий интересы несовершеннолетнего, оспаривал правомерность такого участия, указывая на возраст подзащитного, который, по его словам, не достиг 16-ти лет, что противоречило фактическим данным. В ходе последующего разбирательства было подтверждено, что на момент проведения допроса подзащитному исполнилось полных 16 лет. Дополнительно органы опеки и попечительства предоставили информацию о том, что родители несовершеннолетнего не были лишены родительских прав. Апелляционный суд отклонил аргументы защиты о предполагаемых нарушениях уголовно-процессуального законодательства, совершенных при допросе несовершеннолетнего [1].

В рамках научного исследования Губко И.В. и Абрамкин А.Д. акцентируют внимание на методах уведомления несовершеннолетних о необходимости явки на допрос, а также на сложностях, связанных с процедурой вручения повесток. В соответствии с проведенным анализом, установлено, что повестки доставляются либо законным представителям несовершеннолетнего, либо через структуры, ответственные за учебно-образовательные процессы, в которых несовершеннолетний занят или обучается. Отмечается отсутствие законодательной нормы, обязывающей лицо, получившее повестку, ставить подпись в соответствующем документе. Несмотря на аргументы некоторых исследователей в пользу необходимости внесения изменений в законодательство, Губко И.В. и Абрамкин А.Д. подчеркивают, что такие изменения потребуют от следователя дополнительных усилий по обеспечению явки в суд и организации надежной доставки повестки до адресата [3, С. 92]. В контексте обеспечения доказательства факта получения повестки, считаем наиболее эффективным использование услуг почтовой связи с отправкой заказных писем с уведомлением. В отличие от отправки обычной корреспонденцией, которая в большинстве случаев не гарантирует присутствие несовершеннолетних и других участников процесса на допросе, заказное письмо с уведомлением обеспечивает документальное подтверждение его получения адресатом.

В соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства, в частности ст. 154 и ст. 422 УПК РФ, законодательство устанавливает обязательное разделение уголовного дела на отдельное производство в отношении несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых.

Согласно мнению Тетюева С.В., законодательное целеполагание направлено на профилактику и нейтрализацию часто встречающегося явления неправомерного влияния взрослых соучастников и других лиц на позиционирование несовершеннолетнего в контексте его участия в преступной деятельности [8, С. 78]. Это влияние может оказать существенное воздействие на формирование показаний несовершеннолетнего, что, в свою очередь, может повлиять на исход судебного разбирательства. Так, ранее исследованная невозможность рассмотрения дела в отношении несовершеннолетнего лица в особом порядке обуславливает выделение в отдельное производство уголовное дело данного лица. В случае отсутствия возможности такого выделения, несовершеннолетнему обвиняемому, который привлекается к ответственности в рамках одного уголовного дела вместе со взрослым соучастником, применяются процессуальные нормы, предусмотренные главой 50 УПК РФ (ст. 422 УПК РФ).

В завершение этапа предварительного расследования, компетентные органы проводят ознакомление несовершеннолетнего обвиняемого, его законного представителя и адвоката с полным комплектом материалов уголовного дела. Этот процесс является обязательным услови-

ем для обеспечения прав всех участников уголовного процесса. После этого, уголовное дело подлежит направлению в судебные инстанции для дальнейшего рассмотрения.

В заключение следует подчеркнуть, что в процессе предварительного расследования уголовных дел, связанных с преступлениями, совершенными несовершеннолетними, следователю необходимо строго следовать как общим, так и специальным нормативно-правовым актам, которые обеспечивают защиту прав и интересов лиц, не достигших 18-ти лет.

Список литературы:

1. Апелляционное постановление № 22-10/2019 22-6990/2018 от 17 января 2019 г. по делу № 22-10/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/KxAuvZyPqu5W/?regular-txt=&regular-case_do (дата обращения: 10.01.2025).
2. Бастрыкин назвал тревожным уровень подростковой преступности в РФ. URL: <https://tass.ru/politika/23596255> (дата обращения: 10.06.2025).
3. Губко И. В., Абрамкин А. Д. Некоторые проблемы, возникающие при вызове несовершеннолетнего потерпевшего на допрос // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. №7. – С. 90-95.
4. Долгова А. И. Криминология: краткий учебный курс / Москва: Норма: ИНФРА-М, 2025. – 368 с.
5. Нуркаева М.К. Некоторые существенные особенности предварительного расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних // Современная наука. 2022. №3. – С. 37-41.
6. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 9.
7. Следственный комитет Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1967409> (дата обращения: 10.06.2025).
8. Тетюев С.В. Выделение в отдельное производство уголовного дела в отношении несовершеннолетнего: история нормативной регламентации // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2008. №2 (102). – С.78-82.
9. Чебодаева О. Г. Особенности предварительного следствия и судебного разбирательства по делам несовершеннолетних // Символ науки. 2022. №10-1. – С. 25-28.

References:

1. Appeal Resolution no. 22-10/2019 22-6990/2018 dated January 17, 2019 in case No. 22-10/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/KxAuvZyPqu5W/?regular-txt=&regular-case_do (accessed: 01/10/2025).
2. Bastrykin called the level of juvenile delinquency in the Russian Federation alarming. URL: <https://tass.ru/politika/23596255> (date of appeal: 06/10/2025).
3. Gubko I. V., Abramkin A.D. Some problems that arise when calling a minor victim for questioning // Humanities, socio-economic and social sciences. 2024. No. 7. pp. 90-95.
4. Dolgova A. I. Criminology: a short training course / Moscow: Norm: INFRA-M, 2025. 368 p.
5. Nurkaeva M.K. Some essential features of the preliminary investigation of criminal cases against minors // Modern science. 2022. No. 3. – pp. 37-41.
6. Review of the practice of consideration by courts of petitions for the choice of a preventive measure in the form of detention and for the extension of the period of detention: approved by the Government of the Russian Federation. By the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 18.01.2017 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2017. № 9.
7. The Investigative Committee of the Russian Federation. URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1967409> (date of application: 06/10/2025).
8. Tetyuyev S.V. Separation into separate proceedings of a criminal case against a minor: a history of regulatory regulation // Bulletin of SUSU. Series: Law. 2008. No. 2 (102). pp.78-82.
9. Chebodaeva O. G. Features of the preliminary investigation and judicial proceedings in juvenile matters // Symbol of Science. 2022. No. 10-1. – pp. 25-28.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_504

УДК 343

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ PECULIARITIES CRIMINAL LIABILITY MINORS

ГРИНЬКО Сергей Дмитриевич,кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Мелитопольского государственного университета.

ул. Ленина, 20, г. Мелитополь.

E-mail: grinko-skags@yandex.ru;

GRINKO Sergei Dmitrievich,

PhD in Law, associate professor, Head of the Department of Criminal Law disciplines

Melitopol State University.

Lenin St., 20, Melitopol.

E-mail: grinko-skags@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье анализируется уголовное законодательство об ответственности несовершеннолетних лиц, отмечаются особенности назначения наказаний и их виды, а также проблемы назначения наказаний и профилактической работы с несовершеннолетними.

Abstract. The article analyzes criminal law on liability of minors, features of sentencing and their types, as well as problems sentencing and preventive work with minors.

Ключевые слова: особенности, гуманизация, ответственность, наказания, воспитание, профилактика.

Keywords: peculiarities, humanization, a responsibility, punishment, education, prevention.

Для цитирования: Гринько С.Д. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 504-506. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_504.

For citation: Grinko S.D. Peculiarities criminal liability minors // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 504-506. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_504.

Статья поступила в редакцию: 07.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

В Российской Федерации ежегодно совершается в среднем 41548 преступлений несовершеннолетними, выявляется и привлекается к уголовной ответственности 37953 несовершеннолетних. При этом удельный вес данной категории преступлений относительно всего количества преступлений, регистрируемых в стране составляет 3,9 % [1].

Согласно статьи 87 Уголовного кодекса Российской Федерации несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет. Преступление, совершенное такими лицами, влечет за собой обязательную реакцию государства, заключающуюся в применении наказания с целью исправления несовершеннолетнего преступника и предотвращения совершения им новых преступлений.

Часть 2 статьи 87 УК РФ предусматривает применение в отношении несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, применение принудительных мер воспитательного воздействия.

Статья 88 УК РФ содержит перечень видов наказаний, назначаемых несовершеннолетним лицам за совершение ими преступлений, позволяющих индивидуализировать санкцию в точном соответствии с тяжестью совершенного деяния: штраф; лишение права заниматься определенной деятельностью; обязательные работы; исправительные работы; ограничение свободы; лишение свободы на определенный срок.

Законодатель не предусматривает применение в отношении несовершеннолетних таких видов наказаний, как: принудительные работы; арест и пожизненное лишение свободы, в силу особого социального и правового положения несовершеннолетних лиц, а также гуманного отношения к категории несовершеннолетних со стороны государства.

Специалисты в области уголовного права выделяют ряд особенностей в подходе к назначению наказаний в отношении несовершеннолетних. Так, Н. А. Селезнева, проводя анализ уголовно-правовых норм, приходит к выводу, что среди шести видов наказания, предусмотренных УК для несовершеннолетних, реально им могут быть назначены четыре, из которых штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью и исправительные работы применимы только к тем подросткам, которые имеют работу; из чего следует, что единственным наказанием, которое может быть применено к несовершеннолетним, является лишение свободы [2, с. 24].

Статья 89 УК РФ закрепляет особенности законодательного регулирования назначения наказания несовершеннолетним преступникам. Ч. 1 ст. 89 УК РФ указывает, что при назначении наказания несовершеннолетнему, кроме обстоятельств, предусмотренных ст. 60 УК РФ, подлежат учету условия его жизни и воспитания, уровень психического развития, иные особенности личности, а также влияние на него старших по возрасту лиц.

В то же время, материалы не только уголовных дел, но и материалы находящиеся в Комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП) не содержат сведений, позволяющих достоверно представить реальное положение несовершеннолетнего, отразить условия жизни и воспитания несовершеннолетнего.

В результате проведенного анализа 87 уголовных дел в отношении 100 осужденных по различным категориям преступлений несовершеннолетних, был сделан вывод о том, что в приговорах судьями делалась ссылка на учет условий жизни и воспитания подростка лишь в отно-

шении 32 % лиц. В 14 % случаев в приговорах отсутствовали данные, характеризующие условия жизни и воспитания осужденных несовершеннолетних. В отношении 9 % лиц судом учитывались отдельные обстоятельства, характеризующие семью осужденного и условия его жизни: наличие братьев и сестер, отношения осужденного подростка с родителями (конфликтные/неконфликтные), факт злоупотребления алкогольными напитками родителями. В отношении 3 % несовершеннолетних в приговорах имеет место ссылка суда следующего содержания: «не занимается воспитанием сына/дочери».

При назначении наказания несовершеннолетним судьями в достаточной степени не реализуется на практике учет ни одного из обстоятельств, закрепленных в ст. 89 УК РФ, составляющих особенности назначения наказания несовершеннолетним [3, с. 15].

Социальная нестабильность и социальная незащищенность граждан, кризисное состояние экономики, бессистемно проводимые реформы в области здравоохранения, социального обеспечения, науки, культуры, образования, и ряде других областей особо сказываются на преступности несовершеннолетних. В свою очередь рост преступности несовершеннолетних возрос в 67 раз относительно данной категории граждан от общего числа населения Российской Федерации [4, с. 212].

Суд, при назначении наказания ссылается на несовершеннолетний возраст преступника, а также на то, что деяние фактически не представляет высокой общественной опасности и в конкретном случае цель исправления может быть достигнута без назначения реального срока лишения свободы несовершеннолетнему.

Бесспорно, что при нормальном, человеческом понимании, а юридическом – обязательно, будет кощунством проявлять гуманное отношение, даже если это несовершеннолетний, за совершение разбойных нападений, бандитизм, сексуальные извращения, причинение тяжкого вреда здоровью, убийства ради завладения деньгами на бутылку водки либо на приобретение наркотиков и другие тяжкие, либо особо тяжкие преступления [5, с. 21].

Часть 2 ст. 89 УК РФ предусматривает, что возраст несовершеннолетнего учитывается в качестве смягчающего обстоятельства в совокупности с другими смягчающими иотягчающими обстоятельствами.

Ряд авторов указывают на двусторонний баланс принципа гуманизма: с одной стороны – это обеспечение безопасности человека от преступных посягательств, что исходит из нравственной позиции, выражающей признание ценности человека как личности, стремление к его благу как цели общественного процесса, а с другой стороны – обеспечение прав человека, совершившего преступление, что связано с гуманным отношением к виновным лицам при реализации норм, предусматривающих уголовную ответственность за совершенные ими преступные деяния [6, с. 28].

Одной из возможностей освобождения несовершеннолетнего лица от уголовной ответственности, за совершение преступлений небольшой или средней тяжести, служит применение к нему принудительных мер воспитательного воздействия, под которыми следует понимать закрепленные в ч. 2 ст. 90 УК РФ меры государственного принуждения, а именно: «предупреждение; передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; возложение обязанности загладить причиненный вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего». В ч. 3 ст. 90 УК РФ законодатель предусмотрел возможность одновременного назначения нескольких из вышеперечисленных мер воспитательного воздействия сроком от одного месяца до двух лет при совершении преступления небольшой тяжести и от шести месяцев до трех лет при совершении преступления средней тяжести.

Здесь мы видим явные признаки гуманизации уголовного закона в попытке индивидуализации мер с целью эффективного исправления виновного, однако практика показывает, что суды не спешат избирать в отношении несовершеннолетних принудительные меры воспитательного воздействия, ввиду определенных проблем назначения и применения. Так, Е. А. Антонян указывает на то, что, несмотря на гуманизацию назначения уголовного наказания в отношении несовершеннолетних, которую мы наблюдаем в последние годы, лишение свободы продолжает занимать ведущее место среди всех видов уголовно-правового воздействия [7, с. 15]. Следует заметить, что в постановлении Пленума Верховного Суда от 01.02.2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», содержится рекомендация для судов о порядке и условии передачи несовершеннолетних под надзор: «суд должен убедиться в том, что родители или лица, их заменяющие, имеют положительное влияние на несовершеннолетнего, правильно оценивают содеянное им и могут обеспечить его надлежащее поведение и повседневный контроль за ним».

В свою очередь суд исследует материалы, характеризующие личность несовершеннолетнего, его семейно-бытовые условия, а также характеристики лиц, его окружающих, опираясь лишь на данные содержащиеся в материалах уголовного дела. Как следует из приведенного выше примера, такие сведения, как правило, отсутствуют в материалах уголовного дела, зачастую по упущению следователей и сотрудников КДН и ЗП. Также Верховный Суд РФ разъяснил, что органы КДН и ЗП наделены полномочиями по обращению в суд в целях защиты прав несовершеннолетних, в том числе и с заявлением об отмене принудительных мер воспитательного воздействия, что на практике происходит нечасто [8].

На сегодняшний день об эффективности деятельности и роли в судьбе несовершеннолетнего органов КДН и ЗП говорить не приходится, поскольку существует неопределенность полномочий и дублирование с иными органами государственной профилактики, входящими в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, наделенными полномочиями в соответствии с Федеральным законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ.

Содержание статей уголовного закона закрепляющих правовой статус несовершеннолетних часто расходится с реальной практикой правоприменения. Так, при назначении наказания суды не опираются в достаточной степени на учет обстоятельств закрепленных в ст. 89 УК РФ.

Эта проблема стоит гораздо острее, этих материалов нет в деле потому, что данные материалы попросту не собираются уполномоченными органами. На сегодняшний день вопроса касающегося полномочий тех или иных органов и учреждений, на которые возлагаются соответствующие полномочия не стоит. Каждый из органов и учреждений владеет полномочиями и сводом регламентов, положений и инструкций по сбору необходимой информации, проведению профилактических мероприятий и своевременной передаче достоверной информации в суды.

Под профилактическими мероприятиями понимаются меры по предупреждению правонарушений, антиобщественных деяний, беспризорности несовершеннолетних лиц и т.д. Однако, данные меры, полномочия, компетенции не исполняются соответствующими субъектами здравоохранения, образования, социального обеспечения и т.д. В связи с этим суды не получают достаточной информации о личности несовершеннолетнего и данные сведения часто отсутствуют в материалах уголовного дела [9, с. 87].

Следует указать тот факт, что суд при избрании в отношении несовершеннолетнего наказания должен руководствоваться принципом индивидуализации. Это значит, что необходимо учитывать все отягчающие и смягчающие обстоятельства в равной мере, а также наряду со степенью и характером общественной опасности учитывать обстоятельства, характеризующие личность виновного несовершеннолетнего преступника. При индивидуализации и дифференциации наказания суд должен применять наказания соизмеримо характеру и степени общественной опасности содеянного, не допустить излишней жестокости и необоснованного гуманизма.

Мнения некоторых ученых, гуманистов о том, что все приговоры в отношении несовершеннолетних должны подлежать смягчению, поскольку лишение свободы не сдерживает преступность, достойны уважения. Однако анализ уголовных дел свидетельствуют о том, что рецидив среди несовершеннолетних получивших реальные сроки лишения свободы гораздо ниже, чем среди условно осужденных несовершеннолетних.

Список литературы:

1. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 20.12.2022 г.).
2. Селезнева Н. А. Наказания, назначаемые несовершеннолетним по уголовному праву РФ // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. - 2003. - № 1. - С. 22-28.
3. Долматов А. О. Особенности назначения уголовного наказания несовершеннолетним (анализ практики) // Вестник Томского государственного университета. Право. - 2012. - № 3. - С. 12-19.
4. Андрищенко Л. Н., Ведерникова О. Н., Максудов Р. Р., Мелешко Н. П. и др. Ювенальная юстиция в Российской Федерации: криминологические проблемы развития. - С.-Пб., 2006. - 787 с.
5. Чечель Г. И. Спорные вопросы назначения наказания несовершеннолетним // Общество и право. - 2011. - № 3. - С. 18-25.
6. Бадмаева Б. Б., Дондиков Ц. С. Принцип гуманизма в уголовном законодательстве Российской Федерации // Вестник ЗабГУ. - 2012. - № 10. - С. 26-32.
7. Антонян Е. А. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы назначения и применения // Lex Russia. - 2018. - № 9. - С. 14-19.
8. Прокуратура выявила нарушения законодательства о защите прав несовершеннолетних в деятельности уполномоченных органов Пристенского района. Новости прокуратуры. <http://prokurskobl.ru/4496.html> (дата обращения: 21.12.2022 г.).
9. Серебренникова А. В., Лебедев М. В. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних в Российской Федерации // Криминальная ситуация и антикриминальное законодательство: проблемы криминологической обусловленности закона. - М., 2020. - С. 81-88.

References:

1. Portal legal statistics Prosecutor General's Office RF. <http://crimestat.ru/analytics> (date of the application: 20.12.2022 g.).
2. Selezneva N. A. Punishment, assigned to minors in criminal law RF // Messenger RUDN. Series: Legal Sciences. - 2003. - № 1. - P. 22-28.
3. Dolmatov A. O. Purpose features criminal punishment minor (practice analysis) // Messenger Tomsk State University. Right. - 2012. - № 3. - P. 12-19.
4. Andryushchenko L. N., Vedernikova O. N., Maksudov R. R., Meleshko N. P. i dr. Juvenile justice in the Russian Federation: criminological problems development. - S.-Pb., 2006. - 787 p.
5. Chechel G. I. Controversial issue sentencing minor // Society and law. - 2011. - № 3. - P. 18-25.
6. Badmaeva B. B., Dondikov C. S. The principle of humanism in criminal law Russian Federation // Messenger ZabSU. - 2012. - № 10. - P. 26-32.
7. Antonyan E. A. Coercive measures educational impact: problems of purpose and application // Lex Russia. - 2018. - № 9. - P. 14-19.
8. The prosecutor's office revealed violations of the law on the protection of the Rights of minors in the activities of authorized bodies Pristenskii district. News prosecutors office. <http://prokurskobl.ru/4496.html> (date of the application: 21.12.2022 g.).
9. Serebrennikova A. V., Lebedev M. V. Peculiarities criminal liability minors in the Russian Federation // Criminal situation i anti-crime legislation: problems criminological conditionality of the law. - M., 2020. - P. 81-88.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ КОЛИЧЕСТВЕННО-КАЧЕСТВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПРЕСТУПНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ЛИЦ QUANTITATIVE AND QUALITATIVE STATISTICAL DATA CRIME RATES OF STUDENTS

АЙСХАНОВА Екатерина Султановна,

И. о. зав. к.э.н. доцент кафедры «Уголовное право, процесс и национальная безопасность»
Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова.
364024, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Асланбека Шерипова, 32.
E-mail: k-a-2011@mail.ru;

ДИКАЕВ Ихсан Висханович,

магистрант юридического факультета кафедры «Уголовное право, процесс и национальная безопасность»
Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова.
364024, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Асланбека Шерипова, 32.
E-mail: Dikaev 95@mail.ru;

AISKHANOVA Ekaterina Sultanovna,

Acting Head, PhD in Economics, Associate Professor Department of Criminal Law, Process and National Security
Akhmad Kadyrov Chechen State University Grozny, Russia.
32 Aslanbek Sheripov str., Grozny, Russia, 364024, Chechen Republic.
E-mail: k-a-2011@mail.ru;

DIKAEV Ikhsan Viskhanovich,

Master's Student, 3rd Year, Faculty of Law Department of Criminal Law, Process and National Security
Akhmad Kadyrov Chechen State University Grozny, Russia.
32 Aslanbek Sheripov str., Grozny, Russia, 364024, Chechen Republic.
E-mail: Dikaev95@mail.ru

Краткая аннотация: Важную роль в криминологической безопасности РФ играют показатели преступности (качественно-количественные). Криминальные угрозы, существующие в образовательных учреждениях, делятся по следующим различиям, по объекту угроз, по форме воздействия, по целенаправленности, по величине ущерба, по возможности возникновения, по причинам проявления, по форме воздействия, по ущербу, по масштабу распространения.

Abstract: An important role in the criminological security of the Russian Federation is played by crime indicators, both qualitative and quantitative. Criminal threats existing in educational institutions are classified according to several criteria: by the object of threats, by the form of impact, by purposefulness, by the degree of damage, by the likelihood of occurrence, by the causes of manifestation, by the form of influence, by the extent of harm, and by the scale of dissemination.

Ключевые слова: криминология, безопасность, статистические данные, качественные показатели, количественные показатели.

Keywords: criminology, security, statistical data, qualitative indicators, quantitative indicators.

Для цитирования: Айсханова Е.С., Дикаев И.В. Статистические данные количественно-качественных показателей преступности обучающихся лиц // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 507-510. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_507.

For citation: Aiskhanova E.S., Dikaev I.V. Quantitative and qualitative statistical data crime rates of students // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 507-510. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_507.

Статья поступила в редакцию: 02.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Как считают многие авторы, основной угрозой национальной безопасности является подрыв нац. интересов с помощью агрессии направленной иностранными государствами в сторону России. Такие действия являются детерминантом коррупции в сфере образования.

Внешними угрозами являются:

- отрицательные перемены международных и дипломатических связей, смена положительного взаимодействия стран на негативное, агрессивное в мире. Опасность вражды политиков заключается в нежелании признавать дипломы и сертификаты, выданные за рубежом, из-за того, что их переманивают на более высокий уровень образования и предлагают лучшие условия труда; вместо терпимого отношения к иностранцам начинается массовая пропаганда жестокости и жестокости по отношению к своим врагам, которая проводится среди учащихся и студентов.

- изменения в мировой экономике, ценах и внешней торговле, рост вывоза капитала из страны, а также зависимость от импортных товаров и нехватка финансирования национальных проектов - всё это негативно влияет на развитие российской системы образования. В то или иное время, несмотря на все эти факторы, российская система образования находится в состоянии стабильного существования и развития.

Предупреждение преступности в учебных заведениях является ключевым приоритетом, на достижение которого необходимо сосредоточить все усилия и ресурсы.

Это действительно серьезная проблема. Принятие соответствующих законов и подзаконных актов, направленных на борьбу с преступностью в образовательных учреждениях, играет важную роль в обеспечении безопасности и создании благоприятной образовательной сре-

ды. Такие меры могут включать в себя установление процедур контроля, обучение персонала, разработку программ профилактики и другие действия, направленные на предотвращение и реагирование на преступные действия.

Подростки остро чувствуют несправедливость и подвержены влиянию других людей, что способствует преступникам создавать агрессивные настроения у подростков. В то же время молодежный экстремизм, распространяющийся среди молодежи, представляет серьезную угрозу для безопасности учебных заведений.

Суицид в наше время стал тоже очень актуальной проблемой среди учащихся. Смертельное воздействие - это процесс, направленный на то, чтобы побудить человека совершить самоубийство или совершить попытку самоубийства. В настоящее время из наиболее действенных мер борьбы с детскими суицидами является изменение уголовного законодательства, а также создание дополнительных механизмов по противодействию им.

Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" предоставляет возможность для молодых людей получить дополнительное образование в сфере творчества. Он призван развивать творческие способности детей и взрослых, удовлетворять их индивидуальные потребности в интеллектуальном, моральном и физическом развитии, а также способствовать воспитанию здорового и безопасного образа жизни и организации их свободного времени. Этот закон позволяет создавать дополнительные учебные учреждения, а также предоставляет государственную поддержку в рамках программ дополнительного образования. Это существенно облегчает доступ к дополнительному образованию в сфере творчества для детей и молодых людей.

1) Угрозы современного мира, к которым отнесены:

1) Большое количество изменений в образовании, часто не обоснованы. Советская система образования подверглась коренным изменениям, например, отмене специалитета и переходу на бакалавриат и магистратуру.

2) Требования к учащимся повышаются в связи с запросом гос. стандартов и гос. требований, что ведет к тому, что завышенные требования не позволяют должным образом, усвоить образовательную программу. Это все ведет к потере обучающихся желания учиться и склонности оставить учебу.

3) Технологический прогресс принес нам плюсы и минусы. Ограниченный бюджет у родителей может побудить молодого человека к совершению преступлений ради приобретения дорогостоящего современного оборудования.

Подводя итог вышесказанному:

В последние годы все больше внимания уделяется вопросам обеспечения криминологической безопасности в образовательных организациях. Криминологическая безопасность предполагает создание условий, которые обеспечивают защиту учащихся, педагогов и других работников образовательных организаций от различных видов преступлений и правонарушений.

В рамках криминологической безопасности в образовательных организациях осуществляется работа по предупреждению и пресечению преступлений, защите прав детей, созданию безопасной и благоприятной образовательной среды. К основным мерам по обеспечению криминологической безопасности относятся контроль за посещаемостью учащимися, организация видеонаблюдения, проведение мероприятий по профилактике правонарушений и преступлений.

Криминологическая безопасность в образовательных организациях является важным аспектом образовательной системы Российской Федерации, поскольку она содействует созданию условий для успешного обучения и развития детей и молодежи, которые являются основными субъектами образовательного процесса.

Ответственность за преступление может наступить с 14 лет. Можно определить нижнюю возрастную границу, где как правило лицо учится в 8м и более старшем классе.

Обучающиеся после школы лица (17-21 года) это лица верхней возрастной границы.

В последнее время стали частыми преступления обучающихся, связанные с употреблением наркотических препаратов или психотропных веществ, разбоев и умышленных причинений тяжкого вреда здоровью.

По данным ученых-криминологов В. Н. Бурлак, Н. М. Кропачёва, преступность молодых людей, которые обучаются в вузах, выглядит так: убийство (более 1% от общего числа преступлений), разбой (около 60%), кражи (не более 1%) и уничтожение имущества (не более 2%).

По нашему мнению, подростки совершают эти преступления для того, чтобы выглядеть более богатыми и успешными, чем они есть. Такова природа человека и человеческой сущности, а также особое значение имеет юный возраст обучающихся.

Криминология определяет личность преступника как совокупность негативных факторов, которые сформировались в процессе взаимодействия человека с другими индивидами.

Личность обучающегося преступника - это совокупность определенных социальных, социально-психологических и психологических признаков человека, получившего образование и осужденного за совершение преступления, которые влияют на его поведение в преступной ситуации.

Личность обучающегося-преступника состоит из следующих обязательных признаков:

1) индивидуальность личности;

2) возрастные показатели наступления уголовной ответственности (с 14 лет);

3) отсутствие длительного или временного нарушения психического состояния, а также отсутствие умственной отсталости или других патологических состояний психики;

- 4) вина в совершении опасных действий, за которое следует уголовное наказание;

Признаки структуры личности преступника:

I. Социально-типологическая характеристика - это совокупность социально значимых признаков личности, относящих ее к определенному социальному кругу.

На основании данных которые мы изучали мужским полом совершается преступлений больше чем женским.

Чем выше образование, тем более развита культура личности, а значит и ее жизненные цели. Согласно официальным данным, представленным Росстатом можно сделать следующее сравнение, лица совершающие насильственные действия чаще всего не имеют достойный уровень образования, но это не относится к лицам, кто совершают преступления в сфере экономики, присвоения и растраты.

Важно, что в российском законодательстве предусмотрено право осужденных на получение высшего образования. В исправительно-трудовых учреждениях осужденные получают образование:

- 1) лицо, не достигшее 30 летнего возраста в обязательном порядке должно получить общее образование;

- 2) оказывая содействие осужденному, администрация исправительного учреждения должна поспособствовать в получении осужденным лицом высшего образования.

Помимо этого, педагогическую и воспитательную работу проводят не только школы и училища, но также и родители, высокий образовательный уровень семьи позволяет детям получить достойные знания. Недостаток знаний о правилах поведения и условиях для отклонения от нормы объясняется низким уровнем образования родителей, а также низким уровнем культуры самих детей.

Исследовав 90 % детей с психическими отклонениями, было установлено, что более 70 % из них воспитывались неполными родителями. Кроме того, некоторые из этих родителей пили, ссорились и устраивали потасовки.

Не то, чтобы образование гарантировало снижение преступности, но в некоторых случаях оно помогает сократить количество преступлений.

Согласно данным официальной статистики, каждый третий случай преступления, совершенного несовершеннолетними, является преступлением, которое было совершено не учащимся (виновник либо работал или не учился), либо не обучался.

К сожалению многие дети, не имеют желания проходить обучение в школе, это может быть спровоцировано такими факторами как, неимение возможности продолжать обучение, необходимостью начать работу, в недостаточном уровне организации психологической работы с подростками.

Важное значение имеет семья как для обыкновенного человека, так и для преступника. Преступники, которые не имеют полной семьи, совершают преступление чаще обучающихся с полной семьей.

Домашняя атмосфера играет большую роль в формировании личности ребенка. Конфликтные ситуации, насилие, принуждение все это может привести к серьезным последствиям.

Согласно статистическим данным большинство несовершеннолетних преступников имеют неблагополучные семьи и плохое окружение, что приводит к формированию негативных убеждений, агрессивному поведению и проблемам с адаптацией и социализацией.

Требуются совместные усилия со стороны всего общества - государства, образовательных и воспитательных учреждений, родителей для воспитания молодежи.

Дружба имеет важный элемент в жизни ребенка, в садике, школе, училище институте, дети не нашедшие поддержки родителей будут искать ее у друзей. В этом случае окружение может подтолкнуть ученика к преступному поведению, поощряя его.

Одноклассники могут быть побудителями к совершению преступления не только на уроках, но и вне школы. Криминологические исследования показали, что около 70 процентов молодых людей с уголовным прошлым характеризуются отрицательно со своего места учебы.

У представителей преступного сообщества чаще всего присутствует зависимость к алкоголю, сигаретам, присоединению к нелегальным студенческим объединениям. Однако интерес к спорту, творчеству и творческой деятельности у людей позитивного поведения значительно меньше, чем в случае с людьми с позитивными наклонностями.

В зависимости от того, получают ли они высшее образование или среднего образования, преступники могут быть классифицированы по разным основаниям. Для классификации правонарушителей необходимо выделить основание - внешний и внутренний критерий.

Внутренний критерий – это все то, что помогает раскрыть личность правонарушителя со стороны внешних факторов, а также типология учащихся, которые раскрываются с внутренней стороны личности.

Внешние критерии, позволяющие выделить различные категории, включают в себя категоризацию преступлений, совершаемых учениками.

Преступления, совершаемые несовершеннолетними преступниками можно разделить по видам посягающим на:

- 1) жизнь и здоровье;
- 2) свободу, честь достоинство.
- 3) семью и несовершеннолетних.
- 4) собственность.
- 5) экономическую деятельность;
- 6) общественную безопасность.

- 7) безопасность транспортного движения и его эксплуатации.
- 8) безопасность компьютерной информации;

Вариация общественной и педагогической оценки характера обучающегося, совершившего преступление, отобразится в соответствии с тем, к каким мнениям и оценкам индивида, содеявшего преступное деяние, приходят представители социума, включая педагогов его учебного заведения.

Преступники - это подростки в возрасте от 16 до 17 лет, достигшие 18-летнего возраста, в 30 % случаев находящиеся в семьях с одним или несколькими родителями, в 64% случаев имеющие положительное отношение к занятиям спортом и курению, в 87,5 % случаев проявляющие нейтральное отношение к спортивным занятиям, в 75% случаев отрицающие употребление алкоголя и табака, в 75 % случаев безразличные ко всему, что связано с учебой, в 72 % случаев отрицательно относятся к курениям. Данная классификация является прикладной и может использоваться при разработке методик борьбы с преступностью, совершаемой студентами и школьниками в учебных заведениях.

Методология борьбы с преступностью основывается на данной классификации с возрастными параметрами преступников 16-17 лет, достигших 18 лет, у которых в 30% процент случаев наблюдается проживание с одним или с несколькими родителями и положительное отношение к спорту и курению в 64% случаев, при этом 87,5% испытуемых выказали нейтральное отношение к спортивным занятиям и 75% опрошенных отвергают употребление алкоголя и табака, а также состоят в числе 75% предъявляющих равнодушие к образовательному процессу и 72%, относящихся отрицательно к курению. Студентам и школьникам предназначены разработанные профилактические методики, которые способствуют предотвращению правонарушений в образовательных средах.

Качественно-количественные показатели преступности среди обучающихся лиц являются важным аспектом анализа социальной динамики. Качественные показатели включают в себя характеристики преступлений, такие как тип преступления, мотивация, их частота и т. д. Они помогают понять контекст и особенности преступности среди обучающихся.

С другой стороны, количественные показатели предоставляют данные о числе преступлений, статистике по возрасту, полу, социальному статусу и другим параметрам. Эти показатели позволяют проводить сравнительный анализ, выявлять тенденции и определять эффективность принимаемых мер по предотвращению преступности среди обучающихся.

Список литературы:

1. Зеленков М.Ю. Теоретико-методологические проблемы теории национальной безопасности Российской Федерации: монография. М.: Юридический институт МИИТА, 2013. С. 58.
2. Конкин В.С. Национальная безопасность современной России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2012. - № 6. - С. 60-63.
3. Костин В.И. Современные угрозы безопасности России // Электронный научный журнал «Современные проблемы науки и образования». 2012. №3. С. 84: <http://www.science-education.ru/103-6540> (дата обращения: 01.02.2014).
4. Качество уголовного закона. Проблемы Особенной части: монография / Бимбинов А.А., Воронин В.Н., Парог А.И. / отв. ред. А.И. Парог. М.: Проспект, 2017. С. 226-227.
5. Алексеев А.И. О зигзагах уголовной политики // Проблемы реализации уголовной политики Российской Федерации на региональном уровне: Сборник научных трудов. Ставрополь: Изд. СКГТУ, 2018. С. 14.
6. Антонян Ю.М. Этнорелигиозный экстремизм. М.: Статус, 2018. С. 218.
7. Криминология: учебное пособие. Стандарт третьего поколения / авт. кол.: В.Н. Бурлаков, В.В. Вандышев, И.В. Волгарева и др. ; под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. СПб.: Питер, 2013. С. 219-220.

References:

1. Zelenkov, M. Yu. (2013). *Theoretical and Methodological Problems of the Theory of National Security of the Russian Federation: Monograph*. Moscow: Legal Institute of MIIT, p. 58.
2. Konkin, V. S. (2012). *National Security of Modern Russia*. *Bulletin of Saratov State Law Academy*, No. 6, pp. 60–63.
3. Kostin, V. I. (2012). *Modern Threats to Russia's Security*. *Electronic Scientific Journal "Modern Problems of Science and Education"*, No. 3, p. 84. Available at: <http://www.science-education.ru/103-6540> (accessed: 01.02.2014).
4. Bimbinov, A. A., Voronin, V. N., & Rarog, A. I. (2017). *Quality of Criminal Law: Problems of the Special Part: Monograph*. Moscow: Prospekt, pp. 226–227.
5. Alekseev, A. I. (2018). *On the Zigzags of Criminal Policy*. In *Problems of Implementing Criminal Policy of the Russian Federation at the Regional Level: Collection of Scientific Papers* (pp. 14). Stavropol: SKGTU Publishing.
6. Antonyan, Y. M. (2018). *Ethnoreligious Extremism*. Moscow: Status, p. 218.
7. *Criminology: Textbook, Third Generation Standard* (2013). V. N. Burlakov, V. V. Vandyishev, I. V. Volgareva et al.; edited by V. N. Burlakov, N. M. Kropacheva. St. Petersburg: Piter, pp. 219–220.

ЦИФРОВАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК СОВРЕМЕННЫЙ ФЕНОМЕН: ПОНЯТИЕ, СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА DIGITAL CRIME AS A MODERN PHENOMENON: CONCEPT, STATE AND DYNAMICS

КРАПЧАТОВА Ирина Николаевна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса,
ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет».

125993, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6.

E-mail: crimlaw2007@yandex.ru;

ЦВЕТКОВ Владислав Алексеевич,

преподаватель кафедры уголовного права и процесса,
ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет».

125993, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6.

E-mail: crimlaw2007@yandex.ru;

KRAPCHATOVA Irina Nikolaevna,

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure,
Russian State University for the Humanities.

125993, Russia, Moscow, Miuskaya square, 6.

E-mail: crimlaw2007@yandex.ru;

TSVETKOV Vladislav Alekseevich,

Lecturer of the Department of Criminal Law and Procedure, Russian State University for the Humanities.

125993, Russia, Moscow, Miuskaya square, 6.

E-mail: crimlaw2007@yandex.ru;

Краткая аннотация. В статье авторами рассмотрены подходы к определению преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и различные точки зрения на существование феномена цифровой преступности. Исследованы статистические данные и сделаны выводы о состоянии этого вида преступности в Российской Федерации. Также по результатам анализа предложены некоторые изменения, которые, могут оказать положительный эффект в сфере борьбы с рассматриваемыми деяниями.

Abstract. In the article the authors consider approaches to the definition of crimes committed using information and telecommunication technologies, and various points of view on the existence of the phenomenon of digital crime. Statistical data are examined and conclusions are drawn about the state of this type of crime in Russia. Also, based on the results of the analysis, some changes have been proposed that may have a positive effect in the field of combating the acts in question.

Ключевые слова: цифровая преступность, преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, количественные показатели преступности, структура преступности, средства и способы совершения цифровых преступлений, преступления в сфере компьютерной информации, прогнозирование.

Key words: digital crime, crimes committed using information and telecommunications technologies, quantitative indicators of crime, crime structure, means and methods of committing digital crimes, crimes in the field of computer information, forecasting.

Для цитирования: Крапчатова И.Н., Цветков В.А. Цифровая преступность как современный феномен: понятие, состояние и динамика // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 511-516. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_511.

For citation: Krachatova I.N., Tsvetkov V.A. Digital crime as a modern phenomenon: concept, state and dynamics // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 511-516. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_511.

Статья поступила в редакцию: 21.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

За последнее десятилетие цифровизация проникла практически во все сферы деятельности человека и общества. При этом, развитие информационно-коммуникационных технологий влечет за собой увеличение возможных угроз для безопасности, как граждан, так и общества и государства в целом [2]. Специалисты также справедливо отмечают, что «эти процессы носят не только положительный характер, но и, к сожалению, имеют негативную составляющую, связанную с тем, что преступники активно внедряют новые способы и средства совершения противоправных деяний» [16, с. 701]. В свою очередь, это «обстоятельство не могло не отразиться на характеристиках современной преступности, о чем наглядно свидетельствуют результаты криминологического анализа ее количественных и качественных показателей» [14, с. 60].

Стоит сказать, что в научной литературе существуют различные мнения о том, как целесообразно называть тот вид преступлений, которые совершаются с использованием различных информационных технологий, например: «преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий» [23, с. 279], «киберпреступления», [24, с. 298], «цифровые преступления» [15, с. 109; 25, с. 126] и др.

В этой связи можно согласиться с Д. А. Коневым, который, проведя в своей диссертации анализ различных точек зрения, отмечает, что «на доктринальном уровне пока еще не сложилось единого подхода к определению этого вида преступлений» [13, с. 28].

А. В. Серебrenникова, в свою очередь, считает, что «происходит возникновение «новой» преступности, обладающей специфическими признаками информационной эпохи» [19, с. 426]. Аналогичного мнения придерживается К. Н. Евдокимов, обосновывая в своей работе теорию «анекселенктотичной (неконтролируемой) технотронной преступности», «которая представляет опасность практически для всех социально значимых общественных отношений» [10, с. 14].

В настоящее время в научной литературе предлагается использовать для ее определения более широкое понятие, а именно: цифровая преступность, которая также трактуется по-разному [9, с. 218; 11, с. 23; 17, с. 131; 18, с. 25; 20, с. 89]. Так, в частности, стоит выделить дефи-

нию Ю. А. Воронина, рассматривающего ее как криминологическую категорию и соответствующее явление [8, с. 76].

Нормативно-правовые документы оперируют различными терминами: «противоправные деяния, совершенные с использованием информационно-коммуникационных технологий» [3], «преступления, совершенные с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» [4], «преступления, совершенные с использованием (применением) информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации» [5].

Разделяя точку зрения О. В. Синчурина, который подчеркивает, что «для любого криминологического исследования преступлений определенного вида первостепенный интерес представляют их количественные показатели – состояние и динамика» [21, с. 95], рассмотрим их подробнее.

Динамика преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (далее ИТТ) [6], представлена в таблице 1.

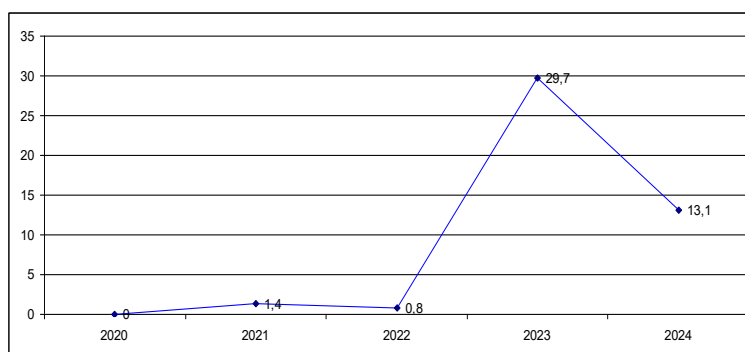
Таблица 1

Год	Количество	Абсолютный прирост	Темп роста (+, - , в %)	Темп прироста (+, - , в %)
2020	510396	-	-	-
2021	517722	7326	101,4	1,4
2022	522065	4343	100,8	0,8
2023	676951	154886	129,7	29,7
2024	765365	88414	113,1	13,1

Необходимо отметить, что в 2024 г. на фоне снижения общего числа совершенных преступлений (-6,5 %), количество данных преступных деяний существенно возросло: на 49,96 %. Средний темп прироста анализируемых преступлений за 2020-2024 гг. составил 11,25 %.

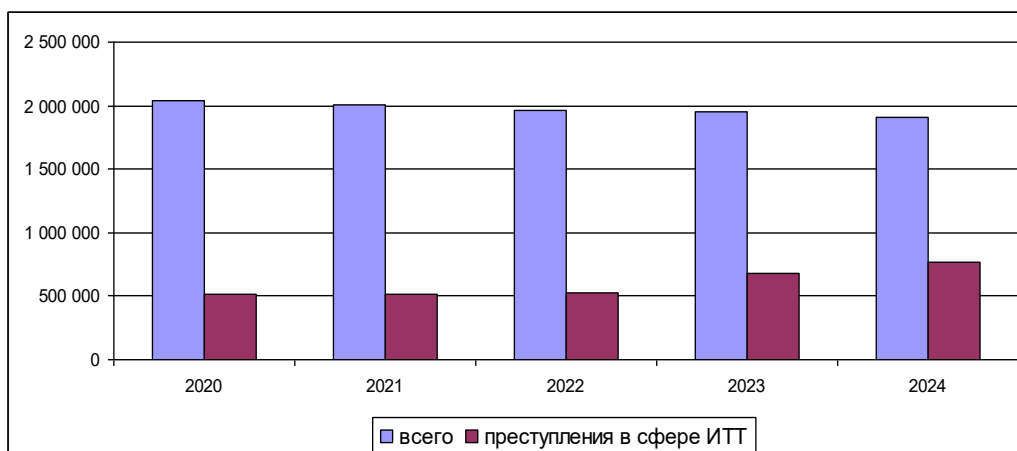
Динамика темпа прироста представлена на рисунке 1.

Рисунок 1

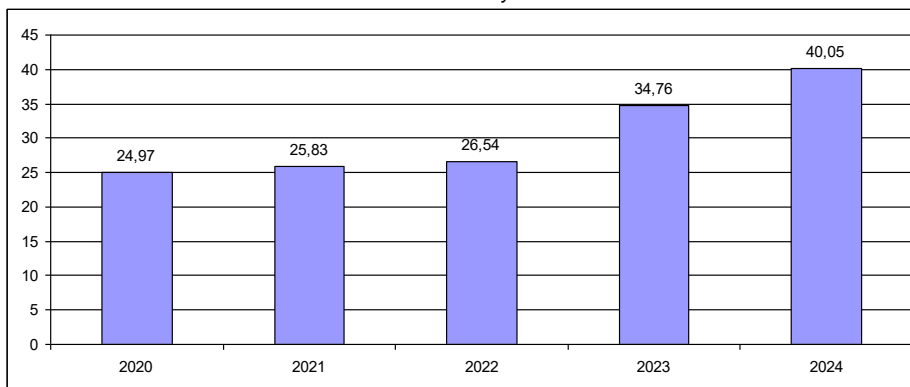
Преступления, совершенные с использованием ИТТ, довольно значительное место в общей системе преступности. Их соотношение представлено на рисунке 2.

Рисунок 2

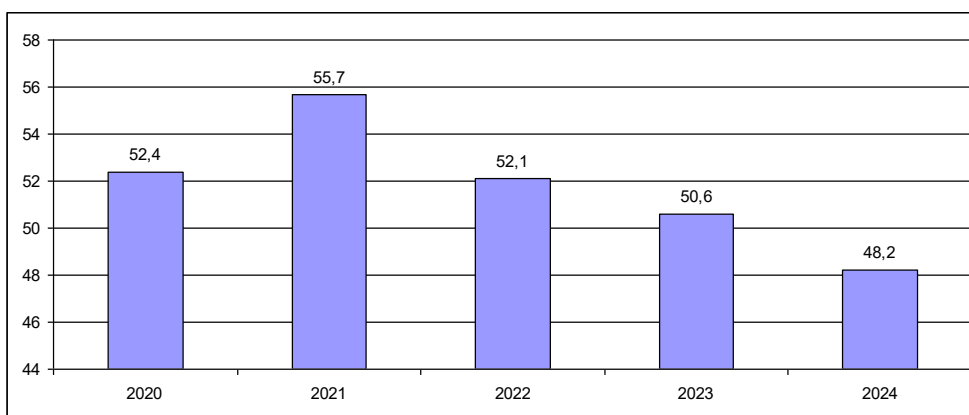
Изменение удельного веса данных преступлений представлено на рисунке 3.

Рисунок 3

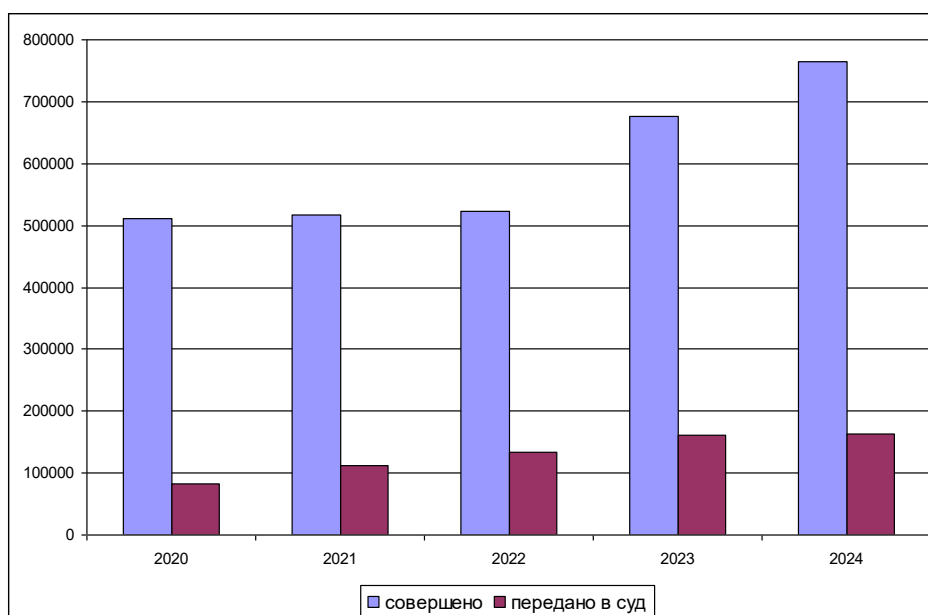
За 5 лет (2020-2024 гг.), удельный вес рассматриваемых преступлений в среднем не превышал 30,3 % от общего числа всех зарегистрированных преступлений. Однако обращает на себя внимание тот факт, что наблюдается устойчивая тенденция к росту: с 24,97 % в 2020 г. до 40,05 % в 2024 г. При этом свыше половины совершенных преступлений относились к тяжким и особо тяжким, их доля представлена на рисунке 4.

Рисунок 4

Число уголовных дел, направленных в суд, в 2024 г. выросло по сравнению с 2020 г. на 95,5 %. При этом имеется довольно большой разрыв между этим показателем и общим количеством преступлений, совершенных с использованием ИТТ: в 2020 г. они составили 16,3 %, в 2021 - 21,5 %, в 2022 - 25,6 %, в 2023 - 23,8 %, в 2024 г. - 21,2 %. Их соотношение представлено на рисунке 5.

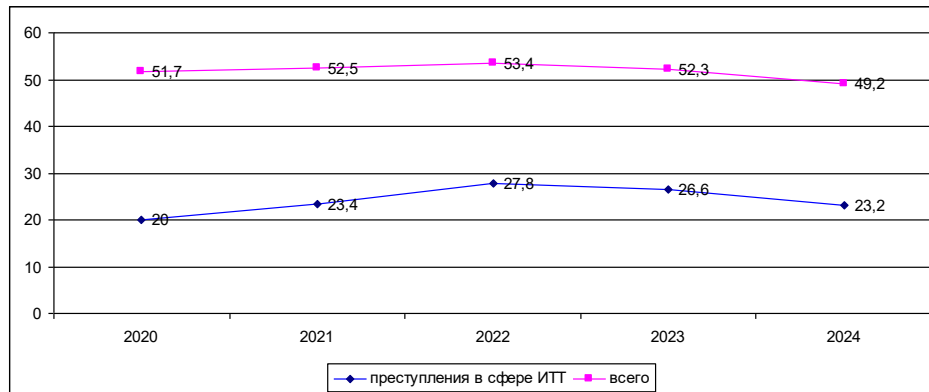
Рисунок 5

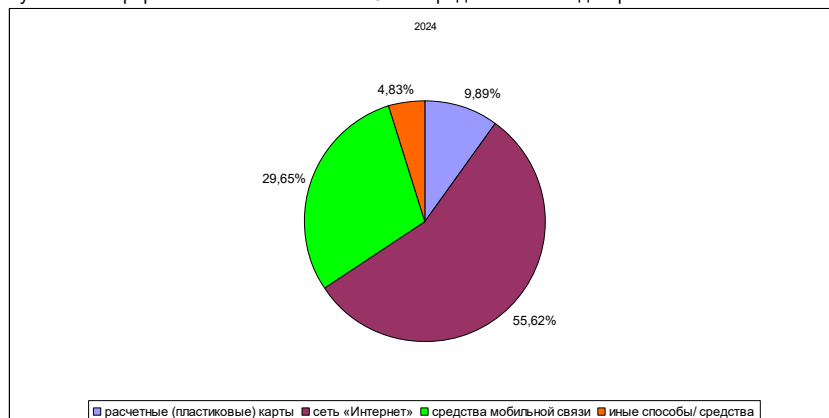
Процент раскрываемости исследуемых преступлений по сравнению с общим относительно невелик: в 2024 г. – 23,2 %, в 2020 г. 20 %, что более чем в два раза меньше, чем средний по всем преступлениям. При этом основная часть этих преступлений выявляются органами внутренних дел: в 2020 г. они составили 98,6 %, в 2021 - 98,8 %, в 2022 - 98,7 %, в 2023 - 98,8 %, в 2024 г. - 98,7 %.

Динамика и соотношение уровня раскрываемости представлены на рисунке 6 ниже.

Рисунок 6

Структура преступности в сфере использования ИТТ в 2024 г. представлена на диаграмме ниже.

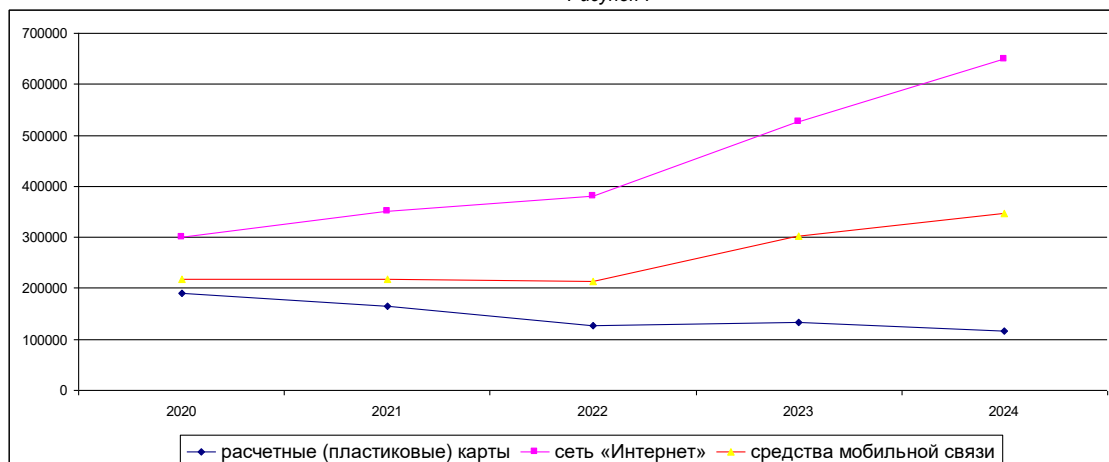
Исходя из статистики, в качестве основных средств/способов совершения данных преступлений, можно выделить:

- 1) сеть «Интернет»: в 2020 г. 58,8 %, в 2024 г. уже 84,8 %;
- 2) средства мобильной связи: в 2020 г. 42,9 %, в 2024 г. - 45,2 %;
- 3) расчетные (пластиковые) карты: в 2020 г. - 37,3 %, в 2024 г. - 15,1 %.

В качестве иных способов в статистике учитываются деяния, которые совершены с использованием компьютерной техники, программных средств и фиктивных электронных платежей.

Изменение количества преступлений в зависимости от средств/способов совершения представлено на рисунке 7.

Рисунок 7

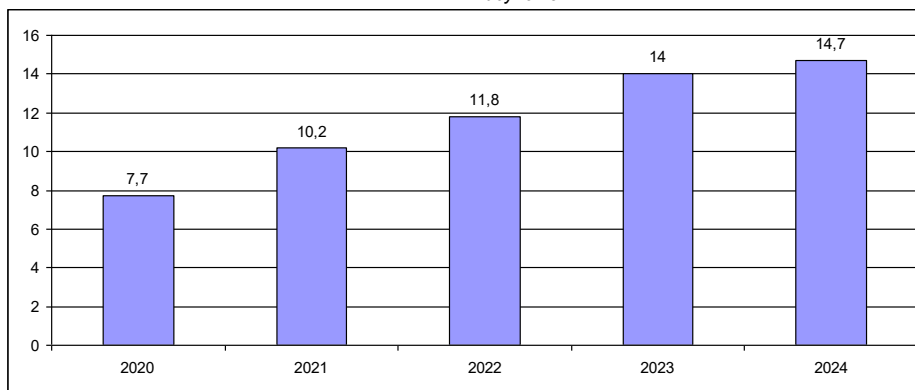

При анализе конкретных видов деяний, за период 2020-2024 гг. в структуре рассматриваемых преступлений можно выделить следующие, которые преобладают: 1) мошенничество – его доля в среднем за 5 лет составила 47,9 %; 2) кража – ее удельный вес в среднем составил 22,4 %; 3) незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества – в среднем их доля составила 11,3 % за 5 лет.

При этом хотелось бы обратить внимание, что в структуре рассматриваемых деяний преступления в сфере компьютерной информации занимали довольно незначительное место: в 2020 г. – 0,9 %, в 2021 г. – 1,3 %, в 2022 г. – 1,9 %, в 2023 г. – 5,5 %, однако в 2024 г. наблюдается значительный рост: их удельный вес составил 13,8 %. Одним из объяснений данного факта может быть то, что «отличительными признаками преступлений в сфере компьютерной информации являются «высокая квалификация» лица, совершающего подобные преступления, а также инструмент или орудие совершения преступления и сокрытия его следов» [12, с. 79].

Согласно статистическим данным, можно сделать вывод, что количество лиц, совершивших преступления с использованием ИТТ, в 2024 г. по сравнению с 2020 г. выросло практически в 2 раза (на 49,4 %), причем их процент в общем числе выявленных лиц, также увеличился: с 7,7 % в 2020 г. до 14,7 % в 2024 г. Динамика их удельного веса за последние 5 лет представлена на рисунке 8.

Рисунок 8

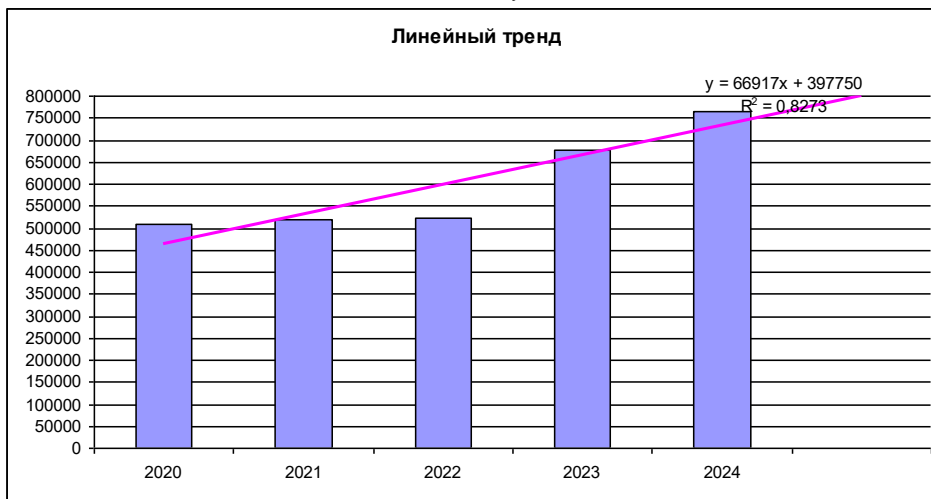

За период с 2020 по 2024 гг. в среднем на одного выявленного приходилось 6,6 зарегистрированных преступлений в данной сфере.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

Имеющиеся данные статистики позволяют предположить дальнейший рост количества преступлений, совершаемых с использованием ИТТ. Прогноз на 2025 г. представлен на рисунке 9.

Рисунок 9

С учетом того, что величина достоверности аппроксимации R^2 составляет 0,8273, то прогноз в целом можно считать достаточно достоверным. Это подтверждается и статистическими данными: число официально учтенных преступлений, совершенных с использованием ИТТ, в январе-июне 2025 г. составило 371393, что на 0,7 % больше чем за аналогичный период 2024 г. [7].

Поддерживая мнение, что для борьбы с данным видом преступности основной задачей «является максимально полное выявление и точная фиксация всех обнаруженных фактов такого рода» [22, с. 135], предлагаем привести существующие правовые нормы, определяющие эти преступления, к единым формулировкам, что позволит более качественно исследовать их статистику.

Кроме того, представляется разумным в статистической отчетности выделять отдельно преступления, совершенные посредством использования ИТТ, и преступления, в сфере компьютерной информации, т.к. это различные уголовно-правовые категории.

Для формирования более полной картины о состоянии данного вида преступности, целесообразно выделять отдельную судебную ста-

тистику, отражающую результаты рассмотрения соответствующих уголовных дел, как для коррупционных преступлений.

В заключении отметим, что цифровая преступность представляет собой сложный криминологический феномен, борьба с которым требует больших усилий, поскольку технологии продолжают совершенствоваться, в связи с чем, создание государственной информационной системы, предназначенной для борьбы с данными деяниями [1], должно положительно повлиять на ситуацию.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 07.04.2025, № 14, ст. 1574.
2. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 05.07.2021, № 27 (часть II), ст. 5351.
3. Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2024 № 4154-р «Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий» // Собрание законодательства РФ, 13.01.2025, № 2, ст. 76.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 3, март, 2023.
5. Указание Генпрокуратуры России № 462/11, МВД России № 2 от 25.06.2024 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // Режим доступа: https://rulaws.ru/acts/Ukazanie-Genprokuratury-Rossii-N-462_11,-MVD-Rossii-N-2-ot-25.06.2024/ (дата обращения: 10.04.2025).
6. Состояние преступности в России за 2020-2024 гг. // Режим доступа: <https://mvd.rf/folder/101762> (дата обращения 10.04.2025).
7. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-июнь 2025 года // Режим доступа: <https://media.mvd.ru/files/application/13467874> (дата обращения 28.07.2025).
8. Воронин Ю. А. Преступления в сфере обращения цифровой информации и их детерминанты // Викимология. – 2020. – № 1(23). – С. 74-83.
9. Григорьева А. Е., Петрова Ю. М. О развитии понятия «цифровая преступность» по материалам международных договоров и соглашений // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 12(228). – С. 216-218.
10. Евдокимов К. Н. Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика: автореферат дис. ... доктора юрид. наук. М., 2022. 73 с.
11. Ишчук Я. Г., Пинкевич Т. В., Смольянинов Е. С. Цифровая криминология. – Москва: Академия управления МВД России, 2021. – 244 с.
12. Каримов А. М. Преступления в сфере компьютерной информации и преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий: сравнительно-правовой аспект // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2023. – Т. 14, № 1(51). – С. 75-82.
13. Конев Д. А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере цифровых технологий: диссертация ... кандидата юридических наук. – Омск, 2022. – 206 с.
14. Павловская Н. В., Соколов Д. А., Литвинов А. А. Преступность в сфере информационно-телекоммуникационных технологий и результаты борьбы с ней // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2022. – № 6(92). – С. 60-71.
15. Перина А. С. «Цифровые преступления»: понятие, типология, признаки // Юридический вестник Самарского университета. – 2023. – Т. 9, № 3. – С. 106-115.
16. Рогова Е. В. Коррупция в условиях цифровизации общественных отношений // Baikal Research Journal. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 701-709.
17. Романовский В. Г. Цифровая преступность: понятие, криминологические особенности, проблемы противодействия // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2024. № 3. – С. 123-136.
18. Сахабудинова А. С., Корчагин А. Г. Цифровая преступность: причины, виды, тенденции преступности, личность преступника, меры противодействия // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 8(224). – С. 25-28.
19. Серебренникова А. В. Криминологические проблемы цифрового мира (цифровая криминология) // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14, № 3. – С. 423-430.
20. Сидорова Е. З., Усов Е. Г. Цифровая преступность: понятие, криминологическая характеристика, предупреждение (часть 1) // Сибирский юридический вестник. – 2024. – № 2(105). – С. 89-93.
21. Синчуринов О. В. Служебные преступления коррупционной направленности, совершаемые в сфере государственных (муниципальных) закупок, и их предупреждение: диссертация ... кандидата юридических наук. – Саратов, 2024. – 256 с.
22. Скобликов П. А. Стратегия борьбы с киберпреступностью: должное и сущее // Сибирское юридическое обозрение. – 2025. – Т. 22, № 1. – С. 128-146.
23. Унукович А. С. Понятие преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Государственная служба и кадры. – 2021. – № 4. – С. 278-280.
24. Шестаков В. А., Чеботарь А. С. О современных тенденциях преступлений, совершенных посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации в Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2024. – № 2(57). – С. 294-300.
25. Шутова А. А. Понятие, система и признаки цифровых преступлений // Правопорядок: история, теория, практика. – 2024. – № 4(43). – С. 122-128.

References:

1. Federal Law No. 41-FZ dated 01/04/2025 "On the Creation of a State information system for Countering Offenses Committed using Information and Communication Technologies and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 07/04/2025, No. 14, art. 1574.
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 02/07/2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 05/07/2021, No. 27 (Part II), art. 5351.
3. Decree of the Government of the Russian Federation dated 30/12/2024 No. 4154-r "On approval of the Concept of the State system for Countering Unlawful Acts committed using information and communication technologies" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 13/01/2025, No. 2, art. 76.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 15/12/2022 No. 37 "On certain issues of judicial practice in criminal cases of crimes in the field of computer information, as well as other crimes committed using electronic or information and telecommunications networks, including the Internet" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 3, March, 2023.
5. Instruction of the Prosecutor General's Office of Russia No. 462/11, the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 2 dated 25/06/2024 "On the introduction of lists of articles of the Criminal Code of the Russian Federation used in the formation of statistical reports" // Access mode: https://rulaws.ru/acts/Ukazanie-Genprokuratury-Rossii-N-462_11,-MVD-Rossii-N-2-ot-25.06.2024/ (date of access 10.04.2025).
6. The state of crime in Russia for 2020-2024 // Access mode: <https://mvd.rf/folder/101762> (date of access 10.04.2025).
7. The state of crime in the Russian Federation for January-June 2025 // Access mode: <https://media.mvd.ru/files/application/13467874> (date of access 28.07.2025).
8. Voronin Yu. A. Crimes in the field of digital information circulation and their determinants // Victimology. – 2020. – No. 1(23). – pp. 74-83.
9. Grigorieva A. E., Petrova Yu. M. On the development of the concept of "digital crime" based on the materials of international treaties and agreements // Agrarian and land law. – 2023. – No. 12(228). – pp. 216-218.
10. Evdokimov K. N. Countering computer crime : theory, legislation, practice: abstract of the dissertation... Doctor of Law. - Moscow, 2022. - 73 p.
11. Ishchuk Ya. G., Pinkevich T. V., Smolyaninov E. S. Digital criminology. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. - 244 p.
12. Karimov A.M. Crimes in the field of computer information and crimes committed using information and communication technologies: a comparative legal aspect // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – Vol. 14, No. 1(51). – pp. 75-82.
13. Konev D. A. Criminological security and its provision in the field of digital technologies: dissertation ... Candidate of Law Sciences. - Omsk, 2022. - 206 p.
14. Pavlovskaya N. V., Sokolov D. A., Litvinov A. A. Crime in the field of information and telecommunication technologies and the results of combating it // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. – 2022. – No. 6(92). – pp. 60-71.
15. Perina A. S. "Digital crimes": concept, typology, signs // Law Bulletin of Samara University. – 2023. – Vol. 9, No. 3. – pp. 106-115.
16. Rogova E. V. Corruption in the context of digitalization of public relations // Baikal Research Journal. – 2023. – Vol. 14, No. 2. – pp. 701-709.
17. Romanovsky V. G. Digital crime: concept, criminological features, problems of counteraction // News of higher educational institutions. The Volga region. Social sciences. 2024. No. 3. - pp. 123-136.
18. Sahabudinova A. S., Korchagin A. G. Digital crime: causes, types, trends of crime, personality of the criminal, counteraction measures // Agrarian and land law. – 2023. – No. 8(224). – pp. 25-28.
19. Serebrennikova A.V. Criminological problems of the digital world (digital criminology) // All-Russian Journal of Criminology, 2020, vol. 14, No. 3/ - pp. 423-430.
20. Sidorova E. Z., Usov E. G. Digital crime: concept, criminological characteristics, prevention (part 1) // Siberian Law Bulletin. – 2024. – No. 2(105). – pp. 89-93.
21. Sinchurin O.V. Official corruption crimes committed in the field of state (municipal) procurement and their prevention: dissertation... Candidate of Law Sciences. - Saratov, 2024. 256 p.
22. Skoblikov P. A. Strategy of combating cybercrime: due and present // Siberian Legal Review. – 2025. – Vol. 22, No. 1. – pp. 128-146.
23. Unukovich A. S. The concept of crimes committed using information and telecommunication technologies // Civil service and personnel. - 2021. – No. 4. – pp. 278-280.
24. Shestakov V. A., Chebotar A. S. On current trends in crimes committed through the use of information and telecommunication technologies or in the field of computer information in the Russian Federation // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. – 2024. – No. 2(57). – pp. 294-300.
25. Shutova A. A. The concept, system and signs of digital crimes // Law and order: history, theory, practice. – 2024. – No. 4(43). – pp. 122-128.

СОВРЕМЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА НОВЫХ ВИДОВ СРЕДСТВ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ, КОТОРЫЕ НЕ ПОДЛЕЖАТ РЕГИСТРАЦИИ, НО МОГУТ ПЕРЕДВИГАТЬСЯ ПО ДОРОГАМ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ MODERN PROBLEMS OF NEW TYPES OF VEHICLES THAT ARE NOT SUBJECT TO REGISTRATION, BUT THEY CAN TRAVEL ON PUBLIC ROADS

СМИРНОВ Иван Александрович,

научный сотрудник отдела изучения проблем нормативного правового и аналитического обеспечения

ФКУ «НЦ БДД МВД России».

121170, Россия, г. Москва, Поклонная ул., 17.

E-mail: semmi-5@yandex.ru;

АЙСАНОВА Наталья Викторовна,

научный сотрудник отдела научного обеспечения профилактических мероприятий и деятельности

по формированию правосознания участников дорожного движения ФКУ «НЦ БДД МВД России».

121170, Россия, г. Москва, Поклонная ул., 17.

E-mail: semmi-5@yandex.ru;

МАЛИКОВ Шамиль Эмилевич,

преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского ЮИ МВД России.

Ул. Муксинова, 2, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450091, Россия.

E-mail: semmi-5@yandex.ru;

SMIRNOV Ivan Aleksandrovich,

Researcher at the Department for the Study of Problems of Regulatory Legal and Analytical Support

FKU "NC BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia."

17 Poklonnaya str., Moscow, 121170, Russia.

E-mail: semmi-5@yandex.ru;

AISANOVA Natalia Viktorovna,

Researcher at the Department of Scientific support of preventive measures and activities

for the formation of legal awareness of road users of the Federal State Institution "NC BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia".

121170, Russia, Moscow, Poklonnaya str., 17.

E-mail: semmi-5@yandex.ru ;

MALIKOV Shamil Emilevich,

lecturer at the Department of Professional Training of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Muksinova St., 2, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450091, Russia.

E-mail: semmi-5@yandex.ru

Краткая аннотация. В данной статье автором изучаются, анализируются и сравниваются позиции деятелей науки в рамках проблематики привлечения к ответственности лиц управляющими средствами передвижения не подлежащие постановке на государственный учёт. Изучаются практические особенности административного и уголовного производства в отношении лиц управляющих средствами передвижения в нарушения законодательства. Формируются собственные подходы, которые в будущем могли бы послужить фундаментом регламентации допуска некоторых средств передвижения к дорожному движению.

Abstract. In this article, the author studies, analyzes and compares the positions of scientists in the framework of the problem of bringing to justice persons driving vehicles that are not subject to state registration. The practical features of administrative and criminal proceedings against persons driving vehicles in violation of the law are being studied. Their own approaches are being formed, which in the future could serve as the foundation for regulating the admission of certain vehicles to road traffic.

Ключевые слова: средство передвижения, административное правонарушение, средство индивидуальной мобильности, производство по делам об административных правонарушениях, административная ответственность, уголовная ответственность.

Keywords: means of transportation, administrative offense, means of individual mobility, proceedings on cases of administrative offenses, administrative responsibility, criminal responsibility.

Для цитирования: Смирнова И.А., Айсанова Н.В., Маликов Ш.Э. Современная проблематика новых видов средств передвижения, которые не подлежат регистрации, но могут передвигаться по дорогам общего пользования // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 517-522. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_517.

For citation: Smirnova I.A., Aisanova N.V., Malikov S.E. Modern problems of new types of vehicles that are not subject to registration, but they can travel on public roads // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 517-522. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_517.

Статья поступила в редакцию: 12.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Обращаясь к действующему законодательству в современных реалиях, можно выделить несколько требований, при выполнении которых разрешен допуск их использования как повсеместно, так и в особенности на дорогах общего пользования.

Законные и фундаментальные правила, позволяющие безопасную эксплуатацию автотранспортных средств, содержат исчерпывающий перечень необходимых требований для передвижения на дорогах общего пользования в Российской Федерации как для россиян, так и для граждан зарубежья¹. Во-первых, это наличие соответствующей категории права управления транспортным средством в водительском удостоверении или удостоверении тракториста-машиниста, как один из видов допуска к управлению. Во-вторых, это зарегистрированное и соответствующее всем предъявляемым требованиям непосредственное транспортное средство, относящееся к определенной категории транспортных средств².

¹Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения»; Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 283-ФЗ «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 «Основные положения по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения» и др. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.06.2025).

²Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.06.2025).

Также существует подгруппа транспортных средств, которые допускаются к эксплуатации на дороги общего пользования, но не подлежат обязательной регистрации в закреплённом порядке законодательства. Такие как мопеды, легкие квадроциклы, относящиеся к категории «М» и требующие водительское удостоверение соответствующей категории. В особенности можно сделать акцент на велосипедную технику, которая допускается к эксплуатации на дорогах общего пользования и не требует правоуправления соответствующей категории, но с оговоркой об некоторых электровелосипедах¹.

С учётом этого проявляется ряд определённых проблем. Стоит заострить внимание на набирающем популярность средстве передвижения это средство индивидуальной мобильности (далее – СИМ). Если подробнее рассмотреть использование СИМ относящиеся к кикшерингу², то можно наблюдать тенденцию, что при появлении на рынке услуг по передвижению таких устройств они не были восприняты в серьёз как гражданами, так и законодателем. Потребительский рынок воспринял это как один из способов развлечения, а законодательные органы не увидели в них участников дорожного движения, в связи с чем поздно занялись регулированием данной сферы для безопасного взаимодействия с другими участниками движения. Об этом нам свидетельствует официальная статистика, в которой мы можем наблюдать, что в 2024 году зарегистрировано 4 426 (+42,8%) ДТП с участием СИМ, в результате которых погибли 54 (+25,6%) человека, в том числе 6 детей. Ранения получили 4 591 (+44,5%) человек, в числе которых 1 165 детей (рис.1)³.

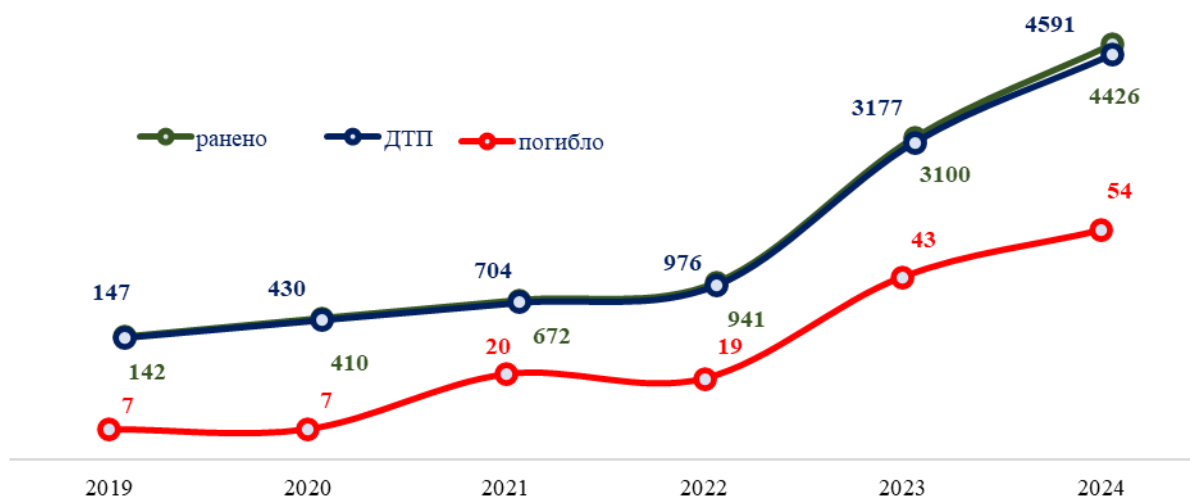

Рис. 1. Динамика основных показателей аварийности с участием СИМ

В данном случае динамика аварийности с участием СИМ выступает ярким и наглядным примером, как то, что раньше относилось к развлечению превратилось в серьезное и актуальное средство передвижения с тяжкими последствиями, которое представляет угрозу как непосредственно самим пользователям, так и другим участникам дорожного движения⁴.

В свою очередь согласно действующему законодательству – на практике возникают вопросы о трактовки СИМ по мощности в правовом поле, а также об определённых обязанностях присущих лицу управляющим СИМ. Для более четкого понимания обратимся к Правилам дорожного движения⁵ (далее – ПДД) в которых под СИМ понимается транспортное средство, предназначенное для индивидуального передвижения человека посредством использования двигателя (двигателей), такие как электросамокаты, электроскейтборды, гироскутеры, сигвеи, моноколеса и иные аналогичные средства. Стоит обратить внимания, что законодательный орган не закрепил четкий перечень транспортных средств относящихся к СИМ, так как прагматически смотри в будущее и заранее предусматривает создание новых видов средств передвижения. Также в ПДД содержится определение мопеду под которым подразумевается механическое транспортное средство, максимальная скорость которого не более 50 км/ч, а двигатель внутреннего сгорания с объемом не более 50 куб. см, или имеет электродвигатель мощностью в более 0,25 кВт и менее 4 кВт. Не стоит забывать, о предложенных классификациях другими учёными, которые делят их по максимальной скорости⁶, массе⁷, максимально конструктивной скорости¹ и др.

Анализируя вышесказанное можно утверждать, что нормативно-правовыми рамками установлена градация по мощности устройств и

¹ Гордеева А.Д. Правовые механизмы выработки единой политики Европейского союза в области обеспечения безопасности дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2023. № 3. С. 57–63.

² <https://tass.ru/ekonomika/20935055/amp>

³ Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2024 году. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025, 148 с.

⁴ Быков А.И. Некоторые перспективы использования цифровых технологий в предупреждении дорожно-транспортных происшествий // Безопасность дорожного движения. 2023. № 4. С. 30–33.

⁵ Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 27.03.2025) «О Правилах дорожного движения» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 23.07.2025).

⁶ Митрошин Д.В., Баканов К.С., Исаев М.М. Перспективы правового и технического регулирования использования средств индивидуальной мобильности // Безопасность дорожного движения. 2024. № 1. С. 11–30.

⁷ Horace Dediu. The Micromobility Definition // URL: <https://micromobility.io/news/the-micromobility-definition> (дата обращения: 11.06.2025).

представляется следующим образом от 0 до 0,25 кВт, от 0,25 кВт до 4 кВт, более 4 кВт, но не закрепленная жесткими рамками.

Из этого напрашивается вывод, что если человек управляет СИМ с мощностью от 0,25 кВт до 4 кВт, то он автоматически становится лицом управляющим мопедом и СИМ в рамках правового поля, а соответственно ему необходимо соблюдать обязанности водителя и лица, передвигающегося на СИМ. А как водителю ему необходимо иметь с собой водительское удостоверение с соответствующей категорией «М». Если вернуться к понятию мопеда, то также стоит обозначить, что это механическое транспортное средство, а согласно тем же ПДД это транспортное средство, приводимо в движение двигателем и он не распространяется на СИМ и велосипеды, что опять же вводит нас в парадокс. Обращаясь нормативно-техническому регулированию, а конкретно к разделу 1 ГОСТ Р 70514-2022 «Электрические средства индивидуальной мобильности».

Технические требования и методы испытаний², можно выяснить, что к СИМ относятся устройства, скорость которых не более 25 км/ч. А иные устройства, имеющие максимальную конструктивную скорость свыше 25 км/ч, должны быть классифицированы в соответствии с ТР ТС 018/2011³.

Необходимо отметить, что законодатель не стоит на месте и в рамках дальнейшего регулирования использования СИМ Правительством Российской Федерации утвержден План мероприятий («дорожная карта»), направленных на дополнительное нормативно-правовое регулирование развития СИМ и обеспечение безопасности дорожного движения при их использовании (11.10.2023 № 11752-П50-МХ), который будет способствовать более четкому разграничению и регламентации в деятельности с СИМ.

Так же в настоящее время активно внедряется в систему доставки такое средство передвижения как электровелосипеды. В данном случае доставка на автомобилях начинает терять свою актуальность, из-за дороговизны их содержания, а также медленной мобильности, выраженной в рамках городских условий из светофоров, пробок и т.д.

С недавнего времени начался вестись учёт и уже за 2024 год зарегистрировано 1 254 ДТП с участием велосипедов с электродвигателем, которые по своим техническим и эксплуатационным характеристикам достаточно схожи со средствами индивидуальной мобильности. В данных ДТП погибли 34 и получили ранения 1 257 человек, из которых 96 детей.

Из всех погибших в ДТП с участием электровелосипедов 33 являлись лицами, управлявшими электровелосипедами, и один погибший являлся пассажиром электровелосипеда (рис. 2.).

В большинстве случаев (27) совершен наезд механического ТС на велосипедиста, еще в 7 случаях произошло опрокидывание электровелосипеда, в том числе в случае, когда погиб пассажир электровелосипеда.

Наибольшее количество (81,6%) раненых в ДТП с участием электровелосипедов составили непосредственно сами велосипедисты, ещё 0,6% являлись пассажирами этих электровелосипедов. В свою очередь одну шестую часть (16,2%) раненых составили пешеходы (рис. 2.)⁴.

Почти в половине (47,2%, или 592) ДТП велосипедисты, передвигавшиеся на электровелосипедах, являлись работниками сервисов доставки, в данных происшествиях погибли 12 и ранен 601 человек. Это является ещё одним подтверждением того, что электровелосипеды начинают вытеснять с рынка услуг доставки малогабаритных предметов транспортные средства.

¹ Якимов А.Ю. Подходы к правовому регулированию использования отдельных разновидностей средств индивидуальной мобильности // Современная наука. 2021. № 5. С. 53–61.

² Утвержден и введен в действие приказом федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 06.12.2022 № 1446-ст.// СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 23.07.2025).

³ Решение Комиссии Таможенного союза от 09.12.2011 № 877 (ред. от 27.09.2023) «О принятии технического регламента Таможенного союза "О безопасности колесных транспортных средств" (вместе с «ТР ТС 018/2011. Технический регламент Таможенного союза. О безопасности колесных транспортных средств»)// СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 03.05.2025).

⁴ Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2024 году. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025, 148 с.

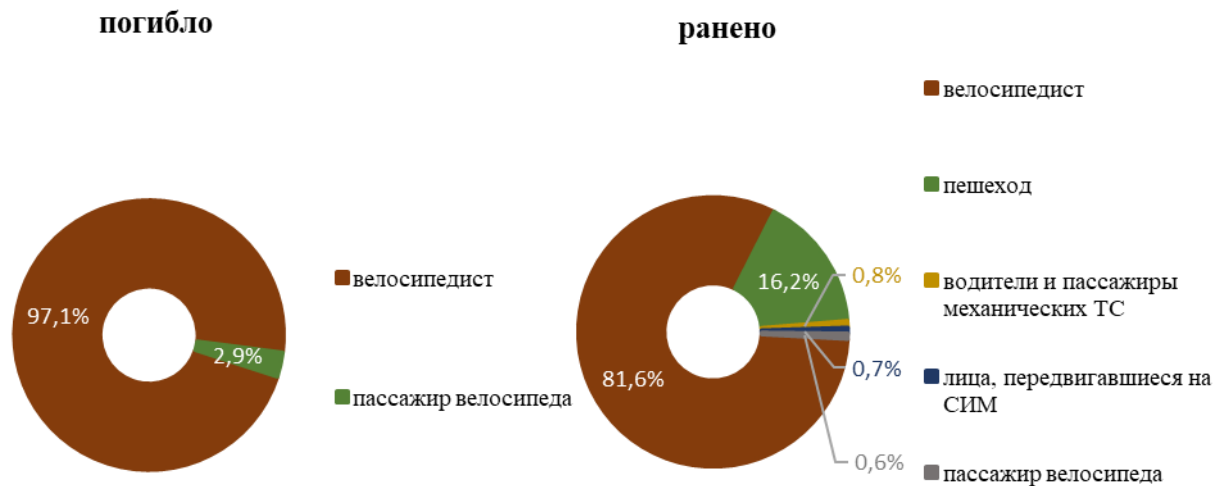

Рис. 2. Распределение пострадавших в ДТП с участием велосипедов с электродвигателем по категориям участников

Стоит указать на тот факт, что в современных реалиях ГОСТа непосредственно для электровелосипедов не существует. Обращаясь к тому же ПДД можно установить, что велосипед — это транспортное средство, приводящееся в движение мускульной энергией лица, находящегося на нём, а также может иметь электродвигатель мощностью до 0,25 кВт. Тогда исходя из этого возникает вопрос, а иные транспортные средства схожие по конструкции с велосипедом, имеющие два и более колёс и приводящиеся в движение помимо мускульной силы электродвигателем, но более мощным к какой категории транспортных средств относятся. Если провести аналогию с СИМами возникает множество противоречащих обстоятельств позволяющих это сделать. Так как в случае мощности мотора более 0,25 кВт, но менее 4 кВт и максимальной конструктивной скорости не более 50 км/ч, такое средство передвижения уже будет относиться к мопедам даже при наличии педального узла управления, как одного из альтернативного способа приводящего в движение с учётом соответствия определенных требований установленных к конкретным категориям в ТР ТС 018/2011¹.

В соответствие с этим к лицу управляющему таким электровелосипедом будут также относиться общие обязанности водителя закреплённые в ПДД в соответствии с установленной категорией. С недавнего времени многочисленные рейды стали одной из основных причин для служб доставки и самих доставщиков закупать электровелосипеды соответствующие описанию велосипеда закреплённого в ПДД и Венской конвенции о дорожном движении², а также наём сотрудников с соответствующей квалификацией, то есть наличием категории «М» в водительском удостоверении³, в случаях, когда электродвигатель мощнее чем 0,25 кВт.

¹Митрошин Д.В., Сторожев С.А. Унификация классификации транспортных средств как основа совершенствования правового регулирования в области дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2025. № 2. С. 15–24.

²«Конвенция о дорожном движении» (Заключена в г. Вене 08.11.1968) (с изм. от 23.09.2014)

³<https://www.fontanka.ru/2025/03/24/75260312/#:~:text=%D0%9F%D0%BE%2520%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BC%2520%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B0%2520%D0%9C%D0%B8%D1%82%D1%8E%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0%252C%2520%D0%B2,%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BB%D0%B5%D0%BC%2%BB%252C%2520%E2%80%94%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%82%2520%D0%BE%D0%BD.>

А также не новая проблематика, но также набирающая обороты – аварийность с детьми-водителями механических транспортных средств. Тенденция возрастания всех показателей неукоснительно стремится вверх. В 2024 году отмечается увеличение количества ДТП более чем на треть по сравнению с предыдущим годом, в которых дети являлись непосредственными водителями механических ТС. В таких ДТП погибли 65 (+25%) и ранен 2 501 (+39,6%) ребенок-водитель (рис. 3)¹.

Также стоит отметить, что по итогам 6 месяцев 2025 года отмечается рост основных показателей аварийности с участием детей-водителей механических транспортных средств. Количество ДТП увеличилось на 13% (1 197), число погибших детей – на 6,9% (31), раненых – на 13,5% (1 183). Тяжесть последствий в таких ДТП осталась на уровне прошлого года (2,6).

В большинстве ДТП (76,4%) с участием детей-водителей механических транспортных средств они управляли мототранспортом. Всего в течение 6 месяцев 2025 года произошло 914 (+14%) таких ДТП, в которых 26 (+30%) детей погибли и 901 (+13,5%) ребенок получил ранение.

Стоит отдельно обратить внимание, что зарегистрировано 288 ДТП, в которых дети-водители управляли так называемыми «питбайка-

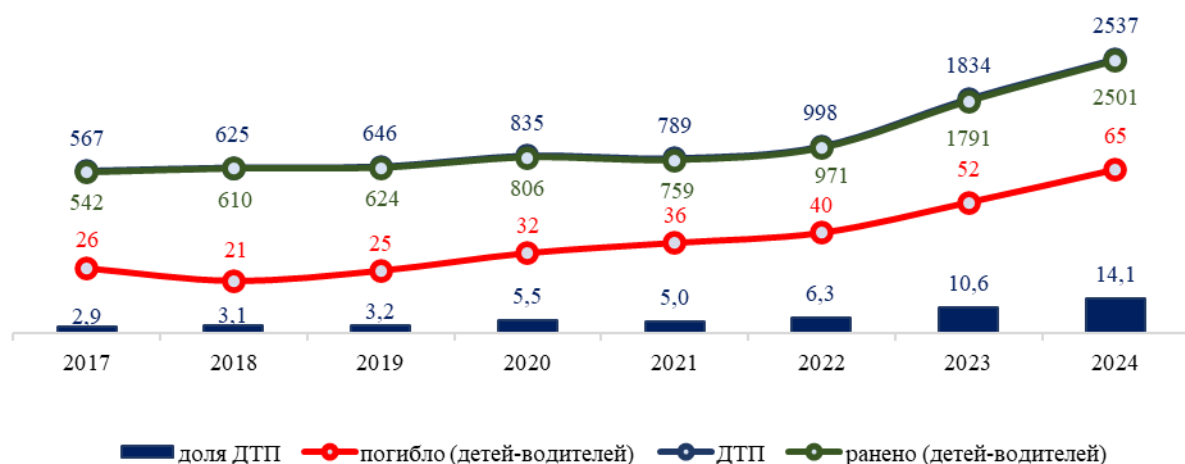

Рис. 3. Динамика основных показателей аварийности с участием детей-водителей механических транспортных средств

ми», являющимися спортивным инвентарем, не предназначенным для участия в дорожном движении и не подлежащим государственной регистрации. В данных ДТП погибли 10 детей, передвигавшихся на данных средствах передвижения, и 235 получили ранения. Помимо этого, в данных ДТП еще 25 человек, являющихся пассажирами «питбайка» старших возрастов либо иными участниками движения, получили ранения.²

Также зарегистрировано 43 ДТП, в которых дети управляли квадроциклами, в данных происшествиях погибли 2 человека и 56 получили ранения.¹ Одним из поводов который послужил росту аварийности это активная наполняемость рынка различными средствами передвижения имеющие электрические и внутреннего сгорания двигатели, малогабаритные и просты в управление для детей-водителей, а также не мало важным аргументом выступает низкий ценовой диапазон. В рамках данной статьи речь пойдет детях-водителях управляющих все возможными видами транспорта, а непосредственно управляющих питбайками и мототранспортом, относящимся к спортивному инвентарю. Данный вид транспортных средств изначально предназначен для его использования на специальных подготовленных территориях. Проблематика заключается в том, что дети-водители ещё не достигли соответствующего возрастного порога для получения водительского удостоверения соответствующей категории. Современный возрастной ценз был создан с учётом всех физиологических, генетических особенностей человека, а также возможности адекватно оценивать и отдавать отчет о своих действиях с целью недопущения создания аварийных ситуаций и причинения какого-либо вреда как людям, так и материальным ценностям. Использование данной мототехники на специально оборудованных площадках и подготовленных трассах, под руководством профессиональных тренеров, имеющих специальную квалификацию, а также в дополнение использование защитной экипировки приведёт к минимизации получения травм, а также сведёт создание аварийных ситуаций практически к нулю. Но за последнее время использование данного транспорта чаще происходит на дорогах общего пользования. В правовом поле существует мнимый пробел, основывающийся на том, что в ПДД не закреплено понятие спортивного инвентаря и питбайков, а также отсутствуют прямые запреты на эксплуатацию данных средств передвижения по дорогам общего пользования. Обращаясь к терминам закрепленным в ПДД возникают некие сложности к какой категории их можно отнести. Как уже ранее мы выяснили, что под транспортным средством понимается устройство, предназначенное для перевозки кого, либо чего, механическим транспортным средством считается всё, что приводится в движение при помощи двигателя, за исключением ограниченного перечня

¹ Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2024 году. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025, 148 с.

² Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 6 месяцев 2025 года. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025, 37 с.

транспортных средств. Также для последующего определения правового статуса необходимо уточнить, что под мопедом понимается транспортное средство не разгоняющиеся более 50 км/ч, не имеет объём двигателя внутреннего сгорания более 50 куб. см., а в случае с электрическим двигателем в режиме длительной нагрузки не менее 0,25 кВт и не более 4 кВт, в свою очередь под мотоциклом законодатель обозначил двухколесное транспортное средство у которого все технические показатели выше чем у мопеда. И обобщая ранее обозначенные понятия можно сделать вывод, что питбайк подпадает под описание каждого термина в зависимости от мощности двигателя, но только частично. Это транспортное средство, предназначенное для перевозки людей, но не по дорогам общего пользования, а в иных вариациях, вне дороги, либо в рамках соревновательных процессов. Питбайк также приводится в движение двигателем и в зависимости от рабочего объёма относится либо к мопедам, либо к мотоциклам.

В приказе Минспорта закреплено понятие спортивной инвентарная под которым понимается управляемое спортсменом спортивно-техническое средство, предназначенное для участия в тренировках и соревнованиях по мотоциклетному спорту, в том числе в таких, правилами которых предусмотрено их участие в дорожном движении на отдельных участках маршрута соревнований². Он также предусматривает передвижение питбайка на дорогах общего пользования, но только при участии в тренировочном или соревновательном процессе, а под водителем понимается спортсмен.

Имея за плечами довольно богатую судебную практику в отношении водителей управляющих питбайками с признаками опьянения, либо лицами, не имеющими соответствующих категорий на правоуправления мы можем наблюдать тонкую грань об отсутствии санкций за передвижение по дорогам общего пользования. Это свидетельствует нам о том, что, если водитель имея соответствующую категорию, не имея признаков опьянения, в шлеме и управляя спортивной инвентарной или питбайком по дорогам общего пользования не подлежит наказанию, в связи с тем, что законодатель не предусмотрел санкции за подобные нарушения. Таким образом мы получаем практически легальный способ передвижения по дорогам общего пользования, без соответствующей регистрации транспортного средства, без государственного регистрационного номера, без поворотников, зеркал заднего вида, фар ближнего/дальнего света, стоп-сигнала и так далее.

Обобщая полученную информацию, напрашивается несколько выводов. Во-первых, это необходимость совершенствования уже существующего законодательства и технических регламентов, закрепляющих и относящих то или иное транспортное средство к определенным категориям и подкатегориям, не создавая новых нормативно-правовых актов. Так как в результате расширения перечня законодательных актов возрастает когнитивная и практическая нагрузка на субъектов транспортной деятельности, осложняя их восприятия в системном единстве их положений. Данное обстоятельство обусловлено необходимостью постоянного мониторинга изменений законодательства, освоения новых правовых норм и их практического применения в процессе осуществления транспортной деятельности, что требует дополнительных временных и интеллектуальных затрат со стороны как самих водителей, так и иных лиц, управляющих транспортными средствами. Во-вторых, это создание благоприятной сферы для транспортных средств, допущенных к участию по дорогам общего пользования, а также планомерное подготовка водителей и иных участников дорожного движения к появлению и единому сосуществованию в рамках дорожных агломераций новых разновидностей средств передвижения. В-третьих, сформировать определённый свод правил чётко и жёстко регламентирующий запрет о недопустимости использования ограниченного перечня средств передвижения по дорогам общего пользования, с перспективой появления новых разновидностей средств передвижения.

Список литературы:

1. Быков А.И. Некоторые перспективы использования цифровых технологий в предупреждении дорожно-транспортных происшествий // Безопасность дорожного движения. 2023. № 4. С. 30-33.
2. Гордеева А.Д. Правовые механизмы выработки единой политики Европейского союза в области обеспечения безопасности дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2023. № 3. С. 57-63.
3. Денисова А.Ю. Административное расследование в системе производства по делам об административных правонарушениях // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина 2019 № 1. С. 80-84.
4. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2024 году. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025, 148 с.
5. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 6 месяцев 2025 года. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025, 37 с.
6. Приказ Минспорта России от 15.11.2024 № 1119 «Об утверждении правил вида спорта мотоциклетный спорт»
7. Иванов А.Ю. К вопросу о допуске колесных транспортных средств к эксплуатации по автомобильным дорогам // Административное право и процесс. 2022. № 8. С. 20 - 23.
8. «Конвенция о дорожном движении» (Заключена в г. Вене 08.11.1968) (с изм. от 23.09.2014)
9. Митрошин Д.В., Баканов К.С., Исаев М.М. Перспективы правового и технического регулирования использования средств индивидуальной мобильности // Безопасность дорожного движения. 2024. № 1. С. 11-30.
10. Митрошин Д.В., Сторожев С.А. Унификация классификации транспортных средств как основа совершенствования правового регулирования в области дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2025. № 2. С. 15-24.
11. Якимов А.Ю. Подходы к правовому регулированию использования отдельных разновидностей средств индивидуальной мобильности // Современная наука. 2021. № 5. С. 53-61.
12. Horace Dediu. The Micromobility Definition // URL: <https://micromobility.io/news/the-micromobility-definition> (дата обращения: 11.06.2025).

References:

1. Bykov A.I. Some prospects for the use of digital technologies in the prevention of road accidents // Safety of road traffic. 2023. No. 4. pp. 30-33.
2. Gordееva A.D. Legal mechanisms for developing a unified policy of the European Union in the field of road safety // Road safety. 2023. No. 3. pp. 57-63.
3. Denisova A.Y. Administrative investigation in the system of proceedings in cases of administrative offenses // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putin, 2019 No. 1. pp. 80-84.
4. Road traffic accidents in the Russian Federation in 2024. Information and analytical review. M.: FCU "NC BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia", 2025, 148 p.
5. Road traffic accidents in the Russian Federation for 6 months of 2025. Information and analytical review. M.: FCU "NC BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia", 2025, 37 p.
6. Order of the Ministry of Sports of Russia dated 11/15/2024 No. 1119 "On approval of the rules of the sport of motorcycling"
7. Ivanov A.Yu. On the issue of the admission of wheeled vehicles to operation on highways // Administrative law and process. 2022. No. 8. pp. 20-23.
8. "Convention on Road Traffic" (Concluded in Vienna on 11/08/1968) (as amended. dated 09/23/2014)
9. Mitroshin D.V., Bakanov K.S., Isaev M.M. Prospects of legal and technical regulation of the use of means of individual mobility // Road safety. 2024. No. 1. pp. 11-30.
10. Mitroshin D.V., Storozhev S.A. Unification of vehicle classification as a basis for improving legal regulation in the field of traffic // Road safety. 2025. No. 2. pp. 15-24.
11. Yakimov A.Yu. Approaches to the legal regulation of the use of certain types of means of individual mobility // Modern science. 2021. No. 5. pp. 53-61.
12. Horace Dediu. The Micromobility Definition // URL: <https://micromobility.io/news/the-micromobility-definition> (date of request: 06/11/2025).

¹ Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 6 месяцев 2025 г. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025, 37 с.

² Приказ Минспорта России от 15.11.2024 № 1119 «Об утверждении правил вида спорта мотоциклетный спорт»

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕБОЛЬШОЙ ТЯЖЕСТИ THE PRINCIPLE OF COMPETITION IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

МАЛЬЦАГОВ Иса Даутович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности
Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова.

364907, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Шерипова, 32.

E-mail: isa.maltsagov@mail.ru;

ИСИПОВА Лалита Рукмановна,

Старший преподаватель кафедры права
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет».

364037, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный ул. Субры Кишиевой, 33.

E-mail: isa.maltsagov@mail.ru;

MALTSAGOV Isa Dautovich,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Process and National Security
Kadyrov Chechen State University.

32 Sheripova str., Grozny, Russia, 364907, Chechen Republic.

E-mail: isa.maltsagov@mail.ru;

ISIPOVA Lalita Rukmanovna,

Senior Lecturer, Department of Law Chechen State Pedagogical University.

33 Subra Kishieva str., Grozny, 364037, Russia, Chechen Republic.

E-mail: isa.maltsagov@mail.ru

Краткая аннотация. В настоящем исследовании рассматриваются вопросы борьбы с преступностью и поддержания общественного порядка, что является первоочередной задачей государства. Лицо, совершившее противоправное деяние, несет ответственность в соответствии с нормами Уголовного кодекса РФ, устанавливающими меры наказания за каждое конкретное преступление. Однако, законодательство Российской Федерации предусматривает условия, при которых лицо, совершившее правонарушение, может быть освобождено от уголовной ответственности и, следовательно, избежать наказания. В статье анализируются правовые основы и особенности процедуры освобождения от ответственности в случаях совершения преступлений небольшой степени тяжести.

Abstract: This study examines issues related to combating crime and maintaining public order, which are primary responsibilities of the state. An individual who commits an unlawful act bears liability in accordance with the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation, which establish penalties for each specific offense. However, Russian legislation provides conditions under which a person who has committed an offense may be exempted from criminal liability and, consequently, avoid punishment. This article analyzes the legal foundations and procedural features of exemption from liability in cases of minor offenses.

Ключевые слова: преступления небольшой тяжести, деятельное раскаяние, примирение сторон, сроки давности, уголовное производство, предварительное расследование, основания, положительное посткриминальное поведение.

Keywords: minor offenses, active repentance, reconciliation of parties, statute of limitations, criminal proceedings, preliminary investigation, grounds, positive post-criminal behavior.

Для цитирования: Мальцагов И.Д., Исипова Л.Р. Принцип состязательности в российском уголовном судопроизводстве // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 523-525. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_523.

For citation: Maltsagov I.D., Isipova L.R. The principle of competition in Russian criminal proceedings // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 523-525. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_523.

Статья поступила в редакцию: 12.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Проблема реформы уголовного права, согласно современным требованиям, стоит очень остро. Эффективное развитие экономических отношений, появление новых организаций гражданского общества и, как следствие, появление новых систем уголовного правосудия накладывают отпечаток на развитие российского уголовного права. Получившие признание идеи восстановительного правосудия повлияли на формирование новых теоретических взглядов на роль института освобождения в уголовной ответственности. Стоит отметить что данный вид правового института, безусловно, играет важную роль в развитии уголовно-правовой и уголовной процессуальной политики, поскольку именно этот институт определяет максимальный круг лиц, которые могут быть освобождены от уголовной ответственности.

Так, государство стремится сократить количество правонарушений, оптимизируя расходы на систему уголовного судопроизводства. Существование данного института соответствует целям гуманизации правовой системы, являющимся приоритетом в политике противодействия преступности.

Актуальность темы обусловлена исследованием оснований и процедуры освобождения от уголовной ответственности.

В соответствии с задачами и принципами уголовного права реакция государства на нарушение установленных им уголовно-правовых запретов должна быть, с одной стороны, неотвратимой, с другой — достаточно гибкой, чтобы неотвратимость уголовно-правового воздействия не приводила к избыточности уголовной репрессии или необоснованному ограничению прав и законных интересов граждан. Во многих случаях более рациональным и правильным (более справедливым и гуманным) является решение уголовно-правовых задач путем реализации менее острых форм такой реакции — применения различных видов освобождения от уголовной ответственности и (или) от уголовного

наказания, предусмотренных действующим УК. Потенциальным является то, что впоследствии при определенных условиях может стать действительным. Поэтому потенциальный всегда выступает как возможный. Потенциальная возможность наступления ответственности человека в случае нарушения им уголовно-правовых предписаний (велений) способна модифицировать его поведение в социальном русле лишь при условии, что она будет вовремя доказана государством и найдет отражение в виде просоциальных морально-правовых установок, детерминирующих его волю [4].

Высший судебный орган Российской Федерации не определил сферу применения нормы права, устанавливающей определённые барьеры для прав и человеческих свобод. Речь идёт о ситуации, когда гражданин не несёт никаких последствий карательного свойства, включая утрату личных прав, имущества и прочего, а отсутствие криминальной записи обусловлено отсутствием осуждающего решения суда. Несмотря на это, ряд аспектов, касающихся сути, назначения и роли данного институционального механизма, остаются предметом споров.

Большинство экспертов в сфере уголовного судопроизводства придерживаются схожих позиций относительно целей, стоящих перед этим правовым институтом:

- 1) Гарантировать обязательное применение мер уголовно-правового воздействия к субъекту, совершившему противоправное деяние (то есть, неизбежность привлечения к уголовной ответственности);
- 2) Содействовать скорейшему восстановлению ущемленных прав и компенсации ущерба, возникшего в результате преступления;
- 3) Заметно сократить масштабы уголовного преследования в отношении лица, совершившего преступное деяние (особенно, если речь идет о преступлениях небольшой тяжести);
- 4) Сократить финансовые издержки государства на осуществление уголовного правосудия [2].

Анализируя правовые нормы Российской Федерации и других государств, обнаруживается интересная специфика прекращения уголовного преследования по частному обвинению. В частности, в Уголовном кодексе РФ отсутствует четкое материально-правовое обоснование для такой процедуры. В отличие от этого, в уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран предусмотрены статьи, согласно которым, привлечение к ответственности за определенные преступления возможно лишь при наличии жалобы или заявления от потерпевшей стороны или ее законного представителя [3].

В уголовном законодательстве ФРГ в разделе 4 общей части описана правовая процедура обращения с соответствующей жалобой. В особой части УК ФРГ представлена видовая классификация преступлений, согласно которой уголовное преследование может осуществляться по жалобе.

При этом следует учитывать, что отсутствие хотя бы одного из составляющих деятельного раскаяния исключает освобождение лица от уголовной ответственности по ст. 75 УК. Исключения могут составлять только случаи совершения преступления или покушения на него, в результате которых не причинен вред или не причинен ущерб [5].

Определённую трудность в подтверждении фактического раскаяния и существенной поддержки следствия создаёт применение в законе субъективных терминов "деятельное раскаяние" и "активное содействие". Различить понятия "раскаяние" и "деятельное раскаяние", равно как и "содействие" и "активное содействие", весьма непросто, поскольку одни и те же поступки у одного человека в определённой обстановке могут рассматриваться как энергичные, а раскаяние – как действительное, тогда как для другого человека в иной ситуации подобные же действия и сожаление могут не получить подобной квалификации. Кроме того, согласно научным публикациям, разработка любых измеримых параметров для оценки степени вовлечённости в помощь при раскрытии преступления является сложной задачей [3].

Аналогичная проблема заключается в отсутствии чётких критериев для определения деятельного раскаяния, что побудило некоторых исследователей предложить исключить этот элемент из списка требований к смягчающим обстоятельствам, заменив его другими (например, полным признанием вины или явкой с повинной). Следует также указать, что действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность возмещения (компенсации) вреда, но не убытков. Однако изучение научных трудов позволяет заключить, что в контексте рассматриваемой темы "убытки" подразумевают материальные потери – как имущественные, так и физические, а "устранение причинённого вреда" прежде всего относится к компенсации моральной травмы.

Восстановление справедливости после совершения правонарушения возможно несколькими путями:

Возврат украденного имущества: Это может быть частью наказания, предусмотренного уголовным кодексом.

Компенсация ущерба: Виножник или другое ответственное лицо может возместить убытки, вызванные его действиями, либо устранить последствия этих действий.

Для обеспечения эффективного возмещения вреда и восстановления справедливости необходимо четко прописать порядок компенсации, а также способы возмещения ущерба в законах.

Документальное подтверждение является ключевым для фиксации факта возмещения вреда. Это может включать:

Передачу аналогичного имущества взамен утраченного.

Выполнение работ по восстановлению поврежденного имущества.

Принесение извинений.

Для подтверждения этих действий могут использоваться различные доказательства, такие как:

Свидетельские показания.

Расписки от потерпевшего.

Финансовые документы, подтверждающие передачу денег.

Протоколы выдачи имущества [1].

Итак, основной причиной освобождения лиц от уголовной ответственности за совершённое преступление является неспособность применить к ним предусмотренные законом действия (меры) уголовно-правового характера. Эти меры непосредственно зависят от оценки рисков и степени общественной опасности правоуправного деяния, а также от личностных качеств правонарушителя и его поведения в период, следующий за совершением преступления.

Вместе эти обстоятельства демонстрируют возможность достижения целей наказания в рассматриваемом деле без использования принудительных мер. Данный основополагающий принцип может быть дополнен понятием освобождения от уголовной ответственности.

Список литературы:

1. Василенко М.М. К вопросу законодательного разграничения категорий «уголовная ответственность» и «наказание» / М.М. Василенко // Евразийский юридический журнал. 2018. № 10. С. 238 – 239.
2. Дворецкий М.Ю. Иные меры уголовно-правового характера, как форма реализации уголовной ответственности: проблемы теории и правоприменительной практики / М.Ю. Дворецкий // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2018. № 2. С. 30 – 31.
3. Иванов Н.Г. Возможности и императивы освобождения от уголовной ответственности / Н.Г. Иванов // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 1. С. 141 – 145.
4. Магомедов Г. Б. Возмещение ущерба, причиненного преступлением, как основание освобождения от уголовной ответственности / Г. Б. Магомедов // Вестник Российской правовой академии. 2017. № 3. С. 26 – 28.
5. Родионов К. А. Освобождение от уголовной ответственности за преступления против внешней безопасности государства // Молодой ученый. — 2016. — №28. — С. 671-673.

References:

1. Vasilenko, M. M. (2018). On the Legislative Distinction between the Categories "Criminal Liability" and "Punishment". Eurasian Law Journal, No. 10, pp. 238–239.
2. Dvoretzky, M. Yu. (2018). Other Criminal Law Measures as a Form of Implementing Criminal Liability: Problems of Theory and Law Enforcement Practice. In "Black Holes" in Russian Legislation, No. 2, pp. 30–31.
3. Ivanov, N. G. (2017). Possibilities and Imperatives of Exemption from Criminal Liability. In Gaps in Russian Legislation, No. 1, pp. 141–145.
4. Magomedov, G. B. (2017). Compensation for Damage Caused by a Crime as a Basis for Exemption from Criminal Liability. Bulletin of the Russian Law Academy, No. 3, pp. 26–28.
5. Rodionov, K. A. (2016). Exemption from Criminal Liability for Crimes against the External Security of the State. Young Scientist, No. 28, pp. 671–673.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_526

УДК 343.2

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ НАКАЗАНИЯ И ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ

DEFINITION OF THE CONCEPTS OF PUNISHMENT AND OTHER CRIMINAL LAW MEASURES AS CRIMINAL LAW INSTITUTIONS

СЫЧ Владимир Константинович,преподаватель кафедры организации режима и надзора юридического факультета Академии ФСИН России.
390000, Россия, г. Рязань, ул. Пожалостина, д.46.

E-mail: vladimir_1@inbox.ru;

SYCH Vladimir Konstantinovich,lecturer at the Department of Organization of the Regime and Supervision of the Law Faculty
of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

390000 Ryazan, Pozhalostina St., Bldg. 46.

E-mail: vladimir_1@inbox.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются наказание и иные меры уголовно-правового характера как институты уголовного права. Проводится анализ их исторического генезиса, приводятся различные точки зрения по поводу правовой сущности наказания и иных мер уголовно-правового характера. Дается определение отмеченных институтов, а так же приводятся отличия друг от друга.

Abstract: The article examines punishment and other measures of criminal law as institutions of criminal law. An analysis of their historical genesis is conducted, various points of view are given regarding the legal essence of punishment and other measures of criminal law. A definition of the noted institutions is given, as well as differences from each other are given.

Ключевые слова: наказание, иные меры уголовно-правового характера, институт права, отличительные особенности наказания и иных мер уголовно-правового характера.

Key words: punishment, other measures of criminal law nature, institution of law, distinctive features of punishment and other measures of criminal law nature.

Для цитирования: Сич В.К. Определение понятий наказания и иных мер уголовно-правового характера как уголовно-правовых институтов // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 526-528. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_526.

For citation: Sych V.K. Definition of the concepts of punishment and other criminal law measures as criminal law institutions // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 526-528. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_526.

Статья поступила в редакцию: 21.08.2025**Дата публикации: 03.10.2025**

В теории уголовного права принято считать, что наказание является фундаментальным институтом права, наряду с институтом преступления. Это является устоявшейся позицией в уголовном праве и не вызывает сомнений в отечественных ученых. Однако, если принять во внимание то обстоятельство, что в действующем уголовном законодательстве появились принудительные меры, которые по своей правовой природе очень близкие к наказанию, то вполне закономерно возникает вопрос о видах этих принудительных мер? В частности, ст. 2 УК РФ закрепляет, что для осуществления задач, стоящих перед УК РФ, устанавливает основания и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно правового характера за совершение преступлений. Стало быть, действующий УК РФ предусматривает в качестве правового последствия совершенного преступления не только виды наказания, но и иные меры уголовно правового характера, как равнозначные категории. Не совсем понятна основная мысль законодателя в отношении иных мер уголовно правового характера, являются ли они самостоятельным институтом права или же это дополнительная принудительная мера, которая призвана обеспечить функционирование уголовно-правового запрета? Уголовный закон не дает определения общего понятия иных уголовно-правового характера, их целевого предназначения, являются они институтом права? Для ответа на поставленный вопрос необходимо уточнить общее понятие института права, так как в уголовно-правовой литературе его определяют довольно неоднозначно.

Если обратиться к общей теории права на этот счет, то наиболее устоявшимся понятием институт права является то, что это объективно обособившаяся внутри той или иной отрасли группа взаимосвязанных одно порядковых юридических норм [1, с. 315] или часть отрасли права, регулирующая вид однородных общественных отношений [2, с. 70]. Из этого определения следует, что основу института составляют нормы, призванные регулировать однородные или близкие по юридической природе, отношения.

Нормы права, будучи объединенными в самостоятельную группу норм, должны иметь свое наименование, цели применения. Классическим примером такого структурного объединения норм, является Раздел III УК РФ, с наименованием «Наказания», который включает в себя Главу 9 (понятие и цели наказания), Главу 10 (назначение наказания).

Под институтом уголовного права следует понимать совокупность норм, регулирующих однородные общественные отношения или устанавливающие содержание видов мер уголовного закона, обособленных в самостоятельную группу норм и имеющую закрепленное название, цели и способы применения. Исходя из этого, к институтам уголовного права можно отнести преступление, наказание, освобождение от уголовной ответственности и от наказания, особенности уголовной ответственности несовершеннолетних, иные меры уголовно-правового характера; и т.д.

На наш взгляд, на современное состояние института уголовного наказания оказал наибольшее влияние советский период его развития. Его можно разделить на несколько этапов:

а) начальный этап, характеризующийся отсутствием кодифицированного нормативно-правового акта, в области уголовного законодательства. Оно состояло из различных законодательных актов (декретов, постановлений СНК, Руководящих началами по уголовному праву РСФСР 1919 г.); б) в 1922 г. был принят УК РСФСР, который ознаменовал переход к следующему этапу, характеризующемуся наличием кодифицированного нормативно-правового акта, основанному на принципах и идеях классической школы уголовного права; в) этап вступления в силу Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года и на их основе УК союзных республик, например, УК РСФСР 1926 г., которые полностью вытеснили институт наказания, заменив мерами социальной защиты - детища социологической школы уголовного права; г) этап возвращения уголовного законодательства к концепциям классической школы уголовного права. Следует отметить, уголовное наказание как институт права, получило наибольшее развитие на последнем этапе своего развития. Законодательная концепция наказания советского уголовного права, этого исторического периода, сводилась к значению кары, за виновно совершенное преступление, с обоснованием концепции исправительно-трудового воздействия, как самостоятельного направления воздействия на осужденных. В этом контексте необходимо заметить, что УК РФ 1996 года отказался от определения наказания как кары, за виновно совершенное преступление, заменив его термином «государственное принуждение», что внесло определенные сложности в определении «иных мер уголовно-правового характера», поскольку они также носят принудительный характер, назначаемые судом.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что под наказание как институтом уголовного права это – совокупность правовых норм, закрепленных в 3 Разделе Уголовного кодекса Российской Федерации под наименованием «Наказание», регулирующих общественные отношения в сфере применения наказания и имеющих своей целью предупреждение преступлений, восстановление социальной справедливости и исправление осужденного.

В уголовно-правовой литературе справедливо утверждалось, что название раздела в Общей части УК РФ придает предусмотренным в нем положениям значение института Общей части, который должен являться структурно обособленной, логически завершенной и последовательной системой правовых норм, имеющих одно основание и общий предмет регулирования [3, с. 76]. Раздел 6 УК РФ в новой редакции, полностью отвечает требованиям, предъявляемых институту уголовного права. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что в действующем УК РФ, начиная с 2006 г., появился новый правовой институт, который имеет наименование «Иные меры уголовно-правового характера».

Стоит отметить также, что появление такого института права, как «иные меры уголовно-правового характера», был обусловлен не в результате научных изысканий, а как законодательная новелла. В уголовном законодательстве (ч. 2 ст. 2 УК РФ) в первоначальной редакции об иных мерах уголовно-правового характера только лишь упоминалось, без четкого определения этого понятия. Об иных мерах уголовно-правового характера как правовом институте, речь не шла, да и не могла идти по формально-правовым обстоятельствам, связанным с отсутствием в тексте закона отдельного раздела, с наименованием норм, устанавливающих эти меры. Ситуация изменилась на законодательном уровне в результате принятия Федерального закона от 27 июля 2006 г. №153-ФЗ, в соответствии с которым раздел 6 УК РФ был переименован в раздел «Иные меры уголовно-правового характера». В результате такого нововведения, законодатель отнес к иным мерам уголовно-правового характера следующие меры: а) принудительные меры медицинского характера (Глава 15 УК РФ); б) конфискация имущества (Глава 15.1 УК РФ); судебный штраф, который был введен в связи с принятием Федерального закона от 3 июля 2016 года №323-ФЗ, дополнившего раздел 6 УК Главой 15.2 УК РФ. Уголовно-правовая наука, к сожалению, не готова была теоретически обосновать принудительные меры, которые не являются наказанием. Обращает на себя внимание то, что приоритет в исследовании принудительных мер уголовного закона, был отдан концепциям уголовной ответственности и наказания. К тому же, не совсем удачное название этого института, которое может быть истолковано как «иные, кроме наказания, меры уголовно-правового характера».

Проведенный нами анализ позиций ученых, исследовавших проблемы иных мер уголовно-правового характера, позволяет определить три группы авторов. К первой группе, относятся авторы, которых, с методологической точки зрения, берут широкий охват иных мер уголовно-правового характера, включая меры, относящиеся к видам освобождения от уголовной ответственности или виды освобождения от наказания [4, с. 21; 5 с. 105].

Другая же часть ученых, используют более узкий подход в исследовании рассматриваемой проблемы и относят к иным мерам уголовно-правового характера лишь принудительные меры медицинского характера, конфискацию имущества и принудительные меры воспитательного воздействия [6, с. 16; 7 с. 104].

Третья группа ученых, относит к иным мерам уголовно-правового характера отсрочку отбывания наказаний, отсрочку отбывания наказаний больным наркоманией, условное осуждение, принудительные меры воспитательного воздействия, принудительные меры медицинского характера, соединенные с исполнением наказания [8, с. 56; 9 с. 12].

Поэтому, изначально (до принятия ФЗ № 153-ФЗ), были правы те авторы, которые придерживались «широкого подхода» к определению иных мер уголовно-правового характера.

В русском языке слово «иной» означает отличающийся от этого, совершенно не такой. Отсюда следует, что базовым понятием, в этом контексте, выступает наказание. Любая принудительная мера уголовного закона, если ее толковать, используя грамматический метод, не являющаяся наказанием, выступает как «иная». Законодатель использует термин «мера» при характеристике содержания единичного принудительного средства, при характеристике наказания – «вид». В итоге мы имеем разные терминологические наименования («меры» и «виды») при харак-

теристике очень близких по правовой природе принудительных средств.

В словаре русского языка слово мера (меры) определяется как действие или совокупность действий, средств, для достижения чего-либо [10, с. 294]. Уголовное наказание представлено мерой в случаях, когда санкция Особенной части УК трансформируется в акт правоприменительной деятельности в виде меры наказания, назначенного по приговору суда. К том уже, наказание, как известно, предусмотрено в статьях Особенной части УК РФ в качестве санкции, в отличие от мер уголовно-правового характера. Стало быть, меры уголовно-правового характера не предусмотрены законом в качестве обязательной реакции на факт совершения преступления. Если проанализировать меры уголовного характера, закрепленных в Разделе 6 УК РФ, на предмет их социальной функции, то становится вполне очевидным их предупредительное значение. Если определять эти меры с точки зрения их социальной функции, то несомненно следует вывод, что эти меры носят самостоятельный характер и выступают в качестве превентивной меры государственного принуждения в ситуациях, когда применение наказания не эффективно или невозможно.

Под иными мерами уголовно-правового характера как институтом права, нам представляется совокупность правовых норм, закрепленных в 6 Разделе Уголовного кодекса Российской Федерации под наименованием «Иные меры уголовно-правового характера», регулирующих общественные отношения в сфере применения иных мер уголовно-правового характера, которые могут быть применены к лицам, совершившим преступление или общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом, а так же представляющих угрозу совершения таких деяний. Целью применения иных мер уголовно-правового характера является предупреждение совершения преступлений и общественно опасных деяний, запрещенное уголовным законом.

Таким образом рассмотрев наказание и иные меры уголовно-правового характера как институты уголовного права, можно прийти к выводу, что основным отличительным признаком их друг от друга является исключительно превентивная функция иных мер уголовно-правового характера, в то время как пред наказанием помимо отмеченной цели закрепляется так же восстановление социальной справедливости и исправление осужденного.

Список литературы:

1. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права – 5-е изд. М.: Юрист, 2022, – С.528.
2. Основы государства и права :Учебное пособие / С. А. Комаров, А. В. Кочетков, Д. В. Ирошников [и др.]. – 6-е изд., пер. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – С 681.
3. Уголовно-правовое воздействие: монография /Г.А. Есаков и др.; под ред. А.И. Рарога. – М.: Проспект, 2012. – С. 288.
4. Звечаровский И.Э. Понятие мер уголовно- правового характера //Законность. 2007. № 1. – С.19 – 21;
5. Иногамова-Хегай Л.В. Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности и иных мер уголовно-правового характера // Общество и право. 2016. №2. – С.103-108.
6. Павлова А.А. Иные меры уголовно-правового характера как институт уголовного права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. – С.28;
7. Корнеев С.А. Уголовная ответственность и иные меры уголовно-правового характера в структуре уголовно-правового воздействия: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2021. – С.184.
8. Сундугов Ф.Р. Наказание и альтернативные меры в уголовном праве. Казань. 2005. – С.170;
9. Гареев М.В. цели иных мер уголовно-правового характера и средства их достижения по российскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. Казань. 2005. – С. 198.
10. Ефремова Т.Ф. Словарь русского языка. М., 2001. В 3т. Т.2, – С. 460.

References:

1. Matuzov N.I., Malko A.V. Theory of State and Law - 5th ed. M.: Jurist, 2022, - P. 528.
2. Fundamentals of the State and Law: Textbook / S. A. Komarov, A. V. Kochetkov, D. V. Iroshnikov [et al.]. - 6th ed., trans. and add. - Moscow: Yurait Publishing House, 2023. - P. 681.
3. Criminal-legal impact: monograph / G.A. Esakov et al.; edited by A.I. Rarog. - M.: Prospect, 2012. - P. 288
4. Zvecharovsky I.E. The concept of criminal law measures // Legality. 2007. No. 1. - P.19 - 21
5. Inogamova-Khegay L.V. Differentiation and individualization of criminal liability and other measures of a criminal-legal nature // Society and Law. 2016. No. 2. - P. 103-108
6. Pavlova A.A. Other measures of criminal-legal nature as an institution of criminal law: diss. ... candidate of legal sciences. Moscow, 2011. – P.28
7. Korneev S.A. Criminal liability and other measures of a criminal-legal nature in the structure of criminal-legal influence: dis. ... candidate of legal sciences. Ryazan, 2021. - P. 184
8. Sundurov F.R. Punishment and alternative measures in criminal law. Kazan. 2005. – P.170
9. Gareev M.V. The goals of other measures of a criminal-legal nature and the means of achieving them under Russian criminal law: diss. ... Cand. of Law. Kazan. 2005. – P. 198
10. Efremova T.F. Dictionary of the Russian language. M., 2001. In 3 volumes. T.2, – P. 460

ВОСПОМИНАНИЯ О ТВОРЧЕСКОМ ПУТИ И УЧИТЕЛЯХ-НАСТАВНИКАХ MEMORIES OF HIS CREATIVE CAREER AND MENTORING TEACHERS

ИВАНОВ Пётр Иванович,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный профессор Академии управления МВД России, главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России. 125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru;

IVANOV Pyotr Ivanovich,

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chief Researcher of the Department for the Study of Problems of Sectoral Management of the Research Center Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 8 Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., Moscow, 125993, Russia.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

Краткая аннотация: в настоящей статье главная мысль автора изложена через призму трех взаимосвязанных подсистем, а именно: 1) описания собственной «фотографии» как ученого на фоне современного этапа развития теории ОРД как науки; 2) личного воспоминания об учителях-наставниках, способствовавших становлению автора настоящей статьи как ученого; 3) определения основных приоритетов развития теории ОРД в системе уголовно-правовых наук в условиях цифровой трансформации [11; 12; 15].

Разделяя мнение нижеприведенных авторов в рассматриваемом контексте цитируем: «Современная юридическая общественность, ее научная составляющая, прежде всего молодое поколение, не должна быть лишена возможности иметь представление о своих предшественниках, учителях [4], об их вкладе в исследование» [5]. При этом мы исходим из следующего: достижения предшественников должны передаваться из поколения в поколение, чтобы сохранить и воспроизводить их, создавая условия для расширения границ последующих исследований современных актуальных проблем, связанных с противодействием преступности, совершаемых прежде всего с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Размышляя через призму вышестоящего тезиса, еще хочу сослаться на высказывание, содержащее весьма глубокий смысл: «многие из нас живут так, как будто они никогда не умрут, а умирают так, как будто никогда и не жили. А жизнь надо прожить так, чтобы на небесах наши имена знали, а на Земле помнили» [24].

Мы не ставили перед собой цель всестороннего рассмотрения многогранной деятельности учителей-наставников: профессоров В.М. Атмажитова, Б.В. Бойцова и Е.В. Токарева, преждевременно ушедших из жизни. Заметим для ясности, научным консультантом по моей докторской диссертации был профессор В.М. Атмажитов, по кандидатской – Б.В. Бойцов.

Что же касается моей творческой «фотографии», то ее решил во избежание повторов сопровождать ссылками отзывов, в которых дана развернутая характеристика научными и практическими работниками, и которые ими опубликованы в виде научных статей.

Abstract. In this article, the main idea of the author is presented through the prism of three interrelated subsystems, namely: 1) describing his own "photography" as a scientist against the background of the current stage of development of the theory of gangs as a science; 2) personal memories of teachers and mentors who contributed to the formation of the author of this article as a scientist; 3) determining the main priorities for the development of the theory of GANGS in the system of criminal law sciences in the context of digital transformation.

Sharing the opinion of the following authors in this context, we quote: "The modern legal community, its scientific component, especially the younger generation, should not be deprived of the opportunity to have an idea of their predecessors, teachers, and their contribution to research." At the same time, we proceed from the following: the achievements of our predecessors should be passed down from generation to generation in order to preserve and reproduce them, creating conditions for expanding the boundaries of subsequent research on current topical issues related to combating crime, committed primarily using information and communication technologies.

Reflecting through the prism of the above thesis, I also want to refer to a statement that contains a very deep meaning: "many of us live as if they will never die, and they die as if they had never lived. And life must be lived in such a way that our names are known in heaven and remembered on Earth."

We did not set ourselves the goal of a comprehensive review of the multifaceted activities of teachers and mentors: professors V.M. Atmazhitov, B.V. Boitsov and E.V. Tokarev, who passed away prematurely. For the sake of clarity, Professor V.M. Atmazhitov was the scientific advisor for my doctoral thesis, and B.V. Boytsov for my PhD thesis.

As for my creative "photography," in order to avoid repetition, I decided to accompany it with links to reviews that provide detailed descriptions by researchers and practitioners, and which they have published in the form of scientific articles.

Ключевые слова: Академия управления МВД России, профессор, ученый, заслуженный юрист РФ, заслуженный профессор, учителя-наставники, их вклад в формировании автора статьи как ученого.

Keywords: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, professor, scientist, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored professor, teachers-mentors, their contribution to the formation of the author of the article as a scientist.

Для цитирования: Иванов П.И. Воспоминания о творческом пути и учителях-наставниках // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 529-534. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_529.

For citation: Ivanov P.I. Memories of his creative career and mentoring teachers // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 529-534. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_529.

Статья поступила в редакцию: 25.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Для любого человека и гражданина жизнь – это большая ценность. В связи с этим давайте мы с вами вспомним слова автора бессмертного произведения «Как закалялась сталь» Николая Алексеевича Островского. Цитирую: «Самое дорогое у человека – это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно, чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы

были отданы самому прекрасному в мире ...»¹.

Принимая во внимание эти строки, попытаемся вкратце переосмыслить их применительно к жизни и деятельности указанных профессоров. Сразу же напрашивается несколько умозаключений (выводов): 1) они не дорожили своей жизнью, полностью отдав ее научной и педагогической работе; 2) прожили для своих учеников, которые под их научным руководством стали докторами и кандидатами наук; 3) им не стыдно и не позорно (обидно) после себя они оставили бесценный дар в виде учебников, учебных пособий, заменяющих учебники, множество научных статей; 4) они прожили не бесцельно, основной их целью явилась добросовестное выполнение ими возложенных на них обязанностей, служение своей Родине.

Мои учителя-наставники, изучая социально-правовые явления и процессы по их недопущению, всегда исходили из следующих постулатов²: установленных закономерностей теории познания и отражения³; существующих на практике проблем, требующих разрешения с учетом объективно существующих условий и совокупности факторов, оказывающих на них влияние; научного понимания роли и места реальной практики как критерии истины и движущей силы научного познания, определяющей в конечном счете «портфель заказов», в частности, оперативных подразделений МВД России.

Руководствуясь приведенными концептуальными положениями, они считали и в своих научных трудах раскрывали их содержание, особо отметив, что познание немислимо и невозможно без установления истинных знаний. Не бывает познания ради самого процесса познания, оно должно преследовать конкретную цель, в данном случае – отыскание истины. Любая наука, в том числе оперативно-розыскная, ориентирована на получение объективной истины, достигаемой научными формами и методами познания. В связи с этим утверждали, что материалистическое учение о познаваемости явлений и процессов присуще и к теории ОРД. Иными словами, как в свое время констатировали мои учителя-наставники, теория познания является универсальным ключом для установления обстоятельств совершенного преступления, поскольку требование установления объективной истины основывается на объективных закономерностях познания объективного мира.

Теперь в соответствии с заявленной нами структурой настоящей научной статьи попытаемся раскрыть ее содержание.

Как уже указали, одним из ее элементов является краткое описание автором собственной «фотографии» как ученого на фоне современного этапа развития теории ОРД как науки.

Продолжая развивать идеи, высказанные в свое время моими учителями-наставниками в ходе нашей совместной научно-исследовательской работы, связанные прежде всего с совершенствованием теоретико-методологических основ оперативно-розыскной науки как ее фундамента, многократно убеждался в их правоте и прозорливости определения их перспектив развития. «Раскручивая» для себя (глубокий смысл) в своих научных работах замысел **заветов**, всегда получал и получаю одно удовольствие в плане подпитки новым научным знанием, расширения границ предстоящих познаний (своего рода «дорожная карта»). Тем самым ощущаю очевидную полезность проводимой мной работы для теории и практики ОРД.

И только спустя уже несколько лет понял, что такое наставничество и какова его цена (роль и место в становлении настоящего специалиста в избранной области). Хорошие деловые отношения с учителями сложились будучи еще одним из членов научной школы. Наше тесное сотрудничество с ними продолжалось до последних дней их жизни. Мне посчастливилось работать с учителями-наставниками в атмосфере взаимопонимания и дружбы.

Таким образом я связал свою судьбу, дальнейший жизненный путь с наукой. Принял для себя нелегкое решение, уже имея соответствующий «багаж» теоретического знания и опыт практической работы [25] – идти в научную деятельность (науку).

Надо сказать, что я нисколько не ошибся (не огорчен), наоборот благодарен своей судьбе за мудрое и единственно верно (правильно) принятое мной решение.

Не могу утвердительно сказать, что мои научные труды шли как говорят «без сучка и задоринки», безусловно, же, нет. Порой по несколько раз приходилось по поступившим замечаниям исправлять представленную для рецензирования работу. Полагаю, все это шло не впрок, а в пользу. Я горжусь тем, что являюсь учеником указанных учителей-наставников, каждый из них вложил свое накопленное за долгие годы знание и практический опыт, чтобы из меня сформировать как состоявшегося ученого в сфере ОРД [9].

Сегодня, непосредственно занимаясь научной деятельностью, я выражаю слова признательности и благодарности за их терпение, время, которое было потрачено на формирование меня как ученого, хотя их уже в живых-то нет. Абсолютно уверен, что благодаря личным и человеческим качествам я, как и многие их ученики, достиг научных успехов.

Не могу оставить без внимания одну характерную и присущую моим учителям-наставникам особенность: выступления (доклады) на научно-практических конференциях были особо привлекательными, завораживали слушателей, поражали окружающих масштабностью, простотой изложения сложных оперативно-розыскных проблем, эрудированностью, умением владеть юридическим терминологическим инструментарием, увидеть их простое решение.

Обращаясь к читателям, хочу выразить свое мнение: все это вполне можно отнести и к вашей покорной слуге, который используя ин-

¹ Чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы ... [Электронный ресурс] URL: <https://zen.ru/a/XPoHxtrpleACwzCIQ> (дата обращения: 01.08.2025).

² Под постулатом нами понимается положение или принцип научной теории, принятый в качестве исходного и недоказуемый в ее рамках. В логике и методологии науки понятие постулата обычно тождественно понятию «аксиома». Постулировать — значит принимать исходное положение без доказательств.

³ Немаловажным является учет философских законов и категорий. Укажем основные из них, это: познаваемость социальных явлений, единство и борьба противоположностей, переход количества в качество, причинность и следствие. Благодаря указанным законам представляется возможным глубже проникнуть в сущность явлений и процессов.

струментарий криминологии, криминалистики, уголовного процесса и уголовного права эффективно интерпретирует в своих работах, преимущественно посвященных проблемам оперативно-розыскного обеспечения экономической безопасности. Труды его имеют большой научный интерес, ибо в них показан генезис развития творческих качеств автора, его кругозор в научном познании проводимых им исследований. Научно доказано, что первоначально описанные понятия явлений и процессов часто видоизменяются, приобретая совершенно отличные качества. Мы каждый раз пытались их установить и подметить, что, на наш взгляд, не так часто можно увидеть при анализе (рецензировании) чужих монографических работ такой концептуально новый подход к исследованию социально правовых явлений.

Непосредственно возвращаясь «фотографии» автора настоящей статьи, попытаемся вкратце ее описать.

Вначале подчеркнем три ключевых момента в его творчестве:

- становление по итогам 2023 г. лауреатом общенациональной премии «Профессор года», а через год – победителем внутри-академического конкурса «Ученый года». Эти знаковые события для него стали результатом кропотливого труда и незабываемыми вехами в его жизни;
- подготовка и издание свыше 580 монографических и иных работ, которые стали достоянием научной общественности по насущным проблемам современности;
- активное участие в подготовке научных работников. Под его научным руководством подготовили и успешно защитили три докторских диссертаций трое соискателей. Как мне представляется, внесен ощутимый вклад в общую теорию ОРД в виде частных теорий.

Не раскрывая детали вышеуказанных проделанных мной работ, хочу подчеркнуть, что это, как обычно говорят, не «капля в море», а вполне позитивно оцениваемый результат (итог) ежедневно проведенной плановой научно-исследовательской работы.

Говоря о себе, забегая вперед, хочу ставить в качестве примера профессора В.М. Аتماжитова [1; 2; 3], который несмотря на плотный график всегда находил время, чтобы вникнуть в проблему, переживал вместе со мной и всегда подсказывал выход из порой сложной и трудно разрешимой ситуации. Не сомневаюсь, что также он относился к любому из своих учеников.

Оценивая научную деятельность профессора В.М. Аتماжитова остается только поражаться и одновременно восхищаться его работоспособностью, многоаспектностью научных направлений, по которым он работал. Под его руководством и личном участии разработан авторский вариант проекта федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Внедрил в практическую деятельность значительное количество предложений и рекомендаций по повышению эффективности оперативных подразделений ОВД, в том числе по противодействию общеуголовной и организованной преступности и преступлениям террористической и экстремистской направленности. Им разработанные многие предложения стали концептуальной основой «реформирования» оперативно-розыскного законодательства.

Обращает особое внимание его методика рецензирования научных работ. В.М. Аتماжитов в первую очередь обращал на ошибки в формулировании понятий и терминов (определений), отсутствие системного подхода в конструировании предлагаемых методик (методических рекомендаций) по выявлению и раскрытию преступлений. Его труды оригинальны по глубине научного проникновения, высвечивают различия и сходства при характеристике различных видов преступлений. Критически оценивая рецензируемые им работы, одновременно высказывал варианты решения изучаемых проблем. При этом он стремился получить новые научные знания. Не секрет, материализовал множество своих взглядов.

Сослуживцы считали его профессионалом высокого уровня, постоянно обращались к нему за советом и помощью, которую он оказывал охотно и бескорыстно.

Известно, что, несмотря на требовательность и строгость Учителя к своим ученикам, мои наставники переживали за каждого из них и искренне радовались их успехам.

Другим немаловажным элементом заявленной мной структуры является личное воспоминание об учителях-наставниках (В.М. Аتماжитов [13; 14], Б.В. Бойцов [8; 17], Е.В. Токарев [7; 10; 16]), способствовавших становлению меня как ученого¹.

Думается, что по праву их имена стоят в ряду выдающихся российских ученых, многолетняя научная деятельность которых во многом способствовала сохранению и преумножению научного и образовательного потенциала Академии управления МВД России.

Справедливости ради следует отметить, что с каждой областью научных знаний время и история прочно связывают имена людей – талантливых и пытливых исследователей. Труды указанных ученых явились концептуальным фундаментом становления и дальнейшего развития теории и практики ОРД. Их труды знают не только в нашей стране, но и за рубежом. Забегая вперед, без преувеличения можно сказать, что перед нами настоящие лидеры теоретических и практических исследований в сфере оперативно-розыскного противодействия преступности.

При этом невольно вспоминаются слова А. Суворова: «теория без практики мертва, практика без теории слепа». Уже сегодня, в несколько обновленном виде, звучат нами воспроизведенные слова легендарного полководца: «нет ничего практичнее, чем хорошая теория». Тем самым подчеркивается особая значимость теории оперативно-розыскной деятельности как науки, располагающей на сегодняшний день отчасти познанными ею закономерностями возникновения и развития, например, киберпреступности [6]. Полученные знания, как правило, скла-

¹ К числу показателей оценки творческой деятельности ученого, на наш взгляд, следует отнести: количество сформулированных им частных теорий, несущих (обогащающих) новые знания в науку; количество (число) разработанных научных идей, нуждающихся в исследовании и отличающихся по своей оригинальности; непосредственное формулирование научной концепции (доктрины) оперативно-розыскной политики, отвечающей современным условиям; разработку базовых терминов и понятий, используемых при внедрении в деятельность правоохранительных органов цифровых технологий, вытесняющих ручной труд в области документооборота; иницирова-

дываются в своеобразную систему, состоящую из двух блоков – научно-теоретического и прикладного, о чем еще в свое время утверждали в своих научных трудах рассматриваемые нами профессора, усилиями и достижениями которых создавались научно-теоретические, правовые и организационно-тактические основы оперативно-розыскной науки.

Сфера научных их интересов многогранна (многоаспектна). Они автор многочисленных исследовательских трудов – фундаментальных монографий, солидных и актуальных статей, рецензии и отзывов. Под их научным руководством изданы прекрасные учебники и учебные пособия, написаны и защищены докторские и кандидатские диссертации.

Следует отметить их активную деятельность в организации и проведении различных научных форумов (конгрессов, конференций, семинаров, круглых столов) по различным проблемам, включая противодействия общеуголовной и экономической преступности. Широта научных интересов, стремление к овладению современными методами научных исследований, постоянный поиск новых путей решения актуальных проблем, опыт организаторской деятельности позволили им создать **научную школу**, в которой плодотворно осуществлялись научные исследования преимущественно в области ОРД и управления.

Мои учителя-наставники всегда последовательно отстаивали свои взгляды и убеждения, продуманно и обоснованно формулировали свои выводы и предложения. При этом важно указать одну деталь: они никогда не выставляли напоказ свои научные знания, практический опыт, не гордились своей ученостью, авторитетом; всегда оставались простым, доступным в научной дискуссии, терпимым к недостаткам других в личном общении.

Как нам представляется, их научные труды были проникнуты заботой о правовом воспитании, повышении юридической культуры сотрудников ОВД, привитии им чувства ответственности. Бережного отношения к богатому наследию прошлого героического пути старшего поколения.

Они внесли большой вклад в подготовку научных, педагогических и практических кадров для правоохранительных органов, отдавая много сил и времени работе, в частности, с адъюнктами и докторантами.

В научных кругах прежде всего в области ОРД, криминалистики, уголовного процесса вряд ли найдется человек, который не знаком с работами указанных профессоров. При этом хотим заметить, что научно-методические и научно-практические пособия по организации и тактике борьбы с отдельными видами преступлений общеуголовной и экономической направленности, разработанные рассматриваемыми профессорами, широко использовались и продолжают использоваться не только в практической деятельности сотрудников оперативных подразделений полиции, но и в научно-исследовательском и учебном процессе образовательных учреждений МВД России, ФСИН России, ФСБ России и ФТС России.

Мне же посчастливилось не только знать их лично, но и быть, в частности, учеником профессоров В.М. Аتماжитова и Б.В. Бойцова.

Во многом благодаря инициативности, энтузиазму и поистине неиссякаемой творческой энергии их ученики, без преувеличения можно констатировать, входили и входят в элиту российских ордэшников. Они выходцы из научной школы, где были руководителями В.М. Аتماжитов и Е.В. Токарев, ценят своих учителей за научные достижения и профессионализм.

Мудрые, дальновидные наставники, неумолимые, самоотверженные труженики, внимательные, справедливые руководители – таким знают о них ученики, коллеги и друзья¹.

За заслуги в укреплении законности и правопорядка, развития юридической науки и подготовке кадров правоохранительных органов они отмечены многочисленными государственными и ведомственными наградами.

Наконец, *третьим элементом* заявленной в начале статьи структуры выступает *определение основных приоритетов развития теории ОРД в системе уголовно-правовых наук в условиях цифровой трансформации*.

Свое авторское видение перспектив развития указанной теории хотим представить на суд научной общественности через призму противодействия преступлениям экономической и коррупционной направленности. При этом затронем две разновидности цифровой технологии. Среди них это *технология-«Блокчейн»*, которая нуждается в уяснении возможностей ее применения в интересах противодействия названных видов преступлений. В настоящее время здесь существует проблема, суть которой заключается в разрешении существующего противоречия между потребностью углубленного изучения через призмы теории ОРД использования возможностей технологии-«Блокчейн» в противодействии указанным видам преступлений и поверхностное научное представление о ней. Такое положение, как показывает проведенное нами выборочное изучение названной проблемы, не позволяет вскрыть совокупность факторов, связанных с ней, и уяснить природу их происхождения, что не обеспечивает получение новых научных знаний об этой технологии, необходимых для разработки предложений и рекомендаций по повышению эффективности и результативности деятельности по противодействию названных видов преступности посредством применения технологии-«Блокчейн».

Учитывая данное обстоятельство, автор в настоящей статье пытается вкратце подвергнуть научно-теоретическому осмыслению принцип работы технологии – «Блокчейн» (распределенного реестра) с тем, чтобы по мере возможности адаптировать его в такой специфической области деятельности, как противодействие экономической и коррупционной преступности. Не секрет, специалисты теории ОРД в этом плане уже предпринимают определенные меры. Активно изучают и критически анализируют имеющиеся наработки (достижения) прежде всего уголов-

ние новых научных направлений в сфере ОРД по противодействию транснациональной организованной налоговой преступности; создание ранее неизвестных моделей (методик) выявления и раскрытия общеуголовных преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий.

но-правовых наук.

Принятая в прошлом году ведомственная программа цифровой трансформации МВД России на 2024-2026 годы² также создает необходимые предпосылки (условия) для активизации поиска новых форм информационных цифровых технологий в целях повышения эффективности указанной деятельности.

На стыке двух теорий – экономической и оперативно-розыскной, пока еще недостаточно изучена названная технология, представляемая собой набор блоков данных, соединенных криптографическими инструментами таким образом, чтобы сделать невозможным изменение содержимого одного блока без изменения остальных. В цифровом реестре информация хранится в сети децентрализованных узлов, и все зафиксированные транзакции прозрачны для каждого члена сети. Такой подход к обработке данных (децентрализованный и распределенный) предотвращает ретроактивное изменение данных. Фактически блокчейн опирается на механизм достижения консенсуса, обеспечивающий точность операций без необходимости доверия к действиям отдельных участников сети. Определенную лепту и мы хотим внести в плане адаптации анализируемой технологии³ для нужд подразделений ЭБиПК ОВД.

Между тем считаем целесообразным отметить, что мы не ставим перед собой цель всестороннего освещения в рамках настоящей работы всех вопросов, связанных с названной системой, ибо она в отдельно взятой статье вряд ли достижима. Одновременно автор отдает себе отчет в том, что не все высказанные им положения могут рассматриваться как «истина в последней инстанции». Разумеется, отдельные из них носят спорный, дискуссионный характер и, безусловно, требуют дополнительной аргументации. Тем не менее изложенные идеи и суждения, на наш взгляд, в дальнейшем могут быть приняты во внимание при углубленном их изучении и анализе.

Как нам представляется, второй разновидностью анализируемой технологии, на наш взгляд, является *автоматизированный программный комплекс* мониторинга и анализа социальных сетей и онлайн СМИ «Демон Лапласа»⁴, рассчитанный на повышение эффективности информационно-аналитической работы. Со своей стороны полагаем, что данный комплекс может быть адаптирован, предварительно создав для этого ряд условий (осуществление предварительной научной проработки, разработка нормативно-правовой базы, программное и организационно-методическое обеспечение), в интересах оперативного обслуживания экономических структур, входящих к числу объектов первоочередной оперативной заинтересованности. Думается, что затронутая нами проблема заслуживает отдельного рассмотрения, поэтому мы пока что ограничиваемся на сказанном.

Подводя итог сказанному, отметим следующее.

Во-первых, автор настоящей статьи воспитывался в окружении состоявшихся ученых в области теории ОРД, от которых он перенял все самое лучшее для своего будущего. Не без их заветов (напутствий), которые всячески стремился воплотить в реальную жизнь, смог успешно защитить докторскую диссертацию, стать профессором, а затем-лауреатом общенациональной премии «Профессор года», через год - победителем внутри-академического конкурса «Ученый года». В настоящее время, работая в Академии управления МВД России, всецело отдает себя на выполнение ее целевых показателей деятельности.

Популяризация подобного образа, безусловно, будет способствовать повышению престижа оперативно-розыскной науки и профессии ученого. Следует особо отметить работу П.И. Иванова со своими учениками, в частности научным сотрудником научно-исследовательского центра Академии управления МВД России Ишиным Иваном Анатольевичем, который в должной мере впитал идеалы профессора, а также подготовил ряд научных статей под его руководством высоко оцененных научным сообществом [18; 19; 20; 21; 22; 23].

Во-вторых, его учителями-наставниками были неординарные личности – ученые-профессора, которые способствовали ему успешному прохождению по службе, создавая для этого благоприятные условия. Они сами были для автора и коллег образцами по совокупности нравственно-психологических свойств (интеллект, способности, навыки, интересы, мотивы, ценностные ориентации, взгляды, потребности). Все это, взятое воедино, позволяет без преувеличения сказать, что перед нами предстают многогранные, талантливые творцы, генераторы новых идей, энциклопедисты, всесторонне образованные учителя и педагоги. Наша задача, сохранить о них память как известных основоположников оперативно-розыскной науки. Вот их-то научное сообщество обязан воспринимать должным образом как выразителей ее ценностей и идеалов.

В-третьих, в новых условиях – условиях цифровой трансформации, заметно активизировалась научная (научно-исследовательская) деятельность, направленная на получение и применение на правоприменительной практике новых знаний об основных закономерностях, отражающих принцип работы цифровых технологий (например, автоматизированный программный комплекс мониторинга и анализа социальных сетей и онлайн СМИ «Демон Лапласа» или технология-«Блокчейн»), постепенно внедряемых в повседневную практику в целях ее повышения.

Список литературы.

1. Аتماжитов В.М. О некоторых направлениях развития теории оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сшыик). 2015. № 1(42). С. 19-27.
2. Аتماжитов В.М. О сущности оперативно-розыскной деятельности // Труды Академии управления МВД России. 2008. № 1(5). С. 66-70.
3. Бобров В.Г., Аتماжитов В.М. В Академии управления МВД России состоялся очередной семинар по проблемам оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сшыик). 2011. № 1(26). С. 56-58;

¹ Чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы ... [Электронный ресурс] URL: <https://dzen.ru/a/XPoHxtrpleACwzCIQ> (дата обращения: 01.08.2025).

² Распоряжение МВД России от 25.01.2024. № 1/724.

³ Со своей стороны полагаем возможным при соблюдении соответствующих условий и требований использование рассматриваемой технологии в таких сегментах ОРД, как комплекс оперативно-розыскных мероприятий, содействие граждан органам, осуществляющим ОРД, финансовое ее обеспечение. Каждый из них – проблема глубокой проработки.

⁴ Функциональные возможности программного комплекса мониторинга и анализа социальных сетей и онлайн СМИ позволяют осуществлять поиск информации в открытых информационных источниках социальных сетей, выявлять аккаунты, публикующие противоправный контент. Иными словами, с помощью комплекса проводится мониторинг информационных ресурсов, попавших в поле оперативного внимания, поскольку социальные сети, мессенджеры и онлайн СМИ в настоящее время могут стать основными инструментами для совершения операций (сделок), связанных с незаконным оборотом янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней, драгоценных металлов, драгоценных камней либо жемчуга.

4. Дементьев А.Д. Не смейте забывать учителей, 1967 г. URL: http://katun24.ru/projects/lyubi_mye-stihi/577496 (дата обращения: 10.04.2024).
5. Ершов В.В., Власенко Н.А. Вместо предисловия // Видные ученые-юристы России (вторая половина XX века). Энциклопедический словарь биографий. М., 2006. – С.3.
6. Иванов П.И. Актуальные вопросы развития оперативно-розыскной науки на современном этапе // Проблемы борьбы с преступностью и подготовка кадров для правоохранительных органов: тезисы докладов Международной научно-практической конференции (26 февраля 2021 г., Минск). Минск, 2021. С.98-99.
7. Иванов П.И. Вклад профессора Е.В. Токарева в разработку частной теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Закон и право. – 2016. – № 7. – С. 145-149.
8. Иванов П.И. Воспоминания о профессоре Б.В. Бойцове – основоположнике частной теории документирования // Право и государство: теория и практика. 2024. № 10 (238). – С. 432-435.
9. Иванов П.И. Кто он такой современный ученый? // Право и государство: теория и практика. 2025. № 2. С. 402-408.
10. Иванов П.И. О частной теории оперативно-розыскной деятельности ОВД и ее основоположнике // Право и государство: теория и практика. 2024. № 7(235). С.514-517.
11. Иванов П.И. Оперативно-розыскная деятельность в условиях цифровой реальности: ее научное обеспечение // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022, № 2 (68). – С. 64-67.
12. Иванов П.И. Перспективы и тенденции развития оперативно-розыскной науки // Сборник научных статей по итогам Недели российской науки в Рязанском филиале Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя. Рязань: Ряз. фил. Моск. ун-та МВД России им. В. Я. Кикотя, 2021. С. 496-500;
13. Иванов П.И. Профессор В.М. Атамжитов – великий учитель-ордэшник // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 398-399.
14. Иванов П.И. Профессор В.М. Атамжитов – руководитель, ученый, педагог и наставник // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 1. С. 240-241;
15. Иванов П.И. Цифровая реальность и ее влияние на развитие оперативно-розыскной науки // сборник материалов I Всерос. науч.-практ. конф. «Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции (Долговские чтения)» (Москва, 27 января 2021 г.) / под общ. ред. О.С. Капинус. – М.: Ун-т прокуратуры РФ. 2021. – С.92-99;
16. Иванов П.И. Частная теория документирования: ее сущность и содержание // Оперативник (Сыщик). – 2016. – № 3 (48). – С. 15-22;
17. Иванов П.И. Частная теория организации оперативно-розыскной деятельности в системе общей теории (в порядке постановки проблемы) // Вестник Владимирского юридического института. 2021, № 3. – С. 44-51.
18. Ишин, И. А. О проведении оперативно-розыскных мероприятий при раскрытии правонарушений в сфере незаконного оборота полудрагоценных камней как правоприменительной формы реализации оперативно-розыскной политики / И. А. Ишин // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы : Сборник научных трудов по материалам международной конференции (к 100-летию со дня рождения Н.А. Стручкова), Москва, 30 сентября 2022 года. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 344-349. – EDN EIPRZF.
19. Ишин, И. А. О совершенствовании мер оперативно-розыскного предупреждения преступлений в сфере незаконного оборота полудрагоценных камней / И. А. Ишин // Академическая мысль. – 2022. – № 2(19). – С. 41-43. – EDN IYCNUX.
20. Ишин, И. А. О совершенствовании правовой основы оперативно-розыскного противодействия незаконному обороту полудрагоценных камней / И. А. Ишин // Уголовное право и оперативно-розыскная деятельность: проблемы законодательства, науки и практики : Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Москва, 28–29 апреля 2022 года / Под редакцией Г.В. Щербакова, Г.С. Шкабина. Том Часть 2. – Москва: Федеральное казенное учреждение "Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации", 2022. – С. 34-38. – EDN XEKNIA. Ишин, И. А. О состоянии оперативно-розыскного противодействия незаконному обороту полудрагоценных камней / И. А. Ишин // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 1(65). – С. 156-163. – DOI 10.24412/2072-9391-2023-165-156-163. – EDN FDYLFV.
22. Ишин, И. А. Применение беспилотных летательных аппаратов для выявления и документирования преступлений и правонарушений в сфере незаконного оборота янтаря и нефрита / И. А. Ишин // Пробелы в российском законодательстве. – 2025. – Т. 18, № 2. – С. 116-121. – EDN OIHHNH.
23. Ишин, И. А. Факторы, влияющие на состояние оперативно-розыскного противодействия незаконному обороту янтаря и нефрита / И. А. Ишин // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2025. – № 1(102). – С. 212-217. – EDN HRPTAF.
24. Маликов С.В. Об уникальном человеке и великом учителе-ученом // Научная школа профессора В.П. Лаврова: история и современность (к 90-летию ученого): сб. науч. тр. Междунар. науч. – прак. конф. (Москва, 26 сент. 2023 г.) / (сост. М.А. Васильева). – М.: Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2024. – С.12.
25. Шитов А.С., Журявлев А.В., Анников А.В. Видному ученому-юристу П.И. Иванову — 70 лет // Образование. Наука. Научные кадры. 2022. № 2. С. 143—145. doi: 10.24412/2073-3305-2022-2-143-145.

References.

1. Atmazhitov V.M. On some areas of development of the theory of operational investigative activities // Operative (detective). 2015. No. 1(42). pp. 19-27.
2. Atmazhitov V.M. On the essence of operational investigative activities // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2008. No. 1(5). pp. 66-70.
3. Bobrov V.G., Atmazhitov V.M. The Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia hosted a regular seminar on the problems of operational investigative activities // Operativnik (detective). 2011. No. 1(26). pp. 56-58;
4. Dementyev A.D. Don't you dare forget the teachers, 1967. URL: http://katun24.ru/projects/lyubi_mye-stihi/577496 (accessed: 04/10/2024).
5. Ershov V.V., Vlasenko N.A. Instead of a preface // Prominent legal scholars of Russia (the second half of the twentieth century). Encyclopedia of Biographies, Moscow, 2006, pp.3.
6. Ivanov P.I. Actual issues of the development of operational investigative science at the present stage // Problems of combating crime and training personnel for law enforcement agencies: abstracts of the International Scientific and Practical Conference (February 26, 2021, Minsk). Minsk, 2021. pp.98-99.
7. Ivanov P.I. The contribution of Professor E.V. Tokarev to the development of a private theory of operational investigative activities of internal affairs bodies // Law and Order, 2016, No. 7, pp. 145-149.
8. Ivanov P.I. Memoirs of Professor B.V. Boytsov, the founder of the private theory of documentation // Law and the State: theory and practice. 2024. No. 10(238). pp.432-435.
9. Ivanov P.I. Who is he a modern scientist? // Law and the State: theory and practice. 2025. No. 2. pp. 402-408.
10. Ivanov P.I. On the private theory of operational investigative activities of the Department of Internal Affairs and its founder // Law and the State: theory and practice. 2024. No. 7 (235). – pp.514-517.
11. Ivanov P.I. Operational investigative activity in the conditions of digital reality: its scientific support // Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, No. 2 (68), pp. 64-67.
12. Ivanov P.I. Prospects and trends in the development of operational investigative science // Collection of scientific articles on the results of the Week of Russian Science at the Ryzan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot. Ryazan: Ryazan. phil. Moscow time. V. Ya. Kikot University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. pp. 496-500;
13. Ivanov P.I. Professor V.M. Atmazhitov – the great teacher-orderly // Law and the state: theory and practice. 2024. No. 5(233). pp. 398-399.
14. Ivanov P.I. Professor V.M. Atmazhitov – head, scientist, teacher and mentor // Education. Science. Scientific staff. 2021. No. 1. pp. 240-241;
15. Ivanov P.I. Digital reality and its impact on the development of operational investigative science // collection of materials of the First All-Russian Scientific and Practical Conference "Digital technologies in the fight against crime: problems, state, trends (Dolgovsky readings)" (Moscow, January 27, 2021) / under the general editorship. O.S. Kapinus, Moscow: University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2021, pp.92-99;
16. Ivanov P.I. Private theory of documentation: its essence and content // Operative (Detective). – 2016. – № 3 (48). – Pp. 15-22;
17. Ivanov P.I. Private theory of the organization of operational investigative activities in the system of general theory (in the order of the problem statement) // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2021, No. 3. pp.44-51.
18. Ishin, I. A. On conducting operational investigative measures in the detection of offenses in the field of illicit trafficking in semiprecious stones as a law enforcement form of implementing operational investigative policy / I. A. Ishin // Criminal policy of Russia at the present stage: status, trends, prospects : A collection of scientific papers based on the materials of the international conference (k 100- anniversary of N.A. Struchkov's birth), Moscow, September 30, 2022. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. – pp. 344-349. – EDN EIPRZF.
19. Ishin, I. A. On improving measures for the operational and investigative prevention of crimes in the field of illicit trafficking in semiprecious stones / I. A. Ishin // Academic Thought. – 2022. – № 2(19). – Pp. 41-43. – EDN IYCNUX.
20. Ishin, I. A. On improving the legal framework for operational investigative counteraction to illicit trafficking in semiprecious stones / I. A. Ishin // Criminal law and operational investigative activities: problems of legislation, science and practice : Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 28-29, 2022 / Edited by G.V. Shcherbakov, G.S. Shkabin. Volume Part 2. Moscow: Federal State Institution "Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation", 2022. pp. 34-38. – EDN XEKNIA. Ishin, I. A. On the state of operational-investigative counteraction to the illegal trafficking of semiprecious
21. Valuable stones / I. A. Ishin // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1(65). – Pp. 156-163. – DOI 10.24412/2072-9391-2023-165-156-163. – EDN FDYLFV.
22. Ishin, I. A. The use of unmanned aerial vehicles to identify and document crimes and offenses in the field of illicit trafficking in amber and jade / I. A. Ishin // Gaps in Russian legislation. – 2025. – Vol. 18, No. 2. – pp. 116-121. – EDN OIHHNH.
23. Ishin, I. A. The factors influencing the state of operational-investigative counteraction to the illegal trafficking of amber and jade / I. A. Ishin // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. – 2025. – № 1(102). – Pp. 212-217. – EDN HRPTAF.
24. Malikov S.V. About a unique man and a great teacher-scientist // Scientific school of Professor V.P. Lavrov: history and modernity (dedicated to the 90th anniversary of the scientist): Collection of scientific papers of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, September 26, 2023) / (comp. M.A. Vasilyeva). Moscow: University of the Prosecutor's Office of the Russian Academy of Sciences. Russian Federation, 2024. – p. 12.
25. Shitov A.S., Zhuravlev A.V., Annikov A.V. Prominent legal scientist P.I. Ivanov is 70 years old // Education. Science. Scientific staff. 2022. No. 2. pp. 143-145. doi: 10.24412/2073-3305-2022-2-143-145.

ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО И ОРГАНИЗАЦИОННОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА FEATURES OF REGULATORY AND ORGANIZATIONAL COUNTERACTION TO CYBERCRIMES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND CERTAIN COUNTRIES OF THE ASIA-PACIFIC REGION

РУДЕНКО Максим Борисович,

кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры информационных технологий, Восточно-Сибирский институт МВД России.

664074, Россия, Иркутская обл., г.Иркутск, ул.Лермонтова, 110.

E-mail: rudenko@inbox.ru ;

ГОЛОДКОВ Юрий Эдуардович,

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры автоматизации и управления, Иркутский национальный исследовательский технический университет.

664074, Россия, Иркутская обл., г.Иркутск, ул.Лермонтова, 83

E-mail: yrg27@mail.ru;

RUDENKO M.B.,

PhD in Engineering, Associate Professor, Professor of the Department of Information Technologies, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

664074, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, Lermontov st., 110.

E-mail: rudenko@inbox.ru ;

GOLODKOV YU.E,

PhD in Engineering, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Automation and Control. Irkutsk National Research Technical University.

664074, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, Lermontov st., 83.

E-mail: yrg27@mail.ru.

Краткая аннотация: В статье проводится сравнительный анализ нормативно-правовых и организационных мер противодействия киберпреступлениям в Российской Федерации и ряде стран Азиатско-Тихоокеанского региона (КНР, Индия, Вьетнам, Япония) в контексте принятия Федерального закона № 41-ФЗ от 01.04.2025. Рассматриваются особенности законодательного регулирования, механизмы блокировки мошеннических ресурсов, ответственность операторов связи и финансовых организаций, а также практики возмещения ущерба пострадавшим. Особое внимание уделяется превентивным мерам, межведомственному взаимодействию и балансу между эффективностью противодействия киберпреступности и защитой прав граждан. На основе проведенного анализа авторы выделяют сильные и слабые стороны правовых систем каждой из стран и формулируют условия эффективного противодействия кибермошенничеству в Российской Федерации.

Abstract: This article provides a comparative analysis of regulatory, legal, and organizational measures to combat cybercrime in the Russian Federation and several countries in the Asia-Pacific region (China, India, Vietnam, and Japan) in the context of the adoption of Federal Law No. 41-FZ of April 1, 2025. It examines the specifics of legislative regulation, mechanisms for blocking fraudulent resources, the liability of telecom operators and financial institutions, and practices for compensating victims. Particular attention is paid to preventive measures, interagency cooperation, and the balance between the effectiveness of countering cybercrime and the protection of citizens' rights. Based on the analysis, the authors identify the strengths and weaknesses of each country's legal systems and formulate conditions for effectively combating cyber fraud in the Russian Federation.

Ключевые слова: киберпреступления, кибермошенничество, Федеральный закон Российской Федерации № 41-ФЗ, нормативно-правовое и организационное противодействие, Азиатско-Тихоокеанский регион, информационная безопасность, защита персональных данных.

Keywords: cybercrime, cyberfraud, Federal Law of the Russian Federation No. 41-FZ, regulatory and organizational countermeasures, Asia-Pacific region, information security, personal data protection.

Для цитирования: Руденко М.Б., Голодков Ю.Э. Особенности нормативно-правового и организационного противодействия киберпреступлениям в Российской Федерации и некоторых странах Азиатско-Тихоокеанского региона // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 535-537. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_535.

For citation: Rudenko M.B., Golodkov Yu.E. Features of regulatory and organizational counteraction to cybercrime in the Russian Federation and certain countries of the Asia-Pacific region // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 535-537. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_535.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия мошенничеству в сфере информационно-телекоммуникационных технологий» [1] не является отдельным законодательным актом, используемым для противодействия кибермошенничеству. Федеральный закон направлен на ужесточение и конкретизацию существующих норм в Российском законодательстве (как например в ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации»). В нем раскрываются современные понятия, имеющие отношение к рассматриваемой сфере совершения преступлений, определяются способы кибермошенничества (фишинг, использование подделок (deepfake), социальная инженерия, несанкционированный доступ к электронной почте, мессенджерам и т.п.).

Согласно Федеральному закону от 01.04.2025 № 41-ФЗ вводится административная ответственность для юридических лиц, предусматриваются крупные штрафы для операторов связи, банков, онлайн-платформ, которые не внедряют меры по противодействию мошенничеству (например, не блокируют фишинговые сайты по предписанию Роскомнадзора).

В данном ФЗ прописаны меры, позволяющие упростить процедуру блокировки мошеннических сайтов и номеров телефонов.

Также усиливаются механизмы возмещения ущерба жертвам через банки и платежные системы.

В нашей статье хотелось бы провести параллели между положениями, содержащимися в законодательстве РФ, в том числе и в ФЗ-41 РФ [9] с законодательством некоторых стран азиатско-тихоокеанского региона.

В Китайской Народной Республике (КНР) используется законодательство, направленное на противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: Закон КНР «О кибербезопасности» (网络安全法), Закон «О противодействии мошенничеству, совершаемому посредством телекоммуникационных сетей» (电信网络诈骗), а также Уголовный кодекс КНР [2,3].

Анализ положений данного законодательства указывает на то, что в КНР существует строгий контроль над действиями граждан при подключении к услугам связи. При подключении пользователя к услугам связи реализуется система обязательной верификации по паспорту и лицу. Те же действия выполняются при подключении SIM-карт, доступа к банковским услугам, что не позволяет мошенникам анонимно войти в сеть.

Государство имеет возможность собирать и обрабатывать данные о всех пользователях услуг связи и анализировать их при помощи ИИ. Такие превентивные меры дают ожидаемый результат по пресечению незаконных действий в сети.

По нормам указанного законодательства коммерческие банки и телекоммуникационные операторы КНР обязаны приостанавливать подозрительные операции в режиме реального времени.

Реализация таких мер защиты возможна только в том случае, когда для государства полностью прозрачен процесс доступа пользователя к услугам связи и обмену информацией в сети, что, однако, сказывается на ограничении приватности общения. Также в системе подключения услуг задействована система социального рейтинга, что также сдерживает пользователя от осуществления противоправных действий в сети.

Поэтому сбор информации о пользователях и предоставление услуг связи через строгий контроль со стороны государства являются действенной превентивной мерой по профилактике киберпреступлений. При таком подходе даже приобретение персональных данных пользователей не позволит их использовать для совершения мошеннических действий с анонимным подключением услуг связи.

В Индии для противодействия мошенническим действиям, совершаемым с использованием услуг связи, прибегают к использованию положений Information Technology Act, 2000 (с поправками); Indian Penal Code (IPC). Работа правоохранителей Индии связана с деятельностью специализированных органов (Indian Cyber Crime Coordination Centre, I4C), которые осуществляют свою работу через платформу приема сообщений о мошеннических действиях [4]. В случае своевременной подачи пострадавшим заявления о совершенных мошеннических действиях, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, может быть оперативно реализован возврат денежных средств через систему (FCRF - Fraud Reporting and Cancellation Facility).

К недостаткам противодействия совершению киберпреступлений в Индии можно отнести перегруженность судов. Крайне медленное судопроизводство приводит к низкому проценту реальных уголовных наказаний.

Также стоит отметить и несколько устаревшие законы: часто применяемый IPC является архаичным, а IT Act 2000 плохо адаптирован к современным видам мошенничества.

При противодействии указанным видам мошенничества существуют бюрократические барьеры, возникающие при координации действий между штатами и федеральным центром.

В Народной демократической республике Вьетнам (НДРВ, Вьетнам) для противодействия мошенничеству с использованием ИКТ применяют положения Закона о Кибербезопасности (Law on Cybersecurity, № 24/2018/QH14), Уголовного кодекса [7].

При анализе Закона о Кибербезопасности (Вьетнам) можно отметить наличие схожих с ФЗ-152 РФ требований к хранению персональных данных: данные пользователей должны храниться на территории Вьетнама.

Также власти имеют широкие возможности на получение информации у провайдеров связи о пользователях и удаление контента.

В качестве недостатков указанного законодательства можно отметить некоторую политизированность используемых мер: Закон в большей степени направлен на регулирование проявлений инакомыслия и политической активности, чем на противодействие кибермошенничеству.

Также можно отметить низкую осведомленность населения о существующих положениях и деятельности правоохранителей Вьетнама: многие жертвы не обращаются в правоохранительные органы.

В Японии для противодействия мошенническим действиям с использованием информационно-телекоммуникационных технологий прибегают к использованию положений Act on Prevention of Transfer of Criminal Proceeds - закону о противодействии отмыыванию доходов, а также положений Уголовного кодекса [8]. Специализированного закона на этот счет нет, но есть выработанная стратегия.

Преимуществами в реализации противодействия киберпреступлениям является:

Высокая финансовая грамотность населения, эффективное межведомственное взаимодействие (Тесное сотрудничество между полицией, FSA (Финансовое агентство) и банками), активное использование технологий для отслеживания транзакций, в том числе связанных с криптовалютой.

В качестве недостатков нормативно-правового регулирования можно отметить отсутствие единого закона (борьба ведется на основе существующего законодательства и поправок к нему).

Можно провести сравнение мер принудительного воздействия при наказании лиц, совершивших противоправные деяния, связанные с кибермошенничеством.

Таблица 1
Сравнение мер наказания за совершение мошеннических действий в Российской Федерации
и некоторых странах азиатско-тихоокеанского региона

Страна	Уголовная ответственность (лишение свободы)	Штрафы	Другие меры
РФ	До 10 лет (по ч. 4 ст. 159.6 УК РФ за мошенничество в особо крупном размере группой лиц)	Для физ. лиц: до 1 млн руб.; Для юр. лиц: до 50 млн руб. (по КоАП)	Блокировка ресурсов, изъятие средств, возмещение ущерба, конфискация имущества
Китай	От 3 лет до пожизненного (в особо тяжких случаях, связанных с организованной преступностью или крупным ущербом).	Многочисленные штрафы в юанях, часто многократно превышающие сумму ущерба.	Конфискация имущества, запрет на профессиональную деятельность, публичное осуждение приговоров.
Индия	До 3 лет (по IT Act) + до 7 лет (по IPC за мошенничество). На практике сроки часто минимальны.	До 100000 (1 lakh) рупий (по IT Act), но срок наказания может быть увеличен по IPC.	Конфискация устройств, компенсация жертве.
Вьетнам	До 10-15 лет (по УК за «Присвоение имущества обманным путем» в особо крупном размере или организованной группой).	Сотни миллионов донгов.	Конфискация имущества, депортация иностранцев.
Япония	До 10 лет (за мошенничество по Уголовному кодексу).	До 500 тыс. иен	Арест активов, судебные запреты.

Анализируя представленные данные можно сказать, что наиболее суровая мера наказания, включая высшую меру, за совершение мошеннических действий с использованием ИКТ предусмотрена в Китае. Изучение положений ФЗ-41 показывает на использование мер уголовного наказания, сопоставимых с мерами, применяемыми в Японии и Вьетнаме. Также ФЗ-41 вводит значимые штрафы для юридических лиц при совершении административных правонарушений.

На основе имеющихся данных попробуем представить рейтинг наиболее эффективных нормативно-правовых и организационных мер противодействия кибермошенничеству в некоторых странах азиатско-тихоокеанского региона.

1. В Китае, благодаря тотальному контролю, использованию превентивных мер, скорости блокировки операций и крайне суровым наказаниям достигается максимальный эффект противодействия противоправным действиям, совершаемым в сети. Однако эта эффективность достигается ценой свободы и приватности общения граждан.

2. В Японии, благодаря эффективному взаимодействию между всеми субъектами (государство, банки, граждане), вовлеченных в оказание противодействия киберпреступникам, технологической оснащенности и высокой правовой культуре достигается наиболее сбалансированная модель противодействия кибермошенничеству.

3. В Индии, благодаря высокой эффективности реагирования на оперативном уровне (быстрое информирование, система возврата средств) достигается необходимый уровень противодействия кибермошенникам, однако система проигрывает на уровне судебного преследования и вынесения приговоров.

Выход в свет ФЗ-41 РФ является важным шагом в совершенствовании Российского законодательства в сфере противодействия кибермошенничеству. Некоторые положения ФЗ-41 являются схожими с нормами законов КНР и направлены на реализацию превентивных мер, возложением ответственности на операторов связи и финансовые организации.

Потенциальная эффективность Федерального Закона ФЗ-41 от 01.04.2025 будет зависеть от:

- Качества реализации механизмов межведомственного взаимодействия (МВД, Роскомнадзор, ЦБ, банки).
- Скорости реакции на новые схемы мошенничества.
- Правоприменительной практики судов.

Таким образом, если говорить об общей эффективности организационно-правового противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, Китай демонстрирует наилучшие результаты. Однако если учитывать баланс между эффективностью и защитой прав граждан, более эффективными и сбалансированными выглядят модели Японии и Индии (на оперативной стадии). ФЗ-41 РФ открывает новые возможности для правоохранительных органов России в сфере противодействия кибермошенничеству и возлагает ряд ответственности на провайдеров связи и банковский сектор.

Список литературы:

1. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202504010001> (дата обращения: 17.09.2025)
2. http://www.npc.gov.cn/npc/c2/c30834/202209/t20220902_278505.html (дата обращения: 17.09.2025)
3. <https://carnegieendowment.org/2022/09/16/how-china-is-counteracting-telecom-fraud-pub-87952> (дата обращения: 17.09.2025)
4. www.cybercrime.gov.in/ (дата обращения: 17.09.2025)
5. <https://cybercrime.gov.in/> (дата обращения: 17.09.2025)
6. <https://www.thehindu.com/news/national/india-sees-drop-in-cyber-crime-in-2023-after-peak-in-2021/article67824542.ece> (дата обращения: 17.09.2025)
7. https://www.wto.org/english/thewto_e/acc_e/vnm_e/WTACC/VNM80_LEG_4.pdf (дата обращения: 17.09.2025)
8. <https://www.npa.go.jp/publications/statistics/cybersecurity/index.html> (дата обращения: 17.09.2025).
9. Руденко М.Б. Особенности нормативно-правового и организационного противодействия киберпреступлениям в западных странах и Российской Федерации в свете принятия Федерального закона ФЗ-41 Российской Федерации от 01.04.2025 // М.Б. Руденко, Ю.Э. Голодков / Право и государство: теория и практика. 2025. № 6.

References:

1. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202504010001> (date of request: 09/17/2025)
2. http://www.npc.gov.cn/npc/c2/c30834/202209/t20220902_278505.html (date of request: 09/17/2025)
3. <https://carnegieendowment.org/2022/09/16/how-china-is-counteracting-telecom-fraud-pub-87952> (date of request: 09/17/2025)
4. www.cybercrime.gov.in/ (date of request: 09/17/2025)
5. <https://cybercrime.gov.in/> (date of access: 09/17/2025)
6. <https://www.thehindu.com/news/national/india-sees-drop-in-cyber-crime-in-2023-after-peak-in-2021/article67824542.ece> (date of request: 09/17/2025)
7. https://www.wto.org/english/thewto_e/acc_e/vnm_e/WTACC/VNM80_LEG_4.pdf (accessed: 09/17/2025)
8. <https://www.npa.go.jp/publications/statistics/cybersecurity/index.html> (date of reference: 09/17/2025).
9. Rudenko M.B. Features of regulatory and organizational counteraction to cybercrimes in Western countries and the Russian Federation in the light of the adoption of Federal Law FZ-41 of the Russian Federation dated 04/01/2025 // M.B. Rudenko, Yu.E. Golodkov / Law and the State: theory and practice. 2025. № 6.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_538

УДК 343.81

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СОДЕРЖАНИИ ИНСТИТУТА КОМПЕНСАЦИИ ON THE CONCEPT AND CONTENT OF THE INSTITUTION OF COMPENSATION

СЕЧКОВА Любовь Михайловна,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров
старший лейтенант внутренней службы Академии ФСИН России.
390000, Россия, г. Рязань, Сенная ул., 1.

E-mail: Lyubabugrova@mail.ru;

SECHKOVA Lyubov Mikhailovna,

Adjunct of the Faculty of Training Scientific and Pedagogical Personnel Senior Lieutenant
of Internal Service Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
1 Sennaya St., Ryazan, 390000, Russia.

E-mail: Lyubabugrova@mail.ru

Краткая аннотация: В статье анализируются понятие и содержание института компенсации как важного элемента правовой системы. Автор рассматривает основные теоретические подходы к определению института права, уделяя особое внимание правовой природе компенсации. В статье использованы данные анкетирования специалистов, а также подозреваемых, обвиняемых и осужденных. В результате, на основании проведенного исследования дано авторское определение института компенсации.

Abstract: The article analyzes the concept and content of the institution of compensation as an important element of the legal system. The author examines the main theoretical approaches to defining the institution of law, paying special attention to the legal nature of compensation. The article uses data from questionnaires filled out by specialists, as well as by suspects, accused, and convicts. As a result, based on the conducted research, the author provides a definition of the institution of compensation.

Ключевые слова: институт компенсации, осужденные, обвиняемые, подозреваемые, уголовно-исполнительное право, гражданское право, уголовное право.

Keywords: the institution of compensation, convicts, accused, suspects, criminal law, civil law, and criminal procedure.

Для цитирования: Сечкова Л.М. К вопросу о понятии и содержании института компенсации // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 538-540. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_538.

For citation: Sechkova L.M. On the concept and content of the institution of compensation // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 538-540. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_538.

Статья поступила в редакцию: 05.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Успешное функционирование правового и социального государства в существенной степени зависит от регулирования процессов создания и применения правовых институтов, которые призваны в полной мере реализовать основные доктринальные понятия, закрепленные в Конституции РФ и других нормативных документах.

Согласно ст. 55 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и национальной безопасности.

Как писал Л. С. Явич, «всякое применение права есть применение равного мерила к субъектам общественных отношений» [15]. Равенство всех граждан перед законом, признание за каждым человеком равных возможностей в юридическом аспекте реализуются прежде всего через принцип справедливости, который заключается в восстановлении нарушенных прав посредством компенсации за причиненный ущерб.

Изменения, наблюдаемые в настоящее время в политической, экономической и духовной жизни общества, отражаются, в том числе, на процессе построения системы законодательства в целом и на отдельных его отраслях. Одной из основных тенденций в данном процессе является увеличение числа компенсационных норм и, как следствие, развитие институтов компенсации в различных отраслях права: конституционном, уголовном, гражданском, уголовно-исполнительном, международном и других [13].

В самом общем виде определение института права дано в большом юридическом словаре. Институт права – обособленная группа юридических норм, регулирующих однородные общественные отношения, входящие в соответствующую отрасль права [3]. С этим определением согласно большинство авторов, однако стоит заметить, что при детальном изучении данного вопроса теоретики добавляют существенные признаки, характеризующие данное понятие [14]. Так, С. С. Алексеев [1], Д. Е. Петров [12], М. И. Байтан [2], А. Ф. Малый, С. О. Логунова [9], О. П. Масюкевич [10] и другие в качестве таких существенных признаков называют структурность норм и их систематизацию по предмету регулирования.

В свою очередь, В. В. Лазарев отмечает, что «институт права – это основной элемент системы права, представленный совокупностью правовых норм, регулирующих однородную группу общественных отношений» [11]. Автор выделяет в качестве признаков правового института: однородность фактического содержания; юридическое единство правовых норм; нормативную обособленность.

Е. А. Джалилова считает специфической чертой правового института «единство и законодательный замысел» [6], под которыми понимает направленность норм на реализацию конкретной идеи законодателя.

Другие ученые, например, Е. А. Киримова, обращают внимание на «специфичность способа правового регулирования» [8], а О. С. Иоффе – на «способ применения отраслевого метода» [7], то есть в качестве признака правового института выделяют способ воздействия норм

на правоотношения.

Еще одним немаловажным признаком института права является его системность. Ю. С. Гамбаров, в частности, он отмечает, что «каждый институт объединяет каким-либо общим принципом всю пестроту составляющих его отношений и норм, отливаясь в тип, определяющий все эти отношения и нормы» [5].

Анализ результатов проведенного анкетирования экспертов в области гражданского, административного и уголовно-исполнительного права¹ показал, что 22 (73,3 %) респондента считают необходимым сохранить институт компенсации в действующем законодательстве.

Эффективность института компенсации, проблемы формулирования и реализации составляющих его нормативно-правовых предписаний возможно определить только посредством их анализа с позиции отраслевых наук.

В гражданском праве термин «компенсация» является одним из самым многозначных и часто употребляемых, как правило, применительно к различного рода мерам ответственности. Так, помимо морального вреда компенсируются нарушение авторских и смежных прав, вред здоровью и жизни человека, ущерб, причиненный правомерными действиями публичной власти и др. [4]. Компенсация в гражданском праве – это прежде всего возмещение потерь, убытков, возникших вследствие нарушения гражданско-правовой обязанности. Например, убытков, вызванных неисполнением или ненадлежащим исполнением должником обязательств, вытекающих из заключенного договора, вреда, причиненного деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих и др.

Институт компенсации носит межотраслевой характер, так как, помимо гражданского, включает в себя и другие отрасли права. Так, в уголовном праве понятие «компенсация» понимается прежде всего, как возмещение вреда, причиненного в результате преступления.

Уголовно-исполнительное законодательство также содержит положение, согласно которому осужденному, освобожденному от отбывания наказания вследствие отмены приговора в связи с прекращением уголовного дела, приносятся официальные извинения от имени государства. Разъяснение прав и принесение извинений – это попытка компенсировать ущерб, нанесенный необоснованным осуждением. Прекращение уголовного дела дает право на возмещение как имущественного вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием: утраченного заработка за время, когда он находился под следствием или отбывал наказание; возмещение расходов на юридическую помощь, так и морально-го вреда, связанного с переживаниями и страданиями, вызванными незаконным преследованием.

В свою очередь, положения уголовно-исполнительного законодательства, касающиеся официальных извинений и возмещения ущерба, направлены на защиту прав граждан и создание механизмов для компенсации последствий ошибок в уголовном правосудии. Эти меры способствуют укреплению правовой системы и обеспечивают защиту прав человека, что является важным аспектом функционирования гражданского общества.

Так, при анкетировании 178 (28 %) респондентов из числа подозреваемых, обвиняемых и осужденных² утверждают, что сталкивались с предвзятым отношением со стороны сотрудников уголовно-исполнительной системы после жалоб на ненадлежащие условия содержания. Как видим, не смотря на все предпринимаемые меры со стороны государства для создания надлежащих условий для подозреваемых, обвиняемых и осужденных проблема предвзятого отношения к жалобам на условия содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы остается актуальной и требует дальнейшего внимания и изучения причин такого положения дел, а так же разработки эффективных мер по их устранению.

Таким образом, предлагается следующее авторское определение института компенсации – это сложный межотраслевой институт права, включающий совокупность структурированных нормативно-правовых предписаний, регулирующих отношения между различными субъектами по возмещению причиненного материального или нематериального ущерба в результате как правомерных, так и неправомерных действий, событий или состояний.

Эффективная реализация института компенсации в уголовно-исполнительном праве требует комплексного межотраслевого взаимодействия для обеспечения справедливости, защиты прав и законных интересов подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

Список литературы:

1. Алексеев С. С. Структура советского права. М.: Юрид. лит., 1975. С. 125.
2. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правовое понимание на грани двух веков). Саратов: СГАП, 2001. С. 126.
3. Большой юридический словарь / под редакцией А. Я. Сухарева. 3-е изд. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 277.
4. Воробьев В. А. Право человека на компенсацию вреда, причиненного жизни и здоровью, по законодательству Российской Федерации : гражданско-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 6.
5. Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права. Часть общая. Т. 1. СПб., 1911. С. 42.
6. Джалилова Е. А. Проблемы определения понятия и сущности института права // Вестник ВУиТ. 2018. №2. С. 23.
7. Иоффе О. С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. М., 1968, Вып. С. 49.
8. Киримова Е. А. Правовой институт: понятие и виды / под ред. Сенякина И. Н.; Саратов. Гос. Акад. Права. Саратов, 2000. С. 14.
9. Малый А. Ф., Логунова С. О. Институты права и правовые институты в современном российском праве и особенности их формирования // Обращение и право. 2021. № 2. С. 92.
10. Масюкевич О. П. Теория государства и права: учебное пособие / О. П. Масюкевич. М.: Дашков и К, 2002. С. 210.
11. Общая теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. С. 211.
12. Петров Д. Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права / Д. Е. Петров; под ред. И. Н. Сенякина. Саратов: СГАП, 2015. С. 135.
13. Сечкова Л. М. Проблема ненадлежащих условий содержания в Российской Федерации / Л. М. Сечкова // Актуальные вопросы современной науки и инноватики : Сборник научных статей по материалам III Международной научно-практической конференции, Уфа, 05 декабря 2023 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью Научно-издательский центр «Вестник науки». 2023. С. 52.
14. Сечкова Л. М. Анализ понятия «компенсация» в уголовно-исполнительном праве. Теоретические подходы и перспективы / Л. М. Сечкова // Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти про-

¹ В анкетировании принимали участие 30 ученых в области уголовно-исполнительного, административного и гражданского права.

² В анкетировании принимали участие 615 респондентов из числа подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

фессоров Н.А. Стручкова и М.П. Мелентьева (приуроченной к 20-летию проведения конференции), Рязань, 22 мая 2025 года. Рязань: Академия права и управления ФСИН, 2025. С. 205.

15. Явич Л. С. Общая теория права / Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 287 с.

References:

1. S. Alekseev. S. The structure of Soviet law. Moscow: Yurid, lit., 1975. p. 125.
2. M. Baytin. I. The essence of law (Modern normative legal understanding on the verge of two centuries). Saratov: SGAP, 2001. p. 126.
3. Big Legal Dictionary / edited by A. N. Ya. Sukharev. 3rd ed. Moscow : INFRA-M, 2009. p. 277.
4. V. Vorobyov. A. The human right to compensation for harm caused by life and health, in accordance with the legislation of the Russian Federation : civil law aspect : dis. ... cand. jurid. Sciences. Moscow, 2008. p. 6.
5. Y. Gambarov, S. Course of civil law. General part. N. 1. St. Petersburg., 1911. p. 42.
6. E. Jalilova. A. Problems of definition of the concept and essence of the institute of law // Vestnik vuit. 2018. №2. p. 23.
7. O. Ioffe. S. Structural divisions of the legal system (based on the materials of civil law) // Scientific notes of VNIISZ. M., 1968, Issue. P. 49.
8. Kirimova E. A. Legal Institute: concept and types / edited by N. I. Senyakin. N.; Sarat. Gos. Akad. Rights. Saratov, 2000. p. 14.
9. A. N. F., Logunova S. N. O. Institute of law and legal institutions in modern Russian law and the specifics of their formation // Education and Law. 2021. No. 2. P. 92.
10. O. Masyukevich. P. Theory of the state and law: a textbook / O. N. P. Masyukevich. M.: Dashkov and K, 2002. p. 210.
11. General theory of Law and the State / edited by N. V.V. Lazarev, pp. 211.
12. D. Petrov, Differentiation and integration of structural formations of the Russian legal system / D. E. Petrov; edited by N. I. N. Senyakin. Saratov: SGAP, 2015. p. 135.
13. L. Sechkova, M. The problem of unreliable conditions of detention in the Russian Federation / L. N. M. Sechkova // Actual issues of modern science and innovation : A collection of scientific articles based on the materials of the III International Scientific and Practical Conference, Ufa, December 05, 2023. Ufa: Limited Liability Company Scientific Publishing Center "Bulletin of Science". 2023. P. 52.
14. L. Sechkova, M. Analysis of the concept of "compensation" in penal enforcement law. Theoretical approaches and perspectives / L. M. Sechkova // Actual problems of penal enforcement law and the execution of punishments : Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of Professors N.A. Struchkov and M. N.P. Melentyev (dedicated to the 20th anniversary of the conference), Ryazan, May 22, 2025. Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2025. p. 205.
15. L. Yavich. S. General theory of Law / Leningr. State University named after A. A. Zhdanov. Leningrad : Publishing House of the Leningr University, 1976, 287 p.

ВОЗРАСТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ AGE OF ATTRACTION TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY

САБАДАШ Юлия Михайловна,

преподаватель кафедры уголовного права, Омская академия МВД России, майор полиции.

644092, Россия, г. Омск, проспект Комарова, 7.

E-mail: Sabadashyulya@yandex.ru;

SABADASH Yulia Mikhailovna,

Lecturer at the department of Criminal Law

at the Omsk academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Police major.

7 Komarova Avenue, Omsk, 644092, Russia.

E-mail: Sabadashyulya@yandex.ru

Краткая аннотация: возраст привлечения к административной ответственности – 16 лет. С одной стороны, это равноценный возраст привлечения к уголовной ответственности. С другой стороны, Уголовный кодекс закрепляет пониженный возраст уголовной ответственности – 14 лет. Гражданское законодательство также не исключает привлечение к гражданско-правовой ответственности. В связи с этим возникает вопрос о снижении нижнего предела привлечения к административной ответственности. Во введении автор формулирует проблему относительно возраста административной ответственности. В основной части работы анализирует теоретические воззрения, практику работы с несовершеннолетними нарушителями. В заключении автор предлагает решение выявленных проблем.

Abstract: the age of administrative responsibility is 16 years. On the one hand, this is an equivalent age of criminal responsibility. On the other hand, the Criminal Code fixes a lower age of criminal responsibility – 14 years. Civil legislation also does not exclude bringing to civil liability. In this regard, there is a question of lowering the lower limit of bringing to administrative responsibility. In the introduction the author formulates the problem regarding the age of administrative responsibility. In the main part of the work analyzes theoretical views, practice of work with juvenile offenders. In conclusion, the author offers a solution to the identified problems.

Ключевые слова: административное право, административный процесс, административная ответственность.

Keywords: administrative law, administrative process, administrative responsibility.

Для цитирования: Сабадаш Ю.М. Возраст привлечения к административной ответственности // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 541-544. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_541.

For citation: Sabadash Yu.M. Age of attraction to administrative responsibility // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 541-544. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_541.

Статья поступила в редакцию: 15.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Введение

КоАП РФ вслед за КоАП РСФСР закрепляет возраст достижения административной ответственности – 16 лет. В науке же относительно возраста существуют разногласия, касающиеся вопроса снижения возраста уголовной ответственности аналогично уголовному законодательству¹. Так, С.В. Горб верно указывает, что «вопрос о снижении возраста привлечения к административной ответственности, регулярно поднимается как в кругах административистов, так и в законодательных органах. Однозначного мнения по этой проблеме нет. Высказываются различные «за» и «против» повышения и снижения возраста административной ответственности»².

Обусловлено это тем, что недостижение возраста административной ответственности является причиной прекращения производства по делу в связи с отсутствием состава административного правонарушения (пп. 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ). При этом ряд правонарушений достаточно распространены и в среде несовершеннолетних с 14 до 16 лет, так и в среде малолетних. Это касается мелких хищений, мелкого хулиганства, управления транспортным средством без наличия специальных прав и др.³.

Поэтому исследование необходимости снижения возраста административной ответственности имеет как практическое, так и теоретическое значение.

Аргументы «за»

Споры о возможности или невозможности снижения возраста административной ответственности исходят из особенностей статуса ребёнка в возрасте 14-16 лет. Одни отмечают, что привлечение несовершеннолетних с 14 до 16 лет к административной ответственности негуманно, другие же утверждают, что безнаказанность порождает произвол⁴.

Аргументация «за» снижение возраста административной ответственности сводится к тому, что возраст привлечения к иным видам ответственности не всегда составляет 16 лет, некоторые деяния чрезвычайно распространены в молодёжной среде, ряд деяний обладают высоким уровнем общественной вредности, чтобы исключить ответственность лиц до 16 лет.

¹ См., например, Чапурко Т.М., Ламонов Е.В. Некоторые предложения по совершенствованию законодательства об административных правонарушениях // *Актуальные проблемы государства и права*. 2019. № 12.

² Горб С.В. Снижение возраста привлечения к административной ответственности как мера профилактики последующих правонарушений и преступлений, совершаемых несовершеннолетними // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2007. № 3. С. 244-245.

³ Солдатов А.П., Братановский С.Н. Административная ответственность несовершеннолетних в России: вопросы теории и практики // *Труды Академии управления МВД России*. 2022. № 3 (63).

⁴ Принципы права: проблемы теории и практики. Часть 2 // Коллектив авторов. Россия, 2017.

Первый тезис касается того, возраст привлечения по иным видам ответственности не всегда составляет 16 лет. Например, по некоторым составам преступлений возраст уголовной ответственности составляет 14 лет. Это относится не только к тяжким или особо тяжким преступлениям. Так, за кражу, вандализм также предусмотрена уголовная ответственность с 14 лет.

Гражданское законодательство также устанавливает, что с 14 лет несовершеннолетние могут заниматься совершать сделки, распоряжаться своими заработком, стипендией и иными доходами, осуществлять права авторов, вносить вклады в кредитные организации и распоряжаться ими, а соответственно и нести ответственность по этим сделкам.

Вследствие этого, отказ в административном праве от привлечения лиц до 16 лет не соотносится с возможностью привлечения лиц за преступления небольшой тяжести. Например, лицо, достигшее возраста 14 лет, понесёт ответственность за простую кражу, тогда как за мелкое хищение (ряд мелких хищений) не понесёт. При этом общее понимание незаконности кражи у лица уже имеется, за исключением случаев возрастной невменяемости. Если же учесть, что у лица возможен неопределённый умысел, когда окончательная квалификация происходит исходя из фактически украденного имущества, то от возраста зависит вообще возможность наказания лица.

Далее, вопрос снижения возраста касается проблемы распространения деяний в молодёжной среде.

Так, О.А. Строева и М.В. Бондаренко считают, что ответственность с 14 лет необходимо установить за:

- уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, объектов, составляющих предмет охраны исторического поселения (ст. 7.14.1 КоАП РФ);
- за уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. 7.17 КоАП РФ) и т.д.¹.

Предложенный вариант имеет место с учётом расширения патриотических начал в образовании (курс «Разговоров о важном» школе).

Современное российское образование имеет задачу воспитания в условиях традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Также в образовательных учреждениях обеспечивается воспитание патриотов России, граждан правового, демократического государства. Эти принципы прививаются уже с начальной школы на уроках.

Также предлагается понизить возраст административной ответственности за оскорбление в сети «Интернет»². Различного рода оскорбления в сети «Интернет» представляют собой достаточно распространённый вид правонарушений. Зачастую при этом субъектами таких оскорблений являются несовершеннолетние.

В-третьих, несовершеннолетние в возрасте до 16 лет уже обладают определёнными правами, могут нести обязанности.

Так, несовершеннолетние в возрасте 15 лет имеют право на информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство или на отказ от него³. Также несовершеннолетние могут получать статус индивидуального предпринимателя с 16 лет, быть участниками молодёжных общественных объединений, подавать иски в суд и т. д.

Таким образом, начиная с 14-15 лет, лицо уже обладает существенным набором прав, обязанностей, осознанием противоправности своего поведения. На это в пояснительной записке указывал и автор законопроекта о снижении возраста привлечения к административной ответственности до 14 лет⁴. В частности, автор законопроекта утверждает, что ребёнок до 16 лет в состоянии понимать характер своих действий, оценивать неблагоприятные последствия при привлечении к уголовной ответственности. Однако этот законопроект был отклонён.

Стоит отметить, что само по себе наличие прав или возможности самостоятельно ими распоряжаться не связаны с деликтоспособностью. Ряд правомочий могут совершать малолетние (например, мелкие бытовые сделки), ряд – несовершеннолетние. Полная дееспособность наступает в любом случае по достижении совершеннолетия, за исключением случаев, когда лицо в силу физических или психических особенностей не может самостоятельно осуществлять свои права.

Деликтоспособность связана с осознанием вреда, который причиняется действиями виновного, а также с осознанием последствий для самого себя. В этом плане И.П. Долгих отмечает, что «в 14-летнем возрасте физическое лицо уже отдаёт отчет своим поступкам, в состоянии оценить негативный характер своих действий, а также принять и оценить неблагоприятные последствия, наступающие в случае привлечения его к административной ответственности»⁵.

Аргументы «против»

Противники снижения возраста административной ответственности (например, Е.Ю. Политова) вслед за законодателем сводят аргументацию к тому, что несовершеннолетнее лицо не может полноценно привлекаться к административной ответственности⁶.

При этом автор не раскрывает, почему несовершеннолетние не могут полноценно привлекаться к административной ответственности, тогда как для уголовной ответственности таких причин нет. Безусловно, для несовершеннолетних ответственность должна быть более мягкой, чем для полностью дееспособных.

¹ Строева О.А., Бондаренко М.В. К вопросу о снижении возраста административной ответственности несовершеннолетних // Административное право и процесс. 2019. № 11. С. 50-53.

² Зайцев И.А. Административная ответственность за оскорбление, совершенное публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет // Административное право и процесс. 2023. № 8. С. 54-60.

³ Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

⁴ Проект федерального закона № 442510-6 «О внесении изменений в главу 2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (в части уточнения возраста, по достижении которого наступает административная ответственность) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/442510-6> (дата обращения: 02.10.2024).

⁵ Долгих И.П. Актуальные проблемы административной ответственности лиц, не достигших совершеннолетия // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. № 19. С. 7-11.

⁶ Политова Е.Ю. Административное правонарушение как фактическое основание административной ответственности в России и Германии // Административное право и процесс. 2023. № 2. С. 69-72.

При отклонении названного выше законопроекта профильный комитет Государственной Думы РФ заключил, что снижение возраста нецелесообразно¹.

Аргументация этого сводится к тому, что в условиях нынешнего регулирования привлечение к административной ответственности не будет иметь того наказательного эффекта, которого пытается добиться автор проекта.

Профильный комитет указывает, что административный арест не может применяться к лицам, не достигшим возраста 18 лет (ч. 2 ст. 3.9. КоАП РФ).

При этом в основном дела об административных правонарушениях, совершённых несовершеннолетними, отнесены к подведомственности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, то в соответствии с положениями КоАП РФ к несовершеннолетним, как правило, применяются такие меры административного наказания как предупреждение и административный штраф. Применение последнего наказания для несовершеннолетних ограничено. Отдельно стоит обратить внимание на то, что несовершеннолетний вообще может быть освобождён от административной ответственности с назначением ему иных мер.

Думается, отказ законодателя от привлечения к административной ответственности лиц, достигших возраста 14 лет, но не достигших возраста 16 лет обусловлен следующими аргументами.

Во-первых, лицо от 14 до 16 лет, в силу недостатков в воспитании или образовании всё-таки не всегда может понимать последствия своих действий.

Во-вторых, нельзя обуславливать необходимость снижения возраста привлечения к административной ответственности возможностью привлечения к уголовной ответственности лиц в 14 или 15 лет.

Уголовная и административная ответственность, несмотря на относительно недавнее разграничение, в настоящее время имеют свои особенности. При привлечении к уголовной ответственности лиц, не достигших возраста 16 лет, учитывается и характер совершённого преступления (тяжкие и особо тяжкие преступления), так и уровень распространения деяний в обществе в целом, в молодёжной среде - в частности. На это указывает и Правовое управление Государственной думы РФ, которое отметило, что по достижении возраста 14 лет к уголовной ответственности привлекаются лица, совершившие наиболее общественно опасные деяния².

Аргументы «между»

Оригинальный вариант предложили Е.В. Ильгова, А.И. Сметанникова, которые считают, что административной ответственности должно подлежать лицо, достигшее к моменту совершения административного правонарушения возраста пятнадцати лет³. Авторы статьи объясняют это тем, что он может распоряжаться своим заработком, самостоятельно защищать свои права в семейных отношениях, самостоятельно соглашаться или отказываться от медицинского вмешательства и т.д.

При этом такая позиция не соотносится ни со статусом несовершеннолетних лиц, установленным гражданским законодательством, ни с уголовным законодательством.

Таким образом, такое снижение является попыткой расширить применение мер административного воздействия, при этом не уточняется, почему для лиц, достигших возраста четырнадцати лет, такая ответственность не может быть установлена.

Вывод

Подводя итог исследованию, мы считаем, что снижение возраста административной ответственности может быть обосновано только внутренней необходимостью административного права без обращения к иным мерам воздействия, так как возраст ответственности в уголовном или гражданском праве основывается на собственных аргументах.

Возраст административной ответственности установлен в силу общей гуманизации законодательства в отношении лиц, не достигших возраста 16 лет. Последствия привлечения к административной ответственности могут привести к более тяжёлым последствиям для виновного несовершеннолетнего.

Вместе с тем, увеличение количества административных правонарушений, потенциальное осознание их противоправности несовершеннолетними и до достижения возраста 16 лет, недостаточная эффективность противодействия правонарушениям, совершённым несовершеннолетними, позволяет говорить о необходимости избирательного снижения возраста административной ответственности для отдельных правонарушений. Например, таких, которые связаны с посягательством на личность (б.1.1 КоАП РФ «Побои»), на собственность (ст. 7.27 КоАП РФ «Мелкое хищение»), посягательством на общественный порядок (ст. 20.1 КоАП РФ), экстремизмом (ст. 20.3, 20.29 КоАП РФ) и рядом других.

Ценности, защищаемые этими нормами, могут осознаваться лицами, достигшими возраста 14 лет. Кроме этого, последствия от совершения этих административных правонарушений, существенно влияют на российское общество.

Заключение

Таким образом, предложенные изменения в законодательство могут способствовать повышению эффективности противодействия ад-

¹ Заключение по проекту федерального закона № 442510-6 «О внесении изменений в главу 2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (в части уточнения возраста, по достижении которого наступает административная ответственность), внесенному депутатом Государственной Думы О.Л.Михеевым // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/442510-6> (дата обращения: 02.10.2024).

² Заключение Правового управления Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации по проекту федерального закона № 442510-6 «О внесении изменений в главу 2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (в части уточнения возраста, по достижении которого наступает административная ответственность), внесенному депутатом Государственной Думы О.Л.Михеевым // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/442510-6> (дата обращения: 02.10.2024).

³ Ильгова Е.В., Сметанникова А.И. К вопросу о снижении возраста административной ответственности // Вестник СГЮА. 2018. № 5 (124). С. 58-61.

министративным правонарушениям среди несовершеннолетних.

Список литературы

1. Горб С.В. Снижение возраста привлечения к административной ответственности как мера профилактики последующих правонарушений и преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Проблемы экономики и юридической практики. 2007. № 3. С. 244-245.
2. Долгих И.П. Актуальные проблемы административной ответственности лиц, не достигших совершеннолетия // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. № 19. С. 7-11.
3. Зайцев И.А. Административная ответственность за оскорбление, совершенное публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет // Административное право и процесс. 2023. № 8. С. 54-60.
4. Заключение по проекту федерального закона № 442510-6 «О внесении изменений в главу 2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (в части уточнения возраста, по достижении которого наступает административная ответственность), внесенному депутатом Государственной Думы О.Л.Михеевым // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/442510-6> (дата обращения: 02.10.2024).
5. Заключение Правового управления Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации по проекту федерального закона № 442510-6 «О внесении изменений в главу 2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (в части уточнения возраста, по достижении которого наступает административная ответственность), внесенному депутатом Государственной Думы О.Л.Михеевым // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/442510-6> (дата обращения: 02.10.2024).
6. Ильгова Е.В., Сметанникова А.И. К вопросу о снижении возраста административной ответственности // Вестник СГОА. 2018. № 5 (124). С. 58-61.
7. Политова Е.Ю. Административное правонарушение как фактическое основание административной ответственности в России и Германии // Административное право и процесс. 2023. № 2. С. 69-72.
8. Принципы права: проблемы теории и практики. Часть 2 // Коллектив авторов. Россия, 2017.
9. Проект федерального закона № 442510-6 «О внесении изменений в главу 2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (в части уточнения возраста, по достижении которого наступает административная ответственность) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/442510-6> (дата обращения: 02.10.2024).
10. Солдатов А.П., Братановский С.Н. Административная ответственность несовершеннолетних в России: вопросы теории и практики // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 3.
11. Строева О.А., Бондаренко М.В. К вопросу о снижении возраста административной ответственности несовершеннолетних // Административное право и процесс. 2019. № 11. С. 50-53.
12. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
13. Чапурко Т.М., Ламонов Е.В. Некоторые предложения по совершенствованию законодательства об административных правонарушениях // Актуальные проблемы государства и права. 2019. № 12.

References:

1. Gorb S.V. Lowering the age of administrative responsibility as a measure to prevent subsequent offenses and crimes committed by minors // Problems of economics and legal practice. 2007. No. 3. pp. 244-245.
2. Dolgikh I.P. Actual problems of administrative responsibility of persons under the age of majority // Legality and law and order in modern society. 2014. No. 19. pp. 7-11.
3. Zaitsev I.A. Administrative responsibility for an insult committed in public using information and telecommunication networks, including the Internet // Administrative law and Process. 2023. № 8. pp. 54-60.
4. Conclusion on the draft Federal Law No. 442510-6 "On Amendments to Chapter 2 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation" (regarding the clarification of the age at which administrative responsibility begins), introduced by State Duma Deputy O.L.Mikheev // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/442510-6> (date of request: 02.10.2024).
5. Conclusion of the Legal Department of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on the draft Federal Law No. 442510-6 "On Amendments to Chapter 2 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation" (regarding the clarification of the age at which administrative responsibility begins), introduced by State Duma Deputy O.L.Mikheev // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/442510-6> (date of request: 02.10.2024).
6. Ilgova E.V., Smetannikova A.I. On the issue of lowering the age of administrative responsibility // Bulletin of the SGOA. 2018. No. 5 (124). pp. 58-61.
7. Politova E.Y. Administrative offense as the actual basis of administrative responsibility in Russia and Germany // Administrative law and process. 2023. No. 2. pp. 69-72.
8. Principles of law: problems of theory and practice. Part 2 // Team of authors. Russia, 2017.
9. Draft Federal Law No. 442510-6 "On Amendments to Chapter 2 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation" (regarding the clarification of the age at which administrative responsibility begins) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/442510-6> (date of application: 02.10.2024).
10. Soldatov A.P., Bratanovsky S.N. Administrative responsibility of minors in Russia: issues of theory and practice // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 3.
11. Stroeveva O.A., Bondarenko M.V. On the issue of lowering the age of administrative responsibility of minors // Administrative law and process. 2019. № 11. pp. 50-53.
12. Federal Law "On the basics of public health protection in the Russian Federation" dated 11/21/2011 № 323-FZ (as amended on 12/25/2023) // SZ Russian Federation. 2011. No. 48. Art. 6724.
13. Chapurko T.M., Lamonov E.V. Some proposals for improving legislation on administrative offenses // Actual problems of the state and law. 2019. № 12.

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ OBJECTIVE SIGNS OF ABUSE OF OFFICE

ШЕВЧЕНКО Кирилл Владимирович,

старший преподаватель кафедры теории государства и права университета государственной противопожарной службы

МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева.

196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, д. 149.

E-mail: kirill_55@mail.ru;

SHEVCHENKO Kirill Vladimirovich,

Senior Lecturer at the Department of Theory of State and Law University of the State Fire Service

EMERCOM of Russia named after Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev.

149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.

E-mail: kirill_55@mail.ru

Краткая аннотация: состав превышения должностных полномочий по конструкции объективной стороны является материальным: наряду с совершением предусмотренных диспозицией нормы деяний предусмотрено наступление общественно опасных последствий, между которыми в обязательном порядке должна наблюдаться причинно-следственная связь.

Abstract: According to the objective side, the composition of abuse of official authority is material: along with the commission of acts stipulated by the disposition of the norm, the onset of socially dangerous consequences is envisaged, between which a causal relationship must necessarily be observed.

Ключевые слова: превышение должностных полномочий; государственная безопасность; уголовный закон; уголовно-правовая политика.

Keywords: abuse of office; State security; criminal law; criminal law policy.

Для цитирования: Шевченко К.В. Объективные признаки превышения должностных полномочий // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 545-548. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_545.

For citation: Shevchenko K.V. Objective signs of abuse of office // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 545-548. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_545.

Статья поступила в редакцию: 03.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Анализ объективных признаков состава превышения должностных полномочий вызывает в научных кругах немало дискуссий на протяжении уже многих лет. Несмотря на то, что уголовное законодательство достаточно (а иногда – чрезмерно) динамично развивается и подвергается различным изменениям, тем не менее, исследования, посвященные уголовно-правовой характеристике состава преступления, с его подробным анализом не только субъективных, но и объективных признаков, по-прежнему не утрачивают актуальности¹.

Отсутствует единство мнений относительно определения объекта данного преступления, а наряду с этим особый интерес представляют и признаки объективной стороны.

Я.Н. Ермолович в рамках монографического исследования, наряду с проблемами определения субъективных признаков в составе превышения должностных полномочий, также выделяет проблемы установления и конкретизации объективных признаков². Так, автор, анализируя спорные вопросы квалификации, указывает, что в ходе следствия и судебного разбирательства нередко возникают затруднения, связанные с интерпретацией и взаимосвязью элементов объективной стороны преступления. Эти трудности можно классифицировать следующим образом.

Во-первых, разграничение действий, превышающих должностные полномочия, от злоупотребления этими полномочиями, опираясь на признаки, характеризующие объективную сторону.

Во-вторых, определение понятия общественно опасных последствий, заключающихся в нарушении прав и законных интересов граждан, организаций, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

В-третьих, устоявшиеся в судебной практике критерии, позволяющие квалифицировать указанные нарушения как существенные.

В-четвертых, установление причинно-следственной связи между действиями должностного лица, явно выходящими за рамки его компетенции, и наступившими негативными последствиями.

Точное определение объекта преступления позволяет отграничить одни преступные деяния от других, смежных³. Кроме того, именно признаки объекта преступления позволяют принимать решение о криминализации и декриминализации тех или иных деяний с учетом имеющихся в это время социальных, политических и экономических условий. При этом в качестве объекта преступления рассматриваются общественные отношения, на которые совершается посягательство, и которым причиняется вред (либо же возникает угроза причинения такого вреда, если состав сконструирован по типу формального). Родовой объект представляет собой совокупность охраняемых уголовным законом общественных отношений, которые находят свое отражение посредством объединения в тот или иной раздел УК РФ. Видовой же объект в качестве критерия определения предполагает объединение общественных отношений в соответствующие главы уголовного закона.

Родовым объектом превышения должностных полномочий являются отношения, которые обеспечивают нормальное функционирование государственной власти. Видовой же объект (исходя из наименования главы 30 УК РФ) можно сформулировать как общественные отношения, которые обеспечивают осуществление государственной власти, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

¹ Петухов, Н. А. Применение уголовной политики России на военно-служебных отношениях: пути выхода и дальнейшие направления нормативно-правового регулирования / Н. А. Петухов, В. М. Шеншин // *Военно-юридический журнал*. – 2016. – № 1. – С. 7-12. – EDN VHCQON.

² Ермолович Я. Н. Должностные преступления в российском уголовном праве: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 328 с. С. 12.

³ Уголовное право. Общая часть: учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – 424 с. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFJC.

Однако, единства мнений среди исследователей при решении вопроса об объекте, тем не менее, не наблюдается. Так, в частности, С.В. Смелова аргументирует свою позицию о том, что родовым объектом являются общественные отношения по поводу функционирования публичной власти¹. По мнению автора, именно такое формулирование объекта превышения должностных полномочий позволит охватить все возможные ситуации реализации таких полномочий. Так, например, С.В. Смелова справедливо отмечает, что глава органа местного самоуправления не считается муниципальным служащим, не может занимать должности государственной службы, не реализует государственную власть. В качестве еще одного аргумента автор использует практику Конституционного Суда Российской Федерации, который дает толкование публичной власти как власти, включающей государственную власть и местное самоуправление.

Полагаю, что замечания автора об имеющихся противоречиях в части наименования раздела и главы заслуживают внимания законодателя, так как понятие государственной власти, не охватывает всех возможных случаев совершения должностных преступлений. Кроме того, это будет в большей степени соответствовать Федеральному закону от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

При изучении непосредственного объекта преступления необходимо понимать, что противоправное деяние посягает одновременно на две сферы, охраняемые уголовным правом. Прежде всего, это общественные отношения, сформировавшиеся в сфере законного функционирования государственных органов и местного самоуправления, системы управления Вооруженными силами России, а также лиц, облеченных властными полномочиями.

Во-вторых, это общественные взаимоотношения, гарантирующие права и охраняемые законом интересы граждан и организаций, равно как и законные интересы общества в целом и государства. В связи с этим представляется логичным, помимо основного непосредственного объекта, выделять и дополнительный объект преступления. Подобная точка зрения достаточно часто прослеживается в научных трудах.

Одновременно с этим, в исследованиях можно также обнаружить подход некоторых авторов, согласно которому последствие в виде существенного нарушения прав и законных интересов неразрывным образом связано с нарушением установленного законом порядка обеспечения государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. И по этой причине, как полагает, например, К.В. Федосеев, при превышении должностных полномочий посягательство одновременно происходит на вышеуказанные объекты уголовно-правовой охраны, в связи с чем отсутствуют основания для выделения дополнительного непосредственного объекта – прав и интересов гражданина, общества и государства, так как последние тесно связаны с объектом основным².

Кроме того, существуют научные точки зрения, согласно которым в качестве дополнительного непосредственного объекта выступают конкретные права, интересы, имущественные блага. В качестве таковых можно назвать здоровье, честь, достоинство личности, имущественные интересы физических и юридических лиц и т.д.³

Оба вышеуказанных аргумента в своей совокупности позволяют сделать вывод о том, что права и законные интересы служат признаком основного непосредственного объекта, который в теории уголовного права может быть конкретизирован.

Признаки объективной стороны превышения должностных полномочий являются не менее дискуссионными. И, как справедливо указывают различные научные деятели, наличие в составе анализируемого преступления оценочного признака существенности причиняемого в результате совершения превышения должностных полномочий вреда – основная проблема, на которую указывают на протяжении уже не одного десятилетия.

Однако прежде чем рассматривать более подробно различные научные подходы к решению данного вопроса, считаю необходимым охарактеризовать действия, которые охватывает объективная сторона превышения должностных полномочий.

Согласно ч. 1 ст. 286 УК РФ преступное деяние выражается в совершении должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. Из диспозиции анализируемой статьи бесспорно вытекает, что совершить превышение должностных полномочий посредством бездействия не представляется возможным. Однако в научной литературе встречаются и противоположные мнения. Так, в частности, О.В. Ермакова в качестве аргумента позиции о допустимости превышения должностных полномочий в виде бездействия приводит пример из материалов судебной практики, согласно которым сотрудник правоохранительного органа предложил лицу, которое незаконно хранит наркотические средства, не составлять протокол за определенное материальное вознаграждение⁴.

Кроме того, по нашему мнению, подход законодателя в части выделения ст. 286.1 УК РФ «Неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа» видится не вполне логичным: в ст. 286 УК РФ превышение возможно исключительно путем действия, в то время как неисполнение в ст. 286.1 УК РФ – очевидное бездействие.

Одновременно с этим, считаю важным отметить, что понятие «действие» используется в диспозиции ст. 286 УК РФ во множественном числе, что, по моему мнению, невозможно признать корректным способом закрепления объективных признаков, так как это предполагает исключение однократного действия, повлекшего указанные в законе последствия. Очевидно, что данное противоречие требует своего законодательного устранения.

¹ Смелова С. В. Уголовная ответственность за превышение должностных полномочий: монография. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. 147 с. С. 43.

² Федосеев К.В. Уголовно-правовая характеристика превышения должностных полномочий: монография. Пермь: ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, 2023. 112 с. С. 35.

³ Наумов А. В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 763.

⁴ Ермакова О. В. Недостатки конструкций отдельных квалифицированных составов превышения должностных полномочий (статья 286 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3(39). С. 164-168.

В.Н. Борков в своем монографическом исследовании¹, ссылаясь на Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», описывает четыре типичных вида превышения должностных полномочий.

Во-первых, это совершение должностным лицом действий, относящихся к полномочиям другого должностного лица (вышестоящего или равного по статусу).

Во-вторых, это действия, которые могут быть совершены самим должностным лицом только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте (например, применение оружия в отношении несовершеннолетнего, если действия должностного лица не создавали реальной опасности для жизни других лиц).

В-третьих, действия, которые совершаются единолично, однако могут быть произведены только коллегиально либо в соответствии с порядком, установленным законом, по согласованию с другим должностным лицом или органом.

В-четвертых, это совершение должностным лицом действий, которые никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать.

Разделяю подход В.Н. Боркова, который акцентирует внимание на том, что важнейшим условием для привлечения лица к ответственности за превышение должностных полномочий является связь между совершаемыми действиями и обязанностями, которые возлагаются на лицо в связи с выполнением служебных функций.

Основные проблемы квалификации превышения должностных полномочий обусловлены содержащимися в уголовно-правовых нормах оценочными понятиями, и содержание данных понятий может варьироваться, исходя из конкретного случая.

Одним из критериев оценки может служить «явность» превышения должностных полномочий. В этом контексте стоит обратить внимание на данные социологического опроса, проведенного К.В. Федосеевым, где участникам было предложено указать, в каких именно действиях проявляется подобное явное превышение. Результаты данного исследования позволяют оценить восприятие обществом границ допустимого поведения должностных лиц и выявить наиболее распространенные формы превышения ими своих полномочий:

в очевидном несоответствии его действий установленному законом порядку их совершения (37 %);

в подмене интересов службы личными интересами (40 %);

в совершении действий, не входящих в круг полномочий должностного лица (22 %)².

Данные респондентами ответы свидетельствуют о том, что превышение должностных полномочий воспринимается как элемент должностного произвола, игнорирование интересов службы и установленного порядка реализации полномочий. При этом преступные действия оказывают дестабилизирующее воздействие на права и законные интересы граждан и организаций.

Вторым оценочным признаком объективной стороны превышения должностных полномочий является признак существенности вреда. Неоднократно различными научными деятелями вносились предложения по внесению изменений в действующее уголовное законодательство в части конкретизации существенности вреда, некоторые из этих предложений подтверждались дополнительно результатами проведенных социологических исследований, в которых респондентами выступали как представители органов следствия и прокуратуры, так и судов. Так, например, еще в 2009 году С.В. Смелова представила свое предложение закрепить минимальный размер имущественного вреда в контексте существенного (так как четверть превышений должностных полномочий влекла последствия именно имущественного характера). Почти 90% респондентов указывали на наличие данной проблемы в правоприменительной практике и 70% поддержали авторское предложение.

Пленум Верховного Суда РФ в соответствующем, выше упоминаемом, Постановлении использует в официальных разъяснениях недостаточно конкретные формулировки и примеры, характеризующие такой оценочный признак состава превышения должностных полномочий, как «существенность»: «Под существенным нарушением прав граждан или организаций в результате злоупотребления должностными полномочиями или превышения должностных полномочий следует понимать нарушение прав и свобод физических и юридических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией Российской Федерации (например, права на уважение чести и достоинства личности, личной и семейной жизни граждан, права на неприкосновенность жилища и тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также права на судебную защиту и доступ к правосудию, в том числе права на эффективное средство правовой защиты в государственном органе и компенсацию ущерба, причиненного преступлением, и др.). При оценке существенности вреда необходимо учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда и т.п.»³.

В данном Постановлении фактически содержится лишь примерный перечень прав, которые могут быть нарушены, указано на необходимость учитывать степень отрицательного влияния, однако все это дает качественную характеристику признаку существенности, в то время как правоприменителю необходима опора на количественные показатели.

В научных работах прослеживается тенденция поиска наиболее оптимального варианта указания на количественную характеристику (от МРОТ до конкретно определенных сумм имущественного ущерба в разных их вариациях), однако до настоящего времени излагаемые пред-

¹ Борков В.Н. Должностные преступления: квалификация, система и содержание уголовно-правовых запретов: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2010. 272 с. С. 101.

² Федосеев К. В. Уголовно-правовая характеристика превышения должностных полномочий: монография. Пермь : ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, 2023. 112 с. С. 43.

³ Уголовное право. Особенная часть : Курс лекций / Г. А. Агаев, Н. В. Баранков, Д. А. Безбородов [и др.]. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010. – 632 с. – ISBN 978-5-91837-015-5. – EDN QRUNFX.

ложения не нашли поддержки у законодателя.

В несколько иной форме предлагает конкретизировать оценочный признак существенности К.В. Федосеев, дополнив Постановление Пленума Верховного Суда РФ следующими положениями:

– абзац второй п. 18 после слов «Конституцией Российской Федерации» дополнить словами «федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами»;

– абзац третий п. 18 изложить в следующей редакции: «Под существенным нарушением законных интересов граждан и организаций в результате злоупотребления должностными полномочиями или их превышения следует понимать создание такой ситуации, в которой потребности, не противоречащие нормам права и общественной нравственности, не могут быть удовлетворены физическими или юридическими лицами по своему усмотрению (например, создание должностным лицом препятствий для ведения предпринимательской деятельности, необоснованное оказание предпочтения или предоставление не предусмотренного законом преимущества участникам коммерческой и иной деятельности);

– п. 18 дополнить абзацем четвертым следующего содержания: «Под существенным нарушением охраняемых интересов общества или государства следует понимать создание условий для игнорирования конституционного принципа юридического равенства, распространения произвола и дискредитации виновным авторитета органа государственной власти и занимаемой должности, утраты общественного доверия к деятельности органов государственной власти».

Таким образом, состав превышения должностных полномочий по конструкции объективной стороны является материальным: наряду с совершением предусмотренных диспозицией нормы деяний предусмотрено наступление общественно опасных последствий, между которыми в обязательном порядке должна наблюдаться причинно-следственная связь.

Некоторые исследователи подчеркивают необходимость установления опосредованной причинно-следственной связи, когда последствия вызваны действиями других лиц, при условии, что связь «развивается по одной линии причинной зависимости» и «действия отдалены от последствий не более чем одним звеном причинно-следственной связи»¹. Например, командир ОМОН Н. присвоил функции МВД России и утвердил испытания кандидата, в результате чего кандидату был причинен тяжкий вред здоровью. Суд констатировал, что ответственность за действия сотрудников, исполнявших приказ Н., должен нести Н.

Что касается факультативных признаков объективной стороны, следует отметить, что в ч. 1 ст. 286 УК РФ они не нашли своего законодательного отражения, однако в квалифицированных составах превышения должностных полномочий они имеют место.

Список литературы:

1. Петухов, Н. А. Применение уголовной политики России на военно-служебных отношениях: пути выхода и дальнейшие направления нормативно-правового регулирования / Н. А. Петухов, В. М. Шеншин // Военно-юридический журнал. – 2016. – № 1. – С. 7-12. – EDN VHCQQH.
2. Ермолович Я.Н. Должностные преступления в российском уголовном праве: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 328 с. С. 12.
3. Уголовное право. Общая часть: учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – 424 с. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFJC.
43. Смелова С.В. Уголовная ответственность за превышение должностных полномочий: монография. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. 147 с. С.
5. Федосеев К.В. Уголовно-правовая характеристика превышения должностных полномочий: монография. Пермь : ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, 2023. 112 с. С. 35.
6. Наумов А. В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 763.
7. Ермакова О.В. Недостатки конструкций отдельных квалифицированных составов превышения должностных полномочий (статья 286 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3(39). С. 164-168.
8. Борков В. Н. Должностные преступления: квалификация, система и содержание уголовно-правовых запретов: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2010. 272 с. С. 101.
9. Федосеев К. В. Уголовно-правовая характеристика превышения должностных полномочий: монография. Пермь : ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, 2023. 112 с. С. 43.
10. Уголовное право. Особенная часть: Курс лекций / Г. А. Агаев, Н. В. Баранков, Д. А. Безбородов [и др.]. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010. – 632 с. – ISBN 978-5-91837-015-5. – EDN QRUNFX.
11. Лысов М. Причинная связь по делам о преступлениях должностных лиц // Советская юстиция. 1970. № 19. С. 16.

References:

1. Petukhov, N. A. The application of Russia's criminal policy in military-service relations: ways out and further directions of normative legal regulation / N. A. Petukhov, V. M. Shenshin // Military Law Journal. – 2016. – No. 1. – pp. 7-12. – EDN VHCQQH.
2. Ermolovich Ya.N. Official crimes in Russian criminal law: a monograph. Moscow : Yurilitinform, 2020. 328 p. p. 12.
3. Criminal law. General part: textbook / A.V. Nikulenko, S. A. Denisov, M. V. Baranchikova [and others]. – 2nd edition, revised and expanded. – Saint Petersburg : Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. – 424 p. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFJC.
4. Smelova S.V. Criminal liability for abuse of official authority: a monograph. Vologda: VIPE of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2012. 147 p. 43.
5. Fedoseev K.V. Criminal and legal characteristics of abuse of office: monograph. Perm : Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2023. 112 p. p.
6. Naumov A.V. The practice of applying the Criminal Code of the Russian Federation: commentary on judicial practice and doctrinal interpretation. Moscow: Walters Kluwer, 2005. p. 763.
7. Ermakova O.V. Disadvantages of the designs of certain qualified trains exceeding official powers (Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3(39). pp. 164-168.
8. Borkov V. N. Official crimes: qualification, system and content of criminal law prohibitions: monograph. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. 272 p. 101.
9. Fedoseev K. V. Criminal and legal characteristics of abuse of office: monograph. Perm : Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2023. 112 p. p.
10. Criminal law. Special part: A course of lectures / G. A. Agaev, N. V. Barankov, D. A. Bezborodov [and others]. – St. Petersburg : St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2010. – 632 p. – ISBN 978-5-91837-015-5. – EDN QRUNFX.
11. Lysov M. Causal relationship in cases of crimes committed by officials // Soviet justice. 1970. No. 19. p. 16.

¹ Лысов М. Причинная связь по делам о преступлениях должностных лиц // Советская юстиция. 1970. № 19. С. 16.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТАПОВ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ О БИОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТАХ FORMATION OF STAGES OF CRIMINAL SCIENCE ON BIOLOGICAL OBJECTS

ЕРМОЛАЕВА Любовь Николаевна,

Старший преподаватель кафедры криминалистики

Уфимского юридического института МВД России.

450103, Россия, г. Уфа, ул. Мукинова, д. 2.

E-mail: X07071980@yandex.ru;

АНАНЬЯН Екатерина Николаевна,

Старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности

Ростовский юридический институт МВД России.

344015, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

E-mail: ktleon8182@mail.ru;

ERMOLAEVA Lyubov Nikolaevna,

Senior Lecturer at the Department of Criminology

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

2 Muksinova str., Ufa, 450103, Russia.

E-mail: X07071980@yandex.ru;

ANANYAN Ekaterina Nikolaevna,

Senior Lecturer at the Department of Criminology and Operational Investigative Activities

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

83 Yeremenko St., Rostov-on-Don, Rostov region, 344015.

E-mail: ktleon8182@mail.ru

Краткая аннотация: криминалистическое учение об объектах биологического происхождения представляет собой динамично развивающееся самостоятельное направление криминалистики, чье становление и развитие обусловлены как научно-техническим прогрессом в биологических науках и судебной медицине, так и возрастанием требований к доказательности и процессуальным гарантиям в уголовном судопроизводстве. Ему присущи комплексный характер, междисциплинарность и необходимость постоянной нормативно-методической адаптации в условиях быстро меняющихся научных и правовых реалий.

Abstract: The forensic science of biological objects is a dynamically developing independent branch of forensic science, whose formation and development are influenced by both scientific and technological progress in the fields of biology and forensic medicine, as well as the increasing requirements for evidence and procedural guarantees in criminal proceedings. It is characterized by its complex nature, interdisciplinary approach, and the need for continuous regulatory and methodological adaptation in the face of rapidly changing scientific and legal realities.

Ключевые слова: биологические объекты, происхождение, антиген, спектроскопия, трассированное отображение, след.

Keywords: biological objects, origin, antigen, spectroscopy, traced display, trace.

Для цитирования: Ермолаева Л.Н., Ананьян Е.Н. Формирование этапов криминалистической науки о биологических объектах // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 549-551. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_549.

For citation: Ermolaeva L.N., Ananyan E.N. Formation of stages of forensic science on biological objects // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 549-551. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_549.

Статья поступила в редакцию: 31.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Одним из ключевых аспектов исследования данной темы является необходимость поиска информации, связанной с историей следов, имеющих органическую составляющую. На протяжении времени судебная практика непрерывно совершенствовалась, и с каждым этапом в процессах расследования начали применяться новейшие технические разработки. Это способствовало формированию теоретических и практических основ экспертно-криминалистической деятельности, которая ориентируется на идентификацию преступников по следам, содержащим органический материал.

Тем не менее, нельзя утверждать, что процесс накопления знаний завершён, поскольку наука постоянно развивается, а технический прогресс продолжает расширять спектр объектов, которые становятся предметом исследования для криминалистов. Другими словами, увеличивается количество доступных носителей данных, которые также называют посадочными местами, что предоставляет новые возможности для экспертизы [1].

Этот термин значительно изменился с развитием экспертно-криминалистической деятельности. Его трансформация тесно связана с развитием процессуального права и доказательственного механизма. Изначально термин носил эмпирический характер и был описан в обычных словарях. Однако со временем в специализированной литературе появился более точный аналог – понятие «доказательства», которое полноценно отражает сущность этого термина.

В современных условиях доказывания в рамках экспертно-криминалистической практики под доказательствами понимаются не только следы преступления в традиционном смысле, например, отпечатки, но и любые иные изменения в материальной обстановке, вызванные совершением противоправного деяния. К таковым относятся предметы и обстоятельства, которые способны свидетельствовать о наличии либо отсутствии события преступления и причастности к нему конкретного лица, а также иные факторы, отражающие объективную картину происшедшего.

Таким образом, перечень доказательств расширяется за пределы классических вещественных признаков, включая разнообразные обстоятельства, способные иметь юридическое значение для установления истины по делу.

В начале судебно-медицинской практики термин «след» имел довольно общее значение и не был достаточно специфичным для детального анализа. В середине XIX века химические реакции стали основой для появления новой отрасли судебной медицины. Одним из первых шагов стало открытие Людвигом Тайхманном-Ставларским метода, с помощью которого можно было обнаружить следы крови, используя химическую реакцию между раствором хлорида натрия и ледяной уксусной кислотой.

В конце XIX века спектроскопия оказала значительное влияние на судебную медицину. Немецкие ученые Бунзен и Киргофф разработали метод, позволяющий с высокой точностью определить наличие крови на различных объектах, что существенно повысило возможности для идентификации преступников. Это расширило потенциал для создания более надежной доказательной базы и улучшило точность в расследованиях преступлений. К тому времени биологические следы, найденные на одежде или личных вещах подозреваемых, стали важным доказательством их причастности к преступлению.

Позднее ученые Флоренс и Фрикон систематизировали различные типы биологических объектов в зависимости от их происхождения, что позволило усилить доказательную силу методов обнаружения биологических следов. Однако этого оказалось недостаточно. Сторона защиты продолжала оспаривать эти данные, считая их недостаточными для установления вины обвиняемых, что привело к необходимости судебной медицины искать новые подходы и методы исследования биологических следов.

Также оставался нерешенным вопрос: кому принадлежали обнаруженные следы крови? В то время не существовало эффективных методов для различения биологических следов человека и животных, что ограничивало точность идентификации и усложняло судебные расследования.

Несмотря на то, что эксперименты по определению типа крови были начаты, и ученым удалось установить тип крови на основе анализа формы и размера ядер в клетках, этот метод оставался ограниченным. Он подходил только для анализа жидкой крови, и для других биологических следов преступления был совершенно непригоден.

Решение этой проблемы было найдено лишь в 1899 году, когда русский ученый Ф. Я. Чистович открыл реакцию осаждения, что стало основой дальнейших исследований П. Уленгута, который смог использовать это открытие для определения вида крови. Этот метод получил широкое признание в научных кругах, однако со временем он показал свою ограниченность. Практика показала, что он не всегда мог точно подтвердить, что кровь на месте преступления принадлежала конкретному человеку.

Одной из причин этого было то, что обнаруженные следы крови могли принадлежать не только потерпевшему, но и совершенно другому человеку, что затрудняло установление связи следов с конкретным преступлением. В результате было невозможно однозначно утверждать, попали ли следы крови на предметы в момент совершения преступления, или же они не имели отношения к происшествию.

Решение было найдено позже, благодаря методу, предложенному К. Ланштейнером. Его разработки привели к открытию трех групп крови по системе ABO. Эти открытия значительно расширили возможности судебной медицины, и впервые практическое использование этой системы началось с исследований, проведенных М. Рихтером. Это нововведение позволило судебным экспертам точнее определить, кому принадлежат обнаруженные следы на вещественных доказательствах [2].

Внедрение этой методики в судебно-медицинскую практику дало возможность следователям строить более надежную доказательную базу и избегать ошибок при установлении обстоятельств преступления. Появилась возможность исключить неверные выводы, основанные на непроверенной информации о происхождении биологических следов, и исключить из круга подозреваемых тех, чьи следы могли бы ранее указывать на их причастность.

Однако и на этом этапе оставалась проблема. Принадлежность к определенной группе крови не являлась окончательным доказательством того, что кровь принадлежала конкретному человеку. Невозможно было с полной уверенностью утверждать, что кровь на месте преступления была именно у этого подозреваемого, а не у другого человека с тем же типом крови.

Скоро стало очевидно, что системы групп крови ABO, несмотря на свою полезность, не всегда могут точно подтвердить или исключить принадлежность биологических следов конкретному человеку. В связи с этим специалисты начали искать новые подходы и системы, которые могли бы дать более четкое представление о преступлении. В результате были обнаружены дополнительные антигены в эритроцитах человека, такие как антигены M и N, а затем и антигены 8 и 8 [3].

Таким образом, весь процесс исследования судебно-биологических следов можно рассматривать как постоянное совершенствование методов, направленных на более точную идентификацию преступников. Однако, несмотря на наличие множества систем, которые увеличивают вероятность установления принадлежности следов, размер и состояние биологических объектов иногда не позволяют точно определить их источник.

Одним из наиболее известных деятелей российской криминалистики был И.Н. Якимов, который первым попытался систематизировать различные виды следов. Он предложил классификацию следов, включающую «все существенные изменения, происходящие на месте преступления, в окружающей среде и на объектах, связанных с происшествием». В эту классификацию входили: следы пальцев рук, ног и зубов; пятна крови и спермы; волосы. Позже И.Н. Якимов расширил свою классификацию, добавив новые типы следов, такие как: следы от фиалов; паразиты, обитающие на теле человека; следы одежды.

Эта работа стала первым значимым шагом в систематизации следов преступлений в криминалистике. И.Н. Якимов также был первым,

кто предложил рассматривать следы как часть единого объекта исследования, рассматривая их в комплексе.

В 1935 году И.Н. Якимов уточнил свое определение следа, заявив, что след представляет собой «отпечаток чего-то на объекте, позволяющий судить о его форме или назначении». Он также определил пятно как элемент, который позволяет судить только о веществе, оставившем его, поскольку пятно является частицей этого вещества. Однако в его ранней классификации не было разграничения между человеческими и биологическими следами, что в настоящее время принято учитывать в криминалистике.

На следующем этапе развития судебной экспертизы можно выделить работы ряда авторов, которые значительно продвинулись в изучении различных аспектов судебной науки. В частности, С.М. Потапов разработал теорию судебной самоидентификации, которая в дальнейшем оказала влияние на развитие практических методов. Одним из важных вкладов в эту область стал труд А.И. Винберга, который сосредоточился на принципах судебной экспертизы. В то же время Б.И. Шевченко в своей работе «Научные основы современной трассологии» обратил внимание на важность следов, оставленных на месте преступления. Он утверждал, что такие следы представляют собой отражение одних материальных объектов на других, что позволяет классифицировать их и использовать в качестве важного доказательства в расследовании. Б.И. Шевченко также ввел понятие «трассированное отображение», описывая его как «отображение на одном материальном объекте внешней структуры другого материального объекта», что стало важным этапом в развитии судебной медицины [4].

Третий этап развития судебной науки характеризовался развитием новых понятий и определений, которые значительно улучшили методы расследования преступлений. В работах таких ученых, как Г. Л. Грановский, Е. И. Зуева и Х. Тахо-Годи, более детально исследовались особенности оставления биологических следов. Они предложили классификацию биологических следов, основываясь на их форме и особенностях строения, что позволило значительно усовершенствовать существующие методологии. Их исследования также позволили выделить новые параметры, которые расширили возможности судебной экспертизы [5].

В 1958 году Л. К. Литвиненко предложил новую классификацию биологических следов, основанную на их воздействиях – механическом, термическом, химическом и биологическом. Этот подход стал важным шагом в дальнейшем развитии судебной медицины. Однако настоящим прорывом в анализе биологических следов стало внедрение методов ДНК-анализа, которые значительно ускорили процесс расследования преступлений. В России эти методы начали применяться с 1988 года, когда была создана специализированная лаборатория для исследования ДНК. Лаборатория находилась под эгидой МВД СССР, но из-за отсутствия необходимого оборудования и помещений было решено разместить её на базе Всесоюзного центра психического здоровья АМН СССР.

Сотрудники лаборатории активно работали над исследованием ДНК, а также занимались анализом психических заболеваний, таких как шизофрения и болезнь Альцгеймера. Исследования показали, что многие психические заболевания имеют генетическую предрасположенность. К началу 1990-х годов возникла необходимость академического обоснования новой методологии. В это время в лаборатории начались исследования генотипов, что привело к значительному улучшению криминалистических методов и повысило эффективность расследований.

Список литературы:

1. Криминалистика: учебник для вузов / под научной редакцией В. Н. Карагодина, Е. В. Смахина. М., 2025. С. 599.
2. Криминалистика (общие положения, техника, тактика, технология): учебник для вузов / под редакцией А. А. Кузнецова, Я. М. Мазунина. М., 2025. С. 400.
3. Сметанина Н. И., Исакова И. В., Гальцева Е. Е. К изучению групповой специфики потовых выделений // Судбно-медицинская экспертиза. 2016. № 3. С. 34–38.
4. Пименов М. Г., Култин А. Ю., Кондрашов С. А. Научно-практические аспекты судебно-медицинской экспертизы ДНК: методическое пособие. М., 2017. С. 273.
5. Орлов Ю. К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам: учебное пособие. М., 2019. С. 124.

References:

1. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law. The law grew. Federal Law No. 174-FZ of December 18, 2001: Adopted by the State Duma of the Russian Federation. The collection grew. Of the Federation on November 22, 2001: approved by the Federation Council of the Federation. The collection grew. Federation. – December 5, 2001 // Collection of legislation of the Russian Federation. Federation. 2001, No. 52 (Part I), Article 4921.
2. It's Istenko. P. Forensic Science: a textbook. - M., 2018. - S. 422.
3. Barsegyants L. O., Dvorkin A. I., Babaeva E. Yu., and others. Using Luminol for the Detection and Preliminary Examination of Blood Traces: A Study Guide. Moscow, 2017, p. 211.
4. Gurtovaya S. V. Evidence Research: A Brief Guide for Forensic Experts. Moscow, 2015, p. 149.
5. Sidorov V. L., Gavshinskaya N. S., Mayatskaya M. V. On Determining the Group Membership of Sperm Cells According to the ABO System by the Method of Immunofluorescence Reaction in Quantitative Modification // V. L. Sidorov, N. S. Gavshinskaya, M. V. Mayatskaya // Forensic Medical Examination. – 2016. – No. 4. – Pp. 44–51.

О ВОЗМОЖНОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УСЛОВИЙ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ ON THE POSSIBILITY OF IMPROVING THE CONDITIONS OF SERVING A SENTENCE TO SOLVE THE PROBLEMS OF RESOCIALIZATION OF THOSE SENTENCED TO IMPRISONMENT

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин МФЮА,
ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России, Российская Федерация, г. Москва.
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15а, стр. 1.

E-mail: yutish@list.ru;

ШЕРХОВ Рустам Русланович,

Кандидат юридических наук.

Россия, г. Москва.

E-mail: SHerhov007@mail.ru;

TISHCHENKO Yuriy Yu.,

Candidate of Law, Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines of MFUA,
Leading Researcher Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Russian Federation, Moscow.
15a Narvskaya str., building 1, Moscow, 125130, Russia.

E-mail: yutish@list.ru;

SHERKHOV Rustam Ruslanovich,

Candidate of Law.

Russia, Moscow.

E-mail: SHerhov007@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена изучению проблемных вопросов, возникающих в процессе осуществления воспитательного воздействия на осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях. В статье выделяются основные направления деятельности осужденных, которые они осуществляют в процессе отбывания уголовного наказания, и на их основе формируются взаимосвязанные этапы воспитательного и исправительного воздействия. Автор статьи приходит к выводу о том, что для совершенствования психолого-педагогического воздействия на осужденных к лишению свободы, а также в целях снижения и нейтрализации влияния отрицательной микросреды на общую массу осужденных, необходимо видоизменить структуру исправительного учреждения и предлагают ее экспериментальную модель к обсуждению.

Abstract. The article is devoted to the study of problematic issues arising in the process of educational influence on convicts serving sentences of imprisonment in correctional institutions. The article highlights the main activities of convicts, which they carry out in the process of serving a criminal sentence, and on their basis the interrelated stages of educational and correctional impact are formed. The author of the article concludes that in order to improve the psychological and pedagogical impact on those sentenced to imprisonment, as well as in order to reduce and neutralize the impact of the negative microenvironment on the total mass of convicts, it is necessary to modify the structure of the correctional institution and propose its experimental model for discussion.

Ключевые слова: исправительные учреждения, лишение свободы, осужденный, поведение, труд, прогнозирование, начальник отряда, воспитательная работа, ресоциализация.

Key words: correctional institutions, imprisonment, convict, behavior, labor, forecasting, squad leader, educational work, resocialization.

Для цитирования: Тищенко Ю.Ю., Шерхов Р.Р. О возможности совершенствования условий отбывания наказания для решения проблем ресоциализации осужденных к лишению свободы // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 552-554. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_552.

For citation: Tishchenko Yu.Y., Sherkhov R.R. On the possibility of improving the conditions of serving a sentence to solve the problems of resocialization of those sentenced to imprisonment // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 552-554. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_552.

Статья поступила в редакцию: 02.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

В условиях реформирования деятельности исправительных учреждений (далее – ИУ) происходит гуманизация процесса отбывания наказания в местах лишения свободы, которая обусловлена внедрением новых педагогических и психологических форм и методов воспитательного воздействия на осужденных. При этом возникает некое несоответствие между новыми требованиями в сфере перевоспитания осужденных и существующими формами, методами и содержанием воспитательной работы. Приведение их в соответствие с требованиями настоящего времени все больше становится одной из основных задач, выделяемых в организации исполнения наказания.

В современных условиях на первый план выдвигаются социальные, педагогические и психологические проблемы, возникающие у осужденных в период отбывания наказания. Полагаем, что данные проблемы касаются конкретизации цели деятельности ИУ, а именно, ресоциализации осужденного как конечного результата исполнения наказания в виде лишения свободы. Следует согласиться с мнением С.Н. Козловского, обоснованно отмечающего, что ресоциализация осужденных является составляющей исправления, происходит на протяжении всего срока отбывания наказания, она заключается в закреплении положительных результатов и социальной адаптации в обществе [5, с. 123].

Представляется, что на сегодняшний день, имеется необходимость отказаться от приоритета использования осужденных в трудовой деятельности, именно, как основного содержания деятельности ИУ. При этом труд осужденных может быть использован как средство ресоциализации личности, придав ему воспитательный характер, опирающийся на добровольность труда осужденных. В этом случае ресоциализация лич-

ности осужденного реализуется в практике ИУ более четко, чем когда результаты деятельности ИУ оцениваются по итогам выполнения производственного плана.

Проведенный ранее анализ деятельности ИУ показывает, что, в сущности, они представляют собой производственные предприятия, использующие труд осужденных. Естественно, что скопление больших масс осужденных, необходимое для решения производственных задач объективно может привести к репродукции у них асоциальных норм поведения, вводимых в микросреду членами малых групп отрицательной направленности поведения, а в последующем и к криминализации общей массы осужденных. Попытка создания в этих условиях воспитывающего коллектива осужденных не приводит к успеху, прежде всего, в силу доминирования производственных задач в деятельности ИУ, высокого уровня формализации межличностных отношений, как между осужденными, так между осужденными и администрацией ИУ. Как справедливо отмечают исследователи, в ИУ условия отбывания наказания должны способствовать ресоциализации, а не закреплению антисоциального поведения, при этом нормы криминальной субкультуры нацеливают осужденного на применение криминальных способов разрешения жизненных проблем [6, с. 39].

В связи с указанными обстоятельствами, администрации ИУ постоянно приходится решать три взаимосвязанных вопроса.

1. Нейтрализация отрицательного влияния микросреды на осужденных, поскольку протекающие социально-психологические процессы, происходящие в их общности, обнаруживают тенденции к возникновению, укреплению и распространению асоциальных норм поведения, что приводит к формированию определенного типа осужденных.

2. Организация и управление жизнедеятельностью коллектива осужденных. Полагаем, что структура такого коллектива должна определяться изначально не производственными задачами, а целью, связанной с исполнением уголовного наказания и ресоциализацией личности осужденного. Причем коллектив осужденных может создаваться на определенном этапе отбывания наказания и характеризоваться определенным уровнем межличностных отношений, а также возможностью начальника отряда организовывать и контролировать эти отношения.

3. Индивидуализация воспитательного воздействия на основе широкого использования психодиагностических методик, педагогических программ воспитания, коррекции воспитательных воздействий на осужденных на основе постоянной и обратной связи.

Мы абсолютно разделяем позицию Л.Ю. Перемолотовой, которая справедливо отмечает, что ресоциализация осужденного представляет собой длительный процесс, имеющий в основе комплекс юридических, психолого-педагогических, экономических, медицинских, организационных мер, направленных на формирование у осужденного способности и готовности к возвращению в обычные условия жизни общества после отбытия наказания [7, с. 54].

Анализ целей и задач, стоящих перед ИУ, исполняющими уголовное наказание в виде лишения свободы, а также анализ жизнедеятельности осужденных позволяет предложить экспериментальную модель структуры ИУ и принципов ее деятельности. Проведенным анализом установлено, что осужденные осуществляют в ИУ следующие виды деятельности:

- деятельность, связанная с исполнением уголовного наказания;
- трудовая деятельность;
- общественная деятельность.

Первый вид деятельности является обязательным для всех осужденных, а вот трудовая и общественная деятельность, по нашему мнению, могут носить добровольный или поощрительный характер. Данное требование вытекает из предлагаемой нами системы принципов исправления осужденных:

- воспитание и исправление через развитие личности;
- нравственная и правовая ресоциализация личности;
- психолого-педагогическое прогнозирование развития личности.

В процессе воспитательного воздействия на осужденного мы предлагаем выделить четыре основных и взаимосвязанных этапа. На первом этапе возможно решение задачи, связанной с отказом или пресечением привычных форм асоциального поведения. В качестве задачи второго этапа может выступать убеждение или принуждение к выполнению требуемых норм поведения. Третий этап может быть связан с приучением осужденного к социально приемлемой норме поведения. Сущность четвертого этапа может заключаться в применении постоянного упражнения для выработки норм нравственного поведения, разумеется, под влиянием требований и под контролем начальника отряда. Мы также разделяем позицию Е.В. Гузь, который указывает, что процесс ресоциализации направлен на исправление осужденных и не может проходить без социально-педагогического воздействия на осужденных, который требует индивидуального подхода [3, с. 67].

В соответствии с прохождением данных этапов, структура ИУ должна быть немного видоизменена, то есть делиться на несколько ступеней. Например, в рамках одного ИУ должны располагаться четыре изолированных участка с различными условиями содержания. При этом перевод из одного участка в другой производится только по решению начальника ИУ в зависимости от поведения осужденного. В обобщенном виде структура такого ИУ может быть представлена в следующем виде.

Первый этап отбывания уголовного наказания – все осужденные определенную часть срока наказания проводят в корпусе одиночного камерного заключения и могут по своему желанию включаться в различные виды трудовой деятельности. При надлежащем поведении осужденный по отбытии этого срока переводится на следующий этап отбывания наказания.

Второй этап – осужденные определенную часть срока наказания отбывают наказание в корпусе камерного содержания, где содержаться в камерах по 3-4 человека. Также по их желанию они могут быть выведены для работы на производстве. При условии надлежащего пове-

дения осужденные могут быть переведены на следующий этап отбывания наказания.

Полагаем, что на первых двух этапах возможно решение задачи нейтрализации отрицательного влияния микросреды осужденных, прежде всего, путем индивидуализации воспитательного воздействия и жесткого контроля за поведением осужденных.

Третий этап. На данный этап отбывания наказания могут быть переведены осужденные, вставшие на путь исправления и принимающие участие как в трудовой, так и в общественной деятельности ИУ. Осужденные могут содержаться в условиях общежития с комнатами, рассчитанными для проживания 6-8 человек. Данные осужденные по своему желанию должны быть задействованы в трудовой деятельности ИУ. На указанном этапе возникает возможность создания законопослушного коллектива осужденных, оказывающего положительное воздействие как на своих членов, так и на общую массу осужденных.

Четвертый этап отбывания наказания предполагает адаптацию осужденных к жизни на свободе и решает задачу, направленную на социализацию их личности. Условия отбывания наказания предполагают проживание в общежитии, в комнате на 2-4 человека, а также выезд осужденных для работы на предприятиях с целью их дальнейшего трудоустройства, и возвращение после трудового дня в ИУ для отбывания наказания.

Безусловно, предлагаемая модель носит дискуссионный характер и требует дальнейшей детальной проработки алгоритмов, как правовой, так психолого-педагогической деятельности. Однако нам представляется, что именно система индивидуализации воспитательного воздействия позволяет нейтрализовать негативное влияние профессиональной преступной среды на общую массу осужденных, при этом дает возможность формирования и эффективного управления жизнедеятельностью воспитывающего коллектива осужденных, что непосредственно создает условия для нравственной ресоциализации их личности.

Список литературы:

1. Борсученко С.А. Режим исполнения (отбывания) наказаний и проблемы его законодательной регламентации. Мониторинг правоприменения. 2016. № 1. С. 54-58.
2. Белоус В.Г., Голодов П.В. О проблемах пенитенциарной педагогики. Мир политики и социологии. 2016. № 3. С. 164-169.
3. Гузь Е.В. Актуальные проблемы уголовного права индивидуализация наказания, как одно из направлений процесса антикриминальной ресоциализации. Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 9. С. 66-69.
4. Ким В.В. Ресоциализация как основа индивидуальной профилактики преступности лиц, больных туберкулезом. Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3. С. 476-478.
5. Козловский С.Н. Ресоциализация осужденных в исправительных учреждениях. Вестник Нижегородского государственного университета. 2019. № 1. С. 122-128.
6. Латышева Л.А., Катанов А.В. Социокультурная и воспитывающая среда как средство профилактики криминальной субкультуры в местах лишения свободы. Пенитенциарная наука. 2016. № 4. С. 38-41.
7. Перемолотова Л.Ю. Проблемные аспекты ресоциализации личности осужденного. Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 24. С. 52-58.

References:

1. Borsuchenko S.A. The regime of execution (serving) of sentences and the problems of its legislative regulation. Law enforcement monitoring. 2016. No. 1. pp. 54-58.
2. Belous V.G., Golodov P.V. On the problems of penitentiary pedagogy. The world of politics and sociology. 2016. No. 3. pp. 164-169.
3. Guz E.V. Actual problems of criminal law individualization of punishment as one of the directions of the process of anti-criminal rehabilitation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 9. pp. 66-69.
4. Kim V.V. Resocialization as a basis for individual crime prevention of persons with tuberculosis. Actual problems of Russian law. 2014. No. 3. pp. 476-478.
5. Kozlovskiy S.N. Re-socialization of convicts in correctional institutions. Bulletin of Nizhny Novgorod State University. 2019. No. 1. pp. 122-128.
6. Latysheva L.A., Katanov A.V. Socio-cultural and educational environment as a means of preventing criminal subculture in places of detention. Penal science. 2016. No. 4. pp. 38-41.
7. Peremolotova L.Y. Problematic aspects of the resocialization of the convict's personality. Bulletin of Tomsk State University. Right. 2017. No. 24. pp. 52-58.

СИТУАЦИОННОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: РЕТРОСПЕКТИВА ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА SITUATIONAL CRIME PREVENTION: A RETROSPECTIVE OF FOREIGN EXPERIENCE

ПЕЙЗАК Анастасия Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии
Уфимского юридического института МВД Российской Федерации.

450091, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Мукинова, 2.

E-mail: a.peyzak@gmail.com;

PEYZAK Anastasia Viktorovna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology

The Ufa Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia.

2 Muksinova str., Ufa, Bashkortostan Republic, 450091.

E-mail: a.peyzak@gmail.com

Краткая аннотация. В настоящей статье проводится ретроспективный анализ применявшихся в зарубежных странах программах ситуационного предупреждения преступлений. На основании проведенного исследования автором приводится типология мер ситуационного предупреждения преступности. Так, в частности были выделены три основных вида ситуационных мер: 1) повышающие трудность совершения преступления; 2) повышающие риск при совершении преступления; 3) уменьшающие выгоду от совершения преступления. В завершении отмечается, что вопрос перемещения преступлений обладает приоритетной важностью при оценке ситуационного предупреждения преступности, так как имеются веские свидетельства того, что ситуационное предупреждение преступности может предотвратить преступление в планируемой точке преступного посягательства, однако с большой долей вероятности оно произойдет в другом месте.

Abstract. This article provides a retrospective analysis of the crime prevention programs used in foreign countries. Based on the study carried out by the author, a typology of measures of situational crime prevention is given. In particular, three main types of situational measures were identified: 1) making crimes more difficult to commit; 2) increasing the risk of committing a crime; and 3) reducing the benefits of committing a crime. In conclusion, it is noted that the issue of crime displacement is a priority when assessing situational crime prevention, as there is strong evidence that situational crime prevention can prevent crime in planning and the point of criminal assault, but with a large share it will probably happen elsewhere.

Ключевые слова: преступность, ситуационное предупреждение, ретроспектива, зарубежные страны, профилактика преступлений.

Keywords: crime, situational prevention, retrospective, foreign countries, crime prevention.

Для цитирования: Пейзак Р.И. Ситуационное предупреждение преступлений: ретроспектива зарубежного опыта // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 555-557. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_555.

For citation: Peyzak R.I. Situational crime prevention: a retrospective of foreign experience // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 555-557. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_555.

Статья поступила в редакцию: 03.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Криминология в XX веке доказала свою научную необходимость и состоятельность, а эффективная организация борьбы с преступностью уже не мыслится без использования криминологических знаний и участия специально подготовленных криминологов. Невозможно себе представить эффективной борьбы с преступностью в отрыве от криминологии и XXI веке. В то же время необходимо отдавать себе отчет в том, что человеческое общество в целом, в прочем, как его неотъемлемое проявление — преступность, являются динамичными явлениями, изменяющиеся под воздействием внутренних и внешних сил, что ставит перед криминологией задачу постоянного обновления научных теоретических знаний и эмпирических данных.

В опубликованной в 2024 году работе главного научного сотрудника ВНИИ МВД России, заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора Юрия Мирановича Антоняна «Методологические проблемы в криминологии», содержится жесткая оценка состоянию российской науки криминологии на современном этапе. Ю. М. Антонян указывает на то, что в настоящее время «... криминология пребывает в состоянии, близком к блаженному покою, которого она не заслужила и которое опасно само по себе. Такая ситуация, с одной стороны, объясняется отсутствием серьезных теоретических усилий, а с другой — относительным благополучием общества после социалистического прошлого и снижения в целом уровня преступности в последние годы»¹.

На сегодняшний день проблема преступности не является решенной ни в одном из государств мира, принимаемые профилактические меры из года в год не оказывают сколько-нибудь значительного влияния на преступность в целом. Однако определенные успехи на локальном уровне или в предупреждение конкретных видов преступлений имели место.

В настоящее время встает необходимость изучения зарубежной положительной практики применения профилактических мер и в частности программ ситуационного предупреждения преступности.

¹ Антонян, Ю. М. Методологические проблемы криминологии / Ю. М. Антонян // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2024. — Т. 19, № 2. — С. 159-172. — DOI 10.35427/2073-4522-2024-19-2-antonian. — EDN MFFLWA.

Ситуационное предупреждение преступности представляет собой меры, направленные против конкретных видов преступлений, которые связаны с управлением, дизайном или изменением непосредственной среды, в которой преступления совершаются, желательно при системном и последовательном подходе, дабы сократить возможности для совершения таких преступлений¹.

Ситуационная теория основывается на предположении, что на выбор индивида совершить преступление (преступить закон) влияют ситуационные факторы. Она контрастирует с так называемой теорией диспозиции, согласно которой больший упор делается на факторы, действовавшие в прошлом, в результате которых индивиды приобретают или наследуют общую предрасположенность к преступлениям². Ситуационная теория и теория «диспозиции» совсем необязательно несовместимы, и их можно рассматривать в отношении различных этапов развития преступного поведения. Ситуационное предупреждение преступности может также контрастировать с социальной профилактикой преступлений, где основной упор делается на правонарушителях, а не на преступлениях.

Ситуационное предупреждение преступности наиболее легко применимо в отношении собственности и других форм корыстных преступлений, таких как квартирные кражи со взломом, кражи в магазинах и вандализм; оно может быть также применимо и в отношении других преступлений, включая насильственные, совершенные при определенных обстоятельствах. Привлекательность ситуационных мер заключается в значительной степени в их способности обеспечить реалистичные, часто простые и недорогие решения в отношении конкретных видов преступлений при разнообразии конкретных условий и мест. Их успех, однако, зависит от степени осознания потенциальными преступниками ситуационных изменений и их неблагоприятного влияния, риска и выгоды совершаемого преступления и от того, насколько это осознание влияет на решение, совершать преступление или нет. Некоторые ситуационные меры, возможно, окажут большее влияние на принятие потенциальными преступниками решения, чем другие, и наоборот, отдельные потенциальные правонарушители будут с большей вероятностью, чем другие подвергаться воздействию в результате изменения ситуации.

Выделяются три основных вида ситуационных мер:

- 1) повышающие трудность совершения преступления³;
- 2) повышающие риск при совершении преступления⁴;
- 3) уменьшающие выгоду от совершения преступления⁵.

Часто проекты по предупреждению преступности строятся на сочетании этих мер. Примеры многовидовых проектов, в которых объединяется широкий спектр ситуационных мер, приводятся на протяжении всей главы и сопровождаются комментариями в отношении изменения места совершения преступления, что можно рассматривать в качестве основного потенциального недостатка ситуационного подхода. Поскольку ситуационный подход в предупреждении преступности в первую очередь стал разрабатываться в Великобритании, многие из приведенных примеров по иллюстрации конкретных мер взяты из практики этой страны.

Имеется, по крайней мере, четыре способа усложнить совершение преступления и таким образом уменьшить возможности для правонарушения. К ним относятся:

1. Осложнение цели, когда предпринимаются меры повысить прочность физических барьеров/препятствий вблизи конкретных объектов или непосредственно на этих объектах⁶.
2. Контроль подхода, что включает в себя ограничение доступа к конкретным местам, таким как жилые помещения или торговые центры⁷.
3. Отвлечение правонарушителя, что включает в себя направление правонарушителей от потенциальных целей или к более доступным местам⁸.
4. Ограничение способствующих факторов, что включает в себя обеспечение условий, когда средства для совершения определенных преступлений ограничены или отсутствуют⁹.

Риск при совершении преступлений повышается, если возрастает реальная или вероятная опасность выявления, ареста и/или осуждения. Например, электронные бирки на товарах розничной торговли, контрольные этикетки на библиотечных книгах или специальные химикаты на ковровом покрытии могут отпугнуть или помочь выявить преступников. Реальность или вероятность ареста могут быть усилены при внедрении или усовершенствовании различных форм наблюдения (в отличие от других форм ситуационного предупреждения преступности, наблюдение может носить более выраженный «персональный», чем «технический» характер, а поэтому быть особенно привлекательным для развивающихся стран). Отмечается три вида наблюдений:

– официальное наблюдение, которое подразумевает защиту собственности и выявление и отпугивание правонарушителей лицами,

¹ Hough, M., R.V. Clarke, and P. Mayhew. "Introduction", to R.V.G. Clarke and P. Mayhew (eds), *Designing Out Crime*. London: HMSO, 1980. (GB.1 H5.7D47).

² Clarke, R.V.G. "Situational Crime Prevention: Theory and Practice", in *British Journal of Criminology*, Vol. 20. 1980.

³ См., например: 1. Mayhew, P., N. Aye Maung, C. Mirreles-Black *The 1992 British Crime Survey* London, HMSO, 1993 Home Office Research Study, no. 132; 2. Bennett T. & Wright R. (1984). *Burglars on burglary: prevention and the offender*. Gower Pub. Co.

⁴ См., например: 1. Kelling, G. L., Pate, A. M., Dieckman, D., & Brown, C. (1974). *The Kansas City preventive patrol experiment*: Technical report. Washington, DC: Police Foundation; 2. Trojanowicz R. C. (1986). *Evaluating a Neighborhood Foot Patrol Program: The Flint, Michigan, Project* / D. P. Rosenbaum. *Community Crime Prevention: Does It Work* (pp. 157–178). Newbury Park.

⁵ Bennett T. & Wright R. (1984). *Burglars on burglary: prevention and the offender*. Gower Pub. Co.

⁶ Poyner B., Webb B. (1997). *Reducing theft from shopping bags in city center markets* / R. Clarke. *Situational Crime Prevention: Successful Case Studies*. New York: Harrow and Heston, pp. 83–89.

⁷ Clarke, R.V. & Felson, M. (Eds.). (1993). *Routine Activity and Rational Choice: Volume 5* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315128788>.

⁸ Clarke, R. V. (1992). *Situational crime prevention: Successful case studies*. New York, NY: Harrow & Heston.

⁹ Bennett T. & Wright R. (1984). *Burglars on burglary: prevention and the offender*. Gower Pub. Co.

которые специально предназначены для этого, например, полиция, службы безопасности и охраны;

– наблюдение со стороны сотрудников, которое отличается от официального наблюдения лишь тем, что оно осуществляется лицами, принятыми на работу для других целей, например, консьержи в жилых домах и в других помещениях;

– естественное наблюдение, которое подразумевает защиту собственности и людей, обеспечиваемую возможностями и способностями обычных граждан осуществлять определенное наблюдение в ходе повседневной деятельности.

Выгода от совершения преступления может быть уменьшена за счет снижения ожидаемой прибыли от совершения преступления, например, путем понижения стоимости похищенного. Существует четыре принципиальных способа для решения этого вопроса: 1) физическое удаление потенциальных объектов преступления¹; 2) маркировка имущественной собственности²; 3) уменьшение соблазна совершить преступление³; 4) установление правил по ограничению и регулированию поведения⁴.

Часто случаи с мерами по ситуационному предупреждению преступности в связи с одной целью или одной проблемой в индивидуальном порядке не осуществляются и не оцениваются. Наоборот, проблема преступности или общественных беспорядков может быть разрешена за счет использования целого пакета мер. В таких случаях часто бывает трудно определить, что точно является мерой предупреждения преступности, или вычленил, какое превентивное воздействие имеют различные элементы всего пакета. В таких случаях, вероятно, более полезно рассматривать программу в качестве комплексного пакета, а не пытаться вычленил и оценивать каждый из ее компонентов.

Вопрос перемещения преступлений обладает приоритетной важностью при оценке ситуационного предупреждения преступности. Имеются веские свидетельства того, что ситуационное предупреждение преступности может предотвратить преступление в планирующейся точке преступного посягательства. Однако, возможно, что все или многие из предотвращенных преступлений просто-напросто совершаются в другое время или в другом месте, при этом общий уровень преступности остается неизменным. В последние годы появилось несколько предложений рассматривать перемещение преступлений в качестве обычной практики предупреждения преступности; включая мысль, что вероятные места, куда будет перемещаться преступность, должны быть включены в меры предупреждения преступности.

Список литературы:

1. Антонян, Ю. М. Методологические проблемы криминологии / Ю. М. Антонян // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2024. – Т. 19, № 2. – С. 159-172. – DOI 10.35427/2073-4522-2024-19-2-antonian. – EDN MFFLWA.
2. Bennett T. & Wright R. (1984). Burglars on burglary : prevention and the offender. Gower Pub. Co.
3. Clarke, R. V. (1992). Situational crime prevention: Successful case studies. New York, NY: Harrow & Heston.
4. Clarke, R.V. & Felson, M. (Eds.). (1993). Routine Activity and Rational Choice: Volume 5 (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315128788>.
5. Clarke, R.V.G. "Situational Crime Prevention: Theory and Practice", in British Journal of Criminology, Vol. 20. 1980.
6. Hough, M., R.V. Clarke, and P. Mayhew. "Introduction", to R.V.G. Clarke and P. Mayhew (eds), Designing Out Crime. London: HMSO, 1980. (GB.1 H5.7D47).
7. Kelling, G. L., & Wilson, J. Q. (1982). Broken windows: The police and neighborhood safety. The Atlantic, March 1.
8. Kelling, G. L., Pate, A. M., Dieckman, D., & Brown, C. (1974). The Kansas City preventive patrol experiment: Technical report. Washington, DC: Police Foundation.
9. Linden R. and Minch C. (1985). Rural Crime Prevention in Canada. 46 p.
10. Mayhew, P., N. Aye Maung, C. Mirrlees-Black The 1992 British Crime Survey Lon-don, HMSO, 1993 Home Office Research Study, no. 132.
11. Poyner B., Webb B. (1997). Reducing theft from shopping bags in city center markets / R. Clarke. Situational Crime Prevention : Successful Case Studies. New York : Harrow and Heston, pp. 83–89.
12. Skogan, W. G. (1984). The British Crime Survey by M. Hough and P. Mayhew: British Journal of Criminology.
13. Trojanowicz R. C. (1986). Evaluating a Neighborhood Foot Patrol Program : The Flint, Michigan, Project / D. P. Rosenbaum. Community Crime Prevention : Does It Work (pp. 157–178). Newbury Park.

References:

1. Antonian, Y. M. Methodological problems of criminology / Y. M. Antonian // Works of the State Institute and the Law of the Russian Academy of Sciences. - 2024. - T. 19, № 2. - S. 159-172. - DOI 10.35427/2073-4522-2024-19-2-antonian. - EDN MFFLWA.
2. Bennett T. & Wright R. (1984). Burglars on burglary : prevention and the offender. Gower Pub. Co.
3. Clarke, R. V. (1992). Situational crime prevention: Successful case studies. New York, NY: Harrow & Heston.
4. Clarke, R.V. & Felson, M. (Eds.). (1993). Routine Activity and Rational Choice: Volume 5 (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315128788>.
5. Clarke, R.V.G. "Situational Crime Prevention: Theory and Practice", in British Journal of Criminology, Vol. 20. 1980.
6. Hough, M., R.V. Clarke, and P. Mayhew. "Introduction", to R.V.G. Clarke and P. Mayhew (eds), Designing Out Crime. London: HMSO, 1980. (GB.1 H5.7D47).
7. Kelling, G. L., & Wilson, J. Q. (1982). Broken windows: The police and neighborhood safety. The Atlantic, March 1.
8. Kelling, G. L., Pate, A. M., Dieckman, D., & Brown, C. (1974). The Kansas City preventive patrol experiment: Technical report. Washington, DC: Police Foundation.
9. Linden R. and Minch C. (1985). Rural Crime Prevention in Canada. 46 p.
10. Mayhew, P., N. Aye Maung, C. Mirrlees-Black The 1992 British Crime Survey Lon-don, HMSO, 1993 Home Office Research Study, no. 132.
11. Poyner B., Webb B. (1997). Reducing theft from shopping bags in city center markets / R. Clarke. Situational Crime Prevention : Successful Case Studies. New York : Harrow and Heston, pp. 83–89.
12. Skogan, W. G. (1984). The British Crime Survey by M. Hough and P. Mayhew: British Journal of Criminology.
13. Trojanowicz R. C. (1986). Evaluating a Neighborhood Foot Patrol Program : The Flint, Michigan, Project / D. P. Rosenbaum. Community Crime Prevention : Does It Work (pp. 157–178). Newbury Park.

¹ Skogan, W. G. (1984). The British Crime Survey by M. Hough and P. Mayhew: British Journal of Criminology.

² Linden R. and Minch C. (1985). Rural Crime Prevention in Canada. 46 p.

³ Clarke, R. V. (1992). Situational crime prevention: Successful case studies. New York, NY: Harrow & Heston.

⁴ Kelling, G. L., & Wilson, J. Q. (1982). Broken windows: The police and neighborhood safety. The Atlantic, March 1.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_558

УДК 343.9.018

ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ В РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИСТОКОВ (ДРЕВНЕРУССКИЙ И МОСКОВСКИЙ ПЕРИОДЫ) LIMITATION OF FREEDOM IN RUSSIA: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE ORIGINS (OLD RUSSIAN AND MOSCOW PERIODS)

МОИСЕЕВ Николай Дмитриевич,

доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности, Академия ФСИН России.

ул. Сенная, 1, г. Рязань, Рязанская обл., 390000, Россия.

E-mail: sherhov007@mail.ru;

ГУСЕВ Антон Сергеевич,

старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний,

не связанных с изоляцией осужденных от общества, юридического факультета ВЮИ ФСИН России.

Большая Нижегородская ул., 67Е, г. Владимир, 600020, Россия.

E-mail: sherhov007@mail.ru;

MOISEEV Nikolai Dmitrievich,

Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Sennaya St., 1, Ryazan, Ryazan region, 390000, Russia.

E-mail: sherhov007@mail.ru;

GUSEV Anton Sergeevich,

Senior Lecturer at the Department of Penal Enforcement Law and the Organization of the Execution of Punishments

not related to the isolation of convicts from Society, Faculty of Law

of the Higher Educational Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Bolshaya Nizhegorodskaya St., 67E, Vladimir, 600020, Russia.

E-mail: sherhov007@mail.ru

Краткая аннотация: В статье проводится историко-правовой анализ генезиса института лишения свободы как меры государственного принуждения на территории России в период с IX по XVII вв. Исследование сфокусировано на выявлении и анализе первоначальных форм изоляции правонарушителей, их трансформации из меры процессуального обеспечения в самостоятельный вид уголовного наказания. На основе анализа ключевых правовых памятников – от «Русской Правды» до Соборного уложения 1649 года – прослеживается эволюция целей наказания: от компенсационного принципа («виры») к ярко выраженной карательно-устрашающей функции в Московском государстве. Делается вывод о том, что оформление тюремного заключения в качестве системного элемента государственной репрессивной политики было напрямую связано с процессами централизации власти и становления самодержавной монархии.

Abstract. The article provides a historical and legal analysis of the genesis of the institution of deprivation of liberty as a measure of state coercion in Russia in the period from the 9th to the 17th centuries. The research focuses on the identification and analysis of the initial forms of isolation of offenders, their transformation from a measure of procedural support into an independent type of criminal punishment. Based on the analysis of key legal monuments – from the Russian Truth to the Cathedral Code of 1649 – the evolution of the goals of punishment is traced: from the compensatory principle ("vira") to a pronounced punitive and intimidating function in the Moscow state. It is concluded that the institutionalization of imprisonment as a systemic element of the state's repressive policy was directly related to the processes of centralization of power and the formation of an autocratic monarchy.

Ключевые слова: лишение свободы, история права, древнерусское право, Московское государство, тюремное заключение, «Русская Правда», Судебники, Соборное уложение, наказание, правонарушитель.

Keywords: deprivation of liberty, history of law, Old Russian law, Moscow State, imprisonment, Russkaya Pravda, Sudebniki, Sobornoye Ulozheniye, punishment, offender.

Для цитирования: Моисеев Н.Д., Гусев А.С. Лишение свободы в России: историко-правовой анализ истоков (древнерусский и московский периоды) // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 558-560. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_558.

For citation: Moiseev N.D., Gusev A.S. Limitation of freedom in Russia: historical and legal analysis of the origins (old Russian and Moscow periods) // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 558-560. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_558.

Статья поступила в редакцию: 03.08.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Институт лишения свободы, являясь сегодня краеугольным камнем любой национальной пенитенциарной системы, прошел длительный и сложный путь становления. Его истоки на русской земле уходят в глубокую древность и демонстрируют уникальную специфику, обусловленную особенностями социального устройства, правосознания и политического развития древнерусских княжеств, а позже – централизованного Московского государства. Изучение первоначальных форм и практик применения изоляции не только проливает свет на эволюцию правовых институтов, но и позволяет понять фундаментальные принципы взаимодействия власти и общества в тот период.

Понимание того, как и почему лишение свободы трансформировалось из частноправовой, компенсационной меры в инструмент публично-правового государственного принуждения, имеет ключевое значение для полноценного историко-правового анализа. Как справедливо отмечает современный исследователь Н.И. Нарышкина, «обращение к истокам пенитенциарной политики позволяет деконструировать многие современные правовые явления, вскрыть их первоначальную сущность, часто скрытую под наслоениями последующих реформ» [2, с. 245].

Правовая система Древней Руси, реконструируемая по таким памятникам, как «Русская Правда» (краткая и пространная редакции), основывалась на принципе частного правонарушения (delictum). Преступление рассматривалось не как посягательство на государственный интерес или закон, а как «обида», нанесенная конкретному человеку или его роду. Соответственно, и система наказаний носила компенсационный (композиционный) характер [1, с. 45].

Ведущими видами ответственности были:

- Вира – денежный штраф в пользу князя за убийство свободного человека.
- Головничество – плата в пользу семьи убитого.
- Продажа – штраф в княжескую казну за другие преступления (например, побои, увечья).
- Урок – возмещение ущерба потерпевшему.

В этой системе карательного воображения лишение свободы в его современном понимании отсутствовало. Высшей мерой наказания была «потока и разграбление» – изгнание преступника и конфискация его имущества, что для человека той эпохи, чья идентичность была неразрывно связана с родом и общиной, было равносильно социальной смерти [8, с. 136].

Однако практики принудительной изоляции уже существовали, выполняя совершенно иную, обеспечительную функцию. В «Русской Правде» встречается термин «поруб» – бревенчатый сруб, куда помещали злостного неплательщика штрафа или долга. Целью такой изоляции было не наказание, а принуждение к выполнению обязательства. Аналогичную функцию выполняла и «темница» (от слова «тьма», «мрак») – подземное помещение, где содержались обвиняемые в ожидании суда или решения о выплате виры [3, с. 89]. Таким образом, изначально место заключения было не орудием кары, а средством обеспечения исполнения решения – своеобразной мерой пресечения или принудительного взыскания.

Важно отметить, что содержание в порубе или темнице было тяжелым испытанием. Заключенные часто содержались в оковах, а их пропитание зависело от милости окружающих или самих истцов, что подчеркивает обеспечительно-принудительный, а не исправительный характер данной меры [5, с. 56].

С централизацией русских земель вокруг Москвы и укреплением великокняжеской, а затем и царской власти, начинает кардинально меняться и природа права. Преступление постепенно перестает быть частной «обидой» и начинает трактоваться как «лихое дело», то есть деяние, направленное против государства, общественного порядка и воли государя. Этот концептуальный сдвиг повлек за собой и трансформацию системы наказаний [1, с. 78].

Судебник 1497 года (при великом князе Иване III) стал первым общерусским правовым кодексом, знаменующим этот переход. В нем еще сильны традиции «Русской Правды» (сохраняются вира и продажа), но уже явно прослеживается усиление карательной роли государства. Впервые тюремное заключение упоминается не только как обеспечительная мера, но и как потенциальное дополнительное наказание. Например, для «лихого человека», уличенного в краже или разбое, но не пойманного с поличным, а признанного таковым по оговору («облихованного»), могло предусматриваться тюремное заключение до выяснения обстоятельств [3, с. 115].

Судебник 1550 года (при Иване IV Грозном) продолжил эту тенденцию. Государственная репрессия усиливается, расширяется круг преступлений, за которые применяются телесные и членовредительские наказания (кнут, урезание ушей, клеймение). Тюрьма прочно входит в судебную практику, но все еще чаще как место предварительного или дополнительного содержания [5, с. 92].

Ключевым изменением стало то, что содержание в тюрьме начинает приобретать публично-правовой и устрашающий характер. Если в древний период заключенный содержался за счет истца или самого себя, то теперь содержание арестантов все чаще ложится на государственную казну (пусть и скудно), что символизирует переход тюрьмы в сферу государственных интересов. Целью становится не только обеспечение явки в суд или выплаты, но и публичное умерщвление плоти, причинение страданий и демонстрация могущества государственной власти, способной изъять человека из общества [2, с. 248].

Этот период можно охарактеризовать как время, когда лишение свободы постепенно «отпочковывается» от своей обеспечительной функции и начинает самостоятельное движение в направлении становления в качестве одного из основных видов уголовной репрессии.

Апогеем развития права Московского государства и точкой окончательного оформления тюремного заключения как самостоятельного вида наказания стало Соборное уложение 1649 года при царе Алексее Михайловиче. Этот грандиозный правовой памятник, состоящий из 967 статей, впервые в русской истории системно и детально регламентировал все стороны жизни государства и общества [6, с. 5].

Уложение подвело итог предшествующему развитию и законодательно закрепило переход от частноправовых к публично-правовым принципам ответственности. В нем тюремное заключение впервые предстает в своей зрелой форме – как полноценный, строго регламентированный вид уголовного наказания, применяемый за широкий спектр преступлений [7, с. 120].

Ключевые новации Соборного уложения в отношении лишения свободы:

1. Легализация как основного наказания: тюремное заключение назначается непосредственно за преступления против государства, церкви, личности, собственности. Например, за повторную татьбу (кражу), разбой, убийство в разбое, «возмутительные речи» против государя [4, с. 210].

2. Дифференциация сроков: вводятся конкретные сроки заключения: от нескольких дней и недель до лет («посадить в тюрьму на год», «на два года», «на три года»). Появляется и понятие бессрочного заключения – «посадить в тюрьму до государева указу», что было прообразом пожизненного лишения свободы [6, с. 134].

3. Условия содержания: Уложение детализирует порядок содержания. Подчеркивается тяжесть условий: использование цепей и кандалов («железо»), содержание в «земляных тюрьмах». Ответственность за содержание все больше возлагается на государство, хотя практика «кормления за счет родственников или самих себя» сохраняется [4, с. 215].

4. Ссылка как форма изоляции: Параллельно с тюрьмой законодательно оформляется ссылка «в украинные города» (на окраины госу-

дарства) «на житье» или «на службу». Это была другая форма изоляции – не в замкнутом пространстве тюрьмы, а путем удаления из социально привычной среды в опасные и малозаселенные регионы. Ссылка закладывала основы для будущей системы каторги и массовой колонизации Сибири [2, с. 255].

Целью наказания, согласно духу Уложения, становится уже не компенсация, а возмездие и устрашение. Тюрьма должна была не только изолировать «лихого» человека, но и причинить ему физические и моральные страдания, стать наглядным уроком для всего общества. Жестокость условий содержания была не следствием безалаберности, а осозанным элементом карательной политики формирующегося абсолютистского государства [5, с. 105].

Таким образом, к концу XVII века в России сложилась полноценная, законодательно оформленная система применения лишения свободы как меры уголовного наказания. Она была неотъемлемой частью репрессивного аппарата, служившего укреплению самодержавной власти и поддержанию общественного порядка через демонстрацию силы и устрашение.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что становление института лишения свободы в России в древнерусский и московский периоды было сложным и многогранным процессом, напрямую зависящим от эволюции государственности и правового сознания.

В древнерусский период (IX-XIII вв.) лишение свободы не являлось наказанием в собственном смысле слова. Оно выполняло сугубо обеспечительную функцию, выступая мерой пресечения или способом принуждения к исполнению обязательств (уплате виры, долга). «Поруб» и «темница» были инструментами частного, а не публичного права [8, с. 140].

Кардинальный перелом наступил в период формирования и укрепления централизованного Московского государства (XIV-XVI вв.). По мере того, как преступление стало трактоваться как деяние против государства («лихое дело»), а не частная «обида», начала меняться и природа наказания. Судебники 1497 и 1550 годов ознаменовали переходный этап, на котором тюремное заключение начало приобретать публично-правовой и карательно-устрашающий характер, все чаще применяясь по инициативе государственной власти [1, с. 95].

Окончательная институционализация тюремного заключения как самостоятельного, системного вида уголовного наказания произошла в середине XVII века с принятием Соборного уложения 1649 года. Этот документ не только законодательно закрепил тюрьму и ссылку в качестве мер государственной репрессии за широкий круг преступлений, но и детализировал сроки, условия содержания и их цели – возмездие, устрашение и изоляцию [6, с. 150].

Таким образом, история зарождения лишения свободы в России – это история трансформации правового института из частноправового инструмента в мощное орудие государственной карательной политики, необходимое для укрепления самодержавной власти и унификации правового пространства огромной страны [2, с. 260].

Список литературы:

1. Исаев, И.А. Становление права в Московской Руси: монография / И.А. Исаев. – М.: Проспект, 2023. – 215 с.
2. Нарышкина, Н.И. Тюремная система Московского государства в XV-XVII вв.: от темницы к наказанию // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2023. – Т. 14, Вып. 2. – С. 245-263.
3. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. Ред. О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1985. – 520 с.
4. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 3: Акты Земских соборов / под общ. Ред. О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1985. – 512 с.
5. Романовская, В.Б. Репрессивные органы и общество в России XV-XVII веков: опыт историко-правового анализа: монография / В.Б. Романовская. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2022. – 187 с.
6. Соборное уложение 1649 года: текст и комментарии / сост. А.В. Беляков. – М.: Зерцало-М, 2024. – 408 с.
7. Тихомиров, М.Н., Епифанов, П.П. Соборное уложение 1649 года: учебное пособие для вузов / М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов. – М.: Изд-во МГУ, 2023. – 175 с.
8. Цатурова, М.К. Формы реализации уголовной ответственности в русском праве X-XVII вв.: историко-правовое исследование / М.К. Цатурова // Lex russica. – 2022. – № 12 (185). – С. 134-148.

References:

1. Isaev, I.A. The formation of law in Moscow Russia: a monograph / I.A. Isaev. Moscow: Prospekt, 2023. – 215 p.
2. Naryshkina, N.I. The prison system of the Moscow state in the XV-XVII centuries: from prison to punishment // Bulletin of St. Petersburg University. Pravo. – 2023. – Vol. 14, Issue 2. – pp. 245-263.
3. Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 volumes. Vol. 2: Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state / under the general Editorship of O.I. Chistyakov. – M.: Legal literature, 1985. – 520 pages.
4. Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 volumes Vol. 3: Acts of the Zemsky Sobors / under the general editorship of O.I. Chistyakov. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1985. 512 p.
5. Romanovskaya, V.B. Repressive bodies and society in Russia of the XV-XVII centuries: the experience of historical and legal analysis: a monograph / V.B. Romanovskaya. – N. Novgorod: Publishing House of Nizhny Novgorod State University, 2022. – 187 p.
6. The Cathedral Code of 1649: text and comments / comp. A.V. Belyakov. – M.: Zertsalo-M, 2024. – 408 p.
7. Tikhomirov, M.N., Epifanov, P.P. The Cathedral Code of 1649: a textbook for universities / M.N. Tikhomirov, P.P. Epifanov. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 2023. 175 p.
8. Tsaturova, M.K. Forms of realization of criminal responsibility in Russian law of the X-XVII centuries: historical and legal research / M.K. Tsaturova // Lex russica. – 2022. – № 12 (185). – Pp. 134-148.

**ЦИФРОВАЯ УЯЗВИМОСТЬ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫХ СВЕДЕНИЙ
В ТАРГЕТИРОВАННОЙ РЕКЛАМЕ КАК НОВОГО ВИДА ПРАВОНАРУШЕНИЯ
DIGITAL VULNERABILITY: LEGAL ASPECTS OF USING CONFIDENTIAL
INFORMATION IN TARGETED ADVERTISING AS A NEW TYPE OF OFFENSE**

ДЬЯЧЕНКО Анна Олеговна,

магистрант МПЧП.

443125, Россия, Самарская обл., г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

E-mail : diachenko@mail.ru;

DYACHENKO Anna Olegovna,

master's student of IPPL.

443125, Samara Region, Samara, 141 Sovetskaya Army Street.

E-mail: diachenko@mail.ru;

Научный руководитель:

СИДОРОВА А.В.,

к.ю.н., доцент кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями

Самарский государственный экономический университет (СГЭУ).

443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

E-mail : diachenko@mail.ru;

Scientific supervisor:

SIDOROVA A.V.,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Organization of the fight against Economic Crimes

Samara State University of Economics (SGEU).

141 Sovetskaya Armii str., Samara, 443090, Russia.

E-mail : diachenko@mail.ru

Краткая аннотация: В статье исследуются актуальные правовые проблемы использования конфиденциальных сведений в системе таргетированной рекламы. Проводится анализ квалификации таких действий как нового вида цифрового правонарушения. На основе сравнительно-правового и формально-логического методов доказывается неэффективность существующих правовых механизмов защиты в условиях цифровой трансформации. В заключении предлагаются конкретные меры по совершенствованию законодательства в области цифровых правоотношений.

Abstract: The article examines the current legal issues of using confidential information in the targeted advertising system. It analyzes the classification of such actions as a new type of digital offense. Based on comparative legal and formal-logical methods, the article proves the ineffectiveness of existing legal protection mechanisms in the context of digital transformation. In conclusion, the article proposes specific measures to improve legislation in the field of digital legal relations.

Ключевые слова: таргетированная реклама, персональные данные, конфиденциальные сведения, цифровое правонарушение, профилирование, Big Data, правовая защита.

Keywords: targeted advertising, personal data, confidential information, digital offense, profiling, Big Data, legal protection.

Для цитирования: Дьяченко А.О., Сидорова А.В. Цифровая уязвимость: правовые аспекты использования конфиденциальных сведений в таргетированной рекламе как нового вида правонарушения // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 9. С. 561-563. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_561.

For citation: Dyachenko A.O., Sidorova A.V. Digital vulnerability: legal aspects of using confidential information in targeted advertising as a new type of offense // *Agrarian and land law*. 2025. No. 9. pp. 561-563. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_561.

Статья поступила в редакцию: 05.09.2025

Дата публикации: 03.10.2025

Современная цифровая экономика характеризуется экспоненциальным ростом рынка интернет-рекламы, который, по данным исследовательской компании eMarketer, к 2025 году достигнет 526 миллиардов долларов [1]. Параллельно наблюдается рост количества утечек персональных данных – согласно отчету Risk Based Security, только в 2023 году было зафиксировано более 12 миллиардов компрометирующих записей [15]. Данная статистика свидетельствует о системном кризисе в области защиты конфиденциальных сведений, используемых в рекламных технологиях.

Правовое регулирование отношений в области использования персональных данных для рекламных целей в Российской Федерации осуществляется в рамках Федерального закона «О персональных данных» [12], а также КоАП РФ [7]. Однако, как справедливо отмечается, действующее законодательство не успевает за динамикой развития цифровых технологий, создавая правовые пробелы в регулировании новых форм правонарушений [4, 5, 13].

Важнейшей проблемой остается определение понятийного аппарата. Под конфиденциальными сведениями в контексте рекламной деятельности следует понимать не только данные, прямо отнесенные ст. 10 Федерального закона № 152-ФЗ к специальным категориям, но и дедуцированные (выведенные) данные, полученные в результате анализа цифрового следа пользователя.

Расширительное толкование объекта защиты – конфиденциальных сведений – напрямую коррелируется с эволюцией содержания фундаментального права на неприкосновенность частной жизни. Как справедливо отмечается в доктрине, современное понимание этого права

должно включать в себя не только защиту от разглашения известной информации, но и защиту от несанкционированного вывода скрытых знаний о личности посредством анализа ее цифрового следа [11]. Это подтверждает тезис о необходимости охраны дедуцированных данных и формирования новой категории охраняемой информации.

В рамках современной цифровой парадигмы формируется принципиально новая категория охраняемой информации, порождаемая процессами алгоритмического выявления потенциальных личных обстоятельств жизнедеятельности субъекта (здоровья, финансов, личной жизни и т.п.), конституируя формирование принципиально нового класса информации ограниченного доступа и создавая новую правовую реальность в области защиты конфиденциальной информации.

В современной научной доктрине принято выделять три основных вида правонарушений в области использования конфиденциальных данных для рекламы:

- Прямой сбор запрещенных данных без надлежащего согласия субъекта, что противоречит положениям ст. 9 Федерального закона № 152-ФЗ. Как показано в исследованиях, более 60% мобильных приложений осуществляют несанкционированный доступ к геолокации и контактам пользователей [16].
- Незаконная агрегация и дедупликация данных для создания психографических портретов. В.В. Архипов указывает, что подобные практики нарушают принцип целеполагания обработки персональных данных, установленный статьей 5 Федерального закона № 152-ФЗ [2].
- Использование данных, полученных из неправомерных источников, включая данные, приобретенные у нелегальных дата-брокеров. По мнению исследователя Д.А. Левчика, данный вид правонарушений представляет наибольшую опасность в связи с латентным характером и сложностью доказывания [17].

Итак, неправомерное использование конфиденциальных сведений в таргетированной рекламе представляет собой не просто нарушение норм о персональных данных, а новый вид цифрового правонарушения. Его квалификация требует модификации традиционных теоретических подходов к элементам юридического состава, в первую очередь субъекта и субъективной стороны, которые в условиях цифровой среды приобретают специфические черты, связанные с действиями алгоритмов и коллективных субъектов [10].

Отметим, что таргетированная реклама представляет собой усовершенствованный механизм дистрибуции рекламных сообщений в цифровой среде, основанный на селекции аудитории по заранее определенному комплексу демографических, социографических, географических, поведенческих и психографических критериев [8]. В отличие от массовой рекламы, использующей принцип широкого вещания, данный подход реализует модель прецизионного маркетинга. Это позволяет обеспечить адресность коммуникации и релевантность рекламного предложения для конкретного пользователя в конкретный момент времени. Ключевой целью таргетинга является оптимизация рекламного бюджета за счет повышения конверсии и минимизации нецелевого охвата. Основными каналами для размещения таргетированной рекламы выступают: социальные медиа («ВКонтакте», «Одноклассники»), рекламные сети – экосистемы, агрегирующие рекламные пространства множества сайтов и мобильных приложений, что позволяет использовать поведенческие данные для кросс-платформенного таргетинга.

Анализ судебной практики, включая решения Роскомнадзора и ФАС России за 2022-2024 годы, выявляет системные проблемы в квалификации рассматриваемых правонарушений. В научном и профессиональном дискурсах неоднократно отмечалось наличие существенных сложностей в судебном доказывании нарушений в сфере обработки персональных данных [3]. Судебная практика по данной категории дел находится на стадии формирования. Ключевой проблемой выступает распределение бремени доказывания: для компенсации ущерба, вызванного нарушением законодательства о персональных данных, истцу необходимо предоставить доказательства не только самого факта нарушения, но и обосновать размер понесенных убытков, а также установить наличие причинно-следственной связи между противоправными действиями ответчика и наступившими негативными последствиями.

Динамика правоприменения демонстрирует значительный рост количества рассматриваемых споров. Согласно актуальным данным, представленным в 2024 году экспертами Ассоциации юристов России, наблюдается увеличение количества судебных дел, связанных с вопросами предоставления и защиты персональных данных, примерно на 17% по сравнению с показателями предыдущего года. Данная статистика свидетельствует о росте правовой активности граждан и усилении внимания судебных органов к защите персональных данных [6].

Ключевой проблемой остается дисбаланс ответственности между иностранными рекламными платформами и национальными операторами персональных данных. Исследование, проведенное под руководством профессора С.В. Сараевой, демонстрирует, что привлечение к ответственности таких компаний, как Google и Meta, затруднено в связи с трансграничным характером их деятельности [9].

Серьезной правовой коллизией является вопрос доказывания факта использования конфиденциальных сведений. Рядовому пользователю сложно доказать причинно-следственную связь между обработкой его данных и демонстрацией конкретного рекламного материала.

Что касается международного опыта, то например, Европейский регламент GDPR (General Data Protection Regulation [14]) закрепил подход к регулированию профилирования и автоматизированного принятия решений. Статья 22 Регламента прямо запрещает принятие решений на основе исключительно автоматизированной обработки данных, включая формирование рекламных предложений. Как отмечает немецкий исследователь К. Шульц, данная норма стала эталоном для защиты прав субъектов данных [17].

Калифорнийский закон CCPA (California Consumer Privacy Act [18]) вводит понятие «продажи персональных данных» и предоставляет потребителям право на отказ от использования их данных для таргетированной рекламы. По мнению А. Тайлер данный подход «более сбалансирован, нежели европейский» [19].

В рамках развития российского правового регулирования представляется целесообразным внесение следующих изменений в законо-

дательную базу:

- имплементировать понятие «профилирование» в российское законодательство с закреплением права субъекта на объяснение логики алгоритмических решений, как это предусмотрено статьей 15 GDPR;
- ввести презумпции нарушения прав субъекта персональных данных при несанкционированном сборе информации для рекламных целей, что позволит переложить бремя доказывания на оператора;
- установить повышенную ответственность для всех участников цифровой рекламной цепочки, включая операторов AdTech-платформ и владельцев рекламных инвентарей;
- целесообразно стимулировать развитие рекламных технологий, ориентированных на конфиденциальность через налоговые льготы и государственные субсидии.

Итак, таргетированная реклама, основанная на неправомерном использовании конфиденциальных сведений, представляет собой новый вид цифрового правонарушения, требующий комплексного межотраслевого подхода к регулированию. Предложенные меры по совершенствованию законодательства позволят снизить цифровую уязвимость субъектов персональных данных и создать более сбалансированную систему правовой защиты в условиях цифровой трансформации экономики.

Список литературы:

1. Американский рынок рекламы в поиске с ИИ вырастет до 26 млрд долларов к 2029 году [электронный ресурс]. URL: <https://www.sostav.ru/publication/rost-investitsij-v-ii-reklamu-75700.html> (дата обращения: 31.08.2025).
2. Архипов В.В. Правовая природа цифрового профиля // Вестник гражданского права. 2023. № 3. С. 112-125.
3. ВС РФ разъяснил правила рассмотрения споров о защите персональных данных - Российская газета [электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/11/09/vs-rf-raziasnil-pravila-rassmotreniia-sporov-o-zashchite-personalnyh-dannyh.html> (дата обращения: 31.08.2025).
4. Госдума: законодательство не успевает за развитием ИТ – Rspectr [электронный ресурс]. URL: <https://rspectr.com/novosti/gosduma-zakonodatelstvo-ne-uspevaet-za-razvitiem-it> (дата обращения: 31.08.2025).
5. Доклад Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве 2.0» [электронный ресурс]. URL: https://sovet-nko.ru/files/2025/06/doklad-spch-po-pch-v-tsifre-2.0-2025-06-27_15-54-14_624644.pdf (дата обращения: 31.08.2025).
6. Как добиться максимальной компенсации в суде при защите персданных [электронный ресурс]. URL: <https://alrf.ru/news/kak-dobitsya-maksimalnoy-kompensatsii-v-sude-pri-zashchite-persdannnykh/> (дата обращения: 31.08.2025).
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Российская газета от 31 декабря 2001 г. № 256.
8. Кобзева А. Г., Никулина В. С., Силкина Н. Г. Таргетированная реклама в маркетинговой деятельности // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № 5 [электронный ресурс]. URL: <https://esj.today/PDF/63ECVN523.pdf> (дата обращения: 31.08.2025).
9. Сараева С.В. Трансграничная защита персональных данных // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 1. С. 78-94.
10. Сидорова А.В. Модификация общетеоретической концепции «правонарушение» (субъект и субъективная сторона) в «интернет» эпоху // Российская юстиция. 2019. № 1. С. 68-70.
11. Сидорова А.В., Галустова А.В. Сущность понятия «неприкосновенность частной жизни» // Российская наука: актуальные исследования и разработки: сб. науч. ст. I Всерос. заоч. науч.-практ. конф. Самара, 2016. С. 265-268.
12. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (последняя редакция) // Парламентская газета от 3 августа 2006 г. № 126-127.
13. Успевает ли законодательство за изменениями, которые несет цифровая трансформация? [электронный ресурс]. URL: <https://www.zskaluga.ru/deyatelnost/novosti/uspevaet-li-zakonodatelstvo-za-izmeneniyami-kotorye-nesyet-tsifrovaya-transformatsiya/> (дата обращения: 31.08.2025).
14. General data protection regulation (GDPR). EUR-Lex [электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/general-data-protection-regulation-gdpr.html> (дата обращения: 31.08.2025).
15. GitHub оказался главным виновником утечек секретных данных в 2023 году [электронный ресурс]. URL: <https://www.itsec.ru/news/github-okazalsia-epizentrom-utechek-sekretnih-dannih-v-2023-godu> (дата обращения: 31.08.2025).
16. SecurityLab.ru [электронный ресурс]. URL: <https://www.securitylab.ru/news/542669.php> (дата обращения: 31.08.2025).
17. Schultz K. Datenschutz im Digitalzeitalter. Berlin: Springer Verlag, 2022. 345 p.
18. The California Consumer Privacy Act [электронный ресурс]. URL: <https://theccpa.org/> (дата обращения: 31.08.2025).
19. Tyler A. California Privacy Law Handbook. N.Y.: Oxford University Press, 2023. 289 p.

References:

1. The US AI search advertising market will grow to \$26 billion by 2029 [online resource]. URL: <https://www.sostav.ru/publication/rost-investitsij-v-ii-reklamu-75700.html> (accessed: 31.08.2025).
2. Arkhipov V.V. The Legal Nature of a Digital Profile // Bulletin of Civil Law. 2023. No. 3. Pp. 112-125.
3. The Supreme Court of the Russian Federation has clarified the rules for considering disputes on the protection of personal data - Rossiyskaya Gazeta [online resource]. URL: <https://rg.ru/2020/11/09/vs-rf-raziasnil-pravila-rassmotreniia-sporov-o-zashchite-personalnyh-dannyh.html> (accessed: 31.08.2025).
4. State Duma: Legislation Does Not Keep Up with IT Development – Rspectr [online resource]. URL: <https://rspectr.com/novosti/gosduma-zakonodatelstvo-ne-uspevaet-za-razvitiem-it> (accessed: 31.08.2025).
5. Report of the Presidential Council for the Development of Civil Society and Human Rights «Digital Transformation and Protection of Citizens' Rights in the Digital Space 2.0» [online resource]. URL: https://sovet-nko.ru/files/2025/06/doklad-spch-po-pch-v-tsifre-2.0-2025-06-27_15-54-14_624644.pdf (accessed: 31.08.2025).
6. How to achieve maximum compensation in court when protecting personal data [online resource]. URL: <https://alrf.ru/news/kak-dobitsya-maksimalnoy-kompensatsii-v-sude-pri-zashchite-persdannnykh/> (accessed: 31.08.2025).
7. Code of Administrative Offenses of the Russian Federation dated 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 31.07.2025) // Rossiyskaya Gazeta dated December 31, 2001, No. 256.
8. Kobzeva A. G., Nikulina V. S., Silkina N. G. Targeted Advertising in Marketing Activities // Bulletin of Eurasian Science. 2023. Vol. 15. No. 5 [electronic resource]. URL: <https://esj.today/PDF/63ECVN523.pdf> (accessed: 31.08.2025).
9. Saraeva S.V. Cross-Border Protection of Personal Data // Pravo. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki. 2024. No. 1. Pp. 78-94.
10. Sidorova A.V. Modification of the General Theoretical Concept of "Offense" (Subject and Subjective Aspect) in the «internet» Era // Russian Justice. 2019. No. 1. Pp. 68-70.
11. Sidorova A.V., Galustova A.V. The Essence of the Concept of «Privacy» // Russian Science: Current Research and Developments: Collection of Scientific Articles of the I All-Russian Correspondence Scientific and Practical Conference. Samara, 2016. Pp. 265-268.
12. Federal Law «On Personal Data» dated July 27, 2006, No. 152-FZ (latest edition) // Parliamentary Newspaper dated August 3, 2006, No. 126-127.
13. Does the legislation keep up with the changes brought about by digital transformation? [online resource]. URL: <https://www.zskaluga.ru/deyatelnost/novosti/uspevaet-li-zakonodatelstvo-za-izmeneniyami-kotorye-nesyet-tsifrovaya-transformatsiya/> (accessed: 31.08.2025).
14. General data protection regulation (GDPR). EUR-Lex [online resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/general-data-protection-regulation-gdpr.html> (accessed: 31.08.2025).
15. GitHub was the main culprit of secret data leaks in 2023 [online resource]. URL: <https://www.itsec.ru/news/github-okazalsia-epizentrom-utechek-sekretnih-dannih-v-2023-godu> (accessed: 31.08.2025).
16. SecurityLab.ru [electronic resource]. URL: <https://www.securitylab.ru/news/542669.php> (accessed: 31.08.2025).
17. Schultz K. Datenschutz im Digitalzeitalter. Berlin: Springer Verlag, 2022. 345 p.
18. The California Consumer Privacy Act [electronic resource]. URL: <https://theccpa.org/> (accessed: 31.08.2025).
19. Tyler A. California Privacy Law Handbook. N.Y.: Oxford University Press, 2023. 289 p.

DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_564

УДК 341.1/8

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ СТАНДАРТЫ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ INTERNATIONAL ANTI-CORRUPTION STANDARDS: NEW CHALLENGES AND PROSPECTS FOR IMPLEMENTATION IN THE COUNTRIES OF THE EUROPEAN UNION AND IN THE RUSSIAN FEDERATION

СУФЯНОВА Елена Зарифовна,старший преподаватель кафедры публичного и частного права юридического факультета
Стерлитамакского филиала ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий».

453100, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, проспект Ленина, 49.

E-mail: SufyanovaElena@yandex.ru;

SUFYANOVA Elena Zarifovna,

senior lecturer of Chair of Public and Private Law of Faculty of Law of Sterlitamak branch

of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ufa University of Science and Technology».

49 Lenin Avenue, Sterlitamak, Republic of Bashkortostan, 453100, Russia.

E-mail: SufyanovaElena@yandex.ru

Краткая аннотация: Данная работа посвящена анализу использования международных правовых стандартов противодействия коррупции в Российской Федерации, обозначению проблем и перспектив реализации таких стандартов, направлений совершенствования антикоррупционного законодательства. Автором работы сделаны выводы, что противодействие коррупции, как деструктивному транснациональному явлению, должно носить комплексный характер на систематической основе, с имплементацией положительных практик реализации международных стандартов противодействия коррупции в российскую правовую систему, с гармонизацией и унификацией антикоррупционного законодательства международным сообществом.

Abstract: The analysis of the use of international legal standards for combating corruption in the Russian Federation, identifying problems and prospects for the implementation of such standards, and areas for improving anti-corruption legislation are devoted in this work. The author of the work concluded that the fight against corruption, as a destructive transnational phenomenon, should be comprehensive on a systematic basis, with the implementation of positive practices in implementing international anti-corruption standards in the Russian legal system, with the harmonization and unification of anti-corruption legislation by the international community.

Ключевые слова: Коррупция, противодействие коррупции, антикоррупционные международно-правовые стандарты, Российская Федерация, правовые механизмы противодействия коррупции, антикоррупционная политика, международное сообщество.

Keywords: Corruption, anti-corruption, anti-corruption international legal standards, the Russian Federation, legal mechanisms for combating corruption, anti-corruption policy, international community.

Для цитирования: Суфянова Е.З. Международные антикоррупционные стандарты: новые вызовы и перспективы реализации в странах Европейского Союза и в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 564-567. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_564.

For citation: Sufyanova E.Z. International anti-corruption standards: new challenges and prospects for implementation in the European Union and the Russian Federation // Agrarian and land law. 2025. No. 9. pp. 564-567. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_9_564.

Статья поступила в редакцию: 20.08.2025**Дата публикации: 03.10.2025**

Для современной России, как и для других стран мира, коррупция продолжает оставаться одной из ключевых общегосударственных проблем.

Как следует из выступления 24 апреля 2024 года Генерального прокурора Российской Федерации Краснова Игоря Викторовича с отчетным докладом за 2023 год в Совете Федерации Федерального Собрания РФ, значительные усилия, как и прежде, были направлены на противодействие коррупции. Их целью было обеспечение соблюдения чиновниками установленных запретов и ограничений, а для нарушителей – неотвратимости наказания. Почти 50 тысяч должностных лиц по актам прокурорского реагирования привлечены к дисциплинарной ответственности, более полутысячи – уволены в связи с утратой доверия. Всего за год судами удовлетворены антикоррупционные иски прокуроров на сумму свыше 400 млрд рублей [1].

Статистика прошлых лет также неутешительна: так, по данным МВД РФ за январь – декабрь 2022 года зарегистрировано 35340 дел коррупционной направленности: основную часть этих преступлений составляют эпизоды взяточничества – 19490, из них получение взятки – 5540 преступлений, дача взятки – 4716, посредничество во взяточничестве – 1881, мелкое взяточничество – 7353; дела, связанные с коммерческим подкупом – 1555. Только за первые 9 месяцев 2022 года в РФ был зафиксирован ущерб от коррупционных преступлений в размере 45,4 млрд рублей [2].

В условиях проведения специальной военной операции приоритетами в работе на 2024 год остаются пресечение фактов коррупции в сфере исполнения гособоронзаказа, обеспечение законности расходования бюджетных средств, выделенных на нужды обороны [1].

Как мы видим, предпринимаемые меры для противодействия коррупции зачастую оказываются недостаточно эффективными. Причиной этому служат как несовершенство самого законодательства страны, так и отсутствие гармонизированного унифицированного антикоррупционного законодательства на международном уровне.

Все указанные выше обстоятельства свидетельствуют об актуальности и значимости продолжения исследований в сфере противодействия коррупции, совершенствования антикоррупционных мер с использованием примеров положительных антикоррупционных практик реализации международных антикоррупционных стандартов зарубежными государствами. На сегодняшний день транснациональность коррупции требует от каждого государства и всего мирового сообщества принятия глобальных антикоррупционных мер и стандартов для нейтрализации угрозы, которую она представляет.

В представленной работе нами будет проведен анализ реализации международных антикоррупционных правовых стандартов в нашем государстве с целью обозначения актуальных проблем и направлений совершенствования антикоррупционных практик, стандартов в рамках национальных правовых систем государств и на глобальном уровне в свете сотрудничества стран и их объединений, международных организаций.

Научная и практическая значимость проведенного исследования выражена в выводах и рекомендациях, которые могут быть использованы международным, российским и научным сообществами в свете гармонизации и унификации антикоррупционного законодательства, при имплементации положительных практик реализации международных антикоррупционных правовых стандартов в национальные правовые системы других стран.

Актуальность предупреждения коррупции, борьбы с ней и значимость усиления международного сотрудничества в этой сфере отметила и Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций (далее – ООН) 2–4 июня 2021 г. на Специальной сессии в Нью – Йорке, по итогам которой была принята Политическая декларация по антикоррупционным обязательствам стран, ратифицировавших Конвенцию ООН против коррупции. В декларации отмечается центральная роль Конвенции ООН против коррупции как ключевого международного соглашения в области противодействия коррупции. Основным форматом международного взаимодействия в данной сфере должна стать Конференция стран-участниц указанной Конвенции [3].

Цели ООН в области устойчивого развития требуют от правительств сократить масштабы коррупции и взяточничества во всех их формах к 2030 году на внутригосударственном уровне, на уровне объединений государств в рамках международных организаций и на глобальном уровне. Полагаем, что эффективным инструментом для борьбы с трансграничными коррупционными правонарушениями должна стать Международная оперативная сеть правоохранительных органов по борьбе с коррупцией.

Важность международного сотрудничества по вопросам предотвращения коррупции и взаимной правовой помощи при привлечении к ответственности за коррупцию еще раз была подчеркнута Российской Федерацией в рамках повестки Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН при участии Бразилии, Индии, Китая, а также Управления ООН по наркотикам и преступности, Международной антикоррупционной академии, организаций гражданского общества.

Следует отметить, что в нашем государстве принимаются системные меры противодействия коррупции, но, очевидно, что эффективность таких мер зависит от рационального сочетания внутригосударственных и международных усилий, взаимного сотрудничества с другими государствами, международными организациями через систему международных стандартов борьбы с коррупцией.

Изначально при разработке антикоррупционных международных стандартов предполагалось, что они будут приняты в виде актов рекомендательного характера, таких как резолюции, программы, принципы, этические кодексы. Например, в Организации Объединенных Наций в основном разрабатывались акты «мягкого права». В последующем данные акты способствовали выработке юридически обязательных норм в содержании международных договоров, принимаемых региональными международными организациями [4, с.75].

Исследовав антикоррупционные международно-правовые стандарты, мы классифицировали их на: 1) имеющие различную юридическую силу – рекомендательные («мягкое право») или обязательные, 2) по уровням (универсальные или региональные); 3) затрагивающие различные аспекты противодействия коррупции (глобальные или отраслевые) и др. Основные антикоррупционные международно-правовые стандарты определены рядом конвенций, принятых Организацией Объединенных Наций, Советом Европы, Европейским Союзом, а также конвенциями, принятыми Организацией американских государств, Организацией экономического сотрудничества и развития, главами государств и правительствами Африканского союза и другие.

В преамбуле к Конвенции ООН против коррупции от 2003 года достаточно четко раскрыты коррупционные риски, представляющие системную угрозу мировому сообществу и безопасности человечества, особенно в рамках процессов глобализации [5]. Действительно, Конвенция ООН против коррупции носит универсальный характер. В ней сформулированы и закреплены на универсальном уровне международные антикоррупционные стандарты, имплементация которых должна быть продолжена в законодательстве государств.

Несмотря на заметный прогресс в единении международного сообщества в вопросах борьбы с коррупцией, это не нашло должного отражения в региональных антикоррупционных конвенциях. Например, в конвенциях Совета Европы, которые посвящены регулированию лишь отдельных вопросов борьбы с коррупцией, например, уголовной и гражданской ответственности за коррупцию и т.д.).

Остаются актуальными вопросы более четкого определения используемых в международных стандартах понятий, ведь их необходимо соотнести с дефинициями, используемыми в национальном законодательстве государств. В правоприменении возникают проблемы при использовании понятий: «конфликт интересов», «лицо, замещающее должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов», и др. Возникают вопросы и с оценкой деятельности такого антикоррупционного органа, как комиссия по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов в государственных органах и органах местного самоуправления и др.

Таким образом, можно сделать вывод, что характер антикоррупционных актов и стандартов, содержащихся в них, на сегодняшний день неоднороден и различается в универсальных и региональных международных организациях. Все указанные обстоятельства объективно усложняют процедуру имплементации международно-правовых стандартов в национальное законодательство государств.

Что касается Российской Федерации, то часть антикоррупционных конвенций уже ратифицированы Российской Федерацией и требуют продолжения процесса имплементации в национальное законодательство. Положения остальных конвенций следует учитывать как полезные рекомендации, которые направлены на улучшение эффективности нашего антикоррупционного законодательства. Реализация антикоррупционных международных стандартов в нашей стране производится с учетом федеративного устройства государства путем разработки и принятия федеральных, региональных нормативно-правовых актов и муниципальных нормативных правовых актов.

В соответствии с п. «т» ст. 71 Конституции РФ, антикоррупционная деятельность является предметом совместного ведения федеральных властей нашего государства и ее субъектов РФ [6]. Тем самым, Основной закон закрепляет, что регионы также вовлечены в борьбу с негативным явлением коррупции.

Однако следует отметить, что субъекты РФ скорее играют вспомогательную роль по борьбе с коррупцией, нежели основную. Несмотря на то, что российские регионы могут принимать различные законы, определяющие методы борьбы с коррупцией, федеральный законодатель жестко ограничивает законодательную инициативу в этом направлении. Например, субъекты России не могут принимать законы, определяющие коррупционные преступления и иные правонарушения, поскольку эту прерогативу федеральный законодатель оставил за собой. Определение региональными властями полномочий региональных служащих также жестко ограничено, что нашло отражение в Федеральном законе «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [7].

Тем самым, фактически антикоррупционная деятельность законодательно определяется органами федеральной власти. Поэтому в настоящее время остро стоит проблема разработки и принятия антикоррупционных нормативно-правовых актов органами субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления. При этом важно соблюдать единообразное применение антикоррупционных международных стандартов вне зависимости от региональных различий, а это не самая легкая задача, так как в региональном законодательстве до сих пор есть недостатки: нечеткость в определении мер, направлений и принципов противодействия коррупции, наличие дефиниций и категорий, несогласованных с федеральным законодательством; дублирование положений нормативных правовых актов федерального уровня в законодательстве субъектов Российской Федерации и др. [8].

Основная трудность в данном аспекте также заключается и в том, что не все разработанные и принятые нормативно-правовые акты регионов и муниципалитетов доходят до прокуратуры для их последующей оценки. На основании пункта 2.1 Приказа Генпрокуратуры России от 31.08.2023 № 583 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления», органы прокуратуры имеют право «организовать изучение нормативных правовых актов органов – государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в течение 30 дней со дня их принятия или внесения изменений в действующие нормативные правовые акты» [9].

Достаточно часто акты прокурорского реагирования остаются без внимания, исполняются несвоевременно, в результате чего в законную силу вступает нормативно-правовой акт, противоречащий законодательству. Для того чтобы признать его в дальнейшем противоречащим законодательству, прокурор вносит представление в соответствующий орган публичной власти, издавший данный акт, либо в вышестоящий орган, и только в последующем имеет право непосредственно обращаться в судебные инстанции. Проблема заключается и в том, что в настоящее время имеется большая загруженность судов, в результате чего судебное слушание может затянуться на несколько месяцев, а противоречащий федеральному законодательству акт будет действовать на протяжении всего судебного разбирательства.

Таким образом, необходимо на законодательном уровне закрепить обязанность своевременно и в полном объеме предоставить проект нормативно-правового акта, разработанного органами субъектов РФ или органами местного самоуправления, на проверку в органы прокуратуры для оценки их соответствия федеральному законодательству.

К тому же, необходимо помнить о вовлеченности России в международные организации на азиатско-тихоокеанском и евразийском пространстве, а также в БРИКС, Международной антикоррупционной академии, что требует согласования подходов и действий по изменению антикоррупционного законодательства и стандартов в рамках данных объединений.

Эти и другие подобные ситуации ставят вопрос о необходимости совершенствования антикоррупционного законодательства в России. Выдвигались предложения по разработке единого антикоррупционного кодекса, который включал бы федеральный и региональный уровни регулирования и исключал несогласованность антикоррупционных актов РФ и ее субъектов. Следует признать, что на данном этапе развития нашего государства кодификация антикоррупционного законодательства не своевременна, поскольку на международном уровне отсутствует элементарно единообразное понимание коррупции среди государств, и до конца не разработан общий категориально-понятийный аппарат по мерам, средствам противодействия коррупции в рамках международных организаций, участником которых является Российская Федерация [8].

В свете формирования глобального антикоррупционного порядка мы видим необходимым проведение работы по обеспечению стран научно-обоснованной концепцией антикоррупционной модернизации, общей международной стратегией противодействия коррупции, координации использования правового, институционального, организационного потенциалов международных организаций и различных государств, а также научных ресурсов по противодействию коррупции при внедрении унифицированных международным сообществом антикоррупционных международных правовых стандартов [10].

В свою очередь, антикоррупционное противодействие в России должно быть системным, комплексным, а реализация международных антикоррупционных стандартов должна производиться с учетом федеративной государственности нашей страны и ее участия в международных организациях, с функциональной дифференциацией антикоррупционных институтов и взаимной трансформацией правовых, политических и организационных механизмов антикоррупционной политики, тесным международным сотрудничеством стран с выстраиванием грамотной международной антикоррупционной стратегии, имплементацией положительных практик реализации международных антикоррупционных стандартов в наше правовое поле, с гармонизацией и унификацией антикоррупционного законодательства.

Список литературы:

1. Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов выступил с докладом в Совете Федерации // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=94616909> (дата обращения: 28.05.2024).
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2022 года // Официальный сайт МВД РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/> (дата обращения: 28.05.2024).
3. Политическая декларация «Наша общая приверженность эффективному решению проблем и осуществлению мер в сфере предупреждения коррупции, борьбы с ней и усиления международного сотрудничества»: принята 2 июня 2021 г. Резолюцией S-32/1 на 32-ой Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН // док. ГА ООН A/RES/S-32/1, 7 June 2021 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/S-32/1> (дата обращения: 28.05.2024).
4. Коррупция: природа, проявления, противодействие. Монография / отв. ред. академик РАН Т.Я. Хабриева. – М.: ИД «Юриспруденция», 2012. – 688 с.
5. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Конвенция ратифицирована Федеральным законом от 08.03.2006 N 40-ФЗ) // Собрание законодательства РФ, 26.06.2006. N 26. ст. 2780.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. 1993. № 135 (ред. от 04.10.2022 // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022 (дата обращения: 28.05.2024)).
7. Федеральный закон от 21.12.2021 N 414-ФЗ (ред. от 15.05.2024) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Российская газета. N 294. 27.12.2021.
8. Суфьянова Е.З., Ахметова А.Т. Реализация антикоррупционных международно-правовых стандартов в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2019. № 8 (176). С. 114–116.
9. Приказ Генпрокуратуры России от 31.08.2023 № 583 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления» // Законность, N 11, 2023
10. Суфьянова Е.З. Международные правовые стандарты противодействия коррупции: проблемы и перспективы реализации в Европейском Союзе и Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2023. №9 (225). С. 147–150.

References:

1. Prosecutor General of the Russian Federation Igor Krasnov delivered a report to the Federation Council // Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. [electronic resource]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=94616909> (date of access: 05/28/2024).
2. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January - December 2022 // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. [Electronic resource]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/> (date of access: 05/28/2024).
3. Political Declaration "Our common commitment to effectively solve problems and implement measures in the field of preventing, combating corruption and strengthening international cooperation": adopted on June 2, 2021. By resolution S-32/1 at the 32nd Special Session of the UN General Assembly // doc. UNGA A/RES/S-32/1, 7 June 2021 URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/S-32/1> (date of application: 05/28/2024).
4. Corruption: nature, manifestations, counteraction. Monograph / ed. Academician of the Russian Academy of Sciences T.Ya. Khabrieva, Moscow: Publishing House "Jurisprudence", 2012, 688 p.
5. The United Nations Convention against Corruption (adopted in New York on 31.10.2003 by Resolution 58/4 at the 51st plenary session of the 58th session of the UN General Assembly, the Convention was ratified by Federal Law No. 40-FZ of 08.03.2006) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 26.06.2006, No. 26, art. 2780.6
6. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. No. 135 (as amended on 04.10.2022 // Official Internet portal of legal information. [electronic resource]. URL: <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022 (accessed: 28.05.2024)).
7. Federal Law No. 414-FZ of 12/21/2021 (as amended on 05/15/2024) "On the General Principles of the Organization of Public Authority in the Subjects of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. N 294. 12/27/2021.
8. Sufyanova E.Z., Akhmetova A.T. Implementation of anti-corruption international legal standards in the Russian Federation // Law and the state: theory and practice. 2019. No. 8 (176). pp. 114-116.
9. Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated 08/31/2023 No. 583 "On the organization of prosecutorial supervision of the legality of Regulatory legal acts of State authorities of the subjects of the Russian Federation and local governments" // Legality, No. 11, 2023
10. Sufyanova E.Z. International legal standards for combating corruption: problems and prospects of implementation in the European Union and the Russian Federation // Agrarian and Land law. 2023. No. 9 (225). pp. 147-150.

Требования к оформлению научных статей, материалов, направленных в редакцию журнала «Аграрное и земельное право»

Статья должна содержать название; фамилию, полные имя и отчество автора, его учёную степень, учёное звание, место работы, должность, место учёбы, контактную информацию, почтовый адрес. Все должно быть с переводом на английский язык. **Обязательно указываете шифр научной специальности.**

Все материалы должны предоставляться в редакцию в электронном виде: через 1,5 компьютерных интервала, 14 шрифтом (*Times New Roman*), ссылки в квадратных скобках, например, [1], либо [1, с. 56], в формате *Microsoft Word* по электронной почте **prigos@mail.ru**.

Объём материала не должен превышать 25000 знаков (с пробелами), страницы должны быть обязательно пронумерованы.

При оформлении ссылок на материалы, полученные из Интернета, обязательно указывать полный адрес материала в Интернете и дату рецепции материала.

Все аббревиатуры и сокращения, кроме общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте. Используемые в тексте нормативные правовые акты должны обязательно содержать дату, номер принятия и полное официальное наименование, а также источник публикации. Обязательно указание источника, номера страниц приводимых цитат, фактических и цифровых данных.

Текст статьи (цитаты, цифры, сноски) должен быть вычитан, сверен и подписан автором.

В конце статьи приводится список литературы, использованный при её написании. Каждый источник должен содержать страницы, на которые Вы ссылаетесь, либо указываете общее количество страниц в источнике.

Журнал принимает к публикации материалы, уровень которых соответствует предъявляемым требованиям.

Статьи авторов, не сообщивших контактную информацию, редакция журнала не принимает к рассмотрению.

Статьи, представленные на рассмотрение, должны иметь:

1. Индекс УДК, соответствующий теме статьи (ставится сверху слева);
2. Шифр научной специальности;
3. Краткую аннотацию и ключевые слова или словосочетания на русском и английском языках;
4. В статье необходимо сформулировать рассмотренную проблему, отразить объект исследования, новизну результатов исследования и область их применения. Статья должна заканчиваться выводом;
5. Список литературы должен быть на русском и английском языках.

**Справки по вопросам публикации статей и других материалов по электронной почте
prigos@mail.ru**

Порядок рецензирования рукописей:

1. Статья, предоставляемая в научный журнал, должна соответствовать профилю журнала.
2. Рукописи рассматриваются редакционным советом, оставляющим за собой право сокращения и исправления присланных статей. Решение о публикации принимается на основании экспертных оценок внешних рецензентов, редакционной коллегии с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.
3. Статья, принятая к публикации, но нуждающаяся в доработке, направляется авторам с замечаниями рецензента и редактора. Авторы должны внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом. После доработки статья повторно рецензируется, и редакция принимает решение о возможности публикации. Статьи, отосланные авторам для исправления, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через 1 (одну) неделю после получения. Возвращение статьи в более поздние сроки меняет дату ее опубликования.
4. По результатам рецензирования статья может быть либо отклонена, либо отослана автору на доработку, либо принята к публикации. О результатах автор уведомляется письменно.
5. Редакционный совет предоставляет рецензии на рукопись по требованию автора и по запросам экспертных советов Высшей аттестационной комиссии. **Рецензии хранятся в Издательстве и в редакции 5 лет.**
6. Редакционный совет журнала не хранит рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Рукописи, получившие отрицательный результат от рецензента, не публикуются и не возвращаются обратно автору.
7. Редакторы не сообщают информацию, касающуюся рукописи (включая сведения о ее получении, содержании, процессе рецензирования, критических замечаниях рецензентов и окончательном решении), никому, кроме самих авторов и рецензентов.
8. Если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.